ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Умирающая Земля [Умирающая земля. Глаза другого мира. Сага о Кугеле. Риалто Великолепный]

Джек Вэнс

Аннотация
Джек Вэнс. Умирающая земля
Умирающая земля. (Перевод П. Копыловой)
  Туржан Миирский
  Волшебник Мазириан
  Саис
  Лайан-Странник
  Юлан Дор
  Гвил из Сфиры
Глаза другого мира. (Перевод К. Фенлар)
  1. Верхний мир
  2. Сил
  3. Горы Магнатца
  4. Волшебник Фарезм
  5. Пилигримы в гостинице
    Плот на реке
    Эрза Дамат
    Серебряная пустыня и сонганское море
  6. Пещера в лесу
  7. Дом Юкоуну

Сага о Кугеле. (Перевод И. Тетериной)
Часть I. От Шенгльстоун-Стрэнд в Саскервой
Глава первая Флютик
Глава вторая. Постоялый двор «У голубых ламп»
Часть II. От Саскервоя до Туствольда (Грязевые равнины)
Глава первая. На борту «Галанте»
Глава вторая. Лаусикаа
Глава третья. Океан вздохов
Часть III Из Туствольда в Порт-Пергуш
Глава первая. Колонны
Глава вторая. Фонсельм
Часть IV. Из Порт-Пергуша в Каспар-Витатус
Глава первая. На пристани
Глава вторая. Караван
Часть V Из Каспара-Витатуса в Кёрниф
Глава первая. Семнадцать девственниц
Глава вторая. Мешок снов
Часть VI. Из Кернифа в Перголо
Глава первая. Четверо чародеев
Глава вторая. «Фейерверк»
Риалто Великолепный. (Перевод Е. Чириковой)
Часть первая. Насылающая наваждения
Глава первая
Глава вторая

Часть вторая. Священная реликвия
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Часть третья. Морреон
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая

Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая

Аннотация

Джек Вэнс (родился в 1916 г.) — один из ярких представителей американской фантастики XX в., лауреат премий «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези за «общий вклад в развитие жанра».

Талант Джека Вэнса удивительно многогранен, ибо перу его в равной степени подвластны фантастика «классическая», фантастика «приключенческая», фэнтези во всех возможных ее проявлениях — и самые невероятные, но всегда удачные гибриды вышеперечисленных жанров.

Перед вами — САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ СЕРИАЛ Джека Вэнса.

Своеобразная «квинтэссенция» его творческих «стиля и почерка». Потрясающая воображение, увлекательная сага «Умирающая Земля».

Сага о декадентском закате цивилизации, увиденной взглядом настолько посторонним, что наука, на взгляд этот, кажется — магией. Сага о планете, которой осталось жить всего-то несколько десятилетий. Сага о тех, кто

тоскует о грядущей гибели Земли, и о тех, кто гибели этой — ждет.

Перед вами — сериал, повлиявший на творчество самых блестящих писателей мировой фантастики, в том числе — на «Гиперион» Дэна Симмонса.

Хотите знать — ПОЧЕМУ?

Прочитайте — и узнайте сами!

ДЖЕК

ВЭНС

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

Джек Вэнс
Умирающая земля

Умирающая земля
(Перевод П. Копыловой)

Туржан Миирский

Вытянув ноги, опираясь спиной и локтями о верстак, Туржан сидел посреди своей мастерской. Перед ним стояла клетка; с досадой и недоумением Туржан смотрел сквозь прутья. Обитатель клетки отвечал ему взглядом, не доступным для понимания.

Всем своим видом создание взывало к жалости — головастый заморыш со слезящимися глазенками и отвислым дряблым носом. Слюнявый рот вяло кривился, розоватая кожа поблескивала, как вощеная бумага. Но, несмотря на всю свою неприглядность, это было наиболее удачное порождение Туржановых чанов.

Туржан встал, отыскал чашечку с кашкой, длинной ложкой поднес пищу ко рту своего творения. Но тварь не соизволила раскрыть рот, и кашка потекла по ее безволосой рахитичной груди.

Туржан отставил чашку, медленно отошел от клетки и уселся на прежнее место. Тварь уже целую неделю не жрет. Неужели это безмозглое отродье все понимает? И действительно хочет умереть?

И тут он увидел, как бело-голубые глаза затянуло веками, а огромная голова поникла и стукнулась об пол клетки. Тварь умерла.

Туржан вздохнул и вышел из мастерской. По винтовой каменной лестнице он выбрался на крышу своего замка Миир, стоящего высоко над рекой Дерной. Солнце уже садилось. Его рубиновые лучи, тяжелые и густые, как вино, подкрашивали узловатые стволы древних деревьев и косо ложились на темный дерн.

Лес уже тонул в мягкой теплой тьме, а Туржан все не уходил, размышляя о смерти своего последнего создания.

Он вспомнил, кто у него получался раньше: существо, сплошь состоящее, из глаз; бескостная пакость с пульсирующими извилинами обнаженного мозга; прекрасное женское тело, внутренности которого тянулись в питательный раствор, как щупальца спрута; еще какая-то мерзость, вывернутая наизнанку… Маг мрачно вздохнул. Что бы он ни делал, все впустую: для полноценного акта творения не хватает главного — формулы, собирающей все составляющие воедино в нужных пропорциях.

Сидя без дела и мрачно глядя на меркнущую землю, он вспомнил одну давнюю ночь, когда

рядом был Сейдж.

— В былые времена, — говорил Сейдж, уставившись на низкую звезду, — колдунам были ведомы тысячи заклинаний, посредством которых они воплощали свою волю… А теперь Земля умирает, и людям осталась едва лишь сотня заклинаний, да и те мы вычитали из книг… Говорят, где-то обитает некий Панделум… И вот он помнит все заклинания, все чары, все магические формулы, все руны… Все, посредством чего лепили и ваяли этот мир… — И он умолк, погрузившись в свои мысли.

— А где он обитает, этот Панделум? — немного погодя спросил Туржан.

— Колдун живет в Эмбелионе, — ответил Сейдж, — но никто не знает, где искать этот край.

— Как же тогда найти Панделума?

Сейдж еле заметно улыбнулся.

— Есть особое заклинание… На случай крайней нужды.

Оба помолчали. Затем Сейдж снова заговорил, не отводя глаз от леса:

— Панделуму можно задать любой вопрос — и он ответит. Только нужно непременно отплатить ему услугой за услугу. Но о пустяшных услугах

этот колдун не просит.

И Сейдж показал Туржану заклинание, которое нашел в связке древних бумаг до сих пор и хранил в тайне от всего мира.

Вспомнив эту беседу, Туржан спустился в свой кабинет — длинный сводчатый зал, застланный толстым красновато-коричневым ковром. Фолианты, хранители Туржанова колдовства, лежали на длинном столе из черной стали и в беспорядке теснились на полках. Здесь были тома, собранные многими колдунами прошлого, растрепанные книги, оставшиеся от Сейджа… Кожаные переплеты вмещали сотни мощных заклинаний, по большей части таких сложных, что Туржан мог одновременно держать в памяти не более четырех.

Он отыскал пыльную подшивку и нашел в ней указанное Сейджем заклинание — Призыв Неистового Облака. Туржан смотрел на буквы: в них жила могучая сила, она рвалась со страниц, стремясь покинуть уединенную темноту книги.

Туржан захлопнул подшивку, вернув заклинание забвению. Он набросил короткий синий плащ, опоясался мечом и надел на запястье амулет с рунами Лаккоделя. Потом выбрал заклинания, необходимые в дороге. Он не знал,

какие опасности могут его подстерегать, поэтому остановил свой выбор на Превосходном Призматическом Разбрызгивателе, Воровском Плаще Фандаала и Заговоре Медленного Часа — трех заклинаниях, которые защищали от большинства напастей.

Он взобрался на стену своего замка и постоял под высокими звездами, вдыхая воздух древней Земли… Сколько поколений вдыхали его прежде? Какие стоны боли пронизывали этот воздух? Какие признания, смех, боевые кличи, вздохи колебали и сотрясали его?

Ночь была на излете… В лесу блуждал голубой огонек. Несколько мгновений Туржан следил за ним, потом распрямился и произнес Призыв Неистового Облака.

Тишина; затем шелест воздушного движения, переросший в рев ураганных ветров. Пустота сгустилась в белое облако на столбе кипящего черного дыма. Из этого смерча исторгся глубочайший бас:

— Средство в твоей беспокойной власти; куда ты хочешь отправиться?

— Четыре пути, затем — единый, — сказал Туржан. — Живым и невредимым я должен быть доставлен в Эмбелион.

Облако подхватило его и, крутя, понесло, вверх и вдаль — как будто во все четыре стороны сразу. Наконец сильный удар выбросил Туржана из облака в далеком Эмбелионе. Он встал, покачиваясь, слегка оглушенный полетом. Постепенно колдун пришел в себя и огляделся.

Перед ним было прозрачное озерцо. Берег зарос синими цветами, а позади в отдалении виднелась роща сине-зеленых деревьев — их листва шелестела высоко в тумане. Земля ли это? Да, деревья походили на земные, цветы тоже имели привычный облик, таким же был воздух… Но чего-то определенно не хватало… Возможно, потому что отсутствовал горизонт — даль была размыта воздухом, изменчивым и блестящим, как вода. Самым необычным, однако, казалось покрытое рябью небо — тысячи цветных лучей преломлялись в нем, сверкая радужной сетью. Пока Туржан озирался, небесная высь вспыхивала винным золотом, блеском топаза, наполнялась фиолетовым сиянием и чистейшей зеленью изумруда. Теперь стало видно, что цветы и деревья меняют цвет вслед за небом. Огненно-розовый отлив лепестков и пурпур листвы поблекли до цвета красной меди, а тот сгустился в малиновый и темно-бордовый, посветлел до алого — и сме-

нился цветом морской волны.

— И вот я Там, Неизвестно Где, — сказал самому себе Туржан. — Знать бы, что это за мир: тот, что был до нашего, или тот, что появится после? — Он обвел взглядом горизонт — как будто окутанный занавесом, уходящим высоко во тьму…

Послышался топот копыт; Туржан обернулся: мимо озерка летел огромный вороной конь. Он нес всадницу. Ее распущенные волосы были черны, как грива скакуна под ней. Белые, до колен, шальвары и желтый плащ бились в потоках ветра. Одной рукой она сжимала поводья, в другой был меч.

Туржан предусмотрительно попятился: рот всадницы был криво стиснут, как от ярости, глаза горели. Она осадила коня, подняв его на дыбы, — и ее клинок просвистел у Туржана над теменем.

Туржан рванул из ножен собственный меч. Он отбил выпад и даже оцарапал ей руку — при виде крови она отпрянула, а потом, не опуская меча, схватилась за лук. Туржан в прыжке увернулся от удара, ухватил задиру за талию и стащил с седла.

Сопротивление было яростным, и Туржан боролся с ней не самым благородным образом. Наконец он заломил ей руки за спину и прошипел, переводя дыхание:

— Тише, злюка, утихомирься или я потеряю терпение и побью тебя как следует.

— Делай, что хочешь, — выдохнула женщина. — Жизнь и смерть — родные сестры.

— Почему ты на меня напала? — спросил Туржан. — Я никак тебя не задел.

— Ты — зло, как и все в этом мире! — от гнева у нее перехватило дыхание. — Будь моя воля, я растерла бы этот мир в кровавую кашу, я бы всю вселенную утопила во тьме!

От удивления Туржан ослабил хватку, и пленница чуть не вырвалась. Но он схватил ее снова.

— Скажи, как найти Панделума?

Девушка перестала вырываться и с вызовом взглянула на Туржана.

— Обыщи Эмбелион. А от меня помощи не жди!

«Была бы она хоть самую малость поприветливей, — подумал Туржан, — ведь красавица, каких мало…»

— Или ты скажешь мне, как найти Панделума, — повторил Туржан, — или я найду тебе другое применение…

Женщина молчала. В глазах ее горело безумие. Потом дрогнувшим голосом она ответила:

— Панделум живет у ручья в нескольких шагах

отсюда.

Туржан отпустил ее, предусмотрительно разоружив.

— Если я верну тебе оружие — ты пойдешь своей дорогой с миром?

Она некоторое время смотрела на него, потом, не сказав ни слова, села в седло и скрылась среди деревьев.

Туржан с минуту следил, как силуэт всадницы расплывается в разноцветных столбах света, потом зашагал в указанном направлении и вскоре оказался в саду перед длинным строением из камня.

— Войди! — послышался голос. — Войди, Туржан Миирский!

Переступив порог, удивленный Туржан оказался в увешанном коврами покое. Кроме маленького дивана, мебели здесь не было. Никто не вышел навстречу. В стене напротив виднелась еще одна дверь, и Туржан шагнул к ней.

— Остановись, Туржан, — вновь послышался голос. — Никто не может лицезреть Панделума. Таков закон.

Стоя посреди комнаты, Туржан обратился к незримому хозяину.

— Вот что привело меня к тебе, Панделум, —

сказал он. — Уже давно я пытаюсь создать в своих чанах человека. Но каждый раз терплю неудачу. Я не знаю, как слить все составляющие в единое целое. Тебе должна быть известна эта главная формула, и я пришел к тебе за советом и помощью.

— Охотно помогу тебе в этом, — ответил Панделум. — Однако всякое действие должно быть уравновешено, ибо равновесие есть основа Вселенной, и всякому сущему в ней соответствует своя противоположность. И этот закон должно соблюдать даже в самом простом деле. Я согласен помочь тебе, но и ты, в свою очередь, должен оказать мне равноценную услугу. Если ты исполнишь одно мое поручение, я расскажу тебе, как сотворить полноценного человека.

— И что я должен сделать?

— На землях Асколэса, неподалеку от твоего замка Миир, живет человек. На шее он носит амулет из резного голубого камня. Его ты должен раздобыть и принести мне.

Туржан ненадолго задумался.

— Хорошо. Сделаю, что смогу. Кто этот человек?

— Принц Кандайв Золотой, — голос Панделума оказался неожиданно мягким, словно он хотел

скрасить неприятную весть.

— Э-э, — уныло протянул Туржан. — Нелегкое же поручение ты для меня припас. Но я все же постараюсь его исполнить…

— Да будет так, — принял обещание Панделум. — Теперь послушай меня внимательно: Кандайв носит амулет под сорочкой. Едва появляется враг, принц вынимает его и держит на виду — это могучее оружие. Ни в коем случае не смотри на него, ни до, ни после того, как возьмешь, иначе последствия будут для тебя самыми печальными.

— Понял, — сказал Туржан. — А теперь я хотел бы задать вопрос — конечно, если в качестве платы за ответ мне не придется возвращать на небо Луну или выпаривать из океана случайно пролитый туда эликсир.

Панделум громко рассмеялся.

— Спрашивай, я отвечу.

— Когда я искал твое жилище, какая-то разъяренная женщина попыталась меня убить. Погибать мне не хотелось, поэтому она в гневе ускакала. Кто эта женщина и почему она так поступила?

На этот раз в голосе хозяина звучало удовольствие.

— У меня тоже есть чаны, — признался он, — и я порой создаю различных существ. Эта девушка, — Саис — одно из моих созданий. Правда, я в ходе творения отвлекся и допустил ошибку. Она вышла из чана со странным извращением в мозгу: все, что мы считаем прекрасным, кажется ей отвратительным и уродливым, а вида того, что уродливо и для нас, она вовсе не может вынести — ни ты, ни я даже представить себе не сможем подобного отвращения. Словом, для нее мир ужасен, а люди злобны и гнусны.

— Так вот оно что… — пробормотал Туржан. — Бедняга!

— А теперь, — сказал Панделум, — ты должен отправляться в Кайн; предзнаменования благоприятны… Открой эту дверь, войди и встань на руны, начертанные на полу.

Туржан исполнил указанное. Комната оказалась круглой, с высоким куполообразным потолком. Сквозь пробитые в нем окна сияло многоцветие эмбелионских небес. Когда он встал на очертания рун, раздался приказ Панделума:

— Теперь закрой глаза, потому что я должен войти и коснуться тебя. Закрой крепко, не пытайся подглядывать!

Туржан повиновался. Вскоре за спиной послы-

шались шаги.

— Протяни руку, — велел Панделум. Туржан протянул и ощутил в ладони какой-то твердый предмет. — Когда завладеешь амулетом, нажми на этот кристалл, и ты сразу вернешься ко мне. — Холодная рука легла на его плечо.

— Через миг ты уснешь, — сказал Панделум. — И проснешься в стенах Кайна.

Рука исчезла. Вокруг Туржана все потускнело. Он ждал. Воздух вдруг наполнился лязгом, звоном мириада маленьких колокольчиков, музыкой, множеством голосов. Туржан нахмурился, сжав губы: странная суматоха для уединенного дома Панделума…

Рядом раздался женский голос:

— Гляди, Сантанил, человек-сова: мы веселимся, а он жмурится!

Мужчина рассмеялся, но быстро подавил смех:

— Пошли отсюда. Этот парень, похоже, не в себе. Идем.

Туржан осторожно открыл глаза. Ночь. Белые стены Кайна.

Празднество. Оранжевые фонари плыли в воздухе по воле ветра.

С балконов свисали цветочные гирлянды и клетки со светлячками. Улицы были полны

хмельными людьми в пестрых одеяниях самого прихотливого кроя. Мелантинский моряк… Воин Валдаранского Зеленого легиона… Какой-то чудак в старинном шлеме. На маленькой площади украшенная цветами куртизанка с Каучикского побережья танцевала под звуки флейты танец Четырнадцати Шагов Нежности. В тени балкона юная варварка из Восточного Альмери обнимала черного, как лесной дух, человека в кожаной куртке с перевязью. Люди умирающей Земли лихорадочно веселились в преддверии бесконечной ночи, которая наступит, как только прощально вспыхнет и почернеет дряхлое красное солнце.

Туржан смешался с толпой. В таверне он подкрепился печеньем и вином, потом направился во дворец Кандайва Золотого.

Все окна и балконы дворца были освещены — лорды города тоже пировали и праздновали. «Если принц залил глаза вином, — подумал Туржан, — это облегчит мне задачу. Вот только меня могут узнать: в Кайне многие меня знают…» Поэтому он соткал заклинанием Воровскую Мантию Фандаала и исчез с глаз людей.

Через аркаду он проскользнул в большой зал. Лорды Кайна веселились так же безудержно, как и толпы на улицах. Он топтал радугу из шелков,

бархата, атласа, с любопытством озираясь по сторонам. Толпа гостей глазела с высокой террасы, как в бассейне плещется пара ручных деодандов — их шкуры блестели, как намасленный агат. Другие гости метали дротики в распятое на стене тело молодой ведьмы с Кобальтовых гор. В альковах увитые цветами девушки дарили любовь сопящим старикам, и повсюду простерлись вялые тела одурманенных сонным порошком. Но принца Кандайва нигде не было. Туржан обыскивал покой за покоем, пока, наконец, в последнем не натолкнулся на принца: тот возлежал с зеленоглазой девушкой-ребенком, чье лицо скрывала маска, а волосы были окрашены в цвет весенней листвы.

Интуиция или магия предостерегли Кандайва; когда Туржан скользнул в комнату сквозь пурпурный занавес, принц вскочил на ноги.

— Уходи! — приказал он девушке. — Вон из комнаты! Где-то поблизости опасность, и я должен применить магию!

Девушка торопливо выбежала. Кандайв выдернул из-за ворота амулет.

Но Туржан заслонил глаза ладонью.

Хозяин дворца произнес мощное заклинание: под его действием любая магия в пределах покоя

утрачивала силу. Туржан стал видимым.

— Туржан Миирский воровски пробрался в мой дом! — с недоброй усмешкой сказал Кандайв.

— На моих губах твоя гибель, — отозвался Туржан. — Повернись ко мне спиной, Кандайв, или я произнесу заклятие и нанижу тебя на меч!

Кандайв сделал вид, что повинуется, но неожиданно выкрикнул магическую формулу, и его окружила Всемогущая Сфера.

— Сейчас я призову стражей, Туржан, — презрительно захохотал он, — и тебя скормят деодандам.

Кандайв не знал, что лента на запястье Туржана исписана могучими рунами, уничтожающими всякое колдовство. Заслонясь от амулета рукой, Туржан шагнул сквозь Сферу. От неожиданности принц прикусил язык.

— Зови стражей, — спокойно сказал ему Туржан. — Она найдет здесь продырявленное тело.

— Твое тело, Туржан! — воскликнул Кандайв, и выговорил новое заклинание. Со всех сторон в Туржана ударили огненные струи Превосходного Призматического Разбрызгивателя. Кандайв с волчьей усмешкой следил за этим жгучим ливнем, но усмешка быстро сменилась гримасой ужаса. На расстоянии дюйма от кожи Туржана

стрелы огня превращались в тысячи дымных облачков.

— Повернись спиной, Кандайв, — приказал Туржан. — Твое волшебство бессильно против рун Лаккоделя.

Кандайв потянулся к скрытой в стене пружине…

— Ни с места! — приказал Туржан. — Еще один шаг, и мой Разбрызгиватель разорвет тебя на тысячу кусков!

Кандайв замер в бессильном гневе, и Туржан сорвал с шеи принца амулет. Амулет, казалось, шевельнулся в его кулаке, сквозь пальцы просвечивало что-то голубое.

Мозг Туржана на миг затуманился, он уловил множество жадных голосов… Потом зрение прояснилось, и он попятился от принца, засовывая амулет в сумку.

— Могу я теперь обернуться? — поинтересовался Кандайв.

— Когда хочешь, — ответил Туржан, застегивая сумку… Он на долю секунды отвлекся, и Кандайв, метнувшись к стене, накрыл ладонью пружину.

— Туржан, ты проиграл. Прежде чем ты издашь хотя бы звук, я открою люк в полу и ты провалишься в глубокий колодец. Спасут ли тебя тогда

твои заклинания?

Туржан застыл, не отводя глаз от красно-золотого лица Кандайва. Потом глуповато потупился.

— Ах, Кандайв, — залепетал он, — ты и впрямь перехитрил меня. Если я верну амулет, ты меня отпустишь?

— Брось амулет к моим ногам, — самодовольно приказал Кандайв. — И сними с запястья руны Лаккоделя. Тогда я подумаю, прощать тебя или нет.

— Снять руны? — Туржан подпустил в голос слезу.

— Руны или жизнь!

Туржан сунул руку в сумку, нащупал кристалл Панделума, выхватил его и поднес к рукояти своего меча.

— Нет, Кандайв. Я понял твою хитрость. Ты хочешь взять меня на испуг. Так я тебе и поддался!

Кандайв пожал плечами.

— Тогда умри, — и вдавил пружину. Пол разъехался, и Туржан исчез в пропасти. Но когда Кандайв сбежал вниз, он не нашел тела противника, и остаток ночи провел в дурном расположении духа, мрачно размышляя над стаканом вина.

…Туржан вновь оказался в круглой комнате Панделума. На его плечи сквозь высокие окна

падали многоцветные лучи — сапфирово-синий, желтый, кроваво-красный. В доме было тихо. Туржан сошел с изображения руны, беспокойно посматривая на дверь: как бы не вошел хозяин.

— Панделум! — позвал он. — Я вернулся!

Ответа не последовало. В доме царила глубокая тишина. Туржан хотел бы оказаться на воздухе, где не так сильно пахнет колдовством. Он посмотрел на двери: одна точно вела к выходу, другая — неизвестно куда. Кажется, к выходу должна вести дверь справа. Он положил руку на затвор, но остановился. А если он столкнется с Панделумом? Не лучше ли подождать?

Тут ему пришло в голову, что можно открыть дверь, встав к ней спиной.

— Панделум! — позвал он.

Сзади послышался негромкий прерывистый звук, как будто затрудненное дыхание. Неожиданно испугавшись, Туржан вернулся в круглую комнату и закрыл дверь.

Он решил набраться терпения и уселся на пол.

— Туржан, ты здесь? — окликнули из-за двери.

Туржан вскочил.

— Да, я принес амулет.

— Быстро, — задыхаясь, приказал голос, — зажмурься, надень амулет и войди.

Нетерпение, прозвучавшее в голосе, заставило Туржана лихорадочно действовать: повесив на себя амулет, он закрыл глаза и на ощупь толкнул дверные створки.

Миг удушливой тишины. Затем вопль дикой злобы. Могучие крылья ударили по воздуху, послышался свист и скрежет металла, яростный рев, волна холодного воздуха ударила Туржана в лицо. Снова свист. И тишина.

— Благодарю тебя, — послышался спокойный голос Панделума. — Мне нечасто приходилось испытывать такое напряжение. Без твоей помощи мне не удалось бы прогнать это адское создание.

Рука сняла амулет с шеи Туржана. Через несколько секунд отдаленный голос Панделума сказал:

— Можешь открыть глаза.

Туржан находился в магической лаборатории Панделума. Среди прочей снасти там стояли и чаны, такие же, как у него.

— Не стану благодарить тебя, — сказал Панделум. — Но чтобы сохранить равновесие, тоже услужу тебе. Я не только научу тебя правильно работать с чанами, но и покажу многое другое.

Так Туржан стал учеником Панделума. Весь день и большую часть многоцветной эмбелион-

ской ночи он трудился под невидимым руководством Панделума. Он познал тайну возвращения молодости, множество древних заговоров и странное отвлеченное учение, которое Панделум называл математикой.

— Формулы этой дисциплины, — говорил Панделум, — заключают в себе всю Вселенную. Сами по себе они не являются колдовством, но ими можно описать любую фазу бытия, все тайны времени и пространства. Основа твоих заговоров и рун — великая мозаика магии. Мы не можем осознать строение этой мозаики; наши знания — искажены, отрывочны и случайны. Великий маг Фандаал глубже других проник в это строение, и потому смог составить множество заклинаний, которые носят теперь его имя. Я много веков прилагал усилия к тому, чтобы постигнуть сокровенное, но пока мне это не удалось. Тот, кто в этом преуспеет, овладеет и всей магией. Он станет магом, могущество которого непредставимо.

Туржан продолжал свои занятия и постиг много простейших уравнений.

— Я нахожу в них удивительную красоту, — сказал он Панделуму. — Математика не наука, это искусство! Уравнения распадаются на элементы, расположенные в точной симметрии,

многосложной, но всегда кристально ясной.

Но большую часть времени Туржан проводил у чанов и под руководством Панделума достиг мастерства, к которому стремился. Для забавы он создал необычного вида девушку, которую назвал Флориэль. В его память запали кудри той девочки, которую он видел ночью у Кандайва, и он дал своему созданию светло-зеленые волосы. Кожа у нее была цвета топленого молока, а глаза большие и зеленые. Туржан ощутил прилив радости, когда она, влажная и совершенная, поднялась из чана. Она быстро обучалась и скоро уже умела разговаривать с Туржаном. Она была склонна к задумчивости и мечтательности, ни о чем не заботилась, только бродила по лугам или молча сидела у реки. Флориэль была милым существом, и ее мягкие манеры развлекали ее создателя.

Но однажды из леса выехала Саис со стальными глазами, срубая мечом головки цветов. Ей на глаза попалось невинное создание Туржана, и с криком: «Зеленоглазая женщина, твой вид ужасен, умри!» — безумная зарубила Флориэль, словно цветок на обочине.

Туржан, услышав топот копыт, выскочил из мастерской и стал свидетелем убийства. Он побледнел от бешенства, и заклинание мучитель-

ной пытки чуть было не вырвалось из его груди. Наткнувшись на него взглядом, Саис громогласно прокляла его. По гримасе девушки понял, как она несчастна, и как сильна в ней воля к жизни, не смотря ни на что. Бешенство и сострадание боролось в его груди. В итоге он позволил Саис уехать. Он похоронил Флориэль на речном берегу и постарался забыться в трудах.

Через несколько дней он поднял голову от стола.

— Панделум, здесь ли ты?

— Что тебе нужно, Туржан?

— Ты упоминал, что когда создавал Саис, ошибка извратила ее мозг. Я хочу создать подобную, но Со здоровым разумом и духом.

— Как тебе угодно, — безучастно ответил Панделум и сообщил Туржану данные, необходимые для осуществления опыта.

И Туржан создал сестру Саис. День за днем он следил, как возникает по его воле то же стройное тело, те же гордые черты.

Когда по прошествии необходимого времени в чане села девушка с глазами, горящими радостью жизни, у Туржана перехватило дыхание, он помог ей выйти.

Она стояла перед ним, влажная и нагая, двой-

ник Саис. Но если черты Саис были искажены ненавистью, то это лицо излучало мир и покой; если глаза Саис горели злобой, эти сияли, как звезды воображения.

Туржан стоял, дивясь совершенству своего создания.

— Твое имя будет Саин, — сказал он, — и я уже знаю, что ты станешь частью моей жизни.

Он отказался от всего, чтобы учить Саин, и она училась с поразительной быстротой.

— Скоро мы вернемся на Землю, — говорил он ей, — в мой дом у большой реки в зеленой стране Асколэс.

— А небо Земли тоже полно цветами? — спрашивала она.

— Нет, — отвечал он. — Небо Земли бездонно-голубое, и по нему ходит древнее красное солнце. Когда наступает ночь, загораются звезды; я научу тебя читать их рисунок. Эмбелион прекрасен, но Земля гораздо обширней, и ее дали простираются далеко в Неизведанное. Как только захочет Панделум, мы вернемся на Землю.

Саин любила плавать в реке, и Туржан иногда приходил с ней плескаться или пускать по воде камешки. Он рассказал ей о Саис, и девушка пообещала быть осторожной.

Но однажды, когда Туржан уже готовился к возвращению, она забрела далеко в луга, любуясь игрой лучей в небе, величавостью высоких деревьев, цветочным ковром под ногами; она смотрела на мир с тем удивлением, которое свойственно только недавно рожденным из чанов. Она миновала несколько невысоких холмов, прошла через темный лес, где протекал холодный ручей. Утолив жажду, она прогулялась по берегу — и наткнулась на неизвестное жилище.

Дверь была открыта, и Саин заглянула, желая узнать, кто здесь живет. Но дом был пуст, единственной мебелью оказался травяной матрац, стол и полка с корзиной орехов и несколькими предметами из дерева и олова.

Саин уже хотела уйти, но услышала зловещий гул копыт, приближавшийся, как судьба. У самого порога остановился черный скакун. Вспомнив предупреждение Туржана, Саин попятилась. Но Саис уже спешилась и шагнула к ней с мечом наготове. Она занесла его для удара, и тут их взгляды встретились. Саис в удивлении замерла.

Такое поистине может поразить и камень: прекрасные девушки в одинаковых одеяниях, с одинаковыми глазами и волосами, с одинаковыми стройными телами. Но на лице одной

— ненависть к каждому атому во Вселенной, а в чертах другой — любовь ко всему миру.

Саис обрела дар речи.

— Кто ты, ведьма? У тебя мое лицо, но ты — не я. Или безумие осчастливило меня и затмило мир перед моими глазами?

Саин Покачала головой.

— Я Саин. Ты моя сестра, Саис. Потому я должна любить тебя, а ты должна любить меня.

— Любить? Я ничего не люблю. Я убью тебя и сделаю мир лучше, в нем на одно зло станет меньше, — она опять подняла свой меч.

— Нет! — с болью воскликнула Саин. — Почему ты хочешь погубить меня? Что я тебе сделала плохого?

— Ты приносишь зло самим своим существованием. Твой вид — насмешка над моей омерзительной внешностью.

Саин рассмеялась.

— Омерзительной? Да нет же! Я прекрасна, Туржан говорит так. Значит, прекрасна и ты.

Лицо Саис застыло, как мраморное.

— Ты смеешься надо мной.

— Нет. Ты на самом деле прекрасна.

Саис опустила свой меч. Лицо ее стало задумчиво.

— Красота? Что такое красота? Может, я слепа, может, враг исказил мое зрение? Скажи, как понять красоту?

— Не знаю, — ответила Саин. — Мне это кажется ясным. Разве игра цветов на небе не прекрасна?

Саис в изумлении подняла взгляд.

— Вот это слепящее мелькание? Все эти вспышки вызывают во мне лишь отвращение.

— Тогда посмотри на цветы. Они так хрупки и прекрасны.

— Эти-то паразиты с тошнотворным запахом?

Саин изумилась.

— Тогда я не знаю, как объяснить красоту. Ты, похоже, ни в чем не видишь радости. Разве тебе ничто не приносит удовлетворения?

— Только убийство и уничтожение. Только они действительно прекрасны.

Саин нахмурилась. «Я бы назвала это… злым взглядом на мир», — подумала она.

— И ты в это веришь?

— Я убеждена в этом.

Но, произнеся эти слова, Саис задумалась…

— Откуда мне знать, как действовать? — спросила она словно бы саму себя. — Я была уверена в своей правоте, а ты говоришь, что я приношу только зло.

Саин пожала плечами.

— Я мало жила, и у меня нет мудрости. Но я знаю, что все имеет право на жизнь. Туржан объяснил бы лучше…

— А кто такой Туржан? — поинтересовалась Саис.

— Он очень хороший человек, — пылко ответила Саин, — и я люблю его. Скоро мы отправимся на Землю, где небо глубокого синего цвета.

— Земля… А если я отправлюсь с вами на Землю, найду ли я там красоту и любовь?

— Быть может. У тебя есть разум, чтобы понять красоту, и красота, чтобы привлечь любовь.

— Тогда я постараюсь больше не убивать, как бы отвратительно мне ни было. И попрошу Панделума отпустить меня на Землю.

Саин сделала шаг вперед, обняла свою сестру и поцеловала ее.

— Я всегда буду любить тебя, — просто сказала она.

Лицо Саис застыло. «Рви, режь, руби», — билась в мозгу единственная мысль, но в ее теле, в каждой его частице разрасталось… наслаждение? Она неумело улыбнулась.

— Ну… я тоже люблю тебя, сестра. Больше я не отнимаю жизнь, и я найду и познаю на Земле

красоту… или умру…

Саис поднялась в седло и умчалась с мыслями о путешествии на Землю в поисках любви и красоты.

Саин стояла в дверях, глядя, как растворяется в многоцветье ее сестра. Сзади послышался крик — к хижине спешил Туржан.

— Саин! Эта бешеная ведьма обидела тебя? — Он не дождался ответа. — Довольно! Я убью ее заклинанием, чтобы она больше никому не причинила боль.

И он собрался уже произнести Заклинание Огня, но Саин рукой зажала ему рот.

— Туржан, не надо! Она обещала больше не убивать. Она уйдет на Землю в поисках того, что не может найти в Эмбелионе.

Туржан и Саин вместе смотрели ей вслед.

— Туржан, — тихонько сказала Саин.

— Что?

— Когда мы будем на Земле, ты найдешь мне черного коня, как у Саис?

— Найду, — со смехом пообещал Туржан, и они отправились к дому Панделума.

Волшебник Мазириан

В глубокой задумчивости волшебник Мазириан брел по своему саду. Ветви деревьев, увешанные красивыми, но ядовитыми плодами, склонялись над ним, цветы раболепно опускали головки при его приближении. Тусклые, как агаты, глаза мандрагор следили с земли за его обутыми в черное ступнями. Сад Мазириана раскинулся на трех террасах — полный странной и удивительной жизнью. Некоторые растения непрерывно меняли расцветку; на других цветы пульсировали, как морские анемоны, пурпурные, зеленые, лиловые, розовые, желтые. Здесь росли деревья с кронами в виде перистых куполов, деревья, чьи прозрачные стволы были увиты красными и желтыми лианами, деревья с листвой как металлическая фольга: каждый лист из своего металла — меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Некоторые цветы, подобно воздушным шарам, тянулись вверх над блестящими зелеными листьями; один куст был покрыт тысячами цветов-флейт — каждый тихонько наигрывал музыку древней Земли, напоминавшую о рубиново-красном солнечном свете, о воде, сочащейся сквозь черную землю, о

ленивых ветерках. А за живой изгородью стеной вставали загадочные заросли дикого леса.

Наставал последний час древней Земли, ни один человек не мог похвастать, что знает все ее лесные долины, прогалины, просеки, поляны, все лощины и впадины, все уединенные ущелья, руины, все сады и парки в солнечных пятнах, овраги и холмы, многочисленные ручьи и ручейки, пруды, луга, чащи, заросли и скалистые выступы.

Мазириан шел по саду, задумчиво хмурясь. Его поступь была медлительна, руки сцеплены на крестце. В его жизни появилось нечто, внушившее ему удивление, сомнение и великое желание, — прекрасная женщина, поселившаяся в лесу.

Настороженно улыбаясь, она подъезжала верхом на черной золотоглазой лошади. Мазириан много раз пытался поймать ее; но лошадь всегда уносила хозяйку от его приманок, засад и заклятий.

Сад огласился болезненным криком. Мазириан поспешил на звук и обнаружил крота, который жевал стебель зверя-цветка. Мазириан раздавил зверька, и крик сменился порывистым дыханием. Маг погладил пушистые листья, и растение засвистело красным устьем, так выражая свою

радость.

Потом оно произнесло: «К-к-к-к-к-к-к». Мазириан наклонился, поднес тельце крота к красным губам. Чмокнуло, и тушка скользнула в подземный желудок. Растение булькнуло, отрыгнув.

Мазириан с удовольствием смотрел на него.

Солнце висело низко, такое болезненно тусклое, что видны были звезды. Мазириан ощутил, что на него смотрят. Должно быть, та женщина из леса: она всегда так делала. Он замер, пытаясь определить направление ее взгляда, и на одном дыхании выкрикнул обездвиживающее заклятие. У его ног неподвижно застыл зверь-цветок. Большой зеленый мотылек, прервав полет, заскользил кругами на траву. Волшебник огляделся. Вот и она — на самой опушке, ближе, чем всегда… Он двинулся к ней. Она не шевельнулась. Глаза Мазириана засверкали. Он приведет ее в свой дом и посадит в клеть из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем, льдом, болью и радостью. Она будет подносить ему вино и исполнять восемнадцать соблазнительных движений при свете желтых ламп.

Наверное, она следит за ним; если это так, Мазириан немедленно выяснит. Ибо еще ни одного человека, он не называл своим другом и дорожил

только своим садом.

До всадницы осталось не более двадцати шагов, когда она развернула свою вороную лошадь и унеслась в чащу.

Волшебник в гневе сорвал плащ. У нее была защита — заклятие или охранная руна! К тому же, она всегда появлялась, когда он меньше всего был готов к преследованию. Он всматривался в смутную лесную глубину, видел, как белый силуэт, оседлавший черную тень коня, скользнул сквозь столб солнечного света, и все исчезло…

Может, она ведьма? По своей воле сюда ходит, или ее действительно подослал неведомый враг? Если это так, то кто же? Принц Кандайв Золотой из Кайна, у которого Мазириан выманил тайну второй молодости? Или астролог Азван? А может, Туржан? Хотя Туржан вряд ли… Лицо Мазириана просветлело от приятных воспоминаний, и он отбросил эту мысль. А вот Азвана он может испытать. Волшебник направился в свою мастерскую, подошел к столу, на котором возвышался хрустальный куб, окруженный красно-голубым ореолом, извлек из ящика бронзовый гонг и серебряный молоток. Густой сочный звук поплыл по комнате. Он ударил снова. И еще раз. В голубизне хрусталя проступило лицо Азвана,

покрытое испариной боли и ужаса.

— Не бей в гонг, Мазириан! — возопил Азван. — Пожалей мою жизнь, не бей!

Мазириан остановился, высоко занеся руку с молотком.

— Ты шпионишь за мной, Азван? Это ты послал женщину, чтобы украсть гонг?

— Не я, хозяин, не я! Я слишком боюсь тебя.

— Ты должен выдать мне эту женщину, Азван, я настаиваю.

— Как я могу, хозяин, если не знаю, кто она!

Мазириан сделал движение, как будто хотел ударить. Азван исторг такой фонтан униженных молений, что Мазириан с отвращением отбросил молоток и убрал гонг на место. Лицо Азвана медленно растаяло, и хрустальный куб снова опустел.

Мазириан погладил подбородок. Очевидно, он должен сам изловить девицу. Позже, когда на лес опустится темная ночь, он отыщет в книгах заклинания, которые защитят его от опасностей на лесных полянах. Это будут заклинания, полные отравы и разрушительной силы — такие могучие, что одно до потери памяти устрашит простого смертного, а два сведут его с ума. Мазириан, благодаря своему опыту, мог одновременно

удерживать в голове четыре самых сильных или шесть менее действенных заклинаний.

Однако сейчас он направился к длинному чану, окутанному светом зеленых ламп. В прозрачном растворе вытянулось человеческое тело — зеленый свет придавал ему мертвенность, но не мог скрыть ни его спящей пока силы, ни совершенства. Ясное лицо с холодными жесткими чертами, золотистые волосы.

Мазириан взирал на существо, которое сам вырастил из единственной клетки. Его творению не хватало только разума, но как им наделяют, колдун не знал. Подобным знанием владел Туржан Миирский, но этот упрямец (Мазириан злобно сощурился, взглянув на люк в полу) отказывался разделить свою тайну.

И Мазириан все смотрел и смотрел на творение рук своих. Совершенное тело — разве не в таком следует обретаться упорядоченному и гибкому разуму? Сейчас он узнает это. Маг привел в действие устройство, выпускающее из чана жидкость, и вскоре тело уже покоилось на воздухе под зелеными лучами. Мазириан сделал завершающую инъекцию в шейную артерию. Тело дернулось, глаза открылись, моргнули. Мазириан отвел лампу.

Существо в чане слабо пошевелило руками и ногами, как будто не понимая их назначения. Мазириан следил предельно внимательно: возможно, ему все же случайно удалось создать полноценный мозг.

— Сядь! — приказал он.

Существо сосредоточило на нем взгляд, мышцы его напряглись, с хриплым ревом оно выпрыгнуло из чана и вцепилось Мазириану в горло.

Несмотря на всю силу Мазириана, существо легко удерживало его и трясло, как куклу.

Невзирая на все свое мастерство, Мазириан был беспомощен. Гипнотическое заклинание он истратил, и теперь в его голове не было и самого простенького заговора. Он не мог произнести ни звука в любом случае: безумец крепко сжимал его горло.

Ладонь Мазириана попала на свинцовую бутыль, и он ударил противника по голове. Безмозглое создание осело на пол.

Мазириан, еще на что-то надеясь, изучал тело у своих ног. Координация движений прекрасная… Он растворил в реторте белый порошок и, приподняв золотокудрую голову, влил жидкость в расслабленный рот. Человек зашевелился, открыл глаза, приподнялся на локте. Гримаса

бешенства сошла с его лица, но Мазириан напрасно искал в его взгляде тень разума: глаза были пусты, как у ящерицы.

Волшебник раздраженно покачал головой. Он подошел к окну, его профиль четко зачернел в светлом овале переплета. Опять подступиться к Туржану? Даже под самыми страшными пытками Туржан не выдал своей тайны. Мазириан сухо скривил рот. Разве что вписать в ящик еще один поворот…

Солнце опустилось, и сад Мазириана потускнел. Распустились бледные ночные цветы, и серые мотыльки начали свое кружение от цветка к цветку. Мазириан поднял крышку люка в полу и зашагал по каменным ступеням. Вниз, вниз, вниз… Наконец лестницу пересек под прямым углом коридор, освещенный вечными желтыми лампами. Слева располагались грибные гряды, справа — крепкая дверь из дуба и железа, запертая на три замка. А каменные ступени продолжались, теряясь во тьме.

Мазириан отомкнул все три замка и широко распахнул дверь. Комната за нею была пуста, если не считать каменного пьедестала, на котором стоял ящик со стеклянной крышкой. В ящике по беговой дорожке-коридору с четырьмя поворо-

тами носились два маленьких существа. Одно догоняло, другое убегало со всех ног. Охотником был маленький дракон с бешеными красными глазами и клыкастой пастью. Он, покачиваясь, двигался по коридору на шести плоских лапах, размахивая при этом хвостом. Жертва была вполовину меньше дракона — крошечный, но крепкий человек, совершенно обнаженный, только с медной лентой на голове поверх длинных черных волос. Он двигался чуть быстрее преследователя, который продолжал погоню, используя всю свою хитрость: поворачивал назад, поджидал за углом, когда покажется добыча. Но постоянно настороженный человек оставался вне досягаемости клыков. Этим человеком был Туржан, которого Мазириан предательски захватил несколько недель назад, уменьшил в размерах и заключил в эту тюрьму.

Мазириан с удовольствием смотрел, как рептилия метнулась к расслабившемуся на мгновение человеку; тот отпрыгнул, и когти скользнули на волосок от его тела. Маг подумал, что пора дать обоим пленникам передышку и покормить их. Он опустил перегородку, разделившую коридор надвое, обоим дал мяса и мисочки с водой.

Туржан без сил опустился на пол.

— Ах, — сказал Мазириан, — ты устал. Хочешь отдохнуть?

Туржан молчал, закрыв глаза. Им владела безнадежность.

Мир сузился до серого коридора, жизнь стала бесконечным бегством. Через невычислимые промежутки времени появлялась пища и возможность передохнуть несколько часов.

— Вспомни голубое небо, — сказал Мазириан, — ночные звезды, вспомни свой замок Миир на берегу Дерны; подумай о том, как приятно было бы побродить по лугу!

Лицо Туржана дернулось.

— Подумай, ведь ты мог бы растоптать этого дракона!

Туржан поднял голову.

— Я предпочел бы растоптать тебя, Мазириан!

Мазириан безмятежно продолжил:

— Лучше объясни, как ты наделяешь создания своих чанов разумом. Говори, и будешь свободен.

Туржан рассмеялся. В смехе его звучало безумие.

— Сказать, да? А что потом? Ты тут же сваришь меня во фритюре!

Тонкий рот Мазириана раздраженно скри-

вился.

— Жалкий человек, я знаю, как развязать тебе язык! Даже если бы твой рот был набит камнями, залеплен воском и запечатан, ты все равно разговорился бы. Завтра я вытяну из твоей руки нерв и буду водить вдоль него наждаком!

Маленький Туржан, вытянув ноги вдоль коридора, глотнул воды и ничего не сказал.

— А сегодня вечером, — с рассчитанной злостью сообщи Мазириан, — я добавлю в коридор еще один поворот, и углов станет пять!

Туржан молча глядел через стеклянную перегородку на своего врага. Потом медленно сделал еще глоток. При пяти углах ему будет труднее увернуться от чудовища.

— Завтра, — сказал Мазириан, — тебе понадобится все твое проворство. Тут ему в голову пришла еще одна мысль. — Но я избавлю тебя от этого, если ты поможешь мне решить одну загадку.

— Что ввело тебя в затруднение, Мазириан?

— Мое воображение преследует образ женщины, и я поймаю ее. — Глаза Мазириана затуманились. — Ближе к вечеру она подъезжает к ограде моего сада на большой черной лошади. Ты знаешь ее, Туржан?

— Нет, Мазириан, — Туржан снова отпил воды.

Мазириан продолжал:

— Она достаточно сильна в колдовстве, чтобы отвратить Второй Сонный Заговор Фелоджина. А возможно, у нее есть какая-то защитная руна. Стоит мне приблизиться, как она исчезает в лесу.

— И что же? — спросил Туржан, отщипывая мясо, данное Мазирианом.

— Кто эта женщина? — спросил Мазириан, глядя поверх своего длинного носа на крошечного пленника.

— Откуда мне знать?

— Я должен поймать ее, — задумчиво сказал Мазириан. — Какие заклинания и чары могут мне помочь?

— Освободи меня, Мазириан. Даю тебе слово Избранного Иерарха Марам-Ора, я доставлю тебе эту девушку.

— Как ты это сделаешь? — подозрительно спросил Мазириан.

— Буду гоняться за ней по всему лесу со своими лучшими Живыми Башмаками и пригоршней заклятий.

— Тебе повезет не больше, чем мне, — возразил Мазириан, — Я освобожу тебя, когда узнаю все о том, как создавать совершенные существа в

чанах. А за женщиной буду охотиться сам.

Туржан опустил голову, чтобы Мазириан не мог ничего прочесть в его глазах.

— А как же я, Мазириан? — спросил пленник спустя какое-то время.

— Тобой я займусь, когда вернусь.

— А если ты не вернешься?

Мазириан погладил подбородок и улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Дракон уже давно сожрал бы тебя, если бы не твой проклятый секрет.

Волшебник поднялся по лестнице. Полночь застала его в кабинете, он рылся в крытых кожей фолиантах и пыльных подшивках… Некогда магам было известно больше тысячи рун, заговоров, заклинаний и проклятий. Просторы Великого Мотолама: Асколэс, Ид Каучикский, Южный Альмери, земля Падающей Стены на востоке, — кишели колдунами всех мастей. Верховодил ими Архинекромант Фандаал.

Сотню заклятий Фандаал составил самолично, хотя поговаривали, что когда он над ними трудился, ему помогали советами демоны. Понтецилла Благочестивый, правитель Великого Мотолама, подверг Фандаала пытке и после ужасной ночи мучений убил, объявив колдовство вне закона.

Колдуны Великого Мотолама разбежались, как жуки из-под лампы; их знания были растеряны и забыты. Теперь, в смутные времена, когда солнце состарилось, варварство охватило Асколэс и белый город Кайн наполовину уже лежал в развалинах, в памяти людей сохранилось лишь немногим более ста заговоров. Из них Мазириан владел семьюдесятью тремя и постепенно, при помощи уловок и сделок, пытался овладеть остальными.

Мазириан сделал выбор и с большими усилиями вложил в свой мозг сразу пять заклятий: Волчок Фандаала, Второй Сонный Заговор Фелоджуна, Несравненный Призматический Разбрызгиватель, Чары Неиссякаемой жизни и Заклятие Всемогущей Сферы. Завершив работу, Мазириан выпил вина и отправился спать.

На склоне следующего дня Мазириан вышел в сад. Ждать пришлось недолго. Не успел он отряхнуть от земли корни лунной герани, как негромкий шум и топот подсказали ему, что предмет его вожделений рядом.

Блистательная молодость, горделивая посадка и великолепное тело. Мазириан медленно наклонился, чтобы не спугнуть ее, сунул ноги в Живые Башмаки, застегнул их над коленями, и

распрямился.

— Эй, девушка, — крикнул он, — ты опять здесь. Что влечет тебя сюда по вечерам? Может быть, тебе нравятся розы? Они такие алые, потому что в их лепестках живая кровь. Если сегодня ты не убежишь от меня, я подарю тебе одну.

Мазириан сорвал розу с задрожавшего куста и направился к девушке, борясь со своими не в меру ретивыми Живыми Башмаками. Не успел он сделать и четырех шагов, как женщина сжала коленями бока лошади и понеслась в лес.

Мазириан дал волю своим Башмакам. Они сделали большой прыжок, другой, и охота началась.

Так Мазириан вошел в сказочный лес. Повсюду изгибались под тяжестью лиственных одеяний мшистые стволы. Бившее в просветы между ветвями солнце пятнало дерн алым. В тени росли цветы с длинными стеблями и хрупкие грибы; в эту эпоху увядания Земли природа стала мягкой и расслабленной.

Мазириан в своих Живых Башмаках был куда как скор, но черная лошадь без напряжения держала его на порядочном расстоянии.

Так они преодолели несколько лиг. Черные волосы летели за всадницей, как знамя. Она часто оглядывалась через плечо, и Мазириан видел, как

во сне, ее лицо. Но вот она склонилась к спине лошади, та понеслась быстрее и скоро скрылась из виду. Мазириан продолжил погоню по следу, ясно видному на размякшей земле.

Жизнь начала уходить из Живых Башмаков: они слишком долго бежали изо всех сил. Огромные прыжки становились короче и тяжелее, но шаг лошади, судя по следу, тоже замедлился. Вскоре Мазириан оказался на лугу. Там щипала траву одинокая лошадь. Мазириан замер. Ему был ясно виден весь луг и отпечатки копыт, но человеческого следа, ведущего с луга, он не обнаружил. Значит, женщина спешилась где-то позади, но он не знал, где именно. Волшебник направился было к лошади, но та со ржанием ускакала в лес. Мазириан не пытался ее преследовать. Он почувствовал, что его Башмаки вяло и расслабленно висят на ногах. Они умерли.

Он отпихнул их в сторону, прокляв этот день и свою неудачу. Потрясая плащом, и корча гримасы, он двинулся назад по следу.

В этом районе леса часто встречались черные и зеленые базальтовые останцы, предвестники утесов над рекой Дерной. На одной из таких скал Мазириан увидел маленького зеленокожего человечка, оседлавшего стрекозу. Наездник был

одет во что-то вроде полупрозрачного кафтана и вооружен копьем вдвое длиннее его самого.

Мазириан остановился. Твек флегматично уставился на него.

— Не встречал ли ты здесь женщину моей расы, твек-человек?

— Я видел такую женщину, — ответил твек после недолгого размышления.

— А где ее можно найти?

— А что я получу за сведения?

— Соль — столько, сколько сможешь унести.

Твек взмахнул своим копьем.

— Соль? Нет. Лайан-Странник дает вождям данданфлоров достаточно соли для всего племени.

Мазириан представлял себе услуги, за которые разбойник-трубадур платит солью. Твеки, всюду снующие на своих стрекозах, видят все, что происходит в лесу.

— Флакон масла из соцветий теланксиса.

— Хорошо, — ответил твек. — Покажи флакон.

Мазириан показал.

— Она свернула со следа возле разбитого молнией дуба и направилась прямо в речную долину, кратчайшим путем к озеру.

Мазириан положил флакон возле скалы и направился к дубу. Твек посмотрел ему вслед,

затем спешился и привязал флакон под брюшко своей стрекозы рядом с мотком шерсти, которым женщина заплатила ему за то, чтобы он обманул волшебника.

Мазириан свернул у дуба и вскоре увидел на опавшей листве след. Длинная открытая прогалина лежала перед ним, отлого спускаясь к реке. По обе стороны возвышались деревья, и длинные солнечные лучи окрашивали одну сторону в кровь, оставляя другую в глубокой тени. Тень была так глубока, что Мазириан не заметил существо, сидевшее на упавшем дереве. Колдун почувствовал его присутствие, только когда тварь готова была прыгнуть ему на спину.

Маг резко развернулся лицом к нападающему. Это был деоданд — он смахивал бы на человека, мускулистый и видный, если бы не мертвенная чернота тусклой кожи и длинные узкие глаза.

— Ах, Мазириан, как далеко ты забрел в чащобу, — послышался негромкий голос черного существа.

Мазириан знал, что деоданд жаждет пожрать его. Он всегда хочет мяса.

Как же спаслась девушка? Ее след — прямо под ногами…

— Я кое-что ищу, деоданд. Дай ответ на мой

вопрос, и получишь вдоволь мяса.

Глаза деоданда сверкнули, он плотоядно оглядел Мазириана.

— Ты можешь это сделать прямо сейчас, Мазириан. Или у тебя в запасе могучие заклинания?

— Да. Скажи, давно ли проходила здесь девушка? Торопилась она или нет? И был ли с ней кто-нибудь? Ответь мне, и я дам тебе столько мяса, сколько захочешь.

Губы деоданда насмешливо скривились.

— Слепой чудотворец! Она до сих пор здесь! — Он сделал указывающий жест, Мазириан повернулся было в ту сторону, и… успел отпрыгнуть, когда деоданд бросился на него. Изо рта у Мазириана словно помимо его воли раздались звуки заклятия под названием Волчок Фандаала. Деоданда сбило с ног и подбросило высоко в воздух: вертясь то быстрее, то медленнее, он оказывался то над вершинами деревьев, то над самой землей. Мазириан с легкой усмешкой следил за ним. Через некоторое время он опустил деоданда и замедлил вращение.

— Сразу будешь умирать или желаешь помучиться? — спросил Мазириан. — Если ты мне поможешь, я дарую тебе легкую смерть. А если нет, то окажешься там, где летают пельграны.

Деоданда трясло от ярости и страха.

— Чтоб темный Тиал проткнул тебе глаза! Чтобы Краан настоял на твоих мозгах кислоту! — Он разразился такими проклятиями, что Мазириан почувствовал необходимость защититься.

— Вверх, — бросил он; и взмахнул рукой. Черное тело взмыло над вершинами деревьев и медленно завертелось на фоне красного солнца. Через миг пятнистая тварь с клювастым рылом, похожая на нетопыря, пронеслась рядом и рванула черную ногу, прежде чем вопящий деоданд успел ее отпихнуть. Все новые и новые пельграны мелькали на фоне солнца.

— Опусти меня, Мазириан! — донесся слабый зов. — Я расскажу все, что знаю.

Мазириан опустил пленника к земле.

— Она прошла одна перед самым твоим появлением. Я напал на нее, но она отогнала меня пригоршней тайл-пыли. Она прошла По прогалине в сторону реки. Путь ведет мимо логова Транга. Я думаю, она погибла: Транг будет сосать ее кровь, пока она не умрет.

Колдун потер подбородок.

— Какие заклятия были с ней?

— Не знаю. Но ей потребуются сильные заклятия, чтобы спастись от Транга.

— У тебя есть еще что сказать?

— Нет….

— Тогда можешь умереть. — И Мазириан заклял существо, заставив его вращаться все быстрее, пока оно не превратилось в сплошное вертящееся пятно.

Послышался приглушенный вопль, и тело деоданда разорвалось на части. Голова камнем полетела вниз, руки, ноги, потроха — во всех направлениях.

Мазириан двинулся дальше. В конце прогалины след круто спускался уступами темно-зеленого серпантина к Дерне. Солнце садилось, и тень затопляла долину. Мазириан дошел до реки и направился вниз по течению к далекому сверкающему Санру, Озеру Сновидений.

Тяжелый запах гнили густел в воздухе. Мазириан стал продвигаться осторожнее: поблизости находилось логово медведя-упыря Транга, и в воздухе пахло колдовством — сильным грубым колдовством, которое Мазириановы более тонкие заклинания могли и не взять.

Вскоре до него донеслись звуки — хриплый рев Транга и женские вопли. Мазириан выглянул из-за скалы.

Логово Транга располагалось в расщелине.

Грязная груда травы и шкур служила ему постелью. Рядом он соорудил грубый загон, в котором сейчас жались три женщины — их тела покрывали кровоподтеки, лица были искажены ужасом. Транг уволок их со стоянки племени, которое обитало на завешенных шелком плотах на озерном мелководье. Теперь они следили, как вампир пытается заломать еще одну, только что пойманную женщину. Уродливая и круглая, но человекоподобная морда Транга была перекошена, искажена, крепкими пальцами он рвал с женщины куртку. Но она с удивительным проворством вывертывалась из его хватки. Глаза Мазириана сузились. Магия, магия!..

Он лихорадочно соображал, как бы прикончить Транга, не причинив вреда женщине. Глянув через плечо Транга, она заметила неожиданного спасителя.

— Гляди! — выдохнула она. — Мазириан пришел убить тебя!

Транг обернулся. Увидев Мазириана, он бросился к нему на всех четырех лапах, испуская дикий рев. Мазириану показалось, что вурдалак применил какое-то заклятие: голова как будто опустела… А может, его просто ошарашил вид огромной морды Транга и его мощных лап?

Мазириан стряхнул с себя заклятие, если таковое было, и бросил собственное. Прогалина озарилась огненными стрелами, летящими в Транга со всех направлений. Это был Несравненный Призматический Разбрызгиватель: многоцветные режущие лучи. Транг погиб почти мгновенно, пурпурная кровь хлынула из бесчисленных ран, открывшихся там, где огненный дождь пронзил его тело.

Мазириан уже не видел этого. Девушка бежала вдоль реки к озеру, и волшебник кинулся за ней, не обращая внимания на мольбы женщин в клетке.

Вскоре перед ним открылась водная гладь, дальний край едва виднелся на горизонте. Мазириан спустился на песчаный берег и долго стоял, глядя на темные воды Озера Сновидений. Ночь уже вступила в свои права, на небе горели звезды. Вода была холодной и неподвижной, лишенная живого дыхания, как все воды на Земле с тех пор, как на небе не стало Луны.

Где девушка? Вот она — светлая фигура в тени речного берега. Мазириан встал у воды, высокий и могучий. Легкий ветерок развевал его плащ.

— Эй, девушка, — позвал он. — Это я, Мазириан, спас тебя от Транга. Подойди ближе, я хочу пого-

ворить с тобой.

— Я слышу тебя и на таком расстоянии, волшебник, — раздалось в ответ. — Чем ближе я подойду, тем дальше потом придется убегать.

— Зачем тебе бежать? Иди ко мне, и ты станешь хозяйкой многих тайн, обладательницей великой власти.

Она засмеялась.

— Если бы я хотела этого, Мазириан, разве стала бы бегать от тебя так долго?

— Кто же ты, пренебрегшая тайнами магии?

— Для тебя, Мазириан, я безымянна, чтобы ты не смог проклясть меня. А теперь я удалюсь туда, куда ты не сможешь последовать. — Она подбежала к воде, медленно зашла в нее по пояс, нырнула и исчезла.

Мазириан в нерешительности задумался. Неразумно тратить столько заклинаний и тем самым лишать себя сил. Что может скрываться под гладью озера? Он чувствовал спокойную магию. Но, хотя у него и не было вражды с повелителем озера, другие обитатели вод могли возмутиться его проникновением. Однако поскольку голова девушки так и не появилась на поверхности, он наложил на себя Чары Неиссякаемой Жизни и ступил в холодную воду.

Глубоко нырнув, он встал на дне озера. Его легкие были защищены чарами, и, не ощущая даже легчайшего удушья, он озирал глубины. Его окутывало зеленоватое свечение. Вода была почти так же прозрачна, как воздух далеко над ней. Придонные водоросли тянулись по течению, вместе с ними двигались озерные цветы, красные, синие и желтые. Вокруг вяло плавали большеглазые рыбы всевозможных форм.

Скальные ступени вели к подводной равнине, заросшей высокими водяными деревьями: их стройные стволы поддерживали узорную листву и пурпурные соплодия. Вершины терялись в туманной дымке. Здесь колдун увидел свою добычу, подобную белой водяной нимфе. Волосы вздымались за ее спиной, как темное облако. Она полуплыла, полубежала по песчаному дну, изредка оглядываясь через плечо. Мазириан устремился за ней, вспенивая воду плащом.

Возбужденный колдун догонял ее. Он должен наказать непокорную за то, что она заманила его так далеко…

Одна из лестниц вела из мастерской вниз, и чем ниже, тем обширнее и темней были комнаты. В одной из них Мазириан нашел проржавевшую клетку. Неделя или две в темноте обуздают

упрямство гордячки… А однажды — было дело! — он уменьшил женщину, как недавно — Туржана, и посадил в стеклянный флакон вместе с двумя назойливыми навозными мухами…

Сквозь текучую зелень белели развалины храма. Он был окружен колоннадой: частью она обрушилась, частью еще держала фронтон. Женщина вошла в большой портик. Может, она пытается сбить его со следа? Белая тень мелькнула в дальнем конце нефа, проплывая над алтарем, и растворилось в полукруглой нише за ним.

Мазириан как можно быстрее пустился за ней сквозь величавый сумрак. Путь лежал во мрак, туда, где малые колонны поддерживали купол, из которого выпал краеугольный камень. Неожиданно его охватило скверное предчувствие — почти сразу он уловил быстрое движение наверху, и со всех сторон на него повалились колонны и мраморные плиты. В панике колдун отпрыгнул…

Волнение прекратилось. Белая муть древней штукатурки расплылась в затихающих водах. Женщина стояла на коленях на кровле большого храма, взглядом ища внизу тело Мазириана.

Но он был жив и невредим. Две колонны по чистой случайности рухнули слева и справа от

него, а легшая сверху сплошная плита укрыла от каменных обломков. Он с трудом повернул голову. Сквозь щель в мраморном завале он видел склонившуюся женщину. Стало быть, она хотела его смерти? Его, Мазириана, прожившего лет больше, чем он сам может припомнить? Тем сильнее будет она ненавидеть и бояться его впоследствии. Он произнес заклинание Всемогущей Сферы. Силовое поле окутало его, расталкивая обломки. Когда мраморные руины осели, колдун свернул Сферу, поднялся на ноги и осмотрелся в поисках женщины. Он едва смог ее разглядеть — она взбиралась на берег сквозь чащу длинных пурпурных водорослей. Мазириан бросился в погоню.

Саин выползла на берег. Колдун Мазириан по-прежнему преследовал ее, легко одолевая магией все ее уловки. Она представила себе его лицо и вздрогнула.

Усталость и отчаяние замедлили ее шаг. У нее было лишь два заклинания: Чары Неиссякаемой Жизни и заклятие, придающее силу рукам, которое помогло ей удержать Транга и обрушить храм на Мазириана. Но теперь оба истрачены, и она беззащитна. Правда, и у Мазириана вряд ли что-то осталось.

Может быть, он не знает о траве-вампире? Она побежала по склону и перескочила через полоску бледной, избитой ветром травы. Мазириан уже выбрался на берег: его тощая фигура была хорошо видна на фоне воды.

Девушка отступала, оставляя между собой и преследователем невинную полоску травы. А если и трава не спасет? Сердце ее пропустило удар при мысли о том, к чему ей придется тогда прибегнуть.

Мазириан ступил в траву. Чахлые на вид былинки превратились в цепкие пальцы. Одни мертвой хваткой обвили щиколотки колдуна, другие потянулись под одежду, ища беззащитную кожу.

И тогда Мазириан истратил свой последний заговор — заклятие обездвиживания. Трава-вампир расслабилась и вяло легла на землю. Саин впала в отчаяние. Враг был совсем близко, плащ развевался за его спиной. Что он, железный? Разве он не чувствует боли, разве у него не бывает одышки? Она бросилась по лугу к роще черных деревьев. Мрачная тень овеяла ее холодом. Прежде чем роща проснется, она должна убежать как можно дальше.

Хлясь! Ее хлестнуло, как плетью. Она продол-

жала бежать. Еще один удар. И еще. Она упала. И снова удар. И еще раз Шатаясь, она поднялась, прикрывая руками лицо. Живые плети со свистом разворачивались в воздухе. Последним ударом ее развернуло, и она увидела Мазириана.

Он боролся. Когда на него посыпались удары, он схватил хлысты и попытался их разорвать. Но они были слишком гибки и упруги, они выворачивались из рук и обрушивались на жертву снова и снова. Разозленные возней жертвы, все деревья набросились на злосчастного Мазириана, который сопротивлялся им с дикой яростью. Саин сумела уползти на край рощи и спастись.

Жизненная сила Мазириана была поразительна. Шатаясь под градом ударов, он пытался вырваться из зарослей, пока окончательно не ослаб и не упал. А удары все сыпались на его голову, плечи, на длинные ноги. Он отчаянно попытался встать, но снова рухнул на землю.

Тогда Саин устало закрыла глаза. Она чувствовала, как исходит кровью исхлестанное тело. Но самое главное еще не было сделано. Она поднялась и, покачиваясь, побрела прочь. А за спиной еще долго слышались тупые звуки ударов.

Сад Мазириана казался прекрасным царством ночи. Широко раскрылись цветы-звезды, каждый

— совершенной формы, и мотыльки носились над ними взад и вперед. Фосфоресцирующие водяные лилии, как прекрасные лица, плыли по поверхности пруда, а куст, который Мазириан привез из далекого южного Альмери, наполнял воздух сладким фруктовым ароматом.

Саин, загнанно дыша, ощупью пробиралась сквозь заросли. Некоторые цветы проснулись и с любопытством разглядывали ее. Гибрид животного и растения сонно защебетал, приняв ее за Мазириана. Слышалась слабая музыка белых цветов-флейт, они пели о тех ночах, когда по небу еще ходила белая луна, а временами года правили бури, тучи и громы.

Но Саин ничто не трогало. Она вошла в дом Мазириана, по желтому свечению отыскала его мастерскую. Неожиданно в чане село золотоволосое создание, и окинуло гостью ясным бессмысленным взглядом.

В ящике нашлись ключи. Она открыла люк. Пришлось еще подождать, пока не рассеется сгустившийся перед глазами красный туман. Но вместо этого ей привиделся высокий и надменный Мазириан над издыхающим Трангом; Потом странно расцвеченные цветы озера; и снова Мазириан, растративший все волшебство

под ударами древесных плетей… Из забытья ее вывело прикосновение — создание из чана робко трогало ее волосы.

Она сползла по лестнице, открыла три замка на двери и, последним усилием распахнув ее, вскарабкалась на помост, где стоял ящик с лабиринтом, по которому продолжал гоняться за Туржаном дракон. Разбив стекло, девушка мягко подхватила Туржана и поставила на пол.

От прикосновения руны на ее запястье чары рассеялись. Ошеломленный Туржан уставился на почти неузнаваемую Саин.

Она попыталась улыбнуться.

— Туржан… ты свободен…

— А… Мазириан?!

— Мертв, — девушка осела на каменный пол и затихла. Туржан осмотрел ее. Глаза его наполнял странный блеск.

— Саин, мое дорогое создание, — прошептал он, — ты более благородна, чем я. Ты отдала жизнь за мою свободу…

Он поднял ее на руки.

— Я воскрешу тебя в чане. Ты станешь такой же прекрасной, как прежде!

И он понес ее наверх по каменным ступеням.

Саис

Саис выехала из рощи и в нерешительности натянула поводья. Она оглядела с седла луг, уходивший к реке… Затем толкнула лошадь коленями и двинулась дальше в глубокой задумчивости. Небо, покрытое облачной рябью, отбрасывало на равнину глубокие тени. Лившийся сверху многоцветный свет разукрашивал землю тысячами оттенков. На Саис упал зеленый луч, потом ультрамариновый, топазовый, рубиново-красный…

Она закрыла глаза, чтобы не видеть игру цветов. Их мелькание действовало ей на нервы, не давая рассмотреть окружающее. Красный слепил, зеленый душил, синий и пурпурный дразнили, как тайны, которых не разгадать. Как будто этот мир нарочно создали для того, чтобы подавить и разъярить ее. Бабочка с крыльями, подобными драгоценной вышивке, пролетела мимо, и Саис захотелось рассечь ее мечом. Девушка едва сдержалась: ее создали страстной и не приучили к самоограничению. Взгляд ее упал на цветы под копытами лошади — беленькие маргаритки, колокольчики, вьюнки, «золотые

шары». Больше она не будет топтать и вырывать их с корнем. Потому что, возможно, ущербна не вселенная, а она, Саис. Совладав с ненавистью к бабочке, цветам и переменчивому свету небес, она продолжила путь по лугу.

Впереди поднялась роща высоких деревьев. Дальше виднелись заросли тростника, блестел ручей — его струи тоже меняли цвет в соответствии с цветом неба. Саис свернула и вдоль берега направилась к длинному низкому дому.

Она спешилась и медленно подошла к двери черного дымчатого дерева, на которой была вырезана насмешливая личина с длинным языком. Стоило потянуть за язык, как внутри зазвенел колокольчик.

Ответа не последовало.

— Панделум! — позвала она.

На этот раз ее услышали:

— Входи.

Девушка распахнула дверь и вошла в высокую комнату, увешанную коврами, но почти не обставленную — если не считать небольшого дивана.

— Что тебе угодно? — донеслось из-за стены. Голос, густой и сочный, был бесконечно печален.

— Панделум, сегодня я узнала, что убийство

— зло, и что глаза обманывают меня: там, где я вижу кричащие краски и отвратительные пятна, на самом деле живет красота.

Панделум помолчал, прежде чем дать ответ на затаенную мольбу об истине.

— Это на самом деле так. Все живое имеет право на жизнь. Жизнь — их единственное подлинно драгоценное достояние, и лишение жизни есть злейшее преступление… Что же до остального, то твоей вины здесь нет. Красота есть во всем, и видна всем — кроме тебя. Это печалит меня, потому что ты — мое создание. Я вырастил тебя из первичной клетки; я дал звучание струнам жизни в твоем теле и сознании. Но при всех моих стараниях я допустил ошибку; когда ты вышла из чана, я обнаружил в твоем мозгу порок: вместо красоты ты видишь уродство, и вместо добра — зло. Подлинного уродства, подлинного зла ты не видела никогда — на Эмбелионе нет места ничему злому и мерзкому… Если бы тебе не повезло и ты столкнулась бы с чем-либо подобным, я опасался бы за твой разум.

— Разве ты не можешь изменить меня? — воскликнула Саис. — Ведь ты волшебник! Неужто я и впредь должна оставаться слепой к радости?

Отзвук вздоха донесся из-за стены.

— Да, я волшебник. Я знаю все когда-либо созданные заговоры, мне ведома хитрость рун, заклинаний, волшебных изображений, экзорцизма, талисманов. Я Владыка Математики, лучший после Фандаала, но я ничего не могу сделать с твоим мозгом, не убив твой разум, твою личность, твою душу — потому что я не бог. Бог может творить новые сущности, я же владею только магией — с ее помощью можно лишь перекраивать существующее пространство.

Надежда растаяла во взгляде Саис.

— Я хочу на Землю, — призналась она немного погодя. — Говорят, что небо там всегда голубое, и в нем царит красное солнце. Я устала от Эмбелиона, где нет иных голосов, кроме твоего.

— Земля, — задумчиво протянул Панделум, — угасающий мир… Его древность — за пределами всех летоисчислений. Некогда то был мир облачных гор и сверкающих рек, а солнце его — белым сияющим шаром. Но за века дожди и ветер избили и сгладили гранит, а солнце остыло и стало красным. Тонули и подымались из волн континенты. Миллионы городов возносили к небесам свои башни, чтобы рассыпаться в пыль. Теперь на месте прежних людей живут несколько тысяч странных созданий. На Земле гнездится зло,

отцеженное временем… Земля умирает, она в сумерках… — колдун смолк.

Саис с сомнением возразила:

— Но я слышала, что Земля прекрасна. Я хочу постигнуть красоту, даже если ради этого придется умереть.

— Но как ты определишь, что — красиво?

— Все люди как-то определяют… Разве я не человек?

— Конечно, человек.

— Тогда я найду красоту, а может быть, даже и… — Саис запнулась перед следующим словом, настолько чуждо оно была ее разуму, но в то же время полно волнующих возможностей.

Панделум молчал. Наконец промолвил:

— Ты отправишься, куда хочешь. Я помогу тебе, чем смогу. Я дам тебе руны, которые спасут от злой магии. Я дам жизнь твоему мечу. И я дам тебе такой совет: берегись мужчин — они грабят красоту, чтобы насытить свою похоть. Не допускай ничьей близости… Я дам тебе мешочек с драгоценностями, на Земле — это большое богатство. С ними многое станет тебе доступно. Но — опять-таки — никому их не показывай, потому что для некоторых людей чужая жизнь — дешевле медной монеты.

Пало тяжелое молчание, воздух как будто опустел без голоса Панделума.

— Панделум, — негромко окликнула Саис. Ответа не было.

Спустя какое-то время Панделум вернулся, и присутствие его стало ощутимо.

— Через мгновение, — сказал он, — ты можешь войти в соседнюю комнату.

Ожидание и впрямь было недолгим. Вскоре Саис переступила порог.

— На скамье слева, — послышался голос Панделума, — ты найдешь амулет и маленький мешочек с драгоценностями. Надень амулет на правое запястье: он обратит любое направленное на тебя заклинание против того, кто его произнес. Это очень мощная руна, береги ее.

Саис послушно надела браслет, а мешочек спрятала в сумку.

— Положи на скамью свой меч, встань на руну, что начертана на полу, и крепко зажмурь глаза: я должен войти в комнату. Предупреждаю, что если ты хоть одним глазом посмотришь на меня — последствия будут ужасны.

Саис в точности выполнила приказ. Она услышала легкие шаги, звон металла, потом — высокий резкий крик.

— Теперь твой меч жив, — странно близко прозвучал голос Панделума. — Он будет убивать твоих врагов сознательно. Протяни руку и возьми его.

Саис вложила в ножны свой стройный клинок, теплый и дрожащий.

— Где на Земле хочешь ты оказаться? — спросил Панделум. — В местности, населенной людьми, или в великой разрушенной пустыне?

— В Асколэсе, — ответила Саис, — тот, кто говорил мне о красоте, упомянул только это название.

— Как тебе угодно, — сказал Панделум. — А теперь слушай! Если захочешь вернуться в Эмбелион…

— Нет! — быстро ответила Саис. — Лучше умереть.

— Подумай хорошенько.

Саис промолчала.

— Сейчас я коснусь тебя. У тебя на мгновение закружится голова — и ты откроешь глаза уже на Земле. Там наступает ночь, а под покровом тьмы скрываются ужасные твари. Поэтому побыстрее отыщи убежище.

Сквозь нарастающую дрожь возбуждения Саис ощутила прикосновение мага. Голову наполнила

легкость, и опора на миг ушла из-под ног. Полет? Непривычная земля под пятками, чужой, странно пахнущий воздух. Можно открывать глаза.

Вид, открывшийся ей, поражал. Ровная темная голубизна небес, грузное древнее солнце. Она стояла на лугу. Обступившие его высокие деревья не были похожи на спокойных гигантов Эмбелиона: хмурые, с непроглядно густой листвой, дававшей почти черную тень. Казалось, что все вокруг: земля, деревья, каменный останец посреди луга, — сглажено, обкатано, смягчено потоками времени. А усталый свет солнца покрывал каждую былинку и каждый камешек патиной древности.

В ста шагах громоздились замшелые руины давно разрушенного замка. Его камни были черны; сквозь них пробивалась трава — все выглядело заброшенным и диким в наклонных красноватых лучах.

Саис медленно приблизилась. Кое-где стены еще держались, хотя известь давно вымыло, а камни — выветрились. Она удивленно обошла большую разрушенную статую, почти что ушедшую в землю; на мгновение помедлила перед письменами, высеченными на камне. Широко открытыми глазами она вглядывалась в то, что

осталось от лица, — жестокие глаза, насмешливый рот, отбитый нос. Саис содрогнулась. Здесь ей искать нечего. Она повернулась, собираясь уйти.

И тут на поляне раздался чей-то счастливый заливистый смех. Девушка, помня предупреждение Панделума, спряталась. Невнятное движение среди деревьев; и на свет выбрались мужчина и женщина, а за ними — весело посвистывающий молодой человек. В руке у него был меч, которым он время от времени подталкивал жмущихся друг к другу спутников. И Саис разглядела, что эти двое были связаны.

Все остановились перед руинами, так что Саис не стоило труда их рассмотреть. Связанный мужчина — с худым лицом, клочковатой рыжей бородой и беспокойным, полным отчаянным взглядом. Женщина — полная, невысокого роста. Пленившим их — чего Саис еще не знала — был Лайан-Странник. Его каштановые волосы разметались, черты подвижного лица невольно привлекали взгляд своей соразмерностью. Красивые карие глаза зорко оглядывали поляну. На нем была обувь из красной кожи с загнутыми вверх острыми носками, краснозеленое одеяние, такой же плащ и остроконечная шляпа с алым пером.

Саис смотрела, не понимая, что происходит.

Все трое были ей одинаково омерзительны — шевелящиеся комья мяса, пропитанного липкой кровью. Лайан, может быть, чуть менее мерзок — он все-таки грациознее и стройнее. Поэтому наблюдать за ним чуть приятнее.

Тем временем Лайан потянул веревки, затянутые на щиколотках пленников, и сдернул их с ног. У мужчины вырывался тихий стон, женщина заскулила.

Лайан весело помахал им шляпой и исчез среди руин. Не далее чем в двадцати футах от Саис он скользнул за древнюю каменную плиту, вернулся на поляну с огнивом и трутом, разжег костер. Из сумки извлек кусок мяса, испек на огне и с аппетитом съел, облизывая пальцы.

За все это время не было сказано ни слова. Наконец Лайан встал, потянулся и взглянул на небо. Солнце уходило за темную стену деревьев, по поляне тянулись синеватые тени.

— За дело! — воскликнул он. Голос прозвучал резко и ясно, как призыв флейты. — Но сперва, — он величаво поднял руку, — я должен убедиться, что мы ведем нашу беседу, будучи в здравом уме и твердой памяти.

Он снова полез в тайник под плитой и принес оттуда четыре крепких прута. Из них он соорудил

странные устройства и нацепил на пленников. Легкое нажатие на торчащие концы прутьев заставляло тех кричать. Крики явно веселили Лайана — он смеялся, как ребенок.

Саис смотрела на все это в растерянности. Молодой человек явно собирался причинить своим пленникам боль. Неужели на Земле так принято? И что ей об этом думать, если она не способна отличить хорошее от дурного?

— Лайан! Лайан! — закричал мужчина. — Пощади мою жену! Она ничего не знает! Пощади ее! Возьми все, чем я владею! Я стану твоим рабом на всю жизнь!

— Ха! — рассмеялся Лайан, и перо на его шляпе затрепетало. — Я благодарен за предложение, но Лайану не нужны ни ваш хворост, ни ваша репа. Лайан любит шелк и золото, любит блеск кинжалов и страстные стоны дев на ложе любви. Поэтому благодарю тебя — но мне нужен брат твоей женушки, и вот когда она начнет визжать, ты расскажешь мне, где он прячется.

Саис начала понимать: пленники скрывали сведения, нужные молодому человеку по имени Лайан; и тот будет причинять им боль, пока они не расскажут все, что ему нужно. Хитро придумано, вряд ли ей пришло бы это в голову.

— А теперь, — продолжал Лайан, — хочу сказать вам, что ложь плохо уживается с правдой. Видите ли, когда человека подвергают пытке, он оказывается слишком занят, ему некогда что-либо выдумывать, потому он и говорит правду. — Молодой человек выхватил из огня головешку, сунул ее между связанными лодыжками мужчины и взялся за женщину.

— Я ничего не знаю, Лайан! — выл мужчина. — Я ничего не знаю, ничего…

Лайан разочарованно отошел от женщины — она потеряла сознание. Головешку, тлевшую между ног мужчины, он раздраженно швырнул обратно в костер.

— Что за напасть! — рявкнул он.

Но вскоре настроение у него поднялось. Он потер свой заостренный подбородок.

— А, ладно, у нас много времени… Может быть, ты и вправду не знаешь. — Рассуждения вслух явно доставляли ему не меньшее удовольствие, чем чужая боль. — Может быть, сведениями располагает твоя добрая жена?

Он привел женщину в себя несколькими пощечинами. Пленница тупо смотрела на него, лицо ее было искажено и черно от копоти.

— Будьте внимательны! — сказал Лайан. — Я

начинаю спрашивать по новой. На основании моих мысленных рассуждений я могу заключить следующее: если муж не знает, куда бежал тот, кто мне нужен, то, может статься, знает жена?

Женщина шевельнула губами.

— Он мой брат… пожалуйста…

— Ага! Итак, ты знаешь! — торжествующе воскликнул Лайан и прошелся взад-вперед возле костра. — Ты знаешь! Что ж, возобновим испытание. Теперь будь внимательна. При помощи этого простого устройства я превращу ноги твоего мужа в кашу, а его хребет вылезет через пупок — если ты не заговоришь, конечно!

И он начал.

— Молчи… — выдохнул мужчина и потерял сознание от боли.

Женщина проклинала, вопила, умоляла. Наконец, ее силы иссякли:

— Я скажу, я все скажу! — закричала она. — Деллар уехал в Эфред!

Лайан ослабил усилия.

— Эфред. Так. Значит, он в стране Падающей Стены. — Лайан поджал губы. — Возможно, это правда. Но я не верю. Ты должна подтвердить это под действием другого средства для извлечения правды. — Он вынул из костра пылающее полено,

прижал к лодыжкам женщины, и у нее на глазах занялся второй жертвой. Но женщина молчала.

— Говори, женщина! — тяжело дыша, рявкнул Лайан. — Я весь взмок от трудов праведных. — Она молчала. Ее широко раскрытые глаза неподвижно уставились в небо.

— Она умерла! — закричал муж. — Умерла! Моя жена умерла! Лайан, ты демон, ты само зло! Проклинаю тебя! Именем Тиала! Именем Краана! — голос его дрожал в исступлении.

Саис была взволнована. Женщина умерла. Разве убийство — не злое дело? Ведь так сказал Панделум. Если женщина хорошая, как считает этот бородатый человек, значит Лайан — злой. Конечно, все существа из плоти по природе своей мерзки. Но все же отнимать жизнь у живого — большое зло.

Она бесстрашно вышла из укрытия и приблизилась к костру. Лайан вскинул голову и вскочил. Перед ним стояла неизвестная девушка поразительной красоты. От удивления и облегчения он стал чуть ли не приплясывать.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать на огонек! — Он с отвращением покосился на распростертые тела. — Какая, однако, неприятность… Ладно, они не достойны нашего внимания.

Он одернул плащ, и, нежно поглядывая на Саис блестящими ореховыми глазами, он напыжился, как петушок, и направился к ней.

— Ты прекрасна, моя прелесть… а я — лучший из мужчин. Впрочем, ты сама это увидишь.

Саис положила руку на рукоять меча, и тот сам по себе вылетел из ножен. Лайан отшатнулся, напуганный видом стали и глубоким стальным блеском ее зрачков..

— Что это значит? Ну же, — раздраженно приказал он. — Убери свою сталь. Она слишком острая. Я — добрый человек, но угроз совершенно не выношу.

Пленники доброго человека лежали у Саис под ногами. Мужчина лихорадочно ее разглядывал. Женщина мертво смотрела в темное небо.

Лайан прыгнул вперед, попытавшись схватить девушку, едва та отвлеклась. Но ее меч сам собой метнулся вперед, пронзив в полете проворное тело.

Лайан-Странник осел на колени, захлебываясь кровью. Саис вытащила меч из его тела, вытерла о его зеленый плащ и с трудом убрала в ножны: клинку не терпелось рубить, пронзать, убивать.

Лайан лежал без сознания. Саис, чувствуя тошноту, отвернулась. Сбоку послышался слабый

голос:

— Развяжи меня…

Саис подумала, потом разрезала путы. Мужчина заковылял к своей жене. Он гладил ее, звал, распутывая веревки. Она не отвечала. Обезумев, он вытянулся во весь рост и завыл. Потом, с трудом подняв обвисшее тело на руки, побежал в темноту, хромая, спотыкаясь, выкрикивая проклятия.

Саис вздрогнула и перевела взгляд с неподвижного Лайана на темный лес. Медленно, часто оглядываясь, она уходила прочь от руин. Истекающее кровью тело Лайана осталось возле угасающего костра.

Скоро блеск огня окончательно затерялся в темноте. Саис ощупью пробиралась между деревьями. В Эмбелионе никогда не бывает ночи — только светящиеся сумерки. Саис шагала и шагала. Подавленная и угнетенная увиденным, она и думать забыла о деодандах, пельгранах, рыщущих во тьме эрбах (все есть ни что иное, как смесь зверя, человека и демона в разных долях), о гидах, которые выпрыгивают из-под ног и впиваются в жертву.

Живая и невредимая, Саис вскоре оказалась на опушке леса. Местность поднималась, дере-

вья становились тоньше, пока не расступились, открыв протяженную темную пустошь. Это был Модавна Мур, древний тракт, исхоженный множеством ног и обильно политый кровью. Во время знаменитой бойни Голикан Кодек — Завоеватель согнал сюда население двух больших городов: Гвасана и Баутику. Он вынудил толпу сбиться в круг в три мили шириной и постепенно со всех сторон теснил людей, наводя на них ужас своей дьявольской конницей, заставляя их толпиться все теснее, теснее, теснее, пока не вырос огромный колеблющийся курган из вопящей плоти. Рассказывают, что Голикан некоторое время наслаждался этим зрелищем, а потом повернулся и направился в Лайденур, землю, из которой явился.

Призраки древнего побоища давно рассеялись, и Модавна Мур выглядел не столь зловеще, как лес. Повсюду уродливыми пятнами темнели кусты. Ряд скалистых утесов черно впечатывался в свет заката. Саис шагала вперед, радуясь открытому небу над головой. Вскоре она набрела на древнюю дорогу из каменных плит, растрескавшихся и разбитых. Вдоль нее тянулась канава, заросшая светящимися, как звездочки, цветами. Ветер с болот освежил ее разгоряченное лицо.

Она осторожно двинулась по мосткам. Никакого убежища не предвиделось, а между тем ощутимо холодало.

Настигающий сзади топот, несколько неясных теней сбоку — и Саис забилась в чьих-то крепких руках. Она попыталась выхватить меч, но руки уже не были свободны.

Кто-то высек огонь и зажег факел, чтобы осмотреть добычу. Саис увидела трех бородатых, покрытых шрамами разбойников с болот. На них были серые лохмотья, покрытые болотной грязью.

— Да ведь это девушка! — насмешливо воскликнул один из них.

— Сейчас поищу у нее серебро, — вызвался другой. Его руки бесстыдно зашарили по телу Саис. Нащупав мешочек с драгоценностями, он поднес их на ладони к огню. — Гляньте! Королевское богатство!

— Или колдовское! — возразил третий. В неожиданном страхе разбойники ослабили хватку. Но девушка по-прежнему не могла дотянуться до меча.

— Кто ты, женщина в ночи? — спросил один из них с некоторым уважением. — Не колдунья ли ты? Иначе откуда у тебя такие драгоценности, и с

чего бы тебе одной идти по Модавна Муру.

У Саис не было ни хитрости, ни опыта, чтобы солгать.

— Я не колдунья! Отпустите меня, вонючие твари!

— Не колдунья? А кто? И откуда ты взялась?

— Я Саис из Эмбелиона! — гневно воскликнула она. — Меня создал Панделум, и я ищу на Земле любви и красоты. Уберите руки, мне нужно идти дальше!

Первый бродяга захохотал:

— Хо-хо-хо! Любви и красоты? Скажи на милость! Ну, кое-что ты уже нашла: конечно, мы не красавцы: Тагман покрыт коростой, у Лазарда недостача зубов и ушей, но у нас накопилось порядком неистраченной любви, верно, парни? Мы дадим тебе столько любви, сколько пожелаешь! Верно я говорю?!

И кричащую Саис поволокли по болоту к каменной хижине.

Когда вошли, один разжег огонь, остальные тем временем отобрали у Саис меч и швырнули его в угол. Пока большим железным ключом запирали дверь, девушка рванулась было к своему оружию, но грубым толчком ее отбросили в противоположный угол.

— Уймись, кошка! — выдохнул Тагман, — Сейчас мы тебя ублажим! — и они снова принялись насмехаться. — Да уж, да уж, красоты в нас немного — но любви хоть отбавляй. И мы отбавим тебе, сколько влезет!

Саис скорчилась в углу.

— Я не знаю, что такое любовь, — сказала она. — Но ваша мне не по нраву!

— Что вдруг? — ехидничали они. — Или ты девственница?.. — Саис, гневно сверкая глазами, выслушивала мерзости, под которыми они разумели «любовь».

Наконец, доведенная до бешенства, она выскочила из своего угла, пинаясь, кусаясь, колотя кулаками болотных людей. Скоро ее швырнули обратно, до полусмерти избитую, в синяках и ссадинах. На свет появилась большая фляга с медом — мужчины решили подкрепиться перед ночью любви.

Потом они бросали жребий, кому первому осчастливить девушку — и немедленно затеяли ссору: проигравшие утверждали, что выигравший мошенничал. Брань становилась все громче. Но страшнее всего стало, когда бродяги начали драться, как дикие лоси на Гоне. Саис из последних сил сумела дотянуться до своего меча, и,

стоило его коснуться, клинок птицей прыгнул в воздух и бросился в бой, таща за собой хозяйку. Трое хрипло вскрикнули в один голос, в мгновение ока сверкнула сталь — вперед, назад. Крик оборвался стоном. На полу вытянулись три мертвеца с разинутыми ртами. Саис отыскала ключ, открыла дверь и выбежала в ночь.

Она бежала по темному болоту, не разбирая дороги, наконец, рухнула в канаву, выползла на холодную грязную обочину и опустилась на колени… И это Земля! Перед глазами встал Эмбелион, где самыми злыми созданиями были цветы и бабочки. Как она их ненавидела!

Эмбелион потерян. И Саис заплакала.

Шорох вереска. Испуганная, она подняла голову, прислушалась. Что за новая напасть? Снова зловещий шорох, потом осторожные шаги. Она в ужасе всматривалась во тьму.

И скоро тьма сгустилась в черную тварь, осторожно крадущуюся вдоль канавы. При свете светляков Саис разглядела деоданда: безволосый, во всем подобный человеку, с угольно-черной кожей красивого лица, которое портили два длинных и острых клыка, он был одет в кожаные доспехи. Его раскосые глаза алчно вперились в Саис… С возбужденным криком он набросился

на добычу.

Саис вырвалась, упала, вскочила на ноги. С криком побежала через болото, забыв о ссадинах и ушибах. Деоданд с дикими воплями несся за ней.

Болото, луга, лесистые холмы, заросли, ручьи. Саис бежала, широко раскрыв невидящие глаза, преследователь гнал ее, не прекращая вопить.

Впереди забрезжил свет в чьем-то окне… Вместо выдоха из груди Саис вырвалось рыдание. Крыльцо. Дверь милосердно подалась. Саис ввалилась внутрь, захлопнула створку и задвинула засов. Деоданд всем своим весом ударился в доски.

Дверь оказалась крепкой, маленькие окна — зарешечены. Она была в безопасности. Саис сползла на пол. Воздух клокотал у нее в горле. Сознание почти сразу покинуло ее…

Из глубокого кресла у камина поднялся хозяин дома. Рослый, широкоплечий, он двигался с необычной медлительностью. Казалось, он был молод, впрочем, судить об этом с уверенностью было нельзя: его голову полностью скрывал черный капюшон, в разрезах которого виднелись спокойные голубые глаза.

Он постоял над Саис, которая, как кукла, лежала на красном кирпичном полу. Потом поднял ее на руки и перенес на широкую удобную скамью у

огня. Он разул ее, отстегнул с пояса возбужденно дрожащий меч, снял грязный плащ. Потом смазал царапины и кровоподтеки на ее теле, укутал ее в мягкое войлочное одеяло, подсунул под голову подушку и, убедившись, что ей удобно лежать, снова сел и уставился в огонь.

Деоданд следил за ним сквозь окно. Потом постучался в дверь.

— Кто там? — спросил человек в черном капюшоне, поворачиваясь на стук.

— Мне нужна та, что вошла. Я жажду ее плоти, — пропел деоданд нежным голосом.

— Убирайся, или я сожгу тебя заклинанием. Убирайся и забудь сюда дорогу! — резко отозвался человек в капюшоне.

— Повинуюсь, — деоданд растворился в ночи. Любое упоминание о магии внушало ему ужас.

Человек снова вернулся к огню.

Саис ощутила во рту теплую ароматную жидкость и открыла глаза. Рядом с ней на коленях стоял высокий человек в черном капюшоне. Одной рукой он поддерживал ее голову, другой — подносил к губам серебряную ложку.

Саис отпрянула.

— Тише, — сказал человек. — Тебе нечего бояться.

Медленно, недоверчиво она откинулась на подушку и замерла.

В окна струились солнечные лучи, в доме было тепло. Золотистое резное дерево покрывало стены, карнизы были расписаны кармином, кобальтом и охрой. Человек снял с огня казанок с горячей похлебкой, вынул из хлебницы каравай и поставил перед ней. После недолгих раздумий Саис принялась за еду.

Неожиданно на нее нахлынули воспоминания; она задрожала и испуганно оглянулась. Человек заметил, как изменилось ее лицо. Он наклонился и положил руку ей на голову. Саис замерла, как зачарованная.

— Здесь ты в безопасности, — сказал человек. — Ничего не бойся.

Почти сразу ее окутала дрема. Веки отяжелели. Она погрузилась в сон.

Когда она проснулась, дом был пуст. На все лег багряный отблеск заката. Девушка потянулась и, заложив руки за голову, предалась размышлениям. Человек в черном капюшоне — кто он? Злой ли он? Все прочее на Земле оказалось недоступно ее разуму. Но незнакомец не сделал ей ничего дурного… На полу была сложена ее одежда. Она встала со скамьи, натянула ее на себя и распахну-

ла входную дверь. Перед ней до самого горизонта тянулась болотистая равнина. Слева выдавался скалистый красный утес, испещренный темными тенями. Справа чернел край леса.

Можно ли назвать это прекрасным? Саис задумалась. Неподвижные разводья болот наводили на нее уныние, а резкие изломы утеса и сплошная чернота леса вызывали невнятный ужас.

Это ли — красота? В недоумении она повернула голову, сощурилась. Услышала шаги, вздрогнула, напряглась, расширила глаза, ко всему готовая… Но это был всего лишь хозяин в черном капюшоне.

Саис оперлась о косяк. Он остановился перед ней.

— Есть хочешь?

Она на мгновение задумалась.

— Да.

— Сейчас поедим.

Он пек в очаге мясо. Саис неуверенно мялась у него за спиной. До сих пор она всегда сама готовила себе еду.

Вскоре по комнате поплыл вкусный запах, и они уселись за стол.

— Расскажи мне о себе, — попросил незнакомец. Саис так и не научилась быть скрытной.

— Мое имя Саис. Я явилась на Землю из Эмбелиона, где меня создал волшебник Панделум.

— Эмбелион? Где это? И кто такой Панделум?

— Где Эмбелион? — переспросила она. — Не знаю. Это место расположено вне пределов Земли. Оно невелико, и небо его многоцветно. В Эмбелионе живет Панделум. Он величайший из живущих волшебников — так он сам мне говорил.

— Ага, — сказал человек. — Кажется, я понимаю…

— Панделум создал меня, — продолжала Саис, — но при сотворении была допущена ошибка. — Саис покосилась на огонь. — Я вижу мир, как обитель мерзости и ужаса, все звуки кажутся мне резкими, все живые существа — отвратительными и грязными — как внутри, так и снаружи. В начале своей жизни я думала только о том, чтобы уничтожать, разрушать, топтать. Я не знала ничего, кроме ненависти. Потом я встретила сестру-близнеца, которая внешне во всем подобна мне — но разум ее не помрачен. Она рассказала мне о любви, красоте и счастье. В поисках этого я явилась на Землю.

Под его изучающим взглядом она чувствовала себя неуверенно.

— Нашла ли ты то, что искала?

— Пока что, — голос Саис стал отстраненным, — я видела только зло. Такого мне даже в кошмарных снах не снилось… — Неторопливо она рассказала ему о своих злоключениях.

— Бедная, — вздохнул он, не сводя с нее глаз.

— Я думаю, мне нужно убить себя, — продолжила Саис тем же отстраненным голосом, — похоже, то, что я ищу, навсегда потеряно.

Ее собеседник следил, как солнечные лучи превратили ее кожу в медь, и словно в первый раз увидел пышные черные волосы и большие задумчивые глаза.

— Нет! — резко сказал он. Саис удивленно посмотрела на него. Разве человек — не хозяин своей жизни?

— Неужели ты не нашла на Земле ничего такого, — спросил он, — от чего тебе жаль было бы отказаться?

Саис наморщила лоб.

— Пожалуй, ничего — кроме этого мирного дома.

Человек рассмеялся.

— Считай его своим, пока он не надоест, а я постараюсь показать тебе, что в мире есть хорошего, хотя, по правде сказать, — голос его изменился, —

сам я не уверен, что счастья много.

— Скажи мне, как тебя называть? И почему ты носишь этот капюшон?

— Имя?? Этарр, — слегка охрипшим голосом ответил он. — Этого достаточно. А маску я ношу по вине самой скверной женщины Асколэса. Да что Асколэса — Альмери, Каучика — всего мира! Она сотворила с моим лицом такое, что я сам не переношу его вида!

Он успокоился и сухо усмехнулся.

— Злиться бессмысленно.

— Она еще жива?

— Да, жива. И, несомненно, вредит каждому встречному. — Он сгорбился, глядя в огонь. — Было время — я не подозревал об этом. Она была молода, прекрасна, овеяна тысячью ароматов. Игривая шалунья… Я жил на берегу океана — в белой вилле среди тополей. У залива Тенеброза выдается далеко в океан мыс Печальных Воспоминаний, и когда солнце окрашивает небо в красный цвет, а горы в черный, мыс, кажется, спит на воде, как древнее божество… В таких местах я проводил свою жизнь и был ею доволен, если только можно получать удовольствие в последние дни жизни мира…

Однажды утром я отвлекся от своих звездных

карт, чтобы увидеть в воротах Джаванну. Она была прекрасна и стройна, как ты. Но волосы — удивительного рыжего цвета, и пряди их золотым ливнем падали ей на плечи. Она была восхитительна, а белизна ее платья побеждала любые сомнения в ее чистоте.

Я полюбил ее. Она утверждала, что любит меня. Она подарила мне полоску черного металла, чтобы я носил ее в знак любви. В своей слепоте я замкнул полоску на запястье, не зная, что на ней злая руна. Миновали недели величайшего счастья. Но вскоре проявились темные желания Джаванны, которые не могла подавить никакая любовь. Однажды ночью я застал ее в объятиях обнаженного черного демона, и это зрелище чуть не свело меня с ума.

Ошеломленный, я застыл в дверях. Она не заметила меня, и я медленно ушел. Утром она прибежала на террасу, смеющаяся и счастливая, как ребенок. «Уходи, — сказал я ей. — Ибо ты беспредельно порочна». — Она произнесла заклинание, и руна на моей руке поработила меня. Мое сознание по прежнему принадлежало мне, но тело с той минуты оказалось в ее власти, и должно было ей повиноваться.

Она заставила меня выложить все, что я видел

накануне, насмехалась и наслаждалась моими страданиями. Она мерзко унижала меня, она созвала сотни тварей из Калу, Фаувуна и Джелдреда, чтобы издеваться надо и терзать мое тело. Она заставила меня смотреть, как сама забавляется с этой нечистью, а когда я указал на самую отвратительную гадину, она при помощи магии сделал ее образину моим лицом.

— Да неужто бывают такие женщины? — не сдержала изумления Саис.

— Сам удивляюсь. — Он снова изучал ее взглядом. — …Наконец, однажды ночью, когда демоны таскали меня по утесам за холмами, острый камень случайно разрезал полоску с руной на моей руке. Я стал свободен, одним заклинанием отправил демонов в небо, вернулся на виллу, и в большом зале столкнулся лицом к лицу с рыжей Джаванной. Ее глаза были холодны и невинны. Я хотел было перерезать ей горло, но она хладнокровно сказала: «Подожди! Если ты убьешь меня, то навечно останешься страшилищем, потому что мне одной известно, как вернуть тебе лицо». И она убежала. А я не мог переносить вида моей виллы и ушел жить на болота. Теперь я всюду ищу ее, чтобы вернуть свое лицо.

— И где она сейчас? — спросила Саис, враз

осознав, что ее злоключения — лишь мелкие неприятности рядом с несчастьем Этарра.

— Я знаю, где она будет завтра ночью. Это будет ночь Черного Шабаша, с детства Земли посвященная силам зла.

— И ты отправишься на шабаш?

— Не в качестве приглашенного — хотя, по правде говоря, — печально сказал Этарр, — без капюшона я вполне сошел бы за одно из страшилищ, и на меня никто не обратил бы внимания.

Девушка задрожала и прижалась к стене. Этарр увидел это движение и вздохнул.

Внезапно ей пришла в голову другая мысль.

— И после всего, что ты испытал, ты все еще можешь находить в этом мире прекрасное?

— Конечно, — ответил Этарр. — Посмотри, как широко и привольно расстилаются эти болота, как их разукрасило солнце. Посмотри, как великолепно возвышаются утесы — хребет нашего мира. А ты, — он заглянул ей в лицо, — ты прекраснее всего в этом мире.

— Даже прекраснее Джаванны? — спросила Саис, удивленно глядя на смеющегося под капюшоном Этарра.

— Сто крат прекраснее Джаванны, — заверил он.

Саис продолжала размышлять.

— Ты хочешь отомстить Джаванне?

— Нет, — ответил Этарр, глядя на болота. — Что такое месть? Зачем она мне? Скоро солнце погаснет, и люди уснут смертным сном в объятиях вечной ночи, а Земля понесет свои руины и горы, стершиеся до корней, в бесконечную тьму. К чему месть?

На закате они вышли из дома и зашагали по болотам. Этарр обращал ее внимание на красоту природы — на реку Скаум, неспешно текущую среди зеленых тростников, на облака, что грелись в тусклых лучах солнца над утесами, на птицу, парящую на широких крыльях над туманными просторами Модавна Мура. Саис старательно пыталась увидеть в этом красоту, но ей, как всегда, не удавалось. Уже то хорошо, что она научилась сдерживать дикий гнев, который вызывал в ней окружающий мир, ее желание убивать ослабело, а лицо стало спокойнее.

Так они брели, думая каждый о своем, осиянные печальным великолепием заката и безмолвным блеском расцветающих звезд.

— Разве звезды не прекрасны? — шептал Этарр из-под своего черного капюшона.

А на Саис закат нагонял тоску, звезды же виде-

лись ей лишь бессмысленным узором крохотных искорок. Она ничего не могла ответить.

— На свете нет никого несчастнее нас, — сокрушалась она.

Этарр не отвечал. Путь продолжался в молчании. Неожиданно он схватил ее за руку и потянул в заросли утесника. Три больших шумных тени рассекли темные небеса.

— Пельграны!

Твари пронеслись над самой головой — их крылья скрежетали, словно держались на ржавых петлях. Саис мельком увидела: жесткое кожистое тело, большой, похожий на топор, клюв, жестокие глаза на сморщенной морде. Она прижалась к Этарру. Пельграны скрылись в лесу.

Этарр хрипло рассмеялся.

— Ты испугалась пельгранов! Вообрази себе, что если бы я снял капюшон, то пельграны шарахнулись бы от меня, как вороны — от пугала.

На следующее утро он опять повел ее в лес. Она нашла деревья, напомнившие ей Эмбелион. Однако домой они вернулись рано, и Этарр занялся своими книгами.

— Я не волшебник, — с сожалением подвел он итог своим занятиям. — Я знаю лишь несколько простейших заклинаний. Но иногда я пользуюсь

магией. Сегодня ночью мне без нее не обойтись.

— Сегодня ночью? — рассеянно переспросила Саис.

— Сегодня ночь Черного Шабаша. Я должен отыскать Джаванну.

— Я пойду с тобой, — заявила Саис. — Хочу видеть Черный Шабаш. И посмотреть на Джаванну.

Этарр уверял, что вид и звуки Шабаша ужаснут ее и помутят рассудок. Но Саис настаивала, и, в конце концов, убедила Этарра взять ее с собой. Через два часа после захода солнца они направились в сторону утесов.

Путь лежал через заросли вереска и скальные осыпи во тьме кромешной. Стройная Саис следовала за Этарром, как тень. Они вышли на крутой откос, сквозь черную щель проникли на длинную каменную лестницу, вырубленную в скалах в незапамятные времена; по этой лестнице поднялись на утес. Модавна Мур черным океаном лежал далеко внизу.

Этарр жестом велел Саис молчать. Они крались вдоль скал, следя, что творится под обрывом.

Там был амфитеатр, освещенный двумя большими кострами. В центре возвышался каменный помост. У костров и вокруг помоста раскачи-

вались два десятка фигур, облаченных в серые монашеские рясы. Лица их скрывали капюшоны.

Саис стало холодно. Она взглянула на Этарра.

— Даже в этом есть красота, — прошептал он. — Дикая и причудливая, но способная околдовать разум. — Саис покосилась вниз, уже смутно понимая, о чем речь.

Все больше и больше одетых в рясы фигур раскачивалось у костров. Было непонятно, откуда они появляются. Очевидно, праздник только что начался, и участники его занимали места, готовясь к таинству. Они скакали, смешивались в толпу, сплетая и расплетая объятия. Вскоре послышалось приглушенное пение.

Движения становились все более яростными, фигуры в рясах все теснее толпились у помоста. И вдруг кто-то решился, выпрыгнул на помост и сорвал одеяние. Это оказалась ведьма средних лет, приземистая, широкомордая, полностью нагая. Глаза ее сверкали, в бессмысленном возбуждении она шлепала губами, показывая язык, и мотала черными, жесткими, как хвоя утесника, патлами. В копотном свете пламени она отплясывает во славу похоти, зазывно поглядывая на остальных. Их пение взметнулось диким хором, над голо-

вами сгустились и уверенно спикировали вниз темные тени.

Рясы полетели во все стороны. Обнажились стар и млад: огненно-рыжие ведьмы с Кобальтовых гор, лесные колдуны Асколэса, седобородые волшебники из Заброшенных земель с маленькими дьяволицами-суккубами. Разодетый в великолепные шелка принц Датул Омаэт из Кансапара — Города Павших Колонн, что на берегу Мелантинского залива. Чешуйчатое создание с глазами на стебельках — человекоящер из песков Южного Альмери. Неразлучные девушки — сапониды, почти исчезнувшая раса равнин севера… Стройные темноглазые некрофаги из Земли Падающей Стены. Ведьма с мечтательным взором и голубыми кудрями — она обитает, на мысу Печальных Воспоминаний и ночами ждет на берегу тех, кто выходит из моря.

Обнаженная ведьма с отвисшими грудями все кривлялась на помосте, а к ней тянуло руки, извиваясь в сладострастных корчах, одуревшее от похоти сборище, в пляске изображая все извращения и непотребства, какие только могли прийти им на ум.

Бесновались все, кроме одного спокойного гостя, который, не сняв рясы, с удивительной

грацией шел сквозь неистовую толпу. Вот он уже на помосте… Ряса соскользнула, и Саис увидела Джаванну в полупрозрачном облегающем платье, собранном у талии, свежую и целомудренную, как брызги утреннего моря. Сверкающие рыжие волосы водопадом спускались на плечи, их завитки парили над высокой грудью. Большие серые глаза ведьмы были скромно опущены, земляничный рот полураскрыт. Она молча озирала толпу. Все орали, тесня друг друга, и Джаванна с обдуманной дразнящей неторопливостью начала двигаться.

Она вскидывала и опускала руки, вилась всем телом… Ее лицо горело безрассудной страстью. Ее накрыло туманной тенью, прекрасное и зловещее создание соединилось с Джаванной в фантастическом объятии. Внизу вопили, скакали, катались по каменным плитам, сплетаясь в клубки и раскатываясь парами по углам.

На все это смотрела со скалы Саис. Ее сознание пребывало в предельном напряжении, но — странное дело — зрелище и звуки увлекли ее, проникли в глубину души, одолев порок разума, и затронули темные струны, до поры спящие в каждом человеке. Этарр впился в нее взглядом, его глаза горели голубым огнем, а она смотрела

на него, раздираемая противоречивыми чувствами. Он моргнул и отвернулся; Саис снова засмотрелась на оргию — одуряющий сон, дикое торжество плоти в копоти и блеске. Амфитеатр был словно окутан испарениями порока. Демоны ястребами срывались вниз, и сливались с общим безумием. Их морды были до того отвратительны, что Саис едва сдерживала крик ужаса. Ей казалось, что вот сейчас она умрет, глядя на мешанину из выпученных глаз, раздутых брыл, синюшных тел, черных рыл со скрюченными носами, на копошение всего этого гнусного отродья. У одного на месте носа тройным кольцом свился белесый червь, рот провалился гнойной язвой, из которой торчали жвалы, черный лоб вздулся кособоким пузырем — при одном взгляде на него могло стошнить от ужаса. Этарр ткнул в него пальцем:

— Знакомься, — сказал он придушенным голосом, — Мой близнец… Таков я под капюшоном.

И Саис, взглянув на черный покров Этарра, отшатнулась.

Он горько рассмеялся… И вдруг ощутил прикосновение ее руки.

— Этарр…

— Да?

— Мой разум ущербен. Я ненавижу все вокруг, и не могу сдерживать свои чувства. Но все, что есть во мне, кроме разума, — кровь, тело, душа — любит тебя, даже такого, каков ты под маской.

Во взгляде Этарра было исступление…

— Как можешь ты любить то, что ненавидишь?

— Я ненавижу тебя той же ненавистью, что и весь мир. Эта ненависть — часть меня. Но другой частью себя я люблю тебя. Только тебя, никого больше. И не вижу в этом никакого противоречия.

Этарр отвернулся.

— Мы странная пара.

Накал сладострастия спадал. На помост взошел рослый мужчина в высокой остроконечной черной шапке. Запрокинув голову, он стал выкрикивать в небо заклятия, одновременно руками чертя в воздухе руны. Высоко над ним начала проявляться громадная призрачная фигура. Она была выше самых больших деревьев, даже выше самого неба. Постепенно ее очертания становились отчетливее, волны зеленой дымки сходились и расходились, облекая в туманную плоть образ прекрасной, строгой и величественной Женщины. Последняя дымка рассеялась, и

видение наполнилось неземным зеленоватым свечением. У нее были золотистые волосы, убранные в старинную прическу, и одежда под стать.

Колдун возбужденно завопил, и начал выкрикивать ядовитые насмешки, разносившиеся над утесами.

— Она живая! — прошептала Саис. — Она… шевелится. Кто это?

— Это богиня милосердия из того времени, когда солнце еще было золотым.

Колдун вскинул руки. Стрела пурпурного огня пронеслась по небу и ударила в туманную зеленоватую фигуру. Спокойное лицо исказилось от боли. Следящие за представлением демоны, ведьмы и некрофаги радостно завопили. Снова вскинулись руки — и новые огненные стрелы поразили плененную богиню. Вопли и визг нельзя было слушать без содрогания.

И тут сумятицу бесовского многоголосья прорезал прозрачный ясный звук охотничьего рога. Веселье мгновенно стихло.

Рог пропел снова. Его легкий звук был настолько чужд происходящему, словно доносился из другого мира. И сразу на утесы, как прибой, хлынули воины в зеленом. На приступ они шли с фанатической решимостью.

— Валдаран! — завизжал волшебник на помосте, а зеленая фигура богини заколебалась и развеялась.

Амфитеатр охватила паника. Послышались хриплые крики, люди натыкались друг на друга, демоны облаками теней уносились вверх. Несколько колдунов, сохранивших самообладание, метали в наступавших пламя, сыпали заклятиями, несущими смерть и паралич, но защитная магия воинов в зеленом была мощнее, и они невредимыми ворвались в амфитеатр. Их мечи взлетали и падали, разя без удержу и милосердия.

— Зеленый легион Валдарана Справедливого, — прошептал Этарр. — Смотри, вот и он сам. — И он указал на человека в черном, который с жестоким удовольствием следил за битвой с одного из утесов.

Демоны погибли все до единого. Едва они взмыли в ночное небо, на них бросились большие птицы, выпущенные людьми в зеленом. Птицы несли трубы, извергавшие ослепительное пламя, и едва оно касалось демона, тот с ужасным криком падал наземь и разлетался облаком черной пыли.

Несколько колдунов укрылись в тени среди

утесов. Саис и Этарру было слышно их загнанное дыхание. А наверх отчаянно карабкалась та, кого искал Этарр, — Джаванна. Ее рыжие волосы бились на ветру. Этарр броском настиг ее, схватил и стиснул сильными руками.

— Пошли, — бросил он Саис и, взвалив на плечи вырывающуюся Джаванну, заторопился сквозь мрак.

Наконец вокруг снова были болота. Шум битвы стих в отдалении. Этарр поставил добычу на ноги и отнял ладонь от ее рта. Увидев того, кто ее поймал, ведьма успокоилась и слегка улыбнулась. Потом пригладила свои длинные рыжие волосы, разбросав локоны по плечам, и стала разглядывать Этарра. Когда подошла Саис, Джаванна бросила на нее оценивающий взгляд и рассмеялась.

— Итак, Этарр, ты мне изменил: у тебя объявилась любовница.

— Тебе нет дела до нее, — ответил Этарр.

— Отошли девку, — сказала Джаванна, — и я снова стану твоей. Помнишь, как мы впервые поцеловались под тополями, на террасе твоей виллы?

Этарр коротко и резко рассмеялся.

— Мне нужно от тебя только одно.

Джаванна расхохоталась:

— Твое личико? А чем тебе не нравится то, которое на тебе? Оно тебе больше идет; к тому же твое прежнее лицо погибло.

— Погибло? Как?

— Тот, у которого оно было, сгорел сегодня в огне Зеленого легиона.

Этарр оглянулся на утесы.

— Так что твоя красота рассыпалась в пыль, вернее, в черный пепел, — продолжала Джаванна.

Этарр в слепом гневе ударил ее по прекрасному бесстыдному лицу. Джаванна стремительно отступила назад.

— Берегись, Этарр, или я заколдую тебя так, что и тело будет под стать.

Этарр взял себя в руки и отступил, глаза его горели.

— У меня тоже есть магия, но даже без ее помощи, одним кулаком я заставлю тебя замолчать при первых же звуках твоего заклятия.

— Посмотрим, — воскликнула Джаванна, отскакивая. — Мое заклятие удивительно короткое, — и она выкрикнула его прежде, чем Этарр успел броситься на нее. Он замер прямо в броске. Руки его безжизненно повисли, воля умерла, пораженная магией.

Однако и Джаванна застыла точно в такой же позе, тупо глядя перед собой. Только с Саис ничего не произошло — ее уберегла руна Панделума, которая и обратила магию на того, кто применил ее — на Джаванну.

Удивленная девушка стояла в темной ночи, как в пучине собственного сна — а рядом с ней замерли две фигуры. Саис подбежала к Этарру, потянула за руку. Тот перевел бессмысленный взгляд на нее.

— Этарр! Что с тобой?

И ее благодетель отозвался тусклым голосом:

— Ведьма произнесла заклятие, лишившее меня воли. Без приказа я не могу ни двигаться, ни говорить.

— Что же мне делать? Как спасти тебя? — спросила встревоженная девушка. Этарр не утратил памяти и ясности сознания. Но он мог дать ей только сведения, ничего больше.

— Ты должна приказать мне действовать так, чтобы победить ведьму.

— Но как я узнаю, что делать?

— Спрашивай меня, и я отвечу на любой вопрос.

— Но разве не лучше приказать тебе действовать так, будто ты — свободен?

— Да!

— Тогда действуй так, как стал бы действовать Этарр, будь он свободен от заклятия.

Так во тьме ночной было уничтожено заклятие Джаванны. Этарр опомнился и приблизился к неподвижной противнице.

— Ты боишься меня, ведьма?

— Да, — ответила Джаванна, — теперь боюсь.

— Правда ли, что лицо, которое ты украла у меня, превратилось в пепел?

— Да, твое лицо стало пеплом вместе с носившим его демоном.

Но голубые глаза спокойно смотрели на нее сквозь прорези в капюшоне.

— Как мне вернуть его?

— Потребуется мощная магия — ведь нужно проникнуть далеко в прошлое, ибо лишь там можно найти теперь твое лицо. Эта магия должна быть сильнее моей, и вообще сильнее той, которой располагают волшебники и демоны Земли. Я знаю только двоих, обладающих подобным могуществом. Одного зовут Панделум, он живет в многоцветном мире…

— Эмбелион, — невольно прошептала Саис.

— …но заклинание, переносящее в этот мир, забыто. Однако есть и другой, он не волшебник,

потому что не нуждается в магии. Чтобы вернуть себе лицо, ты должен отыскать одного из них, — Джаванна замолкла, ответив на вопрос Этарра.

— Кто этот второй?

— Имени его я не знаю. Давным-давно, за пределами людской памяти, как гласит легенда, к востоку от Мауренронских гор, за Землей Падающей Стены, у берегов большого моря обитало племя справедливых людей. Они воздвигли город, украсили его шпилями и низкими стеклянными куполами и жили там в мире и спокойствии. У них не было бога, и вскоре они ощутили необходимость в нем. Тогда они построили роскошный храм из золота, стекла и гранита, шириной равный реке Скаум в том месте, где она течет по долине Резных Надгробий, и сравнимый с нею в длину. Он был выше деревьев севера. И весь народ справедливых собрался в храме и стал молиться. Их волей, как гласит легенда, был рожден Бог. Он был подобен своим творцам — и олицетворял совершенную справедливость.

Прошли века. Город исчез, его шпили и башни превратились в груды развалин, населявший его народ рассеялся. Но бог остался, навсегда обреченный обретать там, где ему поклонялись. Сила этого бога превосходит любую магию. Каждому,

кто обращается к нему, бог дарует справедливость. И — пусть убоится зло! — бог не проявляет ни капли милосердия. Поэтому мало кто решается предстать перед ним.

— Мы отправимся к этому богу, — с мрачным удовлетворением сказал Этарр. — Отправимся втроем, и втроем будем просить у него справедливости.

Они вернулись по болотам в дом Этарра, и тот поискал в книгах заклинания, которые могли бы перенести их древний город. Тщетно: в его распоряжении такой магии не было. Он вновь обратился к Джаванне.

— Ты знаешь, как нам добраться до бога справедливости?

— Да.

— Как?

— Я призову крылатых существ с Железных гор, и они отнесут нас.

Этарр пристально взглянул в лицо Джаванне.

— А какую награду они требуют?

— Они убивают тех, кого переносят.

— Ага, ведьма, — воскликнул Этарр, — даже лишенная воли и вынужденная говорить правду, ты пытаешься повредить нам. — Он возвышался над прекрасным рыжеволосым злом. — Как нам

невредимыми добраться до этого бога?

— Нужно заклясть крылатых существ.

— Вызывай их, — приказал Этарр, — и наложи на них крепкое заклятие, свяжи их всей властью, которую дает тебе магия.

Джаванна покорно призвала тварей; те опустились, хлопая большими кожистыми крыльями. Ведьма наложила на них заклятье безопасности, и они завыли и затопали от злости.

Все трое сели верхом, и чудища быстро понесли их по небу, уже полному дыханием утра.

На восток, все время на восток. Наступил рассвет, проложив путь тусклому красному солнцу. Внизу проплыл темный Маурeронский хребет; позади осталась туманная Земля Падающей Стены. На Юге раскинулись пустыни Альмери и дно древнего моря, заросшее джунглями; на севере — дикие леса.

Полет продолжался целый день — пески, утесы, еще один большой горный хребет… И только к вечеру крылатые твари тяжело приземлились на широкий песчаный пляж.

Перед ними сверкало море. Местность походила на обширный заброшенный сад. Джаванна связала крылатых заклятием неподвижности, чтобы те не улетели до их возвращения после

божественного суда.

Ни на берегу, ни в саду не видно было ни следа древнего города. Лишь в полумиле от берега из воды поднималось несколько разбитых колонн.

— Море наступает, — пробормотал Этарр. — Город затоплен.

Он ступил в воду. Море было мелким и спокойным. Саис и Джаванна последовали за ним. В сумерках они дошагали до разбитых колонн древнего храма. Вода доходила им только до пояса.

Здесь явственно ощущалось чье-то присутствие — присутствующий был бесстрастен и обладал безграничной волей и властью.

Этарр встал среди колонн.

— Бог минувшего! — воззвал он. — Я не знаю, как к тебе обратиться, иначе я назвал бы тебя по имени. Мы трое пришли к тебе из далекой земли в поисках справедливости. Если ты слышишь нас и воздашь нам по справедливости, то дай знак!

Низкий звучный голос раскатился в воздухе:

— Слышу и каждому воздам по справедливости.

И все узрели золотую шестирукую статую с круглым спокойным лицом, неподвижно восседающую в нефе огромного храма.

— Меня обманом лишили лица, — сказал

Этарр. — Если ты считаешь меня достойным, верни мне мое лицо.

Бог простер свои шесть рук.

— Я увидел тебя изнутри. Справедливость восстановлена. Можешь снять капюшон.

Этарр медленно снял маску. Провел рукой по лицу. Узнал себя на ощупь.

Саис ошеломленно уставилась на него.

— Этарр! — воскликнула она. — Мой мозг изменился! Я вижу — я вижу мир таким, какой он есть. Прекрасным!

— Каждому заслуженное, справедливость восстановлена, — произнес звучный голос.

Они услышали стон, и разом обернулись к Джаванне. Куда же пропало ее прекрасное лицо, земляничный рот, чистая кожа?

На месте носа извивался белесый червь, рот провалился и зиял, как гнойная язва, жвалы отвисли, лоб почернел и кособоко вздулся. От прежней Джаванны остались только разметавшиеся по плечам длинные рыжие кудри.

— Каждый приходящий получает по справедливости, — произнес голос, и видение поблекло. Трое стояли по пояс в холодной воде, и море играло отсветами дня, а лишенные капителей колонны вздымались к самому небу.

Медленно они вернулись к крылатым тварям.

Этарр обернулся к Джаванне.

— Сгинь, — приказал он. — Убирайся в свое логово. Завтра после заката ты вернешь себе свободу воли, И не смей приближаться к нам: я почую тебя и уничтожу.

Джаванна молча оседлала существо и взмыла в ночное небо.

Этарр повернулся к Саис и взял ее за руку. Он любовался ее лицом, гляделся в ее глаза, сиявшие такой радостью — словно в зрачках и впрямь были искры. Наклонившись, он поцеловал ее в лоб. Потом вместе, рука об руку, они направились к своим крылатым существам и отправились назад, в Асколэс.

Лайан-Странник

Лайан-Странник шел через лес. Его скользящая походка была легка, и тенистые поляны словно по доброй воле стлались ему под ноги. Он звонко насвистывал и весело напевал, явно пребывая в отличном расположении духа. На указательном пальце он то и дело вертел обруч из кованой бронзы, украшенный какими-то угловатыми буквами, уже совершенно черными от патины.

Вещица попалась ему на глаза случайно — она была насажана на корень древнего тиса. Сняв обруч, он заметил на его внутренней стороне надпись — ее грубые очертания выдавали какую-то могучую древнюю руну… Лучше всего отнести обруч к волшебнику и испытать колдовством.

Лайан сморщился — дала о себе знать едва зажившая рана. Не так-то просто устроить это испытание! Иногда вообще не отделаться от впечатления, что все живые существа норовят ему помешать! Сколько шума наделал сегодня утром торговец пряностями, погибший от его руки. И еще умудрился всю свою подлую кровь пролить ему, Лайану, на туфли! «И все-таки, — подумал Лайан, — каждая неприятность несет в

себе приятность». Копая для торговца могилу, он и нашел обруч.

Настроение Лайана снова поднялось, весело напевая и пританцовывая, он продолжил путь. Откинутая на спину шляпа подпрыгивала, красное перышко на ней покачивалось и поблескивало… И тем не менее — Лайан на мгновение замедлил шаги — назначение обруча он узнает нескоро. Если оно вообще есть.

А что, если попробовать самому?

Найдя освещенную полянку, где рубиновые солнечные лучи широким потоком прорвались сквозь тяжелую листву, он осмотрел обруч и поскреб надпись ногтем. Всмотрелся повнимательней. Как будто какое-то мерцание… Сейчас он держал находку на вытянутой руке — и она походила на диадему. Примерить, что ли? Странно. Обруч соскользнул ему на уши. Сполз на глаза. Тьма. Лайан лихорадочно сдернул его с головы — и обруч оказался не больше браслета. Странно!

Он сделал новую попытку. Обруч скользнул по плечам. Голова оказалась в темном коконе. Движение обруча словно отсекало дневной свет.

Локти, поясница, колени… Обруч сполз к лодыжкам — когда Лайан в неожиданном страхе стащил его с себя через голову, и снова явился в

бордово-красном сумраке леса.

В листве над его головой засверкали синие, с голубой искрой и зеленым отливом сполохи. Это был твек верхом на стрекозе, свет играл на крыльях насекомого.

— Сюда, любезный! — резко окликнул его Лайан.

Твек опустил свою верховую стрекозу на ветку.

— Что тебе угодно, Лайан?

— Смотри и запоминай, что увидишь. — Лайан напялил обруч на голову, опустил до лодыжек, снова поднял. Покосился на твека — тот спокойно жевал травинку. — Что ты видел?

— Я видел, как Лайан растаял в воздухе, и от него остались только его красные туфли, больше ничего.

— Ха! — воскликнул Лайан. — Подумать только! Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

Но Твек только беззаботно поинтересовался:

— Есть ли у тебя соль? Мне нужна соль.

— А какие вести ты мне принес?

— Три эрба убили Флореджина-Снотворца и взорвали все его шары. Над его домом приключилась разноцветная буря из их обрывков!

— Грамм.

— Принц Кандайв Золотой построил высокую

баржу из резного дерева и теперь плывет по реке Скаум на Регату. Баржа полна драгоценностей.

— Два грамма.

— Золотая ведьма по имени Лит поселилась на лугу Тамбер. Она — воплощение красоты и скромности.

— Три грамма.

— Довольно, — сказал твек и наклонился, следя, как Лайан отвешивает на крохотных весах соль. Он уложил соль в маленькие корзины, подвесил их по обе стороны ребристой стрекозьей груди, поднял стрекозу в воздух и исчез в листве.

Лайан опять надел бронзовый обруч, на этот раз переступил через него и вышел в окружившую его тьму. Что за удивительное укрытие — вход в него можно спрятать внутри! Он снова встал в кольцо, поднял его над плечами, снял и опять оказался в лесу с маленьким бронзовым браслетом в руке.

«Хо! А теперь на луг Тамбер — поглядеть на золотую ведьму!»

Ее домом был простой шалаш из тростника, купол с двумя круглыми окнами и низкой дверью. Хозяйка, стоя по колено в пруду, ловила себе на ужин лягушек. Белая юбка была высоко подвернута; девушка стояла почти неподвижно, только

темная вода редкими кругами расходилась от ее стройных колен.

Она превзошла все ожидания Лайана: как будто один из лопнувших волшебных шаров Флореджина взорвался здесь над водой. Сливочная кожа, тронутая золотом; волосы — словно чистое, влажное золото. Глаза — точь-в-точь как у самого Лайана — большие, золотые, широко расставленные и слегка раскосые.

Лайан вышел на берег. Ведьма испуганно вздрогнула, приоткрыв спелые губки.

— Золотое чудо, не удостоишь ли ты вниманием Лайана? Он явился на Тамбер, чтобы засвидетельствовать тебе свое почтение; его дружба и любовь у твоих ног…

Лит резко наклонилась, зачерпнула пригоршню грязи и запустила ему в лицо.

Лайан разразился бранью; пока он отряхивался и промывал глаза, она скрылась в доме и захлопнула дверь.

Пришлось отбивать о дверь кулаки.

— Или ты покажешься, или я спалю твое гнездышко!

Дверь, приоткрылась, в щели мелькнула ее улыбка.

— Что еще угодно гостю?

Лайан ринулся в дом и бросился к ней, но двадцать острых лезвий изо всех углов взметнулись в воздух и уперлись ему в грудь. Он испуганно замер; брови поползли на лоб, губы задергались.

— Назад, сталь, — приказала Лит, и лезвия исчезли.

— Я легко могла бы отобрать у тебя жизнь. Если бы захотела, — спокойно сказала она.

Лайан нахмурился и как бы в раздумье потер подбородок.

— Послушай, — сказал он без улыбки, — ты ведешь себя безрассудно. Лайана сторонятся те, кого боится сам страх, и любят те, кого любит любовь. А ты, — он обласкал взглядом прелести ее золотого тела, — ты спела, как сладчайший плод. Ты нетерпелива, ты сверкаешь и дрожишь от страсти. Ты по нраву Лайану и достойна его.

— Нет-нет, — с легкой улыбкой ответила Лит. — Ты слишком спешишь.

Лайан удивленно взглянул на нее.

— Неужели?

— Я, Лит, — сказала она, — и вправду такова, какой тебе кажусь. Я волную, я воспламеняю, я томлю. Но полюбить я смогу лишь того, кто исполнит мое заветное желание. Для этого нужны смелость, ловкость и хитроумие.

— Все это мне свойственно в полной мере, — сказал Лайан, слегка прикусив губу. — И посему не вижу причин для промедления…

Она отшатнулась.

— Нет же! Помимо твоих, есть еще и мои желания! Своим хвастовством ты не заслужишь мою любовь!

— Вздор! — бушевал Лайан. — Взгляни же на меня. Приглядись хорошенько! Моя осанка совершенна, мое лицо соразмерно, мои глаза подобны твоим! Моя стать и сила не имеют равных! Это ты должна мне служить, а не я — бегать у тебя на посылках. Вот что, — он опустился на низкий диван, — принеси мне для начала вина.

Она покачала головой.

— В моем маленьком шалаше меня нельзя ни к чему принудить. Здесь не обширный луг Тамбер — здесь я под защитой двадцати стальных лезвий, послушных моему зову. Так что повиноваться будешь ты. Поэтому выбирай: либо уйти прочь и никогда не возвращаться, либо исполнить один мой каприз… И я исполню все твои к нашему обоюдному удовольствию.

Лайан сидел неподвижно. Поведение золотой ведьмы выбивало из колеи. Однако она стоила усилий. А за ее дерзость он с ней позднее распла-

тится сторицей.

— Хорошо, — учтиво согласился он. — Чего ты хочешь? Драгоценностей? Я засыплю тебя жемчугами, ослеплю бриллиантами. У меня есть два изумруда, такие большие, что их не сжать в кулаке. Это настоящие зеленые океаны, взгляд тонет в них и остается внутри навсегда, блуждая меж вертикальных зеленых граней…

— Нет….

— Стало быть, враг. Это совсем просто. Лайан прикончит ради тебя хоть десятерых. Два шага вперед, удар, и все. — Он сделал выпад. — И душа, стеная, летит вверх, как пузырек в кувшине хмельного меда.

— Нет. Мне не нужны убийства.

Он, нахмурившись, снова сел.

— Что же тогда?

Ведьма отошла к дальней стене и потянула уголок занавески. Открылся золотой гобелен: на нем была изображена долина под сенью гор; по долине мимо тихой деревушки текла и исчезала в роще медленная река. Река, горы, деревья искрились столь разными оттенками золота, что казалось, будто гобелен — многоцветный. Но эта красота была грубо разорвана пополам.

— Прелестно, как это прелестно!.. — выдохнул

очарованный Лайан…

— Это волшебная долина Аривенты, — печально пояснила Лит. — Вторую половину гобелена у меня украли. Возвратить ее — вот о чем я хотела попросить.

— Где же вторая половина? — спросил Лайан. — И кто этот презренный дикарь?

Теперь она не сводила с него внимательных глаз.

— Ты когда-нибудь слышал о Чане? О Чане Неминуемом?

Лайан задумался.

— Нет.

— Он и украл половину моего ковра. Повесил в мраморном зале где-то среди руин, что к северу от Кайна.

— Ха! — пробормотал Лайан.

— Зал находится возле Владений Шепота и обозначен наклонной колонной с черным медальоном. На медальоне — феникс и двуглавая ящерица.

— Я иду, — сказал Лайан, вставая. — День — дорога до Кайна, другой — на то, чтобы добыть гобелен, еще один на обратный путь. Жди меня через три дня.

Лит проводила его до двери.

— Берегись Чана Неминуемого, — прошептала она.

Лайан, насвистывая, зашагал по лугу. Красное перо бодро покачивалось на его шляпе. Лит проводила его взглядом, потом вернулась в комнату и приблизилась к сокровищу.

— Золотая Аривента, — прошептала она, — мое сердце плачет и болит от тоски по тебе.

Река Дерна стремительнее и уже своего южного собрата Скаума. Там, где Скаум струится по широкой долине, пурпурной от цветов и усеянной белыми и серыми руинами замков, Дерна высекла узкий каньон, стиснутый лесистыми утесами.

Древняя каменная дорога когда-то проходила по берегу Дерны, но теперь ее то и дело пересекали широкие трещины, так что Лайану приходилось частенько продираться по обочине через заросли колючих кустарников и трубчатой травы, шелестевшей на ветру.

Красное солнце, медлительное, как доживающий последние дни старец, висело над самым горизонтом, когда Лайан, взобравшись на Рубец Порфириона, окинул взглядом белостенный Кайн и голубой, залив Санреаль за ним.

Прямо под Рубцом раскинулась торговая площадь: лабиринт лавок, торгующих фруктами,

шматами бледного мяса, моллюсками с илистых берегов, тусклыми флаконами с вином. Жители Кайна неторопливо пробирались среди прилавков, покупая еду для ужина.

За торговой площадью обломанными клыками возвышались колоннады подвесной арены, которую двести лет назад приказал возвести над землей безумный король Шин. Еще дальше — в зелени лавров — блестел купол дворца, откуда Кандайв Золотой правил Кайном и той частью Асколэса, что видна с Рубца Порфириона.

Дерна здесь растекалась сетью мутных каналов, плутала в подземных трубах и, в конце концов, сквозь гниющие гавани просачивалась в море.

«Скорее найти ночлег, — подумал Лайан, — а утром — за дело».

Он прыжками сбежал по зигзагообразным ступеням на затихающее торжище. Здесь приходилось быть осторожным. Лайана-Странника в Кайне хорошо знали, и многие здесь хотели бы ему навредить.

Он осторожно прокрался в тени Паннонской стены, свернул в узкую мощеную улочку, застроенную старыми деревянными домами, густо-коричневыми в свете заката, и вышел на маленькую площадь, украшенную высоким ка-

менным фасадом «Гостиницы Волшебников».

Хозяин гостиницы, кругленький толстяк с печальными глазами и маленьким толстым носом, похожим на его же туловище, выгребал угли из очага. При появлении постояльца он разогнулся и заторопился за стойку.

— Хорошо проветренная комната и ужин: грибы, вино, устрицы, — приказал Лайан.

Хозяин поклонился.

— Слушаюсь, господин… чем будете платить?

Лайан швырнул ему кожаный мешочек, отобранный сегодня утром у покойного торговца пряностями. Почувствовав аромат, хозяин зажмурился от удовольствия.

— Почки с корней спеса, товар с края света, — подтвердил Лайан догадку хозяина.

— Великолепно, великолепно… Ваша комната, господин, и ваш ужин — немедленно.

Пока Лайан утолял голод, объявились остальные постояльцы гостиницы. Все сели с вином у огня и завели разговор, который в основном касался магии и великих волшебников минувшего.

— …Великий Фандаал знал забытую ныне науку, — сказал старик с выкрашенными в оранжевый цвет волосами. — Он привязывал

к ножкам воробьев белые и черные струны и отпускал пичуг на все четыре стороны. Там, где они вили гнезда, вырастали большие деревья, усеянные цветами, фруктами, орехами и вместилищами редчайших нектаров. Говорят, так он создал Великий Лес у вод Санры.

— Ха, — сказал угрюмый человек в коричневой с черным одежде, — этак и я могу. — Он вытащил обрезки струн, согнул их, связал, произнес негромкое слово, и струны обратились в языки красного и желтого пламени, которое плясало взад и вперед по столу, пока мрачный человек не погасил его жестом.

— А я могу вот что, — сказал человек в черном капюшоне с серебряными кругами. Он достал маленький поднос, поставил на стол и бросил на него горсть пепла из очага. Потом извлек свисток и выдул ясный звук. Над подносом вспорхнули сверкающие разноцветные мотыльки. Поднявшись на фут, они вспыхнули многоцветьем звезд. И каждая вспышка давала отзвук — чистейший и ясный. Когда почти все звезды померкли, волшебник выдул другую ноту, и над подносом снова взвилось сверкание. Еще раз — и еще один рой мотыльков. Наконец он убрал свисток, вытер поднос, спрятал его под плащ и снова замолк.

В состязание вступили другие колдуны, и воздух над столом заполнился видениями, и задрожал от заклинаний. Один сотворил девять цветков невыразимой красоты, другой умудрился отверзнуть во лбу хозяина рот, который, к большому неудовольствию маленького толстяка, начал поносить собравшихся, да еще его же голосом. Еще один показал зеленую бутылку, в которой гримасничал чертик; еще один — шар из чистого хрусталя, который по команде владельца катался по столу; гордый владелец утверждал, что это — серьга знаменитого мастера Санкаферрина.

Лайан внимательно следил за всем этим, досадуя, что мир полон жадинами: обладатель хрустального шара отказался расстаться со своей игрушкой, даже когда Лайан вытащил двенадцать пакетов с редкими пряностями.

— Я хочу только доставить удовольствие прелестной ведьме Лит, — чуть ли не канючил Лайан.

— Доставь ей удовольствие пряностями.

— Да обойдется она без пряностей и без этого мячика тоже! — вспылил, наконец, Лайан. — Ей нужно, чтобы я украл у Чана Неминуемого кусок гобелена.

Гости как по команде смолкли. Лайан перево-

дил ошарашенный взгляд с одного волшебника на другого.

— Что это вы так внезапно протрезвели? Эй, хозяин, еще вина!

— Даже если бы пол по щиколотку был залит лучшим красным вином Танвилката, свинцовая тяжесть этого имени все равно висела бы в воздухе, — мрачно вздохнул владелец чудесного шара.

— Ха! — рассмеялся Лайан. — Да пусть только капля этого вина коснется твоих губ, и его испарения мигом заставят тебя забыть обо всех неприятностях!

— Взгляните на его глаза, — послышался откуда-то шепот. — Они большие и золотые…

— И хорошо видят к тому же, — разглагольствовал Лайан, — А эти ноги — быстро бегают… летят, как звездный свет по волнам. А эти руки — метко разят сталью. А моя магия даст мне убежище вне пределов всякого знания. Смотрите, вот подлинная магия древности. — Он глотнул вина прямо из кувшина, быстро надел на голову бронзовый обруч, который скользнул сквозь него и внес в темноту. Когда ему показалось, что прошло достаточно времени, он вернулся в видимый мир.

Огонь горел, за стойкой суетился хозяин. Вино Лайана стояло на столе. Волшебники исчезли.

Лайан удивленно осмотрелся.

— А где же мои друзья волшебники?

Хозяин повернул голову:

— Разошлись по своим комнатам. Имя, которое ты произнес, надолго лишило их радости.

И Лайан допил свое вино в хмуром молчании.

На следующее утро он покинул гостиницу и по окольной дороге направился в Старый Город — дикий каменный лабиринт из обрушенных опор, выветренных плит песчаника, упавших фронтонов с резьбой и надписями, террас, заросших ржавым мхом. Всюду ползали ящерицы, змеи, скорпионы. Больше ничего живого не было видно.

Пробираясь среди развалин, он чуть не споткнулся о труп. Мертвый юноша смотрел в небо пустыми глазницами.

Тут же Лайан ощутил чье-то присутствие и отпрыгнул, в развороте наполовину обнажив клинок. На него смотрел согбенный старик. Послышался его слабый дребезжащий голос:

— Что ты ищешь в Старом Городе?

Лайан убрал оружие.

— Я ищу Владения Шепота. Может, покажешь?

Старик испустил горловой хрип.

— Еще один? Когда это кончится?.. — Он указал

на труп. — Этот пришел вчера. Он тоже искал Владения Шепота. Хотел обокрасть Чана Неминуемого. Видишь, что с ним стало? Ладно уж, следуй за мной. — Старик свернул за груду обломков. Лайан последовал за ним. Там обнаружился еще один труп с пустыми окровавленными глазницами.

— Этот пришел четыре дня назад. А вот здесь, за аркой, почивает великий воин в эмалевых латах. И здесь… и здесь… — Он все тыкал вокруг себя пальцем. — Здесь и здесь, как раздавленные мухи.

И вдруг устремил на Лайана взгляд своих водянистых голубых глаз.

— Уйди, юноша, уйди, иначе твое тело в зеленом саване плаща сгниет здесь на камнях.

Лайан вытащил клинок и сделал широкий взмах.

— Я Лайан-Странник. Пусть лучше боятся те, кто намерен меня оскорбить. Где Владения Шепота?

Но старик молчал, как обветрившийся столб, и Лайан ушел.

«А что, если он — прислужник Чана? — спросил себя Лайан. — И как раз сейчас пойдет его предупредить?.. Стоит позаботиться о безопасности…» Он кинулся назад, прячась за обломки колонн.

Вот и старик — он что-то бормочет, опираясь на палку. Прокравшись по руинам, Лайан сбросил на него сверху обломок гранита. Удар, вскрик. Теперь можно было приступать к делу.

Он миновал разбитый обелиск, и Владения Шепота оказались прямо перед ним: протяженный просторный зал, и впрямь обозначенный наклонной колонной, на которой выделялся черный медальон с Фениксом и двуглавой ящерицей.

Лайан укрылся в тени стены, высматривая, как волк, малейшее движение.

Но руины были недвижимы. Солнечный свет подчеркивал их зловещее великолепие. Всюду, насколько хватало глаз, тянулась каменная пустыня: дух человека покинул эти развалины так давно, что камни стали принадлежностью природы.

Солнце двигалось по темно-синему небу. Лайан покинул засаду и обошел зал. Никого.

Он подошел к строению с тыла и приложил ухо к камню. Все мертво, ни малейшего шевеления. Он осмотрелся снова. В кладке обнаружилась щель. Лайан заглянул внутрь. На дальней стене зала блестел гобелен. Больше в зале ничего не было.

Лайан огляделся по сторонам и продолжил

обходить зал.

Сквозь другую щель он увидел то же самое — блеск гобелена на дальней стене, и — ни шороха, ни движения.

Он прислушивался, снова и снова заглядывал внутрь — все оставалось неподвижным, как прах.

Он уже рассмотрел в подробностях весь зал — всюду был голый камень — если не считать гобелена.

Тогда он вошел, ступая широкими мягкими шагами, и остановился посередине. Со всех сторон, кроме дальней стены, лился свет. Не менее дюжины проломов, в каждом — если что — спасение. И — ни звука, кроме тупого биения его собственного сердца.

Два шага вперед. Теперь до гобелена было рукой подать.

Еще один шаг — и он сорвал добычу со стены.

За гобеленом стоял Чан Неминуемый.

Лайан вскрикнул. Неуклюже повернулся — ноги, как во сне, отяжелели и отказывались повиноваться.

Чан неумолимо приближался. На его плечах была черная накидка, к шелку которой были во множестве пришиты… глаза!

Лайан побежал что было сил. Земля улетала из-под ног. Из зала через площадь в путаницу поверженных статуй и разбитых колонн… А за ним, как гончий пес, следовал неотступный Чан.

Вдоль большой стены — в разбитый фонтан. За ним — Чан.

В узкий проход, на груду мусора, на какую-то крышу, оттуда во двор. За ним — Чан.

По широкой улице мимо чахлых старых кипарисов — шаги Чана не отдалились. Он вбежал под арку, вытащил бронзовый обруч, надел на голову, опустил к ногам, переступил…. Спасен! Один-одинешенек в темном волшебном коконе, сокрытый ото всех земных взглядов, от всего земного знания. Близкое движение, выдох. Где-то возле локтя тихо сказали.

— Я — Чан Неминуемый.

Лит сидела под лампой на своем ложе и плела коврик из лягушечьих шкурок. Дверь заперта, на окнах ставни. За стенами в темноте — спящий луг Тамбер.

У двери заскребли, потом налегли на замок. Скрежет. Лит застыла, впившись глазами в дверь.

Из-за двери раздался голос:

— Сегодня, Лит, я принес тебе две длинных

ярких нити. Две, потому что глаза были такие большие, такие золотые…

Лит не пошевелилась. Она прождала час; потом, прижавшись к двери, прислушалась. Никого. Только где-то поблизости заквакала лягушка.

Тогда она отперла дверь, подобрала с порога нити и снова заперлась. Подбежала к золотому гобелену и приладила нити на место.

Она смотрела на золотую долину, умирая от тоски по Аривенте. Слезы застилали мирную реку, тихий золотой лес.

— Гобелен все шире… В один прекрасный день он будет закончен, и я вернусь домой…

Юлан Дор

— Давай же договоримся, что новые знания станут нашим общим достоянием.

Принц Кандайв Золотой вел серьезную беседу со своим племянником Юланом Дором. Юлан Дор, стройный бледный молодой человек с черными волосами, глазами и бровями, печально улыбнулся.

— Но ведь в Забытые Воды поплыву я один. И в одиночку буду отбиваться веслом от морских демонов…

Кандайв откинулся в кресле и потер кончик носа резным нефритовым набалдашником трости.

— А я сделал это путешествие возможным. Кроме того, поскольку я уже искусный колдун, то новые знания лишь умножат мое искусство, не более того. Зато ты, профан, сразу обретешь звание мага и войдешь в число волшебников Асколэса. И возвысишься по сравнению с нынешним твоим положением. Если смотреть с этой точки зрения, я приобретаю малое, ты — очень многое.

Юлан Дор поморщился.

— Верно, хотя я не согласен с твоей оценкой

моего положения. Я знаю Фандаалово Заклятие Холода, я — признанный фехтовальщик, и мое положение среди восьми делафазиан…

— Фу ты! — насмешливо фыркнул Кандайв. — Как скучны эти мелкотравчатые людишки! На что они тратят жизнь? «Красивые» убийства, видите ли, их занимают! Изыски разврата! Безвкусица! Земля доживает последние часы, а ни один из этих гигантов духа не видел в своей жизни ничего, кроме Кайна!

Юлан Дор еле сдержался: его венценосный дядюшка также не чуждался вина, яств и любовных утех; а самое далекое его путешествие из крытого куполом дворца — к резной барже на реке Скаум и обратно.

Кандайв, успокоенный молчанием Юлана Дора, достал ящичек из слоновой кости.

— Ну, что ж. Если мы договорились, я сообщу тебе необходимые сведения.

Юлан Дор кивнул.

— Договорились.

— Хорошо. Ты направишься к забытому городу Ампридатвиру. — Он искоса наблюдал за Юланом Дором. Но лицо племянника осталось равнодушным.

— Я никогда не бывал там, — продолжал

Кандайв. — Поррина Девятый называет его последним из островных олекнитских городов Северного Мелантина. — Он открыл шкатулку. — Этот рассказ я нашел в груде древних свитков. Он принадлежит перу поэта, который бежал из Ампридатвира после смерти Рогола Домедонфорса, их последнего великого правителя, волшебника, обладавшего огромной властью. Он сорок три раза упомянут в Энциклопедии…

Кандайв развернул хрупкий от времени пергамент и начал читать:

— Ампридатвир гибнет. Мой народ забыл учение силы и порядка и погрузился в суеверия и схоластику. Идут бесконечные споры: бог ли Паншу представляет верховный разум, а Газдал — предел разврата, или наоборот: Газдал — добродетельное божество, а Паншу — само зло.

Этот спор ведется посредством огня и стали. Я оставляю Ампридатвир упадку и отправляюсь в спокойную долину Мел-Палусас, где и проведу последние дни своей жизни.

Я еще застал прежний Ампридатвир; я помню его башни, испускающие по ночам удивительный блеск, их лучи в силах были затмить само солнце. Тогда Ампридатвир был прекрасен — и сердце мое болит, когда я думаю об этом древнем

городе. Семирский виноград спускался по стенам тысячами свисающих гирлянд, голубая вода струилась в каменных ложах каналов. Металлические повозки сами собой мчались по улицам, металлические экипажи заполняли воздух густо, как пчелы возле улья — чудо из чудес, мы заставили плененный огонь преодолевать могучее тяготение Земли… Но избыток меда пресыщает язык; избыток вина разрушает мозг; избыток легкости лишает человека сил. Свет, тепло, вода, пища были доступны всем и доставались почти без усилий. И вот жители Ампридатвира, освобожденные от утомительного труда, предались фантазиям, извращениям и оккультизму.

Сколько я себя помню, городом правил Рогол Домедонфорс. Он знал все древние предания, все тайны огня и света, тяготения и невесомости, он постиг метафизику и сопутствующие ей дисциплины. Но при всей глубине знаний, он не замечал упадка духа в Ампридатвире. Слабость и вялость, которую он видел в своих подданных, он приписывал отсутствию образования. В последние годы своей жизни он трудился над созданием огромной машины, которая должна была вообще освободить человека от работы и тем самым дать ему возможность заниматься только размышле-

ниями и науками.

И вот в то время, как Рогол Домедонфорс предавался трудам, город охватило религиозное безумие.

Соперничающие секты Паншу и Газдала существовали давно, но в споре участвовали только жрецы. И вдруг эти культы распространились повсеместно, и в народе произошел раскол. Жрецы, давние ревнивые соперники, опьяненные своей новой властью, призвали своих последователей к фанатичному служению. Разгорелись споры, поднялись мятежи, насилие. И в один из этих злых дней камень, пущенный чьей-то рукой, ударил Рогола Домедонфорса в висок, и тот упал с балкона.

Раненый, искалеченный, но сопротивляющийся смерти, Рогол Домедонфорс успел завершить свое детище. Но перед тем, как упокоиться на смертном одре, он отдал своей машине один-единственный приказ, и когда на следующее утро Ампридатвир проснулся, жители его обнаружили, что у них нет ни энергии, ни света; пищевые фабрики остановлены, каналы опустели.

В ужасе они бросились к Роголу Домедонфорсу, чтобы услышать его воистину последний завет:

— Я долго не замечал вашего упадка; теперь я

вас презираю — вы принесли мне смерть.

— Но город умирает! Народ гибнет! — воскликнули они.

— Вы должны спасаться сами, — сказал им Рогол Домедонфорс. — Вы отвергли древнюю мудрость, вы были слишком ленивы, чтобы учиться, вы искали успокоения в религии, вместо того чтобы мужественно противостоять реальности. Я решил подвергнуть вас жестокому испытанию, которое, как я надеюсь, будет для вас целительным.

Он призвал соперничающих жрецов Паншу и Газдала и протянул каждому по табличке из прозрачного металла.

— По отдельности эти таблички бесполезны; но если их сложить вместе, можно прочесть заключенное в них послание. Тот, кто его прочтет, получит доступ к древним знаниям и будет владеть силами, которые я собирался использовать сам. Теперь идите.

Жрецы, пожирая друг друга глазами, попятились в разные стороны. Потом созвали своих приверженцев, и началась большая война.

Тело Рогола Домедонфорса так и не было найдено; некоторые утверждают, что его останки все еще лежат в катакомбах под городом. Таблички

поместили в соперничающих храмах. По ночам начались убийства, а днем голодные умирали на улицах. Многие бежали на континент. Теперь и я следую за ними, оставляя Ампридатвир, последний дом моего народа. Я построю деревянную хижину на склоне горы Лью и проведу оставшиеся мне дни в долине Мел-Палусас.

Кандайв свернул свиток и вернул его в шкатулку.

— Твоя задача, — сказал он племяннику, — отправиться в Ампридатвир и раскрыть тайны Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор задумчиво заметил:

— Что могло остаться тайной по прошествии тысяч лет?

— Ты прав, — согласился Кандайв. — Но с тех пор историки не упоминали имени Рогола Домедонфорса, и на этом основании я полагаю, что его мудрость все еще хранится под древним Ампридатвиром.

Три недели Юлан Дор провел в плавании по спокойному океану. Солнце озаряло горизонт кровавым багрянцем, и шествовало по небосклону; вода была неподвижна, если не считать ряби от ветерка и пенного следа за кормой.

Солнце садилось, бросая последний печальный

взгляд на мир; наступали сумерки, за ними ночь. Древние звезды усеивали небо, и след за кормой корабля Юлана Дора переливался бледными отблесками далеких светил. Юлан Дор смотрел на безбрежные соленые воды, остро ощущая свое одиночество.

Три недели одиночества, пока однажды утром справа не показались темные очертания берега. Слева рассветной дымке виднелся остров.

Недалеко от его корабля переваливалась с волны на волну неуклюжая баржа под квадратным парусом, сплетенным из тростника.

Юлан Дор пригляделся и различил на ее палубе двух рыбаков в грубой зеленой одежде. У них были волосы цвета спелого овса и голубые глаза; и оба уставились на незнакомый корабль в крайнем ошеломлении.

Юлан Дор спустил парус и перекинул на баржу трап. Ни один из рыбаков не проронил ни слова.

Тогда Юлан Дор обратился к ним первым:

— Похоже, вид человека вам незнаком.

Старший завел заунывный распев — явно заклинание против демонов и злых духов. Мореход рассмеялся:

— Почему ты меня поносишь? Я такой же человек, как и ты.

Младший отозвался на береговом наречии:

— Мы полагаем, что ты демон. Во-первых, среди нас нет черноволосых и черноглазых. Во-вторых, учение Паншу отрицает существование в нашем мире других людей. Поэтому ты не можешь быть человеком.

Старший, прикрывшись рукой, предостерег младшего товарища:

— Подвяжи язык; не говори ни слова. Он проклянет твой голос…

— Вы ошибаетесь, уверяю вас, — вежливо успокаивал их Юлан Дор. — Вы сами когда-нибудь видели демонов?

— Нет, кроме гаунов.

— Я похож на гауна?

— Совсем не похож, — признал старший.

Его младший товарищ указал на темно-красный плащ и зеленые штаны Юлана Дора.

— Он, очевидно, разбойник; смотри, какая на нем одежда.

— Нет, я не разбойник и не демон. Я всего лишь человек…

— Кроме зеленых, людей нет — так говорит Паншу.

Юлан Дор со смехом тряхнул головой.

— Земля и в самом деле полна пустынь и раз-

валин, но на ней еще много людей… Скажите, на этом ли острове стоит город Ампридатвир?

Младший кивнул.

— Не там ли вы живете?

Снова кивок.

Юлан Дор был несколько растерян:

— Я полагал, что Ампридатвир — покинутые руины, забытые и пустынные.

— А что ты ищешь в Ампридатвире? — подозрительно полюбопытствовал младший.

Юлан Дор подумал что надо бы упомянуть про таблички. «Стоит посмотреть, как они себя поведут. Хотя бы пойму, что им известно о табличках, и как здесь к этим реликвиям относятся».

— Мне хотелось бы изучить легендарные таблички Рогола Домендонфорса.

— Ага! — обрадовался старший. — Таблички! Он все-таки разбойник! Понятно! Глянь на его зеленые штаны. Разбойник за зеленых…

Юлан Дор, ожидавший открытой враждебности, был удивлен: лица рыбаков стали более дружелюбными, как будто исчезло беспокоившее их затруднение. Ну и ладно, подумал он, если они так считают, пусть так и будет.

Но младшему все-таки не хватало ясности.

— Это так? Ты носишь красное, потому что ты

— разбойник за зеленых?

— Я еще ничего не решил окончательно, — осторожно ответил Юлан Дор.

— Но ты носишь красное! Это цвет разбойников!

Странный у них образ мыслей, подумал Юлан Дор. Как будто что-то мешает им делать выводы… Препятствует любой непредвзятой мысли.

— Там, откуда я пришел, люди носят любые цвета, какие захотят, — объяснил он.

— Но ты выбрал зеленый, значит ты — разбойник за зеленых, — серьезно рассудил Старший.

Юлан Дор пожал плечами, чувствуя, что косность их мышления непреодолима.

— Ну, допустим…. А кто еще здесь живет?

— Никого, кроме нас, — ответил старший. — Мы — зеленые из Ампридатвира.

— И кого же тогда грабят ваши разбойники?

Младший беспокойно задвигался и потянул леску.

— Они грабят разрушенный храм демона Газдала в поисках утраченной таблички Рогола Домедонфорса.

— В таком случае, — сказал Юлан Дор, — я согласен быть разбойником.

— Разбойником за зеленых? — неприятно поко-

сился на него старик.

— Ну, хватит, — прервал разговор молодой. — Полдень миновал. Пора и домой.

— Да, да, — с неожиданным рвением поддержал старший. — Солнце садится.

Младший взглянул на Юлана Дора.

— Если ты собираешься на разбой, тебе лучше идти с нами.

Корабль пришвартовали к барже, Юлан Дор свернул свой парус, и оба судна направились к берегу.

В лучах послеполуденного солнца воды залива были прекрасны. Они обогнули восточный мыс и взгляду открылся Ампридатвир.

Ряды низких зданий огибали гавань, дальше высились башни; Юлан Дор даже не думал, что такое возможно; металлические шпили возносились в небо, сверкая в лучах заходящего солнца. Подобные города были легендой прошлого, сновидениями из того времени, когда Земля была молода.

Юлан Дор задумчиво оглядывал баржу и грубую зеленую одежду рыбаков. Какого они сословия? Не будут ли смеяться над таким, с позволения сказать, въездом в великолепный город? Он беспокойно повернулся к острову, закусил губу. Если

верить Кандайву, Ампридатвир должен быть полон развалин и отбросов, как Старый Город за Кайном…

Солнце уже уходило за горизонт. В его свете взгляду предстали рухнувшие башни, руины домов: Кандайв прав, город заброшен. Однако следы разрушения придавали Ампридатвиру благородное величие забытого монумента.

Ветер стих, лодки тащились совсем медленно. Рыбаки беспокойно возились с парусом, пытаясь уловить порывы ослабевшего ветра. Но еще до того, как они оказались за волноломом, на город опустились пурпурные сумерки, и башни померкли, из алых они стали черными.

Почти в полной темноте люди привязали лодки к столбам среди других барж; одни посудины были зеленые, другие серые.

Юлан Дор спрыгнул на берег.

— Подожди-ка, — сказал младший рыбак, — Не стоит шляться в красном, даже ночью. — Он порылся в рундуке и вытащил зеленую накидку, рваную, грязную, насквозь провонявшую рыбой. — Надень. И волосы спрячь под капюшоном.

Юлан Дор повиновался, скрыв гримасу отвращения.

— Где можно поужинать и переночевать? Есть ли в Ампридатвире гостиницы?

Младший рыбак без особой радости ответил, что можно переночевать в его жилище.

Подняв на плечи дневной улов, рыбаки сошли на берег и беспокойно оглядели ближайшие груды обломков.

— Вы чего-то боитесь? — спросил Юлан Дор.

— Да, — отозвался младший, — ночью по улицам бродят гауны.

— Кто это?

— Демоны.

— Существует много разновидностей демонов, — легко сказал Юлан Дор. — А на что похожи эти?

— На страшных людей. У них длинные руки, которыми они рвут людей на части…

— Ого! — Юлан Дор, положил руку на рукоять меча. — А почему вы позволяете им здесь шататься?

— Мы не можем с ними справиться. Они слишком сильны и свирепы. К счастью, не очень проворны. Если повезет и если будешь осторожен…

Юлан Дор теперь осматривал развалины так же настороженно, как и рыбаки. Эти люди знакомы с

местными опасностями; он будет следовать их советам, пока сам не разберется, что здесь к чему.

Они миновали первые груды развалин, и вступили в каньон переулка. С обеих сторон темнели высокие стены домов.

«Город лежит под покровом смерти», — думал Юлан Дор. Где миллионы жителей древнего Ампридатвира? Они мертвы, как пыль. Их плоть и кровь смешались с водой океана, с прахом всех остальных мужчин и женщин, когда-то живших на Земле.

Юлан Дор и двое рыбаков пробирались по узенькой улице — крошечные создания в городе, подобном сновидению. Принц Кандайв не солгал, когда говорил, что Ампридатвир — сама древность. Окна пусты и черны, камень раскрошился, балконы причудливо перекошены, террасы покрыты пылью. Мостовую покрывал мусор — куски упавшей лепнины, ржавые и погнутые обломки металла.

Но угасающая жизнь города продолжалась там, где его строители использовали не знающие износа материалы и таинственные силы. По обе стороны улицы, как потоки воды, струились темные блестящие дорожки — крайние медленнее, центральная — быстрее.

Рыбаки привычно ступили на первую дорожку, и Юлан Дор неохотно проследовал за ними до самой быстрой центральной.

— Я смотрю, дороги в Ампридатвире текут, как реки, — заметил он.

— Но это не магия, — пояснил младший рыбак. — Так всегда было в Ампридатвире.

На равных расстояниях друг от друга вдоль улицы стояли каменные строения примерно десяти футов в высоту. Казалось, они скрывали лестницы, уходящие под землю.

— Что там внизу? — спросил Юлан Дор.

Рыбаки пожали плечами.

— Двери закрыты наглухо. Ни один человек туда не входил. Легенды говорят, что там спрятано последнее творение Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор прекратил расспросы, заметив растущее беспокойство рыбаков. Заразившись их опасениями, он не снимал руку с эфеса.

— В этой части Ампридатвира никто не живет, — хриплым шепотом сказал старший рыбак. — Она древнее всякого воображения и населена духами.

Стены расступились, и улица выплеснулась на площадь. Скользящая дорожка замедлила бег, как ручей, впадающий в пруд. Здесь Юлан Дор

впервые увидел искусственный свет — с изогнутой опоры свисал яркий шар.

Его света хватало на всю площадь, через которую спешил одинокий прохожий в сером. И тут рыбаки, испуганно охнув, присели — к ним метнулось бледное, как труп, существо. Его руки, узловатые и длинные, свисали до колен; ноги заросли грязной шерстью. С заостренной белесой морды пялились огромные глаза; два клыка нависали над вялой губой. Существо набросилось на несчастного в серой одежде, схватило его, и метнуло на Юлана Дора и его спутников торжествующий злобный взгляд. И Юлан Дор разглядел, что его добычей стала женщина…

Он выхватил меч.

— Нет, нет! — зашептал старший рыбак. — Гаун сам уйдет!

— Но он схватил женщину! Мы можем спасти ее!

— Гаун никого не схватил! — старик сжал его плечо.

— Ты что, ослеп? — рявкнул Юлан Дор.

— В Ампридатвире нет никого, кроме зеленых, — сказал младший. — И ты должен быть с нами.

Юлан Дор колебался. Значит, женщина в сером

— призрак? Но почему же рыбаки не скажут прямо?

Гаун с пренебрежительной неспешностью двинулся в сторону темной арки, ведущей в боковой переулок.

Юлан Дор бросился вдогонку через белую площадь древнего Ампридатвира.

Чудовище развернулось и потянуло к нему жилистую руку длиной в человеческий рост. На его пальцах топорщилась белая шерсть. Юлан Дор нанес страшный удар мечом — конечность гауна повисла на полоске кожи — и прыгнул в сторону, уклоняясь от брызг крови и от замаха второй руки. Еще один удар — и противник остался без рук. Юлан Дор подскочил ближе и погрузил лезвие в глаз чудовища. Сталь звякнула о череп.

Гаун издыхал в корчах.

Юлан Дор, борясь с тошнотой, посмотрел на спасенную женщину. Глаза ее были расширены, ноги подгибались. Он протянул ей руку, чтобы помочь подняться, и заметил, что она стройна и молода, со светлыми волосами до плеч. «Однако очень миловидна… — не к месту подумал Юлан Дор, — открытое, ясноглазое лицо…»

Казалось, она не видит его. Отвернувшись, девушка куталась в свой серый плащ. Юлан Дор

начал опасаться, что испуг повредил ее рассудок. Он придвинулся ближе и всмотрелся в ее лицо.

— Что с тобой? Эта тварь тебя ранила?

Выражение ее лица было таким, словно на месте Юлан Дора стоял еще один гаун. Взгляд метнулся по его зеленому плащу, по лицу, по черным волосам.

— Кто… кто ты? — прошептала она.

— Чужестранец, — ответил Юлан Дор, все более удивляясь порядкам Ампридатвира. Он оглянулся: рыбаков поблизости не было.

— Чужестранец? — переспросила девушка. — Но Трактат Газдала учит нас, что гауны уничтожили всех людей на земле, кроме серых в Ампридатвире.

— Газдал ошибается, как и Паншу, — возразил Юлан Дор. — На Земле обитает множество людей.

— Придется поверить, — протянула девушка. — Ты говоришь, ты существуешь… Стало быть, это правда.

Юлан Дор заметил, что она старается не смотреть на его зеленый плащ. Плащ вонял рыбой; без дальнейших колебаний Юлан Дор снял его и отбросил в сторону.

Под ним была красная одежда.

— Ты разбойник…

— Да нет же! — воскликнул Юлан Дор. — Как же меня утомили эти рассуждения о цветах! Я Юлан Дор из Кайна, племянник принца Кандайва Золотого, и мне нужно отыскать таблички Рогола Домедонфорса.

Девушка улыбнулась.

— Этим и занимаются разбойники. Потому они одеваются в красное. И все люди поднимают на них руку, потому что когда они в красном, никто не знает, за серых они или…

— Или что?

Девушка смутилась, как будто эта сторона вопроса ускользала от ее внимания.

— Или за этих призраков… демонов… В Ампридатвире много всякого… непонятного.

— Несомненно, — согласился Юлан Дор. Он оглядел площадь. — Если хочешь, я провожу тебя до твоего дома; может, там найдется угол, где я смог бы переночевать.

Ответ его удивил:

— Я обязана тебе жизнью и поэтому помогу. Но я не смею вести тебя в свой дом. — Она снова окинула взглядом его одежду, особенно зеленые штаны, — там будет смятение и бесконечные объяснения…

— Значит, у тебя есть сожитель? — с неожиданным для себя неудовольствием поинтересовался Юлан Дор.

Она бросила на него быстрый взгляд. До чего странное кокетство в тени древнего Ампридатвира: местная девушка в грубом сером плаще, головка склонена чуть набок, желтые пряди разметались по плечам, — и чужак Юлан Дор, грациозный, с орлиным профилем и непроницаемым лицом, на котором не прочесть его мыслей.

— Нет, — ответила она. — До сих пор не было. — Легкий шум встревожил ее; она дернулась, испуганно оглянувшись на площадь.

— Тут могут быть другие гауны. Я отведу тебя в безопасное место, а завтра мы поговорим…

Через арочный вход она привела его в одну из башен, на верхний этаж.

— Здесь ты в безопасности до утра. Утром, если дождешься меня, я принесу тебе еды…

— Дождусь.

Она вновь окинула странным пристальным взглядом его красный плащ, и едва взглянула на зеленое…

— Пожалуй, я еще принесу тебе плащ…

На этом они расстались. Юлан Дор проследил, как она спустилась по лестнице, вышла из баш-

ни, и исчезла.

Он опустился на пол, покрытый мягким, гибким, теплым на ощупь слоем… «Странный город, — размышлял он, — и странные люди… Совершенно непонятно, что ими движет. Может, они и в самом деле призраки?»

Ночью он много раз просыпался и снова засыпал. Окончательное пробуждение пришло, когда под арку начал проникать слабый розовый свет.

Юлан Дор поднялся, протер глаза и, недолго поколебавшись, вышел из своего убежища на улицу. Ребенок в сером платьишке увидел его красный плащ, потом зеленые штаны, в ужасе закричал и кинулся через площадь.

Юлан Дор с проклятием вернулся в башню. Враждебность, с которой всегда поначалу сталкивается чужак, его не пугала. Но этот необъяснимый страх перед определенными цветами делал его беспомощным.

У входа появилась вчерашняя девушка. Она искала его взглядом; на лице застыли напряжение и беспокойство. Юлан Дор шагнул ей навстречу. Она улыбнулась.

— Я принесла тебе поесть, — сказала она, — И добыла приличную одежду.

Завтрак состоял из хлеба, копченой рыбы и

травяного чая.

За едой они все время наблюдали друг за другом. В ее поведении чувствовалось напряжение. Похоже, что создавшееся положение внушало ей беспокойство.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Юлан Дор. А тебя?

— Элаи.

— Элаи… И все?

— А зачем мне больше? Разве этого недостаточно?

— Достаточно.

Она сидела перед ним, скрестив ноги.

— Расскажи мне о земле, откуда ты пришел.

— Из Асколэса. Правда, этот край теперь большей частью зарос лесом, и туда мало кто отваживается ходить, — начал повествование Юлан Дор. — Я живу в Кайне, очень старом городе, таком же старом, как Ампридатвир. Но у нас нет башен и движущихся дорог. Мы живем в древних мраморных дворцах, даже самые бедные ремесленники. Некоторые прекрасные строения разрушаются, потому что в них уже некому жить.

— А каков ваш цвет? — спросила она напряженным голосом.

Юлан Дор нетерпеливо тряхнул головой:

— Да никаков! Мы носим любые цвета. Никто даже не задумывается… Почему тебя вообще так волнуют цвета? Например, почему ты носишь серое, а не зеленое?

Она отвернулась от него, беспокойно сжав кулаки.

— Зеленое? Это цвет демона Паншу. Никто в Ампридатвире не носит зеленое.

— Некоторые, несомненно, носят, — возразил Юлан Дор. — Вчера я встретил двух рыбаков. На них была зеленая одежда.

Она покачала головой, печально улыбнулась.

— Ты ошибаешься.

Юлан Дор замолчал. Спустя какое-то время он признался:

— Утром меня увидел ребенок и с криком убежал.

— Это из-за твоего красного плаща, — ответила Элаи. — Когда мужчина хочет добиться почестей, он надевает красный плащ и отправляется по городу в древний заброшенный храм Паншу за утраченной частью наследия Рогола Домедонфорса. Легенды говорят, что когда серые найдут утраченную табличку они снова станут могучим народом.

— Если храм покинут, — сухо спросил Юлан Дор, — почему до сих пор никто не принес табличку?

Она пожала плечами.

— Мы верим, что его стерегут призраки… Наверное, так и есть. Иногда люди в красном пытаются ограбить храм Раздала. Таких убивают. Человек в красном — общий враг, и все поднимают на него руку.

Юлан Дор встал и завернулся в серый плащ.

— Что ты собираешься делать? — спросила она, вставая.

— Хочу взглянуть на таблички Рогола Домедонфорса.

Она покачала головой.

— Это невозможно. Вход в храм Газдала запрещен всем, кроме почтенных жрецов, а храм Паншу охраняется призраками.

Юлан Дор улыбнулся.

— Если ты объяснишь мне, как добраться до этих храмов…

— Я пойду с тобой. Но не снимай плащ, иначе для нас обоих это кончится плохо.

Они вышли на солнечный свет. По всей площади медленно двигались группки мужчин и женщин. Одни из них были одеты в зеленое,

другие — в серое. «Серые» и «зеленые» никогда не сталкивались. «Зеленые» останавливались у маленьких, окрашенных в зеленую же краску лавочек, где торговали снедью и всякими мелочами — кожей, посудой, корзинами. «Серые» покупали то же самое в лавочках серого цвета. Две ватаги детей — одни в зеленом, другие в сером — играли в десяти футах друг от друга, но не обменивались даже взглядом. Тряпичный мяч покатился от «серых» ребятишек к «зеленым». Мальчик в сером подбежал, поднял мяч из-под ног мальчика в зеленом — дети явно не заметили друг друга.

— Странно, — пробормотал Юлан Дор. — Очень странно.

— Что странно? — спросила Элаи. — Не вижу ничего странного…

— Посмотри на этот столб. Видишь возле него мужчину в зеленом плаще?

Она удивленно покосилась на него.

— Там нет никакого мужчины.

— Нет, есть.

Ей стало смешно.

— Ты шутишь… или ты можешь видеть призраки?

Признавая поражение, Юлан Дор покачал головой.

— Вы все — жертвы какой-то мощной магии.

Она повела его к одной из движущихся дорог. Когда их несло по городу, он заметил нечто вроде ладьи из блестящего металла, но на четырех колесах, и полностью накрытой полупрозрачным колпаком.

— Что это?

— Волшебная машина. Когда нажимаешь нужный рычаг, древнее колдовство несет ее с большой скоростью. Молодые смельчаки иногда ездят в них по улицам… Посмотри туда. — Она указала на другое устройство, лежащее в бассейне иссякшего фонтана. — Это еще одно древнее чудо — экипаж, который может летать по воздуху. Их много по всему городу — на башнях, на высоких террасах… Некоторые, как этот, упали на улицы.

— И никто ими не пользуется? — с любопытством спросил Юлан Дор.

— Все боятся.

Юлан Дор подумал, что хорошо было бы завладеть таким чудом, и сошел с движущейся дороги.

— Куда ты? — беспокойно спросила Элаи, следуя за ним.

— Хочу осмотреть одну из воздушных машин.

— Осторожнее! Говорят, они опасны…

Сквозь прозрачный верх было видно мягкое

сидение, множество рычажков с непонятными надписями и большой шар с насечкой на металлическом стержне.

— Очевидно, это приборы, управляющие механизмом… — предположил он, — как в нее войти?

— Кажется, эта кнопка поднимает верх….

Она неуверенно нажала кнопку, колпак скользнул назад, выпустив застоявшийся воздух.

— Сейчас попробуем, — Юлан Дор просунул руку внутрь и повернул один из рычажков. Ничего не случилось.

— Осторожнее, Юлан Дор, — выдохнула девушка. — Берегись магии!

Он нажал какую-то кнопку. Машина задрожала. Ободренный, он повернул другой рычажок — лодка издала воющий звук, сотряслась, прозрачный колпак стал опускаться. Юлан Дор успел выдернуть из-под него руку, и потянул плащ, но машину снова тряхнуло, неожиданно она поднялась в воздух и потащила Юлана Дора за собой.

Элаи закричала, ухватив его за лодыжки. Он с руганью выпростался из плаща. Воздушная лодка резко развернулась, натолкнулась на стену башни и со звоном упала на плиты мостовой.

— В следующий раз… — начал Юлан Дор.

Вокруг что-то происходило… Он обернулся.

Элаи смотрела на него, зажимая рукой рот, как будто сдерживала крик.

Люди, и серые, и зеленые, исчезли. Их окружала напряженная пустота.

— Элаи, — спросил Юлан Дор, — почему ты так на меня смотришь?

— Красное при свете дня… и цвет Паншу на твоих ногах… это смерть, наша смерть!

— Ни в коем случае, — бодро ответил Юлан Дор. — Пока со мной мой меч…

Камень, прилетевший непонятно откуда, упал у его ног. Он осмотрелся в поисках нападавших, гневно раздувая ноздри. Тщетно. Двери, аркады, окна домов были пусты.

Другой камень, величиной с кулак, ударил уже в спину. Он повернулся: обветшавшие фасады древнего Ампридатвира, пустые улицы, блеск бегущих мостовых…

Следующий камень, просвистев в шести дюймах от головы Элаи, угодил ему в бедро.

Юлан Дор признал свое поражение — мечом не отбиться от камней.

— Нам лучше уйти… — и едва увернулся от большого булыжника, летевшего ему в голову.

— Назад, на дорожки, — отозвалась девушка севшим, безжизненным голосом. Попробуем

укрыться на другой стороне площади. — Камень ударил ее в щеку. Элаи, вскрикнув от боли, опустилась на колени.

У Юлана Дора вырвался звериный рык: он жаждал крови, Но вокруг по прежнему никого не было видно, хотя камни продолжали падать.

Он наклонился, подхватил Элаи и бросился на быструю центральную дорожку.

Каменный дождь вскоре утих. Девушка приоткрыла глаза, моргнула и снова опустила веки.

— Все кружится, — прошептала она. — Я сошла с ума. Я почти решилась…

Юлану Дору показалось, что он узнает башню, в которой провел ночь. Только сойдя с дорожки у самого входа, он понял, что ошибся: путь преграждала прозрачная дверь. Однако пока он стоял в нерешительности, преграда растаяла, открыв проход. Юлан Дор подозрительно хмыкнул. «Еще одно древнее волшебство…»

Волшебство оказалось безобидным. Стоило им пройти, как проход снова зарос, как будто не открывался.

Внутри был зал, пустой и холодный, сплошь изукрашенный разноцветными металлами и великолепной эмалью. Одну стену занимало панно — мужчины и женщины в воздушных одеждах

ухаживают за цветами в ярком солнечном саду.

«Прекрасно, — подумал Юлан Дор, — но от нападения здесь не укрыться и не защититься». По обе стороны зала открывались гулкие пустые коридоры, а впереди виднелось небольшое помещение, пол в котором как будто светился. Едва он вошел туда, как его потянуло в воздух, и скоро он плыл вверх легче пушинки. Элаи у него на руках тоже ничего не весила. Он невольно вскрикнул, отчаянно пытаясь опуститься на пол, но его уносило все выше, как лист, гонимый ветром. Надо быть готовым к падению, когда волшебство кончится. Но этажи упорно пролетали мимо. «Что за колдовство? — мрачно думал Юлан Дор. — Надо же, лишить человека опоры. Стоит силе иссякнуть, и мы разобьемся…»

— Протяни руку, — слабым голосом произнесла Элаи, — возьмись за перила.

Он послушно ухватился, полет замедлился, и, не веря в спасение, Юлан Дор ощутил под ногами пол. На этаже было несколько помещений, заваленных пыльными обломками мебели.

Он опустил Элаи на мягкий пол; девушка поднесла руку к лицу и слабо улыбнулась.

— Больно.

Юлан Дор смотрел на нее, ощущая странное

бессилие.

— Не знаю, куда теперь идти, — тихо сказала Элаи. — У меня больше нет дома. Мы умрем с голоду, потому что никто теперь не даст нам еды.

Юлан Дор горько рассмеялся.

— Пока в зеленых лавках не видят человека в сером, недостатка в пище у нас не будет… Но есть более важные вещи — таблички Рогола Домедонфорса. Похоже, до них не добраться.

— Тебя непременно убьют, — заявила девушка. — Человек в красном должен сражаться со всеми. Ты сам сегодня в этом убедился. Даже если ты доберешься до храма Паншу, тебе не спастись: там множество ловушек, отравленные стрелы и призраки на страже.

— Призраки? Ерунда. Это люди, точно такие же, как вы. Только они одеты в зеленую одежду… Я слышал о подобном — это называется внушение…

Элаи приняла это, как оскорбление:

— Ни один серый их не видит. Может быть, у тебя галлюцинации.

— Может быть, — с холодной улыбкой согласился Юлан Дор. Некоторое время они сидели в пыльной тишине старой башни. Потом Юлан Дор, хлопнув себя по коленям, нахмурился:

бездеятельность была предвестником поражения. — Подумаем, как пробраться в храм Паншу.

— Мы погибнем, — повторила она.

Юлан Дор ощутил, что настроение улучшается.

— Можно смотреть на мир иначе… Где найти воздушную лодку?

— Ты сошел с ума.

Он встал.

— Где ее искать?

Девушка покачала головой.

— Ты решил умереть, так или иначе, — она тоже встала. — Мы поднимемся в колодце невесомости на самый верхний этаж башни.

Элаи без страха ступила в пустоту. Юлану Дору оставалось только последовать за ней. Их унесло в головокружительную высоту — там была терраса, открытая всем ветрам. Башня поднималась выше иной горы; улицы Ампридатвира превратились в тонкие серые ниточки, гавань казалась бассейном, а море в пепельной дымке уходило за горизонт.

На террасе стояли целых три воздушных лодки; ярко блестел металл, прозрачные колпаки искрились, а эмаль сияла так, будто машины только что приземлились после своего первого полета.

Подойдя к ближайшей, Юлан Дор нажал нуж-

ную кнопку, и прозрачный купол с негромким лязгом скользнул назад.

Внутреннее устройство оказалась таким же, как и у первой лодки: длинное мягкое сидение, рулевой шар, укрепленный на стержне, множество переключателей. От прикосновения ткань сидения затрещала. Воздух внутри кабины был затхлым. Он сел в лодку. Элаи за ним.

— Я пойду с тобой: гибель в падении куда легче голодной смерти…

— Надеюсь, мы не упадем и не умрем с голоду, — успокоил ее Юлан Дор. Он осторожно касался переключателей, готовый при малейшей опасности вернуть их в прежнее положение.

Купол над их головами закрылся, приборы, ожидавшие тысячи лет, ожили, стрелки задвигались, рукояти заняли нужное положение. Воздушная лодка дернулась и устремилась в красно-синее небо. Юлан Дор схватился за шар. Несколько движений — и он уже знал, как поворачивать лодку, как изменять высоту… Его охватила чистейшая, неведомая прежде радость полета. Все оказалось легче легкого, даже легче, чем ходить пешком. Он по очереди проверил все ручки и переключатели, научился зависать в воздухе, снижать скорость и приземляться. Скоро за

оболочками лодки засвистел ветер. Они улетели далеко в море, и остров превратился в синюю туманную полоску на горизонте. Ниже, выше, над самыми верхушками волн и сквозь багровые клочья облаков…

От полноты чувств Элаи начала что-то напевать. Теперь чужак Юлан Дор казался ей ближе, чем родной Ампридатвир; прервалась какая-то тонкая нить, связывавшая ее с городом.

— Давай полетим дальше, — предложила она. — Все дальше и дальше, по всему миру, над лесами…

Юлан Дор искоса взглянул на нее. Она была прекрасна — чище, красивее, сильнее женщин, которых он знал в Кайне.

— Тогда-то мы уж точно умрем с голоду — с сожалением отозвался он, — в дикой местности нам не выжить. И потом, мне нужно отыскать таблички…

Она вздохнула.

— Хорошо. Нас убьют…. Правда, какая разница, если вся Земля умирает…

К вечеру они вернулись в Ампридатвир.

— Вон там, — махнула рукой Элаи, — храм Газдала, а здесь — храм Паншу.

Юлан Дор завис в лодке над храмом Паншу.

— А где вход?

— За аркой. Там очень опасно….

— Мы ведь не собираемся там гулять, — напомнил ей Юлан Дор.

Он снизился, и скользнул под арку: до земли было не больше десяти футов.

Впереди брезжил слабый свет. Темный проход, потом еще одна арка… Наконец, они оказались в под сводами храма.

Табличка хранилась на особом возвышении, превращенном в маленькую крепость: сперва широкий барьер из стекла, затем канава с серно-желтой жижей, за ней на парапете пятеро стражников. Юлан Дор, укрываясь в тени потолка, незаметно провел лодку до самого возвышения.

— Приготовься…

Лодка пошла вниз. Блестящая табличка оказалась совсем близко — оставалось только протянуть руку. Он откинул прозрачный колпак, и Элаи схватила добычу. Пятеро сторожей с гневным ревом ринулись вперед.

— Назад! — Юлан Дор, мечом отбил брошенное копье. Элаи с табличкой в руках выпрямилась на сидении. Колпак захлопнулся. Стражники прыгнули на обшивку. Они цеплялись за гладкий

металл, колотили по нему кулаками. Корабль поднялся в воздух: один за другим стражники с воплями полетели на пол.

Снова — арка, длинный проход, еще одна арка. И темное небо. Позади кричали и трубили тревогу.

Юлан Дор осмотрел добычу — продолговатую полоску прозрачного материала с какими-то бессмысленными черточками.

— Мы победили! — восторженно воскликнула Элаи. — Ты повелитель Ампридатвира!

— Ровно наполовину! — Усмехнулся Юлан Дор. — Вторая табличка в храме Газдала.

— Но… Это безумие. Ты ведь уже…

— Добыть только одну табличку — бессмысленно. Две — или ни одной.

Возражения девушки стихли только когда они зависли перед порталом храма Газдала.

Проплывая под аркой, они задели рулями за сигнальную нить: с покатого настила загрохотали камни. Некоторые ударились в обшивку лодки и отскочили. Юлан Дор выругался. Теперь охранники будут настороже.

Он двигался под самым потолком, прячась во тьме. Вскоре два стражника с факелами пришли выяснить причину шума. Юлан Дор над их голо-

вами проплыл через арку в неф. Как и в храме Паншу, табличка покоилась под защитой воды и стекла.

Здесь стражники были настороже: они нервно косились в сторону входа.

— Теперь смелее! — Юлан Дор повел лодку вдоль стен, над ямами, рвом с кипящей слизью, посадил рядом с возвышением, и, выскочив, схватил табличку под крики бегущих с копьями стражников. В него снова метнули копье; выпад мечом, и Юлан Дор бросил табличку в лодку.

Но враги уже были рядом; если сейчас он попытается забраться в лодку, его проткнут. В прыжке Юлан Дор отбил второе копье, с разворота рассек плечо одному из стражников, а другого подтащил под удар меча, ухватив за древко его же пики. Несчастный рухнул с криками о помощи. Еще один стражник сунулся было в лодку, но был наколот на острие меча, и захлебнулся кровью. Щелкнул переключатель; лодка взмыла в воздух и понеслась к выходу.

Над охваченным паникой городом в унисон выли рога двух храмов.

Лодка медленно летела по небу.

— Смотри! — Элаи, схватила его за руку, указала вниз. На улицах при свете факелов толпились

мужчины и женщины — серые и зеленые, поднятые тревожным ревом рогов.

— Юлан Дор! Я вижу! Вижу! Там люди в зеленом! Оказывается, они существуют… Неужели они были всегда? — Элаи не могла опомниться от изумления.

— Внушение снято, — сказал Юлан Дор, — и не у тебя одной. Те, внизу, тоже видят друг друга…

Серые и зеленые смотрели друг на друга впервые в жизни. Они тряслись от испуга и с отвращением шарахались друг от друга с криками:

— Демон!.. Демон!.. Серый призрак!.. Мерзкий зеленый демон!

Лицом к лицу оказались тысячи одержимых ненавистью и страхом. «Они все безумны, — мысленно ужаснулся Юлан Дор, — они все повредились в уме…»

И словно по чьему-то знаку на улицах закипела схватка. От воплей кровь стыла в жилах. Элаи с рыданием спрятала лицо. Внизу творился ужас кромешный — мужчины, женщины, дети набрасывались друг на друга, ничего не видя, кроме ненавистного цвета.

Поначалу в стороне от побоища, а потом все ближе послышался низкий рев — это были гауны. Возвышаясь над дерущимися, они выхватывали

из давки и рвали на части всех без разбора. Ненависть сменилась страхом: горожане бросились спасаться, оставив улицы во власти тварей.

Юлан Дор схватился за голову.

— Неужели это я во всем виноват?!

— Рано или поздно это случилось бы… — безразлично сказала Элаи. — Если только Земля не погибла бы раньше…

Юлан Дор взял таблички.

— Вот и тайна Рогола Домендонфорса… И ради этого я проделал путь в тысячи лиг через Мелантин. Чтобы подержать в руках эти дурацкие куски стекла…

Они поднялись так высоко, что Ампридатвир казался друзой бледных кристаллов, озаренных сиянием звезд. При свете огоньков панели управления Юлан Дор сложил таблички. Черточки совместились, в буквы, а те сложились в строки древнего послания:

«О, неверные дети, Рогол Домедонфорс умирает и остается навечно в Ампридатвире, который любил и которому служил. Когда разум и добрая воля восстановят порядок в городе или когда кровь и сталь научат вас сдерживать жестокость и страсти, погубив всех, кроме самых сильных, — тогда будут прочитаны эти таблички. И тому, кто

их читает, я говорю: отправляйся в башню Судьбы с желтым куполом, поднимись на верхний этаж, покажи красное левому глазу Рогола Домедонфорса, желтое — правому глазу, затем синее обоим глазам; сделай это, говорю я, и раздели власть с Роголом Домедонфорсом».

— Где находится башня Судьбы?

Элаи покачала головой.

— Я знаю башню Родейла, Красную башню, башню Кричащего Призрака, башню Горна, башню Птиц, башню Гаунов… Но я не слышала о башне Судьбы.

— Но у какой башни желтый купол?

— Не знаю.

— Утром поищем.

— Утром..;— повторила она, сонно прислонившись к нему. При свете состарившегося солнца они кружили над городом, жители которого еще не пресытились убийствами.

Прежней слепой ненависти уже не было. Группы мужчин таились в засадах, врывались в дома, истребляя женщин и детей.

— Скоро в Ампридатвире никого не останется, — пробормотал Юлан Дор. — Кем тогда будет править Рогол Домедонфорс? — Он повернулся к Элаи. — У тебя нет близких, за судьбу которых

ты боишься?

Она покачала головой.

— Я всю жизнь жила с тупым самодуром-дядей.

Юлан Дор повернулся и увидел желтый купол башни Судьбы.

— Вот она, — он развернул лодку.

Они сели на площадке одного из верхних этажей. Пыльные коридоры и колодец невесомости привели их на самый верх, в маленькое помещение, украшенное яркими фресками. Роспись запечатлела двор древнего Ампридатвира. Мужчины и женщины в разноцветных шелковых одеяниях беседовали и пировали, а на центральной фреске — кланялись седобородому правителю с тяжелым взглядом блестящих глаз. Облаченный в черное и пурпур, он восседал на резном троне.

— Рогол Домедонфорс! — прошептала Элаи. Они затаили дыхание, боясь потревожить неподвижный воздух. А взгляд нарисованных глаз, казалось, проникал прямо в мозг…

— Красное к левому глазу, желтое к правому, затем синее к обоим, — повторил Юлан Дор указание с табличек. — Ну, что ж… вот синие плитки, а красное на мне.

Желтые плитки отыскались тут же. От плаща была отрезана полоска ткани. Красное к левому глазу, желтое к правому… Затем синее к обоим. Щелчок, скрежет, гудение — как будто в воздух поднялись сотни пчел.

Стены раздвинулись, открыв лестницу. Юлан Дор начал подниматься по ступеням. Элаи дышала ему в затылок.

Лестница выводила прямо под купол. Площадка была залита светом. В ее центре на возвышении покоился сверкающий черный цилиндр, похожий на стеклянный.

Гудение перешло в резкий вой. Цилиндр задрожал, осел, стал полупрозрачным. Внутри была расплывчатая светлая масса — мозг?

Творение волшебника ожило.

Цилиндр стремительно отрастил щупальца — они засновали в воздухе. Юлан Дор и Элаи замерли, прижавшись друг к другу. Гибкий конец одного из щупальцев набух, округлился и оказался глазом. На другом щупальце воронкой раскрылся рот. Глаз обвел их внимательным взглядом.

Рот весело произнес:

— Приветствую, приветствую вас через века. Наконец-то вы сподобились разбудить старика

Рогола Домедонфорса. Я спал долго и крепко… кажется мне, что слишком долго. Сколько же я спал? Двадцать лет? Пятьдесят? Сейчас посмотрим…

Взор глаза обратился к трубке на стене, на четверть заполненной серым порошком.

Голос удивленно воскликнул:

— Энергия почти иссякла! Стало быть, сколько же я спал? Период полураспада тысяча двести лет — значит, больше пяти тысяч лет! — глаз снова повернулся к Юлану Дору и Элаи. — Кто же вы? Где мои враждующие подданные, приверженцы Паншу и Газдала? Должно быть, давным-давно перебили друг друга?

— Нет, — со слабой улыбкой ответил Юлан Дор. — Они все еще сражаются на улицах.

Щупальце с глазом метнулось к окну. Желеобразный мозг задрожал, наполняясь оранжевым светом. В голосе прорезалась резкая хрипотца — у Юлана Дора мурашки поползли по спине. Элаи лихорадочно вцепилась в его руку.

— Пять тысяч лет! — воскликнул голос. — Пять тысяч лет, а эти несчастные все еще враждуют! Время не научило их мудрости? Тогда следует использовать более действенные средства. Рогол Домедонфорс преподаст им урок мудрости. Смотрите!

Снизу послышался громовой звук, сотни мощных ударов. Юлан Дор и Элаи припали к окну. На улицах творилось нечто невообразимое:

Двери многочисленных строений, скрывавших входы в подземелья, распахнулись, давая дорогу огромным щупальцам — из черной прозрачной субстанции, подобной веществу движущихся дорожек.

Щупальца взметнулись в воздух, и выпустили сотни отростков, которые змеями набрасывались на бегущих в панике жителей Ампридатвира, и срывали с них одежду. Голых горожан швыряли на главную площадь: люди тряслись от ужаса и холода. Кто из них носил серое? Кто — зеленое?

— У Рогола Домедонфорса теперь большие сильные руки, — воскликнул громовой голос, — крепкие, как сталь, вездесущие, как воздух.

Голос доносился отовсюду и ниоткуда.

— Я Рогол Домедонфорс, последний правитель Ампридатвира. Как же низко вы пали! Обитатели‘лачуг, пожиратели грязи! Смотрите — я в один миг восстановлю все разрушенное за пять тысяч лет!

Черная субстанция отростков превращалась в жесткие роговые резаки, жерла, изрыгавшие голубое пламя, огромные черпаки — и каждое жи-

вое орудие имело свой глаз на тонком стебельке. Везде, где виднелись руины и чернели провалы, щупальца копали, резали, жгли, плавили, подтаскивая новые материалы. После них оставалась сверкающая гладь возведенных заново стен.

Одновременно щупальца сгребали ветхие обломки веков — груды мусора проносились над башнями и обрушивались далеко в море. Последние пятна серой и зеленой краски исчезали под радугой ярких цветов.

Буйная волна обновления захлестывала башню за башней, дом за домом, площадь за площадью, парк за парком — не оставляя камня на камне от прежнего ради сверкающих красот грядущего. Рогол Домедонфорс врос в Ампридатвир и овладел им, как дерево врастает корнями в землю.

В считанные мгновения на развалинах вознесся новый Ампридатвир, сверкающий, гордый, неустрашимый, своей юностью бросающий вызов красному солнцу.

Юлан Дор и Элаи, ошеломленные до потери дыхания, едва могли уследить за происходящим. Возможно ли это — уничтожить город и в мгновение ока возвести вместо него новый?

Между тем щупальца скользнули по пригородным холмам, нырнули в пещеры и выволокли

оттуда сонных пресыщенных гаунов. Сотни тварей, точно омерзительные плоды древа зла, качались над замершим Ампридатвиром.

— Смотрите! — голос гремел хвастливо и дико. — Вот те, кого вы боялись! И вот как обойдется с ними Рогол Домедонфорс!

Щупальца хлыстами рассекли небо: извивающиеся гауны пронеслись над городом и упали в море.

— Он безумен, — шепнул Юлан Дор Элаи, — тысячелетний сон повредил его мозг.

— Смотрите на новый Ампридатвир! — гремел могучий голос. — Ибо вы видите его в первый и последний раз. Теперь вы умрете! Вы недостойны нового бога Рогола Домедонфорса. Только двое, те, что рядом со мной, останутся и дадут жизнь новой расе…

Юлан Дор беспомощно оглянулся. Что? Им предстоит остаться одним в пустом Ампридатвире под властью безумного сверхсознания?

— Нет!

Одним движением он выхватил меч и, вонзив его в цилиндр, рассек обезумевший мозг пополам.

Ужаснейший звук, никогда прежде не слышанный на Земле, потряс воздух. Многие из тех, кто

был на площади, сошли с ума.

Щупальца Рогола Домедонфорса по всему городу забились в предсмертных судорогах. Великолепные башни рушились, пронзительные вопли жителей сливались с грохотом катастрофы.

Юлан Дор и Элаи бросились на террасу, где оставили воздушное судно. Им в спину несся душераздирающий шепот:

— Я… еще… не мертв. Если… все мои мечты… пошли прахом, то я… убью… и вас тоже…

Они прыгнули в лодку. Юлан Дор поднял ее в воздух. Невероятным усилием воли умирающий мозг бросил одно из щупальцев им наперерез. Юлан Дор увернулся. Щупальце устремилось вслед.

Все пределы скорости были превышены, ветер пел и свистел за дребезжащей обшивкой. А вслед летела дрожащая длань гибнущего бога, пытаясь раздавить мошку, причинившую ему такую боль.

— Быстрее! Быстрее! — молил Юлан Дор послушную машину.

— Выше, — шептала девушка, — выше — быстрее…

Нос лодки ввинчивался в небо почти вертикально, но черное щупальце настигало — черная

радуга, подножие которой — в едва видимом уже Ампридатвире.

Однако смерть настигла Рогола Домедонфорса раньше. Щупальце темным облаком осело над морем.

Юлан Дор продолжал полет на полной скорости, пока остров не превратился в дымку и не растаял на горизонте. Только тут он замедлил скорость и перевел дыхание.

Элаи неожиданно упала ему на плечо и бурно разрыдалась.

— Тише, девочка, тише, — успокаивал ее Юлан Дор. — Мы спасены; мы навсегда покидаем этот проклятый город.

Она мало-помалу успокоилась.

— Куда же мы теперь полетим?

Юлан Дур расчетливо и с некоторым сомнением осмотрел летающую машину.

— Никакой магии Кандайв не получит. Он может рассчитывать разве что на мой рассказ. Возможно, он даже останется доволен… И, конечно, он захочет летающую лодку. Но мы еще посмотрим…

— А нельзя ли нам просто лететь на восток? — прошептала девушка. — Лететь, лететь, лететь, пока не найдем место, где встает солнце… Может

быть, там найдется для нас лужайка с плодовыми деревьями…

Юлан Дор глядел на юг, и думал о Кайне с его тихими ночами и днями, окрашенными в цвет вина, о своем просторном доме-дворце, о широком ложе, с которого так хорошо любоваться водами залива Санреаль, старыми оливами и гуляньями на городских площадях….

— Элаи, тебе полюбится Кайн. — ласково сказал он.

Гвил из Сфиры

Своей непохожестью на родителей и односельчан маленький Гвил с рождения вызывал у отца досаду. С виду совершенно непримечательный малыш испытывал непреодолимую тягу к необычному. Поговаривали, что кто-то сглазил его еще во чреве матери. Стоило мальчику хоть самую малость разволноваться, как он начинал странно хохотать. Это очень забавляло окружающих. А когда Гвилу исполнилось четыре года, пришла пора странных вопросов:

— Почему у квадрата четыре угла, а у треугольника — три?

— Как мы будем видеть, когда солнце погаснет?

— А в океане цветы бывают?

— А почему, когда ночью идет дождь, звезды не ширят?

На все это отец сердито отговаривался:

— Таковы законы мироздания, квадраты с треугольниками им подчиняются!

Или:

— Будем передвигаться на ощупь!

Или:

— Меня не волнует, что там, на дне, это одному Смотрителю ведомо!

Или:

— Звезды выше облаков, на них дождь не попадает!

Когда Гвил подрос, он стал очень вспыльчив, и быстро выходил из себя, однако жажда знаний брала верх над обидами.

— Почему человек умирает, если его убить?

— Куда исчезает красота?

— Как давно живут на земле люди?

— Что находится выше неба?

Отец сердился, но пытался ответить и на эти вопросы:

— Смерть — следствие жизни, — говорил он. — Жизнь человека — воздух в мыльном пузыре. Она ищет выхода, а между тем шар летит, как цветной причудливый сон.

— Красота — одна из уловок любви. Если в душе нет любви, красоты не увидеть.

— Одни говорят, что люди выросли из земли. Другие утверждают, что земля — творение человеческих рук. А что есть правда, один Смотритель и ведает.

— Выше неба лежит Бесконечность.

Гвил предавался размышлениям, пока ему не

открылся тайный смысл явлений жизни. Соседи шептались, что при родах ему повредили мозг, и сейчас он пытается привести свой рассудок в равновесие.

Он часто бродил по травянистым холмам Сфиры, желая как можно лучше изучить окружающий мир.

Наконец он так утомил отца своими вопросами, что тот больше не мог их слышать, и отговаривался тем, что более ничего не знает.

Гвил к этому времени превратился в ладного стройного юношу. Он всматривался в жизнь широко распахнутыми глазами; однако жажда знаний не мешала ему слыть первостатейным щеголем. Но в уголках его губ таилось какое-то беспокойство.

Видя, что отец сердит на него, юноша попросил:

— Позволь мне задать последний вопрос!

— Задавай, — согласился отец, — но чтобы уж он и вправду был последний.

— Ты часто упоминал Смотрителя. Кто он? Где его искать?

Отец посмотрел на сына, как на сумасшедшего, и севшим голосом объяснил:

— Смотритель пребывает в Музее Человека.

Согласно поверью, Музей находится в древней Земле Падающей Стены. Я не знаю точно, существует ли это место. Но многие полагают, что Смотритель знает ответы на все вопросы. К тому же он, несомненно, колдун, и тайны смерти открыты ему наравне с тайнами жизни.

— Я найду Смотрителя и Музей, чтобы до конца постичь суть всех вещей, — пылко сказал Гвил.

В ответ Отец тихо проговорил:

— Да будет так. Я отдам тебе моего любимого белого коня; волшебное облачение — оно укрывает от злых сил; светящийся кинжал, чтобы разгонять тьму, и — главное — подарю мое благословение, которое будет хранить тебя на всех дорогах и тропах, трактах и стежках. Помни об этом!

На языке Гвила вертелось множество новых вопросов, и первый — об источнике сведений и происхождении чудесных предметов, но… Он только поблагодарил его за чудесные дары и благословение — оно и впрямь не было лишним на сумрачных дорогах Асколэса.

Гвил оседлал коня, наточил кинжал, последний раз посмотрел на свой старый дом в Сфире и отправился на север: жажда знаний в нем росла с каждым вдохом.

На старой барже он переправился через Скаум. Предавшись мечтам о встрече со Смотрителем, он едва не стал жертвой речного грабителя — тот вынырнул из-под борта с сучковатой дубиной. Юноша не без труда отбился и столкнул злодея обратно в воду.

Впереди поднимался гористый северный берег, увенчанный Рубцом Порфириона. Темнели пирамидальные тополя, меж ними виднелись белые колоннады Кайна, в далекой дали простерлось тусклое зеркало залива Санреаль. Баржа причалила, Гвил сошел на берег и принялся за расспросы. Он исходил все кривые улочки прибрежного селения, пока один из жителей — одноглазый весельчак — не повел его к прорицателю. Одинокое жилище колдуна сверху донизу пестрело символами Омоклопеластиана. Хозяин оказался худым стариком с бронзовой кожей, воспаленными глазами и длинной седой бородой.

— Могу ли я задать тебе кое-какие вопросы? — отважно начал Гвил.

— На три из них я отвечу, — кивнул тот, — и начну говорить терцинами на внятном тебе наречии, но продолжу на языке движений и жестов, а далее разовью мысль притчами, которые ты

волен толковать, как угодно, и подведу итоги на языке, которым ты не владеешь.

— Во-первых, я хочу знать, много ли тебе известно?

— Я знаю все, — гордо заявил прорицатель, — секреты красного и черного, тайны добра и зла, забытые чары Великого Мотолама, подводные пути рыб и воздушные тропы птах небесных.

— Где ты добыл эти знания?

Старик усмехнулся:

— Когда из дальних странствий я вернулся в свое жилище, то решил предаться самосозерцанию, хотя понимал, что таким образом постичь мир невозможно.

— Почему ты держишь свои знания при себе? — рискнул спросить Гвил. — Почему скрываешься в четырех стенах и живешь в небрежении и нищете?

Прорицатель едва сдержал гнев.

— Ну-ну, юнец! Я уже потратил впустую столько мудрости, что всех твоих денег не хватит возместить потерю. Если тебе нужны знания, за которые не надо платить, — усмехнулся он, — то ищи Смотрителя.

И мудрец скрылся в хижине.

Гвил нашел пристанище на ночь, а утром

двинулся дальше на север — дорога вела мимо развалин Старого Города и сворачивала в Лес. Во время ночевок путешественник укрывал себя и коня волшебным облачением — оно защищало от злых духов, коварных хищников и пронизывающего холода. Под ним не страшны были ни колдовские козни, ни зловещее дыхание темноты.

Багровое солнце грело все слабее, дни стали сумрачными, ночи — промозглыми. Гвил упорно ехал вперед, пока горизонт не заслонили горные кряжи Фер Аквилы.

Лес стал ниже и реже. Все чаще попадались даобады с массивными круглыми стволами и тяжелыми ветвями, покрытыми красно-коричневой блестящей корой. Их непроглядно густые кроны огромными коконами окутывали стволы.

На одной из лесных полян расположилась деревушка из торфяных лачуг. Из жилищ с криками высыпали обитатели и обступили Гвила, с любопытством разглядывая его.

Гвила местные жители заинтересовали не меньше, но он молча дождался, пока к нему не подошел их предводитель — здоровенный косматый мужлан в меховой шапке и накидке. От него так несло нечистотами, что Гвил отстранился.

— Куда направляешься? — спросил атаман.

— Мне нужно в Музей Человека, — ответил Гвил, — не укажешь ли дорогу?

Атаман кивнул на север, где виднелись горы.

— Езжай через Осконское ущелье — так быстрее будет. Правда, дорог там нет. И где оно точно кончается, я понятия не имею. Впрочем, мое дело — сторона.

Неизвестность не смутила Гвила.

— Но ты ведь откуда-то знаешь, что дорога через Осконское ущелье ведет к Музею?

Атаман пожал плечами.

— Все так говорят.

Конь вдруг забеспокоился и стал всхрапывать. Гвил оглянулся: неподалеку оказался загон, где копошились несколько… человек? Во всяком случае, они выглядели неуклюжими верзилами — голые, бледные, желтоволосые, с неприятным блеском в голубых глазах и тупым выражением грубых лиц. На глазах у Гвила один принялся жадно и шумно лакать какое-то мутное пойло.

— Что это за бедолаги? — удивился юноша.

Атаман ухмыльнулся. Неведение Гвила его позабавило.

— Это же оусты, — он указал на коня Гвила. — В жизни не видал такого странного оуста, как у

тебя. Наши-то куда смирнее будут. И мясо у них — пальчики оближешь. — Мужлан внимательно разглядывал сбрую Гвилова коня. Особенно его привлекла попона, расшитая красными и желтыми цветами: — Какое, однако, покрывало. Загляденье! Слушай-ка, не возьмешь ли моего оуста в обмен на твоего со снастью. Лучшего дам.

Гвил вежливо объяснил, почему он вынужден отказать. Атаман как будто равнодушно пожал плечами.

Загудел рожок.

— Хочешь есть? Еда поспела, — оглянувшись, предложил атаман.

Гвил невольно покосился на оустов. Потом ответил:

— Я не голоден. И мне надо спешить. Я благодарю за приглашение, но вынужден отказаться.

Он вскочил на коня и дал ему шпоры. Проезжая под огромным даобадом, Гвил бросил последний взгляд на селение. Возле лачуг поднялась подозрительная суета.

Вспомнив, как атаман ел глазами седло и попону, Гвил заторопился и подхлестнул коня. Скоро он был уже на опушке леса.

Дальше, насколько хватало глаз, лежала равнина. Под копытами коня захрустела сухая осока.

Солнце, багровое, как перезревший гранат, закатывалось за облака на юго-западе, его косые лучи едва освещали безлюдный простор. Видневшиеся в дымке горы в этом свете выглядели неестественно.

Гвил покосился на солнце. Через час наступит ночь… Что-то тревожило его, и не напрасно: оглянувшись, он заметил четырех оустов с наездниками — они увидели его и припустили рысью, — но тут неожиданно хлынул дождь, и напуганный конь во всю прыть понесся к ущелью. Преследователи устремились за ним.

Когда солнце село, впереди снова показался лес, еще более мрачный. Его темные деревья склонялись до самой земли, Гвил то и дело задевал за корявые сучья.

Во что бы то ни стало надо оторваться от погони! Пожалуй, в лесу это удастся, если только оусты не идут по запаху. Гвил три раза менял направление. Наконец он натянул поводья, остановился, прислушался к треску бурелома, потом спешился и завел коня в заросшую густыми деревцами лощинку. Вскоре показалась погоня — четверо всадников явно злились. Учетверенный треск их шагов медленно затихал, пока не смолк совсем.

Конь зашевелился и зашуршал листьями. Воз-

дух здесь был сырым и промозглым. Гвила начало знобить.

Темнота сгущалась, как будто в воздух лили чернила. Надо убираться от проклятой деревни. Чем скорее, тем лучше.

Он вывел коня и снова прислушался. Хриплые крики доносились издали. Гвил повернул в противоположную сторону и полностью доверился коню.

Сучковатые ветки сплетали в лиловом небе черную сеть. Отовсюду тянуло плесенью и гнилью. Конь ступал очень осторожно, настороженный седок чутко вслушивался в тишину. Зрение было бессильно — перед глазами уже все сливалось, но отовсюду на одинокого путника глядела незримая смерть.

Обливаясь холодным потом, боясь лишний раз пошевелиться, Гвил сполз с седла и развернул волшебное облачение. На этот раз даже оно оказалось бессильно против леденящего ужаса ночи, который поселился в душе.

Сквозь ветви проглядывал худосочный рассвет. Гвил вылез из своего укрытия — изо рта шел пар. Он пожевал сушеных фруктов, задал коню остатки овса… Дорога ждала, и вскоре он продолжил свой путь.

Лес кончался у подножия иззелена-черных гор, тянувшихся от Мелантина к Земле Падающей Стены — с мглистого ночного запада на алый утренний восток. Где же Осконское ущелье? — юноша тщетно всматривался вдаль, не находя ни малейших признаков того прогала, что был виден из разбойничьего поселка.

Моросило. Пологие склоны влажно блестели, редкие утесы щерились, как гнилые зубы. Гвил принял решение и двинулся в горы.

На исходе дня он понял, что заблудился в каменном лабиринте, снова позволил коню выбирать дорогу и приготовился всю ночь провести в седле. Привстав на стременах, юноша в очередной раз огляделся. Древний путь через Осконское ущелье, видимо, и в самом деле вел в северные земли. Но синюшные тучи скрывали солнце, и определить стороны света не представлялось возможным — всюду был только камень, голый и безотрадный, да кое-где — засохшие кусты. Конь и всадник мерзли под холодным свинцовым небом и мокли под нескончаемым дождем.

Тогда он в отчаянии погнал коня галопом. Уши наполнил свист. Горы закачались, как живые. Скачка внезапно окончилась у обрыва. Стало тихо. Внизу, в широкой долине, темнел забро-

шенный город. Над его улицами стлался туман. Отблеск заката лежал на почерневших кровлях домов.

Конь зафыркал и ступил на каменистый откос.

— Странный город, — Гвил за время своего путешествия привык разговаривать с понятливым конем, который как будто все понимал, — никого не видно, ничего не слышно, даже дымом не пахнет… По моему, тут уже давным-давно никто не живет.

Не объехать ли его стороной? Мало ли какая нечисть гнездится в развалинах… А если через город проходит дорога на север?

Он решился и въехал в город. Копыта звонко цокали по мостовой. Постройки из дикого известняка были большей частью разрушены. Редкие уцелевшие двери хлопали, болтаясь в заржавленных петлях. В стенах темнели провалы, хотя сам камень выглядел прочным. Перед угрюмыми домами разрослись цветы — все, что осталось от ухоженных некогда цветников.

И тут ветер принес долгожданную дымную горечь. — Хотя — мало ли кто разжег здесь костер?

— Э-эй! — крикнул он.

Тишина. Нигде не хлопнула дверь, не зажглось окно. Гвил осторожно поехал дальше. Улица

поворачивала к большому дому… В его окнах мелькал свет.

Это было высокое здание с четырьмя окнами. Стекла давно вылетели, но сохранились бронзовые рельефы и маленькие балкончики. Мраморная балюстрада перед террасой и вовсе сияла белизной, придававшей фасаду отрешенное равнодушие. Слышалась тихая музыка.

Но Гвила привлекло нечто иное. Соскочив с коня, он отвесил поклон девушке, которая задумчиво сидела на перилах балюстрады. Несмотря на холод, на ней было только легкое желто-оранжевое платье. Золотистые волосы окутывали плечи, оттеняя задумчивое личико.

Гвил поздоровался. Девушка улыбнулась, кивнула в ответ, поправляя упавшие на глаза пряди.

— Скверная ночка для странников!

— А равно и для мечтателей, — в тон ей откликнулся Гвил.

Она снова улыбнулась:

— Мне не холодно. Я сижу и мечтаю… И слушаю музыку…

— Что это за место? — Гвил, оглядывал улицу, но взгляд его все время возвращался к девушке. — Здесь есть еще кто-нибудь, кроме тебя?

— Этот город называется Карчезель. Он был

покинут десять веков назад. Я и мой старый дядюшка прячемся здесь от сапонидов.

Девушка казалась Гвилу все более очаровательной.

— Ты озяб? — воскликнула она. — А я-то держу тебя на улице! Входи же, будь как дома!

— Спасибо, но сначала надо позаботиться о коне.

— Его можно поставить вон в том сарае. Конюшни у нас, к сожалению, нет.

Там, куда она указала, стояло маленькое строение с настежь распахнутой дверью. Он расседлал коня и завел его внутрь.

Неожиданно его слухом завладела музыка — протяжные и таинственные созвучия, плывущие в темнеющем воздухе.

— Очень странно, — пробормотал он, поглаживая коня. — Дядюшка играет, девушка мечтает… Впрочем, излишняя подозрительность тоже до добра не доводит. Если даже она и ведьма, то взять с меня нечего… А если они и вправду беженцы, да еще любят музыку, стоит и мне сыграть парутройку мелодий… Надо же чем-то отблагодарить за гостеприимство… — Он достал из седельной сумки свою флейту и направился к девушке.

— Как твое имя? — спросила она. — А то я не

знаю, как представить тебя дяде.

— Я Гвил из Сфиры. Это место за рекой Скаум в Асколэсе. А твое имя?

Она засмеялась. Входная дверь была приоткрыта. Мягкий желтый свет ложился на булыжную мостовую.

— У меня нет имени. Зачем оно? Кроме нас с дядей здесь никого нет, он может обратиться только ко мне.

Гвил удивился. Это действительно выглядело странно. Может, она считает его колдуном и боится порчи?

Едва они вошли в дом, как флейта заиграла громче.

— Если ты позволишь, я буду называть тебя Амис, — попросил Гвил. — Так называется южный цветок, такой же золотистый и нежный, как ты.

Она кивнула:

— Пожалуйста, если тебе так нравится.

Они вошли в комнату, украшенную гобеленами. Лица овеяло теплом. Здесь ярко пылал камин, возле него блестел приборами накрытый стол. В кресле сидел неопрятный лохматый старик — спутанные седые космы падали ему на плечи, всклокоченная грязно-желтая борода походила

на паклю. Ноги были обуты в ободранные сандалии. Он продолжал играть на флейте, не замечая вошедших. Гвилу почудилось, что девушка пританцовывает на ходу.

— Дядюшка Людовик! — весело крикнула она. — Я привела гостя, господина Гвила из Сфиры.

Гвил присмотрелся к старику: поразительно — у него были проницательные молодые глаза, полные лихорадочным блеском. Больше того, глаза смеялись. Это обескураживало — потому что на морщинистом лице читалась целая повесть, полная страданий и утрат.

— Дядя — великий музыкант, в этот час он всегда играет. Он придерживается такого распорядка уже долгие годы…

Гвил вежливо поклонился.

Амис шагнула к столу.

— Угощайся, Гвил! Дай я налью тебе вина. А потом, быть может, ты тоже сыграешь нам на флейте.

— С радостью, — откликнулся юноша и увидел, что лицо старика просветлело, а уголки губ дрогнули.

Пока Гвил утолял голод, Амис все подливала ему вина, так что, наконец, комната поплыла у

него перед глазами.

Дядя Людовик продолжал играть свою мелодию, нежную, как журчание ручейка. Ее переливы убаюкивали. Сквозь дрему юноша следил, как Амис кружится в танце.

«Странно, — думал Гвил, — эти одинокие люди совсем не ожесточились и сохранили любовь к прекрасному…»

Он очнулся и поднялся из-за стола. Людовик все еще что-то наигрывал, мелодия подражала пению птиц на восходе солнца. Амис танцевала, с каждым шагом приближаясь к Гвилу. Он уже ощущал тончайший аромат ее духов, и не мог отвести глаз от золотых волос и счастливого лица.

Людовик почему-то смотрел на нее сердито.

— Может быть, сейчас поиграешь ты? Ты так молод и так силен… — попросила Амис, перехватив его затуманенный взгляд. — Ты ведь не откажешься сыграть для дяди? Он будет очень доволен и скоро уйдет спать. А мы сможем беседовать хоть до утра.

— С удовольствием поиграю, — проговорил Гвил, с трудом шевеля губами — вино брало свое. — Мои домашние всегда слушали меня с удовольствием… Пусть моя музыка расскажет вам о Сфире.

Случайно взглянув на старика, Гвил удивился: лицо выражало чистейшую радость. Его любовь к музыке поистине достойна восхищения.

— Ну же, играй! — попросила Амис, подталкивая его.

— Не лучше ли подождать, пока дядя закончит. Мне не хотелось бы показаться невежей, — попытался возразить Гвил.

— Нет, чем раньше ты дашь ему понять, что хочешь играть, тем скорее он закончит. Просто возьми флейту. Он плохо слышит, — пояснила девушка.

— Ну ладно, — согласился Гвил, — только я лучше возьму свою флейту.

Его невинные слова произвели странное действие: в глазах Амис сверкнуло непонятное торжество, а на лице ее дяди проступило выражение безнадежной покорности.

Гвил отвернулся, смутившись.

— Вы не хотите меня слушать?

На мгновение в комнате стало тихо. Амис стояла перед ним, трогательная и прекрасная:

— Что ты! Я уверена, что твоя музыка приведет дядю в восторг. Просто он хотел бы услышать, как в твоих руках будет звучать его флейта.

Людовик кивнул, и его молодые глаза опять

как-то странно сверкнули.

Его инструмент был восхитителен — серебристый металл, золотые инкрустации… И кажется, он не слишком-то хотел уступить его даже на время.

— Возьми флейту, — настаивала Амис, — он просто не может уловить, о чем речь.

Людовик затряс головой, то ли подтверждая, то ли отрицая что-то. Гвил поддержал его участливым взглядом.

— Я пока что сыграю на своей флейте — она почти что часть меня, и к тому же мне не хочется беспокоить твоего дядю. Слушайте! — И Гвил поднес мундштук к губам. — Это песня из Кайна, она называется «Опал, жемчужина и фазан».

Он заиграл — и впрямь с большим искусством. Старик следил за ходом мелодии и порой даже подхватывал ее переливы. Амис слушала, полузакрыв глаза и покачивая в такт рукой.

— Тебе понравилось? — спросил Гвил, закончив играть.

— Очень! Ты не мог бы повторить это на дядиной флейте? Ее звук мягче, и дыхание напрягать почти не нужно.

— Нет-нет, — заупрямился Гвил. — Я играю только на своем инструменте. — Следующим в

его исполнении зазвучал праздничный танец — в комнате словно повеяло вихревым дыханием карнавала. Людовик вторил ему с замечательной точностью. Амис самозабвенно кружилась в танце собственного сочинения.

Гвил заиграл бешеную сельскую тарантеллу. Девушка кружилась все быстрее и быстрее, ее руки взлетали, волосы разметались.

Флейта Людовика рождала восхитительные серебристые рулады — они то сплетались с мелодией Гвила, то оттеняли ее другой тональностью, то подчеркивали низкими или высокими нотами ее сумасшедший ритм.

И вдруг Людовик закрыл глаза, не нуждаясь в видимом мире, и заиграл еще быстрее. Его музыка была ни на что не похожа. Рулады, трели, переборы флейты Гвила — а она пела, как никогда раньше — были слабым эхом этой феерии.

Глаза старика закатились, по лицу заструился пот. Воздух трепетал, полнясь созвучиями, едва выносимыми для человеческого слуха.

Амис танцевала, как одержимая. В неистовстве пляски она забыла о красоте и грациозности, казалось, она и себя забыла: ее метания завораживали, пугали. От натуги у Гвила темнело в глазах. Вдруг он увидел, как Амис оседает на пол

и бьется в судорогах с пеной у рта. Дядя с усилием шагнул к ней, и… страстное многоголосье сменилось медлительными и величавыми звуками, которые неотвратимо слагались в Песнь Смерти.

Гвил из Сфиры бросился вон из комнаты с расширенными от ужаса глазами.

А Людовик играл, и каждая следующая нота вызывала у его жертвы новую жестокую судорогу.

Холодный воздух отрезвил Гвила — снаружи шел дождь со снегом. Юноша вбежал в сарай, бросил коню на спину седло, торопливо взнуздал его и поскакал прочь. Булыжник грозно звенел под копытами. Гвил мчался галопом. Вон из города! Когда он решился, наконец, оглянуться, то онемел от изумления: позади в утреннем полусвете расстилалась ровная каменистая равнина, лишь кое-где виднелись неузнаваемые руины… Кругом царила тишина — лишь иногда ее нарушал шорох осыпающихся камней. Гвил отвернулся и поехал своей дорогой. На север.

Впереди маячили серые гранитные утесы, почти сплошь покрытые алым и черным лишайником и голубой плесенью.

Копыта коня звонко цокали по камням дороги. Этот звук убаюкивал Гвила — он обессилел после бессонной безумной ночи. Дрема уносила его в

страну сновидений, Гвил упорно старался стряхнуть с себя оцепенение и не заметил, как заснул и начал сползать с седла. Встрепенувшись, он решил, что скоро нужно будет устроить привал.

Солнце было в зените, когда дорога привела его к огромному утесу. Гвил задумался, и решил передохнуть сразу за поворотом.

И неожиданно скальные стены расступились, открыв неоглядный простор.

Это был край полутонов и полутеней, сливающихся в дымку на горизонте. Впереди виднелась пустынная возвышенность с рощицей темных деревьев. У ее подножия поблескивала вода и светлели пепельные руины, окутанные туманом.

Не это ли — Музей Человека?

Ближе к вечеру поднялся ветер. Казалось, он нес с собой сумерки, как облака. Гвил остановился на ночлег. В темноте ничего не стоило потерять дорогу. Странный печальный звук. Гвил замер, настороженно озираясь.

Вздох? Стон? Плач?

Звук раздался ближе. Он изменился, и больше всего походил на шелест одежд.

Гвил съежился в седле. Темнота подалась: на дороге стоял некто в белых одеждах, глаз его вид-

но не было — только темные провалы, подобные пустым глазницам черепа.

С печальным воплем пришелец сгинул. Вокруг слышался только шум ветра. Гвил без сил сполз с седла наземь и стал разворачивать облачение. Очутившись в темноте и тепле, он погрузился в сон.

Поутру он снова пустился в путь. Дорога петляла по белому песку между пыльными кустами дрока, и вела как раз к холму с рощицей. Гвилу очень хотелось увидеть сквозь листву крыши и дымок над ними. Справа и слева были поля, заливные луга и яблоневые сады. Значит, где-то поблизости должны жить люди! На глаза ему попалась ограда из камней и черных бревен. Высеченные на камнях пятерни указывали на центральную колонну. Бревенчатые перила были украшены спиралями. За оградой зияла яма, выкопанная или выжженная каким-то ужасным орудием.

И тут он заметил троих — они явно спешили ему наперерез.

Конь забеспокоился. Приблизившись, незнакомцы внимательно оглядели Гвила и взяли его коня под уздцы. Это были рослые, хорошо сложенные люди, облаченные в тесные одеяния

из черной кожи, их шапки, похожие на скорлупу каштанов, закрывали уши. Удлиненные лица имели цвет старой кости, глаза отливали золотом, черные волосы блестели на солнце.

Один из них, видимо, старший, выступил вперед. Его лицо было непроницаемо.

— Привет тебе, чужеземец!

— Здравствуйте, — осторожно ответил Гвил, — вы из Сапониса?

— Да, оттуда. — Старший с любопытством оглядел Гвила золотистыми глазами: — Судя по твоему виду, ты с юга?

— Я Гвил из Сфиры, что на реке Скаум в Асколэсе.

— Долог же был твой путь! — заметил сапонид. — И уж верно, ты всякого навидался.

— Путь кажется короче, когда ясно видишь цель, — ответил Гвил.

— Ты пересек Фер Аквилу? — вежливо поинтересовался сапонид.

— Да, на моем пути были какие-то скалы, — сапониды молчали, и Гвил продолжил: — еще вчера я ночевал в мрачном ущелье. Мне даже встретился призрак, но Думаю, он во мне не нуждался.

Его слова неожиданно взволновали сапонидов. Их продолговатые лица вытянулись, губы

сжались. Старший попытался успокоить подчиненных, однако и сам со скрытым страхом косился на небо и по сторонам.

— Призрак? В белых одеждах? И растаял в воздухе?

— Ну да. Вы о нем слышали?

Все опять замолчали.

— Да, случалось, — наконец прервал молчание старший сапонид. — Но продолжай свой рассказ.

— Осталось немного. Я переночевал у выхода из ущелья, и утром спустился на равнину.

— И больше тебя никто не беспокоил? Не видел ли ты Кильбао — Шагающего Змея, который спускается с неба, предвещая беду?

— Нет, я не видел ни змей, ни других гадов; меня защищало благословение отца.

— Очень любопытно…

— Однако, — прервал Гвил, — раз уж зашла об этом речь, не скажете ли вы мне, что это за призрак и что ему было нужно?

— Этого я толком не знаю, — осторожно ответил сапонид. — Знаю только, что лучше его не поминать, чтобы не навлечь на себя беду.

— Хорошо, — согласился Гвил, — а не знаете ли вы… — Он не договорил, сообразив, что до того, как расспрашивать про Музей Человека, неплохо

бы присмотреться к сапонидам и выяснить, какое значение этот Музей имеет для них. Ведь пока что они задавали больше вопросов, чем давали ответов.

— Вы хотели о чем-то спросить? — поинтересовался сапонид.

Гвил указал на опаленную рытвину за оградой из бревен и камней.

— Кто это выжег?

Сапонид коротко глянул туда и пожал плечами.

— Это очень древнее место. Над ним обитает злой дух, который все уничтожает. Никто не может пересечь пустошь. Здесь мы казним преступников. Впрочем, не будем о плохом. Ты, наверное, хотел бы отдохнуть. Мы тебя проводим.

Они двинулись по тропинке в город. Гвил молча ехал за ними. У подножья холма дорога превратилась в оживленный тракт. Справа раскинулось озеро, заросшее багряным камышом. За ними была видна пристань, рядом на воде покачивались лодки. Высокий причал был срублен из черных брусьев в виде серпа.

Наконец поднялись в город. Богато украшенные резьбой трехэтажные дома из золотисто-коричне-

вых комлей, казалось, возводились на века. Гвил с любопытством разглядывал резные узоры: спирали, цветы, листья, ящериц и всякую всячину. Наличники также были украшены орнаментом: листьями, животными, звездами.

Было ясно, что эти дома принадлежат местным богачам. Узкая улочка поднималась все выше и выше. Постройки утопали в пышной листве садов. Сапониды шли впереди, тихо переговариваясь. Они выглядели весьма изысканно — Гвил никак не ожидал такого от северян.

Внезапно все остановились. Старший обернулся к гостю:

— Подожди меня здесь. Я должен предупредить о твоем приезде Воеводу, чтобы он приготовился к приему.

Гвилу и в голову не пришло, что это ловушка. Он кивнул, и продолжил любоваться гостеприимным городом.

Невдалеке остановилась стайка смеющихся девушек в полосатых шерстяных платьях: они без стеснения разглядывали чужеземца. Гвилу они понравились: гибкие, стройные и очень кокетливые.

Вернулся его провожатый:

— Ну что же, господин Гвил, пойдем дальше?

Юношу охватило нехорошее предчувствие:

— Отцовское благословение хранило меня в пути, и я готов идти по любой дороге, если она приведет меня к цели. Но если я уклонюсь, гибель ждет меня и тех, кто окажется рядом.

Сапонид понимающе кивнул.

— Конечно, ты волен идти, куда захочешь. Просто Воевода очень хотел бы повидать гостя с далекого юга.

Гвил дал согласие наклоном головы, и все двинулись дальше. По обе стороны дороги потянулись гряды, засаженные кустами с маленькими сердцевидными листочками — красными, зелеными, черными.

Сапонид обернулся к Гвилу:

— Я должен предупредить тебя, чужеземец. Это — одно из наших священных мест, и обычай требует строго наказать любого, кто наступит на эти листья.

— Я учту. Постараюсь не нарушать ваших законов.

Заросли стали гуще и выше, и вдруг с дикими воплями на дорогу выпрыгнули страшилища с горящими глазами. Конь Гвила шарахнулся в сторону и потоптал священные листья.

Откуда ни возьмись, налетели сапониды. Коня

схватили под уздцы, а Гвила стащили с седла наземь.

— Стойте! Что все это значит? Объясните мне! — надрывался он.

Проводник укоризненно покачал головой:

— Ведь я только что тебя предупреждал!

— Но чудища напугали коня! — пытался возражать Гвил. — И моей вины в этом нет. Отпустите же меня с миром.

— Боюсь, что за осквернение священного места ты будешь наказан. Слова здесь не помогут. Эти чудовища — безобидные домашние животные, которые напугались не меньше твоего коня. Между тем, ты ехал верхом и мог удержать лошадь. Так что даже, если ты извинишься, то все равно будешь виноват в преступной неосторожности.

Выходит, что это твои действия непредсказуемы, и конь тут ни при чем. Нам теперь придется заново освятить осквернённую землю. Между тем, если бы ты, получив мое предупреждение, спешился, ничего подобного не случилось бы. Итак, сэр Гвил, я вынужден признать тебя виновным в дерзости и неуважении.

Как Старшина, отвечающий за охрану спокойствия и соблюдение законов, я вынужден арестовать тебя как правонарушителя. До того,

как будет назначено наказание, тебя заключат в тюрьму.

— Вы что, издеваетесь? — взорвался Гвил. — Как можно так жестоко обращаться с путником!..

— Ничего не могу поделать, — ответил Старшина. — Мы милосердны, но свято чтим обычаи, завещанные предками. Для нас прошлое важнее настоящего. Таковы наши законы!

Гвил внезапно успокоился.

— И какое же наказание меня ждет?

— Для подобных преступлений предусмотрены три вида наказаний. Полагаю, что в твоем случае сам приговор будет свершен символически — однако при полном соблюдении сопутствующих обычаев.

— Уведите его! — приказал Старшина своим людям. — Только не вздумайте переходить проезжие дороги — на дорогах он под защитой благословения, которое для вас может обернуться проклятием.

Гвила заперли в темном прохладном подвале. Каменный пол был сухим, потолок и стены — чистыми, без потеков и клоповьих гнезд. Оставшись в одиночестве, Гвил чувствовал себя очень неуютно. Тем более что светящийся кинжал у него отобрали.

Улегшись на камышовую подстилку, он попытался разобраться в происшедшем; однако усталость взяла свое, и Гвил уснул.

Прошел еще один день. Пленнику исправно приносили еду и питье. Наконец к нему зашел Старшина.

— Ты воистину родился под счастливой звездой, — объявил сапонид. — Мы не нашли в твоем поступке злого умысла, и сочли его легкомыслием. Реши мы иначе, наказание могло быть очень суровым. Закон предписывает либо — отнять пальцы ног и забить горло перцем; либо три часа порки и проклятие за осквернение святыни; либо опустить виновного на дно озера в свинцовых башмаках и заставить найти утерянную Книгу Келлса. — Старшина благодушно поглядывал на Гвила.

— Что же будет со мной? — сухо осведомился тот.

Сапонид пошевелил кончиками пальцев.

— Согласно указу Воеводы ты просто должен будешь поклясться, что никогда больше не осквернишь наши святыни и не нарушишь обычаи.

— Клянусь, — сказал Гвил и замолчал.

— И еще, — продолжал старшина с легкой

усмешкой, — ты должен разобраться, почему наши девушки никак не могут определить первую красавицу и выбрать среди них лучшую.

— Ужасно трудно, — пробормотал Гвил, сдерживая радость, — не слишком ли сурово наказание?

Сапонид принял глубокомысленный вид:

— Многие пытались выбрать красавицу… Но почему-то каждый горожанин неизменно находил таковую среди своих родственниц. Поэтому выбирать должен посторонний нам человек. Тебя же никто не сможет обвинить в предвзятости, и ты вполне можешь нам помочь.

Гвил верил в искренность сапонида, хотя такое решение суда его удивило.

— Что же будет, когда я все исполню? — спросил он.

— Узнаешь, когда выберешь красавицу! — старшина вышел, оставив дверь открытой.

Больше всего Гвила огорчал вид его одежды — после несколько дней в тюрьме и прочих напастей он выглядел не лучшим образом. Чистое лицо и причесанные волосы не поправили дела — оказавшись на улице, Гвил с грустью заключил, что вид его остался неприглядным.

Старшина повел его на вершину холма.

— Однако вы не боитесь идти со мной по до-

роге, — заметил Гвил, припомнив наставление Старшины стражникам.

Сапонид пожал плечами:

— Верно, но пока тебя освободили лишь временно, и есть тысяча способов задержать тебя, не причинив тебе ни малейшего вреда. Дорога не значит «свобода»: она иногда идет через мосты и плотины, которые можно разрушить, посредством заклинаний на ней можно воздвигнуть стены. Твое благословение может хранить тебя даже от голода, но что с того, если ты просидишь в каменном мешке до помрачения солнца!

Ответить на это было нечего.

С холма Гвил увидел на озере три полукруглые лодки, нос и корма которых уходили под воду. Это его удивило.

— Почему у вас такие странные лодки?

Старшина в свою очередь удивился вопросу:

— Разве у вас на юге не растут стручки оу?

— Ничего подобного я раньше не видел.

— Это плоды гигантской лозы. Видишь, они похожи на кривые сабли. Когда стручки созревают, мы их снимаем, делаем маленькую прорезь, вычищаем изнутри, потом стягиваем концы вместе, чтобы он сам раскрылся — ну а там уж вставляем внутрь распорки, сушим, полируем, украшаем

резьбой, смолим, — и лодка готова.

Путь их закончился на площади, окруженной высокими домами из почерневшего дерева. Это было место гуляний и сходов, на которых решались городские дела.

Собравшаяся здесь толпа ожидала чего-то с непонятным унынием.

А посреди площади сбилась добрая сотня девушек.

Они были нарочито небрежно и безвкусно одеты, растрепаны, а на чумазых лицах застыло одинаковое мрачное выражение.

Гвил повернулся к своему проводнику:

— Этим девушкам, похоже, совсем не хочется быть красавицами?

Старшина криво усмехнулся:

— Скромность — главное украшение наших жен и дочерей.

В душу Гвила снова закрались подозрения.

— Как должен проходить выбор? Мне еще не приходилось этого делать, и я не хотел бы никого оскорбить…

— Ты никого ничем не оскорбишь. Чем скромнее обставлено состязание и чем быстрее оно проходит, тем лучше. Ты просто пройдешься перед ними и укажешь на ту, которая тебе больше

понравится.

Гвил, наконец, понял, что от него требуется. Он чувствовал себя дураком: по собственной глупости нарушить глупейший запрет, и получить наиглупейшее наказание, какое только можно придумать. Вот уж точно, надо разделаться с этим побыстрее! Он шагнул к девицам. На него устремились беспокойные взгляды. Задача оказалась не из простых: многие девушки были настоящими красотками, как ни старались этого скрыть.

— Встаньте в ряд, — попросил он, — так мне и вам будет проще.

Девушки без желания подчинились.

Гвил начал приглядываться. Для начала он вывел из ряда самых неказистых — толстушек, коротышек, рябых и конопатых. Затем сказал как можно мягче:

— Никогда не видел столько очаровательных девушек сразу. Любая из вас достойна быть первой, и мне непросто сделать выбор. Но я постараюсь рассудить по справедливости…

Снова и снова разглядывал девушек, просил выйти из ряда то одну, то другую, в ком находил изъян. Перед ним, наконец, остались настоящие красавицы. Он отверг еще нескольких. Оставшиеся смотрели на него с откровенной неприязнью,

даже со злостью — особенно, когда он заставлял их поворачиваться, проверяя осанку.

Последний взгляд. До чего же они все хороши… Ясноглазые, гибкие, как тростник, с шелковистыми локонами. Их прелести не могли скрыть никакие лохмотья. Все они чуть ли не тряслись от волнения… И Гвил указал на ту, которая, кажется, совсем не волновалась. Она была воплощением очарования: маленькое личико, огромные задумчивые глаза и прекрасные черные волосы с трогательной гривкой над чистым лбом. Ее нежная кожа цвета слоновой кости была почти прозрачна, стан безупречен, как стебель цветка. «Что тут думать!» — подбодрил сам себя Гвил и взял ее за руку.

Глаза девушки расширились — от ужаса.

Гвилу чуть ли не силой пришлось тащить ее к восседавшему в кресле Воеводе.

— Я выбрал эту, так как нахожу ее самой красивой.

Над площадью повисла мертвая тишина.

Из груди Старшины вырвался хриплый печальный стон.

Он, покачиваясь, шагнул вперед. Голова его поникла, плечи тряслись.

— Гвил из Сфиры, ты отомстил за мою хитрость.

Та, которую ты выбрал — моя любимая дочь Ширі. И теперь она должна умереть…

Гвил переводил недоуменный взгляд то на Старшину, то на Ширі. Девушка была безучастна и глядела куда-то вдаль.

Заикаясь, он выговорил:

— Ничего не понимаю! Я же выбирал первую красавицу…

— Твой выбор безупречен, Гвил из Сфиры, — с горечью сказал Старшина.

— Тогда скажи, что я еще должен сделать, чтобы вы меня отпустили? — спросил Гвил.

— В трех милях к северу лежат развалины, которые мы называем Музеем Человека… — голос Старшины прервался.

— Ну, ну, я слушаю! — торопил Гвил.

— Ты должен проводить туда мою дочь. На воротах увидишь медный гонг, ударишь в него и скажешь: «Мы из Сапониса».

Гвил нахмурился:

— «Мы»?

— Это будет искуплением твоей вины! — закричал Старшина.

Гвил огляделся. Со всех сторон его окружили мрачные горожане.

— Когда я должен отправляться? — сухо спро-

сил юноша.

— Сейчас Шири переоденется в желтое платье. Через час она будет готова, и вы отправитесь в Музей Человека, — прозвучал столь же сухой ответ.

— А дальше?

— Что будет дальше, никому не известно. До вас туда ушли тысячи, и никто не вернулся.

Уже спускаясь с вершины холма по усыпанной листьями тропе, рассерженный Гвил никак не мог унять гневную дрожь во всем теле.

Нарушение дурацких обычаев повлекло за собой жертвоприношение!

Старшина подтолкнул его.

— Вперед!

Жертвоприношение… Гвила колотило, ему хотелось то смеяться, то плакать. Но если он и боялся, то не за себя.

Позади оставались высокие деревья и украшенные резьбой дома.

Наконец перед ними легла равнина.

Внизу возле желтой шелковой палатки ждали восемь женщин в белых хламидах и венках из соломы.

Старший подвел Гвила к верховной жрице. Та откинула полог палатки, и оттуда медленно

вышла Шири. В ее темных глазах стыл ужас. Казалось, что платье душит ее, как силок: высокий ворот упирался в подбородок, на спину сползал капюшон, а голые руки казались особенно беззащитными. Девушка походила на маленького пойманного зверька. Она смотрела на отца и Гвила, как на чужих.

Жрица мягко обняла ее за талию и подтолкнула вперед.

Шири робко сделала несколько шагов. Мальчик и девочка подошли к обреченным с чашами. Девушка равнодушно взяла свою; Гвил тоже. Содержимое ему не понравилось.

— Что это за зелье?

— Напиток, — ответил сапонид. — Выпей, дорога покажется короче, страх покинет тебя, и шаг твой будет тверд.

— Нет уж, — заявил Гвил, — я не стану пить, я хочу предстать перед Смотрителем с ясной головой. Не желаю выглядеть пьяницей, качаться и спотыкаться! — И он вернул чашу мальчику.

Шири все еще смотрела на свое зелье.

— Не пей тоже. Не стоит добавлять к числу потерь наше достоинство, — посоветовал Гвил.

Нерешительно она протянула девочке свою чашу.

Старшина помрачнел, но смолчал.

Одетый в черное старец вынес атласную подушку, на которой лежал кнут с резной ручкой.

Взяв кнут, Старшина легонько стегнул им Гвила и Шири.

— А сейчас уходите из Сапониса! У вас больше нет дома. Ищите его в Музее Человека. Не оборачивайтесь! Забудьте прошлое, не думайте о грядущем в Северных Садах. Вы свободны отныне от всего доброго и дурного, что связывало вас с Сапонисом и сапонидами. Заклинаю вас! Прочь! Прочь!

Шири закусила губу. Слезы ручьями текли по ее щекам, но она не издала ни звука. С высоко поднятой головой она пошла вперед. Гвил двинулся вдогонку.

Они не оглядывались, лишь прислушивались к звукам за спиной, пока те не поглотило дыхание равнины — безграничной и мрачной, но живой под жухлым покровом трав. Далеко впереди белели руины Музея. К ним вела едва заметная стежка.

Гвил попытался заговорить:

— Почему мы молчим?

— Говори, — отозвалась Шири.

— Почему мы должны были это сделать?

— Так делали всегда, вот и все объяснение.

— Для тебя — может быть, — проворчал Гвил, — но не для меня. Я хочу знать правду. Я всегда хочу знать правду обо всем, что можно увидеть и пережить! Полное познание мира — вот мечта моей жизни!

Шири взглянула на него с изумлением:

— Неужели у вас на юге все так жадны до знаний?

— Нет, не все, — ответил Гвил. — Гораздо больше тех, кто жаден до удовольствий. Многие говорили мне: «Зачем тебе знания? Земля остывает, людям осталось совсем немного! Так стоит ли отказываться от радостей жизни?»

— И вправду… — начала было Шири, — вот в Сапонисе…

— Ну да, разумеется, — оборвал Гвил. — В Сапонисе умеют радоваться жизни! Из меня тут же сделали одержимого и осудили на смерть! Может быть, я и одержим — знаниями!

Шири сочувственно смотрела на него:

— Скажи, может, я смогу облегчить твою тоску.

Гвил залюбовался ее милым личиком, ее чудными густыми волосами и огромными глазами, так похожими на сапфиры.

— Я счастлив, что ты рядом. Жаль только, что

это — единственный повод для счастья.

— Говори, говори, — повторила Шири, — Музей Человека уже близок.

— Все-таки почему нас послали на смерть?

— Истинной причиной было то привидение, которое ты встретил на дороге. Когда оно появляется — это знак, что к Музею Человека надо отправить самых красивых юношу и девушку. Откуда взялся этот обычай, я не знаю. Но так будет продолжаться пока светит солнце…

— Но что будет с нами? И что от нас потребуется?

— Я ничего не знаю…

Гвил принялся рассуждать вслух:

— Едва ли нам обрадуются… Ты, конечно, первая красавица Сапониса — но я-то чужак, и с вашими юношами статью поспорить не могу…

Шири горько улыбнулась:

— Не ты первый… Не ты последний.

— Ну да, моя смерть для Сапониса — потеря невеликая, — мрачно подтвердил Гвил.

— Это так, — согласилась девушка.

Гвил посмотрел вперед:

— Давай не пойдем к Музею Человека, не будем испытывать судьбу! Уйдем в горы, а потом на юг, в Асколэс! Все знания мира не стоят погубленной

жизни!

Девушка покачала головой:

— Ты считаешь, что можно перехитрить судьбу? Глаза сотен воинов следят за нами, пока мы не войдем в Музей. Если мы попытаемся убежать, с нас сдерут кожу или запрут в ящик со скорпионами. Таково наказание за трусость.

Гвил содрогнулся.

— Ну что ж… В конце-то концов, мне всегда хотелось найти Музей Человека. Ради этого я и покинул Сфиру.

— С тобой отцовское благословение, — сказала Шири. — И твое заветное желание может исполниться.

Гвил не нашелся, что сказать, и дальше они шли молча.

Вдруг он остановился:

— Шири! Как ты думаешь, нас не разлучат?

— Не знаю…

— Шири!

— Да?

— Мы все-таки встретились под счастливой звездой…

Дальше они шли молча. Музей Человека приближался. Внезапно Шири схватила его за руку.

— Гвил, я боюсь.

Он опустил глаза в землю.

— Посмотри, что это в лишайниках? Не дорога ли?..

Шири засомневалась.

— Это, несомненно, дорога! — Гвил едва сдерживал радость. — Стало быть, я и впрямь под защитой! Но ты… Ни на шаг не отходи от меня! Быть может, благословения хватит на двоих.

Но Шири не разделяла его радости:

— Давай не будем обманываться, Гвил.

Они пошли дальше. Тропа становилась все шире по мере того, как приближались руины.

Наконец, Гвил и Шири достигли цели. Под ногами заскрипел белый известняк, зашуршала осока. Если здесь и вправду средоточие знаний, то должен быть знак…

По углам высились полуразрушенные опоры. Когда-то они поддерживали фризы огромной кровли. Она давно провалилась, и теперь в трещинах камней читалась тоска о былом величии.

Юноша и девушка стояли среди развалин входного портика: холодное солнце подкрашивало столбы вековой пыли, взвихренные ледяными ветрами.

Те, кто строил Музей, тоже превратились в пыль и были забыты.

— Подумать только, — проговорил Гвил. — Сколько знаний должно было здесь храниться. Неужели Смотритель не сберег их, и мудрость всех времен смешалась с землей?

Шири понимающе кивнула.

— Я все пытаюсь понять, — продолжал Гвил, — что же будет дальше. Что нас ждет?

— Гвил, — прошептала девушка, — я очень боюсь. Наверное, нас разлучат, будут пытать и убьют. Меня всю трясет, когда я об этом думаю…

Во рту у Гвила стало горячо и сухо.

— Пока я жив и мои руки сильны, нам ничего не угрожает.

Шири тяжело вздохнула:

— Гвил, Гвил, зачем ты выбрал меня?

— Потому, что ты похожа на бабочку, — признался он, — и опьяняешь сладким соком прелести. Я просто глаз не мог от тебя отвести. Откуда мне было знать, что все закончится так печально.

Дрожащим голосом Шири еле слышно проговорила:

— Я должна быть смелой. На моем месте могла оказаться любая, и кто знает, каково бы ей пришлось. А вот и дверь.

Створка из черного металла была врезана в

толщу ближайшей опоры.

Они подошли к ней. Гвил легонько постучал в маленький гонг.

Петли заскрипели. Из открывшегося проема пахнуло холодом подземелья. За дверью стояла непроглядная тьма.

— Кто здесь? — крикнул Гвил.

Ему отозвался тихий, дрожащий, полный невыплаканных слез, голос:

— Идите вперед. Вас ждут.

Гвил напряженно вглядывался в темноту, пытаясь различить хоть что-нибудь.

— Осветите нам путь, я ничего не вижу!

В ответ послышался шелест:

— Свет ни к чему. С каждым шагом вы будете ближе к цели, ваш путь сам выберет вас.

— Ну уж, нет, — заявил Гвил, — мы хотим видеть лицо хозяина. Раз уж он нас позвал, и мы — гости, то наши просьбы должны быть исполнены. Тем более, что наша цель — знания, а их не найти во тьме.

— Ах, знания, знания… — прошелестело в воздухе. — Что станется с вами, если вы слишком много будете знать о разных странных вещах? О, вы утонете в потоке знаний.

Гвил прервал этот стонущий глас:

— Так ты — не Смотритель? Я прошел сотни миль не ради того, чтобы беседовать с неизвестным голосом!

— Смотритель? Он так коварен и низок, что я не желаю даже слышать о нем!

— Хорошо, но хотя бы назови себя!

— Я никто и ничто. Я нечто отвлеченное, тайна страха, испарения ужаса, голос ушедших.

— Тем не менее, твой голос очень похож на человеческий.

— Почему бы и нет? Мой голос может звучать и в самых светлых, и в самых темных уголках человеческой души.

— Ты не причинишь нам вреда? — тихо спросил Гвил.

— Нет, нет! Не бойтесь темноты, в ней вас ждет отдых от всех сует.

— Однако войти мы хотели бы при свете!

— Здесь от века не видели света!

— В таком случае, — заявил Гвил, вынув свой кинжал, — я изменю вековой обычай! Да будет свет!

Вспышка исторгла из духа зловещий вопль. Он свился в мерцающую ленту и растаял — в воздухе витало лишь несколько светящихся пылинок. Путь был свободен.

Шири, боясь шевельнуться, стояла, как завороженная.

— Зачем ты так? — спросила она, тяжело дыша.

— Право, не знаю, — ответил Гвил. — Я не хочу унижаться перед чужой волей — я не затем сюда шел. Я верю в свою судьбу и не испытываю страха.

В свете клинка стала видна внутренняя дверь, пробитая прямо в скале. За ней было еще темнее.

Переступив порог, Гвил встал на колени и прислушался.

Кругом стояла тишина. Шири стояла позади, широко раскрыв испуганные глаза — глядя на нее, Гвил, чувствовал, как у него сжимается сердце от жалости к маленькому, нежному, беззащитному человечку.

За порогом обнаружилась лестница, уходившая вниз.

Свет играл их тенями, уродуя их очертания.

— Ты боишься? — прошептала Шири.

Гвил повернулся к ней:

— Мы — дети двух народов — пришли в Музей Человека по разным причинам. Но нельзя допустить, чтобы нам мешала всякая нечисть. Надо быть готовыми к встрече с любым врагом.

Но если мы решили назло всему пойти вперед, будем обдумывать каждый шаг. Пока здесь нет другого пути, кроме как вниз по лестнице. Быть может, внизу мы найдем Смотрителя…

— Ты думаешь, он существует?

— Призрак не мог бы злиться на сказку.

— Ну что ж, пойдем, — решилась Шири. — Я готова.

— Мы идем навстречу неизведанному! — торжественно сказал Гвил. — Не нужно бояться, и призраки будут исчезать с нашего пути, а с ними — и ужас подземелья. Вперед!

Они стали спускаться. Лестница извивалась, то расширяясь, то сужаясь. Молодые люди, осторожно ступая, следовали ее изгибам. Их черные тени причудливо кривлялись на стенах.

Спуск закончился. Нижнее помещение, во всем было похоже на верхнее — кроме выхода на лестницу из него вела только одна дверь. На стенах висели латунные тарелки с непонятными письменами.

Гвил толкнул дверь, в лицо ударил поток холодного воздуха — он быстро ослабел и иссяк. Тогда Гвил распахнул дверь шире.

— Эй, люди!

Ответом был прерывистый треск — столь зло-

вещий, что у Гвила волосы встали дыбом. Он сжал потной рукой ладошку Шири. Мерцание кинжала пригасло. Гвил и Шири одновременно шагнули в проем. Они очутились в большом зале, под сводами которого эхом отдавался все тот же мерзкий треск.

Гвил, обернувшись, осветил дверь. Какое-то упругое черное литье. Стены — из полированного камня. У дальней громоздился ящик с медными бляшками, рядом стоял поднос с битым стеклом: на его краю была выгравирована замысловатая эмблема.

Потом они разглядели другие такие же ящики, грузные и мрачные, расставленные на одинаковом расстоянии друг от друга.

Неприятный треск отдалился, стал глуше. Путники пробирались гуськом, на ощупь.

Стена закруглялась, за поворотом должна была быть дверь.

Гвил заколебался — похоже, трещало как раз за этой дверью. В затруднении он обратился к Шири, но та только пожала плечами:

— Не все ли равно, куда идти? Раньше или позже, но призраки нападут на нас.

— Пока у меня в руках светящийся кинжал, они не посмеют до нас дотронуться, — возразил

Гвил. — А тот, кого мы ищем, может быть именно за этой дверью.

Он нажал плечом — створка легко отошла. В глаза изумленному Гвилу хлынул золотистый свет. Он распахнул дверь совсем. Шири крепко вцепилась в его руку.

— Это Музей! — восхищенно воскликнул Гвил. — И, кажется, здесь безопасно… Тот, кто живет среди такой красоты, должен быть добр…

Свет лился из невидимого источника и, казалось, был соткан из мельчайших частиц — в их потоке юноша и девушка ощутили прилив сил.

На полу играл всеми цветами радуги огромный ковер. Стены, отделанные драгоценным деревом, были украшены резьбой, покрыты эмалью, увешаны гобеленами, запечатлевшими жизнь людей прошлого. Все это радовало и вселяло надежду.

Еще бросались в глаза зеленые мерцающие диски, по которым метались красные и черные точки. Временами на них расцветали прекрасные цветы или появлялись сверкающие созвездия.

Здесь были собраны самые поразительные сокровища, когда-либо созданные человечеством.

Дверь бесшумно закрылась. Каждой клеточкой своего существа Гвил и Шири ощутили дыхание

времени и поступь истории.

— Смотритель где-то близко, — прошептал Гвил. — Надо пробраться дальше.

Из зала вели уже две двери, в одной торчал ключ. Гвил тихо постучал, но ответа не дождался.

— Слишком тихо. Мне кажется, здесь жилые покои… В них не стоит врываться… — рука Шири как будто приросла к его руке.

Другая дверь выходила на галерею.

— Какое величие в этих сокровищах предков, — прошептал Гвил. — Какие мастера исчезли во тьме веков! Какую чудесную память о себе они оставили… Сейчас ничего подобного уже не найти.

Шири смотрела на него, как на Бога. В ее глазах мерцала влага. Гвил ощутил, как в его душе зарождается любовь. Почувствовав его дрожь, девушка шепнула:

— Гвил, я твоя и всегда буду с тобой…

Галерея завернула за угол. И опять раздался проклятый треск. Казалось, он идет из-под низкой арки.

Гвил решительно шагнул вперед и заглянул под свод…

У дальней стены расположилась огромная го-

лова. Подбородок упирался в пол, волосы были закинуты назад.

Гвил отшатнулся. После красот его поразило уродство грубого и злобного лица. Бугристая кожа отливала сизым, глаза пронзительно сверкали из-под зеленоватых морщинистых век.

Гвил обернулся было к Шири:

— По моему, этой штуке тут не место…

И наткнулся взглядом на ее расширенные глаза. Лицо девушки было покрыто ледяной испариной. Дрожащими руками она схватила Гвила за плечо и потащила к выходу.

— Гвил! Пойдем отсюда! — Ее голос срывался. — Скорее пойдем!

— Что с тобой? — удивился Гвил. Противная голова раздосадовала его, но не больше.

— Здесь страшно!

— Но это же только чучело!

— Она живая!

— Да нет же.

— Живая, — пролепетала Шири чуть слышно. — Сначала она посмотрела на меня, потом на тебя… И губы шевельнулись… Тогда я тебя и потащила.

Гвил нежно взял девушку за руку и недоверчиво заглянул в залу.

— Ах… — выдохнул он.

Лицо задвигалось, глаза перекатились под веками, их взгляд уперся в Гвила, губы изогнулись, изо рта вырвалось шипение, и вдруг набух огромный серый язык, сплошь покрытый слизистыми серыми щупальцами. Одно из них стремительно вытянулось и вцепилось в щиколотку Гвила. Гвил вырвался. От страха подвело живот. Согнувшись, он выкатился в галерею. Мерзкий отросток уже тянулся к Шири, застывшей под взглядом чудовища.

А язык раздувался, выпуская все новые и новые отростки.

Шири судорожно дернулась, оступилась и упала без памяти. С диким воплем Гвил рубанул щупальце кинжалом — звякнув, клинок отскочил, как от металла. В отчаянии Гвил пустил в ход ногти и зубы — изо всех сил впившись в склизкий тяж, он ухитрился прижать его к полу и размозжить коленом.

Чудовищная личина перекосилась. Щупальца втянулись. Гвил подхватил Шири под руку, и они кинулись вон, все время оглядываясь и задыхаясь от ужаса и омерзения. За их спинами голова захлопнула рот, скорчив гримасу разочарования, и выдула из ноздри струю белого дыма, которая

свилась в долговязую фигуру с вытянутым лицом и пустыми глазницами. Морщась от света и хныча, призрак нехотя потек в галерею.

Гвил остолбенел. Его мозг лихорадочно работал. Что сейчас будет? Может, пронзить призрак кинжалом?

— Держи! Держи! Держи! — раздался взволнованный голос. — Держи! Держи! Держи! Ох, мои чары и заклинания… недобрый день для Торсингола… Но твой дух вылетит из тела… Так говорю я! Иди, пока разрешаю… не злоупотребляй моим терпением. Таков приказ Ликургата из Торсингола. Убирайся!

Привидение заколебалось и… замерло в нерешительности, устремив пустые глазницы на старика, который, хромая, шел по галерее.

Еще мгновение, и привидение шмыгнуло обратно в ноздрю храпящего чудища. Голова зашлепала губами и разинула пасть, выпустив в сторону старика что-то подобное бледному пламени. Из жезла, закрепленного над дверью, метнулся искрящийся диск и рассек ленивые языки — они метнулись в пасть монстра, и черная слюна залила их, а темный пар поглотил искры.

Наступила мертвая тишина.

Первым ее нарушил старик:

— О, исчадие ада, ты опять хотело навредить мне, но мой верный жезл разрушил твое колдовство. Ничего, скоро тебе конец. Почему бы тебе ни убраться в Джелдред, не дожидаясь его?

Чудовище отверзло пещеру серого рта, сверкнуло глазами и возопило — оглушенный Гвил обмер, но тут жезл испустил серебряную молнию, и вой чудовища оборвался громоподобным ударом. Лицо вспухло, расползаясь по стене, как морская тварь.

— Вы — свидетели того, как был повержен мой враг. Но вы не оказали мне помощи, а равно и не воспрепятствовали — стало быть, ваши сердца чисты, но равнодушны к добру и злу. Довольно, жезл!

Голова мало помалу принимала свой прежний вид. Керлин — Смотритель звучно расхохотался и повернулся к пришельцам — те жались друг к другу, не решаясь войти под арку.

— Однако, что это значит? Почему вы еще здесь? Ведь часы учебы закончились. — Старик погрозил пальцем. — Музей не место для баловников. Ступайте домой в Торсингол. В другой раз вы будете умнее и не станете нарушать установленный порядок… — Он замолчал, бросив гневный взгляд через плечо: — День закончился скверно; Ночной

Сторож опаздывает… Конечно, я подожду этого лентяя, но донесу Ликургату… Пожалуй, пора на покой. Не место старику возле этакой мерзости. Не задерживайте меня, уходите! — он жестом показал Гвилу и Шири на дверь и пошел вон.

— Мой господин, мне очень нужно поговорить с вами! — крикнул Гвил ему в спину.

Старик остановился и посмотрел на юношу.

— Ну что еще? Разве день не кончен? Вы нарушаете порядок, а этого никак нельзя допустить. Приходите ко мне завтра, и я выслушаю вас. А сейчас вон.

Гвил опешил. Его выручила Шири.

— Господин Смотритель, — она вдруг опустилась на колени. — Мы рады бы не тревожить вас, но нам некуда идти!

Керлин непонимающе уставился на нее:

— Некуда идти? Что за чушь вы несете? Ступайте к вашим родителям или в Общественный Дом, в храм или на Постоялый Двор! А Музей не кабак!

— Мой господин! — отчаянно воскликнул Гвил. — Выслушайте меня, прошу вас. Это очень важно… Мы здесь по воле случая…

— Что — важно?

— Вы кем-то околдованы, вам не кажется?

— Все может быть, — задумчиво проронил Смотритель.

— Торсингола нет! Здесь вокруг вообще нет жилья! Ваш город давно исчез!

Смотритель рассеянно улыбнулся:

— … Печальный случай. Беда с этой молодежью. Совсем засуетились, и посходили с ума, — и укоризненно покачал головой. — Я знаю, что нужно сделать. Вы должны хорошенько отдохнуть. С удовольствием вам в этом поспособствую. В любом случае Сторож — никудышный собеседник. — Старик поддержал собственное рассуждение кивком. — Пойдемте!

Гвил и Шири не без опаски последовали за ним.

Керлин отпер одну из дверей и вошел, ворча под нос что-то неразборчивое. Эта комната была квадратной. На стенах бугрились какие-то золоченые шишки. В центре возвышалось зачехленное кресло, а у стены — высокий сундук с резными кольцами.

— Это — мое кресло Разума, — пояснил Керлин. — Оно приводит рассудок в равновесие, избавляя человека от заблуждений и помешательства. Посредством его я могу и вас исцелить от помрачения. Хотя это и не входит в мои слу-

жебные обязанности.

— Господин Смотритель, откуда вы знаете, как оно подействует на меня? — встревожился Гвил.

— Видишь ли, у тебя в голове все перепуталось. Но это мудрое устройство — он указал на массивный щиток, укрепленный на спинке, — задумано таким образом, что никакое вмешательство в сознание невозможно без предварительного изучения. Только после этого твой рассудок будет приведен в равновесие, твои отрывочные знания будут восполнены знаниями из хранилищ, и ты станешь цельным и здравомыслящим человеком.

— Допустим, я сяду в кресло, — спросил Гвил, — и что вы будете делать?

— Замкну силовую цепь — поверну вот эту ручку, и перекину вот этот переключатель… Ты почувствуешь сильнейший, но безболезненный удар. Через полминуты красный огонек оповестит о том, что лечение успешно завершено. Потом я повторю все переключения в обратном порядке, и ты встанешь с кресла в добром здравии — как в душевном, так и телесном смысле.

Гвил украдкой переглянулся с Шири:

— Ты все запомнила?

— Да, Гвил, — шевельнула губами девушка.

— Хорошо, покажите, как мне сесть, — обратился Гвил к Смотрителю.

— Просто расслабь все мышцы. Теперь я прикрою тебе глаза щитком, чтобы ничто не отвлекало.

Но Гвил в замешательстве уставился на устройство.

— Я боюсь, что не совсем понял…

Смотритель подскочил.

— Но это же проще простого! Смотри! — И сел в кресло сам.

— А щиток?

— Тоже ничего сложного, — Керлин надвинул пластину на лицо, выдохнул и расслабился.

— Быстрее! — Шири метнулась к рукояткам. Керлин попытался отвести щиток, но Гвил не дал. Щелкнули переключатели. Смотритель обмяк.

Шири повела огромными глазами.

— Он не умер?

— Надеюсь, нет.

Они не сводили глаз с неподвижного тела. Ползли бесконечные секунды.

Внезапный нарастающий лязг, и почти сразу — многоголосый торжествующий вой. Гвил бросился к двери. Галерея стремительно заполнялась призраками — и среди их мельтешения выше

и выше подымалась Голова. Уже показались уродливые уши и неохватная шея, вся в кольцах багровых складок. Стена зашаталась, сминаясь, как пергамент, и обвалилась под ударом громадной лапы. Шири зашлась от крика. Посеревший трясущийся Гвил захлопнул дверь, отбросив ею одного из призраков. Но нити белого дымка сочились во все щели, неотвязно, неотвратимо! «Только Керлин может совладать с ними… — сердце готово было выпрыгнуть, — только он…»

Гвил бросился к Смотрителю. Тот по прежнему был без памяти. «Гори же, гори, наконец!» — молил он, вперив отчаянный взгляд в тусклый кругляш, под которым должен зажечься огонек. Двери уже не видно было из-за белого дыма. — «Гори же, гори!»

Кругляш налился алым свечением. Вскрикнув, Гвил одновременно повернул рукоятки и отвел щиток. Смотритель медленно поднял веки и уперся взглядом в Гвила, за спиной которого уже вытянулась долговязая нежить — ее глазницы зияли, как дыры в ничто.

Керлин продолжал сидеть.

Призрак шевельнулся и выпростал руку, похожую на птичью лапу — и швырнул на пол какие-то комки. Они тут же разлетелись обла-

ком черной пыли, эта пыль на глазах свивалась в рои гудящего гнуса, стремительно растущие и принимающие облик четвероногих тварей с обезьяньими мордами.

Смотритель зашевелился.

— Жезл… — прохрипел он и протянул руку.

Жезл лег в его ладонь. Алая вспышка. Искры. Призрак отшатнулся: каждая искра выросла в алого скорпиона. И волшебные сущности бросились в бой.

Поднялся пронзительный визг. Часть обезьяноголовых погибла тут же, другие убежали.

Призрак попытался снова высунуть лапу, но жезл ответил ударом луча, и нежить растаяла.

— Керлин! — закричал Гвил. — Демон ворвался в галерею!

Смотритель, не мешкая, кинулся к двери.

— Жезл! — воззвал он. — Делай свое дело!

Ответ из-за двери последовал немедленно:

— Не делай этого, Керлин, я ухожу, ухожу. Я думал, ты умер. — Грузно ворочая конечностями, демон убрался — только голова виднелась в дальнем конце галереи.

— Жезл! — повторил Керлин. — Не упусти его!

Жезл исчез из его рук.

Керлин обратился к своим невольным гостям:

— Я должен о многом вам рассказать, ибо моя смерть совсем близко, а без меня это место осиротеет. Поэтому нам надо спешить.

Смотритель с трудом подошел к двери и запер ее на засов.

Гвил и Шири, не вполне понимая, о чем речь, тихо стояли у стены.

— Подойдите, — нетерпеливо позвал их Керлин. — У меня нет сил даже повышать голос. Вы отняли их у меня.

Они приблизились — Гвил впереди, Шири — за ним. Своей вины они не ощущали — укоры были им безразличны. Керлин оглядел их с легкой усмешкой.

— Перестаньте дрожать и суетиться. Дрожать надо мне: я должен за оставшееся мне время успеть столько, сколько иному не успеть за две жизни. А сердце бьется все глуше, и дыхание все короче…

Старик с трудом поднял руку и поманил молодых людей за собой в следующую комнату. Там он бессильно опустился в кресло, а Гвил и Шири устроились у его ног, то и дело косясь на дверь.

Керлин снова усмехнулся:

— Не бойтесь, белые твари не войдут! Они заперты в галерее под охраной жезла. Жезл пе-

рестанет мне повиноваться, только когда я умру или полностью выживу из ума. Ибо силы, которыми я повелеваю, принадлежат не мне, но Музею — а он вечен. Мое сознание — не более, чем управляющий рычаг.

— Откуда взялся этот демон? Как он проникает сквозь стены?

Керлин помрачнел.

— Его имя — Бликдак, Повелитель мира демонов Джелдред. Бездна знаний, собранная в Музее, привлекла его внимание… Ведь чем больше знаний, тем тоньше грань, отделяющая добро от зла. Силой сознания он преодолел эту грань, воплотился здесь и ждет только моей смерти, чтобы вырваться в мир и вредить людям.

— Почему же нельзя изгнать его туда, откуда он явился?

Смотритель покачал головой:

— Мое оружие — огонь и свет — не имеет всей власти над стихиями Джелдреда, ибо сама вещественная основа этого мира — иная. Поэтому плоть Бликдака защищает его от напастей нашего мира не хуже иной брони. Но постойте, ведь я ничего не знаю о вас. Зачем вы здесь? И что нового в Торсинголе?

Гвил, запинаясь, проговорил:

— Торсингол исчез. Вокруг Музея ледяная равнина, да чуть поодаль — старый город Сапонис. Я пришел сюда с юга, чтобы попроситься к вам в ученики. Шири — из Сапониса, она жертва древнего обычая, согласно которому нужно посылать самых красивых девушек в Музей Человека на растерзание Бликдаку.

— Каким же я был слепцом! — выдохнул Керлин. — Я столько раз их видел… Бликдак забавлялся ими, и я был уверен, что эти милые существа — его рук дело, как и призраки. Я не обращал на них ни малейшего внимания — пусть Бликдак лучше развлекается, чем замышляет козни, думал я…

Шири недоуменно пожала плечами:

— Но зачем? Зачем ему люди?

Керлин без охоты разъяснил:

— Девочка, ты никогда не поймешь устремлений повелителя тьмы. Он наслаждается, оскверняя юность и чистоту. Он понуждает этих детей к омерзительному разврату, заставляет их издеваться друг над другом, потом наблюдает, как они мучаются от отвращения, и, наконец, медленно умерщвляет — в наказание за их грехи, как он говорит. И снова посылает призраков — требовать новых игрушек.

— Вот, значит, что меня ожидало… — прошептала Шири.

— Не понимаю, — начал Гвил. — Все эти мерзости, тем не менее, кажутся вполне человеческими — они заложены в человеческой природе. А между тем вы говорите, что Бликдак — демон из иного мира.

— Твое непонимание лежит рядом с истиной. Бликдак со всеми своими призраками, тварями и прочими созданиями, что воплощают конец света — есть порождение людского разума. Вся жестокость, все насилие, все извращения, все скотские прихоти — все зло, накопившееся в человечестве за тысячелетия его истории, воплощены в этом Демоне. Потому он и явился в хранилище знаний, равнодушных к добру и злу. Но хватит о Бликдаке. Я не желаю умирать с мыслью о нем! — Керлин, задыхаясь, откинулся на спинку кресла. — В глазах темнеет… Я устал от вечности! Я так долго жил наукой, что умертвил время! Вы воскресили его во мне! Проклятье, теперь я помню каждый год, каждый день, каждый час моей жизни — и все они сейчас мелькают передо мной, как вспышки света… Вы вернули мне рассудок, но его ясность убивает меня.

Шири, побледнев, отшатнулась:

— Что с нами будет, если вы умрете? Ведь Бликдак…

— Разве в Музее Человека нет знаний, которые позволят уничтожить демона? — на полуслове прервал ее Гвил.

— Уничтожить Бликдака необходимо, — подтвердил Керлин, — тогда я умру со спокойным сердцем. — Он облизнул пересохшие губы. — В древних рукописях говорится, что нужно воздействовать на демонову плоть. Но для этого нужно изучить ее свойства, — он поглядел на Гвила.

— Но как? — спросил юноша. — Бликдак не позволит нам даже приблизиться.

— Нужно улучить время… Изобрести какие-то приспособления.

— А… призраки — ведь они состоят из того же вещества, что и сам демон?

— Конечно.

— Может быть… Если заманить сюда одно из них, и испробовать разные способы воздействия…

— Я думаю, это вполне возможно, если заключить его в ловушку из четырех лучей. Надо попытаться. — Керлин приподнял голову: — Жезл! Впусти призрак!

У двери заскреблись и заскулили.

— Открой, — захныкал дрожащий голос. — Открой и отдай юных Бликдаку. Он ужасно скучает в одиночестве.

Керлин с трудом поднялся.

— Готово!

Голос за дверью тем же тоном заныл:

— Ах, я в плену неодолимого блеска лучей.

— Сейчас мы узнаем, что несет смерть Бликдаку, — Гвил шагнул к двери.

— Дерзайте, — кивнул Керлин.

— Почему не использовать свет? — спросила Шири. — Ведь лучи смертельны для призрака.

— Этого недостаточно. Бликдак не столь уязвим и может спастись в своем потустороннем логове.

Керлин задумался, потом махнул в сторону двери:

— Мы должны попытаться рассеять привидение на мельчайшие частицы — только тогда мы поймем, что представляет из себя его вещество, — он стал подниматься. — Гвил из Сфиры, будь добр, помоги мне… Мои мышцы жидки, как растопленный воск.

Старик чуть ли не повис на руке Гвила. Шири шла сзади. По галерее разносились страдальческие всхлипы призрака, заключенного в клетку из лучей.

Не обращая внимания на призрачные слезы, Керлин ковылял дальше, увлекая своих подопечных, и клетка из света двигалась за ним.

— Откройте двери в Хранилище Знаний! — не своим голосом приказал Смотритель.

Шири шагнула вперед, толкнула массивные створки и проскользнула за них. Трое вглядывались во мрак огромного зала: золотистый свет из галереи терялся в нем, слабея и сходя на нет.

— Кричите «Люмен!» — велел Керлин.

— Люмен! — послушно крикнул Гвил.

Вокруг словно рассвело. Зал был так велик, что высокие пилястры в дальнем его конце казались белыми стежками на стенах. Прогулка по нему могла утомить. На равных расстояниях друг от друга стояли знакомые черные сундуки с медными шишечками. Но над каждым из сундуков в свою очередь висело еще пять таких же. Они покачивались в воздухе, ни к чему не прикрепленные.

— Что это? — удивленно спросил Гвил.

— Мой бедный мозг хранит только сотую часть тех знаний, что заключены здесь, — отозвался Керлин. — Вот величайшее хранилище знаний ушедшего человечества. Здесь собраны все факты истории, легенды и сказания миллионов городов

с начала их существования до гибели. Здесь записаны этапы развития человечества. В этом зале я провел годы и годы, но все равно мои знания отрывочны и поверхностны.

— И здесь мы найдем способ уничтожить Бликдака? — спросила Шири.

— Да-да, только нужно знать, где искать. Здесь есть разделы… Так-так… «Страна Демонов», «Умерщвление зла», «Толкование и уничтожение зла», «История Гранвилумдов» (в ней могут быть разъяснения, как прогнать демона), «Обряды Призывания и изгнания», «Избавление от мороков», «Сотворение призраков». Так… Еще о нашествии демонов — это в альманахе «Создание»… Еще какие-то обряды Смутных Времен… Ох, да тут добрая тысяча названий. И везде может оказаться то, что нам нужно. Увы, Главный Каталог утрачен. Остается надеяться на свою память… — он сокрушенно смолк, и вдруг, воодушевившись, воскликнул: — Вперед! Предпочтем действие! Применим инструменты познания!

Трое шли сквозь хранилище, подобно муравьям в лабиринте. За ними скользила клеть из света. Там, куда они пришли, ощутимо пахло старым металлом. И снова Керлин велел Гвилу крикнуть «Люмен!». Не дожидаясь света, они углубились

в запутанную паутину проходов. Гвил крепился, хотя от накопившихся вопросов у него заболела голова.

Путь окончился возле высокого вертикального короба. Световая клеть замерла к нему вплотную. Одна из сторон короба сдвинулась, так что призраку пришлось перебраться в него.

— Смотрите внимательно! — Керлин взялся за рукояти управления.

Призрак утратил объем. Его личина расплылась, подглазья под пустыми глазницами стали вспухать и морщиться, потом распад охватил все — кожа сползала, обнажая бескровное и бескостное «мясо», похожее на вязь белесых волокон.

— Смотрите! — кричала Шири, — он… свалян!..

Гвил резко повернулся к Керлину. Тот поднял палец, велев молчать, и подвел всех к странного вида машине.

— Можно использовать скоростную намотку! Ее применяли для перемотки волокна, на котором сохраняли знания — этими мотками набиты сундуки… Так, если вытянуть одно волоконце плоти призрака… Вытягиваю, закрепляю на катушке мотальной машины, запускаю… Да! Сматывается! Не хуже деревенской вязки!

— Неужели призрак этого не видит? — забеспо-

коилась Шири.

— Мы скрыты от него боковой стеной короба, — успокоил Смотритель. — И вообще ему не до нас. А сейчас я его выпущу…

Нежить выбралась наружу, дрожа от смертоносного света.

— Прочь! — крикнул Керлин. — Сгинь отсюда!

Призрак попятился.

Керлин повернулся к Гвилу:

— Ступай следом и посмотри, что будет, когда Бликдак втянет призрак обратно.

Гвил тихонько последовал за призраком и проследил, как белая нежить исчезла в носу своего «родителя». Потом вернулся в хранилище. Керлин ждал его у мотального устройства.

— Привидение слилось с Бликдаком.

— Сейчас, — отозвался старик, — мы запустим вращение. И поглядим, что намотается на катушку.

Вращение было неразличимо для глаза. Только длинная катушка мало помалу обрастала прозрачным веществом — сперва синеватым, потом все более светлым.

Бликдак все тянулся и тянулся. Когда первая катушка была полностью намотана, Керлин замедлил вращение, Гвил сменил шелковистый

скользкий цилиндр на новый, и все опять завертелось.

Три катушки, четыре, пять… Гвил издали следил за чудищем. Гигантская голова была неподвижна, только губы чавкали и чмокали.

Восьмая катушка: Бликдак открыл глаза и в замешательстве начал вращать ими, обшаривая взглядом комнату.

Двенадцатая катушка: на обвисшей щеке проступило бесцветное пятно, Бликдак задрожал.

Двадцатая катушка: бесцветное пятно разрослось на всю морду, губы обвисли. Монстр шипел от ужаса.

Тридцатая катушка: начался распад, и от посиневшей головы пошла трупная вонь.

Пятидесятая катушка: голова съежилась и стала оседать, глаза проваливались в морщины.

Шестидесятая катушка прикончила Бликдака, смотав последние остатки.

Шестьдесят первая катушка лежала на полу — тонкая и чистая. Она так и не понадобилась.

Чудовищное порождение человеческого зла, воплотившееся в хранилище бесстрастных знаний, было повержено.

Керлин прислонился к стене.

— Все кончено… Можно и умереть. Я все-та-

ки сберег Музей. Мы одолели Бликдака. Теперь пришло ваше время. Музей Человека остается на вас…

— Зачем беречь его дальше? Все равно скоро всему наступит конец, — печально сказала Ширн. Земля угасает, как и вы… Для чего теперь нужна наука?

— Сейчас она нужна нам даже больше, чем прежде, — задыхаясь, проговорил Керлин. — Посмотрите: в небе светят звезды. Они прекрасны… Возле них, быть может, зарождается жизнь… Наука может перенести вас туда, и ваша молодость не пропадет даром… А я ухожу, умираю…

— Подожди, — спохватился Гвил. — подожди же!

— Чего ждать? — прошептал Смотритель стынущими губами. — Я ухожу из этого мира? Зачем ты зовешь меня обратно?

— Как пользоваться Хранилищем?

— В моих комнатах… Есть ключ… Которым я пользовался… Он — ваш…

Керлин умер.

На исходе ночи Гвил и Ширн выбрались наверх, и расположились у входа на древних каменных плитах.

Была ночь.

Под ногами слабо поблескивал мрамор. Обломанные колонны тянулись к звездам.

В ветвях деревьев сквозил свет огней Сапониса.

— Сапонис — твой дом. Ты хочешь вернуться к отцу? — спросил Гвил.

Девушка отрицательно покачала головой:

— Гвил, наши глаза уже видели слишком многое. Мы уже знаем, что до Торсингола был Шерит, а до него — Гловен Андра, а еще раньше — Фортикадес. Мы знаем о воинственном племени зеленолицых и об ученых Фариалах. Нам известно, что очень многие народы покинули Землю и улетели искать счастья на звездах. А когда видишь, как тонет и поднимается суша, как растут и рушатся горы, как меркнет солнце, из золотого становясь красным… Что мне делать после этого в Сапонисе?

Гвил оглянулся на развалины, потом поднял голову.

— Мы обладаем знанием! Шири — мы и вправду обладаем всеми возможными знаниями! Что мы будем делать?

Пока они вместе смотрели на звезды.

Что-то им предстоит?

Глаза другого мира
(Перевод К. Фенлар)

1. Верхний мир

На высоком холмистом берегу реки Кзан, в том месте, где еще оставались следы древних развалин, Юкоуну, Смеющийся Маг, построил себе большой дом по собственному вкусу. Получилось хаотичное сооружение из крутых фронтонов, балконов, галерей и куполов, а над всем возвышались три спиральные башни из зеленого стекла. Алые лучи солнца пробивались сквозь стены этих спиральных строений, преломлялись и вспыхивали невероятными красками.

За домом, по всей долине вплоть до горизонта, тянулись похожие на дюны холмы. На солнце они отбрасывали движущиеся тени в форме черных полумесяцев; в остальном же ничуть не отличались от других таких же холмов, пустынных и одиноких. Кзан, выходящий из Старого Леса к востоку от Альмери, протекал внизу и через три лиги к западу соединялся с рекой Скаум. Здесь располагался Азеномай, город настолько древний, что никто не помнит, когда он возник. В настоящее время старый город известен только благодаря своей ярмарке, привлекающей население всего района. На Азеномайской ярмарке

Кугель открыл киоск для продажи талисманов.

Кугель — человек, обладающий множеством способностей, с характером одновременно податливым и упрямым. У него были длинные ноги, ловкие руки, проворные пальцы и вкрадчивая речь. Его волосы, чернее самой черной шерсти, низко опускались на лоб, и только над бровями резко отступали назад. Острый взгляд, длинный любопытный нос, бойкий язык и смешливый рот придавали его худому, костлявому лицу живое, искреннее и приветливое выражение откровенности и дружелюбия. Он пережил немало злоключений и с годами приобрел хитрость и проворство, стал осторожен, научился действовать одновременно с показной смелостью и исподтишка. Однажды, заполучив в свое владение древний свинцовый гроб, Кугель выбросил то, что в нем находилось, и изготовил множество маленьких свинцовых ромбиков. Снабдив их соответствующими рунами и печатями, он теперь продавал их на Азеномайской ярмарке.

К несчастью для Кугеля, не далее чем в двадцати шагах от его киоска некто по имени Файностер открыл свою лавку, гораздо большего размера, где выставил на продажу множество более эффективных талисманов. Так что, когда Кугель

останавливал прохожего и начинал расхваливать свой товар, тот быстро замечал больший выбор товаров у Файностера и уходил туда.

На третий день ярмарки Кугель продал всего четыре амулета по цене свинца, из которого они были сделаны, в то время как Файностер только успевал обслуживать своих покупателей. Охрипший от бесплодных попыток завлечь покупателей, Кугель закрыл киоск и направился к лавке Файностера, собираясь внимательнее рассмотреть ее конструкцию и запоры на двери.

Увидев это, Файностер поманил его к себе.

— Заходи, друг мой, заходи. Как идет твоя торговля? — доброжелательно спросил он.

— Откровенно говоря, не очень, — ответил Кугель, — Я озадачен и разочарован: ведь мои талисманы небесполезны, а их не желают даже смотреть.

— Я могу развеять твое недоумение, — сказал Файностер. — Дело в том, что твой киоск расположен на месте древней виселицы, а такие места всегда привлекают несчастливые сущности. Но я заметил: ты рассматривал места соединения балок, из которых сложена моя лавка. Заходи, изнутри ты сможешь лучше рассмотреть, только я должен укоротить цепь эрба, который охраняет

лавку по ночам.

— Не нужно, — сказал Кугель. — Мой интерес был чисто поверхностным.

— А что касается твоих разочарований, — продолжал Файностер, — то они скоро кончатся. Взгляни на мои полки. Видишь: запасы почти истощились.

— А какое это имеет отношение ко мне? — спросил Кугель.

Файностер указал на человека в черной одежде, стоявшего на противоположной стороне улицы. Человек этот был маленького роста, с желтоватой кожей и лысый, как камень-голыш. Глаза его напоминали сучки в доске, а широкий рот кривился в постоянной улыбке.

— Там стоит Юкоуну, Смеющийся Маг, — сказал Файностер. — Вскоре он зайдет ко мне в лавку, чтобы купить некий красный фолиант — журнал для записей Дибаркаса, ученика Великого Фандаала. Моя цена гораздо выше той, которую он готов заплатить, но он терпеливый человек и будет торговаться не менее трех часов. На это время его дом остается без присмотра. А в нем огромное собрание чудесных предметов, редкостей, талисманов, амулетов и книг. Я был бы не прочь купить кое-что из этого собрания. Нужно

ли мне продолжать?

— Прекрасно, — сказал быстро соображающий Кугель, — но разве Юкоуну оставляет свой дом без охраны или прислуги?

Файностер широко развел руки.

— Почему бы и нет? Кто же решится красть у Юкоуну, Смеющегося Мага?

— Именно эта мысль меня и удерживает, — мрачно ответил Кугель, — Я человек находчивый, но осторожный.

— Там огромное богатство, — продолжал соблазнять Файностер. — Бесценные чудеса, выставленные на показ предметы власти, амулеты, талисманы, волшебные эликсиры. Ко помни, я ничего тебе не советовал, никуда не направлял. Если тебя там поймают — ты слышал только, как я восхвалял богатство Юкоуну, Смеющегося Мага! Но вот он идет, — хозяин лавки понизил голос. — Быстрее: повернись спиной, чтоб он не увидел твоего лица. Три часа он здесь пробудет, это я гарантирую.

Юкоуну вошел в лавку, и Кугель наклонился, делая вид, что внимательно рассматривает бутылку с заспиртованным гомункулусом.

— Приветствую тебя, Юкоуну! — радушно воскликнул Файностер. — Почему ты задержался?

Я отклонил множество заманчивых предложений относительно некоего красного фолианта — и все ради тебя. А кроме того, взгляни сюда, на эту шкатулку! Она была найдена в склепе на развалинах старого Каркода. Она запечатана, и кто знает, какие чудеса в ней сокрыты. Цена скромная — двенадцать тысяч терций.

— Интересно, — пробормотал Юкоуну. — Надпись… позволь-ка взглянуть… Гм-м… Да, действительно древняя. В шкатулке кальцинированная рыбья кость, которую по всему Великому Мотоламу использовали как слабительное. Этот раритет стоит от десяти до двенадцати терций. У меня-то есть шкатулки на много веков древнее, восходящие к Эпохе Сияния.

Кугель неторопливо направился к двери, вышел на улицу и начал прогуливаться, обдумывая предложение Файностера. На первый взгляд, предложение кажется разумным и легко осуществимым: вот Юкоуну, а вон там его дом, который ломится от собранного богатства. Кугель решил, что простая разведка вреда не принесет, и двинулся на восток вдоль берега Кзана.

Витые башни зеленого стекла возвышались на фоне темно-синего неба, алый солнечный свет, переливаясь, играл в их изгибах. Немного

не доходя до дома Мага, Кугель остановился и внимательно оглядел местность. Мимо беззвучно протекал Кзан. Неподалеку, за рощей черных тополей, светло-зеленых лиственниц и свесивших ветви ив, стояла деревня — десяток каменных домов, где жили моряки, работающие на баржах, и крестьяне, возделывающие береговые террасы. Все эти люди заняты своими делами и совсем не любопытны.

Кугель изучил подход к дому — извивающуюся дорожку, выложенную темно-коричневыми плитами. Наконец он решил, что чем более открыто подойдет, тем меньше придется изворачиваться, если в доме все-таки кто-то окажется. Он начал подниматься по склону холма к нависающему над головой дому Юкоуну. Подойдя вплотную к жилищу волшебника, Кугель снова остановился и оглядел окрестности. За рекой, насколько хватал глаз, простирались холмы, теряясь в дымке у горизонта, и нигде ни одного человека.

Кугель быстро подошел к двери и постучал. Никакого ответа не последовало. Он задумался. Весь жизненный опыт Кугеля говорил, что дом мага не может оставаться без охраны, и если, подобно Файностеру, Юкоуну держит сторожевого зверя, то нужно постараться заставить его подать голос.

Кугель постарался: он начал кричать разными голосами, выл, мяукал, рычал. Но все было безрезультатно — изнутри не доносилось ни звука.

Кугель осторожно продвинулся к окну и заглянул внутрь. В пустой прихожей, задрапированной светло-серой тканью, стоял одинокий табурет, на котором под стеклянным колпаком лежал дохлый грызун. Кугель обошел дом, внимательно исследуя по пути каждое окно, и, наконец, дошел до окон большого зала, вероятно, сохранившегося еще от древнего замка. Он легко взобрался по выветренным камням-ступеням, перепрыгнул на причудливый парапет и мгновенно оказался в доме.

Он находился в спальне. Шесть горгулий, поддерживающих полог кровати на помосте, повернули головы и свирепо глянули на пришельца, но с места не двинулись. Двумя осторожными шагами Кугель добрался до арки, ведущей в соседнее помещение. Здесь на фоне зеленых стен нелепо выделялась черная и розовая мебель. Кугель прошел через комнату на балкон, по периметру огибающий весь центральный зал. Через эркеры высоко в стенах пробивался дневной свет. Освещение было достаточным, чтобы рассмотреть стоящие под эркерами витрины, сундуки, полки,

стеллажи со множеством различных предметов — знаменитая коллекция Юкоуну.

Кугель замер неподвижно, напряженный, как птица, и боялся дышать, но ничем не нарушаемая тишина пустого дома постепенно успокоила его. Как бы то ни было, он влез в дом Мага, и следовало соблюдать осторожность.

Вскоре внимание переключилось на богатства Юкоуну. Кугель спустился по изгибу винтовой лестницы в огромный зал и остолбенел, очарованный многообразием, представшим перед глазами, воздавая Юкоуну дань безмерного восхищения. Но времени на бесцельное любование у Кугеля было мало: нужно быстро брать то, что удастся утащить, и уносить ноги. Он достал мешок, пошел по залу, привередливо отбирая предметы малого объема, но большой ценности: маленький горшок с оленьими рогами, которые выпускали ароматные газы, когда дергаешь за отростки; рог слоновой кости, из которого звучали голоса прошлого; небольшая сцена, на которой костюмированные марионетки готовы были начать смешное представление; предмет, похожий на гроздь хрустальных ягод, а в каждой ягоде открывался вид на один из демонических миров; жезл, производивший сладости разно-

образного вкуса; древнее кольцо, украшенное рунами; черный камень, окруженный девятью зонами неразличимых цветов; и многое, многое другое… Кугель проходил мимо сотни кувшинов с разнообразными порошками и жидкостями, не притронулся и к сосудам с заспиртованными головами. Наконец он добрался до полок, уставленных томами фолиантов, манускриптами, трактатами. Вот тут он задержался. Выбирая быстро, но тщательно, он отдавал преимущество книгам, переплетенным в пурпурный бархат — характерный цвет работ Фандаала. Он также отобрал папки с рисунками и древними картами, не обращая внимания на запах плесени, испускаемый потревоженной старинной кожей.

Мимо шкафа с десятками маленьких металлических шкатулок, закрытых проржавевшими древними лентами, он вернулся к месту, откуда начал. Наудачу выбрав три очень тяжелые шкатулки, Кугель, не останавливаясь, прошел мимо нескольких больших механизмов, назначение которых он бы с удовольствием попытался установить, но время поджимало, и пора было уходить обратно в Азеномай, в лавку Файностера…

Кугель нахмурился. Теперь эта перспектива

не казалась ему удачной. Файностер вряд ли заплатит настоящую цену за его богатства, точнее, за богатства Юкоуну. Лучше закопать часть добычи в укромном месте и подождать лучших предложений… Неожиданно он увидел альков, который раньше не замечал. Мягкий свет струился в прозрачной перегородке, отделявшей альков от зала. В глубине алькова в нише стоял какой-то хитроумный и очень привлекательный предмет. Насколько Кугель мог рассмотреть, предмет представлял собой миниатюрную модель карусели, на которой помещалось с десяток искусно сделанных кукол, совсем как живых. Предмет, несомненно, был ценный, и Кугель обрадовался, увидев в перегородке входное отверстие.

Без раздумий Кугель шагнул туда, но в двух футах путь ему преградила вторая прозрачная перегородка; образовывая коридор, очевидно, ведущий к прекрасной карусели. Кугель уверенно двинулся по нему, но тут же был вынужден остановиться перед новым препятствием, которое заметил, только сильно ударившись о прозрачную стену. Он двинулся обратно и, к своей радости, нашел другой, несомненно, правильный ход всего в нескольких шагах от первого. Однако новый коридор после нескольких пово-

ротов окончился перед еще одной перегородкой. Времени на блуждания не было, Кугель решил отказаться от карусели и покинуть дом. Он повернулся, но обнаружил, что не знает, в какую сторону двигаться. Пришел сюда он слева… или все-таки справа?

Он все еще искал выход, когда в дом вернулся Юкоуну.

Остановившись у алькова, Юкоуну бросил на Кугеля веселый взгляд.

— Так… И кто же у нас тут? Гость? Ай-ай-ай! Я был так неучтив, что заставил тебя ждать! Ну, я вижу, ты тут не скучал, поэтому мне нечего стыдиться. — Юкоуну хихикнул. Потом сделал вид, что впервые заметил мешок Кугеля. — Что это? Ты принес показать мне что-то новенькое? Великолепно! Я всегда готов пополнить свое собрание, чтобы восполнить разъедающее действие ускользающего времени. Ты был бы поражен, узнав, сколько мошенников пытались ограбить меня! Например, этот трескучий торговец в своей безвкусной маленькой лавчонке, — ты представить себе не можешь, какие он предпринимал усилия! Я терплю его только потому, что до сих пор он не набрался храбрости пробраться в мой дом. Но что же ты, давай, выходи в зал, и мы рассмотрим

содержимое твоего мешка.

Несмотря на смущение, Кугель ловко поклонился.

— С радостью. Как ты и предположил, я действительно ждал твоего возвращения. Если я правильно помню, выход вот здесь… — Он сделал шаг вперед, но остановился и печально развел руками. — Похоже, я повернул не туда.

— Очевидно, — согласился Юкоуну. — Посмотри вверх. Видишь декоративный мотив на потолке? Двигайся по ряду лунок и выйдешь в зал.

— Премного благодарен! — И Кугель устремился вперед со всей возможной скоростью.

— Минутку! — остановил его Юкоуну. — Ты забыл свой мешок!

Кугель неохотно вернулся за мешком, потом снова пошел вперед и вскоре появился в зале.

Юкоуну сделал учтивый жест рукой.

— Если ты пройдешь вот сюда, я с радостью рассмотрю предложенный тобой товар.

Кугель невольно взглянул в сторону выхода.

— Было бы наглостью дольше отнимать у тебя время. Мои мелкие товары недостойны твоего внимания. С твоего позволения, я лучше пойду.

— Ни в коем случае! — пылко возразил Юкоуну. — У меня мало посетителей, да и те больше

воры и мошенники. Уверяю тебя, я с ними расправляюсь решительно! Настоятельно прошу тебя отдохнуть и подкрепиться. Поставь мешок на пол.

Кугель осторожно опустил мешок и заявил.

— Недавно я кое-чему научился у морской ведьмы из Белого Олстера. Тебе это, наверное, будет интересно. Для демонстрации мне потребуется несколько эллов крепкой веревки.

— Ты возбуждаешь мое любопытство! — Юкоуну протянул руку; деревянная панель беззвучно отошла в сторону, и оттуда в руку Мага прыгнул моток веревки. Прикрывая лицо, чтобы скрыть улыбку, Юкоуну протянул веревку Кугелю, который с большой тщательностью развернул ее.

— Потребуется твоя помощь, — извиняющимся тоном сказал Кугель. — Вытяни одну руку и одну ногу.

— Да, конечно. — Юкоуну вытянул руку и выбросил указательный палец. Веревка мгновенно обернулась вокруг рук и ног Кугеля, так что он потерял способность шевелиться.

Широкая улыбка Юкоуну чуть не раскололо его большую мягкую голову.

— Какое удивительное происшествие. Я по ошибке призвал Захватчика Воров. Для твоего же

собственного удобства я бы посоветовал не шевелиться, поскольку Захватчик Воров соткан из осиных жал. А теперь я осмотрю содержимое твоего мешка. — Он всмотрелся в мешок и испустил отчаянный вопль. — Ты ограбил мое собрание! Я вижу свои наиболее ценные экспонаты!

Кугель скорчил гримасу.

— Конечно! Но я не вор; меня послал Файностер взять некоторые определенные предметы, поэтому…

Юкоуну поднял руку.

— Преступление слишком серьезно для легкомысленных отрицаний. Я уже высказал свое отвращение к грабителям и ворам и теперь должен вынести тебе наиболее суровый приговор — разумеется, если ты не сумеешь представить должную компенсацию.

— Конечно, какое-нибудь возмещение вполне возможно, — быстро заявил Кугель. — Но веревка рвет мне кожу, а в таком состоянии я не могу сообразить, что бы могло тебя заинтересовать.

— Неважно. Я решил применить к тебе Чары Одиночного Заключения: ты будешь помещен в полость в семидесяти пяти милях под поверхностью земли.

Кугель в отчаянии замигал.

— Но в таком случае ты никогда не получишь компенсации.

— Верно, — задумался Юкоуну. — По-моему, ты можешь оказать мне небольшую услугу.

— Считай, что негодяй уже мертв! — быстро воскликнул Кугель. — А теперь сними эти отвратительные путы.

— Вообще-то я имел в виду не убийство, — ответил Юкоуну. — Идем.

Веревка ослабла ровно настолько, чтобы Кугель мог ковылять вслед за хозяином дома. Они прошли в боковую комнату, увешанную вышитыми сложным узором шпалерами. Юкоуну достал из бюро небольшую шкатулку и положил ее на плавающий в воздухе хрустальный диск. Он открыл крышку и показал содержимое Кугелю. Внутри было два углубления, выложенные алым мехом, в одном из них находилась небольшая полусфера из дымчатого фиолетового стекла.

— Ты человек опытный, знающий, много путешествовал, — предположил Юкоуну, — и, несомненно, узнаешь этот предмет. Нет? Ты, конечно, знаком с историей войны Кутца в Восемнадцатой эпохе? Нет? — Юкоуну удивленно пожал плечами и продолжал: — Во время этих жестоких событий демон Унда-Храда — он значится

под номером 16–04 в Зеленом Альманахе Трампа — хотел помочь своим хозяевам, с этой целью просунул некоторые из своих органов из нижнего демонического мира Ла-Эр. Для того, чтобы они могли воспринимать наш мир, демон снабдил их линзами; одну ты и видишь перед собой. Но дела пошли плохо, и демон вернулся в Ла-Эр. При этом линзы оказались разбросанными по всему Кутцу. Одной из них, как видишь, я владею. Ты должен раздобыть к ней пару и принести мне. Вот тогда твое проникновение в мой дом будет забыто.

Кугель задумался.

— Выбор между посещением демонического мира Ла-Эр и Чарами Одиночного Заключения не так уж прост. Откровенно говоря, я не знаю, что предпочесть.

Смех чуть не расколол большой желтый пузырь головы Мага.

— Ну, посещать мир Ла-Эр тебе, может, и не придется, если ты отыщешь линзу в земле, некогда известной как Кутц.

— Раз надо, значит надо, — проворчал Кугель, очень недовольный тем, как заканчивается день. — А кто охраняет фиолетовые полусферы? Как они действуют? Как я доберусь туда и как вернусь? Каким необходимым оружием,

талисманами и прочими необходимыми принадлежностями ты собираешься меня снабдить?

— Все в свое время, — ответил Юкоуну. — Вначале нужно убедиться, что, оказавшись на свободе, ты проявишь неизменную верность, рвение и целеустремленность.

— Не бойся! — провозгласил Кугель. — Мое слово крепко.

— Чудесно! — воскликнул Юкоуну. — Это дает мне основную гарантию и уверенность. Поэтому-то действие, которое я сейчас совершу, будет, несомненно, излишне.

Он вышел из помещения и тут же вернулся с закрытым стеклянным сосудом, в котором находилось небольшое белое существо, состоящее сплошь из когтей, зубов, колючек и крючьев. Существо гневно извивалось.

— Это мой друг Фиркс, — заявил Юкоуну, — со звезды Ахернар, и он гораздо умнее, чем кажется. Сейчас Фиркс рассержен, потому что его разлучили с товарищем, с которым он делит чан в моей мастерской. Фиркс поможет тебе быстро исполнить свой долг.

Юкоуну быстро подошел и ловко прижал существо к животу Кугеля. Зверь мгновенно проник во внутренности и занял свой пост, бдительно

обвившись вокруг печени.

Юкоуну отступил назад, заливаясь своим безудержным смехом, из-за которого и получил прозвище. Глаза Кугеля выпучились. Он открыл было рот, собираясь разразиться бранью, но вместо этого стиснул зубы и закатил глаза.

Веревка развернулась сама по себе. Кугель дрожал, каждая его мышца скрутилась в тугой узел.

Веселье Юкоуну сменилось задумчивой улыбкой.

— Ты говорил о волшебных приспособлениях. А как насчет тех талисманов, которые ты расхваливал в своей лавочке в Азеномае? Разве они не сковывают врагов, не растворяют железо, не возбуждают девственниц, не даруют бессмертие?

— На них нельзя полностью положиться, — признал Кугель. — Мне понадобятся более надежные гарантии.

— Они заключены в твоем мече, в твоей лукавой убедительности и проворстве твоих ног, — ответил Юкоуну. — Впрочем, ты заставил меня задуматься, и я помогу тебе до некоторого предела. — Он повесил на шею Кугелю маленькую квадратную дощечку. — Теперь можешь не опасаться умереть с голоду. Прикосновение этого мощного талисмана сделает съедобным

дерево, кору, траву, даже старое платье. К тому же в присутствии яда дощечка начинает звенеть. А теперь — теперь нечего откладывать! Идем. Веревка! Где ты, веревка?

Веревка послушно обернулась вокруг шеи Кугеля и заставила его идти вслед за Юкоуну.

Они вышли на крышу старинного замка. Уже давно на землю спустилась тьма. Вдоль долины Кзана тут и там мелькали огни, а сама река казалась еще более темной полосой, чем сама темнота.

Юкоуну указал на клетку.

— Вот твоя повозка. Полезай внутрь!

Кугель колебался.

— Может, лучше как следует поесть, поспать, отдохнуть и выступить завтра утром со свежими силами.

— Что? — спросил Юкоуну голосом, подобным звуку рога. — Ты смеешь стоять тут передо мной и высказывать какие-то требования? Человек, который тайком пробрался ко мне в дом, украл самые ценные предметы моей коллекции, оставил все в беспорядке? Да понимаешь ли ты, как тебе повезло? Может, предпочитаешь Одиночное Заключение?

— Ни в коем случае! — нервно возразил Ку-

гель. — Меня беспокоит только успех предприятия.

— В таком случае — в клетку!

Кугель тоскливо посмотрел на крышу замка, потом медленно подошел к клетке и вошел в нее.

— Я надеюсь, ты не страдаешь отсутствием памяти, — сказал Юкоуну. — Но даже если так, если забудешь о своей главной задаче — поисках второй линзы, — Фиркс всегда будет под рукой, чтобы напомнить.

Кугель сказал:

— Поскольку я вынужден отправиться в далекий путь, из которого, скорее всего, не вернусь, может, тебе интересно знать, как я оцениваю тебя и твой характер. Во-первых…

Но Юкоуну поднял руку.

— Не желаю слушать: оскорбления ранят мое чувство собственного достоинства, а к лести я отношусь скептически. Так что — в путь!

Он отступил назад, посмотрел во тьму и выкрикнул заклинание, известное как Перемещение Тасдрубала. Откуда-то сверху послышались глухие удары и приглушенный вопль ярости.

Юкоуну отступил еще на несколько шагов и выкрикнул слова на древнем языке; клетка со скорчившимся в ней Кугелем дернулась и рвану-

лась в воздух.

Холодный ветер ударил Кугелю в лицо. Сверху слышалось хлопанье больших крыльев и жалобные стенания; клетка раскачивалась взад-вперед. Внизу было темно, как под черным покрывалом.

По расположению звезд Кугель заключил, что его путь лежит на север, и вскоре почувствовал присутствие внизу Мауренронских гор; потом они полетели над дикой местностью, известной как Земля Падающей Стены. Один или два раза Кугель замечал огни одиноких замков, а однажды увидел большой костер. Какое-то время рядом летел крылатый дух, вглядываясь в клетку. Казалось, положение Кугеля его забавляет, а когда Кугель попытался что-нибудь узнать о землях внизу, дух разразился хриплым хохотом. Вскоре дух устал и попытался ухватиться за клетку, но Кугель пинками отпихнул его, и он канул во тьму с криками зависти.

На востоке появилась полоска цвета старой крови, а следом за ней взошло солнце, дрожа, как простуженный старик. Из-за тумана, закрывшего землю, Кугель с трудом разглядел, что они пролетают над черными горами и мрачными ущельями. Вскоре туман рассеялся, и под ним открылось свинцовое море. Один или два раза

Кугель смотрел вверх, но крыша клетки скрывала демона, видны были только концы кожистых крыльев.

Наконец демон достиг северного берега океана. Пикируя на берег, он испустил мстительный хриплый крик и уронил клетку на землю с высоты в пятнадцать футов.

Кугель выбрался из-под обломков, потирая ушибы и выкрикивая вслед улетающему демону проклятия, а потом побрел прочь по песку, влажному плавнику и буйным зарослям колючих сорняков, поднимаясь по пологому склону морского берега. К северу расстилались болотистые пустоши и далекие низкие холмы, на востоке — обширный океан и безрадостная песчаная полоса. Кугель посмотрел в сторону юга и погрозил кулаком. Когда-нибудь, как-нибудь, но он отомстит Смеющемуся Магу! Он поклялся себе в этом.

В нескольких сотнях ярдов к западу виднелись развалины древнего мола. Кугель захотел их осмотреть, но не сделал и трех шагов, как Фиркс вцепился когтями в печень. Кугель, закатывая глаза от боли, изменил направление и двинулся по берегу на восток.

Вскоре он проголодался и вспомнил о талис-

мане Юкоуну. Подобрав кусок плавника, он потер его дощечкой, надеясь, что тот превратится в жареную дичь или поднос со сладостями. Но дерево просто смягчилось до степени сыра, сохранив вкус дерева. Кугель с трудом, не жуя, проглотил немного неаппетитного обеда. Еще один зуб против Юкоуну. О, как заплатит Смеющийся Маг!

Алый шар солнца скользил по южной части неба. Приближалась ночь, когда Кугель увидел человеческое жилье — бедную деревушку у маленькой реки. Хижины были похожи на неопрятные птичьи гнезда из прутьев и грязи, ужасно пахло экскрементами и отбросами. Между лачугами бродили люди, такие же грязные и неуклюжие, как их дома. Низкорослые, полные, обрюзгшие и со спутанными волосами грязного светло-желтого цвета, с лицами, покрытыми шишками и буграми, они производили отталкивающее зрелище. Единственная примечательная особенность их внешности — и Кугель тут же проявил к ней острейший интерес — их глаза: слепые фиолетовые полушария, во всех отношениях подобные тому предмету, который ему необходим.

Кугель осторожно приблизился к деревне, но ее жители не обратили на него никакого внима-

ния. Если полушарие, так необходимое Юкоуну, идентично фиолетовым глазам этих людей, тогда главное затруднение преодолено: теперь раздобыть линзу — вопрос тактики.

Кугель принялся рассматривать жителей деревни и нашел много удивительного. Прежде всего, они вели себя не как дурно пахнущие деревенщины, кем они на самом деле являлись, а с величием и достоинством, граничившими с надменностью. Кугель смотрел в полном недоумении: не могли же они все выжить из ума? Во всяком случае, они не казались опасными, и Кугель пошел прямо по главной улице поселка, осторожно обходя самые большие и вонючие кучи отбросов. Тут один из жителей, наконец, соизволил его заметить и обратился к нему глубоким гортанным голосом:

— Ну, сэр, что тебе нужно? Зачем бродишь по окраинам нашего прекрасного города Смолода?

— Я путник, — ответил Кугель. — Покажи мне только дорогу к постоялому двору, где бы я нашел еду и ночлег.

— У нас нет постоялого двора; путешественники и странники нам неизвестны. Но все же ты можешь разделить наше изобилие. Вот в том дворце ты найдешь все, что тебе необходимо. —

Он указал на полуразвалившуюся хибару. — Есть можешь сколько угодно, загляни вон в тот ресторан и выбери, что пожелаешь. Мы в Смолоде ни в чем не скупимся.

— Покорнейше тебя благодарю, — ответил Кугель и хотел продолжить расспросы, но его собеседник уже удалился.

Кугель неохотно заглянул в предоставленную ему развалюху и после некоторых усилий расчистил место на лавке, где мог бы провести ночь. Солнце уже стояло на горизонте, когда он направился к мрачному складу, который ему показали как ресторан. Как и подозревал Кугель, доступные блага славного города Смолода были несколько преувеличены. На поверку изобилие оказалось грудой копченой рыбы, лежащей с одной стороны склада, и ларем, полным чечевицы, смешанной с различными хлебными злаками, — с другой. Кугель отнес немного к себе в хижину и мрачно поужинал.

Солнце село. Кугель отправился посмотреть, что предложит эта деревня в качестве развлечения, но улицы были совершенно пусты. В некоторых хижинах горели лампы; и Кугель, заглядывая в окна, видел местных жителей, ужинающих копченой рыбой или ведущих беседы.

Он вернулся в свою развалюху, разжег небольшой костер, чтобы не замерзнуть ночью, и уснул.

На следующий день Кугель возобновил наблюдения за деревней Смолод и ее фиолетовоглазыми жителями. Он заметил, что никто не пошел работать, да и полей поблизости не было. Это наблюдение вызвало неудовольствие Кугеля. Чтобы получить фиолетовый глаз, он вынужден будет убить его обладателя, а для этого необходима свобода от навязчивого наблюдения.

Несколько раз он осторожно пытался заговаривать с жителями деревни, но на него смотрели так, будто они благородные лорды, а он дурно пахнущая деревенщина! В конце концов это начало действовать Кугелю на нервы.

После полудня он двинулся на юг и примерно через милю увидел на берегу другую деревню, жители которой очень напоминали обитателей Смолода, только глаза у них были обыкновенными. Здесь крестьяне оказались очень трудолюбивы: Кугель видел, как они ловят рыбу в океане и обрабатывают поля.

Он приблизился к двум рыбакам, возвращавшимся в деревню с уловом в корзинах, висевших у них на плечах. Мужчины остановились и недружелюбно разглядывали Кугеля. Он представился

как путник и стал расспрашивать о землях к востоку, но рыбаки проявили полную неосведомленность, за исключением того, что земля дальше пустая, сухая и опасная.

— Я сейчас остановился в деревне Смолод, — сказал Кугель. — Ее жители приятный народ, но несколько странный. Например, почему у них такие необычные глаза? В чем причина этого бедствия? И почему они ведут себя с таким высокомерием?

— Глаза их — волшебные линзы, — ответил старший из рыбаков ворчливым голосом. — Благодаря им они видят Верхний мир, так почему бы их владельцам не вести себя, как лордам? И я буду таким, когда умрет Радкут Вомин, а я унаследую его глаза.

— Неужели? — удивленно воскликнул Кугель. — Значит, эти волшебные линзы можно снимать по желанию и передавать другим, как сочтет нужным владелец?

— Да, но кто же добровольно променяет Чужой мир на это? — рыбак рукой указал на унылую местность. — Я долго трудился, и настала моя очередь вкусить прелести Верхнего мира. После этого нечего опасаться, кроме смерти от излишка блаженства.

— Очень интересно! — заметил Кугель. — А как мне получить пару таких волшебных линз?

— Работай, как все остальные в Гродце; внеси свое имя в список и трудись, чтобы обеспечить лордов Смолода продовольствием. Тридцать один год я выращивал чечевицу и эммер, ловил рыбу и коптил ее на медленном огне, и вот теперь имя Бубача Анга стоит первым в списке, и ты можешь добиться того же самого.

— Тридцать один год, — размышлял Кугель. — Немалое время. — Фиркс пошевелился, причинив печени Кугеля большое неудобство.

Рыбаки направились в свою деревню Гродц, а Кугель вернулся в Смолод. Он нашел человека, с которым разговаривал накануне.

— Милорд, — сказал он ему, — как вы знаете, я путник из далекой земли, привлеченный сюда великолепием города Смолод.

— Это вполне понятно, — согласился тот. — Наши пышность и богатство повсюду вызывают зависть.

— Откуда же взялись эти волшебные линзы?

Старик обратил свои фиолетовые полусферы к Кугелю, словно увидел его впервые, и ворчливо заговорил неприветливым голосом:

— Мы не любим говорить на эту тему, но по-

скольку ты уже затронул ее, особого вреда не будет. В далекие времена демон Андерхерд раскинул свои щупальца, чтобы осмотреть Землю. Каждое щупальце оканчивалось такой линзой. Симбилис Шестнадцатый ранил чудовище, и оно рывком убрало щупальца восвояси, при этом линзы слетели. Четыреста двенадцать линз было собрано и принесено в Смолод, который и тогда был таким же великолепным, каким кажется сейчас. Да, я сознаю, что наблюдаемое мной — иллюзия, но и ты тоже видишь в какой-то мере иллюзию, и кто может сказать, какая из них реальней?

— Но я не смотрю через волшебные линзы, — заметил Кугель.

— Верно, — пожал плечами старик. — Предпочитаю не думать об этом. Я смутно припоминаю, что живу в свинарнике и ем черствый хлеб, но субъективная реальность такова, что я обитаю в роскошном дворце, питаюсь великолепными яствами вместе с равными мне принцами и принцессами. Объясняется это так: демон Андерхерд смотрел через линзы из своего Нижнего мира на наш; а мы из нашего смотрим на Верхний мир — средоточие человеческих надежд, фантастических желаний и прекрасных снов. Мы,

населяющие этот мир, кем мы должны считать себя, если не величественными лордами? Мы такие и есть.

— Это весьма вдохновляет! — воскликнул Кугель. — А как мне приобрести пару таких линз?

— Есть два пути. Андерхерд потерял четыреста четырнадцать линз; в нашем распоряжении четыреста двенадцать. Две так и не были найдены; очевидно, они на дне океана. Можешь попытаться отыскать их. Второй путь — нужно стать жителем Гродца и снабжать лордов Смолода продовольствием, пока один из нас не умрет, что происходит нечасто.

— Я слышал, что некий лорд Радкут Вомин захворал.

— Да, вот он. — Собеседник указал на старика с большим животом и расслабленным слюнявым ртом, который сидел в грязи перед своей хижиной. — Ты видишь, он отдыхает перед своим роскошным дворцом. Лорд Радкут истощил себя в излишествах сладострастия, потому что наши принцессы — самые очаровательные создания человеческого воображения, точно так же, как я — благороднейший из принцев. Но лорд Радкут слишком безудержно предавался удовольствиям и заболел. Это урок для нас всех.

— Может, я смогу чем-то особенным заслужить его линзы? — отважился спросить Кугель.

— Боюсь, что нет. Тебе нужно идти в Гродц и трудиться, как остальные. Как делал и я в своем прежнем существовании, которое кажется мне теперь таким смутным и примитивным… И подумать только, как долго я страдал! Но ты молод; тридцать, сорок, пятьдесят лет — не слишком много, если ждешь такого величия.

Кугель прижал руку к животу, чтобы успокоить зашевелившегося Фиркса.

— Но за это время солнце может погаснуть. Смотри! — Он указал на черную дрожь, пробежавшую по поверхности солнца, и казалось, на мгновение покрывшего его коркой. — Оно гаснет даже сейчас!

— Не нужно тревожиться, — возразил старик. — Для нас, лордов Смолода, солнце по-прежнему посылает самые яркие лучи.

— В данный момент, может, и так, но когда солнце погаснет на самом деле, что тогда? Вы так же будете наслаждаться темнотой и холодом?

Но старик уже не слушал его. Радкут Вомин упал в грязь и казался мертвым.

Нерешительно поигрывая ножом, Кугель отправился взглянуть на труп. Один-два ловких

надреза — работа одного мгновения, — и он достигнет своей цели. Он уже шагнул вперед, но момент был упущен. Приблизившиеся лорды деревни оттеснили Кугеля в сторону. Радкута Вомина подняли на руки и торжественно перенесли в его дурно пахнущую хижину.

Кугель задумчиво смотрел в открытый дверной проем, рассчитывая шансы той или иной уловки.

— Внесите лампы! — нараспев заговорил старец. — Пусть прощальное сияние окружит лорда Радкута в его усыпанном драгоценностями гробу! Пусть с башен звучит золотая труба; пусть принцессы наденут наряды из венецианской парчи; пусть пряди волос закроют их обольстительные лица, которые так любил лорд Радкут при жизни! А мы будем стоять в карауле у его тела! Кто вызовется охранять гроб?

Кугель выступил вперед.

— Я счел бы это великой честью.

Старик покачал головой.

— Это привилегия только для равных ему. Лорд Маулфаг, лорд Глас, займите почетный пост, — Двое жителей деревни приблизились к скамье, на которой лежал Радкут Вомин.

— Далее, — провозглашал старик, — должны

состояться похороны, а волшебные линзы переданы Бубачу Ангу, самому достойному сквайру Гродца. Кто известит сквайра?

— Я снова предлагаю свои услуги, — сказал Кугель, — чтобы хоть в малой степени отплатить за гостеприимство, которым наслаждался в Смолоде.

— Хорошо сказано! — ответил старик. — Тогда торопись в Гродц; возвращайся со сквайром, который своим трудом и верой заслужил возвышение.

Кугель поклонился и пустился бегом через пустоши к Гродцу. Он осторожно приблизился к крайним полям, перебегая от рощицы к рощице, и вскоре нашел то, что искал: крестьянина, копавшегося мотыгой во влажной почве.

Кугель неслышно подкрался сзади и ударил деревенщину по голове суковатым корнем. Потом стащил с него одежду из мочала, кожаную шапку, обувь. Ножом отрезал бороду цвета соломы. Взяв это все и оставив крестьянина, голого и без чувств, в грязи, Кугель своими длинными шагами направился обратно в Смолод. В укромном месте он переоделся в украденную одежду. Некоторое затруднение вызвала отрезанная борода, но, привязав пучок к пучку, Кугель умудрился

приготовить довольно сносную фальшивую бороду. Оставшиеся волосы он затолкал под края кожаной шапки.

Солнце село, землю затянул сумрак цвета сливы. Кугель вернулся в Смолод. Перед хижиной Радкута Вомина дрожали огоньки масляных ламп, плакали и стонали тучные и бесформенные женщины деревни.

Кугель осторожно подошел, гадая, что его может ожидать. Что касается маскировки, то она либо окажется эффективной, либо нет. Неизвестно, до какой степени фиолетовые полушария искажают восприятие; можно лишь рисковать и надеяться.

Кугель смело вошел в хижину. Как можно более низким голосом он провозгласил;

— Я здесь, почтеннейшие принцы Смолода: Бубач Анг из Гродца, который тридцать один год доставлял лучшие деликатесы в закрома Смолода. И вот я здесь с мольбой о возведении в благородное сословие.

— Это твое право, — ответил Старейшина. — Но ты не похож на Бубача Анга, который так долго служил принцам Смолода.

— Я преобразился — от горя из-за смерти принца Радкута Вомина и от радости от предстоящего

возвышения.

— Ясно и понятно. Иди, подготовься к обряду.

— Я готов, — ответил Кугель. — Если вы передадите мне волшебные линзы, я спокойно отойду с ними и наслажусь.

Старейшина снисходительно покачал головой.

— Это не соответствует обычаям. Прежде всего, ты должен обнаженным встать в павильоне этого могучего замка, и прекраснейшие из красавиц умастят тебя благовониями. Затем будет произнесено заклинание Эддита Бран Маура. Затем…

— Почтеннейший, — прервал его Кугель, — окажи мне благодеяние. Прежде чем начнется церемония, приставь мне одну из линз, чтобы я мог созерцать церемонию в полном блеске.

Старейшина задумался.

— Просьба необычна, но разумна. Принесите линзы!

Последовало ожидание, во время которого Кугель стоял сначала на одной ноге, потом на другой. Тянулись минуты; тело под грубой одеждой и фальшивой бородой отчаянно чесалось. К тому же на окраине деревни появилась со стороны Гродца пара мужчин. Один из них, несомненно, был Бубач Анг, а другой, казалось, недавно лишился бороды.

Появился Старейшина, держа в каждой руке по фиолетовому полушарию.

— Подойди!

Кугель громко откликнулся:

— Я здесь, сэр!

— Налагаю на тебя мазь, которая освятит соединение волшебной линзы с твоим правым глазом.

В толпе послышался голос Бубача Анга.

— Подождите! Что происходит?

Кугель обернулся.

— Какой негодяй прерывает торжественный обряд? Убрать его немедленно!

— Правильно! — категорично подхватил Старейшина. — Ты унижаешь себя и величие нашей церемонии.

Бубач Анг вжал голову в плечи и отступил.

— Поскольку церемония прервана, — предложил Кугель, — я охотно возьму волшебные линзы на хранение, пока этих мошенников не удалят.

— Нет, — ответил Старейшина, — это невозможно. — Он помазал правый глаз Кугеля прогорклым жиром. Но теперь поднял крик крестьянин с отрезанной бородой:

— Моя шапка! Мой костюм! Моя борода! Есть ли здесь справедливость?

— Тише! — шептали в толпе. — Это торжествен-

ная церемония!

— Но я Бу…

Кугель сказал:

— Вставляй линзу, милорд; не будем обращать внимания на этих наглецов.

— Ты называешь меня наглецом? — взревел Бубач Анг. — Я узнал тебя, мошенник. Остановите церемонию!

Старейшина невозмутимо продолжал:

— Вставляю тебе правую линзу. Этот глаз временно держи закрытым, чтобы не перенапрячь мозг из-за разлада. Теперь левый глаз. — Он сделал шаг вперед с мазью, но Бубач Анг и безбородый крестьянин больше не желали сдерживаться.

— Остановите церемонию! Вы возводите в благородство самозванца! Я Бубач Анг, достойный сквайр. Тот, кто стоит перед вами, бродяга!

Старейшина удивленно разглядывал Бубача Анга.

— Ты на самом деле похож на крестьянина, который тридцать один год доставлял продовольствие в Смолод. Но если ты Бубач Анг, то кто это?

Вперед неуклюже вырвался безбородый крестьянин.

— Это бездушный негодяй. Он снял одежду с

моего тела и бороду с моего лица. Он преступник, бандит, бродяга!..

— Подождите! — воскликнул Старейшина. — Это неподобающие слова. Вспомните, он только что провозглашен принцем Смолода.

— Еще не вполне! — кричал Бубач Анг. — У него только один мой глаз. Я требую себе другой!

— Неловкая ситуация, — пробормотал Старейшина. Он обратился с Кугелю: — Хоть ты и был бродягой и разбойником, теперь ты принц и ответственный человек. Каково твое мнение?

— Я предлагаю заточить этих шумливых негодяев. А потом…

Бубач Анг и безбородый крестьянин с гневными криками ринулись вперед. Кугель отскочил, но не смог удержать правый глаз закрытым. Глаз открылся, ему предстало такое поразительное зрелище, что у него захватило дыхание и чуть не остановилось сердце. Но одновременно левый глаз показывал реальный Смолод. Такое дикое несоответствие невозможно было вынести: Кугель пошатнулся и упал. Бубач Анг склонился к нему с высоко поднятой мотыгой, но его заслонил Старейшина.

— Ты в своем уме? Это человек — принц Смолода!

— Я его убью, у него мой глаз! Неужели я тридцать один год трудился ради этого негодяя?

— Успокойся, Бубач Анг, если таково твое имя, и помни, что вопрос еще не решен. Возможно, была допущена ошибка, несомненно, ошибка не преднамеренная, потому что теперь этот человек — принц Смолода, то есть воплощенная справедливость и благоразумие.

— Он не был таким, когда получал линзу, — возразил Бубач Анг, — и когда совершил преступление.

— Я не могу заниматься казуистическими спорами, — ответил Старейшина. — Во всяком случае, твое имя вверху списка и при следующем прискорбном событии…

— Еще десять или двенадцать лет? — закричал Бубач Анг. — Я должен еще трудиться и получить награду, когда солнце совсем потемнеет? Нет, нет, этого не может быть!

Безбородый крестьянин внес предложение:

— Возьми вторую линзу. Так ты получишь хотя бы половину своих прав и помешаешь этому самозванцу полностью обмануть тебя.

Бубач Анг подумал и согласился.

— Я возьму свою линзу, потом убью этого разбойника, отберу вторую, и все будет хорошо.

— Это еще что такое! — надменно сказал Старейшина. — Таким тоном нельзя говорить в присутствии принцев Смолода!

— Ба! — фыркнул Бубач Анг. — Вспомни, откуда ваша еда! Мы в Гродце не будем трудиться бесплатно!

— Ну, хорошо, — сказал Старейшина. — Я считаю твои грубые угрозы неподобающими, но не могу отрицать, что в них есть толика истины. Вот левая линза Радкута Вомина. Я преподнесу тебе мазь, а заклинание и поздравительный гимн мы опустим. Будь так добр, сделай шаг вперед и открой левый глаз… вот так.

Как перед этим Кугель, Бубач Анг посмотрел через оба глаза одновременно и пошатнулся. Но, закрыв рукой левый глаз, пришел в себя и приблизился к Кугелю.

— Ты видишь теперь, твоя хитрость бесполезна. Отдай мне линзу и иди своим путем, потому что обеих линз у тебя никогда не будет.

— Это неважно, — ответил Кугель. — Благодаря моему другу Фирксу, с меня вполне хватит одной.

Бубач Анг заскрежетал зубами.

— Ты думаешь снова обмануть меня? Твоя жизнь подошла к концу. Не только я, но весь

Гродц об этом позаботится!

— Не в пределах Смолода! — предупредил Старейшина. — Среди принцев не может быть ссор: я провозглашаю согласие! Вы, разделившие линзы Радкута Вомина, разделите и его дворец, его наряды, все необходимые принадлежности, драгоценности и свиту, до того, надеюсь, отдаленного времени, когда один из вас умрет, а переживший получит все. Таково мое решение; больше говорить об этом нечего.

— К счастью, смерть этого самозванца близка, — проворчал Бубач Анг. — Мгновение, когда он ступит за пределы Смолода, окажется его последним! Если понадобится, жители Гродца будут караулить хоть сто лет!

От этой новости Фиркс зашевелился, и Кугель скривился от боли. Примирительным тоном он обратился к Бубачу Ангу:

— Можно договориться: тебе перейдут все владения Радкута Вомина, его дворец, свита, гардероб. А мне только линзы.

Но Бубач Анг не хотел ничего слушать.

— Если хоть немного ценишь свою жизнь, немедленно отдай мне линзу.

— Не могу, — ответил Кугель.

Бубач Анг повернулся и заговорил с безбородым

крестьянином, который кивнул и удалился. Бубач Анг свирепо посмотрел на Кугеля, потом подошел к хижине Радкута Вомина и уселся перед входом на груду мусора. Он начал экспериментировать со своей линзой, осторожно закрывая правый глаз, открывая левый и с удивлением глядя на Верхний мир. Кугель решил воспользоваться его поглощенностью и осторожно направился на край поселка. Бубач Анг как будто этого не заметил. Ха! — подумал Кугель. Слишком легко получается! Еще два шага, и он затеряется в темноте!

Он бойко вытянул свои длинные ноги, делая эти два шага. Легкий шорох, шум, скрежет заставили его отскочить. В том месте, где только что находилась его голова, воздух прорезала тяжелая мотыга. В слабом свете фонарей Смолода Кугель разглядел мстительное лицо безбородого крестьянина. А сзади приближался Бубач Анг, выставив вперед, как бык, тяжелую голову. Кугель увернулся и быстро побежал назад, к центру Смолода.

Медленно и разочарованно вернулся Бубач Анг и сел на прежнее место.

— Ты не сбежишь, — сказал он Кугелю. — Отдай линзу, и сохранишь себе жизнь!

— Ни в коем случае, — решительно ответил

Кугель. — Лучше бойся за свою жалкую жизнь, она тоже в большой опасности!

Из хижины Старейшины донесся укоризненный голос:

— Прекратите ссору! Я исполняю экзотические желания прекраснейшей принцессы и не хочу отвлекаться по пустякам.

Кугель, вспомнив жирные свисающие складки плоти, кривые фигуры с плоскими бедрами, спутанные волосы, кишащие паразитами, заплывшие лица с двойными подбородками, жировые шишки и дурной запах женщин Смолода, снова поразился мощи линз. Бубач Анг опять начал испытывать возможности своего левого глаза. Кугель присел на скамью и решил сам испытать свой правый глаз, вначале осторожно закрыв левый рукой…

На нем была рубашка Из тонких серебристых чешуек, облегающие алые брюки, а плечи обнимал темно-синий шелковый плащ. Он сидит на мраморной скамье перед спиральными мраморными колоннами, обвитыми темной зеленью плюща с белыми цветами. По обе стороны в ночи высились дворцы Смолода. Их арки и окна неярко светились в ночи. Небо мягкого темно-синего цвета было усеяно огромными яркими звезда-

ми; дворцы окружены садами с кипарисами, миртовыми деревьями, жасмином и тисом. В воздухе веял цветочный аромат, и где-то звенели серебряные переливы журчащей воды, звуки которой переплетались с доносящимся сверху негромким перебором струн, создавая прекрасную мелодию. Кугель глубоко вздохнул и встал. Он прошел по террасе, и перспектива дворцов и садов сместилась. На слабо освещенной лужайке перед дворцом три молодые девушки в платьях из белого газа разглядывали его через плечо.

Кугель невольно шагнул вперед, но вспомнил угрозу Бубача Анга и остановился, чтобы проверить свое местонахождение. По другую сторону площади возвышался семиярусный дворец. На каждой террасе был разбит свой висячий сад с цветами и лианами, свисающими вдоль стен здания. Сквозь окна Кугель увидел богатую мебель, яркие светильники и спокойные движения ливрейных лакеев. Перед дворцом стоял человек с орлиным профилем и коротко подстриженной золотой бородкой, облаченный в красно-черную одежду с золотыми эполетами и черные высокие сапоги. Он стоял, опершись одной ногой на каменного грифона, сложив руки на согнутой ноге, и смотрел на Кугеля с выражением ненависти.

Кугель поразился: неужели это похожий лицом на свинью Бубач Анг? А этот семиэтажный дворец — лачуга Радкута Вомина?

Кугель медленно перешел площадь и оказался поблизости от освещенного канделябрами павильона. Внутри на столах были разложено мясо, фрукты, сладости всех сортов. Желудок Кугеля, заскучавший от плавника и копченой рыбы, заставил его шагнуть вперед. Он переходил от стола к столу, брал по кусочку с каждого блюда и нашел, что яства превосходного качества.

— Может, я по-прежнему ем чечевицу и копченую рыбу, — сказал себе Кугель, — но многое можно сказать о чарах, благодаря которым они превращаются в такие исключительные деликатесы. Да, можно представить себе гораздо худшую судьбу, чем жизнь в Смолоде.

Как будто уловив эту мысль, Фиркс вцепился когтями в печень Кугеля, и тот проклял Юкоуну, Смеющегося Мага, и повторил свою клятву мести.

Немного придя в себя, он прошел туда, где дворцовые сады сменялись парком. Оглянувшись через плечо, Кугель увидел, что к нему с явно враждебными намерениями приближается принц с орлиным профилем. В полутьме парка

Кугель заметил какое-то движение, ему показалось, что он видит вооруженных воинов.

Он вернулся на площадь, Бубач Анг, шедший за ним, снова остановился перед дворцом Радкута Вомина, продолжая свирепо смотреть на Кугеля.

— Ясно, — сказал Кугель для Фиркса, — что сегодня выбраться из Смолода не удастся. Разумеется, я хочу как можно быстрее доставить линзу Юкоуну, но если меня убьют, ни линза, ни достойный восхищения Фиркс не вернутся в Альмери.

Фиркс никак на это не прореагировал. «А теперь, где же провести ночь?» — подумал Кугель. Семиэтажный дворец Радкута Вомина предлагал достаточно места и для него самого, и для Бубача Анга. На самом же деле им пришлось бы находиться в тесной однокомнатной хибарке с единственной грудой травы в качестве постели. Кугель с сожалением закрыл правый глаз, открыл левый.

Смолод был таким же, как раньше. Низкорослый Бубач Анг сидел перед хижиной Радкута Вомина. Кугель подошел к нему и ловко пнул. От удивления Бубач Анг открыл оба глаза, и столкнувшиеся в его мозгу противоположные импульсы вызвали паралич. Сзади, в темноте, взревел безбородый крестьянин и выскочил,

высоко подняв мотыгу. Кугелю пришлось отказаться от плана тут же перерезать Бубачу Ангу горло. Он проскользнул в хижину и закрылся на все засовы.

Теперь он закрыл левый глаз и открыл правый. И оказался в великолепном холле замка Радкута Вомина, портик которого был перекрыт опускной решеткой из кованого железа. Снаружи золотоволосый принц в красно-черном, прижимая руку к глазу, с холодным достоинством поднимался с каменных плит, которыми была вымощена площадь. Взмахнув рукой в жесте благородного вызова, Бубач Анг перебросил плащ через плечо и отошел к своим воинам.

Кугель неторопливо побрел по дворцу, с интересом рассматривая обстановку. Если бы не назойливость Фиркса, можно бы и не торопиться в опасное путешествие назад к долине Кзана.

Кугель выбрал роскошную комнату, выходящую на юг, сменил свою богатую одежду на сатиновую пижаму, лег на диван, покрытый простыней из светло-синего шелка, и немедленно уснул.

Утром он с некоторым трудом припомнил, какой именно глаз нужно открыть, и решил, что хорошо бы смастерить повязку и носить ее на

том глазу, который в данный момент не нужен.

При свете дня дворцы Смолода казались еще величественнее, а площадь заполняли принцы и принцессы необыкновенной красоты. Кугель оделся в прекрасный черный костюм, надел элегантную зеленую шляпу и зеленые сандалии. Он спустился в фойе, поднял решетку и вышел на площадь.

Бубача Анга не было видно. Остальные жители Смолода вежливо приветствовали Кугеля, а принцессы проявили необычную теплоту, как будто оценив его хорошие манеры. Кугель отвечал вежливо, но без жара: даже волшебная линза не могла изгнать из его памяти жир и грязь, из которых, казалось, целиком состояли женщины Смолода.

Он позавтракал в павильоне восхитительными яствами, потом вернулся на площадь, чтобы обдумать дальнейшие действия. Осмотр парка показал, что воины Гродца на страже. Значит, удрать немедленно не удастся.

Тем временем благородное сословие Смолода занялось развлечениями. Одни отправились на луга, другие поплыли на лодках к северу. Старейшина, принц с проницательным взглядом и благородной внешностью, в одиночестве сидел

на ониксовой скамье, погрузившись в глубокие раздумья.

Кугель подошел к нему; Старейшина встал и с умеренной сердечностью приветствовал его.

— Я обеспокоен, — объявил он. — Несмотря на все здравомыслие, несмотря на твое неизбежное незнание наших обычаев, я чувствую, что совершилась несправедливость, и не знаю, как ее исправить.

— Мне кажется, — ответил Кугель, — что сквайр Бубач Анг, хоть, несомненно, и достойный человек, все же не обладает дисциплиной, соответствующей совершенству Смолода. По моему мнению, ему бы полезно еще несколько лет провести в Гродце.

— Что-то в твоих словах есть, — ответил старик. — Небольшие личные жертвы иногда необходимы для блага общества. Я уверен, что если бы возникла необходимость, ты бы с радостью вернул линзу и записался бы в Гродц. Что такое несколько лет? Пролетят, как бабочка.

Кугель сделал вежливый жест.

— Есть еще одно решение: можно всем жителям Смолода бросить жребий, и проигравший отдаст свою линзу Бубачу Ангу. Я, со своей стороны, доволен и одной.

Старик нахмурился.

— Ну, это маловероятный исход. А пока ты должен принять участие в нашем веселье. Если можно так сказать, ты недурно выглядишь, и некоторые принцессы уже нежно посматривают в твоем направлении. Вот, например, прекрасная Удела Наршаг… или Зококса, Лепесток Розы… а вон там резвая Ильву Ласмал. Не мешкай: мы в Смолоде не обращаем внимания на условности.

— Прелесть этих дам не ускользнула от моего внимания, — ответил Кугель. — К несчастью, я связан обетом воздержания.

— Несчастный! — воскликнул Старейшина. — Принцессы Смолода — верх совершенства! Кстати, обрати внимание — еще одна добивается твоего внимания!

— Но, по-моему, ее интересуете вы, — сказал Кугель, и старик отправился разговаривать с молодой женщиной, которая въехала на площадь в величественной повозке в форме лодки, двигавшейся на шести лебединых лапах. Принцесса возлежала, опираясь на подушку розового бархата, и была так хороша, что Кугель пожалел о навязчивости своих воспоминаний, которые заставляли видеть спутанные волосы, бородавки, свисающую нижнюю губу, потные морщины и

складки тела. Принцесса и в самом деле была похожа на воплощение сна: стройная, изящная, с кожей цвета крема, изысканным носиком, большими задумчивыми глазами и очаровательным подвижным ртом. Кугеля заинтриговало выражение ее лица: оно казалось более многозначительным, чем у других принцесс, — задумчивым и печальным, пылким и неудовлетворенным.

На площади появился Бубач Анг, одетый по-военному: в латах, шлеме и с мечом. Старейшина пошел поговорить с ним; но тут, к досаде Кугеля, повозка принцессы направилась к нему.

Он пошел навстречу и учтиво поклонился.

— Да, принцесса. Мне показалось, ты ко мне?

Принцесса кивнула.

— Я раздумываю над тем, как ты оказался здесь, в северных землях, путник. — Она говорила негромким музыкальным голосом.

Кугель ответил:

— Я выполняю обет. Лишь ненадолго я останусь в Смолоде, а потом долг призовет меня отправляться дальше — на восток и юг.

— Неужели? — отозвалась принцесса. — И какое же у тебя дело?

— Откровенно говоря, меня перенесла сюда злоба одного Мага. Я тут совсем не по своему

желанию.

Принцесса негромко рассмеялась.

— Я редко вижу незнакомых людей, но люблю новые лица и новые разговоры. Может, ты придешь в мой дворец, и мы поговорим о волшебстве и странных делах, творящихся на умирающей земле.

Кугель сдержанно поклонился.

— Ты очень добра. Но обрати внимание на кого-нибудь другого, ибо я связан обетом воздержания. И не проявляй неудовольствия, потому что так же я ответил и Уделе Наршаг, и Зококсе, и Ильву Ласмал.

Принцесса подняла брови, поглубже откинулась на сидение. Она слегка улыбнулась.

— Да, да. Ты суровый человек, строгий и безжалостный, если отказываешь стольким умоляющим женщинам.

— Так оно есть и так должно быть, — Кугель отвернулся и оказался лицом к лицу со Старейшиной, за которым виднелся Бубач Анг.

— Печальные обстоятельства, — беспокойным голосом сказал Старейшина. — Бубач Анг говорит от имени деревни Гродц. Он объявляет, что до восстановления справедливости больше не будут доставляться продукты. Жители Гродца требуют,

чтобы ты отдал свою линзу Бубачу Ангу, а сам отправился в распоряжение карательного комитета, который ждет вон там.

Кугель с тяжелым сердцем рассмеялся.

— Что за нелепое требование! Ты, конечно, заверил их, что мы в Смолоде будем есть траву и разобьем свои линзы, прежде чем согласимся на такое мерзкое требование.

— Боюсь, что мы тянем время, — ответил Старейшина. — Мне кажется, что жители Смолода предпочтут более гибкий образ действий.

Что он имел в виду, было ясно, и Фиркс в раздражении ожил. Чтобы правильно оценить обстоятельства, Кугель закрыл правый глаз и открыл левый.

Несколько жителей Гродца, вооруженных серпами, мотыгами и дубинами, ждали в пятидесяти ярдах; очевидно, это и есть карательный комитет. По одну сторону видны хижины Смолода, по другую — шагающая лодка и принцесса… Кугель смотрел ошеломленно. Лодка такая же, как прежде, на шести птичьих лапах, а в ней на розовом бархатном сиденье устроилась принцесса — если это возможно, то еще более прекрасная. Но теперь она не улыбалась, на лице у нее было напряженное холодное выражение.

Кугель набрал полные легкие воздуха и побежал. Бубач Анг приказывал ему остановиться, но Кугель не обращал на это внимания. Он бежал по пустоши, а за ним — карательный комитет.

Кугель весело рассмеялся. Он легок на ноги, у него здоровые легкие, а крестьяне коренастые, неуклюжие, флегматичные. Он пробегает две мили, а они одну. Он остановился и обернулся, чтобы помахать им на прощание. К его отчаянию, две лапы отъединились от лодки и устремились к нему. Кугель побежал изо всех сил. Напрасно. Лапы догнали его, побежали по обе стороны и пинками заставили остановиться. Кугель мрачно пошел назад, лапы ковыляли за ним. Подходя к окраинам Смолода, он высвободил линзу и зажал ее в руке. Когда карательный комитет набросился на него, он высоко поднял руку.

— Не подходите, или я разобью линзу на кусочки!

— Подождите! Подождите! — кричал Бубач Анг. — Этого нельзя допустить! Послушай, отдай линзу и получи то, что заслужил.

— Еще ничего не решено, — напомнил ему Кугель. — Старейшина еще не сказал своего слова.

Девушка поднялась со своего сидения.

— Решать буду я. Я — Дерва Корема из дома

Домбера. Отдай мне это фиолетовое стекло, чем бы оно ни было.

— Ни в коем случае, — ответил Кугель. — Возьми линзу у Бубача Анга.

— Ни за что! — воскликнул сквайр из Гродца.

— Что? У вас обоих по линзе и вы оба хотите две? Что же это за драгоценность? Вы носите их как глаза? Дайте их мне.

Кугель обнажил свой меч.

— Я предпочитаю убегать, но когда необходимо, я сражаюсь.

— Я не могу бегать, — сказал Бубач Анг. — И предпочитаю сражаться. — Он достал из глаза линзу. — А теперь, подлец, приготовься к смерти.

— Минутку, — сказала Дерва Корема. Две тонкие лапки отделились от кареты и схватили Кугеля и Бубача Анга за руки. Линзы упали на землю. При этом линза Бубача Анга ударилась о камень и разлетелась на кусочки. Он завопил и прыгнул на Кугеля, который отступил перед его неожиданным натиском.

Бубач Анг понятия не имел о фехтовании, он рубил и резал, как будто чистил рыбу. Ярость его атак, однако, вызывала тревогу, и Кугелю пришлось трудно в защите. Вдобавок к ударам и

выпадам Бубача Анга свое недовольство утратой линзы активно проявил и Фиркс.

Дерва Корема утратила интерес к происходящему. Ее лодка заскользила по пустоши, двигаясь все быстрее и быстрее. Кугель отбил удары, отпрыгнул назад и вторично побежал через пустоши, а жители Смолода и Гродца выкрикивали проклятия ему вслед.

Лодка неторопливой рысью трусила впереди. Кугель, легкие которого разрывались от боли, из последних сил догнал ее, сделал большой прыжок, и, ухватившись за стенку, подтянулся и сел верхом на покрытый мехом борт.

Все произошло, как он и предполагал. Дерва Корема посмотрела через линзу и потеряла сознание. Фиолетовое полушарие лежало у нее на коленях.

Кугель схватил его, посмотрел на прекрасное лицо, думая: может, решиться на большее? Фиркс показал ему, что не стоит. Дерва Корема уже начинала вздыхать и шевелить головой.

Кугель как раз вовремя соскочил с лодки. Успела ли она его увидеть? Со всех ног он бросился к зарослям тростника вокруг пруда и бросился в воду. Отсюда он увидел, как ходячая лодка остановилась, и Дерва Корема поднялась на ноги.

Она поискала линзу в лодке, ощупывая розовый пух, затем осмотрелась вокруг. Однако, когда она смотрела в сторону Кугеля, ее глаза слепило кроваво-красное закатное солнце, и она увидела только тростники и отражение солнца в воде.

Разгневанная и мрачная, как никогда раньше, она снова пустила лодку в ход. Та сначала пошла шагом, потом побежала рысью, а затем понеслась длинными прыжками и вскоре скрылась на юге.

Кугель вылез из воды, осмотрел волшебную линзу, спрятал ее в сумку и посмотрел в сторону Смолода. Потом он направился на юг, но остановился и вновь оглянулся. Он достал линзу, прижал ее к правому глазу и закрыл левый. Перед ним предстал Смолод во всем великолепии. Вот, ярус за ярусом, поднимаются дворцы, башни, сады, нависшие над террасами… Кугель мог смотреть еще очень долго, но Фиркс начал выражать беспокойство.

Кугель вернул линзу в сумку и снова повернулся лицом к югу, начиная долгий путь назад, в Альмери.

2. Сил

Заход солнца над северными пустошами — печальное зрелище, медлительное, как кровь, вытекающая из холодеющего тела мертвого животного. Сумерки застали Кугеля на соленом болоте. Темно-красный свет полуденного солнца обманул его: начав движение по низким пустошам, Кугель вначале обнаружил под ногами сырость, потом влажную мягкость, и теперь во все стороны расстилалась грязь, покрытая ряской. Жесткая трава покрывала редкие кочки, по пути попались несколько лиственниц и ив, а, в основном, под ногами были лужи и топи, в которых отражался свинцовый пурпур неба.

На востоке горбились низкие холмы. Именно туда направлялся Кугель, перепрыгивая с кочки на кочку, осторожно проходя по засохшей грязи. Временами он оступался, падал в грязь и гниющие тростники, и тогда угрозы и проклятия Юкоуну, Смеющемуся Магу, слетавшие с его губ, были особенно злобными.

В сумерках, спотыкаясь от усталости, Кугель достиг склонов восточных холмов. Но тут его положение не улучшилось, а, скорее, ухудшилось.

Его приближение заметили разбойники-полулюди. Кугель сперва уловил зловоние, а уже потом звук их шагов. Забыв об усталости, он отскочил и побежал вверх по склону, преследуемый по пятам зловонной шайкой.

На фоне неба поднималась полуразрушенная башня. Кугель вскарабкался по покрытым влажным мхом и плесенью камням и встал в дыре, некогда служившей входной дверью. Он отступил в проем, повернулся лицом к преследователям и извлек свой меч. Внутри стояла тишина, запах пыли и мокрого камня. Кугель без сил опустился на одно колено и на фоне неба увидел три гротескные фигуры, остановившиеся на краю руин.

«Странно, — подумал он. — Очень кстати, хотя в то же время и зловеще. Эти существа, очевидно, боятся башни».

Последние остатки света исчезли, и сумерки сменились ночью. По некоторым признакам Кугель догадался, что башня может быть населена духами. И не ошибся. Около полуночи появился призрак в бледных одеждах и тонкой серебряной короне, с которой свисали двенадцать лунных камней на длинных серебряных стебельках. Кружащимися движениями он подплыл к Кугелю, глядя на него пустыми глазницами. Кугель

похолодел от страха и, неспособный пошевелить и пальцем, прижался к стене с такой силой, что затрещали кости.

Призрак заговорил:

— Разрушь крепость. Пока камень соединен с камнем, я должен оставаться, хотя земля холодеет и погружается во тьму.

— Охотно, — прохрипел Кугель, — если бы не те, снаружи, которые хотят меня убить.

— В задней стене башни есть выход. Используй ум и силу, а потом исполни мое повеление.

— Считай, что крепости уже нет, — горячо ответил Кугель. — Но какие обстоятельства обрекли тебя на столь тягостное бдение?

— Они давно забыты, а я остался. Исполни мое повеление, или я прокляну тебя вечной тоской, подобной моей.

Кугель проснулся в темноте. Тело свело судорогой от холода и твердых камней. Призрак исчез. Сколько же времени он спал? Посмотрев в проем двери, он увидел, что восточный край неба посветлел от приближающегося восхода.

Через некоторое время появилось солнце, и его пылающие лучи осветили заднюю стенку помещения. В ней Кугель обнаружил каменную лестницу, спускающуюся в пыльный проход,

который через пять минут вывел его на поверхность. Он осмотрелся из укрытия и увидел трех разбойников, каждый прятался за грудой камней.

Кугель обнажил меч и с величайшей осторожностью пополз вперед. Он незаметно подобрался к первому спрятавшемуся разбойнику и резко вонзил меч в его шею. Существо широко раскинуло руки, поскребло пальцами по земле и умерло.

Кугель вытер меч об одежду трупа. Неслышными шагами он ловко подкрался сзади ко второму разбойнику. Умирая, тот издал полный муки стон. Третий явился полюбопытствовать, что происходит.

Выпрыгнув из укрытия, Кугель пронзил его насквозь. Разбойник закричал, выхватил свой кинжал и сделал отчаянный выпад, но Кугель отскочил назад и бросил в противника тяжелый камень. Разбойник рухнул и остался лежать с лицом, перекошенным ненавистью.

Кугель осторожно подошел к нему.

— Поскольку ты смотришь в лицо смерти, скажи правду, что тебе известно о скрытых сокровищах.

— Ни о каких сокровищах я не знаю, — ответил разбойник. — А если бы и знал, то тебе сказал бы

последнему, потому что ты убил меня.

— Это не моя вина, — покачал головой Кугель. — Вы преследовали меня, а не я вас. Зачем вы это делали?

— Чтобы есть, чтобы жить, хотя жизнь и смерть одинаково бессмысленны, я их одинаково презираю.

Кугель подумал.

— В таком случае ты не можешь сердиться на меня за то, что я приблизил твой переход от жизни к смерти. И снова встает вопрос о сокровищах. Может, скажешь последнее слово по этому поводу?

— Да, скажу. Сейчас покажу мое единственное сокровище. — Он порылся в сумке и вытащил круглый белый камешек. — Это черепной камень демона, и в настоящий момент он трепещет от наполняющей его силы. Я воспользуюсь этой силой, чтобы проклясть тебя, чтобы призвать к тебе немедленную мучительную смерть от язв.

Кугель торопливо убил разбойника, потом тяжело вздохнул. Ночь принесла одни неприятности.

— Юкоуну, если я выживу, ты расплатишься сполна за все!

Кугель повернулся, чтобы осмотреть крепость.

Некоторые камни упадут от одного прикосновения, другие потребуют значительных усилий. Если начать разрушать форт сейчас, то он вполне может не дожить до конца этой работы. А каково проклятие бандита? Скорая мучительная смерть. Какая злоба! Проклятие короля-призрака не менее угнетающее. Как он сказал: вечная скука?

Кугель задумался, потер подбородок и серьезно кивнул. Громко крикнул:

— Господин призрак, я не могу остаться, чтобы исполнить твою просьбу. Разбойников я убил и теперь ухожу. Прощай, и пусть быстрее проходят века.

Из глубины крепости донесся стон, и Кугель почувствовал прикосновение неизвестной силы.

— Я привожу в действие свое проклятие! — глухо прозвучало у него в сознании.

Кугель быстро шел на юго-восток.

— Великолепно! Все идет просто прекрасно! «Вечная скука» точно уравновешивает «скорую мучительную смерть». Остается язва, но она в виде Фиркса у меня уже есть. Надо пользоваться головой, когда имеешь дело с проклятиями.

Он шел через пустоши, пока крепость не скрылась из вида, и вскоре вновь оказался на берегу моря. Поднявшись на пригорок, он повертел

головой, осматривая берег, и на востоке увидел темный мыс, другой такой же мыс был на западе. Кугель спустился к морю и двинулся на восток. Море, ленивое и серое, посылало вялые волны на гладкий, без единого следа песок.

Впереди Кугель заметил черное пятно, чуть позже превратившееся в престарелого человека, стоявшего на коленях и занятого просеиванием песка через решето. Кугель остановился посмотреть. Старик с достоинством кивнул ему и продолжал свою работу.

Любопытство, наконец, заставило Кугеля заговорить.

— Что это ты ищешь так усердно?

Старик отложил сито и потер руки.

— Где-то на этом берегу отец моего прадеда потерял амулет. Всю жизнь он просеивал песок, надеясь найти утраченное. Его сын, а после него мой дед, потом мой отец и, наконец, я, последний в нашем роду, поступали так же. Мы просеяли весь песок от Сила и до Бенбадж Сталла, остается всего шесть лиг.

— Эти названия мне незнакомы, — сказал Кугель. — Что такое Бенбадж Сталл?

Старик указал на мыс на западе.

— Древний порт, в котором теперь можно уви-

деть только разрушенный волнолом, старый причал и один-два дома. Но некогда барки из Бенбадж Сталла бороздили море до Фалгунто и Мелла.

— Эти места мне тоже неизвестны. А что находится за Бенбадж Сталлом?

— Земля к северу сужается, а солнце низко висит над болотами. Там давно никто Не живет, кроме нескольких отверженных.

Кугель обратил свое внимание на восток.

— А что такое Сил?

— Вся эта земля называется Сил; мои предки лишились права владеть ею, и она перешла дому Домбера. Все величие иссякло; остаются только древний дворец и поселок. За ними темный и опасный лес. До такой степени сократилось наше королевство. — Старик покачал головой и возобновил свое занятие.

Кугель некоторое время смотрел на него, потом, лениво отбрасывая ногой песок, заметил блеск. Наклонившись, он поднял браслет из черного металла, отливающий пурпуром. По окружности браслета располагались тринадцать выступов, похожих на карбункулы; вокруг каждого выступа были выгравированы руны.

— Ха! — воскликнул Кугель, показывая брас-

лет. — Какая красота! Настоящее сокровище!

Старик отложил решето и совок, медленно встал на колени, потом на ноги. Глаза его округлились, он качнулся вперед и протянул руку.

— Ты нашел амулет моих предков, дома Слейя. Дай его мне!

Кугель отступил.

— Ну, ну, твоя просьба неразумна и возмутительна!

— Нет! Нет! Амулет мой; ты не можешь взять его. Ты хочешь уничтожить работу всей моей жизни и жизни четверых, моих предков?

— Почему бы тебе просто не порадоваться, что амулет найден? — раздраженно спросил Кугель. — Тебе больше не нужно рыться в песке. Объясни мне, как действует амулет. От него прямо веет волшебством. Чем он может быть полезен владельцу?

— Владелец — это я, — простонал старик. — Прошу тебя, будь великодушен.

— Ты ставишь меня в неудобное положение, — ответил Кугель. — Я слишком бедный человек, чтобы проявлять щедрость, но не считаю себя жадным. Если бы ты нашел амулет, разве ты бы отдал его мне?

— Нет, он и так мой.

— Тут мы с тобой не согласимся. Представь себе, что твое убеждение неверно. Зрение подтвердит тебе, что амулет у меня в руках, в моей власти, короче, это моя собственность. Поэтому я высоко бы оценил информацию о свойствах этого амулета и способах его применения.

Старик взмахнул руками, пнул в сердцах решето с такой силой, что порвал его, и оно покатилось по берегу к самой воде. Волна подхватила его, и старик сделал невольное движение, чтобы вернуть решето на землю, потом снова отчаянно взмахнул руками и пошел по берегу. Кугель неодобрительно покачал головой и тоже пошел по берегу на восток.

Но тут началась неприятная ссора с Фирксом, который считал, что самый быстрый способ вернуться в Альмери — идти в порт Бенбадж Сталл. Кугель в отчаянии прижал руки к животу.

— Есть только один осуществимый маршрут! По землям, которые лежат к югу и востоку. Что с того, что по океану короче? Кораблей там нет; а просто так мне не переплыть океан.

Фиркс еще несколько раз в сомнении вонзился когтями в печень, но в конце концов позволил Кугелю идти по берегу на восток. Позади, на гребне дюны, неподвижно сидел старик, держа

в руке совок, и смотрел в морскую даль невидящими глазами.

Довольный развитием событий, Кугель шел по берегу. Он долго рассматривал амулет, от которого сильно веяло волшебством. К тому же вещь была необычайно красива. К сожалению, руны, нанесенные с большим искусством и точностью, оставались непонятными Кугелю. Он осторожно надел браслет на руку и при этом случайно нажал один из карбункулов. Откуда-то послышался ужасный стон, в нем звучала страшная боль. Кугель остановился и осмотрел берег. Серое море, бледный песок, выше по берегу какие-то кусты. К западу Бенбадж Сталл, к востоку — Сил, серое небо над головой. Он один. Откуда же донесся стон?

Кугель осторожно коснулся карбункула и снова вызвал тот же отчаянный стон.

Заинтересованный, Кугель нажал другой карбункул, на этот раз послышался отчаянный вопль. Голос другой. Кугель очень удивился. Кто на этом мрачном берегу так легкомысленно его разыгрывает? Он нажимал каждый карбункул по очереди и произвел целый концерт криков во всех диапазонах боли и гнева. Кугель критически осмотрел амулет. Помимо этих стонов и воплей,

браслет не проявлял заметной магической силы, и вскоре Кугелю это занятие наскучило.

Солнце достигло зенита. Кугель утолил голод водорослями, которые стали съедобными после того, как он потер их дощечкой Юкоуну. Во время еды ему послышались чьи-то голоса и беззаботный смех, но звук был такой неясный, что вполне мог сойти за шум волн. Неподалеку в океан выдавалась скалистая коса. Прислушавшись внимательнее, Кугель определил, что голоса доносятся с той стороны. Голоса ясные, какие-то детские, наполненные искренним весельем.

Кугель осторожно прошел по косе и заглянул за скалу. На дальнем ее конце, там, где океан с шумом накатывал темную воду, к камню прикрепились четыре большие раковины. Сейчас они были раскрыты и из них высовывались маленькие руки и головки на обнаженных плечах. Лица были круглые, миловидные, с мягкими щеками, серо-голубыми глазами и пучками светлых волос. Существа опускали пальцы в воду и ткали из нее красивую мягкую ткань. Когда тень Кугеля упала на воду, раковины немедленно захлопнулись.

— Что это? — весело воскликнул Кугель. — Вы всегда закрываетесь при виде незнакомого лица? Значит, вы так боязливы? Или просто нелюди-

мы?

Раковины оставались закрытыми. Темная вода струилась по их рифленой поверхности. Кугель подошел поближе, присел на корточки и наклонил голову.

— А может, вы слишком горды? И закрываетесь в пренебрежении? Или вам неизвестны приличия?

Ответа не последовало. Кугель начал насвистывать мелодию, которую слышал на Азеномайской ярмарке.

Вскоре в самой дальней раковине приоткрылась щелка, и на него уставились светлые глаза. Кугель просвистел еще один-два куплета и снова заговорил:

— Откройте свои раковины! Вас ожидает чужестранец, который хочет расспросить о дороге на Сил и других важных для него вещах.

Еще в одной раковине появилась щель: еще пара глаз рассматривала из своего убежища.

— Может, вы ничего не знаете, — насмехался Кугель. — Ничего, кроме цвета рыбы и мягкости воды.

Дальняя раковина открылась настолько, что стало видно негодующее лицо.

— Мы вовсе не невежи!

— И не ленивы, не презрительны, мы знаем приличия, — подхватило второе существо.

— И не робки! — добавило третье.

Кугель глубокомысленно кивнул.

— Вполне возможно. Но почему вы так быстро спрятались при моем появлении?

— Такова наша природа, — сказало существо из первой раковины. — Многие жители моря рады были бы застать нас врасплох, и с нашей стороны мудро сначала спрятаться, а потом выяснять обстановку.

Теперь раскрылись все четыре раковины, хотя ни одна так же широко, как до появления Кугеля.

— Ну, хорошо, — сказал он, — что вы можете рассказать мне о Силе? Как там принимают чужестранцев? Сердечно приветствуют или изгоняют прочь? Есть ли там гостиницы, или пришельцу придется спать в канаве?

— Такие проблемы за пределами наших знаний, — сказало первое существо. Оно полностью раскрыло раковину и выставило бледные руки и плечи. — Жители Сила, если в море говорят правду, замкнуты и подозрительны даже по отношению к своему правителю. Кстати, правит ими девушка из древнего дома Домбера.

— А вон идет старик Слейя, — сказало другое. — Что-то он сегодня рано возвращается в свою лачугу.

Третье захихикало.

— Слейя стар. Никогда ему не отыскать свой амулет, и поэтому дом Домбера будет править Силом, пока не погаснет солнце.

— О чем вы это? — невинно спросил Кугель. — О каком амулете вы говорите?

— Сколько мы помним, — объяснило одно существо, — старик Слейя всегда просеивал песок, и отец его тоже, и еще раньше другие Слейя копошились на берегу. Они ищут металлический обруч, с его помощью надеются вернуть свою власть.

— Замечательная легенда! — с энтузиазмом воскликнул Кугель. — А какова власть этого амулета, как его приводят в действие?

— Наверно, это знает Слейя, попробуй спросить у него, — с сомнением сказало одно существо.

— Ничего он не расскажет, потому что он мрачен и угрюм, — добавило другое. — Вспомни, как он раздражается каждый раз, когда ничего не находит в решете!

— Но разве никто другой не знает? — с беспокойством спросил Кугель. — Никаких слухов в

море? Никакой древней таблички с надписью?

Существа в раковинах весело рассмеялись.

— Ты спрашиваешь так заинтересованно, будто ты сам Слейя! Мы ничего такого не знаем.

Скрывая разочарование, Кугель задал еще несколько вопросов, но существа оказались слишком простодушными и неспособными долго задерживать свое внимание на одном предмете. Пока Кугель слушал, они успели обсудить океанские течения, оттенки и вкус жемчуга, увертливый характер некоего морского создания, которое они накануне заметили поблизости. Через несколько минут Кугель вновь упомянул Слейя и амулет, но морские существа опять говорили неопределенно. Их разговор был по-детски непоследователен и перескакивал с предмета на предмет. Казалось, они забыли о существовании Кугеля, и окуная пальцы в воду, начали ткать из капель воды бледные нити. Некоторые раковины и моллюски вызвали их осуждение своим бесстыдством. Еще они упомянули большую урну, лежащую на дне океана недалеко от берега.

Наконец Кугелю надоели их разговоры, он встал, и тут же морские существа снова обратили на него внимание.

— Неужели тебе уже пора уходить? Мы как раз

хотели узнать причину твоего появления. Прохожие так редки на Большом Песчаном Берегу, а ты выглядишь как человек, пришедший издалека.

— Верно, — согласился Кугель, — и предстоит идти еще дальше. Посмотрите на солнце: оно склоняется к западу, а я хочу переночевать сегодня в Силе.

Одно из существ подняло руки и показало прекрасную одежду, сотканную из водяных нитей.

— Мы дарим тебе эту одежду. Ты человек чувствительный и нуждаешься в защите от ветра и холода. — Оно бросило накидку Кугелю. Тот осмотрел наряд, удивляясь красоте ткани и ее блеску.

— Благодарю вас, — сказал он. — Ваша щедрость превзошла мои ожидания. — Он завернулся в подаренную накидку, но она тут же вновь превратилась в воду и промочила его насквозь. Четверо существ залились громким озорным смехом, а когда Кугель в гневе шагнул к ним, захлопнули свои раковины.

Кугель со злостью пнул раковину существа, которое дало ему одежду, ушиб ногу, и это еще усилило его ярость. Он схватил большой камень и с силой обрушил на раковину. Когда она треснула, Кугель выхватил из обломков кричащее

существо и забросил его на песок. Оно лежало там, укоризненно глядя на человека; под головой и руками оказались бледные внутренности.

Слабым голосом существо спросило:

— Почему ты так поступил со мной? Из-за шутки ты отобрал у меня жизнь, а другой у меня нет.

— Зато ты больше не будешь шутить, — заявил Кугель. — Смотри, ты насквозь промочил меня.

— Это всего лишь озорство; совсем незначительная шалость, — голос маленького существа слабел с каждой секундой. — Мы, живущие в скалах, плохо владеем волшебством, однако мне дана сила проклятия, и вот что я провозглашаю: да не исполнится твое заветное желание, каким бы оно ни было. Ты лишишься надежды еще до конца дня.

— Еще одно проклятие? — Кугель недовольно покачал головой. — Два проклятия я сегодня уже уничтожил. И теперь еще одно?

— Это проклятие ты не уничтожишь, — прошептало существо. — Это последнее действие в моей жизни.

— Злоба — свойство, достойное всяческого осуждения, — беспокойно заметил Кугель. — Я сомневаюсь в эффективности твоего проклятия. Но все же, если ты откажешься от ненависти, я

буду лучше о тебе думать.

Но морское существо молчало. Вскоре оно превратилось в слизь, которую быстро поглотил песок.

Кугель пустился в путь вдоль берега моря, размышляя, как предотвратить последствия проклятия странного существа.

— В борьбе с проклятиями нужно пользоваться головой, — вторично за короткое время напомнил себе Кугель. — Разве зря меня прозвали Кугель Хитрец? — Но никакая уловка в голову не приходила, и он продолжал идти дальше, всесторонне обдумывая возможные последствия.

Мыс на востоке приближался, и теперь можно было различить детали. Кугель увидел, что мыс покрыт темными высокими деревьями, сквозь которые там и тут просвечивают белые стены зданий. Снова показался Слейя, бегающий взад и вперед по берегу, как будто окончательно лишился разума. Подбежав к Кугелю, он упал на колени.

— Амулет, прошу тебя! Он принадлежит дому Слейя; он предоставляет нам правление Силом! Отдай его мне, и я выполню твое заветное желание!

Кугель застыл на месте. Какой парадокс! Если

он отдаст амулет, Слейя, несомненно, обманет его или во всяком случае не сможет выполнить обещанное — учитывая силу проклятия. С другой стороны, если Кугель не отдаст амулет, он лишится своего заветного желания — опять-таки учитывая силу проклятия, — но зато амулет останется у него.

Слейя истолковал его колебания как знак слабости.

— Я сделаю тебя грандом королевства! — пылко воскликнул он. — Я подарю тебе корабль из слоновой кости, и двести прекраснейших девушек будут исполнять твои желания; твоих врагов я помещу во вращающийся котел — только отдай мне амулет!

— Амулет обладает такой властью? — удивился Кугель. — Он может все это сделать?

— Да! Да! — вскричал Слейя. — Если умеешь читать его руны!

— Хорошо, — сказал Кугель, — как же их прочесть?

Слейя со скорбной обидой смотрел на него.

— Этого я не могу сказать; мне нужен амулет.

Кугель презрительно махнул рукой.

— Раз ты отказываешься удовлетворить мое любопытство, я, в свою очередь, отвергаю твои

высокомерные домогательства!

Слейя повернулся в сторону мыса, где сквозь деревья виднелись белые дома.

— Я все понял. Ты сам хочешь править Силом!

«Существуют и менее желательные перспективы», — подумал Кугель, и Фиркс, разделяя его мнение, сделал несколько предупредительных движений. Кугель с сожалением отказался от своих планов; тем не менее у него появилась возможность уничтожить проклятие морского существа.

— Если я должен быть лишен заветного желания, — подумал Кугель, — было бы мудро с моей стороны направить свои надежды, хотя бы на день, на новую цель. Поэтому я буду стремиться править Силом. Отныне это мое заветное желание. — И, чтобы не вызывать недовольства Фиркса, вслух добавил: — Я намерен использовать амулет для осуществления очень важных целей. Но среди них вполне может быть и власть над Силом, которую мне дает мой амулет.

Слейя хрипло сардонически рассмеялся.

— Вначале убеди Дерву Корему в твоей власти. Она из мрачного и жестокого рода Домбер. По виду она почти девочка, а по характеру, скорее, лесной демон. Берегись нынешней правительни-

цы Сила: она прикажет выбросить тебя вместе с моим амулетом в морские глубины!

— Если ты опасаешься такого исхода, — грубо сказал Кугель, — расскажи, как действует амулет, и я предотвращу это несчастье.

Но Слейя упрямо покачал головой.

— Недостатки Дервы Коремы хорошо известны; к чему менять их на какого-то неизвестного разбойника?

За свою откровенность Слейя получил оплеуху, от которой, шатаясь, отлетел назад и упал. Кугель продолжил путь по берегу. Низко висящее над морем солнце заставляло поторапливаться, и он пошел быстрее, стремясь до темноты найти убежище.

Наконец он добрался до конца песчаной полосы. Мыс возвышался над ним, а темные высокие деревья устремлялись еще дальше в небо. Сквозь густую листву проглядывала балюстрада, окружающая сады; чуть ниже на юг, прямо над океаном, вырастала ротонда с колоннами. «В самом деле, величественно!» — подумал Кугель и с новым интересом осмотрел амулет. Его временное заветное желание — власть над Силом — теряло условность. Кугель подумал, не избрать ли ему новое: прекрасное знание скотоводства, например, или

способность превзойти любого акробата… Но он неохотно отказался от этого плана. К тому же сила проклятия морского существа пока еще никак себя не проявляла, хотя день уже заканчивался.

Тропа покинула песчаный берег и начала извиваться среди душистых кустов и пахучих декоративных цветов: дафнии, гелиотропа, черной айвы, олеандра. На клумбах поднимались длинные стебли звездных капель, тенистой вербены и ярких, как экзотические цветы, мухоморов. Оставшаяся позади песчаная полоса берега превратилась в ленту, растворяющуюся в темно-бордовом закате. На противоположной стороне косы мыс Бенбадж Сталл исчез в дымке заката. Тропа перестала подниматься, пересекла густую рощу лавровых деревьев и привела Кугеля к овальной площадке, заросшей травой. Похоже, тут некогда был плац для парадов или учений.

Слева площадку ограничивала высокая каменная стена с большими церемониальными воротами, над которыми виднелся древний герб. От ворот отходила длинная, не меньше чем в милю, дорожка для прогулок, ведущая к дворцу — богато украшенному многоярусному зданию с бронзовой крышей. Весь фасад окружала терраса. Прогулочная аллея и терраса соединялись между

собой пролетом широких каменных ступеней. Солнце к этому времени уже зашло, и на землю опускались сумерки. Не зная, где искать убежище, Кугель двинулся к дворцу.

Аллея некогда отличалась монументальной элегантностью, но теперь она находилась в запущенном состоянии, и сумерки наделяли ее меланхолической красотой. Справа и слева расстилался когда-то тщательно разбитый роскошный сад, теперь неухоженный и заросший. С двух сторон аллеи стояли каменные урны, украшенные сердоликом и гагатом, а по центру шел ряд пьедесталов выше человеческого роста. На каждом пьедестале возвышался бюст, а под ним руны, похожие на те, что Кугель видел на амулете. Пьедесталы располагались на расстоянии пяти шагов друг от друга и тянулись на целую милю, до самого дворца. Первые, вероятно, наиболее ранние бюсты долго подвергались воздействию ветра и воды, лица их были почти неразличимы; но чем ближе Кугель подходил к дворцу, тем отчетливее становились детали лиц. Постамент за постаментом, бюст за бюстом, каждое лицо несколько мгновений смотрело на пришельца. Последний в ряду бюст, почти не различимый в угаснувшем свете, изображал молодую женщину.

Кугель замер: это лицо принадлежало девушке из ходячей лодки, которую он встретил на северных землях. Дерва Корема, из рода Домбера, нынешняя правительница Сила.

Одолеваемый дурными предчувствиями, Кугель остановился, рассматривая массивный портал. Он расстался с Дервой Коремой вовсе не дружелюбно; напротив, она могла затаить злобу. С другой стороны, во время их встречи она сама пригласила его к себе во дворец и говорила с большой теплотой; может, злоба рассеялась, а теплота осталась. И Кугель, вспомнив ее исключительную красоту, нашел перспективу второй встречи очень привлекательной.

Но что, если она все еще обижена на него? На нее должен произвести большое впечатление амулет, если она, конечно, не станет расспрашивать Кугеля о его свойствах. Если бы он только мог прочесть руны, все было бы просто. Но так как Слейя не пожелал поделиться этим знанием, придется поискать ответ на загадку в другом месте, в частности, в этом дворце.

Кугель остановился перед пролетом широкой лестницы, ведущей к террасе, Мраморные ступени потрескались, балюстрада заросла мхом и лишайником — упадок и запустение, которому

полумрак придавал печальное величие. Стоящий поодаль дворец отсюда не казался разбитым, хотя с такого расстояния и в полумраке ничего нельзя было утверждать наверняка. С террасы поднималась очень высокая аркада с тонкими ребристыми колоннами и искусно вырезанным антаблементом, рисунок которого в темноте Кугель не смог разобрать. За аркадой виднелись тускло освещенные стрельчатые окна и большая дверь.

Обуреваемый вновь нахлынувшими сомнениями, Кугель медленно поднимался по ступеням. Дерва Корема может просто посмеяться над его претензиями и потребует показать могущество талисмана. Что тогда? Стонов и жалобных криков может оказаться недостаточно. Кугель задумчиво поднялся на террасу. По мере подъема его оптимизм все убывал, и к тому времени, когда он остановился под аркадой, в голову пришла мысль: «Может, все же разумнее поискать убежище где-нибудь в другом месте?» Но, оглянувшись через плечо, он увидел высокую темную фигуру среди пьедесталов. Кугель отказался от мысли искать другое убежище и быстро подошел к высокой двери: если он представится достаточно скромно, может вообще не увидеться с Дервой

Коремой. За спиной на ступенях послышались вкрадчивые шаги. Кугель заколотил в дверь. Звук гулко отдавался внутри дворца.

Проходили минуты; Кугелю казалось, что шаги сзади приближаются. Он снова постучал, и снова звуки отдались внутри. Открылось окошечко, и чей-то глаз стал внимательно, не торопясь его разглядывать. Наконец глаз исчез, появился рот.

— Кто ты? — заговорил он. — Что тебе нужно? — Рот снова исчез, появилось ухо.

— Я путник, ищу убежища на ночь; и как можно быстрее, потому что сюда приближается какое-то страшное создание.

Снова появился глаз, тщательно осмотрел террасу и вернулся к Кугелю.

— Есть ли у тебя какое-нибудь удостоверение?

— Нет. — Кугель оглянулся через плечо. — Я предпочел бы обсудить этот вопрос внутри, потому что существо поднимается по лестнице.

Окошко захлопнулось. Кугель смотрел на немую дверь. Он снова заколотил, оглядываясь на темноту. Со скрипом дверь отворилась. Маленький коренастый человек в пурпурной ливрее поманил его.

— Входи, и побыстрее.

Кугель торопливо проскользнул в дверь, ко-

торую слуга тут же захлопнул и закрыл на три железных засова. Не успел он этого сделать, как дверь затрещала от тяжелого удара.

Слуга ударил по двери кулаком.

— Я опять утер нос этому существу, — с удовлетворением сказал он. — Промедли я чуть-чуть, и оно бы тебя схватило, к моему и к твоему тоже неудовольствию. В последнее время мое главное развлечение — лишать это чудовище удовольствия.

— Да. — Кугель перевел дыхание. — А что это такое?

Слуга развел руками.

— Ничего определенного неизвестно. Оно появилось недавно и прячется в темноте между статуями. Ведет себя как вампир, отличается необыкновенной похотью. Несколько моих товарищей могли сами в этом убедиться, и теперь все они мертвы из-за его гнусных действий. Ну а я дразню его, чтобы развлечься. — Слуга отступил, внимательно осмотрел Кугеля. — Ну, а ты? Твои манеры, наклон головы, то, что ты все время смотришь из стороны в стороны, — все это обозначает безрассудность и непредсказуемость. Надеюсь, ты будешь сдерживать эти свойства, если они у тебя действительно есть.

— В данный момент, — ответил Кугель, — мои желания просты: комната, кровать, и что-нибудь на ужин. Если я это получу, то ты убедишься — я сама воплощенная благовоспитанность. Более того, я готов помочь тебе в твоих удовольствиях; мы придумаем немало уловок, чтобы испортить жизнь этому вурдалаку.

Слуга поклонился.

— Твои потребности будут удовлетворены. Поскольку ты идешь издалека, наша правительница захочет поговорить с тобой, и, может, то, что ты получишь, намного превзойдет твои скромные запросы.

Кугель поспешил торопливо отказаться от подобной чести.

— Я простой человек; одежда моя грязна, я давно не мылся, и от меня дурно пахнет; говорить могу только о пустых вещах. Лучше не беспокоить правительницу Сила.

— Ну, эти недостатки мы исправим, — возразил слуга. — Следуй за мной.

Он провел его по коридорам, освещенным факелами, в какие-то покои.

— Здесь ты можешь умыться; я почищу твою верхнюю одежду и найду тебе свежее платье.

Кугель неохотно расстался со своей одеждой.

Однако вымылся он с удовольствием. Затем позаботился о своем внешнем виде: подрезал мягкие черные волосы, подстриг бороду, смазал тело ароматным маслом. Слуга принес чистую одежду, и освеженный Кугель переоделся. Натягивая одежду, он случайно нажал один из карбункулов на амулете. Из-под пола донесся болезненный стон.

Слуга в ужасе отскочил и тут увидел амулет. Рот его раскрылся в изумлении, поведение стало подобострастным.

— Мой дорогой сэр, если бы я знал вашу истинную сущность, то сразу отвел бы в подобающие вам апартаменты и принес лучшую одежду.

— Я не жалуюсь, — ответил Кугель, — хотя, конечно, одежда старовата. — Он жизнерадостно коснулся карбункула. В ответ на послышавшийся вопль коленки слуги задрожали.

— Молю о прощении, — запинаясь, произнес он.

— Больше ничего не говори, — сказал Кугель. — Вообще-то я хотел посетить дворец инкогнито, так сказать, чтобы без помех познакомиться с состоянием дел.

— Это благоразумно, — согласился слуга. — Вы, несомненно, уволите с должности дворецкого Сармана и повара Бильбаба, когда вам станут

известны их прегрешения. Что же касается меня, то если ваша светлость вернет Силу его древнее великолепие, может, найдется место и для Йодо, самого верного и добросовестного вашего слуги.

Кугель сделал великодушный жест.

— Если это произойдет — а таково мое заветное желание, — ты не будешь забыт. А пока я хотел бы незаметно оставаться в этих помещениях. Принеси мне соответствующий ужин и достаточное количество вина.

Йодо низко поклонился.

— Как пожелает ваша светлость. — И ушел.

Кугель развалился на самом удобном диване из тех, что стояли в комнате, и принялся изучать амулет, вызвавший такую преданность Йодо. Руны, как и раньше, оставались совершенно непонятны, карбункулы производили только стоны — это могло развлечь, но не имело никакой практической ценности. Кугель использовал все призывы, побуждения, приказания, какие смог извлечь из своего поверхностного знания магии. Но все напрасно.

Вернулся Йодо, однако без обещанного ужина.

— Ваша светлость, — начал он, — имею честь передать вам приглашение Дервы Коремы, прежней правительницы Сила, посетить ее вечерний

банкет.

— Но как это стало возможно? — надменно спросил Кугель. — Она не должна была знать о моем появлении. Помнится, я на этом особо настаивал.

Йодо поклонился еще ниже.

— Естественно, я повиновался, ваша светлость. Хитрости Дервы Коремы превосходят мое понимание. Она каким-то образом узнала о вашем присутствии и передала приглашение, которое вы слышали.

— Ну, ладно, — мрачно вымолвил Кугель. — Будь добр, проводи меня. Ты рассказал ей о моем амулете?

— Дерва Корема все знает, — двусмысленно ответил Йодо. — Пожалуйте сюда, ваша светлость.

Он провел Кугеля по старинным коридорам и сквозь высокую узкую арку ввел в большой зал. По обе стороны помещения стояли ряды тяжеловооруженных воинов в латах и костяных шлемах. Кугель прикинул, что всего их было около сорока, но только шесть доспехов были заняты живыми людьми, а остальные пустые латы держались в вертикальном положении благодаря подпоркам. Прокопченные балки потолка поддерживались атлантами с неестественно вытянутыми телами

и карикатурно искаженными лицами. Весь пол покрывал богатый ковер в зеленых концентрических кругах на черном фоне.

В конце зала за круглым столом сидела Дерва Корема. Стол был так велик, что за ним она казалась маленькой девочкой — девочкой удивительной меланхоличной красоты. Кугель уверенно подошел, остановился и коротко поклонился. Дерва Корема с мрачной покорностью осмотрела его, глаза ее задержались на амулете. Она глубоко вздохнула.

— К кому я имею честь обращаться?

— Мое имя не имеет значения, — ответил Кугель. — Можете называть меня Благородным.

Дерва Корема равнодушно пожала плечами.

— Как хотите. Мне знакомо ваше лицо. Вы напоминаете бродягу, которого я недавно приказала выпороть.

— Я и есть этот бродяга, — сказал Кугель. — Должен сказать, что ваше обращение вызвало у меня негодование, и теперь я намерен требовать объяснений. — И он коснулся карбункула, вызвав такой отчаянный и искренний стон, что вся посуда на столе задрожала.

Дерва Корема мигнула, рот ее провис.

— Похоже, я поступила необдуманно. Я не

смогла разглядеть ваше истинное достоинство и сочла вас всего лишь дурно воспитанным повесой, каковым вы выглядите.

Кугель шагнул вперед, взял ее за изящный маленький подбородок и повернул к себе прекрасное лицо.

— Но вы пригласили меня навестить ваш дворец. Это вы помните?

Дерва Корема неохотно кивнула.

— Ну вот, — сказал Кугель, — я и пришел.

Дерва Корема улыбнулась и на короткий миг снова стала обаятельной.

— И вот вы, мошенник, плут, бродяга и кто там еще, владеете амулетом, благодаря которому род Слейя двести поколений правил Силом. Вы принадлежите к этому роду?

— В должное время вы меня хорошо узнаете, — сказал Кугель. — Я великодушный человек, хотя и обладаю некоторыми странностями, и если бы не некий Фиркс… Но как бы то ни было, я голоден и приглашаю вас разделить со мной ужин, который приказал подать верному Подо. Будьте добры, передвиньтесь на одно-два места, чтобы я мог сесть.

Дерва Корема заколебалась. При виде этого Кугель многозначительно поднес руку к амулету.

Девушка живо подвинулась. Кугель сел во главе стола на оставленное ею место и постучал по столу.

— Йодо! Где Йодо?

— Я здесь, Благородный!

— Начинаем ужин: пусть будет все самое лучшее, что есть во дворце!

Йодо, поклонившись, заторопился прочь, и вскоре появилась целая вереница слуг с подносами и кувшинами, стол ломился от изобилия, какого Кугель никак не ожидал увидеть.

Он достал дощечку, которую дал ему Юкоуну, Смеющийся Маг: она не только всякое органическое вещество делала питательным, но и, начинала звенеть в присутствии яда. Первые несколько блюд оказались безвредными, и Кугель принялся есть с большим аппетитом. Старые вина Сила также не были отравлены, и Кугель пил вволю из кубка черного стекла, раскрашенного киноварью и слоновой костью, выложенного бирюзой и перламутром.

Дерва Корема почти не ела; время от времени она пригубляла вино, задумчиво поглядывая на Кугеля. Были принесены новые деликатесы. Дерва Корема наклонилась вперед.

— Вы хотите править Силом?

— Таково мое заветное желание! — с жаром заявил Кугель.

Дерва Корема придвинулась к нему.

— Возьмете меня в супруги? Соглашайтесь: будете более чем довольны.

— Посмотрим, посмотрим, — ответил Кугель. — Сегодня это сегодня, а завтра будет завтра. Можно не сомневаться, что многое переменится за ночь.

Дерва Корема слегка улыбнулась и кивнула Йодо.

— Принеси самое выдержанное наше вино — мы выпьем за здоровье нового правителя Сила.

Йодо с поклоном принес запыленную бутылку, всю в паутине, и осторожно разлил вино по хрустальным кубкам. Кугель поднял кубок: предупреждающе зазвенела дощечка. Кугель резко поставил кубок и смотрел, как Дерва Корема подносит к губам свой. Он взял у нее кубок, дощечка снова зазвенела. Яд в обоих? Странно. Может, она не собиралась пить. А может, уже приняла противоядие.

Кугель сделал знак Йодо.

— Еще один кубок, пожалуйста… и бутылку. — Кугель налил треть кубка, дощечка снова зазвенела. — Хоть я и недолго знаю этого верного слугу, назначаю его мажордомом дворца!

— Благородный, — запинаясь, начал Йодо, — какая великая честь!

— Выпей старого вина, чтобы отпраздновать это назначение!

Йодо низко поклонился.

— С величайшей благодарностью, Благородный. — Он поднял кубок и выпил. Дерва Корема смотрела равнодушно. Йодо поставил кубок, нахмурился, конвульсивно дернулся, посмотрел на Кугеля, упал на ковер, подергался и затих.

Кугель внимательно смотрел на Дерву Корему. Она казалась такой же удивленной, как и Йодо. Посмотрела на него.

— Зачем вы отравили Йодо?

— Это дело ваших рук, — возразил Кугель. — Разве не вы приказали отравить вино?

— Нет.

— Надо говорить «Нет, Благородный».

— Нет, Благородный.

— Если не вы, то кто?

— Я в затруднении. Вероятно, яд предназначался мне.

— Или нам обоим. — Кугель сделал знак одному из лакеев. — Уберите труп Йодо.

Лакей подозвал двух младших слуг, закутанных в плащи с капюшонами, они унесли несчастного

мажордома.

Кугель взял хрустальный кубок и уставился на янтарную жидкость, но не стал сообщать своих мыслей. Дерва Корема откинулась в кресле и долго рассматривала его. Потом она заговорила:

— Я в недоумении, — сказала она, наконец. — Вы не вписываетесь в мой опыт и понимание. Не могу определить цвет вашей души.

Кугель был очарован причудливым построением этой фразы.

— Значит, вы видите цвет души?

— Да. Одна Магья при рождении наделила меня этим даром, она же подарила шагающую лодку. Она умерла, и я одинока, у меня нет больше друга, который думал бы обо мне с любовью. Признаться, правление Силом доставляло мне мало радости. И вот передо мной вы, и душа ваша светится многими цветами. Ни у одного человека я не видела такого!

Кугель воздержался от упоминания о Фирксе, чьи духовные выделения, смешиваясь с выделениями самого Кугеля, несомненно, и вызвали пестроту, которую заметила Дерва Корема.

— У этого есть причина, — заметил Кугель, — она откроется в должное время, во всяком случае, я надеюсь на это. А до того времени считайте мою

душу сияющей самыми чистыми лучами.

— Я постараюсь не забыть об этом, Благородный.

Кугель нахмурился. В ответе Дервы Коремы, в наклоне ее головы он увидел еле скрываемое высокомерие и недопустимую дерзость. Однако у него будет достаточно времени заняться этим после того, как он узнает способности амулета — вот самое срочное дело. Кугель откинулся на подушки и заговорил, как праздно рассуждающий человек:

— Повсюду на умирающей земле встречаются необыкновенные происшествия. Недавно в доме Юкоуну, Смеющегося Мага, я видел большую книгу, в ней содержится перечень всех заклинаний и все стили волшебных рун. Может, в вашей библиотеке есть такая книга?

— Весьма вероятно, — ответила Дерва Корема. Гарт Хакет Слейя Шестнадцатый был усердным исследователем и оставил многотомный трактат на эту тему.

Кугель хлопнул в ладоши.

— Я хочу видеть это собрание немедленно!

Дерва Корема удивленно посмотрела на него.

— Неужели вы такой библиофил? Жаль, потому что Рубель Зафф Восьмой приказал эти книги

потопить в заливе Хоризон.

Кугель скривил лицо.

— Ничего не сохранилось?

— Наверно, сохранилось. — ответила Дерва Корема. — Библиотека занимает все северное крыло дворца. Но не лучше ли заняться поисками завтра? — И, потянувшись, стала принимать одну соблазнительную позу за другой.

Кугель отпил из своего черного кубка.

— Да, особой спешки нет. А теперь… — Его прервала женщина средних лет в просторном коричневом платье, должно быть, одна из служанок, в этот момент она ворвалась в зал. Она истерически кричала, и несколько слуг бросились поддержать ее. Между истерическими всхлипами она рассказала о причине своего горя: призрак только что совершил ужасное надругательство над ее дочерью.

Дерва Корема грациозно указала на Кугеля.

— Вот новый правитель Сила. Он владеет волшебством и прикажет уничтожить злого духа. Не правда ли, Благородный?

Кугель — задумчиво потер подбородок. Действительно, это Дилемма. Служанка и все остальные слуги опустились на колени.

— Благородный, если вы обладаете волшеб-

ством, используйте его, чтобы уничтожить призрак!

Кугель мигнул, повернул голову и встретился с задумчивым взглядом Дервы Коремы. Он вскочил на ноги.

— Зачем нужно волшебство, если у меня есть меч? Я разрублю это создание на куски! — Он сделал знак шести воинам, стоявшим рядом в своих медных латах. — Идемте! Принесите факелы! Мы идем уничтожать вурдалака!

Воины повиновались без особого энтузиазма. Кугель собрал их вместе и погнал к выходу.

— Когда я распахну дверь, выбегайте вперед и ослепите это существо сиянием факелов. Держите мечи наготове, чтобы вы смогли добить чудовище, когда я швырну его вам.

Воины, каждый с факелом и обнаженным мечом, встали у выхода. Кугель отодвинул запоры и распахнул дверь.

— Наружу! Осветите чудовище в последний день его существования!

Воины отчаянно бросились вперед, Кугель осторожно двинулся за ними, размахивая своим мечом. Воины остановились в начале лестницы и неуверенно смотрели туда, откуда доносились ужасные звуки.

Кугель через плечо бросил взгляд на Дерву Корему, которая внимательно следила за ним.

— Вперед! — закричал он. — Окружите это жалкое создание, его ожидает смерть!

Воины неохотно начали спускаться, Кугель шел в тылу.

— Рубите его! — кричал он. — Вас всех ждет слава! Того, кто побоится нанести удар, я сожгу своим волшебством!

Дрожащий свет факелов падал на пьедесталы, смешивался с темнотой.

— Вперед! — кричал Кугель. — Где этот зверь? Почему он не приходит получить заслуженное? — И он напряженно всматривался в дрожащие тени, надеясь, что призрак испугался и убежал.

Сбоку послышался негромкий звук. Повернувшись, Кугель увидел неподвижную высокую бледную фигуру. Воины немедленно устремились вверх по широкой лестнице.

— Убей чудовище волшебством, Благородный! — закричал сержант. — Лучше всего самый быстрый способ!

Призрак двинулся вперед, Кугель — назад. Призрак быстрее, Кугель спрятался за пьедестал. Призрак вытянул руки, Кугель ударил мечом, отскочил за другой пьедестал и понесся к терра-

се. Дверь уже закрывалась, Кугель протиснулся в щель. Потом сам захлопнул дверь и закрыл засовы. Чудовище навалилось на дверь, болты заскрипели.

Кугель повернулся и встретился с оценивающим взглядом Дервы Коремы.

— Что случилось? — спросила она. — Почему вы не убили чудовище?

— Солдаты с факелами удрали, — ответил Кугель. — Мне не было видно, куда ударить.

— Странно, — сказала Дерва Корема. — А мне показалось, что для такого незначительного случая освещение вполне достаточное. А почему вы не воспользовались властью амулета, чтобы разорвать злого духа на части?

— Такая простая и быстрая смерть не годится, — с достоинством ответил Кугель. — Я должен подумать и решить, какое наказание выбрать чудовищу за его преступления.

— Да, — сказала Дерва Корема, — да.

Кугель вернулся в большой зал.

— Вернемся к ужину. Давайте еще вина! Все должны выпить за вступление на трон нового правителя Сила!

Шелковым голосом Дерва Корема сказала:

— Пожалуйста, Благородный, удовлетворите-

мое любопытство, покажите силу амулета.

— Конечно! — И Кугель коснулся нескольких карбункулов, вызвав серию воплей и ужасных стонов.

— А еще что-нибудь можете сделать? — спросила Дерва Корема, улыбаясь улыбкой шаловливой девочки.

— Несомненно, если захочу. Но довольно! Пусть все выпьют!

Дерва Корема подозвала сержанта.

— Возьми меч и отруби этому дураку руку; амулет принеси мне.

— С удовольствием, благородная леди. — Сержант приблизился с обнаженным лезвием.

Кугель закричал:

— Остановись! Еще один шаг, и волшебство повернет все твои кости под прямым углом!

Сержант посмотрел на Дерву Корему, та рассмеялась.

— Делай, что я говорю, или опасайся моего гнева!

Сержант мигнул и снова двинулся вперед. Но тут к Кугелю бросился младший слуга, и под его капюшоном Кугель узнал морщинистое лицо старого Слейя.

— Я тебя спасу. Покажи мне амулет!

Кугель позволил старику коснуться амулета. Тот нажал один из карбункулов и что-то произнес резким возбужденным голосом. Что-то замигало, и в конце зала появилась огромная черная фигура.

— Кто мучит меня? — простонала она. — Кто прекратит мои муки?

— Я! — воскликнул Слейя. — Убей всех, кроме меня.

— Нет! — закричал Кугель. — Я хозяин амулета. Ты должен мне повиноваться! Убей всех, кроме меня!

Дерва Корема схватила Кугеля за руку, пытаясь рассмотреть амулет.

— Он не будет повиноваться, если не назовешь его по имени! Мы все погибли!

— Как его имя? — кричал Кугель. — Скажи мне!

— Отступите! — провозгласил Слейя. — Я решил…

Кугель ударил его и спрятался за стол. Демон приближался, останавливаясь, чтобы схватить воинов и швырнуть их о стены. Дерва Корема подбежала к Кугелю.

— Дай мне взглянуть на амулет, ты о нем вообще ничего не знаешь? Я прикажу демону!

— Сделай милость! — сказал Кугель. — Разве я зря прозываюсь Кугель Умник? Покажи мне, какой карбункул, назови имя!

Дерва Корема склонила голову, читая руны, протянула руку, чтобы нажать на карбункул, но Кугель отбросил ее руку.

— Имя! Или мы все умрем!

— Ванил! Нажми и позови Ванила!

Кугель нажал карбункул.

— Ванил! Прекрати этот спор!

Черный демон не обратил внимания. Но снова раздался громкий шум и появился второй демон. Дерва Корема в ужасе закричала.

— Это не Ванил; покажи мне снова амулет!

Но времени на это уже не было; черный демон стоял совсем близко.

— Ванил! — кричал Кугель. — Уничтожь черное чудовище!

Ванил оказался низким, широкоплечим, с зеленого цвета кожей, с глазами, сверкающими алым. Он бросился на первого демона, и от ужасных ударов заложило уши, глаза не в силах были уследить за страшной схваткой. Стены дрожали от могучих ударов. Стол раскололся от пинка мощной ноги. Кугель пополз за Дервой Коремой, которая отлетела в угол и почти без сознания

прислонилась к стене. Кугель показал ей амулет.

— Читай руны! Называй имена; я все буду пробовать по очереди! Быстрей, если хочешь спасти наши жизни!

Но Дерва Корема лишь неслышно шевелила губами. За ее спиной черный демон оседлал Ванила и методично вырывал когтями куски его плоти и отбрасывал в сторону, а Ванил ревел, рычал, поворачивал туда и сюда голову, щелкая зубами, ударяя большими зелеными лапами. Черный демон просунул руки еще глубже, ухватился за что-то важное, и Ванил превратился в сверкающую зеленую слизь из множества частичек, все они впитались в камень.

Над Кугелем, улыбаясь, стоял Слейя.

— Хочешь спасти жизнь? Отдавай амулет, и я тебя пощажу. Задержишься на мгновение, и ты мертв.

Кугель снял амулет, но был не в состоянии отдать его. С неожиданной хитростью он сказал:

— Я могу отдать амулет демону.

— Тогда мы все умрем. Для меня это не имеет значения. Давай. Я тебе бросаю вызов. Если хочешь жить — отдай амулет.

Кугель взглянул на Дерву Корему.

— А она?

— Вы оба будете изгнаны. Амулет: демон уже рядом.

Черный демон возвышался над ними; Кугель торопливо протянул амулет Слейя, который резко крикнул и коснулся карбункула. Демон застонал, уменьшился и исчез.

Слейя отступил, торжествующе улыбаясь.

— А теперь убирайся вместе с девушкой. Я держу свое слово, но не больше. Свои жалкие жизни вы сохранили. Прочь!

— Позволь одно желание! — просил Кугель. — Перенеси нас в Альмери, в долину Кзана, чтобы я мог избавиться от рака по имени Фиркс!

— Нет! — резко ответил Слейя. — Я отказываю тебе в твоем заветном желании. Уходи немедленно.

Кугель поднял Дерву Корему. Все еще ошеломленная девушка не отрывала взгляда от полуразрушенного зала. Кугель повернулся к Слейю.

— На аллее нас поджидает призрак.

Слейя кивнул.

— Очень возможно. Завтра я накажу его. А сегодня я должен призвать из нижнего мира ремесленников, чтобы отремонтировать зал и восстановить славу Сила. Вон! Ты думаешь, мне

интересно, что с вами сделает призрак? — Лицо его покраснело, рука легла на карбункулы амулета. — Вон немедленно!

Кугель знал, когда нужно прекратить спор. Он взял Дерву Корему за руку и повел ее к выходу. Слейя стоял в центре зала, широко расставив ноги, опустив плечи и наклонив голову, как бык перед атакой. Он подозрительно следил за каждым движением Кугеля. Тот открыл засовы, распахнул дверь и вышел на террасу.

На аллее стояла тишина. Кугель помог Дерве Кореме спуститься по лестнице и отвел в сторону к буйно разросшимся кустам старого сада. Здесь он остановился и прислушался. Из дворца доносились звуки бурной деятельности; что-то скрипело, падало, слышались крики, мелькали разноцветные огни. По центру аллеи приближалась высокая белая фигура, передвигаясь от тени одного пьедестала к тени другого. Вот она остановилась, чтобы в изумлении прислушиваться к звукам и посмотреть на мелькающие огоньки. Пока вурдалак занимался созерцанием дворца, Кугель незаметно провел Дерву Корему между темными кустами в ночь.

3. Горы Магнатца

Вскоре после восхода солнца Кугель и Дерва Корема выбрались из старого коровника, в котором, съежившись и дрожа от ночной прохлады, пытались уснуть. Утро было холодное, воздух — пронизывающим, а солнце, прятавшееся за густым туманом, цвета вина, не давало тепла. Кугель размахивал руками, расхаживал, приплясывая на месте, а Дерва Корема с осунувшимся за ночь лицом неподвижно стояла возле коровника.

Вскоре Кугеля начало раздражать ее отрешенное поведение, в котором он чувствовал едва скрываемое пренебрежение к себе.

— Принеси дров, — коротко приказал он ей. — Я разожгу огонь, и мы позавтракаем с удобствами.

Не говоря ни слова, бывшая принцесса Сила отправилась собирать хворост. Кугель повернулся, осматривая едва различимое пространство на востоке и автоматически проклиная Юкоуну, Смеющегося Мага, чья злоба и мстительность забросили его так далеко на север.

Дерва Корема вернулась с охапкой веток. Кугель одобрительно кивнул. Некоторое время

после изгнания она вела себя с неуместным высокомерием, которое Кугель спокойно терпел, усмехаясь про себя. Их первая ночь оказалась полной событий и испытаний. После нее поведение Дервы Коремы несколько изменилось. Ее изящное с тонкими чертами лицо утратило меланхолию и задумчивое выражение, теперь высокомерие приняло другой характер, молоко превратилось в сыр, и она по-новому, более обостренно воспринимала реальность.

Огонь весело трещал. Они плотно позавтракали корнями колокольчика-рапунцеля и черными мясистыми сочными орехами. За завтраком Кугель задавал вопросы о землях, расположенных к востоку и югу. Дерва Корема смогла предоставить очень немного информации, и ее сведения не внушали оптимизма.

— Говорят, этот лес бесконечен. Я слышала разные его названия: Большой Эрм, Великий Эрм, Восточный лес, Лиг Тиг. На юге ты видишь горы Магнатца, о которых рассказывают страшные вещи.

— Какие именно? — спросил Кугель. — Это очень важно: нам придется пересечь эти горы на пути в Альмери.

Дерва Корема покачала головой.

— Я слышала лишь намеки, да и на них не обращала внимания, потому что не думала когда-нибудь оказаться там.

— Я тоже не собирался в это путешествие, — проворчал Кугель. — Если бы не Юкоуну, я был бы сейчас совсем в другом месте.

Искра интереса осветила безжизненное лицо бывшей принцессы.

— А кто такой Юкоуну?

— Мерзкий Маг из Альмери. Вместо головы у него вареная тыква, и он постоянно щеголяет безмозглой улыбкой во весь рот. Он отвратителен во всех отношениях, а злобен, как стареющий евнух.

Губы Дервы Коремы слегка тронула холодная улыбка.

— Чем же ты вызвал гнев этого Мага?

— Ба! Сущий пустяк! За небольшое неуважение к себе он забросил меня на север с немыслимым поручением. Но меня не зря зовут Кугель Хитроумный! Поручение выполнено, и теперь я возвращаюсь в Альмери.

— А что, Альмери — приятное место?

— Довольно приятное, особенно если сравнить с этими дикими пустыми лесами и бесконечным туманом. Но, как и везде, там есть свои недо-

статки. Слишком уж много волшебников там поселилось, и справедливость часто нарушается по их прихоти, как я уже рассказал.

— Расскажи мне побольше об Альмери. Есть там города? Есть ли жители, кроме мошенников и Магов?

Кугель нахмурился.

— Города есть, но, в основном, они — печальная тень былой славы. Азеномай на месте слияния Кзана и Скаума, Кайн в Асколэсе и другие на противоположном берегу Каучика, где живет народ, славящийся своим хитроумием.

Дерва Корема задумчиво кивнула.

— Я пойду в Альмери. В твоем обществе, от которого, надеюсь, скоро сумею прийти в себя.

Кугель искоса посмотрел на нее, ее двусмысленное замечание ему не понравилось, было непонятно: то ли она считает, что его компания поможет ей пережить потерю трона, то ли — совместное путешествие унижает ее достоинство. Но он не стал выяснять подробности. Она живо поинтересовалась:

— А что за земли лежат между нами и Альмери?

— Они обширны и опасны. Нам предстоит перейти через огромные пустоши, населенные

эрбами, и деодандами, а также лейкоморфами, вурдалаками и демонами. Больше я ничего не знаю. Если мы сумеем выжить, это будет настоящее чудо.

Дерва Корема задумчиво посмотрела в сторону Сила, потом пожала плечами и замолкла.

Невкусный, но обильный завтрак кончился. Кугель прислонился спиной к стене коровника, наслаждаясь теплом костра, но Фиркс не собирался позволять ему бездельничать, и Кугель с болезненной гримасой вскочил на ноги.

— Идем; пора в путь. Злоба Юкоуну не дает мне отдыхать.

Они спустились вниз по склону холма, следуя по изгибам того, что было остатками древней дороги. Характер местности изменился. Вереск, росший на пустошах, уступил место болотистой низине поймы. Вскоре путники вышли к лесу. Кугель недоверчиво рассматривал сумрачные тени, притаившиеся между стволов.

— Надо идти тихо. Надеюсь, нам удастся не потревожить зловещие силы. Я буду осматривать дорогу впереди, а ты поглядывай назад, чтобы никто внезапно не прыгнул нам на спину.

— Мы заблудимся.

— Солнце стоит на юге. Оно наш проводник.

Дерва Корема снова пожала плечами. Они вошли в лесную тень. Кроны высоких деревьев сомкнулись над головами путешественников, и солнечные лучи, изредка пробивавшиеся сквозь листву, лишь подчеркивали тревожный полумрак. Выйдя к какому-то ручью, они пошли по его течению и оказались на поляне, где текла полноводная река.

На берегу рядом с причаленным плотом сидели четыре человека в оборванной одежде. Кугель критически осмотрел Дерву Корему и сорвал с ее одежды пуговицы из драгоценных камней.

— Это, несомненно, разбойники, и не стоит пробуждать их алчность, хоть и выглядят они весьма жалко.

— Лучше бы нам с ними не связываться, — ответила Дерва Корема. — Это животные, а не люди.

Кугель возразил:

— Нам нужен их плот, а кроме того, мы должны потребовать, чтобы они рассказали о дороге. Если мы станем просить, они решат, что у них есть шанс поживиться за наш счет. — И он пошел вперед, а Дерве Кореме поневоле пришлось двинуться следом.

И при ближайшем рассмотрении внешность бродяг не улучшилась. Волосы у них были длин-

ные и спутанные, лица в морщинах, глаза как жуки, а во рту виднелись желтые гнилые зубы. Выражение лиц у них было довольно мирным, и они смотрели на подходивших Кугеля и Дерву Корему, скорее, осторожно, чем воинственно. Один из четверых оказался женщиной, хотя по одежде, лицу или поведению заметить это было трудно. Кугель снисходительно их приветствовал, и они удивленно замигали.

— Кто вы такие? — спросил Кугель.

— Мы называем себя Бусиако, — ответил самый старший среди них. — Это и племя наше, и семья; у нас в этом нет разницы, потому что у нас многомужие.

— Вы живете в лесу, значит, знаете все лесные дороги?

— Это верно, — согласился мужчина, — хотя наши знания ограничены. Не забывайте, это Великий Эрм, он тянется бесконечно, лига за лигой без всяких перерывов.

— Неважно, — сказал Кугель, — нам нужно только переправиться через реку и узнать безопасную дорогу на юг.

Мужчина посовещался с остальными; все покачали головой.

— Такой дороги нет. Путь на юг преграждают

горы Магнатца.

— Верно, — согласился Кугель.

— Если я перевезу вас через реку, — продолжал старший Бусиако, — вы погибнете, потому что местность там населена эрбами и демонами. Меч там бесполезен, а волшебство, которым ты владеешь, очень слабое: мы, Бусиако, ощущаем волшебство, как другие чувствуют запах мяса.

— Как же нам добраться до цели? — спросил Кугель.

Бусиако этот вопрос не интересовал. Но другой мужчина, помоложе, взглянув на Дерву Корему, перевел взгляд на реку и как будто о чем-то задумался. Очевидно, напряжение оказалось ему не под силу, и он в знак поражения потряс головой.

Кугель, заметив это, спросил:

— Что тебя привело в замешательство?

— Проблема не очень сложная, — ответил Бусиако. — Но у нас мало практики в логическом мышлении, и любая трудность ставит нас в тупик. Я только подумал, чем вы могли бы заплатить, если бы я провел вас через лес.

Кугель от всего сердца рассмеялся.

— Хороший вопрос. Но у меня есть только то, что на мне, а именно: одежда, обувь, шапка и меч, и все это мне необходимо. Впрочем, я знаю

заклинание, при помощи которого могу произвести одну-две драгоценные пуговицы.

— Не очень интересно. Поблизости в склепе драгоценностей навалено мне по голову.

Кугель задумчиво потер подбородок.

— Щедрость Бусиако всем известна. Может, ты проведешь нас мимо этого склепа.

Бусиако сделал равнодушный жест.

— Как хочешь, хотя по соседству там логово большой самки гида, и у нее как раз период течки.

— Мы не будем отвлекаться и пойдем прямо на юг, — быстро сменил решение Кугель. — Пошли сейчас же.

Бусиако не тронулся с места.

— Тебе нечего предложить?

— Только мою благодарность, а это немало.

— А как насчет этой женщины? Она, конечно, тощая, но чем-то привлекательна. Тебе все равно придется умереть в горах Магнатца, так зачем напрасно терять женщину?

— Правильно, — согласился Кугель. Он повернулся к Дерве Кореме. — Возможно, мы сможем договориться?

— Что? — Принцесса чуть не задохнулась от возмущения. — Ты осмеливаешься делать мне

такое предложение? Да я лучше утоплюсь в реке!

Кугель отвел ее в сторону.

— Меня не зря называют Кугелем Хитроумным, — прошипел он ей на ухо. — Неужели я не перехитрю этого слабоумного?

Дерва Корема с сомнением посмотрела на него и отвернулась, слезы горечи и гнева покатились по ее щекам. Кугель обратился к Бусиако.

— Твое предложение звучит мудро; идем.

— Женщина останется здесь, — сказал Бусиако, вставая. — Мы пойдем заколдованными тропами, и потребуется строгая дисциплина.

Дерва Корема сделала решительный шаг в сторону реки.

— Нет!. — торопливо воскликнул Кугель. — Она очень чувствительна и хочет сама убедиться, что я благополучно вышел на тропу, ведущую в горы Магнатца, хоть это и означает мою несомненную смерть.

Бусиако пожал плечами.

— Пожалуйста. — Он провел их к плоту, отвязал веревку и шестом начал передвигать плот через реку. Вода казалась мелкой, шест нигде не погружался больше чем на фут или два. Кугелю показалось, что перейти реку вброд было бы очень просто.

Бусиако, заметив это, сказал:

— Река кишит стеклянными рептилиями; они сразу набрасываются на неосторожного человека.

— Да ну! — воскликнул Кугель, с сомнением поглядывая на реку.

— Да. А теперь я должен вас предупредить насчет тропы. Вас могут соблазнять всяческими способами, но если вы цените свою жизнь, не делайте ни шага с тропы, по которой я вас поведу.

Плот уткнулся в противоположный берег, Бусиако ловко спрыгнул на твердую землю и привязал плот к дереву, несколько раз проверив надежность узлов.

— Идите за мной. — Он уверенно двинулся между деревьев. Дерва Корема пошла следом, а Кугель замыкал процессию. Тропа была настолько нехоженая, что Кугель не отличал ее от глухого леса, но Бусиако, тем не менее, ни разу не заколебался. Солнце, низко светившее из-за ветвей, виднелось только изредка, и Кугель не мог понять, в каком направлении они движутся. Так они шли вперед сквозь пустынный лес, где даже голоса птиц не нарушали тишины.

Солнце, пройдя зенит, начало спускаться, а тропа не стала заметней. Кугель, наконец, крикнул:

— Ты уверен, что идешь правильно? Мне кажется, мы наобум сворачиваем направо и налево.

Бусиако остановился и начал объяснять:

— Мы, жители леса, изобретательный народ, и есть у нас еще одно свойство. — Он многозначительно похлопал себя по носу. — Мы чувствуем волшебство. Тропа проложена в незапамятные времена, и она видна только таким, как мы.

— Может, и так, — упрямо сказал Кугель. — Но тропа кажется слишком извилистой, и где все те ужасные существа, о которых ты предупреждал? Я заметил только полевку, а острого запаха эрба нет и следа.

Бусиако в замешательстве покачал головой.

— Понятия не имею, куда они все ушли. Но ты ведь не жалеешь об этом? Пошли скорее, пока они не вернулись. — И он снова двинулся по тропе, не более различимой, чем прежде.

Солнце опустилось совсем низко. Лес слегка поредел, в проходах струились алые лучи, выхватывая из мрака изогнутые корни деревьев и золотя упавшую листву. Бусиако вышел на поляну и с торжествующим видом повернулся.

— Я успешно привел вас к цели!

— Как это? — удивился Кугель. — Вокруг все еще дремучий лес.

Бусиако указал на противоположную сторону поляны.

— Видишь там четыре тропы?

— Похоже, там действительно есть нечто похожее на тропы, — нехотя согласился Кугель.

— Одна из них ведет на юг. Остальные уходят в лесные глубины, извиваясь в пути.

Дерва Корема, всмотревшись сквозь ветви, громко воскликнула:

— Вон там, в пятидесяти шагах отсюда, река и плот, от которых мы ушли!

Кугель бросил на Бусиако зловещий взгляд.

— Что это значит?

Бусиако серьезно кивнул.

— Эти пятьдесят шагов не имеют защиты. Я бы недобросовестно отнесся к своим обязательствам, если бы повел вас сюда прямой дорогой. А теперь… — Он подошел к Дерве Кореме, взял ее за руку и повернулся к Кугелю. — Ты должен пересечь поляну, и тогда я сообщу тебе, какая тропа ведет на юг. — И он принялся обвязывать талию Дервы Коремы веревкой. Она яростно сопротивлялась и покорилась только после оплеухи. — Это чтобы помешать ей убежать, — с хитрой усмешкой объяснил Бусиако Кугелю. — Я не скор на ногу, и когда мне понадобится женщина, не хочу

долго бегать за ней туда-сюда. Но почему ты не торопишься? Солнце заходит, а после наступления темноты появляются лейкоморфы.

— Ну, так какая же тропа ведет на юг? — спросил Кугель.

— Перейди поляну, и я тебе скажу. Конечно, если не веришь мне, можешь сам выбирать. Но помни, я очень старался ради этой тощей, плоской и анемичной женщины. Мы теперь в расчете.

Кугель с сомнением посмотрел на противоположную сторону поляны, потом на Дерву Корему, которая в отчаянии смотрела на него. Он оживленно сказал:

— Ну, все, кажется, к лучшему. Горы Магнатца, как известно, очень опасны. Ты в большей безопасности с этим неотесанным разбойником.

— Нет! — закричала она. — Отвяжи эту веревку! Он обманщик: тебя одурачили! Кугель Хитрец? Кугель Идиот!

— Какой вульгарный язык, — заявил Кугель. — Мы с Бусиако заключили сделку, которая, кстати, является священным договором, и надо его выполнять.

— Убей этого грубияна! — кричала Дерва Корема. — Доставай меч! Край леса рядом!

— Неправильная тропа может увести в самое сердце Великого Эрма, — возразил Кугель. Он в прощальном приветствии поднял руку. — По крайней мере, с этим лохматым грубияном тебе лучше, чем погибнуть в горах Магнатца!

Бусиако улыбнулся в знак согласия и по-хозяйски дернул за веревку, обвязанную вокруг пояса девушки. Кугель заторопился через поляну под проклятия Дервы Коремы, звеневшие у него в ушах, пока она не замолкла. Какое средство применил Бусиако, Кугель не видел. Бусиако крикнул:

— Ты случайно оказался на правильной тропе. Иди по ней и вскоре придешь в населенную местность.

Кугель с прощальным приветствием повернулся. Дерва Корема истерически захохотала:

— Он называет себя Кугель Хитроумный! Какая невероятная шутка!

Кугель, несколько встревоженный, быстро зашагал по тропе.

— Эта женщина просто истеричка, — успокаивал он себя. — Она ничего не понимает. Разве я мог поступить иначе? Я рациональный человек: поступать по-другому было бы неразумно.

Не прошел он и ста шагов, как тропа выныр-

нула из леса. Кугель застыл на месте. Всего сто шагов? Он поджал губы. По какому-то любопытному совпадению остальные три тропы тоже выходили из леса поблизости и сливались в одну дорогу, на которой он стоял.

— Интересно, — сказал Кугель. — Меня так и подмывает вернуться, отыскать Бусиако и потребовать у него некоторых объяснений…

Он задумчиво коснулся меча и даже сделал один-два шага в сторону леса. Но солнце стояло низко, тени уже плотно заполнили промежутки между искривленными стволами. Пока Кугель колебался, Фиркс нетерпеливо погладил его печень своими крючьями и когтями, и тот сразу отказался от мысли вернуться в лес.

Дорога вела через открытый участок местности, и на фоне закатного неба отчетливо выделялись горы. Кугель шел так быстро, как мог, чувствуя за собой темную тень леса. Он напряженно думал. Иногда при какой-нибудь особенно беспокойной мысли он шлепал себя по бедру. Но ведь это глупо! Совершенно ясно, что он вышел из положения наилучшим образом! Бусиако глуп и примитивен, он и надеяться не мог обмануть Кугеля! Сама эта мысль неприемлема. А что касается Дервы Коремы, то она, без сомнения, скоро

приспособится к своей новой жизни… По зрелому размышлению она поймет, что для нее лучше иметь хоть какой-нибудь дом, чем подвергаться опасностям, скитаясь с Кугелем…

Когда солнце уже опустилось за горы Магнатца, он увидел небольшое селение, а на перекрестке дорог стояла таверна. Это было прочное сооружение из камня и бревен, с круглыми окнами, каждое из которых состояло из множества маленьких окошечек. Кугель приостановился у входа и провел инспекцию своих ресурсов. Ресурсы оказались весьма скудными. Тут, очень кстати, он вспомнил о драгоценных пуговицах, которые взял у Дервы Коремы, и поздравил себя с такой предусмотрительностью.

Войдя в дверь, он оказался в длинной комнате, увешанной старинными бронзовыми лампами. Хозяин стоял за возвышавшейся стойкой и наливал грог и пунш трем мужчинам, очевидно, постоянным посетителям. Когда Кугель вошел в таверну, все разом повернулись.

Хозяин заговорил достаточно вежливо:

— Добро пожаловать, путник; чего пожелаешь?

— Вначале чашу вина, затем ужин и ночлег, и, наконец, все сведения о дороге на юг, которые ты

можешь сообщить.

Хозяин налил вина.

— Ужин и ночлег в должное время. А что касается дороги на юг, то она ведет в царство Магнатца, а большего знать не нужно.

— Значит Магнатц — страшное существо?

Хозяин мрачно кивнул.

— Люди, уходившие на юг, никогда не возвращались. На нашей памяти никто не приходил оттуда на север. Я могу поручиться только за это.

Трое за стойкой молча кивнули в знак согласия. Двое оказались местными крестьянами, на третьем же были высокие черные сапоги профессионального заклинателя духов. Первый крестьянин сделал знак хозяину:

— Налей этому несчастному вина за мой счет.

Кугель со смешанным чувством принял вино.

— Пью с благодарностью, но отвергаю слово «несчастный», чтобы это слово не сказалось на моей судьбе.

— Как хочешь, — равнодушно отозвался крестьянин, — хотя в наше печальное время кто счастлив? — И крестьяне погрузились в разговор о совместной починке каменной изгороди, разделявшей их земли.

— Работа тяжелая, но большие преимуще-

ства, — произнес один.

— Согласен, — заметил другой, — но я такой неудачник, что раньше чем мы закончим эту работу, солнце почернеет, и окажется, что весь наш труд напрасен.

Первый взмахнул руками в насмешливом отрицании аргумента.

— Существует риск, который все мы должны принимать. Смотри: я пью вино, хотя могу не дожить до того, чтобы напиться. Но разве это меня останавливает? Нет! Я отрицаю будущее; я пью сейчас и стану пьян, если обстоятельства позволят.

Хозяин рассмеялся и ударил кулаком по стойке.

— Ты хитер, как Бусиако. Я слышал, они тут недалеко разбили лагерь. Может, путник встречался с ними? — И он вопросительно взглянул на Кугеля, который неохотно кивнул.

— Я встретил такую группу; по моему мнению, они скорее глупые, чем хитрые. А что касается дороги на юг, может кто-нибудь дать более точные указания?

Заклинатель духов резко ответил:

— Я могу: избегай ее. Вначале за твоей плотью будут охотиться деоданды. А дальше начнутся

владения Магнатца, рядом с которым деоданд все равно, что ангел милосердия, если истинна хотя бы десятая часть слухов.

— Обескураживающие новости, — заметил Кугель. — А другой дороги на юг нет?

— Есть, — сказал заклинатель духов, — и я советую тебе ею воспользоваться. Возвращайся по дороге в Великий Эрм и иди на, восток вдоль края леса, который становится все гуще и страшнее. Нет надобности говорить, что тебе понадобятся крепкая рука и быстрые ноги, а еще лучше крылья, чтобы спастись от вампиров, гру, эрбов и лейкоморфов. Пройдя до самого конца леса, ты должен свернуть на юг, в долину Дарада, где, по слухам, армия василисков осаждает древний город Мар. Если сумеешь миновать бушующее сражение, попадешь в Большую Центральную степь, где нет ни пищи, ни воды, и которая населена пельгранами. Пройдя степь, поворачивай на запад и переберись через серию отравленных болот. За ними местность, о которой я знаю только, что она называется Земля Злых Воспоминаний. Миновав эту местность, ты окажешься к югу от гор Магнатца.

Кугель на несколько мгновений задумался.

— Путь, который ты предлагаешь, может, и

менее рискован и более безопасен, но он очень длинный. Я предпочитаю рискнуть и попытать счастья на пути через горы Магнатца.

Первый крестьянин посмотрел на него с благоговейным страхом.

— Ты, должно быть, знаменитый волшебник, полный заклинаний.

Кугель, улыбаясь, покачал головой.

— Я Кугель Хитроумный: не больше и не меньше. А теперь — вина!

Вскоре хозяин принес ужин: тушеных земляных крабов с чечевицей, приправленных диким рисом и черникой.

После ужина двое крестьян выпили по последней чашке вина и ушли, а Кугель, хозяин и заклинатель засиделись, обсуждая различные интересные проблемы. Через некоторое время заклинатель духов поднялся и удалился в свою комнату. Перед уходом он подошел к Кугелю и сказал добродушным тоном:

— Я заметил твой плащ; такое качество редко встретишь в нашем захолустье. Так как ты все равно погибнешь, почему бы не подарить этот плащ мне? Мне бы он очень пригодился.

Кугель насколько можно изысканней отклонил предложение и направился в свою комнату.

Ночью его разбудили какие-то скребущиеся звуки, доносящиеся от подножия кровати. Мгновенно проснувшись, Кугель вскочил и схватил человечка небольшого роста. Он подтащил его к свету. Незваный гость оказался мальчишкой, прислуживавшим в трактире. Он все еще сжимал в руках сапоги Кугеля, которые, очевидно, хотел украсть.

— Что это означает? — Спросил Кугель, отвешивая парню оплеуху. — Говори! Как ты только осмелился на это!

Слуга попросил Кугеля перестать драться и наивно объяснил:

— Какая тебе разница? Обреченному человеку не нужна такая элегантная обувь!

— Я сам буду судить об этом, — сказал Кугель. — Или ты думал, что я босиком пойду навстречу смерти в горах Магнатца? Убирайся! — И он швырнул воришку через весь коридор.

За завтраком он рассказал об этом происшествии хозяину, но тот не проявил особого интереса. Когда пришло время рассчитываться, Кугель бросил на стойку одну из драгоценных пуговиц Дервы Коремы.

— Пожалуйста, оцени эту драгоценность, вычти мой долг и дай сдачу золотыми монетами.

Хозяин осмотрел украшение, поджал губы и склонил голову набок.

— Полная стоимость твоего пребывания точно равна стоимости этой безделушки. Никакой сдачи.

— Что? — Разбушевался Кугель, — Чистый аквамарин, окруженный четырьмя изумрудами? За одну-две чашки плохого вина, похлебку и сон, прерванный злодейством твоего слуги? Это таверна или бандитское логово?

Хозяин пожал плечами.

— Конечно, цены несколько выше обычных, но деньги, которые сгниют в карманах трупа, никому не принесут пользы.

В конце концов Кугель все же получил несколько золотых монет и вдобавок кусок хлеба, сыра и немного вина. Хозяин подошел к двери и указал:

— Тут только одна дорога, ведущая на юг. Прямо перед тобой горы Магнатца. Прощай!

Не без дурных предчувствий двинулся Кугель на юг. Некоторое время дорога шла мимо полей местных крестьян. Затем, когда по обе стороны стали подниматься массивные предгорья, она превратилась сначала в тропу, потом в еле заметный след, вьющийся по дну сухого русла ручья среди колючих кустарников, тысячелистника

и асфодели. На вершинах холмов параллельно тропе росли согнутые дубы, и Кугель, решив подольше оставаться незамеченным, взобрался наверх и продолжал путь под покровом листвы.

Воздух был чистым, небо — яркого темно-синего цвета. Когда солнце поднялось к зениту, Кугель вспомнил о провизии, которую нес в мешке. Он начал устраиваться на привал, но тут краем глаза уловил какую-то мелькнувшую тень. Кровь застыла у него в жилах. Неизвестное существо, без всякого сомнения, собиралось прыгнуть ему на спину.

Он сделал вид, что ничего не заметил, и вскоре тень снова двинулась вперед и Кугель смог ее рассмотреть. Это был деоданд, более высокий и тяжелый, чем Кугель, черный, как полночь, за исключением сверкающих белых глаз, белых зубов и когтей, одетый в короткую бархатную рубашку, которую поддерживали полоски кожи.

Кугель стал прикидывать наилучший способ действий. Лицом к лицу, грудь к груди, деоданд разорвет его на клочки. Кугель может мечом удерживать деоданда до тех пор, пока у того жажда крови не победит страх боли, а тогда он бросится вперед, не обращая внимания на сталь. Возможно, Кугель быстрее, поэтому сможет убе-

жать от этого существа, но только после долгого и упорного преследования… Деоданд снова шагнул вперед и остановился за скальным выступом в двадцати шагах ниже по склону от того места, где сидел Кугель. Как только он исчез за скалой, Кугель вскочил, подбежал к скале и забрался на ее вершину. Тут он поднял тяжелый камень и, когда деоданд осторожно высунулся, бросил его на спину чудовищу. Камень удачно поразил цель: деоданд упал и лежал, дергая ногами, а Кугель спрыгнул вниз, чтобы нанести смертельный удар.

Деоданд прижался к скале и в ужасе зашипел при виде обнаженного лезвия Кугеля.

— Не бей, — сказал он. — Ты ничего не выиграешь от моей смерти.

— Только удовлетворения от того, что убью чудовище, которое собиралось меня сожрать.

— Пустое удовольствие!

— Почти все удовольствия таковы, — философски заметил Кугель. — Но пока ты жив, расскажи мне о горах Магнатца.

— Они такие, какими ты их видишь: безжизненные горы из древнего черного камня.

— А кто такой Магнатц?

— Не знаю я такого.

— Что? Люди к северу содрогаются от одного этого имени.

Деоданд слегка выпрямился.

— Может быть. Я слышал это имя, но считал его всего лишь древней легендой.

— А почему люди идут на юг, и никто не идет на север?

— А кому он нужен, этот север? Те, что шли на юг, давали пищу мне и моему племени. — Деоданд опять приподнялся. Кугель подобрал большой камень и, хорошо размахнувшись, обрушил его на деоданда. Тот снова упал и слабо задергался. Кугель подобрал другой камень.

— Подожди! — слабо сказал деоданд. — Пощади меня, и я помогу тебе выжить.

— Как это? — спросил Кугель.

— Ты хочешь идти на юг. Дальше в пещерах вдоль дороги обитают подобные мне. Как тебе спастись, если я не проведу тебя путем, который они не используют?

— Ты можешь это сделать?

— Если ты пообещаешь сохранить мне жизнь.

— Прекрасно. Но я должен принять меры предосторожности: в своей жажде крови ты можешь забыть о нашем соглашении.

— Ты меня искалечил; какие еще меры тебе

нужны? — воскликнул деоданд. Тем не менее Кугель связал ему руки и привязал к толстой черной шее веревку.

Таким образом они и двинулись; деоданд, хромая и подпрыгивая, повел Кугеля кружным путем, минуя пещеры.

Горы поднялись выше, в глубоких каменных ущельях порывы ветра отзывались гудящим эхом. Кугель продолжал расспрашивать деоданда о Магнатце, но добился только слов, что Магнатц вымышленное создание.

Наконец они оказались на песчаном плато, возвышавшимся над низменностью. Деоданд объявил, что тут кончается территория его племени.

— А что находится дальше? — спросил Кугель.

— Не знаю: дальше я не заходил. А теперь освободи меня и иди своей дорогой, а я вернусь к своему племени.

Кугель покачал головой.

— Ночь уже близко. Что помешает тебе пойти за мной следом и снова напасть, пока я сплю? Лучше я тебя убью.

Деоданд печально рассмеялся.

— За нами идут трое моих сородичей. Они держатся на расстоянии только потому, что я

подал им условный знак. Убей меня, и никогда не увидишь утреннего солнца.

— Мы пойдем дальше вместе, — сказал Кугель.

— Как хочешь.

Кугель направился в сторону юга. Деоданд тащился за ним, продолжая хромать и постоянно оглядываясь назад. Оборачиваясь, Кугель видел три черные фигуры, бесшумно передвигавшиеся в тени. Деоданд многозначительно улыбнулся.

— Тебе лучше остановиться здесь: зачем ждать темноты? Смерть менее ужасна при свете.

Кугель не ответил, но пошел так быстро, как мог. Тропа миновала долину и поднялась на высокогорный луг, овеваемый холодными потоками воздуха. По обе стороны росли лиственницы, баобабы, бальзаминовые кедры; в траве среди невысоких кустов журчал ручей. Деоданд начал проявлять беспокойство, дергать за веревку, к которой был привязан, хромал с преувеличенной слабостью. Кугель не видел причин для беспокойства: окружающая обстановка не таила в себе угрозы, кроме самих деодандов, конечно. Он начал терять терпение.

— Почему ты так тащишься? Я надеялся до наступления темноты найти убежище в горах. А ты меня задерживаешь.

— Тебе следовало подумать об этом до того, как ты искалечил меня камнем, — ответил деоданд. — В конце концов, я ведь иду с тобой не по собственной воле.

Кугель оглянулся. Три деоданда, раньше таившиеся среди скал, теперь открыто шли сзади.

— Ты не можешь укротить ужасный аппетит твоих соплеменников? — нервно спросил Кугель.

— Я и со своим не могу справиться, — ответил деоданд. — Только ранения мешают мне броситься на тебя и вцепиться в горло.

— Жить хочешь? — Кугель многозначительно положил руку на меч.

— Конечно, хотя и не так страстно, как люди.

— Если ты хоть на йоту ценишь свою жизнь, прикажи своим соплеменникам повернуть, отказаться от преследования.

— Напрасный труд. И в конце концов, для чего тебе жизнь? Посмотри, перед тобой горы Магнатца!

— Ха! — ответил Кугель. — Разве не ты утверждал, что все страшные рассказы об этой местности — выдумки?

— Конечно, но я не вдавался в подробности вымысла.

И тут послышался свист. Оглянувшись, Кугель увидел, что три деоданда упали, пронзенные стрелами. Из ближайшей рощи появились четверо молодых людей в коричневых охотничьих костюмах. Все они были прекрасно сложены, у всех каштановые волосы, все, казалось, находились в хорошем настроении.

Тот, что шел впереди, крикнул.

— Как это получилось, что ты идешь с ненаселенного севера? И почему путешествуешь ночью, да еще с этим ужасным существом?

— Я могу ответить на все твои вопросы, — ответил Кугель. — Во-первых, север населен: там еще живет несколько сотен людей. А этого гибрида демона и людоеда я нанял, чтобы он провел меня безопасно через горы, населенные его соплеменниками. Но я недоволен его службой.

— Я сделал все необходимое, — возразил деоданд. — Освободи меня в соответствии с нашим договором.

— Как хочешь, — сказал Кугель. Он развязал веревку, стягивающую шею чудовища, и деоданд захромал прочь, свирепо оглядываясь через плечо. Кугель сделал знак предводителю охотников; тот что-то сказал своим товарищам; они подняли луки и застрелили деоданда.

Кугель коротко кивнул в знак одобрения.

— А вы сами кто такие будете? И как насчет Магнатца, который, говорят, делает горы непригодными для жизни?

Охотники рассмеялись.

— Это всего лишь легенда. Некогда действительно существовало чудовище по имени Магнатц, и в уважение к традиции мы, жители деревни Валл, как в старые времена, назначаем одного человека Стражником. Но все это только дань древней легенде.

— Странно, — сказал Кугель, — что легенда так широко распространена и внушает такой страх.

Охотники равнодушно пожали плечами.

— Приближается ночь, пора возвращаться домой. Если хочешь, пойдем с нами, в Валле есть таверна, где ты сможешь переночевать.

— С радостью воспользуюсь вашим приглашением, — ответил Кугель.

Они пошли дальше. По дороге Кугель расспрашивал своих спутников о дороге на юг, но охотники мало чем могли помочь.

— Деревня Валл расположена на берегу озера Валл, плавание по которому невозможно из-за многочисленных водоворотов. Поэтому мало кто из нас бывал в горах к югу от него. Говорят, они

безжизненны и спускаются в еще более бесплодную пустыню.

— Может, в горах за озером и бродит Магнатц? — осторожно спросил Кугель.

— Легенда об этом ничего не говорит, — ответил охотник.

Примерно через час они добрались до Валла, деревни, богатство которой поразило Кугеля. Прочные дома были выстроены из камня и бревен, улицы тщательно вымощены и подметены. В деревне была большая площадь, рынок, зернохранилище, ратуша, склад, несколько таверн, довольно много роскошных особняков. Когда охотники проходили по главной улице, кто-то окликнул их:

— Важная новость! Погиб Стражник!

— Неужели? — с живым интересом воскликнул предводитель охотников. — Кто же сейчас исполняет его обязанности?

— Лейфель, сын гетмана, кто же еще?

— Действительно, кто же еще? — ответил охотник, и они пошли дальше.

— Значит, должность Стражника окружена большим почетом? — спросил Кугель.

Охотник пожал плечами.

— Ее лучше описать как церемониальную си-

некуру. Постоянный исполнитель, несомненно, будет избран завтра. Но посмотри в сторону ратуши. — И он указал на коренастого широкоплечего человека в коричневой одежде, отороченной мехом, и в черной сдвоенной шляпе. — Это Хайлам Вискод, сам гетман. Эй, Вискод! Мы встретили странника с севера!

Хайлам Вискод приблизился и вежливо приветствовал Кугеля.

— Добро пожаловать! Странники редки в наше время; все наше гостеприимство в твоем распоряжении.

— Благодарю тебя, — ответил Кугель. — Не ожидал встретить в горах Магнатца такую любезность. Весь мир страшно боится ваших мест.

Гетман засмеялся.

— Повсюду встречаются неправильные суждения о соседях. Тебе, возможно, покажется, что многие наши обычаи архаичны и причудливы. Например, сохранение должности Стража Магнатца. Но идем! Вот наша лучшая таверна. После того, как ты устроишься, мы поужинаем вместе.

Кугелю отвели хорошую комнату со всеми удобствами, и вскоре, умытый и отдохнувший, он присоединился к Хайламу Вискоду в общем зале. Перед ним поставили аппетитный ужин и

кувшин вина.

После еды гетман провел Кугеля по поселку, с улиц которого открывался прекрасный вид на озеро.

Казалось, сегодня вечером отмечается какое-то особое событие: повсюду с треском горели факелы, жители Валла высыпали на улицы и бродили от одной группы к другой, останавливаясь и разговаривая. Кугель поинтересовался причиной всеобщего волнения.

— Это из-за смерти вашего Стражника?

— Вот именно, — ответил гетман. — Мы серьезно относимся к своим традициям, и выборы нового Стражника вызывают споры в обществе. Но посмотри: это общественный склад, где хранятся наши богатства. Хочешь взглянуть?

— С удовольствием, — отозвался Кугель. — Если ты собираешься осмотреть общественное золото, я с радостью присоединюсь к тебе.

Гетман радушно распахнул двери.

— Тут хранится не только золото. Вот в этих ларях лежат драгоценности; в этом ящике древние монеты; в грудах — шелка и вышитая камка; вон в тех ящиках драгоценные пряности, а там еще более ценные напитки и различные дорогие мази. Но я не стану перед тобой хвастаться: ты

бывалый человек, опытный путешественник и, конечно, видел настоящее богатство, не чета нашему.

Кугель ответил, что богатства Валла не следует преуменьшать. Гетман признательно поклонился, и они прошлись по дороге над озером — большим темным водным пространством, освещенным слабым звездным светом.

Гетман указал на купол, поддерживаемый на высоте в пятьсот футов стройным столбом.

— Можешь догадаться, что это такое?

— Вероятно, пост вашего Стражника.

— Верно! Ты проницательный человек. Жаль, что ты торопишься и не можешь задержаться в Валле.

Кугель, вспомнив свой пустой кошелек и богатства общественного склада, сделал вежливый жест.

— Я рад был бы немного задержаться, но, откровенно говоря, я путешествую без денег, и мне пришлось бы тогда искать какой-то временной службы. Кстати, о посте Стражника: я понял, что это значительная должность.

— Несомненно, — ответил гетман. — Сегодня стражу несет мой сын. Но нет никаких причин, почему бы тебе не быть кандидатом на этот пост.

Обязанности нисколько не обременительны; вообще говоря, этот пост — просто синекура.

Кугель почувствовал беспокойство Фиркса.

— А каково жалованье?

— Очень хорошее. Стражник пользуется здесь, в Валле, огромным уважением, так как он, пусть чисто формально, защищает нас всех от опасностей.

— И все-таки, что он получает?

Гетман помолчал, подумал и начал загибать пальцы.

— Во-первых, он получает комфортабельную сторожевую башню, выложенную мягкими подушками, оптическое устройство, которое делает отдаленные предметы близкими, жаровню для тепла и совершенную систему связи. Далее, его еда и питье самого высокого качества и предоставляются бесплатно для его удовольствия и по его приказам. Далее, он получает дополнительно титул «Охранника общественных сокровищ» и становится распорядителем всех общественных богатств Валла. В-четвертых, он может выбрать себе в супруги девушку, которая покажется ему наиболее привлекательной. В-пятых, он получает титул «барона» и должен всеми приветствоваться с глубочайшим уважением.

— Вот это да! — сказал Кугель. — Стоит подумать. А каковы его обязанности?

— Они следуют из его должности. Стражник должен сторожить — это один из древних обычаев, которые мы соблюдаем. Обязанности вряд ли можно назвать обременительными, но пренебрегать ими нельзя, потому что это означало бы фарс, а мы народ серьезный даже в соблюдении наших причудливых обычаев.

Кугель рассудительно кивнул.

— Условия вполне справедливы. Стражник сторожит; трудно выразиться яснее. Но кто такой Магнатц, с какого направления следует его ожидать и как его можно узнать?

— Эти вопросы особого значения не имеют, — ответил гетман, — так как такого существа — теоретически — не существует.

Кугель взглянул на башню, на озеро, потом на хранилище.

— Я предлагаю свои услуги для выполнения этих обязанностей — если все тобой сказанное соответствует истине.

Фиркс немедленно вцепился когтями во внутренности Кугеля. Тот согнулся вдвое, приложил руки к животу и, извинившись перед удивленным гетманом, отошел в сторону.

— Терпение! — умолял он Фиркса. — Терпение! Ты что, не понимаешь, в каком мы положении? Кошелек мой пуст, а впереди долгие лиги! Чтобы продвигаться дальше, я должен передохнуть и пополнить свой кошелек. Я собираюсь исполнять эту должность, пока не выполню оба условия, и потом мы быстро направимся в Альмери!

Фиркс неохотно прекратил свои демонстрации, и Кугель вернулся к ожидавшему гетману.

— Ничего не изменилось, — сказал Кугель. — Я посовещался с самим собой и считаю, что смогу выполнять эти обязанности.

Гетман кивнул.

— Я рад слышать это. Ты увидишь, что мои обещания полностью соответствуют действительности. Я тоже пока размышлял и могу утверждать, что ни один человек в поселке лучше тебя не подходит к этому величественному положению, и потому провозглашаю тебя Стражником поселка! — Гетман извлек золотой воротник и надел на шею Кугелю.

Они вернулись в таверну; по дороге жители Валла, видя золотой воротник, одолевали гетмана вопросами.

— Да, — отвечал тот. — Этот джентльмен продемонстрировал свои возможности, и я про-

возгласил его Стражником поселка!

При этой новости все пришли в крайнее возбуждение и поздравляли Кугеля, как будто он всегда здесь жил.

Все направились в таверну; принесли вино и тушеное мясо с пряностями; появились музыканты, начались танцы и веселье.

Кугель приметил одну исключительно красивую девушку, танцевавшую с молодым охотником из группы, встретившей его в горах. Кугель подтолкнул гетмана и обратил его внимание на девушку.

— Ах, да; прекрасная Марлинка! Она танцует с парнем, с которым недавно обручилась.

— Вероятно, ей придется изменить свои планы? — со значением спросил Кугель.

Гетман хитро подмигнул.

— Она тебе понравилась?

— Да, и так как это привилегия моей должности, провозгласи эту девушку моей невестой. И пусть брачную церемонию совершат немедленно!

— Так быстро? А, понимаю, горячая кровь юности не терпит отлагательства. — Он подозвал девушку, и она весело подбежала к их столику. Кугель встал и низко поклонился. Гетман заговорил: — Марлинка, Стражник поселка находит

тебя привлекательной и хочет, чтобы ты стала его супругой.

Марлинка вначале удивилась, потом что-то показалось ей забавным. Она проказливо взглянула на Кугеля и церемонно присела.

— Стражник оказывает мне большую честь.

— Далее, — продолжал гетман, — он требует, чтобы брачная церемония была совершена немедленно.

Марлинка с сомнением взглянула на Кугеля, потом через плечо — на молодого человека, с которым танцевала.

— Хорошо, — сказала она. — Как пожелает Стражник.

Тут же без затяжек совершили брачную церемонию, и Кугель оказался женат на Марлинке, которая при ближайшем рассмотрении оказалась еще прекрасней. Он обнял ее за талию.

— Идем, — прошептал он. — Ускользнем на некоторое время и отпразднуем это событие.

— Не так быстро, — прошептала в ответ Марлинка. — Я должна привести себя в порядок; я слишком возбуждена! — Она высвободилась и ускользнула.

Пир и веселье продолжались, и, к своему разочарованию, Кугель заметил, что Марлинка опять

танцует с юношей, с которым была обручена. На его глазах она обняла юношу со всеми признаками страсти. Кугель прошел вперед, остановил танец и отвел свою жену в сторону.

— Такое поведение неприлично: ты ведь всего час как замужем!

Марлинка в замешательстве посмотрела на него и рассмеялась, потом нахмурилась, снова рассмеялась и пообещала вести себя с должным достоинством. Кугель попытался увести ее в комнату, однако она опять объявила, что момент неподходящий.

Кугель раздраженно вздохнул, но утешил себя воспоминаниями о других своих привилегиях: свободном доступе в сокровищницу, например. Он склонился к гетману.

— Поскольку я теперь официальный хранитель общественной сокровищницы, будет разумно в подробностях ознакомиться с ее содержимым. Если ты будешь так добр и отдашь мне ключи, я быстро все осмотрю.

— Я сделаю лучше, — ответил гетман, — я сам проведу тебя в сокровищницу и помогу, чем смогу.

Они направились в сокровищницу. Гетман открыл дверь и подержал свет. Кугель вошел и

осмотрел ценности.

— Я вижу, все в порядке; вероятно, есть смысл подождать, пока в голове у меня прояснится, и тогда сделать подробный перечень. Но пока… — Кугель направился к ящику с драгоценностями, выбрал несколько дорогих камней и начал укладывать их себе в сумку.

— Минутку, — сказал гетман. — Боюсь, что ты доставляешь себе неудобство. Вскоре тебе принесут богатую одежду, достойную твоего нового титула. А сокровища удобнее держать тут; к чему отягощать себя и подвергать риску потерять их?

— В твоих словах есть смысл, — ответил Кугель, — но я хотел приказать начать строительство поместья с видом на озеро, и ценности мне понадобятся для оплаты.

— Все в свое время. Работу вряд ли начнут, пока ты не осмотришь местность и не выберешь самое подходящее место.

— Верно, — согласился Кугель. — Вижу, впереди у меня много работы. А теперь — назад в таверну! Моя супруга слишком скромна, и больше я не потерплю никаких отговорок!

Но когда они вернулись, Марлинки не было.

— Несомненно, отправилась переодеваться в соблазнительные наряды, — предположил гет-

ман. — Потерпи немного!

Кугель недовольно поджал губы; отсутствие жены его рассердило, а исчезновение и молодого охотника породило подозрения.

Веселье вскоре закончилось. После множества тостов Кугель опьянел до беспамятства и был перенесен в свою комнату.

Рано утром в дверь постучал гетман и в ответ на приглашение Кугеля вошел.

— Теперь нужно осмотреть сторожевую башню, — сказал гетман. — Всю ночь Валл сторожил мой сын, так как традиция требует неослабной бдительности.

Кугель с трудом оделся и вслед за гетманом вышел на холодный утренний воздух. При приближении к сторожевой башне Кугеля поразили ее высота и элегантная простота конструкции: стройный столб поднимался на пятьсот футов, поддерживая купол.

Единственным способом подъема служила веревочная лестница. Гетман поднимался первым, Кугель за ним, лестница раскачивалась, так что у Кугеля закружилась голова.

Они благополучно добрались до купола, а уставший сын гетмана спустился. Помещение в куполе было обставлено совсем не так роскошно,

как ожидал Кугель, и вообще казалось весьма аскетичным. Он обратил на это внимание гетмана, который объявил, что усовершенствование начнется немедленно.

— Только выскажи свои пожелания, они будут исполнены!

— Тогда вот что: на полу постелить толстый ковер, наиболее подходящие тона — зеленый и золотой. Мне необходим также более удобный диван большего размера, чем этот несчастный матрац у стены, потому что моя супруга Марлинка будет проводить тут много времени. Сюда поставить шкаф для драгоценностей, сюда буфет для сладостей, сюда столик с парфюмерией. А вот тут поставьте столик с приспособлениями для охлаждения вина.

Гетман с готовностью согласился на все.

— Все будет так, как ты сказал. А сейчас мы должны обсудить твои обязанности, которые так просты, что почти не нуждаются в объяснениях. Ты должен сторожить Магнатца.

— Это я понял, но мне пришла в голову одна мысль: чтобы работать с максимальной эффективностью, я должен знать, от кого сторожу. Магнатц может прокрасться по дороге между стеной и озером, а я его не узнаю. На что он похож?

Гетман покачал головой.

— Не могу сказать наверняка; эти сведения затерялись в веках. Легенда говорит только, что некий волшебник сумел обмануть и заколдовать Магнатца. — Гетман подошел к наблюдательному пункту. — Посмотри: вот оптическое устройство. Основанное на остроумном принципе, оно увеличивает все предметы, на которые ты его направляешь. Время от времени ты должен осматривать местность. Вон там гора Темус; внизу озеро Валл, в котором нельзя плавать из-за водоворотов. В том направлении тропа Падагар, она ведет на восток в местность Мерс. Вот там еле видна памятная пирамида, ее воздвиг Гузпа Великий, который во главе восьми армий напал на Магнатца. Сам Магнатц воздвиг другую пирамиду — видишь ту большую груду на севере? — чтобы покрыть искалеченные трупы нападавших. А вот эту вырубку Магнатц сделал, чтобы холодный ветер проникал в долину. У озера титанические руины на месте дворца Магнатца.

Кугель внимательно осмотрел все это с помощью оптического устройства.

— Да, Магнатц был могучим существом.

— Так утверждает легенда. А теперь последнее. Если Магнатц появится — смехотворное пред-

положение, конечно, — ты должен потянуть этот жезл, он ударит в большой гонг. Наш закон строжайше запрещает ударять в гонг, если не появился Магнатц. Наказание за этот проступок чрезвычайно суровое; в сущности последний Стражник лишился своего поста из-за того, что позвонил в гонг. Нет необходимости говорить, что он был осужден, и после того как цепями его разорвали на клочья, эти останки были брошены в водовороты озера.

— Что за идиот! — заметил Кугель. — К чему отказываться от такого богатства, веселья и хорошей жизни из-за какой-то бессмысленной забавы?

— Мы тоже не понимаем его поступка, — согласился гетман.

Кугель нахмурился.

— Меня этот факт удивляет. Он был молод и поддался глупому случайному порыву?

— Нет, даже этим не объяснишь его поступок. Он был мудрец восьмидесяти лет, шестьдесят из которых служил Стражником на башне.

— Тогда его поведение вообще необъяснимо, — удивленно заметил Кугель.

— Весь Валл чувствует то же самое. — Гетман нервно потер руки. — Я думаю, все необходимое

мы обсудили; теперь я тебя покину и оставлю наслаждаться твоими обязанностями.

— Минутку, — сказал Кугель. — Я настаиваю на немедленных усовершенствованиях: ковер, шкаф, подушки, поднос, диван.

— Конечно, — ответил гетман. Он перегнулся через перила, выкрикивая вниз распоряжения. Немедленного ответа не последовало, и гетман возмутился. — Что за задержки! — воскликнул он. — Похоже, мне самому придется этим заняться. — И он начал спускаться по веревочной лестнице.

Кугель крикнул ему вслед:

— Будь добр, пришли сюда мою супругу Марлинку; я кое-чем хочу тут с ней заняться.

— Я ее немедленно отыщу, — через плечо ответил гетман.

Несколько минут спустя заскрипел большой ворот, и крепкая веревка, поддерживавшая конец веревочной лестницы, начала опускаться. Глядя вниз, Кугель увидел приготовленные к подъему подушки. Прочная веревка проскрипела по вороту, и вместо нее появилась всего лишь бечевка, на которой и были подняты подушки. Кугель неодобрительно осмотрел щедрые дары жителей деревни: подушки оказались старые и пыльные,

вовсе не того качества, что он ожидал. «Придется приказать заменить их лучшими», — подумал он. Возможно, гетман прислал это старье временно, пока не раздобудут достойные его предметы. Кугель кивнул: очевидно, так оно и есть.

Он осмотрел горизонт. Естественно, Магнатца нигде не видно. Кугель несколько раз развел руки, прошелся взад-вперед и снова посмотрел на площадь, где ожидал увидеть ремесленников, готовящих заказанные им усовершенствования. Но ничего подобного не наблюдалось: жители поселка занимались своими обычными делами, не обращая внимания на сторожевую вышку, словно забыли о ней. Кугель пожал плечами и перевел взгляд на горизонт. Как и раньше, Магнатца он не заметил.

Бросив взгляд на площадь, он нахмурился. Приглядевшись, Кугель понял, что не ошибся: его жена мило щебетала в обществе молодого человека. Для пущей уверенности он направил туда оптическое устройство: женщина действительно была Марлинкой, а молодой человек, нахально сжимающий ей локоть, тот самый охотник, с которым она была помолвлена. Кугель в гневе сжал зубы. Такое недопустимое поведение должно прекратиться! Когда Марлинка появится, он

серьезно поговорит об этом.

Когда солнце достигло зенита, веревка дрогнула. Выглянув, Кугель увидел, что ему поднимают обед в корзине, и в предвкушении захлопал в ладоши. Но когда он снял ткань с корзины, его постигло острое разочарование: в ней оказались только полбуханки хлеба, кусок жесткого мяса и бутылка кислого вина. Он откашлялся и крикнул вниз. Никто не обратил на него внимания. Он крикнул громче. Один или два человека с легким любопытством подняли головы, не прерывая своих занятий. Кугель гневно подтянул тонкую веревку и завертел ворот, но лестница так и не появилась. Легкая веревка была устроена в виде петли и могла выдержать вес корзины с пищей, но не более того.

Кугель медленно сел и принялся обдумывать положение. Потом, снова направив оптическое устройство на площадь, стал искать гетмана, который мог бы ему все объяснить.

В тот же день, позднее, когда Кугель случайно перевел объектив на дверь таверны, оттуда, как раз в это время, пошатываясь, вышел гетман, очевидно, изрядно подкрепившийся вином. Кугель громко и повелительно крикнул. Гетман остановился, пошатываясь, повернулся из стороны

в сторону, разыскивая источник голоса. Ничего не обнаружив, он в замешательстве покачал головой и двинулся через площадь.

Солнце опускалось к озеру Валл; водовороты превратились в багрово-черные спирали. Прибыл ужин Кугеля: тарелка вареного лука и похлебка. Он равнодушно посмотрел на это, потом подошел к перилам и крикнул вниз:

— Пришлите лестницу! Приближается темнота! В отсутствие света бесполезно караулить Магнатца или кого-нибудь другого!

Как и раньше, на его слова не обратили внимания. Фиркс, по-видимому, осознал ситуацию и несколько раз дернул Кугеля за внутренности.

Ночь прошла беспокойно. Когда последние посетители всей компанией покидали таверну, Кугель крикнул им, протестуя по поводу своего плачевного положения, но мог бы и поберечь дыхание.

Солнце взошло над горами. Завтрак был неплохого качества, но даже близко не соответствовал тому изысканному столу, что обещал Хайлам Вискод, лживый гетман Валла. В гневе Кугель выкрикивал вниз приказы, но на них обращали внимания не больше, чем вчера. Он перевел дыхание: похоже, рассчитывать следует только

на себя. Ну и ладно! Зря что ли его прозывают Кугелем Хитроумным? И он начал обдумывать разнообразные способы спуска с башни.

Бечева, на которой поднимают пищу, слишком тонка и непрочна. Если сложить ее вчетверо, она, возможно, и выдержит его вес, но ее длина в сложенном виде позволит спуститься только на четверть расстояния до земли. Одежда и пояс, если их разорвать и связать, дадут еще двадцать футов, но после этого он повиснет в воздухе. На стержне башни не было никакой опоры для ног. Имея соответствующий инструмент, за достаточное время он смог бы вырубить лестницу в стержне башни или даже вообще срубить ее по кусочку, превратить в короткий обрубок, с которого можно спрыгнуть на землю… Этот проект был совершенно невыполним. Кугель в отчаянии опустился на подушки. Все стало ясно. Его одурачили. Он пленник. Как долго предыдущий Стражник находился на своем посту? Шестьдесят лет? Такая перспектива не вызывала радости.

Фиркс, придерживавшийся того же мнения, яростно вонзил свои колючки и когти, прибавив горя Кугелю.

Так проходили дни и ночи. Кугель мрачно и долго размышлял. С огромным отвращением он

рассматривал жителей Валла. Иногда он подумывал о том, чтобы зазвонить в большой гонг, как сделал его предшественник, но, вспомнив наказание, сдерживался.

Кугель в подробностях изучил все особенности городка, озера и окружающей местности. По утрам озеро обычно затягивал густой туман, а через два часа его разгонял ветер. Водовороты крутились и стонали, возникая тут и там, а рыбаки Валла отваживались удаляться от берега едва ли на длину лодки. Вскоре Кугель узнал имена всех жителей поселка и выяснил их привычки. Марлинка, его вероломная жена, часто пересекала площадь, но редко взглядывала в его сторону. Кугель запомнил дом, в котором она живет, и постоянно рассматривал его в оптическое устройство. Если она и развлекалась с молодым охотником, то делала это украдкой, и мрачные подозрения Кугеля так и не нашли подтверждения.

Пища становилась все хуже, часто ее забывали поднять. Фиркс все чаще раздражался, и Кугель в ярости расхаживал по куполу. Однажды после захода солнца и особенно мучительного предупреждения со стороны Фиркса Кугель вдруг остановился. Да ведь спуститься с башни совсем

просто! Почему же он так долго ждал? Вот так Кугель Хитроумный!

Он разорвал на полосы все, что мог найти в куполе, и сплел веревку в двадцать футов длиной. Теперь надо подождать, пока в поселке все стихнет — еще час или два.

Фиркс снова набросился на него, и Кугель воскликнул:

— Тихо, скорпион, сегодня мы покинем башню! Твои напоминания излишни!

Фиркс прекратил свои демонстрации, и Кугель принялся изучать площадь. Холодная и туманная ночь идеально подходила для его целей. Сегодня жители Валла рано улеглись в постели.

Кугель осторожно поднял веревку, на которой доставляли пищу, сложил ее вдвое, вчетверо, еще раз вдвое и таким образом приготовил канат, выдерживавший его вес. На одном его конце он сделал петлю, а другой прочно прикрепил к вороту. Последний раз взглянув на горизонт, он перебрался через перила и начал спуск. Он спустился до конца каната и сел в петлю, раскачиваясь на высоте четырехсот футов над землей. К одному концу двадцатифутовой веревки он для тяжести привязал свой сапог и после нескольких попыток перебросил его вокруг столба. Кугель

притянул себя к опорному столбу башни и с величайшей осторожностью выскользнул из петли. Держась за охватывавшую столб веревку и все время тормозя ногами, он начал медленный спуск на землю. Коснувшись твердой поверхности, он быстро скользнул в тень и надел сапоги. В этот момент распахнулась дверь таверны, и оттуда вывалился пьяный в стельку Хайлам Вискод. Кугель неприятно улыбнулся и последовал за шатающимся гетманом.

Хватило одного удара по голове, чтобы гетман без звука свалился в канаву. Кугель набросился на него и искусными пальцами вытащил ключи. С ловкостью профессионального вора он бесшумно открыл дверь общественного хранилища и тихо, как тень, проскользнул внутрь. Там он до отказа набил свой мешок драгоценностями, монетами, фляжками с бесценными жидкостями, раритетами и тому подобным.

Вернувшись на улицу, Кугель отнес мешок к причалу на берегу озера и спрятал его под сетью. Затем двинулся к дому своей жены Марлинки. Скользя вдоль стены, он нашел открытое окно и, перебравшись через него, оказался в спальне.

Она проснулась оттого, что он сдавил ее горло. Марлинка попыталась крикнуть, но он сжал

горло еще сильнее.

— Это я, — прошипел он, — Кугель, твой муж! Вставай и иди за мной! Твой первый же звук будет последним!

Перепуганная девушка повиновалась. По приказу Кугеля она набросила на себя плащ и надела сандалии.

— Куда мы идем? — прошептала она дрожащим голосом.

— Неважно. Выбирайся через окно. И ни звука!

Стоя снаружи, Марлинка бросила испуганный взгляд в сторону башни.

— А кто на страже? Кто охраняет Валл от Магнатца?

— Никто. Башня пуста!

Колени ее задрожали, и девушка без сил опустилась на землю.

— Вставай! — приказал Кугель. — Нам нужно идти!

— Но никто не сторожит, — лепетала она. — Это делает недействительным заклинание, наложенное волшебником, а Магнатц поклялся отомстить, когда вахта кончится!

Кугель грубым рывком поднял девушку на ноги.

— Меня это не касается. Я снимаю с себя ответ-

ственность. Разве вы меня не одурачили, чтобы принести в жертву? Где обещанная роскошь? Изысканная пища? А моя супруга — как насчет нее?

Девушка плакала, закрыв лицо руками, а Кугель тащил ее к причалу. Он подтянул рыбацкую лодку, бросил туда мешок с добычей и приказал девушке войти в нее.

Отвязав лодку, он сел за весла и поплыл по озеру. Марлинка впала в еще больший ужас.

— Водовороты затянут нас на дно! Ты окончательно сошел с ума?

— Вовсе нет. Я внимательно изучал водовороты и точно знаю расположение каждого.

Кугель двигался по озеру, считая каждый гребок и глядя на звезды.

— Двести шагов на восток… сто шагов на север… двести шагов снова на восток… пятьдесят шагов на юг…

Кугель греб, а справа и слева от них бушевала вода. Но вот спустился туман, закрыл звезды, и Кугель вынужден был бросить якорь.

— Пока достаточно, — сказал он. — Мы теперь в безопасности, и нам многое нужно решить.

Девушка отпрянула в конец лодки. Кугель пробрался к ней.

— Я твой муж. Разве ты не рада, что мы, наконец, одни? Конечно, комната в гостинице была бы гораздо удобнее, но эта лодка тоже подойдет.

— Нет, — плакал она. — Не трогай меня. Церемония делалась не всерьез, это только уловка, чтобы заманить тебя в башню.

— На шестьдесят лет, пока я в отчаянии не зазвоню в гонг?

— Это не моя вина! Я виновата только в шутке! Но что станет с Баллом? Никто не сторожит, и заклинание разрушено!

— Тем хуже для бесчестных жителей Валла! Они потеряли свои сокровища, свою самую красивую девушку, а когда рассветет, на них набросится Магнатц.

Марлинка отчаянно крикнула, но ее крик заглох в тумане.

— Никогда не произноси этого проклятого имени!

— А почему бы и нет? Я буду громко выкрикивать его. Я сообщу Магнатцу, что действие заклинания кончилось, что он может идти на Валл и отомстить!

— Нет, не нужно!

— Тогда веди себя так, как нужно мне.

Плача, девушка повиновалась, и вскоре туск-

лый красный свет, пробившись сквозь туман, свидетельствовал о наступлении дня. Кугель встал, но туман по-прежнему не позволял видеть берега.

Прошел еще час; поднялось солнце. Скоро жители Валла обнаружат исчезновение Стражника и поднимут тревогу. Кугель рассмеялся. Ветерок разредил туман, открыв ориентиры, которые он запомнил. Он прошел на корму и стал поднимать якорь, но, к его раздражению, якорь застрял.

Он начал дергать, и цепь слегка подалась. Кугель потянул изо всех сил. Снизу поднялся огромный пузырь.

— Водоворот! — в ужасе закричала Марлинка.

— Здесь нет никакого водоворота, — тяжело дыша, ответил Кугель и снова дернул. Цепь ослабла, и Кугель потянул за нее. Глядя вниз, он вдруг увидел огромное бледное лицо, в ноздре которого застрял якорь. И в этот миг глаза открылись.

Кугель бросил цепь, схватился за весла и лихорадочно начал грести к южному берегу.

Из воды поднялась рука размером в дом, ощупывая воздух. Марлинка истошно завопила. Вода поднялась гребнем, лодку подбросило и как щепку понесло к берегу. Магнатц поднялся со дна и сел в центре озера.

Из поселка послышались отчаянные звуки гонга.

Магнатц привстал на колени. Вода и грязь мутными потоками стекали с его огромного тела. Якорь, пронзивший ноздрю, все еще торчал из нее, из раны лилась густая темная жидкость. Он поднял огромную руку и хлопнул по воде. Волна поглотила лодку. Кугель, девушка и мешок с сокровищами оказались в глубинах озера.

Кугель с трудом вынырнул на поверхность. Магнатц встал на ноги и смотрел в сторону Валла.

Кугель поплыл к берегу и, пошатываясь, полуживой выбрался на твердую почву. Марлинка утонула, так же как и сокровища деревни. А Магнатц медленно побрел по озеру к Валлу.

Кугель не стал ждать, что случится дальше. Он повернулся и изо всех сил побежал в горы.

4. Волшебник Фарезм

Горы остались позади; темные ущелья, провалы, каменные вершины — все это превратилось в темную полосу на севере. Некоторое время Кугель брел по краю местности, состоящей из невысоких круглых холмов, напоминавших по цвету и текстуре старое дерево. По периметру эти холмики обрамляли рощицы сине-черных деревьев. Потом он наткнулся на еле заметную тропу, которая долгими изгибами и пологими спусками уходила на юг и вывела его, наконец, на обширную мрачную равнину. В полумиле справа вздымалась линия высоких утесов, которые сразу привлекли его внимание, вызвав болезненное deja vu. — Кугель уставился на них в недоумении. Когда-то в прошлом он определенно видел эти утесы. Но как? Когда? Память не давала ответа.

Он уселся передохнуть на поросший лишайниками камень, но Фрике испытывал нетерпение и стимулировал человека очередным болезненным спазмом. Кугель вскочил на ноги, стеная от усталости, и потряс кулаком в южную сторону — предполагаемое направление, в котором находился Альмери.

— Юкоуну, Юкоуну! Если я смогу отплатить тебе хотя бы за десятую часть моих страданий, мир сочтет меня слишком жестоким!

Он пошел по тропе вдоль утесов, вызвавших у него такое острое и в то же время смутное воспоминание. Заполняя три четверти горизонта, внизу расстилалась равнина, расцвеченная такими же красками, как и поросший лишайником камень, только что покинутый Кугелем. Черные полосы лесистой местности сменялись серой крошкой — ущельями, заполненными обломками скал; неразличимые пятна серо-зеленого, серо-коричневого цветов дополнял свинцовый блеск двух больших рек, исчезающий в дымке у горизонта.

После короткого отдыха суставы Кугеля почему-то еще больше онемели. Он сильно хромал, а сумка нещадно натирала бок. Голод, рвущий желудок, становился угнетающим. Еще одна зарубка против Юкоуну! Правда, Смеющийся Волшебник снабдил его амулетом, превращающим обычно несъедобнее вещества — стекло, дерево, рог, волосы, перегной и подобную дрянь в съедобную пасту. К несчастью — или в этом тоже проявлялся саркастический юмор Юкоуну, — паста сохраняла вкус исходного вещества, и за время

перехода через горы лучшее, что попробовал Кугель, были некоторые съедобные растения и орехи. Был случай, когда за неимением лучшего ему даже пришлось довольствоваться отбросами, обнаруженными в пещере бородатого фавна. Кугель ел как можно меньше; его длинное стройное тело стало совсем худым и изможденным; скулы торчали, как жабры; черные брови, некогда изгибавшиеся так весело, теперь лежали уныло и безжизненно. Да, Юкоуну придется ответить за многое! И Кугель по дороге занимал свою голову тем, что обдумывал, какой именно должна быть его месть, если он когда-нибудь найдет обратный путь в Альмери.

Тропа свернула вниз на плоскую каменистую равнину, где ветер вырезал тысячи гротескных фигур. Осматривая их, Кугель подумал, что они уж слишком правильно расположены. Он остановился и задумчиво потер свой длинный подбородок. Неуловимый рисунок воспринимался с большим трудом, — Кугель даже подумал, не порождение ли это его собственного уставшего мозга. Подойдя поближе, он рассмотрел более мелкие детали: изгибы, шпили, завитки, диски, седловины, неправильные, скрученные и согнутые сферы, веретена, копьевидные высту-

пы — сложнейшая, трудоемкая и замысловатая система изображений, которую вряд ли можно отнести к случайной игре стихий. Кугель озадаченно нахмурился — трудно понять, зачем кто-то затеял такое грандиозное предприятие.

Он пошел дальше и вскоре услышал голоса и перезвон инструментов. Он застыл на месте и осторожно прислушался. Потом снова пошел вперед и увидел группу примерно в пятьдесят человек, которые сильно разнились ростом: от трехдюймовых крошек до более чем двенадцатифутовых верзил. Кугель осторожно приблизился, но рабочие, бросив на него один взгляд, больше не обращали внимания, продолжая рубить, тесать, скрести, царапать, шлифовать, зондировать и полировать скалы с величайшей тщательностью.

Кугель несколько минут наблюдал за ними, потом подошел к стоявшему на помосте мастеру-надсмотрщику, человеку ростом в три фута, который, сверяясь с расстеленным перед ним чертежом, оценивал проделанную работу при помощи какого-то сложного приспособления. Казалось, он одновременно видит все, что происходит вокруг, и во все успевает вмешаться: выкрикнуть инструкции, выбранить лентяев, вовремя предостеречь от ошибки, проинструктировать

новичков, как использовать инструменты. Чтобы подчеркивать свои замечания, он пользовался невероятным указательным пальцем, который вытягивался на тридцать футов, чтобы постучать по поверхности скалы или быстро начертить диаграмму, и так же быстро укорачивался до первоначальных размеров.

Мастер сделал один-два шага назад, на время удовлетворенный ходом работ. Кугель воспользовался удобным моментом и обратился к нему:

— Что за замысловатую работу вы выполняете?

— Нашу работу ты видишь, — пронзительным голосом ответил мастер. — Из скалы мы высекаем фигуры в соответствии с требованиями Мага Фарезма… Эй! Эй! — крик был адресован человеку фута на три выше Кугеля, который бил по скале заостренной кувалдой. — Ты слишком самоуверен! — Палец выбросился вперед. — Осторожней с этой щелью; смотри: тут скала легко раскалывается. Сюда наносишь удар шестой интенсивности по вертикали с полусжатием; а в этот пункт удар четвертой интенсивности на уровне паха; потом воспользуйся лентой четвертного размера и устрани поворот.

Работа снова пошла правильно, и десятник

принялся изучать свой чертеж, с неудовольствием качая головой.

— Слишком медленно! Ремесленники работают, будто под действием наркотиков, и проявляют упрямую глупость. Только вчера Дадио Фессадил, вон тот, ростом в три фута и с зеленым платком на шее, использовал девятнадцатиразмерный замораживатель, чтобы сделать маленькую ямку в обращенном квартофойле.

Кугель удивленно покачал головой: он не мог себе представить такую вопиющую небрежность. И спросил:

— Но зачем нужны эти необыкновенные работы в скалах?

— Не могу сказать, — ответил мастер. — Работа ведется уже триста восемнадцать лет, но за все это время Фарезм ни разу не объяснял ее причины. Но причины должны быть очень важные, потому что он производит ежедневный осмотр и тут же замечает все ошибки. — Тут он повернулся, чтобы подсказать что-то человеку ростом по колено Кугелю, который проявил неуверенность при высечении завитка в спирали. Десятник, сверившись с чертежом, решил вопрос, потом снова повернулся к Кугелю, глядя на него откровенно оценивающе.

— Похоже, ты проницателен и искусен, хочешь поработать? Нам не хватает нескольких работников в категории пол-локтя, или, если ты предпочитаешь более тонкую работу, мы могли бы тебя использовать как подмастерье каменщика семнадцати локтей. Твой рост годится и для того, и для другого, и перед тобой большие возможности для продвижения. Я сам, как видишь, четырех локтей. За год я достиг положения отбойщика, через три года — формовщика, помощника главного каменщика за десять, и служу главным каменщиком уже девятнадцать лет. Мой предшественник был двух локтей, а главный каменщик перед ним — десяти. — И он начал перечислять преимущества работы, которые включают пропитание, жилище, выбор наркотиков, услуги нимфариума с нимфами, плату, начиная с десяти терций в день, различные другие привилегии, включая исполнение самим Фарезмом предсказаний и изгнания злых духов. — Вдобавок Фарезм содержит консерваторию, где каждый может обогатить свой интеллект. Я сам прохожу курс идентификации насекомых, изучаю геральдику королей Старого Гомаза, хоровое пение, практическую каталепсию и ортодоксальную доктрину. Нигде тебе не найти более щедрого хозяина, чем

волшебник Фарезм!

Кугель сдержал улыбку при виде энтузиазма главного каменщика; но в его животе продолжалось голодное урчание, и он не стал сразу отвергать предложение.

— Я никогда не думал о такой карьере, — сказал он. — Ты перечислил привилегии, о которых я и не слыхал.

— Верно; о них вообще мало известно.

— Я не могу сразу сказать да или нет. Это такое решение, которое нужно предварительно всесторонне обдумать.

Главный каменщик глубокомысленно и одобрительно кивнул.

— Мы одобряем взвешенность в решениях наших рабочих: ведь любой неосторожный удар может вызвать самые губительные последствия. Чтобы исправить неточность размером в ширину пальца, приходится убирать целый блок, на его место ставить новый и все начинать заново. И до того времени, пока не будет достигнуто прежнее состояние, все наказываются лишением услуг нимфариума. Поэтому мы не хотим набирать неблагоразумных или несдержанных новичков.

Фиркс, внезапно осознавший задуманную Кугелем задержку, возразил самым болезненным

образом. Схватившись за живот, Кугель отошел в сторону и, пока главный каменщик недоуменно смотрел на него, жарко заспорил с Фирксом.

— Я не могу дальше идти без пропитания. — В ответ Фиркс еще раз вцепился когтями. — Невозможно! — воскликнул Кугель. — Амулет Юкоуну должен теоретически накормить, но я больше такое питание выносить не могу, меня просто выворачивает! Помни, если я упаду мертвым, ты никогда не вернешься в чан Юкоуну к своему другу!

Фиркс признал справедливость этих доводов и неохотно успокоился. Кугель вернулся к помосту; тем временем главный каменщик отвлекся из-за открытия большого турмалина, мешавшего проведению сложной спирали. В конце концов Кугель сумел привлечь его внимание.

— Пока я буду взвешивать предложение работы и противоречащие друг другу преимущества увеличения или уменьшения, мне понадобится постель, на которой можно отдохнуть. И я хотел бы испробовать вашу пищу и описанные тобой привилегии в течение одного-двух дней.

— Твое благоразумие похвально, — объявил главный каменщик, одобрительно поглядывая на Кугеля. — Нынешнее поколение торопится и

совершает действия, о которых потом жалеет. Не так было в дни моей юности, когда преобладали воздержанность и осторожность. Я распоряжусь, чтобы тебя поселили, и ты сам сможешь убедиться в истинности всех моих слов. Фарезм строг, но справедлив, и только тот, кто неосторожно рубит скалу, может на него пожаловаться. Но смотри: вот и сам волшебник Фарезм идет на свой ежедневный осмотр!

На тропе показалась величественная фигура человека в необъятных белых одеждах. Его ласковое лицо было обрамлено белыми волосами, напоминавшими пух, а обращенные вверх глаза, говорили, что он поглощен невыразимо сложными рассуждениями. Его руки были спокойно сложены на груди, а двигался он, не переставляя ноги. Рабочие почтительно его приветствовали, сняв головные уборы и кланяясь, а Фарезм отвечал им степенным наклоном головы. Увидев Кугеля, он остановился, быстро осмотрел законченную к этому времени работу, потом неторопливо заскользил к помосту.

— Сегодня все точно, — сказал он главному каменщику. — Мне кажется, полировка на нижней стороне эпи-проекции 56–16 не очень ровная, и я заметил маленький скол во вторичном по-

ясе девятнадцатого шпиля. Но ни одно из этих нарушений не кажется серьезным, и никаких дисциплинарных акций не последует.

— Неисправности будут устранены, неосторожные рабочие наказаны! — в гневе и страсти воскликнул главный каменщик. — А теперь я хочу представить возможного новобранца. Он утверждает, что не обладает опытом такой работы и хотел бы подумать, прежде чем присоединиться к нам. Если он даст согласие, я думаю, начнет с обычного периода сбора осколков, прежде чем ему поручат заточку инструмента и предварительные раскопки.

— Да, это соответствовало бы нашей обычной практике. Однако… — Фарезм без всяких усилий скользнул вперед, взял левую руку Кугеля и произвел быстрое гадание по кончикам пальцев. Его ласковое выражение стало серьезным. — Я вижу противоречия четырех видов. И мне ясно, что твои способности лучше проявлять не в работе с камнем. Советую тебе поискать другое, более соответствующее твоему характеру занятие.

— Прекрасно сказано! — воскликнул главный каменщик. — Волшебник Фарезм демонстрирует свой непогрешимый альтруизм! И я соответственно беру назад свое предложение работы!

Поэтому тебе незачем обдумывать мое предложение, больше нет смысла проверять постель и пищу, и ты можешь не тратить своего драгоценного времени.

У Кугеля вытянулось лицо.

— Такое беглое предсказание может оказаться неточным.

Главный каменщик вытянул вверх на тридцать футов указательный палец, чтобы выразить свой гневный протест, но Фарезм спокойно кивнул.

— Совершенно верно. И я с радостью выполню более Полное предсказание, хотя для этого потребуется от шести до восьми часов.

— Так долго? — удивленно спросил Кугель.

— Это только минимум. Прежде всего, тебе нужно будет с головы до ног обмазаться внутренностями только что убитых сов, потом принять ванну с добавлением некоторых органических веществ. Разумеется, я должен буду прижечь мизинец на твоей левой ноге и значительно расширить твой нос, чтобы туда смог пролезть жук-исследователь, который должен будет изучить входы и выходы в твои чувствительные органы. Пойдем в мою предсказательную и там совершим все необходимое.

Кугель потянул себя за подбородок, вправо,

влево. Наконец он сказал:

— Я осторожный человек и должен подумать над необходимостью такого предсказания; поэтому мне потребуется несколько дней спокойной рассудительной сонливости. Ваш поселок и находящийся в нем нимфариум, как мне кажется, дают для этого все возможности; поэтому…

Фарезм снисходительно покачал головой.

— Осторожность, как и другие добродетели, может быть доведена до абсурда. Предсказание должно начаться немедленно.

Кугель пытался спорить и дальше, но Фарезм не уступал и вскоре уплыл по тропе.

Кугель мрачно отошел к скале, обдумывая возможные уловки. Солнце подходило к зениту, и рабочие начали обсуждать предстоящий обед. Наконец главный каменщик дал сигнал; все положили инструменты и собрались вокруг повозки, в которой привезли еду.

Кугель весело сказал, что с удовольствием присоединится к еде, но главный каменщик не желал об этом и слышать.

— Как и во всех прочих делах Фарезма, должна соблюдаться абсолютная точность. Немыслимое несоответствие, чтобы сорок четыре человека ели пищу, предназначенную для сорока трех.

Кугель не нашелся, что ответить, и молча сидел, пока рабочие поедали мясной пирог, сыр и соленую рыбу. Никто не обращал на него внимания, кроме одного, ростом в четверть элла, чье великодушие намного превосходило рост, и который хотел отдать Кугелю часть своей пищи. Кугель ответил, что он совсем не голоден, и, встав, отправился бродить среди работ, надеясь найти где-нибудь забытый запас пищи.

Он бродил там и тут, но сборщики осколков убрали все до последней крошки. С неутоленным голодом Кугель добрался до центра работ и тут на резном диске увидел очень необычное существо: желатиновый шар, в котором сверкали разноцветные частицы. От шара отходило множество прозрачных щупальцев, которые к концу сужались и как бы исчезали. Кугель нагнулся, осматривая существо, которое пульсировало в медленном внутреннем ритме. Он потрогал его пальцем, и от места прикосновения побежали яркие искорки. Интересно: существо с уникальными свойствами!

Достав из одежды булавку, он кольнул в щупальце, вызвав вспышку раздраженного свечения, а в шаре еще быстрее забегали золотые искорки. Сильно заинтересованный, Кугель

придвинулся и занялся экспериментами, тыкая иголкой там и тут, и с удовольствием следя за гневными вспышками.

Ему в голову пришла новая мысль. Существо было похоже одновременно на кишечнополостное и иглокожее. Какая-нибудь мутация? Моллюск, лишившийся раковины? Самое главное: съедобно ли оно?

Кугель достал свой амулет и приложил к центральному шару и по очереди ко всем щупальцам. Звонка не было: существо не ядовито. Он раскрыл нож и попытался отрезать одно из щупальцев, но оно оказалось слишком упругим и ножу не поддавалось. Поблизости находилась жаровня, на которой рабочие калили и заостряли свои инструменты. Кугель поднял существо за два щупальца, отнес к жаровне и, подвесив над огнем, тщательно поджарил. Когда он решил, что обед готов, Кугель попытался его съесть. После нескольких неудачных попыток он затолкал существо в горло, обнаружив при этом, что оно безвкусно и совсем не питательно.

Резчики возвращались к работе. После многозначительного взгляда главного каменщика Кугель двинулся дальше по тропе.

Жилище волшебника Фарезма находилось

поблизости — низкое длинное здание из расплавленного камня, покрытое восемью странной формы куполами из меди, слюды и яркого синего стекла. Сам Фарезм сидел перед своим домом, со спокойным великодушием глядя на долину. Увидев Кугеля, он поднял руку в приветствии.

— Желаю тебе приятного пути и успеха во всех делах.

— Естественно, я ценю пожелание, — с горечью ответил Кугель. — Но ты мог бы оказать мне большую услугу, предложив хотя бы пообедать.

Фарезм сохранял спокойное благодушие.

— Это было бы неправильное альтруистическое действие. Преувеличенное великодушие развращает реципиента и сводит на нет его собственные усилия.

Кугель горько рассмеялся.

— Я человек железных принципов и не жалуюсь, хотя вынужден был из-за отсутствия продовольствия пообедать жестким прозрачным насекомым, которое нашел в центре работ.

Фарезм развернулся и с неожиданным напряжением посмотрел на него.

— Ты говоришь, большое прозрачное насекомое?

— Насекомое, эпифит, моллюск — кто знает?

Никогда такого не видел, и вкус у него, даже после того, как я его поджарил на жаровне, был незнакомый.

— Опиши существо в подробностях.

Удивленный строгостью Фарезма, Кугель повиновался.

Фарезм взлетел в воздух на семь футов и с яростью взглянул на Кугеля. Он заговорил низким хриплым голосом:

— Оно вот таких и таких размеров. — Он указал руками. — Прозрачное, похожее на желатин, но со множеством золотых искорок. Искорки движутся и пульсируют, когда существо встревожено. Щупальца к концу становятся полупрозрачными и, кажется, не заканчиваются, а просто исчезают. Переварить это существо нелегко.

Фарезм схватился за голову, впился пальцами в желтоватый пушок волос. Закатил глаза и испустил трагический вопль.

— Ах! Пятьсот лет я трудился, чтобы приманить это существо, отчаивался, сомневался, размышлял ночи напролет, но никогда не отказывался от надежды, что мои вычисления правильны и расчеты убедительны. И вот когда оно, наконец, появилось, ты используешь его, чтобы насытить свой аппетит!

Кугель, испуганный гневом Фарезма, заявил об отсутствии злых умыслов. Смягчить Фарезма не удалось. Он провозгласил, что Кугель вторгся в чужие владения, и потому не может утверждать, что злых намерений не было.

— Само твое существование приносит вред, и я сразу это заметил. Но моя доброта привела к попустительству, теперь я считаю это серьезной ошибкой.

— В таком случае, — с достоинством заявил Кугель, — я немедленно удаляюсь. Желаю тебе удачи в оставшуюся часть дня, а засим — прощай.

— Не так быстро, — холодным голосом возразил Фарезм. — Нарушено равновесие; причиненное зло требует противопоставить ему соответствующее действие и восстановить Закон Равновесия. Серьезность твоего проступка я могу объяснить так: если бы я раздробил тебя на мельчайшие частицы, искуплена была бы только одна десятимиллионная часть вреда. Необходимо более строгое наказание.

Кугель с большой тревогой заговорил:

— Я понимаю, что совершил проступок с серьезными последствиями, но вспомни: мое участие в этом чисто случайное. Я категорически заявляю,

во-первых, о своем полном незнании, во-вторых, об отсутствии преступных целей и, в-третьих, приношу свои глубочайшие извинения. А сейчас, поскольку мне предстоит пройти многие лиги, я…

Фарезм сделал категорический жест. Кугель замолчал. Фарезм глубоко вздохнул.

— Ты не можешь даже представить, какое бедствие принес мне. Я объясню, чтобы тебя не удивили ожидающие строгости. Как я уже упоминал, появление этого существа — кульминация моих огромных усилий. Я определил его природу, изучив сорок две тысячи книг, написанных шифрованным языком, — на это потребовалось сто лет. Вторую сотню лет я готовил точный чертеж рисунка, который привлечет его, и описывал все необходимые приготовления. Потом я нанял каменщиков и в течение трехсот лет готовил свой рисунок. Поскольку подобное включает подобное, все вариации и интерсекции создают супраполяцию всех пространств, включая все промежутки и интервалы в криптохорроидный виток, совместно существующий в потенциации субубитального спуска. Сегодня произошла концентрация; «существо», как ты его называешь, проявилось; и ты в своей идиотской злобе

пожрал его.

Кугель с ноткой высокомерия заметил, что «идиотская злоба», упомянутая рассерженным Магом, была обыкновенным голодом.

— Но что такого необыкновенного в этом существе? В сети любого рыбака можно найти множество еще более уродливых.

Фарезм выпрямился во весь свой рост, посмотрел на Кугеля сверху вниз.

— «Существо», — сказал он резким голосом, — есть ВСЕОБЩНОСТЬ. Центральный шар — это все пространство, видимое снаружи. Щупальца — это вихри, ведущие во все эпохи, и невозможно представить себе, какое ужасное действие ты совершил, когда трогал и пробовал, жарил и пожирал его.

— Но ведь я его переварю, — сказал Кугель. — И все эти разнообразные элементы пространства, времени и действительности сохранят свою сущность, пройдя через мой пищеварительный тракт.

— Ба! Это глупая мысль! Достаточно сказать, что ты причинил вред и создал серьезное напряжение в онтологической ткани. Тебе придется восстанавливать равновесие.

Кугель поднял руки.

— Но, может, произошла ошибка? Может, это «существо» всего лишь псевдоВСЕОБЩНОСТЬ? И нельзя ли еще раз привлечь это «существо»?

— Первые две теории непригодны. Что касается последней, должен признать, что в моем мозгу формируется мысль о некоем отчаянном средстве. — Фарезм сделал жест, и ноги Кугеля приросли к земле. — Я отправляюсь в предсказательскую, чтобы подумать обо всех последствиях этого ужасного происшествия. В свое время я вернусь.

— К этому времени я совсем ослабну от голода, — раздраженно сказал Кугель. — В сущности, корка хлеба и кусок сыра, которые я просил, предотвратили бы все эти неприятности, за которые меня теперь упрекают.

— Молчать! — прогремел Фарезм. — Не забудь, я еще должен решить вопрос о твоем наказании. Верх бесстыдства и безрассудности — укорять человека, который изо всех сил старается сохранить здравомыслие и спокойствие!

— Позволь мне сказать пару слов! — ответил Кугель. — Если, вернувшись после гадания, ты найдешь меня мертвым, стоит ли зря тратить время на обдумывание наказания?

— Оживление — это нетрудная задача, — ска-

зал Фарезм. — Множество смертей в различных обстоятельствах от разнообразных причин, возможно, в какой-то степени соответствуют степени твоей вины и могут послужить наказанием. — Он двинулся было к предсказательской, но потом повернулся и сделал нетерпеливый жест. — Идем: проще накормить тебя, чем возвращаться за тобой на дорогу.

Ноги Кугеля снова стали свободны, и он прошел вслед за Фарезмом через широкую арку в предсказательскую. В большой комнате со скошенными стенами, освещенной трехцветными многогранниками, Кугель проглотил пищу, появившуюся перед ним по приказу Фарезма. Тем временем сам Фарезм уединился в своем кабинете и занялся процессом предсказания. Время шло, Кугель становился все беспокойнее, трижды он подходил к кабинету. И каждый раз его останавливало появление привидения: вначале в форме кровожадного зверя, затем в виде зигзагообразной молнии энергии и, наконец, в виде двух десятков блестящих пурпурных ос.

Обескураженный Кугель вернулся к скамье, оперся локтями на длинные ноги, положил голову на руки и стал ждать.

Наконец появился Фарезм в мятой одежде,

желтый пушок на его голове встал дыбом и превратился в мешанину маленьких иголочек. Кугель медленно поднялся на ноги.

—

Я установил местонахождение ВСЕОБЩНОСТИ, — сказал Фарезм, и голос его звучал, как удары большого гонга. — Освободившись из твоего живота, она, в негодовании, отпрыгнула на миллион лет в прошлое.

Кугель печально покачал головой.

— Позволь выразить свое сочувствие и дать совет: никогда не отчаивайся! Возможно, «существо» еще появится здесь.

— Перестань болтать! ВСЕОБЩНОСТЬ необходимо вернуть. Идем!

Кугель неохотно последовал за Фарезмом в маленькую комнатку, облицованную синей плиткой и накрытую куполом из голубого и оранжевого стекла. Фарезм указал на черный диск в центре комнаты.

— Становись туда!

Кугель мрачно повиновался.

— В некотором смысле я чувствую, что…

— Молчать! — Фарезм вышел вперед. — Видишь этот предмет? — Он указал на белый шар размером в два кулака, на котором было

вырезано огромное количество мелких деталей непонятного назначения. — Это исходный рисунок, повторенный в моей гигантской работе. Он выражает символическое значение НИЧТО, к которому по необходимости стремится ВСЕОБЩНОСТЬ, в соответствии со Вторым законом криптохорроидного родства Кратинжа, с которым ты, вероятно, знаком.

— Даже не слыхал, — ответил Кугель. — Но могу ли я узнать твои намерения?

Губы Фарезма сложились в холодную улыбку.

— Я собираюсь произнести одно из самых мощных заклинаний. Это заклинание настолько нестабильно, мощно и связано с непредсказуемыми последствиями, что Фандаал, верховный волшебник Великого Мотолама, запретил его использование. Если я с ним справлюсь, ты будешь перенесен на миллион лет в прошлое. И там будешь жить, пока не выполнишь свою миссию. Потом сможешь вернуться.

Кугель быстро сошел с черного диска.

— Я для такого дела не подхожу. Горячо советую использовать для этой миссии кого-нибудь другого!

Фарезм не обратил внимания на его слова.

— Миссия, естественно, заключается в

том, чтобы привести этот шар в контакт со ВСЕОБЩНОСТЬЮ. — Он достал клубок спутанного серого вещества. — Чтобы облегчить поиск, даю тебе этот инструмент. Он соотносит все существующие в мире слова с известной тебе системой значений. — Фарезм сунул комок в ухо Кугелю, и тот сейчас же присоединился к слуховым нервным окончаниям. — Теперь, — сказал Фарезм, — послушав незнакомый язык в течение трех минут, ты сможешь свободно им пользоваться. И еще один предмет, повышающий шансы на успех, — вот это кольцо. Видишь его камень: когда ты окажешься на расстоянии лиги от ВСЕОБЩНОСТИ, огонек в камне будет указателем пути. Ясно?

Кугель неохотно, кивнул.

— Нужно подумать еще об одном. Предположим, твои вычисления неверны и ВСЕОБЩНОСТЬ вернулась в прошлое только на девятьсот тысяч лет. Что тогда? Я должен окончить жизнь в этом предположительно варварском времени?

Фарезм недовольно нахмурился.

— Это предполагает ошибку в десять процентов. Моя система редко допускает ошибку больше одного процента.

Кугель начал подсчитывать, но Фарезм указал

на черный диск.

— Назад! И не двигайся во избежание худшего!

Кугель, вспотевший, на дрожащих ногах, вернулся в указанное место.

Фарезм отошел в конец комнаты, где вступил внутрь кольца, свернутого из золотой трубки, кольцо тут же поднялось и спиралью охватило все его тело. Со стола он взял четыре черных диска и начал ловко жонглировать ими с такой фантастической скоростью, что они расплывались в глазах Кугеля и сливались в одно неясное пятно. Наконец Фарезм отбросил диски в сторону. Они повисли в воздухе, и, вращаясь, постепенно приближались к Кугелю.

Потом Фарезм достал белую трубку, прижал ее к губам и произнес заклинание. Трубка раздулась и превратилась в огромный шар. Фарезм закрыл ее конец и, произнося громогласное заклинание, бросил ее на вращающиеся диски. Все взорвалось. Кугеля подхватило, понесло одновременно в разных направлениях, в то же время его продолжало сжимать со всех сторон — толчок в противоположном направлении, эквивалентный давлению в миллион лет. И среди ослепительных вспышек и искаженных изображений Кугель потерял сознание.

Кугель проснулся в оранжево-золотом сиянии солнечного света — такого яркого солнца он раньше никогда не знал. Он лежал на спине, глядя в теплое голубое небо, более светлое и мягкое, чем небо цвета индиго, которое он знал в собственном времени.

Он пошевелил руками и ногами и, не обнаружив никаких повреждений, сначала сел, а потом медленно встал на ноги, мигая от непривычно яркого света.

Топография изменилась совсем немного. Горы на севере казались выше и круче, и Кугель не смог увидеть путь, по которому пришел (точнее, по которому придет). На месте приманки Фарезма росли деревья с легкой пушистой светло-зеленой листвой, на их ветвях висели гроздья красных ягод. Долина была такой же, но реки текли по другим руслам и в удалении видны были три больших города. От долины поднимался незнакомый терпкий запах, смешанный с запахами плесени и затхлости, и Кугелю показалось, что в воздухе висит какая-то печаль; в сущности, он решил, что слышит музыку — медлительную грустную мелодию, такую печальную, что на глаза наворачивались слезы. Он поискал источник этих звуков, но мелодия уже затихла, раство-

рилась в воздухе, и только когда он перестал прислушиваться, вернулась снова.

Впервые Кугель взглянул на утесы, вздымавшиеся на западе, и на этот раз ощущение deja-vu стало еще сильнее. Кугель удивленно подергал себя за подбородок. Через миллион лет он вторично увидит эти утесы, значит, сейчас он их видит в первый раз. Но это также и второй раз, потому что он хорошо помнит предыдущую встречу с холмами. С другой стороны, нельзя нарушать логику времени, и в соответствии с этой логикой все-таки нынешний взгляд на утесы — первый. Парадокс, подумал Кугель, трудная задача! Но что за событие вызывало это странное пронизывающее чувство, которое он ощутил в обоих случаях?

…Кугель перестал обдумывать эту тему как не сулящую никакой выгоды и уже начал поворачиваться, когда его взгляд уловил какое-то движение. Он снова взглянул на утесы, и воздух вдруг заполнился уже слышанной им музыкой — музыкой боли и экзальтированного отчаяния. Кугель смотрел в удивлении. Большое крылатое существо в белом пролетело в воздухе над краем утесов. Его огромные крылья были длинными, с ребрами из черного хитина, соединенными серой

перепонкой. Кугель в благоговейном страхе следил, как оно влетело в пещеру, расположенную у вершины одного из самых больших утесов.

Прозвенел гонг; Кугель не смог определить направления, откуда шел звук. Резонанс заставил воздух содрогнуться, а когда последние обертоны стихли, неслышная музыка снова стала почти ощутимой. Из долины появилось еще одно крылатое существо, оно несло человека, возраст и пол которого Кугель не смог определить на расстоянии. Существо повисло над утесами и выпустило свою ношу. Кугелю показалось, что он слышит слабый крик, музыка звучала печально, величественно, благородно. Тело, казалось, очень долго падало с большой высоты и, наконец, ударилось о землю у основания холмов. Крылатое существо, выронив человека, скользнуло на утес, сложило крылья и вытянулось, как часовой, глядя на долину.

Кугель быстро спрятался за скалой. Заметили ли его? Он не знал. Глубоко вздохнул. Этот печальный золотой мир прошлого ему не нравится. Чем скорее он отсюда уберется, тем лучше. Он осмотрел кольцо, которым снабдил его Фарезм, но камень был тусклым, как стекло, никакие искорки не указывали направление к ВСЕОБЩНОСТИ.

Этого Кугель и боялся. Фарезм ошибся в своих расчетах, и Кугель никогда не сможет вернуться в свое время.

Звук хлопающих крыльев заставил его опять взглянуть в небо. Он отскочил назад и прижался в укрытии за скалой. Печальная музыка удалилась, крылатое существо пролетело на фоне солнца и бросило новую жертву к подножию утесов. Затем с хлопаньем крыльев приземлилось на выступе и вошло в пещеру. Кугель встал и, пригнувшись, побежал по тропе в янтарных сумерках.

Тропа вскоре привела в небольшую рощу, и здесь Кугель остановился, чтобы перевести дыхание. Дальше он продолжил путь осторожнее. Он пересек полосу обработанной земли, на которой стояла пустая хижина. Кугель хотел использовать ее в качестве убежища на ночь, но ему показалось, что изнутри на него смотрит какая-то черная фигура, и он прошел мимо.

Тропа уводила от утесов, через холмистую равнину, и как раз перед наступлением темноты Кугель подошел к деревне на берегу пруда.

Приближался он с большой опаской, но опрятность улиц и признаки хорошего ведения хозяйства подбодрили его. В парке у пруда стоял павильон, вероятно, предназначенный для пред-

ставлений, даваемых музыкантами, мимами и декламаторами. Парк окружали аккуратные маленькие дома с высокими фронтонами, увенчанными декоративными гребнями. На противоположной стороне пруда находилось большое здание с красивым фасадом, выложенным эмалированными красными, желтыми и синими пластинками. Крыша здания представляла собой три высоких гребня. Центральный, самый высокий, конек поддерживал панель со сложным резным изображением, а на боковых были установлены многочисленные сферические фонари голубого цвета. Широкий навес перед зданием укрывал столики и скамьи на открытом воздухе. Все это освещалось красными и желтыми фонарями в форме шаров. За столиками отдыхали жители поселка. Старшие курили, пили вино, а юноши и девушки исполняли эксцентрический танец с высоким подбрасыванием ног под музыку труб и концертино.

Приободрившись мирным спокойствием этой сцены, Кугель подошел к навесу. Жители деревни относились к типу людей, никогда раньше не виденному Кугелем: сравнительно невысокие, с большими головами и длинными беспокойными руками. Кожа их была сочного оранжевого

цвета, глаза и зубы черные, волосы, тоже черные, свисали у мужчин вокруг лиц, оканчиваясь голубыми нитями бусин, а у женщин были закручены вокруг колец и крючков, в результате чего получались немыслимо сложные прически. Тяжелые челюсти поддерживали широкие плоские скулы, а длинные раскосые глаза, внешние края которых были опущены, смешно выкачены. Длинные носы и уши легко шевелились, отчего лица этих людей становились очень живыми и подвижными. Мужчины были одеты в черные камзолы и коричневые плащи, а замысловатый головной убор представлял собой широкий диск, черный цилиндр и еще один диск меньшего размера, окруженный позолоченным шаром. Одежда женщин тоже не отличалась богатством красок. Они носили черные брюки, коричневые блузки с эмалированным диском на животе, а к каждой ягодице был подвешен искусственный хвост из зеленых или красных перьев, возможно, показатель их брачного статуса.

Когда Кугель вышел на свет фонарей, все разговоры смолкли. Носы застыли, взгляды устремились к нему, уши изогнулись в любопытстве. Кугель улыбался направо и налево, в вежливом приветствии взмахивал руками. Он присел у

пустого столика.

Под навесом начались возбужденные разговоры, но слишком тихие, чтобы Кугель их услышал. Вскоре один из стариков подошел к столику Кугеля и произнес фразу, которую Кугель не понял, потому что устройство Фарезма еще не набрало достаточного материала для преобразования значений. Кугель вежливо улыбнулся, беспомощно развел руками. Старик сказал еще что-то, более резко, и снова Кугель показал, что не понимает. Старик неодобрительно резко кивнул и отвернулся. Кугель жестом подозвал хозяина, указал на хлеб и вино на соседнем столике и выразил желание, чтобы ему принесли то же самое.

Хозяин задал вопрос, который, несмотря на его непонятность, Кугель истолковал. Он показал золотую монету, и хозяин удалился.

Разговоры за столиками возобновились, и вскоре Кугель начал понимать их. Поев и напившись, он встал и направился к столику старика, который заговорил с ним первым. Тут он почтительно поклонился.

— Разрешите присесть за ваш столик?

— Конечно, если хочешь. Садись. — Старик указал на стул. — По твоему поведению я решил, что ты не только глух и нем, но еще и ограничен

в умственном развитии. Теперь ясно, что ты, по крайней мере, можешь говорить и слышать.

— Я обладаю и разумом, — сказал Кугель. — Как путешественник издалека, незнакомый с вашими обычаями, я решил спокойно понаблюдать некоторое время, чтобы из-за своего незнания не нарушить приличий.

— Разумно, хотя и странно, — заметил старик. — Но твое поведение пока не противоречит правилам и нормам. Можно ли узнать, что привело тебя в Ферван?

Кугель взглянул на кольцо: камень тускл и безжизнен; ВСЕОБЩНОСТЬ находится где-то в другом месте.

— Я живу в отсталой местности; путешествую, чтобы узнать обычаи и стиль жизни более цивилизованных народов.

— Вот как! — Старик некоторое время обдумывал его слова, потом одобрительно кивнул. — Твоя одежда и тип лица мне незнакомы; где же твоя родина?

— Она так далеко, что до настоящего времени я никогда не слышал о Ферване.

Старик удивленно взмахнул ушами.

— Что, разве неизвестен знаменитый Ферван? Ты не слышал о больших городах — Импрегосе,

Таруве, Равержанде? А как насчет великолепного Семберса? Неужели до тебя не дошла слава Семберса? Его жители изгнали звездных пиратов; они привели море в землю Платформ; а роскошный дворец Падагара ни с чем не сравним!

Кугель печально покачал головой.

— Даже слух об этом великолепии не дошел до меня.

Старик мрачно дернул носом. Ясно, что Кугель придурок. Он коротко заявил:

— Дела обстоят именно так, как я сказал.

— Нисколько не сомневаюсь, — ответил Кугель. — Наоборот, я признаю свое невежество. Но расскажи мне еще, потому что, возможно, мне придется надолго задержаться в этом месте. Например, что за крылатые существа живут в скалах? Кто они такие?

Старик указал на небо.

— Если у тебя зрение ночного титвита, то ты сможешь увидеть темную луну, вращающуюся вокруг Земли, иначе ты ее не заметишь, кроме, разве что, тех моментов, когда она отбрасывает свою тень на солнце. Крылатые существа — жители этого темного мира, и их подлинная природа неизвестна. Они служат великому богу Элессию следующим образом: когда мужчине или

женщине приходит время умирать, крылатые существа узнают об этом по отчаянному сигналу Норны умирающего. Тогда они спускаются к несчастному и уносят его к пещерам, которые на самом деле представляют собой волшебный проход в благословенную землю Биссом.

Кугель откинулся на спинку стула и вопросительно поднял брови.

— Вот как! — произнес он голосом, который показался старцу недостаточно серьезным.

— Нет никакого сомнения в истинности изложенных мной фактов. Ортодоксальная религия основана на фундаменте аксиом, и две эти системы взаимно укрепляют друг друга; поэтому они вдвойне подтверждены.

Кугель нахмурился.

— Все, несомненно, обстоит именно так, как ты утверждаешь. Но соблюдают ли крылатые существа точность в выборе своих жертв?

Старик раздраженно постучал по столу.

— Доктрина неопровержима, потому что те, кого уносят крылатые существа, никогда не остаются в живых, даже если с виду у них отличное здоровье. Конечно, падение с большой высоты на камни вызывает смерть, но милость Элессия в том, что он предлагает быструю смерть вместо

возможной медленной ужасной гибели от тяжелого заболевания. Система обладает высшим милосердием. Крылатые существа призывают к себе только умирающих, которые затем через волшебное отверстие проходят в благословенную землю Биссом. Бывает, что еретики возражают против ортодоксальной точки зрения, но я надеюсь, ты разделяешь ортодоксальный взгляд?

— От всего сердца, — подтвердил Кугель. — Догматы твоей веры поразительно доказательны. — И он отпил своего вина. Не успел он поставить свой кубок, как в воздухе зазвучала музыка: аккорд бесконечно сладкий, бесконечно печальный. Все сидящие под навесом смолкли, хотя Кугель не был уверен, что на самом деле слышал музыку.

Старик слегка съежился, отпил из своего кубка. Только потом он взглянул вверх.

— Как раз сейчас над нами пролетело крылатое существо.

Кугель задумчиво потянул себя за подбородок.

— А как защититься от крылатого существа?

Вопрос оказался неуместным; старик посмотрел на него сердито и при этом загнул вперед уши.

— Если человеку предназначено умереть, по-

является крылатое существо. Если же нет, ему нечего бояться.

Кугель несколько раз кивнул.

— Ты разрешил мое затруднение. Завтра — поскольку у меня отличное здоровье — давай пойдем к холмам и прогуляемся взад-вперед.

— Нет, — ответил старик, — и вот по какой причине: воздух на такой высоте вреден для здоровья, и там можно надышаться ядовитых испарений, что может плохо сказаться на самочувствии.

— Я все понял, — сказал Кугель. — Давай оставим эту печальную тему. Пока что мы здоровы, и вино здесь отличное. Давай есть, пить и наблюдать за весельем. Молодые люди танцуют очень живо.

Старик осушил свой кубок и встал.

— Поступай, как знаешь, а у меня время ритуального унижения, поскольку этот акт представляет собой неотъемлемую часть нашей веры.

— Время от времени я тоже совершаю нечто подобное, — сказал Кугель. — Желаю тебе насладиться вашим обычаем.

Старик отошел от стола, и Кугель остался в одиночестве. Вскоре вокруг него собралась любопытная молодежь, и Кугель снова объяснил причину своего появления, хотя на этот раз не

подчеркивал варварской сущности своей родины: среди подошедших было несколько девушек, которые привлекали Кугеля экзотическим цветом кожи и живостью поведения. Принесли еще вина, и Кугеля уговорили присоединиться к прыгающим жителям, подскакивающим в местном танце, вскоре он исполнял танцевальные па без всяких колебаний.

Танец сблизил его с особенно привлекательной, на его взгляд, девушкой, которая сказала, что ее зовут Зиамла Враз. После окончания танца она, обняв его за талию, отвела к столику и уселась ему на колени. Никто из окружающих не проявил неодобрения этим поступком, и Кугель приободрился еще больше.

— Я так и не договорился о комнате для ночлега. Может, стоит заняться этим, пока еще не поздно?

Девушка подозвала хозяина.

— Нет ли у тебя комнаты для этого незнакомца с вырубленным лицом?

— Есть. Сейчас покажу.

Он отвел Кугеля в приятную комнату на первом этаже, где находились кровать, комод, ковер и лампа. На одной стене висела шпалера с пурпурно-черной вышивкой, а на другой — изображение

исключительно некрасивого ребенка, заключенного в прозрачный шар. Комната Кугелю понравилась, он поблагодарил хозяина и вернулся под навес. Веселящаяся молодежь начала расходиться. Девушка Зиамла Враз, однако, все еще была там и приветствовала Кугеля с теплотой, которая рассеяла его последние сомнения. Выпив еще вина, он склонился к ее уху.

— Может, я слишком поспешен; может, слишком тщеславен; возможно, нарушаю правила приличия — но почему бы нам не пойти в мою комнату и не позабавиться?

— Действительно, почему бы и нет? — ответила девушка. — Я не замужем, а до того времени по нашим обычаям я могу вести себя, как хочу.

— Прекрасно! — воскликнул Кугель. — Хочешь, чтобы я пошел вперед, а ты тайком за мной?

— Мы пойдем вместе. Нет никаких причин скрываться.

Они вместе прошли в комнату и предались эротическим упражнениям, после которых Кугель уснул в полном истощении сил. День выдался чересчур напряженный.

Среди ночи он проснулся и увидел, что девушки в комнате нет, но в сонном состоянии он не придал этому значения и снова уснул.

Его разбудил стук гневно распахнутой двери. Кугель сел на кровати и увидел, что солнце еще не встало, а на него с ужасом и отвращением смотрит группа людей, возглавляемая стариком, с которым он разговаривал накануне.

Старик дрожащим пальцем указал на него.

— Мне показалось, что я узнал еретика; теперь это несомненно. Он спит, не укрывая головы, и на его подбородке нет священной мази. И девушка Зиамла Враз сообщила мне, что во все время их свидания он ни разу не попросил благословения Элессия!

— Несомненно, ересь! — провозгласили остальные.

— А чего еще ждать от чужеземца? — презрительно спросил старик. — Смотрите: даже сейчас он не делает священного жеста.

— Я не знаю никакого священного жеста! — убеждал Кугель. — Не знаю ваших обрядов. Это не ересь, а простое невежество!

— Не могу в это поверить, — сказал старик. — Только вчера вечером я посвятил тебя в основы ортодоксии.

— Серьезная ситуация, — послышался чей-то зловещий голос. — Ересь существует только из-за гниения Мочки Праведности.

— Это непоправимое и непростительное преступление, — подхватил другой, не менее зловещий голос.

— Верно! Увы, верно! — вздохнул один из стоящих у двери. — Несчастный!

— Пошли! — сказал старик. — Придется заняться этим делом немедленно.

— Не беспокойтесь, — ответил Кугель. — Позвольте мне одеться, я покину ваш поселок и никогда не вернусь в него.

— Позволить тебе распространить повсюду твою еретическую доктрину? Ни в коем случае!

Кугеля схватили и, голого, потащили из комнаты. Его провели по парку к центральному павильону. В центре павильона соорудили загородку из деревянных стволов, куда и бросили Кугеля.

— Что вы делаете? — закричал он, — Я не желаю участвовать в ваших обрядах!

Больше на него никто не обращал внимания. Кугель стоял и смотрел, как жители деревни надувают горячим воздухом большой шар из зеленой бумаги, а потом запустили его в воздух с тремя прицепленными снизу маленькими зелеными фонарями.

На востоке показались бледные отблески зари.

Жители деревни, устроив все к собственному удовлетворению, отошли к краю парка. Кугель попытался перебраться через загородку, но врытые в землю столбы были так гладко отесаны, что руки соскальзывали.

Небо посветлело. Высоко вверху горели зеленые фонари. Кугель, покрывшийся мурашками от утренней прохлады, ходил взад и вперед по своей клетке. Вдруг он застыл, сверху послышалась музыка. Она становилась все громче, доходя до самого порога слышимости. Высоко в небе появилось крылатое существо в белой, колышущейся на ветру одежде. Оно устремилось вниз, и конечности Кугеля обмякли.

Крылатое существо повисло над клеткой, ринулось вниз, завернуло Кугеля в свою белую одежду и попыталось подняться. Но Кугель ухватился за столб, и существо напрасно хлопало крыльями. Столб трещал, стонал, скрипел. Кугель пытался выпутаться из душивших его белых одежд и изо всех сил цеплялся за столб. Столб треснул и раскололся, Кугель схватил обломок и ударил крылатое существо. Острый осколок порвал белый плащ, и существо ударило Кугеля крылом. Кугель ухватился за одно хитиновое ребро и могучим усилием прогнул его назад, так что оно

лопнуло, и крыло оказалось порвано. Крылатое существо в ужасе подпрыгнуло, вынеся Кугеля за пределы клетки, и поскакало через деревню, таща за собой сломанное крыло.

Кугель бежал сзади, колотя его подобранной по дороге дубиной. Он краем глаза видел, как на него в ужасе смотрят жители деревни. Рты у них были широко раскрыты, должно быть, они кричали, но он ничего не слышал. Крылатое существо запрыгало быстрее по тропе, ведущей к утесам, а Кугель продолжал дубасить его изо всех сил. Золотое солнце поднялось над далекими горами. Неожиданно крылатое существо повернулось лицом к Кугелю, и он увидел свирепый взгляд больших глаз, хотя все остальное лицо скрывалось под капюшоном плаща. Смущенный, тяжело дыша, Кугель отступил, — но тут ему пришло в голову, что он совершенно беззащитен от нападения сверху. Поэтому он выкрикнул проклятие, повернулся и бегом бросился обратно к деревне.

Все скрылись. Деревня опустела. Кугель громко рассмеялся. Он вошел в гостиницу, взял свою одежду, прицепил меч. Потом отправился в закусочную и, заглянув в денежный ящик, нашел там груду монет. Он спокойно пересыпал их в свою сумку, в которой уже лежал белый шар, представ-

ляющий НИЧТО. Потом вышел на улицу: лучше уйти, пока его никто не задерживает.

Его внимание привлек отблеск: в кольце на его пальце появилось множество искорок, и все они указывали на тропу, ведущую к утесам.

Кугель устало покачал головой, потом снова посмотрел на огоньки. Без всякого сомнения, они направляли его туда, откуда он только что пришел. Значит, расчеты Фарезма оказались, в конце концов, правильными. Надо действовать решительно, пока ВСЕОБЩНОСТЬ снова не удалилась куда-нибудь.

Он задержался, чтобы отыскать топор, и торопливо пошел по тропе, следуя за указателем кольца.

Недалеко от места, где его оставили, искалеченное крылатое существо сидело на камне, натянув на голову капюшон. Кугель подобрал камень и кинул его в тварь, которая от удара тут же рассыпалась пылью, о ее существовании теперь свидетельствовала только пустая белая одежда.

Кугель пошел дальше, стараясь держаться в укрытиях, которые предоставляла тропа, но это не помогло. Над ним парили крылатые существа. Кугель поиграл топором, пытаясь ударить их, но они только поднялись выше, продолжая кружить

над ним.

Кугель сверился с кольцом и повернул, а крылатые существа продолжали виться над ним. Кольцо засверкало ярче: на скале сидела ВСЕОБЩНОСТЬ!

Кугель сдержал возбужденный крик. Он протянул вперед символ НИЧТО и прижал его к желатиновому шару. Как и утверждал Фарезм, результат последовал немедленно. Кугель почувствовал, что действие заклинания, привязывавшего его к этому времени, кончилось.

Удары больших крыльев! Кугеля сбили на землю. Белая одежда накрыла его; одной рукой удерживая НИЧТО, он не мог действовать топором. Крылатое существо схватило НИЧТО, к которому прикрепилась ВСЕОБЩНОСТЬ, и понесло их к пещере в утесах.

Огромные силы подхватили Кугеля, швырнули его в пространство. В ушах послышался рев, блеснули фиолетовые огни, и Кугель полетел на миллион лет в будущее.

Он пришел в себя в крытой синей плиткой комнате; на губах чувствовался вкус ароматной горячей жидкости. Фарезм, склонившись над ним, похлопал его по лицу и влил еще жидкости в рот.

— Просыпайся! Где ВСЕОБЩНОСТЬ? Как ты вернулся?

Кугель оттолкнул его и сел.

— ВСЕОБЩНОСТЬ! — взревел Фарезм. — Где она? Где мой талисман?

— Сейчас объясню, — хриплым голосом ответил Кугель. — Я уже схватил ее, но тут ее вырвало крылатое существо на службе у бога Эрессии.

— Расскажи, расскажи!

Кугель пересказал события, которые вначале привели его к обладанию, а потом к потере ВСЕОБЩНОСТИ. Лицо Фарезма стало влажным от горя, плечи его обвисли. Наконец он вывел Кугеля наружу, в тускло-красный свет второй половины дня. Вместе они осмотрели утесы, безжизненно и пусто возвышавшиеся перед ними.

— В какую пещеру улетело существо? — спросил Фарезм. — Покажи, если можешь!

Кугель показал.

— Кажется, в эту.

— Оставайся здесь. — Фарезм ушел в свой кабинет и скоро вернулся. — Вот тебе свет. — Он дал Кугелю холодный белый огонь на серебряной цепи. — Приготовься.

Он бросил к ногам Кугеля шарик, который превратился в вихрь, и Кугеля перенесло на

раскрошившийся выступ, который он указал Фарезму. Поблизости находился темный вход в пещеру. Кугель просунул туда пламя. Он увидел пыльный проход шириной в три шага, а потолок располагался выше, чем он мог достать рукой. — Проход уводил в глубину утеса, слегка изгибаясь. Ничего живого не было видно.

Держа перед собой свет, Кугель медленно двинулся в глубь горы, сердце его билось от ужаса перед чем-то, что он сам не мог определить. Он остановился: музыка? Воспоминание о музыке? Прислушался, но ничего не услышал, но когда попытался сделать шаг, ужас сковал ему ноги. Он высоко поднял пламя и стал всматриваться в проход. Куда он ведет? Что там дальше? Пыльная пещера? Мир демонов? Благословенная земля Биссом? Кугель медленно двинулся дальше, напрягая все чувства. На выступе скалы он увидел сморщенный коричневый шар: талисман, который он унес в прошлое. ВСЕОБЩНОСТЬ давно отсоединилась от него и исчезла.

Кугель осторожно поднял хрупкий от прошедшего миллиона лет шар, и вернулся наружу. Вихрь по приказу Фарезма перенес его назад.

С ужасом ожидая гнева Фарезма, Кугель осторожно протянул высохший талисман.

Фарезм взял его.

— Это все?

— Больше ничего нет.

Фарезм выпустил шар. Он ударился о землю и превратился в пыль. Фарезм посмотрел на Кугеля, глубоко вздохнул, сделал жест крайнего раздражения и пошел в свою предсказательскую.

Кугель с облегчением двинулся вниз по тропе, прошел мимо рабочих, в беспокойстве ожидавших приказаний. Они мрачно смотрели на Кугеля, а человек в два локтя высотой бросил в него камнем. Кугель пожал плечами и продолжал идти по тропе на юг. Вскоре он прошел мимо того места, где миллион лет назад располагалась деревня; теперь это была пустошь, заросшая большими изогнутыми деревьями. Пруд исчез, земля была сухой и жесткой. В долине виднелись развалины, но совсем не в тех местах, где некогда находились древние города Импрегос, Тарув и Равержанд, о которых теперь никто не помнил.

Кугель шел на юг. За ним утесы растаяли в дымке и вскоре стали совсем не видны.

5. Пилигримы в гостинице

Большую часть дня Кугель шел по пустыне, где не росло ничего, кроме солончаковой травы. Лишь за несколько минут до захода солнца он вышел на берег широкой реки, рядом с которой пролегала дорога. В полумиле справа виднелось высокое деревянное строение, покрытое снаружи штукатуркой коричневого цвета, очевидно, гостиница. При виде ее Кугель почувствовал большое удовлетворение, потому что весь день ничего не ел, а предыдущую ночь провел на дереве. Через десять минут он распахнул тяжелую, окованную железом дверь и вошел в гостиницу.

Он стоял в вестибюле. По обе стороны от него располагались створчатые окна, позеленевшие от времени, в которых заходящее солнце отражалось тысячами отблесков. Из общего зала доносился веселый гул голосов, звон посуды, запах старого дерева, навощенной плитки, кожи и булькающих котлов. Кугель прошел туда и увидел у огня два десятка человек, которые чинно потягивали вино и обменивались последними новостями.

Хозяин стоял за стойкой — коренастый человек

едва ли по плечо Кугелю с высокой лысой головой и длинной черной бородой, свисающей на целый фут. Глаза у него были выпячены и прикрыты тяжелыми веками; выражение лица спокойное и мирное, как течение реки. Услышав просьбу Кугеля о ночлеге, он с сомнением взялся за нос.

— У меня все занято: в это время как раз пилигримы движутся в Эрзу Дамат. Те, что ты видишь здесь, составляют едва ли половину всех, кого я должен приютить на ночь. Если хочешь, я прикажу расстелить в зале матрац; больше ничего сделать не могу.

Кугель недовольно вздохнул.

— Я ожидал не этого. Мне нужна отдельная комната с хорошей постелью, с окном, выходящим на реку, с тяжелым ковром, чтобы приглушить звуки пения и выкрики в общем зале.

— Боюсь, ты будешь разочарован, — без особого сожаления сказал хозяин, — Единственная комната, подходящая к твоему описанию, уже занята, вон там сидит человек с рыжей бородой, это некто Лодермюльх, он тоже направляется в Эрзу Дамат.

— Может, если сказать, что мне очень нужно, он согласится уступить комнату и проведет ночь на матраце, — предложил Кугель.

— Сомневаюсь, чтобы он отказался от комнаты, — ответил хозяин. — Но почему бы тебе и не спросить самому? Я, откровенно говоря, не собираюсь обсуждать с ним этот вопрос.

Кугель, наблюдая резкие черты лица Лодермюльха, его мускулистые руки, слегка презрительное выражение, с каким он слушал разговоры других пилигримов, согласился с оценкой характера, которую тому дал хозяин, потому и не стал обращаться с просьбой.

— Похоже, придется спать на матраце. Теперь относительно ужина: мне нужна дичь, хорошо поджаренная, приправленная, с гарниром, и еще два-три блюда с твоей кухни.

— Кухня перегружена, и придется тебе вместе с остальными пилигримами есть чечевицу. Вся имеющаяся дичь заказана тем же Лодермюльхом на ужин.

Кугель раздраженно пожал плечами.

— Неважно. Я хочу смыть с лица пыль и выпить вина.

— Во дворе проточная вода и желоб, можешь воспользоваться. Мази, ароматные масла и горячие полотенца за дополнительную плату.

— Достаточно воды. — Кугель прошел за гостиницу и обнаружил там небольшой бассейн.

Умывшись, он осмотрелся и увидел прочный сарай из бревен. Он пошел в сторону гостиницы, но потом остановился, снова посмотрел на сарай. Кугель подошел, открыл дверь и осторожно заглянул внутрь, после чего в задумчивости вернулся в общий зал. Хозяин принес ему кружку подогретого вина, и Кугель отошел к скамье подальше от остальных.

Лодермюльх высказывал свое мнение о так называемых фунамбулских евангелистах, которые, отказываясь ставить ноги на землю, всюду ходят по туго натянутым канатам. Лодермюльх остановился на ошибках их основной доктрины.

— Они считают, что возраст земли двадцать девять эпох, а не двадцать три, как обычно думают. Они утверждают, что на каждом квадратном локте земли умерло и превратилось в прах два с четвертью миллиона человек, создав таким образом повсеместный слой праха покойников, ходить по которому — святотатство. Внешне этот аргумент правдоподобен, но подумайте: прах одного трупа, рассеянный по квадратному локтю, создает слой в тридцать три дюйма толщиной. Таким образом получается, что всю землю покрывает прах умерших, и толщина его более мили. А этого не может быть.

Член этой секты, который, за отсутствием натянутых веревок, передвигался в неуклюжих церемониальных башмаках, возбужденно протестовал:

— Ты говоришь без логики и без понимания! Как можно так абсолютизировать!

Лодермюльх поднял свои пушистые брови в кислом неудовольствии.

— Неужели нужно распространяться дальше? Неужели на океанском берегу воду от земли отделяет утес толщиной в одну милю? Нет. Везде равновесие нарушается. Мысы вдаются в море; часто встречаются песчаные пляжи. Нигде нет массивных отложений серо-белого туфа, на котором основывается твоя доктрина.

— Нелогичная демагогия! — запинаясь, воскликнул фунамбулит.

— Как это? — спросил Лодермюльх, расправляя свою массивную грудь. — Я не привык к насмешкам!

— Не насмешка, а жесткое и холодное опровержение твоего догматизма. Мы утверждаем, что часть праха унесена в океан, часть взвешена в воздухе, часть сквозь щели проникла в подземные пустоты, еще какое-то количество поглощено деревьями, травами и насекомыми, так что зем-

лю покрывает только полмили отложений праха, ходить по которому — святотатство. Почему не видны повсюду утесы, о которых ты упомянул? Из-за влаги, которую выдыхали и выделяли бесчисленные поколения людей прошлого! Эта влага подняла уровень океана, так что нельзя заметить никаких утесов и пропастей. В этом твоя ошибка.

— Ба! — сказал Лодермюльх, отворачиваясь. — Где-то в твоей концепции все равно порок.

— Ни в коем случае! — ответил евангелист с жаром, который всегда отличает эту секту. — Поэтому из уважения к мертвым мы ходим не по поверхности, а на веревках, а когда приходится путешествовать, делаем это в специально освященной обуви.

Во время этого спора Кугель вышел из комнаты. Круглолицый юноша в одежде носильщика подошел к спорщикам.

— Кто здесь достойный Лодермюльх? — спросил он у самого Лодермюльха.

Тот выпрямился.

— Это я.

— Я принес сообщение от человека, доставившего некоторую сумму денег. Он ждет в сарае за гостиницей.

Лодермюльх недоверчиво нахмурился.

— Ты уверен, что этому человеку нужен именно Лодермюльх, профос поселка Барлиг?

— Да, сэр, именно так он и сказал.

— И что это за человек?

— Высокий, в просторном капюшоне. Он сказал о себе, что является вашим близким другом.

— Возможно, — задумался Лодермюльх. — Может быть, Тайзог? Или Креднип?.. Но почему они не подошли ко мне прямо? Несомненно, для этого есть какая-то причина. — Он тяжело встал. — Придется пойти разузнать.

Он вышел из общего зала, обогнул гостиницу и в сумерках посмотрел в сторону сарая.

— Эй, там! — крикнул он. — Тайзог! Креднип! Выходите!

Ответа не было. Лодермюльх подошел к сараю. Как только он вошел в него, Кугель выбежал из-за сарая, захлопнул дверь и запер ее на наружные засовы.

Не обращая внимания на удары и гневные крики, он вернулся в гостиницу. Поискал хозяина.

— Изменение в расположении: Лодермюльха вызвали по важному делу. Ему не потребуется ни комната, ни ужин, и он был так добр, что передал это все мне.

Хозяин потянул себя за бороду, подошел к двери и осмотрел дорогу. Медленно вернулся.

— Весьма необычно! Он заплатил и за комнату, и за дичь и не отдавал никаких распоряжений о возврате.

— Мы с ним договорились к взаимному удовольствию. А чтобы компенсировать твои усилия, я дополнительно заплачу три терции.

Хозяин пожал плечами и взял монеты.

— Мне все равно. Пойдем, я отведу тебя в комнату.

Кугель осмотрел комнату и остался доволен. Вскоре принесли ужин. Жареная дичь была превосходна, так же как и добавочные блюда, заказанные Лодермюльхом, которые хозяин включил в ужин.

Прежде чем лечь, Кугель прогулялся вокруг гостиницы и убедился, что затворы на двери сарая в порядке и хриплые крики Лодермюльха вряд ли привлекут внимание. Он постучал в дверь.

— Тише, Лодермюльх! — строго сказал он. — Это я, хозяин. Не ори так громко: ты тревожишь сон моих гостей.

Не дожидаясь ответа, Кугель вернулся в общий зал и поговорил с предводителем группы пилигримов. Предводитель по имени Гарстанг,

человек тощий и жилистый, с бледной кожей, вытянутым черепом, темными глазами и носом педанта, таким тонким, что он был почти прозрачным, когда Гарстанг подставлял его свету. Обратившись к нему как к человеку образованному и опытному, Кугель спросил у него о дороге в Альмери, но Гарстанг считал этот район вымышленным.

Кугель сказал:

— Альмери действительно существует: я в этом клянусь!

— Значит, твои познания глубже моих, — ответил Гарстанг. — Эта река называется Аск, земля по эту сторону Судун, по ту — Лейас. Южнее находится Эрза Дамат, куда тебе стоит отправиться, а уже оттуда через Серебряную пустыню и Сонганское море. Выдерживай направление — на юг. Там ты сможешь кого-нибудь расспросить.

— Я воспользуюсь твоим советом, — сказал Кугель.

— Мы все, благочестивые гилфигиты, направляемся в Эрзу Дамат для участия в Светлом обряде у Черного Обелиска, — сказал Гарстанг. — Дорога пролегает через безводные, опасные пустыни, и, чтобы уберечься от эрбов и гидов, мы собираемся группами. Если хочешь присоединиться к нашей

группе, разделить с нами трудности, преимущества и ограничения, добро пожаловать.

— Преимущества понятны, — сказал Кугель. — А что за ограничения?

— Подчиняться приказам предводителя; кстати, предводитель — это я, и участвовать в общих тратах.

— Согласен без всяких оговорок, — сказал Кугель.

— Прекрасно! Мы выходим завтра на рассвете, — Гарстанг указал на других членов группы: всего в ней насчитывалось сорок семь человек. — Вот это Витц, он следит за порядком в нашей маленькой группе, а там сидит Гасмайр, теоретик. Человек с железными зубами — Арло, а тот, в синей шляпе с серебряной пряжкой, Войонд, известный волшебник. В данный момент отсутствует почтенный, хотя иногда, непостижимый Лодермюльх, а также известный своей набожностью Субукул. Может, они как раз сейчас испытывают убеждения друг друга. Двое играющие в кости — Парсо и Саланав. Вот это Хант, а вот это Грей. — Гарстанг назвал остальных, рассказал об их особенностях. Наконец Кугель, сославшись на усталость, отправился в свою комнату. Он лег в постель и сразу уснул.

Ранним утром он проснулся от выкриков. Лодермюльх выкопал яму в полу сарая, потом подкопался под стену и выбрался наружу. Он сразу отправился в гостиницу, и перво-наперво попробовал попасть в комнату Кугеля, но тот не забыл закрыть дверь на засов.

— Кто там? — спросил Кугель.

— Открывай! Это я, Лодермюльх! Я хочу спать в этой комнате!

— Ни в коем случае! — объявил Кугель. — Я по-королевски заплатил за отдельную комнату и даже вынужден был ждать, пока хозяин выпроводит предыдущего постояльца. Теперь уходи; я думаю, ты пьян; если хочешь еще выпить, разбуди слугу.

Лодермюльх ушел. Кугель снова лег.

Вскоре он услышал звуки ударов и крики хозяина, которого Лодермюльх схватил за бороду. Очевидно, Лодермюльха выбросили из гостиницы совместными усилиями хозяина, его жены, носильщика, слуги и остальных, а Кугель тем временем с благодарностью вернулся ко сну.

До рассвета пилигримы и вместе с ними Кугель встали и позавтракали. Хозяин почему-то был в дурном настроении и показывал ушибы, но не задал никаких вопросов Кугелю, который, в свою

очередь, тоже помалкивал.

После завтрака пилигримы собрались у порога, где к ним присоединился Лодермюльх, который всю ночь расхаживал по дороге.

Гарстанг пересчитал группу и засвистел в свой свисток. Пилигримы двинулись вперед, через мост и по южному берегу Аска к Эрзе Дамат.

Плот на реке

Три дня пилигримы шли вдоль реки Аска, ночи проводили за баррикадой возводимого волшебником Войондом магического круга, составленного из осколков слоновой кости. Предосторожность необходимая, потому что за баррикадой, еле видные в отблесках костра, бродили существа, жаждущие присоединиться к обществу: негромко умоляющие деоданды, эрбы, меняющие свой рост от двух до четырех футов и никогда не чувствующие себя удобно. Однажды гид попытался перескочить через баррикаду, в другой раз три гуна объединенными усилиями пытались ее прорвать, они разбегались и бились о столбы, а изнутри пилигримы в страхе смотрели на их усилия.

Кугель подошел поближе и ткнул горящей вет-

кой одну из налегающих фигур. Она взревела от боли, и сквозь баррикаду просунулась огромная серая рука. Кугель отпрыгнул назад. Баррикада выдержала, звери скоро начали ссориться и ушли.

Вечером третьего дня пилигримы подошли к слиянию Аска с большой медленной рекой, которую Гарстанг назвал Скамандер. Поблизости росли большие бальдамы, сосны и дубы. С помощью местных дровосеков пилигримы срубили несколько деревьев, обрубили их ветви и стащили к воде, где соорудили вполне приличный плот. Когда все путники взошли на него, плот шестами оттолкнули от берега и направили к центру реки, где он спокойно и молча поплыл вниз по течению.

Пять дней плот плыл по Скамандеру, иногда такому широкому, что берегов почти не было, видно, а иногда плот проходил мимо зарослей тростника вблизи берега. Делать было нечего, и пилигримы затевали долгие споры, благо различие мнений по любому вопросу было значительным. Часто разговор касался метафизических тайн или тонкостей принципов гилфигизма.

Субукул, наиболее ревностный пилигрим, в подробностях объяснял свое кредо. В основном

он разделял ортодоксальную гилфигитскую теософию, в которой Зо Зам, восьмиголовый бог, создав космос, отрубил себе палец на ноге, из него возник Гилфиг, а из капель крови произошли восемь рас человечества. Родемаунд, скептик, нападал на эту доктрину:

— А кто создал этого твоего предполагаемого «создателя»? Другой «создатель»? Гораздо проще предполагать конечный продукт: в данном случае гаснущее солнце и умирающую землю.

На что Субукул в сокрушительном опровержении цитировал гилфигитский текст.

Некто по имени Бланер стойко проповедовал свою собственную веру. Он считал, что солнце — это клетка в теле гигантского божества, которое создало космос в процессе, аналогичном росту лишайника на камне.

Субукул считал это положение слишком усложненным.

— Если солнце клетка, то какова тогда природа земли?

— Крошечное животное, извлекающее пропитание, — ответил Бланер. — Такие взаимоотношения известны повсюду и не должны вызывать удивления.

— Но что тогда нападает на солнце? — пре-

зрительно спросил Витц. — Другое маленькое животное?

Бланер начал подробное объяснение своей веры, но вскоре был прерван Праликсусом, высоким худым человеком с пронзительными зелеными глазами.

— Послушайте меня: я все знаю. Моя доктрина — сама простота. Возможно огромное количество условий, а возможностей существует и еще больше. Наш космос — это возможное состояние: он существует. Почему? Время бесконечно, и поэтому любое возможное состояние должно осуществиться. Поскольку мы живем в данной возможности и о других ничего не знаем, то дерзко и высокомерно приписываем себе свойства исключительности. По правде говоря, любая возможная вселенная существует, и не единожды.

— Я склоняюсь к аналогичной доктрине, хотя и являюсь убежденным гилфигитом, — заявил теоретик Гасмайр. — Моя философия предполагает последовательность создателей, причем каждый абсолютен в пределах своих прав. Перефразируя ученого собрата Праликсуса, если божество возможно, оно должно существовать! Только невозможные божества не существуют! Восьмиголовый Зо Зам, отрубивший Свой Боже-

ственный Мизинец, возможен, следовательно, он существует, что и подтверждается гилфигитским текстом!

Субукул замигал, открыл рот, собираясь возразить, но снова закрыл. Скептик Родемаунд отвернулся и стал смотреть на воды Скамандера.

Гарстанг, сидя в стороне, задумчиво улыбнулся.

— А ты, Кугель-Хитрец, на этот раз ты что-то молчалив. Какова твоя вера?

— Я новичок, — признался Кугель. — Я усвоил множество точек зрения, и каждая по-своему истинна: у жрецов в Храме Теологии, у волшебной птицы, достающей сообщение из ящика, у постящегося отшельника, который выпил бутылку розового эликсира, которую я ему дал в шутку. В результате получились противоречивые версии, но все исключительной глубины. Мой взгляд на мир, таким образом, синкретичен.

— Интересно, — сказал Гарстанг. — Лодермюльх, а ты?

— Ха! — проворчал Лодермюльх. — Видишь дыру в моей одежде? Я не могу объяснить, как она появилась. Еще меньше я могу объяснить существование вселенной.

Заговорили другие. Маг Войонд определил из-

вестный космос как тень мира, которым правят призраки, сами в своем существовании зависящие от психической энергии людей. Набожный Субукул отверг эту схему, как противоречащую Протоколам Гилфига.

Спор продолжался бесконечно. Кугель и еще несколько человек, включая Лодермюльха, соскучились и начали играть на деньги, используя кости, карты и фишки. Ставки, вначале номинальные, начали расти. Лодермюльх сначала немного выигрывал, потом проиграл гораздо большую сумму, а Кугель между тем выигрывал ставку за ставкой. Вскоре Лодермюльх бросил кости, схватил Кугеля за руку, потряс ее, и из рукава вывалилось несколько аналогичных костей.

— Ну, — взревел Лодермюльх, — что у нас здесь? Я заметил мошенничество, и вот доказательство! Немедленно верни мои деньги!

— Как ты можешь так говорить? — возмутился Кугель. — Почему ты ко мне придираешься? Я ношу кости — ну и что? Или мне нужно было бросить свою собственность в Скамандер, прежде чем приниматься за игру? Ты унижаешь мою репутацию.

— Что мне до этого? — возразил Лодермюльх. — Я хочу вернуть свои деньги.

— Невозможно, — ответил Кугель. — Несмотря на всю твою болтовню, ты ничего не доказал.

— Доказательства? — взревел Лодермюльх. — А разве нужны еще доказательства? Посмотрите на эти кости, на одних одинаковые обозначения на трех сторонах, другие катятся с большим усилием, потому что отяжелены с одного конца.

— Всего лишь любопытные редкости, — объяснил Кугель. Он указал на Мага Войонда, который внимательно слушал. — Вот человек с острым глазом и умом; спроси у него, видел ли он какие-нибудь незаконные действия.

— Ничего не видел, — объявил Войонд. — По моему мнению, Лодермюльх поторопился со своими обвинениями.

Гарстанг, слушавший спор, вышел вперед. Он заговорил голосом, одновременно рассудительным и умиротворяющим:

— В такой группе, как наша, очень важно взаимное доверие, мы ведь все гилфигиты. Не может быть и речи о злобе и обмане. Разумеется, друг Лодермюльх, ты неправильно оценил действия нашего друга Кугеля.

Лодермюльх хрипло рассмеялся.

— Если такое поведение отличает особо набожных, я рад, что не отношусь к таким! — С этими

словами он отошел в угол плота, сел и оттуда продолжал с отвращением и злобой смотреть на Кугеля.

Гарстанг расстроенно покачал головой.

— Боюсь, Лодермюльх чувствует себя оскорбленным. Вероятно, Кугель, чтобы восстановить дружеские отношения между вами, ты вернешь золото…

Кугель резко отказался.

— Это вопрос принципа. Лодермюльх покусился на самое ценное мое достояние — на мою честь.

— Такое отношение похвально, — сказал Гарстанг, — а Лодермюльх повел себя бестактно. Но ради дружбы… нет? Ну, что ж, не могу спорить. Гм-м. Всегда возникают какие-нибудь неприятности. — Качая головой, он удалился.

Кугель собрал свой выигрыш, подобрал кости, которые Лодермюльх вытряс у него из рукава.

— Неприятный инцидент, — сказал он Войонду. — Деревенщина этот Лодермюльх! Всех оскорбил; все прекратили игру.

— Вероятно, потому, что к тебе перешли все деньги, — предположил Войонд.

Кугель с удивленным видом рассматривал свой выигрыш.

— Никогда не думал, что выиграю так много! Может, примешь часть суммы, чтобы мне было легче нести?

Войонд согласился, и деньги перешли из рук в руки.

Вскоре после этого, когда плот спокойно плыл по реке, солнце тревожно вздрогнуло. Пурпурная пленка, похожая на тусклое пятно, возникла на его поверхности, потом исчезла. Некоторые пилигримы в тревоге и страхе с криками забегали по плоту.

— Солнце темнеет! Готовьтесь к холоду!

Гарстанг, однако, успокаивающе поднял руки.

— Успокойтесь все! Дрожь прошла, солнце прежнее!

— Подумайте! — с жаром сказал Субукул. — Неужели Гилфиг позволит совершиться катастрофе как раз в то время, как мы плывем на поклонение Черному Обелиску?

Все успокоились, хотя каждый по-своему интерпретировал это событие. Смотритель Витц увидел в этом аналогию с временным отказом зрения — проходит, когда несколько раз мигнешь. Войонд объявил:

— Если мы благополучно доберемся до Эрзы Дамат, я обещаю следующие четыре года по-

святить планам восстановления прежней силы солнца! — Лодермюльх мрачно заметил, что ему все равно: пусть солнце темнеет, и пилигримы ощупью добираются на Светлый обряд.

Но солнце светило, как и прежде. Плот спокойно плыл по великому Скамандеру, берега которого стали такими низкими и лишенными растительности, что выглядели темными линиями на горизонте. День прошел, и солнце, опускающееся прямо в реку, испускало темно-багровый свет, который постепенно тускнел и темнел по мере исчезновения солнца.

В сумерках пилигримы разожгли костер и собрались вокруг него на ужин. Они оживленно обсуждали потемнение солнца, много было рассуждений эсхатологического характера. Субукул считал, что вся ответственность за жизнь, смерть и будущее принадлежит Гилфигу. Хакет, однако, заявил, что чувствовал бы себя спокойнее, если бы Гилфиг проявлял бы больше искусства в управлении делами мира. На какое-то время разговор стал возбужденнее. Субукул обвинил Хакета в поверхностности, а Хакет использовал такие слова, как «слепая вера» и «унижение». Гарстанг вмешался, заявив, что никому не известны все факты, но Светлый обряд у Черного Обелиска

может прояснить ситуацию.

На следующее утро пилигримы заметили впереди большую плотину — ряд прочных столбов надежно перегораживал реку и не давал плыть дальше. Имелся проход, но его перекрывала тяжелая железная цепь. Пилигримы подвели плот к цепи и бросили камень, который служил якорем. Из расположенной поблизости хижины появился фанатик, тощий, длинноволосый, в изорванной черной одежде; он размахивал железным посохом. С плотины он угрожающе посмотрел на пилигримов.

— Возвращайтесь! — закричал он. — Проход по реке в моей власти: я никому не позволяю пройти!

Вперед выступил Гарстанг.

— Прошу о снисходительности! Мы пилигримы, направляемся на Светлый обряд в Эрзу Дамат. Если необходимо, мы заплатим за право прохода, хотя надеемся на твое великодушие.

Фанатик хрипло рассмеялся и взмахнул своим железным посохом.

— Мою плату нельзя уменьшить! Я требую жизни самого злого в вашем обществе, и вы все должны продемонстрировать свои достоинства! — Расставив ноги, в развевающемся на

ветру плаще, он сверху вниз смотрел на плот.

Пилигримы забеспокоились, украдкой поглядывали друг на друга. Поднялся ропот, превратившийся в смесь заявлений и требований. Громче всех слышался скрипучий голос Гасмайра:

— Я не могу быть самым злым! Жизнь моя полна милосердия и аскетизма, и во время игры я не участвовал в этом низком развлечении.

Другой голос:

— Я еще более добродетелен, я питаюсь только сухими бобами, чтобы не отнимать ни у кого жизнь.

Третий:

— Я еще более благочестив, я ем только кожуру от бобов и упавшую с деревьев кору, чтобы не уничтожать даже растительную жизнь.

Еще один:

— Мой желудок отказывается принимать овощи, но я провозглашаю те же благородные идеи и позволяю только мясу погибших животных касаться своих губ.

Еще:

— Я однажды переплыл огненное озеро, чтобы известить старуху о том, что злодеяние, которого она опасалась, не произошло.

Кугель заявил:

— Моя жизнь — беспрестанное унижение, и я неколебим в своем служении справедливости и равновесию, хотя это причиняет мне жестокую боль.

Войонд был менее решителен:

— Я Маг, правда, но своим искусством я способствую коренному улучшению общественных нравов.

Наступила очередь Гарстанга.

— Моя добродетель исключительна, она получена путем изучения мудрости прошедших столетий. Я не могу не быть добродетельным. Обычные мотивы, движущие человеком, для меня не существуют.

Наконец высказались все, кроме Лодермюльха, который стоял в стороне с угрюмым выражением лица. Войонд указал на него пальцем.

— Говори, Лодермюльх! Докажи свою добродетель, или будешь признан самым злым, что будет означать конец твоей жизни!

Лодермюльх рассмеялся. Он большим прыжком поднялся на плотину. Тут он выхватил меч и принялся угрожать фанатику.

— Мы оба злые, ты и я, раз ты ставишь такое нелепое условие. Опусти цепь или встречай мой меч!

Фанатик развел руками.

— Мое условие выполнено! Ты, Лодермюльх, продемонстрировал свою добродетель. Плот может проплыть. Вдобавок, поскольку ты обнажил меч в защиту чести, я даю тебе эту мазь — если потрешь ею лезвие, оно разрежет железо и камень так же легко, как масло. А теперь в путь, и пусть благоприятным для вас будет Светлый обряд!

Лодермюльх принял мазь и вернулся на плот. Цепь опустили, и плот без препятствий проплыл мимо плотины.

Гарстанг осторожно похвалил поведение Лодермюльха. Но добавил:

— На этот раз импульсивное, нарушающее все порядки действие привело к хорошему концу. Но если в будущем возникнут аналогичные обстоятельства, лучше бы сначала посоветоваться с остальными, доказавшими свою набожность и мудрость: со мной, с Войондом, с Субукулом.

Лодермюльх равнодушно ответил:

— Как хочешь, если только это не приведет к задержкам и неприятностям для меня. — И Гарстанг вынужден был удовлетвориться этим.

Остальные пилигримы с неудовольствием поглядывали на Лодермюльха и не поддерживали с ним общения, так что тот сидел в одиночестве в

передней части плота.

Наступил полдень, потом вечер и ночь. Когда пришло утро, оказалось, что Лодермюльх исчез.

Все были удивлены. Гарстанг начал расспросы, но никто не смог пролить свет на эту тайну, и не было согласия в вопросе о том, что означает его исчезновение.

Как ни странно, исчезновение непопулярного Лодермюльха не помогло восстановить первоначальную бодрую и товарищескую атмосферу в группе. Отныне каждый пилигрим предпочитал сидеть в одиночестве, бросая мрачные взгляды направо и налево. Игр больше не было, не было и философских дискуссий, даже объявление Гарстанга, что до Эрзы Дамат остался только день пути, не вызвало энтузиазма.

Эрза Дамат

В последнюю ночь перед прибытием в Эрзу Дамат на борту плота воцарилось подобие прежнего товарищества. Смотритель Витц исполнил несколько вокальных упражнений, а Кугель показал несколько па танца с высокими подпрыгиваниями, который исполняют ловцы омаров в Каучике, где прошла его юность. Войонд, в свою

очередь, произвел несколько простых превращений, а потом показал небольшое серебряное кольцо. Он подозвал Хакета.

— Коснись языком, потом прижми кольцо ко лбу и посмотри вокруг.

— Я вижу процессию! — воскликнул Хакет. — Мимо идут мужчины и женщины, их сотни, тысячи! Впереди мои отец и мать, затем дедушки и бабушки… но кто остальные?

— Твои предки, — объявил Войонд, — каждый в характерном для его времени костюме, вплоть до первобытного троглодита, от которого произошли мы все. — Он спрятал кольцо и достал из мешка тусклый сине-зеленый камень.

— Смотрите, сейчас я брошу этот камень в Скамандер! — И он бросил его за борт. Камень пролетел в воздухе и погрузился в темную воду. — Теперь я просто протяну руку, и камень вернется. — И действительно, все увидели, как в свете костра блеснула влажная искра, и на ладони Войонда снова лежал камень. — С этим камнем человек может не бояться бедности. Конечно, он не очень ценен, но его можно продавать много раз…

— Что еще вам показать? Может, этот маленький амулет. Это эротическая принадлежность,

он вызывает сильные любовные эмоции у того, на кого направлен. Но с ним нужно обращаться осторожно. Есть у меня и еще неоценимое вспомогательное средство — амулет в форме головы барана, сделанный по приказу императора Далмациуса Нежного, чтобы он не обижал чувствительность всех своих десяти тысяч наложниц… Что еще показать? Вот посох, который мгновенно прикрепляет один предмет к другому, я постоянно ношу его в чехле, чтобы случайно не прилепить брюки к ягодице или сумку к пальцам. Этот посох можно использовать во многих случаях. Что еще? Посмотрим… А, вот оно! Рог удивительных свойств. Если всунуть его в рот трупа, труп произнесет двадцать последних прижизненных слов. Если сунуть его покойнику в ухо, можно передать информацию в лишенный жизни мозг… А что у нас тут? Да, небольшое устройство, которое приносит много удовольствия. — И Войонд продемонстрировал куклу, продекламировавшую героические стихи, спевшую непристойную песню и затеявшую обмен остроумными репликами с Кугелем, который сидел впереди и внимательно на все смотрел.

Наконец Войонд устал от своего представления, и пилигримы один за другим улеглись спать.

Кугель не спал, он лежал, заложив руки за голову, смотрел на звезды и думал о неожиданно большой коллекции амулетов и волшебных предметов, принадлежавшей Войонду.

Убедившись, что все уснули, он встал и посмотрел на спящего Войонда. Мешок завязан и лежит под рукой Войонда, как и ожидал Кугель. Пройдя в небольшую кладовую, где пилигримы держали продукты, Кугель набрал жира, смешал его с мукой и изготовил белую мазь. Из плотной бумаги он сделал небольшой ящичек и наполнил его мазью. Потом вернулся на свое место.

На следующее утро он как бы невзначай дал Войонду увидеть, как натирает мазью свой меч.

Войонд пришел в ужас.

— Не может быть! Я поражен! Увы, бедный Лодермюльх!

Кугель знаком попросил его замолчать.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — Я просто предохраняю свой меч от ржавчины.

Войонд с печальной уверенностью покачал головой.

— Все ясно. Из-за наживы ты убил Лодермюльха. У меня нет другого выбора, как сообщить об этом ловцам воров в Эрзе Дамат!

— Не торопись! Ты ошибаешься: я не виноват!

Войонд, высокий мрачный человек, с темными мешками под глазами, с длинным подбородком и высоким сморщенным лбом, поднял руку.

— Я никогда не оправдывал убийства. И в этом случае должен быть применен принцип равновесия, и необходимо применение жестокого наказания. Как минимум, причинивший зло не должен пользоваться его плодами.

— Ты имеешь в виду мазь? — спросил Кугель.

— Совершенно верно, — ответил Войонд. — Справедливость требует не меньшего.

— Ты строгий человек! — расстроено сказал Кугель. — У меня нет выбора, нужно подчиниться твоему решению.

Войонд протянул руку.

— Давай мазь, и поскольку ясно, что ты раскаиваешься, я больше не буду говорить об этом.

Кугель задумчиво поджал губы.

— Да будет так. Я уже смазал свой меч. Поэтому я отдам тебе остальную мазь в обмен на эротическое приспособление, ну и еще за несколько талисманов.

— Правильно ли я слышу? — возмутился Войонд. — Твоя наглость превосходит все границы! Эти предметы не имеют цены!

Кугель пожал плечами.

— Мазь тоже не совсем обычный товар.

После небольшого спора Кугель отдал мазь в обмен на трубку, выбрасывающую синий концентрат на расстояние в пятьдесят шагов, и папирус, в котором перечислялись восемнадцать фаз Лаганетического цикла. Пришлось ему удовлетвориться этими предметами.

Вскоре на западном берегу появились окраинные руины Эрзы Дамат — древние виллы, теперь рухнувшие и забытые посреди разросшихся садов.

Пилигримы, отчаянно работая шестами, подогнали плот к берегу. Вдали появилась вершина Черного Обелиска, при виде которой все испустили радостный крик. Плот наискосок пересек течение Скамандера и вскоре пристал к одному из растрескавшихся старых причалов.

Пилигримы быстро выбрались на берег и собрались вокруг Гарстанга, который обратился к группе:

— С огромным удовлетворением я слагаю с себя ответственность. Смотрите! Перед вами священный город, в котором Гилфиг объявил Гностическую догму! Где он покарал Казуя и разоблачил ведьму Энксис! Вполне возможно, что его священные ноги топтали эту самую поч-

ву! — Гарстанг драматичным жестом указал на землю, и пилигримы, глядя вниз, неуверенно зашевелились, неловко переступая с ноги на ногу. — Как бы то ни было, мы здесь, и каждый из нас испытывает большое облегчение. Путь был труден и опасен. Нас пятьдесят девять выступило из долины Фолгус. Бамиш и Рандоль были схвачены гру на Сагмийском поле. У моста через Аск к нам присоединился Кугель. На Скамандере мы потеряли Лодермюльха. Теперь нас пятьдесят семь, мы все испытанные и верные товарищи, и печально, что кончается наше товарищество. Но мы будем всегда о нем помнить!

— Через два дня начнется Светлый обряд. Мы пришли вовремя. Те, кто не истратил все свои сбережения в игре, — тут Гарстанг обернулся и бросил взгляд на Кугеля, — могут поселиться в удобных гостиницах. Обедневшие пусть живут, как смогут. Наше путешествие кончилось! Теперь мы расходимся и идем каждый своим путем, хотя по необходимости через два дня все встретимся у Черного Обелиска. А до того времени прощайте!

Пилигримы разошлись, некоторые пошли вдоль берега Скамандера, направляясь к ближайшей гостинице, остальные сразу вошли в город.

Кугель подошел к Войонду.

— Я никогда не бывал здесь, как ты знаешь. Может, посоветуешь гостиницу, где удобства хороши, а цена невелика.

— В самом деле, — ответил Войонд, — я как раз направляюсь в такую гостиницу — отель «Империя Дастрик». В прошлый раз я там останавливался. Если ничего не изменилось, там удобно и хорошая пища, а стоит недорого.

Кугель одобрительно отнесся к этому предложению, и они вдвоем пошли по улицам древнего Эрзы Дамат. Вначале им пришлось миновать множество оштукатуренных домиков, потом пройти через район, где отдельно стоящие дома образовывали гигантскую шахматную доску. Наконец они прибыли в район больших имений, в которых еще жили люди. В этом районе роскошные дома стояли в глубине улицы среди богатых садов. Жители Эрзы Дамат оказались красивыми людьми, хотя их кожа была смуглее, чем у народа, живущего в Альмери. Мужчины одевались только в черное — обтягивающие брюки и куртки с большими помпонами; а женщины были великолепны в желтых, красных и синих платьях, причем платья покрывали блестки, переливающиеся оранжевым и черным. Зеленый цвет считался несчастливым и встречался редко,

а пурпурный еще того реже, так как символизировал смерть.

В высокие женские прически были вставлены цветные перья, а мужчины носили на головах элегантные черные диски, через отверстие в центре которых высовывались макушки. В моде был смолистый бальзам, и отовсюду до Кугеля доносился запах мирры и алоэ. В целом жители Эрзы Дамат казались не менее цивилизованными, чем народ Каучика, и гораздо более оживленными, чем вялые и апатичные азеномайцы.

Гостиница «Империя Дастрик» располагалась недалеко от Черного Обелиска. К разочарованию Кугеля и Войонда, все номера были заняты, и служитель отказал им в ночлеге.

— Светлый обряд привлекает множество набожных людей, — объяснил он. — Вы будете счастливы, если вообще сумеете найти жилье.

Он оказался прав: Кугель и Войонд переходили от гостиницы к гостинице и нигде не могли устроиться. Наконец на западной окраине города, на самом краю Серебряной пустыни, они нашли свободное место в большой таверне, не внушающей доверия — в гостинице «Зеленая Лампа».

— Десять минут назад и я не смог бы поселить вас, — заявил хозяин, — но ловцы воров аре-

стовали двух поселившихся здесь, назвав их разбойниками и прирожденными мошенниками.

— Надеюсь, остальные ваши поселенцы не таковы? — спросил Войонд.

— Кто знает? — ответил хозяин. — Мое дело — предоставить пищу, питье и ночлег, не больше. И разбойники, и мошенники должны есть, пить и спать не меньше, чем набожные и ученые люди. Все находят у меня приют. И, в конце концов, что я знаю о вас?

Приближалась ночь, и без дальнейших хлопот Кугель и Войонд поселились в «Зеленой Лампе». Умывшись, они спустились в общий зал на ужин. Зал оказался большим помещением с изрезанными и потрескавшимися столбами, увешенными светильниками. Потолочные балки потемнели от времени, а пол покрывали темные плиты. Как отметил хозяин, постояльцы представляли собой довольно пестрое общество, разнообразного телосложения и цвета кожи, в костюмах десятков всевозможных стилей. С одной стороны сидели люди пустыни, гибкие, как змеи, в кожаных плащах, наброшенных на одно плечо; с другой — четверо бледнолицых людей с рыжими волосами, не произносивших ни слова.

У стойки мирно сидела группа наемных убийц в коричневых брюках, кожаных беретах, и у каждого из уха на золотой цепочке свисал шарик из драгоценного камня. Кугель и Войонд получили ужин приличного качества, хотя общество оставляло желать лучшего, и сидели, попивая вино и обдумывая, как провести вечер. Войонд решил прорепетировать страстные крики и позы, которые необходимы для Светлого обряда. Тогда Кугель стал просить у него одолжить на время талисман эротической стимуляции.

— Женщины Эрзы Дамат кажутся мне привлекательными, и с помощью этого талисмана я лучше постигну их способности.

— Ни в коем случае, — ответил Войонд, прижимая к себе мешок. — И я не обязан объяснять причины.

Кугель молча скорчил гримасу. Помпезность и самомнение Войонда показалась ему особенно нелепыми и отвратительными из-за его мрачной одутловатой и нездоровой внешности.

Войонд осушил свою кружку с педантичной бережливостью, которую Кугель также находил раздражающей, и встал.

— Я пойду в свою комнату.

В тот момент, когда он поворачивался, про-

ходивший мимо бандит толкнул его. Войонд выпалил язвительное замечание. Бандит не захотел его игнорировать.

— Как ты смеешь говорить со мной таким тоном? Защищайся, или я отрежу твой нос! — И бандит выхватил свой меч.

— Как пожелаешь, — ответил Войонд. — Подожди, я возьму меч. — Подмигнув Кугелю, он натер лезвие мазью и повернулся к бандиту. — Приготовься к смерти, мой дорогой друг! — И он величественно шагнул вперед. Бандит, заметивший приготовления Войонда и понявший, что перед ним волшебник, оцепенел от ужаса. Войонд театрально пронзил его и вытер лезвие о шляпу бандита.

Товарищи бандита, сидевшие у стойки, начали подниматься, но остановились, когда Войонд с апломбом повернулся к ним.

— Берегитесь, петухи с навозной кучи! Видели судьбу вашего товарища? Он умер от моего волшебного лезвия, которое рассекает металл и камень, как масло. Смотрите! — И Войонд ударил по столбу. Лезвие, ударившись о железную скобу, разлетелось на десяток кусков. Войонд стоял в замешательстве, но товарищи бандита не растерялись и устремились вперед.

— Где же твое волшебное лезвие? Наши лезвия из обычной стали, но жалят глубоко! — И через мгновение Войонд был разрублен на куски.

Бандиты повернулись к Кугелю.

— А ты? Хочешь разделить судьбу своего товарища?

— Ни в коем случае! — заявил Кугель. — Это всего лишь мой слуга, он нес мой мешок. Я волшебник; посмотрите на эту трубку! Первый же человек, который станет мне угрожать, попадет под ее действие!

Бандиты пожали плечами и отвернулись. Кугель подобрал мешок Войонда, потом подозвал хозяина.

— Будь добр, пусть уберут трупы, а мне принесут приправленного вина.

— А как же счет твоего товарища? — с беспокойством спросил хозяин.

— Не бойся, я за все заплачу.

Трупы унесли, Кугель выпил еще чашку вина, потом ушел в комнату, где разложил на столе содержимое мешка Войонда, доставшееся ему в наследство. Деньги он переложил к себе в кошелек, талисманы, амулеты и инструменты спрятал в своей сумке, мазь выбросил. Довольный проведенным днем, он лег и скоро уснул спокойным

крепким сном.

На следующий день, прохаживаясь по городу, Кугель поднялся на самый высокий из его восьми холмов. Перед ним открылось величественное и унылое зрелище. Справа и слева протекал великий Скамандер. На улицах города перемежались древние руины, обширные пустоты, оштукатуренные домишки бедняков и виллы богачей. Эрза Дамат оказался самым большим городом, какой приходилось видеть Кугелю, хотя теперь значительная его часть лежит в развалинах, он все равно гораздо больше Альмери или Асколайса.

Вернувшись в центральный район, Кугель отыскал будку профессионального географа и, отдав требуемую плату, стал расспрашивать о наиболее безопасном и коротком пути в Альмери.

Ученый не стал давать торопливого или необдуманного ответа, он достал четыре различных карты и указателя. Внимательно изучив их, он повернулся к Кугелю.

— Вот мой совет. Двигайся вверх по течению Скамандера до реки Аск, затем вдоль Аска до моста с шестью пролетами. Отсюда поверни на север, иди вдоль гор Магнатца, пока не дойдешь до леса, известного как Великий Эрм. Через этот

лес иди на запад до берега Северного моря. Там тебе нужно построить лодку и довериться ветру и течениям. Если тебе повезет, и ты доберешься до Земли Падающей Стены, оттуда уже сравнительно легко, двигаясь на юг, добраться до Альмери.

Кугель сделал нетерпеливый жест.

— В основном, это путь, которым я добрался сюда. Другого пути нет?

— Есть. Безрассудный человек может предпочесть риск и двинуться через Серебряную пустыню. За ней находится Сонганское море, а за ним обширные пустоши, почти непреодолимые, а уж дальше Восточный Альмери.

— Что ж, это кажется осуществимым. А как пересечь Серебряную пустыню? Есть ли там караваны?

— Зачем? Никаких товаров там не добудешь; там только разбойники, нападающие на неосторожных. Чтоб отпугнуть их, нужен отряд не меньше сорока человек.

Кугель вышел из будки. В ближайшей таверне он заказал вина и стал обдумывать, как собрать отряд в сорок человек. Пилигримов, конечно, пятьдесят шесть — вернее, после смерти Войонда пятьдесят пять. Неплохо бы их собрать…

Кугель выпил еще вина и стал думать дальше.

Наконец он заплатил по счету и направился к Черному Обелиску. Название не очень соответствовало внешнему виду монолита. Это был, скорее, большой клык сплошного черного камня, на сто футов поднимавшийся над городом. У его основания были вырезаны пять статуй, все смотрели в разных направлениях и представляли основателей пяти различных религий. Гилфиг смотрел на юг, его четыре руки поддерживали символы религии, ноги покоились на головах преданных верующих, пальцы ног — длинные и изогнутые, подчеркивали их изящество.

Кугель обратился за сведениями к проходившему мимо служителю:

— Кто главный жрец Черного Обелиска и где его можно найти?

— Это Предтеча Халм, — ответил служитель и указал на великолепное здание поблизости. — В этом богатом дворце находится его святилище.

Кугель подошел к роскошному зданию, и после множества горячих споров был допущен лицезреть Предтечу Халма, человека средних лет, приземистого и круглолицего. Кугель указал на младшего священника, который так неохотно привел его сюда.

— Можешь идти. Мое сообщение лично Пред-

тече, — повелительно произнес он.

Предтеча сделал знак, и священник удалился. Кугель подошел ближе.

— Я могу говорить, не боясь, что нас подслушают?

— Да.

— Прежде всего, — сказал Кугель, — знай, что я могущественный Маг. Смотри: трубка, выбрасывающая концентрат. А здесь свиток, перечисляющий восемнадцать фаз Лаганетического цикла! А вот инструмент: рог, который позволяет говорить мертвым, а, использованный по-другому, доставляет информацию в мертвый мозг! У меня есть и другие чудеса!

— Интересно, — согласился Предтеча.

— Второе мое откровение таково: некогда я служил разносчиком ладана в храме Теологии в далекой земле. И там я узнал, что некоторые священные изображения сооружены таким образом, что жрецы в случае необходимости могут выступать от лица самого божества.

— И это возможно, — благожелательно согласился Предтеча. — Божества контролируют все стороны действительности, следовательно, они руководят и такими действиями.

Кугель высказал предположение:

— Значит, можно полагать, что статуи, вырезанные у основания Черного Обелиска, тоже обладают такой способностью?

Предтеча улыбнулся.

— Какую именно из статуй ты имеешь в виду?

— Ту, которая изображает Гилфига.

Предтеча, казалось, задумался.

Кугель указал на различные талисманы и амулеты.

— В благодарность за услугу я пожертвую некоторые из этих устройств храму.

— Какая именно услуга?

Кугель подробно объяснил, и Предтеча задумчиво кивнул.

— Не покажешь ли еще раз твои волшебные предметы?

Кугель показал.

— Это все, что у тебя есть?

Кугель неохотно продемонстрировал эротический стимулятор и объяснил его действие. Предтеча кивнул, на этот раз решительно.

— Думаю, мы договоримся: все в руках всемогущего Гилфига.

— Договорились?

— Договорились!

На следующее утро группа из пятидесяти пя-

ти пилигримов собралась у подножия Черного Обелиска. Они простерлись перед изображением Гилфига и приготовились к обряду. И вдруг глаза статуи блеснули огнем, рот раскрылся.

— Пилигримы! — прогремел пронзительный голос. — Выполните мое повеление! Вы должны пересечь Серебряную пустыню и дойти до берега Сонганского моря! Там вы найдете храм, перед которым должны поклониться! Идите! Через Серебряную пустыню со всей возможной скоростью!

Голос стих. Гарстанг заговорил дрожащим голосом:

— Слышим, о Гилфиг! Мы повинуемся!

В этот момент вперед вышел Кугель.

— Я тоже слышал это чудо! Я тоже отправлюсь в путь! Идемте немедленно!

— Не так быстро, — сказал Гарстанг. — Мы не можем идти, как дервиши. Потребуются средства. Кто пожертвует?

— Я предлагаю двести терций.

— А я шестьдесят, это все, что у меня есть!

— Я проиграл Кугелю девяносто терций, у меня осталось только сорок, я их жертвую.

Так продолжалось, и даже Кугель внес в общий фонд шестьдесят пять терций.

— Хорошо, — сказал Гарстанг. — Завтра я начну подготовку, а на следующий день, если все пойдет хорошо, мы покинем Эрзу Дамат через Старые Западные ворота.

Серебряная пустыня и сонганское море

На следующее утро Гарстанг в сопровождении Кугеля и Гасмайра отправился приобретать необходимую экипировку. Их направили в специально оборудованный двор, расположенный на пустынной площади между бульварами старого города. Площадь окружала стена из кирпича, смешанного с обломками старых облицовочных плит. Из-за нее доносился громкий разноголосый шум: крики, плач, глубокий рев, лай, ржание, а также сильный неприятный запах, смесь аммиака, силоса, десятков сортов навоза, тухлого мяса и едкий аромат каких-то снадобий.

Пройдя через ворота, путешественники миновали контору, двери которой выходили на двор. На территории самого двора в загонах, клетках и загородках, огражденных частоколом, находились такие разнообразные животные, что Кугель был просто поражен. Появился владелец двора,

высокий желтокожий человек с отсутствующими носом и одним ухом. Одежда из серой кожи, перевязанная по талии, смотрелась, как с чужого плеча, а высокая коническая черная шапка с болтающимися ушами все время съезжала на бок.

Гарстанг объяснил цель их визита.

— Мы пилигримы и должны пересечь Серебряную пустыню. Мы хотим нанять вьючных животных. Нас больше пятидесяти, и мы предполагаем, что путешествие в один конец займет двадцать дней, столько же обратно, да еще пять дней проведем у нашей цели: пусть эта информация поможет тебе обдумать наши потребности. Естественно, нам нужны самые крепкие, трудолюбивые и послушные животные, какие только у тебя есть.

— Всё это хорошо, — сказал хозяин, — но плата за наем такая же, как за продажу, так что за свои деньги можете получить животных в собственность.

— А какова цена? — спросил Гасмайр.

— Зависит от вашего выбора: у каждого животного своя цена.

Гарстанг, осматривавший двор, печально покачал головой.

— Признаюсь, я в замешательстве: тут все жи-

вотные разного вида, и ни одно не похоже на те, что мне известны.

Хозяин согласился с этим.

— Если вы готовы слушать, я вам все объясню. Это интересная история, и она поможет вам в выборе.

— Значит, мы получим двойную выгоду, слушая тебя, — вежливо сказал Гарстанг, хотя Кугель делал нетерпеливые жесты.

Хозяин подошел к полке и достал переплетенный в кожу том.

— В прошлую эпоху король Катт Безумный приказал соорудить такой зверинец для собственного развлечения, каких не бывало раньше, чтобы поразить остальной мир. Его волшебник Фолиненс, повинуясь воле короля, вывел уникальных животных, сочетая множество различных кровей. Результат вы видите перед собой.

— Зверинец прожил так долго? — спросил Гарстанг.

— Нет. От короля Катта Безумного ничего не сохранилось, кроме легенды и книги его волшебника Фолиненса, — хозяин похлопал по книге, — в которой содержится системология его сумасшедших созданий. Например… — он раскрыл книгу. — Ну… гм-м… Вот место, в котором он

менее подробно, чем в других случаях, описывает полулюдей, это всего лишь отрывочные заметки:

Гид: гибрид человека, горгульи, ворла, прыгающего насекомого.

Деоданд: росомаха, василиск, человек.

Эрб: медведь, человек, ящерица, демон.

Гру: человек, летучая мышь, необычный гун.

Лейкоморф: неизвестно.

Василиск: фелинодор, человек (оса?).

Гасмайр удивленно всплеснул руками.

— Неужели все эти животные созданы Фолиненсом — на несчастье всего человечества?

— Конечно, нет, — сказал Гарстанг. — Похоже, это отвлеченное рассуждение. Дважды он признается, что не знает.

— Таково и мое мнение относительно данного случая, — согласился хозяин, — хотя в других местах он говорит увереннее.

— А как эти животные, что находятся перед нами, связаны со зверинцем? — спросил Гасмайр.

Хозяин пожал плечами.

— Еще одна шутка Безумного короля. Он выпустил всех животных на свободу, вызвав всеобщую панику. Эти животные наделены исключительной плодовитостью, и теперь они во множестве населяют равнины Опарона и Бланвальтский

лес.

— Что нам с того? — спросил Кугель. — Нам нужны вьючные животные, послушные и умеренные, нам не нужны выродки, сколь бы они ни были поучительны.

— Некоторые животные вполне соответствуют вашим требованиям, — с достоинством ответил хозяин. — Но они и стоят дорого. С другой стороны, за одну терцию вы можете приобрести вон то длинношеее существо с огромным животом, и удивительной прожорливостью.

— Цена подходящая, — с сожалением сказал Гарстанг. — К несчастью, нам нужны животные, чтобы нести пищу и воду через Серебряную пустыню.

— В таком случае вы должны более точно выражать свои желания. — Хозяин принялся осматривать свои владения. — Высокий зверь на двух лапах не так свиреп, как кажется…

Наконец отобрали пятнадцать животных, договорились о цене. Хозяин подвел их к выходу; Гарстанг, Гасмайр и Кугель повели процессию ни на что не похожих животных по улицам Эрзы Дамат к Западным воротам. Здесь животных оставили с Кугелем, а Гарстанг и Гасмайр отправились покупать продукты и прочие необ-

ходимые вещи.

К ночи все приготовления были завершены, и на следующее утро, когда багровые лучи солнца осветили Черный Обелиск, пилигримы выступили в путь. Животные несли корзины с продуктами и мехи с водой; у всех пилигримов была новая обувь и широкополые шляпы. Гарстанг не смог нанять проводника, но купил у географа карту; впрочем, на карте был только маленький кружок с надписью «Эрза Дамат» и большое пространство, обозначенное: «Серебряная пустыня».

Кугелю поручили вести в поводу передовое животное, двенадцатиногое создание длиной в двадцать футов с маленькой глупо улыбающейся детской головкой и рыжевато-коричневой шерстью. Кугеля это задание раздражало, потому что животное постоянно дышало на него зловонием и несколько раз пыталось наступить на ноги.

Из пятидесяти семи пилигримов, высадившихся с плота, к храму на берегу Сонганского озера выступило сорок девять. Впрочем, это число почти тут же сократилось до сорока восьми. Некто Токарин сошел с тропы, отвечая на призыв природы, и его ужалил чудовищный скорпион. Обезумев от боли, Токарин большими прыжками понесся на север, хрипло крича, и скоро скрылся

из виду.

Остальная часть дня прошла без инцидентов. Пилигримы двигались по сухой безжизненной пустыне, усеянной кремневыми осколками. Здесь изредка росла только железная трава. К югу виднелись низкие холмы, и Кугелю показалось, что он видит две фигуры, неподвижно стоящие на вершине, но он никому не сказал об этом, посчитав видение миражем и не желая без надобности пугать спутников. На заходе караван остановился, и Кугель, вспомнив, что, по слухам, тут иногда нападают разбойники, уговорил Гарстанга выставить двоих часовых: Липпельта и Мирч-Мазена.

Наутро часовые бесследно исчезли. Это событие испугало и обеспокоило пилигримов. Они стояли, прижавшись друг к другу, как стайка детей, нервно поглядывая по сторонам. Вокруг лежала гладкая темная пустыня, еще более угрожающая в сумерках раннего рассвета. К югу, где находились холмы, высвечивались только их круглые вершины, по всем другим направлениям до самого горизонта тянулась плоская равнина.

Когда утром караван снова двинулся, их осталось сорок шесть. Кугель, как и накануне, повел многоногое животное, которое теперь занялось

тем, что все время толкало улыбающейся мордой Кугеля в спину.

День прошел без происшествий. Миля за милей оставались позади. Первым шел с посохом Гарстанг, за ним Витц и Гасмайр, дальше еще несколько пилигримов. Потом следовали вьючные животные, и каждое отличалось своим собственным силуэтом. Первое — приземистое и мускулистое, второе — высокое и на двух ногах с почти человеческой фигурой, если не считать голову, маленькую и угловатую, как раковина мечехвоста. Третье — с выпуклой спиной, оно подпрыгивало на шести лапах; четвертое — было похоже на лошадь с белыми перьями. За вьючными животными брели остальные пилигримы; последним — Бланер с характерной униженностью, о которой он всегда объявлял. Вечером Кугель обнес лагерь прочной изгородью, некогда принадлежавшей Войонду.

На следующий день пилигримы пересекли низкий горный хребет, и тут подверглись нападению разбойников, которое, скорее всего, было засадой разведки. Единственным пострадавшим оказался Хакет, раненный в ногу. Но два часа спустя произошла более серьезная неприятность. Они проходили мимо холма, когда оттуда сорвал-

ся камень и, прокатившись через караван, убил одно животное, а также фунамбулского евангелиста Эндла и скептика Родемаунда. Ночью умер Хакет. Очевидно, его рана была плохо обработана и воспалилась.

На следующее утро пилигримы двинулись в путь с мрачными лицами, и почти тут же на них напали разбойники. К счастью, пилигримы были начеку, и разбойники, потерявшие свыше десяти человек, были отброшены; сами же пилигримы потеряли только Грея и Магастена.

Теперь слышалось постоянное ворчание; все подолгу смотрели на восток в сторону Эрзы Дамат. Гарстанг пытался поддержать падающий дух:

— Мы гилфигиты, Гилфиг сказал: «На берегах Сонганского моря мы отыщем священный храм!» Гилфиг всеведущ и всемилостив: те, кто погиб на службе ему, уже наслаждаются в раю Гамамере. Пилигримы! На запад!

Приободрившись таким образом, караван снова двинулся в путь, и день прошел без дальнейших неприятностей. Однако ночью три вьючных животных оборвали свою привязь и убежали вместе с изрядными запасами провизии и воды. Гарстанг вынужден был сократить порции.

На седьмой день пути Тилфокс съел горсть

ядовитых ягод и умер в муках, а его брат, смотритель Витц, сошел с ума: он бегал вдоль линии вьючных животных, проклиная Гилфига, и резал ножом мехи с водой. Кугель убил его.

Два дня спустя оборванные люди увидели ручей. Несмотря на предупреждение Гарстанга, Саланав и Арло бросились к нему и стали пить большими глотками. Почти сразу же они схватились за животы, начали давиться, губы их приобрели цвет песка, и вскоре они умерли в мучениях.

Неделю спустя пятнадцать человек и четыре животных поднялись на очередной холм и увидели перед собой спокойные воды Сонганского моря. Кугель выжил, выжили Гарстанг, Гасмайр и Субукул. Перед ними расстилалось болото, питаемое большим ручьем. Кугель при помощи амулета Юкоуну проверил его и объявил, что воду можно пить. Впервые за время перехода все вдоволь напились, поели тростника, сделавшегося съедобным благодаря тому же амулету, а потом беззаботно уснули.

Кугеля разбудило чувство опасности, он вскочил и заметил зловещее шевеление в камышах. Он громким криком разбудил товарищей, все приготовили оружие, но то, что вызвало движе-

ние, исчезло. Время приближалось к полудню. Пилигримы прошли на низкий берег, чтобы обсудить положение. Они смотрели во все стороны, но никакого храма не видели. Вспыхнули споры, началась ссора, которую Гарстанг смог прекратить только с помощью самых горячих убеждений.

Балч, который ушел дальше по берегу, вернулся в большом возбуждении:

— Деревня!

Все с надеждой и оживлением двинулись туда, но деревня оказалась всего лишь горсточкой тростниковых хижин, населенных людьми-ящерами, которые оскалили зубы и начали бить мощными хвостами при виде пришельцев. Пилигримы прошли дальше по берегу и сели на бугор, глядя на низкий прибой Сонганского моря.

Гарстанг, похудевший и согбенный от испытанных лишений, заговорил первым. Он пытался влить в свой голос бодрость.

— Мы пришли, мы победили ужасную Серебряную пустыню! Теперь нам нужно только отыскать храм и исполнить свое поклонение. Тогда мы, благословенные, вернемся в Эрзу Дамат!

— Прекрасно, — проворчал Балч, — но где же найти этот храм? Справа и слева все тот же пу-

стой берег!

— Нужно довериться руководству Гилфига! — объявил Субукул. Он вырезал из куска дерева стрелу и коснулся ею священной ленты. Воззвал: — Гилфиг! О Гилфиг! Отведи нас к храму! Бросаю этот указатель! — И бросил стрелку высоко в воздух. Она упала острием на юг.

— Мы должны идти на юг! — провозгласил Гарстанг. — Храм на юге!

Но Балч и другие отказались.

— Ты разве не видишь, что мы до смерти устали? По моему мнению, Гилфигу следовало бы самому направить нас в храм, а не оставлять в неуверенности!

— Гилфиг и так нас привел! — ответил Субукул. — Разве ты не видел направления стрелы?

Балч сардонически рассмеялся.

— Любая палка, которую бросаешь в воздух, неизменно падает на землю, и при этом указывает на юг с такой же легкостью, как на север.

Субукул в ужасе отступил.

— Ты богохульствуешь!

— Вовсе нет. Я не уверен, что Гилфиг услышал твое обращение, а может, у него не было времени, чтобы отреагировать. Брось стрелу сто раз; если во всех случаях она покажет на юг, я тут же

отправлюсь туда.

— Хорошо, — сказал Субукул. Он снова воззвал к Гилфигу и бросил стрелу, которая на этот раз указала на север.

Балч ничего не сказал. Субукул замигал, потом покраснел.

— Гилфиг не играет в игры. Он указывает один раз, и нужно выполнять.

— Я не убежден, — сказал Балч.

— И я.

— И я.

Гарстанг умоляюще поднял руки.

— Мы прошли так далеко, мы страдали вместе, радовались вместе, трудились и сражались вместе — давайте теперь не ссориться!

Балч и один из несогласных только пожали плечами.

— Мы не пойдем слепо на юг.

— Что же вы будете делать? Пойдете на север? Или вернетесь в Эрзу Дамат?

— Эрза Дамат? Без продовольствия и всего с четырьмя вьючными животными? Ба!

— Тогда идем на юг в поисках храма!

Балч еще раз упрямо пожал плечами, отчего Субукул рассердился.

— Да будет так! Те, кто идет на юг, в эту сторону,

те, кто с Балчем, в ту!

Гарстанг, Кугель и Гасмайр присоединились к Субукулу, остальные, одиннадцать человек, остались с Балчем, они принялись перешептываться, а четыре верных пилигрима с опаской смотрели на них.

Одиннадцать вскочили на ноги.

— Прощайте!

— Куда вы идете? — спросил Гарстанг.

— Неважно. Ищите свой храм, мы займемся своими делами. — И с этим коротким прощанием они отправились к деревне ящеролюдей. Как потом стало известно, они убили там всех мужчин, подпилили клыки женщинам, одели их в тростниковую одежду и стали жить как повелители деревни.

Гарстанг, Субукул, Гасмайр и Кугель тем временем шли по берегу на юг. Вечером они разбили лагерь и поели моллюсков и крабов. Утром оказалось, что оставшиеся четыре вьючных животных сбежали.

— Такова воля Гилфига, — провозгласил Субукул. — Нам остается только найти храм и умереть.

— Смелее! — сказал Гарстанг. — Не нужно предаваться отчаянию!

— А что нам остается? Увидим ли мы вновь долину Фолгус?

— Кто знает? Сначала нужно исполнить поклонение перед алтарем храма.

С этими словами они двинулись дальше и шли на юг весь остаток дня. К ночи они так устали, что смогли только лечь на песок.

Перед ними расстилалось море, плоское, как стол, и такое тихое, что заходящее солнце отражалось в нем безо всякой дорожки. Ужин снова состоял из моллюсков и крабов, после чего они улеглись спать на песок.

В начале ночи Кугель проснулся от звуков музыки. Приподнявшись, он увидел, что над водой появился призрачный город. Стройные башни вздымались в небо, освещенные сверкающими белыми огоньками, которые сновали в воздухе вверх и вниз, вперед и назад. На аллеях толпились веселые люди в бледных светящихся одеждах, играла музыка. Проплыла барка, выложенная шелковыми подушками, ее двигал огромный парус из василькового шелка. Фонари на носу и корме освещали веселящиеся толпы; одни танцевали, другие играли на лютнях, третьи пили из кубков.

Кугель стремился разделить их веселье. Он

приподнялся на колени и позвал. Веселящиеся отложили свои инструменты и уставились на него, но вскоре барка проплыла мимо, уносимая большим синим парусом. Вскоре и сам город побледнел и исчез, осталось только темное ночное небо.

Кугель тупо смотрел в ночь, а горло сжималось от неведомой печали. К собственному удивлению, он обнаружил, что стоит на самом краю воды. Рядом стояли Гарстанг, Гасмайр и Субукул. Все смотрели друг на друга и молчали. Потом вернулись на берег и снова легли спать на жесткий песок.

На следующий день они почти не разговаривали и даже избегали друг друга: каждый хотел остаться наедине со своими мыслями. Время от времени то один, то другой с надеждой смотрели на юг, но никто не пытался продолжить путь, об этом даже не заговаривали.

День проходил, и пилигримы оставались все в том же полуоцепенении. Садилось солнце, наступила ночь, но никто не желал ложиться спать, боясь пропустить дивное видение.

Их ожидание было вознаграждено. Над морем снова появился призрачный город, и опять там был праздник. В небе расцветали удивительно

сложные фейерверки: копья, сети, звездные взрывы красного, зеленого, синего, серебряного цветов. На аллее проходил парад, впереди легко шли юные девушки в радужной одежде, за ними призрачные музыканты в просторных красных и оранжевых одеяниях, а следом акробаты показывали свое мастерство. Часами звуки веселья плыли над водой. Кугель по колено погрузился в воду и смотрел, как зачарованный, пока праздник ни стих, а город расплылся. Тогда он повернулся, и остальные поднялись за ним на берег.

На следующий день все ослабли от голода и жажды. Хриплым голосом Кугель сказал, что им нужно идти. Гарстанг кивнул и тоже хрипло добавил:

— К храму, к храму Гилфига!

Субукул кивнул. Щеки его некогда полного лица обвисли, глаза воспалились.

— Да, — просвистел он, — мы отдохнули. Нужно идти!

Гасмайр тупо кивнул:

— К храму!

Но никто не пошевелился. Кугель кое-как поднялся выше по берегу и сел в ожидании прихода ночи. Посмотрев вправо, он вздрогнул. Там сидел человеческий скелет в той же позе, в какой сидел

он сам. Передернувшись, Кугель повернулся налево, там был второй скелет, этот от времени и непогоды превратился в груду костей.

Кугель встал и направился к остальным.

— Быстрее! — позвал он. — Пока у нас еще остаются силы! На юг! Идемте, пока мы не умерли, как те, чьи кости лежат там, вверху!

— Да, да, — пробормотал Гарстанг. — К храму. — Он с трудом встал. — Идемте! — обратился он к остальным. — Мы идем на юг!

Субукул поднялся, но Гасмайр после нескольких попыток остался сидеть на песке.

— Я останусь, — сказал он. — Когда доберетесь до храма, замолвите за меня слово перед Гилфигом, объясните, что волшебное очарование лишило мое тело сил.

Гарстанг хотел остаться с ним и попытаться уговорить, но Кугель указал на заходящее солнце.

— Если мы дождемся темноты, мы погибнем. Завтра у нас совсем не останется сил!

Субукул взял Гарстанга за руку.

— Мы должны уйти до наступления ночи.

Гарстанг в последний раз обратился к Гасмайру.

— Друг мой и сподвижник, наберись сил. Мы пришли вместе — от самой долины Фолгус, на

плоту по Скамандеру и через эту ужасную пустыню. Неужели мы должны расстаться на самом пороге храма?

— Идем к храму! — хрипел Кугель.

Но Гасмайр отвернулся. Кугель и Субукул увели Гарстанга, по высохшим щекам которого бежали слезы. Пошатываясь, они побрели по берегу на юг, отворачиваясь от спокойной глади моря.

Старое солнце село, веером разбрасывая цветные лучи. На спокойном высоком небе желтовато-бронзового оттенка образовались небольшие облачка. Со стороны моря вновь появился призрачный город. Никогда он не казался величественнее, чем в тот момент, когда его шпили уловили огни заката. По аллеям прогуливались юноши и девушки с цветами в волосах, иногда они останавливались и с сожалением смотрели на троих людей, бредущих по песку. Закат потемнел, белые огни осветили город, придавая ему колдовское очарование, музыка поплыла над водой. Долгое время следовала она за тремя пилигримами и, наконец, стихла вдали. Пустое море расстилалось на запад, отражая последние отблески заката.

Примерно в это время пилигримы набрели на ручей с пресной водой, поблизости от которого

росли ягоды и дикие сливы. Здесь они провели ночь. Утром Кугель поймал рыбу и нескольких крабов на берегу. Подкрепившись, трое снова двинулись на юг, все время надеясь увидеть храм. Даже Кугель почти поверил в него, настолько неистовой была вера Гарстанга и Субукула. Но проходили дни, и Субукул начал отчаиваться, сомневаться в приказании Гилфига, сомневаться в добродетельности самого Гилфига.

— Чего мы добились этим мучительным путешествием? Разве Гилфиг сомневался в нашей преданности? Мы доказали ее своим присутствием На Светлом обряде. Зачем он послал нас так далеко?

— Пути Гилфига неисповедимы, — отвечал Гарстанг. — Мы пришли так далеко, но нужно идти дальше!

Субукул остановился и посмотрел назад, туда, откуда они пришли.

— Вот мое предложение. На этом месте воздвигнем каменный алтарь, который станет нашим храмом; исполним перед ним обряд. Удовлетворив требования Гилфига, мы сможем повернуться лицом на север, к деревне, где остались наши товарищи. Там мы отыщем вьючных животных, возобновим припасы и направимся в пустыню.

И, может быть, сумеем вернуться в Эрзу Дамат.

Гарстанг колебался.

— Твое предложение весьма здраво. И все же…

— Лодка! — воскликнул Кугель. Он указал на море, где в полумиле плыла рыбачья лодка под квадратным парусом на длинной гибкой рее. Она прошла мимо мыса в миле к югу от того места, где стояли пилигримы, и Кугель указал на деревню дальше по берегу.

— Прекрасно! — объявил Гарстанг. — Там должны жить гилфигиты, а деревня находится вблизи храма! Идемте!

Но Субукул не решался.

— Неужели знание священных текстов распространилось так далеко?

— Осторожность — наш девиз, — проговорил Кугель. — Нужно очень осторожно провести разведку. — И он провел их через лес тамариска и лиственницы в такое место, откуда сверху они могли рассмотреть деревню. Хижины были грубо сложены из камня, и жил в них народ, выглядевший довольно свирепо. Их черные, жесткие волосы обрамляли круглые, цвета глины, плоские лица. На плечах росла жесткая щетина, издали выглядящая как меховые эполеты. Изо рта и у мужчин, и у женщин торчали крупные клыки,

а низкие, хриплые голоса не располагали к знакомству. Кугель, Гарстанг и Субукул отступили с величайшей осторожностью и, спрятавшись среди деревьев, стали негромко совещаться.

Гарстанг, наконец, упал духом и потерял всякую надежду.

— Я истощен духовно и физически. Наверное, здесь я и умру.

Субукул посмотрел на север.

— Я попробую перебраться через Серебряную пустыню. Если все пройдет хорошо, вернусь в Эрзу Дамат или даже в долину Флогус.

Гарстанг повернулся к Кугелю.

— А ты? Мы ведь не нашли храма Гилфига.

Кугель указал на пристань, где было причалено несколько лодок.

— Я направляюсь в Альмери через Сонганское море. Предлагаю конфисковать лодку и плыть на запад.

— Тогда прощай, — сказал Субукул. — Гарстанг, идешь со мной?

Гарстанг покачал головой.

— Слишком далеко. Я, несомненно, умру в пустыне. Я пересеку море вместе с Кугелем и понесу Слово Гилфига народу Альмери.

— Ну, тогда прощай и ты, — сказал Субукул. Он

быстро повернулся, чтобы скрыть выражение лица, и двинулся на север.

Кугель и Гарстанг смотрели, как его крепкая фигура уменьшается на расстоянии и исчезает. Потом повернулись и принялись рассматривать причал. Гарстанг сомневался.

— Лодки кажутся пригодными для моря, но «конфисковать» значит «украсть» — это действие особенно осуждается Гилфигом.

— Никаких затруднений, — ответил Кугель. — Я положу на причал несколько золотых монет, это больше стоимости лодки.

Гарстанг, наконец, неуверенно согласился.

— А как же пища и вода?

— Взяв лодку, мы поплывем вдоль берега, пока не припасем достаточно, а потом двинемся на запад.

Гарстанг согласился, и они снова принялись рассматривать лодки, сравнивая их друг с другом. Наконец выбрали прочное судно десяти или двенадцати шагов длиной с небольшой каютой.

В сумерках они двинулись к пристани. Вокруг все было тихо, рыбаки вернулись в деревню. Гарстанг поднялся на борт и сообщил, что лодка в порядке. Кугель начал отвязывать чалку, но в это время с пристани послышался свирепый крик, и

появился десяток крепких рыбаков.

— Мы пропали! — крикнул Кугель. — Спасайся, беги, а еще лучше плыви!

— Невозможно! — провозгласил Гарстанг. — Если это смерть, я встречу ее с достоинством. — И он встал на палубе.

Вскоре их окружили жители деревни всех возрастов, привлеченные шумом. Один из них, старшина деревни, спросил строгим голосом:

— Что вы делаете на нашем причале и зачем собираетесь украсть лодку?

— Наша причина проста, — ответил Кугель, — мы хотим пересечь море.

— Что? — взревел старшина. — Как это возможно? На лодке нет ни пищи, ни воды, она плохо оборудована. Почему вы просто не обратились к нам и не сказали, что вам нужно?

Кугель замигал и обменялся взглядом с Гарстангом.

— Буду откровенен. Ваша внешность внушила нам такой страх, что мы не решились.

Его слова вызвали большое веселье и удивление в толпе. Старшина сказал:

— Мы все удивлены: объяснись.

— Хорошо, — ответил Кугель. — Могу ли я быть абсолютно откровенным?

— Конечно!

— Некоторые особенности вашей внешности кажутся нам грубыми и варварскими: ваши выступающие клыки, черная грива, окружающая лица, какофония вашей речи — это еще не все.

Жители деревни недоверчиво рассмеялись.

— Что за странные у вас представления! — восклицали они. — У нас длинные зубы, чтобы мы могли разрывать рыбу — нашу основную пищу. Волосы мы носим так, чтобы защититься от ядовитых насекомых. И так как мы глуховаты, то, очевидно, кричим. А вообще-то мы добрый и мягкий народ.

— Совершенно верно, — сказал старейшина. — И чтобы продемонстрировать это, завтра мы снабдим продовольствием нашу лучшую лодку и отправим вас с нашими добрыми пожеланиями. А сегодня в вашу честь будет пир!

— Вот истинно святая деревня! — провозгласил Гарстанг. — Вы случайно не приверженцы Гилфига?

— Нет, мы поклоняемся богу-рыбе Иобу, который кажется нам не менее действенным, чем другие. Но идемте в деревню. Надо подготовиться к пиру.

Они поднялись по лестнице, высеченной в ска-

ле утеса, и оказались на площадке, освещенной десятками горящих факелов. Старшина указал на хижину, более просторную, чем остальные.

— Это мой дом. Здесь вы проведете ночь, а я буду спать в другом месте.

Гарстанг снова начал хвалить святость и милосердие жителей деревни, на что старшина наклонил голову.

— Мы стараемся добиться духовного единства. Его символизирует главное блюдо наших церемониальных пиров. — Он повернулся и крикнул, сложив руки: — Готовьтесь!

На треножнике повесили большой котел, приготовили блок и подъемник, и каждый житель деревни подходил, отрезал себе палец и бросал в котел.

Старшина объяснил:

— Этим простым обычаем, к которому вы, несомненно, присоединитесь, мы демонстрируем наше общее наследие и взаимную доверенность. Давайте встанем в ряд. — И Кугелю и Гарстангу ничего не оставалось, как тоже отрубить по пальцу и бросить в котел.

Пир продолжался почти всю ночь. Утром жители деревни выполнили свое слово. Особенно пригодную для морских путешествий лодку снаб-

дили большим запасом продовольствия и воды, включая то, что осталось от ночного пира.

Все собрались на пристани. Кугель и Гарстанг высказали свою благодарность, затем Кугель поднял парус, а Гарстанг отвязал лодку от причала. Ветер наполнил парус, и лодка легко двинулась по поверхности Сонганского моря. Постепенно берег растаял вдали и два человека остались одни, со всех сторон окруженные только черным металлическим блеском воды.

Наступил полдень. Лодка продолжала двигаться в пустоте: вода внизу, воздух вверху, тишина во всех направлениях. День был долгим и вялым, нереальным, как сновидение. За печальным величием сумерек последовала темнота цвета разведенного вина.

Ветер усилился, и всю ночь они двигались на запад. На рассвете стихнувший ветер не мог наполнить парус, и Кугель с Гарстангом уснули.

Восемь дней повторялся этот цикл. На утро девятого дня впереди появилась береговая линия. К середине дня через невысокий прибой они направили лодку к берегу.

— Это Альмери? — спросил Гарстанг.

— Я так считаю, — ответил Кугель, — но не знаю, какая именно часть. Азеномай может ле-

жать на севере, востоке и юге. Если вон тот лес окружает Восточный Альмери, нам придется пройти через него, а живущие там медведи пользуются ужасной репутацией.

Гарстанг указал вниз по берегу.

— Смотри: еще одна деревня. Если тут такой же народ, что и на том берегу, нам помогут. Идем, расскажем им, что нам нужно.

Кугель задержался.

— Может, разумнее разведать сначала?

— Зачем? — спросил Гарстанг. — В прошлый раз это привело только к недоразумению. — Он пошел по берегу к деревне. Когда они приблизились, им стали видны люди на центральной площади: прекрасные золотоволосые люди, голоса которых были подобны музыке.

Гарстанг весело приблизился к ним, ожидая еще более радушного приема, чем на том берегу. Однако жители деревни, не долго думая, набросили на них сети.

— Зачем вы это делаете? — спросил Гарстанг. — Мы путники и не причиним вам вреда!

— Вы чужаки, вот и все, — ответил самый высокий из золотоволосых. — Мы поклоняемся неумолимому богу Данготту. Чужаки — это всегда еретики, и их полагается скармливать

священным обезьянам. — И с этими словами они потащили Кугеля и Гарстанга по острым камням берега, а прекрасные дети радостно плясали вокруг.

Кугель умудрился достать трубку, взятую у Войонда, и направить на жителей деревни синий концентрат. В ужасе они попадали на землю, и Кугель смог выпутаться из сети. Обнажив меч, он освободил Гарстанга, но жители быстро пришли в себя. Еще один выстрел из трубки заставил их в страхе бежать.

— Беги, Кугель, — заговорил Гарстанг. — Я старик, во мне не осталось сил. Торопись, ищи спасения, желаю тебе добра.

— Обычно я так и поступаю, — признался Кугель. — Но эти люди вызвали у меня приступ донкихотства. Выбирайся из сети, пойдем вместе, — Он снова внес в ряды противников замешательство трубкой, а Гарстанг в это время высвободился, и они побежали по берегу.

Жители деревни преследовали их, бросая гарпуны. Первый же гарпун попал в спину Гарстангу. Он упал без звука. Кугель повернулся, нацелил трубку, но волшебство истощилось, и появилось только несколько капель прозрачной жидкости. Жители деревни приготовились ко второму зал-

пу; Кугель выкрикнул проклятие, увернулся, и гарпуны пролетели мимо, безопасно вонзившись в береговой песок.

Кугель в последний раз погрозил негостеприимным жителям кулаком и убежал в лес.

6. Пещера в лесу

Кугель шел через Старый Лес. Он двигался крайне осторожно, часто останавливался и прислушивался, ожидая услышать треск ветки, звуки шагов или даже шум дыхания. Его настороженность хотя и замедляла продвижение, вызывалась не теоретическими соображениями, а была насущной необходимостью: другие существа бродили по лесу, и их стремления противоречили желанию Кугеля остаться целым и невредимым. Весь вечер он бежал и, наконец, едва ускользнул от пары деодандов; в другой раз ему повезло, и он, оставшись незамеченным, остановился на самом краю поляны, на которой стоял размышляющий лейкоморф. С тех пор Кугель стал еще осторожнее, шел от дерева к дереву, всматривался и вслушивался в лесные шорохи, легкой походкой перебегал открытые пространства, как будто прикосновение к земле жгло ему ноги.

В середине дня он оказался на небольшой влажной поляне, окруженной высокими и мрачными, как монахи в капюшонах, черными деревьями. Несколько косых красных лучей, пробившись

на поляну, освещали изогнутое айвовое дерево, на котором висел кусок пергамента. Оставаясь в тени, Кугель тщательно осмотрел поляну, потом осторожно подошел к дереву. На листке витиеватыми буквами было написано:

«Мудрец Зараидес делает щедрое предложение! Тот, кто найдет и прочтет это послание, может бесплатно получить час консультаций. В ближайшем холме — вход в пещеру; мудрец находится внутри».

Кугель удивленно рассматривал пергамент. Большой вопрос повис в воздухе: зачем Зараидесу отдавать свои знания с такой необычной щедростью? Вряд ли можно рассчитывать на истинное бескорыстие: в той или иной форме обязательно проявится закон равновесия. Если Зараидес предлагает совет — мысль об абсолютном альтруизме нужно отбросить, — значит, он ожидает чего-то в обмен: благодарность и словесную оценку своего благородства или рассказ о каких-нибудь событиях в отдаленных местностях, или вежливое прослушивание каких-нибудь прозаических текстов и од, или какая-нибудь другая служба. Когда Кугель перечел послание, его скептицизм еще усилился. Он бы отбросил пергамент, если бы не срочная и настоятельная потребность в

информации, особенно ему требовалось знание наиболее безопасного и быстрого пути к дому Юкоуну, а также способа сделать Смеющегося Мага беспомощным.

Кугель осмотрелся, отыскивая холм, упоминаемый Зараидесом. Напротив, по другую сторону поляны, местность поднималась, и, подняв голову, Кугель заметил искривленные ветви и спутанную листву нескольких даобадов.

С величайшей осторожностью Кугель двинулся по лесу и вскоре остановился у скалы, поросшей деревьями и вьющимися растениями. Несомненно, это тот холм, который упоминается в послании.

Кугель стоял, держась за подбородок, оскалив зубы в выражении сомнения. Он прислушался: тишина была абсолютная и полная. Держась в тени, он двинулся вокруг холма и вскоре подошел к входу в пещеру — круглому отверстию в скале высотой с человека и шириной с расставленные руки. Над ним висела надпись тем же почерком:

ВХОДИТЕ: ВСЕМ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Кугель покрутил головой направо и налево. Ни звука, ни движения в лесу. Он сделал вперед несколько осторожных шагов, вгляделся в проем пещеры и увидел только темноту.

Кугель отступил. Несмотря на искренность надписи, он не чувствовал желания идти туда и, присев на корточки, принялся внимательно разглядывать пещеру.

Прошло пятнадцать минут. Кугель переменил положение, и тут справа он увидел человека, приближавшегося не менее осторожно, чем он сам. Вновь прибывший был среднего роста, в грубой крестьянской одежде: серых брюках, рубашке цвета ржавчины, шапке с козырьком. У него оказалось грубое круглое лицо с коротким носом, маленькими широко расставленными глазами и тяжелым подбородком, заросшим темной щетиной. В его руке был зажат пергамент, подобный тому, что прочитал Кугель.

Кугель встал. Вновь прибывший остановился, потом подошел.

— Ты Зараидес? Если так, то я Фабельн, травник. Ищу заросли дикого лука. Там дальше моя дочь; она вянет, бродит как во сне и не носит больше корзин, поэтому…

Кугель поднял руку.

— Ты ошибаешься. Зараидес находится в пещере.

Фабельн хитро сузил глаза.

— А кто же ты?

— Я Кугель; подобно тебе, я ищу знаний.

Фабельн кивнул.

— Ты посоветовался с Зараидесом? Он достоин доверия? И действительно не берет платы, как говорится в надписи?

— Верно во всех подробностях, — ответил Кугель. — Зараидес, по-видимому, всеведущ и испытывает радость, передавая знания. Все мои затруднения разрешены.

Фабельн искоса посмотрел на него.

— А чего же ты тогда ждешь у пещеры?

— Я тоже травник и формулирую новые вопросы, особенно относительно находящихся поблизости богатых зарослей дикого лука.

— Вот как? — воскликнул Фабельн, возбужденно щелкая пальцами. — Формулируй тщательно, а пока ты составляешь фразы, я пройду внутрь и спрошу о причине апатии моей дочери.

— Как хочешь, — ответил Кугель. — Но если подождешь немного, я скоро кончу формулировать свой вопрос.

Фабельн сделал жизнерадостный жест.

— Скоро я выйду из пещеры, потому что я человек быстрый и решительный, вплоть до бесцеремонности.

Кугель поклонился.

— В таком случае, проходи.

— Я скоро. — И Фабельн скрылся в пещере. — Зараидес? — позвал он. — Где мудрец Зараидес? Я Фабельн; хочу задать несколько вопросов. Зараидес? Будь добр, выходи. — Голос Фабельна звучал глухо. Кугель, внимательно прислушиваясь, услышал, как открылась и закрылась дверь, потом наступила тишина. Он приготовился терпеливо ждать.

Проходили минуты… прошел час. Красное солнце передвинулось по небу и скрылось за холмом. Кугель начал беспокоиться. Где Фабельн? Он наклонил голову: снова открылась и закрылась дверь? Да, это Фабельн: все в порядке!

Фабельн выглянул из пещеры.

— Где травник Кугель? — Он говорил резким хриплым голосом. — Зараидес сидит за накрытым столом и не желает обсуждать местоположение дикого лука, пока ты не присоединишься к нему.

— Банкет? — с интересом спросил Кугель. — Неужели так далеко простирается щедрость Зараидеса?

— Да. Ты разве не видел украшенный шпалерами зал, резные кубки, серебряную супницу? — Фабельн говорил мрачно, и это удивило Кугеля. — Но идем: я тороплюсь и не хочу ждать.

Если ты уже пообедал, я так и скажу Зараидесу.

— Ни в коем случае, — с достоинством ответил Кугель. — Я сгорел бы от стыда, если бы пренебрег приглашением Зараидеса. Иди вперед: я за тобой!

— Тогда пошли. — Фабельн повернулся; Кугель прошел за ним и ощутил отвратительный запах. Он остановился. — Мне кажется, я чувствую вонь; она очень неприятно на меня действует.

— Я тоже заметил, — отозвался Фабельн. — Но за дверью никакого запаха нет.

— Поверю на слово, — раздраженно сказал Кугель. — Такой запах испортил бы мне аппетит. Где же…

И в этот момент на него обрушился поток маленьких быстрых тел, холодных и скользких, тощих и испускающих именно такое зловоние. Послышалось множество высоких голосов, кто-то выхватил у него меч и дорожный мешок. Дверь открылась и Кугеля втолкнули в низкую нору. В колеблющемся желтом свете он рассмотрел своих похитителей: ростом они были ему по пояс, с бледной кожей, заостренными мордочками и ушами, расположенными наверху головы. При ходьбе они слегка сутулились и наклонялись вперед, как будто коленные суставы у них сги-

бались в противоположном направлении, не как у настоящих людей. Их ножки в сандалиях казались очень мягкими и тонкими.

Кугель удивленно смотрел на них. Поблизости присел Фабельн, глядя на него со смесью злорадства и удовлетворения. Теперь Кугель рассмотрел, что на шее Фабельна надето металлическое кольцо, а от него отходит тонкая цепочка. У дальней стены норы сидел старик с длинными седыми волосами, тоже с кольцом и цепочкой. В это время крысиные люди надели такое же кольцо на шею Кугелю.

— Подождите! — в ужасе воскликнул Кугель. — Что это значит? Я отвергаю такое обращение!

Крысолюди подтолкнули его и убежали. Кугель увидел, что с их острых задов свисали длинные чешуйчатые хвосты, нелепо высовывающиеся из черных комбинезонов.

Дверь закрылась, три человека остались одни.

Кугель гневно повернулся к Фабельну.

— Ты меня обманул; ты заманил меня в ловушку! Это серьезное преступление!

Фабельн горько рассмеялся.

— Не более серьезное, чем то, что ты совершил, обманывая меня! Меня захватили из-за твоего мошеннического трюка, поэтому я позаботился,

чтобы и ты не ушел.

— Это бесчеловечная злоба! — взревел Кугель — Я позабочусь, чтобы ты получил то, что заслуживаешь!

— Ба! — отозвался Фабельн. — Не раздражай меня своими жалобами; во всяком случае, я заманил тебя в пещеру не из-за одной злобы.

— Нет? У тебя были еще какие-то причины?

— Очень просто: крысолюди умны! Тот, кто завлечет в пещеру двух других, обретает свободу. Ты номер один на моем счету. Мне осталось заманить еще одного, и я свободен. Разве я не прав, Зараидес?

— Только в широком смысле, — ответил старик. — Ты не можешь засчитывать этого человека на свой счет; если бы существовала абсолютная справедливость, вы оба были бы на моем счету. Разве не мой пергамент привлек вас к пещере?

— Но не в нее! — заявил Фабельн. — Вот тут-то и разница! Так считают крысолюди, и значит, ты не свободен.

— В таком случае, — сказал Кугель, — я считаю тебя номером один на своем счету, потому что именно я послал тебя в пещеру для проверки того, что там находится.

Фабельн пожал плечами.

— Этот вопрос ты должен решить с крысолюдьми. — Он нахмурился и замигал маленькими глазками. — А почему я не должен засчитывать тебя на свой счет? Это нужно обсудить.

— Не так, не так! — послышался резкий голос из-за решетки. — Мы засчитываем только тех, кто привлечен после заключения сделки. Фабельна нельзя относить ни на чей счет. У него самого на счету есть один — а именно Кугель. У Зараидеса на счету нуль.

Кугель потрогал кольцо на шее.

— А что, если я не смогу раздобыть двоих?

— Тебе дается месяц. Если не справишься, тебя сожрут.

Фабельн заговорил трезвым расчетливым голосом.

— Считайте, что я уже свободен. Поблизости ждет моя дочь. У нее страсть к дикому луку, она больше не приносит пользы в моем хозяйстве. С ее помощью я освобожусь. — И Фабельн удовлетворенно кивнул.

— Интересно было бы рассмотреть твои методы, — заметил Кугель. — А именно: где она находится и как ее позвать.

Выражение лица Фабельна стало хитрым и злым.

— Я тебе ничего не скажу! Если хочешь привлекать людей, сам изобретай способ!

Зараидес указал на стол, где лежали обрывки пергамента.

— Я привязываю привлекательные послания к крылатым семенам, и потом их выпускают в лесу. Таким образом, я могу привлечь прохожих к входу в пещеру, но не дальше. Боюсь, что мне осталось прожить только пять дней. Если бы у меня были мои книги, мои фолианты, мои руководства! Какие заклинания, какие заклинания! Я разрыл бы этот муравейник из конца в конец; я превратил бы каждую крысу в язык зеленого пламени. Я наказал бы Фабельна за то, что он меня обманул… Гм… Вращатель? Отчаянная Чесотка Люгвилера?

— Чары Одиночного Заключения имеют свои преимущества, — предложил Кугель.

Зараидес кивнул.

— Да, в этом что-то есть… Но это все пустые мечты: у меня отобрали заклинания и унесли в какое-то тайное место.

Фабельн фыркнул и отвернулся. Из-за решетки послышалось резкое предостережение:

— Сожаления и извинения не заменят вашего счета. Соревнуйтесь с Фабельном! У него уже есть

один на счету, и он собирается завтра получить второй. А ведь мы захватили его случайно!

— Я его привлек! — возразил Кугель. — Разве вы не знаете честности? Я послал его в пещеру, он должен быть занесен на мой счет!

— Все остается, как прежде! — последовал строгий ответ.

Зараидес развел руками и принялся лихорадочно писать на пергаменте. Фабельн скорчился в углу на стуле и сидел неподвижно. Проползая мимо, Кугель пнул ножку стула, и Фабельн упал на пол. Он поднялся и бросился на Кугеля, который швырнул в него стул.

— Порядок! — послышался резкий голос. — Порядок, или будете наказаны!

— Кугель выбил стул, я из-за него упал, — жаловался Фабельн. — Почему его не наказывают?

— Чистая случайность, — заявил Кугель. — По моему мнению, вспыльчивый Фабельн должен содержаться в одиночке в течение двух, а еще лучше трех недель.

Фабельн начал плеваться, но резкий голос из-за решетки потребовал тишины.

Вскоре принесли пищу — грубую похлебку с неприятным запахом. После еды всем приказали проползти в нору на нижнем уровне, там их при-

ковали к стене. Кугель спал беспокойным сном и проснулся от голоса из-за двери, обращенного к Фабельну:

— Послание доставлено, оно прочитано с большим вниманием.

— Хорошая новость! — послышался голос Фабельна. — Завтра я выйду в лес свободным человеком!

— Молчание! — прохрипел в темноте Зараидес. — Неужели целыми днями я должен писать пергаменты, а по ночам слушать ваше подлое злорадство?

— Ха-ха! — насмехался Фабельн. — Слушайте, что говорит бессильный волшебник!

— Увы мне! Где мои книги? — простонал Зараидес. — Ты пел бы тогда по-другому!

— А где можно найти эти книги? — осторожно спросил Кугель.

— Спроси этих грязных мюридов: они захватили меня врасплох.

Теперь Фабельн поднял голову и начал жаловаться:

— Вы собираетесь всю ночь обмениваться воспоминаниями? Я хочу спать.

Разъяренный Зараидес начал так яростно бранить Фабельна, что вбежали крысолюди и

утащили его куда-то, оставив Фабельна и Кугеля одних.

Утром Фабельн быстро съел свою похлебку.

— Эй, — крикнул он за решетку, — скорее одевайте мне воротник, чтобы я мог выйти и завершить свой счет. Первый на моем счету Кугель.

— Ба! — сказал Кугель. — Какой позор!

Крысолюди, не обращая внимания на протесты Фабельна, еще более плотно закрепили на нем ошейник, прикрепили цепь и вытащили его на четвереньках, и Кугель остался один.

Он попытался сесть прямо, но прижался шеей к влажной грязи и соскользнул на локтях.

— Проклятые крысы! Все равно я обману их! В отличие от Фабельна, у меня нет семьи, чтобы кого-нибудь привлечь… Эффективность пергаментов Зараидеса под вопросом… Но, возможно, кто-нибудь случайно окажется поблизости, как я и Фабельн. — Он повернулся к решетке, за которой сидел остроглазый надсмотрщик. — Чтобы привлечь двух необходимых людей на свой счет, я должен ждать снаружи пещеры.

— Это позволено, — провозгласил надзиратель. — Конечно, должен быть тщательный присмотр.

— Это понятно, — согласился Кугель. — Но я прошу, чтобы ошейник и цепь с меня сняли. При столь очевидном принуждении даже самые доверчивые уйдут.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — согласился надзиратель. — Но что в таком случае помешает тебе убежать?

Кугель принужденно рассмеялся.

— Разве я похож на обманщика? И к чему мне это делать, если я легко пополню свой счет?

— Мы примем меры предосторожности. — Через мгновение в норе появилось множество крысолюдей. Ошейник с Кугеля сняли, но икру правой ноги проткнули серебряной булавкой; Кугель закричал от боли, тем временем к булавке прикрепили цепь.

— Теперь цепь незаметна, — заявил один из его похитителей. — Можешь стоять перед пещерой и привлекать проходящих.

Продолжая стонать от боли, Кугель выполз из норы и пещеры; у входа в пещеру сидел Фабельн, с цепью у шеи, ожидая появления дочери.

— Куда ты идешь? — подозрительно спросил он.

— Буду ходить перед пещерой и привлекать к ней прохожих.

Фабельн скорчил кислую гримасу и стал всматриваться в деревья.

Кугель остановился у входа в пещеру. Он посмотрел во все стороны, потом крикнул:

— Есть ли кто поблизости?

Ответа он не получил и стал расхаживать взад и вперед, цепь позванивала при его шагах.

Движение среди деревьев, всплеск желтой и зеленой ткани, и появилась дочь Фабельна, неся корзину и топор. Увидев Кугеля, она остановилась, потом неуверенно подошла.

— Я ищу Фабельна, который попросил принести кое-какие вещи.

— Я возьму их, — сказал Кугель и протянул руку к топору, но крысолюди были начеку и утащили его за цепь к пещере. — Она должна положить топор на ту скалу, — просвистели ему в ухо. — Иди и скажи ей об этом.

Кугель снова захромал вперед. Девушка удивленно смотрела на него.

— Почему ты так поскакал назад?

— Я тебе расскажу, и это действительно странная история, — ответил Кугель, — но сначала ты должна положить топор и корзину вон на ту скалу; туда вскоре подойдет Фабельн.

Из пещеры послышался приглушенный гнев-

ный протест, быстро стихший.

— Что это за звук? — спросила девушка.

— Сделай, как я прошу, и все будешь знать.

Удивленная девушка отнесла топор и корзину в указанное место, потом вернулась.

— Ну, где же Фабельн?

— Фабельн умер, — сказал Кугель. — Его телом овладел злой дух; остерегайся его: это мое предупреждение.

При этих словах Фабельн испустил громкий вопль и крикнул из пещеры:

— Он лжет, он лжет! Иди сюда, в пещеру!

Кугель поднял руку.

— Ни в коем случае. Будь осторожна!

Девушка в удивлении и страхе посмотрела в сторону пещеры, там теперь появился Фабельн, он яростно жестикулировал. Девушка отступила назад.

— Иди, иди! — кричал Фабельн. — Войди в пещеру!

Девушка покачала головой, и Фабельн яростно дернул цепь.

Крысолюди утащили его назад в тень, но он так отчаянно сопротивлялся, что они вынуждены были убить его и утащить тело в нору.

Кугель внимательно слушал, потом кивнул

головой и сказал девушке:

— Теперь все в порядке. Фабельн оставил мне некоторые ценности; в пещере я их тебе передам.

Девушка удивленно покачала головой.

— У Фабельна не было никаких ценностей.

— Будь добра, осмотри сама. — Кугель вежливо подталкивал ее к пещере. Она пошла вперед, всмотрелась внутрь, и тут же крысолюди схватили ее и утащили в нору.

— Один на моем счете, — сказал Кугель. — Не забудьте записать!

— Счет зарегистрирован, — послышался изнутри голос, — Еще один, и ты свободен.

Остаток дня Кугель ходил взад и вперед перед пещерой, посматривал во все стороны, но никого не увидел. Вечером его втащили в пещеру и приковали в той же норе, в которой он провел предыдущую ночь. Теперь там находилась дочь Фабельна. Обнаженная, в синяках, с пустыми глазами, она в упор смотрела на него. Кугель попытался поговорить с ней, но она, казалось, утратила дар речи.

Принесли вечернюю похлебку. За едой Кугель тайком поглядывал на девушку. Грязная и избитая, она, тем не менее, оставалась хорошенькой.

Кугель придвинулся ближе, но вонь от крысолюдей стояла такая сильная, что подавила его похоть, и он отполз назад.

Ночью в норе слышались приглушенные звуки: кто-то царапался, скребся, урчал. Кугель, проснувшись, приподнялся на локте и увидел, как часть пола скользнула в сторону, блеснул тусклый желтый свет и упал на девушку. Кугель крикнул; в нору ворвались крысолюди с трезубцами, но было поздно: девушку украли.

Крысолюди страшно рассердились. Они подняли камень, кричали в дыру проклятия и оскорбления. Появились другие с корзинами грязи; эту грязь с руганью стали лить в дыру. Один обиженно объяснил ситуацию Кугелю:

— Там живут другие существа; они все время нас обманывают. Но мы отомстим: наше терпение не безгранично! Сегодня ночью будешь спать в другом месте, чтобы больше не было вылазок. — Он ослабил цепь на Кугеле, но тут его отозвали цементировавшие отверстие в полу.

Кугель осторожно подошел к выходу и, когда внимание всех было отвлечено, незаметно выскользнул в коридор. Прихватив цепь, он пополз в том направлении, где, как ему казалось, находится выход, но встретил множество боковых

туннелей и вскоре заблудился. Туннель повел вниз и сузился, так что плечами Кугель задевал за стены; потом уменьшилась и высота туннеля, и Кугель вынужден был протискиваться вперед ползком, подтягиваясь на локтях.

Вскоре его отсутствие обнаружили. Сзади послышались гневные крики и топот маленьких ног: крысолюди забегали туда и сюда.

Проход резко повернул под таким углом, что Кугель не смог протиснуться. Дергаясь и извиваясь, он перевернулся на бок, но обнаружил, что теперь вообще не может двигаться. Он выдохнул, закрыл глаза и начал извиваться, пока, наконец, не умудрился протиснуться в более широкий туннель. Неожиданно он обнаружил фонарь в нише нового туннеля и прихватил его с собой.

Сзади все громче звучали выкрики и приказы. Крысолюди приближались. Кугель быстро прополз в боковой туннель, который кончился кладовой. Первое, что он увидел, были его меч и сумка.

В ту же минуту в кладовую ворвались крысолюди с трезубцами на перевес; Кугель рубил и колол мечом, пока не вытеснил их в коридор. Одни сгрудились у входа, не решаясь на новое нападение, другие бегали взад и вперед, выкрикивая

угрозы. Иногда кто-нибудь из них показывался в проеме, оскалив зубы и размахивая трезубцем, но после того как Кугель убил двоих смельчаков, остальные отошли подальше и стали негромко совещаться.

Кугель воспользовался временной передышкой и нагромоздил у входа тяжелые ящики, найденные в кладовой. Потом уселся у баррикады, ожидая развития событий.

Крысолюди приблизились и нажали так, что ящики зашатались. Кугель резко просунул в щель меч. В ответ послышался крик боли.

Один из крысолюдей заговорил:

— Кугель, выходи! Мы добрый народ и не таим зла. У тебя на счету один человек, вскоре ты, несомненно, получишь второго и освободишься. К чему причинять неудобства нам всем? Нет причины, по которой мы не могли бы со временем не подружиться. Выходи, и мы дадим тебе мясо вместо утренней похлебки.

Кугель вежливо ответил:

— В данный момент я слишком смущен, чтобы думать основательно. Я правильно услышал, что вы хотите меня выпустить без всяких условий?

В коридоре послышался шепот, потом ответ:

— Действительно, мы так сказали. Ты объ-

являешься свободным и можешь уйти, когда захочешь. Открой вход, выброси меч и выходи!

— А какие гарантии я получу? — спросил Кугель, внимательно прислушиваясь.

Снова послышался шепот, потом ответ:

— Никакие гарантии не нужны, мы сейчас уходим. Выходи и иди по коридору на свободу.

Кугель не ответил. Высоко подняв фонарь, он начал осматривать кладовую, в которой находилось множество одежды, оружия и инструментов. В одном из ящиков, которые он придвинул ко входу, Кугель увидел переплетенный в кожу том. На переплете было напечатано:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАИДЕС ЕГО РАБОЧАЯ КНИГА: БЕРЕГИСЬ!

Снова послышались вежливые голоса крысолюдей:

— Кугель, дорогой Кугель, почему ты не выходишь?

— Отдыхаю, собираюсь с силами, — сказал Кугель. Он взял книгу и, быстро перелистав страницы, нашел содержание.

— Выходи, Кугель! — послышался более строгий приказ. — Мы сейчас введем в кладовую, где ты так упрямо закрылся, ядовитый газ. Выходи, или тебе будет хуже!

— Терпение! — отозвался Кугель. — Позвольте мне собраться с мыслями!

— Пока ты собираешься с мыслями, мы готовим котел с кислотой. Туда мы поместим твою голову.

— Сейчас, сейчас! — воскликнул Кугель, погруженный в чтение. Послышался скрип, и в помещение просунули трубу. Кугель ухватился за нее и согнул трубу так, что она снова высунулась в коридор.

— Говори, Кугель! — послышался зловещий приказ. — Выйдешь, или мы посылаем к тебе ядовитый газ?

— Вы не сможете это сделать, — ответил Кугель. — Я отказываюсь выходить.

— Посмотришь! Пускайте газ!

В трубе засвистело; из коридора послышались отчаянные крики. Свист прекратился.

Кугель, не найдя в рабочей книге нужного, взял другой большой том. На нем было написано:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАИДЕС ЕГО СОБРАНИЕ ЗАКЛИНАНИЙ: БЕРЕГИСЬ!

Кугель открыл том и стал лихорадочно читать. Он нашел подходящее заклинание и поднес книгу к фонарю, чтобы лучше видеть начертанные знаки. Четыре строчки, всего тридцать один слог.

Кугель впихивал их в мозг, где они ложились, как камни.

Звук сзади? Через только что прорытый вход в помещение кладовой входили крысолюди. Оскалив зубы, опустив уши, они ползли вперед, размахивая трезубцами.

Кугель погрозил им мечом и начал произносить заклинание, известное как Шиворот-Навыворот. Крысиный народ в ужасе смотрел на него. Послышался громкий резкий звук: коридоры выворачивались наизнанку, выбрасывая свое содержимое в лес. Под деревьями с писком носились крысолюди, и среди них оказались какие-то другие белые существа, которых Кугель при свете звезд не смог узнать. Завидев друг друга, крысолюди и белые существа яростно схватились и начали драться, забыв про все на свете. Лес заполнился писком и воем, резкими криками и болезненными воплями.

Кугель незаметно отошел и затаился в зарослях черники.

Когда рассвело, он вернулся на холм, надеясь отыскать Собрание заклинаний и рабочую книгу Зараидеса. Все было засыпано мусором, повсюду валялись маленькие тела, но того, что искал, Кугель не нашел. С сожалением он отвернулся и

пошел прочь и вскоре набрел на дочь Фабельна, сидящую среди папоротников. Когда он приблизился к ней, она дико завизжала. Кугель поджал губы и неодобрительно покачал головой. Он повел ее к протекающему неподалеку ручью и попытался вымыть, но при первой же возможности она вырвалась и спряталась под скалой.

7. Дом Юкоуну

Происхождение заклинания, известного как Шиворот-Навыворот, уходило своими корнями в такое глубокое прошлое, что о его происхождении никто ничего не помнил. Некий Гонитель Облаков из двадцать первой эпохи истолковал древнейшую версию, полулегендарный Базиль Черная Сеть усовершенствовал его содержание, и этот процесс был продолжен Веронифером Ласковым, который добавил усиливающий резонанс. Архимаг Глер перечислил четырнадцать его вариантов, Фандаал поместил его в списке А — «Совершенные» — своего монументального каталога. В таком виде оно и оказалось в книге мудреца Зараидеса. Кугель, заключенный под землей, нашел его и произнес.

Теперь, еще раз роясь в обломках, появившихся в поле применения заклинания, Кугель обнаруживал множество самых разнообразных предметов: одежду новую и старую — камзолы, плащи и куртки, древние одеяния, брюки в стиле Каучика или снабженные кисточками по экстравагантной моде Андромахи. Встречались туфли, сапоги, шляпы самых различных форм и

размеров; плюмажи, султаны, эмблемы, значки; старые инструменты и разбитое оружие; браслеты и цепочки; потемневшая филигрань оправ без камней, треснувшие камеи; украшения, которые Кугель не смог выкопать и которые, вероятно, и задержали его, не дав найти то, из-за чего он начал свои поиски, а именно: рабочие книги Зараидеса, которые оказались разбросаны по лесу вместе с остальным содержимым подземных галерей.

Кугель искал долго. Он нашел серебряные чаши, ложки слоновой кости, фарфоровые вазы, отшлифованные кости и сверкающие зубы множества разновидностей животных: они блестели, как жемчуга, среди листьев, но нигде он не смог найти тома и фолианты, которые помогли бы ему одолеть Смеющегося Мага Юкоуну. Он продолжал поиски до тех пор, пока Фиркс, навязанное Юкоуну средство принуждения, вонзил свои колючие конечности в печень Кугеля. Кугель в раздражении воскликнул:

— Я ищу самый короткий путь в Азеномай: скоро ты воссоединишься со своим товарищем в чане Юкоуну! Успокойся, неужели ты так торопишься? — И Фиркс угрюмо ослабил свое давление.

Кугель безутешно бродил взад и вперед, загля-

дывая между ветвей и под корни, вглядываясь в проходы между деревьями, в сердцах пиная ногами папоротник и мох. И вдруг у пня увидел то, что искал: груду книг, собранных в аккуратную стопку. На пне сидел Зараидес.

Кугель шагнул вперед, разочарованно поджав губы. Зараидес безмятежно разглядывал его.

— Похоже, ты что-то ищешь. Надеюсь, потеря не очень серьезна?

Кугель коротко кивнул.

— Потерялось несколько безделушек. Пусть гниют среди листвы.

— Ни в коем случае! — заявил Зараидес. — Опиши потерю, я пошлю разыскивающую вибрацию. Через несколько мгновений пропажа отыщется!

— Не стану утруждать тебя таким мелким делом. Обдумаем другие вопросы. — Он указал на стопку, на которую Зараидес теперь поставил ногу. — К счастью, твоя собственность в безопасности.

Зараидес довольно кивнул.

— Теперь все хорошо. Я обеспокоен только нарушением равновесия в наших отношениях. — Кугель отступил, но Зараидес поднял руку. — Тебе не о чем беспокоиться — наоборот. Твои действия предотвратили мою смерть, Закон Равновесия

нарушен, и я должен проявить взаимность, — Он расчесал пальцами бороду. — Вознаграждение, к несчастью, будет чисто символическим. Я мог бы исполнить все твои желания, и все равно не сдвинуть чашу весов против того, что ты, пусть несознательно, сделал для меня.

Кугель подбодрился, но Фиркс снова проявил нетерпение и произвел новую демонстрацию. Схватившись за живот, Кугель воскликнул:

— Прежде всего, будь добр, извлеки существо, которое раздирает мне внутренности, некоего Фиркса.

Зараидес поднял брови.

— Что это за существо?

— Отвратительное создание с далекой звезды. Напоминает спутанный клубок, чащобу, сеть из булавок, колючек, крючьев и когтей.

— Ну, это дело нетрудное, — ответил Зараидес. — Эти существа поддаются примитивным методам искоренения. Пойдем: мое жилище близко.

Зараидес встал с пня, собрал свои книги и бросил их в воздух: они легко поднялись над вершинами деревьев и быстро исчезли вдали. Кугель печально смотрел им вслед.

— Удивляешься? — спросил Зараидес. — Это

пустяк: простейшая процедура и предосторожность против воров и мошенников. Пойдем: надо изгнать существо, которое причиняет тебе беспокойство.

Он быстро пошел между деревьями. Кугель направился за ним, но теперь Фиркс, с опозданием ощутивший угрозу, начал активно протестовать. Кугель, согнувшись вдвое и прыгая приставными шагами, вынужден был сначала потрусить, а потом побежать за Зараидесом, чтобы не отстать от Мага, который шел, не оглядываясь.

Свой дом Зараидес устроил под толстыми ветвями огромного баобаба. К простым воротам вела лестница, перекинутая через разросшийся куст. Кугель поднялся по ступенькам, продрался сквозь ветви куста и оказался в большой квадратной комнате. Мебель была в одно и то же время простая и роскошная. Окна во всех направлениях выходили в лес; толстый ковер желтого, черного и зеленого цвета устилал пол.

Зараидес знаком поманил Кугеля в свою рабочую мастерскую.

— Мы сейчас же избавимся от этого неудобства.

Кугель, сгибаясь и спотыкаясь, побрел за ним и, повинуясь жесту волшебника, сел на стеклянный

пьедестал.

Зараидес извлек экран из цинковых полосок и прижал его к спине Кугеля.

— Это сообщит Фирксу, что им занялся опытный волшебник: существа такого рода совершенно не выносят цинк. Теперь очень простой состав: сера, аквастель, раствор зайха; некоторые травы: бурнада, хилп, кассея… впрочем, последняя не обязательна. Пей… Фиркс, выходи! Пошел вон, ты, внеземной паразит! Изыди! Или я осыплю все внутренности Кугеля серой и проткну его цинковыми стержнями! Выходи! Что? Я должен прижечь тебя аквастелем? Выходи; возвращайся на Ахернар как можно быстрее!

Фиркс с гневом разжал свои когти и выбрался из груди Кугеля — клубок белых нервов и щупальцев, каждое с крючком или когтем. Зараидес поймал существо в цинковый сосуд, который накрыл цинковой сетью.

Кугель, потерявший сознание, пришел в себя и увидел, что Зараидес вежливо ждет, пока он оправится.

— Тебе повезло, — сказал ему Зараидес. — Средство было применено в самый последний момент. Преступные инкубы стараются просунуть свои щупальца по всему телу, пока не захватывают

мозг. Еще немного, и ты с Фирксом превратились бы в одно целое. Как к тебе попало это существо?

Кугель скорчил гримасу отвращения.

— Это дело рук Юкоуну, Смеющегося Мага. Ты его знаешь? — Брови Зараидеса взлетели высоко.

— Главным образом, по его репутации смешливого и причудливого волшебника, — ответил мудрец.

— Он шут гороховый! — воскликнул Кугель. — За воображаемую обиду он забросил меня на север мира, где солнце висит низко и светит не ярче ночного фонаря у сельского постоялого двора. Юкоуну повеселился вволю, но теперь шутить буду я! Ты объявил, что благодарен мне. Для восстановления равновесия я хочу, чтобы прежде чем приступить к моим главным желаниям, мы выработали подходящую месть Юкоуну.

Зараидес задумчиво кивнул и пробежал пальцами по бороде.

— Я дам тебе совет. Юкоуну тщеславный и чувствительный человек. Наиболее уязвимое его место — самомнение. Повернись к нему спиной, не старайся с ним встретиться! Такое презрение причинит ему гораздо большую боль, чем все, что ты сможешь придумать.

Кугель нахмурился.

— Такая месть кажется мне слишком абстрактной. Если ты призовешь демона, я дам ему указания относительно Юкоуну. Дело тогда будет кончено, и мы сможем обсудить другие дела.

Зараидес покачал головой.

— Все не так просто, Юкоуну очень изобретателен, его нелегко застать врасплох. Он сразу узнает, кто осуществил нападение, и наши поверхностно сердечные взаимоотношения тут же кончатся.

— Ба! — фыркнул Кугель. — Мудрец Зараидес боится показать себя справедливым мстителем? Неужели он робко потупится и отойдет подальше от такого слабого и нерешительного Мага, как Юкоуну?

— В общем… да, — сказал Зараидес. — В любое мгновение солнце может погаснуть, и мне бы не хотелось последние часы провести, обмениваясь шутками с Юкоуну: его юмор гораздо изобретательнее моего. Так что внимание! Через минуту я должен буду заняться очень важными делами. Как последний знак благодарности, я перемещу тебя туда, куда ты захочешь. Куда тебе нужно?

— Если это все, что ты можешь, доставь меня в Азеномай, на слиянии Кзана и Скаума!

— Как хочешь. Будь добр встань на этот помост.

Сложи руки вот так… Глубоко вдохни и во время перелета не выдыхай и не вдыхай… Ты готов?

Кугель подчинился. Зараидес отошел и произнес заклинание. Кугеля подхватило и понесло вверх. Через мгновение его ноги коснулись земли, и он обнаружил, что стоит на главном перекрестке Азеномая.

Он перевел дыхание.

— После всех испытаний, после всех злоключений я снова вернулся в Азеномай! — И, качая в удивлении головой, осмотрелся. Древние здания, террасы, выходящие на реку, рынок: все как прежде. Неподалеку лавка Файностера. Повернувшись спиной, чтобы его не узнали, Кугель пошел прочь.

— Ну, и что теперь? — спросил он себя. — Во-первых, мне необходима новая одежда, потом удобная гостиница, где можно всесторонне обдумать свое положение. Если хочешь посмеяться над Юкоуну, за это дело нужно браться с большой осторожностью.

Два часа спустя, умывшись, постригшись, отдохнув, в новой черно-зелено-красной одежде Кугель сидел в общем зале гостиницы «Речная» перед тарелкой острых сосисок и бутылкой зеленого вина.

— Дело представляется крайне деликатным, — рассуждал он. — Действовать нужно с величайшей осторожностью.

Он налил себе вина и съел несколько сосисок, показавшихся невероятно вкусными. Потом раскрыл сумку и достал небольшой предмет, тщательно завернутый в мягкую ткань, — фиолетовую линзу, которую Юкоуну хотел получить в пару к той, что была у него в собрании. Он поднес было линзу к глазам, но остановился. Он уже испытывал на себе действие этой линзы и знал, что вместо окружающего увидит такую великолепную иллюзию, что не захочет отнимать линзу от глаз. И тут, когда он глядел на полушарие, в его мозгу возник план, такой изобретательный, такой теоретически эффективный и в то же время связанный с такой малой опасностью, что он немедленно отказался от поисков лучшего.

В сущности, план был очень прост. Он явится к Юкоуну и даст ему волшебную линзу, точнее, линзу такой же внешности. Юкоуну будет сравнивать ее с той, что у него уже есть, чтобы проверить ее эффективность, и неизбежно посмотрит одновременно через обе. Несоответствие между реальным и иллюзорным поразит его мозг и вызовет ступор, что сделает его беспомощным

на какое-то время, и Кугель успеет принять те меры, какие сочтет безопасными.

Есть ли недостатки в его плане? Кугель их не видел. Если Юкоуну обнаружит подмену, Кугелю придется извиниться, отдать подлинную линзу и тем усыпить подозрения Юкоуну. В целом же вероятность успеха казалась очень большой.

Кугель неторопливо прикончил сосиски, заказал вторую бутылку вина и с удовольствием принялся смотреть на Кзан. Торопиться некуда: когда имеешь дело с Юкоуну, импульсивность — серьезнейшая ошибка, как он уже сумел узнать на собственной шкуре.

На следующий день, все еще не обнаружив недостатков в своем плане, он навестил стеклодува, чья мастерская располагалась на берегу Скаума в миле к востоку от Азеномая, в роще пушистых желтых билибобов.

Стеклодув осмотрел линзу.

— Точный дубликат, той же формы и цвета? Нелегкая задача, тут очень редкий и богатый оттенок фиолетового цвета. Такой цвет трудно придать стеклу; нет специальной краски; все придется делать путем проб и догадок. Но… я все же приготовлю расплав. Посмотрим, посмотрим.

После нескольких попыток он получил стекло

нужного оттенка, из которого изготовил линзу, внешне неотличимую от подлинной.

— Великолепно! — заявил Кугель. — Теперь — какова цена?

— Такую линзу из фиолетового стекла я оцениваю в сто терций, — спокойно ответил стеклодув.

— Что? — в гневе воскликнул Кугель. — Я похож на легковерного? Цена чрезмерна.

Стеклодув убирал свои инструменты, трубки и сосуды, не обращая внимания на негодование Кугеля.

— Во вселенной не существует подлинного постоянства. Все меняется, течет, пульсирует, увеличивается и уменьшается; все подвержено изменчивости. Моя цена имманентна космосу, она подчиняется тем же законам и определяется необходимостью клиента.

Кугель в неудовольствии отошел, а стекольщик протянул руку и взял обе линзы. Кугель воскликнул:

— Что ты собираешься делать?

— Стекло верну в тигель, что еще?

— А что с линзой, которая принадлежит мне?

— Я сохраню ее на память о нашей беседе.

— Подожди! — Кугель перевел дыхание. — Я

заплачу тебе эту невероятную цену, если новая линза так же прозрачна и совершенна, как старая.

Стеклодув осмотрел сначала одну, потом другую.

— На мой взгляд, они одинаковы.

— А как же фокус? — спросил Кугель. — Поднеси обе к глазам, посмотри через обе и сравни!

Стеклодув поднес обе линзы к глазам. Одна позволила ему взглянуть на Верхний мир, вторая показала реальность. Пораженный контрастом, стеклодув покачнулся и упал бы, если бы Кугель, опасаясь за линзы, не поддержал его и не посадил на скамью.

Взяв линзы, Кугель бросил на рабочий стол три терции.

— Все подвержено изменениям, и вот твои сто терций превратились в три.

Стеклодув, слишком потрясенный, чтобы ответить, что-то пробормотал и попытался поднять руку, но Кугель уже вышел из мастерской.

Он вернулся в гостиницу. Здесь надел свою старую одежду, выпачканную и порванную в долгом пути, и пошел по берегу Кзана.

По дороге он репетировал предстоящий разговор, стараясь заранее предусмотреть все

возможности. Впереди солнце играло яркими отсветами сквозь стеклянные спиральные башни — дом Юкоуну!

Кугель остановился, рассматривая это эксцентрическое сооружение. Сколько раз за время своего путешествия представлял он себе, как будет стоять здесь, где до Юкоуну, Смеющегося Мага, рукой подать!

Он поднимался по извилистой дорожке, выложенной темно-коричневой плиткой, и каждый шаг усиливал напряжение нервов. Подойдя к передней двери, он увидел то, чего не заметил в свой первый визит: вырезанное в древнем дереве изображение аскетического лица с худыми щеками. А в глазах барельефа застыло выражение ужаса, рот широко раскрыт в крике отчаяния.

Уже подняв руку, чтобы постучать, Кугель почувствовал, как душу его охватывает холод. Он отступил от резного лица и посмотрел в ту сторону, куда были устремлен его взгляд, — через Кзан, на туманные голые холмы, которые вздымались бесконечно далеко, насколько хватал глаз. Он снова вспомнил план операции. Есть ли недостатки? Опасность для него самого? Нет. Если Юкоуну обнаружит подмену, Кугель извинится, скажет, что ошибся, и отдаст подлинную линзу.

Достичь можно очень многого, а риск так мал! Кугель снова повернулся к двери и постучал в тяжелую панель.

Прошли минуты. Дверь медленно раскрылась. Навстречу ударил поток холодного воздуха, несущий в себе острый запах, незнакомый Кугелю. Солнечный свет через его плечо ворвался в дверь и упал на каменный пол. Кугель неуверенно всмотрелся в вестибюль, не желая входить без ясно выраженного приглашения.

— Юкоуну! — позвал он. — Покажись, чтобы я мог войти в твой дом! Я не хочу больше несправедливых обвинений!

Что-то шевельнулось, послышался звук медленных шагов. Из боковой комнаты вышел Юкоуну, и Кугелю показалось, что он заметил перемены в его наружности. Большая мягкая желтая голова казалась расслабленней, чем раньше: щеки ввалились, нос повис, как сталактит, подбородок выглядел всего лишь прыщом под большим дергающимся ртом.

На Юкоуну была надета квадратная коричневая шляпа, каждый угол которой приподнят, блуза из темно-коричневой узорчатой ткани, свободные брюки, тоже коричневые и с черной вышивкой — прекрасный костюм, который на Юкоуну сидел

очень неловко. Казалось, это костюм чужой, и ему в нем неудобно. Юкоуну приветствовал Кугеля очень странно:

— Ну, приятель, что тебе нужно? Ты никогда не научишься ходить по потолку, стоя на руках. — И Юкоуну прикрыл рот рукой, чтобы спрятать смех.

Кугель в удивлении и сомнении поднял брови.

— Моя цель не в этом. Я пришел с очень важным делом — сообщить, что поручение, по которому я был послан, успешно выполнено.

— Прекрасно! — воскликнул Юкоуну. — Значит, ты можешь передать мне ключи от хлебного ящика.

— От хлебного ящика? — Кугель смотрел удивленно. Юкоуну сошел с ума? — Я Кугель, которого ты отправил с поручением на север. Я вернулся с волшебной линзой, позволяющей смотреть на Верхний мир.

— Конечно, конечно! — воскликнул Юкоуну. — Брзм-сззст. Боюсь, что от множества дел я слегка запутался: все меняется. Но теперь я тебя приветствую, конечно, Кугель! Все ясно. Ты ушел, ты вернулся! Как поживает друг Фиркс? Хорошо, я надеюсь? Мне не хватало его общества. Прекрасный парень этот Фиркс!

Кугель согласился без особого жара.

— Да, Фиркс оказался хорошим спутником и непрестанным источником развлечений.

— Прекрасно! Входи! Сейчас принесу выпить. Ты что предпочитаешь: сз-мзсм или сзк-зсм?

Кугель искоса посмотрел на Юкоуну.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, и потому вынужден с благодарностью отказаться. Но посмотри! Волшебная фиолетовая линза! — И Кугель продемонстрировал подделку, изготовленную несколько часов назад.

— Прекрасно! — заявил Юкоуну. — Ты хорошо потрудился. Теперь я все вспомнил, твой случай затерялся среди множества происшествий, но теперь могу с уверенностью сказать, что твой проступок отныне объявляется прощенным. Но дай мне линзу. Я должен испытать ее!

— Конечно, — сказал Кугель. — Я почтительно советую: чтобы полностью воспринять великолепие Верхнего мира, принеси твою линзу и посмотри через обе одновременно. Это единственный подходящий метод.

— Верно, совершенно верно! Моя линза; где же этот упрямый мошенник ее спрятал?

— Упрямый мошенник? — переспросил Кугель. — Кто-то рылся в твоих ценностях?

— В некотором смысле. — Юкоуну дико рассмеялся, подпрыгнул, расставив ноги в стороны, и тяжело упал на пол, откуда обратился к изумленному Кугелю:

— Теперь это все равно, и не имеет никакого значения, так как должно перейти в схему мнз. Да. Я лучше проконсультируюсь с Фирксом.

— В прошлый раз, — терпеливо сказал Кугель, — линза находилась в шкафу вон в той комнате.

— Молчать! — неожиданно раздраженно заявил Юкоуну. Он встал. — Сзсз! Я прекрасно знаю, где хранится линза. Все под контролем. Следуй за мной! Мы немедленно познакомимся с сущностью Верхнего мира! — Он опять дико рассмеялся; Кугель изумленно смотрел на него.

Юкоуну протопал в соседнее помещение и вернулся со шкатулкой, в которой находилась волшебная линза. Он сделал повелительный жест.

— Стой на месте. Не шевелись, если тебе дорог Фиркс!

Кугель покорно поклонился. Юкоуну достал свою линзу.

— Теперь — новую!

Кугель протянул стеклянное полушарие.

— К глазам, обе одновременно, чтобы ты мог насладиться Верхним миром полностью!

— Да! Так оно и будет! — Юкоуну поднял обе линзы и поднес к глазам. Кугель, ожидая, что он упадет, парализованный несоответствием, потянулся к веревке, которую принес, чтобы связать неосторожного волшебника; но Юкоуну не проявлял ни следа беспомощности. Он всматривался так и этак, приговаривая при этом:

— Великолепно! Превосходно! Необыкновенно прекрасный вид! — Он отнял линзы от глаз и осторожно поместил их в шкатулку. Кугель мрачно смотрел на него.

— Я очень доволен, — сказал Юкоуну, сделав при этом волнообразный жест руками, что еще больше удивило Кугеля. — Да, — продолжал Юкоуну, — ты хорошо поработал, и потому твой злой поступок забыт. Осталось только вернуть несравненного Фиркса; для этого я должен тебя самого поместить в чан. Ты погрузишься в соответствующую жидкость примерно на двадцать шесть часов, этого хватит, чтобы привлечь Фиркса наружу.

Лицо Кугеля вытянулось. Как спорить с волшебником, не только странным и смешным, но и ограбленным?

— Такое погружение может вредно на мне отразиться, — осторожно заметил он. — Не лучше ли предоставить Фирксу возможность дальнейших прогулок?

Казалось, что Юкоуну это предложение понравилось. Но свое удовольствие он выразил довольно оригинально: при помощи чрезвычайно сложной джиги, которую старец исполнил весьма живо, несмотря на короткие руки, ноги и тучное тело. Демонстрацию он заключил высоким прыжком с переворотом, после которого приземлился на шею и плечи. При этом его руки и ноги дергались, как у перевернутого жука. Кугель пораженно смотрел, гадая, не умер ли Юкоуну.

Но Юкоуну, помигав, снова встал.

— Надо больше упражняться, — сказал он. — Иначе можно удариться. Здесь все по-другому, чем в ссз-пнтз. — Он снова захохотал, откинув назад голову, и, заглянув ему в рот, Кугель увидел не язык, а белый коготь. И тут же понял причину странного поведения Юкоуну. Каким-то образом существо, подобное Фирксу, проникло в тело Юкоуну и овладело его мозгом.

Кугель заинтересованно потер подбородок. Удивительная ситуация! Он напряженно думал. Важно знать, владеет ли это существо волшеб-

ством Юкоуну. Кугель сказал:

— Твоя мудрость поражает меня! Я полон восхищения! Есть ли у тебя пополнение коллекции волшебных вещей?

— Нет. У меня уже есть все необходимое, — ответило существо через Юкоуну. — Но теперь мне нужно отдохнуть. После того, что я только что проделал, необходимо спокойствие.

— Дело простое, — сказал Кугель. — Для этого наиболее эффективный способ — применение Закона Прямой Воли.

— Правда? — спросило существо. — Попробуем. Посмотрим. Закон Антитезиса здесь… Свертывание Сублиминальной Конфигурации… Сззм. Здесь меня многое удивляет. На Ахернаре все подругому. — Существо бросило на Кугеля быстрый пристальный взгляд: заметил ли он оговорку? Но Кугель сохранял вид скучающего и апатичного человека, которому все безразлично. Существо продолжало рыться в уголках мозга Юкоуну. Ага, вот Закон Прямой Воли. Ну, что ж, неожиданное сильное давление.

Лицо Юкоуну напряглось, потом мышцы расслабились, и тучное тело упало на пол. Кугель прыгнул вперед, молниеносно связал руки и ноги тому, что раньше было Юкоуну, веревкой, а рот

закрыл липкой лентой.

После этого настала очередь Кугеля несколько раз весело подпрыгнуть. Все прекрасно! Юкоуну, его дом, его огромная коллекция волшебных предметов — все в его распоряжении! Кугель посмотрел на неподвижное тело, собираясь вытащить его за ноги наружу и там отрубить большую желтую голову, но воспоминание о многочисленных унижениях, неудобствах и тяготах, которые он испытал из-за Юкоуну, заставило его остановиться. Неужели Юкоуну так быстро получит забвение, ничего не испытав, не зная угрызений совести? Ни в коем случае!

Кугель втащил неподвижное тело в зал и присел поблизости на скамье, чтобы подумать.

Вскоре неподвижное тело зашевелилось, раскрыло глаза и сделало попытку встать. Обнаружив, что это невозможно, оно стало рассматривать Кугеля вначале удивленно, потом гневно. Изо рта доносились неразборчивые звуки, на которые Кугель ответил уклончивым жестом.

Вскоре он встал, осмотрел веревки на руках и ногах, ленту на рту, сделал все вдвое прочнее и начал осторожно обследовать дом, все время ожидая ловушек, препятствий и потайных люков, которые изобретательный Юкоуну мог уста-

новить, чтобы перехитрить и обмануть воров. Особенно он был бдителен при осмотре мастерской Юкоуну, тыкая всюду длинным шестом, но если Юкоуну и установил где-то свои ловушки, Кугель их не обнаружил.

Рассматривая полки в мастерской, Кугель нашел серу, аквастель, раствор зайха и травы, из которых приготовил вязкий желтый эликсир. Втащил вялое тело в мастерскую, влил средство, начал выкрикивать приказания, и, наконец, Юкоуну еще более пожелтел от серы, из его ушей показались пары аквастеля. Кугель тяжело дышал и вспотел от усилий — наконец-то существо с Ахернара выползло из тела. Кугель поймал его в большую каменную ступу, истолок железным пестом, растворил в спирте и купоросе, добавил ароматических веществ и вылил получившуюся слизь в канализацию.

Юкоуну, пришедший в себя, смотрел на Кугеля беспокойно напряженным взглядом. Кугель применил пары раптогена, и Смеющийся Волшебник, закатив глаза, погрузился в состояние апатии.

Кугель сел передохнуть. Возникла проблема: как удержать под контролем Юкоуну, пока он не завершит все приготовления. В конце концов, просмотрев несколько книг, Кугель залепил рот

Юкоуну цементирующей мазью, обеспечив ее надежность при помощи несложного заклинания, потом поместил Мага в высокую стеклянную трубу, которую подвесил на цепи в вестибюле.

Завершив это дело, Кугель отошел с довольной улыбкой.

Через некоторое время Юкоуну пришел в себя.

— Ну, Юкоуну, наконец-то все приходит в порядок. Помнишь ли ты, что ты меня заставил делать? Сколько мне пришлось пережить! Я поклялся, что ты об этом пожалеешь! Теперь я начинаю выполнять свою клятву. Я высказался ясно?

Выражение искаженного лица Юкоуну подтвердило это.

Кугель сел с кубком лучшего желтого вина Юкоуну.

— Дальше я поступлю таким образом: я определю сумму трудностей, которые пережил, включая холод, ветры, оскорбления, боль, тяжелые предчувствия, неуверенность, черное отчаяние, ужасы, отвращение и другие нежелательные испытания, не последним из которых была помощь со стороны незабываемого Фиркса. Из полученной суммы я вычту свой первоначальный обман и, может, одно-два достоинства путешествия, и

полученный результат и будет необходимым возмездием. К счастью, Юкоуну, ты Смеющийся Маг: в такой ситуации ты найдешь немало забавного, если сможешь отвлечься от личных неудобств. — Кугель бросил на Юкоуну вопросительный взгляд, но полученный ответ нельзя было назвать веселым.

— Последний вопрос, — сказал Кугель. — Подготовил ли ты ловушки, в которых я мог бы быть уничтожен или обезврежен? Мигни один раз — да, два раза — нет.

Юкоуну продолжал презрительно смотреть из трубы.

Кугель вздохнул.

— Вижу, что должен вести себя осторожно.

Захватив с собой вино в большой зал, Кугель принялся знакомиться с коллекцией магических инструментов, предметов, талисманов и редкостей: теперь знакомство было практическим — это все его собственность. Взгляд Юкоуну всюду следовал за ним: в нем было беспокойство, которое немало успокаивало Кугеля.

День проходил за днем, а ловушки Юкоуну, если таковые и существовали, никак себя не обнаруживали, и Кугель, наконец, поверил, что их не существует. За это время он успел озна-

комиться с томами и фолиантами Юкоуну, но с обескураживающим результатом. Некоторые книги были написаны на архаических языках, которых он не знал, некоторые — зашифрованным шрифтом или тайной терминологией; в других описывались феномены, выходившие за пределы его понимания; от третьих исходило такое сильное ощущение опасности, что Кугель немедленно захлопнул переплет.

Одну-две книги он сумел понять. Он изучал их с большим усердием, вбивая один за другим слоги в свой мозг, где они сталкивались, сжимались и раздували его виски. Вскоре он смог произносить несколько простейших, самых примитивных заклинаний, которые испробовал на Юкоуну. В частности, Отчаянную Чесотку Люгвилера. Но по большей части он испытывал разочарование от своей врожденной неспособности понять колдовство. Опытные волшебники могут запомнить одновременно три или даже четыре заклинания; для Кугеля запоминание даже простейшего заговора представляло собой труднейшую задачу. Однажды, добиваясь пространственного перемещения подушки, он добился обратного и был переброшен в вестибюль. Раздраженный усмешкой Юкоуну, он вытащил трубу с ним наружу

и подвесил на скобки над дверью, на которых висели фонари, освещавшие ночью вход.

Прошел месяц, и Кугель почувствовал себя в доме увереннее. Крестьяне из ближайшей деревни приносили ему продукты, в обмен Кугель оказывал им мелкие услуги, какие мог. Однажды отец Джинсы, девушки, которая услуживала ему в спальне, потерял в глубокой цистерне ценную брошь и нанял Кугеля, чтобы вернуть потерянное. Кугель с готовностью согласился и опустил трубу с Юкоуну в цистерну. Юкоуну указал местонахождение броши, которую потом достали крюком.

Этот эпизод заставил Кугеля задуматься о том, как еще использовать Юкоуну. На Азеномайской ярмарке проводился конкурс уродов. Кугель записал Юкоуну в состав участников конкурса, и хоть ему не удалось получить первой премии, гримасы Юкоуну оказались незабываемы и вызвали множество восторгов и комментариев.

На ярмарке Кугель встретился с Файностером, продавцом талисманов и магических предметов, который и послал Кугеля в дом Юкоуну. Файностер с комическим удивлением переводил взгляд с Кугеля на трубу с Юкоуну, которую Кугель вез назад домой в тележке.

— Кугель! Кугель Хитрец! — воскликнул Файностер. — Слухи оказались верными! Ты теперь хозяин дома Юкоуну и его большой коллекции инструментов и редкостей!

Кугель вначале сделал вид, что не узнает Файностера, потом холодным голосом сказал:

— Совершенно верно. Как видишь, Юкоуну принял решение менее активно участвовать в делах мира. Тем не менее, дом его полон ловушек; по ночам вокруг прогуливаются голодные звери, и к тому же я устроил особенно сильное заклинание, охраняющее вход.

Файностер, казалось, не заметил холодности Кугеля. Потирая пухлые руки, он спросил:

— Поскольку ты теперь владеешь большой коллекцией редкостей, не хочешь ли продать некоторые?

— Никогда не имел такого намерения, — ответил Кугель. — В сундуках Юкоуну столько золота, что хватит до тех пор, пока не погаснет солнце. — И по привычке того времени оба посмотрели вверх, чтобы оценить цвет угасающего светила.

Файностер сделал грациозный жест.

— В таком случае желаю тебе доброго дня, и тебе также, — последнее было адресовано Юкоуну, который ответил только угрюмым взглядом.

Вернувшись в дом, Кугель внес Юкоуну в вестибюль, а затем, поднявшись на крышу, облокотился на парапет и принялся смотреть на окружающие холмы, которые, как морские волны, катились до самого горизонта. В сотый раз думал он о странной неспособности Юкоуну предвидеть будущее. Сам он, Кугель, не должен впадать в подобную ошибку. И он осмотрелся в поисках защиты.

Над ним вздымались зеленые стеклянные спиральные башни, ниже опускались фронтоны и уступы, которые Юкоуну считал эстетически совершенными. Только спереди легко было подняться к дому. Вдоль наклонных внешних контрфорсов Кугель устроил прослойки мыльного камня, так что любой поднявшийся на парапет должен был ступить на них и покатиться вниз. Если бы Юкоуну додумался до такой предосторожности, вместо того чтобы устраивать свой хитрый хрустальный лабиринт, то теперь не смотрел бы из стеклянной трубы.

Но Кугель решил, что нужно еще усилить защиту, а для этого следует внимательно порыться на полках Юкоуну.

Вернувшись в большой зал, он пообедал — обед подавали две хорошенькие служанки Джинса

и Скивва — и вернулся к своим занятиям. Сегодня вечером он попытался овладеть Чарами Одиночного Заключения, это заклинание чаще использовали в прошлые эпохи, и Заговором Далекой Доставки — именно, этим заклинанием воспользовался Юкоуну, когда переправил его на север. И то, и другое — заклинания большой силы, оба требовали полной сосредоточенности и точности, и Кугель вначале боялся, что не сумеет ими овладеть. Тем не менее, он продолжал прилагать усилия и, наконец, запомнил и то, и другое.

Два дня спустя произошло то, чего ожидал Кугель: постучали в дверь. Кугель распахнул ее и увидел Файностера.

— Добрый день, — неприветливо сказал он. — Я не расположен к разговору и вынужден попросить тебя немедленно удалиться.

Файностер сделал вежливый жест.

— До меня дошли сообщения о твоей тяжелой болезни, и я так забеспокоился, что поторопился доставить лекарство. Позволь мне пройти… — он попытался протиснуться мимо Кугеля… — и я подготовлю нужную дозу.

— Я страдаю духовным недомоганием, — многозначительно сказал Кугель, — которое проявляется во вспышках необузданного гнева.

Предлагаю тебе удалиться, иначе в неконтролируемом припадке я разрублю тебя на части своим мечом или, что еще хуже, использую волшебство.

Файностер беспокойно замигал, но продолжал голосом, полным оптимизма:

— У меня есть лекарство и от этой болезни. — Он достал плоскую фляжку. — Сделай один глоток, и все твои беды пройдут.

Кугель схватился за рукоять меча.

— Похоже, придется говорить без двусмысленностей. Приказываю тебе: уходи и никогда не возвращайся! Я понимаю цель твоего прихода и предупреждаю, что я менее снисходителен, чем Юкоуну! Поэтому убирайся! Иначе я применю Заклинание Макропальца, в результате которого твой мизинец станет размером с дом.

— Вот как! — в ярости воскликнул Файностер. — Маски сброшены! Кугель Хитрец показывает свою неблагодарность! Спроси себя: кто посоветовал тебе ограбить дом Юкоуну? Я, и по всем законам честности мне принадлежит часть богатства Юкоуну!

Кугель выхватил меч.

— Я слышал достаточно: начинаю действовать.

— Подожди! — крикнул Файностер, высоко поднимая фляжку. — Мне достаточно бросить это на пол, и ты весь покроешься гноем, а я останусь невредим. Держись от меня подальше!

Но разъяренный Кугель сделал выпад и проткнул протянутую руку. Файностер закричал от боли и бросил фляжку. Кугель ловко подпрыгнул, чтобы поймать ее в воздухе, но Файностер в это время прыгнул вперед и ударил его, Кугель пошатнулся и столкнулся с трубой, в которой томился Юкоуну. Она упала на камень и со звоном разбилась, Юкоуну осторожно выполз из осколков.

— Ха-ха! — рассмеялся Файностер. — Дела пошли по-другому.

— Ни в коем случае! — отозвался Кугель, поднимая трубку с синим концентратом, которую отыскал среди вещей Юкоуну.

Юкоуну при помощи осколка стекла пытался сорвать ленту со рта. Кугель выпустил струю концентрата, и Юкоуну испустил разочарованный стон.

— Брось стекло! — приказал Кугель. — Повернись к стене. — Он угрожающе обратился к Файностеру. — И ты тоже!

Он тщательно связал руки своим врагам, потом

прошел в большой зал и взял книгу, которую изучал сегодня.

— А теперь — оба наружу! — приказал он. — И побыстрее! Сейчас события будут развиваться быстро!

Он заставил обоих пройти на ровную площадку за домом и поставил их на расстоянии друг от друга.

— Файностер, твоя судьба решена. За обман, алчность и гнусные манеры я предаю тебя Чарам Одиночного Заключения!

Файностер жалобно завыл и упал на колени. Кугель не обратил на это внимания. Сверяясь с книгой, он восстановил в памяти заклинание, потом, указывая на Файностера и называя его имя, произнес ужасные слоги.

Но Файностер не провалился сквозь землю, он продолжал стоять, как раньше. Кугель быстро просмотрел текст и обнаружил ошибку: он произнес слоги не в том порядке, и тем самым заклинание подействовало наоборот. И действительно, в тот момент как он понял свою ошибку, отовсюду начали доноситься звуки, жертвы предыдущих эпох начали подниматься с глубины сорока пяти миль и выскакивать на поверхность. Так они лежали, изумленно мигая; некоторые не

могли пошевелиться. Одежда на них превратилась в пыль, хотя на тех, кто попал в заключение недавно, еще сохранились одна-две тряпки. Вскоре все, кроме самых ошеломленных, начали шевелиться, принюхиваться, посматривать на небо, удивляясь солнцу.

Кугель хрипло рассмеялся.

— Похоже, я допустил ошибку. Неважно. Вторично этого не будет. Юкоуну, твое наказание соразмерно злодеяниям, не больше и не меньше! Ты перебросил меня на север, в пустыню, где солнце стоит на небе низко. Я поступлю с тобой так же. Ты заразил меня Фирксом, я заражу тебя Файностером. Вместе вам придется брести по тундре, пересечь Великий Эрм, пробраться через горы Магнатца. Не умоляй, не пытайся объясниться; я ожесточен. Стой спокойно, или я снова напущу на тебя синее разрушение!

И Кугель занялся Заговором Далекой Доставки; он тщательно поместил необходимые слоги в мозг.

— Приготовьтесь, — сказал он, — и прощайте!

И произнес заклинание; но в одном месте он усомнился. Однако все прошло хорошо. Сверху послышался гортанный крик, демон остановился над ними в воздухе.

— Появись! — воскликнул Кугель. — Цель прежняя: берег северного моря, груз должен быть доставлен туда живым и невредимым. Появись! Хватай этих людей и неси их в соответствии с приказом!

Огромные крылья забили в воздухе, гоня потоки пыли, вниз глянула черная тень с отвратительной мордой. Тень опустила когтистую лапу. Кугеля подхватили и понесли на север. Его вторично подвела ошибка в произнесении заклинания — он опять перепутал какую-то мелочь.

День и ночь летел демон. Со стонами и рычанием он мерно размахивал огромными крыльями. Где-то после рассвета второго дня он бросил Кугеля на берег и с грохотом улетел прочь.

Наступила тишина. Справа и слева расстилался серый пляж. Сзади поднимался берег, поросший чахлым кустарником. В нескольких ярдах лежала разбитая клетка, в которой Кугеля принесли на это самое место в прошлый раз. Склонив голову, охватив руками колени, Кугель сидел и смотрел в морскую даль.

Сага о Кугеле
(Перевод И. Тетериной)

Часть I
От Шенгльстоун-Стрэнд в Саскервой
Глава первая Флютик

Юкоуну, известный по всей Альмери как Смеющийся Маг, сыграл над Кугелем одну из своих самых злых шуток. Уже во второй раз Кугеля подхватило течением, понесло к северу через весь Океан Вздохов и выбросило на унылый берег, называемый Шенгльстоун-стрэнд.

Поднявшись на ноги, Кугель отряхнул песок с плаща и поправил шляпу. Он был не более чем в двадцати ярдах от места, куда его выбросило в прошлый раз, и тоже по воле Юкоуну. Меча у него при себе не было, и кошелек был совершенно пуст.

Одиночество было абсолютным. До Кугеля не доносилось ни звука, кроме заунывных вздохов ветра в дюнах. Далеко на востоке смутно видимый мыс уходил в воду, точно так же, как и другой, столь же удаленный, на западе. На юге расстилалось море, совершенно пустынное, если не считать отражавшегося в нем стареющего красного солнца.

Все заледеневшие чувства Кугеля начали оттаивать, и волны эмоций, одна за другой, нахлынули на него, но ярость затмила их всех.

Юкоуну, должно быть, живот надорвал от смеха. Кугель поднял кулак и погрозил им куда-то к югу.

Ну, Юкоуну, на этот раз ты превзошел самого себя! Ты мне за это заплатишь! Я, Кугель, воздам тебе по заслугам!

Некоторое время Кугель шагал по берегу туда и обратно, бранясь и проклиная все на свете: длинноногий и длиннорукий, с прямыми черными волосами, впалыми щеками и изогнутым ртом, который с легкостью принимал любое выражение. День клонился к вечеру, и солнце, уже наполовину опустившееся к западу, брело по небу, точно изнуренное больное животное. Кугель, которого никто не упрекнул бы в недостатке прагматизма, решил приберечь на потом свою злобу, ибо сейчас куда важней было найти ночлег. Он выплюнул последнее проклятие в адрес Юкоуну, пожелав тому с ног до головы покрыться фурункулами, а затем пересек покрытый галькой берег и, забравшись на вершину песчаной дюны, оглядел окрестности.

На севере тянулась нескончаемая череда болот

и уходили в темнеющую даль жмущиеся друг к другу черные лиственницы.

На восток Кугель взглянул лишь мельком. Там лежали деревушки Смолод и Гродц, а жители страны Кутц славились своей злопамятностью.

На юге, безжизненный и блеклый, до самого горизонта простирался океан.

На западе побережье смыкалось с цепочкой невысоких холмов, которые, вдаваясь в море, образовывали мыс…

Внезапно где-то в отдалении мелькнул красный проблеск, мгновенно привлекший к себе внимание Кугеля. Так сверкать мог лишь отраженный от стекла солнечный луч!

Кугель отметил место, откуда доносился блеск, померкший, когда луч переместился. Он скатился по склону дюны и как можно быстрее поспешил по пляжу в том направлении.

Солнце заходило за мыс, и на побережье начала наползать серо-лиловая мгла. На севере маячил рукав бескрайнего леса, известного как Великий Эрм, наводящий на зловещие мысли, и Кугель увеличил скорость, перейдя на огромные скачки.

На фоне неба выделялись темные холмы, но не было видно ни намека на жилье. Кугель упал ду-

хом. Он немного замедлил свою бешеную скачку, внимательно оглядывая окрестности, и наконец, к своему огромному облегчению, увидел большой красивый дом старомодного вида, спрятавшийся за деревьями запущенного сада. Нижние окна сияли янтарным светом — отрадное зрелище для застигнутого тьмой путника.

Кугель проворно свернул с дороги и приблизился к дому, временно забыв о своей обычной осторожности и заглядывая в окна, чему немало поспособствовали две белые тени на краю леса, бесшумно нырнувшие обратно во мрак, когда он обернулся, чтобы посмотреть на них.

Кугель подбежал к двери и рванул цепочку звонка. Изнутри донесся далекий звук гонга. Прошел миг. Кугель нервно оглянулся через плечо и снова дернул цепочку. После томительного ожидания наконец он услышал за дверью медленные приближающиеся шаги.

Дверь приоткрылась, и в щелочку выглянул вороватого вида согбенный старик, тощий и бледный.

Кугель постарался придать своей речи аристократическую учтивость:

— Добрый вечер! Могу ли я узнать, что это за чудесное место?

Старик неприветливо ответил:

— Это Флютик, сударь, поместье господина Тванго. А вы кто такой?

— Да, в сущности, никто, — беспечно сказал Кугель. — Я путешественник и, кажется, заблудился. Поэтому я хотел бы воспользоваться гостеприимством господина Тванго и переночевать под его кровом, если мне будет дозволено.

— Это невозможно. Откуда вы пришли?

— С востока.

— Тогда идите дальше по дороге, через лес и по холму, в Саскервой. Там вы найдете ночлег на постоялом дворе «У голубых ламп».

— Но это слишком далеко; кроме того, воры украли все мои деньги.

— Вряд ли вы найдете здесь поддержку — у господина Тванго с попрошайками разговор короткий. — С этими словами старик попытался захлопнуть дверь, но Кугель просунул в щель ногу.

— Погодите! Я заметил на краю леса две белые тени и ни за что не отважусь сегодня продолжать путь!

— Ну, могу дать вам вот какой совет, — смилостивился упрямый старик. — Эти создания, скорее всего, ростгоблеры, или гиперборейские

ленивцы, если вам так больше понравится. Возвращайтесь на берег и зайдите на десять футов в море, тогда они ничего вам не сделают. А завтра сможете продолжить свой путь в Саскервой.

Дверь закрылась. Кугель с беспокойством оглянулся. На обсаженной с обеих сторон тисами аллее у входа в сад он увидел пару неподвижных белых фигур. Повернувшись назад к двери, он отчаянно затряс цепочку звонка.

Медленные шаги прошаркали по полу, и дверь открылась во второй раз. Оттуда выглянул все тот же старик.

— Сударь?

— Эти твари уже в саду! Они преградили дорогу к берегу!

Старик уже открыл рот, намереваясь что-то сказать, затем прищурился, точно обдумывая какую-то только что пришедшую ему в голову мысль. Нагнув голову, он хитро спросил:

— Так вы говорите, у вас нет средств?

— Нет ни гроша.

— Ну, хорошо, а не хотите ли наняться на службу?

— Разумеется, хочу, если только мне удастся пережить эту ночь!

— Тогда считайте, что вам повезло! Господин

Тванго будет рад нанять усердного работника.

Старик распахнул дверь, и Кугель с благодарностью вошел в дом.

С исключительной любезностью старый слуга закрыл за ним дверь.

— Пойдемте, я отведу вас к господину Тванго, чтобы вы могли обсудить подробности вашей службы. Как мне о вас доложить?

— Меня зовут Кугель.

— Вот сюда! Вам понравятся условия, я уверен!.. Вы идете? Мы во Флютике не любим копуш!

Несмотря на сложные обстоятельства, Кугель остановился.

— Расскажите мне хотя бы что-нибудь об этой службе. Я все-таки не прощелыга какой-нибудь, за что попало не берусь.

— Ну, не трусьте! Господин Тванго разъяснит вам все до мельчайших подробностей. Ах, Кугель, какой вы счастливчик! Мне бы ваши годы! Сюда, пожалуйста.

Кугель все еще стоял на месте.

— Нет, постойте! Я ужасно устал от своего путешествия. Я хотел бы освежиться и, пожалуй, перекусить перед тем, как предстану перед господином Тванго. В самом деле, давайте подождем до завтрашнего утра, когда я смогу произвести

гораздо лучшее впечатление.

Но старик воспротивился этому в высшей степени разумному предложению.

— У нас во Флютике все точно, и любая мелочь записывается так, как надлежит. На чей счет, позвольте спросить, я должен заносить ваш отдых? На счет Гарка? Или Гукина? Или, может быть, самого господина Тванго? Это же нелепо! Разумеется, все издержки окажутся на счету Вемиша, а это, кстати сказать, ваш покорный слуга. Ни за что! Мой счет наконец-то чист, и я намереваюсь удалиться на покой.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Кугель.

— Не беда, вы скоро поймете все. Идемте же к Тванго.

Без особой охоты Кугель проследовал за Вемишем в комнату, завешанную многочисленными полками и заставленную объемистыми сундуками: хранилище диковин, судя по тому, что было выставлено на обозрение.

— Подождите здесь минуточку! — воскликнул Вемиш и поковылял на своих тощих ногах прочь из комнаты.

Кугель начал расхаживать туда-сюда, разглядывая разложенные повсюду диковины. Меньше всего он ожидал увидеть такие вещи в этом

захолустье. Он нагнулся, чтобы хорошенечко рассмотреть пару квазичеловеческих уродцев, воспроизведенных со всей точностью. «Мастерство во всем его великолепии», — одобрительно подумал Кугель.

Вернулся Вемиш.

— Тванго скоро вас примет. Тем временем он предлагает вам персональное угощение — чашечку вербенового чаю с двумя этими в высшей степени питательными вафлями, и, заметьте, совершенно безвозмездно.

Кугель выпил чай и с жадностью проглотил вафли.

— Это проявление радушия со стороны господина Тванго, хотя и чисто символическое, делает ему честь.

Указав на шкатулки, он спросил:

— Это все личное собрание Тванго?

— Совершенно верно. Перед тем как заняться своим нынешним ремеслом, он торговал такими вещами, и весьма успешно.

— Да, вкус у него своеобразный, чтобы не сказать — экстравагантный.

Вемиш поднял седые брови.

— Ничего не могу сказать по этому поводу. Все эти вещи кажутся мне достаточно обыкновен-

ными.

— Ну, не совсем, — возразил Кугель, указав на двоих уродцев. — К примеру, мне редко доводилось видеть вещи столь вызывающе отталкивающие, как эта парочка безделушек. Согласен, сделано мастерски! Посмотрите только на подробности этих ужасных маленьких ушек! А эти носы — ни дать ни взять клювы! А клыки? А эта злоба — она же почти реальна! И все-таки это, несомненно, плод больного воображения.

Фигурки вдруг встали в полный рост. Одна из них заговорила противным скрипучим голоском:

— Кугель, конечно, имеет все основания для своих недобрых высказываний, но ни Гарку, ни мне не слишком приятно их выслушивать.

К ней присоединилась и другая:

— Такие замечания очень больно ранят! Да у Кугеля просто язык без костей.

И оба уродца выбежали прочь из комнаты.

— Ты обидел и Гарка, и Гукина! — укорил юношу Вемиш. — А они пришли сюда, чтобы охранять от воришек ценности Тванго. Ну ладно, что сделано, то сделано. Пойдем, нам пора к хозяину.

Вемиш привел Кугеля в большую мастерскую, уставленную дюжиной столов, заваленных

огромными фолиантами, ящиками и прочим хламом. Гарк и Гукин в нарядных кепках с длинными козырьками, красного и синего цвета соответственно, уставились на Кугеля со скамьи, где они сидели. За огромным столом восседал сам господин Тванго, низкорослый и тучный, с маленьким подбородком, поджатыми губами и плешивой макушкой, окруженной блестящими черными кудрями. Его подбородок был украшен модной козлиной бородкой.

Как только Кугель и Вемиш появились на пороге, Тванго вдруг повернулся на своем стуле и произнес:

— Ага, Вемиш! А этот джентльмен, насколько мне известно, Кугель. Добро пожаловать, Кугель, во Флютик!

Кугель снял шляпу и поклонился:

— Сударь, я очень благодарен вам за гостеприимство в такую темную ночь.

Тванго поправил бумаги на своем столе и искоса взглянул на Кугеля. Указав ему на стул, он предложил:

— Не угодно ли сесть? Вемиш сказал мне, что ты не прочь наняться ко мне на службу, если условия тебя устроят.

Кугель любезно кивнул:

— Я был бы рад занять любую должность, которая мне по силам и за которую мне будет предложено достойное вознаграждение.

Вемиш подал голос из своего угла:

— Все именно так. Условия во Флютике всегда самые лучшие и уж, по меньшей мере, все указано в мельчайших подробностях.

Тванго прокашлялся и рассмеялся.

— Милый старый Вемиш! Мы так долго работали вместе! Но теперь все счета подведены, и он хочет уйти на покой! Верно, Вемиш?

— О да, до последней буквы!

Кугель сделал осторожное предположение:

— Возможно, вы расскажете мне, какие работники вам нужны и какое жалованье предполагаете им платить. Тогда, поразмыслив, я решу, в качестве кого смогу наилучшим образом служить вам.

— Какое мудрое требование! — вскричал Вемиш. — Славно придумано, Кугель! Ручаюсь, у вас хорошо пойдут дела во Флютике.

Тванго снова переложил бумаги на своем столе.

— Мой бизнес, в основе своей, совсем не сложен. Я выкапываю и привожу в порядок сокровища древности. Затем я исследую их, упаковываю и

продаю перевозчику в Саскервое, который доставляет их окончательному покупателю. Это, насколько я понимаю, известный волшебник из Альмери. Если я провожу каждый этап операции с наибольшей эффективностью — Вемиш в шутку использует слово «дотошностью», — мне иногда удается получить скромную прибыль.

— Мне приходилось бывать в Альмери, — промолвил Кугель. — Кто этот волшебник?

Тванго снова рассмеялся.

Сольдинк, перевозчик, отказывается поделиться со мной этими сведениями, чтобы я не мог продавать свои товары напрямую и получать двойную выгоду. Но из других источников мне удалось узнать, что этот покупатель — некий Юкоуну из Перголо…. Ты что-то сказал, Кугель?

Кугель с улыбкой потер живот.

— Да нет, просто в желудке заурчало. Я обычно ужинаю в это время. А вы? Не продолжить ли нам беседу после трапезы?

— Всему свое время, — осадил его Тванго. — Вернемся к нашему разговору. Вемиш долгое время руководил моими археологическими работами, а теперь его место свободно. Говорит ли тебе о чем-нибудь имя «Садларк»?

— По правде говоря, нет.

— Тогда я должен ненадолго отклониться от темы. Во время войны в Кутце, в восемнадцатой эре, демон Андерхерд вмешивался в дела верхнего мира, поэтому Садларк спустился туда, чтобы навести порядок. По неясным причинам — я лично подозреваю простое головокружение — Садларк нырнул в болото, отчего образовалась огромная яма — она сейчас находится на моем собственном заднем дворе. Чешуя Садларка сохранилась до наших дней, она и есть то самое сокровище, которое мы вытаскиваем из ила.

— Повезло вам, что яма так близко к вашему жилищу, — заметил Кугель. — Экое увеличение эффективности!

Тванго попробовал вникнуть в рассуждения Кугеля, но быстро отбросил эти попытки.

— И правда, — Неопределенно заметил он и указал на ближайший стол. — Вот макет Садларка в миниатюре.

Кугель приблизился к столу, чтобы поближе разглядеть модель, которая была сделана из множества серебряных чешуек, укрепленных на каркасе из серебряной же проволоки. Гладкое туловище держалось на двух коротких ногах, заканчивавшихся круглыми перепончатыми лапами. Головы у него не было; туловище плавно

переходило в похожую на нос корабля башенку, украшенную спереди особенно сложной чешуей с красным утолщением посередине. От верхней части тела отходили четыре руки; но ни органов чувств, ни пищеварительного тракта не было видно, и Кугель обратил внимание Тванго на этот любопытный факт.

— О да, несомненно, — ответил тот, — в верхнем мире все по-другому. Как и макет, Садларк состоял из чешуек, но они не были скреплены каркасом из серебряной проволоки, а держались посредством неких сил. Когда Садларк ухнул в трясину, влага уничтожила эти силы; чешуйки рассыпались, и Садларк распался, что в верхнем мире равносильно смерти.

— Жаль, — отозвался Кугель, вернувшись к своему стулу. — Его поведение с самого начала показалось мне донкихотским.

— Возможно, ты и прав, — пожал плечами Тванго. — Трудно оценить, что им двигало. Однако вернемся к нашим собственным делам: Вемиш покидает наше маленькое братство, и его должность управляющего работами становится вакантной. Ты смог бы занять его место?

— Убежден, что смог бы, — заверил Кугель. — Зарытые сокровища всегда меня привлекали.

— Ну что ж, тогда эта должность подойдет тебе как нельзя лучше!

— А мое жалование?

— Оно будет точно таким же, как и у Вемиша, несмотря на то, что Вемиш умелый и талантливый работник, который многие годы провел с нами. В таких случаях я не завожу себе любимчиков.

— Ну, хотя бы приблизительно, сколько терциев зарабатывает Вемиш?

— Вообще-то, я предпочитаю держать такие вопросы в тайне, — сказал Тванго, — но думаю, что Вемиш позволит мне ее открыть: за прошлую неделю он заработал почти триста терциев, как и за позапрошлую.

— И это правда с первого до последнего слова! — горячо подтвердил Вемиш.

Кугель задумчиво потер подбородок.

— Пожалуй, такая сумма будет вполне достаточной.

— Вот именно, — согласился Тванго. — Когда ты сможешь приступить к своим обязанностям?

Кугель лишь на миг помедлил с ответом.

— Прямо сейчас, чтобы облегчить вам расчет моего заработка. Однако я хотел бы в течение нескольких дней изучить вашу деятельность.

Надеюсь, вы предоставите мне кров и стол на этот период?

— Такая возможность предусмотрена — за плату согласно номиналу. — Тванго поднялся на ноги. — Но я занимаю тебя своей болтовней, а ты, несомненно, устал и проголодался. Вемиш в качестве своей прощальной служебной обязанности отведет тебя в столовую, где ты можешь есть все, чего тебе захочется. Потом можешь отдохнуть в любой комнате, которая покажется тебе подходящей. Кугель, добро пожаловать к нам на службу! Утром мы обсудим подробности твоего вознаграждения.

— Пойдем! — воскликнул Вемиш. — В столовую!

Прихрамывая, он подбежал к двери, где остановился и поманил Кугеля пальцем.

— Ну же, Кугель! Во Флютике не приходится медлить!

Кугель взглянул на Тванго и задал вопрос:

— Почему Вемиш так оживлен и почему здесь нельзя медлить?

Тванго покачал головой в дружеском удивлении:

— Вемиш — единственный в своем роде! Даже не пытайся с ним состязаться. Я не надеюсь, что

мне когда-нибудь удастся найти второго такого.

— Пойдем, Кугель, — снова позвал старик. — Или вы собираетесь стоять здесь до тех пор, пока не взойдет солнце?

— Да иду, иду, но только я отказываюсь пробираться вслепую по этому длинному темному коридору!

— Ну, тогда иди за мной!

Кугель подчинился и пошел вслед за Вемишем в столовую — большой зал, с одной стороны которого стояли столы, а с другой ломился от всяческих яств буфет. За столом сидели двое мужчин, поглощавших свой ужин. Первый, рослый угрюмый детина, с толстой шеей и красным лицом, обрамленным спутанной копной светлых кудрей, ел бобы с хлебом. Второй, худой, точно ящерица, с темной продубленной кожей, узким вытянутым лицом и жесткими черными волосами, довольствовался не менее аскетической пищей, состоявшей из овощного супа, который он закусывал перышком лука.

Внимание Кугеля, однако, полностью сконцентрировалось на уставленном деликатесами буфете. В изумлении он повернулся к Вемишу:

— Тванго всегда так щедр?

— Да, как правило, — безучастно ответил тот.

— А те двое, кто они?

— Слева сидит Йеллег, справа — Малзер. Это та рабочая сила, за которой вы будете надзирать.

— Всего-то двое? Я ожидал, что их будет больше.

— Вот увидите, этих двоих вполне достаточно.

— Должен заметить, что для рабочих у них замечательно скромный аппетит.

Вемиш безразлично взглянул на своих бывших подопечных.

— Да, так кажется. А вы сами? Что вы хотите на ужин?

Кугель подошел поближе к буфету, чтобы поподробнее изучить все представленное в нем разнообразие блюд.

— Пожалуй, я начну с этой копченой рыбки и салата из перечных листьев. Вон та жареная утка тоже выглядит в высшей степени аппетитно, и я попробую не слишком зажаренный кусочек ножки… Да и гарниры неплохо смотрятся. А на десерт — немного тех пирожков и фляжку Фиолетового Мендолесийского. Этого должно хватить. Вне всякого сомнения, господин Тванго достойно обращается со своими работниками!

Кугель заставил поднос изысканными яствами, тогда как Вемиш взял лишь маленькое блюдо с

отварными листьями лопуха.

Пораженный, Кугель спросил его:

— Неужели такая скудная еда может утолить ваш голод?

Вемиш сморщился при взгляде на свою тарелку.

— О, это не слишком большая строгость. Я обнаружил, что чересчур обильная пища снижает мое рвение.

Кугель снисходительно рассмеялся.

— Я намерен ввести новый план рациональной работы, так что это ваше неистовое торопливое рвение, все это мельтешение, будет совершенно ненужным.

Вемиш поджал губы.

— Со временем вы обнаружите, что работаете точно так же усердно, как и ваши подчиненные. Таков характер должности управляющего.

— Никогда! — горячо провозгласил Кугель. — Я настаиваю на строгом разделении обязанностей. Работник не должен управлять, а управляющий не должен работать. Но, что касается вашей вечерней трапезы… Вы же уволились — ешьте и пейте все, что душе угодно!

— Мой счет закрыт, — объяснил Вемиш. — Не хочу опять открывать книгу.

— Какие пустяки, — махнул рукой Кугель. — Но если уж это вас так заботит, то можете есть и пить все, что захотите, за мой счет!

— О, это в высшей степени щедро!

С этими словами Вемиш вскочил и с предельной для себя скоростью поковылял к буфету. Вернулся он с изрядной порцией различных яств, консервированных фруктов, сладостей, большой головкой сыра и флягой вина, на которую накинулся с поразительным удовольствием.

Внимание Кугеля привлек какой-то звук, доносившийся сверху. Он поднял глаза и увидел скорчившихся на полке Гарка и Гукина. Гарк держал дощечку, на которой Гукин неимоверно длинным стилом делал какие-то записи.

Уродец внимательно осмотрел тарелку Кугеля.

— Итак: рыба, копченная с чесноком и одним стеблем лука-порея, четыре терция. Затем: один кусок утки хорошего качества, большого размера, политый чашкой соуса, с семью различными гарнирами — одиннадцать терциев. Пункт третий: три пирожка с фаршем и травами, по три терция каждый, итого — девять терциев. Салат из различных составляющих: еще шесть терциев. Пункт пятый: три рубца по два терция, итого — шесть терциев. Кроме того: большая порция

консервированной айвы за три терция. Вино — девять терциев. Посуда и салфетки — еще один терций.

Тут подал голос его товарищ:

— Записано и подсчитано, — возвестил он. — Кугель, распишись вот здесь.

— Эй, не так быстро! — решительно оборвал его Вемиш. — Мой ужин тоже оплачивает Кугель. Внесите все издержки на его счет.

— Это правда, Кугель? — спросил Гарк.

— Я действительно его пригласил, — подтвердил Кугель. — Однако я ужинаю здесь по своему праву управляющего. Таким образом, я считаю, что ничего не должен за питание. А Вемиш, как почтенный бывший служащий, также ест без оплаты.

Гарк и Гукин разразились пронзительным хохотом, и даже Вемиш выдавил из себя вымученную улыбку.

— Во Флютике, — объяснил он, — ничто не дается просто так. Тванго тщательно отделяет работу от чувств. Если бы он владел воздухом, нам пришлось бы выкладывать денежки за каждый вдох.

Кугель с достоинством проговорил:

— Это несправедливые порядки, и их необходи-

мо немедленно пересмотреть. Иначе я откажусь от должности. Должен также заметить, что утка была недожаренной, а чеснок — совершенно безвкусным.

Гарк и Гукин не обратили на него никакого внимания. Гукин подсчитал стоимость ужина Вемиша.

— Замечательно, Кугель, подпишись вот здесь еще раз.

Кугель внимательно изучил записи на дощечке и заявил:

— Эти каракули ничего для меня не значат!

— В самом деле? — спокойно спросил его Гукин, взяв дощечку. — Ага, я вижу упущение. Добавь-ка еще три терция за пастилки Вемиша.

— Постой-ка! — взревел Кугель. — Сколько сейчас у меня на счету?

— Сто шестнадцать терциев. А еще нам часто дают чаевые за наши услуги.

— Сегодня вы ничего не заслужили! — Кугель выхватил у него дощечку и нацарапал свою подпись. — А теперь убирайтесь! Я не могу ужинать с достоинством, когда парочка таких омерзительных маленьких тварей все время заглядывает мне в рот!

Гарк и Гукин в ярости убрались прочь. Вемиш

заметил:

— Последнее высказывание попало не в бровь, а в глаз. Помните, что Гарк и Гукин готовят еду, и тот, кто их сердит, может в один прекрасный день обнаружить в своей тарелке яд.

Кугель был непреклонен:

— Пускай они сами меня боятся! Я управляющий — важная персона. Если Тванго не будет выполнять мои указания, я откажусь от должности!

— Вы, разумеется, можете сделать такой выбор — как только расплатитесь по своему счету.

— Не вижу в этом особой проблемы. Если управляющий зарабатывает три сотни терциев в неделю, я очень быстро погашу долг.

Вемиш залпом осушил свой кубок. Казалось, вино развязало его язык. Наклонившись к Кугелю, он хрипло прошептал:

— Триста терциев в неделю, да? Для меня такое было неслыханной удачей! Иеллег и Малзер — илолазы, как мы их называв ем. Они получают от трех до двадцати терциев за каждую найденную чешую, в зависимости от ее качества. «Бедренный лист клевера» приносит десять терциев, как и «Двойная спинная блестка». «Сцепленный Секвалион» с башни или груди стоит двадцать

терциев. «Боковые светлячки» очень редки и поэтому тоже стоят двадцать терциев. А если кто-то найдет «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк», он получит целую сотню терциев.

Кугель плеснул в бокал Вемиша еще вина.

— Я внимаю вам, затаив дыхание.

Вемиш выпил налитое вино, но в остальном, казалось, едва замечал присутствие Кугеля.

— Йеллег и Малзер работают с утра до ночи. Они зарабатывают в среднем от десяти до пятнадцати терциев в день, из которых вычитается плата за комнату, еду и еще всякие мелкие поборы. Как управляющий вы будете заботиться об их безопасности и удобстве, получая за это плату десять терциев в день. Кроме того, вам будет доставаться премия в один терций за каждую чешуйку, выловленную в иле Йеллегом и Малзером, вне зависимости от ее вида. Пока Йеллег и Малзер греются у костра или пьют свой чай, вы сами можете нырять за чешуйками.

— Нырять? — переспросил Кугель недоуменно.

— Ну да, в яму, которая образовалась от удара Садларка о болото. Это очень утомительно, и нырять приходится глубоко. Недавно, — тут Вемиш одним глотком допил содержимое бокала, — я выкопал целое гнездо первоклассных чешуек,

среди них было немало «особых», и на следующую неделю мне выпала такая же удача. Таким образом, мне удалось погасить свой долг, и я в тот же момент решил уволиться.

Еда внезапно показалась Кугелю безвкусной.

— А ваши предыдущие заработки?

— В хорошие дни я мог заработать столько же, как Йеллег и Малзер.

Кугель поднял глаза к потолку.

— Но как можно получить какой-то доход, когда зарабатываешь двенадцать терциев в день, а тратишь в десять раз больше?

— Хороший вопрос. Во-первых, приходится нырять без ссылки на должность. Во-вторых, когда вечером валишься с ног от усталости, то не замечаешь, в какой комнате ты спишь.

— Ну нет, как управляющий, я наведу здесь порядок, — но в голосе Кугеля не было уверенности в том, что он говорил.

Вемиш, уже несколько опьяневший, воздел кверху длинный белый палец.

— Кроме того, не упускайте своих возможностей! А они существуют, уверяю вас, и в самых неожиданных местах. — Наклонившись вперед, Вемиш одарил Кугеля непонятно значительным взглядом.

— Продолжайте, — потребовал Кугель. — Я слушаю!

Икнув, залив в себя изрядную порцию вина и оглянувшись через плечо, Вемиш пробормотал:

— Могу лишь намекнуть: чтобы обмануть такого хитреца, как Тванго, нужна немалая ловкость.

— Как интересно, — сказал Кугель. — Могу я наполнить ваш бокал?

— С удовольствием. — Вемиш жадно выпил, затем снова наклонился к Кугелю. — Не хотите ли услышать забавную шутку?

— Буду рад.

Вемиш заговорил доверительным шепотом:

— Тванго считает, что я выжил из ума!

Кугель подождал еще немного, но шутка Вемиша заключалась именно в этом. Кугель вежливо засмеялся:

— Какая нелепость!

— Правда? Это я-то, который таким хитроумным способом разобрался со своими счетами! Завтра я уеду из Флютика и несколько лет проведу, путешествуя с одного модного курорта на другой. Вот тогда и посмотрим, кто выжил из ума — Тванго или я.

— Ну, относительно этого у меня нет никаких сомнений. В сущности, мне все ясно, за исклю-

чением подробностей вашего хитроумного способа.

Вемиш подмигнул Кугелю и облизнул губы, как будто тщеславие и хвастовство боролись в его душе с последними пошатнувшимися остатками осторожности. Он уже раскрыл рот, чтобы говорить. Но тут раздался звук гонга, точно кто-то изо всех сил дергал за веревку дверного звонка.

Вемиш начал подниматься, а затем с беспечным смешком опустился на стул.

— Кугель, теперь ваша обязанность — встречать поздних гостей, впрочем, так же, как и ранних.

— Я — управляющий работами, а не лакей, — воспротивился Кугель.

— Блаженная надежда, — сказал Вемиш тоскливо. — Сначала вам придется выдержать битву с Гарком и Гукином, которые следят за тем, чтобы все правила исполнялись в точности.

— Они у меня живо научатся вести себя тише воды и ниже травы!

На стол упала тень круглой головы, одетой в щеголеватую кепку с длинным козырьком.

— Кто это научится вести себя тише воды и ниже травы? — раздался противный голосок.

Кугель поднял голову и обнаружил сидящего

на краю полки Гукина, дерзко глядящего на него.

Вновь раздался звук тонга. Гукин выкрикнул:

— Кугель, встать! Марш к двери! Вемиш сообщит тебе о распорядке.

— Как управляющий, — спокойно заявил Кугель, — я поручаю тебе эту задачу. Поторапливайся!

В ответ Гукин погрозил маленькой трехвостой плеткой, каждый ремень которой заканчивался желтым шипом.

Кугель с такой силой ударил по полке, что Гукин вверх тормашками взлетел в воздух и приземлился прямо на блюдо с разложенными на нем сырами, стоявшее на буфете. Кугель подобрал плетку и взял ее, будто собираясь ударить.

— Ну, ты собираешься наконец заняться своими обязанностями? Или мне придется хорошенько отколотить тебя, а потом бросить вместе с твоей мерзкой кепкой в этот горшок с рубцами?

В столовую вбежал запыхавшийся Тванго, на плече которого сидел Гарк с выпученными глазами.

— Что за шум? Гукин, почему ты лежишь в тарелке с сыром?

Ему ответил Кугель, сказав:

— Поскольку я управляющий, вам следова-

ло бы обратиться ко мне. Обстоятельства дела таковы: я приказал Гукину открыть дверь. Он ответил мне вопиющей дерзостью, и я собирался выпороть его.

Лицо Тванго порозовело от раздражения.

— Кугель, у нас другие правила! До сих пор управляющий открывал дверь.

— Так вот, пришла пора изменить правила! Управляющий освобождается от исполнения обязанностей лакея. Он будет зарабатывать втрое больше, чем раньше, а комната и питание ему будут предоставляться бесплатно.

Гонг прозвучал еще раз. Тванго чертыхнулся себе под нос.

— Вемиш! Открой дверь! Вемиш! Где ты?

Вемиш вышел из столовой.

Кугель отдал строгий приказ:

— Гарк! Ответь на гонг!

Гарк разъяренно зашипел. Кугель указал на дверь.

— Гарк, ты уволен за неповиновение. То же относится и к Гукину. Немедленно покиньте дом и убирайтесь в свое родное болото.

Гарк, к которому теперь присоединился и Гукин, ответили ему лишь вызывающим шипением.

Кугель повернулся к Тванго.

— Боюсь, если вы не поддержите мой авторитет, мне придется уволиться.

Тванго раздраженно взмахнул руками.

— Хватит уже этих глупостей! Пока мы все тут стоим, гонг надрывается! — Он направился по коридору к входной двери, а Гарк и Гукин поспешили вслед за ним.

Кугель последовал за ними, но более медленным шагом. Тванго распахнул дверь и впустил в дом крепкого мужчину средних лет в коричневом плаще с капюшоном. За ним вошли еще двое в таких же одеждах.

Тванго дружески и одновременно почтительно поприветствовал гостей.

— Господин Сольдинк! Уже очень поздно! Что заставило вас в такой час пуститься в столь дальнее путешествие?

Сольдинк заговорил басом:

— Я принес важную и срочную весть, которая не могла ждать ни минуты.

Тванго отшатнулся, пораженный.

— Неужели умер Меркантайдес?

— Нет, это трагедия лжи и воровства!

— Что украли? — нетерпеливо спросил Тванго. — Кого обманули?

— Сейчас все расскажу. Четыре дня тому назад, ровно в полдень, я прибыл сюда с повозкой-сейфом. Я ехал вместе с Ринкзом и Джорнулком, двумя людьми почтенного возраста и неподкупной честности.

— На их репутации нет ни единого пятна, насколько мне известно. Почему вы теперь ставите ее под сомнение?

— Терпение, вы все услышите.

— Продолжайте же! Кугель, ты — человек опытный, послушай и выскажи свое мнение. А это, кстати, господин Сольдинк, из фирмы «Сольдинк и Меркантайдес», агентство перевозок.

Кугель выступил вперед, и Сольдинк продолжил свои объяснения.

— Вместе с Ринкзом и Джорнулком я вошел в вашу мастерскую. Затем в нашем присутствии вы отсчитали, а мы упаковали шестьсот восемьдесят чешуек в четыре ящика.

— Верно. Там было четыреста «обычных», двести «особых» и восемьдесят «особых-премиум» необыкновенной ценности.

— Вот именно. Все вместе, в присутствии Вемиша, мы запаковали ящики, запечатали их, перевязали и прикрепили жетоны. Предлагаю вызвать Вемиша, чтобы он с присущей ему муд-

ростью помог нам разрешить эту загадку.

— Гарк! Гукин! Будьте так любезны, позовите Вемиша! Господин Сольдинк, вы еще не раскрыли нам, что это за загадка.

— Сейчас объясню. В присутствии вас, Вемиша, Ринкза, Джорнулка и меня лично чешуи были упакованы в ящики, как обычно, в вашей мастерской. Затем Вемиш поставил ящики на тележку, чтобы мы могли осмотреть их, и мы похвалили его за то, как он украсил тележку, и за его заботу о том, чтобы ящики не упали на пол. А потом за нами с Ринкзом и перед вами и Джорнулком Вемиш осторожно покатил ящики по коридору, остановившись, насколько я помню, только на миг, чтобы поправить свой башмак и пожаловаться мне на холодную не по сезону погоду.

— Все было именно так. Продолжайте.

— Вемиш подкатил тележку к повозке, и ящики переставили в сейф, который немедленно закрыли. Я написал вам расписку, которую Ринкз и Джорнулк заверили своими подписями и где Вемиш также расписался как свидетель. Наконец, я расплатился с вами, и вы отдали мне счет. Мы погнали повозку прямо в Саскервой, где с соблюдением всех формальностей перегрузили ящики в подвал, там они должны были дожи-

даться отправки в Альмери.

— И что потом?

— Сегодня Меркантайдес решил проверить качество чешуек. Я открыл ящик, который мы так тщательно осматривали все вместе, и что же там оказалось? Ничего, кроме комков грязи и гальки! В связи с этим нам пришлось вскрыть все ящики, и в каждом из них была лишь ничего не стоящая земля. Вот где загадка! Надеемся, что вы или Вемиш сможете помочь нам разрешить это скандальное дело или же, в противном случае, вернете наши деньги.

— Последняя возможность полностью исключена. Я ничего не могу добавить к тому, что вы рассказали. Все было в точности так, как вы описали. Возможно, Вемиш заметил что-нибудь странное, но он бы непременно сказал об этом мне.

— И все-таки его свидетельство может пролить хоть какой-то свет на эту тайну, если только он соблаговолит явиться сюда.

В комнату ворвался Гарк с вытаращенными от возбуждения глазами и заверещал:

— Вемиш на крыше! Он как-то странно себя ведет!

Тванго скорбно всплеснул руками:

— Да, он уже в преклонном возрасте, но чтобы так быстро утратить рассудок? Он же только что уволился!

— Что? — точно не веря своим ушам, воскликнул Сольдинк. — Вемиш уволился? Вот уж не ожидал!

— Как и все мы, смею вас заверить! Он погасил свой счет до последнего терция, а потом объявил, что уходит.

— В высшей степени странно, — задумчиво сказал Сольдинк. — Мы должны спустить Вемиша с крыши, и немедленно!

Вслед за Гарком Тванго выбежал в сад, а за ними потрусили Сольдинк, Ринкз, Джорнулк и Кугель.

Ночь была совершенно темной, и черную мглу рассеивали лишь несколько тусклых звезд. Пробивавшийся между черепицами свет из дома позволял видеть Вемиша, рискованно разгуливавшего по крыше вдоль конька.

— Вемиш, что ты делаешь на такой высоте? Сейчас же спускайся! — закричал Тванго.

Старик завертел головой, пытаясь определить, откуда доносится звук. Заметив внизу Тванго и Сольдинка, он издал дикий крик, в котором, казалось, смешались неповиновение и неприкрытое торжество.

— Да это, в лучшем случае, двусмысленный ответ, — протянул Сольдинк.

Тванго закричал снова:

— Вемиш, пропали чешуйки, и мы хотели бы задать пару вопросов!

— Да, пожалуйста, задавайте свои вопросы, где угодно и хоть ночь напролет, только не здесь — я гуляю по крыше и не желаю, чтобы меня беспокоили.

— Да, но… Вемиш, ведь это тебя мы хотели спросить! Спускайся, и поживее!

— Я закрыл свои счета! Где хочу, там и гуляю!

Тванго в ярости сжал кулаки.

— Господин Сольдинк озадачен и встревожен! Пропавшие чешуйки невосполнимы!

— Ничуть не больше, чем я сам, вот увидите! — Вемиш снова издал странный смешок.

Сольдинк кисло проговорил:

— Похоже, Вемиш сошел с ума.

— Работа была смыслом его жизни, — объяснил Тванго. — Он нырял в ил и где-то в глубине нашел целое гнездо чешуек, поэтому и смог выплатить все свои долги. С тех самых пор он вел себя очень странно.

— Когда он нашел чешуйки? — подозрительно спросил Сольдинк.

— Всего два дня назад. — Вемиш снова повысил голос. — Вемиш! А ну-ка спускайся! Нам нужна твоя помощь!

— Вемиш нашел свои чешуйки уже после того, как мы получили последнюю партию товара? — продолжал наседать Сольдинк.

— Совершенно правильно. Собственно говоря, это произошло на следующий день.

— Любопытное совпадение.

Тванго тупо уставился на него.

— Но не можете же вы подозревать Вемиша?

— Факты указывают на него.

Тванго круто обернулся.

— Гарк, Гукин, Кугель! Марш на крышу! Спустить вниз этого болвана!

Кугель надменно проговорил:

— Гарк и Гукин — мои подчиненные. Сообщите мне о ваших желаниях, и я отдам необходимые приказания.

— Кугель, твое поведение становится невыносимым! Считай, что ты понижен в должности! А сейчас живо на крышу! Я хочу, чтобы Вемиша немедленно спустили вниз!

— Я боюсь высоты, — ответил Кугель. — И отказываюсь от должности.

— Ты не можешь это сделать, пока не закрыты

твои счета. Кстати, туда включены и те прекрасные сыры, в тарелку с которыми ты сбросил Гукина.

Кугель начал возражать, но Тванго уже переключил все свое внимание на крышу и отказался слушать.

Вемиш бродил туда-сюда вдоль конька, но рядом с ним появились Гарк и Гукин. Тванго закричал:

— Вемиш, будь осторожен! Гарк и Гукин поведут тебя!

Старик издал дикий крик и, пробежав вдоль конька, бросился с крыши, упав головой вниз на плиты двора. Гарк и Гукин подползли к краю крыши и выпученными глазами уставились на распростертую внизу фигуру.

После короткого осмотра Тванго обернулся к Сольдинку со словами:

— Боюсь, что он мертв.

— А что с пропавшими чешуйками?

— Поищите где-нибудь еще, — пожал плечами Тванго. — Во Флютике кража произойти не могла.

— Не уверен в этом, — возразил Сольдинк. — В сущности, я подозреваю прямо противоположное.

— Вас ввели в заблуждение простые совпадения, — ответил Тванго. — Ночь холодна, давайте вернемся в дом. Кугель, переправь тело к сторожке на задворках сада. Могила для Вемиша уже готова, утром сможешь похоронить его.

— Если вы вспомните, — заметил Кугель, — я отказался от места. Я больше не считаю себя работающим во Флютике, если только вы не предоставите значительно лучшие условия.

Тванго топнул ногой.

— Как ты смеешь в такой печальный момент докучать мне своими глупостями? Ты выводишь меня из терпения! Гарк! Гукин! Кугель решил увильнуть от своих обязанностей!

Гарк и Гукин выползли вперед. Гукин швырнул веревку, опутавшую лодыжки Кугеля, а Гарк накинул ему на голову сеть. Кугель мешком рухнул на землю, и два уродца начали бить его короткими палками.

Через некоторое время Тванго направился к двери.

— Хватит! — прокричал он. — Его вопли оскорбляют наш слух! Если Кугель изменил свое мнение, пусть идет и принимается за работу.

Кугель посчитал, что лучше подчиниться приказам Тванго. Чертыхаясь себе под нос, он

потащил тело бедного Вемиша к сторожке. Затем он поковылял к хижине, в которой раньше жил Вемиш, где и провел бессонную ночь, ибо ему не давали покоя ушибы, синяки и шишки.

Солнце еще не встало, когда Гарк и Гукин забарабанили в его дверь.

— Выходи и принимайся за работу! — велел Гукин. — Тванго желает осмотреть эту хижину.

Несмотря на то, что все его тело болело и ныло, Кугель уже успел произвести такой осмотр, впрочем, безрезультатно. Он отряхнулся, поправил шляпу, медленно отошел от лачуги и стоял поодаль, пока Гарк и Гукин под руководством Тванго обыскивали помещения. Сольдинк, который, очевидно, провел ночь во Флютике, бдительно наблюдал за ними от двери.

Тванго закончил обыск.

— Здесь ничего нет, — сказал он Сольдинку. — Вемиш вне подозрений!

— Но он мог спрятать чешуйки где-нибудь в другом месте!

— Вряд ли! Чешуйки были упакованы на ваших глазах. В повозку их доставили под надежной охраной. Вы сами вместе с Ринкзом и Джорнулком перенесли их. У Вемиша было не больше возможностей украсть чешуйки, чем у меня

самого.

— А как вы тогда объясните неожиданное богатство Вемиша?

— Он нашел гнездо чешуек, что в этом такого странного?

Сольдинку было нечего возразить. Не солоно хлебавши он покинул Флютик и поехал через холм назад в Саскервой.

Тванго созвал своих служащих на собрание в столовой. Весь штат состоял из Йеллега, Малзера, Кугеля и Бильберда, слабоумного садовника. Гарк и Гукин скорчились на своей полке, наблюдая за происходящим.

Тванго печально заговорил:

— Сегодня я стою здесь, перед вами, и душа моя полна скорби! С бедным Вемишем, гулявшим в темноте, произошел несчастный случай, и его больше нет с нами. Как ни грустно, ему не пришлось насладиться своим заслуженным отдыхом. Эта идея должна навести нас всех на размышления!

Есть и еще одна новость, не менее тревожная. Четыре ящика с чешуйками, представляющими огромную ценность, были подменены или украдены. Обладает ли кто-нибудь сведениями, пусть даже и самыми незначительными, относительно

этого гнусного деяния? — Тванго заглянул в лица своих работников. — Нет? В таком случае мне больше нечего сказать. Все за работу, и пусть счастливая находка Вемиша вдохновляет всех на упорный труд!

И еще немного в заключение! Поскольку Кугель не знаком с порядком своей работы, прошу всех протянуть ему руку товарищеской помощи и научить всему, что понадобится. Всем работать быстро и эффективно!

Тванго отозвал Кугеля в сторону.

— Прошлой ночью, кажется, у нас вышло недоразумение касательно значения слова «управляющий». У нас во Флютике это слово обозначает человека, который заботится о безопасности и удобстве своих товарищей, включая меня, но ни в коей мере не распоряжается ими.

— Эту тонкость мы уже прояснили, — коротко сказал Кугель.

— Вот именно. А теперь в качестве своей первой обязанности ты похоронишь Вемиша. Его могила вон там, за черничным кустом. Потом можешь выбрать место и вырыть могилу для себя самого на тот случай, если вдруг умрешь во время службы во Флютике.

— Об этом пока рано думать, — заупрямился

Кугель. — У меня другие планы на будущее.

— Вот и Вемиш говорил почти так же, — грустно заметил Тванго. — Но он мертв! А его товарищам теперь не нужно выполнять эту скорбную миссию, ибо он сам вырыл, выровнял и украсил отличную могилу. — Тванго невесело засмеялся. — Вемиш, должно быть, чувствовал приближение смерти! Всего лишь два дня назад я застал его за чисткой и уборкой своей могилы. Он все привел в порядок!

— Два дня? — Кугель задумался. — Это уже после того, как он нашел чешуйки.

— Верно! Он был очень преданным работником, очень! Надеюсь, что ты, Кугель, живя и работая во Флютике, будешь равняться на него!

— Именно таковы мои намерения, — ответил Кугель.

— Ну, теперь иди и похорони Вемиша. Его тележка вон там, в сарае. Он сам смастерил эту тачку, и замечательно, что ты используешь именно ее, чтобы отвезти его тело в могилу.

— Достойная мысль. — Без дальнейших слов Кугель направился к сараю и вывез оттуда тележку — дощечку на четырех колесах. Обуреваемый, как казалось, желанием украсить свое изделие, Вемиш прикрепил к доске юбку из темно-синей

материи, свисавшую, словно бахрома.

Кугель погрузил тело Вемиша на тачку и покатил к саду за домом. Тележка катилась безо всяких усилий, хотя, казалось, доска очень ненадежно держалась на раме. Кугель подумал, что это довольно странно для приспособления, на котором возят ящики с чешуйками, имеющими огромную ценность. Осмотрев тачку, он обнаружил, что доска крепится на раме при помощи деревянного гвоздя. Когда он вытащил гвоздь, доска перевернулась и непременно сбросила бы тело, не будь Кугель настороже.

Он изучил еще кое-какие подробности устройства тележки, а затем покатил труп к уединенному участку к северу от дома, который Вемиш выбрал для места своего упокоения.

Кугель критическим взглядом оглядел окрестности. Мирхадионовые деревья склоняли над могилой пурпурные гирлянды цветов. Просветы в листве открывали взгляду вид на побережье и море. Слева заросший кустарником склон спускался к пруду, затянутому черным илом.

Йеллег и Малзер уже начали работу. Съежившись и дрожа от пронизывающего холода, они ныряли с помоста прямо в ил. Пробиваясь как можно глубже при помощи грузов и веревок, они

на ощупь искали чешуйки, время от времени выныривая на поверхность, задыхаясь и хватая ртом воздух, с них капал липкий ил.

Кугель замотал головой от отвращения, а затем пронзительно вскрикнул, когда что-то острое впилось в его правую ягодицу.

Резко обернувшись, он увидел, что из-под листа марены выглядывает Гарк. В его руках была маленькая рогатка, которую он, очевидно, использовал для того, чтобы обстрелять камнями Кугеля. Уродец поправил козырек своей кепки и поковылял вперед.

— Пошевеливайся, Кугель! У тебя еще много работы!

Кугель не удостоил его ответом. Со всем возможным достоинством он сгрузил тело Вемиша на землю, и Гарк удалился.

Вемиш действительно поддерживал свою могилу в великолепном состоянии. Яма пяти футов в глубину была правильной квадратной формы, хотя на дне около стен земля казалась рыхлой и неутоптанной. Кугель удовлетворенно кивнул.

— Вполне возможно, — сказал он себе. — Более чем вполне.

С лопатой в руке он прыгнул на дно могилы и начал разрывать землю. Уголком глаза Кугель

заметил приближение маленькой фигурки в красной кепке. Гарк вернулся, рассчитывая застать Кугеля врасплох и запустить в него еще одним метко нацеленным камнем. Кугель зачерпнул лопатой землю и выкинул ее наверх, через край могилы, услышав отрадный его сердцу изумленный вопль.

Юноша выбрался из могилы. Гарк сидел на корточках в некотором отдалении, пытаясь стряхнуть грязь со своей кепки.

— Мог бы и посмотреть, куда кидаешь свою землю!

Кугель, опершись на лопату, расхохотался:

— Как я могу тебя увидеть, когда ты прячешься по кустам?

— Все равно это ты виноват. Моя обязанность — следить за твоей работой.

— Тогда прыгай в могилу, чтобы проследить за всем с близкого расстояния!

Гарк выпучил глаза от возмущения и заскрежетал зубами:

— Ты меня что, за дурака держишь? Поторапливайся! Тванго не за то тебе платит, чтобы ты часами ворон считал!

— Гарк, ты неумолим! — сказал Кугель. — Ну ладно, надо, значит надо.

Без дальнейших церемоний он скатил тело Вемиша в могилу, прикрыл его и засыпал землей.

Так прошло утро. В полдень Кугель отлично пообедал тушеным угрем с репой, экзотическими консервированными фруктами и запил все флягой белого вина. Йеллег и Малзер, закусывавшие черствым хлебом с маринованными желудями, искоса поглядывали на него с удивлением, перемешанным с завистью.

После обеда Кугель пошел на пруд, чтобы помочь ныряльщикам, когда они заканчивали свою дневную работу. Малзер показался из пруда, его руки выглядели точь-в-точь Как клешни; за ним выбрался Йеллег. Кугель водой из трубы, ведущей от ручья, смыл с них ил, затем ныряльщики направились в сарай, чтобы переодеться, съеженные и фиолетовые от холода. Поскольку Кугель не догадался развести костер, поток их жалоб остановил лишь стук их собственных зубов.

Кугель поспешил исправить свое упущение, а ныряльщики тем временем обсуждали дневной улов. Йеллег вытащил из-под скалы три обычных чешуйки, тогда как Малзер, обыскавший расселину, отыскал четыре таких же.

Йеллег сказал Кугелю:

— Теперь ты можешь нырнуть, если хочешь,

только уже скоро совсем стемнеет.

— Вемиш всегда нырял в это время, — добавил Малзер. — Он и утренние часы частенько захватывал. Но вне зависимости от своей усталости он никогда не забывал развести костер, чтобы мы могли погреться.

— Да, я допустил оплошность, — покаянно согласился Кугель. — Я еще не успел привыкнуть к распорядку.

Йеллег и Малзер еще немного поворчали, а потом ушли в столовую, где их ждал ужин из вареной тины. Кугель же для начала взял себе горшок охотничьего гуляша со сморчками и запеченными яблоками. На второе он выбрал сочный кусок жареной баранины с пикантным соусом с различными гарнирами и пряное красное вино, а на десерт — большой бисквит с ягодами.

На обратном пути Йеллег и Малзер остановились, чтобы дать Кугелю совет.

— Ты ешь кушанья отличного качества, но они тебе не по карману! Ты до конца жизни не рассчитаешься с Тванго.

Кугель только пренебрежительно рассмеялся и махнул рукой.

— Сядьте и позвольте мне загладить сегодняшнюю неловкость. Гарк! Еще два бокала и флягу

вина, да поживее!

Йеллег и Малзер не заставили себя долго упрашивать. Кугель щедрой рукой разлил вино, не обделив и себя, и удобно откинулся на спинку стула.

— Естественно, мысль о непомерных расходах приходила мне в голову. Но поскольку я не намерен платить, мне наплевать на то, сколько это все стоит.

Ныряльщики изумленно пробурчали:

— Удивительно дерзкая позиция!

— Совсем нет. В любой момент солнце может уйти в небытие. И если к тому времени я задолжаю Тванго десять тысяч терциев за множество великолепных обедов, я умру счастливым!

Подобная логика впечатлила и Йеллега, и Малзера, которым никогда раньше не приходила в голову мысль посмотреть на все происходящее под таким углом.

— Так ты считаешь, что если все равно постоянно должен Тванго тридцать или сорок терциев, можно с таким же успехом задолжать и десять тысяч, — удивился Йеллег.

Малзер сказал задумчиво:

— Двадцать или даже тридцать тысяч в таком свете покажутся еще более стоящей суммой.

— Вот это планы воистину великого масштаба! — восхитился Йеллег. — А пока, думаю, мне стоит попробовать хороший кусок вон той жареной баранины!

— И я тоже хочу! — не отстал от товарища Малзер. — Пускай у Тванго голова болит об их стоимости! Кугель, твое здоровье!

Вдруг Тванго выскочил из соседней кабинки, где он все это время сидел, никем не замеченный.

— Я слышал ваш низкий разговор от первого до последнего слова! Кугель, твои убеждения не делают тебе чести! Гарк! Гукин! В будущем выдавать Кугелю только блюда Пятого Сорта, которые раньше ел Вемиш!

Кугель лишь пожал плечами:

— Если так будет нужно, я вполне смогу расплатиться со своими счетами.

— Это не может не радовать, — заявил Тванго. — А где ты возьмешь терции?

— Это мой маленький секрет, — обрезал его Кугель. — Могу лишь сказать, что я планирую замечательные нововведения в процедуре добывания чешуек.

Тванго недоверчиво фыркнул:

— Пожалуйста, все чудеса — в свое свободное

время. Сегодня ты не соизволил стереть пыль с моих реликвий; не натер воском и не начистил паркет. Кроме того, ты не успел вырыть себе могилу и не вынес помои.

— Гарк и Гукин должны выносить мусор, — воспротивился Кугель. — Пока я еще здесь управляющий, я перераспределил обязанности.

Два жабоподобных уродца протестующе завопили с верхней полки.

— Все обязанности остаются прежними, — распорядился Тванго. — Кугель, ты должен подчиняться заведенному распорядку. — С этими словами он вышел из комнаты, оставив Кугеля, Йеллега и Малзера допивать вино.

Кугель проснулся до рассвета и вышел в сад, где воздух был сырым и холодным, а тишина казалась ощутимо тяжелой. Зазубренные силуэты пирамидальных тисов и лиственниц вырисовывались на фоне багрово-серого неба; над прудом нависли низкие клочья тумана.

Кугель направился к сторожке, где днем спрятал крепкую лопату. Немного в стороне, под пышными зарослями лопухов, он заметил железную бадью, или корыто, десяти футов в длину и трех в ширину, установленную здесь для целей, ныне непонятных. Кугель тщательно осмотрел

корыто, затем пошел в глубь сада. Под мирхадионовым деревом он принялся копать могилу, как ему предписал Тванго.

Несмотря на печальный характер задачи, Кугель копал с большим проворством.

Его работу прервало появление самого Тванго, заботливо обходившего сад в своем черном плаще и двурогой шапке из темного меха, предназначенной защитить его голову от утреннего морозца.

Тванго остановился перед могилой.

— Я вижу, ты прислушался к моему замечанию. Ты неплохо потрудился, но зачем, позволь спросить, ты роешь так близко от могилы бедного Вемиша? Вы будете лежать бок о бок.

— О да. Думаю, будь Вемишу дозволен один последний взгляд, он утешился бы этим зрелищем.

Тванго поджал губы.

— Это достойное чувство, хотя, возможно, и несколько напыщенно выраженное. — Он поднял глаза к солнцу. — Время не ждет! Твое усердие в этом отдельном вопросе заслуживает всяческих похвал, но оно идет в ущерб распорядку. Сейчас ты должен выносить помойные ведра!

— Эта работа больше пристала Гарку и Гукину.

— Ну уж нет! У ведер слишком высокие ручки.

— Так пускай они используют меньшие ведра! У меня уйма более срочной работы, например, эффективный и быстрый подъем чешуй Садларка.

Тванго быстро оглянулся по сторонам.

— Что тебе известно об этом?

— Ну, как и Вемиш, я несу с собой свежий взгляд на вещи. Как вам известно, Вемиш добился значительного успеха.

— Точно… Да, именно так. Но все-таки мы не можем поставить Флютик с ног на голову ради, возможно, неосуществимых прожектов.

— Как вам будет угодно, — пожал плечами Кугель.

Он выбрался из могилы и все утро выполнял обязанности слуги, смеясь и распевая песни с такой живостью, что Гарк и Гукин доложили об этом Тванго.

В конце дня Кугелю был дарован час на личные нужды. Положив ветку лилий на могилу Вемиша, он возобновил рытье своей собственной. Через несколько минут из зарослей мальвы неподалеку от могилы мелькнула голубая кепка скорчившегося под листом в три погибели Гукина.

Кугель притворился, что ничего не заметил, и продолжил копать с удвоенным рвением. Очень скоро он наткнулся на ящики, которые Вемиш

спрятал у края своей могилы.

Сделав вид, что отдыхает, Кугель осмотрел окрестности. Гукин, все так же скорчившись, сидел под листом. Кугель вновь вернулся к своей работе.

Один из ящиков был взломан, вероятнее всего, Вемишем, и почти пуст, за исключением пакетика с двадцатью не слишком ценными «особыми» чешуйками, которые, возможно, он по оплошности забыл вынуть. Кугель засунул пакетик в карман, а затем засыпал ящик землей, закончив с этим делом как раз, когда к краю могилы приковылял Гукин.

— Кугель, твое время вышло! Неплохо бы тебе выучиться точности!

— Если ты еще не заметил, я рою себе могилу, — с достоинством ответил Кугель.

— Ну и что! Йеллегу и Малзеру пора пить чай.

— Всему свое время, — сказал Кугель.

Выскочив из могилы, он пошел к сторожке, где уже стояли съежившиеся и окоченевшие Йеллег и Малзер. Йеллег возмущенно завопил:

— Чай — то немногое, что мы получаем от Тванго бесплатно! Мы весь день барахтались в ледяном иле, предвкушая момент, когда сможем выпить горячего чаю и погреться у костра!

— Я не вижу ни чая, ни костра! — поддержал товарища Малзер. — Вемиш был куда более усердным!

— Тише, тише, — успокоительно проговорил Кугель. — Я еще не освоился с распорядком.

Кугель разжег огонь и заварил чай. Йеллег и Малзер все еще недовольно роптали, но Кугель пообещал, что в будущем постарается быть более расторопным, и ныряльщики утихомирились. Они обогрелись и выпили свой чай, затем снова побежали к пруду и нырнули в ил.

Незадолго до заката Гукин позвал Кугеля в кладовую. Он указал на поднос, на котором стоял серебряный кубок, со словами:

— Это тоник господина Тванго, который ты должен каждый день в это время подавать ему.

— Что? — вскричал Кугель. — Будет ли конец моим обязанностям?

Ответом ему было лишь равнодушное кваканье Гукина. Кугель схватил поднос и понес его в мастерскую, застав Тванго за сортировкой чешуек. Толстяк внимательно изучал каждую через лупу и клал в одну из нескольких коробочек. На его руках были мягкие кожаные перчатки.

Кугель поставил поднос на стол.

— Тванго, можно вас на два слова?

Тот, не вынимая из глаза лупы, раздраженно бросил:

— Ты что, не видишь, я сейчас занят.

— Я принес этот тоник против своей воли! Я должен еще раз напомнить вам условия соглашения, по которому я служу во Флютике управляющим работами. Эта должность не включает обязанности лакея, повара, рабочего на все руки и мальчика на побегушках. Если бы я только знал о расплывчатости ваших определений…

— Замолкни, Кугель! — раздраженно замахал на него руками Тванго. — Твоя сварливость действует мне на нервы.

— И все-таки как насчет нашего соглашения?

— Твоя должность претерпела изменения. Но оплата осталась той же, так что тебе не на что жаловаться. — Тванго выпил тоник. — Не желаю больше ничего об этом слышать. Хотел бы упомянуть еще и о том, что Вемиш имел обыкновение надевать белую куртку, перед тем как подавать мне тоник. Это было очень мило.

Тванго вернулся к своему занятию, время от времени сверяясь с большой книгой в кожаном переплете с медными застежками, украшенной медным же филигранным узором. Кугель недовольно смотрел на него сбоку. Через некоторое

время он спросил:

— А что вы будете делать, когда чешуи кончатся?

— Я не собираюсь задумываться над этим раньше времени, — поджав губы, ответил Тванго.

— А что это за книга?

— Это научная работа и мой основной справочник — «Внутреннее строение некоторых особ Верхнего мира», написанная Харувиотом. Я использую его для того, чтобы распознавать чешуйки, в этом отношении этой книге нет цены.

— Очень интересно, — проговорил Кугель. — И сколько видов вы нашли?

— Ну, я не могу точно определить. — Тванго указал на кучку нерассортированных чешуй. — Эти серо-зеленые «обычные» типичны для спинной области; розовые и алые — из подбрюшья. У каждой свое звучание. — Тванго поднес одну серо-зеленую «обычную» к уху и постучал по ней маленьким металлическим прутиком, с полузакрытыми глазами прислушиваясь к звуку. — Безукоризненный тон! Люблю иметь дело с такими чешуйками.

— Но зачем тогда на вас перчатки?

— Ага! Многое из того, что мы делаем, сбивает дилетантов с толку! Не забывай, мы имеем дело

с веществами из верхнего мира! Когда чешуйки сырые, они мягкие, но когда высыхают, часто раздражают кожу!

Тванго взглянул на свой чертеж и выбрал одну из «особых».

— Протяни руку. Ну, давай, Кугель, не трусь! Уверяю, она не заставит тебя в мгновение ока превратиться в демона из верхнего мира!

Кугель робко протянул руку. Тванго положил «особую» ему на ладонь. Кугель почувствовал, как по коже забегали мурашки, и ее защипало, как будто на руку попала едкая слизь миноги. Он тут же отдернул руку.

Тванго расхохотался и вернул чешуйку на место.

— Вот поэтому я и надеваю перчатки, когда работаю с сухими чешуйками.

Кугель, сморщившись, оглядел стол.

— Они все такие едкие?

— Ты познакомился с «Передней укороченной башенной», они всегда жгучие. Эти «Перекрещенные пики» немного получше. «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк», как я подозреваю, окажется самым сильным, поскольку именно такие чешуи контролировали всю систему сил Садларка. «Обычные» же безобидны, если

их не держать долго.

— Поразительно, что эти силы сохранились в течение целых эпох!

— Что такое время для верхнего мира! Возможно, у них и слова-то такого нет. Кстати, о времени: Вемиш в этот час обычно нырял за чешуйками, а частенько и ночью работал. Его пример поистине воодушевляет! Сила духа, настойчивость и полное хладнокровие — вот что помогло ему погасить свой долг!

— У меня другие методы, — усмехнулся Кугель. — А результаты вполне могут оказаться точно такими же. Возможно, когда-нибудь вы еще будете ставить меня в пример своим работникам.

— Нет ничего невозможного, — кивнул Тванго, заканчивая разговор.

Кугель вышел в сад. Солнце уже зашло, и пруд в сумерках казался черным и матовым. Кугель принялся за работу с таким пылом, которому позавидовал бы даже сам Вемиш. Он притащил на берег пруда старое железное корыто, затем принес несколько мотков веревки.

Вечерняя заря уже померкла, и ее последние проблески виднелись лишь там, где уходил к горизонту бескрайний океан, над поверхностью

которого мелькали металлические баклажаны. Кугель внимательно осмотрел пруд, в который в это время имел обыкновение нырять Вемиш, довольствуясь мерцанием единственного светильника на берегу.

Он сардонически покачал головой и медленно побрел назад к дому.

Ранним утром Кугель вернулся к пруду. Связав вместе несколько мотков веревки, он получил длинный канат, который привязал к чахлому можжевельнику с одной стороны пруда и к кусту акации с другой стороны, так что веревка протянулась точно через центр пруда.

Кугель принес на берег ведро и большую деревянную бадью, спустил на воду корыто, погрузил в этот самодельный ялик и ведро, и бадью, сам залез туда же и, потянув за веревку, отчалил от берега.

Йеллег и Малзер, подходившие к пруду, резко остановились, чтобы посмотреть. Кугель также заметил красную и голубую кепки Гарка с Гукином за гелиотропом на газоне, где они по своему обыкновению прятались.

Кугель погрузил ведро глубоко в ил, вытащил его и вылил содержимое в бадью. Шесть раз он наполнял и осушал свое ведро, а потом, все так

же ухватившись за веревку, потянул ялик назад к берегу.

Он понес полное ила ведро к ручью, а затем процедил сквозь большое сито его содержимое.

К его собственному изумлению, когда вода смыла ил, в сите остались две чешуйки: одна «обычная» и еще одна замечательной величины с причудливым радиальным рисунком и тусклым красным утолщением посередине.

Вдруг к ситу стремительным движением протянулась цепкая маленькая ручонка. Кугель ухватился за великолепную новую чешуйку, но было слишком поздно. Гукин со всех ног бросился улепетывать. Кугель, точно огромная кошка, прыгнул на воришку и повалил его на землю. Вырвав чешуйку, он от души наподдал Гукину по тощему заду, отчего тот отлетел на десять футов.

Приземлившись, уродец вспрыгнул на ноги и, грозя кулачком, разразился пронзительной бранью. Кугель запустил в него увесистым комком грязи. Ловко увернувшись, Гукин со всех ног помчался к дому.

Кугель немного поразмыслил, потом выкопал ямку в земле под темно-синим миртовым кустом и закопал свою находку. «Обычную» же он засунул в карман и, вернувшись назад к корыту,

понес к ручью еще одно ведро ила.

Через пять минут в саду показался Тванго, величавой походкой направившийся к пруду. Остановившись, чтобы посмотреть на то, как Кугель процеживает из ведра сквозь сито, он похвалил:

— Остроумное приспособление. Неглупо придумано, хотя ты мог бы спросить разрешения, прежде чем использовать мои вещи в личных целях.

— Моя главная забота — собирать чешуйки к нашей общей выгоде, — холодно ответил Кугель.

— Хм. Гукин доложил мне, что ты уже нашел замечательную «особую».

— «Особую»? Это всего лишь «обычная», — в доказательство своих слов Кугель вытащил из кармана чешую.

С поджатыми губами Тванго осмотрел находку.

— Гукин дал достаточно подробное описание.

— Да у него же на лбу написано, что он — жулик. Ему просто нельзя верить. А сейчас прошу меня извинить, я хотел бы вернуться к работе. У меня каждая минута на счету.

Тванго подозрительно стоял в стороне и смотрел, как Кугель процеживает третье ведро ила.

— И все-таки в этом деле с Гукином что-то не так. Как он мог вообразить «Фейерверк» в таких подробностях?

— Ба! — воскликнул Кугель. — Я не могу тратить время на размышления о фантазиях Гукина.

— Хватит, Кугель! Меня не интересует твое мнение. Ровно через семь минут ты должен убирать прачечную.

В середине дня во Флютик прибыл господин Сольдинк из фирмы «Сольдинк и Меркантайдес». Кугель провел его в мастерскую Тванго, а затем занялся чем-то неподалеку, пока Сольдинк и Тванго обсуждали пропавшие чешуи.

Как и в прошлый раз, Сольдинк заявил, что на самом деле ему их не передавали, на основании чего потребовал полного возврата платежа.

Тванго с негодованием отверг подобное предположение.

— Это очень запутанное дело, — признал он. — В будущем нам стоит использовать раз и навсегда установленные процедуры.

— Все это замечательно, но в настоящее время меня заботит не будущее, а прошлое. Где мои чешуйки?

— Могу лишь еще раз повторить, что вы дали расписку, произвели платеж и забрали их в свою

повозку. Это неопровержимо! Вемиш подтвердил бы это, будь он жив!

— Но Вемиш мертв, и его свидетельство ничего не стоит!

— Факты остаются фактами. Если вы хотите возместить свои убытки, вам остается классический способ, который еще никого не подводил: поднимите цену для вашего покупателя. Переложите это бремя на него.

— Вот это, по крайней мере, конструктивное предложение, — заметил Сольдинк. — Я обговорю это с Меркантайдесом. Между тем, мы вскоре собираемся отправить на юг смешанный груз на «Таланте» и хотели бы включить в него партию чешуй. Сможете ли вы подготовить еще один заказ из четырех ящиков за день-два?

Тванго побарабанил пухлым пальцем по подбородку:

— Мне придется работать сверхурочно, сортируя их и составляя описи; тем не менее, полагаю, что, используя все свои резервы, я смогу выполнить этот заказ за такое короткое время.

— Нас это вполне устроит. Так и передам Меркантайдесу.

Через два дня Кугель положил сто десять чешуек, большей частью «обычных», на рабочий

стол Тванго.

Тот в полном изумлении взглянул на своего управляющего:

— Где ты это нашел?

— Кажется, я наткнулся на гнездо, откуда Вемиш добыл свои чешуйки. Этого, несомненно, хватит, чтобы закрыть мой счет.

Тванго, прищурившись, поглядел на добычу.

— Минуточку, я взгляну на записи. Кугель, я вижу, ты все еще должен мне тридцать пять терциев. Ты изрядно поиздержался в столовой, и я выявил дополнительные расходы, которые, возможно, ты забыл учесть.

— Ну-ка, позвольте мне взглянуть в счета… Ничего не понимаю в этих записях.

— Некоторые из них были сделаны Гарком и Гукином. Они, возможно, и вправду немного неразборчивы.

Кугель с омерзением швырнул на пол счета.

— Я настаиваю на тщательном, точном и разборчивом учете!

— Ты, Кугель, наглец и циник, — сквозь зубы процедил Тванго. — Это производит на меня не лучшее впечатление.

— Давайте сменим тему, — как ни в чем не бывало сказал Кугель. — Когда вы планируете в

следующий раз встретиться с господином Сольдинком?

— В ближайшем будущем. А что?

— Мне было бы любопытно узнать о его методах торговли. Например, какую цену он запросил бы с Юкоуну за поистине редкую «особую», допустим, за «Разбивающий небеса фейерверк»?

— Сомневаюсь, что господин Сольдинг передаст тебе такие сведения, — мрачно ответил Тванго. — Позволь узнать, чем вызван подобный интерес?

— Да так, ничем особенным. Во время одной из наших бесед Вемиш теоретически предположил, что Сольдинк вполне мог бы предпочесть покупать дорогие «особые» прямо у ныряльщиков, освободив вас тем самым от значительной части нудной работы.

Некоторое время Тванго шевелил губами-, не в состоянии вымолвить ни слова. Наконец он проговорил:

— Это совершенно нелепая идея, от начала до конца. Господин Сольдинк отказался бы покупать какие угодно чешуйки у таких сомнительных продавцов. Единственный уполномоченный посредник — это я, и лишь моя печать гарантирует подлинность. Каждая чешуйка должна быть аккуратно распознана и правильно занесена в

опись.

— А расходы ваших служащих? Они тоже аккуратно и правильно занесены в опись? Или мне все же стоит — только из совершенно праздного любопытства, разумеется, — задать этот вопрос господину Сольдинку?

Тванго с сердитым выражением лица снова взялся за счет Кугеля.

— Естественно, нельзя никуда деться от небольших ошибок в ту или другую сторону. В конце концов, они уравновешивают друг друга…. Да, я действительно вижу здесь ошибку — Гарк не туда поставил десятичную запятую. Придется велеть ему быть более точным. А тебе пора бы готовить чай Йеллегу и Малзеру. Отучайся от своей медлительности! Мы во Флютике не любим копуш!

Кугель неторопливо направился к пруду. Была середина необычайно морозного дня, и странные черно-пурпурные облака скрывали раздутое красное солнце. Северный ветер покрывал рябью поверхность ила; Кугель поежился и поплотнее запахнул плащ.

Гладь пруда разошлась, оттуда вынырнул Йеллег со скрюченными руками и начал пробиваться к берегу сквозь липкий ил. Он рассмотрел свою добычу, но обнаружил лишь гальку, тут же

с омерзением отброшенную прочь. Малзер на четвереньках выкарабкался на берег и присоединился к Йеллегу; оба побежали к сараю, но лишь для того, чтобы вновь выбежать оттуда в дикой ярости.

— Кугель? Где наш чай? Костер давно потух! Есть у тебя совесть или нет?

Кугель побрел к хижине, куда его угрожающе теснили ныряльщики. Йеллег потряс увесистым кулаком прямо перед носом Кугеля:

— В последнее время ты совсем распустился! Пожалуй, стоит поколотить тебя и бросить в пруд!

— Минуточку, — сказал Кугель. — Позвольте, я разожгу костер, поскольку я и сам замерз. Малзер, займись чаем, если ты, конечно, не против.

Потеряв дар речи от ярости, два ныряльщика стояли позади, пока Кугель разводил огонь.

— А теперь, — объявил Кугель, — вы, думаю, обрадуетесь, узнав, что я наткнулся на богатое гнездо чешуек. Я погасил свой счет, и теперь Бильберд-садовник будет подавать вам чай и разжигать костер.

Йеллег спросил сквозь зубы:

— А ты что же, оставляешь свою должность?

— Вовсе нет. Я собираюсь продолжать службу,

по крайней мере, еще немного, в качестве консультанта.

— Я озадачен, — проговорил Малзер. — Как тебе удалось найти так много чешуек за такое короткое время?

Кугель с улыбкой пожал плечами.

— Ловкость, ну и капелька везения.

— Но все же больше везения, не правда ли? Вемишу точно так же повезло.

— Ах, бедняга Вемиш! Он долго и упорно работал на свою удачу! Моя пришла быстрее. Я — счастливчик.

Йеллег задумчиво проговорил:

— Любопытное стечение обстоятельств! Пропадает четыре ящика чешуек. Потом Вемиш погашает свой долг. Потом приходят Гарк и Гукин со своими кривыми руками, и Вемиш прыгает с крыши. Затем честный и усердный Кугель расплачивается со своими счетами, хотя он ловит чешуйки всего лишь по часу в день.

— И вправду любопытно, — поддакнул Малзер. — Интересно, где могут быть пропавшие чешуйки.

— Вот и мне тоже интересно, — не преминул вставить Йеллег.

Кугель сказал с мягким укором:

— Возможно, у вас есть время ловить ворон, а мне надо вылавливать чешую.

Кугель вернулся к своему ялику и процедил еще несколько ведер ила. Йеллег и Малзер решили больше не работать, поскольку каждый из них и так выловил по три чешуйки. Одевшись, они остались на берегу пруда и стали смотреть, как работает Кугель, о чем-то перешептываясь между собой.

После ужина Йеллег и Малзер продолжили свой разговор, время от времени бросая взгляды на Кугеля. Через некоторое время Йеллег стукнул кулаком по ладони другой руки, как будто ему в голову неожиданно пришла новая мысль, которую он немедленно сообщил Малзеру. Затем оба многозначительно кивнули и снова взглянули на Кугеля.

На следующее утро, когда Кугель трудился над своим ситом, ныряльщики направились в сад. Каждый нес по лилии, которую затем положил на могилу Вемиша. Кугель настороженно следил за ними уголком глаза. Ни Малзер, ни Йеллег не обратили особого внимания на его собственную могилу, если не считать того, что Малзер по пути назад упал в яму. Йеллег помог товарищу выбраться, и оба вернулись к пруду, чтобы заняться

своей работой.

Кугель побежал к могиле и глянул вниз. Земля осыпалась с боковой стороны, и не исключено, что внимательный взгляд смог бы разглядеть там обнажившийся угол ящика.

Кугель в задумчивости дернул себя за подбородок. Ящик не особенно бросался в глаза. Малзер, сконфуженный своим неловким падением, по всей вероятности, не заметил его. По меньшей мере, это было вполне разумное предположение. Тем не менее, было бы предусмотрительным перепрятать чешуи куда-нибудь в другое место. Да, именно так он и поступит при первой же возможности.

Выйдя в своем ялике на середину пруда, Кугель наполнил бадью; затем, вернувшись на берег, процедил грязь, обнаружив в решете пару «обычных».

Тванго вызвал Кугеля в свой кабинет.

— Кугель, завтра ровно в полдень мы отгружаем четыре ящика лучших чешуек. Пойди в плотницкую и сколоти четыре крепких ящика. Потом вычисти тележку, смажь колеса, ну и вообще приведи ее в порядок, чтобы все было в лучшем виде. На этот раз мы не должны допустить ни единой оплошности.

— Не волнуйтесь, — заверил хозяина Кугель, — Все будет в порядке.

В полдень Сольдинк со своими компаньонами Ринкзом и Джорнулком остановили повозку у ворот Флютика. Кугель вежливо поприветствовал их и провел в мастерскую.

Тванго, несколько уязвленный тем, с какой внимательностью Сольдинк оглядел пол, стены и потолок, резко проговорил:

— Джентльмены, на столе вы можете видеть чешуи в количестве шестисот двадцати штук, как «обычные», так и «особые», что соответствует указанному в этом счете. Первым делом осмотрим, проверим и упакуем «особые».

Сольдинк указал на Гарка и Гукина.

— Я не буду ничего делать, пока здесь околачиваются эти черти. Полагаю, что они каким-то образом наложили проклятье не только на бедного Вемиша, но и на всех нас. А потом были таковы с нашими чешуйками.

— Мне кажется, точка зрения Сольдинка не лишена здравого смысла, — заявил Кугель. — Гарк, Гукин, вон отсюда! Марш в сад — лягушек разгонять!

— Это глупо и чересчур сурово, — возразил Тванго. — И все-таки если вы не можете без этого

обойтись, мы будем очень признательны Гарку и Гукину, если они выйдут.

Испепелив Кугеля взглядами, два уродца метнулись прочь из комнаты.

Тванго принялся считать «особые» чешуйки, Сольдинк сверял их со счетом, а Кугель одну за другой укладывал их в ящик под бдительным взором Ринкза и Джорнулка. Затем точно таким же образом были уложены «обычные». Под пристальными взглядами всех остальных Кугель установил крышки на ящики, плотно закрепил их и поставил груз на тележку.

— А теперь, — возвестил Кугель, — пока я везу ящики отсюда до повозки, главная ответственность за них лежит на мне, и я должен настоять на том, чтобы при свидетелях запечатать их воском, на котором я поставлю свою подпись. Таким образом, я и все остальные могут быть уверены в том, что ящики, которые мы здесь упаковали и поставили на тележку, в целости и сохранности будут доставлены к повозке.

— Благоразумная предосторожность, — согласился Тванго. — Мы все будем свидетелями.

Кугель запечатал ящики, нацарапал свою подпись на твердеющем воске и ремнями привязал коробки, объяснив:

— Необходимо принять меры, чтобы вибрация или непредвиденный толчок не сдвинули с места один из ящиков, что может повредить содержимое.

— Молодец, Кугель! Все готовы?

— Так точно. Ринкз и Джорнулк, идите первыми, чтобы убедиться, что на дороге нет препятствий. Сольдинк, вы пойдете на пять шагов впереди тележки. Я буду толкать тележку, а Тванго пойдет на пять шагов позади. Так мы сможем совершенно безопасно доставить чешуйки к повозке.

— Очень хорошо, — сказал Сольдинк. — Так и сделаем. Ринкз, Джорнулк! Идите первыми и будьте настороже!

Процессия покинула мастерскую и прошла по темному коридору длиной в пятнадцать ярдов, остановившись лишь на миг, когда Кугель крикнул шедшему впереди Сольдинку:

— Все чисто?

— Все чисто, — уверил его Сольдинк. — Можете идти вперед!

Больше не задерживаясь, Кугель подкатил тележку к повозке.

— Все видели? Ящики доставлены к повозке в количестве четырех штук, каждый запечатан

моей печатью. Сольдинк, тем самым я передаю вам ответственность за эти ценности. Теперь я положу еще слой воска, а вы поставите на него свою печать… Вот так; я свое дело сделал.

Тванго поздравил Кугеля:

— Все было замечательно, Кугель! Точно и эффективно. А как чисто и аккуратно выглядела тележка со слоем лака и полостью, подвешенной Вемишем! Теперь, Сольдинк, если вы передадите мне расписку и мои деньги, сделка будет завершена.

Сольдинк, все еще в немного мрачном расположении духа, выдал расписку и отсчитал требуемую сумму; затем вместе с Ринкзом и Джорнулком погнал повозку назад в Саскервой.

Кугель тем временем покатил тележку в мастерскую. Там он вытащил потайной стержень, и доска перевернулась, обнаружив четыре привязанных ремнями ящика. Кугель снял крышки, вытащил пакеты, бросил разбитые ящики в огонь и спрятал чешуйки в мешок.

Его внимание привлекло какое-то молниеносное движение. Кугель посмотрел по сторонам и заметил за окном щегольскую красную кепку, стремительно исчезающую из вида.

Секунд десять он не мог сдвинуться с места, а

потом лихорадочно заспешил. Он выбежал из мастерской, но не увидел ни Гарка с Гукином, ни даже Йеллега с Малзером, которые, вероятно, работали на пруду.

Вернувшись в мастерскую, Кугель схватил мешок с чешуйками и со всех ног помчался к лачуге, в которой жил слабоумный садовник Бильберд. Зарыв мешок под кучей мусора в углу, он бегом вернулся назад в мастерскую. В другой мешок он насыпал гвоздей, болтов, гаек, шурупов и всякой разрозненной скобяной мелочи, запихнув мешок на полку. Затем, перемешав кочергой огонь вокруг горящих ящиков, он занялся лакированием верхней поверхности тележки.

Через три минуты в мастерскую влетел Тванго, по пятам за которым бежали Гарк и Гукин. Последний нес крючья с длинными ручками.

Кугель предостерегающе поднял руку:

— Осторожно, Тванго! Лак еще не высох!

— Кугель, давай не будем ходить вокруг да около, — гнусавым голосом завопил Тванго. — Где чешуйки?

— Чешуйки? А зачем они вам сейчас?

— Кугель, будь так добр, чешуйки!

Кугель пожал плечами.

— Как хотите. — Он принес лоток. — Утро было

довольно-таки урожайным. Шесть «обычных» и отменнейшая «особая». Только посмотрите на этот выдающийся экземпляр!

— Да, это «Скуловой Астрангал», который расположен на локтевой части третьей руки. Чрезвычайно редкий экземпляр. А где остальные, которых, насколько я понял, были сотни?

Кугель посмотрел на него в крайнем изумлении.

— Откуда вы взяли такую чушь?

— Это совершенно не важно! Покажи мне чешуи, или я буду вынужден просить Гарка и Гукина найти их!

— Да, пожалуйста, просите, — с достоинством ответил Кугель. — Но сперва позвольте мне защитить свою собственность. Он положил шесть «обычных» и «Скуловой Астрангал» в карман. В этот самый момент Гарк, неуклюже забравшись на скамью, издал торжествующий хриплый крик и стащил с полки тот самый мешок, который Кугель только что туда водрузил.

— Вот этот мешок! Там полно чешуй!

Тванго высыпал содержимое мешка на пол.

— Несколько минут назад, — сказал Кугель, — я искал в этом мешке скобу, чтобы установить ее на тележку. Возможно, Гарк принял этот хлам за

чешуйки. — С этими словами Кугель направился к двери. — Оставляю вас за вашим приятным занятием.

Приближался тот час, когда Йеллег и Малзер обычно пили свой чай. Кугель заглянул в сторожку, но костер погас, а ныряльщиков нигде не было видно.

Ну и замечательно, подумал Кугель. Настала пора вытащить из могилы чешуйки, доставшиеся в наследство от Вемиша.

Он вернулся назад в сад, где в тени мирхадианового дерева был похоронен Вемиш и зияла его собственная могила.

Поблизости не было видно непрошеных наблюдателей. Кугель собрался прыгнуть на дно своей могилы, но вдруг резко остановился, пораженный представшим ему зрелищем. В яме валялись четыре взломанных и пустых ящика.

Вернувшись в дом, он прошел в столовую, где нашел Бильберда-садовника.

— Я ищу Йеллега и Малзера, — сказал ему Кугель. — Не видел ли ты их в последнее время?

Бильберд глупо заулыбался и замигал.

— Да, я их видел. Примерно два часа назад. Они собирались в Саскервой. Они сказали, что больше не будут нырять за чешуйками.

— Неожиданный поворот событий, — проговорил Кугель, чувствуя, что ему не хватает воздуха.

— Верно, — ухмыльнулся Бильберд. — И все-таки нужно время от времени сменять обстановку, а не то рискуешь засидеться на одном месте. Я вот уже двадцать три года как садовником во Флютике и чувствую, что начинаю терять интерес к работе. Я и сам решил, что пора бы начать новую карьеру, например, в мире моды, несмотря на все финансовые риски.

— Превосходная идея! — одобрил его Кугель. — Будь я богат, ни минуты не задумываясь, ссудил бы тебе необходимый капитал.

— Я очень тебе признателен, — тепло пробормотал Бильберд. — Ты такой щедрый, Кугель!

Прозвучал гонг, означавший приход посетителей. Кугель встал, чтобы подойти к двери, но затем снова сел на свое место: пускай Гарк с Гукином или сам Тванго открывают чертову дверь!

Гонг все звенел и звенел, и наконец Кугель только лишь из одного раздражения пошел открывать.

Перед дверью стоял Сольдинк с неизменными Ринкзом и Джорнулком. Лицо Сольдинка было мрачнее тучи.

— Где Тванго? — прорычал он. — Мне нужно

немедленно его видеть.

— Может быть, вы лучше придете завтра? — любезно предложил Кугель. — Тванго пообедал и теперь спит.

— Плевать! Буди его, да поживее! Дело не терпит отлагательства!

— Не думаю, чтобы он захотел сегодня с вами встретиться. Он сказал мне, что крайне утомлен.

— Что? — взревел Сольдинк. — Да он, небось, пляшет от радости! В конце концов, он заполучил мои денежки, а мне взамен подсунул ящики с высохшей грязью!

— Быть того не может, — отрезал Кугель. — Мы приняли все меры предосторожности.

— Я не желаю слушать твои разглагольствования, — заявил Сольдинк. — Сию же минуту отведи меня к Тванго!

— Я не могу тревожить его по пустякам. Всего доброго! — Кугель попытался захлопнуть дверь, но Сольдинк поднял такой крик, что появился сам Тванго.

— Что за дикие вопли? — спросил он недовольно. — Кугель, ты же знаешь, как я чувствителен к шуму!

— Разумеется, — с невинным видом ответил Кугель, — но господин Сольдинк, кажется, наста-

ивает на демонстрации.

Тванго обернулся к Сольдинку:

— Что случилось? На сегодня мы закончили дела.

Кугель не стал дожидаться ответа Сольдинка. Как метко заметил Бильберд, настало время перемен. Он уже и так потерял целую уйму чешуй из-за этих двух мошенников, Йеллега и Малзера, но не беда. Еще больше чешуй ждало его в хижине Бильберда, и он должен быть вполне этим доволен.

Кугель поспешил в дом. Он заглянул в столовую, где Гарк с Гукином трудились над приготовлением ужина.

Очень хорошо, думал Кугель, просто отлично! Теперь ему нужно только отделаться от Бильберда, забрать мешок с чешуйками и смыться. Он вышел в сад, но Бильберда, против обыкновения, там не было.

Кугель подошел к его хижине и просунул голову в дверь.

— Бильберд?

Ему никто не ответил. Луч красноватого света, пробивавшийся сквозь дверь, осветил соломенный тюфяк садовника. В рассеянном свете Кугель увидел, что убогая хижина была пуста.

Оглянувшись через плечо, Кугель вошел внутрь и бросился к углу, где он спрятал свой мешок.

Мусор был разбросан по полу. Мешок исчез.

Из дома донесся шум голосов. Тванго позвал его:

— Кугель? Ты где? Подойди немедленно!

Стремительный и безмолвный, точно дух, Кугель выскользнул из лачуги Бильберда и спрятался в зарослях можжевельника. Тайком перебегая от одного укрытия к другому, он обогнул дом и вышел на дорогу. Он взглянул направо и налево, затем, не обнаружив никакой опасности, широким размашистым шагом направился на запад. Миновав лес и перейдя через холм, Кугель вскоре прибыл в Саскервой.

* * *

Несколько дней спустя, прогуливаясь по площади, Кугель случайно наткнулся на старую таверну «Железный Василиск». Когда он подошел ближе, дверь открылась, и на улицу вышли двое: один крепкий, с желтыми кудрями и массивной челюстью, другой — худой, со впалыми щеками, черными волосами и крючковатым носом. Оба были в богатых одеждах, двухъярусных шляпах, подпоясаны красными атласными кушаками и

обуты в башмаки из тонко выделанной кожи.

Кугель, взглянув на них сначала один раз, потом другой, узнал Йеллега и Малзера. Каждый из них явно осушил бутылку-другую вина. Йеллег распевал балладу о море, а Малзер горланил припев «Тра-ля-ля-ля, плывем мы к земле, где маргаритки цветут по весне». Всецело занятые тем, чтобы не сфальшивить, они прошмыгнули мимо Кугеля и, не глядя ни налево, ни направо, побрели по площади в направлении следующей таверны, под названием «Звезда Севера».

Кугель пошел за ними, но отскочил, напуганный грохотом приближающихся колес. Великолепная карета, запряженная парой горячих скакунов, повернула в сторону в дюйме от него и укатилась по площади. На седоке был черный бархатный костюм с серебряными эполетами и огромная шляпа с изогнутым черным пером. С огромным трудом Кугель узнал в этом важном господине Бильберда, бывшего садовника из Флютика. Кугель мрачно пробормотал себе под нос:

— Да, новая карьера Бильберда, которую я так щедро обещал профинансировать, обошлась мне гораздо дороже, чем я предполагал.

На следующий день рано утром Кугель вышел

из Саскервоя по восточной дороге. Он переправился через холмы и спустился к Шенглстоун-стрэнд.

Рядом в свете первых солнечных лучей возвышались причудливые башни Флютика, отчетливо вырисовывавшиеся на фоне еще темного севера. Кугель окольным путем приблизился к дому, прячась за кустами и прижимаясь к ограде, постоянно останавливаясь, чтобы прислушаться. До него не донеслось ни звука; в воздухе висело ощущение полной заброшенности.

Кугель осторожно обошел дом. Вдалеке замаячил пруд. В его центре в железном ялике, ссутулившись и опустив голову, сидел Тванго. Кугель смотрел, как он потянул за веревку; из глубины показался Гарк с небольшим ведерком ила, которое Тванго вылил в бадью.

Затем он вернул ведро Гарку, и тот, вздрогнув, снова нырнул в ил; Тванго потянул за вторую веревку и выудил Гукина с другим ведром.

Кугель отступил к темно-синему кусту дикого винограда. Он разрыл землю под ним и, используя сложенную в несколько раз тряпку, чтобы защитить руки, вытащил «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк».

Затем он вернулся, чтобы в последний раз

взглянуть на пруд. Бадья была полна до краев. Гарк и Гукин, две маленькие уродливые фигурки, облепленные грязью, сидели на разных концах ялика, а Тванго дергал за натянутую над прудом веревку. Кугель еще немного посмотрел, затем повернулся и пошел назад в Саскервой.

Глава вторая
Постоялый двор «У голубых ламп»

Когда господин Сольдинк вернулся во Флютик за пропавшими чешуями, Кугель решил не принимать участия в расследовании. Он немедленно покинул Флютик и направился на запад к Саскервою.

Через некоторое время Кугель остановился, чтобы прийти в себя. Горько было у него на сердце. Благодаря вероломству его собственных подчиненных у него остался не мешок с чешуйками, за которые он мог бы выручить уйму денег, но всего лишь жалкая горстка «обычных» и одна «особая», правда, совершенно исключительного качества: «Скуловой Астрангал». Самая ценная чешуйка из всех, «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк», осталась лежать в надежном месте в саду Флютика, но Кугель надеялся сохра-

нить ее только потому, что она была так нужна Юкоуну, Смеющемуся Магу.

Кугель снова пошел по дороге: через сырой лес, заросший тамбер-дубами, тисами и гоблиновыми деревьями. Тусклые красные солнечные лучи пробивались сквозь густую листву; тени, по какой-то игре восприятия, казались окрашенными в темно-голубой цвет.

Кугель продолжал тревожно оглядываться по сторонам, что было весьма благоразумным в такое беспокойное время. Он видел много такого, что было странным и прекрасным одновременно: белые цветы, вздымающиеся над блестками прямых листьев на усиках; прекрасные замки из грибов, растущих на уступах, террасах и башенках над трухлявыми пнями; побеги черного и оранжевого папоротника. Однажды Кугелю показалось, что он видит плохо различимую на расстоянии высокую фигуру в фиолетовом камзоле, похожую на мужскую. У Кугеля не было никакого оружия, и он вздохнул с облегчением, когда дорога, поднявшаяся по склону холма, вывела его на яркий дневной свет.

В этот момент до слуха Кугеля донесся шум повозки Сольдинка, возвращающегося из Флютика. Он сошел с дороги и притаился в тени скалы.

Повозка проехала, и мрачное выражение на лице Сольдинка говорило о том, что его разговор с Тванго не привел ни к чему хорошему.

Стук колес затих, и Кугель возобновил прерванное путешествие. Дорога пересекала открытый всем ветрам гребень, спускавшийся вниз полосой горизонтальных уступов, а потом отвесно закруглявшийся, откуда Кугелю открылся вид на Саскервой.

Кугель едва ли ожидал увидеть что-то большее, чем деревеньку. Саскервой превзошел его ожидания своим размером, а также и духом древней респектабельности. Высокие узкие дома жались друг к другу, их камни казались выветренными веками дыма, тумана и лишайников. В красном солнечном свете блестели окна и сияли ярко начищенные медные ручки. Таков был путь в Саскервой.

Кугель прошел по дороге, ведущей в город, и проследовал в гавань. Чужестранцы, очевидно, были в диковинку жителям этого славного городка. Когда Кугель вошел в город, все останавливались, чтобы поглядеть на него; было и немало таких, кто перешел улицу. Они показались Кугелю людьми устаревших привычек и, пожалуй, консервативных взглядов. Мужчины

носили черные фрачные костюмы с широкими штанами и черными же туфлями с пряжками, тогда как женщины в своих бесформенных платьях и круглых, похожих на горшки, низко натянутых шляпах напоминали пышки.

Кугель добрался до площади перед гаванью. Вдоль причала стояло несколько кораблей внушительного размера, любой из них мог уплывать на юг, вероятно, даже в Альмери.

Кугель присел на скамейку и изучил содержимое своих карманов, состоявшее из шестнадцати «обычных», двух «особых», впрочем, не очень высокой ценности, и «Скулового Астрангала». Эти чешуйки, в зависимости от расценок Сольдинка, могут покрыть, а могут и не покрыть стоимость морского путешествия.

Почти напротив площади Кугель заметил вывеску на фасаде внушительного каменного здания:

«Сольдинк и Меркантайдес.

Экспортеры и импортеры качественных товаров.

Перевозчики»

Кугель перебрал в уме несколько линий поведения, одна другой искуснее. Но все они основывались на жестокой и приземленной

действительности: чтобы оплатить ночлег на постоялом дворе, он должен продать чешуи.

День клонился к закату. Кугель поднялся на ноги, пересек площадь и вошел в контору Сольдинка и Меркантайдеса.

Помещения прямо-таки дышали достоинством и незыблемыми традициями; в воздухе вместе с запахами лака и старого дерева витал кисло-сладкий аромат приличий. Нарушив тишину приемной с высокими потолками, Кугель приблизился к конторке из полированного коричневого мрамора. По другую ее сторону сидел старый клерк. Нахмурившись, он глядел в гроссбух и не замечал присутствия Кугеля.

Кугель повелительно постучал по конторке.

— Минуточку! Пожалуйста, капельку терпения! — не отрываясь от книги, пробормотал клерк и вновь занялся своим делом, не обращая внимания на раздраженный стук Кугеля, повторившийся уже во второй раз.

Наконец, покорившись неизбежности, Кугель присел и стал дожидаться, когда клерк соизволит обратить на него внимание.

Входная дверь открылась; в приемную вошел человек одного с Кугелем возраста в коричневой фетровой шляпе с высокой тульей и измятом ко-

стюме из синего бархата. Его лицо было круглым и добродушным, а пучки бесцветных волос, точно сено, свисали из-под шляпы. Его объемистый живот выпирал из-под плаща, а обширные ягодицы переходили в две длинные журавлиные ноги.

Пришелец подошел к конторке, и клерк тут же вскочил на ноги с такой прытью, которую трудно было бы подозревать в его тщедушном теле.

— Чем могу служить, сударь?

Кугель в раздражении шагнул вперед и поднял вверх палец.

— Минуточку! А как же я?

Те не обратили на него никакого внимания. Пришелец представился:

— Меня зовут Бандерваль, и я хотел бы видеть Сольдинка.

— Прошу, сударь, пройдите сюда! Рад сообщить, что господин Сольдинк как раз сейчас свободен!

Они вышли из приемной, оставив Кугеля кипеть от злости.

Клерк вернулся и чуть было не уселся опять за свой гроссбух, но тут заметил Кугеля.

— Вы чего-то хотели?

— Мне тоже необходимо переговорить с Сольдинком, — высокомерно ответил Кугель, — У вас неправильные методы. Поскольку я первым во-

шел в приемную, вам следовало сначала решить мое дело.

Клерк прищурился.

— Должен заметить, что эта идея не лишена здравого смысла. Что вам надо от Сольдинка?

— Мне необходимо в кратчайшие сроки и с максимальным удобством добраться в Альмери.

Клерк начал внимательно изучать маленькую карту, висящую на стене.

— Что-то я не могу найти такого места.

— Альмери находится за нижней границей вашей карты.

Клерк бросил на Кугеля недоумевающий взгляд.

— Это очень далеко. Ладно, пойдем; возможно, Сольдинк вас примет.

— Вам стоит лишь назвать мое имя. Кугель — так меня зовут.

Клерк прошел в конец зала и просунул голову за занавески.

— Тут вас хочет видеть некий Кугель.

Повисла напряженная тишина, затем голос Сольдинка ответил:

— Ну хорошо, Диффин, что ему надо?

— Судно в, возможно, воображаемую страну, насколько я смог понять.

— Хм… Проводи его ко мне.

Диффин отдернул занавеску, пропуская Кугеля внутрь, а затем прошаркал на свое место. Кугель очутился в восьмиугольной комнате, обставленной с суровой роскошью. Сольдинк, седовласый человек со строгим выражением лица, стоял у восьмиугольного стола, а Бандерваль сидел на софе, обитой малиновым плюшем. Алый солнечный свет, проходивший сквозь высокие окна, освещал пару варварских шпалер, сотканных где-то в глуши Дальнего Кутца. С потолка на чугунной цепи свисала массивная черная железная люстра.

Кугель официально поприветствовал Сольдинка, что тот воспринял безо всякой теплоты.

— Что у вас, Кугель? У нас с Бандервалем крайне важный разговор, и я могу уделить вам лишь пару минут.

— Буду краток, — холодно ответил Кугель. — Не ошибаюсь ли я в своих предположениях, что вы поставляете чешуйки в Альмери по распоряжению волшебника Юкоуну?

— Не совсем так, — поправил его Сольдинк. — Мы переправляем их в Порт-Пергуш нашему представителю, который затем организует перегрузку товара на другое судно.

— А почему, позвольте спросить, вы не плаваете прямо в Альмери?

— Нам невыгодно забираться так далеко на юг.

Кугель раздраженно поморщился.

— Когда отходит ближайшее судно в Порт-Пергуш?

— «Таланте» должна отплыть еще до конца этой недели.

— И сколько же стоит путешествие до Порт-Пергуша?

— Мы возим только избранных пассажиров. Цена, насколько я знаю, триста терциев, сумма, — тут Сольдинк несколько возвысил голос, — которая, возможно, будет вам не по карману.

— Вовсе нет. У меня при себе несколько чешуек, которые стоят значительно дороже.

Кугель заметил в глазах Сольдинка искорку интереса.

— Я хотел бы, по крайней мере, взглянуть на них.

Кугель продемонстрировал ему чешуи.

— Обратите внимание на этот исключительно ценный «Скуловой Астрангал»!

— Это неплохой экземпляр, несмотря на его зеленоватый оттенок, — Сольдинк наметанным взглядом оценил чешуйки. — Так и быть, могу

дать вам за все приблизительно сто восемьдесят три терция.

Это было на двадцать терциев больше, чем та сумма, на которую надеялся Кугель. Он по привычке начал было возражать, затем одумался.

— По рукам! Они ваши.

— Отнесите их Диффину, он выдаст вам ваши деньги. — Сольдинк махнул рукой в направлении занавесок.

— Еще один вопрос. Любопытно было бы узнать, во сколько бы вы оценили «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк»?

Сольдинк проницательно взглянул на него.

— А он у вас есть?

— В настоящий момент я предпочел бы говорить гипотетически.

Сольдинк возвел глаза к потолку.

— Если бы он был в идеальном состоянии, я вполне мог бы дать за него сотни две терциев.

Кугель кивнул.

— А почему бы и нет, если Юкоуну заплатит за него две тысячи или даже больше?

— Я предложил бы вам продать этот гипотетический товар прямо самому Юкоуну. Могу даже подсказать удобный маршрут. Если идти на восток по Шенгльстоун-стрэнд, то вы придете к

мысу Ведьм и замку Силь. Там повернете на юг, чтобы не идти по Великому Эрму, который, как говорят, кишит эрбами и лейкоморфами. Перед вами окажутся Магнатцкие горы; они чрезвычайно опасны, но если вы решите обходить их, придется рискнуть и углубиться в пустыню Обелисков. О землях, лежащих за ней, мне известно очень мало.

— Зато я кое-что о них знаю, — заметил Кугель. — Я предпочитаю путешествовать на борту «Таланте».

— Меркантайдес настаивает на том, что мы должны перевозить лишь тех, кто состоит у нас в штате. Мы опасаемся красноречивых пассажиров, которые по условному знаку превращаются в безжалостных пиратов.

— Я был бы рад поступить на работу в вашу фирму, — не растерялся Кугель. — У меня уйма разнообразных талантов. Вот увидите, я буду вам очень кстати.

Сольдинк холодно улыбнулся.

— К сожалению, единственная доступная на данный момент вакансия — это должность суперкарго на «Таланте», но на нее у меня уже есть подходящий претендент, а именно — достойный Бандерваль.

Кугель с ног до головы оглядел соперника.

— Он производит впечатление скромного, порядочного и непритязательного человека, но никак не подходит на должность суперкарго.

— Это еще почему?

— Как вы можете видеть, — объяснил Кугель, — у Бандерваля косые ноздри, что безошибочно указывает на склонность к морской болезни.

— Кугель — человек проницательный, — объявил Бандерваль. — Я бы счел его в высшей степени подходящим кандидатом на эту должность и заклинаю вас не обращать никакого внимания на его длинные пальцы, какие я в последний раз видел у Ларкина, похитителя детей. Но между ними есть существенное различие: Ларкина повесили, а Кугеля — нет.

Кугель примиряюще сказал:

— По-моему, мы ввели бедного Сольдинка в большое затруднение, а у него и без нас хватает неприятностей. Давайте будем тактичными. Предлагаю доверить нашу судьбу трехглазой Мандинго, богине удачи. — И с этими словами он извлек из кармана колоду карт.

— Достойная идея, — одобрил его Бандерваль. — Только давайте будем играть моими картами, которые новее и ярче. Сольдинку будет

легче их разобрать.

Кугель нахмурился. Решительно покачав головой, он положил свои карты обратно в карман.

— Проанализировав эту ситуацию, я вижу, что, несмотря на ваши предпочтения — мне очень жаль произносить эти слова, Бандерваль, — не дело решать столь важный для господина Сольдинка вопрос таким легкомысленным способом. Я предложил это только ради проверки. Достойный человек непременно отверг бы подобную идею!

Эти слова явно произвели на Сольдинка благоприятное впечатление.

— Браво, Кугель! — воскликнул он.

— Позвольте мне предложить план, который устроил бы всех, — продолжал Кугель. — В силу моего огромного опыта и большего такта я займу должность суперкарго. Бандерваль же, по моему глубокому убеждению, может стать отличной заменой вашему клерку, Диффину.

Сольдинк повернулся к Бандервалю.

— Что вы на это скажете?

— Качества Кугеля действительно впечатляют, — признал Бандерваль. — Я же могу противопоставить им лишь свою неподкупную честность, мастерство, преданность и неустанное усердие.

Вдобавок я достойный гражданин нашего края, а не хитрый бродяга в супермодной шляпе.

Кугель повернулся к Сольдинку.

— Да, последнее замечание — и покончим с этим. Манера поведения Бандерваля, его злословие и недоброжелательность так не похожи на мои добросердечность и сдержанность! Кроме того, я должен обратить ваше внимание на его сальную кожу и чересчур развитые ягодицы; все это указывает на его тягу к роскошной жизни и даже склонность к казнокрадству. Если мы и вправду наймем его на должность младшего клерка, предлагаю усилить все замки, чтобы обезопасить ваши ценности.

Бандерваль прочистил горло и собирался что-то ответить, но Сольдинк успокаивающе поднял вверх обе руки.

— Джентльмены, довольно! Я намерен обсудить вашу пригодность с Меркантайдесом, который вполне может пожелать лично побеседовать с вами обоими. Приходите завтра в полдень, и я сообщу вам все новости.

Кугель кивнул.

— Благодарю вас, сударь. — Повернувшись к Бандервалю, он повелительным жестом указал на занавески. — Можете идти, Бандерваль. Мне

нужно поговорить с Сольдинком наедине.

Бандерваль начал возражать, но Кугель непререкаемым тоном добавил:

— Я должен обсудить продажу высокоценных чешуй.

Бандерваль с явной неохотой вышел. Кугель повернулся к Сольдинку.

— Во время нашей беседы мы упоминали о «Фейерверке».

— Совершенно верно. Но вы так и не дали понять, какое отношение вы имеете к этой чешуе.

— Я и сейчас не собираюсь этого делать. Подчеркну лишь то обстоятельство, что она спрятана в надежном месте. Если бы на меня напали грабители, они ничего бы не нашли. Я говорю об этом единственно для того, чтобы уберечь нас обоих от ненужных неприятностей.

Сольдинк угрюмо улыбнулся.

— Ваши заявления о «разностороннем опыте» кажутся мне вполне обоснованными.

Кугель забрал свои сто восемьдесят три терция у Диффина, который трижды пересчитал монеты и с очень большой неохотой подвинул их по коричневой мраморной столешнице к Кугелю. Заботливо положив деньги в карман, тот покинул контору Сольдинка.

Вспомнив совет Вемиша, Кугель остановился на ночлег на постоялом дворе «У голубых ламп». На ужин он заказал большое блюдо рыбы с гарниром. Когда подали вино и сыр, он откинулся назад и оглядел собравшееся общество.

У камина в противоположном конце комнаты двое затеяли игру в карты. Первый был высокий и тощий, как скелет, с плохими зубами, лошадиным лицом с набрякшими веками и сальными волосами. Второй отличался могучей статью, массивным носом и челюстью, его рыжие волосы были собраны в хвост на макушке, а подбородок был украшен роскошной рыжей бородой.

Чтобы поднять ставки, они смотрели по сторонам в поисках новых игроков. Высокий позвал:

— Эй, Ферск! Как насчет партии в скакс? Не хочешь?

Рыжебородый тоже закричал:

— Я вижу почтенного Сабтила, который никогда не отказывается поиграть! Сабтил, иди сюда, с твоим толстым кошельком и постоянным невезением мы всегда тебе рады! Замечательно.

— Ну, кто еще? Эй ты, длинноносый в дурацкой шляпе! Будешь с нами?

Кугель робко приблизился к столу.

— А в какую игру вы играете? Предупреждаю, в

картах я полный невежда.

— Это скакс, и нам все равно, как ты играешь, пока у тебя есть денежки.

Кугель любезно улыбнулся.

— Так и быть, сыграю за компанию пару партий, но вам придется объяснить мне правила.

— Не трусь! Ты в два счета освоишься с ними! Меня зовут Вагмунд, это — Сабтил, а этот мрачный головорез — Коймен, он бальзамирует покойников Саскервоя, и он — самый уважаемый гражданин в этом городишке. Ну, начали! А правила у скакса вот какие.

И Вагмунд принялся объяснять метод игры, подкрепляя свои высказывания постукиванием корявого указательного пальца по столу.

— Ну, Кугель, все ясно? Как думаешь, справишься? Не забудь, все ставки будем делать в звонких монетах! Нельзя держать карты под столом и передвигать туда-сюда.

— Я столь же неопытен, сколь и осторожен, — сказал Кугель. — И все-таки мне кажется, я понял правила и рискну двумя, нет, тремя терциями. Таким образом, на первый кон ставлю один терций!

— Вот это смелость, Кугель! — одобрительно хлопнул его по спине Вагмунд. — Коймен, раздай

карты, будь так добр!

— Сперва, — напомнил Сабтил, — сделайте свои ставки.

— Верно, — согласился Вагмунд. — И ты тоже смотри не забудь.

— Не беспокойтесь, моя быстрая и искусная игра известна всем.

— Меньше бахвальства, больше денег! — поторопил Коймен. — Я жду ваших ставок!

— А как насчет твоей собственной ставки, мой милый воришка украшений покойников, которых поручают твоим заботам?

— Всего лишь промашка, и ничего больше.

Игра продолжилась. Кугель проиграл одиннадцать терциев и выпил две кружки местного пива — едкой жидкости, сваренной из желудей и горького мха. Через некоторое время Кугель ухитрился подменить те карты, которыми они играли, своей колодой, после чего удача повернулась к нему лицом, и он быстро выиграл тридцать восемь терциев, а Вагмунд, Коймен и Сабтил разразились сердитыми криками и начали хлопать себя по лбу, не веря такому неблагоприятному исходу игры.

В зале появился Бандерваль. Он заказал пива и некоторое время стоял, наблюдая за игрой, время

от времени приподнимаясь на цыпочки и куря длинную глиняную трубку, набитую сухими травами. Он отпускал комментарии по ходу игры, периодически то выкрикивая одобрительные слова, то подшучивая над проигравшими за их промахи.

— Елки-палки, Коймен, почему ты не выложил свою красную двойку и не забрал все ставки, прежде чем Кугель не побил тебя зеленым валетом?

— Потому что когда я в прошлый раз так пошел, — взорвался Коймен, — Кугель вытащил королеву дьяволов и разбил меня в пух и прах.

Он поднялся на ноги.

— Все, я пуст. Кугель, хотя бы угости меня пивом со своего выигрыша.

— С удовольствием! — Кугель подозвал мальчишку-подавальщика. — Пиво Коймену и Бандервалю!

— Спасибо! — Коймен поманил Бандерваля на свое место. — Ты можешь попробовать сыграть с Кугелем. Он прямо волшебник какой-то!

— Попробую сыграть с ним на терций-другой. Эй, мальчик! Принеси новую колоду карт и выкини эту рвань!

— Разумеется, нужны новые карты, — с вооду-

шевлением вскричал Кугель. — Но я все-таки возьму эти старые и потренируюсь на них. Бандерваль, твоя ставка?

Бандерваль поставил терций и раздал новые карты. Его пальцы мелькали так стремительно, что Кугель даже замигал.

Они сыграли несколько партий, но удача оставила Кугеля. Он уступил свое место другому желающему и встал позади Бандерваля, чтобы присмотреться к тому, как тот играет.

Выиграв десять терциев, Бандерваль объявил, что больше играть не намерен. Он повернулся к Кугелю:

— Позвольте мне употребить часть моего выигрыша на благое дело — угостить вас кружечкой доброго пива! Сюда, я вижу пару свободных стульев у стены. Мальчик! Две кружки лучшего Таттербласса!

— Сию минуту, сударь! — Мальчик поклонился и побежал в погреб.

Бандерваль вытащил свою трубку.

— Ну, Кугель, и как вам нравится Саскервой?

— Мне кажется, здесь очень мило, и какое поле деятельности для серьезного человека!

— Вот именно, и как раз по этому поводу я и хотел высказаться. Но сперва выпьем за ваше

благоденствие!

— Я хочу выпить за благоденствие в целом, — осторожно поправил его Кугель. — Мне же самому не слишком везло.

— Что? А ваша ловкость в игре в скакс? У меня в глазах зарябило, когда я попытался следить за вашими движениями.

— Дурацкая привычка пускать пыль в глаза, — махнул рукой Кугель. — Пора бы мне научиться играть не так хвастливо.

— Это не так уж и важно, — сказал Бандерваль. — Гораздо важнее предложенная Сольдинком должность, которая уже вызвала несколько прискорбных столкновений.

— Действительно, — согласился Кугель. — Позвольте мне внести предложение.

— Я всегда с радостью воспринимаю новые идеи.

— Суперкарго, вполне вероятно, управляет другими служащими на борту «Таланте». Если вы…

Бандерваль поднял руку.

— Будем смотреть на вещи трезво. Я чувствую, что вы человек слова. Давайте испытаем судьбу, и пусть Мандинго решит, кто из нас займет эту должность, а кто останется ни с чем.

Кугель вынул свои карты.

— Предпочитаете играть в скакс или в рамполио?

— Ни то, ни другое, — отверг его предложение Бандерваль. — Надо устроить испытание, исход которого не известен заранее. Видите вон ту стекляшку, в которой папаша Краснарк, хозяин этого заведения, держит своих сфигалов? — указал Бандерваль на котел со стеклянными стенами, где копошилось множество ракообразных, которые в жареном виде считались непревзойденным лакомством. Длина обычного сфигала — примерно восемь дюймов, у него пара сильных клешней и жало на хвосте.

— У этих созданий разные характеры, — продолжал свое объяснение Бандерваль. — Некоторые из них бегают быстро, другие медленно. Мы выберем по одному сфигалу каждый и отпустим их на пол. Тот, кто первым добежит до противоположной стены, выиграет испытание.

Кугель внимательно посмотрел на сфигалов.

— Они храбрые ребята, ничего не могу сказать.

Одно из этих созданий в красную, желтую и противную бледно-голубую полоску чем-то привлекло его взгляд.

— Ну хорошо, я выбрал своего бегуна.

— Вытаскивайте его щипцами, только осторож-

но! Они могут пустить в ход и клешни, и жало.

Стараясь действовать как можно более незаметно, чтобы не привлекать внимание, Кугель вытащил щипцами своего бегуна и поставил его на линию; Бандерваль сделал то же самое.

Потом он обратился к своему сфигалу:

— Милый сфигал, беги изо всех сил! Мое будущее зависит от твоей скорости. На старт! Внимание! Марш!

Оба подняли свои щипцы и потихоньку отошли от стеклянного чана. Сфигалы побежали по полу. Бегун Бандерваля, заметив открытую дверь, повернул в сторону и был таков. Сфигал Кугеля нашел прибежище в башмаке Вагмунда, который тот снял, чтобы обогреть ноги у камина.

— Объявляю обоих противников дисквалифицированными! — возвестил Бандерваль. — Придется провести испытание каким-нибудь другим способом.

Кугель и Бандерваль заняли свои места. Через некоторое время Бандерваль предложил новый план.

— За этой стеной на пол этажа ниже находится кладовая. Чтобы избежать столкновения, подавальщики спускаются по правой лестнице, а поднимаются с подносами по левой. В нерабо-

чее время каждый проход заперт одной из этих тяжелых выдвижных ставен. Как вы можете убедиться, ставни держатся на цепи. Смотрите дальше. Эта цепь вот здесь управляет ставней, которая закрывает левую лестницу, по которой подавальщики поднимаются вверх с пивом и прочей снедью. Третье. Каждый из подавальщиков обязан носить круглый колпак, чтобы в еду не попадали волосы. Вот что мы сделаем. Каждый из нас по очереди будет отпускать цепь, чтобы ставня опускалось на одно или более звеньев. Через некоторое время какой-нибудь подавальщик собьет свой колпак о нижнюю планку ставни. Когда это произойдет, тот из нас, кто последним прикоснулся к цепи, проиграет пари и должен будет оставить все претензии на должность суперкарго.

Кугель рассмотрел цепь, ставню, которая поднималась и опускалась, закрывая проход, и внимательно взглянул на подавальщиков.

— Мальчики несколько различаются по росту, — заметил Бандерваль, — и, пожалуй, разница между самым высоким и самым низким около трех дюймов. С другой стороны, полагаю, что самый высокий мальчик привык наклонять голову. Это прибавит интереса игре.

Кугель сказал:

— Я должен поставить условием, чтобы ни один из нас не подавал никаких сигналов, не кричал и не строил помех, рассчитанных на то, чтобы нарушить простую логику игры.

— По рукам! — воскликнул Бандерваль. — Мы должны играть, как джентльмены. Кроме того, чтобы избежать тактики намеренной задержки, условимся, что ход делается прежде, чем появится второй подавальщик. Например, вы опустили ставню, а я рассчитал, что следующим должен появиться самый высокий мальчик. Я могу подождать, но могу и не ждать, пока пройдет один мальчик, но потом мне все равно придется опустить цепь, прежде чем появится второй.

— Это мудрое правило, и я поддерживаю его. Хотите сделать первый ход?

Бандерваль отклонил это преимущество.

— Вы все-таки, в некотором смысле, гость здесь, в Саскервое, поэтому вам должна принадлежать честь первого хода.

— Благодарю вас. — Кугель снял цепь с колышка и опустил ставню на два звена. — Ваша очередь, Бандерваль. Можете подождать, пока пройдет один мальчик, если хотите, а я ускорю процесс, заказав нам еще пива.

— Отлично. А теперь я должен отдать все свои силы игре. Вижу, что придется очень точно рассчитывать время. Поэтому я опущу цепь еще на два звена.

Кугель подождал, и на лестнице появился высокий мальчик с подносом, на котором стояли четыре кувшина с пивом. По оценке Кугеля, он не достал до ставни примерно на тринадцать звеньев цепи. Кугель тут же выпустил еще четыре звена.

— Ага! — заметил Бандерваль. — Вы вошли во вкус! Вот увидите, я не менее решителен, чем вы! Еще четыре звена!

Кугель, прищурившись, оценил высоту ставни. Еще шесть звеньев, и колпак высокого мальчика как пить дать слетит с его головы. Если мальчики обслуживают заказчиков по очереди, самый высокий пойдет третьим. Кугель подождал, пока пройдет следующий мальчик, среднего роста, и опустил цепь на целых пять звеньев.

Бандерваль втянул в себя воздух, а затем торжествующе защебетал:

— Хорошо придумано, Кугель! Но я сейчас быстренько опущу цепь еще на два звена и пропущу низенького мальчика, который как раз сейчас поднимается по ступеням.

Невысокий мальчик прошел под ставней, не задев ее лишь на одно-два звена, и Кугель должен был сделать свой ход или сдаться. Он хмуро выпустил еще одно звено цепи, и тут из кладовой вышел самый высокий подавальщик. Но, как нарочно, поднимаясь по лестнице, он склонил голову, чтобы вытереть рукавом нос, и таким образом ему удалось сохранить свой колпак в целости и невредимости. Теперь настала очередь Кугеля ликовать.

— Ходите, Бандерваль, если не хотите сдаться.

Бандерваль печально отпустил еще одно звено.

— Теперь мне остается лишь молиться, чтобы произошло чудо!

На лестнице показался папаша Краснарк, мужчина с мрачным лицом, выше самого высокого из мальчиков, с мощными руками и нависшими черными бровями. Он нес поднос, на котором стояла полная горячего варева супница, кусок жареного петуха и объемистая плошка с пудингом. Он врезался головой в нижнюю планку ставни, упал назад и исчез из вида. Из кладовой донесся грохот бьющейся посуды и почти одновременно с ним разъяренный вопль.

Бандерваль и Кугель быстро подняли ставню в

первоначальное положение и бросились на свои места. Кугель сказал:

— Думаю, что следует объявить меня победителем пари, ибо вы опустили цепь последним.

— Ни в коем случае! — горячо возразил Бандерваль. — Целью игры, как мы договорились, было сбить колпак с головы одного из троих мальчиков. Этого не случилось, ибо Краснарк захотел прервать игру.

— А вот и он, — объявил Кугель. — Он осматривает ставню с недоуменным видом.

— Не вижу никакого смысла продолжать эту затею, — сказал Бандерваль. — Насколько я понимаю, игра кончена.

— За исключением такого маленького обстоятельства, как присуждение победы. Победитель, безусловно, я, с какой стороны ни взгляни.

Но Бандерваль был непоколебим.

— На Краснарке не было колпака, хоть вы меня режьте. Позвольте предложить другое испытание, в которой случайность имеет более решающую роль.

— А вот и мальчик с нашим пивом. Маленький негодник, ты поразительно нетороплив, — напустился на подавальщика Кугель.

— Прошу прощения, сударь. Краснарк зава-

лился в кладовую и устроил настоящий трам-тарарам.

— Замечательно, можешь больше ничего не объяснить. Бандерваль, объясните мне, что за игру вы придумали.

— Она проста до смешного. Вон та дверь ведет в туалет. Оглядите комнату и выберите вашего кандидата. Я сделаю то же самое. Чей избранник последним посетит это заведение, тот и выиграет пари.

— Состязание кажется честным, — согласился Кугель. — Вы уже выбрали вашего кандидата?.

— Да, выбрал. А вы?

— Я избрал своего, не задумываясь. Я полагаю, что он будет непобедимым в состязании такого рода. Это вон тот пожилой господин с острым носом и поджатыми губами, который сидит слева от меня. Он не слишком велик, но мне нравится та воздержанность, с которой он прикладывается к своему стакану.

— Неплохой выбор, — одобрил Бандерваль. — А я по совпадению выбрал его товарища, господина в серой одежде, который потягивает пиво как будто с отвращением.

Кугель подозвал подавальщика и, прикрываясь рукой, чтобы не услышал Бандерваль, спросил:

— Те два джентльмена слева от меня — почему они так медленно пьют?

Мальчик пожал плечами.

— Если вы хотите знать правду, они страшные скряги и ненавидят расставаться со своими денежками, хотя денег у обоих куры не клюют. И все равно они по часу сосут четверть пинты[1] нашего самого дрянного пива.

— В таком случае, — предложил Кугель, — принесите господину в сером плаще двойную кварту[2] самого лучшего эля за мой счет, но ни в коем случае не упоминайте меня.

— Хорошо, сударь.

В этот момент Бандерваль знаком подозвал подавальщика и тоже о чем-то неслышно с ним договорился. Мальчик поклонился и побежал вниз по лестнице в кладовую. Через некоторое время он вернулся и принес обоим кандидатам одинаково большие кружки с элем, которые после объяснений мальчика были приняты с угрюмой благосклонностью, хотя старики и были явно озадачены таким щедрым даром.

Кугель был очень недоволен тем пылом, с ка-

---

[1] Примечания: 1
Четверть пинты — 0,118 л.

[2] Примечания: 2
Двойная кварта — 1,9 л.

ким его кандидат принялся за пиво.

— Боюсь, я сделал плохой выбор, — заволновался он. — Он пьет, будто только что вернулся из пустыни, где блуждал целый день.

Бандерваль точно так же поносил своего кандидата.

— Он уже утонул в своей кружке. Ваша уловка, Кугель, была просто нечестной. Я был вынужден защищать свои интересы любой ценой.

Кугель решил отвлечь своего кандидата от пива, заняв его беседой. Он наклонился и спросил:

— Сударь, вы ведь живете в Саскервое, я прав?

— Да, я здешний житель, — важно подтвердил пожилой джентльмен. — И мы, местные, известны своим нежеланием разговаривать с незнакомцами в чужеземной одежде.

— Кроме того, обитатели вашего города славятся своей трезвостью, — осторожно намекнул Кугель.

— В жизни не слыхивал подобной чепухи! — пренебрежительно отмахнулся его избранник. — Посмотрите только на людей в этом зале. Они же все галлонами[3] пиво глотают. Прошу прощения, я собираюсь последовать их примеру.

---

[3] Примечания: 3
Галлон — 4,54 л.

— Должен предупредить, что пиво, которое варят в ваших краях, вызывает закупорку сосудов, — как можно более убедительно проговорил Кугель, — У вас будут спазмы!

— Вздор! Пиво очищает кровь! Можете сами не пить пива, если так боитесь, а меня оставьте в покое, — И, подняв кружку, кандидат Кугеля сделал внушительный глоток.

Бандерваль, раздраженный маневром Кугеля, попытался отвлечь своего собственного избранника, наступив ему на ногу и затеяв перебранку, которая грозила затянуться весьма надолго, если бы не вмешался Кугель, вернувший Бандерваля на место.

— Давайте играть честно, или я выхожу из соревнования!

— Ваша собственная тактика тоже не слишком добросовестна, — проворчал Бандерваль.

— Замечательно! — сказал Кугель. — Давайте больше не будем строить никаких помех.

— Согласен, но дело, похоже, продвигается, ибо ваш кандидат начинает проявлять беспокойство. Он уже почти встал на ноги, а в этом случае я победил.

— Эй, полегче! Проигрывает тот, кто первый войдет в туалет! Заметьте, что ваш собственный

кандидат тоже поднимается. Они идут вместе!

— Тогда первый, кто выйдет из зала, будет признан проигравшим, поскольку почти наверняка первым подойдет к туалету.

— Ага, мой кандидат идет первым! Нет уж! Проиграет тот, кто первым воспользуется писсуаром.

— Тогда пойдемте, с такого расстояния невозможно разобрать точно, кто победил.

Два кандидата приготовились облегчиться. Избранник Кугеля, взглянув в сторону, заметил, с каким напряженным вниманием смотрит на него Кугель, и мгновенно вышел из себя:

— Эй, на что это вы уставились? Хозяин! Немедленно убирайтесь! Стража!

Кугель пустился в сбивчивые объяснения.

— Сударь, все не так, как вы подумали! Бандерваль может подтвердить! Бандерваль?

Тот, однако, уже вернулся в зал. Появился папаша Краснарк с перевязанной головой.

— Пожалуйста, господа, минутку тишины! Господин Черниц, будьте так добры, возьмите себя в руки! Что случилось?

— Ничего! — зашипел Черниц. — Возмутительный случай, вот что! Я пришел сюда облегчиться, а этот субъект встал за мной и вел себя в высшей

степени возмутительно. Я немедленно поднял тревогу!

Его товарищ, избранник Бандерваля, процедил сквозь сжатые зубы:

— Я поддерживаю обвинение! Его нужно выгнать с постоялого двора и вообще из города!

Краснарк повернулся к Кугелю.

— Это серьезные обвинения! Что вы на это скажете?

— Господин Черниц ошибся! Я тоже пришел сюда облегчиться. Взглянув в направлении стены, я заметил моего друга Бацдерваля и замахал ему, а господин Черниц вдруг устроил такой шум и стал делать гнусные намеки! Лучше прогоните отсюда двух этих старых хорьков!

— Что? — воскликнул разъяренный Черниц. — Да я приличный человек!

Краснарк воздел руки к небу.

— Джентльмены, будьте благоразумны! Это в высшей степени незначительное дело. Согласен, Кугелю не стоило делать знаки своему другу в туалете. А господин Черниц мог быть более благородным в своих предположениях. Предлагаю господину Черницу взять назад определение «моральный урод», а Кугелю извиниться за «хорьков», и на этом будем считать дело исчер-

панным.

— Я не привык к таким оскорблениям, — обиженно заявил Кугель. — Пока господин Черниц не принесет свои извинения, определение останется в силе.

Кугель вернулся в зал и занял свое место рядом с Бандервалем.

— Вы довольно неожиданно покинули туалет, — заметил он. — Я подождал, чтобы удостовериться в результатах состязания. Ваш избранник проиграл моему несколько секунд.

— Только из-за того, что вы отвлекли своего кандидата. Пари недействительно.

Господин Черниц со своим приятелем вернулись на свои места. Бросив холодный презрительный взгляд на Кугеля, они отвернулись и тихо о чем-то заговорили.

По знаку Кугеля мальчик принес две полные кружки Таттербласса, и они с Бандервалем немного подкрепились. Через несколько секунд Бандерваль задумчиво сказал:

— Несмотря на все наши усилия, мы так и не разрешили нашу маленькую проблему.

— И почему же? Потому что все состязания такого рода отдают все на волю случая! Поэтому они совершенно несовместимы с моим характе-

ром. Я не из тех, кто покорно склоняет голову в ожидании пинка или улыбки Фортуны! Я Кугель! Бесстрашный и неукротимый, я смотрю в лицо всем неприятностям! Силой своего духа я…

Бандерваль сделал нетерпеливый жест.

— Тише, Кугель! Я уже наслушался вашего бахвальства! Вы слишком много выпили, и думаю, что уже пьяны.

Кугель с недоверием поглядел на Бандерваля.

— Я? Пьян? От трех глотков этого слабенького Таттербласса? Даже дождевая вода крепче! Мальчик! Еще пива! А вы, Бандерваль?

— С удовольствием присоединюсь к вам. Ну, коль скоро вы отказались от дальнейшего состязания, не хотите ли признать поражение?

— Никогда! Давайте пить пиво кварта за квартой, а потом танцевать двойную копполу! Кто первый свалится под стол, тот проиграл.

Бандерваль покачал головой.

— Нет, наши возможности поистине велики, о таких даже складывают легенды. Мы вполне можем протанцевать всю ночь напролет до обоюдного изнеможения и лишь обогатим Краснарка.

— Ну хорошо, а у вас есть лучшая мысль?

— Действительно, есть! Если взглянете налево,

то увидите, что Черниц со своим приятелем клюют носами. Заметьте, как торчат их бороды! Вот ножницы для резки водорослей. Отрежьте бороду одному или другому, все равно, и я признаю вашу победу.

Кугель искоса поглядел на дремлющих стариков.

— Они не слишком крепко спят. Я испытываю судьбу, да, но я не лезу в пасть ко льву.

— Великолепно, — сказал Бандерваль. — Дайте мне ножницы. Если я отрежу бороду, вы проиграете.

Подавальщик принес еще пива. Кугель в задумчивости отхлебнул глоток.

— Здесь все не так-то просто, как может показаться на первый взгляд. Предположим, я выберу Черница. Ему стоит лишь открыть глаза и заорать: «Кугель, зачем вы режете мою бороду?» А после мне придется понести такое наказание, какое предписано законом Саскервоя за подобное оскорбление.

— Ко мне это тоже относится, — пожал плечами Бандерваль. — Но я продумал все на шаг вперед. Обдумайте вот что: сможет Черниц или еще кто-нибудь увидеть ваше лицо или мое, если погаснет свет?

— Если погасить свет, затея становится выполнимой, — согласился Кугель. — Три шага по полу, схватить бороду, щелкнуть ножницами, три шага назад — и готово, а вон там я вижу выключатель.

— Именно таков и был ход моих мыслей, — сказал Бандерваль. — Ну хорошо, кто за это возьмется — вы или я?

Чтобы собраться с мыслями, Кугель отхлебнул еще глоток пива.

— Позвольте попробовать ножницы… Они достаточно острые. Ну что ж, такие дела надо делать, пока не передумал.

— Я встану у выключателя, — сказал Бандерваль. — Как только свет погаснет, не мешкая, принимайтесь за дело.

— Подождите, — остановил его Кугель. — Мне нужно выбрать жертву. Борода Черница выглядит довольно заманчиво, но у его приятеля она торчит под более удобным углом. Так-так… Ну все, я готов.

Бандерваль поднялся и неторопливо направился в сторону выключателя.

Кугель приготовился.

Свет погас. Комната погрузилась во тьму, нарушаемую лишь тусклым мерцанием огня в

камине. Кугель большими шагами пересек расстояние, отделявшее его от стола его жертвы, схватил старика за бороду и проворно заработал ножницами… Через миг рука Бандерваля скользнула на выключателе, а может быть, в трубах просто остался пузырек газа. Как бы то ни было, через долю секунды комнату вновь залил яркий свет, и теперь уже безбородый джентльмен, изумленно оглядываясь, на один леденящий миг глаза в глаза впился взглядом в Кугеля. Потом свет вновь погас, и джентльмену осталось лишь вспоминать представшее ему на миг длинноносое видение с блестящими черными волосами, выбивающимися из-под роскошной шляпы.

Старик в замешательстве закричал:

— Эй, Краснарк! Да у вас тут одни плуты и мошенники! Где моя борода?

Один из мальчиков-подавальщиков, пробравшись через темный зал на ощупь, повернул выключатель, и свет снова полился из ламп.

Краснарк в сбившейся повязке бросился разбираться, что случилось. Безбородый джентльмен указал на Кугеля, как ни в чем не бывало откинувшегося на спинку своего стула с кружкой в руке, притворяясь дремлющим.

— Вот он, этот негодяй! Я видел, как он резал

мою бороду и при этом скалился, как волк!

— Да он бредит, не обращайте на его слова никакого внимания! — выкрикнул Кугель. — Я и с места не сдвинулся, когда отрезали его бороду. Этот человек пьян!

— Нет уж! Я видел тебя собственными глазами, мерзавец!

— Зачем мне было отрезать вашу бороду? — страдальческим тоном вопросил Кугель. — Она что, такое бесценное сокровище? Можете обыскать меня, если хотите. Ни волосинки не найдете!

— То, что говорит Кугель, звучит вполне логично, — озадаченно сказал Краснарк. — И вправду, зачем ему могла понадобиться ваша борода?

Старый джентльмен, уже побагровевший от гнева, заорал:

— Зачем вообще кому-то могла понадобиться моя борода? Однако кто-то ее отрезал, поглядите сами!

Краснарк покачал головой и отвернулся.

— Это уже переходит всякие границы! Мальчик, принеси господину Меркантайдесу кружку лучшего Таттербласса бесплатно, чтобы он мог успокоить свои нервы.

Кугель повернулся к Бандервалю.

— Дело сделано.

— Дело действительно сделано, и очень неплохо, — великодушно признал Бандерваль. — Вы победили! Завтра в полдень мы вместе пойдем в контору к Сольдинку и Меркантайдесу, и я лично рекомендую вас на должность суперкарго.

— Меркантайдес, — ошеломленно пробормотал Кугель. — Разве не так папаша Краснарк обратился к господину, чью бороду я только что отрезал?

— Теперь, когда вы упомянули об этом, я думаю, что именно так и было, — согласился Бандерваль.

На противоположном конце комнаты Вагмунд зевнул во весь рот.

— Пожалуй, на сегодняшний вечер хватит волнений! Я устал и хочу спать. Мои ноги согрелись, а башмаки просохли; пойду-ка я отсюда. Но сперва мои башмаки.

В полдень Кугель и Бандерваль встретились на площади перед гаванью. Они прошествовали в контору Сольдинка и Меркантайдеса и вошли в приемную.

Все тот же Диффин провел их в кабинет Сольдинка, который указал им на софу, обитую малиновым плюшем.

— Садитесь, пожалуйста. Сейчас придет Мер-

кантайдес, и мы обсудим наше дело.

Через пять минут в кабинет вошел Меркантайдес. Не глядя по сторонам, он сел рядом с Сольдинком за восьмиугольным столом. Затем, подняв глаза, он увидел Кугеля и Бандерваля и прошипел:

— А вам двоим что здесь нужно?

Кугель спокойно объяснил:

— Вчера мы с Бандервалем подали прошения на должность суперкарго «Таланте». Бандерваль решил отказаться от своих притязаний, поэтому…

Меркантайдес угрожающе нагнул голову, как будто собрался боднуть Кугеля.

— Кугель, ваше прошение отклонено по нескольким причинам. Бандерваль, вы не хотите изменить свое решение?

— Разумеется, хочу, если кандидатура Кугеля больше не обсуждается.

— Она не обсуждается. Таким образом, вы назначаетесь на эту должность. Сольдинк, вы согласны с моим решением?

— Да, я вполне доволен рекомендациями, данными Бандервалю.

— Тогда с этим все, — постановил Меркантайдес. — Сольдинк, у меня раскалывается голова. Если понадоблюсь, я буду у себя дома.

Меркантайдес вышел из комнаты, и почти сразу же туда зашел Вагмунд, правой рукой опираясь на костыль.

Сольдинк смерил его взглядом с ног до головы.

— Ну что еще, Вагмунд? Что с вами стряслось?

— Сударь, прошлой ночью со мной произошел несчастный случай. Я сожалею, но не смогу выйти в следующий рейс на «Таланте».

Сольдинк раздраженно откинулся на спинку стула.

— Ну, спасибо, удружил! Где я теперь буду искать червевода, тем более квалифицированного?

Бандерваль поднялся на ноги.

— Как только что назначенный суперкарго «Таланте» прошу разрешить мне внести предложение. Предлагаю временно нанять на эту должность Кугеля.

Сольдинк безо всякого энтузиазма взглянул на Кугеля.

— Есть ли у вас опыт работы в этой области?

— В последние годы мне не приходилось этим заниматься, — сказал Кугель. — Однако я непременно проконсультируюсь с Вагмундом по поводу новых тенденций в червеведении.

— Ну, хорошо, нам не приходится быть чересчур разборчивыми, поскольку «Таланте» должна

отплыть через три дня. Бандерваль, вы должны немедленно отправиться на корабль. Необходимо уложить груз и припасы, и надлежащим образом! Вагмунд, будьте так любезны, покажите Кугелю ваших червей и расскажите об их маленьких особенностях. Вопросы есть? Если нет, всем немедленно приступить к своим обязанностям! «Таланте» отходит через три дня!

Часть II
От Саскервоя до Туствольда (Грязевые равнины)
Глава первая
На борту «Галанте»

Первое впечатление Кугеля от «Таланте» оказалось в общем благоприятным. Очертания корпуса обладали хорошими пропорциями, а на вид были плавучими и правильными. Со вкусом и в изобилии подобранные декоративные мелочи указывали как на роскошь, так и на комфорт нижних палуб. На единственной мачте была поставлена рея, к которой был прикреплен парус из темно-синего шелка. На носу корабля, сделанном в форме шеи лебедя, качался железный фонарь, а другой, более массивный, свисал с кронштейна на квартердеке.

Эти предметы Кугель одобрил, так как они способствовали движению корабля вперед и создавали удобства для экипажа. Но, с другой стороны, он никак не мог понять, зачем вдоль обоих, левого и правого, бортов бегут нескладные подвесные дорожки, висящие всего в нескольких

дюймах от воды. Каково их назначение? Кугель сделал несколько шагов вдоль дока, чтобы получше рассмотреть странные приспособления. Может быть, это задумано, как прогулочные дорожки для пассажиров? Но они казались слишком узкими и ненадежными, к тому же были слишком открыты для волн и брызг. Конечно, возможно, что их использовали как опору, облегчающую купанье и стирку одежды во время стоянки корабля. А может, они служили приспособлением, которое помогало экипажу чинить корпус?

Кугель выбросил из головы эти вопросы. Зачем придираться к мелочам, если «Таланте» с комфортом доставит его в Порт-Пергуш? Главной и безотлагательной заботой было сейчас определить свои обязанности смотрителя червей, о которых он не имел ни малейшего понятия.

У Вагмунда, занимавшего до него эту должность, болела нога, и он напрочь отказался помочь. Грубоватым голосом он заявил:

— Начинай с самого начала. Поднимись на борт, посмотри на свою каюту, разложи пожитки: капитан Баунт любит порядок и не потерпит, если вещи разбросаны. А вот когда ты обустроишься, то иди к Дрофо, главному червеводу, пусть он и

определяет твои обязанности. На твое счастье, черви сейчас находятся в отличном состоянии.

«Пожитки» Кугеля состояли из того, что было на нем. Но вот в кошелке у него лежал предмет огромной ценности: чешуйка Садларка, которая называлась «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк». Теперь, когда Кугель стоял уже около корабля, в его голове созрел хитрый план, как уберечь «Фейерверк» от воришек.

Стоя в укромном уголке за штабелем ящиков, Кугель снял свою прекрасную треуголку. Он отцепил довольно яркую пряжку, которая скрепляла поля шляпы, и осторожно, чтобы избежать укуса «Фейерверка», прикрепил чешуйку на его место. Теперь украшение выглядело, как обычная пряжка, а старую Кугель спрятал в карман.

Он вернулся обратно к «Таланте», забрался по сходням и вышел на среднюю палубу. Справа от него размещались каюты и проход, ведущий на квартердек. Прямо перед ним, вертикально покачиваясь, лежал форпик с кают-компанией, под которой размещались каюты экипажа.

В поле зрения Кугеля попали три персонажа. Первым был кок, который вышел на палубу для того, чтобы сплюнуть за борт. Второй, высокий и сухопарый, с длинным худым лицом печаль-

ного поэта, стоял, держась за леер, и о чем-то размышлял, глядя на море. У него на подбородке ерошилась редкая бороденка цвета красного дерева, его волосы такого же цвета были повязаны черным платком. Вцепившись грубыми белыми руками в леер, он бросил косой взгляд на Кугеля.

Третьим был мужчина с корзинкой, содержимое которой он только что выбросил за борт. У него был густые и белые, коротко подстриженные волосы, его рот казался тонкой щелочкой на красном лице с квадратными челюстями. Это, должно быть, стюард, подумал Кугель; должность, которая никак не вязалась с грубоватой, даже несколько дикой внешностью человека.

Из всей троицы только он обратил внимание на Кугеля.

— Эй ты, раскосый бродяга! Убирайся отсюда! — резко крикнул он. — Нам не требуются ни мази, ни талисманы, ни молитвенники, ни сексуальные игрушки!

— Лучше сбавь-ка тон, — холодно сказал Кугель. — Меня зовут Кугель, и я здесь по настоятельной просьбе Сольдинка. Так что можешь показать мне мою каюту, но постарайся при этом говорить повежливей.

Стюард окинул его тяжелым оценивающим

взглядом, как будто призвал для этого бесконечное терпенье. Затем крикнул в коридор:

— Борк! На палубу!

Низенький толстенький человечек с круглым лицом выскочил откуда-то снизу.

— Что прикажите, сэр?

— Покажи этому парню его каюту, он сказал, что он гость Сольдинка. Забыл, как его имя; то ли Фуге ль, то ли Кунгель, в общем, что-то в этом роде.

Борк озадаченно скривил нос.

— Мне никто ничего о нем не говорил. Где мне найти каюту, когда на борту и сам господин Сольдинк, и вся его семья? Разве что этот джентльмен воспользуется вашей каютой, а вы поселитесь с Дрофо.

— Мне не по душе такая идея.

— А вы можете предложить что-то лучшее? — плаксиво поинтересовался Борк.

Мужчина только развел рунами и пошел куда-то по палубе.

— И кто этот самоуверенный парень? — поглядел ему вслед Кугель.

— Это капитан Баунт. Он очень недоволен, что вы займете его каюту.

Кугель потер подбородок.

— Вообще-то, я бы предпочел просто одиночную каюту.

— В нашем рейсе это невозможно. Господина Сольдинка сопровождают мадам Сольдинк и три его дочери, так что с помещениями у нас нынче туго.

— Мне неудобно доставлять неудобства капитану Баунту, — сказал Кугель. — Может, мне следует…

— Не надо ничего говорить, сэр! Храп Дрофо не слишком побеспокоит капитана Баунта. Смею вас заверить, что мы как-нибудь разберемся. Сюда, пожалуйста, я покажу вам вашу каюту.

Стюард отвел Кугеля в удобную каюту, которую до этого занимал капитан Баунт. Кугель одобрительно осмотрел все углы.

— Здесь очень мило. Особенно мне понравился вид из окна.

В дверях появился капитан Баунт.

— Надеюсь, вы удовлетворены?

— Вне всякого сомнения. Мне здесь будет очень удобно. — Потом он обернулся к Борку. — Можете, если не возражаете, принести мне что-нибудь перекусить, я завтракаю очень рано.

— Конечно, сэр, никаких вопросов.

— Единственное, что я прошу, так это не трогать

мои полки, — грубо сказал капитан Баунт. — Моя коллекция ракушек невосполнима, и мне не хотелось бы, чтобы вы навели бардак в моих антикварных книгах.

— Не беспокойтесь! Ваши вещи здесь будут в такой же безопасности, как мои собственные. А сейчас прошу меня извинить. Мне бы хотелось несколько часов отдохнуть, прежде чем приступить к своим обязанностям.

— Обязанностям? — озадаченно нахмурился капитан Баунт. — Какие у вас могут быть обязанности?

— Сольдинк просил меня во время нашего путешествия выполнить несколько простых заданий, — с достоинством ответил Кугель.

— Странно. Он ничего мне об этом не говорил. Бандерваль — новый суперкарго, а какой-то колченогий будет заниматься червями.

— Я согласился на пост червевода, — важно сказал Кугель.

Капитан Баунт с отпавшей челюстью уставился на Кугеля.

— Ты червевод?

— Как я понимаю, да, — ответил Кугель.

Новое жилище Кугеля помещалось в носовой части трюма, там, где встречаются штевень и

киль. Обстановка была очень простой: узкая койка с набитым сухими водорослями тюфяком и чулан, в котором висело несколько оставленных Вагмундом засаленных предметов туалета.

При свете свечи он осмотрел свои синяки и ссадины, они оказались неопасными, хотя поведение капитана Баунта превзошло все границы.

До его ушей долетел гнусавый голос:

— Кугель, ты где? На палубу! Да поживей!

Кугель застонал и заковылял на палубу. Его ждал высокий и плотный молодой человек с густыми черными лохмами и близко посаженными черными глазками. Он с нескрываемым любопытством осмотрел Кугеля.

— Меня зовут Ланквайлер, полноправный смотритель червей, и таким образом твой начальник. Но оба мы находимся в распоряжении Главного червевода Дрофо. Сейчас он хочет прочитать нам вступительную лекцию. Хочешь себе добра — слушай внимательно. Пошли за мной.

Дрофо стоял около мачты. Это оказался тот сухопарый мужчина с черной бородкой, которого Кугель видел, когда взошел на борт.

— Садитесь, — указал Дрофо на скамейку.

Наклонив голову вперед и заложив руки за спину, Дрофо рассматривал своих подсобников.

Через какое-то мгновение он заговорил густым безразличным голосом:

— Я могу рассказать вам очень много! Слушайте, и вы приобретете мудрость, которая удивит этих профессоров в институтах с их гармонией и парадигмами! Но не ошибитесь во мне! Вес моих слов не больше веса дождевой капли! Для того чтобы знать, надо работать! После ста червей и десяти тысяч лиг вы с полной справедливостью сможете сказать: «Я мудр!» — или, что будет более точно: «Я — червевод!» Но тогда, когда вы будете мудры и станете настоящими червеводами, вам уже не захочется хвастаться! Тогда вы выберете молчание, так как будете знать цену своим словам! — Дрофо перевел взгляд с одного лица на другое. — Это ясно?

— Не совсем, — озадачено сказал Ланквайлер, — профессора в институтах тщательно взвешивают каждую дождевую капельку. На ваш взгляд, это хорошо или плохо?

— Мы не собираемся делать те же исследования, что и профессора в институтах, — вежливо ответил Дрофо. — Скорее, мы обсуждаем обязанности червевода.

— А! Теперь все понятно!

— Именно так, — сказал Кугель. — Продолжай-

те, Дрофо, ваши мысли очень интересны.

Продолжая держать руки за спиной, Дрофо сделал шаг в сторону левого борта, потом правого.

— Наша профессия очень уважаема! Дилетанты, неженки, дураки — все проявляют себя здесь в истинном свете. Когда путешествие проходит хорошо, тогда оба рожка луны ярки и веселы; червеводы тогда могут плясать жигу и играть на концертино, а все окружающие говорят: «Ах, нам бы стать червеводами!» Но тут налетают неприятности! Черная оспа свирепствует без пощады; удары следуют, как звук гонга Судьбы; черви встают на дыбы и ныряют в воду; и тут появляется зеленый дятел, или, скорее, не появляется, а просто обнаруживается в темном углу!

Кугель и Ланквайлер принялись обдумывать услышанное, в то время как Дрофо продолжал вышагивать от правого борта к левому и обратно.

— Мы движемся вон туда, где небо и океан соединяются, — объявил Дрофо, указывая вперед своим длинным белым указательным пальцем. — Туда, где во мраке спрятана тайна всех времен, в темноте, которая становится абсолютной, когда садится солнце.

Как бы подтверждая его слова, солнце вдруг затянулось мутной пеленой, похожей на бельмо

на глазу старика. Дрогнув и подмигнув, дневной свет, к явному облегчению Ланквайлера, вернулся, но Дрофо даже не заметил этого происшествия. Он поднял палец.

— Черви к морю привычны! Но разумно думать только о шести составляющих: солнце, волна, ветер, горизонт, темнота, глубина, верный курс, насыщение… Да, Ланквайлер? Что ты там считаешь на пальцах?

— Это — не имеет значения, сэр.

— Червей нельзя назвать умными, — продолжил Дрофо. — Они не умеют выкидывать фокусов и шутить. Хороший червевод, как и его черви, должен быть простым человеком. Ему наплевать, что он ест, ему наплевать на то, спит ли он в сухом месте или в сыром, ему даже наплевать на то, спит ли он вообще. Когда черви пробуждаются вовремя, когда они правильно себя ведут, когда пища у них острая, а пойло нормальное, то и червевод чувствует себя спокойно. Ему больше ничего от мира не надо: ни здоровья, ни легкой жизни, ни чувствительных ласк продажных женщин, ни побрякушек, вроде той пижонской бляхи, которая сверкает у Кугеля на шляпе. Он парит в водянистой бездне.

— Чрезвычайно завлекательно! — воскликнул

Ланквайлер. — Я горжусь, что я червевод! А ты как, Кугель?

— Не меньше тебя, — заявил Кугель. — Очень ценная профессия, а что касается украшения на шляпе, так пока оно не имеет особой ценности, это просто фамильная реликвия.

Дрофо безразлично кивнул.

— А сейчас я открою вам шесть аксиом нашей профессии, которые вполне можно расширить до вселенского применения. Итак: человек может красоваться перед вами и заявлять: «Я — червевод», — а червевод может стоять в сторонке, не говоря ни слова. Как узнать, где правда? Ее скажут черви!

Объясняю подробнее. Если мы видим желтых болезненных червей рядом с отъевшимся уродом, у которого слоями свисает жирный подбородок и который одет в великолепные одежды, кто здесь виноват? Черви, которые, кроме воды и пространства, ничего не знают? Или тот, кто должен был заботиться о них? Можем мы назвать его червеводом?

Судите сами. А вот другой червь, сильный, упорный, розовый как свет зари! Именно по червю только и можно судить о том, хороший ли у него хозяин. Настоящий червевод без устали

драит сегменты, регулярно очищает сочленения от грязи, скребет и вычесывает плавники до тех пор, пока они не начинают сверкать, как чистое серебро! Он пребывает в некоем мистическом единении с приливом и морем, и в душе его царит безмятежный покой, ведомый лишь настоящим червеводам!

Да, и вот еще что. Ты, Кугель, пока еще мало знаком с этим ремеслом, но сдается мне, что ты поступил очень правильно, придя ко мне за наукой, поскольку у меня очень суровая школа. Либо ты научишься плавать, либо утонешь, будешь убит ударом хвоста или, что куда хуже, вызовешь мое неудовольствие. Но начал ты хорошо, и обещаю, что и учить тебя я буду на совесть. Ты не подумай, что я человек грубый или жестокий — нет. Думая так, ты впал бы в глубокое заблуждение! Верно, я человек жесткий, пусть даже суровый, но в конце концов, когда я решу, что ты наконец стал настоящим червеводом, ты еще поблагодаришь меня.

— Вот уж порадовал, так порадовал, — пробормотал себе под нос Кугель.

Дрофо не обратил на это ни малейшего внимания.

— А тебе, Ланквайлер, может, и недостает

упорства Кугеля, зато у тебя есть серьезное преимущество. Ведь ты уже совершил путешествие бок о бок с Вагмундом с его больной ногой. Я ведь уже указывал на некоторые твои ошибки и недочеты. Надеюсь, мои замечания все еще свежи в твоей памяти, да?

— Ну, еще бы! — льстиво улыбаясь, отозвался Ланквайлер.

— Вот и отлично. Тогда покажешь Кугелю, где у нас что, и снабдишь его хорошим инструментом. Скажи-ка мне, Кугель, а нет ли у тебя с собой парочки добрых стремян?

Кугель отрицательно помотал головой.

— Я так торопился, что забыл прихватить их с собой.

— Жаль, жаль… Ладно, можешь пока пользоваться превосходным снаряжением Вагмунда, да только смотри, ухаживай за ним как следует.

— Не извольте беспокоиться.

— Тогда иди и приготовь все необходимое. Скоро нужно будет выводить червей. «Таланте» отходит сразу же, как только Сольдинк отдаст приказ.

Ланквайлер отвел Кугеля на нос в кладовую под форпиком. Там он порылся в сваленном на полу снаряжении, отбирая все самое лучшее для

себя, а на долю Кугеля оставляя то, что посчитал негодным.

По ходу дела Ланквайлер поучал Кугеля:

— На старика Дрофо можешь особо внимания не обращать. Уж больно он просолился за долгие годы в море, да к тому же я сильно подозреваю, что он балуется червячьей ушной серой — порой ведет себя как-то странно.

Ободренный таким любезным к себе отношением, Кугель осторожно спросил:

— Если мы имеем дело всего лишь с червями, зачем нам столь грубое и тяжелое снаряжение?

Ланквайлер непонимающе взглянул на него, и Кугель поспешно добавил:

— Насколько я понимаю, мы работаем с нашими червями за столом, в крайнем случае — на скамье. Вот я никак в толк и не возьму, с чего это Дрофо то и дело поминает разные тяготы и разгул стихий. Мы что же — должны полоскать червей в соленой воде или выкапывать их по ночам из болота?

Ланквайлер усмехнулся.

— Так ты, значит, никогда прежде не имел дела с червями?

— Честно говоря, совсем немного.

— Тогда нам следует расставить все точки над

«i». Не будем лицемерить и теоретизировать, а уж тем более — понапрасну тратить время на пустую болтовню; я, как и Дрофо, предпочитаю дела, а не словеса.

— Я тоже, — холодно заметил Кугель.

Лукаво улыбаясь, Ланквайлер заметил:

— Судя по своеобразному фасону твоей шляпы, ты выходец из какой-то далекой и экзотической страны.

— Верно, — подтвердил Кугель.

— И как тебе нравится Страна Кутц?

— Тут много интересного, и все же я хотел бы как можно скорее вернуться к цивилизации.

Ланквайлер фыркнул:

— Сам я родом из Тугерсбира, что в шестидесяти милях к северу отсюда, там цивилизация тоже хоть куда. Ладно, к делу: вот вагмундовы стремена. Я, наверное, возьму себе этот набор с серебряными раковинами, а ты выбирай из остальных. Но будь осторожен! Вагмунд — мужик ужасно гордый и тщеславный, ну прямо как лысый в меховой шапке, и буквально по-детски ревниво относится к своим вещам. А теперь, если не хочешь, чтобы тебе на голову вылился еще ушат поучений Дрофо, поспеши.

Они взяли отобранное снаряжение и вернулись

с ним на палубу. Под водительством Дрофо они сошли с «Таланте» и отправились вдоль доков на север, в конце концов добравшись до длинного загона, где в воде лениво плавало несколько огромных созданий цилиндрической формы диаметром от семи до девяти футов и почти столь же длинных, как сам «Таланте».

Дрофо, указывая на них пальцем, сказал:

— Вон, видишь, Ланквайлер, тех, с желтыми шишками? Они поступают в твое распоряжение. Думаю, ты и сам понимаешь, что они нуждаются в уходе. А тебе, Кугель, я поручаю вон тех двоих, слева, с синими шишками. Это отличные черви Вагмунда, и теперь они твои.

Ланквайлер задумчиво предложил:

— Может, лучше поручить Кугелю тех, что с желтыми шишками, а я бы взял себе синих. Чем мой план хорош, так тем, что в этом случае Кугель обретет просто бесценный опыт обращения с червями на самой заре своей карьеры.

Дрофо пораскинул мозгами.

— Может, оно и так, может быть. Но сейчас у нас просто нет времени всесторонне обмозговать твое предложение; поэтому остановимся на первоначальном плане.

— Верное рассуждение, — подхватил Кугель. —

И оно полностью созвучно со второй аксиомой нашего ремесла: «Если червевод А по небрежению наносит вред, здоровью своих питомцев, то и выхаживать их надлежит упомянутому червеводу А, а не безупречному трудолюбивому червеводу Б».

Ланквайлер явно был сломлен.

— Может, Кугель и зазубрил тридцать разных аксиом из учебника, но, как указывает сам Дрофо, ничто не может быть ценнее практического опыта, — расстроенно пробормотал он.

— Будем следовать первоначальному плану, — повторил Дрофо. — А теперь отведите своих животных к кораблю и наденьте на них упряжь. Кугель, ты своих впрягай по левому борту, а ты, Ланквайлер, — по правому.

Ланквайлер уже оправился от поражения.

— Есть, сэр! — с подъемом воскликнул он. — Пошли, Кугель, шевели задницей! Мы их вмиг запряжем, по-нашему, по-тугерсбирски!

— Только смотри, не вздумай снова навязать своих тугерсбирских узлов, — заметил Дрофо. — А то в прошлом плавании мы с капитаном Баунтом полчаса не могли их распутать!

Ланквайлер с Кугелем спустились в загон, где находилось около дюжины червей. Некоторые

неподвижно лежали в воде, другие же медленно плавали взад-вперед, лениво шевеля хвостовыми плавниками. Среди червей попадались и розовые, и даже почти алые, но были здесь и особи цвета слоновой кости, и ядовито-желтые. Те их части, что служили головой, были устроены довольно сложно: короткий толстый хоботок, зрительный бугор с одним-единственным крохотным глазом, сразу за которым торчали две шишки на коротких стебельках. Именно по этим-то окрашенным в разные цвета шишкам, служащим червю для определения направления, и можно было определить владельца.

— Давай, пошевеливайся, Кугель! — прикрикнул Ланквайлер. — Пришло время воспользоваться твоими теоремами! Старик Дрофо любит, когда бегают так, чтобы фалды развевались! Накидывай стремена и садись на одного из своих червей!

— Откровенно говоря, — явно нервничая, отозвался Кугель, — сдается мне, что я слишком давно этим не занимался и много позабыл.

— Да чего тут забывать-то? — воскликнул Ланквайлер. — Смотри! Вскакиваешь на червя и накидываешь ему на глаз колпак. Потом хватаешься руками за шишки, и червь везет тебя куда

надо. Смотри и учись!

Ланквайлер запрыгнул на одного из червей, пробежал по нему и перескочил на следующего, потом на следующего и в конце концов оседлал червя с желтыми шишками. Накинув на единственный глаз животного колпак, он схватился за шишки. Червь тут же заработал плавниками, выплыл из загона через заранее открытые Дрофо ворота и направился к «Таланте».

Кугелю отчаянно хотелось, чтобы у него все получилось так же ловко, но, когда он наконец оседлал червя и взялся руками за шишки, тот тут же стал уходить под воду. Кугель в отчаянии потянул шишки на себя, и червь тут же вынырнул на поверхность, взметнулся футов на пятнадцать в воздух, сбросив со спины седока, который шумно плюхнулся в воду.

Кугель с трудом выбрался на берег. У ворот стоял Дрофо и задумчиво глядел на него.

Черви все так же лениво колыхались на поверхности воды. Кугель глубоко вздохнул, снова прыгнул на червя и оседлал его. Он накинул колпак на глаз и уже куда более осторожно взялся за синие шишки управления. Червь никак на это не отреагировал. Кугель осторожно двинул шишки вперед, что, по-видимому, немало

удивило животное, и червь медленно двинулся вперед. Кугель продолжал экспериментировать, и в конце концов, двигаясь рывками и толчками, гигант приблизился к воротам загона, где их уже поджидал Дрофо. То ли по чистой случайности, то ли назло наезднику червь устремился в ворота, Дрофо широко распахнул их, и Кугель со своим питомцем с высоко поднятой головой легко скользнули мимо старика.

— Ну вот! — облегченно заметил Кугель. — А теперь, к «Галанте»!

Но червь, не обращая ни малейшего внимания на приказ, уходил все дальше и дальше в открытое море. Стоящий у ворот Дрофо печально кивнул, как будто в подтверждение каких-то своих опасений. Он вытащил из кармана серебряный свисток и трижды пронзительно в него свистнул.

Червь развернулся и подплыл к шлюзу. Дрофо прыгнул на бугристую розовую спину и небрежно пнул ногой шишки.

— Смотри и запоминай! Шишки работают вот так. Направо, налево. Всплыть, нырнуть. Стоять, вперед. Понятно?

— Еще разочек, пожалуйста, — попросил Кугель. — Очень хочется изучить ваш метод.

Дрофо повторил свои действия, затем, направив червя к «Галанте», в меланхоличном раздумье застыл на его спине, пока червь не подплыл к кораблю, и тут-то Кугель наконец понял предназначение так удививших его мостков — они представляли собой быстрый и удобный проход к червям.

— Смотри, — сказал Дрофо. — Сейчас покажу, как его привязывать. Так, так и вот так. Сюда и сюда накладывают мазь, чтобы предотвратить появление ссадин. С этим ясно?

— Яснее некуда!

— Тогда приведи второго червя.

Воспользовавшись этой инструкцией, Кугель довел червя до его места около корабля и должным образом привязал его. Затем он наложил мазь, как показывал Дрофо. Вскоре, к немалому удовлетворению, Кугель услышал, как Дрофо распекает Ланквайлера, пренебрегшего мазью. Оправдания Ланквайлера, объяснявшего, что ему не нравится запах мази, нисколько не смягчили старика.

Через несколько минут Дрофо снова вдалбливал вытянувшимся перед ним в струнку Кугелю и Ланквайлеру, чего он ожидает от младших червеводов.

— В последнем рейсе червеводами были Вагмунд и Ланквайлер. Меня не было, а главным червеводом был Гизельман. Я вижу, что он был слишком нерадив. Вагмунд обращался с червями в высшей степени профессионально, но Ланквайлер, по невежеству и лености, совершенно запустил своих червей. Посмотрите на этих животных! Они желтые, точно айва. Их жабры черны от налета. Уж можете быть уверены, Ланквайлер у меня возьмется за ум! Что же касается Кугеля, его выучка далека от образцовой. Но на «Галанте» его недостатки исправятся почти магическим образом, точно так же, как и безобразное поведение Ланквайлера.

— А теперь — внимание! Мы выходим из Саскервоя в открытое море через два часа. Сейчас вы накормите своих червей половиной мерки корма, затем подготовите приманку. После этого ты, Кугель, почистишь своих животных и проверишь их на предмет тимпа. Ланквайлер, ты сейчас же начнешь отскребать налет, а потом проверишь червей на тимп, пуст и клещей-двууст ок. Кроме того, твой пристяжной выказывает признаки закупорки; дашь ему лекарство.

— Червеводы, за дело!

Вооруженный щеткой, скребком, долотом и

расширителем, банками с бальзамом, тонером и мазью, Кугель по наказу Дрофо принялся за чистку своих червей. Время от времени волна омывала червей и скатывалась по мосткам. Дрофо, свесившись через ограждение, сверху наставлял Кугеля:

— Не обращай внимания на сырость! Это искусственно надуманное ощущение. С обратной стороны кожи ты постоянно влажный от разного рода жидкостей, многие из которых весьма неприятного происхождения. К чему же тогда пищать от капли доброй соленой воды снаружи? Не обращай внимания на любую сырость — это естественное состояние червевода.

В середине дня на пристань прибыл господин Сольдинк с семейством. Капитан Баунт собрал всех матросов на среднюю палубу встречать гостей.

Первым на трап ступил сам Сольдинк рука об руку с госпожой Сольдинк, а за ними прошествовали их дочери Мидре, Салассер и Табазинт.

Капитан Баунт, подтянутый, в безупречно сидящем парадном мундире, произнес короткую речь:

— Сольдинк, команда «Галанте» приветствует вас и ваше очаровательное семейство на бор-

ту! Поскольку нам придется несколько недель жить бок о бок, позвольте мне представить вам команду.

Я — капитан Баунт; а это — наш суперкарго, Бандерваль. Рядом с ним стоит Спарвин, наш уважаемый боцман, у которого в подчинении находятся Тиллитц — вон тот, со светлой бородой — и Пармеле. Нашего кока зовут Ангсхотт, а плотника — Киннольде.

Тут стоят стюарды. Это верный Борк, отлично разбирающийся в морских птицах и водяных бабочках. Ему помогают Клаудио и Вилип и время от времени, когда его можно отыскать и когда он в настроении, юнга Кодникс.

У ограждения, в стороне от простых смертных, мы видим наших червеводов! Заметный в любой компании главный червевод Дрофо, который управляется с загадками природы с такой же легкостью, как наш кок Ангсхотт — со своими бобами и чесноком. За его спиной, быстрые и проворные, стоят Ланквайлер и Кугель. Согласен, они кажутся до нитки промокшими и унылыми, да и пахнут червями, но так и должно быть. Вот любимое изречение Дрофо: «Сухой и хорошо пахнущий червевод — ленивый червевод». Поэтому не доверяйте первому впечатлению; это отваж-

ные моряки, готовые на все!

Ну что ж: превосходный корабль, крепкая команда, а теперь еще, точно по волшебству, компания очаровательных девушек, способных украсить любой морской пейзаж! Хорошее предзнаменование, хотя нам и предстоит долгое путешествие! Мы держим курс на юго-восток через Океан Вздохов. В положенный срок мы поднимемся по дельте реки Великий Ченг, ведущей в страну Падающих Стен, и там, в Порт-Пергуше, наше путешествие будет окончено. Итак, близится миг нашего отплытия! Господин Сольдинк, что скажете?

— Все в порядке. Можете отдать команду об отплытии, когда захотите.

— Отлично, сэр! Тиллитц, Пармеле! Отдать швартовы вдоль всего судна! Дрофо, подготовить червей! Спарвин, курс наклонно по азимуту, пока не преодолеем отмель Брэкнока! Море спокойно, ветер слабый. Сегодня мы будем ужинать при свете фонарей на юте, в то время как наши гигантские черви, управляемые Кугелем и Ланквайлером, помчат нас сквозь тьму!

* * *

Прошло три дня, за которые Кугель в полной мере овладел азами ремесла червевода. Дрофо в своих замечаниях высказывал множество ценных теоретических сведений.

Для червевода, — поучал Дрофо, — день и ночь, вода, воздух и морская пена — лишь едва отличающиеся друг от друга аспекты окружающей среды, чьи параметры определяются величием моря и темпом червя. Позвольте задать вопрос, — вмешался Кугель. — А когда же мне спать?

Спать? Когда умрешь, тогда и выспишься всласть. А до этого прискорбного события надо беречь каждую крупицу сознательного существования; это единственная вещь, достойная упоминания. Кто знает, когда потухнет солнце? Даже черви, которые обыкновенно фаталистичны и непостижимы, подают тревожные знаки. Как раз сегодня утром на рассвете я видел, как солнце задрожало над горизонтом и качнулось назад, точно в бессилии. Потом оно сильно и странно запульсировало и только после этого смогло подняться на небо. Однажды утром мы будем в ожидании глядеть на восток, но солнце не взойдет. Тогда ты сможешь спать сколько

душе угодно.

Кугель научился применять шестнадцать инструментов и узнал много нового о психологии червей. Тимп, клещи-двуустки, пуст и налет стали его самыми ненавистными врагами; а закупорки — главной неприятностью, требующей подводного использования расширителя, лекарств и шланга. Почему-то всякий раз, как закупорка бывала устранена, он оказывался как раз на пути извержения.

Дрофо проводил много времени на носу корабля, глядя на море. Время от времени Сольдинк или госпожа Сольдинк подходили к нему, чтобы поговорить; иногда Мидре, Салассер и Табазинт, поодиночке или все вместе, присоединялись к главному червеводу, чтобы почтительно выслушать его мнение. По лукавому совету капитана Баунта они уговорили Дрофо сыграть на флейте.

— Ложная скромность не пристала червеводу, — сказал Дрофо. Он сыграл и одновременно сплясал три хорнпайпа и сальтарелло.

Казалось, Дрофо совершенно не обращал внимания ни на червей, ни на червеводов, но эта невнимательность была обманчивой. Однажды Ланквайлер совершенно забыл положить приманку в корзины, висевшие в восьми футах

впереди от его червей; в результате они ослабили тягу, тогда как черви Кугеля, в корзины которых приманка, как и следовало, была положена, плыли весьма усердно, так что «Галанте» начала медленно поворачивать к западу по большой дуге, несмотря на все усилия рулевого.

Дрофо, вызванный с носа, вмиг догадался, в чем проблема, и обнаружил Ланквайлера мирно спящим в укромном уголке за камбузом.

Дрофо ткнул Ланквайлера носком своего ботинка.

— Будь столь любезен, встань. Ты не положил своим червям приманки, и из-за этого корабль сбился с курса.

Ланквайлер смущенно поднял взгляд; его черные волосы были всклокочены, а глаза отчаянно косили.

— Ах, да, — пробормотал он. — Приманка! Это совершенно вылетело у меня из головы, и боюсь, что я задремал.

— Я удивлен, что ты можешь так крепко спать, в то время как твои черви замедляют ход! — загремел Дрофо. — Хороший червевод все время начеку. Он должен уметь почувствовать малейшее нарушение и мгновенно определить его причину.

— Да-да, — залепетал Ланквайлер. — Теперь я понимаю свою ошибку. «Почувствовать нарушение», «определить причину». Я запишу, чтобы не забыть.

— Более того, — продолжил Дрофо. — Я заметил опасный случай тимпа у твоего пристяжного, и ты должен приложить все усилия к тому, чтобы вылечить его.

— Разумеется, сэр! Я сделаю все сейчас же; нет, даже еще быстрее!

Ланквайлер с трудом поднялся, широко зевая и прикрывая рот ладонью, и поплелся к своим червям.

В тот же день Кугель случайно подслушал разговор Дрофо с капитаном Баунтом.

— Завтра днем, — сказал Дрофо, — мы попробуем ветра. Это будет полезно для червей — они еще не вошли в полную силу, и я не вижу причины подгонять их.

— Верно, верно, — согласился капитан. — Как вам нравятся ваши червеводы?

— В наше время никто не заслуживает отличной оценки, — фыркнул Дрофо. — Ланквайлер — тупица и копуша. Кугелю не хватает опыта; кроме того, он растрачивает энергию на то, чтобы красоваться перед девушками. Он работает по

минимуму и ненавидит воду с пылом кота-гидрофоба.

— Но его черви кажутся — вполне ухоженными.

Дрофо пренебрежительно покачал головой.

— Кугель делает правильные вещи из неправильных побуждений. Из-за своей лени он никогда не перекармливает животных и не кладет лишнего количества приманки; его черви не слишком-то жиреют. Он так не переносит возню с тимпом и налетом, что искореняет их первые же проявления.

— Но в таком случае его работа кажется вполне удовлетворительной.

— Только на взгляд непрофессионала! Для червевода стиль и гармония — это все!

— Да, у вас свои проблемы, у меня — свои.

— Почему? Я думал, все идет гладко.

— До некоторой степени. Как вы, возможно, знаете, госпожа Сольдинк — женщина сильной и непоколебимой воли.

— Я предполагал что-то в этом роде.

— Сегодня за обедом я упомянул, что мы находимся в двух-трех днях пути к северо-востоку от Лаусикаа.

— Я сам сказал бы точно так же, судя по морю, —

кивнул Дрофо. — Это занятный остров. Червевод Пулк живет в Помподуросе.

— Вы знакомы с Пафниссианскими Ваннами?

— Не лично. Я знаю, что женщины купаются в этих источниках, чтобы вернуть себе утраченную молодость и красоту.

— Совершенно верно. Госпожа Сольдинк, вне всякого сомнения, достойная женщина.

— Во всех отношениях. Она строга в своих принципах, непреклонна в добродетели и ни за что не потерпит несправедливости.

— Борк называет ее упрямой, твердолобой и вздорной, но это не совсем одно и то же.

— Язык Борка, по крайней мере, обладает достоинством краткости, — заметил Дрофо.

— В любом случае, госпожа Сольдинк немолода и некрасива. На самом деле она низенькая и толстая. У нее выдающаяся челюсть и черные усики. Она, несомненно, благородная дама, и у нее сильный характер, поэтому Сольдинк подчиняется ей. Теперь, поскольку госпожа Сольдинк пожелала искупаться в Пафниссианских источниках, нам волей-неволей придется отправиться на Лаусикаа.

— Это в моих интересах, — обрадовался Дрофо. — В Помподуросе я найму червевода Пулка

и уволю кого-нибудь — либо Кугеля, либо Ланквайлера, и пускай тогда он, как хочет, так и добирается до континента.

— Неплохая идея, если только Пулк все еще живет в Помподуросе.

— Он действительно сейчас там и с большим удовольствием вернется к работе.

— В этом случае половина ваших проблем решена. Кого вы высадите на берег — Кугеля или Ланквайлера?

— Я еще не решил. Это будет зависеть от червей.

Двоица удалилась, оставив Кугеля размышлять об услышанном. Получалось, что, по крайней мере, до тех пор, пока «Галанте» не покинет Лаусикаа, ему придется не только работать в полную силу, но и умерить свое внимание к дочерям Сольдинка.

Кугель немедленно отыскал скребки и удалил со своих червей все следы налета, затем начистил их жабры так, что они засияли серебристо-розовым.

Ланквайлер тем временем осмотрел своего пристяжного червя, у которого тимп развился уже гораздо сильнее. Ночью он выкрасил его шишки синей краской, а затем, пока Кугель дре-

мал, провел своего пристяжного вокруг судна и заменил его на отличного пристяжного Кугеля, которого привязал на положенное место со своей стороны. Ланквайлер покрасил его шишки желтым и поздравил себя с тем, что так удачно избежал утомительной работы.

Утром Кугель с изумлением обнаружил внезапное ухудшение своего червя.

Проходивший мимо Дрофо крикнул Кугелю:

— Взгляни, до чего ты довел своего червя! У него такая запущенная инвазия тимпа, что смотреть противно! Кроме того, если я не слишком ошибаюсь, вон та припухлость указывает на сильную закупорку, которую нужно немедленно устранить.

Кугель, вспомнив подслушанный разговор, рьяно принялся за работу. Нырнув под воду, он начал орудовать расширителем, гант-крюком и шлангом, и через три часа напряженной работы закупорка была излечена. Червь немедленно утратил свой болезненно-желтый цвет и с новой силой потянулся за приманкой.

Когда Кугель наконец вернулся на палубу, он услышал, как Дрофо кричит Ланквайлеру:

— Твой пристяжной червь выглядит намного лучше! Молодец, так держать!

Кугель взглянул на пристяжного червя Ланквайлера… Очень странно, что страдающий закупоркой желтый червь Ланквайлера, кишащий тимпом, в одну ночь стал настолько явно здоровым, тогда как за то же самое время здоровый розовый червь Кугеля пришел в такое исключительно плачевное состояние.

Кугель тщательно обдумал это обстоятельство. Он спустился на воду и, потерев шишки червя, обнаружил под голубой краской проблески желтого цвета. Кугель еще подумал, а затем поменял местами своих червей, поставив здорового на место пристяжного.

За ужином Кугель поделился с Ланквайлером своими переживаниями.

— Поразительно, насколько быстро они подхватывают тимп и закупорки! Я сегодня весь день возился с одним, а вечером забрал его на корабль, чтобы было удобнее ухаживать за ним.

— Стоящая мысль, — сказал Ланквайлер. — А я наконец-то вылечил одного, и второй идет на поправку. Кстати, ты уже слышал? Мы идем к острову Лаусикаа, чтобы госпожа Сольдинк могла нырнуть в Пафниссианские воды и вылезти оттуда девственницей.

— Я кое-что скажу тебе, но только под стро-

жайшим секретом, — Сказал Кугель. — Юнга рассказал мне, что Дрофо намерен нанять в Помподуросе опытного червевода по имени Пулк.

Ланквайлер пожевал губами.

— Ну и зачем ему это делать? У него уже есть два первоклассных червевода.

— Я не могу поверить в то, что он собирается уволить тебя или даже меня, — продолжал Кугель. — И, тем не менее, это кажется единственно вероятным предположением.

Ланквайлер нахмурился и закончил ужин в молчании.

Кугель дождался, пока Ланквайлер удалится, чтобы вздремнуть, затем прокрался на мостки у правого борта «Галанте» и сделал на шишках больного червя Ланквайлера глубокие надрезы, затем, вернувшись на свои собственные мостки, изобразил со всей возможной шумихой, как будто борется с тимпом.

Уголком глаза он заметил, как к ограждению подошел Дрофо, немного посмотрел, а потом пошел своей дорогой.

В полночь приманки убрали из корзин, чтобы черви могли отдохнуть. «Галанте» тихо дрейфовал по спокойному морю. Рулевой закрепил штурвал; юнга дремал на носу под огромным пе-

редним фонарем, где ему полагалось зорко нести вахту. С небес мерцали еще не потухшие звезды: Ачернар, Алгол, Канопус и Кансаспара.

Из своей щели выполз Ланквайлер. Точно гигантская черная крыса, он пересек палубу и соскочил на мостки у правого борта. Отвязав больного червя, он погнал его прочь.

Червь поплыл. Ланквайлер сел верхом и потянул за шишки, но нервы были перерезаны, и этот сигнал вызвал у животного только боль. Червь заколотил плавниками и поплыл к северо-западу, унося на спине отчаянно дергающего за шишки Ланквайлера.

Утром исчезновение Ланквайлера было на языке у всех. Главный червевод Дрофо, капитан Баунт и Сольдинк собрались в кают-компании, чтобы обсудить это дело, и через некоторое время Кугеля вызвали к ним.

Сольдинк, сидя в кресле с высокой спинкой, вырезанном из скиля, прочистил горло.

— Кугель, как ты знаешь, Ланквайлер сбежал вместе с дорогостоящим червем. Можешь ли ты пролить свет на это происшествие?

— Как и все остальные, я могу лишь строить догадки.

— Мы были бы рады услышать твои соображе-

ния по этому поводу, — настаивал Сольдинк.

— Я полагаю, что Ланквайлер отчаялся стать квалифицированным червеводом, — рассудительным тоном начал Кугель. — Его черви заболели, и Ланквайлер не смог противостоять трудностям. Я пытался помочь ему и даже позволил взять одного из моих здоровых червей, чтобы я мог привести в порядок его больного червя, что Дрофо, несомненно, не мог не заметить, хотя и был необычно скрытным в этом отношении.

Сольдинк повернулся к Дрофо.

— Это правда? Если так, это делает Кугелю огромную честь.

— Вчера утром Кугель посоветовался со мной относительно этого, — мрачно подтвердил старик.

Сольдинк вновь обернулся к Кугелю.

— Продолжай, пожалуйста.

— Я могу лишь предположить, что уныние побудило Ланквайлера совершить этот акт отчаяния.

— Но это неразумно! — воскликнул капитан Баунт. — Если он так пал духом, почему он просто не прыгнул в море? Зачем надо было использовать в своих личных целях нашего ценного червя?

Кугель на миг задумался.

— Я полагаю, он хотел совершить по этому поводу некую церемонию.

Сольдинк надул щеки.

— Как бы то ни было, поступок Ланквайлера причинил нам огромное неудобство. Дрофо, как мы обойдемся всего тремя червями?

— О, у нас не возникнет особых проблем. Кугель без труда управится с обеими упряжками. Чтобы облегчить работу рулевому, мы используем двойную приманку с правого борта, а с левого — половинную, и таким образом доберемся до Лаусикаа, где сможем внести коррективы.

Капитан Баунт уже внес исправления в курс «Галанте», чтобы госпожа Сольдинк могла насладиться купанием в Пафниссийских источниках. Баунт, рассчитывавший быстро завершить рейс, был недоволен задержкой и пристально наблюдал за Кугелем, чтобы убедиться в том, что черви используются с максимальной эффективностью.

— Кугель! — кричал капитан Баунт. — Поправь ремень на том пристяжном — он тянет нас в сторону!

— Есть, сэр!

И снова:

— Кугель! Вон тот червь с правого борта ничего не делает, он просто плещется в воде. Замени его

приманку!

— Там и так двойная приманка! — пробурчал Кугель. — Я менял ее час назад.

— Тогда используй восьмушку пинты Хайлингерского Аллюра, да поживей! Я хочу завтра до захода солнца быть в Помподуросе!

Ночью червь с правого борта, раскапризничавшись, начал хлопать по воде плавниками. Дрофо, разбуженный плеском, вышел из своей каюты. Перегнувшись через ограждение, он увидел, как Кугель носится туда-сюда по мосткам, пытаясь накинуть узду на плавники непокорного червя.

Немного понаблюдав происходящее, Дрофо определил проблему.

— Всегда поднимай приманку, прежде чем набросить узду, — прогнусавил он. — Ну, а теперь в чем дело?

Кугель угрюмо ответил:

— Червь хочет плыть вверх, вниз и в сторону.

— Чем ты кормил его?

— Чем обычно: половиной Чалкорекса и половиной Иллемского Лучшего.

— Можешь давать ему немного меньше Чалкорекса следующие день-два. Вон та шишка у головки — верный знак. А что с приманкой?

— Я использовал двойную, как мне велели.

А капитан приказал добавить еще восьмушку пинты Хайдингерского Аллюра.

— Вот в чем проблема. Ты дал ему лишнюю приманку, а это проявление глупости.

— По приказу капитана Баунта!

— Это даже худшее оправдание, чем отсутствие всякого оправдания! Кто червевод — ты или капитан Баунт? Ты знаешь своих червей; ты должен работать с ними, повинуясь велению своего опыта и здравого смысла. Если Баунт будет вмешиваться, попроси его спуститься вниз и дать тебе совет относительно налета на жабрах. Вот как должен поступать червевод! Немедленно смени приманку и дай червю Елагинского Мульчента.

— Хорошо, сэр, — сквозь зубы проговорил Кугель.

Дрофо быстро осмотрел небо и горизонт, после чего вернулся в свою кабину, а Кугель взялся за лекарства.

Капитан Баунт приказал поставить парус, надеясь поймать попутный ветер. Через два часа после полуночи поднялся поперечный ветер, заставивший парус зловеще захлопать о мачту. Шум разбудил капитана Баунта, и тот побрел на палубу.

— Где караул? Эй, червевод! Эй, вы там! Что, никого нет?

Кугель, вскарабкавшись на палубу с подмостков, отозвался:

— Только вахтенный, который спит под фонарем.

— Ну, а ты-то что? Почему ты не свернул парус? Ты глухой?

— Я был под водой, вливал в червя Благинский Мульчент.

— Ну ладно, бегом на корму и уйми это проклятое хлопанье!

Кугель поспешил повиноваться, а капитан Баунт пошел к ограждению на правом борту, где немедленно обнаружил новый источник недовольства.

— Червевод, а где приманка? Я приказал положить двойную приманку, с ароматом Аллюра!

— Сэр, нельзя вливать лекарство, когда червь тянется за приманкой!

— Так зачем ты делаешь вливание? Я не приказывал давать ему Мульчент!

Кугель выпрямился.

— Сэр, я делаю это, подчиняясь велению своего здравого смысла и опыта.

Капитан Баунт, утратив дар речи, уставился на

него, всплеснул руками, развернулся и отправился обратно в постель.

Глава вторая
Лаусикаа

Заходящее солнце опустилось за край низких облаков, и наступили ранние сумерки. Воздух был тих; поверхность океана, гладкая, точно плотный атлас, отражала вечернее небо, так что казалось, будто «Таланте» плывет сквозь бездну, охваченную сверхъестественным лиловатый сиянием. Только лиловая зыбь да небольшие волны, расходящиеся в разные стороны от острого носа корабля, обозначали границу между водой и воздухом.

За час до заката на горизонте возникла Лаусикаа — неясная тень, едва виднеющаяся в фиолетовой мгле.

Как только на море опустилась темнота, город Помподурос засиял множеством огней, отражающихся в водах залива и облегчавших капитану Баунту приближение к берегу.

Городская пристань вырисовывалась заслонявшим отражения мрачным пятном, темнее, чем сама темнота. В незнакомых водах, к тому же в

темноте, капитан Баунт благоразумно предпочел бросить якорь в бухте, а не пытаться причалить к пристани.

Капитан Баунт позвал с юта:

— Дрофо! Поднять приманки!

— Приманки наверх! — отозвался Дрофо, а затем совершенно другим голосом обратился к Кугелю:

— Кугель! Убрать приманки у всех червей!

Кугель сорвал приманки у двух червей по левому борту, метнулся через палубу, спрыгнул на мостки вдоль правого борта и забрал приманки у червя по правому борту. «Таланте» дрейфовал по темной воде, отзываясь на ленивые движения плавников червей.

Капитан Баунт снова закричал:

— Дрофо, остановите своих червей!

— Остановить червей! — пришел отзыв Дрофо, после чего послышалось:

— Кугель, останови всех червей! Живо!

Кугель успокоил червя с правого борта, но упал в воду и замешкался с левым бортом, вызвав недовольство капитана Баунта.

— Дрофо, поторопитесь! Вы что, заупокойную служите? Боцман, подготовить якорь!

— Остановка идет! — пропел Дрофо. — Пошеве-

ливайся, Кугель!

— Якорь готов, сэр!

— Отдать якорь! — приказал капитан Баунт.

— Якорь в воде, сэр. Дно в шести саженях!

«Таланте» безмятежно стоял на якоре. Кугель немного ослабил ремни, привязывавшие червей, наложил мазь и выдал каждому животному мерку корма.

После ужина капитан Баунт собрал команду и пассажиров на средней палубе. Встав на ступеньку межпалубной лестницы, он сказал несколько слов относительно острова Лаусикаа и города Помподуроса.

— Те из вас, кто уже успел побывать здесь, кстати, сомневаюсь, чтобы таких среди нас было много, поймут, почему я хочу сделать предупреждение. В двух словах: вы обнаружите, что некоторые обычаи этих людей отличаются от наших. Что бы ни произошло, мы должны принять их к сведению и подчиняться им, поскольку народ Лаусикаа определенно не станет менять свои привычки на наши.

Капитан Баунт с улыбкой кивнул присутствующим здесь же госпоже Сольдинк и трем ее дочерям.

— Мои замечания практически полностью

относятся к джентльменам, и если я затрону темы, которые могут показаться вам бестактными, оправданием мне послужит лишь крайняя необходимость; поэтому я прошу вас быть снисходительными.

Сольдинк добродушно воскликнул:

— Да хватит уже каяться, Баунт! Говорите! Мы все здесь разумные люди, включая и госпожу Сольдинк!

Капитан Баунт подождал, пока не утихли раскаты смеха.

— Ну хорошо! Посмотрите на причал: вы заметите под фонарем троих. Все они мужчины. Их лица скрыты под капюшонами и покрывалами. Такие предосторожности имеют вескую причину — это крайняя несдержанность местных женщин. У них такой горячий нрав, что мужчины не осмеливаются показывать свои лица из страха вызвать у них неконтролируемые импульсы. Эти вуайеристки доходят даже до того, что тайком подглядывают в окна клуба, где мужчины собираются, чтобы выпить пива, иногда с чуть-чуть приоткрытыми лицами.

При этих словах госпожа Сольдинк и ее дочери нервно рассмеялись.

— Удивительно! — сказала госпожа Соль-

динк. — И женщины всех социальных классов ведут себя подобным образом?

— Абсолютно всех!

Мидре спросила недоверчиво:

— И что, мужчины даже предложение женщинам делают с закрытым лицом?

Капитан Баунт немного подумал.

— Насколько я знаю, такая идея никогда никому даже в голову не приходила.

— И как в такой нездоровой атмосфере воспитывать детей? — покачала головой госпожа Сольдинк.

— По всей видимости, дети серьезно не страдают, — ответил капитан Баунт. — До десяти лет мальчиков еще можно увидеть с открытыми лицами, но даже в эти нежные годы они защищены от опасных юных женщин. В возрасте десяти лет они, пользуясь местной идиомой, «накрываются вуалью».

— Как скучно, должно быть, девушкам! — вздохнула Салассер.

— И неудобно! — с жаром поддержала сестру Табазинт. — Представь, что я заметила мужчину, который показался мне молодым и красивым, начала обхаживать и наконец добилась своего. И тогда, стянув с него капюшон, обнаружила под

ним торчащие желтые зубы, огромный нос и узкий покатый лоб. И что дальше? Просто встать и уйти? Я бы чувствовала себя полной дурой.

Мидре предложила:

— Ну, ты могла бы сказать этому джентльмену, что всего лишь хотела узнать, как вернуться на корабль.

— Как бы то ни было, — продолжил капитан Баунт, — женщины с Лаусикаа нашли способы, как восстановить равновесие, и вот каким образом.

Мужчины неравнодушны к спралингу, который представляет собой маленьких нежных бидектилов. Ранним утром они плавают по поверхности моря. Поэтому женщины встают в предрассветные часы, заходят в море, ловят там как можно больше спралинга, а потом возвращаются в свои хижины.

Женщины, у которых был хороший улов, разжигают очаги и вывешивают таблички с надписями, примерно в таком духе: «Здесь сегодня отличный спралинг» или «Вкусный спралинг на заказ».

Потом встают мужчины и выходят прогуляться по городу. Когда наконец они нагуливают аппетит, то останавливаются у хижины, где вывеска предлагает закуски по их вкусу. Часто, если спралинг свежий, а общество приятное, они могут

остаться и на обед.

Госпожа Сольдинк фыркнула и что-то проворчала своим дочерям, которые лишь пожали плечами и покачали головами.

Господин Сольдинк поднялся на две ступеньки вверх по межпалубной лестнице.

— Предупреждения капитана Баунта должны быть приняты всерьез! Когда будете выходить на берег, надевайте покрывало или свободный плащ и чем-нибудь прикрывайте лицо, так чтобы не допустить какого-нибудь непристойного или некрасивого происшествия. Понятно?

Капитан Баунт сказал:

— Утром мы подойдем к причалу и займемся различными делами. Дрофо, предлагаю вам с пользой использовать это время. Хорошенько смажьте своих животных и залечите все ссадины, болячки и язвы. Ежедневно тренируйте их в бухте, поскольку праздность приводит к закуперкам. Вылечите всех паразитов и приведите в порядок жабры. Часы стоянки в порту стоят дорого, и надо использовать каждый как можно полнее, невзирая на то, день или ночь.

— Точь-в-точь мои мысли, — кивнул Дрофо. — Я сейчас же дам Кугелю все необходимые указания.

— Последнее слово! — воскликнул Сольдинк. — Бегство Ланквайлера вместе с нашим червем могло бы причинить нам серьезные неприятности, если бы не находчивость нашего главного червевода. Ура нашему достойному Дрофо!

Дрофо коротко кивнул в ответ на одобрительные восклицания и ушел инструктировать Кугеля, после чего вернулся на нос корабля и, опершись на бортик, вперился взглядом в воды залива.

Кугель до полуночи орудовал резцами и расширителем, до блеска полировал своих червей, затем боролся с налетом, пустом и тимпом. Дрофо уже давно покинул свой пост на носу «Таланте», и капитан Баунт тоже лег спать рано. Кугель, крадучись, бросил работу и пробрался вниз к своей койке.

Почти тут же, как ему показалось, его разбудил юнга Кодникс. Жмурясь и позевывая, Кугель побрел на палубу, обнаружив, что уже светает, а капитан Баунт нетерпеливо расхаживает туда-сюда.

При виде Кугеля капитан быстро остановился.

— Ура! Ты наконец-то решил почтить нас своим присутствием! Разумеется, наши важные дела на берегу могут подождать, пока ты всласть не

выспишься. Ты наконец готов встретить наступающий день?

— Да, сэр!

— Благодарю тебя, Кугель! Дрофо, вот ваш долгожданный червевод!

— Отлично, капитан. Кугель, ты должен научиться быть на месте, когда это необходимо. А теперь возвращайся к своим червям. Мы готовы преодолеть расстояние до пристани. Держи наготове заглушки. Приманку использовать не надо.

С капитаном Баунтом на шканцах, бдительным Дрофо на носу и Кугелем, погоняющим червей с правого и с левого бортов, «Таланте» поплыла через бухту в порт. Портовые рабочие в длинных черных плащах и высоких шляпах с вуалями, скрывающими их лица, поймали швартовы и закрепили их на кнехтах. Кугель заглушками остановил червей, ослабил ремни и задал всем корма.

Капитан Баунт поставил Кугеля с юнгой вахтенными у сходен; все остальные, должным образом одетые и с закрытыми лицами, сошли на берег. Кугель тут же облачился в плащ и импровизированную чадру и тоже сошел с корабля, юнга Кодникс немедленно последовал его примеру.

Много лет назад Кугель побывал в древнем

городе Каиин, в Асколэсе, к северу от Альмери. Обветшалая роскошь Помподуроса навязчиво напоминала ему Каиин в основном своими разоренными и разрушенными дворцами на склонах холмов, заросшими наперстянкой, бурьяном и маленькими, точно выгравированными на фоне голубого неба кипарисами.

Помподурос был расположен в бесплодной низине, окруженной невысокими холмами. Нынешние обитатели разобрали крошащиеся камни из развалин на свои собственные нужды: хижины, мужской клуб, здание рынка, лазарет для мужчин и еще один для женщин, скотобойню, две школы, шесть храмов, несколько крохотных мастерских и пивоварню. На площади дюжина белых доломитовых статуй, уже довольно-таки разрушенных, отбрасывала совершенно черные тени под лучами тусклого красного солнца. Казалось, в Помподуросе совсем не было улиц, лишь пустыри да расчищенные проходы между камнями, служившие дорожками. По этим тропинкам по своим делам спешили мужчины и женщины города. Из-за своих длинных одеяний и покрывал, свисающих со шляп, мужчины казались высокими и худыми. Женщины были одеты в юбки из дрока, выкрашенные в темно-зеленые,

темно-красные, серые или фиолетово-серые цвета, аляповатые шали и украшенные бисером чепцы, в которые самые кокетливые втыкали перья морских птиц.

По городу курсировало некоторое количество маленьких экипажей, запряженных приземистыми толстоногими созданиями, известными под названием «дроггеры»; другие в ожидании пассажиров выстроились в ряд перед зданием мужского клуба.

Бандервалю поручили сопровождать госпожу Сольдинк с дочерьми на экскурсию по близлежащим достопримечательностям; они наняли коляску и отправились в поездку. Капитан Баунт и Сольдинк были встречены несколькими местными сановниками и с почетом препровождены в мужской клуб.

Со скрытым под чадрой лицом Кугель также вошел в клуб. У прилавка он купил оловянную кружку с пивом и уселся в кабинку рядом, с той, в которой капитан Баунт, Сольдинк и еще несколько человек пили пиво и обсуждали морские путешествия.

Прижавшись ухом к стенке кабинки и вслушиваясь изо всех сил, Кугель смог уловить смысл разговора.

— …у этого пива исключительно необычный привкус, — донесся до него голос Сольдинка. — Похоже на деготь.

— Думаю, что его сварили из смоляника, — ответил капитан Баунт. — Говорят, что оно очень питательно, но горло дерет, как будто когтями… А вот и Дрофо!

Сольдинк поднял свое покрывало, чтобы поглядеть.

— А как вы узнали, ведь у него закрыто лицо?

— Очень просто. На нем желтые башмаки червевода.

— Ясно. А кто второй?

— Я предполагаю, что этот джентльмен — его приятель Пулк. Эй, Дрофо! Сюда!

Пришедшие присоединились к капитану Баунту и Сольдинку.

Дрофо сказал:

— Представляю вам червевода Пулка, о котором вы наслышаны. Я намекнул ему на наши затруднения, и он был так добр, что занялся этим делом.

— Хорошо! — сказал капитан Баунт. — Надеюсь, что вы упомянули также и о том, что нам необходим червь, предпочтительно «Движенец» или «Великий Плавник».

— Ну, Пулк, — спросил Дрофо. — Как насчет червя?

Пулк неторопливо заговорил:

— Я полагаю, что червя требуемого качества можно достать у моего племянника Фускуле, особенно если нанять его на «Галанте» в качестве червевода.

Сольдинк переводил глаза с одного на другого.

— Но тогда у нас на судне окажется три червевода, не считая Дрофо. Это непрактично.

— Совершенно верно, — согласился Дрофо. — Если расставить червеводов по степени их необходимости, первым буду я сам, затем Пулк, затем Фускуле и наконец… — Дрофо замолчал.

— Кугель?

— Именно так.

— Вы предлагаете уволить Кугеля на этом жалком островке?

— Это один из вариантов.

— Но как он вернется на материк?

— Вне всякого сомнения, найдутся какие-нибудь способы.

— В конце концов, Лаусикаа — не худшее место на земле, — вмешался Пулк. — Спралинг — совершенно бесподобное блюдо.

— Ах да, спралинг, — с теплотой в голосе спохва-

тился Сольдинк. — Как достать этот деликатес?

— Нет ничего легче, — ответил Пулк. — Мы просто идем в женский квартал и ищем там вывеску, которая нам подходит, а потом дотягиваемся до вывески, снимаем ее и несем в дом.

— А вы стучитесь? — предусмотрительно осведомился Сольдинк.

— Иногда. Стук — это для тех, кто мнит себя аристократами.

— Еще один вопрос. А как вы отличаете хозяйку, перед тем как, так сказать, поручить себя ее заботам?

— О, тут существует несколько способов. Случайному посетителю, как вы, очень разумно действовать по подсказке местного жителя, поскольку после того, как открываешь дверь и входишь в дом, довольно трудно, если не невозможно, выйти оттуда с достоинством. Если хотите, я попрошу Фускуле дать вам совет.

— Но только конфиденциально. Госпожа Сольдинк не обрадуется, узнав о моем интересе к местной кухне.

— Вот увидите, Фускуле все устроит как нельзя лучше.

— И еще. Госпожа Сольдинк хочет посетить Пафниссианские Ванны, о которых она слышала

множество замечательных отзывов.

Пулк сделал любезный жест.

— Я почел бы за честь лично сопровождать госпожу Сольдинк, но, к сожалению, я буду очень занят в следующие несколько дней. Предлагаю эту обязанность также возложить на Фускуле.

— Госпожа Сольдинк будет очень этому рада. Ну, Дрофо, рискнем выпить еще по бокалу этого пойла? По крайней мере, крепости ему не занимать.

— Сэр, у меня очень скромные вкусы!

— А вы, капитан?

Капитан Баунт отрицательно помотал головой.

— Я должен возвратиться на корабль и освободить Кугеля с должности, поскольку именно таковы были ваши намерения.

Он поднялся на ноги и вышел из клуба, сопровождаемый Дрофо.

Сольдинк отпил из оловянной кружки и скривился.

— Нет, стоило бы выкрасить этим зельем днище «Таланте», чтобы на нем не росли морские паразиты. И все же придется его допить.

Он одним движением опрокинул в себя бокал и со стуком опустил его на стол.

— Пулк, пожалуй, сейчас ничуть не худший момент, чем любой другой, чтобы отведать местного спралинга. Фускуле не занят?

— Он, наверное, отдыхает или полирует своего червя, но в любом случае он будет рад помочь вам. Мальчик! Беги к Фускуле и попроси его прийти сюда к господину Сольдинку. Объясни ему, что это я, Пулк, дал тебе это поручение и сказал, что это срочно. А сейчас, сэр, — Пулк поднялся на ноги, — я оставляю вас на попечение Фускуле, который скоро подойдет.

Кугель выскочил из кабинки, поспешил на улицу и стал ждать в тенечке у клуба. Пулк и мальчик-слуга вышли из двери и разошлись в разных направлениях. Кугель пошел за мальчиком и окликнул его.

— Минуточку! Сольдинк изменил свои планы. Вот тебе флорин за труды.

— Спасибо, сэр!

Мальчик повернулся, чтобы бежать назад в клуб. Кугель еще раз окликнул его.

— Ты, несомненно, знаком с женщинами Помподуроса?

— Только в лицо. Они не дадут мне спралинга; на самом деле они довольно-таки грубо надо мной насмехаются.

— Жаль! Но, несомненно, настанет и твой час. Расскажи мне обо всех женщинах, которых считают наиболее уродливыми.

Мальчик задумался.

— Мне трудно выбрать. Крислен? Оттлея? Терлулия? По справедливости говоря, я должен выбрать Терлулию. Шутят, что когда она идет ловить спралинг, морские птицы от страха улетают на другой конец острова. Она высокая и толстая, с цыпками на руках и огромными зубами. Она вечно всеми командует, и говорят, что она три шкуры дерет за свой спралинг.

— А где живет эта особа?

Мальчик показал пальцем.

— Видите вон ту хижину с двумя окнами? Она живет там.

— А где мне найти Фускуле?

— Дальше по этой улице, на ферме для червей.

— Хорошо. Вот тебе еще флорин. Когда вернешься в клуб, скажи господину Сольдинку только, что Фускуле скоро придет.

— Как прикажете, сэр!

Кугель быстро зашагал по дорожке и через несколько минут подошел к дому Фускуле, прилепившемуся к загону для червей, построенному из камней и вдающемуся в море. У верстака,

ремонтируя полировальный инструмент, стоял Фускуле, высокий и очень тощий долговязый мужчина с выпирающими локтями и коленками.

Кугель принял надменный вид и приблизился.

— Ты, голубчик, должно быть, Фускуле?

— И что с того? — спросил тот неприветливо, едва оторвавшись от своей работы. — А вы кто такой?

— Можешь называть меня господином Сольдинком, хозяином судна «Галанте». Насколько я понимаю, ты — кто-то вроде червевода?

Фускуле на миг поднял глаза от работы.

— Понимайте как угодно.

— Эй, приятель, полюбезней! Я — важная птица! Я пришел купить у тебя червя, если ты не запросишь слишком много.

Фускуле положил инструменты и окинул Кугеля холодным изучающим взглядом из-под покрывала.

— Разумеется, я продам червя. Вне всякого сомнения, он очень вам нужен, иначе вы не стали бы покупать его в Лаусикаа. Моя цена при сложившихся обстоятельствах, специально для вашей щедрой персоны, пять тысяч терциев. Хотите берите, не хотите — не надо.

Кугель возмущенно завопил:

— Только законченный скупердяй мог заломить такую несусветную цену! Я изъездил этот умирающий мир вдоль и поперек, но никогда не встречал такой неумеренной жадности! Фускуле, ты просто грабитель, да к тому же физически уродливый!

Холодная усмешка Фускуле угадывалась даже под покрывалом.

— Подобное оскорбление ни за что не убедит меня снизить цену.

— Это ужасно, но мне ничего не остается, кроме как принять ее, — страдальчески проговорил Кугель. — Фускуле, ты заключаешь невыгодную сделку!

Фускуле пожал плечами.

— Мне плевать на ваше мнение. Где деньги? Гоните монеты, все до единой! Потом заберете червя, и по рукам.

— Терпение! — твердо сказал Кугель. — Ты думаешь, я ношу такие суммы при себе? Мне нужно принести деньги с корабля. Ты подождешь здесь?

— Не задерживайтесь! Хотя, говоря по чести, — Фускуле хрипло усмехнулся, — за пять тысяч я могу и подождать.

Кугель взял один из инструментов Фускуле и небрежно бросил его в загон с червями. Разинув рот от изумления, тот бросился искать инструмент. Подойдя к Фускуле, Кугель столкнул его в воду и стал злорадно наблюдать, как он барахтается в загоне.

— Это тебе за твою наглость, — сказал Кугель. — Запомни, я господин Сольдинк, и я — важная птица. Скоро вернусь с деньгами.

Широкими шагами Кугель вернулся в клуб и зашел в кабинку, в которой ожидал Сольдинк.

— Я — Фускуле, — представился Кугель, изменив голос. — Как я понимаю, вы нагуляли аппетит и хотите попробовать спралинга?

— Точно! — Сольдинк уставился на покрывало Кугеля и по-приятельски лукаво подмигнул ему. — Но мы должны действовать тайком! Это существенно!

— Разумеется! Я целиком и полностью вас понимаю!

Кугель и Сольдинк вышли из клуба и очутились на площади.

— Должен признать, что я несколько брезглив, возможно, даже чересчур брезглив, — начал Сольдинк. — Пулк сказал, что ты — человек редкой разборчивости в таких делах.

Кугель глубокомысленно кивнул.

— Могу не без основания утверждать, что разбираюсь, где у меня правая нога, а где — левая.

Кугель задумчиво продолжил:

— Я люблю обедать в приятной обстановке, важной частью которой является очарование хозяйки. Она должна обладать прекрасной или даже совершенной внешностью, быть не толстой и не худой. У нее должен быть плоский живот, округлые бедра и стройные, как у антилопы, ножки. Еще она должна быть достаточно чистой и не пахнуть рыбой, а если у нее будет поэтичная душа и романтический характер, это придется весьма кстати. Это элитный класс, — объяснил Кугель. — К таким относятся Крислен, Оттлея и, вне всякого сомнения, Терлулия.

— Тогда не будем тратить времени. Доставь меня к дому Терлулии, только в экипаже, пожалуйста. Я почти иду ко дну под грузом принятого на борт пива.

— Все будет так, как вы скажете, не будь я Фускуле!.

Кугель подозвал экипаж. Подсадив Сольдинка на пассажирское сиденье, Кугель пошел поговорить с возницей.

— Ты знаешь дом Терлулии?

Тот с явным удивлением оглянулся, но вуаль скрывала выражение его лица.

— Разумеется, сэр!

— Можешь отвезти нас туда.

Кугель забрался на сиденье рядом с Сольдинком. Возница нажал на педаль, соединенную с рычагом, который, в свою очередь, с силой опустил гибкую хворостину на зад дроггера. Животное потрусило через площадь; возница правил им при помощи руля, который, когда его поворачивали, дергал за веревки, привязанные к узким длинным ушам дроггера.

Пока они ехали, Сольдинк разглагольствовал о «Таланте» и их путешествии.

— Червеводы — непредсказуемый народ. Я понял это по Ланквайлеру, который прыгнул на червя и уплыл на север, и по Кугелю, чье поведение чуть менее эксцентрично. Кугеля, разумеется, мы высадим на берег здесь, в Помподуросе, а ты, надеюсь, примешь на себя его обязанности. — в особенности, голубчик, если ты продашь мне хорошего червя по цене, которая устроит нас обоих.

— Не вижу никаких препятствий, — ответил Кугель. — Какую цену вы имели в виду?

Сольдинк задумчиво нахмурился под своей

чадрой.

— В Саскервое такой червь обойдется в семьсот или даже восемьсот терциев. Если учесть соответствующие скидки, получим примерно шестьсот терциев, что очень даже неплохо.

— Такая цифра кажется несколько заниженной, — нерешительно проговорил Кугель. — Я рассчитывал на большую сумму, хотя бы на сотню больше.

Сольдинк полез в кошелек и отсчитал шесть золотых сотенных монет.

— Боюсь, что это все, что я сейчас могу заплатить.

Кугель взял деньги.

— Червь ваш.

— Вот это манера вести дела, вот это я понимаю! — обрадовался Сольдинк. — Быстро и без пререканий. Фускуле, ты редкий умница и прирожденный делец! Ты далеко пойдешь!

— Рад слышать, что вы обо мне хорошего мнения, — ответил Кугель. — А теперь взгляните вон туда — это дом Терлулии. Возница, останови коляску!

Возница, потянув за длинный рычаг, сжал скобами копыта дроггера, заставив животное остановиться как вкопанное.

Сольдинк сошел на землю и оглядел строение, на которое указал Кугель.

— И это дом Терлулии?

— Совершенно верно. Вы увидите ее знак.

Сольдинк с сомнением осмотрел объявление, которое Терлулия прикрепила к двери.

— Вряд ли скромнице пристало делать его красной краской и со вспыхивающими оранжевыми огнями.

— О, это всего лишь маскировка! — беспечно отмахнулся Кугель. — Подойдите к двери, снимите вывеску и внесите ее в хижину.

Сольдинк сделал глубокий вдох.

— Так и быть. Не забудь: ни звука госпоже Сольдинк! На самом деле сейчас было бы самое время показать ей Пафниссианские Ванны, если Бандерваль уже привел ее обратно на корабль.

Кугель вежливо поклонился.

— Я сейчас же займусь этим. Возница, вези меня к «Таланте».

Коляска покатилась назад к гавани. Оглянувшись, Кугель увидел, как Сольдинк подходит к хижине Терлулии. Как только он приблизился, дверь распахнулась; Сольдинк, казалось, застыл на месте, а потом споткнулся на непослушных ногах. Что-то, не видное Кугелю, схватило его и

затащило в дом.

Когда экипаж подъехал к пристани, Кугель спросил возницу:

— Расскажи мне что-нибудь о Пафниссийских Ваннах. Приносят ли они заметную пользу?

— Я слышал противоречивые отзывы, — ответил возница. — Говорят, что Пафнис, тогдашняя богиня красоты и женской силы, остановилась отдохнуть на вершине горы Дейн. Там она нашла источники, в котором омыла свои ноги, наделив воду целебной силой. Позже Космея Пандалектская основала на этом месте нимфариум и построила чудесную купальню из зеленого стекла и перламутра, и таким образом легенды получили дальнейшее распространение.

— А сейчас?

— Ключ бьет, как и раньше. Иногда ночью дух Космеи бродит по развалинам. Временами можно услышать тихое пение, не больше, чем шепот, по-видимому, отголосок песен, которые пели нимфы.

— Если бы эти воды были действительно чудодейственными, — пробормотал Кугель, — можно было бы подумать, что Крислен, Оттлея и даже почтенная Терлулия прибегли бы к их волшебству. Почему они не сделали этого?

— Они утверждают, что мужчины Помподуроса любят их за их духовные качества. Возможно, это чистое упрямство, или же все они испробовали на себе действие вод источника, но безрезультатно. Эта одна из великих женских тайн.

— А спралинг?

— Всем нужно есть.

Коляска въехала на площадь, и Кугель велел вознице остановиться.

— Какая из этих дорог ведет к Пафниссийским Ваннам?

Возница махнул рукой.

— Вон туда, а потом еще пять миль в гору.

— А сколько ты берешь за поездку туда?

— Обычно я прошу три терция, но для важных персон плата иногда повышается.

— Ну хорошо, Сольдинк попросил меня сопровождать госпожу Сольдинк к Ваннам, а она предпочитает, чтобы мы с ней отправились вдвоем — так она будет меньше смущаться. Поэтому я найму твой экипаж за десять терциев и заплачу тебе еще пять терциев сверху, чтобы ты в мое отсутствие купил себе пива. Сольдинк рассчитается с тобой после возвращения от Терлулии.

— Если у него еще останутся силы поднять руку, — хмыкнул возница. — Деньги вперед.

— Ну вот, по крайней мере, тебе на пиво, — сказал Кугель. — Остальное возьмешь с Сольдинка.

— Это не по правилам, но, думаю, так пойдет. Вот смотрите. Этой педалью разгоняют экипаж. Этим рычагом его останавливают. Если захотите повернуть, крутите руль. Если дроггер уляжется на землю, этот рычаг хорошенько всадит шпору ему в пах, и он помчится вперед с новым пылом.

— Яснее ясного, — сказал Кугель. — Я верну твою коляску к клубу.

Кугель подогнал коляску к пристани и остановился у «Таланте». Госпожа Сольдинк с дочерьми сидели в шезлонгах на юте, глядя на площадь и обсуждая необычные городские виды.

— Госпожа Сольдинк! — закричал Кугель. — Это я, Фускуле! Я пришел, чтобы проводить вас к Ваннам Пафнис. Вы готовы? Надо торопиться, ибо день близится к вечеру.

— Я вполне готова. Там хватит места для нас всех?

— Боюсь, что нет. Дроггер не сможет втащить нас всех на гору. Вашим дочерям придется остаться.

Госпожа Сольдинк сошла вниз по трапу, и Кугель спрыгнул на землю.

— Фускуле? — проворчала госпожа Сольдинк. —

Я слышала ваше имя, но не могу вас вспомнить.

— Я — племянник червевода Пулка. Я продал господину Сольдинку червя и надеюсь получить место червевода на вашем корабле.

— Понятно. Как бы то ни было, очень любезно с вашей стороны отвезти меня на эту экскурсию. Нужно взять с собой какой-нибудь купальный костюм?

— Нет, ничего не надо. Это очень уединенное место, а одежда уменьшает эффект воды.

— Да, это кажется разумным.

Кугель помог госпоже Сольдинк сесть в экипаж, затем забрался на облучок. Он нажал на педаль, и коляска покатилась по площади.

Кугель поехал по дороге, ведущей на гору. Помподурос остался внизу, затем исчез за каменистыми холмами. Густая черная осока по обеим сторонам дороги издавала сильный аромат, и Кугель понял, где жители острова добывали сырье для пива.

Наконец дорога повернула в унылую маленькую ложбину. Кугель остановил коляску, чтобы дать дроггеру отдохнуть.

Госпожа Сольдинк спросила слабым голосом:

— Мы уже почти у фонтана? А где храм, который покровительствует ваннам?

— Надо еще немного проехать, — ответил Кугель.

— Правда? Фускуле, вам стоило найти более удобный экипаж. Этот драндулет подпрыгивает и трясется, точно доска, которую тянут по камням, а пыль летит во все стороны.

Повернувшись на своем месте, Кугель строго проговорил:

— Госпожа Сольдинк, пожалуйста, прекратите свои жалобы, они действуют мне на нервы. На самом деле я еще не все сказал и буду беспристрастно откровенен, как настоящий червевод. Несмотря на все ваши достоинства, вы избалованы и изнежены излишней роскошью и, разумеется, перееданием. Вы живете в декадентском сне! Применительно к нашему экипажу: наслаждайтесь комфортом, пока можете, ибо, когда дорога станет чересчур крутой, вам придется идти пешком.

Госпожа Сольдинк, утратив дар речи, только хлопала глазами.

— Кроме того, в этом месте я обычно собираю плату за проезд, — продолжил Кугель. — Сколько у вас при себе?

Госпожа Сольдинк наконец вновь обрела способность говорить. Ее голос был ледяным.

— Вы, разумеется, сможете потерпеть, пока мы не вернемся в Помподурос. Господин Сольдинк по справедливости расплатится с вами в положенное время.

— Я предпочту звонкую монету сейчас справедливости потом. Здесь я могу взять наибольшую плату. В Помподуросе мне придется пойти на уступки скупости Сольдинка.

— Какая бесчувственность!

— Это всего лишь голос классической логики, которой нас учили в школе червеводов. Вы можете заплатить сейчас хотя бы сорок пять терциев.

— Нелепо! Я не ношу с собой такие деньги.

— Тогда можете отдать мне опал, который вы носите на плече.

— Ни за что! Это очень ценный камень! Вот восемнадцать терциев, это все, что у меня сейчас при себе. А теперь сейчас же везите меня к ваннам, и чтобы я больше не слышала ваших дерзостей!

— Не слишком-то хорошее начало, госпожа Сольдинк! Я намерен наняться червеводом на «Таланте», и плевать мне на Кугеля. Он может болтаться здесь хоть до скончания веков, мне-то что! В любом случае, вам придется часто меня видеть, и за радушие я отплачу тем же, так что

вы можете представить меня и своим славным дочуркам тоже.

Госпожа Сольдинк вновь почувствовала, что не в состоянии вымолвить ни слова. Наконец она промолвила:

— Везите меня к ваннам.

— Да, пора продолжать путь, — согласился Кугель. — Подозреваю, что если спросить дроггера, он ответит, что уже постарался на восемнадцать терциев. Мы, лаусикаанцы, весим гораздо меньше, чем всякие иностранцы.

Госпожа Сольдинк сухо произнесла:

— Я вас не понимаю.

— Берегите дыхание, оно может вам понадобиться, когда дроггер ослабеет.

Госпожа Сольдинк снова не нашлась, что ответить.

Склон и впрямь стал более крутым, и дорога поднималась вверх и вновь опускалась вниз, до тех пор, пока, взобравшись на невысокий хребет, не вышла к поляне, осененной желто-зелеными имбирными деревьями и одиноким высоченным ланцеладом с гладким темно-красным стволом и пушистой черной кроной.

Кугель остановил коляску у ручья, струящегося по поляне.

— Приехали, госпожа Сольдинк. Можете искупаться в ручье, а я посмотрю на результаты.

Госпожа Сольдинк без энтузиазма оглядела ручей.

— Разве это ванны? А где храм? А упавшая статуя? А где беседка Космеи?

— Собственно ванны на горе выше, — равнодушно пояснил Кугель. — Здесь точно такая же вода, которая в любом случае не дает большого эффекта, особенно в таких запущенных случаях.

Мадам Сольдинк побагровела.

— Можете немедленно везти меня вниз. Господин Сольдинк найдет мне другого провожатого.

— Как хотите. Однако я хотел бы получить свои чаевые сейчас, если не возражаете.

— Можете обратиться за чаевыми к господину Сольдинку. Я уверена, он найдет, что вам сказать.

Кугель развернул экипаж и пустился в обратный путь по склону, приговаривая:

— Нет, мне никогда не понять женщин.

Госпожа Сольдинк всю дорогу до города натянуто молчала, и в положенное время коляска была в Помподуросе. Кугель привез госпожу Сольдинк на «Таланте»; не удостоив его даже взглядом на прощание, почтенная дама прошествовала по

трапу на корабль.

Кугель вернул экипаж на площадь, затем вошел в клуб и уселся в укромном уголке. Он перевесил свое покрывало, прикрепив его изнутри к полям своей шляпы, чтобы никто не смог больше принять его за Фускуле.

Прошел час. Капитан Баунт и главный червевод Дрофо, завершив различные дела, прогулялись по площади и остановились, беседуя, перед клубом, где к ним через некоторое время присоединился Пулк.

— А где Сольдинк? — спросил тот. — Он, верно, к этому часу должен был съесть весь понравившийся ему спралинг.

— И я так думаю, — сказал капитан Баунт. — Вряд ли с ним произошел какой-нибудь несчастный случай.

— Ну нет, только не на попечении у моего племянника, — сказал Пулк. — Они, наверное, стоят у загона и обсуждают червя Фускуле.

Капитан Баунт показал наверх, на холм.

— Вот, Сольдинк уже идет! Он, кажется, нездоров! Да он едва ноги волочит!

Съежившись и шагая с преувеличенной осторожностью, Сольдинк зигзагами пересек площадь и наконец смог присоединиться к стоящей

перед клубом компании. Капитан Баунт шагнул ему навстречу.

— Вы в порядке? Что-то не так?

Слабым и хриплым голосом Сольдинк прошептал:

— Это было ужасно.

— Что случилось? По крайней мере, вы остались в живых!

— Едва-едва. Эти несколько часов я не забуду до самой смерти. Во всем виноват Фускуле. Он просто дух противоречия! Одно хорошо — я купил у него червя. Дрофо, сходите и привезите его на корабль; мы немедленно покидаем эту дыру!

— Но мы все же наймем Фускуле червеводом на «Таланте»? — отважился спросить Пулк.

— Ха! — свирепо воскликнул Сольдинк. — Он не будет управлять червями на моем корабле. На этой должности останется Кугель.

Госпожа Сольдинк, увидев идущего по площади мужа, больше не могла сдерживать свою ярость. Она спустилась на причал и направилась к клубу. Лишь только достигнув пределов слышимости Сольдинка, она раскричалась:

— Ну, наконец-то ты появился! Где же ты был, пока я терпела дерзости и насмешки от этого мерзкого Фускуле? Ноги его не будет на «Талан-

те», или я в тот же миг сойду на берег! Да Кугель в сравнении с ним просто ангел небесный! Кугель должен остаться червеводом!

— Я сам, дорогая, думаю точно так же.

Пулк попытался вставить слово:

— Не верю, что Фускуле смог бы поступить невежливо! Здесь, несомненно, закралась какая-то ошибка или недоразумение…

— Недоразумение? Это когда он потребовал за поездку сорок пять терциев и взял восемнадцать, но лишь потому, что больше у меня не было? Когда он пожелал получить взамен мой опал, а потом принялся говорить мне такие гадости, о которых даже подумать страшно? И он хвастался, если вы можете в такое поверить, тем, что он будет работать червеводом на «Таланте»! Да не бывать этому, даже если мне самой придется караулить сходни!

Капитан Баунт сказал:

— Все, решение принято! Фускуле, должно быть, безумец какой-то!..

— Безумец или даже еще хуже! Да его порочность даже описать трудно! И все-таки все это время я чувствовала что-то знакомое, как будто где-то, в предыдущей жизни или в кошмаре, я знала его.

— Наш разум играет с нами странные шутки, — заметил капитан Баунт. — Любопытно было бы увидеть этого необыкновенного человека.

— Вот он идет сюда вместе с Дрофо! — воскликнул Пулк. — Наконец-то мы получим объяснение и, возможно, даже какое-то оправдание!

— Я не желаю ни того, ни другого! — завопила госпожа Сольдинк. — Я хочу лишь убраться с этого отвратительного острова!

Круто развернувшись, она гордо прошествовала через площадь и поднялась обратно на «Таланте».

Энергично шагая, Фускуле приблизился к стоящим, опередив Дрофо на шаг или два. Фускуле остановился и, подняв свою чадру, оглядел группу.

— Где Сольдинк?

Обуздав свою ярость, Сольдинк холодно произнес:

— Ты очень хорошо знаешь, где я! И я тоже тебя знаю, ты, негодяй и подлец! Я ни слова не скажу о твоей глупой шутке, равно как и о гнусном поведении по отношению к госпоже Сольдинк. Я предпочту заключить сделку на полностью формальных основаниях. Дрофо, почему вы не доставили нашего червя на «Таланте»?

— Я отвечу на этот вопрос, — сказал Фускуле. — Дрофо получит червя лишь после того, как вы заплатите мои пять тысяч терциев, плюс одиннадцать терциев сверх того за мой двояковыпуклый плавникошлифователь, который вы выкинули с такой надменной легкостью, и еще двадцать за нападение на меня. Таким образом, ваш счет составляет в совокупности пять тысяч тридцать один терций. Можете заплатить прямо сейчас.

Кугель, смешавшись с другими посетителями, вышел из клуба и, встав чуть поодаль, следил за перебранкой.

Сольдинк воинственно сделал два шага в направлении Фускуле.

— Ты в своем уме? Я купил у тебя червя за хорошую цену и расплатился наличными на месте. Давай больше не будем ходить вокруг да около! Немедленно передай червя Дрофо, а не то мы примем немедленные и радикальные меры!

— Тьфу! — в бешенстве закричал Фускуле. — Вы не получите моего червя ни за пять тысяч, ни за десять! А что касается оставшихся пунктов вашего счета… — тут, сделав шаг, он залепил Сольдинку увесистую оплеуху по одной щеке, — это пойдет за плавникошлифователь, а это, — он отвесил противнику еще одну затрещину, — за

все остальное.

Сольдинк рванулся вперед, чтобы расплатиться по своим счетам; капитан Баунт попытался вмешаться, но его намерения были неверно истолкованы Пулком, который одним мощным ударом уложил моряка на землю.

Наконец сумятицу унял Дрофо, вклинившийся между противными сторонами и поднявший руки, призывая драчунов утихомириться.

— Спокойно, спокойно! В этом деле есть некоторые странные обстоятельства, которые необходимо прояснить. Фускуле, ты утверждаешь, что Сольдинк обещал тебе пять тысяч терциев за твоего червя, а потом швырнул твой плавникошлифователь в воду?

— Да, именно так я и говорил! — в ярости завопил Фускуле.

— Разве это правдоподобно? Сольдинк славится своей бережливостью! Он ни за что бы не предложил пять тысяч терциев за червя, который стоит самое большее две тысячи! Как ты объяснишь такой парадокс?

— Я червевод, а не специалист по непонятным психологическим загадками, — пробурчал Фускуле. — Хотя теперь, по размышлении, мне кажется, что человек, назвавшийся Сольдинком, был на

голову выше этого низкорослого поганца. На нем еще была странная шляпа в несколько слоев, и ходил он с полусогнутыми коленями.

Сольдинк возбужденно проговорил:

— Это описание подходит тому мерзавцу, который посоветовал мне пойти к Терлулии! У него была крадущаяся походка, и он назвался Фускуле!

— Ага! — обрадовался Пулк. — Обстоятельства начинают проясняться! Давайте найдем в клубе кабинку и займемся как следует нашим расследованием с кружечкой доброго черного пива!

— Неплохая идея, только в этом случае совершенно не нужная, — сказал Дрофо. — Я уже могу назвать имя виновника.

— У меня тоже есть догадка на этот счет, — присоединился к нему капитан Баунт.

Сольдинк обиженно переводил взгляд с одного на другого.

— Я что, один здесь такой недогадливый? Кто он?

— А что, есть еще сомнения? Его имя — Кугель.

Сольдинк прищурился, потом хлопнул в ладоши.

— Разумный вывод!

Пулк с мягким укором проговорил:

— Теперь, когда виновный найден, кажется, вы должны извиниться перед Фускуле.

Но Сольдинка все еще терзали воспоминания об оплеухах Фускуле.

— Когда он вернет мне шестьсот терциев, которые я заплатил ему за червя, тогда я подумаю. И не забывайте, это ведь он обвинил меня в том, что я выбросил его плавникошлифователь. Это он должен извиняться.

— Вы все еще в плену заблуждения, — покачал головой Пулк. — Эти шестьсот терциев получил Кугель.

— Возможно, и так. И все-таки я считаю, что необходимо провести тщательное расследование.

Капитан Баунт повернулся к собеседникам.

— Мне показалось, что я видел его несколько минут назад. Но он, похоже, уже ускользнул.

В действительности, как только Кугель сообразил, в какую сторону ветер дует, он тут же поспешил на «Таланте». Госпожа Сольдинк была в своей каюте, рассказывала дочерям обо всех событиях этого дня. Поблизости не было никого, кто мог бы помешать Кугелю сновать туда-сюда по кораблю. Он сбросил трап, снял швартовы с кнехтов, стянул заглушки с червей и положил в их

корзины тройную приманку, после чего взбежал на шканцы и изо всех сил повернул штурвал.

В клубе Сольдинк жаловался:

— Я с самого начала не доверял ему! И все-таки кто мог бы вообразить такую всеобъемлющую порочность?

Бандерваль, суперкарго, согласился с этим суждением.

— Кугель, хотя с виду и кажется честным, на деле не кто иной, как мошенник.

— Теперь придется призвать его к ответу, — сказал капитан Баунт. — А это всегда неприятная задача.

— Вовсе не неприятная, — пробормотал Фускуле.

— Мы должны дать ему возможность оправдаться, и чем скорее, тем лучше. Я полагаю, что клуб подойдет для нашего собрания точно так же, как и любое другое помещение.

— Сперва нужно его найти, — заметил Сольдинк. — Интересно, где мог укрыться этот жулик? Дрофо, возьмите Пулка и поищите его на «Таланте». Фускуле, погляди в клубе. Не делайте и не говорите ничего, что могло бы спугнуть его, просто скажите, что я хочу задать ему несколько общих вопросов… Да, Дрофо? Почему вы еще не

отправились выполнять мое поручение?

Дрофо указал в направлении моря. Его голос был, по обыкновению, грустным.

— Сэр, вы можете взглянуть на это сами!

Глава третья
Океан вздохов

Красное утреннее солнце точной копией отражалось от темной морской воды.

Черви лениво перебирали плавниками — в их корзинах была положена половинная приманка; «Таланте» плавно, точно легкая лодка, скользил по поверхности воды.

Кугель проспал несколько дольше обыкновенного в кровати, в которой раньше нежился Сольдинк.

Команда «Таланте» бесшумно и споро работала на своих местах.

Кугеля пробудил стук в дверь. Зевая и потягиваясь, Кугель певуче отозвался:

— Войдите!

Дверь открылась; в каюту вошла Табазинт, младшая и, пожалуй, самая миловидная из дочерей госпожи Сольдинк, хотя Кугель, если бы ему пришлось высказывать свое мнение, твердо

стоял бы на том, что у каждой из них были свои несомненные достоинства.

Табазинт, которую природа наделила пышной грудью и крепкими округлыми бедрами, а так же до поры до времени стройной и гибкой талией, являла миру обрамленное копной темных кудрей круглое личико, а ее розовые губки были постоянно сжаты, точно силясь сдержать улыбку. Она принесла с собой поднос, который поставила на столик у кровати. Застенчиво оглянувшись, девушка уже собралась выйти из комнаты, когда Кугель окликнул ее:

— Табазинт, милая! Сегодня такое чудесное утро; я позавтракаю на свежем воздухе. Можешь передать госпоже Сольдинк, чтобы застопорила руль и немного передохнула.

— Как прикажете, сэр.

Табазинт забрала поднос и вышла из каюты.

Кугель встал с постели, смазал лицо душистым лосьоном, прополоскал рот одним из изысканных бальзамов Сольдинка, затем облачился в легкий халат из бледно-голубого шелка. Он прислушался… С межпалубной лестницы донесся топот госпожи Сольдинк. Через иллюминатор Кугель видел, как она прошла в свою каюту, которую прежде занимал главный червевод Дрофо.

Как только она пропала из вида, Кугель вышел на среднюю палубу. Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, наслаждаясь прохладным утренним воздухом, затем поднялся на ют.

Перед тем как сесть за свой завтрак, Кугель подошел к гакаборту, чтобы взглянуть на состояние моря и оценить, как далеко продвинулся корабль. Со всех сторон от горизонта до горизонта была спокойная вода, в которой виднелось лишь отражение солнца.

След, тянущийся за кормой «Таланте», казался достаточно прямым — свидетельство того, что госпожа Сольдинк на совесть управляла кораблем, а нос смотрел точно на юг.

Кугель одобрительно кивнул; из госпожи Сольдинк вполне мог получиться неплохой кормчий. С другой стороны, она не выказала никаких способностей к ремеслу червевода, да и ее дочери были едва ли лучше.

Кугель принялся за завтрак. Он одну за другой поднял серебряные крышки и заглянул в блюда. Там обнаружился компот из пряных фруктов, приготовленная на пару печень морских птиц, каша с изюмом, маринованные луковицы лилий и маленькие круглые грибочки с несколькими различными сортами пирожных — более чем

обильный завтрак, в котором он признал творение Мидре, старшей и самой трудолюбивой из всех дочерей. Госпожа Сольдинк в тот единственный раз, когда ее заставили заняться стряпней, приготовила столь неаппетитную еду, что Кугель зарекся когда-либо снова подпускать ее к камбузу.

Кугель не спеша позавтракал. Он чувствовал, что находится с миром в исключительно приятной гармонии. Это ощущение следовало удержать как можно дольше, холить его и лелеять и насладиться до последней капли. Чтобы увековечить это особое состояние, Кугель поднял изящную чашку из тончайшего фарфора и стал неторопливо потягивать прозрачный нектар, заваренный из смеси самых отборных трав господина Сольдинка.

— Замечательно! — сказал Кугель. Прошлое безвозвратно ушло, будущее вполне могло закончиться и завтра, если потухнет солнце. Сейчас было настоящее, и следовало прожить его соответствующим образом.

— Именно так! — сказал Кугель.

И все-таки… Кугель тревожно оглянулся. Было совершенно справедливым и правильным воспользоваться всеми благами настоящего

момента, но все же, когда достигаешь наивысшей точки чего-либо, остается лишь один путь — вниз.

И даже сейчас, без каких-либо видимых причин, Кугель чувствовал в атмосфере какую-то зловещую напряженность, как будто, несмотря на все принятые им меры, что-то пошло не так.

Кугель вскочил на ноги и выглянул за борт. Черви при половинной приманке работали без особого напряжения. Казалось, все было в порядке. То же самое было и с червем с правого борта. Кугель медленно вернулся к своему завтраку.

Он подключил к решению этой проблемы всю мощь своего разума. Что же могло вызвать его беспокойство? Корабль был крепким, еды и провизии было вдосталь, госпожа Сольдинк с дочерьми, по всей видимости, примирились со своим новым положением, и Кугель поздравил себя с мудрым и справедливым, но твердым ведением дел.

Некоторое время сразу после отплытия корабля госпожа Сольдинк изрыгала яростный поток проклятий, который Кугель наконец решил пресечь, хотя бы в интересах морального духа на корабле.

— Мадам, — сказал Кугель, — ваши вопли мешают нам всем. Вы должны успокоиться.

— Деспот! Изувер! Лагарк, или даже кик[4]!

— Если не уйметесь, я велю посадить вас в трюм! — пообещал Кугель.

— Ха! — ответила госпожа Сольдинк. — Кто тогда будет исполнять ваши приказания!

— Если понадобится, я сам буду это делать. На корабле должна быть строгая дисциплина. Теперь я капитан этого судна, и вот что я вам приказываю. Во-первых, придержите ваш язык. Во-вторых, соберите всех на средней палубе — я собираюсь произнести обращение.

С упавшим сердцем госпожа Сольдинк с дочерьми собрались там, где велел новоявленный капитан.

Кугель забрался до половины межпалубной лестницы и встал на ступеньке.

— Дамы! Я был бы признателен за ваше внимание!

Кугель с улыбкой обвел обращенные к нему лица.

— Итак, начнем! Я отдаю себе отчет в том, что сегодняшний день принес нам не самое лучшее. Однако настоящее есть настоящее, и мы должны

---

[4] Примечания: 4

Лагарк — существо с омерзительным характером, обитатель тундры к северу от Саскервоя; *кик* — ужасный гибрид демона и глубоководного клыкастого угря.

примириться с обстоятельствами. Могу предложить по этому поводу несколько советов.

Наша первая забота — судовой устав, который предписывает быстрое и точное выполнение приказов капитана. Корабельные работы будут поделены поровну. Я уже принял на себя обязанность управления. От вас, своей команды, я ожидаю доброжелательности, сотрудничества и усердия, при условии чего вы найдете во мне снисходительного, понимающего и даже нежного капитана.

Госпожа Сольдинк пронзительно закричала:

— Не нужны нам ни ваша снисходительность, ни нежность! Везите нас назад, в Помподурос!

— Тише, мама! — грустно сказала Мидре, старшая дочь. — Будь же реалисткой! Кугель не захочет возвращаться в Помподурос, так что давай выясним, куда он собирается везти нас.

— Сейчас я поделюсь с вами этой информацией, — сказал Кугель. — Порт нашего назначения — Валь-Омбрио, на побережье Альмери, довольно далеко к югу.

Госпожа Сольдинк, шокированная этим известием, раскричалась:

— Да вы шутите! Путь туда смертельно опасен! Все это знают!

— Предлагаю вам, мадам, — холодно проговорил Кугель, — поверить мне, а не домохозяйкам из вашего окружения.

— В любом случае, Кугель поступит, как захочет, — посоветовала матери Салассер. — К чему сопротивляться его желаниям? Это только его рассердит.

— Здравая мысль! — похвалил ее Кугель. — А теперь относительно работ по кораблю. Каждая из вас под моим руководством должна стать умелым червеводом. Поскольку у нас много времени, мы будем давать червям половинную приманку, что пойдет им на пользу. Кроме того, мы больше не сможем пользоваться услугами кока Ангсхотта; и все же у нас полно запасов, и я не вижу причин в чем-то себя ограничивать. Призываю всех вас дать полную свободу своим кулинарным талантам.

— Сегодня я составлю пробный график работ. В течение дня я буду держать вахту и управлять корабельными делами. Наверное, стоит сейчас упомянуть о том, что госпоже Сольдинк, в силу ее возраста и социального положения, не придется исполнять обязанности ночной горничной. Теперь о…

— Минуточку! — выскочила вперед госпожа

Сольдинк. — Что входит в обязанности ночной горничной, и почему это меня признали не годной?

Кугель посмотрел на море.

— Обязанности ночной горничной вполне самоочевидны. Она прикрепляется к заднему салону, где следит за удобством капитана. Это почетная обязанность, и только справедливо, что ее разделят между собой Мидре, Салассер и Табазинт.

Госпожа Сольдинк снова пришла в неописуемое волнение.

— Я этого и боялась! Я, Кугель, буду ночной горничной. И не пытайтесь разубедить меня!

— Все это замечательно, мадам, но ваши навыки будут необходимы у штурвала.

— Успокойся, мама, — вмешалась Мидре, — мы вовсе не такие слабые и наивные, как ты думаешь.

— Это тебе, мама, нужно особое обращение, а не нам, — со смехом поддержала сестру Табазинт. — Мы отлично справимся с Кугелем.

— Мы должны предоставить Кугелю право принимать решения, поскольку вся ответственность лежит на нем, — присоединилась к сестрам Салассер.

Тут заговорил Кугель:

— Предлагаю оставить этот вопрос в покое. Сейчас я хочу раз и навсегда разобраться с одной довольно мрачной проблемой. Предположим, что кто-нибудь на корабле — назовем ее Зитой, в честь богини непостижимого — так вот, предположим, что Зита решила удалить Кугеля из царства живых. Она обдумывает, как бы подсыпать ему яду в еду, воткнуть нож ему в глотку, ударить или толкнуть его так, чтобы он свалился в воду.

Маловероятно, что благовоспитанные люди будут вести себя подобным образом, — продолжил Кугель. — И все же я придумал план, как свести подобную вероятность к нулю. Я установлю в глубине носового трюма взрывное устройство из некоторого количества взрывчатки, свечи и предохранителя. Каждый день я буду отпирать неприступную железную дверь и переставлять свечу. Если я не сделаю этого, свеча сгорит и подожжет фитиль. Взрыв пробьет брешь в корпусе, и корабль камнем пойдет ко дну. Госпожа Сольдинк, вы, кажется, не слишком внимательны; вы хорошо меня слушали?

— Я все отлично слышала!

— В таком случае, это все, что я хотел ска-

зать. Госпожа Сольдинк, можете отправляться к штурвалу, где я обучу вас основным принципам управления кораблем. Девушки, вы сначала приготовите обед, затем позаботитесь о порядке в каютах.

У штурвала госпожа Сольдинк вновь продолжила вещать об опасностях пути на юг.

— Там орудуют кровожадные пираты! В глубине поджидают морские чудища: голубые кодорфины, трифиды, сорокафутовые водяные! Со всех сторон налетают бури; они играют с кораблями, как с пробками!

— А как же пираты вообще выживают среди таких ужасных опасностей?

— Кого интересует, как они выживают? Я от всей души надеюсь, что эти опасности их погубят!

Кугель рассмеялся.

— Ваши предположения противоречат фактам! Мы везем груз для Юкоуну, который должен быть доставлен через Валь-Омбрио к берегу Альмери.

— Да нет, это вы не знаете фактов! Груз перегружают в Порт-Пергуше, где наши представители делают специальные приготовления. Нам надо в Порт-Пергуш!

Кугель снова расхохотался.

— Вы что, за дурака меня держите? Как только корабль войдет в порт, вы начнете во всю глотку звать стражу! Правьте, как прежде, на юг.

И Кугель отправился обедать, оставив госпожу Сольдинк злобно смотреть на эскалабру.

На следующее утро Кугель каким-то шестым чувством ощутил: что-то не так. Как он ни старался, какое-то противоречие, какое-то мимолетное несоответствие ускользало от его восприятия. Корабль функционировал нормально, хотя черви, которым наполовину урезали приманку, казалось, стали чуть более вялыми, как будто после тяжелой работы, и Кугель мысленно положил себе дать им тонизирующую микстуру.

Стая облаков в вышине, на западном краю неба, обещала ветер, и если он окажется попутным, то черви снова смогут отдохнуть… Кугель озадаченно нахмурился. Дрофо что-то объяснял ему насчет изменения цвета океана, его характера и прозрачности. Казалось, что океан сейчас был в точности таким же, как и вчера. Нелепица, сказал себе Кугель, нельзя давать волю воображению.

Вечером Кугель, взглянув за корму, заметил маленькую шхуну, на всех парах приближавшуюся к кораблю. Кугель вытащил подзорную трубу и осмотрел корабль, который тащили четыре

барахтающихся и явно неопытных червя, загнанных до предела. На одной палубе Кугель, как ему показалось, разглядел Сольдинка, капитана Баунта, Пулка и остальных, а на носу, оглядывая море, стояла высокая печальная фигура, по всей видимости, принадлежащая Дрофо.

Кугель оглядел небо. До ночи оставалось еще часа два. Кугель безо всякой спешки приказал положить всем червям двойную приманку и по восьмушке пинты бодрящего тоника. «Таланте» легко оторвалась от корабля преследователей.

Госпожа Сольдинк с интересом следила за всем происходящим. Наконец она поинтересовалась:

— Кто был на том корабле?

— Мне показалось, что это торговцы с острова Сарпент, — ответил Кугель. — Неотесанный народ, во всех отношениях. В будущем обходите такие корабли подальше.

Госпожа Сольдинк промолчала, а Кугель принялся обдумывать новую загадку: как Сольдинк ухитрился столь быстро их догнать?

С наступлением темноты Кугель сменил курс, и корабль преследователей исчез за кормой. Кугель сказал госпоже Сольдинк:

— Утром они будут на десять лиг в стороне от нашего курса.

Он собрался спуститься вниз.... Тут его внимание привлек луч света от черного железного фонаря на корме.

Кугель издал недовольный возглас и потушил свет, сердито повернувшись к госпоже Сольдинк.

— Почему вы не сказали, что зажгли фонарь?

Госпожа Сольдинк равнодушно пожала плечами.

— Ну, во-первых, вы и не спрашивали.

— А во-вторых?

— Очень благоразумно зажигать фонарь, когда находишься в море. Это правило осторожного моряка.

— На борту «Таланте» не стоит зажигать никаких огней, кроме тех, которые я прикажу зажечь.

— Как скажете.

Кугель побарабанил по эскалабре.

— Держите теперешний курс еще час, а потом поверните на юг.

— Неблагоразумно! Катастрофически неблагоразумно!

Кугель спустился на среднюю палубу и стоял там, опершись об ограждение, до тех пор, пока нежный звон серебряных колокольчиков не позвал его на ужин, который в тот вечер был

накрыт в заднем салоне на столе, застеленном белой льняной скатертью.

Еда не обманула ожиданий Кугеля, о чем он и сказал Табазинт, которая сегодня исполняла обязанности ночной горничной.

— Пожалуй, в рыбном соусе было многовато фенхеля, — заметил он. — Да и вторую перемену вина — я имею в виду Бледное Монтрахийское — совершенно явно следовало выдерживать еще год, чтобы оно наилучшим образом проявило свой букет. Тем не менее, было почти не к чему придраться, и я надеюсь, что ты скажешь об этом поварихе.

— Прямо сейчас? — робко спросила Табазинт.

— Не обязательно, — сказал Кугель. — Почему бы не завтра?

— Думаю, это действительно потерпит до завтра.

— Вот именно. Нам надо обсудить наши собственные дела. Но сперва… — Кугель выглянул в иллюминатор, — как я и ожидал, эта коварная старушенция снова зажгла кормовой фонарь. Понятия не имею, что у нее на уме. Что ей проку в огне на корме? Она же ведет корабль не назад.

— Возможно, она хочет предостеречь тот, другой корабль, который идет за нами след в след.

— Возможность столкновения не так уж велика. Я хочу избежать лишнего внимания, а не привлечь его.

— Все хорошо, Кугель. Не надо беспокоиться. — Табазинт приблизилась и положила руки Кугелю на плечи. — Тебе нравится моя прическа? Я надушилась сегодня особенными духами; они называются «Танженс», в честь мифологической красавицы.

— У тебя очень красивые волосы, просто до неприличия; а духи великолепны, но я должен подняться и разобраться с твоей матерью.

Табазинт попыталась удержать его, то надувая губки, то улыбаясь.

— Ну же, Кугель, разве я могу поверить твоей лести, если ты под первым же предлогом сбегаешь от меня? Останься со мной, докажи, что ты действительно интересуешься мной! Пусть бедная старушка спокойно стоит на руле.

Кугель отстранил ее.

— Держи себя в руках, моя пылкая крошка! Я уйду только на миг, а потом уж докажу тебе все, что пожелаешь!

Кугель выбежал из каюты и поднялся на ют. Как он и опасался, фонарь горел с ужасающей яркостью. Не остановившись, чтобы выбранить

госпожу Сольдинк, Кугель не только погасил свет, но и снял с фонаря колпак, горелку и фитиль и выбросил их в море.

Затем он сказал, обращаясь к госпоже Сольдинк:

— Моей снисходительности пришел конец. Если я еще раз увижу на корабле свет, вам не поздоровится.

Госпожа Сольдинк высокомерно промолчала, и, бросив последний взгляд на эскалабру, Кугель вернулся в каюту. Выпив еще вина и несколько часов прорезвившись с Табазинт, он крепко заснул и в ту ночь больше не возвращался на ют.

Утром, когда Кугель сидел, жмурясь на солнце, его вновь посетило то странное ощущение какого-то несоответствия, которое уже беспокоило его раньше. Он поднялся на ют, где за штурвалом стояла Салассер. Кугель подошел взглянуть на эскалабру; стрелка показывала точно на юг.

Он вернулся на среднюю палубу и осмотрел червей; они лениво бултыхались в воде при половинной приманке, явно здоровые, если не считать того, что казалось утомлением, и признаков тимпа у червя, плывшего рядом с левым бортом.

Да, сегодня червеводам предстояла большая

работа, уклониться от которой могла надеяться лишь ночная горничная.

Прошел день, за ним еще один — для Кугеля безмятежное время покоя, желанного отдыха на морском воздухе, наслаждения прекрасной кухней и нескончаемого внимания ночных горничных. Единственным источником беспокойства были те странные несоответствия во времени и пространстве, которые сейчас он считал всего лишь приступами дежа вю.

В то самое утро, когда Табазинт накрыла ему завтрак на воздухе, он был прерван появлением маленькой рыбачьей лодки. Позади нее, к юго-западу, Кугель различил смутные очертания острова, которые оглядел в полном замешательстве. Снова дежа вю?

Кугель взялся за штурвал и подвел «Таланте» к лодке, в которой был мужчина с двумя мальчиками. Подойдя с траверза, Кугель вышел к ограждению и окликнул рыбака:

— Эй! Что за остров лежит вон там?

Рыбак взглянул на Кугеля, как на полоумного.

— Это Лаусикаа, как вам должно быть известно. На вашем месте я держался бы от этого места подальше.

Кугель в изумлений уставился на остров. Лау-

сикаа? Разве такое было возможно, если только дело не обошлось без колдовства?

Кугель в смятении подошел к эскалабре; на вид все было в порядке. Поразительно! Он отправлялся на юг, а теперь вернулся с севера, и ему придется либо сменить курс, либо столкнуться с большими неприятностями в том месте, с которого он начал!

Кугель повернул корабль к востоку, и Лаусикаа скрылась за горизонтом. Затем он снова сменил курс и еще раз направил «Таланте» на юг.

Госпожа Сольдинк, безучастно наблюдавшая за всем происходящим, раздраженно скривила губы.

— Опять на юг? Разве я не предупреждала вас обо всех опасностях такого курса?

— Следуйте на юг! Ни на йоту на восток, ни на долю йоты на запад! Заданное направление — юг! Север должен остаться за кормой, а нос должен быть повернут к югу!

— Безумие! — пробормотала госпожа Сольдинк.

— Безумие? Да я не больше безумен, чем вы сами! Это путешествие меня доконает! Я понятия не имею, как мы умудрились подойти к Лаусикаа с севера. Можно подумать, что мы совершили

кругосветное плавание!

— Волшебник Юкоуну наложил на корабль заклятие, чтобы защитить свой груз. Это наиболее разумное предположение и дополнительная причина направиться в Порт-Пергуш.

— Об этом не может быть и речи, — заявил Кугель. — Я пойду к себе и подумаю. Докладывайте обо всех необычных обстоятельствах.

— Поднимается ветер, — предупредила госпожа Сольдинк. — Мы можем даже попасть в шторм.

Кугель подошел к ограждению и увидел, что и в самом деле на северо-западе легкая зыбь колышет морскую гладь.

— Ветер даст отдохнуть червям, — сказал Кугель. — Представления не имею, почему они такие вялые. Дрофо стал бы настаивать на том, что они переутомились, но мне-то лучше знать.

Спустившись на среднюю палубу, Кугель поднял голубой шелковый грот. Парус наполнился ветром, и под килем запела вода.

Кугель устроился в удобном кресле, закинув ноги на перила и время от времени прикладываясь к бутылочке Янтарной Розпаньолы, принялся наблюдать за тем, как Табазинт и Мидре борются с начальными признаками налета у червя с левого борта.

День шел, и Кугель задремал, убаюканный мерными движениями корабля. Проснувшись, он обнаружил, что зыбь превратилась в легкий бриз, вздымающий судно вверх и вниз, волны бьются о борт корабля, а за кормой ревут буруны.

Салассер, ночная горничная, принесла чай в серебряном чайнике и блюдо с маленькими пирожными, которые Кугель проглотил в необычно задумчивом состоянии духа.

Поднявшись с кресла, Кугель поднялся на ют. Госпожа Сольдинк была не в духе.

— Мне не нравится ветер, — сказала она ему. — Лучше спустить парус.

— Ветер несет нас точно по курсу, и черви могут передохнуть, — воспротивился Кугель.

— Незачем им отдыхать, — огрызнулась госпожа Сольдинк. — Когда корабль идет под парусами, я не могу держать курс туда, куда мне нужно.

Кугель указал на эскалабру.

— Держите курс на юг! Туда вам нужно держать курс! Стрелка указывает туда!

Госпоже Сольдинк было нечего сказать, и Кугель ушел с юта.

Солнце заходило за горизонт. Кугель вышел на нос и встал под фонарем, как, бывало, стоял Дрофо. Сегодняшним вечером закатное небо вы-

глядело особенно впечатляюще — алые перистые облака на темно-синем небосводе. У горизонта солнце замешкалось и как будто заколебалось, точно нехотя покидая мир дневного света. Мрачный сине-зеленый ореол окружил огненный шар — феномен, которого Кугель никогда раньше не замечал. Фиолетовый кровоподтек на поверхности солнца начал пульсировать, словно устье полипа. Что это было такое — знамение?

Кугель собрался уйти, затем, точно озаренный внезапной догадкой, поднял взгляд на фонарь. Колпака, фитиля и горелки, которые Кугель снял с фонаря на корме, не было и здесь.

Казалось, подумалось Кугелю, на «Таланте» действовали какие-то изобретательные духи.

— Однако, — сказал себе Кугель, — они имеют дело со мной, а меня не просто так называют Кугелем Сообразительным.

Он еще несколько минут постоял на носу. На юте госпожа Сольдинк и три девушки пили чай, искоса поглядывая на Кугеля. Тот положил руку на фонарный столб, образовав живописную картину, четко вырисовывавшуюся на закатном небе. Высокие облака приобрели теперь цвет запекшейся крови, безошибочно предвещая ветер. Похоже, стоило взять парус на рифы.

Отгорел закат. Кугель задумался над всеми странностями путешествия. Весь день плыть на юг, а утром проснуться далеко к северу от того места, с которого отправлялись в путь прошлым утром, — неестественная последовательность событий… Существовало ли этому какое-нибудь разумное объяснение, кроме волшебства? Океанский водоворот? Испорченная эскалабра?

В мозгу Кугеля одна догадка сменялась другой, еще более невероятной, чем предыдущая. Одна, наиболее абсурдная, мысль заставила его сардонически усмехнуться, перед тем как отбросить ее вместе с более правдоподобными теориями.

…Он резко остановился и вновь вернулся к этой идее, поскольку, как ни странно, она отлично объясняла все факты.

За исключением одного ключевого момента.

Теория основывалась на предпосылке, что умственные способности Кугеля были не на высоте.

Кугель усмехнулся еще раз, но с меньшей уверенностью, а через некоторое время и вовсе перестал усмехаться.

Все загадки и парадоксы этого путешествия наконец раскрылись. Оказалось, что злодейки сыграли на врожденном рыцарстве Кугеля и его чувстве такта, а его доверчивость обернулась

против него же. Ну ничего, теперь он покажет им, кто умнее!

Звон серебряного колокольчика возвестил, что ужин подан. Кугель немного задержался, чтобы в последний раз окинуть взглядом горизонт. Бриз посвежел, нагоняя маленькие волны, с плеском разбивающиеся о крутые борта «Таланте».

Кугель медленно пошел на корму. Он поднялся на ют, где только что заступила на вахту госпожа Сольдинк. Кугель поприветствовал ее кивком, на который она не ответила. Он взглянул на эскалабру; стрелка указывала на юг. Кугель подошел к гакаборту и ненароком взглянул на фонарь. Колпака не было, что, впрочем, ничего не доказывало. Кугель сказал госпоже Сольдинк:

— Хороший бриз даст червям отдых.

— Вполне возможно.

— Курс на юг, точно и не отклоняясь.

Почтенная дама не удостоила его ответом. Кугель приступил к ужину, который во всех отношениях отвечал его строгим требованиям. Еду подавала ночная горничная, Салассер, которую Кугель считал ничуть не менее очаровательной, чем ее сестер. Она сделала прическу в стиле Спанссианских Корибант и облачилась в простое белое платье, перехваченное на талии золотой

лентой. Этот костюм как нельзя более выгодно обрисовывал ее стройную фигуру. Из всех троих девушек Салассер, пожалуй, обладала наиболее утонченным умом, и ее речь, хотя по временам и причудливая, привлекала Кугеля своей свежестью и изяществом.

Салассер подала Кугелю десерт — торт с пятью ароматами, и пока Кугель поглощал этот деликатес, девушка начала снимать с него туфли.

Кугель отдернул ногу.

— Я пока останусь в туфлях.

Салассер удивленно подняла брови. Кугель обычно переходил к постельным утехам сразу же, как только доедал десерт.

Сегодня вечером Кугель отставил недоеденный торт в сторону. Он вскочил на ноги, выбежал из каюты и поднялся на ют, где застал госпожу Сольдинк за разжиганием огня в фонаре.

— Полагаю, я ясно выразился на эту тему! — сердито начал Кугель. Он бросился к фонарю и, несмотря на протестующие крики госпожи Сольдинк, снял его и выкинул далеко во тьму.

Он спустился в свою каюту.

— Вот теперь, — сказал он Салассер, — можешь снять с меня туфли.

Через час Кугель выскочил из кровати и завер-

нулся в халат. Салассер встала на колени.

— Куда ты? Я придумала кое-что новенькое.

— Я вернусь через миг.

На юте Кугель снова обнаружил госпожу Сольдинк зажигающей несколько свечей, которые она укрепила на фонарном столбе. Кугель сорвал свечи и швырнул их в море.

— Что вы делаете? — запротестовала госпожа Сольдинк. — Я не могу править кораблем в темноте!

— Придется вам удовольствоваться светом от эскалабры! Это последнее предупреждение!

Госпожа Сольдинк, что-то бормоча себе под нос, согнулась над штурвалом. Кугель вернулся в каюту.

— А теперь, — сказал он Салассер, — займемся твоим новшеством. Хотя я подозреваю, что за двадцать-то эр немного камней осталось неперевернутыми.

— Возможно и так, — с чарующей простотой согласилась Салассер. — Но это же не значит, что нам нельзя попробовать.

— Разумеется, нет, — ответил Кугель.

Новшество было опробовано, затем Кугель предложил небольшое изменение, которое также было признано удачным. После этого Кугель

снова вскочил на ноги и собрался выбежать из каюты, но Салассер поймала его и потянула назад в постель.

— Ты сегодня неугомонный, точно тонквил! Что тебя так встревожило?

— Ветер крепчает! Слышишь, как хлопает парус? Я должен все проверить.

— Зачем ты будешь утруждаться? — промурлыкала Салассер. — Пусть мама занимается такими вещами.

— Если она пойдет к парусу, ей придется оставить штурвал. А кто занимается червями?

— Черви отдыхают… Кугель! Ну куда же ты?

Но Кугель уже выбежал на среднюю палубу и обнаружил, что парус перекрутился и бешено хлещет по шкотам. Он поднялся на ют и обнаружил, что обескураженная госпожа Сольдинк покинула свой пост и ушла в свою каюту.

Кугель проверил эскалабру. Стрелка указывала в северном направлении, а корабль кренился, вращался во все стороны, точно щепка, и дрейфовал назад. Кугель повернул штурвал, нос резко опустился; ветер с оглушительным хлопком завладел парусом, так что Кугель испугался за шкоты. Черви, раздраженные толчками, выпрыгнули из воды, нырнули, оборвали ремни и

уплыли прочь.

Кугель закричал:

— Свистать всех наверх!

Но никто не отозвался. Он закрепил штурвал и в полной тьме взял парус на гитовы, получив несколько чувствительных ударов болтающимися шкотами.

Корабль теперь шел точно по ветру, в восточном направлении. Кугель пошел разыскивать свою команду, но обнаружил, что все заперлись в своих каютах и молчаливо игнорируют его строгие приказания.

Кугель бешено заколотил башмаком в дверь, но только ушиб ногу. Он медленно поковылял назад и постарался все закрепить.

Ветер с воем гулял в такелаже, и корабль начал терять ветер. Кугель еще раз побежал в нос корабля и прорычал приказы своей команде. Ответа он добился лишь от госпожи Сольдинк, которая простонала:

— Дайте нам умереть с миром! Нас всех тошнит!

Кугель в последний раз пнул дверь и, прихрамывая, отправился к штурвалу, где с огромным трудом ему удалось заставить «Таланте», не отклоняясь, идти по ветру.

Всю ночь Кугель стоял у руля, а ветер пронзительно завывал, и волны вздымались все выше и выше, иногда разбиваясь о транец белой пеной. В один из таких моментов Кугель оглянулся через плечо и заметил сияние отраженного света.

Свет? Откуда?

Совершенно очевидно, что свет лился из окон заднего салона. Кугель не зажигал ламп, что означало, что это сделал кто-то другой, в нарушение его строгого приказа.

Кугель не решился оставить штурвал, чтобы погасить свет… Невелика важность, сказал он себе; в такую ночь он мог бы зажечь над морем не то что лампу, а даже целый маяк, и не нашлось бы никого, кто увидел бы его.

Часы шли, шторм гнал суденышко на восток; Кугель, едва живой, съежился у штурвала. Ночь тянулась нескончаемо долго, но наконец и она прошла, и небо окрасилось тусклым багрянцем. Наконец взошедшее солнце осветило безбрежный океан, по которому катились черные волны, увенчанные белыми барашками.

Ветер утих. Кугель обнаружил, что судно снова может идти своим курсом. Он распрямил свое мучительно затекшее тело, вытянул руки и подвигал оцепеневшими пальцами.

Спустившись в задний салон, Кугель обнаружил, что кто-то поставил у кормового иллюминатора две лампы.

Кугель потушил свет и сменил бледно-голубой шелковый халат на свою собственную одежду. Он натянул на голову трехъярусную шляпу с приколотым к ней «Фейерверком», приладил ее под наилучшим углом и отправился на нос. Он обнаружил госпожу Сольдинк с дочерьми на камбузе, завтракающими чаем со сладким пирогом. Ни одна не выказывала никаких следов вчерашней морской болезни; все они казались по-настоящему отдохнувшими и безмятежными.

Госпожа Сольдинк, повернув голову, смерила Кугеля взглядом.

— Ну, что вам здесь нужно?

Кугель с ледяной вежливостью проговорил:

— Мадам, ставлю вас в известность о том, что мне известно о ваших кознях.

— В самом деле? Вы знаете обо всех?

— Я знаю обо всем, что хочу знать. Это не делает вам чести.

— Ну и что это за козни? Будьте так добры, просветите меня.

— Как скажете, — ответил Кугель. — Согласен, что ваш план, до некоторой степени, был остро-

умным. Днем мы по вашей просьбе плыли на юг с половинной приманкой, чтобы черви могли отдохнуть. Ночью, когда я уходил спать, вы изменяли курс и вели «Таланте» на север.

— Если быть более точным, — на северо-запад.

Кугель сделал знак, что это не имеет значения.

— Затем, держа червей на тонизирующих микстурах и двойной приманке, вы пытались удержать корабль в окрестностях Лаусикаа. Но я поймал вас.

Госпожа Сольдинк презрительно рассмеялась.

— Мы уже по горло сыты морскими путешествиями. Мы возвращались в Саскервой.

Это признание застигло Кугеля врасплох. План оказался гораздо более дерзким, чем он подозревал. С деланной небрежностью он проговорил:

— Невелика разница. Я с самого начала чувствовал, что мы плывем по той же самой воде, и это озадачило меня на минуту-другую, до тех пор, пока я не заметил плачевное состояние червей, и тогда все стало ясно. И все же я терпел ваши проказы; эти мелодраматические усилия забавляли меня. А я тем временем наслаждался отдыхом, океанским воздухом, первоклассной едой…

— Мы с Табазинт и Салассер плевали в каждое блюдо, — злорадно вставила Мидре. — Мама

иногда тоже заходила на камбуз. Я не знаю, что она там делала.

Кугель усилием воли вновь вернул себе свой апломб.

— По ночам меня ублажали и развлекали, и, по крайней мере, в этом отношении у меня нет никаких претензий.

— Жаль, что мы не можем сказать того же, — заметила Салассер. — Твоя возня и лапанье вечно холодными руками нагоняли на нас всех невероятную скуку.

— Вообще-то, невежливость мне не свойственна, но придется сказать правду, — присоединилась к сестрам Табазинт. — Твои физические характеристики оставляют желать много лучшего, и, кроме того, тебе следовало бы избавиться от дурацкой привычки насвистывать сквозь зубы.

Мидре начала хихикать.

— Кугель с такой первобытной гордостью относится к своим новшествам, но мне приходилось слышать, как маленькие дети обменивались куда более интересными теориями.

Кугель сухо проговорил:

— Ваши замечания не имеют никакого значения. Как только представится удобный случай, вы можете быть уверены, что…

— Какой еще случай? — спросила госпожа Сольдинк. — Больше не будет никаких случаев. Хватит уже вашей глупости.

— Путешествие еще не кончено, — заносчиво сказал Кугель. — Когда ветер усилится, мы возобновим наш путь на юг.

Госпожа Сольдинк громко расхохоталась.

— Это не просто ветер. Это муссон. Он переменится через три месяца. Когда я поняла, что Саскервой недостижим, я привела корабль туда, откуда ветер понесет нас в дельту реки Великий Ченг. Я подала господину Сольдинку и капитану Баунту знак, что все в порядке, и велела им не приближаться к нам до тех пор, пока я не приведу нас в Порт-Пергуш.

Кугель беспечно рассмеялся.

— Как жаль, госпожа Сольдинк, что столь изощренный план должен пропасть зря.

Он чопорно поклонился и вышел из камбуза.

Кугель направился вверх, в штурманскую рубку, и сверился с атласом. Дельта Великого Ченга узкой расселиной врезалась в область, известную как Страна Падающей Стены. К северу в океан вдавался тупой полуостров, отмеченный как Гадор Поррада, по всей вероятности, совершенно необитаемый, за исключением единственной

деревушки Туствольд. К северу от Ченга другой полуостров, Драконья Шея, длиннее и уже, чем Гадор Поррада, простирался на значительное расстояние в глубь океана, заканчиваясь цепью скал, рифов и маленьких островков — Драконьими Клыками. Кугель подробно изучил карту, затем с обреченным стуком закрыл атлас.

— Так тому и быть, — сказал Кугель. — Сколько еще, ох, сколько еще мне придется питать пустые надежды и тщетные мечты? И все-таки все будет хорошо… Посмотрим-ка, где там земля.

Кугель взошел на ют. На горизонте он заметил корабль, который при рассмотрении в подзорную трубу оказался той самой неуклюжей шхуной, от которой он так просто ушел несколько дней назад. Даже без червей, используя умную тактику, он с легкостью оторвался бы от такой калоши.

Кугель поставил парус вдоль правого борта, затем, вскочив на ют, повернул руль, чтобы развернуть судно к гавани, стараясь держать курс как можно точнее на север.

Команда шхуны, заметив его тактику, сменила курс, чтобы перерезать ему дорогу и загнать назад на юг, в дельту, но Кугель не испугался и продолжал держать тот же курс.

Справа теперь виднелся низкий берег Гадор

Порада; слева важно рассекала воду шхуна.

При помощи подзорной трубы Кугель различил на носу тощую фигуру Дрофо, делающего знаки положить червям тройную приманку.

Из камбуза посмотреть на шхуну вышли госпожа Сольдинк с тремя дочерьми, и почтенная дама разразилась в адрес Кугеля потоком назойливых указаний, которые ветер унес прочь. «Таланте», корпус которой был плохо приспособлен к плаванию под парусами, очень сильно сносило в сторону. Чтобы увеличить скорость, Кугель отошел на несколько румбов к востоку, приблизившись к низкому берегу, а шхуна неумолимо прижимала его. Кугель отчаянно крутанул штурвал, надеясь сделать знаменитый поворот через фордевинд, который одним махом разрушил бы все планы его преследователей на шхуне, не говоря уж о госпоже Сольдинк. Для лучшего эффекта он спрыгнул вниз на палубу, чтобы подправить шкоты, но прежде чем он успел вернуться к штурвалу, корабль потерял ветер.

Кугель взобрался назад на ют и рванул штурвал в надежде повернуть «Таланте» на правый борт. Глядя на близкое побережье Гадор Поррада, Кугель заметил любопытную сценку: группа морских птиц вышагивала, казалось, по поверхности

воды. Кугель в изумлении глядел на то, как птицы бродили туда-сюда, время от времени наклоняя головы, чтобы клюнуть поверхность.

«Таланте» медленно заскользил, останавливаясь. Кугель решил, что он посадил корабль на Туствольдские илистые отмели.

Судя по птицам, расхаживавшим по воде.

В четверти мили от них шхуна бросила якорь и начала спускать лодку. Госпожа Сольдинк и девушки возбужденно махали руками. Кугель решил не тратить времени на прощания. Он перелез через борт и начал пробираться к берегу.

Ил был глубоким, вязким и пах хуже некуда. Из ила, чтобы посмотреть на Кугеля, поднялся высокий стебель, оканчивающийся круглым глазом, и еще дважды на него нападали клешнеящерицы, которых, к счастью, он смог обойти.

Наконец Кугель вышел на берег. Поднявшись на ноги, он обнаружил, что компания со шхуны уже добралась до «Таланте». В одной из фигур Кугель узнал Сольдинка, который указал на Кугеля и погрозил ему кулаком. В тот же миг Кугель сообразил, что все его терции остались на «Таланте», включая шесть золотых монет по сто терциев, вырученных им от продажи Сольдинку червя Фускуле.

Это был серьезный удар. К Сольдинку теперь присоединилась и госпожа Сольдинк, тоже делавшая Кугелю оскорбительные знаки.

Не опустившись до ответа, Кугель развернулся и побрел вдоль берега.

Часть III Из Туствольда в Порт-Пергуш
Глава первая
Колонны

Кугель шел вдоль берега, дрожа на пронизывающем ветру. Местность была безлюдной и унылой; слева темные волны размеренно набегали на илистые отмели; справа цепь невысоких холмов преграждала дорогу в глубь побережья.

Кугель совершенно пал духом. У него не было при себе ни денег, ни даже дубинки, чтобы в случае нападения отбиться от разбойников; в башмаках хлюпала грязь, а промокшая одежда противно пахла тиной.

Наткнувшись на ямку, которую набегающая волна время от времени наполняла водой, Кугель выполоскал свои ботинки и после этого почувствовал себя несколько лучше, хотя прилипшая к костюму тина и свела на нет все его попытки выглядеть достойно и со вкусом. Кугель, бредущий вдоль берега, напоминал огромную перепачканную птицу.

Рядом с устьем неторопливой реки, впадавшей в море, он увидел старую дорогу, которая вполне

могла вести в деревеньку Туствольд, означавшую для Кугеля пищу и кров на ночь. Он свернул с берега и направился вглубь.

Чтобы согреться, Кугель пустился бежать, высоко задирая колени. Так он пробежал милю или две, и холмы сменились странным пейзажем, в котором возделанные поля перемежались с пустынными пятачками. Вдали, точно разбросанные там и сям в море воздуха островки, возвышались холмы с крутыми склонами.

Никакого селения не было видно, но на полях группки женщин пропалывали просо и кормовые бобы. Когда Кугель протрусил мимо них, они бросили работу и все как одна уставились на него. Тот счел такое внимание оскорбительным и гордо побежал дальше, не глядя ни направо, ни налево.

Облака, через холмы подползавшие с запада, наполняли воздух прохладой и предвещали скорый дождь. Кугель, вытянув голову, попытался отыскать впереди селение Туствольд, но ничего не увидел. Тучи наползали на солнце, заслоняя и без того тусклый свет, и местность приобрела сходство с древними картинами в коричневых тонах, с плоскими перспективами и выделяющимися деревьями пангко, напоминающими

чернильный набросок.

Сквозь облака вдруг пробился солнечный луч и заиграл на скоплении белых колонн, возвышавшихся приблизительно на расстоянии мили. Кугель резко остановился, чтобы разглядеть странное сооружение. Храм? Мавзолей? Развалины огромного дворца? Он пошел по дороге дальше и через некоторое время вновь остановился. Колонны различались по высоте, от совсем невысоких до более чем стофутовых, и казались примерно десяти футов в обхвате.

Кугель снова возобновил свой путь. Подойдя ближе, он разглядел, что на верхушках этих странных колонн полулежат мужчины, нежащиеся в остатках лучей умирающего солнца.

Разрыв в облаках затянуло, и солнечный свет окончательно померк. Мужчины сели, перекликаясь друг с другом, и наконец спустились с колонн по лестницам, прикрепленным к камням. Очутившись на земле, они поспешно удалились в направлении деревни, полускрытой за зарослями шрековых деревьев. Кугель решил, что эта деревенька, примерно в миле от колонн, и есть Туствольд.

За колоннами в одном из бугров, замеченных ранее Кугелем, зияла яма каменоломни. Оттуда

появился седовласый старик с ссутуленными плечами, мускулистыми руками и медленной походкой человека, привыкшего точно рассчитывать каждое свое движение. На нем была белая блуза, свободные серые штаны и стоптанные башмаки из грубой кожи. На его груди на плетеном кожаном шнуре висел пятигранный амулет. Заметив Кугеля, старик остановился, ожидая его приближения.

Кугель постарался придать своему голосу все возможное изящество:

— Сударь, не торопитесь с выводами! Я — не бродяга и не попрошайка, а моряк, добравшийся до берега по илистым отмелям.

— Какой необычный маршрут, — удивился старик. — Опытные мореходы предпочитают использовать пристани Порт-Пергуша.

— Несомненно. А вон та деревушка, случайно, не Туствольд?

— Собственно говоря, Туствольд — эти развалины, где я добываю белокамень. Местное население называет так же и деревню, и, честно говоря, я не вижу в этом ничего предосудительного. А что вам нужно в Туствольде?

— Еда и ночлег. Но я не могу заплатить ни гроша, поскольку все мои пожитки остались на

корабле.

Старик пренебрежительно тряхнул головой.

— В Туствольде вы ничего не получите без денег. Они — скаредный народ и раскошеливаются только ради того, чтобы сидеть повыше. Если вы удовольствуетесь соломенным тюфяком и миской супа на ужин, я смогу приютить вас, и вам не придется ничего платить.

— Это поистине великодушное предложение! — воскликнул Кугель. — Я принимаю его с удовольствием. Разрешите представиться: меня зовут Кугель.

Старик поклонился.

— Я — Нисбет, сын Нисвангеля, который добывал камень на этом месте до меня, и внук Раунса, который занимался тем же ремеслом. Но пойдемте же! Зачем дрожать здесь на ветру, когда в доме ожидает теплый очаг!

Они направились к жилищу Нисбета, кучке обветшалых лачуг, прилепившихся друг к другу, построенных из камней и кусков корабельной обшивки. Несомненно, эти разномастные пристройки возводились в течение многих лет, а возможно, даже и столетий. Внутренняя обстановка этого сооружения, хотя и уютная, была ничуть не менее беспорядочной. Каждая комната

была забита диковинками и древностями, собранными Нисбетом и его предшественниками во время работ на развалинах Старого Туствольда или где-то еще.

Нисбет налил для Кугеля ванну и снабдил его ветхим старомодным одеянием, которое тот мог носить, пока его собственная одежда не была приведена в порядок.

— Эту задачу лучше поручить деревенским женщинам, — сказал Нисбет.

— Если вы помните, я остался совсем без средств, — напомнил своему радушному хозяину Кугель. — Я с большим удовольствием воспользовался вашим гостеприимством, но не могу навязывать вам еще и финансовое бремя.

— Никакое это не бремя, — засмеялся Нисбет. — Они наперебой пытаются оказать мне какую-нибудь услугу, чтобы я за это сделал работу для них в первую очередь.

— В таком случае я с благодарностью приму эту помощь.

Кугель с наслаждением выкупался и закутался в старый халат, затем принялся за обильный ужин, состоявший из супа из рыбы-свечи, хлеба и маринованных рампов, которыми, как сказал Нисбет, особенно славился этот край. Они ели из

разрозненных старинных тарелок и использовали посуду, среди которой не нашлось бы и двух одинаковых вещей, даже по тому материалу, из которого они были сделаны: серебро, глоссольд, чугун, золото, зеленый сплав из меди, мышьяка и каких-то других вещество. Нисбет охарактеризовал эти вещи в абсолютно непринужденной манере:

— Каждая насыпь, возвышающаяся на этой равнине, представляет собой древний город, ныне разрушенный и покрытый пылью времен. Когда мне выпадает часок-другой досуга, я частенько хожу раскапывать какой-нибудь новый курган и нередко нахожу что-нибудь интересненькое. Вот этот поднос, к примеру, я обнаружил на одиннадцатой стадии города Челопсика, и он сделан из корфума, инкрустированного окаменевшими светляками. Моих знаний не хватает, чтобы прочесть эти руны, но, похоже, здесь записана какая-то детская песенка. А этот нож еще старше, я нашел его в подземельях под городом, который назвал Арадом, хотя его подлинное имя давно забыто.

— Как интересно! — восхитился Кугель. — А вам когда-нибудь удавалось отыскать клад или драгоценные камни?

Нисбет пожал плечами.

— Каждый из этих предметов бесценен — как уникальное воспоминание. Но теперь, когда солнце вот-вот потухнет, кто даст за них хорошую цену? Бутылка доброго вина и та полезней. К слову говоря, я предлагаю, чтобы мы, как знатные вельможи, направились в гостиную, где я откупорю бутылочку выдержанного вина, и мы сможем погреть косточки у очага.

— Здравая мысль! — объявил Кугель. Он последовал за Нисбетом в комнату, заставленную разномастными стульями, диванами, столами, на которых громоздились бесчисленные диковины.

Нисбет налил вино из глиняной бутыли, которая, судя по покрывавшему ее радужному налету, была немыслимо древней. Кугель осторожно пригубил вино, обнаружив, что оно густое и крепкое и благоухает странными ароматами.

— Замечательное вино! — заявил Кугель.

— У вас неплохой вкус, — одобрил его Нисбет. — Это вино из погреба виноторговца на четвертом уровне Зей-Кембеля. Пей от души; ибо там еще пылятся тысячи таких бутылок.

— Ваше здоровье! — Кугель опрокинул свой кубок. — При такой работе вам никакого приработка и желать не приходиться, это ясно. У вас

ведь нет сыновей, которым вы могли бы передать свои знания?

— Нет. Моя жена умерла много лет назад от укуса голубой фантикулы, и я больше не захотел ни на ком жениться. — Хмыкнув, Нисбет поднялся и подкинул дров в очаг. Затем он вернулся в свое кресло и уставился в огонь. — И все-таки по ночам я часто сижу здесь, размышляя, что будет, когда я умру.

— Возможно, вам стоит взять ученика, — осторожно заметил Кугель.

Нисбет издал короткий глухой смешок.

— Это не так-то просто. Местные мальчишки начинают грезить о высоких колоннах еще прежде, чем выучиваются плеваться как следует. Нет, я предпочел бы общество человека, который повидал мир. Каково, кстати, ваше собственное ремесло?

Кугель сделал неопределенный жест.

— Я еще не определился с родом деятельности. Я успел поработать червеводом, а недавно даже командовал морским судном.

— О, это очень престижная должность, — уважительно кивнул старик.

— Верно, но козни подчиненных заставили меня покинуть ее.

— По илистым отмелям?

— Совершенно верно.

— Таковы превратности судьбы, — философски заметил Нисбет. — И все же у вас впереди большая часть жизни и множество свершений, тогда как, оглядываясь на собственную, уже прожитую жизнь и дела, которые совершил, я вижу, что ни одно из них нельзя назвать поистине значительным.

— Когда солнце потухнет, — пожал плечами Кугель, — все дела — и значительные, и не очень — уйдут в небытие.

Нисбет поднялся и откупорил еще одну бутылку. Наполнив бокалы, он вернулся в свое кресло.

— Два часа пустой болтовни никогда не перевесят стоимость одного хорошего столба. Ибо я сейчас — Нисбет, добывающий камни, которому еще надо воздвигнуть чересчур много колонн и выполнить слишком много заказов.

Они сидели в тишине, глядя на пламя. Наконец Нисбет промолвил:

— Я вижу, вы устали. Несомненно, денек сегодня выдался не из легких. — Он с усилием поднялся и указал на кушетку. — Можете лечь вон там.

Утром Нисбет и Кугель позавтракали лепеш-

ками с вареньем, принесенными деревенскими женщинами, после чего Нисбет повел Кугеля в каменоломню. Он показал на яму, обнажавшую огромную расселину в одном из склонов кургана.

— Старый Туствольд был городом тринадцати стадий, как вы сами можете убедиться. Люди четвертого уровня построили храм в честь Миаматты, их Верховного Бога Богов. В этих развалинах я беру белокамень для своих нужд… Но солнце уже высоко. Скоро мужчины из деревни пойдут на свои колонны; в самом деле, вот и они.

Мужчины подходили, по двое и по трое. Кугель наблюдал, как они взбирались на колонны и устраивались на солнце.

Кугель удивленно обернулся к Нисбету.

— Зачем они так старательно сидят на своих колоннах?

— Они впитывают целительную энергию солнечных лучей, — пояснил Нисбет. — Чем выше колонна, тем чище и мощнее энергия и больше — престижность места. Женщины в особенности одержимы стремлением увеличить высоту колонн, на которых сидят их мужья. Принося деньги за новый кусок камня, они хотят получить его немедленно и нещадно подгоняют меня до

тех пор, пока я не выполню работу, а если уж при этом я должен помочь им опередить какого-нибудь из их соперников, то все еще хуже.

— Странно, что у вас нет конкурентов, ведь ваше дело кажется вполне прибыльным.

— Это не так странно, если оценить ту работу, которую необходимо сделать. Камень нужно спустить из храма, обтесать, отполировать, очистить от старых надписей, дать ему новый номер и поднять его на вершину колонны. Это довольно-таки значительная работа, которая была бы невозможной без этого, — Нисбет дотронулся до пятигранного амулета, висевшего на его груди. — Его прикосновение уничтожает силу земного притяжения, и самый тяжелый предмет поднимается в воздух.

— Поразительно! — воскликнул Кугель. — Так значит, амулет — ценная принадлежность вашего ремесла.

— Незаменимая — так будет правильней… Ба! Сюда направляется госпожа Кроульскс, чтобы побранить меня за недостаточное усердие.

Дородная женщина средних лет, с хмурым круглым лицом и рыжими курчавыми волосами, типичными для деревенских жителей, приблизилась к ним. Нисбет поприветствовал ее со всей

возможной любезностью, которую она пресекла решительным жестом.

— Нисбет, я должна снова выразить тебе свое недовольство! С тех пор, как я выложила свои терции, ты сначала установил новый камень Тоберску, потом Джиллинскку. Теперь мой муж сидит в их тени, а их женушки вдвоем радуются моему унижению! Чем тебе не угодили мои деньги? Ты что, забыл мои подарки — хлеб и сыр, которые я прислала тебе со своей дочерью, Турголой? Что ты на это скажешь?

— Госпожа Кроульскс, позвольте мне хотя бы слово вставить! Ваш «двадцатый» уже готов, и я даже собирался уведомить об этом вашего мужа.

— Вот это хорошая новость! Ты же понимаешь мое беспокойство.

— Разумеется, но чтобы избежать недопонимания в будущем, должен сообщить вам, что как госпожа Тоберск, так и госпожа Джилинскс сделали заказы на «двадцать первые».

У госпожи Кроульскс отвисла челюсть.

— Так скоро? Вот змеюки! В таком случае, мне тоже нужен «двадцать первый», и ты должен пообещать мне, что первым делом примешься за мой заказ.

Нисбет издал умоляющий стон и ухватился за

свою седую бороду.

— Помилуйте, госпожа Кроульскс! У меня всего две руки, а ноги уже не так проворны, как в былые времена. Я сделаю все, что возможно; большего обещать не могу.

Госпожа Кроульскс пыхтела еще минут пять, а потом в крайнем раздражении собралась уходить, но Нисбет окликнул ее.

— Госпожа Кроульскс, не могли бы вы оказать мне небольшую услугу. Моему другу Кугелю необходимо хорошенько выстирать, вычистить и заштопать одежду, чтобы все было в лучшем виде. Могу я возложить эту задачу на вас?

— Ну конечно же! Только попросите! Где вещи?

Кугель вытащил испачканную одежду, и госпожа Кроульскс вернулась в деревню.

— Вот как это делается, — сказал Нисбет с печальной улыбкой. — Чтобы продолжать дело, нужны новые сильные руки. Что вы об этом думаете?

— У этого дела масса достоинств, — ответил Кугель. — Позвольте мне узнать вот что: госпожа Кроульскс упомянула о своей дочери Турголе. Намного ли она красивее своей матушки? И еще: местные девушки стараются угодить вам с таким

же рвением, как и их родительницы?

Нисбет ответил скучным голосом:

— Что касается твоего первого вопроса: жители деревни — племя керамианцев, беженцы из Рхаб-Фаага, и ни один из них не может похвастаться выдающейся внешностью. Тургола, например, низенькая и толстая, непропорционально сложенная, с торчащими зубами. Что же до твоего второго вопроса, возможно, я неверно истолковываю их знаки. Госпожа Петиш частенько предлагала мне помассировать спину, хотя я никогда не жаловался на боль. Госпожа Гежкс временами бывает до странного чересчур фамильярна… Хм… Ну да ладно, не будем об этом. Если, как я надеюсь, ты станешь моим компаньоном, то сможешь толковать эти маленькие любезности так, как тебе будет угодно, хотя я верю, что ты не запятнаешь скандалом предприятие, которое до сих пор основывалось на строгой честности.

Кугель со смехом отверг такую возможность.

— Я склоняюсь к тому, чтобы принять ваше предложение, ибо сейчас у меня все равно нет средств, чтобы продолжить путешествие. Поэтому я возьму на себя, по меньшей мере, временное обязательство работать на вас за такую плату, которую вы сочтете достаточной.

— Великолепно! — обрадовался Нисбет. — Такие подробности мы обговорим позже. А теперь за работу! Мы должны поднять «двадцатый» Кроульскса.

Нисбет показал дорогу к мастерской на дне каменоломни, где на соломенной подстилке «двадцатый» уже ожидал своей очереди: цилиндр из доломита пяти футов высотой и десяти футов в диаметре.

Нисбет привязал к камню несколько длинных веревок. Посмотрев по углам мастерской, Кугель изумленно спросил:

— Я не вижу ни катков, ни лебедок, ни кранов; каким образом вы собираетесь в одиночку сдвинуть эту каменную махину?

— Забыл про мой амулет? Смотри! Я дотрагиваюсь им до камня, и он теряет все исконные свойства. Если я легонько его стукну — вот так, не больше, — магия будет кратковременной и продлится лишь столько, чтобы перенести камень на его место. Если бы я ударил с силой, камень не чувствовал бы притяжения целый месяц, а то и дольше.

Кугель с уважением рассмотрел амулет.

— Как вы обзавелись этой штучкой?

Нисбет вывел Кугеля наружу и показал утес,

возвышающийся над равниной.

— Видишь, где деревья спускаются со скалы? В том месте великий волшебник по имени Макке-Отвращенец построил дворец и правил страной при помощи своего отвращательного волшебства. Он отвращал восток и запад, север и юг; люди могли поднять на него глаза лишь однажды или, через силу, дважды, но никогда трижды, так сильно было его отвращение.

Макке разбил квадратный сад и посадил в каждом его углу волшебные деревья. Дерево оссип дожило до наших дней, и нет лучшего средства для обуви, чем воск, которым покрыты его ягоды. Я пропитываю свои башмаки только воском оссипа, и острые камни в каменоломне не могут их повредить. Так меня научил мой отец, который выучился этому у своего отца, и так далее в глубь веков, начиная с некоего Нисвонта, который первым пришел в сад Макке-Отвращенца за ягодами оссипа. Там он обнаружил амулет и узнал о его могуществе.

Нисвонт сначала занялся перевозками и с легкостью переносил любые грузы на большие расстояния. Потом он устал от пыли и опасностей путешествий и обосновался в этом месте, добывая камень, и я последний в его роду.

Кугель и Нисбет вернулись к рабочему навесу. Под руководством старика Кугель взялся за веревки и потянул «двадцатый», который медленно поднялся в воздух и поплыл в направлении колонн.

Нисбет остановился у подножия колонны, помеченной табличкой, гласившей:

Величественная колонна КРОУЛЬСКСА

Мы радуемся только на самой большой высоте!

Нисбет поднял голову и закричал:

— Кроульскс! Слезайте с колонны! Мы сейчас будем устанавливать ваш новый камень!

Голова Кроульскса, свесившегося с края колонны, отчетливо вырисовывалась на фоне неба. Довольный, что этот зов относился к нему, он спустился на землю.

— Не слишком-то быстро ты работаешь, — грубо сказал он Нисбету. — Мне слишком долго пришлось довольствоваться худшей энергией.

Нисбет не обратил внимания на его жалобы.

— «Сейчас» есть «сейчас», и в настоящий момент, который и есть «сейчас», ваш камень готов, и «сейчас» вы можете наслаждаться лучшим излучением.

— Тебе-то легко говорить «сейчас», — загремел

Кроульскс, — На ущерб моему здоровью тебе наплевать!

— Я могу работать лишь так быстро, как могу, — ответил Нисбет, — Кстати, позвольте мне представить моего нового компаньона, Кугеля. Я полагаю, что теперь работа закипит, благодаря его силам и опыту.

— Если это действительно так, я немедленно сделаю заказ на пять новых камней. Госпожа Кроульскс внесет залог.

— Я не могу немедленно принять ваш заказ, — покачал головой Нисбет. — Однако я приму его к сведению. Кугель, ты готов? Тогда, если ты не против, забирайся на колонну Зиппина и аккуратно поднимай камень вверх. Кроульскс и я будем направлять его снизу.

Камень был быстро водружен на свое место, Кроульскс незамедлительно забрался на вершину и поудобнее устроился в лучах красного солнца. Нисбет и Кугель вернулись к навесу, где Кугель получил подробнейшие сведения об обтесывании, закруглении и полировке белокамня.

Кугель вскоре понял, почему Нисбет постоянно опаздывал с выполнением заказов. Во-первых, возраст замедлил его движения до такой степени, что весь его опыт не мог этого компенсировать.

Во-вторых, его почти ежечасно отрывали от работы деревенские женщины со своими заказами, требованиями, жалобами, подарками и уговорами.

На третий день работы Кугеля рядом с жилищем Нисбета остановилась группа бродячих торговцев. Они принадлежали к темнокожей расе, отличавшейся янтарными глазами, орлиными чертами лица и гордой осанкой. Их одежды были не менее примечательны: панталоны, подпоясанные кушаками, рубахи со стоячими воротниками, жилетки и плащи с разрезами черного, рыжего, малинового и коричневого цветов. Они носили черные широкополые шляпы с обвислыми тульями, которые Кугель счел великолепными. С собой торговцы привезли телегу с высокими колесами, груженную непонятными предметами, накрытыми брезентом. Как только старшина кочевников начал совещаться о чем-то с Нисбетом, остальные сняли покрывало, под которым обнаружилось множество уложенных штабелями трупов.

Нисбет и старшина пришли к какому-то соглашению, и четверо маотов — так старик назвал их Кугелю — начали разгружать телегу. Нисбет отвел Кугеля в сторонку и указал на дальний

курган.

— Это — Старый Ква-Хр, который когда-то властвовал над землями от Падающей Стены до Шелковых Поясов. Во время своего расцвета народ Ква-Хра исповедовал странную религию, которая, я полагаю, не более абсурдна, чем любая другая. Они верят, что люди после смерти уходят в вечную жизнь в таком физическом состоянии, в котором они покинули этот свет, после чего проводят вечность в пирах, веселье и прочих наслаждениях, упоминать которые запрещают правила приличия. Поэтому считалось исключительно мудрым умереть в расцвете лет, поскольку, например, рахитичный старец, беззубый, страдающий одышкой и поносом, никогда не смог бы в полной мере наслаждаться пиршествами, песнями и райскими нимфами. Поэтому народ Ква-Хр умирал в молодом возрасте, а тела бальзамировались с таким искусством, что они и до сих пор кажутся полными жизни. Маоты вынули эти трупы из мавзолея Ква-Хр и везут их через Дикую Пустыню в Туническое Хранилище в Новале, где, насколько я понял, их используют в каких-то обрядах.

Пока он говорил, торговцы выгрузили тела, сложили их в ряд и связали друг с другом. Стар-

шина сделал знак Нисбету, который пошел вдоль ряда трупов, прикасаясь к каждому своим амулетом. Затем он пошел обратно, давая каждому трупу активирующий пинок. Старшина маотов заплатил Нисбету, они обменялись выражениями благодарности; затем маоты отправились на северо-восток, а трупы поплыли за ними на высоте пятидесяти футов.

Такие происшествия, хотя и занимательные и поучительные, приводили к задержке заказов, выполнения которых все более настоятельно требовали как мужчины, жаждущие вкусить излучения в высших слоях воздуха, так и их жены, которые финансировали возведение колонн не только в интересах здоровья своих мужей, но и с целью повышения престижа всей семьи в глазах соседей.

Чтобы ускорить работу, Кугель ввел несколько рационализаторских методов, чем заслужил горячее одобрение Нисбета.

— Кугель, да ты далеко пойдешь! Это очень остроумные нововведения!

— Я обдумываю и другие, еще более оригинальные, — не без гордости заявил Кугель. — Нам необходимо отслеживать спрос, хотя бы только для того, чтобы максимизировать нашу при-

был.

— В этом нет никаких сомнений, но как?

— Я уделю этой проблеме все свое внимание.

— Превосходно! Тогда можно считать, что вопрос решен.

С этими словами Нисбет отправился готовить праздничный ужин, который включал три бутылки драгоценного зеленого вина из подвалов Зей-Кембельского виноторговца. Нисбет на радостях так напился, что уснул прямо на кушетке в гостиной.

Кугель воспользовался так удачно подвернувшейся ему возможностью провести один эксперимент. Он снял со шнурка на шее Нисбета пятигранный амулет и потер им ручку массивного кресла. Затем, подражая неоднократно виденным действиям Нисбета, он дал по креслу активирующий пинок.

Кресло осталось таким же тяжелым, как и раньше.

Кугель стоял, точно громом пораженный. Он, наверное, неправильно применил силу амулета. Или волшебство подчинялось лишь Нисбету, и никому иному?

Вряд ли. Все-таки амулет есть амулет.

Чем тогда действия Нисбета отличались от его

собственных?

Нисбет, чтобы обогреть ноги у очага, снял башмаки. Кугель скинул свои туфли, изодранные почти в лохмотья, и просунул ноги в башмаки Нисбета.

Он вновь потер кресло пятигранным амулетом и пнул его носком башмака Нисбета. Кресло неожиданно утратило вес и взмыло в воздух.

Очень интересно, подумал Кугель. Он вернул амулет на шею Нисбета и поставил башмаки туда, откуда взял их.

На следующее утро Кугель заявил Нисбету:

— Я понял, что мне нужны башмаки из грубой кожи, такие же, как у вас, защищающие от острых камней в каменоломне. Где бы мне достать такие?

— Такие вещи включаются в принадлежности нашего ремесла, — ответил Нисбет. — Сегодня я пошлю гонца в деревню и приглашу госпожу Тадоук, сапожницу, — Нисбет приложил палец к своему крючковатому носу и озорно подмигнул Кугелю. — Я научился управлять женщинами деревни Туствольд, или, коли на то пошло, женщинами в общем! Никогда не давай им всего, чего им хочется! Вот секрет моего успеха! В этом случае муж госпожи Тадоук сидит на колонне

из всего лишь четырнадцати камней, обходясь тенью и низкокачественной энергией, а сама госпожа Тадоук сносит насмешки своих соседей. Поэтому во всей деревне не найдешь более усердной женщины, кроме, пожалуй, госпожи Кайлас, которая рубит деревья и делает из них бревна и доски. Как бы то ни было, за час с тебя снимут мерки, и, полагаю, уже завтра у тебя будут новые башмаки.

Как и предсказал Нисбет, госпожа Тадоук бегом примчалась из деревни и спросила Нисбета, какие у него будут требования.

— Тем временем, господин Нисбет, я надеюсь, что вы обратите самое пристальное внимание на мой заказ на три новых камня. Бедный Тадоук заработал кашель, и ему совершенно необходимо более насыщенное излучение для поправки здоровья.

— Госпожа Тадоук, башмаки нужны моему помощнику Кугелю, чьи старые туфли уже давно просят каши, так что его пальцы скребут по земле.

— Какой ужас!

— Что касается ваших камней, полагаю, что первый из трех по плану будет доставлен вам приблизительно через недельку, а два других

чуть погодя.

— Вот это действительно хорошая новость! А сейчас, господин Кугель, что там с вашими башмаками?

— Я давно восхищаюсь теми, которые носит Нисбет. Пожалуйста, сделайте мне точно такие же.

Госпожа Тадоук озадаченно взглянула на него.

— Но ступни господина Нисбета на два дюйма длиннее ваших, чуть более узкие и к тому же плоские, точно камбалы!

Кугель на минуту призадумался. Положение было поистине затруднительным. Если волшебство скрывалось в башмаках Нисбета, то лишь их точные копии могли подойти для выполнения плана Кугеля.

Нисбет разрешил это затруднение, сказав:

— Разумеется, госпожа Тадоук, сделайте башмаки по мерке Кугеля. Зачем ему делать заказ на тесные ботинки?

— Да, некоторое время я была в недоумении, — призналась госпожа Тадоук. — А сейчас я должна бежать домой, чтобы раскроить кожу. У меня есть отличная шкура со спины старого буйвола, и я сошью вам такие башмаки, которые вы не сносите до конца жизни, или пока не потухнет солнце

— что произойдет раньше. В любом случае, вам не понадобится других башмаков. Ну хорошо, побегу работать.

На следующий день Кугель получил свои туфли, и, как он и заказывал, они во всем, за исключением размера, точь-в-точь походили на башмаки Нисбета.

Нисбет одобрительно осмотрел обнову.

— Госпожа Тадоук нанесла на них пропитку, которая была бы достаточно хороша для обычных людей, но как только она сотрется и кожа почувствует жажду, мы наложим воск оссипа, и твои башмаки будут такими же крепкими, как и мои.

Кугель с воодушевлением хлопнул в ладоши.

— Я предлагаю отметить доставку этих башмаков еще одним торжественным ужином!

— Почему бы и нет? Пара превосходных башмаков — это то, что, вне всякого сомнения, стоит отпраздновать!

Они пообедали бобами с беконом, болотными куропатками, фаршированными грибами, кислой капустой, оливками и головкой сыра. Эти яства они запили тремя бутылками Зей-Кембельского вина, известного под именем «Серебристый Иссоп». Так сказал Нисбет, который как собиратель древностей изучил множество старинных

манускриптов. Осушая свои кубки, они поднимали тосты не только за госпожу Тадоук, но и за давно мертвого виноторговца, чьими запасами они сейчас наслаждались, хотя и казалось, что вино уже немного утратило свой несравненный вкус.

Как и в прошлый раз, Нисбет опьянел и лег вздремнуть на кушетку в гостиной. Кугель отстегнул пятигранный амулет и вернулся к своим экспериментам.

Его новые башмаки, несмотря на все их внешнее сходство с башмаками Нисбета, были лишены всех полезных свойств, за исключением тех, на которые они были рассчитаны, тогда как туфли Нисбета, сами по себе или в сочетании с амулетом, с легкостью уничтожали действие силы тяжести.

«Очень странно, — думал Кугель, возвращая амулет на свое место на кожаном шнурке на шее Нисбета. — Единственная разница между двумя парами башмаков — в покрытии воском оссипа, с ягод, собранных в саду Макке-Отвращенца».

Поиск коробочки с воском в беспорядке, который создавался поколениями, представлялся Кугелю не самой легкой задачей. Кугель отправился на свою кушетку.

Утром Кугель сказал Нисбету:

— Мы славно потрудились, и пришла пора устроить маленький выходной. Предлагаю прогуляться к тому утесу и исследовать сады Макке-Отвращенца. Мы также можем набрать ягод оссипа для смазки башмаков, и — кто знает — можем даже случайно найти еще один амулет.

— Неплохая идея, — согласился Нисбет. — Я и сам сегодня не чувствую желания работать.

Они направились через долину к утесу; им предстояло пройти около мили. Кугель тянул мешок со всем необходимым, к которому Нисбет прикоснулся своим амулетом и пнул, чтобы лишить его веса. Путь до утеса был нетрудным, они взобрались на него и вошли в сад Макке.

— Ничего не осталось, — грустно промолвил Нисбет. — Только одно дерево оссип, которое, кажется, цветет, несмотря на заброшенность. Вон та куча булыжников — это все, что осталось от дворца Макке, который был построен в форме пятигранника, как и амулет.

Кугель приблизился к груде камней, и ему показалось, что он заметил облачко пара, поднимающегося сквозь трещины. Он подошел поближе и, опустившись на колени, передвинул несколько камней. До него донесся звук чьего-то

голоса, затем второй, которые, казалось, о чем-то оживленно спорили между собой. Голоса были такими слабыми и неотчетливыми, что нельзя было разобрать ни слова, и Нисбет, когда Кугель подозвал его к расселине, вообще ничего не услышал.

Кугель отошел от кучи. Если сдвинуть камни, то можно найти волшебные сокровища или, что более вероятно, навлечь на свою голову невообразимые несчастья. Нисбет был того же мнения, и они оба отошли немного назад от разрушенного здания. Сидя на плоском выщербленном камне, они перекусили хлебом, сыром, пряной колбасой и луком и запили их деревенским пивом.

В нескольких ярдах от них серебристо-серый искривленный оссип, ствол которого был около пяти футов в диаметре, тянул к ним свои тяжелые ветви. Серебристо-зеленые ягоды гроздьями свисали с кончика каждой ветки — восковые шарики, каждый диаметром в полдюйма.

После того, как Кугель с Нисбетом насытились, они нарвали ягод и набили ими четыре мешка, которые Нисбет прикосновением своего амулета заставил подняться в воздух. Волоча за собой свою добычу, они вернулись в каменоломню.

Нисбет достал большой котел и вскипятил

воду, затем добавил туда ягоды. Через некоторое время на поверхности воды появилась пена.

— Это воск, — пояснил Нисбет, собирая его в миску.

Процедуру повторили четырежды, до тех пор, пока все ягоды не были сварены и миска не наполнилась воском.

— Сегодня мы проделали неплохую работу, — объявил Нисбет. — Почему бы нам хорошенько не пообедать? В кладовой есть парочка отличных филе, присланных госпожой Петиш, — она деревенский мясник. Если ты будешь так добр разжечь огонь в очаге, я поищу в погребе подходящее вино.

И снова Кугель и Нисбет принялись за обильную трапезу, но как раз, когда Нисбет начал открывать вторую флягу вина, до их ушей донесся шум хлопнувшей двери и тяжелые шаги. Через миг высокая полная женщина с толстыми руками и ногами, запавшими щеками, сломанным носом и всклокоченными красно-рыжими волосами вошла в комнату.

Нисбет с трудом поднялся на ноги.

— Госпожа Секворс! Вот уж не ожидал увидеть вас здесь в такое время!

Госпожа Секворс неодобрительно оглядела

стол.

— Почему вы не обтесываете мои камни? Они уже давно должны быть готовы!

— Сегодня мы с Кугелем занимались важным делом, — с холодной надменностью ответил Кугель, — а теперь, как у нас заведено, мы обедаем. Приходите завтра с утра.

Госпожа Секворс и ухом не повела.

— Вы завтракаете слишком поздно, а ужинаете слишком рано. Кроме того, вы пьете чересчур много вина. А мой муж тем временем должен ютиться в тени мужей госпожи Петиш, госпожи Гексель, госпожи Кроульскс и всех остальных. Поскольку моя доброта ни к чему не привела, я решила испробовать новую тактику, для которой я использую определение «страх». В двух словах: если вы немедленно не исполните мой заказ, я приведу сюда своих сестер, и мы разнесем здесь все в щепки!

Нисбет попытался придать своему голосу всю возможную любезность и воззвать к благоразумию неожиданной посетительницы:

— Если я подчинюсь вашему требованию…

— Не требованию, а угрозе!

— Другие женщины могут также попробовать запугать меня, и тогда мое упорядоченное дело

пойдет прахом.

— Мне наплевать на ваши проблемы! Мне нужны мои камни, и немедленно!

Кугель поднялся на ноги.

— Госпожа Секворс, вы ведете себя до странности грубо! Раз и навсегда говорю вам: не смейте давить на Нисбета! Он сделает вам ваши камни, когда придет время. А теперь он требует, чтобы вы немедленно покинули помещение, и без лишнего шума!

— Что, теперь Нисбет ставит свои условия? — Шагнув вперед, разъяренная госпожа Секворс схватила старика за бороду. — Я не за тем сюда пришла, чтобы слушать ваше бахвальство! — Резко дернув за бороду, она отступила назад. — Я ухожу, но лишь потому, что я сказала все, что хотела, и надеюсь, что вы воспримете мои слова всерьез!

Госпожа Секворс удалилась, и повисло тяжелое молчание. Наконец Нисбет проговорил деланно веселым голосом:

— Впечатляющее вторжение, нечего сказать. Я должен напомнить госпоже Викско взглянуть на мои замки. Пойдем, Кугель! Вернемся к нашему ужину!

Они вновь принялись за еду, но праздничное

настроение безвозвратно ушло. Наконец Кугель сказал:

— Что нам нужно, так это запас, или склад, камней, готовых к установке, чтобы мы могли вовремя удовлетворять требования этих спесивых куриц.

— Вне всякого сомнения. Но как это сделать?

Кугель склонил голову набок.

— Готовы ли вы к нетрадиционным методам?

С бравадой, вызванной частично выпитым вином, частично неделикатным обращением госпожи Секворс с его бородой, Нисбет провозгласил:

— Я — человек, который ни перед чем не остановится, если обстоятельства велят действовать решительно!

— В таком случае давайте примемся за работу! У нас целая ночь! Мы разделаемся со всеми своими проблемами раз и навсегда! Несите лампы.

Несмотря на свое решительное заявление, Нисбет последовал за Кугелем не слишком уверенными шагами.

— И все-таки, что конкретно у тебя на уме?

Но Кугель отказался обсуждать свой план, пока они не пришли к колоннам. Там он сделал знак замешкавшемуся Нисбету идти быстрее.

— Нельзя терять времени! Поднесите лампу к этой колонне.

— Это колонна Фидикса.

— Не имеет значения. Ставьте лампу, дотроньтесь своим амулетом до колонны и пните ее, только очень легонько. Но сначала позвольте мне перевязать колонну вот этой веревкой… Вот так. Замечательно. А теперь приложите амулет и пинайте!

Нисбет подчинился; колонна мгновенно стала невесомой, и Кугель вытащил «единицу», оттолкнув камень в сторону. Через несколько секунд волшебство утратило силу, и колонна вернулась в прежнее положение.

— Вот! — воскликнул Кугель. — Этот камень мы перенумеруем и продадим госпоже Секворс. И конец ее глупостям!

Нисбет решительно возразил:

— Фидикс, несомненно, заметит пропажу!

Кугель с улыбкой покачал головой.

— Вряд ли. Я наблюдал за тем, как мужчины взбираются на колонны. Они выходят из домов, зажмурившись и в полудреме, и не замечают ничего, за исключением состояния погоды и ступенек своей лестницы.

Нисбет с сомнением потянул себя за бороду.

— Завтра, когда Фидикс заберется на свою колонну, он обнаружит, что она необъяснимым образом стала ниже на один камень.

— Вот почему необходимо убрать «единицу» из каждой колонны. Так что за работу! Нам придется убрать много камней.

Когда небо осветила первая утренняя заря, Кугель и Нисбет притащили последний камень в тайник за грудой булыжников на дне каменоломни. Нисбет был охвачен робкой радостью.

— В первый раз за всю мою жизнь у меня под рукой достаточное количество камней, и почти без труда! Теперь наша жизнь потечет более гладко. Кугель, у тебя острый и изобретательный ум!

— Сегодня нам придется работать как всегда. Тогда, если паче чаяния они заметят понижение, мы просто будем отрицать, что что-нибудь об этом знаем, или вообще свалим все на маотов.

— А еще можно сказать, что под тяжестью колонны нижний камень ушел в землю.

— Верно. Нисбет, этой ночью мы превзошли себя!

На небе взошло солнце, и показалась первая группа мужчин, бредущих из деревни. Как Кугель и предсказал, каждый забрался на вершину своей колонны и устроился там, не обнаруживая

никаких признаков сомнения или недоумения, и Нисбет с облегчением рассмеялся.

За следующие несколько недель Кугель и Нисбет выполнили огромное количество заказов, хотя и не настолько чрезмерное, чтобы вызвать толки. Госпоже Секворс досталось два камня вместо трех, которые она требовала, но она не выказала неудовольствия.

— Я знала, что могу получить то, чего захочу! Чтобы добиться удовлетворения своих желаний, нужно только намекнуть о неприятных альтернативах. Через некоторое время я закажу еще два камня, за которые могу дать совершенно немыслимую цену. Вы даже можете начать работу над ними прямо сейчас, чтобы мне не пришлось ждать. Что, Нисбет? Помнишь, как я оттаскала тебя за бороду?

Нисбет ответил с официальной вежливостью:

— Я зарегистрирую ваш заказ, и он будет выполнен в надлежащем порядке.

Госпожа Секворс лишь хрипло расхохоталась в ответ и удалилась.

Нисбет печально вздохнул.

— Я надеялся, что такой поток камней заставит наших клиентов успокоиться, но, пожалуй, мы только подстегнули их аппетиты. Госпожа

Петиш, например, раздражена тем, что муж госпожи Джиллинскс теперь сидит на такой же высоте, как сам Петиш. Госпожа Вайберл воображает себя главой деревни и настаивает, что Вайберл должен быть на два камня выше, чем те, кто ниже его по положению.

Кугель пожал плечами:

— Мы можем сделать лишь то, что возможно.

Но камни из кучи в тайнике неожиданно быстро закончились, и деревенские женщины снова стали докучать Нисбету с Кугелем своими притязаниями. Те подробно обсудили ситуацию и решили отвечать на неумеренные требования полной непреклонностью.

Некоторые женщины, однако, обратив внимание на то, каким образом госпожа Секворс добилась успеха, начали предъявлять еще более категорические требования. В конце концов Кугелю с Нисбетом пришлось примириться с неизбежностью и однажды ночью выйти к колоннам, чтобы убрать все «двойки». Как и прежде, никто ничего не заметил. Кугель и Нисбет попытались рассчитаться со всей задолженностью по заказам, и старинная урна, в которой Нисбет хранил свои терции, вскоре наполнилась до краев и даже переполнилась.

Однажды к Нисбету пришла поговорить молодая женщина.

— Я — госпожа Мупо; я замужем только неделю, но пришло время начать строить колонну для Мупо, который довольно слаб здоровьем и нуждается в энергии верхнего уровня. Я осмотрела территорию и выбрала место, но когда я проходила рядом с колоннами, то заметила одно странное обстоятельство. На всех нижних камнях стоят номера «три» вместо «один», что казалось бы более правильным. В чем причина?

Нисбет начал лепетать что-то бессвязное, но в разговор быстро вмешался Кугель.

— Это нововведение, изобретенное для того, чтобы помочь таким же молодым семьям, как ваша. Например, Вайберл наслаждается чистым и не рассеявшимся излучением на своем «двадцать четвертом». Если вы начнете с «трех» вместо «одного», то будете лишь на двадцать один камень ниже его, а не на двадцать три.

Госпожа Мупо понимающе кивнула.

— Это действительно очень полезное нововведение!

— Мы не разглашаем эти сведения, поскольку не сможем угодить всем. Можете считать эту услугу любезным подарком Нисбета лично вам, и

так как бедняга Мупо не слишком крепкого здоровья, мы предоставим вам не только «три», но и «четыре». Но только вы не должны никому об этом рассказывать, даже Мупо, ибо мы не можем делать такие подарки всем подряд.

— О, я все понимаю! Об этом никто не узнает!

На следующее утро в каменоломне появилась госпожа Петиш.

— Нисбет, моя племянница, та, что недавно вышла замуж за Мупо, рассказывает мне какие-то странные и нелепые истории о «тройке» и «четверке», которые, откровенно говоря, я не могу понять. Она клянется, что ваш помощник, Кугель, пообещал ей один камень бесплатно, как подарок молодой семье. Я заинтересовалась потому, что на следующей неделе еще одна моя племянница выходит замуж, и если вы продаете всяким молокососам два камня по цене одного, то будет только справедливо, если вы поступите так же со старым и ценным клиентом, таким, как я.

— Мое объяснение ввело госпожу Мупо в заблуждение, — вежливо объяснил Кугель. — Недавно мы заметили у колонн бродяг и кочевников. Мы велели им убираться, а потом, чтобы обмануть возможных воров, внесли изменения в нашу систему нумерации. На деле ничего не

изменилось, и вам не о чем беспокоиться.

Госпожа Петиш удалилась, с недоверием качая головой. Остановившись у колонн, она несколько минут разглядывала их сверху донизу, а затем вернулась в деревню.

Нисбет нервно проговорил:

— Надеюсь, больше никто не будет приставать к нам с вопросами. Ваши ответы поразительны и заморочили голову даже мне, но другие могут быть более проницательными.

— Я думаю, что это был последний подобный вопрос, — заверил его Кугель, и оба вернулись к работе.

Около полудня из деревни вышла госпожа Секворс в сопровождении своих сестер. Они несколько минут потоптались около колонн, а потом направились к каменоломне.

Нисбет прошептал дрожащим голосом:

— Кугель, я назначаю тебя ответственным за это дело. Постарайся умаслить этих дам.

— Я сделаю все возможное, — ответил ему Кугель и вышел навстречу госпоже Секворс. — Ваши камни еще не готовы. Приходите через неделю.

Госпожа Секворс как будто и не слышала его слов. Она обвела каменоломню своими водянисто-голубыми глазами.

— Где Нисбет?

— Он неважно себя чувствует. Еще раз повторяю: срок заказа — месяц или больше, поскольку нам приходится добывать очень много белокамня. Я очень сожалею, но мы не сможем обслужить вас хоть сколько-нибудь раньше.

Госпожа Секворс вперила ледяной взгляд в Кугеля.

— Где «единицы» и «двойки»? Почему они исчезли и первыми идут «тройки»?

Кугель притворился искренне удивленным.

— Неужели это действительно так? Очень странно. И все же ничто не вечно, и «единицы» с «двойками» могли раскрошиться в пыль.

— У основания колонн нет никакого следа этой пыли.

Кугель пожал плечами.

— Поскольку колонны остались на той же относительной высоте, не вижу в этом большого вреда.

Из другого конца каменоломни, запыхавшись, прибежала одна из сестер госпожи Секворс.

— Мы нашли спрятанную под осколками кучу камней, и на каждом из них выбито «два»!

Госпожа Секворс бросила на Кугеля косой взгляд, затем развернулась и зашагала назад к

деревне в сопровождении своих сестер.

Кугель мрачно отправился к дому Нисбета. Тот подслушивал из-за двери.

— Все изменилось, — объявил Кугель. — Пора смываться.

Нисбет подскочил, пораженный до глубины души.

— Смываться? А мой чудесный дом? Мои древности и мои замечательные безделушки! Это немыслимо!

— Боюсь, что госпожа Секворс не ограничится простой критикой. Помните, как она обошлась с вашей бородой?

— Разумеется, помню, но в этот раз я буду защищаться! — Нисбет подошел к шкафу и выбрал меч. — Это самая лучшая сталь из Древнего Харая! Сюда, Кугель! Еще одно такое же лезвие! Носи его достойно!

Кугель прицепил старинный меч к поясу.

— Сопротивление — это замечательно, но целая шкура много лучше. Предлагаю подготовиться ко всем возможным случаям.

— Ни за что! — гневно воскликнул Нисбет. — Я встану на пороге своего дома, и первый, кто осмелится сюда сунуться, отведает моего меча!

— Они будут держаться на расстоянии и швы-

рять камни, — предостерег старика Кугель.

Нисбет не обратил на его слова никакого внимания и пошел к двери. Кугель немного поразмыслил, потом понес разные вещи к повозке, оставленной маотскими торговцами: провизию, вино, ковры, одежду. Затем он спрятал в свой мешок коробочку с воском из ягод оссипа, предварительно намазав им свои башмаки, и пару пригоршней терциев из заветной урны Нисбета. Вторую коробочку с воском он бросил в повозку.

Работу Кугеля прервал возбужденный крик Нисбета:

— Кугель! Они идут, и очень быстро! Как будто полчище разъяренных зверей!

Кугель подбежал к двери и оглядел приближающихся женщин.

— Вы с вашим геройским мечом можете, конечно, отогнать эту орду от парадной двери, но они просто войдут с черного входа. Я предлагаю бегство. Повозка ждет нас.

Нисбет неохотно подошел к повозке и оглядел приготовления Кугеля.

— А где мои терции? Ты погрузил воск для обуви, но не взял терции! Это неразумно!

— Воск для обуви я нашел, но у меня нет вашего амулета, уничтожающего силу притяжения. Урна

слишком тяжелая, я не смог ее дотащить.

Нисбет все же побежал в дом и, сгибаясь под тяжестью урны, вытащил ее во двор, рассыпая монеты.

Женщины между тем были уже совсем близко. Заметив повозку, они издали громогласное яростное рычание.

— Стойте, мошенники! — завопила госпожа Секворс.

Ни Кугель, ни Нисбет не обратили никакого внимания на ее призыв.

Нисбет дотащил свою урну до повозки и взвалил ее к остальным вещам, но, попытавшись взобраться туда сам, упал, и Кугелю пришлось затаскивать его на повозку. Кугель пнул телегу и с такой силой толкнул ее, что она взмыла в воздух, но когда он попытался запрыгнуть на нее, то потерял опору и рухнул на землю.

У него не осталось времени на вторую попытку; женщины были уже совсем близко. Держа меч и мешок так, чтобы они не мешали бежать, Кугель помчался со всех ног, преследуемый самыми быстрыми из разъяренных женщин.

Через полмили преследовательницы прекратили погоню, и Кугель остановился перевести дух. Над домом Нисбета уже поднимался дым —

злобствующая толпа устроила запоздалую месть. Мужчины стояли в полный рост на верхушках своих колонн, чтобы лучше видеть все происходящее. Высоко в небе повозка плыла на восток, подгоняемая ветром, и Нисбет свешивался с ее края, стараясь разглядеть на земле Кугеля.

Кугель тяжело вздохнул. Перебросив мешок через плечо, он пошел на юг в направлении Порт-Пергуша.

Глава вторая
Фонсельм

Определяя направление по огромному красному солнцу, Кугель шел на юг через безводную пустыню. Небольшие валуны отбрасывали черные тени; редкие кусты «отойди-ка», с мясистыми листьями, похожими на розовые мочки уха, кровожадно тянули колючки к проходившему мимо них Кугелю.

Горизонт туманила дымка цвета размытого кармина. Не было видно ни следов человеческой деятельности, ни единого живого существа, за исключением единственного случая, когда далеко на юге Кугель заметил пельграна внушительных размеров, неторопливо летевшего на огромных

крыльях с запада на восток. Кугель ничком бросился на землю и лежал неподвижно до тех пор, пока дымка на восточном краю неба не скрыла крылатое чудище. Тогда он поднялся, отряхнул одежду и продолжил свой путь на юг.

Бледная земля отражала тепло. Кугель остановился и начал обмахивать шляпой вспотевшее лицо. При этом он задел запястьем за «Фейерверк», чешуйку, которую он теперь использовал в качестве украшения на шляпе. Прикосновение вызвало мгновенную жгучую боль и какое-то сосущее ощущение, как будто «Фейерверк» хотел поглотить всю руку Кугеля, а может быть, даже и больше. Кугель искоса взглянул на украшение: он ведь едва-едва задел его запястьем! Да, «Фейерверк» был вовсе не тем предметом, с которым можно было обойтись походя.

Кугель осторожно водрузил шляпу назад на голову и во всю прыть отправился на юг, надеясь найти приют до наступления ночи. Он шел такой стремительной походкой, что почти перелетел через край промоины в пятьдесят ярдов шириной, но резко остановился, на одной ноге балансируя над бездной, а в ста футах под ним поблескивало черное подземное озеро. Несколько напряженных секунд Кугель, шатаясь, пытался

обрести равновесие, затем его качнуло назад, на твердую землю.

Переведя дух, Кугель пошел вперед с огромной осторожностью. Еще через несколько миль он наткнулся на другие промоины, больших или меньших размеров, и почти ничто не предвещало их присутствия: кромка — и далекий всплеск темной воды под ногами.

Через края больших промоин свешивались плакучие ивы, полускрывая вереницы странных строений. Они были узкими и высокими, точно составленные одна на другую ящики. Казалось, они были выстроены безо всякой логики, и части конструкций покоились на ветвях ив.

Народец, построивший эти древесные башенки, было трудно разглядеть в тенистой листве. Кугель заметил их, когда они бросились к необычным маленьким окнам; несколько раз ему показалось, что он видел, как они ныряли внутрь промоины на салазках, выточенных из местного известняка. Фигурами они походили на маленьких человечков или мальчиков, хотя их лица наводили на мысли о своеобразном гибриде ящерицы, жука-рогача и маленького джида. Поверх своих серо-зеленых шкур они надевали сборчатые набрюшники из каких-то тусклых во-

локон и шапки с черными наушниками, по всей видимости, сделанные из человеческих черепов.

Внешность этих созданий оставила Кугелю очень мало надежд на радушный прием и побудила его уйти, подобру-поздорову, прежде чем они пустились за ним в погоню.

Чем ниже садилось солнце, тем больше Кугель начинал нервничать. Если он попытается продолжать свой путь в темноте, то, вне всякого сомнения, угодит в промоину. Если же решит переночевать под открытым небом, завернувшись в свой плащ, то наверняка станет добычей виспов, которые стояли, выпрямившись во весь свой девятифутовый рост, и сверкающими розовыми глазами вглядывались во тьму, вынюхивая запах плоти двумя гибкими хоботами, растущими с каждой стороны гребешков на их головах.

Нижний край солнца уже коснулся горизонта. В отчаянии Кугель наломал веток хрупокуста, которые очень хорошо горели и могли с успехом заменить факел. Приблизившись к окаймленной плакучими ивами промоине, он выбрал древесную башенку, стоявшую несколько обособленно от остальных. Подобравшись ближе, он заметил юркие тени, мелькавшие туда-сюда перед окнами.

Кугель вытащил меч и забарабанил им по дощатой стене.

— Это я, Кугель, — загремел он. — Я — король этой жалкой пустыни! Почему никто из вас не платит мне дань?

Внутри раздался хор пронзительных ругательств, а из окон полетел мусор. Кугель отошел назад и зажег одну из своих веток. Из окон понеслись яростные вопли, и несколько обитателей башенки вылезло на ветви плакучей ивы и скользнуло в темную воду промоины.

Кугель подозрительно осмотрел свой тыл, чтобы никто из обитателей древесных башенок не мог подобраться сзади и запрыгнуть ему на спину. Он еще раз постучал по стене.

— Ну, хватит уже помоев и мусора! Немедленно выкладывайте тысячу терциев или освободите помещение!

Из башенки доносилось лишь шипение и шепот. Поглядывая по сторонам, Кугель обошел строение. Найдя дверь, он просунул внутрь факел, осветивший мастерскую с полированной скамьей из известняка вдоль стены, на которой стояло несколько алебастровых кувшинов, чашек и подносов. Ни очага, ни печки не было — по всей видимости, древесный народец не использовал

огня; не было и сообщения с верхними уровнями — ни приставных, ни подвесных лестниц, ни обычных ступеней.

Кугель положил свои ветки хрупокуста и горящий факел на грязный пол и вышел наружу, чтобы принести еще дров. В фиолетовом свете зари он набрал четыре охапки хвороста и притащил их в древесную башенку; во время своего последнего захода он услышал в пугающей близости от себя тоскливый крик виспа.

Кугель поспешно вернулся в древесную башенку. Ее жители еще раз разразились гневными протестующими воплями, и эхо, мечущееся туда-сюда внутри промоины, отразило их пронзительные крики.

— Уймитесь, негодяи! — закричал Кугель. — Я уже почти заснул!

Его приказ остался незамеченным. Кугель принес из мастерской свой факел и принялся размахивать им во все стороны. Гвалт мгновенно затих.

Кугель вернулся в мастерскую и заложил дверь известняковой плитой, которую подпер багром; затем развел огонь таким образом, чтобы он горел медленно, по одной головне за раз. Завернувшись в плащ, он погрузился в сон.

За ночь он несколько раз просыпался, чтобы подбросить хвороста в костер, прислушаться и осмотреть промоину через щель в стене, но тишину нарушали лишь крики виспов.

Утром Кугель поднялся с первыми лучами солнца. Сквозь трещины он внимательно оглядел окрестности древесной башенки, но не заметил ничего подозрительного и не услышал ни звука.

Кугель задумчиво скривил губы. Он чувствовал бы себя уверенней, если бы заметил более или менее явное проявление враждебности со стороны древесного народца. Тишина была слишком уж невинной.

Кугель спросил себя:

— Как в подобном случае я сам наказал бы незваного гостя, столь же дерзкого, как я?

Затем:

— К чему рисковать, попробовав воспользоваться огнем или мечом?

И наконец:

— Логика подсказывает мысль о ловушке. Так что надо глянуть, что там видно.

Кугель отодвинул известняковую плиту от двери. Все было тихо, даже еще тише, чем раньше. Вся промоина как будто затаила дыхание. Кугель изучил землю перед древесной башенкой. Погля-

дев по сторонам, он заметил веревки, свисающие с ветвей ивы. На площадке перед дверью было насыпано подозрительно много земли, которая, тем не менее, совсем не могла скрыть очертания замаскированной под ней сети. Кугель поднял кусок известняка и швырнул его в заднюю стену. Доски, скрепленные деревянными гвоздями и ивовой лозой, разлетелись в стороны; Кугель выскочил через дырку и был таков, а в спину ему полетели крики ярости и разочарования.

Кугель все так же шел на юг, к дальним холмам, которые, точно тени, вырисовывались в дымке на горизонте. В полдень он наткнулся на заброшенную усадьбу на берегу небольшой речушки, где с удовольствием утолил жажду. В заросшем саду ему попалась дикая яблоня, ломившаяся под тяжестью спелых плодов. Наевшись до отвала, Кугель набил яблоками свой мешок.

Он уже собрался возобновить свой путь, когда заметил каменную плиту с полустершейся надписью:

ЗЛЫЕ ДЕЯНИЯ БЫЛИ СОВЕРШЕНЫ НА ЭТОМ МЕСТЕ

* * *

ДА ПОЗНАЕТ ФОСЕЛЬМ, ЧТО ТАКОЕ БОЛЬ, ДО ТОГО, КАК ПОГАСНЕТ СОЛНЦЕ

* * *

И ПОТОМ

По спине у Кугеля побежали мурашки, и он беспокойно оглянулся через плечо.

— Лучше поскорее убраться отсюда, — сказал он себе и зашагал прочь во всю прыть своих длинных ног.

Через час Кугель проходил мимо леса, где приметил маленькую восьмиугольную часовню с обвалившейся крышей. Он осторожно заглянул внутрь, обнаружив, что в спертом воздухе висит омерзительный запах виспа. Кугель попятился, но тут его внимание привлекла бронзовая пластинка, вся в зеленых разводах. Выгравированные на ней письмена гласили:

ДА НЕ ВЛАСТВУЮТ ЗДЕСЬ БОГИ ГНИЕННА,

* * *

ДЕМОНЫ ГНАРРЫ ПЕКУТСЯ О НАС

* * *

ОТ ЯРОСТИ ФОСЕЛЬМА

Кугель тихонько вздохнул и вышел из часовни. В этом краю и прошлое, и настоящее были угнетающими; Кугель сможет вздохнуть спокойно, лишь оказавшись в Порт-Пергуше! Он вновь направился на юг с еще большей скоростью, чем раньше.

Когда день померк, местность превратилась в череду возвышенностей и болотистых низин, предвещая первый подъем на холмы, которые теперь уже подступали с юга, вздымаясь ввысь. У их подножий росли деревья, отбившиеся от росших на более высоком уровне лесов: милаксы с черной корой и широкими розовыми листьями; бочковые кипарисы, густые и непроходимые; бледно-серые парменты, роняющие бусы сферических черных орешков; кладбищенские дубы, сучковатые и толстые, с искривленными раскидистыми ветками.

Как и прошлым вечером, Кугель встречал наступление сумерек с дурным предчувствием. Когда солнце закатилось за дальние холмы, он выбрался на дорогу, шедшую почти параллельно холмам, которая, возможно, так или иначе долж-

на была привести его в Порт-Пергуш.

Широко шагая по дороге, Кугель смотрел направо и налево, и, к своей великой радости, увидел остановившуюся в полумиле к востоку от него крестьянскую телегу, у задка которой стояли трое мужчин.

Чтобы не произвести впечатление крайней спешки, Кугель замедлил свои шаги, как будто всего лишь неторопливо прогуливался, словно обычный путник, но ни один из людей у телеги, казалось, ничего не заметил или не придал этому никакого значения.

Подойдя ближе, Кугель увидел, что у телеги, запряженной четырьмя мермелантами, отвалилось заднее колесо. Мермеланты делали вид, что это происшествие совершенно их не интересует, и отводили глаза от трех крестьян, которых они предпочитали считать кем-то вроде своих слуг. Телега была нагружена вязанками дров, и в каждом углу возвышался трезубый гарпун, призванный служить средством устрашения в случае нежданного нападения пельграна.

Когда Кугель приблизился, фермеры, которые, очевидно, были братьями, оглянулись на него, а потом хмуро вернулись к созерцанию отвалившегося колеса.

Кугель подошел к повозке. Крестьяне искоса наблюдали за ним с таким полным отсутствием интереса, что лицо Кугеля, на котором уже была готова расцвести любезная улыбка, застыло.

Кугель прочистил горло.

— Кажется, что-то случилось с вашим колесом?

Самый старший из братьев угрюмо пробурчал:

— Нам не «кажется», что с нашим колесом что-то случилось. Ты что, принимаешь нас за дураков? Что-то определенно и действительно не так. Потерялось стопорное кольцо и вывалился подшипник. Это серьезная проблема, так что иди-ка своей дорогой и не мешай нам думать.

Кугель с лукавым упреком поднял вверх палец.

— Эй, дружище, никогда не стоит быть таким самоуверенным! Возможно, я смогу вам помочь.

— Ба! А ты-то что знаешь о таких вещах?

Второй брат пренебрежительно спросил:

— Откуда у тебя такая дурацкая шляпа?

Третий брат отпустил тяжеловесную шуточку:

— Если ты потащишь телегу за ось, а мы будем катить колесо, тогда ты, конечно, сможешь нам помочь. А если нет, так проваливай!

— Вы, разумеется, можете смеяться, но не ис-

ключено, что я в действительности могу сделать что-то в таком духе, — обиженно сказал Кугель. Он на глаз оценил телегу, которая, несомненно, весила много меньше, чем любая из колонн Нисбета. Его башмаки были натерты воском оссипа, и все было в порядке. Он шагнул к повозке и пнул ее. — Вот, теперь можете проверить, что и телега, и колесо не тяжелее пушинки. Попробуйте поднять и сами убедиться.

Младший из братьев ухватился за колесо и поднял его с такой силой, что потерявший вес диск выскользнул из его рук и взмыл высоко в воздух, где его подхватил налетевший ветер и унес на восток. Повозка же, с подставленным под ось валуном, не Поддалась действию волшебства и осталась такой же тяжелой, как и была.

Колесо уплывало по небу вдаль. Вдруг, откуда ни возьмись, появился пельгран и, бросившись на колесо, унес его прочь.

Кугель и три крестьянина проводили взглядом летающее чудище, исчезнувшее в горах вместе с колесом.

— Ну, — спросил старший, — и что теперь?

Кугель с сожалением покачал головой.

— Я не рискну сделать еще одну попытку.

— Новое колесо стоит десять терциев, — ска-

зал старший. — А ну плати нам немедленно! И поскольку я никого никогда не пугаю, не буду рассказывать тебе о том, что будет, если ты откажешься!

Кугель выпрямился:

— Я не из тех, кого можно испугать пустыми угрозами!

— А как насчет хорошей дубины или вил?

Кугель предусмотрительно отступил назад и положил руку на рукоятку меча.

— Если по дороге потечет кровь, она будет вашей, а не моей!

Крестьяне стояли на месте, собираясь с мыслями. Кугель возвысил голос.

— За такое колесо, как ваше, отвалившееся, сломанное и сношенное почти до спиц, дадут не больше двух терциев. Требовать больше может только человек, который смотрит на мир нереалистично.

Старший брат напыщенно заявил:

— Мы пойдем на компромисс! Я упомянул десять терциев, ты говорил о двух. Если вычесть из десяти два, получится восемь. Заплати нам восемь терциев, и дело с концом!

Кугель все еще колебался.

— Я чую во всем этом какой-то подвох. Восемь

терциев — это слишком много! Не забывайте, я действовал из чистого альтруизма! Неужели мне придется заплатить за доброе дело?

— Так ты считаешь, что отправить наше колесо кувыркаться в воздухе — это доброе дело? Если такова твоя доброта, пощади нас от чего-нибудь более худшего!

— Давайте взглянем на проблему под другим углом, — предложил Кугель. — Мне нужен ночлег. Далеко ли ваша усадьба?

— В четырех милях, но нам сегодня не придется спать в своих постелях — мы останемся здесь и будем стеречь наше имущество.

— Есть другой выход, — сказал Кугель. — Я могу сделать так, что вся телега потеряет вес.

— Что? — вскричал старший брат. — Чтобы мы потеряли нашу повозку точно так же, как и колесо?

— Мы вовсе не такие болваны, за которых ты нас принимаешь! — провозгласил средний.

— Отдай рам наши деньги и иди своей дорогой! — присоединился к ним младший. — Если тебе негде переночевать, попросись в дом к Фосельму, это в миле отсюда по дороге.

— Великолепная идея! — воскликнул старший с широкой ухмылкой. — И почему она не при-

шла мне в голову? Но сначала — наши десять терциев!

— Десять терциев? Ну и шутки у вас! Прежде чем расстаться хотя бы с грошом, я желаю узнать, где можно спокойно провести ночь.

— А мы тебе разве не сказали? Обратись к Фосельму! Он, как и ты, альтруист и с радостью принимает в своем доме всяких бродяг.

— В модных шляпах или без них, — хихикнул младший.

— В давние времена, кажется, Фосельм опустошил весь этот край. А ваш Фосельм — его тезка? Не пошел ли он по стопам своего прототипа?

— Я ничего не знаю ни о самом Фосельме, ни о его предках, — пожал плечами старший брат.

— У него большой дом, — добавил средний. — Он никому не дает от ворот поворот.

— Даже сейчас из его трубы идет дым, — сказал младший. — Отдай нам деньги и можешь идти куда хочешь. Наступает ночь, а нам надо еще приготовиться защищаться от виспов.

Кугель полез в свою сумку и, покопавшись в яблоках, извлек оттуда пять терциев.

— Я расстаюсь с этими деньгами не затем, чтобы угодить вам, а чтобы наказать себя за попытку помочь невежественным крестьянам.

На него вновь обрушился поток брани, но наконец деньги были приняты, и Кугель ушел. Чуть-чуть удалившись от повозки, он услышал, как братья залились хриплым хохотом.

Мермеланты развалились в грязи, выискивая своими длинными языками в придорожных лопухах что-нибудь съедобное. Когда Кугель подошел к ним, вожак заговорил, но слов было почти не разобрать из-за того, что у него во рту было полно травы.

— Почему эти дуралеи смеются?

Кугель пожал плечами.

— Я помог им своим волшебством, и их колесо улетело, так что мне пришлось дать им пять терциев, чтобы унять их вопли.

— Шутка, глупая и нахальная, — прошамкал мермелант. — Еще час назад они послали мальчика в деревню за новым колесом. Они уже собрались закатить сломанное колесо в канаву, когда увидели тебя.

— Я не придаю значения таким пустякам, — отмахнулся Кугель. — Они посоветовали мне переночевать в доме Фосельма. С другой стороны, я сомневаюсь в их честности.

— Ох уж эти злокозненные конюхи![5] Они думают, что могут обдурить любого! Они же послали тебя к колдуну с сомнительной репутацией!

Кугель с беспокойством оглядел окрестности.

— А нет ли поблизости какого-нибудь другого убежища?

— Наши конюхи когда-то приютили нескольких путников и убили их в собственных постелях, но никто из них не захотел хоронить тела, так что они бросили это занятие. А другое ближайшее жилье в двадцати милях.

— Это плохая новость, — приуныл Кугель. — А как надо вести себя с Фосельмом?

Мермеланты зачавкали травой. Один из них осведомился:

— А у тебя есть с собой пиво? Мы знатные пивохлёбы и всем показываем свои животы.

— У меня нет ничего, кроме диких яблок, и я с удовольствием поделюсь ими с вами.

— Да, было бы неплохо, — согласился мермелант, и Кугель раздал все плоды, которые нес в

---

[5] Примечания: 5

Мермеланты в своем тщеславии называют своих хозяев «конюхами» и «слугами». Обычно дружелюбные, они любят пиво и, опьянев, встают на дыбы на своих неуклюжих задних ногах, демонстрируя полосатые белые животы. В такой момент любая, даже самая незначительная провокация приводит их в ярость, и они направляют свою огромную силу на разрушение.

сумке.

— Если пойдешь к Фосельму, остерегайся его хитростей! Толстый торговец выжил потому, что всю ночь распевал непристойные песни и ни разу не повернулся к колдуну спиной.

Один из крестьян обошел телегу и раздраженно остановился при виде Кугеля.

— Что ты здесь делаешь? Прекрати докучать нашим мермелантам и проваливай отсюда!

Не удостоив его ответом, Кугель пошел по дороге. Он дошел до жилища Фосельма, когда солнце уже коснулось лесистого горизонта. Это было беспорядочно построенное деревянное сооружение в несколько этажей, с множеством пролетов, низкими квадратными башнями, в которых тут и там были понатыканы окна, с балконами, козырьками, высокими фронтонами и дюжиной высоких тонких труб.

Спрятавшись за деревом, Кугель рассмотрел дом. В нескольких окнах горел свет, но Кугель не заметил внутри ни одного движения. Кугелю показалось, что это был очень милый дом., и вряд ли кто-то мог подумать, что в нем жил злодей-обманщик.

Пригибаясь и прячась в тени деревьев и кустарников, Кугель подошел к зданию. Украдкой,

точно огромный кот, он подобрался к окну и заглянул внутрь.

За столом, читая какую-то книгу с желтыми листами, сидел мужчина неопределенного возраста, сутулый и практически лысый, если не считать каштановой с проседью челки. Длинный крючковатый нос странно выделялся на довольно плоском лице с близко посаженными выпуклыми молочно-золотистыми глазами. Его руки и ноги были длинными и тощими; он был одет в черный бархатный костюм, на каждом его пальце блестело по перстню, а на указательных — целых три. Лицо колдуна казалось спокойным и безмятежным, и Кугель напрасно искал на нем хоть какой-нибудь знак, намекавший на порочность.

Кугель оглядел комнату и ее обстановку. На серванте вперемешку были сложены всякие диковины и редкости: пирамида из черного камня, моток веревки, стеклянные бутылки, маленькие маски, висящие на полке, кипы книг, цитра, бронзовый инструмент, состоящий из множества дуг и перекладин, и выточенный из камня букет цветов.

Кугель проворно подбежал к парадной двери, где нашел тяжелый медный молоток в форме

свисающего из пасти горгульи языка. Он стукнул молотком по двери и закричал:

— Откройте! Честному путнику нужен ночлег, и он щедро заплатит за гостеприимство!

Затем он подбежал назад к окну и увидел, что Фосельм поднялся на ноги, постоял так некоторое время со склоненной набок головой, а затем вышел из комнаты. Кугель мгновенно открыл окно и забрался внутрь. Потом закрыл окно, схватил с серванта веревку и затаился в темноте.

Фосельм вернулся, изумленно качая головой. Он уселся в кресло и вернулся к своей книге. Кугель подошел к нему сзади и накинул петлю вокруг его груди, потом еще и еще, и казалось, что веревка в мотке никогда не закончится. Очень скоро Фосельм был весь замотан в кокон из веревки.

Наконец Кугель обошел кресло и показался колдуну. Тот оглядел его с ног до головы, скорее, с любопытством, чем со злостью, а потом спросил:

— Могу я осведомиться о причинах этого визита?

— Это всего лишь сильный страх, — ответил Кугель. — Я не осмелился провести ночь под открытым небом, поэтому пришел к вашему дому в надежде найти ночлег.

— А веревка? — Фосельм взглянул на паутину, привязавшую его к креслу.

— Я не могу оскорбить вас объяснениями, — сказал Кугель.

— Ты думаешь, что объяснения оскорбят меня сильнее, чем эти веревки?

Кугель нахмурился и побарабанил пальцами по подбородку.

— Ваш вопрос куда более глубок, чем это может показаться на первый взгляд, и смыкается с древним исследованием противостояния воображаемого действительному.

Фосельм вздохнул.

— Сегодня я что-то не в настроении философствовать. Можешь ответить на мой вопрос в терминах, которые приближаются к действительному.

— По правде говоря, я позабыл вопрос, — заюлил Кугель.

— Я перефразирую его простыми словами. Зачем ты привязал меня к креслу, вместо того чтобы войти в дом через дверь?

— Если вы так на этом настаиваете, я буду вынужден открыть нелицеприятную правду. У вас репутация коварного и непредсказуемого злодея с непреодолимой склонностью к патологическим

шуткам.

Фосельм скорчил скорбную мину.

— В таком случае простое отрицание с моей стороны не будет иметь в твоих глазах никакого веса. А кто пытался так меня очернить?

Кугель с улыбкой покачал головой:

— Как человек чести я должен унести эту тайну с собой в могилу.

— Вот как! — воскликнул Фосельм и, погрузившись в размышления, замолчал.

Кугель, краем глаза следя за пленником, воспользовался случаем оглядеть комнату. Кроме уже замеченного им серванта, обстановка комнаты состояла из ковра, сотканного в темно-красных, синих и черных тонах, открытого книжного шкафа и табурета.

Маленькая мошка, летавшая по комнате, приземлилась на лоб Фосельма. Тот вытянул из-под пут руку и смахнул незваного гостя, вновь вернув руку под веревки.

Кугель обернулся и застыл с открытым ртом в изумления. Неужели он плохо завязал веревку? Казалось, Фосельм обезврежен так же надежно, как муха в паутине.

Но тут внимание Кугеля привлекло чучело птицы четырех футов в высоту, с лицом женщины,

обрамленным копной вьющихся черных волос. На ее лбу возвышался двухдюймовый гребень из прозрачной пленки.

— Это гарпия с Зардунского моря, — раздался голос из-за его плеча. — Их осталось очень немного. Они неравнодушны к плоти утонувших моряков, и когда корабль обречен, они собираются вокруг него в ожидании добычи. Обрати внимание на уши, — палец Фосельма протянулся над плечом Кугеля и отодвинул волосы, — которые совершенно такие же, как у русалок. Осторожней с гребнем! — палец уперся в основание зубцов. — Острия ядовитые!

Кугель потрясенно оглянулся и увидел, что палец удалился, остановившись по пути, чтобы почесать нос Фосельма, а затем снова исчез под веревками.

Кугель быстро пересек комнату и проверил путы, которые, казалось, были туго натянуты. Шляпа Кугеля оказалась перед самым носом у волшебника, и тот, заметив прикрепленное к ней украшение, тихонько присвистнул сквозь зубы.

— А у тебя исключительно нарядная шляпа, — заметил он. — Потрясающий фасон, хотя в таком краю, как этот, ты с тем же успехом мог бы натянуть себе на голову кожаный чулок. — С этими

словами он взглянул в свою книгу.

— Вполне возможно, — согласился Кугель. — Но когда солнце потухнет, обыкновенный балахон будет соответствовать всем требованиям скромности.

— Ха-ха! Тогда все фасоны станут бессмысленными! Забавное замечание! — Фосельм украдкой заглянул в книгу. — А эта милая безделушка: где ты взял такую прелестную вещицу? — И Фосельм снова метнул взгляд в книгу.

— Эту мишуру я подобрал по пути, — беспечно отмахнулся Кугель. — А что это за книга, от которой вы не можете оторваться? — Он поднял книгу. — Хм. «Рецепты деликатесов мадам Мильгрим».

— Верно, и я вспомнил, что нужно помешать морковный пудинг. Возможно, ты присоединишься к моей скромной трапезе? Тзат! — бросил Фосельм через плечо.

Веревки упали на пол, свернувшись в маленький свободный моток, и волшебник поднялся на ноги.

— Я не ждал гостей, поэтому сегодня мы поужинаем на кухне. Но я должен поспешить, а не то пудинг пригорит!

На своих длинных ногах, с выступающими

коленями он прошествовал на кухню вместе с Кугелем, который нерешительно плелся позади него. Фосельм указал ему на стул:

— Садись, а я соберу нам небольшую закуску — ничего перченого или тяжелого, не возражаешь? Ни мяса и ни вина, поскольку они воспламеняют кровь и, согласно мадам Мильгрим, вызывают флактомию! Вот отличный сок из ягод джингл — очень рекомендую! Затем мы займемся чудесным травяным рагу и нашим морковным пудингом.

Кугель уселся за стол и с неприкрытой настороженностью стал наблюдать за тем, как Фосельм сновал туда-сюда, собирая небольшие плошки с пирогами, консервами, компотами и овощными пастами.

— У нас будет настоящий пир! Я редко потакаю своим желаниям, но сегодня, с таким изысканным гостем, весь порядок можно оставить побоку! — Он на минуту оторвался от своих дел. — Ты назвал мне свое имя? С каждым годом я становлюсь все более рассеянным!

— Меня зовут Кугель, я родом из Альмери, куда сейчас и возвращаюсь.

— Альмери! Путь туда не близок, и на каждом шагу поджидают удивительные зрелища, точно так же как и множество опасностей! Завидую тво-

ей непоколебимости! Ну что, примемся за ужин?

Кугель ел только те блюда, которые пробовал сам Фосельм, и, казалось, не замечал никаких вредных воздействий. Фосельм, аккуратно отщипывая по кусочку оттуда и отсюда, пространно рассказывал:

— …имени много неудачных тезок в этом краю. Вероятно, в девятнадцатой эре был такой «Фосельм», действительно вспыльчивого нрава, и еще могло быть множество Фосельмов спустя многие столетия, хотя через такое время жизни отдельных людей сливаются в одну. Меня бросает в дрожь при одной мысли об их деяниях… Теперь наши местные злодеи — клан фермеров. Они, конечно, в сравнении с древними Фосельмами, просто ангелы милосердия, но, тем не менее, у них есть несколько скверных привычек. Они поят своих мермелантов пивом, а потом посылают их пугать путешественников. Однажды они осмелились прийти сюда, стуча копытами по крыльцу и демонстрируя свои животы. Они кричали: «Пива! Дайте нам хорошего пива!» Разумеется, я не держу в доме подобной гадости. Я сжалился над ними и подробно разъяснил общие черты опьянения, но они отказались слушать и осыпали меня бранью. Представляешь? «Ты, старый лживый

трезвенник, мы уже наслушались твоего глупого кваканья, а теперь хотим получить за это пива!» Это их собственные слова! Тогда я сказал: «Замечательно; вы получите ваше пиво». Я приготовил настой из прогоркшего пивного сусла и нуксиума, остудил его и заставил пениться, на манер пива. Я объявил: «Это единственное пиво, которое у меня есть», и разлил его в кувшины. Они окунули туда свои носы и выхлебали все в один присест. В тот же миг они сморщились, как мокрицы, и упали, точно мертвые, и лежали так полтора дня. Наконец они распрямились, поднялись на ноги, самым непринужденным образом загадили мне весь двор и были таковы. Они больше никогда не вернулись, и, надеюсь, мое маленькое наставление научило их умеренности.

Кугель склонил голову набок и поджал губы.

— Любопытная история.

— Спасибо. — Фосельм кивнул и улыбнулся, точно погрузившись в приятные воспоминания. — Кугель, ты замечательный слушатель; кроме того, ты не вылизываешь всю еду на тарелке, а потом не выпрашиваешь жадным взглядом добавки. Мне нравятся утонченность и чувство стиля. На самом деле, Кугель, ты мне приглянулся. Давай подумаем, что можно сделать, чтобы

облегчить твой жизненный путь. Чай будем пить в гостиной: лучший сорт «Янтарного крыла мотылька» для уважаемого гостя! Пойдешь первым?

— Я подожду и пойду вместе с вами, — отказался Кугель. — Было бы невежливым поступить иначе.

Фосельм сердечно проговорил:

— У тебя не такие манеры, как у всех этих теперешних юнцов, которые только о себе и думают, а, скорее, как у людей старого поколения.

Под бдительным оком Кугеля Фосельм приготовил чай и разлил его по изящным чашечкам из очень тонкого фарфора. Кивнув, он сделал знак Кугелю:

— А теперь — в гостиную.

— Идите первым, если вы не против.

На лице Фосельма отразилось странное изумление, затем он пожал плечами и отправился в гостиную.

— Садись, Кугель. Вон то зеленое бархатное кресло — очень удобное.

— Мне как-то тревожно, — ответил Кугель. — Я лучше постою.

— Ну тогда хотя бы сними свою шляпу, — сказал Фосельм, и в его голосе промелькнули раздра-

женные нотки.

— Разумеется, — отозвался Кугель.

Фоселым с любопытством наблюдал за действиями Кугеля.

— Что ты делаешь?

— Снимаю украшение. — Кугель взял чешую через сложенный платок, чтобы защитить руки, и положил ее в мешок. — Оно тяжелое и острое, и, боюсь, как бы оно не повредило вашу чудесную мебель.

— Ты очень деликатный молодой человек и заслуживаешь маленького подарка. Например, я могу подарить тебе вот эту веревку: она принадлежала Лажнасценту Лемурианскому и обладает магическими свойствами. Например, она подчиняется приказаниям; она растягивается и удлиняется, не теряя при этом своей прочности, на такую длину, которая тебе понадобится. Я вижу, что у тебя при себе великолепный старинный меч. Эта филигрань на эфесе выдает руку Харая из восемнадцатой эры. Сталь, должно быть, отменного качества, но острый ли он?

— Ну конечно, — ответил Кугель. — Я мог бы побриться его лезвием, если бы мне так вздумалось.

— Тогда отрежь себе сколько хочешь от этой

веревки, ну, скажем, десять футов. Она как раз поместится в твой мешок, и, тем не менее, по твоему приказу сможет растянуться и на десять миль!

— Вот это истинная щедрость! — воскликнул Кугель, отмеряя обусловленную длину. Взмахнув мечом, он ударил по веревке, но безо всякого эффекта. — Очень странно.

— Ах ты, какая досада! И все это время ты считал, что у тебя острый меч, — озорно ухмыльнулся Фосельм. — Возможно, нам удастся поправить эту беду.

Он вынул из шкафа длинную коробку, в которой обнаружился сверкающий серебристый порошок.

— Опусти меч в глиммистер, — велел Фосельм. — Но ни в коем случае не прикасайся к порошку, а то твои пальцы превратятся в жесткие серебряные прутья.

Кугель подчинился. Когда он вытащил меч, с него мелким дождем посыпался блестящий глиммистер.

— Отряхни его хорошенечко, — посоветовал Фосельм. — Избыток только поцарапает ножны.

Кугель тряс мечом, пока весь порошок не осыпался. Лезвие замерцало маленькими искорками, а сам клинок, казалось, засветился.

— Ну же! — поторопил Фосельм. — Режь!

Меч разрубил веревку с такой легкостью, как будто это была обычная водоросль.

Кугель осторожно смотал веревку.

— А как ей приказывать?

Фосельм поднял оставшуюся веревку.

— Если хочешь, чтобы она обмоталась вокруг чего-нибудь, подбрось ее вниз и используй заклинание «Тзип!», вот так.

— Стоп! — воскликнул Кугель, взмахнув мечом. — Демонстрации не нужно!

Фосельм рассмеялся.

— Кугель, ты проворен, как пташка. И все же я, тем не менее, думаю о тебе. В этом сумасшедшем мире живчики погибают молодыми. Не бойся веревки; я не буду действовать в полную силу. Взгляни, пожалуйста! Чтобы развязать веревку, крикни «Тзат!», и она вернется к тебе в руки. Вот так.

Фосельм отступил и поднял руки, как человек, которому нечего скрывать.

— Похоже ли мое поведение на поведение «коварного и непредсказуемого злодея»?

— Вне всякого сомнения, в том случае, если злодей в целях своего обмана решит притвориться альтруистом.

— А как тогда отличить злодея от альтруиста?

Кугель пожал плечами:

— Это не слишком важное отличие.

Фосельм, казалось, не обратил на его слова никакого внимания; его деятельный ум уже перескочил на новую тему:

— Меня воспитывали в старых традициях! Мы черпаем силу в основных истинах, под которыми ты, как аристократ, несомненно, подпишешься! Я прав?

— Совершенно верно, во всех отношениях! — горячо воскликнул Кугель. — Разумеется, сознавая, что эти фундаментальные истины отличаются для разных краев и даже для разных людей.

— И все же некоторые истины всемирны, — возразил Фосельм. — К примеру, древний обряд обмена подарками между хозяином и гостем. Как альтруист, я угостил тебя прекрасной и питательной едой, подарил волшебную веревку и продлил жизнь твоему мечу. Ты от всего сердца спросишь, что мог бы подарить мне взамен, но я попрошу у тебя лишь уважения…

Кугель с великодушной непосредственностью перебил его:

— Оно навеки ваше и не знает границ, так что основные истины соблюдены. А сейчас, Фосельм,

я чувствую, что несколько утомлен, и поэтому…

— Кугель, как ты великодушен! Случайно, одиноко бредя по жизненному пути, мы встречаем человека, который внезапно, или так это кажется, становится дорогим и верным другом. Мне будет жаль расставаться с тобой! Ты непременно должен оставить мне какой-нибудь маленький сувенир, и на самом деле я не согласен взять у тебя что-либо большее, чем этот кусочек мишуры, который ты носишь на своей шляпе. Пустячок, символ, не более, но он будет напоминать мне о тебе, до того счастливого дня, когда ты вернешься! Ты можешь отдать мне его прямо сейчас.

— С удовольствием, — ответил Кугель. С огромной осторожностью он пошарил в сумке и извлек оттуда украшение, которое первоначально было приколото к шляпе. — С самыми теплыми пожеланиями вручаю вам эту безделушку.

Фосельм несколько секунд смотрел на украшение, затем поднял на Кугеля исполненный благодарности взгляд своих молочно-золотистых глаз.

— Кугель, ты дал мне слишком много! Это ценный предмет — нет, не возражай мне! — а я хочу получить то довольно вульгарное украшение с фальшивым красным камнем в центре, которое

я заметил у тебя раньше. Ну же, я настаиваю! Оно всегда будет висеть на почетном месте в моей гостиной.

Кугель мрачно улыбнулся.

— В Альмери живет Юкоуну, Смеющийся Маг.

Фосельм невольно сморщился.

— Когда мы встретимся, — продолжал Кугель, — он спросит меня: «Кугель, где мой „Нагрудный разбивающий небеса фейерверк“, который был вверен твоим заботам?» И что я отвечу ему? Что я не смог отказать некоему Фосельму из страны Падающей Стены?

— Необходимо поразмыслить над этим вопросом, — пробормотал Фосельм. — Одно решение прямо-таки напрашивается. Если бы, например, ты решил не возвращаться в Альмери, тогда Юкоуну никогда не узнал бы об этом. Или если, допустим… — Фосельм внезапно замолчал.

Прошел миг, и он вновь заговорил голосом, исполненным любезности:

— Ты, должно быть, утомлен и валишься с ног. Но сначала глотни моей ароматической настойки, которая успокаивает желудок и укрепляет нервы!

Кугель попытался отклонить это предложение, но колдун отказался слушать. Он принес малень-

кую черную бутылочку и два хрустальных кубка. В бокал Кугеля он налил на пол дюйма бледной жидкости.

— Я сам перегонял ее, — с гордостью пояснил Фосельм. — Посмотрим, придется ли она тебе по вкусу.

Небольшой мотылек подлетел к кубку Кугеля и внезапно замертво упал на стол.

Кугель вскочил на ноги.

— Сегодня мне не понадобится такой тоник, — сказал он. — Где я буду спать?

— Пойдем. — Фосельм повел Кугеля вверх по лестнице и распахнул дверь в комнату. — Это уютная спаленка, где ты отлично отдохнешь.

Кугель отошел от двери.

— Там нет окон! Мне будет душно.

— Да? Ладно, давай заглянем в другую комнату… Как насчет этой? Здесь замечательная мягкая постель.

— А что это за тяжелая решетка над кроватью? — с сомнением в голосе спросил Кугель. — Вдруг она свалится прямо мне на голову?

— Кугель, что за пессимизм! Всегда надо стараться найти в жизни что-нибудь хорошее! Заметил ли ты, например, чудесную вазу с цветами у кровати?

— Она прелестна! Давайте посмотрим другую комнату!

— Сон есть сон! — раздраженно заявил Фосельм. — Ты всегда такой привередливый? Ну хорошо, а как тебе нравится эта прекрасная спальня? Здесь замечательная кровать и широкое окно. Могу только надеяться, что у тебя не закружится голова от высоты.

— Это мне вполне подойдет, — кивнул Кугель. — Фосельм, я желаю вам спокойной ночи.

Фосельм гордо прошествовал назад по коридору. Кугель запер дверь и распахнул окно. На фоне звездного неба вырисовывались тонкие высокие трубы и одинокий кипарис, возвышающийся над домом. Кугель привязал конец подаренной ему веревки к ножке кровати и пнул ее, и кровать в мгновение ока утратила вес, взмыв в воздух. Кугель подтащил ее к окну и вытолкнул наружу. Он потушил лампу, взобрался на кровать и подтолкнул ее к кипарису, к ветке которого привязал другой конец веревки. Затем скомандовал:

— Веревка, вытянись!

Веревка растянулась, и Кугель всплыл к темному небу. Здание приобрело очертание несимметричной массы, чернее черного, с желтыми четырехугольниками, отмечавшими освещен-

ные комнаты.

Кугель подождал, пока веревка не растянулась на сотню ярдов, затем приказал:

— Веревка, прекрати тянуться!

Кровать с мягким толчком остановилась. Кугель устроился поудобнее и стал наблюдать за домом.

Прошло полчаса. Кровать покачивалась на переменчивом ночном ветру, и Кугель задремал под пуховым одеялом. Его веки отяжелели… Вдруг из окна комнаты, в которой он должен был ночевать, вырвалась беззвучная вспышка. Кугель заморгал и сел, увидев, как пузыри блестящего бледного газа вырываются из окна.

В комнате стало так же темно, как и раньше. Через миг в окне замерцал свет лампы, и на фоне желтого прямоугольника показалась угловатая фигура Фосельма с прижатыми к бокам локтями. Он туда-сюда завертел головой, вглядываясь во тьму.

Наконец он ушел, и комната погрузилась во мрак.

Кугелю стало очень неуютно от близости здания. Он вцепился в веревку и произнес: «Тзат!»

Веревка развязалась и повисла в его руках.

Кугель приказал:

— Веревка, укоротись!

Веревка снова стала десяти футов в длину.

Кугель оглянулся на дом.

— Фосельм, каковы бы ни были твои деяния или злодеяния, я благодарен тебе за эту веревку и постель, несмотря даже на то, что из страха мне придется спать на воздухе.

Он свесился с края кровати и в звездном свете разглядел на земле дорогу. Ночь была совершенно тихой. Его понесло потоком воздуха, если он вообще куда-то двигался, на запад.

Кугель повесил свою шляпу на спинку кровати, лег на спину, натянул одеяло на голову и уснул.

* * *

Ночь шла своим чередом. Звезды медленно пересекали небо. Из пустыни донесся унылый крик виспа: один, затем другой. Потом все затихло.

Кугель проснулся на рассвете и довольно долго не мог определить, где находится. Он опустил было ногу с кровати, затем вновь втянул ее назад резким рывком.

На солнце вырисовывалась черная тень; тяжелый черный предмет спикировал на кровать Кугеля. Это был пельгран, судя по шелковистой серой шерсти на брюшке, среднего возраста. Его

двухфутовую голову венчал черный рог, похожий на рог жука-оленя, а жуткая морда скалилась белыми клыками. Усевшись на спинку кровати, точно на насест, чудище разглядывало Кугеля с кровожадным и одновременно изумленным видом.

— Сегодня я позавтракаю в постели, — сказал пельгран. — Нечасто мне доводится так себя побаловать.

Он потянулся и схватил Кугеля за щиколотку, но тот вырвался. Кугель схватился за эфес меча, но не сумел вытащить его из ножен. Отчаянно пытаясь освободить оружие, он задел кончиком ножен свою шляпу; пельгран, привлеченный красным отблеском, потянулся к ней. Кугель изо всех сил швырнул «Фейерверк» прямо ему в морду.

Широкие поля шляпы и собственный ужас помешали Кугелю следить за ходом событий. Кровать подлетела вверх, как будто освободившись от груза; пельгран пропал.

Кугель в недоумении огляделся по сторонам.

Пельгран исчез, как будто сквозь землю провалился.

Кугель бросил взгляд на «Фейерверк», который, казалось, засиял несколько более ярким светом.

Очень аккуратно Кугель примостил шляпу у себя на голове. Взглянув вниз, он заметил, что по дороге катится маленькая двухколесная тачка, которую толкал толстый мальчишка лет двенадцати-тринадцати.

Кугель бросил вниз веревку так, что она закрепилась на пне, и подтянул кровать к земле. Когда мальчик покатил свою тележку мимо него, Кугель выпрыгнул на дорогу с криком:

— Стой! А ну-ка, что у нас здесь?

Перепуганный мальчишка отскочил.

— Это новое колесо от телеги и завтрак для моих братьев: горшок рагу, коврига хлеба и кувшин вина. Если вы грабитель, то вряд ли сможете здесь чем-нибудь поживиться.

— А это уж мне решать! — сказал Кугель.

Он пнул колесо, чтобы сделать его невесомым, и одним ударом послал его в небо, заставив мальчишку застыть в изумлении с разинутым ртом. Затем Кугель вытащил из тачки горшок с рагу, хлеб и вино.

— Можешь идти дальше, — сказал он мальчику. — Если твои братья спросят, куда делись колесо и их завтрак, назови им имя «Кугель» и скажи «пять терциев».

Мальчишка пустился бежать со своей те-

лежкой. Кугель принес горшок, хлеб и вино на кровать и, отвязав веревку, взмыл высоко в воздух. По дороге прибежали три запыхавшихся фермера, а за ними следом трусил мальчишка. Они остановились и закричали:

— Кугель! Ты где? Нам надо перекинуться с тобой парой слов!

А один из них коварно добавил:

— Мы хотим вернуть тебе твои пять терциев!

Кугель не снизошел до ответа. Мальчик, пытавшийся отыскать взглядом летящее в небе колесо, заметил кровать и показал на нее братьям, и фермеры, малиновые от злости, яростно потрясая кулаками, разразились бранью. Несколько минут Кугель безмятежно слушал их ругательства, точно забавляясь всем происходящим, пока ветер, крепчая, не понес его к холмам и Порт-Пергушу.

Часть IV
Из Порт-Пергуша в Каспар-Витатус
Глава первая
На пристани

Попутный ветер с комфортом нес Кугеля на его кровати над холмами. Когда последняя вершина осталась позади, глазам Кугеля предстала безбрежная панорама, и огромным разливом жидкого металла с запада до востока раскинулась дельта реки Ченг.

На западе Кугель заметил на берегу россыпь обветшалых серых строений — Порт-Пергуш. У причала стояло на якоре около полудюжины кораблей; на таком огромном расстоянии их было не отличить друг от друга.

Кугель заставил кровать снизиться, свесив с одной стороны меч, а с другой — башмаки, так чтобы они были захвачены силой притяжения. Подгоняемую порывами переменчивого ветра кровать с беспомощным Кугелем швыряло туда-сюда, пока наконец она не рухнула в заросли болотного тульсифера в нескольких ярдах от того места, где начиналась вода.

С большой неохотой покинув мягкую и удобную кровать, Кугель направился к идущей вдоль реки дороге по болотистому торфянику, буйно заросшему дюжиной видов более или менее ядовитых растений: черными и красновато-коричневыми лопухами, волдыряником, хёрзом, покрытым коричневыми цветами, брезгливым виноградом, который при приближении Кугеля с отвращением шарахнулся. Голубые ящерицы сердито зашипели на него, и тот, в скверном настроении, которым был обязан прикосновению к жгучему волдырянику, огрызнулся:

— Заткнитесь, паразиты! Я и не ожидал ничего другого от таких поганых тварей!

Ящерицы, уловив суть злобного высказывания Кугеля, начали наскакивать на него, шипя и плюясь, пока Кугель не схватил с земли сухую ветку и, стуча ею по земле, не отогнал их прочь.

Наконец ему удалось выбраться на дорогу. Он почистил свою одежду, похлопал шляпой по ноге, стараясь не задеть «Фейерверк». Затем, перевесив меч под таким углом, чтобы он выглядел как можно более щегольски, Кугель направился к Порт-Пергушу.

Была середина дня. Дорогу с каждой стороны обрамлял ряд высоких кедров, и Кугель то выходил

из черной тени на красный солнечный свет, то снова нырял в тень. На склоне холма он заметил одинокую хижину, а на берегу реки — гниющие баржи. Дорога прошла мимо древнего кладбища, осененного беспорядочными рядами кипарисов, затем повернула к реке, обегая отвесный утес, на котором притулился разрушенный дворец.

Войдя в город, дорога обогнула главную городскую площадь, после чего прошла перед большим полукруглым зданием, некогда служившим театром или концертным залом, но теперь превращенным в трактир. После этого дорога вернулась к береговой линии и пошла мимо тех кораблей, которые Кугель заметил с высоты. В мозгу Кугеля неотступно вертелся вопрос: могла ли «Таланте» еще быть в порту?

Маловероятно, но не исключено.

Кугелю совсем не улыбалось встретиться лицом к лицу с капитаном Баунтом, Дрофо, госпожой Сольдинк или даже с самим господином Сольдинком.

Остановившись, Кугель прорепетировал несколько приветствий, которые можно было бы использовать, чтобы сгладить возможную напряженность. Через некоторое время он признался себе, что ни одно из них не увенчалось бы

успехом, так что обычный поклон или простой и неопределенный кивок головой вполне сойдут.

Продолжая держать ухо востро, Кугель неторопливо зашел на один из обветшалых причалов. Там он обнаружил три больших корабля и еще два небольших каботажных судна в придачу к паромам на противоположной стороне.

К величайшему облегчению Кугеля, «Таланте» среди них не было.

Первое и самое дальнее по течению реки судно было тяжелой безымянной баржей, очевидно, предназначенной для торговли на реке. Второе, большой каррак[6] под названием «Лейкидион», казалось, был на ремонте. Третий, ближайший к площади, носивший имя «Аввентура», нарядная яхта, немного уступавшая размером своим соседям, стоял под погрузкой.

На пристани было сравнительно оживленно — проезжали туда-сюда телеги, перекликались и переругивались грузчики, а с баржи доносилась веселая песня гармоники.

Небольшой человечек, толстенький и румяный, в форме мелкого чиновника, остановился, окидывая Кугеля оценивающим взглядом, и ушел

---

[6] Примечания: 6

Каррак — трехмачтовое судно.

в один из близлежащих пакгаузов.

На палубе «Лейкидиона», облокотившись на поручни, стоял полный мужчина в костюме цвета индиго в белую полоску, конической черной шляпе со свисающей у правого уха золотой цепочкой и вставленной в левую щеку золотой втулкой — наряде жителей Кастиллионского Побережья[7].

Кугель уверенным шагом приблизился к «Лейкидиону» и, придав своему лицу добродушное выражение, приветственно помахал рукой.

Капитан корабля бесстрастно взглянул на него и никак не отреагировал на приветствие.

— Прекрасный корабль, — крикнул ему Кугель. — Я вижу, он немного неисправен.

Капитан наконец снизошел до ответа:

— Меня уже уведомили об этом.

— Куда вы пойдете, когда закончится ремонт?

— Куда и обычно.

— То есть?

---

[7] Примечания: 7

На кастиллионских праздниках бочки ставят на балконе над залом для размышлений. К каждому месту ведут гибкие трубки. Гость садится, вставляет трубку во втулку, чтобы во время пиршества он мог постоянно пить, не утруждая себя открыванием бутылок, разливанием вина в кружки или бокалы, поднятием кружек или бокалов, опрокидыванием их и возвращением обратно на место, рискуя при этом разбить их или облиться. Тем самым он пьет и ест более эффективно, освобождая, таким образом, время для пения.

— В Литтикут и Три Сестры или в Вой, если будет груз.

— Мне нужен корабль на Альмери, — сказал Кугель.

— Вы его здесь не найдете, — с угрюмой ухмылкой ответил капитан. — Я не трус, но голова на плечах у меня есть.

Кугель упрямо возразил:

— Ну кто-то же здесь должен плавать на юг от Порт-Пергуша! Это всего лишь логично!

Капитан пожал плечами и взглянул на небо.

— Если у вас есть основания так полагать, то это, несомненно, правильно.

Кугель нетерпеливо сжал эфес своего меча.

— Как вы посоветуете мне отправиться на юг?

— Морем! — Капитан ткнул пальцем в направлении «Аввентуры», — Поговорите с Вискишем, он дилк и настоящий безумец. Если щедро заплатите, он повезет вас хоть в пасть к самому Джихану.

— Я точно знаю вот что, — сказал Кугель. — В Порт-Пергуш из Саскервоя доставляют ценные грузы, которые затем переправляются в Альмери.

Капитан слушал его без особого интереса.

— Вероятней всего, их перевозят караваном,

например, Ядкомо или Вармус. Или разве что Вискиш везет их на юг на «Аввентуре». Все дилки сумасшедшие. Они думают, что будут жить вечно, и плюют на опасности. На мачтах их кораблей привязаны фонари, чтобы, когда потухнет солнце, они могли найти обратный путь по морю в свою Дилклюзу.

Кугель открыл рот, чтобы задать еще один вопрос, но капитан уже ушел в свою каюту.

Пока они разговаривали, из пакгауза вышел тот самый маленький толстенький человечек, который встретился Кугелю на пристани. Он несколько минут прислушивался к разговору, затем проворно направился к «Аввентуре». Взбежав по трапу, он исчез в одной из кают и почти тут же вернулся к трапу, где немного задержался, а затем, не обращая на Кугеля никакого внимания, исполненной достоинства походкой пошел назад в пакгауз.

Кугель отправился на «Аввентуру», надеясь, по меньшей мере, узнать, куда Вискиш собирается плыть. У основания трапа было вывешено объявление, которое Кугель прочитал с величайшим интересом.

ПАССАЖИРЫ, ОТПРАВЛЯЮЩИЕСЯ НА ЮГ, ВНИМАНИЕ!

ПОРТЫ ЗАХОДА ОПРЕДЕЛЕНЫ. СРЕДИ НИХ:

МАХЕИЗ И ТУМАННЫЙ ОСТРОВ, ЛАВРРАКИ-РЕАЛ, ОКТОРУС, КАИИН, РАЗЛИЧНЫЕ ПОРТЫ АЛЬМЕРИ.

ВХОД НА КОРАБЛЬ БЕЗ БИЛЕТА ЗАПРЕЩЕН!

ПРИОБРЕТАЙТЕ
БИЛЕТЫ У БИЛЕТНОГО КАССИРА В СЕРОМ ПАКГАУЗЕ НА ПРОТИВОПОЛОЖНОМ КОНЦЕ ПРИСТАНИ.

Кугель широкими шагами пересек пристань и вошел в пакгауз. На крайней двери красовалась старая вывеска:

БИЛЕТНАЯ КАССА

Кугель вступил в помещение, где обнаружил того же самого маленького толстенького человечка в темной форме, сидящего за обшарпанным столом и делающего какие-то записи в гроссбухе.

Чиновник оторвался от своей работы.

— Сэр, что вам угодно?

— Я хочу взять билет на «Аввентуру» до Альмери.

Кассир перевернул страницу гроссбуха и нерешительно взглянул на группу записей.

— Очень сожалею, но все билеты уже проданы. Жаль… Минуточку! Кто-то мог отказаться от билета! Если так, вам очень повезло, поскольку

в этом году другого рейса не будет… Посмотрим. Да! Иерарх Хоппл заболел.

— Превосходно! Сколько стоит билет?

— Оставшийся билет — в каюту первого класса, с улучшенным питанием, и стоит он двести терциев.

— Что? — не веря своим ушам, воскликнул Кугель. — Это же совершенно возмутительная цена! У меня в кармане всего сорок пять терциев, и ни грошом больше.

Кассир согласно кивнул.

— Вам снова повезло. Иерарх внес за билет сто пятьдесят терциев задатка, каковая сумма не возвращается. Не вижу, почему бы нам не добавить ваши сорок пять терциев к этим деньгам? Хотя в целом это составляет лишь сто девяносто пять терциев, вы получите ваш билет, а я немножечко подчищу нашу бухгалтерию.

— Это исключительно любезно с вашей стороны! — воскликнул Кугель. Вынув из кошелька деньги, он расплатился с кассиром, который выдал ему клочок бумаги с нацарапанными на нем значками, которые были Кугелю совершенно непонятны.

— Ваш билет, пожалуйста.

Кугель бережно сложил билет и положил его

в кошелек.

— Надеюсь, что я сейчас же смогу отправиться на корабль, поскольку теперь у меня нет денег, чтобы расплатиться за кров и еду где-либо в другом месте.

— Уверен, что никаких препятствий не возникнет, — замахал руками маленький кассир. — Но если вы минуточку подождете здесь, я сбегаю на корабль и переговорю с капитаном.

— Как это мило, — сказал Кугель, устраиваясь в кресле.

Кассир вышел из помещения.

Прошло десять минут, затем двадцать, потом полчаса. Кугель начал тревожиться и, подойдя к двери, оглядел пристань, но кассира нигде не было видно.

— Странно, — сказал Кугель.

Он заметил, что объявление, висевшее раньше у трапа «Аввентуры», исчезло.

— Ну, это естественно! — сказал себе Кугель. — Теперь все билеты распроданы, и реклама больше не нужна.

В это время на пристани появился высокий рыжеволосый мужчина с мускулистыми руками и ногами, который, по всей видимости, немного перебрал в трактире. Шатаясь, он взобрался по

трапу и ввалился в каюту.

— Ага! — сказал Кугель, — Вот в чем дело. Это капитан Вискиш, а кассир ждал его возвращения. Сейчас он спустится сюда.

Прошло еще десять минут. Солнце уже погрузилось в воды дельты Великого Ченга, и на Порт-Пергуш опустилась темная розовая мгла.

Капитан снова появился на палубе, чтобы проследить за перегрузкой провизии с телеги на яхту. Кугель решил не ждать больше. Он поправил шляпу, надев ее под должным углом, перешел дорогу, взошел по сходням и представился капитану Вискишу.

— Сэр, я Кугель, один из пассажиров первого класса на вашем судне.

— На моем судне все пассажиры едут первым классом! — заявил капитан Вискиш. — На «Аввентуре» нет всего этого крючкотворства!

Кугель открыл рот, чтобы обговорить условия своего билета, затем снова закрыл его; возражать — значит высказать аргумент в пользу крючкотворства. Он понаблюдал за тем, как съестные припасы начали перегружать на корабль; провиант, казалось, был наилучшего качества.

— Провизия выглядит более чем достойно. Кажется, у ваших пассажиров неплохой стол!

Капитан Вискиш разразился хриплым отрывистым смехом.

— На борту «Аввентуры» первым делом заботятся о деле! Провизия действительно отборная; она предназначена для меня и для команды. Пассажиры едят бобы и манку, а если доплачивают, то им позволяется еще немного кангола.

Кугель разочарованно вздохнул.

— Могу я узнать, сколько плыть отсюда до Альмери?

Капитан Вискиш посмотрел на Кугеля в пьяном изумлении.

— Альмери? Чего ради кому-то плыть в Альмери? Сперва ты вляпываешься в болото из вонючей тины на сотню миль. Корабль зарастает водорослями и кишит тьмой насекомых. Дальше находится залив Водоворотов, потом Тихое море, которое сейчас терроризируют пираты с Йхардинского Берега. Потом, если не делать большой крюк на запад вокруг островов Облака, придется пройти через Сельюн и целую уйму опасностей.

Кугель пришел в бешенство.

— Как прикажете это понимать? Вы что, не плывете на юг, в Альмери?

Капитан Вискиш хлопнул себя по груди огромной красной ручищей.

— Я — дилк, и мне неведом страх! И все-таки, когда смерть входит через дверь, я убегаю от нее через окно. Мой корабль пойдет безопасным курсом на Литтикут, оттуда в Аль-Халамбар, затем в Ведьмин Нос и к Трем Сестрам, а оттуда тем же путем назад в Порт-Пергуш. Если хотите плыть, заплатите мне и получите в свое полное распоряжение гамак.

— Я уже купил билет! — разбушевался Кугель. — На юг, до Альмери, через Махейз!

— В эту мерзкую дыру? Никогда. Дайте мне взглянуть на ваш билет.

Кугель показал документ, выданный ему мнимым кассиром. Капитан Вискиш повертел его и так, и этак.

— Мне ничего об этом не известно. Я даже не могу его прочитать. А вы?

— Это несущественно. Вы должны доставить меня в Альмери или вернуть мне мои деньги в сумме сорока пяти терциев.

Капитан Вискиш в изумлении покачал головой.

— В Порт-Пергуше полно плутов и мошенников; но вы своей фантазией и изобретательностью превзошли всех. Но ничего не выйдет. Немедленно убирайтесь с моего корабля!

— Не уберусь, пока вы не заплатите мне мои сорок пять терциев! — Кугель многозначительно положил руку на рукоятку меча.

Капитан Вискиш схватил Кугеля за ворот и за штаны, поволок его по палубе и спустил с трапа.

— И не возвращайтесь больше — у меня дел невпроворот. Э гей, перевозчик! Вы должны привезти мне еще одну партию! Мне пора в путь!

— Всему свое время. Мне еще нужно отвезти партию Вармусу для его каравана. А теперь заплатите мне за уже доставленную партию; я веду дела только так, и к тому же за наличные.

— Тогда выставите мне счет, и мы проверим все пункты.

— Это излишне. Все товары уже на борту.

— Они будут на борту, когда я скажу, что они на борту. А до того момента ни терция не получите.

— Вы только задерживаете свою последнюю партию, а мне еще нужно доставить груз Вармусу.

— Тогда я сделаю свою собственную опись и заплачу по этому счету.

— Ни за что!

Ворча по поводу задержки, перевозчик зашел на «Аввентуру».

Кугель пересек причал и обратился к грузчику.

— Минуточку вашего драгоценного времени, пожалуйста! Сегодня днем мне пришлось иметь дело с маленьким толстым человеком в темной форме. Где я могу его найти?

— Похоже, вы говорите о бедном старом мастере Саббасе. У него очень трагическая история. Когда-то он владел и управлял перевозным бизнесом. Но он выжил из ума и теперь называет себя «Саб-жулик», всем на потеху. У него есть сын, мастер Йодер, это он сейчас зашел на «Аввентуру» к капитану Вискишу. Если вы по глупости отдали ему ваши терции, можете считать, что сделали доброе дело, ибо вы наполнили радостью день бедного слабоумного мастера Саббаса.

— Возможно, и так, но я отдал деньги в шутку, а теперь хочу забрать их.

Грузчик покачал головой.

— Они исчезли, как луны древней Земли.

— Но мастер Йодер должен возместить убытки жертвам мании его отца!

Грузчик только расхохотался и пошел по своим делам.

Йодер вскоре спустился по трапу. Кугель шагнул вперед.

— Сэр, я должен пожаловаться вам на действия вашего отца. Он продал мне билет на несуществу-

ющий рейс «Аввентуры», а теперь….

— Вы сказали, на «Аввентуру»?

— Совершенно верно, и поэтому…

— В таком случае обращайтесь к капитану Вискишу!

С этими словами Йодер отправился по своим делам.

Кугель угрюмо пошел к главной площади. Во дворике рядом с трактиром Вармус готовил к путешествию свой караван. Кугель насчитал три коляски, каждая вмещала дюжину пассажиров, и четыре повозки, нагруженные багажом, оборудованием и продовольствием. Вармус так и бросался в глаза: крупный мужчина с могучими плечами, руками и ногами, завитками желтых волос, кроткими голубыми глазами и решительным выражением честного лица.

Кугель несколько минут понаблюдал за Вармусом, затем подошел ближе и представился.

— Сэр, меня зовут Кугель. А вы, кажется, Вармус, руководитель этого каравана.

— Верно, сэр.

— А могу ли я спросить, когда ваш караван выходит из Порт-Пергуша?

— Завтра, в случае, если я все-таки получу все мои запасы от этого нерадивого перевозчика.

— Могу я узнать ваш маршрут?

— Разумеется. Пункт нашего назначения — Торкваль, куда мы прибудем к Фестивалю Раздачи Чинов. Мы следуем через Каспара-Витатус — это узловой пункт для путешествий во многих направлениях. Однако должен вам сказать, что наш список полон. Мы больше не принимаем заявки на переезд.

— Возможно, вы собираетесь нанять еще одного возчика, или сопровождающего, или охранника?

— У меня достаточно работников, — сказал Вармус. — Тем не менее благодарю за интерес.

Кугель понуро вошел в трактир, который, как он обнаружил, переоборудовали из театра. Сцена теперь служила обеденным залом первого класса для особ с утонченным вкусом, а оркестровая яма использовалась как общий зал. Спальни были сделаны вдоль балкона, и постояльцы могли обозревать как обеденный зал первого класса, так и общий зал, просто выглянув из своих дверей.

Кугель направился в контору, где за окошечком сидела полная женщина.

— Я только что прибыл в ваш город, — официально начал Кугель. — У меня — здесь важное дело, которое займет большую часть недели. На протяжении моего пребывания здесь мне потре-

буется еда и жилье отличного качества.

— Замечательно, сэр! Будем рады служить вам. Ваше имя?

— Меня зовут Кугель.

— Теперь можете внести задаток в пятьдесят терциев в счет издержек.

Кугель сухо проговорил:

— Я предпочитаю платить в конце своего пребывания, когда можно проверить все подробности счета.

— Сэр, таково наше непреложное правило. Вы поразились бы, узнав, сколько здесь мерзких бродяг, которые всеми мыслимыми и немыслимыми способами пытаются обдурить нас.

— В таком случае пойду поищу слугу, который несет мои деньги.

Кугель вышел из трактира. Думая, что может случайно наткнуться на мастера Саббаса, он вернулся к пристани.

Солнце уже зашло; Порт-Пергуш погрузился в бордовую тьму. Оживление немного улеглось, но телеги все еще сновали туда-сюда между пакгаузами, развозя грузы.

Саба-жулика нигде не было видно, но Кугель уже выбросил его из головы, воодушевленной новой и куда более дельной мыслью. Он подошел к

пакгаузу, в котором Йодер хранил свой провиант, и затаился в темноте.

Из пакгауза выехала телега, на которой сидел не Йодер, а другой мужчина — с ежиком рыжеватых волос и длинными щетинистыми усами с навощенными кончиками. Одет он был с большим вкусом — в широкополую шляпу с высоким зеленым пером, ботинки с раздвоенными носами и розовато-лиловое полупальто, расшитое желтыми птицами. Кугель снял свою шляпу — наиболее примечательную деталь собственного костюма — и заткнул за пояс.

Как только телега проехала несколько ярдов вдоль причала, Кугель выскочил вперед и окликнул возницу:

— Это последняя партия для «Аввентуры»? Если так, капитан Вискиш будет не в восторге от такой задержки.

Возница встретил это обвинение неожиданно решительно:

— Я действительно везу груз на «Аввентуру». Что же касается задержки, мне ничего о ней неизвестно. Это провизия высочайшего качества, и отбор имеет огромное значение.

— Вполне разумно; больше это не обсуждаем. У вас есть счет?

— Да, он у меня есть! Капитану Вискишу придется выплатить все до последнего терция до того, как я выгружу хотя бы один анчоус. Таковы строжайшие указания.

Кугель поднял руку.

— Тише! Все пройдет гладко. Капитан Вискиш занят делами здесь, в этом пакгаузе. Пойдемте, отдадите ваш счет.

Кугель прошел в старый мрачный пакгауз, еле виднеющийся в сумерках, и сделал вознице знак заходить в комнату, на которой висела табличка «Билетный кассир».

Возница стал вглядываться в глубь комнаты.

— Капитан Вискиш? Почему вы сидите в темноте?

Кугель набросил плащ на голову возницы и крепко связал его волшебной растягивающейся веревкой, затем заткнул ему рот своим носовым платком.

Потом он взял счет и нарядную широкополую шляпу.

— Я быстро вернусь, а ты пока наслаждайся отдыхом.

Кугель подогнал телегу к «Аввентуре» и остановился. До него донеслась брань — капитан Вискиш во всю глотку распекал кого-то на полу-

баке. Кугель печально покачал головой. Риск не шел ни в какое сравнение с возможной выгодой. Пусть капитан Вискиш пока подождет.

Кугель поехал дальше вдоль причала и, переехав площадь, приблизился к тому месту, где Вармус не покладая рук работал у повозок своего каравана.

Кугель низко натянул позаимствованную у возницы широкополую шляпу и спрятал меч под плащом. Со счетом в руке он подошел к Вармусу.

— Сэр, я доставил вашу партию продовольствия, а вот счет, причитающийся нам и подлежащий выплате.

Вармус, взяв счет, взглянул на итог.

— Триста тридцать терциев? Это продовольствие высокого качества! Мой заказ был куда более скромным, и мне сказали, что он будет стоить двести терциев!

Кугель сделал любезный жест.

— В таком случае вы должны выплатить лишь двести терциев, — сказал он великодушно. Нас волнует лишь удовлетворение наших клиентов.

Вармус еще раз взглянул на счет.

— Это странная сделка! Но зачем мне с вами спорить? — Он вручил Кугелю деньги. — Пересчитайте, пожалуйста, но я заверяю вас, что здесь

точная сумма.

— Меня вполне удовлетворит ваше слово, — сказал Кугель. — Я оставлю телегу, и вы сможете разгрузить ее когда вам удобно.

И он с поклоном удалился.

Вернувшись в пакгауз, Кугель обнаружил возницу точно там же, где его и оставил. Он произнес «Тзат!» и нахлобучил широкополую шляпу пленнику на голову.

— Не двигайся еще пять минут! Я буду стоять прямо за дверью, и если ты только высунешь свою глупую голову, я вмиг отрублю ее мечом. Понятно?

— Вполне понятно, — пролепетал возница.

— В таком случае прощай.

Кугель покинул пристань и вернулся в трактир, где внес залог и получил комнату на балконе.

Поужинав хлебом с колбасой, он вышел во дворик. Его внимание привлекла возникшая рядом с караваном Вармуса перебранка. Приглядевшись, Кугель обнаружил, что Вармус сердито спорит с Йодером и капитаном Вискишем. Вармус отказался отдавать свой провиант, пока капитан Вискиш не заплатит ему двести терциев и еще пятьдесят за погрузку и разгрузку. Капитан Вискиш в бешенстве замахнулся на Вармуса, который от-

ступил в сторону, а затем ударил Вискиша с такой силой, что тот упал навзничь. Команда «Авантуры» оказалась неподалеку и тут же поспешила на помощь своему капитану, но была встречена работниками Вармуса, вооруженными палками, так что морякам изрядно досталось.

Капитан Вискиш вместе со своей командой ретировались в трактир, чтобы обдумать там новую стратегию. Но вместо этого выпили море вина и устроили такой дебош, что городские констебли забрали их и заперли в старой крепости на склоне холма, где команда должна была просидеть три дня.

Когда капитана Вискиша с матросами уволокли прочь, Кугель долго и тщательно все обдумывал, после чего вышел из трактира и еще раз поговорил с Вармусом.

— Сегодня вечером, если помните, я просил места в вашем караване.

— Условия не изменились, — отрезал Вармус. — Все места заняты.

— Давайте предположим, — не смутился Кугель, — что у вас есть еще одна большая и роскошная коляска, способная с комфортом вместить двенадцать человек. Вы смогли бы найти клиентов на эти места?

— Несомненно! Сейчас им придется ждать следующего каравана и пропустить фестиваль. Но я выхожу утром, и у меня не будет времени запастись продовольствием.

— Это тоже можно уладить, если мы сможем прийти к соглашению.

— Что вы предлагаете?

— Я обеспечиваю коляску и припасы. Вы набираете еще двенадцать путешественников и назначаете высокую цену. Я поеду бесплатно. Прибыль разделим между собой.

Вармус закусил губу.

— Не вижу в этом ничего предосудительного. Где ваша повозка?

— Пойдем; сейчас она будет.

Безо всякого энтузиазма Вармус пошел за Кугелем вдоль причала, где наконец-то все затихли. Кугель взобрался на «Аввентуру» и привязал свою волшебную веревку к кольцу под носом, а конец кинул Вармусу. Он пнул корпус своим намазанным воском оссипа башмаком, и корабль вмиг стал невесомым. Спустившись на причал, Кугель развязал швартовы, и корабль взмыл в воздух к полному изумлению Вармуса.

— Тянись, веревка, тянись! — закричал Кугель, и «Аввентура» поднялась в темную высь.

Вармус и Кугель вдвоем потащили корабль по дороге за пределы города, где спрятали его за кипарисами на кладбище, затем вернулись в трактир.

Кугель хлопнул Вармуса по плечу.

— Мы славно потрудились, и не без пользы для нас обоих!

— Я не привык к волшебству! — пробормотал Вармус. — Сверхъестественное меня пугает.

Кугель отмел его опасения.

— Ну, теперь по последнему бокалу вина, чтобы скрепить нашу сделку, и спать. А завтра мы отправимся в путешествие!

Глава вторая
Караван

В предрассветной тишине Вармус выстроил свой караван, расставив повозки и коляски, проводил пассажиров на отведенные им места, спокойными замечаниями и простодушными взглядами утихомирил всех жалобщиков. Казалось, он был во всех местах сразу — массивная фигура в черных башмаках, блузе навыпуск и мешковатых панталонах, с покрытыми плоской широкополой шляпой белокурыми кудрями.

Время от времени он подводил к Кугелю одного из своих пассажиров, говоря:

— Еще один пассажир в класс люкс!

Один за другим набралось шесть таких пассажиров, включая двух женщин, Эрмолде и Ниссифер. Обе они были, предположительно, средних лет, ибо Ниссифер с головы до ног укуталась в балахон из порыжевшего коричневого атласа, а на голове ее красовалась неизящная шляпа с плотной вуалью. Ниссифер была сухощавой и молчаливой и, казалось, при ходьбе поскрипывала, а Эрмолде — полной и болтливой, с крупными влажными чертами лица и тысячей медных локонов.

Кроме Ниссифер и Эрмолде, еще четверо мужчин решили насладиться преимуществами путешествия в классе люкс — разномастная группа, начиная от Гольфа Раби, экклезиарха и пантолога, затем Перруквил и, наконец, Иванелло, красивый молодой человек, носивший свои роскошные одежды с завидной элегантностью. Его манеры колебались в несколько ограниченном диапазоне от легкой снисходительности до презрительности.

Последним к группе присоединился Клиссум, осанистый джентльмен с хорошей фигурой и

неописуемым маньеризмом вышколенного эстета. Кугель кивнул в ответ на его приветствие, а затем отвел Вармуса в сторонку.

— У нас сейчас шесть пассажиров привилегированного класса — сказал Кугель. — Для пассажиров предназначены каюты номер один, два, три и четыре. Мы можем также занять двухместную каюту, которую раньше делили кок и стюард, что означает, что наши собственные кок и стюард будут вынуждены разместиться на полубаке. Я, как капитан этого судна, естественно, займу задний салон. Короче говоря, судно уже набито битком.

Вармус поскреб щеку, и на его лице отразилось тупое непонимание.

— Да нет же! Это судно больше, чем три коляски, вместе взятые!

— Возможно, и так, но большую часть места занимает груз.

Вармус нерешительно хмыкнул.

— Придется как-то исправлять ситуацию.

— Я лично не вижу в этой ситуации никаких изъянов, — заупрямился Кугель. — Если вы сами хотите ехать на корабле, можете придержать себе койку на форпике.

Вармус покачал головой.

— Это не проблема. Мы должны освободить место еще для нескольких пассажиров. Я действительно имел виды на задний салон, но не для себя и не для вас — в конце концов, мы с вами бывалые путешественники и не нуждаемся в скучном комфорте…

Кугель протестующе поднял руку.

— Эй, полегче! Именно потому, что мне довелось познать трудности и лишения, теперь я так ценю комфорт. «Аввентура» заполнена. Мы больше не можем предлагать каюты класса люкс.

Но Вармус вдруг проявил ослиное упрямство.

— Во-первых, я не могу позволить себе нанять еще кока и стюарда для удовольствия шестерых пассажиров и вас лично. Я рассчитывал, что вы возьмете на себя выполнение этой обязанности.

— Что?! — воскликнул Кугель. — Пересмотрите, пожалуйста, условия нашего соглашения! Я капитан, и никто иной!

Вармус глубоко вздохнул.

— Кроме того, я уже продал билеты в класс люкс еще четверым пассажирам. Ага! Вот и они! Доктор Лаланк и его свита.

Обернувшись, Кугель увидел высокого джентльмена с несколько болезненным и угрюмым выражением лица, густыми черными

волосами, вопросительно поднятыми темными бровями и черной бородкой клинышком.

Вармус представил прибывших.

— Кугель, это доктор Лаланк, выдающийся и знаменитый ученый.

— Фу, — сказал Лаланк. — Вы положительно преувеличиваете.

Позади, двигаясь в ряд медленными шагами с выпрямленными и прижатыми к узким бедрам руками, точно механические куклы или сомнамбулы, шли три девушки с короткими и черными, как ночь, волосами. Они выглядели еще бледнее, чем сам доктор Лаланк.

Кугель переводил взгляд с одной на другую; они были очень, если не сказать, как две капли воды, похожи друг на друга, с одинаковыми серыми глазами, высокими скулами и плоскими щеками, плавно сужавшимися к маленьким подбородкам с ямочками. Белые шаровары плотно облегали их бедра и ноги — единственная деталь в облике, в которой имелся хоть какой-то намек на женственность; мягкие бледно-зеленые жакеты были схвачены поясами на их талиях. Они остановились позади доктора Лаланка и стояли, глядя на реку, ничего не говоря и не проявляя никакого интереса к окружавшим людям.

Пленительные создания, подумал Кугель.

Доктор Лаланк заговорил, обращаясь к Вармусу:

— Это члены моей маленькой семьи — мимы, если вам так будет угодно. Их зовут Саш, Сказья и Рлайс, хотя я не знаю, какое имя кому из них принадлежит, им, кажется, до этого нет дела. Я считаю их своими подопечными. Они застенчивы и чувствительны, и уединение в большой каюте, о которой вы упомянули, как раз то, что им нужно.

Кугель мгновенно вышел вперед.

— Минуточку! Задний салон на «Аввентуре» занимает капитан, которым, к слову, являюсь я. В классе люкс есть каюты для шести человек. Здесь присутствует десять. Вармус, вы должны немедленно исправить ошибку!

Вармус потер подбородок и возвел глаза к небу.

— День уже в самом разгаре, а мы должны до темноты прибыть к Фиркльскому Фонтану. Предлагаю осмотреть класс люкс и решить, что можно сделать.

Компания направилась к кипарисовой роще, где скрывалась «Аввентура». По пути Вармус попытался переубедить Кугеля:

— В таком деле, как наше, иногда приходится приносить маленькие жертвы ради общего блага. Поэтому…

— Хватит подлизываться! Я тверд, как алмаз!

Вармус грустно покачал головой.

— Кугель, я в вас разочарован. Не забудьте, что я тоже участвовал в приобретении этого судна, и не без риска для своей репутации.

— Мой план и мое волшебство сыграли решающую роль. Вы всего лишь тянули веревку. Вспомните также, что в Каспара-Витатусе мы разойдемся. Вы пойдете дальше в Торкваль, а я отправлюсь на моем корабле на юг.

Вармус пожал плечами.

— Я не предвижу никаких других затруднений, кроме тех, которые нам придется преодолеть в следующие несколько минут. Мы должны определить, кто из наших пассажиров действительно скандальный, а кого можно убедить ехать в колясках.

— Разумно, — согласился Кугель. — Я вижу, в этом деле есть свои хитрости, которым я постараюсь обучиться.

— Именно так. Теперь — что касается тактики. Мы должны казаться всегда и во всем единодушными, иначе пассажиры натравят нас

друг на друга, и мы потеряем всякий контроль. Поскольку мы не можем спорить по каждому поводу, давайте обозначать свое мнение таким образом: кашель будет означать яхту, а сопение — коляску.

— Согласен!

Прибыв на судно, пассажиры скептически остановились. Перруквил, маленький, тощий, с горящими глазами, состоящий, казалось, из одних нервов, намотанных прямо на кости, зашел так далеко, что даже обвинил Кугеля с Вармусом в лживости.

— Вармус, каков ваш план? Вы берете наши денежки, сажаете нас в каюты на разрушенном судне, а затем преспокойно уходите с вашим караваном. Так? Берегитесь — я не вчера родился!

— Корабли обычно не плавают по суше, — пробормотал эстет Клиссум.

— Вполне правильно, — согласился Вармус. — Но при помощи волшебства Кугеля это судно благополучно и беспрепятственно поплывет по воздуху.

Кугель заговорил серьезным голосом.

— По прискорбному недоразумению билеты на «Аввентуру» были проданы слишком большому числу пассажиров, и четверым из них придет-

ся ехать в нашей коляске класса люкс во главе колонны, где они смогут насладиться видом местных пейзажей. Позвольте в этой связи задать вопрос: кто из вас страдает головокружениями или навязчивым страхом высоты?

Перруквил прямо заплясал, снедаемый своими эмоциями.

— Я не согласен на худшее помещение! Я заплатил свои терции, и Вармус гарантировал мне, что я в первую очередь получу каюту! Если понадобится, я приведу констебля, который засвидетельствовал сделку, он подтвердит.

Вармус многозначительно кашлянул, и Кугель тоже кашлянул ему в ответ.

Эрмолде отвела Вармуса в сторонку и прошептала ему несколько слов на ухо, после чего тот развел руками и схватился за свои золотистые кудри. Он взглянул на Кугеля и пронзительно кашлянул.

Клиссум сказал:

— Я руководствуюсь не сознательным выбором, а строгой необходимостью. Я не переношу дорожную пыль; я начну хрипеть и задыхаться, а потом свалюсь с приступом астмы.

Перруквил, казалось, счел высокопарную речь и эпикурейскую манерность Клиссума оскорби-

тельной для себя.

— Если вы и в самом деле столь слабы, не слишком ли безрассудно отваживаться на такое долгое путешествие с караваном?

Клиссум, закатив глаза, заговорил низким голосом:

— Если я вынужден проводить секунды своей жизни в этом умирающем мире, я никогда не жалуюсь и не предаюсь унынию! Слишком много красоты, слишком много удивительного. Я всего лишь пилигрим в поиске длиною в жизнь; я ищу здесь и там, повсюду это ускользающее качество.

— Ну и какое отношение это имеет к вашей астме? — нетерпеливо спросил Перруквил.

— Эта связь одновременно и скрытая, и явная. Я поклялся: будь что будет, но я должен спеть свои гимны на Фестивале, даже если мое лицо будет искажено приступом астмы. Когда я узнал, что смогу путешествовать вверху, на свежем воздухе, моему восторгу не было предела!

— Пфф! — пробормотал Перруквил. — Может быть, мы все здесь астматики; Вармус не позаботился спросить об этом.

Во время этой дискуссии Вармус прошептал на ухо Кугелю:

— Эрмолде призналась, что беременна! Она

боится, что если ей в пути придется терпеть вибрацию и толчки, может произойти непоправимое. Делать нечего — она должна с комфортом путешествовать на «Аввентуре».

— Я согласен, целиком и полностью, — прошептал ему в ответ Кугель.

Их внимание привлек веселый смех Иванелло.

— Я всецело доверяю Вармусу! Поскольку я заплатил двойную цену за самую лучшую каюту, он заверил меня, что я смогу выбрать сам. Поэтому я выбираю задний салон. А Кугель может спать внизу вместе с остальными возчиками.

Кугель как можно более отчетливо засопел и язвительно ответил:

— В этом случае Вармус имел в виду только коляски. Парень вроде вас с удовольствием будет подпрыгивать вверх и вниз и собирать по пути ягоды. «Аввентура» была предназначена для особ со вкусом и воспитанием, таких как Клиссум и Эрмолде.

— А как же я? — вскричал экклезиарх Гольф Раби. — Я сведущ в четырех бесконечностях и заседаю в Коллегии, как полноправный член. Я привык к особому обращению. Мне нужно спокойное место для медитаций, и каюта очень хорошо для этого подойдет.

Ниссифер с шорохом сделала два шага вперед, распространяя кисловатый запах.

— Я поеду на корабле, — странно хриплым шепотом заговорила она. — Если кто-нибудь помешает мне, я заражу его.

Иванелло откинул голову назад и оглядел женщину из-под полуприкрытых век.

— Заразите? Что вы имеете в виду?

— Ты действительно хочешь узнать? — раздался хриплый шепот.

Кугель, внезапно забеспокоившись, огляделся вокруг. Куда подевались доктор Лаланк с его подопечными? Во внезапном наитии он подбежал к трапу и взлетел на палубу.

Его опасения оправдались. Три мима укрылись в его каюте. Доктор Лаланк стоял на пороге, отчаянно жестикулируя. При виде Кугеля он с раздражением закричал:

— Маленькие негодницы! Стоит им только вбить себе в голову какой-нибудь каприз, они становятся неуправляемыми. Иногда они просто выводят меня из себя — признаю это открыто!

— Тем не менее, они должны покинуть мою каюту!

Лаланк слабо улыбнулся.

— Я ничего не могу сделать. Убеждайте их вый-

ти, как хотите.

Кугель зашел в каюту. Три девушки сидели на койке, глядя на него огромными серыми глазами. Кугель указал им на дверь.

— Вон отсюда! Это капитанская каюта, а я — капитан.

Девушки все как одна вытянули ноги и сложили руки на коленях.

— Да, да, поистине очаровательно, — сказал Кугель. — Я не уверен, нравятся мне или нет такие бесполые создания, как вы… В подходящих обстоятельствах я не прочь бы поэкспериментировать, но не со всеми тремя сразу — это смущало бы меня. Так что давайте, поднимайте свои маленькие хрупкие попки, а не то мне придется выставить вас отсюда.

Девушки сидели неподвижно, точно совы.

Кугель глубоко вздохнул.

— Значит, этого не миновать.

Он направился к койке, но был остановлен нетерпеливым окликом Вармуса.

— Кугель? Вы где? Нам нужно принять решение.

Выйдя на палубу, Кугель обнаружил, что пассажиры класса люкс взошли по трапу и спорят, кому какая каюта достанется. Вармус сказал

Кугелю:

— Мы не можем больше тянуть! Я приведу караван, и мы привяжем судно к первой коляске.

Кугель разъяренно завопил:

— На корабле слишком много пассажиров! Четверо должны ехать в колясках! А доктор Лаланк со своей ордой тем временем заняли мою каюту!

Вармус пожал мощными плечами.

— Поскольку вы капитан, вам достаточно лишь отдать соответствующий приказ. А пока отвяжите корабль и приготовьте свое волшебство.

Вармус сошел на землю.

— Погодите! — крикнул Кугель. — А где кок и стюард, чтобы готовить и подавать нам пищу?

— Всему свое время, — ответил Вармус. — Вы будете готовить обед, поскольку вам все равно нечего делать. А теперь поднимите сходни! Приготовиться к отходу!

Кипя от раздражения, Кугель привязал свою веревку к стволу кипариса и кольцу на носу корабля, затем затащил на палубу все остальные канаты. С помощью доктора Лаланка и Клиссума трап также был поднят на борт.

На дороге показался караван. Вармус отвязал веревку от кипариса, и судно взмыло в воздух. Вармус привязал веревку к задку первой коляски,

запряженной двумя фарлоками могучей гангхорнской породы. Без дальнейших препятствий Вармус взобрался в коляску, и караван тронулся по дороге вдоль реки.

Кугель оглядел палубу. Пассажиры облепили ограждение, глядя на представшую им с высоты картину и поздравляя себя с таким удачным видом транспорта. Уже воцарилось какое-то подобие дружеской атмосферы, охватившей всех, за исключением Ниссифер, которая, съежившись, стояла в довольно-таки странной позе у своей каюты. Доктор Лаланк также встал поодаль от всех.

Кугель подошел к нему.

— Вы уже выдворили своих подопечных из моей каюты?

Доктор Лаланк серьезно покачал головой.

— Они странные маленькие создания, невинные и простодушные, побуждаемые лишь собственными желаниями.

— Но вашим-то приказаниям они должны подчиняться!

В силу какой-то гибкости чёрт лица доктор Лаланк ухитрился выглядеть одновременно извиняющимся и довольным.

— Обычно все так думают. Я часто размыш-

ляю, кем они считают меня. Уж точно не своим хозяином.

— Очень странно! Как они оказались на вашем попечении?

— Должен сказать вам, что я очень состоятельный человек. Я живу у реки Сцонглей, неподалеку от Старого Ромарта. Мой дом построен из редкостных сортов древесины — тирринча, дымчатого дифона, скиля, пурпурного транка, камфарного дерева и еще дюжины других.

Моя жизнь вполне могла бы протекать в неге и роскоши, но, чтобы оправдать факт своего существования, я занялся изучением жизни и работ великих волшебников. У меня замечательная коллекция бесценных реликвий и любопытных принадлежностей, которых касались руки великих.

В то время как он произносил эти слова, его глаза были прикованы к «Фейерверку», который Кугель приколол к своей шляпе вместо украшения.

Кугель осторожно спросил:

— А вы сами, случайно, не волшебник?

— Увы! Мне не хватает силы. Я могу справиться с пустяковым заклинанием против кусачих насекомых и с другим, которое помогает усмирить

лающую собаку, но магия вроде вашей, которая поднимает в воздух корабль, мне не по зубам. Кстати, о магии: что это за предмет на вашей шляпе? Он испускает энергию, которую ни с чем нельзя спутать.

— У этой вещицы очень любопытная история, к которой я вернусь в более подходяще время, — увернулся от ответа Кугель. — А сейчас…

— Разумеется! Вам больше интересны мимы, как я их называю, и таково, вероятно, предназначение, для которого они были созданы.

— Больше всего я заинтересован в том, чтобы убрать их из моей каюты.

— Я буду краток, хотя мне придется вернуться к временам Великого Мотолама, в конце восемнадцатой эпохи. Величайший волшебник Моэль Лель Лао жил во дворце, вырезанном из целой глыбы лунного камня. Даже сегодня, если пройти по долине Серых Теней, можно найти несколько его осколков. Когда я раскапывал старые саркофаги, я нашел выпуклую коробочку с тремя статуэтками из потрескавшейся и выцветшей слоновой кости, каждая не больше моего пальца. Я взял их домой и хотел смыть грязь, но они впитывали воду быстрее, чем я успевал снова их намочить, и наконец я решил на ночь положить

их в бассейн. С утра я нашел этих троих в таком виде, как вы видите их сейчас. Я дал им имена Саш, Сказья и Рлайс в честь трех Трацинтийских граций и попытался научить их говорить. Но они ни разу не промолвили ни звука, даже между собой.

Они необыкновенные создания, странно милые, и я мог бы часами рассказывать вам про их поведение. Я зову их мимами, потому что когда на них находит настроение, они принимают различные позы, прихорашиваются и разыгрывают тысячи сценок, ни одной из которых я не понимаю. Я привык позволять им делать то, что хочется; взамен они разрешают мне заботиться о них.

— Все это замечательно, — проворчал Кугель. — Но теперь мимам конца восемнадцатой эпохи придется столкнуться с реальностью сегодняшнего дня в лице Кугеля. Предупреждаю, я буду вынужден собственноручно выставить их прочь из каюты!

Доктор. Лаланк печально пожал плечами.

— Уверен, что вы будете обращаться с ними как можно более мягко. Каковы ваши планы?

— Время планирования прошло!

Кугель направился к двери каюты и распахнул

ее настежь. Троица сидела точно так же, как и раньше, уставившись на Кугеля изумленными глазами.

Кугель встал сбоку и указал на дверь.

— Вон! Давайте! Уходите! Выметайтесь отсюда! Я собираюсь лечь на свою койку и отдохнуть.

Ни одна из трех даже не шелохнулась. Кугель подошел поближе и взял за руку ту девушку, которая была справа от него. В тот же момент комната задрожала и завибрировала, и прежде чем Кугель успел сообразить, что происходит, он вылетел из каюты.

Он сердито вернулся в каюту и попытался схватить ближайшую к нему девушку. Та с серьезным лицом выскользнула из его рук, и комната снова, казалось, наполнилась трепещущими фигурами, летящими вниз, вверх, по кругу, точно мириады мотыльков. Наконец Кугелю удалось поймать одну из них сзади и, дотащив до двери, выкинуть на палубу. В тот же миг его бросило вперед, и выгнанная девушка вновь оказалась в каюте.

Другие пассажиры пришли посмотреть на это представление. Все они хохотали и отпускали шутливые замечания, за исключением Ниссифер, которая не обращала на всю суету никакого внимания. Доктор Лаланк заговорил, точно

оправдываясь:

— Видите, что происходит? Чем суровее вы себя ведете, тем более решительно они вам отвечают.

Кугель процедил сквозь зубы:

— Они выйдут, чтобы поесть; вот тогда и посмотрим.

Доктор Лаланк покачал головой.

— Не стоит на это надеяться. У них очень скромный аппетит; все, что им нужно, — немного фруктов, пирожное или глоточек вина, да и то изредка.

— Стыдитесь, Кугель! — вмешалась Эрмолде. — Неужели вы заморите этих бедняжек голодом? Они и так бледные и изможденные!

— Если они не хотят голодать, то могут просто уйти из моей каюты!

Экклезиарх поднял вверх поразительно длинный белый палец с распухшими суставами и желтым ногтем.

— Кугель, вы так лелеете свои чувства, точно они — оранжерейные растения. Почему бы раз и навсегда не покончить с тиранией ваших внутренних органов? Я дам вам почитать трактат. В конечном счете, удобство пассажиров должно превалировать над вашим собственным. И еще. Вармус гарантировал нам превосходное питание

из пяти или шести перемен блюд. Солнце уже поднялось высоко, и пора бы вам заняться приготовлением завтрака.

Наконец Кугель вымолвил:

— Если Вармус давал вам такие гарантии, пусть он и готовит.

Перруквил возмущенно раскричался, но Кугель не сдавался.

— Мои собственные проблемы важнее!

— А как насчет наших помещений? — спросил Перруквил.

Кугель указал на планшир.

— Можете спуститься вниз по веревке и пожаловаться Вармусу! В любом случае, не приставайте ко мне!

Перруквил подошел к планширу и поднял страшный шум.

Вармус задрал голову, показывая свое широкое лицо.

— Какие-то затруднения?

— Да, это Кугель! Вы должны немедленно разобраться с этой проблемой.

Вармус терпеливо остановил караван, спустил вниз корабль и забрался на палубу.

— Ну что там еще у вас?

Перруквил, Клиссум и Кугель разом заговорили

и болтали, пока Вармус не поднял вверх руки.

— По одному, пожалуйста. Перруквил, какие у вас жалобы?

Перруквил указал дрожащим пальцем на Кугеля.

— Он точно каменный. Он не обращает внимания на наши просьбы подать еду и не освобождает помещения тем, кто так дорого за них заплатил!

— Ну что, Кугель? — со вздохом спросил Вармус. — Как вы объясните свое поведение?

— А никак. Уберите этих полоумных девиц из моей каюты, или «Аввентура» больше не пойдет вместе с караваном, а самым прекрасным образом поплывет по ветру.

Вармус повернулся к доктору Лаланку.

— Ничего не поделаешь. Придется выполнить требование Кугеля. Велите им выйти.

— А где же мы будем спать?

— В матросском кубрике найдется три койки для девушек. Есть еще одна койка в плотницкой, на форпике, где очень тихо. Она отлично подойдет Его Преподобию Гольфу Раби. Эрмолде и Ниссифер мы поместим в каюты на левом борту, Перруквила и Иванелло — на правом, а вы с Клиссумом поселитесь в двухместной каюте. Таким образом, все проблемы решены, поэтому

пусть девушки выйдут.

— Да в этом-то и соль! — нерешительно сказал доктор Лаланк. — Они не выйдут! Кугель дважды пытался вытащить их оттуда, и дважды они выставляли его самого.

Иванелло, прислонившись к корабельному борту, добавил:

— Да, это был целый спектакль! Кугель вылетел оттуда, как будто пытался перепрыгнуть широкую канаву.

Доктор Лаланк продолжил:

— Возможно, они неправильно поняли намерения Кугеля. Предлагаю, чтобы мы вошли туда втроем. Вармус, идите первым, затем пойду я, а Кугель будет замыкающим. Позвольте мне сделать им несколько знаков.

Все трое вошли в каюту, обнаружив девушек мирно сидящими на койке. Доктор Лаланк сделал несколько жестов, и троица покорно выпорхнула из каюты.

Вармус изумленно покачал головой.

— Не могу понять, из-за чего весь сыр-бор разгорелся? Кугель, это все, на что вы жаловались?

— Я скажу следующее: «Аввентура» пойдет дальше вместе с караваном.

Клиссум почесал свой пухлый подбородок.

— Поскольку Кугель отказался готовить, где и как мы можем отведать те превосходные блюда, которые вы так превозносили?

— Кугель сказал, что вам самому придется готовить, — злорадно вмешался Перруквил.

— У меня более серьезные обязанности, что хорошо известно Кугелю, — сухо ответил Вармус. — Похоже, придется послать вам повара.

Перегнувшись через планшир, он закричал:

— Пришлите на корабль Поррига!

Три девушки внезапно закружились в неистовом хороводе, затем начали выпрыгивать и припадать к земле, замирая в причудливых позах, сопровождая этот странный танец насмешливыми взглядами и дерзкими жестами в направлении Кугеля. Доктор Лаланк объяснил их движения.

— Они выражают свои чувства или, вернее говоря, свое отношение. Я не отважусь попытаться перевести его.

Кугель возмущенно отвернулся от них как раз в тот момент, когда перед его глазами мелькнул подол бесформенного коричневого атласного платья, и дверь его каюты захлопнулась.

Кугель в ярости закричал Вармусу:

— Теперь эта мерзавка Ниссифер заняла мою

кающу!

— Нет, пора прекратить это безобразие! — сказал Вармус. Он постучал в дверь. — Госпожа Ниссифер, вы должны удалиться в свою каюту.

Из-за двери донесся едва слышный хриплый шепот:

— Я останусь здесь, поскольку мне необходима темнота.

— Но это невозможно! Эта каюта уже отведена Кугелю.

— Кугелю придется отправиться куда-нибудь в другое место.

— Мадам, я сожалею, но нам с Кугелем придется войти в каюту и отвести вас в отведенное вам помещение.

— Я напущу на вас вонь.

Вармус взглянул на Кугеля удивленными голубыми глазами.

— Что она подразумевает под этим?

— Мне не вполне ясно, — ответил Кугель. — Но это неважно. Устав каравана нужно выполнять. Это наша главная забота.

— Совершенно верно! Иначе мы навлечем на себя хаос.

— Ну, хоть здесь мы единодушны! Заходите в каюту, а я буду стеной стоять у вас за спиной!

Вармус одернул блузу, поправил шляпу на голове, настежь распахнул дверь и шагнул в каюту, за ним по пятам последовал Кугель. Внезапно Вармус издал сдавленный крик и попятился назад на Кугеля, но еще до этого сам Кугель почувствовал резкую вонь, такую омерзительную и невыносимую, что у него чуть глаза из орбит не вылезли.

Вармус, спотыкаясь, добрел до ограждения, оперся на него локтями и откинулся назад, помутневшим взором оглядывая палубу. Затем с выражением крайней усталости он перебрался через планшир и спустился на землю. Он сказал несколько слов стюарду Порригу, после чего тот перешел на корабль. Вармус ослабил веревку, и «Аввентура» снова взмыла вверх.

После минутного размышления Кугель подошел к доктору Лаланку.

— Я поражен вашим благородством и хочу отплатить вам тем же. Я уступаю вам и вашим подопечным капитанскую каюту.

Доктор Лаланк еще больше помрачнел.

— Мои подопечные будут смущены. При всем своем легкомыслии они очень чувствительны и уязвимы. Кубрик, как оказалось, вполне удобен.

— Как вам будет угодно.

Кугель прогулялся по палубе и обнаружил, что

каюту, первоначально предназначенную для Ниссифер, занял экклезиарх Гольф Раби, а стюард Порриг устроился в плотницкой.

Кугель присвистнул сквозь зубы. Отыскав старую подушку и кусок ветхого брезента, он соорудил на баке какое-то подобие палатки и поселился в ней.

Река Ченг широкими изгибами струилась по широкой равнине, разгороженной на поля и пастбища древними каменными стенами, в тени черных перодревов и индигодубов укрывались фермы. Купающиеся в лучах красного солнечного света выветренные холмы отбрасывали в ложбины изогнутые черные тени.

Весь день караван шел по берегу реки мимо деревушек Гулярд, Трунаш и Склив. На закате в низине у реки разбили лагерь.

Когда солнце уже скрылось за холмами, развели огромный костер, и путешественники кольцом окружили его, ища защиты от пронизывающей вечерней прохлады.

Пассажиры класса люкс вместе поужинали грубой, но обильной пищей, которую даже Клиссум нашел вполне сносной — все, кроме Ниссифер, оставшейся в своей каюте, и мимов, сидевших по-турецки рядом с корпусом корабля и зачаро-

ванно смотревших на пламя. Иванелло появился в роскошнейшем наряде: свободных штанах из золотой, янтарной и черной бархатистой саржи, подходящих к ним черных башмаках, просторной рубахе цвета слоновой кости с красноватым оттенком, расшитой золотыми цветочками. Из его правого уха на трехдюймовой цепочке свисал шарик из молочного опала, диаметром почти в дюйм — камень, очаровавший трех мимов почти до состояния транса.

Вармус щедрой рукой разливал вино, и компания стала дружеской. Один из обычных пассажиров, некий Анск-Давеска, воскликнул:

— Вот мы сидим тут, незнакомцы, волей-неволей вынужденные находиться в обществе друг друга! Предлагаю, чтобы каждый из нас по очереди представился и рассказал свою историю, кто он таков, и немного о своих достижениях.

Вармус хлопнул руками.

— Почему бы и нет? Я начну. Мадлик, налей мне еще вина… Моя история очень проста; Мой отец держал птичник под Бледноводьем, на той стороне дельты, и поставлял отличных птиц на весь край. Я хотел пойти по его стопам, пока он не взял себе новую жену, которая не выносила запаха паленых перьев. Чтобы угодить этой бабе,

отец бросил птицеводство и хотел заняться разведением рыб в мелких прудах. Но совы собирались на деревьях и до такой степени раздражали его жену, что она сбежала с торговцем редкими благовониями. Тогда мы занялись паромной переправой из Бледноводья в Порт-Пергуш, но отец как-то раз перебрал вина и, уснув прямо на пароме, уплыл в открытое море. Тогда я занялся караванным делом, а остальное вы знаете.

Очередь перешла к Гольфу Раби, который сказал:

— Надеюсь, что моя жизнь, в отличие от жизни Вармуса, покажется вдохновляющей, в особенности присутствующим здесь молодым людям, или даже тем, кто почти вышел из этого возраста, как Кугель и Иванелло.

Иванелло, который отошел в сторону и сел рядом с мимами, обиделся:

— Эй, полегче! Можете оскорблять меня, как хотите, но не равняйте меня с Кугелем!

Кугель не обратил на это замечание своего внимания, а Гольф Раби ответил лишь легкой холодной улыбкой.

— Я прожил жизнь, подчиненную строгой дисциплине, и преимущества моего образа жизни должны быть очевидны всем. Будучи еще неофи-

том, я прославился безукоризненностью своей логики. Как Главный Член Коллегии я сочинил трактат, доказывающий, что излишнее обжорство поражает дух, как сухая гниль — дерево. Даже сейчас, когда я пью вино, я подмешал в него три капли аспергантиума, придавшего ему горький вкус. В настоящее время я заседаю в Совете и являюсь пантологом Последнего Откровения.

— Завидные достижения! — подвел итог Вармус. — Пью за ваш непрекращающийся успех, и вот вам бокал вина без аспергантиума, чтобы вы могли присоединиться к нашему тосту без отвращения к его мерзкому вкусу.

— Благодарю вас, — сказал Гольф Раби. — Это допустимо.

Теперь к обществу обратился Кугель:

— Я — вельможа из Альмери, где являюсь наследником огромного древнего состояния. Борясь с несправедливостью, я перешел дорогу злому волшебнику, который послал меня на север на верную смерть. Но он не учел, что покорность не в моем характере. — Кугель обвел глазами группу. Иванелло соломинкой щекотал мимов. Клиссум и Гольф Раби вполголоса спорили о воделевской доктрине изоптогенеза. Доктор Лаланк с Перруквилом обсуждали пивные Торкваля.

Надувшись, Кугель вернулся на свое место. Вармус, который разрабатывал маршрут вместе с Анском-Давеской, наконец заметил это и воскликнул:

— Молодец, Кугель! Очень интересно! Мадлик, полагаю, что еще два кувшина вина экономического сорта мы можем себе позволить, все-таки не часто мы устраиваем такие праздники по пути. Лаланк, не хотите ли представить одну из своих сценок?

Доктор Лаланк взмахнул руками; девушки, поглощенные той чепухой, что нес им Иванелло, не сразу, но все-таки заметили его знаки. Они вскочили на ноги и несколько минут демонстрировали какую-то головокружительную пляску.

Иванелло подошел к доктору Лаланку и задал ему на ухо какой-то вопрос.

Доктор Лаланк нахмурился.

— Вопрос, конечно, бестактный или, по меньшей мере, чересчур откровенный, но ответ — «да».

Иванелло задал еще один неслышный вопрос, на который доктор Лаланк ответил явно холодно:

— Сомневаюсь, чтобы подобные мысли когда-либо приходили им в голову.

Он отвернулся и возобновил беседу с Перруквил ом.

Анск-Давеска вытащил гармонику и заиграл веселую мелодию. Эрмолде, несмотря на испуганные увещевания Вармуса, вскочила на ноги и пустилась плясать зажигательную джигу.

Закончив свой танец, она отвела Вармуса в сторонку и пояснила:

— Оказалось, что у меня просто болел живот от газов; конечно, мне следовало успокоить вас, но это как-то вылетело у меня из головы.

— У меня просто камень с души свалился, — ответил Вармус. — Кугель тоже обрадуется, поскольку, как капитану «Аввентуры», ему пришлось бы исполнять обязанности акушера.

Вечер был в полном разгаре. У каждого нашлась история, которой он хотел бы поделиться, или какая-то концепция, которую он желал донести до остальных, и все сидели до тех пор, когда от костра остались одни головешки.

Клиссум, как оказалось, сочинил несколько од и под напором Эрмолде с выражением продекламировал шесть строф из длинного творения, озаглавленного «0 время, жалкий негодяй, что бьет из-за угла», перемежая строфы вокальными каденциями.

Кугель достал свою колоду карт и предложил научить Вармуса и Анска-Давеску игре в скакс, основанной лишь на удаче. Но и тот, и другой предпочли слушать, как Гольф Раби отвечает на ленивые вопросы Иванелло:

— …вовсе никакой путаницы! Коллегию часто называют «Конвергенцией» или даже «Ступицей», в шутку, разумеется. Но это одно и то же.

— Боюсь, вы разбираетесь в этом куда лучше, чем я, — сказал Иванелло. — Я заблудился в джунглях терминологии.

— Ага! Вот что значит непрофессионал! Я объясню попроще.

— Да, пожалуйста.

— Представьте себе несколько воображаемых спиц, представляющих от двадцати до тридцати бесконечностей — их точное число до сих пор неизвестно. Они сходятся — конвергируют — в центре, обладающем абсолютной чувствительностью; они смешиваются, а затем расходятся в противоположном направлении. Местонахождение этой «Ступицы» точно известно — она расположена на территории Коллегии.

Вармус выкрикнул вопрос:

— А на что это похоже?

Гольф Раби довольно долго смотрел на затуха-

ющее пламя.

— Думаю, я не стану отвечать на этот вопрос, — промолвил он. — Я создал бы ровно столько ложных представлений, сколько здесь ушей, которые меня слышат.

— Вдвое меньше, если быть точным, — вежливо поправил его Клиссум.

Иванелло лениво улыбнулся ночному небу, на котором уже взошел Одинокий Альфард.

— Могло бы показаться, что одной бесконечности вполне хватило бы для ваших исследований. Не чересчур ли роскошно занимать так много сразу?

Гольф Раби повернул к нему свое длинное узкое лицо.

— А почему бы вам не поучиться семестр-другой в Коллегии и не узнать это самому?

— Я подумаю об этом.

Второй день был очень похож на предыдущий. Фарлоки монотонно трусили по дороге, а легкий западный ветерок относил «Аввентуру» в сторону от головной коляски.

Стюард Порриг приготовил обильный завтрак из сваренных без скорлупы устриц, кумкватов в сахарной глазури и пшеничных лепешек с красной икрой сухопутных крабов.

Ниссифер так и оставалась в добровольном заточении в своей каюте. Порриг принес поднос к двери и постучался.

— Ваш завтрак, госпожа Ниссифер!

— Унесите его, — раздался хриплый шепот из каюты. — Я не хочу завтракать.

Порриг пожал плечами и как можно быстрее убрался из-под дверей каюты вместе с подносом, ибо вонь Ниссифер до сих пор ощущалась на корабле.

В обед повторилось то же самое, и Кугель приказал Порригу больше не приносить Ниссифер еды до тех пор, пока она не появится в столовой.

Днем Иванелло вытащил лютню с длинным грифом, украшенным бледно-голубым бантом, и принялся в такт нежным аккордам распевать сентиментальную балладу. Изумленные мимы пришли посмотреть на это, что послужило поводом для всеобщего обсуждения, слышат ли они музыку и понимают ли вообще, чем занят Иванелло. Как бы то ни было, они улеглись на живот, положив подбородки на сложенные пальцы, и уставились на Иванелло серьезными серыми глазами, в которых отражалось, как могло показаться, немое восхищение. Иванелло настолько осмелел, что решился погладить короткие чер-

ные волосы Сказьи. В тот же миг Саш и Рлайс пододвинулись поближе, и ему пришлось погладить их тоже.

Довольный своим успехом, улыбающийся Иванелло заиграл и запел новую балладу, а Кугелю оставалось лишь угрюмо смотреть из своей палатки на баке.

В тот день караван миновал лишь одну деревню, Порт-Титус, и местность сделалась ощутимо более дикой. Впереди возвышался массивный каменный обрыв, в котором вода проточила узкое ущелье, по нему, тесно прижавшись к берегу реки, змеилась дорога.

В середине дня караван наткнулся на артель лесорубов, занятых погрузкой леса на баржу. Вармус остановил караван. Спрыгнув из коляски на землю, он пошел, чтобы навести справки, и узнал тревожную новость: часть горы обрушилась в ущелье, сделав дорогу вдоль реки непроходимой.

Лесорубы вышли на дорогу и указали на холмы на севере.

— Через милю будет проселочная дорога. Она ведет к проходу Тюнера и дальше через Илдишскую Пустошь. Через две мили дорога разветвляется, и вам будет нужно повернуть

направо, обогнуть ущелье, а потом спуститься к озеру Заол и Каспара-Витатус.

Вармус обернулся и оглядел проход.

— А как дорога, опасна она или нет?

Самый старый лесоруб ответил:

— Мы не знаем наверняка, потому как в последнее время никто не спускался по проходу Тюнера. Это само по себе может быть дурным знаком.

В разговор вступил другой:

— В трактире «У переправы» я слыхал толки о банде кочевников за Карстом. Говорят, они жестокие и коварные, но поскольку боятся темноты, то по ночам не разбойничают. Вас много, и вряд ли что-то угрожает, разве что нападут из засады. Но вам надо быть начеку.

Самый молодой лесоруб тоже не остался в стороне.

— А как же горные гоблины? Разве они не серьезная угроза?

— Ба! — сказал старик. — Все это россказни, на вроде ветряных чертей за каждым кустом, которыми пугают младенцев.

— И все-таки они существуют! — упрямо заявил юный лесоруб. — Так, по крайней мере, мне говорили.

— Ба! — воскликнул старый лесоруб во второй

раз. — Они там, в трактире «У переправы», пиво хлещут галлонами, а потом по пути домой видят гоблинов и чертей за каждым кустом.

Второй лесоруб задумчиво сказал:

— Я поясню свою философию. Лучше остерегаться горных гоблинов и ветряных чертей и никогда не увидеть, чем не бояться и позволить им застать тебя врасплох.

Старый лесоруб сделал повелительный знак.

— Возвращайтесь к работе! Ваши сплетни задерживают этот важный караван.

Затем добавил, обращаясь к Вармусу:

— Ступайте по проходу Тюнера. Через восемь дней вы должны быть в Каспара-Витатусе.

Вармус вернулся в экипаж. Караван двинулся в путь. Через милю показалась проселочная дорога, ведущая к проходу Тюнера, и Вармус неохотно повернул туда.

Проселочная дорога вилась то вверх, то вниз по холмам, по проходу Тюнера, затем вышла на плоскую равнину.

Время уже подходило к закату. Вармус решил остановиться на ночлег там, где из рощи черных деодаров вытекал ручеек. Он тщательно расставил повозки и коляски, затем установил защитную изгородь из металлических прутьев,

которые, будучи активированы, стреляли полосами пурпурного света в каждого, кто дерзнул бы покуситься на лагерь. Изгородь защищала караван от ночных хунов, эрбов и зелесиней.

Снова разожгли огромный костер, наломав дров в роще деодаров. Привилегированные пассажиры отведали три предварительных блюда, поданных Порригом на «Аввентуре», затем присоединились к обычным пассажирам, ужинавшим хлебом, рагу и соленой зеленью.

Вармус подал вина, правда, чуть менее щедро, чем накануне.

После ужина Вармус обратился к обществу:

— Как всем вам известно, мы сделали крюк, который не должен ни причинить нам неудобств, ни, как я надеюсь, задержать нас в пути. Однако сейчас мы путешествуем по Илдишской Пустоши, которая мне не знакома. Я считаю себя обязанным принять особые меры безопасности. Вы заметите нашу защитную изгородь, которая должна отпугивать незваных гостей.

Иванелло не удержался от шутливого замечания:

— А вдруг они запрыгнут на изгородь?

Вармус не обратил на него никакого внимания.

— Изгородь опасна! Не приближайтесь к ней. Доктор Лаланк, вы должны как можно более понятно объяснить вашим подопечным об этой опасности.

— Я это сделаю.

— Илдишская Пустошь — дикое место. Мы можем столкнуться с кочевниками за Карстом или даже с самим Великим Эрмом. Этот народ, люди и полулюди, совершенно непредсказуемы. Поэтому я устанавливаю постоянное дежурство. Кугель, который путешествует на «Аввентуре» и живет на носу, будет нашим главным дозорным. Он проницателен, остроглаз и подозрителен; кроме того, он ничем не занят. Я буду караулить со своего места в головном экипаже, а Славой из последней повозки будет нашим арьергардом. Но именно в Кугеле, у которого будет обзор на равнину, мы будем искать нашу защиту. Это все, что я хотел вам сказать. Можете продолжать веселиться.

Клиссум прочистил горло и вышел вперед, но прежде чем успел продекламировать хотя бы слог, Иванелло взял лютню и, с силой ударяя по струнам, запел довольно пошлую балладу. Клиссум так и остался стоять с застывшей на лице страдальческой улыбкой, затем повернулся и

пошел на свое место.

С севера задул ветер, раздувший пламя и вызвавший клубы дыма. Иванелло беспечно выругался. Он отложил лютню и начал играть с мимами, которые, как и прежде, были буквально загипнотизированы музыкой. Сегодня он еще больше осмелел в своих ласках, но не встретил никакого сопротивления, пока поровну распределял свои ухаживания между всеми тремя.

Кугель смотрел на это с явным неодобрением. Он проворчал доктору Лаланку:

— Иванелло совращает ваших подопечных.

— Вполне возможно, что его намерения именно таковы, — согласился доктор Лаланк.

— И вас это не заботит?

— Нисколько.

Клиссум снова вышел вперед и, держа перед собой свиток с рукописью, с улыбкой обвел попутчиков взглядом.

Иванелло, отклонившись назад в объятия Саш, с Рлайс, прижавшейся к нему с одного бока, и Сказьей — с другого, взялся за лютню и извлек из нее несколько заунывных аккордов.

Клиссум, казалось, чуть было не разразился гневными жалобами, но тут ветер швырнул клуб дыма прямо ему в лицо, и он, кашляя, удалился.

Иванелло, усевшись так, что его каштановые кудри ярко блестели в свете костра, улыбнулся и заиграл на лютне глиссандос.

Эрмолде возмущенно обошла костер и остановилась, презрительно глядя на Иванелло. Срывающимся голосом он сказала:

— Клиссум намеревается прочитать одну из своих од. Предлагаю, чтобы вы отложили свою лютню и послушали.

— С удовольствием, — ответил Иванелло.

Эрмолде развернулась и пошла назад. Мимы вскочили на ноги и важно зашагали за ней, раздувая щеки, с растопыренными локтями, выпяченными вперед животами, высоко задирая колени. Эрмолде, почувствовав, что что-то происходит, обернулась, и мимы, пританцовывая, отошли от нее, чтобы тут же закружиться, точно менады, в неистовом танце, прежде чем снова сесть на землю рядом с Иванелло.

Эрмолде с застывшей улыбкой на лице удалилась и принялась что-то говорить Клиссуму; оба время от времени кидали косые взгляды в сторону Иванелло, который, отложив свою лютню, дал себе полную волю и начал бесстыдно ласкать мимов. Даже и не думая возмущаться таким обращением, они прижались к нему еще

ближе. Иванелло наклонил голову и поцеловал Рлайс прямо в губы; Саш и Сказья немедленно тоже подставили личики.

Кугель передернулся от отвращения.

— Этот хлыщ невыносим!

Доктор Лаланк покачал головой.

— Откровенно говоря, я поражен их уступчивостью. Они ни разу не позволили мне дотронуться до них. Ах да, я вижу, что Вармус начал тревожиться; вечер подходит к концу.

Вармус, поднявшись на ноги, стоял, вслушиваясь в ночную тьму. Он сходил и проверил защитную изгородь, затем обратился к путешественникам:

— Не теряйте бдительности! Не ходите во сне! Не назначайте свиданий в лесу! Я иду спать и предлагаю всем сделать то же самое, поскольку завтра нам предстоит длинный день и придется пройти большое расстояние по Илдишской Пустоши.

Но Клиссум не пожелал оставаться в тени. Собрав все свое достоинство, он выступил вперед:

— Я слышал несколько просьб прочитать еще какие-нибудь мои сочинения, которые я сейчас хочу исполнить.

Эрмолде захлопала в ладоши, но большинство

компании отправилось спать.

Клиссум прикусил губу, скрывая досаду.

— Сейчас я прочту мою Тринадцатую оду, озаглавленную «Страждущие — столпы души моей».

Он принял подходящую позу, но тут налетел бешеный порыв ветра, заставивший пламя вспыхнуть и затрепетать. Дым окутал все плотными клубами, и те, кто еще оставался у костра, поспешили уйти. Клиссум в отчаянии воздел руки к небу и удалился со сцены.

Кугель провел бессонную ночь. Несколько раз до него доносился далекий унылый крик, а однажды он расслышал в лесу улюлюкающую перекличку.

Вармус поднял караван в ранний час, когда предрассветные облака все еще отливали пурпуром. Стюард Порриг подал на завтрак чай, лепешки и аппетитные рубленые котлеты из моллюсков, ячменя, кангола и щитолистника. Как обычно, Ниссифер не вышла к завтраку, но этим утром не было видно еще и Иванелло.

Порриг окликнул Вармуса, предложив тому найти Иванелло и позвать его на корабль завтракать, но осмотр лагеря ничего не дал. Пожитки Иванелло остались на своих местах; казалось, не

пропало ничего, кроме самого Иванелло.

Вармус, сидя за столом, затеял нудное расследование, но никто не мог ничего сказать. Вармус изучил землю рядом с защитной изгородью, но не обнаружил никаких следов вторжения. Наконец он объявил:

— По всем признакам, Иванелло растворился в воздухе. Я не обнаружил никаких следов преступления, и все же я не могу поверить в то, что он исчез по своей воле. Единственным объяснением может служить губительное волшебство. По правде говоря, у меня нет лучшего объяснения. Если у кого-то имеются какие-либо мысли или хотя бы подозрения, пожалуйста, сообщите о них мне. А для нас не имеет никакого смысла оставаться здесь. Мы должны придерживаться графика, и караван сейчас отправится в путь. Возницы, поднимайте своих фарлоков! Кугель, займите свой пост на носу!

Караван тронулся в путь по Илдишской Пустоши, а судьба Иванелло так и осталась покрытой пеленой мрака.

Дорога, теперь лишь чуть больше, чем простая тропинка, шла на север до развилки; там караван свернул на восток и направился мимо холмов, которые простирались, докуда хватало глаз.

Местность была унылой и засушливой, и путникам лишь изредка попадалось то несколько чахлых гонговых деревьев, то одинокая кактусовая рощица, то печальный дендрон, черный, пурпурный или красный.

В разгаре утра Вармус крикнул Кугелю наверх:

— Кугель, вы внимательно следите?

Кугель взглянул через планшир вниз.

— Я мог бы следить гораздо лучше, если бы знал, за чем слежу.

— Вы ищете кочевников, особенно затаившихся в засаде.

Кугель оглядел окрестности.

— Я не вижу никого, соответствующего вашему описанию, — только холмы и пустошь, хотя далеко впереди различаю темную линию леса, или, возможно, это всего лишь река, окаймленная деревьями.

— Отлично, Кугель. Держите ухо востро.

День шел своим чередом, и линия темных деревьев, казалось, все время отступала вдаль, и на закате пришлось разбить лагерь прямо на песке, под открытым небом.

Как обычно, разожгли костер, но исчезновение Иванелло камнем лежало у всех на душе, и, несмотря на то, что Вармус опять раздал всем

вина, ужин прошел в печальном настроении и даже разговоры велись полушепотом.

Как и прежде, Вармус установил защитную изгородь. Он снова обратился к путешественникам.

— Загадка так и осталась нераскрытой. Поскольку у нас даже нет ключа к разгадке, я призываю всех к предельной осторожности. Разумеется, даже и не приближайтесь к защитной изгороди!

Ночь прошла без происшествий. Утром караван отправился в путь в положенное время. Кугель опять стоял в дозоре.

С течением времени местность стала менее засушливой. Теперь можно было различить, что дальние деревья росли вдоль реки, стекающей вниз по холму и следующей через пустошь.

Достигнув берега, дорога резко повернула на юг вдоль реки до пятиарочного каменного моста. Вармус объявил привал, чтобы возницы могли напоить своих фарлоков. Кугель приказал веревке укоротиться и таким образом опустил «Аввентуру» на землю. Привилегированные пассажиры спустились и бродили туда-сюда, разминая ноги.

У входа на мост стоял памятник десяти футов высотой, поддерживавший бронзовую табличку

так, чтобы ее заметили проходящие по мосту. Кугель не смог разобрать письмена. Гольф Раби приблизил свой длинный нос почти к самой табличке, затем пожал плечами и отвернулся. Доктор Лаланк, однако, объявил, что текст на одном из вариантов сарсунианского. Этот диалект был очень распространен в девятнадцатой эпохе, в общеупотребительных терминах — четыре тысячи лет назад.

— Текст безоговорочно официальный, — сказал доктор Лаланк. — Он гласит:

ПУТНИКИ!

ТОЧНО ПОСУХУ ПЕРЕХОДИТЕ ВЫ РЕВУЩИЙ ПОТОК РЕКИ САЙК.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ЧТО ПОМОГЛА ВАМ МИЛОСТЬ ХЕЙВЕ,
ЛОРДА-ПРАВИТЕЛЯ ХАРАДА И ЗАЩИТНИКА ВСЕЛЕННОЙ.

— Как все мы можем видеть, река Сайк давно уже не ревущий поток, но мы до сих пор благодарим щедрость короля Хейве; действительно, разумно последовать его совету.

— Предрассудок! — фыркнул Гольф Раби. — В Коллегии мы загибаем уши лишь в знак почтения к Безымянному Синкрезису в сердце Ступицы.

— Возможно, — безразлично ответил доктор

Лаланк и пошел прочь. Кугель переводил взгляд с Гольфа Раби на доктора Лаланка, затем быстро преклонил колени перед памятником.

— Что? — вскричал тощий экклезиарх. — И вы, Кугель? А я-то считал вас рассудительным человеком.

— Именно поэтому я и выказываю почтение этому памятнику. Я рассудил, что церемония не причинит никакого вреда, а мне это ничего не стоит.

Вармус нерешительно почесал нос, затем в своей неуклюжей манере отдал памятнику честь к явному отвращению Гольфа Раби.

Фарлоков привели назад к дороге, Кугель поднял «Аввентуру» в воздух, и караван отправился через мост.

В середине дня Кугель почувствовал, что его неодолимо клонит в сон, и, уронив голову на руки, погрузился в легкую дремоту… Прошло некоторое время, и Кугелю стало неудобно. Щурясь и зевая, он оглядел окрестности, и его внимание привлекло едва заметное движение в зарослях дымоягодных кустов, окаймлявших дорогу. Кугель наклонился вперед и заметил несколько дюжин невысоких смуглых людей в мешковатых штанах, грязных разноцветных жилетках и

черных платках, повязанных на головы. В руках у них были дротики и боевые крюки, и, судя по всему, они собирались напасть на караван.

Кугель закричал вниз Вармусу:

— Стойте! Готовьте оружие! Бандиты затаились в засаде вон там, в зарослях!

Вармус остановил караван и затрубил в сигнальный рожок. Возницы схватили оружие, точно так же, как и многие из пассажиров, и приготовились отражать нападение. Кугель спустил корабль так, чтобы пассажиры класса люкс тоже могли присоединиться к борьбе.

Вармус подошел к кораблю.

— Где точно находится засада? Сколько их там?

Кугель указал на заросли.

— Они спрятались за дымоягодными кустами, бандитов около двадцати трех. У них дротики и крюки.

— Молодчина, Кугель! Вы спасли караван!

Вармус изучил местность, затем, прихватив с собой десяток мужчин, вооруженных мечами, арбалетами и отравленными ножами, он вышел на рекогносцировку.

Прошло полчаса. Вармус, взмыленный, пыльный и недовольный, вернулся назад вместе со

своей командой. Он спросил Кугеля:

— Так где, вы говорите, была та засада?

— Где я и показывал — вон за теми зарослями.

— Мы прочесали их вдоль и поперек и не нашли ни бандитов, ни даже намека на их присутствие.

Кугель, нахмурясь, смотрел на заросли.

— Они ускользнули, когда увидели, что мы предупреждены.

— Не оставив никаких следов? Вы уверены в том, что видели? Или это была галлюцинация?

— Естественно, я уверен в том, что их видел! — возмущенно заявил Кугель. — Вы принимаете меня за дурака?

— Разумеется, нет, — успокаивающе заверил его Вармус. — Продолжайте хорошо работать! Даже если ваши дикари были всего лишь фантомами, береженого Бог бережет. Но в следующий раз смотрите дважды и удостоверьтесь в том, что видите, прежде чем поднимать тревогу.

Кугелю пришлось согласиться, и он вернулся на «Аввентуру».

Караван снова тронулся в путь, прошел теперь уже спокойные заросли кустов, а Кугель не прекращал бдительный дозор.

Ночь прошла спокойно, но утром, когда подали завтрак, не появилась Эрмолде.

Как и в прошлый раз, Вармус обыскал корабль и территорию, заключенную внутри защитной изгороди, но Эрмолде словно растворилась в воздухе, точно так же, как и Иванелло. Вармус дошел даже до того, что постучал в дверь каюты Нисси-фер, чтобы убедиться, что она все еще на борту.

— Кто там? — раздался хриплый шепот.

— Это Вармус. У вас все в порядке?

— Да, все. Мне ничего не нужно.

Вармус повернулся к Кугелю, его широкое лицо излучало тревогу.

— В моем караване никогда не было таких ужасных случаев! Что происходит?

Кугель начал задумчиво:

— И Иванелло, и Эрмолде ушли отсюда не по собственному желанию, это ясно. Оба они путешествовали на «Аввентуре», что, кажется, указывает, что убийца тоже живет на корабле.

— Что? В классе люкс?

— Такова вероятность.

Вармус сжал свои внушительные кулачищи.

— Этого злодея необходимо найти и призвать к ответу!

— Согласен! Но как?

— Бдительность и осторожность — вот что нам поможет. Ночью никому нельзя выходить из сво-

их кают, за исключением ответа на зов природы.

— Чтобы угодить как раз в руки злодею, который будет поджидать в уборной? Это не выход.

— Тем не менее мы не можем задержать караван, — пробормотал Вармус. — Кугель, займите свой пост! Используйте всю вашу бдительность и проницательность!

Караван снова направился на восток. Дорога шла у подножия холмов, на которых теперь можно было различить вкрапления острых камней и заросли искривленных акаций.

Доктор Лаланк, прогуливаясь по кораблю, присоединился к Кугелю, и их разговор свернул на странные исчезновения. Доктор Лаланк заявил, что точно так же недоумевает, как и все остальные.

— Существует тысяча возможностей, но ни одна из них не выглядит убедительной. Например, могу предположить, что сам корабль есть некая враждебная сущность, которая ночью открывает свой трюм и поглощает беспечных пассажиров.

— Мы искали в трюме, — возразил Кугель, — и нашли там лишь запасы, багаж и тараканов.

— Я и не рассчитывал, что вы примете эту теорию всерьез. И все-таки, если мы выдвинем десять тысяч догадок, все явно абсурдные, одна

из них окажется практически верной.

Три мима вышли на нос и начали забавляться, расхаживая туда-сюда широкими шагами, слегка согнув колени.

Кугель взглянул на них с неприязнью.

— Какой ерундой они занимаются?

Три девушки наморщили носы, свели глаза к переносице и заносчиво округлили губы, точно беззвучно посмеиваясь, и начали бросать на Кугеля косые взгляды, все так же важно прохаживаясь назад и вперед.

Доктор Лаланк рассмеялся.

— Это их маленькая шутка; они думают, что изображают вас, насколько я понимаю.

Кугель холодно удалился, и три мима побежали назад на корму. Доктор Лаланк указал на стаю облаков, нависших над горизонтом.

— Они поднимаются с озера Заол, у Каспара-Витатуса, где дорога поворачивает на север к Торквалю.

— Мне туда не нужно! Я путешествую на юг, в Альмери.

— Совершенно верно.

Доктор Лаланк удалился, и Кугель остался на вахте в одиночестве. Он оглянулся в поисках мимов, против воли желая, чтобы они вернулись

и немного разогнали томительную скуку, но они занялись новой забавной игрой, бросая какие-то маленькие предметы вниз, на фарлоков, которые, получив очередной удар, высоко взмахивали хвостами.

Кугель вновь занялся своим дозором. С юга подступали скалистые склоны, все более и более крутые. На севере Илдишская Пустошь, бескрайняя ширь, полосами окрашенная в едва различимые цвета — темно-розовый, дымчатый черно-серый, малиновый, была кое-где тронута самыми прозрачными оттенками темно-синего и зеленого.

Время шло. Мимы все продолжали свою игру, которой, казалось, возницы и даже пассажиры наслаждались ничуть не меньше: как только девушки сбрасывали вниз очередной предмет, пассажиры спрыгивали из колясок, чтобы найти и подобрать его.

Странно, подумал Кугель. И что все они нашли в такой дурацкой игре?.. Один из предметов, упав, засиял металлическим блеском. Кугелю показалось, что размерами и формой он напоминал монету. Но мимы же, разумеется, не стали бы швырять терциями в возчиков? Да и откуда они взяли бы такое богатство?

Девушки закончили свою игру. Возницы закричали им снизу:

— Еще! Продолжайте! Почему вы остановились?

Мимы замахали руками, как сумасшедшие, и сбросили вниз пустой кошелек, затем ушли отдыхать.

Странно, подумалось Кугелю. Уж очень кошелек напоминал его собственный, который, вне всякого сомнения, был надежно спрятан в его палатке. Он бегло глянул в палатку, затем посмотрел еще раз, но уже более пристально.

Кошелька нигде не было.

Взбешенный Кугель помчался к доктору Лаланку, беседовавшему с Клиссумом. Кугель воскликнул:

— Ваши подопечные удрали с моим кошельком! Они выбросили все мои терции вниз, возчикам, и все остальные мои вещи тоже, включая ценную коробочку с мазью для ботинок, и, наконец, сам кошелек!

Доктор Лаланк поднял черные брови.

— Правда? Вот разбойницы! А я-то удивлялся, что могло занять их на такое долгое время!

— Пожалуйста, отнеситесь к этому вопросу серьезно! Я считаю вас лично ответственным за

это! Вы должны возместить мои убытки.

Доктор Лаланк с улыбкой Покачал головой.

— Сожалею о том, что вам так не повезло, но я не могу исправить всю мировую несправедливость.

— Но они же ваши подопечные!

— Да, но этому нет никаких доказательств. В списке пассажиров каравана они указаны под своими собственными именами, что возлагает ответственность за их деяния на Вармуса. Можете обсудить этот вопрос с ним или даже с самими мимами. Если они взяли кошелек, пусть они и возвращают ваши терции.

— Это неосуществимая идея!

— Так вот вам более осуществимая: возвращайтесь на нос, пока мы не попали в беду!

С этими словами доктор Лаланк отвернулся и возобновил прерванную беседу с Клиссумом.

Кугель вернулся на нос. Он смотрел вперед, на унылый пейзаж, прикидывая, как бы вернуть свои потери… Его взгляд вновь привлекла какая-то зловещая возня.

Кугель рванулся вперед и сосредоточил свой взгляд на склоне холма, где множество приземистых серых существ наваливали груду тяжелых камней в том месте, где склон холма нависал над дорогой.

Кугель пристально смотрел на них еще несколько секунд. Он видел их так же ясно, как и свои ладони, — перекошенных полулюдей-полуамлоидов, с заостренными скальпами и головами без шей, так что их рты открывались у самой груди.

Кугель бросил на них последний взгляд и наконец забил тревогу:

— Вармус! На склоне холма горные гоблины! Остановите караван и дуйте в рожок!

Вармус остановил свою коляску и закричал в ответ:

— Что вы видите? Где опасность?

Кугель взмахнул руками и указал на склон.

— На этом утесе я вижу горных гоблинов! Они складывают камни, чтобы наброситься на караван!

Вармус повернул шею и взглянул туда, куда показывал Кугель.

— Я ничего не вижу.

— Они серые, как скалы! Они кривые и бегают, наклонившись, вон там и вот тут.

Вармус поднялся на сиденье и подал своим возницам сигнал тревоги, затем спустил корабль на дорогу.

— Мы устроим им большой сюрприз! — сказал он Кугелю.

После этого Вармус закричал пассажирам:

— Выходите, пожалуйста! Я намерен атаковать гоблинов с воздуха!

Он привел десяток мужчин, вооруженных стрел ометами и огнедротиками, на «Аввентуру», потом привязал канат к крепкому фарлоку.

— Теперь, Кугель, растяните веревку так, чтобы мы поднялись над утесом, тогда мы пошлем им наш горячий привет сверху.

Кугель подчинился приказу; корабль вместе с вооруженной до зубов командой взлетел высоко в воздух и повис над утесом.

Вармус стоял на носу.

— А теперь к точному месту засады.

Кугель показал пальцем.

— Вон там, в том нагромождении камней.

Вармус оглядел склон.

— В данный момент я не вижу гоблинов.

Кугель тщательно осмотрел склон, но гоблины исчезли.

— Все к лучшему! Они заметили наши приготовления и отказались от своих планов.

Вармус угрюмо хмыкнул.

— А вы уверены в своих словах? Вы действительно видели горных гоблинов? Возможно, вас ввели в заблуждение тени между скалами.

— Это невозможно! Я видел их так же ясно, как вижу вас!

Вармус посмотрел на Кугеля задумчивыми голубыми глазами.

— Не думайте, что я сержусь на вас. Вы почувствовали опасность и, совершенно правильно, забили тревогу, хотя, очевидно, по ошибке. Я не буду обсуждать этот вопрос, разве что для того, чтобы подчеркнуть, что недостаток хладнокровия приводит к потере драгоценного времени.

Кугель не нашелся, что ответить на это обвинение. Вармус подошел к планширу и крикнул вниз вознице головной коляски:

— Веди караван вперед мимо утеса! Мы будем на страже, чтобы обеспечить абсолютную безопасность.

Караван прошел мимо утеса без каких-либо досадных происшествий, после чего «Аввентура» снизилась, чтобы привилегированные пассажиры смогли снова сесть на корабль.

Вармус отвел Кугеля в сторону.

— Ваша работа безукоризненна; но все-таки я решил увеличить дозор. Шилко, которого вы видите вон там, очень здравомыслящий человек. Он будет стоять рядом с вами, и каждый из вас сможет подтвердить то, что видит другой. Шил-

ко, иди сюда, пожалуйста. Вы с Кугелем будете работать в паре.

— Я с удовольствием, — отозвался Шилко, круглолицый коренастый мужчина с песочными волосами и кудрявыми бачками. — Так и предвкушаю, как мы славно заработаем вместе.

Кугель хмуро повел его на корабль, и, как только караван двинулся вперед, двоица отправилась на нос и заняла свои посты. Шилко, добродушный и разговорчивый малый, болтал обо всем, что видел, упоминая мельчайшие подробности пейзажа. Ответы Кугеля были односложными, что очень удивляло Шилко.

Тот заявил обиженным голосом:

— Когда я занимаюсь такой работой, я не прочь перекинуться словечком, чтобы убить время. А иначе невыносимо скучно стоять здесь и выглядывать непонятно что. Иначе начинаешь видеть мысленные образы и принимать их за действительность.

Тут он подмигнул и ухмыльнулся.

— Не правда ли, Кугель?

Кугель счел шутку напарника низкопробной и отвернулся.

— Да ладно, — сказал Шилко. — Такова жизнь.

В полдень Шилко отлучился в столовую, чтобы

пообедать. Он явно переусердствовал как с едой, так и с вином, поэтому после обеда начал клевать носом. Он оглядел местность и сказал Кугелю:

— Ничего не видать, кроме пары-тройки ящериц. Это мое твердое мнение, а теперь я предлагаю немножко вздремнуть. Если увидишь что-нибудь, буди меня.

Он забрался в палатку Кугеля и удобно устроился там, а Кугель оказался вновь предоставлен горьким размышлениям о своих потерянных терциях и выброшенном воске для обуви.

Когда караван остановился на ночлег, Кугель направился прямиком к Вармусу. Он рассказал ему о легкомысленном поведении мимов и пожаловался на понесенные им убытки.

Вармус слушал со спокойным, но несколько отстраненным интересом.

— Но доктор Лаланк, разумеется, уладит это дело?

— В этом-то суть проблемы! Он целиком и полностью отказывается от ответственности! Он заявляет, что вы, как хозяин каравана, должны возместить все потери.

Вармус, чьи мысли витали где-то в облаках, вмиг насторожился.

— Он возложил уплату всех издержек на меня?

— Именно так. Теперь я предъявляю этот счет вам.

Вармус сложил руки на груди и быстро отступил назад.

— Идея доктора Лаланка совершенно нелепа.

Кугель возмущенно потряс счетом прямо перед носом Вармуса.

— Вы отказываетесь выполнять ваши обязательства?

— Я здесь ни при чем! Это действие произошло на борту вашего судна «Аввентура».

Кугель снова ткнул в Вармуса счетом.

— В таком случае вы должны, по меньшей мере, передать этот счет доктору Лаланку и взыскать с него платеж.

Вармус потянул себя за подбородок.

— Это неправильная процедура. Капитан «Аввентуры» — вы. Следовательно, по праву своей должности, вы должны вызвать доктора Лаланка на слушание этого дела и там взыскать с него такую сумму, которая кажется вам справедливой.

Кугель с сомнением взглянул на доктора Лаланка, все еще разговаривающего с Клиссумом.

— Предлагаю подойти к доктору Лаланку вдвоем и объединить наши полномочия, чтобы

восстановить справедливость.

Вармус отступил еще на один шаг.

— Не приплетайте меня к этому делу! Я всего лишь возчик Вармус, скромно ездящий по земле.

Кугель приводил и другие доводы, но Вармус с маской изощренного упрямства стоял на своем. Наконец Кугель пошел к столу и начал пить вино, угрюмо глядя в огонь.

Медленно шел вечер. Все путники пребывали в мрачном настроении; сегодня не было ни деклама-маций, ни песен, ни шуток, и компания сидела вокруг костра, полушепотом перекидываясь отрывочными словами. Все умы занимал невысказанный вопрос: кто исчезнет следующим?

Пламя костра ослабело, и путники неохотно разошлись по своим постелям, боязливо оглядываясь назад и обмениваясь нервными замечаниями.

Так прошла ночь. Звезда Ачернар прошла восточный квадрант и склонилась к западу. Фарлоки сопели и бормотали во сне. Далеко в пустоши несколько секунд мерцал синий свет, затем он погас и больше не появлялся. Восточный край горизонта загорелся первым пурпуром, затем кроваво-красным цветом. После нескольких бесплодных попыток солнце все-таки выбралось

из-за горизонта и взошло на небо.

Вновь развели костер, и в караване закипела жизнь. Накрыли завтрак; запрягли фарлоков и начали готовиться к отъезду.

На «Аввентуре» начали появляться заспанные пассажиры. Каждый по очереди переводил взгляд с одного лица на другое, точно ожидая нового исчезновения. Стюард Порриг подал завтрак, затем понес поднос в задний салон. Он постучался.

— Госпожа Ниссифер, я принес ваш завтрак. Мы беспокоимся о вашем здоровье.

— Я в порядке, — раздался шепот;— Я ничего не желаю. Можете уходить.

После завтрака Кугель отвел доктора Лаланка в сторону.

— Я посоветовался с Вармусом, — сказал Кугель. — Он заверил меня в том, что как капитан «Аввентуры» я могу предъявить вам иск за ущерб, причиненный мне в результате вашей халатности. Вот счет. Можете расплатиться прямо сейчас.

Доктор Лаланк быстро пробежал глазами счет. Его черные брови поднялись еще выше, чем обычно.

— Вот этот пункт — поразительно! «Мазь для обуви, одна коробочка. Цена: тысяча терциев».

Вы серьезно?

— Естественно. Эта мазь содержит редкий воск.

Доктор Лаланк вернул счет.

— Вам придется представить этот счет виновницам, а именно, Саш, Сказье и Рлайс.

— Ну и что это даст?

— Даже не рискую предположить. Тем не менее, раз и навсегда заявляю, что я никак не причастен к этому делу.

Он поклонился и зашагал прочь, чтобы присоединиться к Клиссуму, в котором он нашел качества, совместимые с его собственными.

Кугель пошел на нос, где уже дежурил Шилко. Тот снова проявил желание поговорить; Кугель, как и прежде, отвечал немногословно, и Шилко наконец умолк. Тем временем караван пошел по местности, где с обеих сторон возвышались холмы, а дорога бежала по узкой долине между ними.

Шилко смотрел на голые склоны холмов.

— Я не вижу в этом краю ничего, что могло бы нас встревожить. А ты, Кугель?

— В данный момент я тоже не вижу ничего.

Шилко в последний раз окинул взглядом расстилавшийся перед ними пейзаж.

— Я отойду на минуточку — у меня тут дело к Порригу.

Он ушел, и вскоре из камбуза до Кугеля донесся шум веселой попойки.

Немного позже Шилко вернулся, шатаясь от выпитого вина, и весело крикнул:

— Эге-гей, капитан Кугель! Как поживают галлюцинации?

— Я не понимаю ваших намеков, — холодно ответил Кугель.

— Не беда! Такое с любым может случиться. — Шилко оглядел холмы. — У тебя есть о чем сообщить?

— Нет.

— Отлично! Вот как делается эта работа! Глянешь туда-сюда, а потом быстренько в камбуз, глотнуть винца.

Кугель ничего не ответил, и заскучавший Шилко принялся хрустеть пальцами.

За обедом Шилко снова перебрал вина и опять начал клевать носом.

— Пойду-ка я ухо придавлю на часок-другой, чтобы нервишки успокоить, — сказал он Кугелю. — А ты хорошенько присматривай за ящерицами и зови меня, если появится что-нибудь более важное.

Он залез в палатку Кугеля, и вскоре оттуда донесся заливистый храп.

Кугель склонился на планшир, строя разнообразные планы, как бы поправить свое состояние. Ни один из них не казался выполнимым, в особенности потому, что Лаланк владел несколькими магическими заклинаниями… Странно, что это за темные фигуры на холме? Что заставило их прыгать и дергаться, подобным образом? Как будто высокие черные тени взлетали высоко вверх, чтобы взглянуть на караван, а затем снова ускользали из вида.

Кугель присел и подергал Шилко за ногу.

— Проснитесь!

Шилко, жмурясь и почесывая голову, вылез из палатки.

— Ну, что теперь? Порриг принес мне на полдник вина?

Кугель указал на вершину холма.

— Что вы видите?

Шилко своими красными глазами обвел линию горизонта, но тени уже затаились за холмами. Он бросил на Кугеля насмешливый взгляд.

— Что тебе померещилось? Гоблины, переодетые розовыми крысами? Или сороконожки, отплясывающие краковяк?

— Ни то, ни другое, — коротко ответил Кугель. — Я видел то, что считаю бандой ветряных чертей. Сейчас они скрываются на дальней стороне холма.

Шилко внимательно посмотрел на Кугеля и отодвинулся.

— Очень интересно! И сколько их было?

— Я не смог сосчитать, но надо скорее предупредить Вармуса.

Шилко снова посмотрел на линию горизонта.

— Я ничего не вижу. Может быть, у тебя шалят нервишки?

— Разумеется, нет!

— Знаешь что, в следующий раз убедись хорошенько в том, что ты видишь, прежде чем звать меня.

Шилко плюхнулся на четвереньки и забрался в палатку. Кугель посмотрел вниз на Вармуса, мирно ехавшего в передней коляске. Он открыл было рот, чтобы подать сигнал тревоги, затем мрачно решил, что этого делать не стоит, и возобновил свое дежурство.

Прошло несколько минут, и Кугель опять начал подозревать что-то неладное.

Дорога прошла мимо длинного узкого пруда, наполненного зеленой водой, питавшего несколько

рощиц колючих кустов соляника. Кугель склонился вперед и сфокусировал свой взгляд на кустах, но их длинные и тонкие ветки ничего не прикрывали. А как насчет самого озерца? Оно казалось чересчур мелководным, чтобы таить какую-либо существенную опасность.

Кугель с чувством выполненного долга потянулся. Взглянув на вершину холма, он обнаружил, что ветряные черти вновь появились в еще большем количестве, чем раньше. Они высоко вытягивали шеи, чтобы посмотреть на караван, затем быстро втягивали головы.

Кугель потянул за ногу Шилко.

— Ветряные дьяволы вернулись с подкреплением!

Шилко, пятясь, выполз из палатки и выпрямился.

— Что на этот раз?

Кугель указал на гребень.

— Взгляните сами!

Ветряные дьяволы, однако, уже закончили свой осмотр, и Шилко опять ничего не увидел. На этот раз он просто устало пожал плечами и приготовился продолжить свой прерванный отдых. Кугель, однако, подошел к планширу и крикнул вниз, обращаясь к Вармусу:

— Ветряные дьяволы! Их здесь десятки! Они собираются на другой стороне холма!

Вармус остановил коляску.

— Ветряные дьяволы? А где Шилко?

— Я здесь, в дозоре, глаз не спускаю с дороги. Где же мне еще быть?

— Что это за ветряные дьяволы? Ты заметил их?

— По правде, при всем моем уважении к Кугелю, должен сказать, что я их не видел.

Вармус обратился к Кугелю, осторожно подбирая слова:

— Кугель, я крайне признателен вам за сигнал тревоги, но в этот раз думаю, что мы пойдем дальше. Шилко, так держать!

Караван пошел дальше по дороге. Шилко зевнул и собрался снова залезть в палатку.

— Что? — раздраженно воскликнул Кугель. — Видите вон ту щель? Если черти решат напасть на нас, им придется перепрыгнуть через нее, и вы непременно их увидите.

Шилко нехотя остался ждать.

— Эти видения, Кугель, очень опасный симптом. Подумай, к каким печальным последствиям они могут привести! Ради себя же самого, возьми себя в руки… А вот и щель! Мы поравнялись с ней.

Смотри очень внимательно и скажи мне, когда увидишь, что вокруг скачут черти.

— А вот и они! — сказал Кугель.

Один леденящий миг Шилко стоял с мелко дрожащей челюстью, затем гаркнул Вармусу вниз:

— Берегитесь! Ветряные черти наступают!

Вармус плохо расслышал и взглянул вверх на корабль. Он увидел клубок несущихся темных теней, но защита уже была невозможна. Черти сновали туда-сюда между повозками, пока возницы и пассажиры выпрыгивали в прохладные воды пруда.

Черти в щепки разнесли караван, перевернув повозки и коляски, разломав колеса, разбросав запасы и багаж. Затем их внимание привлекла «Аввентура», но Кугель приказал веревке удлиниться, и судно взмыло ввысь. Черти подпрыгивали, пытаясь дотянуться до корпуса, но корабль находился на высоте пятидесяти футов. Прекратив попытки, они схватили всех фарлоков, засунув их под мышки, затем перепрыгнули через холм И были таковы.

Пока возчики и пассажиры выбирались из пруда, Кугель спустил корабль. Вармуса накрыло перевернувшейся коляской, и понадобились много рук, чтобы извлечь его оттуда.

Вармус с трудом поднялся на свои ушибленные ноги. Он оглядел разрушения и застонал от отчаяния.

— Это уму непостижимо! Что за проклятие лежит на нас? — Он оглядел своих измазанных людей. — Где дозорные?.. Кугель? Шилко? Будьте так добры выйти сюда!

Кугель и Шилко робко показались.

Шилко облизал губы и заговорил как можно более убедительно:

— Я поднял тревогу; все могут это засвидетельствовать! Если бы не я, могла случиться куда более страшная беда!

— Ты опоздал; черти уже напали на нас! Как ты это объяснишь?

Шилко обвел глазами небо.

— Это может показаться странным, но Кугель хотел подождать, пока черти не перепрыгнут через щель.

Вармус повернулся к Кугелю.

— Я ничего не понимаю? Почему вы не предупредили нас об опасности?

— Именно это я и сделал, если вы припомните! Когда я увидел чертей в первый раз, я хотел поднять тревогу, но…

— Вот что самое непонятное, — сказал Вар-

мус. — Вы видели чертей до того, как сделали ваше предупреждение?

— Конечно, но…

Вармус, морщась от боли, поднял руку.

— Хватит! Кугель, вы вели себя неразумно, и это еще мягко сказано!

— Это несправедливое решение! — горячо воскликнул Кугель.

Вармус сделал слабый жест.

— А не все ли вам равно? Караван погублен! Мы совершенно беспомощны в этой Илдишской Пустоши! Еще через месяц наши кости занесет песком.

Кугель взглянул на свои башмаки. Они износились и утратили блеск, но еще сохранили свои волшебные свойства. Он придал своему голосу как можно больше достоинства.

— Караван сможет продолжить путь благодаря развенчанному и несправедливо осужденному Кугелю.

Вармус резко сказал:

— Пожалуйста, поясните, что вы имеете в виду!

— Возможно, что в моих башмаках еще осталась магия. Подготовьте ваши повозки и экипажи. Я подниму их в воздух, и мы отправимся в путь,

как и прежде.

Вармус вмиг стал энергичным. Он дал указания возчикам, которые постарались привести в порядок свои повозки и коляски. К каждой из них привязали веревки, и пассажиры заняли свои места. Кугель, переходя от повозки к повозке, пинал каждую носком башмака — они действительно еще сохранили свою силу. Повозки и экипажи взмыли в воздух; возчики взяли веревки и замерли в ожидании сигнала. Вармус, чьи ушибы и вывихи помешали ему идти, решил ехать на «Аввентуре». Кугель пошел было за ним, но Вармус остановил его.

— Нам нужен только один дозорный, человек, который доказал свое хладнокровие, и это Шилко. Если бы я не хромал, то с радостью потащил бы корабль, но эта обязанность теперь должна лечь на вас. Возьмите веревку, Кугель, и ведите караван по дороге, и как можно быстрее.

Сознавая бесполезность возражений, Кугель схватил веревку и зашагал по дороге, таща за собой «Аввентуру».

На закате все повозки и коляски спустили вниз и разбили лагерь. Славой, главный возчик, под руководством Вармуса установил защитную изгородь; разожгли костер, и Вармус приказал

раздать вина, чтобы подбодрить упавшую духом компанию.

Вармус произнес краткое обращение:

— Произошла серьезная неприятность, и нашему каравану нанесен огромный урон. И все же не имеет смысла указывать обвиняющим перстом. Я сделал расчеты и посоветовался с доктором Лаланком. Полагаю, что через четыре дня мы дойдем в Каспара-Витатуса, где можно будет сделать ремонт. А до тех пор я надеюсь, что никто не терпит чрезмерного неудобства. Последнее замечание. Сегодняшние события уже в прошлом, но на нас тяжелым камнем лежат еще две загадки — исчезновение Иванелло и Эрмолде. Пока эти тайны не будут раскрыты, все должны быть осторожны! Никуда не ходите в одиночку! Если заметите какое-нибудь подозрительное обстоятельство, немедленно ставьте меня в известность.

Накрыли ужин, и компанию охватила атмосфера какого-то почти неистового веселья. Саш, Сказья и Рлайс продемонстрировали странный танец, состоявший из прыжков и скачков, и через некоторое время стало ясно, что они изображали ветряных дьяволов.

Клиссума вино привело в приподнятое настро-

ение.

— Разве не чудесно? — воскликнул он. — Это превосходное вино стимулирует деятельность всех трех частей моего разума, так что пока одна из них смотрит на это пламя и Илдишскую Пустошь за ним, другая сочиняет восхитительные оды, тогда как третья сплетает гирлянды из воображаемых цветов, чтобы прикрыть наготу пробегающих мимо нимф, также воображаемых!

Экклезиарх Гольф Раби выслушал слова Клиссума с очевидным неодобрением и влил в свое собственное вино четыре, а не три, как обычно, капли аспергантиума.

— Неужели необходимо вдаваться в такие неумеренные крайности?

Клиссум поднял трясущийся палец.

— Если цветы самые что ни на есть свежие, а нимфы уступчивые, то ответ — решительное да!

Гольф Раби строго сказал:

— В Коллегии мы полагаем, что созерцание даже небольшого числа бесконечностей — само по себе достаточная стимуляция, по меньшей мере, для культурного и тактичного человека.

Он отвернулся и возобновил свой разговор с Перруквилом. Клиссум озорно посыпал спину Гольфа Раби какими-то сильно пахнущими

сухими духами, что вызвало у аскетического экклезиарха огромное замешательство.

Но по мере того, как затухали угли, настроение всей компании снова стало падать, и спать они отправились с большой неохотой.

Вармус и Шилко теперь занимали на «Аввентуре» койки исчезнувших Иванелло и Эрмолде, а Кугель так и остался в своей палатке.

Ночь была тиха. Кугель, несмотря на всю свою усталость, не мог уснуть. Наконец наступила полночь, отмеченная приглушенным боем корабельных часов.

Кугель задремал. Прошло некоторое время.

Кугель проснулся от какого-то звука, сразу же заставившего его насторожиться. Минуту он пролежал, вглядываясь в ночную тьму; затем, сжав меч, пополз к выходу из палатки.

Топовые огни едва освещали палубу. Кугель не увидел ничего необычного. До него не доносилось ни звука. Что же его разбудило?

Еще десять минут Кугель, скорчившись, сидел у выхода из палатки, затем медленно улегся на подушку.

Он не спал… Едва слышный звук коснулся его ушей: щелчок, скрип, скрежет… Кугель снова выполз из палатки.

Топовый огонь отбрасывал множество теней. Одна из них шевельнулась и украдкой проскользнула по палубе. Кугелю показалось, что тень несет какой-то тюк.

При виде этого Кугель почувствовал, что по его шее ползет зловещий холодок. Тень метнулась к ограждению и очень странным движением выкинула свою ношу за борт. Кугель на ощупь забрался в свою палатку за мечом, затем выполз на бак.

Он услышал царапанье. Тень слилась с другими тенями и сделалась неразличимой. Кугель сжался в темноте, и через некоторое время ему показалось, что он различил слабый крик, резко оборвавшийся.

Звук больше не повторился.

Через некоторое время Кугель забился обратно в свою палатку и бодрствовал в ней, не решаясь шевельнуться и страдая от холода… Он заснул с открытыми глазами. Малиновый луч восходящего солнца ударил прямо в его открытые глаза, заставив резко очнуться.

Постанывая от боли в затекших мышцах, Кугель выпрямился, облачился в свой плащ и шляпу, привесил к поясу меч и поковылял вниз на главную палубу.

Вармус только что слез со своей койки, когда в его дверь заглянул Кугель.

— Что вам нужно? — буркнул Вармус. — Неужели мне не дадут времени даже поправить одежду?

Кугель сказал:

— Прошлой ночью я кое-что видел и слышал. Боюсь, что мы можем обнаружить еще одну пропажу.

Вармус издал стон и чертыхнулся.

— Кто?

— Не знаю.

Вармус натянул башмаки.

— Что вы видели и слышали?

— Я видел тень. Она бросила в заросли какой-то тюк. Я слышал какой-то щелчок и скрежет двери. Потом раздался крик.

Вармус надел свою грубую накидку, затем нахлобучил поверх золотистых кудрей плоскую широкополую шляпу и похромал на палубу.

— Полагаю, что прежде всего надо пересчитать присутствующих.

— Всему свое время, — сказал Кугель. — Давайте сначала заглянем в тюк, который может сказать нам многое или ничто.

— Как хотите.

Двое спустились на землю.

— Ну, где же те заросли?

— Вот здесь, за корпусом. Если бы я не увидел этого броска, мы бы ни о чем не узнали.

Они обогнули корабль, и Кугель, раздвигая черные ветки, углубился в заросли. Почти сразу же он обнаружил тюк и осторожно вытащил его на открытое место. Они стояли, глядя на предмет, завернутый в мягкую голубую материю. Кугель тронул его носком башмака.

— Узнаете материал?

— Да. Это любимый плащ Перруквила.

Они молча глядели на сверток. Кугель промолвил:

— Теперь мы знаем, кто пропал.

— Разверните сверток, — проворчал Вармус.

— Разверните сами, если хотите, — ответил Кугель.

— Ну же, Кугель, — возразил Вармус. — Вы ведь знаете, что ходьба причиняет мне боль.

Кугель поморщился. Пригнувшись, он дернул за узел. Складки плаща распахнулись, обнажая два человеческих скелета, переплетенных так, чтобы они занимали как можно меньше места.

— Поразительно! — прошептал Вармус. — Здесь или магия, или явный парадокс. Как иначе можно

было сцепить череп с тазом таким замысловатым образом?

Кугель был несколько более критичен.

— Не слишком-то это безупречно! Заметьте, череп Иванелло вставлен в таз Эрмолде; точно так же с черепом Эрмолде и тазом Иванелло. Уж Иванелло особенно был бы недоволен такой небрежностью.

Вармус пробормотал:

— Теперь мы знаем худшее. Мы должны принять меры.

Они оба разом посмотрели на корпус корабля. В иллюминаторе заднего салона что-то мелькнуло, как будто подняли занавес, и на миг на них уставился горящий глаз. Затем занавес подняли, и все стало, как прежде.

Вармус с Кугелем пошли назад вокруг корабля. Вармус мрачно сказал:

— Вы как капитан «Аввентуры», несомненно, захотите произвести решительные действия. Я, разумеется, буду всячески содействовать вам.

Кугель задумался.

— Сначала нужно удалить всех пассажиров с корабля. Затем вы приведете на корабль команду вооруженных мужчин и поставите ее у двери, где предъявите ультиматум. Я буду стоять наготове

неподалеку.

Вармус поднял руку.

— По причине больных ног я не могу предъявить такой ультиматум.

— Ну и что же вы предлагаете?

Вармус подумал минуту-другую, затем выдвинул план, по которому Кугель, используя все полномочия своего чина, должен подобраться к двери и даже, при необходимости, ворваться в нее — план, который Кугель отклонил по техническим причинам.

Наконец они вдвоем разработали схему, которую оба сочли приемлемой. Кугель пошел отдать пассажирам приказ сойти на землю. Как он и ожидал, Перруквила среди них не было.

Вармус собрал команду и отдал ей приказания. Шилко, вооруженного мечом, поставили сторожить дверь, пока Кугель добирался до кормы. Пара обученных плотников забралась на столы и залезла в иллюминаторы, а остальные заколотили дверь досками, перекрыв выход.

В озере черпали ведра воды, которые по цепочке передавали на корму, откуда воду через отдушину заливали в каюту.

В каюте царила тишина. Через некоторое время послышалось негромкое шипение и щелчки, а за

ними яростный шепот:

— Что за безобразие! Уберите воду!

Шилко перед тем, как встать в караул, наведался в камбуз и приложился к бутылке, чтобы разогреть кровь. Выпятив грудь и размахивая перед дверью мечом, он воскликнул:

— Черная ведьма, твое время пришло! Ты утонешь, как крыса в мешке!

На некоторое время звуки внутри затихли, и, кроме плеска воды, ничего не было слышно. Затем снова раздалось зловещее шипение, щелчки и какие-то скрежещущие звуки.

Шилко, которому вино и доски, перекрывавшие выход, придали смелости, закричал:

— Вонючая колдунья! Тони потише, а не то я, Шилко, отрежу оба твоих языка!

Он взмахнул мечом и принялся изображать, как он будет исполнять свою угрозу. Все это время в отдушину заливали все новые и новые ведра воды.

Изнутри каюты что-то налегло на дверь, но доски держали надежно. Снова донесся сильный удар; доски затрещали, и сквозь трещины начала сочиться вода. Затем последовал третий толчок, и доски разлетелись в щепки. Омерзительно пахнущая вода хлынула на палубу; за ней по-

явилась Ниссифер. На ней не было ни платья, ни вуали, и оказалось, что под ними скрывалось толстое черное создание с пучком темного меха между глаз, странная помесь — наполовину сим, наполовину базиль. Из-под рыжевато-черной грудной клетки свисало кольчатое осиное брюшко, на спине виднелась хитиноподобная оболочка черных надкрыльев. Четыре тоненькие черные руки заканчивались длинными и худыми человеческими ладонями; тощие голени из черного хитина и странно раздутые ступни поддерживали грудную клетку со свисающим вниз брюшком.

Странное существо шагнуло вперед. Шилко испустил сдавленный вопль и, попятившись назад, споткнулся и упал на палубу. Создание в один прыжок наступило ему на руку, затем, присев, вонзило свое жало ему в грудь. Шилко пронзительно вскрикнул, никем не остановленный, он покатился по палубе, сделал несколько сумасшедших кульбитов в воздухе, упал на землю, слепо нырнул в пруд и начал там метаться туда-сюда. Наконец он затих, и практически сразу же его тело начало распухать.

На «Аввентуре» существо, называвшее себя Ниссифер, развернулось и направилось обратно

в каюту, довольное тем отпором, которое оказало своим неприятелям. Кугель, стоявший на корме, ударил мечом, и лезвие, оставив за собой облако из тысячи золотистых пылинок, вонзилось в левый глаз Ниссифер и застряло в груди. Ниссифер зашипела от изумления и боли и отступила назад, чтобы получше разглядеть своего обидчика. Она прохрипела:

— Ах, это Кугель! Ты сделал мне больно; ты умрешь от вони!

С шумом хлопая надкрыльями, Ниссифер вспрыгнула на корму. Кугель в панике отступил за нактоуз[8]. Ниссифер приближалась, ее кольчатое брюшко изогнулось вперед и вверх между тонкими черными ногами, обнажая длинное желтое жало.

Кугель схватил одно из пустых ведер и швырнул его в лицо Ниссифер; затем, пока она боролась с ведром, Кугель прыгнул вперед и, размахнувшись, рассек перемычку, отрубив брюшко от груди.

Брюшко, упав на палубу, начало дергаться, извиваться и вскоре покатилось вниз по межпалубной лестнице на палубу.

---

[8] Примечания: 8

Нактоуз — ящик для корабельного компаса.

Ниссифер, точно не заметив увечья, продолжала неумолимо двигаться вперед, истекая густой желтой жидкостью. Она, шатаясь, дошла до нактоуза и вытянула длинные черные руки. Кугель отскочил, перерубив ей руки. Ниссифер вскрикнула и, бросившись вперед, выбила меч у Кугеля из руки.

Пощелкивая надкрыльями, она шагнула вперед и, схватив Кугеля, подтащила его поближе.

— А теперь, Кугель, ты узнаешь, что такое зловоние.

Кугель нагнул голову и ткнул приколотым к шляпе «Фейерверком» прямо в грудь Ниссифер.

Когда Вармус с мечом в руке взобрался по межпалубной лестнице, он обнаружил Кугеля, бессильно прислонившегося к гакаборту.

Вармус оглядел корму.

— А где Ниссифер?

— Ниссифер больше нет.

Через четыре дня караван спустился с холмов к берегам озера Заол. За его мерцающими водами восемь белых башен, полускрытых в розовой дымке, указывали местоположение Каспара-Витатуса, иногда известного как «Город памятников».

Караван обошел озеро и приблизился к городу

по аллее Династий. Пройдя мимо больше чем сотни памятников, караван добрался до центра города. Вармус показал дорогу к тому месту, где он обычно останавливался — трактиру Канбо, и изнуренные путешественники приготовились восстановить свои силы.

Приводя в порядок каюту Ниссифер, Кугель наткнулся на кожаный мешок с сотней терциев, который он взял себе. Вармус, однако, настоял на том, чтобы помочь Кугелю разобрать пожитки Иванелло, Эрмолде и Перруквила. Они нашли еще триста терциев, которые поделили пополам. Вармус завладел гардеробом Иванелло, а Кугелю досталась та самая серьга с молочным опалом, на который он с самого начала положил глаз.

Кугель также предложил уступить Вармусу за пятьсот терциев все права на «Аввентуру».

— Это небывало выгодная сделка! Где еще вы найдете крепкое судно, полностью снаряженное и хорошо оборудованное, за такую цену?

Вармус лишь рассмеялся.

— Если бы вы предложили мне зоб огромного размера за десять терциев, была бы это выгодная сделка или нет?

— Это предложение совершенно иного рода, — заметил Кугель.

— Ба! Магия ослабевает. Каждый день корабль все более сильно оседает к земле. Зачем мне посередине пустыни корабль, который и по воздуху не летит, и по песку не плывет? Нет уж, даже при всей моей отчаянности могу предложить всего сто терциев, не больше.

— Какая нелепость! — фыркнул Кугель, и тем дело и закончилось.

Вармус вышел проследить за тем, как продвигается ремонт повозок. Он обнаружил пару рыбаков, с большим интересом разглядывающих «Аввентуру». Вармусу удалось добиться от них твердого заказа на судно за шестьсот двадцать пять терциев.

Кугель тем временем попивал пиво в трактире Канбо. Он сидел, задумавшись, и в этот момент в общий зал вошла группа из семи человек с суровыми лицами и грубыми голосами. Кугель взглянул на их предводителя дважды, затем в третий раз и наконец узнал капитана Вискиша, прежнего владельца «Аввентуры». Капитан Вискиш, очевидно, напал на след судна и пустился в погоню за своей собственностью.

Кугель спокойно вышел из общего зала и отправился на поиски Вармуса, который по совпадению тоже искал Кугеля. Они встретились

перед трактиром. Вармус хотел выпить пива в общем зале, но Кугель убедил его присесть на скамейке на противоположной стороне аллеи, откуда они могли видеть, как солнце садится в озеро Заол.

Через некоторое время речь зашла об «Аввентуре», и с ошеломляющей легкостью согласие было достигнуто. Вармус заплатил двести пятьдесят терциев за полные права на «Аввентуру». Они расстались, как нельзя более довольные друг другом. Вармус отправился разыскивать рыбаков, а Кугель, переодевшись в плащ с капюшоном и наклеив фальшивую бороду, поселился в гостинице «Зеленая звезда» под именем Тиченора, поставщика могильных плит.

Вечером посетители «Зеленой звезды» услышали громкий шум и крики, доносившиеся сперва откуда-то от доков, затем от трактира Канбо. В бузотерах признали группу местных рыбаков, подравшихся с шайкой приезжих путешественников. В стычку случайно оказались замешаны Вармус со своими возчиками.

Наконец порядок был восстановлен. Вскоре после этого в общий зал «Зеленой звезды» заглянули двое мужчин. Один крикнул грубым голосом:

— Есть здесь кто-нибудь по имени Кугель?

Другой сказал более сдержанно:

— Нам срочно нужен Кугель. Если он здесь, пусть выйдет вперед.

Утром Кугель пошел в ближайшую конюшню, где купил скакуна для путешествия на юг. Мальчишка-конюх проводил Кугеля в магазин, где тот купил новый кошелек и пару седельных сумок. В них он упаковал все, что требовалось для путешествия. Элегантная шляпа Кугеля уже обтрепалась и, кроме того, ужасно воняла после соприкосновения с Ниссифер.

Кугель снял «Фейерверк», завернул его в плотный материал и спрятал в свой новенький кошелек. После этого он купил себе темно-зеленую бархатную кепку с коротким козырьком. Хотя далеко не шикарная, она все же пленила Кугеля своей строгой элегантностью.

Он расплатился терциями из кожаного мешка, найденного в каюте Ниссифер; мешок тоже издавал нестерпимую вонь. Кугель собрался было купить еще и новый мешок, но его остановил мальчишка-конюх.

— Зачем тратить ваши терции? У меня есть почти в точности такой же мешок, который я отдам вам совершенно бесплатно.

— Это очень любезно, — сказал Кугель, и они

вернулись на конюшню, где Кугель переложил свои терции в новый мешок.

Привели скакуна. Кугель уселся на него, а мальчик приладил на место седельные сумки. В этот момент в конюшню вошли двое мужчин устрашающего вида и быстрыми шагами приблизились к ним.

Тебя зовут Кугель?

— Определенно нет! — заявил Кугель. — Ни в коем случае! Я — Тиченор! А что вы хотите от этого Кугеля?

— Не твое дело. Пойдем-ка с нами, ты что-то подозрительно себя ведешь.

— У меня нет времени на ваши шутки, — сказал Кугель. — Мальчик, передай мой мешок.

Мальчик повиновался, и Кугель прикрепил кожаный мешок к седлу. Он приготовился выезжать из конюшни, но мужчины преградили ему дорогу.

— Тебе придется пойти с нами.

— Это невозможно, — сказал Кугель. — Я еду в Торкваль.

Он пнул одного из них в нос, а другого — в живот, и во весь опор поскакал по аллее Династий, ведущей прочь из Каспара-Витатуса.

Через некоторое время он остановился, чтобы

посмотреть, что предприняла погоня, если таковая вообще была.

Его ноздрей коснулся неприятный запах, исходящий от кожаного мешка. К недоумению Кугеля, мешок оказался тем же самым, который он взял в каюте Ниссифер.

Кугель с беспокойством заглянул внутрь и обнаружил там вместо своих терциев пригоршню маленьких ржавых железяк.

Кугель изумленно охнул и, развернув своего скакуна, собрался вернуться в Каспара-Витатус, но в этот миг заметил дюжину мужчин, пригнувшихся к шеям своих коней, скакавших за ним по пятам.

Кугель издал еще один сумасшедший крик досады и ярости. Он швырнул вонючий кожаный мешок в канаву и, снова развернув своего скакуна, во весь дух помчался на юг.

Часть V Из Каспара-Витатуса в Кёрниф
Глава первая
Семнадцать девственниц

Погоня длилась долго и загнала Кугеля в край мрачных холмов цвета слоновой кости, известных как Бледные Морщины. Наконец Кугель хитроумным трюком сбил с толку своих преследователей, соскользнув с коня и укрывшись в скалах, в то время как его враги продолжили погоню за скакуном, на котором больше не было седока.

Кугель лежал, затаившись в своем убежище, до тех пор, пока рассерженная шайка не проскакала назад к Каспару-Витатусу, переругиваясь друг с другом. Он вышел на открытое пространство; затем, погрозив кулаком и посылая проклятия в адрес уже удалившихся на безопасное расстояние фигур, повернулся и пошел дальше на юг через Бледные Морщины.

Окрестности были голыми и зловещими, словно поверхность мертвого солнца, поэтому всякие опасные создания вроде синдиков, шамбов, эрбов и виспов предпочитали обходить эти места сто-

роной, что было единственным греющим душу Кугеля обстоятельством.

Шаг за шагом Кугель продвигался вперед, нога за ногу: вверх по очередному склону, открывавшему обзор на бесконечную череду бесплодных холмов, и вновь вниз, в ложбину, с пробивающимися кое-где ручейками, питавшими скудную растительность. Там Кугель время от времени находил рамп, лопухи, скволликсы и даже иногда какого-нибудь случайного тритона, которые хотя и не насыщали его, но все же заставляли на время умолкнуть голодное урчание в его животе.

Шли дни. Восходящее солнце, бледное и неяркое, всплывало на темно-синее небо, время от времени будто бы окутанное колышущейся и мерцающей иссиня-черной дымкой, чтобы наконец, словно громадная пурпурная жемчужина, опуститься на западе. Когда темнота делала дальнейшее продвижение невозможным, Кугель заворачивался в свой плащ и пытался по мере возможностей поспать.

В полдень седьмого дня Кугель, спустившись по склону, набрел на заброшенный сад. Там он нашел несколько сморщенных ведьминых яблок, которые умял в один миг, после чего отправился в путь по старой дороге.

Через милю дорога привела его к почти отвесному берегу реки, открывавшему вид на огромную равнину. Прямо у реки притулился маленький городишко, изгибавшийся к юго-западу и исчезавший в тумане.

Кугель с живейшим вниманием оглядел представший его глазам пейзаж. На равнине он увидел заботливо возделанные огороды, все правильной квадратной формы и одинакового размера; по реке плыла рыбачья шаланда. «Какая безмятежная картина», подумал Кугель. С другой стороны, город был выстроен в странном и старомодном стиле, и скрупулезная правильность, с которой дома окружали площадь, говорила о том, что его обитатели должны были быть столь же негибкими. Сами дома были не менее схожими, и каждый из них представлял собой строение из двух, трех или даже четырех приземистых луковиц, уменьшающихся в размере одна за другой, причем самая низкая из них всегда была окрашена в голубой, вторая — в темно-красный, третья и четвертая — соответственно в тусклые тона охры и черного; и все дома заканчивались шпилем из причудливо переплетенных железных прутьев большей или меньшей высоты. Трактир на берегу реки представлял образец более простого

и свободного стиля и был окружен чудесным садом. Внезапно Кугель заметил, что с востока по реке приближается караван из шести повозок с высокими колесами, и его нерешительность как рукой сняло; городок, очевидно, вполне терпимо относился к чужестранцам, и Кугель решительно зашагал вниз по холму.

На окраине города он остановился и вытащил свой старый кошелек, который все еще сохранил, несмотря на то, что тот совсем обвис и истрепался. Кугель изучил его содержимое, состоявшее из пяти терциев — суммы, едва ли способной удовлетворить его потребности. Он немного поразмыслил, затем набрал пригоршню камешков и высыпал их в кошелек, чтобы придать ему приятную округлость.

Кугель отряхнул от пыли штаны, поправил зеленую охотничью шапку и продолжил свой путь.

В город он вошел совершенно беспрепятственно — на него попросту не обратили никакого внимания. Перейдя площадь, он остановился, чтобы рассмотреть устройство еще более чудное, чем старомодная городская архитектура: каменный очаг, в котором ярко пылали несколько поленьев, окаймленный пятью светильниками

на железных стойках, каждый с пятью фитилями, а поверх всего — замысловатое сооружение из линз и зеркал. Назначение этой странной конструкции было выше понимания Кугеля. Двое молодых людей старательно обслуживали машину, подрезая все двадцать пять фитилей, раздувая огонь, подкручивая винты и рычаги, которые, в свою очередь, контролировали положение линз и зеркал. Они были одеты в костюмы, которые казались местной одеждой: пышные синие панталоны до колен, красные рубахи, черные жилетки с бронзовыми пуговицами и широкополые шляпы; скользнув по Кугелю равнодушными взглядами, они больше не замечали его, и он направился в трактир.

В саду, примыкающем к зданию, за столами сидели дюжины две горожан, с большим удовольствием евших и пивших. Кугель пару минут понаблюдал за ними; их изящные манеры и безупречное соблюдение правил этикета точно вышли из далекого прошлого. Как и их дома, они казались видавшему виды Кугелю чем-то уникальным — бледные и хрупкие, яйцеголовые, длинноносые, с темными выразительными глазами и купированными на всевозможные лады ушами. Все мужчины были одинаково лысыми,

и их макушки сияли в свете красного солнца. Женщины расчесывали свои черные волосы на прямой пробор и коротко, в полудюйме над ушами, обрезали их, что Кугель счел совершенно безвкусным. Глядя, как горожане ели и пили, Кугель с болью вспомнил о том рационе, которым был вынужден довольствоваться он сам, пока шел через Бледные Морщины, и судьба его терциев была предрешена. Он вошел в сад и уселся за стол. Подошел осанистый мужчина в синем фартуке, слегка поморщившийся при взгляде на растрепанный вид Кугеля. Тот немедленно вынул из кошелька два терция и протянул их мужчине.

— Это вам, любезный, чтобы поощрить такое молниеносное обслуживание. Я только что завершил свое нелегкое путешествие и умираю с голоду. Можете принести мне то же блюдо, которым так наслаждается вон тот господин, и побольше гарниров, а также бутылочку вина. А потом будьте так добры попросить хозяина приготовить мне удобную комнату.

Кугель непринужденно вытащил свой кошелек и бросил его на стол, где его размеры и вес производили весьма внушительное впечатление.

— Мне также понадобятся ванна, свежее белье и парикмахер.

— Я и есть трактирщик, Майер, — сказал осанистый мужчина любезным голосом. — Я немедленно займусь вашими пожеланиями.

— Великолепно, — ответил Кугель. — Ваше заведение произвело на меня благоприятное впечатление, и, возможно, я остановлюсь здесь на несколько дней.

Трактирщик довольно поклонился и поспешил проследить за тем, как готовился обед Кугеля.

Кугель отлично пообедал, несмотря на то, что второе блюдо — фаршированного мангонелевой стружкой лангуста — счел немного жирным. Жареный петух, однако, был выше всяких похвал, а вино понравилось ему до такой степени, что он заказал вторую бутылку. Папаша Майер сам принес ему заказ и принял похвалы Кугеля с едва уловимым самодовольством.

— Во всем Гундаре вы не найдете лучшего вина! Разумеется, оно дорогое, но вы — такой человек, который может оценить самые лучшие вещи по достоинству.

— Совершенно верно, — кивнул Кугель. — Присядьте и выпейте стаканчик вместе со мной. Должен признаться, мне любопытно было бы узнать кое-что об этом замечательном городе.

Трактирщик с охотой принял предложение

Кугеля.

— Странно, что вы находите Гундар замечательным. Я прожил здесь всю жизнь и считаю его довольно обыкновенным.

— Я приведу вам три обстоятельства, которые нахожу достойными упоминания, — разгорячился Кугель, ставший более откровенным после бутылки вина. — Первое: ваши дома в форме луковиц. Второе: устройство из линз над очагом, которое должно, по меньшей мере, возбуждать любопытство приезжих. И третье: тот факт, что все мужчины Гундара совершенно лысые.

Трактирщик глубокомысленно закивал.

— Ну, архитектуру-то объяснить нетрудно. Древние гунды жили в огромных тыквах. Когда часть стены начинала разрушаться, ее заменяли доской, до тех пор, пока в один прекрасный момент все жилища не оказались полностью построенными из дерева, но сохранившими форму тыквы. Что же касается огня и прожекторов, слыхали ли вы о всемирном Ордене солнцеподдержателей? Мы стимулируем солнечную энергию; пока наш пучок симпатических вибраций регулирует горение солнца, оно никогда не угаснет. Подобные станции есть и в других местах: в Синем Азоре, на острове Вразеле, в

крепости Мунт и в обсерватории Великого Звездочета в Вир-Вассилисе.

Кугель печально покачал головой.

— Я слышал, что условия изменились. Бразель уже давно поглотили океанские волны. Мунт тысячелетия назад была разрушена дистропами. И мне никогда не приходилось слышать ни о Голубом Азоре, ни о Вир-Вассилисе, хотя я много путешествовал. Возможно, вы, гундарцы, единственные оставшиеся на Земле солнцеподдержатели.

— Какая печальная весть! — воскликнул Майер. — Так вот чем объясняется заметное ослабление солнца… Возможно, нам стоило вдвое увеличить огонь под нашим регулятором.

Кугель подлил собеседнику еще вина.

— Тогда напрашивается вот какой вопрос. Если вы, как я подозреваю, единственная все еще действующая станция солнцеподдержания, кто или что регулирует солнце, когда оно заходит за горизонт?

Трактирщик покачал лысой головой.

— Я не могу дать этому никакого объяснения. Возможно, в ночные часы солнце само расслабляется и как бы спит, хотя это, конечно же, чистейшая догадка.

— Позвольте предложить другую гипотезу, — сказал Кугель. — Вероятно, солнце ослабло до такой степени, когда не осталось уже никакой возможности регуляции, так что ваши попытки, несомненно, исключительно полезные в прошлом, теперь неэффективны.

Майер в замешательстве воздел вверх руки.

— Такие тонкости выше моего понимания, но вон там стоит запрещатель Хуруска, — обратил он внимание Кугеля на стоящего у входа крупного мужчину со впалой грудью и щетинистой черной бородой. — Погодите минуточку.

Он вскочил на ноги и, подойдя к запрещателю, несколько минут с ним разговаривал, время от времени указывая на Кугеля. Наконец запрещатель резко развернулся и направился через сад, чтобы возразить Кугелю.

— Как я понимаю, вы заявляете, что, кроме нас, больше не существует солнцеподдержателей? — угрожающим голосом начал он.

— Я ничего не утверждаю столь безапелляционно, — ответил, защищаясь, Кугель. — Я заметил только, что много путешествовал, но никогда не слышал ни о никакой другой организации «Солнцеподдержателей», вот я всего лишь и высказал невинное предположение, что, возможно, ни

одна из них больше не действует.

— Мы в Гундаре считаем «невинность» положительным качеством, а не просто отсутствием вины, — заявил запрещатель. — Мы вовсе не дураки, как могут предположить некоторые неряшливые бродяги.

Кугель проглотил язвительную реплику, вот-вот готовую сорваться с его языка, и удовольствовался тем, что пожал плечами. Майер ушел вместе с запрещателем, и они некоторое время о чем-то спорили, поминутно кидая взгляды на Кугеля. Потом запрещатель удалился, а трактирщик вернулся за стол Кугеля.

— Наш запрещатель несколько резковат, но, тем не менее, он очень знающий человек, — сказал он Кугелю.

— С моей стороны было бы самонадеянным высказывать о нем свое мнение, — ответил тот. — А каковы, кстати, его обязанности?

— Мы в Гундаре придаем огромное значение точности и методичности, — пояснил Майер. — Мы полагаем, что отсутствие порядка ведет к беспорядку; а запрещатель и есть ответственный за подавление капризов и отклонений… О чем бишь мы говорили до этого? Ах, да, вы интересовались нашим всеобщим отсутствием волос. Я не

могу дать этому точного объяснения. Как говорят наши ученые, это означает окончательную ступень совершенства человеческой расы. Другие же верят в старинную легенду. Два волшебника, Астерлин и Молдред, соперничали за благоволение гундов. Астерлин пообещал им повышенную волосатость, такую, чтобы народу Гундара никогда не понадобилась одежда. Молдред, напротив, предложил гундам полное отсутствие волос, со всеми вытекающими из этого преимуществами, и без труда выиграл состязание; на самом деле Молдред стал первым запретителем Гундара; этот пост, как вы знаете, сейчас занимает Хуруска.

Папаша Майер поджал губы и оглядел сад.

— Хуруска, этот недоверчивый тип, напомнил мне о моем строго установленном правиле для временных жильцов, согласно которому они должны каждый день оплачивать свои счета. Я, разумеется, заверил его в вашей полной надежности, но просто для того, чтобы утихомирить Хуруску, завтра с утра выставлю вам счет.

— Я расцениваю это как оскорбление, — высокомерно заявил Кугель. — Неужели мы будем раболепно подчиняться всем капризам Хуруски? Только не я, смею вас заверить! Я заплачу по счетам в обычном порядке.

Трактирщик заморгал.

— Могу я осведомиться, как долго вы намереваетесь прожить в Гундаре?

— Мой путь лежит на юг, и я отправлюсь самым быстрым транспортом, который смогу найти, скорее всего, по реке на лодке.

— В десяти днях пути караваном через Лиррх Аинг лежит город Лумарт. Река Иск тоже течет мимо Лумарта, но путь по воде считается неудобным благодаря некоторым особенностям трех промежуточных селений. Топь Лалло кишит кусачими насекомыми; древесные гномы из Леса Сантальба швыряют в проплывающие мимо лодки мусором, а Безысходные Пороги одинаково равнодушно разбивают как кости, так и лодки.

— В таком случае я отправлюсь с караваном, — решил Кугель. — А пока остановлюсь здесь, если Хуруска не будет слишком мне докучать.

Майер облизал пересохшие губы и оглянулся через плечо.

— Я заверил Хуруску, что буду строжайше придерживаться своих правил. Он, разумеется, устроит из этого дела большой шум, если только не…

Кугель сделал снисходительный жест.

— Принесите мне печати. Я запечатаю свой

кошелек, в котором опалов и квасцов на целое состояние. Мы поместим его в сейф, и вы можете взять его в качестве гарантии. Даже Хуруска не сможет ничего возразить против этого!

Майер воздел кверху руки в священном ужасе:

— Что вы, что вы, я не могу взять на себя такую огромную ответственность!

— Забудьте все ваши страхи, — заявил Кугель, — Я наложил на кошелек защитное заклятие; если какой-нибудь коварный злоумышленник взломает печать, драгоценные камни в тот же миг превратятся в обыкновенную гальку.

На этих условиях Майер согласился принять кошелек Кугеля, правда, все-таки не слишком уверенно. Они вместе запечатали кошелек, и он перекочевал в сейф Майера.

После этого Кугель отправился в отведенную ему комнату, где принял ванну, воспользовался услугами парикмахера и надел чистую одежду. Затем, водрузив на голову шляпу под должным углом, он вышел прогуляться по площади.

Ноги сами принесли его к станции солнцеподдержания. Как и в прошлый раз, около установки хлопотали двое молодых людей: один поддерживал пламя и настраивал пять светильников, а другой следил за тем, чтобы регулирующий пу-

чок лучей был направлен на заходящее солнце.

Кугель принялся осматривать устройство со всех сторон, и через некоторое время ответственный за пламя окликнул его:

— Не вы ли тот самый замечательный путешественник, который сегодня выразил сомнения относительно действенности системы солнцеподдержания?

— Вот что я сказал Майеру и Хуруске, — осмотрительно начал Кугель. — Я сказал, что Бразель теперь находится под водами Мелантинского залива, и о нем почти никто не помнит; что крепость Мунт давным-давно разрушена; что я не слышал ни о Голубом Азоре, ни о Вир-Вассилисе. Вот и все, что я позволил себе высказать.

Молодой кочегар сердито отправил в топку охапку дров.

— Тем не менее, нам было сказано, что вы находите наши усилия бесполезными.

— Я ни за что не осмелился бы утверждать что-то подобное, — вежливо возразил Кугель. — Даже если прочие станции солнцеподдержания и прекратили работу, возможно, что гундарского регулятора вполне достаточно, кто знает?

— Вот что я скажу вам, — объявил кочегар. — Мы работаем безвозмездно, а в свое свободное

время должны рубить дрова и доставлять их сюда. Это Очень утомительно.

Оператор прицельного устройства присоединился к жалобам товарища.

— Хуруска и старшины ничего не делают, а только приказывают нам работать, а это, конечно же, самая легкая часть проекта. Янред и я принадлежим к утонченному новому поколению; в принципе, мы отрицаем все догматические доктрины. Я, например, считаю систему солнцеподдержания пустой тратой времени и сил.

— Если другие станции больше не работают, — возразил кочегару Янред, — то кто или что в таком случае управляет солнцем, когда оно заходит за горизонт? Вся эта система — вздор чистейшей воды.

Его товарищ объявил:

— Я собираюсь кое-что показать вам и освободить нас всех от этого неблагодарного занятия! — Он сдвинул рычаг. — Заметили, что я убрал регулирующий пучок лучей с солнца? Смотрите! Оно светит ничуть не хуже, чем раньше, и без малейшего внимания с нашей стороны!

Кугель внимательно осмотрел солнце, и точно — казалось, оно сияло совершенно так же, как и раньше, время от времени мерцая и дрожа, как

старик в лихорадке. Два молодых человека смотрели с тем же интересом, и по мере того, как шло время, они принялись довольно приговаривать:

— Мы оказались правы! Солнце не потухло!

Но как раз в этот самый момент солнце, возможно, совершенно случайно, мигнув, несколько потускнело и угрожающе накренилось к горизонту.

Позади них раздался яростный вопль, и появился запрещатель Хуруска.

— Это еще что за безответственность? — гремел он. — А ну-ка направьте регулятор куда следует, и немедленно! Хотите, чтобы мы все до конца своих дней блуждали в темноте?

Кочегар возмущенно ткнул пальцем в Кугеля.

— Он убедил нас в том, что система не нужна, а вся наша работа бесполезна.

— Что? — Хуруска повернул свою тушу так, что оказался лицом к лицу с Кугелем. — Ты вошел в Гундар лишь несколько часов назад и уже подрываешь основу нашего существования! Предупреждаю, наше терпение не безгранично! Вон отсюда, и не смей никогда больше приближаться к станции солнцеподдержания!

Задыхаясь от гнева, Кугель повернулся на каблуках и пошагал прочь через площадь.

В караван-сарае он осведомился, когда будет ближайший транспорт на юг, но караван, прибывший в полдень, на следующее утро должен был отправиться на восток.

Кугель вернулся на постоялый двор и вошел в трактир. Он заметил, что трое затеяли игру в карты, и начал наблюдать за играющими. Игра оказалась простым видом Замполио, и через некоторое время Кугель спросил, нельзя ли ему тоже присоединиться к играющим.

— Но только если ставки не очень высоки, — предупредил он. — Я не слишком искусен и не хочу проиграть больше, чем пару терциев.

— Ба! — воскликнул один из игроков. — Что такое деньги? Кто потратит их, когда мы умрем?

— Если мы выиграем все твое золото, тебе не придется тащить его дальше, — шутливо заметил другой.

— Нам всем приходится чему-то учиться, — ободрил Кугеля третий. — Тебе повезло получить в учителя троих главных мастеров Гундара.

Кугель в смятении отпрянул.

— Я отказываюсь расставаться больше чем с одним терцием!

— Да ну же! Не будь болваном!

— Ладно, — согласился Кугель, — я рискну. Но

эти карты грязные и затрепанные. К счастью, у меня в сумке есть новая колода.

— Замечательно! Игра продолжается!

Тремя часами позже три гунда бросили свои карты, пристально посмотрели на Кугеля и все как один, поднявшись, вышли из трактира. Подсчитав свой выигрыш, Кугель обнаружил, что стал богаче на тридцать два терция с мелочью. В самом радужном расположении духа он удалился в свою комнату и улегся спать.

Утром, с аппетитом поглощая завтрак, он увидел, что в трактире появился запрещатель Хуруска, немедленно завязавший разговор с папашей Майером. Через несколько минут Хуруска подошел к столу Кугеля и уставился на него с какой-то зловещей ухмылкой, а папаша Майер с беспокойством остановился в нескольких шагах позади.

— Ну, что на этот раз? — с напускной вежливостью спросил Кугель. — Солнце благополучно встало, что доказывает мою невиновность в деле с регулирующим пучком.

— Теперь я пришел по другому поводу. Известно ли тебе, какое наказание полагается за мошенничество?

— Меня это совершенно не интересует, — по-

жал плечами Кугель.

— А оно строгое, и я вскоре вернусь к этому вопросу. Сначала же позволь мне осведомиться: ты отдал Майеру кошелек, в котором, по твоему заявлению, были драгоценные камни?

— Да, это так. Ценности защищены специальным заклинанием, могу я добавить; и если печать будет сломана, камни превратятся в обычную гальку.

— Вот, смотри — печать цела. — Хуруска ткнул ему в нос кошелек. Я разрезал кожу и заглянул внутрь. Там были — и остаются, — Хуруска демонстративно вывернул кошелек на стол, — голыши, каких полным-полно валяется на любой дороге!

— Теперь мои бесценные камни превратились в ничего не стоящие булыжники! — возмущенно завопил Кугель. — Это ваша вина, и вам придется возместить мне ущерб!

Хуруска оскорбительно расхохотался.

— Если ты смог превратить драгоценные камни в гальку, то сможешь превратить и гальку в драгоценные камни. А сейчас Майер выставит тебе счет. Если откажешься платить, я велю приколотить тебя гвоздями к виселице и держать до тех пор, пока не передумаешь.

— Баши инсинуации столь же омерзительны,

сколь и абсурдны! — заявил Кугель. — Хозяин, давайте сюда ваш счет! Покончим с этим безобразием раз и навсегда.

Майер вышел вперед с листком бумаги.

— Я подсчитал, что итоговая сумма составляет одиннадцать терциев, плюс чаевые, сколько вы сочтете нужным.

— Чаевых не будет! — отрезал Кугель. — Вы всех своих постояльцев изводите подобным образом? — Он швырнул на стол одиннадцать терциев. — Заберите ваши деньги и оставьте наконец меня в покое!

Майер робко собрал монеты; Хуруска издал какой-то нечленораздельный звук и удалился. Кугель, закончив завтракать, отправился еще раз прогуляться по площади. Там ему повстречался мальчик, в котором Кугель узнал слугу из трактира. Кугель знаком велел парнишке остановиться.

— Ты производишь впечатление проворного и смышленого малого, — начал Кугель. — Могу я узнать твое имя?

— Ну, вообще-то меня зовут Зеллер.

— Бьюсь об заклад, что ты знаешь всех в этом городишке.

— Да, думаю, что я неплохо осведомлен. А почему вы спрашиваете?

— Во-первых, — сказал Кугель, — позволь спросить, не хочешь ли обратить свои знания в доход?

— Ну, разумеется, но только при условии, что я не попадусь на глаза запретителю.

— Очень хорошо. Я заметил вон там пустой балаган, который послужит нашим целям. Через час мы введем наше предприятие в действие!

Кугель вернулся в трактир, где по его требованию Майер принес ему дощечку, кисть и краску. Через некоторое время Кугель уже любовался вышедшей из-под его рук вывеской:

ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОРИЦАТЕЛЬ КУГЕЛЬ СОВЕТЫ, ТОЛКОВАНИЯ, ПРЕДСКАЗАНИЯ

СПРОСИТЕ, И ВЫ ПОЛУЧИТЕ ОТВЕТЫ НА ВСЕ ВАШИ ВОПРОСЫ!

КОНСУЛЬТАЦИИ: ТРИ ТЕРЦИЯ

Кугель водрузил эту замечательную вывеску над балаганом, приладил занавес и принялся ожидать клиентов. Тем временем мальчик незаметно спрятался за занавесом.

Почти немедленно горожане, пересекавшие площадь, начали останавливаться, чтобы прочитать вывеску. Через некоторое время вперед вышла женщина средних лет.

— Три терция — большая сумма. Какие резуль-

таты вы гарантируете?

— Вовсе никаких, в силу самой природы вещей. Я — искусный провидец, я знаком с искусством магии, но знание приходит ко мне из неведомых и неконтролируемых источников.

Женщина расплатилась.

— Три терция — это совсем дешево, если вы сможете развеять мои тревоги. Моя дочь всю жизнь отличалась завидным здоровьем, но сейчас она захворала и все время находится в подавленном состоянии. И все мои средства не помогают. Что мне делать?

— Подождите минутку, мадам, я должен войти в транс. — Кугель закрыл занавес и наклонился так, чтобы слышать то, что шепотом говорил ему мальчик, а затем вновь раздвинул занавес.

— Я слился с космосом! — возвестил он. — В мой разум проникло знание! Ваша дочь Дилиан беременна. Еще три терция, и я назову имя отца ребенка.

— Вот уж за что я заплачу с удовольствием, — мрачно процедила женщина.

Она заплатила, получила информацию и решительно отправилась прочь.

Подошла другая женщина, заплатила три терция, и Кугель занялся ее проблемой.

— Мой муж уверял меня, что отложил на будущее достаточно золотых монет, но после его смерти я не нашла ни гроша. Где он спрятал золото?

Кугель задернул занавес, посоветовался с мальчиком и снова предстал перед женщиной.

— У меня для вас плохая новость. Ваш муж Финистер большую часть своих сбережений оставил в таверне, а на оставшиеся деньги приобрел аметистовую брошь для женщины по имени Варлетта.

Новость о выдающихся способностях Кугеля как на крыльях облетела весь город, и дело пошло. Незадолго до полудня к балагану приблизилась крупная женщина, вся закутанная и под вуалью; заплатила три терция и попросила пронзительным, если не сиплым голосом:

— Откройте мне мою судьбу!

Кугель закрыл занавес и обратился к мальчику, который был в полном недоумении.

— Я ее не знаю. Не могу ничего вам сказать.

— Ладно, — махнул рукой Кугель. — Мои подозрения подтвердились.

Он раздвинул занавес.

— Космос не сказал мне ничего определенного, и я отказываюсь брать ваши деньги. — Кугель

вернул три терция. — Все, что я могу сказать вам: вы личность деспотического нрава и не слишком большого ума. Что вас ждет впереди? Почести? Долгое путешествие по воде? Месть вашим врагам? Богатство? Видение слишком расплывчато; возможно, я всего лишь читаю свое собственное будущее.

Женщина сорвала вуаль, под которой обнаружилось злорадное лицо запрещателя Хуруски.

— Господин Кугель, ваше счастье, что вы вернули мои деньги, а не то я арестовал бы вас за мошенничество. В любом случае, я полагаю вашу деятельность крайне вредной и противоречащей общественным интересам. Гундар шумит, как разворошенный улей, и все благодаря вашим разоблачениям, и я не допущу больше ни одного! Снимайте вашу вывеску и скажите спасибо, что так легко отделались.

— Я буду рад свернуть свое предприятие, — сказал Кугель с достоинством. — Налоги нынче непомерно высоки.

Хуруска, надувшись, ретировался. Кугель разделил заработанные деньги с мальчишкой, и, весьма довольные друг другом, они покинули балаган.

На обед Кугель заказал лучшие блюда, которые

были доступны на постоялом дворе, но позже, зайдя в трактир, он заметил неприкрытое недружелюбие всех посетителей и счел за лучшее уйти в свою комнату.

На следующее утро, когда Кугель позавтракал, в город прибыл караван из десяти повозок. Основным грузом оказалась стайка из семнадцати юных красавиц, которые ехали в двух повозках. Еще в трех каретах разместились спальни, тогда как пять оставшихся были нагружены припасами, сундуками, тюками и коробками. Караванщик, спокойный на вид полный мужчина с гладкими каштановыми волосами и шелковистой бородой, помог своим очаровательным подопечным сойти на землю и повел их на постоялый двор, где Майер подал им обильный завтрак из каши с пряностями, консервированной айвы и чая.

Кугель поглядел на эту поглощенную своим завтраком группу и подумал, что в такой компании путешествие практически в любое место стало бы воистину дорогой в рай.

Появился запрещатель Хуруска, тут же подошедший засвидетельствовать караванщику свое почтение. Они дружелюбно поболтали некоторое время, а Кугель нетерпеливо ожидал, когда же

они наконец разойдутся.

В конце концов Хуруска ушел. Девушки, закончив еду, вышли прогуляться по площади. Кугель направился к столу, за которым сидел караванщик.

— Сударь, меня зовут Кугель, и я хотел бы поговорить с вами.

— Разумеется! Садитесь, пожалуйста. Не хотите ли стаканчик этого превосходного чаю?

— Благодарю вас! Во-первых, могу ли я узнать, куда направляется ваш караван?

Караванщик был явно удивлен неведением Кугеля.

— Мы направляемся в Лумарт — это же семнадцать девственниц Симнатис, которые по традиции являются украшением Великого Карнавала.

— Я чужестранец, — объяснил Кугель, — и поэтому не знаю местных обычаев. Как бы то ни было, я и сам направляюсь в Лумарт и с удовольствием присоединился бы к вашему каравану.

Караванщик любезно согласился.

— Я буду рад, если вы сможете путешествовать вместе с нами.

— Замечательно! — с воодушевлением воскликнул Кугель. — Значит, по рукам!

Караванщик коснулся своей шелковистой каштановой бороды.

— Должен предупредить вас, что оплата у нас несколько выше обычной, благодаря тем дорогостоящим удовольствиям, которые я обязан предоставлять этим семнадцати утонченным девушкам.

— Неужели? — спросил Кугель. — И сколько же вы просите?

— Путешествие занимает добрых десять дней, а мои минимальные издержки составляют двадцать терциев в день, итого двести терциев, плюс дополнительный взнос за вино.

— Это намного больше, чем я могу позволить, — приуныл Кугель. — В настоящее время я располагаю лишь третью этой суммы. А нельзя ли каким-нибудь способом отработать свой проезд?

— К сожалению, нет, — ответил караванщик. — Еще с утра у нас было свободно место вооруженного охранника, которое даже приносило небольшой доход, но запрещатель Хуруска, который хочет посетить Лумарт, согласился поработать на этой должности, так что это место уже занято.

Кугель издал возглас разочарования и поднял глаза к небу. Когда наконец он смог говорить, то

спросил:

— Когда вы намерены отправиться в путь?

— Завтра на рассвете, секунда в секунду. Я очень сожалею, что мы не будем иметь удовольствия путешествовать в вашем обществе.

— Я разделяю ваши сожаления, — промолвил Кугель.

Он вернулся за свой стол и сел, понурившись. Через некоторое время он вошел в трактир, где в самом разгаре было сразу несколько карточных игр. Кугель несколько раз попытался присоединиться к, игре, но ему каждый раз отказывали. В мрачном состоянии духа он подошел к стойке, где папаша Майер распаковывал ящик с глиняными бокалами. Кугель попытался завязать разговор, но на сей раз трактирщику было не до него.

— Запрещатель Хуруска отправляется в путешествие, и сегодня его друзья отмечают это событие прощальной вечеринкой, к которой я должен как следует подготовиться.

Кугель взял кружку пива, сел за крайний столик и погрузился в размышления. Через несколько минут он вышел через черный вход и изучил выходящий на реку Иск вид. Кугель прошелся по краю воды и обнаружил причал, у которого рыбаки привязывали свои лодки и

сушили сети. Кугель несколько раз взглянул на реку, затем вновь вернулся на постоялый двор и посвятил остаток дня созерцанию того, как семнадцать девственниц прогуливались по площади и потягивали в саду у гостиницы сладкий чай с лаймом.

Солнце зашло; сумерки цвета выдержанного вина сгустились, превратившись в ночь. Кугель принялся за свои приготовления, которые были очень быстро закончены ввиду того, что сущность плана заключалась в его простоте.

Караванщик, которого, как узнал Кугель, звали Шимилко, собрал свою утонченную компанию на ужин, затем заботливо проводил их к повозкам-спальням, несмотря на все недовольные гримасы и возражения тех, кто хотел остаться на постоялом дворе и насладиться праздничным весельем.

В трактире уже началась прощальная вечеринка в честь Хуруски. Кугель забился в темный угол, но через некоторое время подозвал запыхавшегося Майера и извлек из кармана десять терциев.

— Признаю, что питал к Хуруске недобрые чувства, — сказал он. — А теперь я хочу выразить ему мои лучшие пожелания, но, однако, совершенно анонимно! Я хочу, чтобы вы каждый раз, когда

он примется за кружку эля, ставили перед ним новую. Пусть в этот вечер он непрестанно веселится. Если он спросит, кто заплатил за выпивку, вы должны ответить: «Один из ваших друзей хочет сделать вам подарок». Ясно?

— Яснее некуда! Я сделаю все, как вы велите. Это широкий и великодушный жест, за который Хуруска будет признателен.

Вечер шел. Друзья Хуруски горланили веселые песенки и дюжинами провозглашали тосты, к каждому из которых виновник торжества охотно присоединялся. Как и потребовал Кугель, лишь только Хуруска отпивал из своей кружки, у него под рукой тут же появлялась новая, и Кугель был безмерно удивлен бездонности внутренних резервуаров запрещателя.

Наконец Хуруска собрался покинуть компанию. Шатаясь, он добрался до заднего выхода и направился к каменной стене с установленным за ней корытом, служившей посетителям уборной.

Как только Хуруска уткнулся в стену, Кугель рванул за ним, накинул на голову запрещателя рыбачью сеть, а затем ловко накинул петлю на мощные плечи Хуруски, несколько раз обмотав его веревкой и завязав концы. Вопли жертвы полностью заглушила песня, которую как раз в

этот момент пели в таверне в его честь.

Кугель поволок бранящуюся и брыкающуюся тушу по тропинке, ведущей к причалу, и закатил ее в лодку. Отвязав лодку, Кугель оттолкнул ее от берега, и ее подхватило течением.

— По меньшей мере, — сказал себе Кугель, — хотя бы две части моего пророчества были точными: Хуруску чествовали в таверне, а теперь он отправляется в путешествие по воде.

Он вернулся в трактир, где наконец-то заметили отсутствие запрещателя. Майер выразил мнение, что в связи с намеченным на раннее утро отбытием, до которого осталось совсем немного времени, Хуруска благоразумно отправился в постель, и все сошлись во мнении, что, несомненно, именно так все и было.

На следующее утро Кугель поднялся за час до рассвета. Он наскоро позавтракал, заплатил Майеру за постой И пошел туда, где Шимилко готовил к отходу свой караван.

— Я принес новость от Хуруски, — сказал Кугель. — Благодаря неудачному стечению личных обстоятельств он счел, что не может отправиться в путешествие, и рекомендовал меня на ту должность, которую вы обещали ему.

Шимилко в изумлении покачал головой.

— Какая жалость! Вчера он казался полным решимости! Ну что ж, надо быть гибкими, и поскольку Хуруска не сможет присоединиться к нам, я с радостью приму вас на его место. Как только мы тронемся в путь, я расскажу вам о ваших обязанностях, которые совсем просты. Вы должны стоять на часах ночью, а днем можете отдыхать, хотя в случае опасности я, естественно, ожидаю, что вы присоединитесь к защитникам каравана.

— Ну, такие обязанности мне по плечу, — улыбнулся Кугель. — Я готов отправиться в путь, когда вам будет удобно.

— А вот и солнце восходит, — возвестил Шимилко. — Выезжаем в Лумарт!

Через десять дней караван Шимилко прошел через Метунову щель, и перед ними открылась великая долина Корам. Полноводная река Иск петляла туда и сюда, отражая слепящее сияние солнца; в отдалении возвышалась длинная темная масса Дравийского леса. Немного ближе пять куполов из мерцающего и переливающегося глянцевита обозначали положение Лумарта.

Шимилко обратился к товарищам:

— Дальше лежит то, что осталось от древнего города Лумарта. Пусть вас не обманывают

купола — они принадлежат храмам, некогда посвященным пяти демонам: Йаунту, Джастенаву, Фампоуну, Адельмару и Суулу и поэтому сохранившимся во времена Сампатических войн.

Население Лумарта отличается от всех, кого вам приходилось видеть. Многие из них — презренные колдуны, хотя Великий Отыскатель Каладет и запретил магию в городских стенах. Вы можете счесть этих людей вялыми и болезненными, а также чрезмерно эмоциональными, и вы будете правы. Они фанатично непоколебимы в том, что касается ритуалов, и все до одного разделяют Доктрину абсолютного альтруизма, которая предписывает им жить в добродетели и благожелательности. За это они известны как «Добрый народ». И последнее слово относительно нашего путешествия, которое, к счастью, прошло без единого неприятного происшествия. Возчики правили со знанием дела; Кугель бдительно охранял нас по ночам, и я очень доволен. Итак, вперед к Лумарту, и пусть нашим лозунгом будет «абсолютное благоразумие»!

Караван по узкой дороге спустился в долину, затем продолжил свой путь по аллее, вымощенной выщербленными камнями, под сводами огромных черных мимоз.

У разрушающихся ворот, ведущих на торговую площадь, караван встретили пять высоких мужчин в вышитых шелковых одеждах. Их великолепные, напоминающие сдвоенные короны головные уборы Корамских тхуристов придавали им полный величественного достоинства вид. Все пятеро были очень схожи между собой, с прозрачной кожей, острыми носами с высокими переносицами, тонкими руками и ногами и печальными серыми глазами. Один из них, в роскошном плаще горчично-желтого, алого и черного цвета, поднял два пальца в спокойном приветствии.

— Друг мой Шимилко, вы с вашим благословенным грузом прибыли в целости и сохранности. Вы замечательно нам послужили, и мы очень довольны.

— В Лиррх-Аинге было так тихо, что мы чуть было не заскучали, — сказал Шимилко. — По правде говоря, мне очень повезло, что нашей охраной занимался Кугель, который так хорошо стерег нас по ночам, что нам ни разу не пришлось просыпаться.

— Молодчина, Кугель! — похвалил его первый тхурист. — Теперь мы возьмем на себя заботу о драгоценных девушках. Завтра можете получить

у казначея свои деньги. Гостиница «Одинокий Путник» находится вон там, и я очень рекомендую вам воспользоваться ее удобствами и хорошенечко отдохнуть.

— Ваша правда! Нам всем не помешало бы отдохнуть несколько дней.

Однако Кугель решил не расслабляться. У двери гостиницы он сказал Шимилко:

— Здесь мы расстанемся, ибо я собираюсь продолжить путь. Меня зовут дела, а Альмери лежит далеко на западе.

— Но ваше жалованье, Кугель! Подождите хотя бы до завтра, когда я получу у казначея некоторую сумму. А до тех пор у меня нет денег.

Кугель поколебался, но все-таки решил задержаться.

Часом позже в гостиницу вошел гонец.

— Господин Шимилко, вас и ваших товарищей просят немедленно предстать перед Великим Отыскателем по делу крайней важности.

— А в чем дело? — переполошился Шимилко.

— Я не могу сообщить вам ничего более.

С вытянувшимся лицом Шимилко повел своих людей через площадь в лоджию перед старинным дворцом, где в массивном кресле восседал Каладет. По обеим сторонам от него стояли члены

корпорации тхуристов, взиравшие на Шимилко с выражением, не предвещавшим ничего хорошего.

— Что означает этот вызов? — осведомился Шимилко. — Почему вы так серьезно на меня смотрите?

Великий Отыскатель заговорил проникновенным голосом:

— Шимилко, мы проверили семнадцать девушек, которых вы доставили из Симнатиса в Лумарт, и я вынужден с прискорбием сообщить, что лишь две из них могут быть признаны таковыми. Остальные пятнадцать утратили девственность.

Шимилко от ужаса чуть не лишился дара речи.

— Это невозможно! — залепетал он. — В Симнатисе я принял самые тщательные меры предосторожности. Могу предъявить три независимых документа, удостоверяющих непорочность каждой из них. В этом не может быть сомнений! Вы ошиблись!

— Да нет, мы не ошиблись, господин Шимилко. Все обстоит именно так, как мы описали, и может с легкостью быть перепроверено.

— «Невозможно» и «невероятно» — вот единственные слова, которые приходят мне в голо-

ву! — воскликнул Шимилко. — А вы спрашивали самих девушек?

— Разумеется. Они просто поднимают глаза к потолку и насвистывают сквозь зубы. Шимилко, как вы объясните это гнусное оскорбление?

— Я в полном замешательстве! Девушки начинали путешествие столь же непорочными, как и в день своего появления на свет. Это неоспоримый факт! С утра до вечера каждый день я ни на миг не спускал с них глаз. Это тоже факт.

— А когда вы спали?

— Нет, это ничуть не менее невероятно. Возчики неизменно уходили спать все вместе. Я делил свою повозку со старшим возчиком, и каждый из нас может поручиться за другого. А Кугель в это время сторожил весь лагерь.

— Один?

— Одного охранника вполне достаточно, даже несмотря на то, что ночные часы скучны и долго тянутся. Кугель, однако, никогда не жаловался.

— Тогда виновник, несомненно, Кугель!

Шимилко с улыбкой покачал головой.

— Обязанности Кугеля не оставляли ему времени на противозаконную деятельность.

— А что, если Кугель пренебрег своими обязанностями?

Шимилко терпеливо ответил:

— Не забывайте, каждая из девушек спокойно спала в отдельной кабинке с закрытой дверью.

— Ну, хорошо; а что, если Кугель открыл эту дверь и тихонько вошел в кабинку?

Шимилко на миг заколебался и дернул свою шелковистую бороду.

— В таком случае, я предполагаю, что подобная возможность не исключена.

Великий Отыскатель вперил взгляд в Кугеля.

— Я настаиваю на том, чтобы вы написали четкое заявление об этом прискорбном случае.

— Расследование подтасовано! — с негодованием воскликнул Кугель. — Моей чести нанесен урон!

Каладет доброжелательно, хотя и несколько прохладно, посмотрел на Кугеля.

— Вам будет позволено искупить свою вину. Тхуристы, я поручаю этого человека вам. Позаботьтесь о том, чтобы он получил все возможности восстановить свое доброе имя и чувство собственного достоинства!

Кугель разразился протестующими криками, на которые Великий Отыскатель не обратил никакого внимания. Со своего возвышения он задумчиво оглядывал площадь.

— У нас сейчас третий или четвертый месяц?

— Только что закончился месяц Иаунта, и началось время Фампоуна.

— Так и быть. Этот распущенный негодяй своим усердием еще может заработать нашу любовь и уважение.

Двое тхуристов подхватили Кугеля под руки и повели его через площадь. Кугель попытался вырваться, но у него ничего не вышло.

— Куда вы ведете меня? Что это за чепуха?

Один из тхуристов ответил любезным голосом:

— Мы ведем тебя в храм Фампоуна, и это вовсе не чепуха.

— Да мне плевать на это все, — рассердился Кугель. — Сейчас же уберите ваши руки: я намерен немедленно покинуть Лумарт.

— Тебе в этом помогут.

Компания поднялась по выщербленным ступеням и сквозь высокие сводчатые ворота прошла в зал, где каждый их шаг отдавался гулким эхом, отражавшимся от высокого потолка; в дальнем конце смутно виднелось что-то вроде алтаря или святилища. Кугеля провели в примыкающее к залу помещение, освещенное льющимися из высоких круглых окон лучами красного солнца;, стены были обиты темно-синими деревянными

панелями. В комнату вошел старик в белой рясе и спросил:

— Ну, что у нас здесь? Человек, которого постигла беда?

— Да, Кугель совершил несколько гнусных преступлений и теперь желает искупить свою вину.

— Это заявление целиком и полностью не соответствует истине! — возмущенно воскликнул Кугель. — Не было представлено никаких доказательств, и в любом случае меня заманили сюда против моего желания.

Тхуристы, не поведя даже бровью, удалились, и Кугель остался один на один со стариком, который доковылял до скамьи и уселся на нее. Кугель попытался заговорить, но старик жестом прервал его.

— Успокойся! Не забывай, что мы — милостивые люди, чуждые всякой злобы и недоброжелательности. Мы существуем лишь для того, чтобы помогать другим сознательным существам! Если человек совершает преступление, мы мучаемся жалостью к преступнику, который, по нашему убеждению, и является истинной жертвой, и мы работаем лишь для того, чтобы он мог возродиться.

— Какая просвещенная точка зрения! — провоз-

гласил Кугель. — Я уже чувствую нравственное обновление!

— Великолепно! Твои замечания подтверждают нашу философию; ты, несомненно, уже преодолел то, что я отношу к Первой Фазе программы.

— А что, будут и другие? — нахмурился Кугель. — Неужели они действительно необходимы?

— Безусловно; это Вторая и Третья Фазы. Пожалуй, стоит объяснить, что Лумарт не всегда придерживался такой политики. В годы расцвета Великой Магии город попал под влияние Ясбана Устранителя, который пробил отверстия в пять царств демонов и построил пять храмов Лумарта. Мы сейчас находимся в Храме Фампоуна.

— Странно, — заметил Кугель, — столь милостивый народ — и такие рьяные демонисты.

— Это так далеко от истины, что дальше и не придумаешь. Добрый Народ Лумарта изгнал. Ясбана и провозгласил Эру Любви, которая должна просуществовать до тех пор, пока солнце совсем не погаснет. Наша любовь распространяется на всех, даже на пятерых демонов Ясбана, которых мы надеемся отвратить от столь губительного для них зла. Ты будешь самым последним в череде выдающихся личностей, работавших в этом

направлении, и в этом заключается Вторая Фаза программы.

Кугель обессилел от ужаса.

— Эта задача выше моих сил!

— Все испытывают подобные чувства, — ободрил его старик. — Тем не менее, Фампоуна следует обучить доброте, вежливости и правилам хорошего тона; попытавшись сделать это, ты познаешь счастливое чувство освобождения.

— А Третья Фаза? — прохрипел Кугель. — Что насчет нее?

— Когда ты исполнишь свою миссию, то будешь с почестями принят в наше братство! — Старик не обратил внимания на стон ужаса, вырвавшийся из горла Кугеля. — Ну-ка, посмотрим: месяц Иаунта только что завершился, и мы входим в месяц Фампоуна, который, пожалуй, самый вспыльчивый из всех пяти демонов из-за своих чувствительных глаз. Он приходит в бешенство от малейшего проблеска, и тебе придется пытаться перевоспитать его в абсолютной темноте. Дальнейшие вопросы будут?

— Еще как будут! Предположим, что Фампоун откажется менять свое поведение?

— Вот образец негативистического мышления, которое мы, Добрый Народ, не признаем. Не об-

ращай внимания на все то, что ты мог слышать о жутких привычках Фампоуна! Ты должен быть уверен в успехе!

— Но как я вернусь, чтобы насладиться заслуженными почестями и наградами? — с тоской воскликнул Кугель.

— Фампоун, когда осознает всю низость своего поведения, несомненно, поднимет тебя наверх. А теперь я должен проститься с тобой.

— Минуточку! А где мои еда и питье? Я же не выживу!

— Мы снова оставляем этот вопрос на усмотрение Фампоуна.

Старик нажал на кнопку; пол под ногами Кугеля расступился, и он с головокружительной стремительностью покатился вниз по спиральному желобу. Воздух постепенно сделался липким, как сироп; Кугель пробил пленку невидимого препятствия, которая лопнула с таким звуком, точно пробка вылетела из бутылки, и Кугель очутился в средней величины комнате, освещенной мерцанием единственной лампы.

Кугель оцепенел, едва отваживаясь дышать. На помосте в противоположном конце комнаты в массивном кресле сидел спящий Фампоун, чьи глаза были закрыты от света двумя черными

полусферами. Серое тело размерами могло почти сравниться с длиной помоста; толстые косолапые ноги были вытянуты во всю длину. Руки, ничуть не меньше в обхвате, чем сам Кугель, заканчивались трехфутовыми пальцами, унизанными сотней перстней. Голова демона была размером с тачку, с гигантским носом и огромным вислогубым ртом. Два глаза, каждый размером с плошку, Кугель не смог разглядеть из-за защитных полусфер.

Кугель, задерживая дыхание не только от страха, но и от нестерпимого зловония, висевшего в воздухе, осторожно оглядел комнату. От лампы по потолку отходил шнур, свисавший рядом с пальцами Фампоуна; Кугель практически машинально отсоединил шнур от лампы. Он обнаружил, что из комнаты можно было выбраться только через маленькую железную дверцу прямо за креслом Фампоуна. Желоб, по которому он попал сюда, теперь стал невидимым.

Складки у губ Фампоуна задергались и поднялись; из его рта выглянул гомункул, росший из конца языка демона. Он взглянул на Кугеля черными глазами-бусинками.

— Ха, неужели время прошло так быстро? — Странное создание, нагнувшись, сверилось с

отметками на стене. — И правда; а я проспал, и Фампоун будет зол. Как твое имя, и какие преступления ты совершил? Такие подробности очень интересуют Фампоуна, а это, кстати говоря, я сам, хотя из прихоти я обычно предпочитаю зваться Пульсифером, как если бы был отдельным существом.

Кугель смело заговорил:

— Я — Кугель, инспектор нового режима, который теперь установился в Лумарте. Я спустился сюда проверить, удобно ли Фампоуну, а поскольку я вижу, что все в порядке, то, пожалуй, вернусь наверх. Где здесь выход?

— Как, ты не совершил никаких преступлений, о которых мог бы нам рассказать? — жалобно спросил Пульсифер. — Это обидная новость. Мы с Фампоуном любим злодеяния. Не так давно некий купец, чье имя я, к сожалению, забыл, целый час развлекал нас рассказами.

— А что произошло потом?

— Ой, лучше не спрашивай. — Пульсифер принялся чистить один из клыков Фампоуна маленькой щеточкой. Он вытянул голову и начал рассматривать пятнистое лицо великана. — Фампоун крепко спит; он очень плотно поел перед тем, как отойти ко сну. Подожди минуточку, я

проверю, как переваривается пища. — Пульсифер нырнул в рот к Фампоуну и обнаружил себя лишь дрожанием серого жилистого горла. Через некоторое время он снова предстал перед Кугелем. — Он, бедняга, проголодался, по крайней мере, так кажется. Я лучше его разбужу, ведь он захочет поговорить с тобой перед тем, как…

— Перед тем как что?

— Неважно.

— Минуточку, — сказал Кугель. — Мне больше хотелось бы поговорить с тобой, а не с Фампоуном.

— Правда? — польщенно спросил Пульсифер и начал начищать клык Фампоуна с еще большим усердием. — Приятно слышать; мне не так часто говорят комплименты.

— Странно! Я вижу, что в тебе очень многое заслуживает похвалы. Твоя карьера поневоле идет рука об руку с карьерой Фампоуна, но у тебя ведь, наверное, есть и свои собственные цели и стремления?

Пульсифер подпер губу Фампоуна щеткой и оперся на образовавшийся уступ.

— Иногда я чувствую, что хотел бы взглянуть на внешний мир. Мы несколько раз поднимались на поверхность, но только ночью, когда звезды

скрыты за густыми тучами, и даже тогда Фампоун жаловался на чересчур яркий свет и быстро возвращался сюда.

— Жаль, — заметил Кугель. — Днем есть на что посмотреть. Окружающий Лумарт пейзаж очень симпатичный. А Добрый Народ вот-вот начнет свой Великий Карнавал Полных Противоположностей, который, как говорят, представляет собой весьма живописное зрелище.

Пульсифер тоскливо покачал головой.

— Сомневаюсь, что мне когда-нибудь удастся увидеть такие события. А ты видел много ужасных преступлений?

— Да, мне многое довелось повидать. Например, я помню одного гнома из Батварского леса, который оседлал пельграна…

Пульсифер жестом прервал его.

— Погоди. Фампоун захочет это услышать. — Он опасно высунулся из разинутого рта и взглянул на прикрытые глазные яблоки. — Интересно, он, или, если быть более точным, я проснулся? Мне показалось, что я почувствовал шевеление. В любом случае, несмотря на то, что я получил удовольствие от нашего разговора, мы должны вернуться к своим обязанностям. Хм, шнур отключен от лампы. Не будешь ли ты так добр

погасить свет?

— К чему спешить? — уклонился Кугель. — Фампоун мирно спит; позволь ему отдохнуть. А я тем временем хотел кое-что показать тебе. Азартную игру. Ты когда-нибудь играл в замболио?

Пульсифер ответил отрицательно, и Кугель вытащил из кармана карты.

— Смотри внимательно! Я раздаю каждому из нас по четыре карты, которые мы не должны показывать друг другу. — Кугель объяснил правила игры. — Мы обязательно играем на золотые монеты или что-то подобное, чтобы игра была интересной. Поэтому я ставлю пять терциев, и ты должен поставить столько же.

— Вон в тех двух мешках — золото Фампоуна, или, что в равной степени правомерно, мое золото, поскольку я — неотъемлемый придаток к этой огромной туше. Вынь оттуда столько золота, сколько соответствует твоим пяти терциям.

Игра началась. Пульсифер к своему огромному удовольствию выиграл первый кон, затем проиграл следующий, что заставило его разразиться плаксивыми жалобами; потом он выиграл снова и снова, и так до тех пор, пока Кугель не объявил, что у него больше не осталось денег.

— Ты умный и искусный игрок; помериться с

тобой силами — большое удовольствие! И все же, я думаю, что смог бы побить тебя, если бы у меня были деньги, которые я оставил наверху, в храме.

Пульсифер, несколько запыхавшийся и страшно гордый своей победой, с насмешкой отнесся к словам Кугеля.

— Я думаю, что чересчур умен для тебя! Вот, забери свои терции, и сыграем еще раз.

— Нет, это нечестно! Я слишком горд, чтобы принять твои деньги. Позволь мне предложить другое решение проблемы. Наверху в храме остался мой мешок с терциями и еще один мешок, с леденцами. Возможно, ты захочешь подкрепиться, когда мы продолжим игру. Давай пойдем туда и принесем их, а потом я докажу тебе, что те твои выигрыши были случайными!

Пульсифер высунулся как можно дальше, чтобы взглянуть на лицо Фампоуна.

— Кажется, он вполне спокоен, хотя в животе у него бурчит от голода.

— Он спит так же крепко, как и всегда, — объявил Кугель. — Надо спешить. Если он проснется, нам придется закончить игру.

Пульсифер заколебался.

— А что будет с золотом Фампоуна? Не можем

же мы бросить его здесь без присмотра!

— Мы возьмем его с собой и глаз с него не спустим.

— Замечательно; ставь его сюда, на помост.

— Вот так, я готов. А как мы поднимемся наверх?

— Просто нажми вон ту серую кнопку рядом с ручкой кресла, только, пожалуйста, без лишнего шума. Фампоун вполне может впасть в ярость, если проснется в незнакомой обстановке.

— Да он никогда не спал более безмятежно! Поднимаемся!

Кугель нажал кнопку; помост задрожал, заскрипел и поплыл вверх по темной шахте, открывшейся перед ним. Через некоторое время они прорвались через клапан сдерживающего вещества, сквозь которое Кугелю пришлось пройти, когда он скатывался вниз по желобу.

Через некоторое время в шахту просочился проблеск красного света, и через миг помост остановился вровень с алтарем в Храме Фампоуна.

— Так, а теперь мне нужно найти мой мешок с деньгами, — сказал Кугель. — Только где же я его оставил? Думаю, как раз вон там. Смотри! Через эти арки можно разглядеть главную площадь Лумарта, а это — Добрый Народ, занятый

своими обычными делами. Что ты обо всем этом думаешь?

— Очень интересно, хотя мне и не приходилось видеть такие огромные пространства. На самом деле у меня почти кружится голова. А откуда идет этот мерзкий красный свет?

— Это свет нашего древнего солнца, которое сейчас как раз заходит.

— Оно мне не нравится. Пожалуйста, поскорее заканчивай со своими делами; мне что-то очень не по себе.

— Я поспешу, — заверил его Кугель.

Солнце, опускаясь к горизонту, послало сквозь открытую дверь прощальный луч, ярким бликом заигравший на алтаре. Кугель, быстро шагнув к креслу Фампоуна, сорвал ставни, прикрывавшие глаза великана, и молочно-белые шары заблестели в солнечном свете.

Еще миг Фампоун был спокоен; затем его мышцы забугрились, ноги задергались, рот широко раскрылся, и он разразился оглушительными воплями, отчего Пульсифер вылетел вперед и заколыхался, точно флаг на ветру. Фампоун ринулся прочь с алтаря, завалился и принялся кататься по полу храма, ни на минуту не прекращая своих жутких криков. Затем он поднялся и,

топоча по каменному полу своими огромными ногами, начал метаться по залу, пока наконец не проломил каменные стены с такой легкостью, словно они были бумажными. Добрый Народ на площади застыл в оцепенении.

Кугель, прихватив оба мешка с золотом, через боковую дверь вышел из храма. Он немного посмотрел, как Фампоун носится по площади, крича и закрываясь от солнца. Пульсифер, отчаянно вцепившись в его клыки, пытался управлять взбесившимся демоном, который, не обращая внимания на препятствия, несся по городу на восток, вытаптывая деревья и прорываясь сквозь дома, как будто их и не было вовсе.

Кугель проворно направился к реке Иск и отыскал там пристань. Он выбрал ялик подходящих размеров, на котором были установлены мачта, парус и весла, и приготовился забраться на него, когда увидел, что по реке к пристани плывет лодка. Полный мужчина в изорванной одежде яростно работал веслами. Кугель отвернулся, пытаясь изобразить не более чём случайный интерес, чтобы без помех и не привлекая лишнего внимания сесть в ялик.

Лодка причалила к пристани; гребец начал подниматься по лестнице.

Кугель продолжал смотреть на воду, притворяясь полностью безразличным ко всему, кроме вида на реку.

Мужчина, задыхаясь и хрипя, внезапно остановился. Кугель ощутил на себе его пристальный взгляд и, обернувшись, обнаружил, что смотрит в налитое кровью лицо Хуруски, запрещателя Гундара, его почти до неузнаваемости обезобразили укусы насекомых, которым Хуруска подвергся, проплывая мимо Топи Лалло.

Хуруска долгим тяжелым взглядом уставился на Кугеля.

— Какая приятная встреча! — хрипло прорычал он. — А я боялся, что мы больше никогда не увидимся! Что в этих кожаных мешках? — Он вырвал сумку из рук Кугеля. — Судя по весу, золото. Твое пророчество целиком и полностью подтвердилось. Сначала почести и долгое путешествие по воде, а теперь богатство и месть! Готовься к смерти!

— Минуточку! — воскликнул Кугель. — Вы забыли как следует привязать лодку! Такое поведение противоречит правилам общественного порядка!

Хуруска обернулся, чтобы посмотреть, и Кугель сбросил его с причала в воду.

Ругаясь и неистовствуя, Хуруска поплыл к берегу, в то время как Кугель отчаянно пытался распутать узлы на швартовочном тросе ялика. Наконец веревка поддалась; Кугель подтянул ялик ближе, но в этот самый момент на причале показался приготовившийся к бою, точно бык, Хуруска. Кугелю не осталось ничего другого, как бросить мешок с золотом, прыгнуть в ялик, оттолкнуться от берега и налечь на весла, оставив Хуруску в ярости потрясать кулаками на берегу.

Кугель печально поднял парус; ветер понес его вниз по реке, вдоль излучины. Последнее, что в угасающем свете дня увидел Кугель, оглянувшись назад, на Лумарт, были низкие блестящие купола храмов пяти демонов и темный силуэт Хуруски, стоящего на причале. Издалека все еще доносились яростные вопли Фампоуна, время от времени перемежаемые грохотом падающих стен.

Глава вторая
Мешок снов

За Лумартом река Иск, петляя по Равнине Красных Цветов, несла свои воды к югу. Семь безмятежных дней Кугель плыл в своем ялике

по полноводной реке, останавливаясь на ночь на том или ином прибрежном постоялом дворе.

На седьмой день река повернула на запад и, все так же причудливо петляя, по плесам потекла через край скалистых пиков и лесистых холмов, носивший название Чейм-Пурпур. Ветер дул, если вообще дул, непредсказуемыми порывами, и Кугель, опустив парус, отдался на волю течения, время от времени лишь выравнивая свою лодку несколькими ударами весел.

Равнинные деревеньки остались позади; местность была необитаемой. Видя разрушенные надгробия, тянущиеся вдоль берега, кипарисовые и тисовые рощи, а также слыша тихие разговоры, доносившиеся до него по ночам, Кугель благодарил судьбу за то, что путешествует на лодке, а не пешком, и, благополучно миновав Чейм-Пурпур, вздохнул с огромным облегчением.

У городка Трун река впадала в Тсомбольское болото, и Кугель продал свой ялик за десять терциев. Чтобы поправить свои денежные дела, он нанялся в помощники к городскому мяснику, выполняя самые неприятные работы, присущие этому ремеслу. Плата, однако, была достойной, и Кугель скрепя сердце исполнял свои малопочтенные обязанности. Он так хорошо работал, что его

пригласили на подготовку пира, устраиваемого в честь важного религиозного праздника.

По недосмотру или же под давлением обстоятельств Кугель пустил на свое фирменное рагу двух священных быков. В самый разгар торжественного обеда ошибка раскрылась, и Кугелю снова пришлось покинуть город, поскольку над его головой опять сгустились тучи. Он провел ночь, спрятавшись на бойне, чтобы избежать впавшей в неистовство толпы, и на следующее утро пустился в путь по Тсомбольскому болоту со всей скоростью, на которую был способен.

Дорога петляла, огибая топкие места и стоячие пруды, повторяя изгибы древнего тракта, в два раза удлиняя путь. Северный ветер разогнал все облака, так что пейзаж предстал глазам Кугеля с замечательной ясностью. Тот, однако, без особого удовольствия созерцал открывающиеся ему виды, в особенности, когда, глядя вперед, заметил вдали парящего по ветру пельграна.

День шел своим чередом, ветер утих, и на болоте воцарилась неестественная тишина. Из-за кочек, обращаясь к Кугелю нежными и печальными девичьими голосами, кричали кикиморы:

— Кугель, а Кугель! Отчего ты так спешишь? Приходи в мое жилище и расчеши мои чудесные

волосы!

— Кугель, милый Кугель! День близится к закату; год подходит к концу. Приходи ко мне за кочку, и мы утешим друг друга безо всяких помех!

Но Кугель лишь зашагал быстрее, с одним желанием — найти приют на ночь.

Когда солнце затрепетало на краю Тсомбольского болота, Кугель наткнулся на небольшой трактир, стоящий в сени пяти вековых дубов. Кугель с удовольствием остановился на ночлег, и трактирщик подал ему отменный ужин из тушеной зелени, жаренных на вертеле перепелов, кекса с тмином и густого лопухового пива.

Пока Кугель насыщался, трактирщик стоял рядом с ним, подбоченившись.

— По вашему поведению я вижу, что вы джентльмен высокого полета, хотя и бредете по Тсомбольскому болоту пешком, точно какой-то простолюдин. Я поражен таким несоответствием.

— О, этому есть очень простое объяснение, — беспечно отмахнулся Кугель. — Я считаю себя единственным честным человеком в этом мире негодяев и мошенников. Присутствующие, разумеется, не в счет. В таких условиях трудно разбогатеть.

Трактирщик почесал в голове и ушел. Когда он появился снова, чтобы подать Кугелю смородиновый пирог на десерт, то задержался и сказал:

— Ваши трудности возбудили во мне сочувствие. Я обдумаю этот вопрос.

Трактирщик сдержал свое слово. Утром, после того, как Кугель закончил завтракать, хозяин повел его на конюшню и показал большого мышастого скакуна с мощными задними ногами и всклокоченным хвостом, уже взнузданного и оседланного.

— По крайней мере, это я могу для вас сделать, — сказал трактирщик. — Я продам вам его за чисто символическую цену. Согласен, он не слишком изящен, и на самом деле это помесь донжа и фелухария. Зато он очень легок на ногу, питается недорогими помоями, а еще славится своей непоколебимой преданностью.

Кугель вежливо отказался.

— Я очень ценю ваш альтруизм, но за такое создание любая цена покажется непомерно высокой. Посмотрите на эти болячки у основания хвоста, на экзему вдоль спины. К тому же, если я не ошибаюсь, у него недостает глаза! Да и запах у него… Фу!

— Пустяки! — решительно воскликнул трак-

тирщик. — Вам нужен надежный скакун, который повезет вас по Равнине Стоячих Камней, или объект для удовлетворения вашего тщеславия? Это животное станет вашим всего-то за тридцать терциев.

Кугель в шоке отскочил.

— Это когда чистокровный Камбалезский вериот продается за двадцать? Милейший, ваша щедрость превышает размеры моего кошелька!

На лице трактирщика было написано лишь безграничное терпение.

— Здесь, в сердце Томбольского болота, вы не купите даже запаха дохлого вериота.

— Давайте оставим эвфемизмы, — сказал Кугель. — Ваша цена — просто грабительство.

Лицо трактирщика на миг утратило доброжелательное выражение, и он проворчал:

— Ну, надо же, буквально все, кому я продаю эту скотину, так и норовят воспользоваться моей добротой.

Это замечание очень удивило Кугеля. Тем не менее, чувствуя неуверенность хозяина, он продолжал упорствовать.

— Несмотря на дюжину недостатков, я предлагаю вам щедрую цену — двенадцать терциев.

— По рукам! — воскликнул трактирщик еще до

того, как Кугель закончил говорить. — Еще раз повторяю, вы найдете этого скакуна абсолютно преданным, даже сверх ваших ожиданий.

Кугель заплатил двенадцать терциев и осторожно взобрался на свое приобретение. Хозяин любезно попрощался с ним:

— Желаю вам безопасного и приятного путешествия!

Кугель ответил ему в тон:

— Желаю вашему заведению процветания!

Желая отбыть со всей возможной эффектностью, Кугель попытался заставить животное подняться и обернуться кругом, но оно просто присело, а затем потрусило по дороге.

Кугель с комфортом проскакал одну милю, затем другую и в конце концов решил, что доволен своей покупкой.

— Замечательно, а теперь посмотрим, сможет ли он бежать с большей скоростью.

Кугель ударил каблуками вздымающиеся бока животного.

— А ну, живей! Проверим-ка твою выносливость!

Скакун энергично бросился вперед, так, что плащ Кугеля, хлопая, развевался у него за плечами.

У поворота дороги показался толстый мрачный дуб, который скакун, по всей видимости, принял за дорожную веху. Он ускорил свой галоп, но лишь затем, чтобы, задрав задние ноги, сбросить Кугеля в яму.

Когда ему наконец удалось выбраться назад на дорогу, он обнаружил, что животное во всю прыть скачет по болоту в направлении трактира.

— Вот уж действительно преданное создание! — проворчал Кугель. — Оно непоколебимо верно уюту своего стойла!

Он отыскал свою зеленую бархатную шляпу, натянул ее на голову и вновь побрел по дороге на юг.

В конце дня Кугель подошел к селению, состоявшему из дюжины глинобитных хижин, населенных приземистыми длиннорукими людьми, отличающимися огромными копнами выбеленных известкой волос.

Кугель оценил высоту солнца, изучил лежащую перед ним местность, простиравшуюся, на сколько хватало глаз, унылой чередой поросших травой кочек и прудов. Отбросив все сомнения, он подошел к самой большой и нарядной хижине.

Хозяин дома сидел в стороне на скамеечке, намазывая известкой волосы одного из своих

многочисленных чад так, что они блестящими пучками торчали в разные стороны, напоминая лепестки белой хризантемы, а неподалеку другие его отпрыски играли в грязи.

— Добрый день, — поздоровался Кугель. — Не могли бы вы предоставить мне пищу и кров на ночь? Естественно, я щедро заплачу за это.

— Почту за честь, — ответил хозяин. — Это самое просторное жилище в Самсетиске, а я известен своим неистощимым запасом анекдотов. Не хотите ли осмотреть помещение?

— Я хотел бы часок отдохнуть в своей комнате, перед тем как понежиться в горячей ванне.

Хозяин раздул щеки и, вытирая руки от известки, провел Кугеля в хижину. Указав на кучу камышовых стеблей в углу комнаты, он сказал:

— Вот ваша постель; можете отдыхать, сколько захотите. Что же касается ванны, в прудах на болоте кишмя кишат трелкоиды и пиявки, и я не советую вам купаться в такой воде.

— В таком случае придется обойтись без ванны, — вздохнул Кугель. — Однако у меня с самого утра во рту маковой росинки не было, и я хотел бы как можно скорее поужинать.

— Моя жена пошла на болото проверять силки, — сказал хозяин. — Опрометчиво обсуждать

ужин до тех пор, пока мы не узнаем, что ей удалось поймать.

В положенное время женщина вернулась с мешком и плетеной корзиной в руках. Она разожгла очаг и начала готовить еду, а Эрвиг, хозяин, тем временем вытащил двухструнную гитару и принялся развлекать Кугеля местными балладами.

Наконец хозяйка позвала Кугеля и Эрвига в хижину, где уже были расставлены миски с жидкой кашей, блюда с жареным мхом и ганионами и ломти черствого черного хлеба.

После ужина Эрвиг вытолкал супругу и детей прочь из хижины, прямо в ночь, объяснив:

— То, о чем мы будем говорить, не для непосвященных ушей. Кугель — важный путешественник, и он не хочет следить за каждым своим словом.

Принеся небольшой глиняный кувшин, Эрвиг разлил арак в две рюмки, одну из которых поставил перед Кугелем, и начал разговор.

— Откуда вы идете и куда направляетесь?

Кугель пригубил арак, и всю его глотку мгновенно охватило пламя.

— Я родом из Альмери, куда сейчас и возвращаюсь.

Эрвиг озадаченно почесал голову.

— Удивляюсь, зачем вы так далеко забрались лишь затем, чтобы пройти назад той же дорогой.

— Мои враги сыграли со мной злую шутку, — объяснил Кугель. — Но когда вернусь, я достойно им отомщу!

— Такие деяния как никакие другие умиротворяют дух, — согласился Эрвиг. — Но ближайшая помеха вашим планам — Равнина Стоячих Камней, по причине азмов, которые обитают в этом краю. Могу также добавить, что и пельгранов здесь хватает.

Кугель нервозно погладил рукоятку своего меча.

— Какова протяженность Равнины Стоячих Камней?

— В четырех милях к югу земля повышается, и начинается Равнина. Тропа идет от сарсена[9] к сарсену, и так — пятнадцать миль. Выносливый путешественник может пересечь равнину за четыре-пять часов, при условии, что его ничто не задержит и никто не сожрет. Город Кёрниф

---

[9] Примечания: 9

Сарсен — термин, используемый в юго-западной части Британии для обозначения продолговатых плит из песчаника, воздвигнутых вертикально кельтами, по одному или группами. Они считаются фаллическими монументами и, предположительно, служили местами для проведения кельтских ритуалов.

находится еще в двух часах пути от равнины.

— Дюйм предвидения стоит десяти миль запоздалого сожаления…

— Метко сказано! — воскликнул Эрвиг, отхлебнув глоток арака. — Точь-в-точь мое собственное мнение. Кугель, вы мудры!

— И могу я в этом смысле узнать ваше мнение о Кёрнифе?

— Ну, тамошний народ во многих отношениях странный, — сказал Эрвиг. — Они кичатся своими аристократическими обычаями, но не белят волос, да и религию не слишком чтут. Например, они кланяются богу Виулио с правой рукой не на ягодице, а на животе, что мы здесь считаем отвратительной привычкой. А вы как думаете?

— Церемония должна проводиться в точности так, как вы описываете, — сказал Кугель, — Никакой другой метод не подходит.

Эрвиг вновь наполнил рюмку Кугеля.

— Я считаю это существенной поддержкой наших взглядов!

Дверь приоткрылась, и в хижину робко заглянула жена Эрвига.

— Там темно, с севера дует сильный ветер, а на краю болота рыщет черный зверь.

— Стойте в темноте; Виулио защитит тех, кто

ему поклоняется. Совершенно недопустимо, чтобы ты и твои шалопаи докучали нашему гостю.

Женщина нехотя закрыла дверь и вернулась в темноту. Эрвиг подвинулся ближе на своем стуле и отхлебнул еще арака.

— Народ Кёрнифа, скажу я вам, довольно чудной, но их правитель, герцог Орбаль, во всем их превосходит. Он с головой ушел в изучение всяких чудес, и любого захудалого волшебника, который и двух заклинаний-то запомнить не в состоянии, в его столице превозносят до небес и носятся с ним как с писаной торбой.

— Очень странно! — заявил Кугель.

Вновь открылась дверь, и женщина заглянула в дом. Эрвиг поставил свой стакан и нахмурился через плечо.

— Ну, что теперь?

— Зверь уже бродит у хижин. А вдруг он тоже почитает Виулио?

Эрвиг попробовал возразить, но лицо женщины приняло упрямое выражение.

— Твой гость с тем же успехом может отбросить свою щепетильность сейчас, как и потом, ведь нам все равно придется спать всем вместе на куче камыша.

Она распахнула дверь и приказала своим чадам

заходить в дом. Эрвиг, понявший, что продолжить беседу не удастся, бросился на камышовое ложе, и вскоре Кугель последовал его примеру.

С утра Кугель перекусил пирогом из золы с травяным чаем и приготовился отправиться в путь. Эрвиг пошел провожать его.

— Ты произвел на меня благоприятное впечатление, и я помогу тебе пройти по Равнине Стоячих Камней. При первой же возможности подбери булыжник размером со свой кулак и нацарапай на нем тройной знак. Если на тебя нападут, подними булыжник и кричи: «Прочь! У меня священный предмет!» У первого сарсена положи камень и выбери из кучи другой, снова сделай знак и неси камень до второго сарсена, и так далее, пока не перейдешь равнину.

— Все ясно, — сказал Кугель. — Но, возможно, ты покажешь мне наиболее могущественный вид знака, чтобы освежить мою память.

Эрвиг начертил в грязи рисунок.

— Просто, точно, верно! В Кёрнифе пропускают этот круг и царапают как бог на душу положит.

— Опять расхлябанность! — покачал головой Кугель.

— Ну что, Кугель, прощай! Когда в следующий раз будешь в наших краях, можешь рассчиты-

вать на мою хижину! А у моего кувшина с араком крышка никогда не закрывается!

— Я не упустил бы такую возможность даже за тысячу терциев! — заверил его Кугель. — А теперь, что касается моей задолженности…

Эрвиг поднял руку.

— Я не беру денег с моих гостей. — Тут он дернулся и вытаращил глаза, потому что его жена, незаметно подойдя к нему, наградила его чувствительным тычком в ребра. — Ну ладно. Дай этой курице пару терциев; это приободрит ее.

Кугель отдал женщине целых пять терциев, к ее огромной радости, и покинул деревню.

Через четыре мили дорога пошла вверх, выйдя на серую равнину, утыканную там и сям двенадцатифутовыми колоннами из серого камня. Кугель отыскал большой булыжник и, поместив правую руку на свой зад, почтительно поприветствовал его. Затем он нацарапал на камне знак, несколько схожий с тем, который показал ему Эрвиг, и начал речитативом приговаривать:

— Я представляю этот булыжник вниманию Виулио! Требую, чтобы он защитил меня на моем пути по этой зловещей равнине!

Он внимательно оглядел местность, но не нашел ничего заслуживающего внимания, за

исключением безмолвных сарсенов и длинных черных теней, отбрасываемых ими в лучах красного солнца, и с облегчением зашагал по дороге.

Он прошел не больше сотни ярдов, когда вдруг ощутил чье-то присутствие, и, обернувшись, обнаружил почти у себя за спиной восьмиклыкового азма. Кугель поднял свой булыжник и крикнул:

— Марш отсюда! Я несу священный предмет, поэтому не смей досаждать мне!

— Неправда! — издевательски промурлыкал азм. — У тебя в руках самый обыкновенный булыжник. Я видел, как ты чертил знак. Так вот — ты схалтурил. Беги, если хочешь! Я хочу поразмяться.

Азм наступал. Кугель что было сил запустил в него камнем, попав точно между двумя мохнатыми щупальцами на черном лбу. Азм рухнул как подкошенный; прежде чем он сумел встать на ноги, Кугель отрубил ему голову.

Он пошел дальше, потом вернулся и поднял булыжник.

— Кто знает, чья рука так точно направила этот бросок? Виулио заслуживает второй попытки.

У первого сарсена он поменял камень, как и советовал Эрвиг. В этот раз он постарался

нацарапать тройной знак со всей возможной тщательностью и точностью.

До следующего сарсена он дошел без каких-либо помех.

Солнце добралось до зенита, немного задержалось там, а затем начало спуск к западу. Никем не преследуемый, Кугель переходил от сарсена к сарсену. Несколько раз он замечал парящего по небу пельграна и каждый раз бросался навзничь, чтобы остаться незамеченным.

Равнина Стоячих Камней оканчивалась у края обрыва, выходящего на широкую долину. Видя так близко конец своего опасного пути, Кугель несколько утратил бдительность, и тут же с небес раздался торжествующий вопль. Кугель метнул через плечо перепуганный взгляд и прыгнул через край обрыва в овраг, где забился в укромное местечко между большими валунами.

Пельгран спикировал вниз мимо убежища Кугеля. Издав торжествующую трель, он приземлился на дне оврага, откуда мгновенно донеслись чьи-то крики и брань.

Стараясь остаться незамеченным, Кугель спустился по склону, обнаружив, что пельгран преследует новую жертву — полного черноволосого мужчину в костюме в черно-белую клетку.

Тот наконец сообразил укрыться за толстым стволом олофара, а пельгран и так, и этак пытался до него добраться, щелкая клыками и хватая воздух когтистыми лапами.

При всей своей полноте мужчина проявлял замечательное проворство, и пельгран начал недовольно кричать. Он прекратил вглядываться в листву и клацать своей длинной пастью.

Поддавшись необъяснимому импульсу, Кугель прокрался на выступающую скалу; затем, улучив момент, прыгнул обеими ногами на голову чудища, уткнув ее в ветви олофара. Он закричал пораженному мужчине:

— Быстрее! Несите толстую веревку! Мы привяжем это крылатое страшилище!

Толстяк в клетчатом закричал ему в ответ:

— К чему проявлять жалость? Надо немедленно его прикончить! Уберите ногу, чтобы я мог отрубить ему голову.

— Эй, полегче, — охладил его пыл Кугель. — Несмотря на все его недостатки, это ценный экземпляр, за который я надеюсь выручить хорошую сумму.

— Хорошую сумму? — Такая идея не приходила в голову пухлому господину. — Эй, я хочу первым заявить свои права на него! Я уже почти оглушил

его, когда появились вы!

— Отлично, в таком случае я слезаю с его шеи и удаляюсь.

Клетчатый раздраженно замахал руками:

— Ну надо же, на какие крайности некоторые способны пойти лишь для того, чтобы победить в чисто риторическом споре! Тогда держите крепче! У меня есть подходящая веревка, вон там.

Они вместе опустили ветку на шею пельграну и надежно привязали ее. Толстый господин, который назвался Йоло — Собирателем Снов, спросил:

— А в какую конкретно сумму вы оцениваете это ужасающее создание, и почему?

— До меня дошли сведения, — сказал Кугель, — что Орбаль, Герцог Омбаликский, большой любитель всяческих диковин. Он непременно заплатит мне за такое чудище, возможно даже, сотню терциев.

— Звучит разумно, — признал Йоло. — А вы уверены, что он надежно связан?

Кугель поспешил проверить крепость веревок и в этот момент заметил украшение в виде голубого стеклянного яйца на золотой цепочке, прикрепленной к гребню этого существа. Однако стоило ему только снять украшение, как к нему

тут же протянулась рука Йоло, но Кугель плечом отпихнул его. Он отцепил амулет, но Йоло ухватился за цепочку, и двое впились друг в друга глазами.

— Немедленно отпустите мою собственность, — ледяным голосом проговорил Кугель.

— Вещица моя, поскольку я заметил ее первым, — горячо возразил Йоло.

— Чушь! Я снял ее с гребня, а вы попытались вырвать ее у меня из рук.

Йоло топнул ногой.

— Я не позволю обойти себя! — Он попытался силой вырвать голубое яйцо из рук Кугеля. Тот разжал кулак, и амулет упал на склон холма, разбившись с ярко-голубым взрывом, сделавшим в склоне яму. В тот же миг из ямы протянулось золотисто-серое щупальце и ухватило Кугеля за ногу.

Йоло отскочил и с безопасного расстояния наблюдал за попытками Кугеля сопротивляться щупальцу, затягивавшему его в яму. В последний момент ему удалось спастись, вцепившись в пень. Он отчаянно закричал:

— Йоло, скорее! Неси веревку и привяжи щупальце к этому пню, иначе оно утащит меня внутрь холма!

Йоло сложил руки и проговорил размеренным голосом:

— Аварис послал тебе это испытание. Это может быть божьей карой, и я отказываюсь вмешиваться.

— Что? И это когда ты зубами и когтями пытался вырвать эту штуку у меня из рук?

Йоло нахмурился и поджал губы.

— В любом случае, у меня только одна веревка: та, которой связан мой пельгран.

— Убей пельграна! — прохрипел Кугель. — Веревка нужна для более важного дела!

— Ты сам оценил пельграна в сто терциев. А веревка стоит еще десять.

— Отлично! — прошипел Кугель. — Десять терциев за веревку, но сотню за пельграна я заплатить не смогу, поскольку у меня с собой только сорок пять.

— Так уж и быть. Давай сюда твои сорок пять терциев. А какие гарантии ты можешь предложить на оставшиеся пятьдесят пять?

Кугель ухитрился вытащить свой кошелек. Там обнаружилась опаловая серьга, которую Йоло немедленно пожелал получить, но Кугель отказался отдавать ее до тех пор, пока щупальце не будет привязано к пню.

С тяжелым сердцем Йоло отрубил пельграну голову, принес веревку и привязал щупальце, ослабив тем самым нагрузку на ногу Кугеля.

— Серьгу, пожалуйста! — сказал толстяк, приставив нож к самой веревке.

Кугель вытащил украшение.

— Получи! Это все, что у меня было. А теперь, пожалуйста, освободи меня от этого щупальца.

— Я — человек осторожный, — сказал Йоло. — Я должен обдумать этот вопрос со всех сторон.

И он принялся разбивать лагерь для ночлега.

Кугель печально попытался воззвать к его совести:

— Помнишь, как я спас тебя от пельграна?

— Конечно, помню! Тем самым ты поднял философский вопрос. Ты нарушил равновесие, а теперь в твою ногу вцепилось щупальце, что в каком-то смысле является новым равновесием. Я тщательно обдумаю этот вопрос.

Все увещевания Кугеля ни к чему не привели. Йоло развел костер, приготовил овощное рагу с травами, которое тут же и съел, закусив его половинкой холодного цыпленка и запив вином из кожаной фляги.

Откинувшись назад, опираясь на дерево, он наконец обратил внимание на Кугеля.

— Ты, вне всякого сомнения, идешь на Великую Выставку Чудес герцога Орбаля?

— Я всего лишь путешественник, не больше, — скромно ответил Кугель. — А что это за «Великая Выставка»?

Пораженный глупостью Кугеля, Йоло бросил на него жалостливый взгляд.

— Каждый год герцог Орбаль председательствует на состязании чудотворцев. В этом году призом будет тысяча терциев, которую я намереваюсь выиграть с моим «мешком снов».

— Я предполагаю, что твой «мешок снов» — просто шутка или что-то вроде романтической метафоры?

— Ничего подобного! — высокомерно заявил Йоло.

— Калейдоскопическое отображение? Программа подражаний? Галлюцинаторный газ?

— А вот и нет! У меня с собой множество подлинных сновидений, объединенных вместе и кристаллизованных.

Йоло вытащил из своей сумки мешок из мягкой коричневой кожи, откуда извлек предмет, напоминающий бледно-голубую снежинку диаметром в дюйм. Он поднес ее к огню, чтобы продемонстрировать Кугелю ее переливчатый

блеск.

— Я засыплю герцога Орбаля своими сновидениями, и тогда победа точно будет моей!

— Кажется, у тебя неплохие шансы. А как ты собираешь эти сны?

— Я держу процесс в секрете, но все-таки могу описать его тебе в общих чертах. Я живу у озера Лельт в стране Дай-Пассант. В тихие ночи на поверхности воды образуется пленка, в которой маленькими сияющими шариками отражаются звезды. Используя особое заклинание, я могу поднять неосязаемые нити, состоящие из чистейшего звездного света и водяной пряжи. Я сплетаю из этих нитей сети и с ними иду за сновидениями. Я прячусь под балдахинами и среди листвы, увивающей беседки в садах; я, скорчившись, караулю на крышах; я брожу по уснувшим домам. Я всегда готов поймать в свои сети плывущий мимо сон. Каждое утро я несу эти чудесные обрывки в свою лабораторию и там рассортировываю их и провожу над ними специальные процедуры. Через некоторое время я получаю кристалл из сотен слов, и вот этими-то крошками я и рассчитываю очаровать герцога Орбаля.

— Я принес бы тебе свои поздравления, если бы не это мерзкое щупальце, вцепившееся мне

в ногу.

— Это великодушное чувство, — похвалил его Йоло. Он подбросил в костер несколько поленьев, пробормотал охранное заклинание против ночных тварей и погрузился в сон.

Прошел час. Как только Кугель ни пытался хотя бы немного ослабить хватку щупальца, но все было напрасно. Не смог он также ни вытащить свой меч, ни достать «Фейерверк» из кармана.

Наконец он откинулся назад и стал искать новые подходы к решению своей проблемы. Вытянувшись и дотянувшись так далеко, как он только мог, Кугель добыл маленький прутик, которым подтащил поближе длинный сухой сук, позволивший ему достать и второй такой же. Связав их один с другим при помощи ремня от своей сумки, он получил шест точь-в-точь такой длины, чтобы дотянуться до лежащей фигуры Йоло.

Действуя очень осторожно, Кугель потащил к себе сумку Йоло, пока, наконец, она не оказалась в пределах досягаемости его пальцев. Первым делом он вытащил бумажник толстяка, в котором обнаружилось двести терциев, тут же перекочевавших в кошелек Кугеля; затем опаловую серьгу, которую он бросил в карман своей рубахи; потом мешок со снами.

В сумке больше не было ничего ценного, за исключением половинки холодного цыпленка, которую Йоло приберег себе на завтрак, и кожаной фляги с вином. Кугель отложил их в сторону. Затем он вернул сумку туда, откуда ее взял, отвязал друг от друга сучья и отбросил их прочь. Не придумав никакого лучшего тайника для мешка со снами, Кугель привязал к нему ремешок и опустил его в загадочную дыру. Он съел цыпленка и выпил вино, после чего постарался устроиться как можно удобнее.

Ночь тянулась медленно. Кугель слышал вдалеке жалобный зов ночного верезгуна и стоны шестиногого шамба.

В положенный час небо подернулось пурпурной дымкой и взошло солнце. Йоло поднялся, зевнул, расчесал пятерней свои взъерошенные волосы, раздул огонь и вежливо поприветствовал Кугеля:

— Ну, как прошла ночь?

— Настолько хорошо, как я и ожидал. В конце концов, бесполезно жаловаться на неизбежную реальность.

— Именно так. Я хорошенько обдумал твой случай и пришел к заключению, которое тебя обрадует. Вот мой план. Я пойду дальше, в Кёрниф,

и попытаюсь сбыть серьгу. После того, как твой долг будет погашен, я вернусь и отдам тебе то, что останется.

Кугель предложил альтернативный проект:

— Давай пойдем в Кёрниф вместе, тогда ты сможешь избежать неудобства возвращения назад.

Йоло покачал головой.

— Я отдам предпочтение своему плану. — Он подошел к сумке, чтобы вынуть из нее свой завтрак, и обнаружил пропажу. Издав горестный вопль, он взглянул на Кугеля.

— Мои терции, мои сны! Они пропали, все пропало! Как ты объяснишь причину?

— Очень просто. Приблизительно через четыре минуты после полуночи из леса вышел грабитель и унес содержимое твоей сумки.

Йоло обеими руками вцепился в свою бороду.

— Мои драгоценные сны! Почему ты не поднял тревогу?

Кугель почесал в голове.

— По правде говоря, я не осмеливался нарушить равновесие.

Иоло вскочил На ноги и во всех направлениях оглядел лес, затем повернулся к Кугелю.

— Что за человек был этот грабитель?

— В некоторых отношениях он показался мне

неплохим человеком; завладев твоим имуществом, он подарил мне половинку цыпленка и флягу вина, которыми я с благодарностью подкрепился.

— Ты съел мой завтрак!

— Но я же не знал, — пожал плечами Кугель, — и, на самом деле, я не просил его об этом. Мы немного поговорили, и я узнал, что он, как и мы, направляется в Кёрниф на Выставку Чудес.

— Ах, вот как! Ты узнаешь его, если увидишь еще раз?

— Несомненно.

Йоло мгновенно развил бурную деятельность.

— Так, давай поглядим на это щупальце. Возможно, нам удастся освободить тебя. — Он схватил кончик золотисто-серого отростка и, опоясавшись им, принялся отрывать его от ноги Кугеля. Несколько минут он, пыхтя, пытался сбить или приподнять щупальце, не обращая ни малейшего внимания на вопящего от боли Кугеля. Наконец щупальце ослабло, и Кугель отполз в безопасное место.

Йоло с величайшей осторожностью приблизился к дыре и заглянул в ее глубины.

— Я вижу лишь мерцание дальних огней. Здесь какая-то тайна!.. А что это за кусок ремня, кото-

рый свисает в дыру?

— Я привязал к ремню булыжник и попытался измерить глубину ямы, — объяснил Кугель. — Это ни к чему не привело.

Йоло потянул за ремень, который сперва поддался, потом застрял и оборвался, оставив Йоло беспомощно смотреть на изношенный конец.

— Странно! Ремень разъело, как будто он подвергся действию какого-то едкого вещества!

— В высшей степени странно! — согласился Кугель.

Йоло швырнул ремень обратно в дыру.

— Пойдем, нам нельзя терять ни минуты! Давай поспешим в Кёрниф и отыщем мерзавца, который украл мои ценности.

Дорога вышла из леса и пошла по краю полей и садов. Крестьяне пораженно смотрели вслед странной двоице: дородному Йоло в клетчатом костюме и тощему Кугелю в черном плаще, свисающем с костлявых плеч, и изящной темно-зеленой шляпе, несколько смягчавшей его мрачный облик.

По дороге Йоло задавал все новые и новые испытующие вопросы относительно грабителя. Кугель, казалось, утратил интерес к этой теме и давал двусмысленные, даже противоречивые,

ответы, отчего вопросы Йоло становились еще более испытующими.

Войдя в Кёрниф, Кугель заметил гостиницу, которая, казалось, была вполне удобной. Он сказал Йоло:

— Здесь наши пути расходятся, поскольку я намерен остановиться вон в той гостинице.

— В «Пяти филинах»? Да это же самая дорогая гостиница во всем Кёрнифе! Как ты заплатишь за постой?

— А главный приз на выставке разве не тысяча терциев? — самоуверенно отмахнулся Кугель.

— Разумеется, но какое чудо ты собираешься показать? Предупреждаю, герцог не церемонится с шарлатанами.

— Я не из тех, кто сразу раскрывает все свои карты, — сказал Кугель. — Пока предпочитаю все свои планы держать при себе.

— А как же грабитель? — закричал Йоло. — Разве мы не собирались обыскать Кёрниф вдоль и поперек?

— «Пять филинов» — место ничуть не хуже других, ведь грабитель наверняка наведается в общий зал, чтобы похвастаться своими деяниями и промотать твои терции на выпивку. А пока желаю тебе безопасных крыш и удобных

сновидений. — Кугель вежливо поклонился и распрощался с Йоло.

В «Пяти Филинах» Кугель выбрал подходящую комнату, где освежился и заказал себе нарядную одежду. Затем, направившись в общий зал, он неторопливо пообедал лучшими яствами, какие только могли предложить в гостинице.

Хозяин остановился узнать, все ли в порядке, и Кугель из-за своего стола похвалил его.

— Надо сказать, что к Кёрнифу, очевидно, благоволят сами стихии. Вид прекрасный, воздух бодрящий, а герцог Орбаль, как кажется, милостивый правитель.

Хозяин, хотя и несколько уклончиво, согласился.

— Как вы подметили, герцог Орбаль никогда не гневается, не бывает ни грубым, ни подозрительным, ни даже суровым, если только в своей мудрости он не считает это необходимым, и тогда в интересах справедливости он укрощает свою мягкость. Взгляните-ка на вершину вон того холма. Что вы видите?

— Пять труб или водонапорных башен, приблизительно тридцати ярдов в высоту и одного ярда диаметром.

— У вас зоркие глаза. В эти трубы бросают непо-

корных членов общества, вне зависимости от того, кто находится внизу и кого могут кинуть туда следующим. Следовательно, поскольку вы можете вступить с герцогом Орбалем в беседу или даже отважиться на благопристойную шутку, никогда не отказывайтесь выполнить его приказ. С преступниками, разумеется, разговор и вовсе короткий.

Кугель по привычке тревожно оглянулся через плечо.

— Ну, такие строгости едва ли применят ко мне, чужаку в этом городе.

Хозяин скептически хмыкнул.

— Предполагаю, что вы приехали сюда посмотреть на Выставку Чудес?

— Совершенно верно! Возможно, я даже попытаюсь сразиться за главный приз. Кстати, не порекомендуете ли вы мне заслуживающего доверия каретника?

— Конечно. — И хозяин выдал Кугелю исчерпывающие указания.

— И еще я хотел бы нанять артель сильных и усердных работников, — добавил Кугель. — Где я могу таких набрать?

Хозяин указал на запущенного вида таверну на другой стороне площади.

— Вся чернь собирается во дворе «Воющей собаки». Там вы сможете найти достаточно рабочих.

— Будьте так добры, пока я хожу к каретнику, пошлите туда мальчика, пусть наберет дюжину крепких парней.

— Как пожелаете.

У каретника Кугель нанял большую шестиколесную повозку и упряжку сильных фарлоков. Вернувшись вместе с повозкой к «Пяти филинам», он обнаружил ожидающую его там бригаду из двенадцати самых разнообразных персон, среди которых был один не только дряхлый, но вдобавок еще и одноногий. Другой, в стельку пьяный, отмахивался от каких-то воображаемых насекомых. Этих двоих Кугель тут же уволил. Кроме того, в бригаде оказался и Йоло — Собиратель Снов, уставившийся на Кугеля с величайшим подозрением.

— А ты, любезный, что делаешь в такой убогой компании? — поинтересовался Кугель.

— Я нанялся на работу, чтобы заработать себе на пропитание, — ответил тот. — Могу я спросить, как ты достал деньги, чтобы оплатить столько опытных работников? Кроме того, я вижу, что из твоего уха свисает тот самый камень, который еще прошлой ночью был моей собственностью!

— Это второй из пары, — сказал Кугель. — Как ты знаешь, грабитель унес первый вместе с остальными твоими вещами.

Йоло презрительно скривил губы.

— Я более чем когда-либо жажду встретить этого благородного грабителя, который взял мой камень, но твой оставил тебе.

— Он был действительно замечательным человеком. Мне кажется, я заметил его не более часа назад. Он выезжал из города.

Йоло снова скорчил презрительную гримасу.

— А что ты намереваешься делать с этой повозкой?

— Если ты собираешься заработать, то сам скоро все узнаешь.

Кугель погнал повозку с рабочими из Кёрнифа по дороге, ведущей к загадочной дыре в склоне холма, где нашел все совершенно таким же, каким он его покинул. Он приказал прорыть в склоне канавы и установить подъемный блок; затем глыбу земли вместе с дырой, пнем и щупальцем вытянули и водрузили на повозку.

В середине работы поведение Йоло изменилось. Он начал раздавать рабочим приказы и сердечно обратился к Кугелю:

— Замечательная идея, Кугель! Мы отлично

заработаем!

— Я действительно надеюсь выиграть главный приз, — поднял брови Кугель. — А вот твой заработок будет сравнительно скромным, даже скудным, если ты не будешь пошевеливаться!

— Что? — разбушевался Йоло. — Ты же не станешь возражать, что половина этой ямы принадлежит мне!

— Еще как стану. Больше ни слова об этом, а не то я уволю тебя в два счета!

Пыхтя и брюзжа, Йоло вернулся к работе. Через некоторое время Кугель привез глыбу земли с дыркой, пнем и щупальцем обратно в Кёрниф. По пути он приобрел старое брезентовое полотнище, которым накрыл дыру, чтобы усилить возможный эффект своего шоу.

У Великой Выставки Кугель перетащил свой экспонат из вагона в шатер, после чего расплатился со своими людьми, к жестокому разочарованию тех, кто питал неумеренные надежды.

— Я достаточно вам заплатил! — отмахнулся от недовольных Кугель. — Даже если бы вы получили в десять раз больше, все равно все до последнего терции очутились бы в кассе «Воющей собаки».

— Минуточку! — воскликнул Йоло. — Мы с

тобой должны прийти к согласию!

Кугель просто запрыгнул на повозку и погнал ее назад к гостинице. Несколько человек попытались пуститься за ним в погоню, другие начали кидать вслед камни, но все было напрасно.

На следующий день трубы и горны возвестили официальное открытие выставки. На площадь прибыл герцог Орбаль в роскошной мантии из лилового плюша, украшенной белыми перьями, и в шляпе из бледно-голубого вельвета, диаметром в три фута, с серебряными кистями вокруг полей и кокардой из серебряного пуха.

Взобравшись на трибуну, герцог Орбаль обратился к толпе:

— Как все вы знаете, меня считают эксцентричным человеком, причиной чему моя любовь к чудесам и диковинам, но в конце концов, когда предрассудок проанализирован, продолжает ли он казаться столь же нелепым? Оглянитесь назад, в глубины веков; вспомните времена Вапуриалов, Зеленую и Пурпурную Коллегии, могущественных волшебников, к которым мы относим Амберлена, второго Чидуля Порфиринкосского, Морреона, Каланктуса Смирного и, конечно же, Великого Фандааля. Это были времена могущества, и вряд ли они вновь вернутся к

нам, разве что в ностальгических воспоминаниях. Объявляю открытой мою Великую Выставку Чудес, хотя бы она и была лишь бледным воспоминанием о былых временах.

И все же, как я вижу в своем списке, у нас сегодня весьма возбуждающая программа, и мне, несомненно, нелегко будет присудить главный приз.

Герцог Орбаль заглянул в шпаргалку.

— Мы осмотрим «Летучий эскадрон» Царафлама, «Невероятных музыкантов» Баззарда, «Справочник универсальных знаний» Заллопса. Йоло раскроет свой «Мешок снов», и, наконец, Кугель представит нашему восторженному вниманию то, чему он дал манящее название «Нигде». В высшей степени соблазнительная программа! А теперь без дальнейшей помпы мы приступим к рассмотрению «Летучих эскадронов» Царафлама.

Вокруг первого шатра забурлила возбужденная толпа, и Царафлам продемонстрировал свой «Летучий эскадрон»: процессию тараканов, облаченных в элегантную красную, белую и черную униформу. Сержанты размахивали саблями; пехотинцы несли мушкеты; эскадрон маршировал и контрмаршировал в причудливом порядке.

— Стой! — гаркнул Царафлам.

Тараканы резко остановились.

— На караул!

Тараканы повиновались.

— Салют в честь герцога Орбаля!

Сержанты взмахнули своими саблями; пехотинцы подняли мушкеты, из которых показались крошечные клубы белого дыма.

— Превосходно! — объявил герцог Орбаль. — Царафлам, я хвалю твою доскональную точность!

— Тысяча благодарностей, ваша Светлость! Я выиграл главный приз?

— Ну, еще слишком рано строить предположения. А теперь к Баззарду с его «Невероятными музыкантами»!

Зрители хлынули ко второму шатру, где через некоторое время появился убитый горем Баззард.

— Ваша Светлость и благородные жители Кёрнифа! Моими «Невероятными музыкантами» были рыбы из Кантикского моря, и я был уверен, что выиграю главный приз, когда привез их в Кёрниф. Однако этой ночью аквариум треснул, и вся вода вытекла. Рыбы умерли, а их музыка навсегда потеряна! Но я все-таки хочу бороться за приз, и поэтому я воспроизведу для вас музыку

моей бывшей труппы. Пожалуйста, оценивайте музыку, исходя из этих фактов.

Герцог Орбаль решительно взмахнул рукой.

— Невозможно. Экспонат Баззарда таким образом объявляется недействительным. А мы переходим к Заллопсу и его замечательному «Справочнику».

Заллопс вышел из своего шатра.

— Ваша Светлость, дамы и господа Кёрнифа! Мое выступление на этой выставке поистине уникально; однако, в отличие от Царафлама и Баззарда, мне не принадлежит честь собственноручного создания этой уникальной вещи. По профессии я грабитель древних гробниц; в нашем деле риск велик, а прибыли почти никакой. По очень счастливой случайности мне довелось набрести на тот склеп, в котором несколько эпох назад был погребен колдун Зинкзин. Из этой темницы я и освободил тот фолиант, который сейчас представляю вашим изумленным взорам.

Заллопс сорвал покрывало, обнажив огромную книгу в черном кожаном переплете.

— По приказу эта книга раскрывает всевозможные сведения; ей известно все до мельчайших подробностей, с тех времен, когда впервые зажглись звезды, до настоящего момента. Спра-

шивайте, и получите ответ на все ваши вопросы.

— Замечательно! — возвестил герцог Орбаль. — Покажи нам Утраченную Оду Псайрма!

— Непременно, — скрипучим голосом ответила книга. Обложка раскрылась, обнаружив страницу, покрытую вязью неразборчивых значков.

Герцог Орбаль озадаченно пробормотал:

— Это выше моего понимания; ты могла бы показать и перевод.

— Требование отклонено, — отрезала книга. — Такая поэзия чересчур сладкозвучна для посредственных слушателей.

Герцог Орбаль взглянул на Заллопса, который быстро велел книге:

— Покажи нам сцены из далекого прошлого.

— Как вам будет угодно. Вернувшись к Девятнадцатой Эпохе пятьдесят второго цикла, я покажу вид на Линксфэйдскую долину до Кольфутовой Башни Заледеневшей Крови.

— Эта деталь великолепна и точна! — провозгласил герцог Орбаль. — Мне не терпится взглянуть на облик самого Кольфута.

— Нет ничего легче. Вот терраса Храма Танутры. Кольфут стоит у цветущего куста кричавника. В кресле сидит императрица Ноксон, в расцвете своих ста сорока лет. За всю свою жизнь она ни

разу не попробовала воды, а питается одними только горькими цветами и лишь изредка позволяет себе кусочек вареного угря.

— Ба! — сказал герцог Орбаль. — Какая омерзительная старая жаба! А кто эти господа, выстроившиеся за ней?

— Они составляют свиту ее любовников. Каждый месяц одного из них казнят, а На его место берут нового смельчака. За нежное внимание императрицы ведется жестокая борьба.

— М-да, — пробормотал герцог. — Покажи нам лучше прекрасных придворных дам Желтой Эпохи.

Книга раздраженно издала какой-то звук на непонятном языке. Страница перевернулась, показав вымощенную белым известняком площадку для прогулок.

— Этот вид в выгодном свете представляет искусство стрижки садовых деревьев того времени. Взгляните сюда и вот сюда! — Книга светящимися стрелочками указала на ряд больших деревьев, обкорнанных в форме шаров. Это ириксы, сок которых можно использовать как эффективное глистогонное средство. Сейчас этот вид утрачен. На площадке вы можете видеть множество людей. Вон те, в черных чулках и с длинными

белыми бородами — алулийские невольники, чьи предки прибыли с Канопуса. Они также вымерли. Посередине стоит красавица по имени Дзяо Джаро. Она помечена красной точкой над головой, хотя ее лицо повернуто к реке.

— Это вряд ли можно назвать удовлетворительным, — проворчал герцог Орбаль. — Заллопс, ты что, не можешь умерить строптивость твоей книги?

— Боюсь, что нет, ваша Светлость.

Герцог Орбаль недовольно фыркнул.

— Последний вопрос! Кто из людей, ныне живущих в Кёрнифе, представляет наибольшую угрозу процветанию моих владений?

— Я хранилище информации, а не оракул, — нахально заявила книга. — Однако я замечу, что среди присутствующих стоит бродяга с лисьим лицом, с хитрым видом, чьи склонности вогнали бы в краску саму императрицу Ноксон. Его имя…

Кугель выскочил вперед и показал пальцем на противоположную сторону площади.

— Грабитель! Вот он! Вызовите констеблей! Бейте в гонг!

Пока все обернулись, чтобы посмотреть, Кугель захлопнул книгу и впился костяшками в ее обложку. Книга недовольно забурчала.

Герцог Орбаль, недоуменно нахмурившись, вернулся на свое место.

— Я не видел никакого грабителя.

— В таком случае я, несомненно, ошибся. Но там ждет Йоло со своим знаменитым «Мешком снов»!

Герцог перешел к шатру Йоло, ведя за собой восхищенных зрителей.

— Йоло — Собиратель Снов! — сказал герцог Орбаль. — Твоя слава обогнала тебя на твоем пути из Дай-Пассанта! В связи с этим официально приветствую тебя!

— Ваша Светлость! — ответил Йоло страдальческим голосом. — У меня для вас печальная новость. Целый год я готовился к этому дню, надеясь завоевать главный приз. Порывы полуночного ветра, злоба домовладельцев, ужасающее внимание привидений, шрий, крышеходов и ферминов — все они причиняли мне неудобства! Я скитался ночи напролет в погоне за моими снами! Я бродил под окнами, ползал по чердакам, реял над кроватями; меня награждали синяками и шишками, но я никогда не считался с издержками, если в своих блужданиях мне удавалось выловить несколько отборных экземпляров.

Каждое сновидение, угодившее ко мне в сеть,

я тщательно изучал, — продолжал Йоло, — на каждый отобранный и сохраненный экземпляр приходилась дюжина никчемных, и, наконец, из запаса шедевров я создал мои несравненные кристаллы, которые вместе со мной отправились в дальний путь из Дай-Пассанта в Кёрниф. А потом, всего лишь прошлой ночью, при в высшей степени загадочных обстоятельствах, мои ценные вещи были, украдены грабителем, которого, по его заверениям, видел один только Кугель.

Я обращаю ваше внимание, что сны, где бы они ни были, представляют собой чудо истинно превосходного качества, и полагаю, что доскональное описание каждого…

Герцог Орбаль поднял руку.

— Я должен повторить заключение, вынесенное относительно Баззарда. Строгое правило гласит, что ни воображаемые, ни подразумеваемые чудеса не могут принимать участие в состязании. Возможно, нам представится возможность оценить твои сны когда-нибудь в другой раз. А сейчас мы должны перейти к шатру Кугеля и исследовать его манящее «Нигде».

Кугель поднялся на помост перед своим экспонатом.

— Ваша Светлость, я выношу на ваш суд под-

линное чудо: не кучку букашек, не педантичный сборник, но неподдельное чудо. — Кугель сорвал брезент. — Смотрите же!

Герцог озадаченно хмыкнул.

— Куча грязи? Пень? А что это за странный отросток, торчащий из дырки?

— Ваша Светлость, это брешь в неизвестное пространство и рука одного из его обитателей. Посмотрите на это щупальце! В нем пульсирует жизнь неведомого нам космоса! Обратите внимание на золотистый блеск тыльной поверхности, зелень и лазурь этих вкраплений. На оборотной стороне вы обнаружите три цвета, каких никто никогда доселе не видел!

Герцог Орбаль в замешательстве ухватился за подбородок.

— Все это замечательно, но где остальная часть этого создания? Ты показал не чудо, а кусок чуда! Я не могу вынести суждение на основании хвоста, или ляжки, или хобота — чем бы там ни был этот отросток. К тому же ты объявил, что дыра ведет в дальний космос; а я вижу всего лишь дыру, напоминающую не более чем нору хорька.

Йоло рванулся вперед.

— Можно мне высказать свое мнение? Поразмыслив над происшедшим, я пришел к убежде-

нию, что Кугель и украл мои сны!

— Твои высказывания никого не интересуют, — хладнокровно заявил Кугель. — Будь так добр, придержи свой язык, пока я не закончу свой показ.

Но Йоло было не так-то легко заткнуть рот. Он повернулся к герцогу Орбалю и пронзительно заверещал:

— Выслушайте меня, пожалуйста! Я убежден, что грабитель — не более чем плод воображения Кугеля. Он взял мои сны и спрятал их, и где же еще, если не в этой самой дыре? В доказательство я приведу тот обрывок ремня, который болтается в дырке.

Герцог Орбаль, нахмурившись, оглядел Кугеля.

— Правдивы ли эти обвинения? Отвечай честно, ибо все можно проверить.

— Я могу лишь подтвердить то, что знаю сам, — тщательно выбирая слова, начал Кугель. — Возможно, грабитель действительно спрятал сны Йоло в дырке, когда я отвлекся. Зачем? Кто может сказать?

Герцог Орбаль спокойным голосом спросил:

— Хотел ли кто-нибудь поискать в дыре этот неуловимый «Мешок снов»?

Кугель безразлично пожал плечами.

— Йоло может влезть туда сейчас и искать, сколько его душе будет угодно.

— Ты потребовал эту дыру! — парировал Йоло. — Следовательно, это в твои обязанности входит защищать общественность!

Завязался оживленный спор, длившийся до тех пор, пока не вмешался герцог Орбаль.

— Обе стороны выдвинули убедительные аргументы; но думаю, однако, что я должен указать на Кугеля. Следовательно, повелеваю, чтобы он обыскал свою недвижимость на предмет пропавших снов и вернул их, если это представится возможным.

Кугель с таким жаром воспротивился этому решению, что герцог Орбаль обернулся и взглянул на горизонт, после чего Кугель несколько присмирел.

— Разумеется, решение Вашей Светлости должно быть выполнено, и если я должен, я поищу пропавшие сны Йоло, хотя его теории — нелепость чистейшей воды.

— Пожалуйста, сделай это, и немедленно.

Кугель нашел длинный шест, к которому прикрепил крюк. Осторожно засунув свое приспособление в отверстие, он принялся тыкать им туда-сюда, но, однако, преуспел лишь в том, что

раздразнил щупальце, судорожно заколотившееся из стороны в сторону.

Йоло внезапно завопил от возбуждения.

— Я заметил странный факт! Этот кусок земли в лучшем случае шесть футов в толщину, но Кугель запихнул туда жердь длиной в двенадцать футов? Какое мошенничество он теперь затеял?

Кугель спокойно ответил:

— Я обещал герцогу Орбалю чудо, достойное изумления, и полагаю, что выполнил свое обещание.

Герцог Орбаль согласно кивнул.

— Неплохо сказано, Кугель! Твой экспонат поистине провокационный. И все-таки ты предлагаешь нам лишь дразнящий проблеск: бездонную яму, кусок щупальца, странный цвет, далекий свет — все это производит впечатление кустарщины и импровизации. Сравни, пожалуйста, с аккуратностью тараканов Царафлама! — Он поднял руку, утихомиривая вновь начавшего возражать Кугеля. — Ты показал нам дыру, согласен, и это прекрасная дыра. Но чем она отличается от любой другой? Как я могу на этом основании присудить приз?

— Вопрос может быть разрешен таким образом, который устроит нас всех, — предложил

Кугель. — Пусть Йоло залезет в дыру, чтобы убедиться в том, что его сновидения в самом деле находятся в другом месте. А потом по возвращении он засвидетельствует подлинно чудесную природу моего экспоната.

Йоло мгновенно возразил:

— Кугель заявил экспонат, пусть он и проводит исследование!

Герцог Орбаль поднял руку, призывая к тишине.

— Я выношу решение, чтобы Кугель немедленно залез в свой экспонат и отыскал там имущество Йоло, а также провел тщательное изучение обстановки, на благо всем нам.

— Ваша Светлость! — возразил Кугель. — Это не так-то просто. Щупальце заполняет почти всю яму!

Герцог Орбаль снова взглянул на трубы, стоявшие в ряд вдоль горизонта, и через плечо обратился к крепкому мужчине в малиново-черной форме:

— Какую трубу лучше использовать на этот раз?

— Вторую справа, Ваша Светлость, она всего на четверть занята.

Кугель объявил дрожащим голосом:

— Я боюсь, но я поборол свой страх! Я поищу пропавшие сновидения Йоло.

— Прекрасно, — с ухмылкой процедил герцог Орбаль. — Пожалуйста, не задерживайся — мое терпение подходит к концу.

Кугель попробовал просунуть ногу в дыру, но движение щупальца заставило его вновь отдернуть ее. Герцог Орбаль что-то тихо приказал своему констеблю, и тот притащил лебедку. Щупальце вытащили из дыры на добрых пять ярдов.

Герцог Орбаль посоветовал Кугелю:

— Перешагни щупальце, ухватись за него руками и ногами, и оно затащит тебя назад в отверстие.

Кугель в отчаянии взобрался на щупальце. Лебедку отпустили, и Кугеля затянуло в дыру.

Солнечный свет искривлялся у отверстия и не мог проникнуть внутрь; Кугель оказался погруженным практически в полную тьму, где, однако, каким-то парадоксальным образом смог точно оценить размеры своего нового окружения.

Он стоял на поверхности плоской и все же одновременно неровной, с возвышениями, впадинами и холмами, напоминающими поверхность бурного моря. Черное ноздреватое вещество

под его ногами обнаруживало небольшие полости и туннели, в которых Кугель ощущал копошение множества практически невидимых светящихся точек. Там, где пористая поверхность вздымалась ввысь, гребень искривлялся, точно разбивающаяся о берег волна, или стоял торчком, зазубренный и жесткий; в обоих случаях края мерцали красным, бледно-голубым и еще несколькими цветами, которых Кугель никогда раньше не видел. Горизонт был неразличим, а местные представления о расстоянии, пропорциях и размерах шли вразрез с понятиями Кугеля.

Над его головой нависало мертвое Ничто. Единственное подобие какого-то знака, большой диск цвета дождя, парил в зените, такой неотчетливый, что почти не видимый глазом. На неопределенном расстоянии — миля? — десять миль? — сто ярдов? — возвышавшаяся масса закрывала весь обзор. При более близком рассмотрении Кугель обнаружил, что это возвышение было громадной кучей студенистой плоти, внутри которой плавал шаровидный орган, очевидно, аналогичный глазу. От основания этого существа отходила сотня щупальцев, простирающихся далеко по черной губчатой поверхности. Одно из этих щупальцев прошмыгнуло рядом с ногой

Кугеля, нырнуло во внутрикосмическую дыру и оказалось на земной почве.

Кугель отыскал мешок снов Йоло, менее чем в трех футах от него. Черная губка, поврежденная ударом, истекала жидкостью, проевшей в коже дырку, сквозь которую звездчатые сны высыпались на губку. Ощупывая поверхность шестом, Кугель повредил поросль коричневых щупальцев. Выступившая сукровица закапала сновидения, и, подняв одну из хрупких снежинок, Кугель обнаружил, что ее края сияют причудливой цветной бахромой. Сочетание жидкостей, пропитавших снежинку, заставило его ощутить в пальцах зуд и покалывание.

Несколько десятков маленьких сверкающих узелков обступило его голову, и тихий голос назвал его по имени:

— Кугель, как мило, что ты пришел навестить нас! Что ты думаешь о нашей чудесной стране?

Кугель в изумлении оглянулся по сторонам. Откуда жители этого места могли узнать его имя? На расстоянии десяти ярдов он заметил небольшой холмик протоплазмы, ничем не отличающийся от чудовищной туши с плавающим глазом.

Светящиеся узелки начали кружиться вокруг него, и голос зазвучал прямо в ушах у Кугеля.

— Ты озадачен, но не забудь, здесь все по-другому. Мы передаем свои мысли маленькими модулями; если ты присмотришься, то заметишь, как они проносятся сквозь поток — изящные крошечные оживикулы, жаждущие освободиться от груза своего знания. Вот! Смотри! Прямо перед твоими глазами висит великолепный экземпляр. Это твоя собственная мысль, в отношении которой ты не уверен; поэтому она колеблется и ожидает твоего решения.

— А если я заговорю? — спросил Кугель. — Это не поможет?

— Наоборот! Звуки считаются оскорбительными, и все стараются не издать ни малейшего шороха.

— Все это очень здорово, — проворчал Кугель, — но…

— Молчи, пожалуйста! Посылай только оживикулы.

Кугель разразился целым облаком светящихся сущностей.

— Я буду стараться, как могу. Возможно, вы сможете сказать мне, как далеко простирается эта страна?

— Не очень точно. Иногда я отправляю оживикулы, чтобы исследовать далекие места; они

сообщают о бескрайних видах, подобных тому, который видишь ты.

— Герцог Орбаль Омбаликский приказал мне собрать сведения, и ему будут интересны твои наблюдения. Есть ли здесь какие-нибудь ценные вещества?

— В определенной степени. Просцедель, дифаний и случайные вкрапления замандеров.

— Моя главная забота, разумеется, сбор сведений для герцога Орбаля, кроме того, я должен вернуть сны Йоло; но все-таки я хотел бы обзавестись парой-тройкой ценных безделушек, только для того, чтобы помнить о нашем приятном общении.

— Понятно! Я сочувствую твоим стремлениям.

— В таком случае как бы мне раздобыть несколько подобных вещиц?

— Очень просто. Всего лишь пошли оживикулы собрать то, что ты хочешь. — Создание выпустило целую тучу бледной плазмы, разлетевшейся во все стороны и через некоторое время вернувшейся с несколькими дюжинами маленьких шариков, блестевших льдистым голубым светом. — Это замандеры чистой воды, — продолжило существо. — Прими их с моими наилучшими пожеланиями.

Кугель высыпал камни в сумку.

— Это самая удобная система добычи ценностей. Я хотел бы еще получить некоторое количество дифания.

— Пошли оживикулы! К чему без нужды напрягаться?

— Мы думаем примерно в том же направлении. — Кугель испустил несколько сотен оживикул, которые быстро возвратились с двадцатью маленькими слитками драгоценного металла.

Кугель осмотрел свою сумку.

— У меня еще хватит места на немного просцеделя. С вашего позволения, я запущу нужные оживикулы.

— Я и не подумал бы помешать, — заявило существо.

Оживикулы понеслись вперед и очень скоро принесли как раз столько просцеделя, чтобы до отказа заполнить сумку Кугеля. Существо задумчиво сказало:

— Это, по меньшей мере, половина сокровищ Утау, однако он, кажется, не заметил их отсутствия.

— Утау? — вопросил Кугель — Вы имеете в виду ту чудовищную тушу?

— Да, это Утау, который иногда бывает груб и

несдержан.

Глаза Утау повернулись к Кугелю и выпятились сквозь наружную мембрану. До Кугеля докатилась волна оживикул, пульсирующих от важности.

— Я заметил, что Кугель украл мои сокровища, что объявляю оскорблением моего гостеприимства! В наказание он должен выкопать двадцать два замандера из-под Разбивающихся Волнищ. Затем ему придется просеять восемь фунтов лучшего просцеделя от Пыли Времен. Под конец он должен будет наскрести восемь акров стружки дифания с поверхности Высокого Диска.

Кугель выпустил оживикулы.

— Лорд Утау, наказание строгое, но справедливое. Подождите минутку, пока я схожу за необходимыми инструментами. — Он собрал сны и рванулся к отверстию.

Ухватившись за щупальце, он закричал в дыру:

— Тяните щупальце! Включайте лебедку! Я нашел сны!

Щупальце задрожало и заметалось, надежно перекрыв дыру.

Кугель повернулся и, засунув в рот пальцы, издал пронзительный свист. Глаза Утау закатились,

и щупальце стало дряблым.

Лебедка потянула щупальце, и Кугеля вытащили из дырки. Утау, придя в чувство, так сильно дернул щупальце, что веревка мгновенно треснула; лебедка полетела в воздух, и нескольких человек сбило с ног. Утау втянул свое щупальце, и отверстие немедленно закрылось.

Кугель пренебрежительно швырнул мешок со снами-снежинками к ногам Йоло.

— Вот тебе, бессовестный! Забирай свои скучные галлюцинации и убирайся, чтобы тебя не видели!

Кугель повернулся к герцогу Орбалю.

— Теперь я могу представить отчет о другой вселенной. Земля там состоит из черного губчатого вещества и мерцает триллионами немыслимо крошечных проблесков. Мое исследование не обнаружило пределов этой страны. Четверть неба покрыта бледным диском, едва-едва видимым. Жители: во-первых и в самых главных — злобная туша по имени Утау, ну и прочие, более или менее на него похожие. Издавать звуки не разрешается, и мысли передаются посредством оживикул, которые также обеспечивают жизненные потребности. Вот таковы в основных чертах мои открытия, и теперь, с величайшим уважением, я

требую главный приз в тысячу терциев.

Из-за своей спины Кугель услышал насмешливое хихиканье Йоло. Герцог Орбаль покачал головой.

— Мой дорогой Кугель, то, на что ты намекаешь, невыполнимо. Какой экспонат ты имеешь в виду? Тот комок грязи? Да в нем нет ни намека на необычность.

— Но вы же видели дыру! Вы вытащили лебедкой щупальце! В соответствии с вашим приказом я влез в отверстие и исследовал местность!

— Верно, но и дыра, и щупальце исчезли. Я ни на минуту не допускаю лжи, но твой доклад не так-то легко проверить. Едва ли я могу присудить награду вещи столь эфемерной, как память о несуществующей дыре! Боюсь, что в этом случае я вынужден обойти тебя. Призом награждается Царафлам и его замечательные тараканы!

— Минуточку, Ваша Светлость! — воскликнул Йоло. — Не забывайте, ведь я тоже участвую в состязании. В конце концов, я могу показать свои изделия! Вот самый отборный экземпляр, дистиллированный из сотен грез, пойманных рано утром в компании прелестных девушек, заснувших в увитой благоухающим виноградом беседке.

— Великолепно, — сказал герцог Орбаль. — Я отложу награждение до тех пор, пока не проверю качество твоих видений. И какова же процедура? Мне придется погрузиться в сон?

— Вовсе нет! Прием сна во время бодрствования вызывает не галлюцинацию, а настроение: ощущение свежее, новое и сладостное, очарование всех чувств, неописуемую радость. И все же почему бы вам не устроиться поудобнее, пока вы наслаждаетесь моими сновидениями? Эй вы там! Тащите кушетку! А вы — подушки для благородной головы Его Светлости. Вы! Будьте любезны взять шляпу Его Светлости.

Кугель не видел никакого смысла в том, чтобы оставаться долее, и начал пробираться к краю толпы.

Йоло вытащил свой сон и, казалось, на миг был озадачен липкой жидкостью, все еще стекавшей с кристалла, но затем решил не придавать этому обстоятельству большого значения. Он так и поступил, только протер свои пальцы, клейкие, точно после контакта с каким-то липким веществом.

Со множеством исполненных самомнения жестов Иоло подошел к просторному креслу, в котором непринужденно сидел герцог Орбаль.

— Я приготовлю сон, чтобы вы могли как можно более удобно принять его, — сказал Йоло. — Я помещаю некоторое количество кристаллов в каждое ухо; затем вставляю несколько в каждую ноздрю; теперь я устанавливаю балансир под прославленным языком Вашей Светлости. Теперь, если Ваша Светлость расслабится, через полминуты вашему вниманию предстанет квинтэссенция сотен наилучших снов.

Герцог Орбаль вдруг оцепенел. Его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Его спина выгнулась, а глаза вылезли из орбит. Он обернулся назад, завертелся, задергался, подпрыгнул и заскакал по площади перед изумленными взорами своих подданных.

Йоло закричал металлическим голосом:

— Где Кугель? Поймайте этого негодяя Кугеля!

Но Кугель уже покинул Кёрниф, и все попытки отыскать его были напрасны.

Часть VI
Из Кернифа в Перголо
Глава первая
Четверо чародеев

Пребывание Кугеля в Кёрнифе было омрачено несколькими досадными происшествиями, и ему пришлось покинуть город скорее поспешно, чем с достоинством. Наконец он пробрался сквозь заросли ольхи, перепрыгнул ров и выбрался на Старый Фергазский тракт. Остановившись, чтобы оглядеться и прислушаться, и обнаружив, что погоню, по всей видимости, прекратили, он во весь дух пустился на запад.

Дорога шла через необозримые голубые торфяники с разбросанными там и сям лесистыми пятачками. Местность была сверхъестественно безмолвной; оглядев торфяник, Кугель обнаружил лишь даль, безбрежное небо и одиночество, и ни единого следа хижины или хоть какого-нибудь жилья.

Кугеля обогнала двуколка, запряженная однорогим вериотом. Возницей был Баззард, который, как и Кугель, участвовал в Выставке Чудес. Экс-

понат Баззарда, подобно «Нигде» Кугеля, был дисквалифицирован по техническим причинам.

Баззард остановил двуколку.

— Что, Кугель, насколько я вижу, вы решили оставить ваш экспонат в Кёрнифе?

— В действительности у меня не было выбора, — пожал плечами Кугель. — Когда дыра исчезла, «Нигде» превратилось в увесистый ком земли, который я с удовольствием оставил на попечение герцога Орбаля.

— Я точно так же поступил со своими дохлыми рыбами, — сказал Баззард. Он оглядел торфяник. — Мрачное место, где в каждом лесу поджидают азмы-грабители. Куда вы направляетесь?

— Вообще-то, в Азеномай, в Альмери. А сейчас я был бы счастлив найти приют на ночь.

— В таком случае почему бы вам не поехать вместе со мной? Я буду признателен за компанию. Этой ночью мы остановимся на постоялом дворе «Железный человек», а завтра доберемся до Ллайло, где я живу вместе с четырьмя своими отцами.

— Это очень радушное предложение, — сказал Кугель. Он забрался на сиденье; Баззард подстегнул вериота, и двуколка быстро покатилась по

дороге.

Через некоторое время Баззард сказал:

— Если не ошибаюсь, Юкоуну, или, как его еще называют, Смеющийся Маг, живет в Перголо, который находится неподалеку от Азеномая. Возможно, вы знакомы с ним?

— Мы действительно знакомы, — подтвердил Кугель. — Он сыграл со мной несколько своих остроумнейших шуток.

— Ах, вот как! Я пришел к заключению, что он не относится к числу ваших закадычных друзей.

Кугель оглянулся и довольно громко произнес:

— Если вдруг нас слушают какие-нибудь нечаянные уши, пусть знают, что я очень хорошо отношусь к Юкоуну.

Баззард понимающе кивнул.

— В любом случае, зачем вы возвращаетесь в Азеномай?

И снова Кугель оглянулся по сторонам.

— Все еще в связи с Юкоуну: его многочисленные друзья часто докладывают о подслушанных разговорах, причем иногда в искаженном виде; поэтому я стараюсь избегать неосторожных разговоров.

— Это правильное поведение! — одобрил его Баззард. — В Ллайло мои четыре отца столь же

предусмотрительны.

Через миг Кугель спросил:

— Знавал я многих отцов, у которых было четыре сына, но никогда прежде не приходилось мне видеть сына четверых отцов. Каково объяснение такому странному факту?

Баззард озадаченно почесал голову.

— Мне никогда не приходило в голову спросить, — ответил он. — Но я сделаю это при первой же возможности.

Их путешествие продолжалось без происшествий, и ближе к вечеру второго дня они прибыли в Ллайло, огромный дом с шестнадцатью фронтонами.

Двуколку поручили заботам конюха; Баззард провел Кугеля через высокую обитую железом дверь и через гостиную в кабинет. Высокие окна, из двенадцати фиолетовых створок каждое, затемняли вечерний свет; тусклые пурпурные лучи, косо падавшие из окон, золотили темную дубовую обивку стен. На темно-зеленом ковре стоял длинный стол. Сгрудившись, спинами к камину, за столом сидели четверо мужчин очень необычного вида. Странность их облика заключалась в том, что на всех четверых у них был один-единственный глаз, единственное ухо,

одна рука и одна нога. В остальном же они были очень похожи между собой: небольшого роста и худощавые, с круглыми серьезными лицами и коротко подстриженными черными волосами.

Баззард представил их Кугелю. Пока он говорил, мужчины проворно передавали друг другу руку, глаз и ухо, чтобы каждый мог в полной мере оценить все достоинства гостя.

— Этого господина зовут Кугель, — сказал Баззард. — Он мелкий аристократ из долины реки Твиш, натерпевшийся от шуток некоего лица, имени которого я предпочту не называть. Кугель, позвольте мне представить своих четырех отцов! Их зовут Диссерл, Васкер, Пелейсиас и Архимбауст. Когда-то они были знаменитыми колдунами, пока тоже не перешли дорожку некоему шутнику-волшебнику.

Пелейсиас, у которого в тот момент оказались и глаз, и ухо, сказал:

— Можете рассчитывать на наше гостеприимство! В Ллайло не так часто заезжают гости. А как вы встретились с нашим сыном Баззардом?

— Наши шатры на Выставке были по соседству, — объяснил Кугель. — При всем моем уважении к герцогу Орбалю я думаю, что его решения были деспотическими, и приз не достался

ни Баззарду, ни мне.

— Кугель не преувеличивает, — подтвердил Баззард. — Мне даже не разрешили изобразить пение моих несчастных рыбок.

— Как жаль! — огорчился Пелейсиас. — И все-таки Выставка, несомненно, дала вам обоим незабываемый опыт, так что время было потрачено не зря. Я прав, Баззард?

— Совершенно верно, сэр, и пока не забыл, я хотел бы прояснить один вопрос. Один отец часто может похвастаться четырьмя сыновьями, но как может быть, чтобы у одного сына было четыре отца?

Диссерл, Васкер и Архимбауст быстро забарабанили по столу, и глаз, ухо и рука поменяли хозяев. Наконец Васкер сделал отрывистый жест.

— Это долго объяснять.

Архимбауст, получив глаз и ухо, внимательно осмотрел Кугеля. В особенности, казалось, его заинтересовала шляпа Кугеля, которую он снова украсил «Фейерверком».

— Какое замечательное украшение, — заметил Архимбауст.

— Я считаю его великолепным, — вежливо поклонился Кугель.

— Не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о

его происхождении?

Кугель с улыбкой покачал головой.

— Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном. Баззард сказал мне, что у нас есть некоторое количество общих друзей, включая благородного и знаменитого Юкоуну.

Архимбауст изумленно заморгал своим глазом.

— Вы о том трусливом, безнравственном и омерзительном Юкоуну, которого иногда называют Смеющимся Магом?

Кугель вздрогнул и поморщился.

— Я никогда не стал бы называть так дорогого Юкоуну, в особенности, если бы думал, что он сам или один из его приспешников могут это подслушать.

— Ах, вот оно что! — спохватился Архимбауст. — Теперь я понял, откуда такое недоверие. Не беспокойтесь! У нас есть оповещающее устройство. Можете говорить все, что вздумается.

— В таком случае должен признать, что моя дружба с Юкоуну не так уж крепка. Недавно по его приказу крылатый демон перенес меня через Океан Вздохов и выкинул на пустынном берегу, который называется Шенгльстоун-стрэнд.

— Если это шутка, то довольно-таки неудачная! — воскликнул Баззард.

— И я так думаю, — согласился Кугель. — Что же касается этого украшения, в самом деле, это чешуйка, называемая «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк», с носа демиурга Садларка. Она обладает силой, которую, откровенно говоря, я не понимаю, и ее опасно трогать, если не намочены руки.

— Замечательно, — сказал Баззард, — но почему вы не пожелали сказать это раньше?

— По причине очень интересного факта: все остальные чешуи — у Юкоуну! Поэтому он желает получить «Фейерверк» со всей той страстью, которую мы связываем с Юкоуну.

— Очень интересно! — сказал Архимбауст.

Он и его братья разразились шквалом сообщений, с мгновенной четкостью обмениваясь друг с другом своим единственным глазом, ухом и рукой. Наблюдая за ними, Кугель наконец смог отважиться предположить, каким образом четыре отца умудрились произвести на свет общего сына.

Через некоторое время Васкер спросил:

— Каковы ваши планы в связи с Юкоуну и этой необыкновенной чешуйкой?

— Я еще не решил и, честно говоря, обеспокоен, — признался Кугель. — Да, Юкоуну жаждет

получить «Фейерверк». Он подойдет ко мне и скажет: «Ах, милый Кугель, как любезно с твоей стороны было принести мне „Фейерверк“! Отдавай его мне или приготовься к шутке!» Ну и что я буду делать? У меня нет перед ним никакого преимущества. Когда имеешь дело с Юкоуну, надо быть готовым к чему угодно. У меня острый ум и быстрые ноги, но достаточно ли этого?

— Очевидно, нет, — отозвался Васкер. — И все-таки…

Послышался свистящий шум. Васкер тут же придал своему голосу дрожь сладкого воспоминания:

— Да, этот милый Юкоуну! Как странно, Кугель, что вы тоже в дружбе с ним.

Заметив тайный знак Баззарда, Кугель заговорил столь же медовым тоном:

— Да, его повсюду считают отличным малым.

— Именно так. Да, у нас были маленькие разногласия, но у кого их не бывает? Теперь же все давно забыто, я уверен.

— Если вам посчастливится встретиться с ним в Альмери, пожалуйста, передайте ему наши самые теплые пожелания, — вступил в разговор Баззард.

— Я не увижусь с Юкоуну, — сказал Кугель. — Я

намереваюсь удалиться в укромную маленькую хижину на реке Сьюн и, возможно, выучиться какому-нибудь полезному ремеслу.

— В общем и целом это, кажется, вполне разумный план, — сказал Архимбауст. — А теперь, Баззард, расскажи-ка нам еще что-нибудь про Выставку.

— Она была великолепно задумана, — сказал Баззард. — В этом нет никаких сомнений! Кугель показал замечательную дыру, но герцог Орбаль отверг ее на основании недолговечности. Заллопс выставил «Справочник универсальных знаний», который произвел впечатление на всех. На обложке был Гностический Девиз, что-то в таком роде…

Взяв стило и бумагу, Баззард нацарапал: «Сейчас не смотри, но шпион Юкоуну висит над нами, в клубе дыма».

— Взгляните, Кугель! Я не ошибся?

— Да, примерно так, хотя вы пропустили несколько существенных росчерков.

— Память частенько меня подводит, — сказал Баззард. Скомкав бумагу, он бросил ее в огонь.

Васкер снова заговорил:

— Дружище Кугель, не хотите ли насладиться глоточком диссака? Или вы предпочитаете

вино?

— Я буду рад и тому, и другому, — сказал Кугель.

— В таком случае я рекомендую диссак. Мы сами делаем его из местных трав. Баззард, будь так добр.

Пока Баззард разливал напиток, Кугель будто бы случайно оглядел комнату. Высоко под потолком в полумраке он заметил облачко дыма, из которого выглядывала пара маленьких красных глазок.

Васкер гулким голосом заговорил о курятнике в Ллайло и о высоких ценах на корм. Шпиону наконец стало скучно, и дым сполз по стене и исчез в дымоходе.

Пелейсиас своим единственным глазом взглянул на Баззарда.

— Тревога улеглась?

— Совершенно верно.

— Тогда мы опять можем говорить свободно. Кугель, я буду предельно ясен. Когда-то давно мы были известными колдунами, но Юкоуну сыграл с нами шутку, которая отдается до сих пор. Наша магия большей частью забыта; ничего не осталось, кроме нескольких ростков надежды и, конечно же, нашей неизменной ненависти к

Юкоуну.

— Сама ясность! И что вы намереваетесь делать?

— Более верным будет спросить, каковы твои собственные планы. Юкоуну без сожаления отберет твою чешуйку, при этом смеясь и отпуская шуточки. Как ты предотвратишь это?

Кугель взволнованно потянул себя за подбородок.

— Я это обдумал.

— И к какому выводу пришел?

— Я думал, возможно, стоит спрятать «Фейерверк» и сбить Юкоуну с толку намеками и иносказаниями. Но меня уже терзают сомнения. Юкоуну может просто плюнуть на мои загадки в пользу Победоносных Дисплазм Пангира. Несомненно, я успею сказать: «Юкоуну, у тебя замечательные шутки, и ты заслужил эту чешуйку». Возможно, стоит лицом к лицу преподнести чешуйку Юкоуну, как намеренный акт великодушия.

— И как же в этом случае ты достигнешь своих целей?

Кугель оглянулся вокруг.

— Мы в безопасности?

— Абсолютно.

— Тогда я открою вам важный факт. Чешуйка поглощает каждого, кто бы к ней ни прикоснулся, если только рядом нет воды, которая уменьшает ее прожорливость.

Пелейсиас посмотрел на Кугеля с еще большим уважением.

— Должен сказать, что ты с апломбом носишь эту смертоносную безделушку.

— Я всегда сознаю ее присутствие. Она уже засосала пельграна и женщину, помесь базила с зелесинем.

— Вот оно как! — сказал Пелейсиас. — Давай испытаем эту чешуйку. В курятнике мы поймали хорька, который как раз ждет наказания. Так почему бы и не при помощи твоей чешуйки?

— Как хотите, — согласился Кугель.

Баззард принес пойманного хищника, который непокорно рычал и шипел. Намочив руки, Кугель привязал чешую к палке и поднес ее к хорьку, который моментально исчез. Украшение с новой силой засверкало красным светом, завибрировав с таким явным пылом, что Кугель не отважился приколоть чешую назад на шляпу. Он завернул ее в несколько слоев плотной ткани и засунул в сумку.

Теперь глаз и ухо были у Диссерла.

— Твоя чешуйка доказала свою силу. Тем не менее, ей не хватает масштабности. Тебе понадобится наша помощь, хотя и ее может быть недостаточно. Тогда, если у тебя все получится, ты, возможно, вернешь нам наши недостающие члены.

— Но они могут быть уже в никуда не годном состоянии, — нерешительно сказал Кугель.

— Не стоит волноваться на этот счет, — ответил Диссерл. — Органы, полностью здоровые и дееспособные, находятся в погребе у Юкоуну.

— Хорошая новость, — сказал Кугель. — Я согласен с вашими условиями и хочу поскорее узнать, как вы можете мне помочь.

— Во-первых и в самых главных, мы должны устроить так, чтобы Юкоуну не мог забрать чешуйку ни силой, ни угрозами, ни посредством Секвестрирующей Дигиталии Арнхоульта, ни остановкой времени, например Бесконечным Мигом. Если мы помешаем ему это сделать, Юкоуну придется играть по твоим правилам, и победа будет у тебя в руках.

Глаз и ухо перешли к Васкеру.

— Я уже воспрял духом! В лице Кугеля мы имеем человека, который может лицом к лицу столкнуться с Юкоуну и ни за что не отступить!

Кугель вскочил и принялся нервно мерить шагами комнату.

— Вызывающая позиция может быть не самым выигрышным подходом. Юкоуну все-таки знает тысячи уловок. Как мы удержим его от использования магии? Вот в чем суть проблемы.

— Я посовещаюсь с братьями, — сказал Васкер. — Баззард, вы с Кугелем можете пообедать в Зале Трофеев. Только не забывайте о шпионах.

После роскошного обеда Кугель с Баззардом вернулись в кабинет, где четыре колдуна по очереди потягивали чай из огромной чашки. Пелейсиас, в тот момент бывший обладателем уха, глаза и руки, заговорил:

— Мы посмотрели в «Пандемониуме» Боберга и в Вапуриальном каталоге. Теперь мы убеждены, что у тебя в руках нечто большее, чем просто хорошенькая чешуйка. Точнее, это само мозговое ядро Садларка. Она проглотила несколько созданий с сильным характером, включая нашего милого хорька, и теперь проявляет признаки жизни, словно проснувшись от спячки.

Органы перекочевали к Архимбаусту.

— Мы размышляем строго логически. Утверждение первое: чтобы достичь наших целей, Кугелю придется встретиться с Юкоуну лицом к

лицу. Утверждение второе: Юкоуну необходимо удержать от того, чтобы он сразу же отобрал чешуйку.

Кугель нахмурился.

— Ваши утверждения вполне верны, но я представляю себе более тонкую игру. Чешуйка послужит приманкой, Юкоуну клюнет на нее и попадется!

— Не получится, по трем причинам. Во-первых, за тобой будут наблюдать шпионы или даже сам Юкоуну. Во-вторых, Юкоуну издали чует подвох и пошлет в ловушку или тебя, или случайного прохожего. В-третьих, предпочитая переговоры, Юкоуну использует Старомодное Заклинание Рифмоплета, и ты обнаружишь, что со всех ног мчишься из Перголо, чтобы принести эту чешуйку Юкоуну.

Кугель поднял руку.

— Давайте вернемся к строго логическим утверждениям. Насколько я помню, нельзя позволить Юкоуну сразу же завладеть чешуйкой. Что из этого следует?

— Отсюда вытекает несколько следствий. Чтобы несколько замедлить его жадную хватку, тебе придется притвориться, что во всем подчиняешься ему, точно дрессированный пес. Юкоуну

в своем тщеславии с готовностью примет такую позицию. Затем нам понадобится момент путаницы, чтобы было из чего выбирать. Поэтому завтра Баззард сделает точно такую же чешуйку из чистого золота, с утолщением из отличного красного хиполита. Потом он прикрепит фальшивую чешуйку к твоей шляпе на слой взрывчатого диамброида.

— И мне придется носить шляпу? — спросил Кугель.

— Разумеется! Тогда у тебя будет три выхода. Если Юкоуну попробует прибегнуть к какому-либо из своих фокусов, все взлетит в воздух. Или ты можешь отдать Юкоуну свою шляпу, а затем отойти куда-нибудь и там ждать взрыва. Или, если Юкоуну обнаружит диамброид, появятся другие пути. Например, ты можешь потянуть время, а потом ввести в игру подлинную чешуйку.

Кугель почесал подбородок.

— Утверждения и следствия — это, конечно, замечательно, но я вовсе не жажду носить на своей шляпе взрывчатку.

Архимбауст начал защищать свой план, но Кугель все еще пребывал в нерешительности. Слегка надувшись, Архимбауст передал органы Васкеру, который сказал:

— Я предлагаю несколько сходный план. Как и прежде, Кугель, ты без лишнего шума войдешь в Альмери и тихонько пойдешь по обочине дороги, закрыв лицо плащом и назвавшись любым другим именем, кроме своего собственного. Юкоуну будет заинтригован и отправится тебя искать. Тут ты будешь сдержанно любезен. Ты вежливо отклонишь все его предложения и пойдешь своей дорогой. Такое поведение, несомненно, толкнет Юкоуну на какую-нибудь неразумную выходку. Тогда ты сможешь действовать!

— Совершенно верно, — сказал Кугель. — А что, если он просто схватит шляпу и чешуйку, фальшивую или настоящую, и воспользуется ею сам?

— Вот в этом и заключается достоинство плана Архимбауста, — заметил Васкер.

Кугель закусил губу.

— Каждому из этих планов не хватает изящества.

Архимбауст, забрав у Васкера органы, начал настойчиво убеждать Кугеля:

— Мой план самый лучший! Ты предпочитаешь Одиночную Камеру на глубине сорока пяти миль унции-другой диамброида?

Баззард, который до этого почти ничего не говорил, выдвинул идею:

— Мы используем лишь ничтожное количество диамброида, чтобы рассеять худшие опасения Кугеля. Трех миним хватит, чтобы оторвать Юкоуну ладонь, руку и плечо, в том случае, если он выкинет что-нибудь.

Васкер сказал:

— Превосходный компромисс! Баззард, а у тебя есть голова на плечах! В конце концов, не обязательно же взрывать диамброид. Я уверен, что Кугель расправится с Юкоуну, как кошка с мышкой.

— Всего лишь притворись покорным, — повторил мысль брата Диссерл. — Его тщеславие сыграет тебе на руку.

— Самое главное, — сказал Пелейсиас, — не принимай от него никаких подарков. А не то мигом окажешься у него в долгу, а это все равно, что в бездонной яме. Один раз…

Раздался внезапный свист сигнализации, обнаружившей шпиона.

— …тебе пакет с сухофруктами и изюмом, — забубнил Пелейсиас. — Дорога длинная и трудная, особенно если ты пойдешь по Старому Фергазскому тракту, который повторяет каждый изгиб реки Сьюн. Почему бы не отправиться в Таун-Тассель-на-Блесководье?

— Замечательная идея! Путь далекий, а лес Да темен, но я надеюсь избежать даже малейшей огласки, равно как и всех моих старых друзей.

— А твои окончательные планы?

Кугель мечтательно засмеялся.

— Я построю маленькую хижину на берегу реки, где и буду доживать свои дни. Возможно, буду потихоньку торговать орехами и диким медом.

— Домашний хлеб тоже всегда хорошо продается, — посоветовал Баззард.

— Неплохая мысль! Опять-таки, я могу разбирать обрывки старинных письмен или просто предаваться медитации и смотреть, как течет река. Такова, по крайней мере, моя скромная надежда.

— Это достойное стремление! Ах, если бы мы только могли помочь тебе! Но наша магия слаба, и мы знаем одно-единственное полезное заклинание: Двенадцатикратный подарок Брассмана, который из одного терция делает дюжину. Мы научили ему Баззарда, чтобы ему никогда не пришлось нуждаться; возможно, он поделится этой хитростью с тобой.

— С удовольствием, — сказал Баззард. — Вот увидишь, это очень удобно.

— Вы все очень добры, — сказал Кугель. — С

вашим пакетом фруктов и орехов я не пропаду в пути.

— Именно так! Возможно, ты оставишь нам на память украшение со своей шляпы, чтобы мы могли смотреть на него и вспоминать о тебе.

Кугель с огорчением покачал головой.

— Можете взять все, что угодно! Но я ни за что не расстанусь со своим счастливым талисманом!

— Ничего страшного! Мы и так будем тебя помнить. Баззард, разведи огонь! Сегодня что-то ужасно холодно.

Беседа шла примерно в таком духе до тех пор, пока шпион не убрался, после чего Баззард по просьбе Кугеля обучил его заклинанию Двенадцатикратного подарка. Потом вдруг Баззарду в голову пришла внезапная мысль, и он обратился к Васкеру, у которого в тот момент были глаз, ухо и рука:

— А ведь есть еще одно заклинание, которое может помочь Кугелю в пути: Заклятие неутомимых ног!

— Как тебе только такое в голову пришло! — хихикнул Васкер. — Кугель не захочет подвергнуться заклинанию, которое мы обычно приберегаем для наших вериотов! Это не сочетается с его достоинством.

— Я всегда ставлю достоинство на второе место после целесообразности, — пожал плечами Кугель. — Что это за заклинание?

— Оно помогает без устали прошагать целый день, — извиняющимся тоном объяснил Баззард, — и, как и сказал Васкер, мы в основном используем его, чтобы поддержать наших вериотов.

— Я подумаю об этом, — пообещал Кугель, и на этом вопрос был исчерпан.

Утром Баззард повел Кугеля в мастерскую, где, натянув влажные перчатки, он сделал из золота чешуйку, точь-в-точь походившую на чешуйку Кугеля, с утолщением из сверкающего красного хиполита посередине.

— А теперь, — сказал Баззард, — три минимы диамброида или, пожалуй, четыре, и судьба Юкоуну в твоих руках!

Кугель угрюмо глядел, как Баззард укрепляет взрывчатку на украшение и потайной булавкой прикалывает его к шляпе.

— Вот увидишь, это очень удобно, — пообещал Баззард.

Кугель боязливо надел шляпу.

— Я не вижу явной пользы от этой, пусть даже и взрывающейся, чешуйки, за исключением того

факта, что лживость сама по себе ценная вещь. — Он сложил «Фейерверк» в полость специальной перчатки, подаренной ему четырьмя чародеями.

— Я дам тебе пакетик с орехами и фруктами, и тогда ты сможешь отправляться в путь, — сказал Баззард. — Если пойдешь быстро, то доберешься до Таун-Тасселя-на-Блесководье еще до наступления темноты.

— Когда я представляю, сколько мне придется пройти, — задумчиво промолвил Кугель, — я все больше склоняюсь к мысли о Заклятии неутомимых ног.

— Это минутное дело, — сказал Баззард. — Я только посоветуюсь со своими отцами.

Двое отправились в кабинет, где Архимбауст проглядывал каталог заклятий. С напряжением проговаривая слова, он направил благотворную силу на Кугеля.

Ко всеобщему изумлению, заклинание ударилось о ноги Кугеля, отскочило, снова стукнулось безо всякого эффекта, затем удалилось, отражаясь от стены к стене, и наконец затихло, разбившись на группки дробных звуков.

Четверка колдунов некоторое время совещалась. Наконец Диссерл повернулся к Кугелю со словами:

— Это в высшей степени необычное происшествие! Его можно объяснить только тем фактом, что у тебя с собой «Фейерверк», чья чуждая нашему миру сила действует как щит против земной магии!

Баззард закричал, волнуясь:

— Попробуйте на Кугеле Заклинание вечного возбуждения; если попытка окажется бесплодной, тогда мы будем знать правду!

— А если оно подействует? — холодно спросил Диссерл. — Хорошенькое же у тебя понятие о гостеприимстве!

— Приношу свои извинения! — смущенно пробормотал Баззард. — Я не подумал.

— Кажется, мне придется обойтись без «неутомимых ног», — сказал Кугель. — Но ничего, я привык к ходьбе и сейчас отправлюсь в путь.

— С тобой будут наши надежды, — напутствовал его Васкер. — Храбрость и осторожность: пускай они никогда тебя не покидают.

— Благодарю вас за мудрый совет, — сказал Кугель. — Теперь все зависит от Юкоуну. Если его жадность возобладает над благоразумием, вы скоро получите назад свои утраченные органы. Баззард, наше случайное знакомство принесло пользу, насколько я надеюсь, всем здесь присут-

ствующим.

И Кугель покинул гостеприимный Ллайло.

Глава вторая
«Фейерверк»

У черного стеклянного моста через реку Сьюн Кугель увидел указатель, гласящий, что он снова вошел в страну Альмери.

Дорога разветвилась. Старый Фергазский путь шел вдоль Сьюн, тогда как тракт на королевство Канг, повернув на юг, пересекал Висячие Холмы и углублялся в долину реки Твиш.

Кугель повернул направо и двинулся на запад через край крошечных усадьб, отделенных одна от другой рядами высоких мальгоновых деревьев.

Из леса Да выходил ручей, впадавший в Сьюн; через реку был перекинут трехарочный мост. На противоположной стороне, опершись о дамсоновое дерево и жуя травинку, стоял Юкоуну.

Кугель остановился, чтобы приглядеться, и наконец решил, что его глазам предстало не видение, не желтолицая галлюцинация с обвислыми щеками, а Юкоуну собственной персоной. Его грушевидное тело было закутано в плащ;

тощие ноги облегали брюки в розовую и черную полоску.

Кугель не рассчитывал встретить Юкоуну столь скоро. Он подался вперед и вгляделся, точно не веря своим глазам.

— Неужто это Юкоуну?

— Совершенно верно, — подтвердил Смеющийся Маг, поворачивая глаза куда угодно, только не на Кугеля.

— Вот уж сюрприз так сюрприз!

Юкоуну поднес ладонь ко рту, скрывая невольную улыбку.

— Приятный, я надеюсь?

— Само собой разумеется! Ни за что не ожидал встретить тебя бродящим вдоль обочины, и ты удивил меня! Да ты никак рыбачил с моста? Но я не вижу ни сети, ни наживки.

Юкоуну медленно повернул голову и внимательно посмотрел на Кугеля из-под набрякших век.

— Я тоже не ожидал, что ты уже возвратился из своих странствий. А почему ты идешь таким окольным путем? Раньше ты рыскал вдоль реки Твиш.

— Я намеренно избегаю своих старых мест, равно как и своих прежних привычек, — ответил

Кугель. — Они не привели ни к чему хорошему.

— В каждой жизни наступает время меняться, — кивнул Юкоуну. — И со мной произошла метаморфоза, до такой степени, что ты, пожалуй, удивишься. — Он выплюнул изо рта соломинку и с живостью проговорил: — Кугель, ты замечательно выглядишь! Твоя одежда удивительно идет тебе, а твоя шляпа превыше всяких похвал! А где ты взял такое восхитительное украшение?

Кугель протянул руку и потрогал фальшивую чешуйку.

— Эту вещицу? Она — мой счастливый талисман. Я отыскал ее в болоте у Шенгльстоун-стрэнд.

— Надеюсь, ты принес мне другую такую же, как сувенир?

Кугель в притворном сожалении покачал головой.

— Мне попался лишь один такой экземпляр.

— Та-ак. Я разочарован. Что ты собираешься делать?

— Я хочу простой жизни в хижине на берегах Сьюн, с верандой, нависающей над водой, где я смогу посвятить себя каллиграфии и медитациями. Возможно, я прочту «Полное исследование всех эпох» Стафдайка, трактат, на который все

ссылаются, но никто не читал, за исключением, возможно, лишь тебя.

— Да, я хорошо его знаю. Так твои странствования принесли тебе средства, благодаря которым ты можешь удовлетворить свои желания?

Кугель с улыбкой покачал головой.

— У меня не так много денег. Я планирую жить совсем скромной жизнью.

— Украшение на твоей шляпе очень броское. Ядро, или утолщение, блестит так ярко, как превосходный хиполит.

Кугель снова покачал головой.

— Это простое стекло, преломляющее красный солнечный свет.

Юкоуну недоверчиво хмыкнул.

— На этой дороге полно разбойников. Они первым делом накинутся на твое бесценное украшение.

— Тем хуже для них, — усмехнулся Кугель.

— Как так? — встрепенулся Юкоуну.

— Любого, кто попытается силой отобрать у меня украшение, — любовно погладил камень Кугель, — разорвет в мелкие кусочки вместе с ним.

— Грубо, но эффективно, — признал Юкоуну. — Мне пора по своим делам.

Юкоуну, или его призрак, исчез. Кугель, уверенный в том, что шпионы наблюдают за каждым его движением, пожал плечами и пошел своей дорогой.

За час до заката Кугель прибыл в деревушку Флэт-Фойри, где остановился на ночлег на постоялом дворе «Пять Флагов». Ужиная в общем зале, он познакомился с Лорганом, торговцем модными вышивками. Лорган был явно настроен поговорить и от души выпить. Кугель не был склонен ни к тому, ни к другому и, сославшись на усталость, довольно рано ушел в свою комнату, оставив Лоргана предаваться пьяным разговорам с несколькими городскими купцами.

Войдя в свою комнату, Кугель запер дверь, а затем, взяв лампу, тщательно осмотрел всю комнату. Постель была чистой; окна выходили на огород; песни и возгласы из общего зала сюда почти не доносились. С удовлетворенным видом Кугель погасил лампу и лег в кровать.

Как только он приготовился задремать, ему послышался странный звук. Он поднялся, чтобы прислушаться, но звук больше не повторился. Кугель снова расслабился. Странный звук раздался опять, немного громче, и из мрака вылетела дюжина шелестящих тварей, похожих на лету-

чих мышей. Они метнулись Кугелю прямо в лицо и вцепились когтями ему в шею, рассчитывая отвлечь его внимание, в то время как черный угорь длинными дрожащими руками пытался стащить шляпу Кугеля.

Кугель отодрал мышеобразных тварей и прикоснулся к угрю «Фейерверком», вызвав мгновенное исчезновение. Крылатые создания с визгом и шелестом вылетели из комнаты.

Кугель разжег лампу. С виду все было в порядке. Он немного подумал, затем, выйдя в коридор, исследовал соседнюю со своей комнату. Она оказалась свободной, и Кугель немедленно перебрался туда.

Через час его сон снова прервали, на этот раз Лорган, уже изрядно навеселе. Увидев Кугеля, он удивленно заморгал.

— Кугель, почему ты спишь в моей комнате?

— Вы ошиблись, — заявил Кугель. — Ваша дверь — следующая по коридору.

— А, все понятно! Мои глубочайшие извинения!

— Пустяки, — сказал Кугель. — Доброй вам ночи.

— Спасибо.

Лорган, шатаясь, поплелся спать. Кугель, запе-

рев дверь, снова бросился на кровать и отлично выспался, не обращая внимания на шум и вопли из соседней комнаты.

Наутро, когда Кугель завтракал, по лестнице нетвердой походкой спустился Лорган и принялся расписывать ему события прошедшей ночи:

— Я так сладко заснул, и тут в комнату через окно ворвались два огромных мадлока с сильными руками, горящими зелеными глазами и вообще без шей. Они надавали мне тумаков, несмотря на мои мольбы о пощаде, а потом схватили мою шляпу и направились к окну, как будто собираясь уходить, но вернулись и снова отколотили меня, приговаривая: «Это тебе за то, что нам пришлось так повозиться». Потом они наконец ушли. Вам приходилось слышать что-либо подобное?

— Никогда! — заверил его Кугель. — Это возмутительно.

— В жизни иногда случаются странные вещи, — задумчиво проговорил Лорган. — И все-таки я больше ни за что не остановлюсь на этом постоялом дворе.

— Разумное решение, — одобрил Кугель. — А теперь прошу меня простить, но мне пора в путь.

Он расплатился по счету и отправился в дорогу, и утро прошло без происшествий.

В полдень Кугель подошел к розовому шелковому шатру, раскинутому на поросшем травой пятачке у дороги. За столом, обильно заставленном прекрасными яствами и напитками, сидел Юкоуну, при виде Кугеля подскочивший от удивления.

— Кугель! Какое счастливое совпадение! Ты просто обязан присоединиться к моей трапезе!

Кугель оценил расстояние между Юкоуну и тем местом, где ему пришлось бы сидеть; это расстояние не позволило бы ему дотянуться до Юкоуну рукой в перчатке, где был спрятан «Фейерверк».

Кугель покачал головой.

— Я уже перекусил орехами и изюмом. А ты выбрал для своего пикника прелестное местечко. Желаю приятного аппетита и удачного дня.

— Погоди, Кугель! Минуточку, пожалуйста! Попробуй бокал этой чудесной «Фазолы». Она сразу прибавит тебе сил!

— Она, скорее всего, заставит меня прикорнуть где-нибудь в придорожной канаве. А теперь…

Губы Юкоуну исказила гримаса. Но через миг он уже вновь был сама любезность.

— Кугель, я приглашаю тебя навестить меня в Перголо. Ведь ты не забыл, как там замечательно? Мы будем каждую ночь закатывать огромный

пир, а я открыл новый аспект магии, при помощи которого могу вызвать знаменитых людей из любых эпох. В Перголо столько великолепных развлечений!

Кугель сделал страдальческий жест.

— Ты так сладко зазываешь меня, прямо как сирена! Один глоток такой роскоши может разбить всю мою решимость! Я уже не тот старый повеса Кугель, которым ты меня помнишь!

Юкоуну изо всех сил старался говорить ровным голосом.

— Все чересчур ясно.

Откинувшись назад в своем кресле, он мрачно уставился на шляпу Кугеля. Внезапно сделав нетерпеливый жест, он пробормотал заклинание из одиннадцати слогов, так что воздух между ним и Кугелем исказился и загустел. Силы заметались к Кугелю и обратно, с грохотом расходясь во всех направлениях, оставляя на траве бурые и черные полосы.

Юкоуну, выпятив желтые глаза, смотрел на все происходящее, но Кугель, казалось, совершенно не обратил на это внимание. Он вежливо попрощался с Юкоуну и продолжил свой путь.

Около часа Кугель шагал той самой размашистой с полусогнутыми коленями походкой,

которой оставил позади столько бесконечных лиг. Справа от него на холмах начинался лес Да, более спокойный и тихий, чем Великий Эрм далеко к северу от этих мест. Река и дорога погрузились в тень, и все звуки стихли. В рыхлой земле росли цветы на длинных стеблях: делиции, голубые колокольчики, розетки, камышинки. Коралловые грибы изящными фестонами свисали с трухлявых пней. Косые лучи малинового солнца пробивались сквозь просветы в лесу, создавая полумрак, насыщенный множеством мрачных тонов. Все было неподвижно, и до Кугеля не доносилось ни звука, кроме трелей какой-то далекой птицы.

Несмотря на мнимое одиночество, Кугель развязал свои ножны и старался ступать как можно более тихо, ибо невнимательного путника в лесу могло поджидать множество неприятных сюрпризов.

Через несколько миль лес поредел и остался на севере. Кугель вышел к перекрестку, где стоял отличный двухрессорный экипаж, запряженный четырьмя вериотами. Высоко на облучке сидели две девицы с длинными рыжими волосами, смугло-коричневой кожей и изумрудно-зелеными глазами, в коричневой и серовато-белой ливреях.

Искоса украдкой взглянув на Кугеля, они высокомерно уставились перед собой.

Юкоуну открыл дверцу.

— О-ля-ля, Кугель! Я совершенно случайно здесь проезжал, и гляди-ка! Я вижу моего друга Кугеля, со всех ног спешащего по дороге! Я не ожидал встретить тебя так далеко на этой дороге.

— Мне нравятся открытые дороги, — сказал Кугель. — А спешил я так потому, что хочу до темноты успеть в Таун-Тассель. Прости меня, но я снова должен прекратить наш разговор.

— Это не обязательно! Таун-Тассель как раз мне по дороге. Садись в экипаж, мы поговорим по пути.

Кугель заколебался, посмотрев сначала в одну сторону, потом в другую, и Юкоуну потерял терпение.

— Ну? — рявкнул он. — Что теперь?

Кугель выдавил извиняющуюся улыбку.

— Я никогда не беру, не отдав чего-нибудь взамен. Такая политика предотвращает недоразумения.

Глаза Юкоуну укоризненно блеснули.

— Давай не будем спорить по пустякам! Садись-ка в экипаж, Кугель; ты можешь поделиться со мной своими тревогами по дороге.

— Прекрасно, — сказал Кугель. — Я поеду с тобой в Таун-Тассель, но тебе придется принять эти три терция как полную, точную, окончательную и всеобъемлющую плату за проезд и все прочие аспекты, приложения, побочные продукты и последствия, прямые или косвенные, вышеуказанной поездки, отказавшись от всех других притязаний, сейчас или когда-либо еще, включая все времена в прошлом и будущем, без исключения, и освободив меня, целиком и полностью, от всех любых дальнейших обязательств.

Юкоуну поднял свои маленькие круглые кулачки и сжал зубы.

— Я не признаю всю твою мелочную философию! Отдавая, я испытываю радость! В настоящий момент я предлагаю в твое полное и безоговорочное распоряжение этот превосходный экипаж, включая колеса, рессоры и обивку, четверку вериотов с двадцатью шестью мерками золотой цепи и парой прилагающихся девиц. Все это твое! Езжай, куда пожелаешь!

— Я ошеломлен твоим великодушием! — воскликнул Кугель. — А что, смею спросить, ты хочешь взамен?

— Ба! Да какой-нибудь пустяк, просто в знак обмена. Та безделушка, которую ты носишь на

шляпе, вполне подойдет.

Кугель изобразил сожаление.

— Ты просишь о единственной вещи, которой я дорожу. Я нашел этот талисман у Шенгльстоун-стрэнд. Я прошел с ней через огонь и воду, и теперь ни за что не смогу с ней расстаться. Возможно, она даже обладает волшебной силой.

— Чепуха! — фыркнул Юкоуну. — Я магию за милю чую. Эта штуковина скучна, как прокисшее пиво.

— Ее блеск, подбадривал меня в часы уныния; я никогда с ней не расстанусь.

У Юкоуну вытянулось лицо.

— Да ты стал чересчур сентиментален!

Взглянув за плечо Кугеля, Юкоуну пронзительно вскрикнул:

— Берегись! На нас налетела стая таспов!

Обернувшись, Кугель обнаружил на крыше экипажа все увеличивающуюся орду зеленых существ, похожих на скорпионов, но размером с ласку.

— Быстро! — воскликнул Юкоуну. — В экипаж! Возницы, поехали!

Поколебавшись лишь мгновение, Кугель запрыгнул в экипаж. Юкоуну вздохнул с огромным облегчением.

— Очень вовремя! Кугель, я спас твою жизнь!

Кугель посмотрел в заднее окошко.

— Таспы исчезли! Растаяли в воздухе! Разве такое возможно?

— Не все ли равно? Мы в безопасности, и это главное. Скажи спасибо, что я со своим экипажем оказался поблизости! Разве ты мне не признателен? Возможно, теперь ты уступишь моему капризу и отдашь украшение со шляпы?

Кугель обдумал ситуацию. С того места, где он сидел, было не так-то легко коснуться чешуйкой лица Юкоуну. Он решил попытаться выиграть время.

— И зачем тебе понадобилась такая безделица?

— По правде сказать, я коллекционирую подобные вещи. Твоя будет жемчужиной моей коллекции. Будь так добр, дай ее мне, хотя бы только посмотреть.

— Это не так-то легко. Если ты присмотришься, то увидишь, что она прикреплена к моей шляпе слоем диамброида.

Юкоуну досадливо прищелкнул языком.

— Зачем ты на это пошел?

— Чтобы отпугнуть воров, зачем же еще?

— А ты сможешь безопасно ее открепить?

— Это когда мы трясемся и раскачиваемся в

едущем экипаже? Я не отважусь попробовать.

Юкоуну бросил на Кугеля косой взгляд лимонно-желтых глаз.

— Кугель, ты что, пытаешься, как это говорится, водить меня за нос?

— Конечно, нет.

— Именно так.

Двое сидели молча, пока мимо них мелькали сменяющие один другой пейзажи. В общем, думал Кугель, довольно рискованная ситуация, хотя его планы и требовали именно такого развития событий. Кроме того, ему ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Юкоуну рассмотрел чешуйку с близкого расстояния; бугристый нос Юкоуну действительно мог учуять магию, ну, или ее отсутствие.

Кугель убедился, что экипаж пересекает не лес, а открытую местность. Он повернулся к Юкоуну.

— Эта дорога ведет не в Таун-Тассель! Куда мы едем?

— В Перголо, — ответил Юкоуну. — Я настаиваю на том, чтобы оказать тебе свое гостеприимство.

— Твоему приглашению трудно воспротивиться, — заметил Кугель.

Экипаж пересек ряд холмов и спустился в долину, которую Кугель очень хорошо помнил.

Впереди он заметил воды реки Твиш, на которых играли красные солнечные блики; затем на уступе показался Перголо, дом Юкоуну, и через миг экипаж въехал под портик.

— Мы приехали, — сказал Юкоуну. — Кугель, рад снова приветствовать тебя в Перголо. Хочешь выйти?

— С удовольствием, — согласился Кугель.

Юкоуну провел Кугеля в переднюю.

— Сначала, Кугель, давай промочим пересохшие от дорожной пыли горла бокалом вина. Затем закрепим ослабевшие узы нашего сотрудничества, которое простирается несколько дальше в прошлое, чем ты, возможно, помнишь.

Этими словами Юкоуну намекал, на время, когда Кугель взял над ним верх.

— Эти дни скрыты во тьме времен, — пожал плечами Кугель. — Теперь все забыто.

Юкоуну фальшиво улыбнулся.

— Немного попозже мы предадимся воспоминаниям, к нашему обоюдному удовольствию! А сейчас почему бы тебе не снять шляпу, плащ и перчатки?

— Да мне и так неплохо, — ответил Кугель, оценивая расстояние от него до Юкоуну. Один широкий шаг, взмах рукой — и дело будет сделано.

Юкоуну, казалось, почувствовал, какие мысли обуревают Кугеля, и сделал шаг назад.

— Первым делом — наше вино! Пойдем в маленькую столовую!

Юкоуну проводил Кугеля в зал, стены которого были обиты превосходным красным деревом, где его весьма бурно встретило какое-то маленькое круглое животное с длинным мехом, короткими ножками и черными глазками-пуговицами. Странное создание принялось скакать туда-сюда, время от времени разражаясь пронзительным лаем. Юкоуну похлопал зверя.

— Ну, ну, Эттис, как твои дела? Я рад услышать такие замечательные новости, поскольку, если не считать Кугеля, ты мой лучший друг. Ну же, уймись! Мне нужно побеседовать с Кугелем.

Юкоуну сделал Кугелю знак сесть за стол, а сам уселся напротив. Животное с громким лаем носилось туда и обратно, прерываясь лишь для того, чтобы цапнуть Кугеля за лодыжки.

Пара юных сильфов[10] вплыла в комнату с серебряными подносами, которые они поставили перед Кугелем и Юкоуну, а затем вновь удалились туда, откуда появились.

---

[10] Примечания: 10

Сильф — существо, дух, обитающее в воздухе.

Юкоуну, потирая руки, сказал:

— Как тебе известно, Кугель, я подаю только самое лучшее. Вино — Ангелиус из Квантика, а бисквиты сделаны из пыльцы красного клевера.

— У тебя всегда был превосходный вкус, — сказал Кугель.

— Меня удовлетворяют лишь утонченные и изысканные вещи, — подтвердил Юкоуну, пригубливая вино. — Бесподобно!

Он отхлебнул еще глоток.

— Крепкое, терпкое, с привкусом высокомерия! М-м!

Он взглянул на сидящего напротив него Кугеля.

— А ты что думаешь?

Кугель печально покачал головой:

— Лишь один глоток этого божественного эликсира, и я никогда больше не смогу пить обычные напитки.

Обмакнув бисквит в вино, он предложил его Эттису, который вновь вцепился в его ногу.

— Уж Эттис разбирается в этом куда лучше меня.

Юкоуну протестующе вскочил на ноги, но животное уже проглотило кусок, после чего странно скрючилось и упало на спину, задрав вверх око-

стеневшие лапы.

Кугель вопросительно взглянул на Юкоуну.

— А ты неплохо выдрессировал его притворяться мертвым. Умная животина.

Юкоуну медленно опустился в кресло. В комнату вплыли два сильфа и унесли Эттиса прочь на серебряном подносе.

Юкоуну сквозь зубы проговорил:

— Давай вернемся к нашим делам. Бродя по Шенгльстоун-стрэнд, не приходилось ли тебе встречаться с неким Тванго?

— Да, я действительно встречался с ним, — кивнул Кугель. — Необыкновенная личность. Он возмутился, когда я отказался продать ему мою маленькую безделушку.

Юкоуну впился в Кугеля взглядом.

— Он объяснил тебе, почему?

— Он говорил что-то о демиурге Садларке, но в такой туманной манере, что я утратил к этому всякий интерес.

Юкоуну поднялся на ноги.

— Я покажу тебе Садларка. Пойдем! В кабинет, который, разумеется, дорог твоей памяти.

— Кабинет? Ну что ты. Эти события остались в прошлом.

— А я очень отчетливо их помню, — беспечно

сказал Юкоуну. — Все до единого.

По пути в кабинет Кугель попытался подобраться к Юкоуну, но безуспешно; Смеющийся Маг, казалось, всегда был примерно в ярде от облаченной в перчатку руки Кугеля, в которой он держал наготове свой «Фейерверк».

Они вошли в кабинет.

— Сейчас ты увидишь мою коллекцию, — сказал Юкоуну. — Тебя больше не будет удивлять Мой интерес к твоему талисману.

Он взмахнул рукой; темно-красное покрывало упало на пол, обнажив чешуи Садларка, укрепленные на каркасе из тонкой серебряной проволоки. Судя по этой реконструкции, Садларк был созданием довольно скромных размеров, стоящим на двух коротких и толстых ходулях, с двумя парами шарнирных рук, каждая из которых заканчивалась десятком цепких пальцев. Голова, если, конечно, такой термин вообще был применим, была не более чем башенкой, венчавшей великолепное упругое туловище. Чешуйки на животе были бело-зеленого цвета, с темно-зеленым килем, отливающим багрянцем, оканчивавшимся у лобовой башни белой, режущей глаз пустотой.

Юкоуну сделал исполненный достоинства

жест.

— Перед тобой Садларк, знаменитое существо из верхнего мира, чьи самые контуры выдают мощь и стремительность. Его облик поражает воображение. Ты согласен, Кугель?

— Не вполне, — возразил Кугель. — И все же, в общем и целом, ты воссоздал замечательно изящный экземпляр, и я приношу тебе свои поздравления.

Он обошел вокруг сооружения, будто бы в восхищении, тем временем надеясь подойти на расстояние вытянутой руки к Юкоуну, но как только Кугель делал шаг, Смеющийся Маг делал то же самое, расстраивая все планы Кугеля.

— Садларк — больше чем простой экземпляр, — почти благоговейно произнес Юкоуну. — А теперь взгляни на чешуйки, каждая из которых установлена на надлежащем месте, за исключением той, которая должна быть на верхушке киля, где зияющая дыра оскорбляет взор. Не хватает одной-единственной чешуйки, самой важной из всех: ядра, или, как его еще называют, «Нагрудного разбивающего небеса фейерверка». Долгие годы, к моему невыразимому отчаянию, я считал его потерянным. Кугель, ты можешь представить, как я был счастлив, как радостно пело

мое сердце, как клокотал восторг в моей груди, когда, взглянув на тебя, я обнаружил на твоей шляпе эту чешуйку? Я ликовал, словно нашему солнцу добавили еще сто лет жизни! Я чуть не подпрыгивал от абсолютного счастья. Кугель, ты можешь понять мои чувства?

— В той степени, в которой ты описал их, — да, могу. Что же касается источника этих чувств, я в недоумении.

И Кугель приблизился к каркасу в надежде, что Юкоуну в своем неумеренном энтузиазме окажется в пределах досягаемости.

Юкоуну, отодвинувшись, коснулся каркаса, заставив чешуйки зазвенеть.

— Кугель, в некоторых отношениях ты недогадлив и бесчувственен; твои мозги — как чуть теплая каша, и я говорю это без гнева. Ты способен понять лишь то, что видишь, а ведь это только крошечная часть.

Юкоуну рассмеялся, и Кугель вопросительно взглянул на него.

— Взгляни на Садларка! — велел Юкоуну, — Что ты видишь?

— Проволочный каркас и уйму чешуй в предполагаемой форме Садларка.

— А что, если убрать каркас?

— Чешуйки свалятся в кучу.

— Вот именно. Ты прав. А ядро — это тот узловой пункт, который связывает другие чешуйки силовыми линиями. Этот узел — душа и сила Садларка. Если поставить его на место, Садларк вновь оживет; ведь в действительности он никогда не умирал, а всего лишь распался.

— А как насчет, скажем, его внутренних органов?

— В верхнем мире такие части тела считаются излишними и даже несколько пошлыми. Короче говоря, у него нет внутренних органов. Какие еще есть вопросы или замечания?

— Я осмелился бы вежливо намекнуть, что день заканчивается, а я хочу до темноты попасть в Таун-Тассель.

— И ты там будешь! — сердечно пообещал Юкоуну. — Но сначала будь столь любезен положить на стол «Нагрудный разбивающий небеса фейерверк», и чтобы на нем не было никаких следов диамброида. Тебе ничего другого не остается.

— Ну почему же, — сказал Кугель. — Я предпочитаю оставить чешуйку себе. Она приносит мне удачу и отражает недобрые чары, как ты уже заметил.

Глаза Юкоуну сверкнули желтым огнем.

— Кугель, твое упрямство просто поразительно. Чешуйка действительно образует защитный слой между тобой и враждебными чарами обычного вида. Но она не влияет на магию верхнего мира, и я владею некоторыми заклинаниями. А пока, пожалуйста, прекрати подбираться ко мне, пытаясь приблизиться на длину своего меча. Я уже устал шарахаться от тебя каждый раз, когда ты делаешь шаг в мою сторону.

— Такое гнусное деяние никогда даже не приходило мне в голову, — надменно ответил Кугель.

Он вытащил меч из ножен и бросил его на скамью.

— Вот! Смотри сам, как плохо ты обо мне думал!

Юкоуну, прищурившись, взглянул на меч.

— И все же держись от меня подальше. Я не из тех, кто приветствует излишнюю близость.

— Ты можешь рассчитывать на мое абсолютное содействие, — с достоинством сказал Кугель.

— Я буду откровенным! Твои деяния уже давно требуют воздаяния по заслугам, и как человек совестливый, я вынужден действовать. И все же тебе не стоит усложнять мою задачу.

— Какие суровые речи! — сказал Кугель. — Ты предложил подвезти меня в Таун-Тассель. Я не

ожидал вероломства.

Юкоуну и ухом не повел.

— В последний раз требую — сейчас же отдавай чешую!

— Ничем не могу тебе помочь, — отозвался Кугель. — Поскольку ты требовал в последний раз, мы можем выехать в Таун-Тассель.

— Чешую, пожалуйста!

— Возьми ее с моей шляпы, если тебе так хочется. Я не буду тебе помогать.

— А диамброид?

— Садларк меня защитит. Тебе придется рискнуть.

Юкоуну пронзительно расхохотался.

— Вот увидишь, Садларк защитит и меня!

Он сорвал свою одежду и мгновенным движением прыгнул в центр каркаса, так что его ноги совпали с ходулями Садларка, а его лицо показалось в отверстии башни. Проволока и чешуи стянулись вокруг его приземистого тела; чешуйки облегли его, как собственная кожа.

Голос Юкоуну зазвучал хором медных труб:

— Ну что, Кугель, что ты теперь думаешь?

Кугель раскрыл рот от изумления. Наконец он произнес:

— Чешуя Садларка на удивление хорошо на

тебе сидит.

— И это не случайное совпадение, я уверен!

— А почему нет?

— Я — воплощение Садларка; я часть его сущности! Таково мое предназначение, но прежде чем я обрету полную силу, я должен стать целым! Ты можешь без дальнейших уверток вставить «Фейерверк» на место. Помни, Садларк больше не будет защищать тебя от моей магии, поскольку она станет и его магией.

Дрожь, пробежавшая под перчаткой Кугеля, означала, что «Фейерверк» подтверждает это замечание.

— Так и должно быть, — согласился Кугель.

Он осторожно отсоединил украшение от своей шляпы и удалил диаброид. Он на мгновение задержал его в руке, потом приложил ко лбу.

— Что ты делаешь? — воскликнул Юкоуну.

— Возобновляю напоследок свои жизненные силы. Эта чешуя частенько выводила меня из всяческих передряг.

— Сейчас же прекрати! Мне понадобится вся сила до последней йоты для моих собственных целей. Давай сюда чешуйку!

Кугель позволил подлинной чешуйке под перчаткой скользнуть в его ладонь и спрятал

фальшивое украшение. С тоской в голосе он произнес:

— Я с кровью отрываю от сердца мое сокровище. Могу я на несколько последних секунд приложить его к своему лбу?

— Ни в коем случае! — заявил Юкоуну. — Я намерен приложить чешую к своему собственному лбу. Положи ее на скамью и отойди прочь!

— Как скажешь, — вздохнул Кугель. Он оставил «Фейерверк» на скамье, затем, забрав свой меч, печально вышел из комнаты.

Довольно хмыкнув, Юкоуну приложил чешуйку ко лбу.

Кугель остановился у фонтана в фойе, поставив ногу на край бассейна. В таком положении он бесстрастно слушал ужасные вопли, вырывающиеся из горла Юкоуну.

В кабинете вновь воцарилась тишина.

Прошло несколько секунд.

До Кугеля донесся глухой стук.

Садларк неуклюжими скачками пытался прорваться в фойе, используя свои ходули, как ноги, но только тяжело падал время от времени, беспомощно барахтаясь и катаясь на полу, оглушительно брякая чешуями.

Послеполуденный свет лился сквозь распах-

нутую дверь; Кугель не двигался, надеясь, что Садларк рухнет в проем и вернется в Верхний мир.

Садларк остановился и просипел:

— Кугель! Где Кугель? Все силы, которые я поглотил, включая угря и хорька, требуют, чтобы к ним присоединился Кугель! Где ты? Кугель, отзовись! Я ничего не вижу в этом странном земном свете. Вот почему я рухнул в болото!

Кугель хранил молчание, едва отваживаясь дышать. Садларк медленно обвел красным утолщением на. «Фейерверке» вокруг фойе.

— Ага, Кугель, вот ты где! Стой смирно!

Садларк, шатаясь, двинулся вперед. Не подчинившись приказанию, Кугель помчался на дальний конец фонтана. Разъяренный непослушанием Кугеля, Садларк сделал громадный прыжок. Кугель схватил таз, зачерпнул воды и выплеснул ее на Садларка, который недооценил разделяющее их расстояние и навзничь рухнул в фонтан.

Вода зашипела и запузырилась, истощая силы Садларка. Чешуйки распались и лениво заплясали на дне фонтана.

Кугель пошарил в воде, разыскивая «Фейерверк». Он завернул чешуйку в несколько слоев

плотной ткани и, принеся ее в кабинет, положил в кувшин с водой, который запечатал и спрятал.

В Перголо воцарилась тишина, но Кугель не мог успокоиться; присутствие Юкоуну висело в воздухе. Казалось, Смеющийся Маг подглядывает из какого-нибудь укромного места, обдумывая парочку новых забавных шуток и изо всех сил стараясь сдержать смех.

Кугель обыскал Перголо сверху донизу, но не обнаружил никаких следов Юкоуну, за исключением черного опалового перстня, найденного им в фонтане среди чешуек, и только тогда убедился в том, что Юкоуну больше нет.

На одном конце стола сидел Кугель; на другом — Баззард, Диссерл, Пелейсиас, Архимбауст и Васкер. Отнятые у них давным-давно части тела были благополучно извлечены из подвала, рассортированы и возвращены владельцам, ко всеобщему удовлетворению.

Шесть сильфов подали роскошный обед, которому, несмотря на то, что он не мог похвалиться диковинными приправами и немыслимыми сочетаниями «новой кухни» Юкоуну, веселая компания воздала должное.

Каких только тостов не было провозглашено; за изобретательность Баззарда, за стойкость че-

тырех колдунов, за храбрые хитрости и уловки Кугеля. Кугеля спрашивали, и не раз, куда теперь поведут его планы, и каждый раз он мрачно качал головой.

— Юкоуну больше нет, и тот кнут, который подгонял меня, исчез. Мои глаза не смотрят никуда, и у меня нет никаких планов.

Осушив бокал, Васкер провозгласил философски;

— Жизнь без цели скучна!

Диссерл тоже опрокинул свой кубок, после чего ответил брату:

— Думаю, что эта мысль не нова. Язвительный критик мог бы даже употребить слово «банальность».

Васкер отреагировал на эту колкость вполне спокойно.

— Есть идеи, которые подлинно незаурядный ум открывает вновь на благо человечества. Я настаиваю на своем замечании! Кугель, ты согласен?

Кугель сделал знак сильфам, чтобы проворнее опорожняли свои графины.

— Интеллектуальное взаимодействие сбивает меня с толку; я довольно-таки растерян. Обе точки зрения не лишены убедительности.

Васкер предложил:

— Возможно, ты вернешься вместе с нами в Ллайло, и мы во всех подробностях разъясним тебе свою философию?

— Я буду помнить о вашем приглашении. Но в следующие несколько месяцев я буду очень занят здесь, в Перголо, разбираясь с делами Юкоуну. Многие его шпионы уже выдвинули требования и счета, которые почти наверняка подделаны. Я немедленно их уволил.

— А когда все будет в порядке? — спросил Баззард. — Что тогда? Настанет время для простой хижины у реки?

— Такая хижина и жизнь, полная лишь созерцания играющего на воде солнечного света, кажутся весьма заманчивыми. Но боюсь, что за эти годы я стал непоседой.

— В мире есть еще много далеких мест, которых ты не видел, — осмелился посоветовать Баззард. — Говорят, плавучий город Джехаз совершенно великолепен. Возможно, тебе также захочется исследовать Страну Бледных Дам. Или ты хочешь провести свою жизнь в Альмери?

— Будущее покрыто неясной дымкой.

— Это верно для всех нас, — заявил Пелейсиас. — К чему строить планы? Солнце вполне

может потухнуть завтра.

Кугель легкомысленно отмахнулся.

— Вот эту мысль нужно выкинуть из головы! Сегодня мы сидим здесь и пьем пурпурное вино! Пусть сегодня длится вечно!

— Я думаю совершенно так же! — воскликнул Архимбауст. — Сейчас есть сейчас. Никогда нельзя пережить что-то большее, чем это единственное «сейчас», которое длится ровно секунду.

Баззард нахмурил брови.

— А как насчет первого «сейчас» и последнего «сейчас»? Следует ли рассматривать их как единую суть?

— Баззард, твои вопросы чересчур серьезны для такого мероприятия. Песни твоих музыкальных рыб подошли бы больше.

— Они слишком медленно учатся, — вздохнул Баззард. — Я подготовил солиста и хор контральто, но они еще не спелись.

— Не страшно, — улыбнулся Кугель. — Обойдемся сегодня без них. Юкоуну, где бы ты ни был: в нижнем ли мире, в верхнем ли или вообще ни в одном из миров — мы пьем за твою память твое собственное вино! Это последняя шутка, хотя, возможно, и ничтожная, но шутка над тобой, и, следовательно, она по душе всей компании!

Сильфы, не забывайте про графины! Наполните-ка наши бокалы! Баззард, ты попробовал этот превосходный сыр? Васкер, еще анчоусов? Праздник продолжается!

Риалто Великолепный (Перевод Е. Чириковой)

Вы читаете сказания эпохи 21-го Зона, когда Земля уже состарилась, и солнце вот-вот должно было погаснуть. В Асколэсе и Альмери — землях, лежащих к западу от Падающей Стены, — находилось пристанище группы магов, создавших ассоциацию для защиты собственных интересов. Число их на протяжении многих лет неоднократно менялось, но на сегодняшний день в ассоциацию входят:

Айделфонс Наставник;

Риалто Великолепный;

Хуртианец, толстый коротышка, печально известный своим свирепым нравом;

Херард Вестник, строгий и педантичный;

Шру, чернокнижник, чьи остроты часто озадачивают коллег по ассоциации и иногда лишают их спокойного сна;

Гилгэд, маленький человечек с огромными серыми глазами, всегда одетый в розовое. Ладони пухлые, всегда холодные и влажные. Окружающие стремятся избегать его рукопожатий;

Вермулиан Путешествующий По Сновидениям, чрезвычайно высокий, худой мужчина с величественной походкой;

Мун Философ, очень немногословен, имеет четырех жен.

Зилифант, человек внушительного телосложения, с длинными каштановыми волосами и волнистой бородой;

Дарвик Миаантер, по непостижимым причинам до самозабвения влюблен в домино;

Пэргастин, миниатюрный блондин, не имеющий друзей. Обожает все мистическое и таинственное. Редко открывает свое действительное место пребывания;

Эо Хозяин Опалов, мрачен, имеет остроконечную черную бороду, язвителен в общении;

Эшмаил, почти с детской непосредственностью восхищается собственным черно-белым обличьем;

Барбаникос, низкорослый крепыш с копной белых волос.

Туман Зачарованной Воды, человекопобное существо с горящими глазами, зеленой кожей и оранжевой листвой вместо волос;

Пандерлу, собиратель редких и изумительных артефактов из всех доступных измерений;

Бизант Некромант;

Неженка Лоло, пухлый эпикуреец;

Тчамаст, угрюм, общепризнанный аскет. В своем недоверии к женщинам доходит до того, что допускает за ограду своих владений насекомых только мужского пола;

Тейч, редко говорит вслух, предпочитая замысловатый способ разговора с помощью выщелкивания слов кончиками пальцев. Как Старейший во Вселенной имеет право надзора за собственной бесконечностью;

Закулик-Кнутц, чьи бронзовые ногти на руках и ногах испещрены таинственными символами;

Нафареддин, ученый из Древнего Ромара.

Занзель Меланктон;

Эйч-Монкур, чье тщеславие и маньеризм превосходят аналогичные качества самого Риалто.

Магия есть практическая наука, или, если быть точным, ремесло, поскольку во главу угла поставлена, скорее, приносимая от нее польза, нежели базовые знания. Это лишь общее определение, поскольку на безграничных просторах поля деятельности магии каждый практик обретает собственную индивидуальность, стиль, и на протяжении славных времен Большого Мотолэма многие маги-философы пытались уловить прин-

ципы, управляющие сферой магии.

В конце концов настойчивые исследователи, в число которых входили величайшие колдуны своего времени, узнали достаточно лишь для того, чтобы осознать — полное и всеобъемлющее знание не существует в природе. Желаемого эффекта можно было достичь множеством способов, каждый из которых, впрочем, требовал ежедневных тренировок и извлечения энергии из враждебной среды.

Великие маги Большого Мотолэма в достаточной степени осознавали границы человеческих возможностей и большую часть времени занимались решением практических задач, разыскивая абстрактные принципы лишь в свободные минуты. По этой причине магия сохранила многочисленные особенности, свойственные человеческой расе, хотя действующая сила никогда не имела человеческой природы. Случайный взгляд в любой из основных каталогов магических заклинаний позволил бы убедиться в их направленности на людей; перечень чародейских заклятий, хоть и немного архаичный, приятно удивил бы читающего. Заглянув (лишь на мгновение) в четвертую главу учебника по практической магии Килликлоу, мы обнаружили

бы написанные светло-фиолетовыми чернилами строки:

Нанесение физического вреда по Ксарфаджио,

Лишение пальцев по Аргульту,

Необычайная щедрость по Лютару Брасснозу,

Заклинание замурованного отшельника,

Кольцо холода по Тинклеру,

Абсолютный контроль нервной системы по Кламбарду,

Зеленая и Фиолетовая степени веселья,

Нейтрализация дурного глаза по Пангайру,

Непроходящая чесотка по Лагвайлеру,

Удлинение носа по Кхалипу,

Фальшивые аккорды по Рэдлу.

Заклинание, по существу, соответствует коду или набору инструкций, направляемых на сенсорную оболочку объекта, который способен изменяться в соответствии с условиями заклинания и не противится этому. Объекты не обязательно должны быть существами разумными или просто чувствующими, а поведение их, с точки зрения новичка, будет казаться непредсказуемым, лишенным всякой логики и даже опасным.

Наиболее сговорчивы и послушны существа низшего порядка, самыми совершенными из

которых являются Слуги. Капризнейшие творения известны благодаря Темучину, как дайхаки. Демоны и Боги относятся именно к этой группе. Могущество мага определяется широтой способностей созданного им существа. Начинающий маг просто не в состоянии контролировать дайхаков. Каждый более-менее влиятельный чародей имеет в услужении одного или нескольких Слуг. Немногие архимаги Большого Мотолэма осмеливаются использовать дайхаков низшего порядка. Перечисление их имен вызывает благоговейный трепет, ибо в самих именах заключена невероятная сила. Вот некоторые величайшие и могущественнейшие маги Большого Мотолэма:

Фандаал Великий.

Амберлин Первый.

Амберлин Второй.

Дибаркак Маор (ученик Фандаала).

Архимаг Маэль Лель Лэо (он жил во дворце, высеченном из огромного лунного камня).

Вапуриалы.

Зеленый и фиолетовый компаньоны.

Зинкзин Энциклопедист.

Киролль Порфироносный.

Калантус Спокойный.

Ллорио Насылающая Наваждения.

Маги эпохи 21-го Зона отличались разобщенностью и отсутствием согласия в своих рядах.

Часть первая
Насылающая наваждения
Глава первая

На дворе была середина последней эпохи 21-го Эона. Ранним прохладным утром Риалто завтракал в восточном куполе своего имения Фалу. В тот день солнце с трудом поднималось из-за пелены тумана, тускло освещая зеленые просторы Нижних Лугов.

По совершенно необъяснимым причинам Риалто вдруг потерял всякий аппетит и лишь попробовал восхитительные блюда из водяных крессов, печеной хурмы и сосисок, отдав предпочтение крепкому чаю с сухарями. Затем, словно забыв о множестве дел, требующих его присутствия в кабинете, он откинулся в кресле у окна, задумчиво глядя в сторону Зачарованного Леса.

Несмотря на рассеянность, восприятие окружающего оставалось на удивление острым. Какое-то насекомое уселось на лист росшей у окна осины; Риалто обратил пристальное внимание на то, под каким углом насекомое согнуло лапки, и отметил мириады красных бликов в его выпуклых глазах.

«Любопытно и познавательно», — подумал он.

Уделив должное внимание насекомому, Риалто принялся рассматривать ландшафт в целом. Он заметил степень наклона поверхности луга, плавно спускавшегося к Тэссе, разновидности растущих там трав. Изучению подверглись изогнутые стволы деревьев на окраине леса, красноватые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь густую листву, синие и зеленые оттенки листьев. Примечательно, что зрение Риалто отличалось чрезвычайной ясностью. Впрочем, слух не уступал ему по остроте… Он обернулся назад, чтобы прислушаться — к чему? Вздохи или еле слышная музыка?

Ничего. Риалто расслабился, посмеявшись над собственными фантазиями, и вылил остывший чай. Подчиняясь непонятному влиянию, маг поднялся на ноги и пошел в гостиную. Там он накинул плащ, надел охотничью шапку и взял жезл, известный как «Проклятье Малфезара». Собравшись, Риалто вызвал своего управляющего и доверенного слугу Ладанка.

— Ладанк, я, пожалуй, прогуляюсь по лесу. Проследи, чтобы Пятый Ват постоянно взбалтывали. Если понадобится, перелей содержимое большого голубого перегонного куба во флягу с пробкой.

Только делай это при низких температурах и постарайся не вдыхать пар, иначе все лицо покроется гнойной сыпью.

— Я понял, хозяин. А что делать с клевеном?

— Не обращай на него внимания и не приближайся к сундуку. Не забывай, что его обещания сделать тебя богатым или подарить столько девственниц, сколько ты захочешь, — иллюзии. Я сомневаюсь, знает ли он, что такое богатство или девственность.

— Хорошо, хозяин.

Риалто покинул имение. Он отправился по тропинке, пересекающей луг и приводящей к Тэссе, добрался до моста, перешел через реку и оказался в лесу. Тропинка, протоптанная когда-то тварями, выходящими по ночам из леса, теперь почти совсем заросла травой. Риалто продолжал идти, пробираясь между деревьями, пересекая поляны, где душистые розовые димфинии яркими брызгами оживляли траву. Позади оставались белые березы и темные осины; из трещин между древними валунами били родники; слышалось журчание ручьев.

Если кто-то разумный и находился поблизости, то он тщательно скрывал свое присутствие. Выйдя на поляну, посреди которой стояла од-

на-единственная береза, Риалто остановился и прислушался… Вокруг была только тишина.

Прошла минута — Риалто не шелохнулся.

Тишина. Была ли она абсолютной?

Музыка, если таковая звучала, раздавалась словно в голове мага.

«Забавно», — подумал Риалто.

Он вышел на открытое место, где стояла одинокая белая береза, казавшаяся хрупкой на фоне гигантских гималайских кедров. Стоило ему остановиться, как снова послышалась музыка.

Беззвучная музыка? Забавное противоречие!

«Странно», — подумал Риалто. Тем более что музыка словно бы исходила у него изнутри… Вот она снова зазвучала: вибрация неопределенных аккордов, создававшая ощущение чего-то сладостного, меланхолического и вдохновенного, — одновременно ясная и неразличимая мелодия.

Риалто осмотрелся по сторонам. Музыка, или нечто похожее на нее, казалось, исходила откуда-то поблизости. Осторожность требовала немедленно развернуться и отправиться обратно в Фалу, не оглядываясь… Маг сделал несколько шагов вперед, и очутился на берегу тихого лесного озера. В воде, словно в зеркале, отражались

стоящие вокруг деревья. Несколько секунд Риалто стоял, не двигаясь, а затем увидел в воде отражение женщины — очень бледной, с серебристыми волосами, завязанными черной лентой. На женщине была белая тога длиной чуть ниже колена, позволявшая видеть обнаженные руки и босые ноги.

Риалто посмотрел в сторону, где должна была стоять реальная женщина, отражавшаяся в воде. На берегу никого не было — ни человека, ни какого бы то ни было живого существа. Маг опустил взгляд на зеркальную поверхность озера — отражение незнакомки не исчезало.

Несколько долгих минут Риалто изучал изображение. Женщина выглядела довольно высокой, у нее была маленькая грудь и узкая талия, придававшие ей сходство с юной девушкой. Лицо незнакомки, не отличавшееся ни утонченностью, ни классическими пропорциями, выражало абсолютное спокойствие — в нем не было ни намека на легкомысленность.

Риалто, который за пристрастие к разного рода внешним эффектам получил прозвище Великолепного, нашел незнакомку красивой, но строгой и даже, возможно, недоступной, тем более что она не пожелала явиться во плоти… Может, и

не только поэтому, думал Риалто, заподозрив в женщине нечто знакомое.

Маг заговорил:

— Мадам, не ваша ли музыка привела меня сюда? Если да, то объясните, чем я могу вам помочь. Не обещаю, однако, что сделаю это.

Незнакомка холодно улыбнулась — ее улыбка не понравилась магу. Он чопорно кивнул головой и продолжил:

— Если вам нечего мне сказать, то я не намерен далее нарушать ваше уединение. — Он еще раз слегка склонил голову, собираясь немедленно вернуться в Фалу, как вдруг что-то словно вытолкнуло его вперед, и Риалто упал в озеро.

Вода оказалась нестерпимо холодной. Маг поплыл к берегу и выбрался на сушу. Нечто или некто, толкнувшее его в озеро, не давало о себе знать.

Постепенно водная гладь вновь стала ровной, как до падения Риалто, но изображение женщины исчезло.

Маг мрачно побрел обратно в Фалу, где позволил себе горячую ванну и чашку чая с вербеной.

Некоторое время Риалто сидел в своем кабинете, изучая книги эпохи Восемнадцатого Эона. Приключение в лесу никак не выходило у него

из головы — маг не мог избавиться от странного возбуждения и легкого звона в ушах. Наконец он приготовил себе профилактический тоник, но, выпив его, почувствовал себя еще хуже. Отчаявшись, Риалто отправился в постель, принял снотворное и уснул тревожным сном.

Недомогание продолжалось целых трое суток. На четвертый день, проснувшись утром, Риалто связался с Айделфонсом, жившим в поместье Бумергарф у реки Скаум.

Айделфонс очень серьезно отнесся ко всему произошедшему, и мгновенно прибыл в Фалу в одной, из своих многочисленных вертушек. Риалто в деталях поведал ему о событиях, имевших место на берегу лесного озера.

— Ну вот, теперь ты все знаешь, и я сгораю от нетерпения услышать твое мнение.

Айделфонс нахмурил брови и посмотрел в сторону деревьев на горизонте. Сегодня Наставник выглядел, как обычно: возле Риалто сидел пухлый мужчина средних лет с тонкими светлыми усами, лысеющей макушкой и оживленными манерами. Оба мага сидели под фиолетовым сливовым деревом неподалеку от дома. На стоявшем возле них столике Ладанк водрузил море сладостей, три сорта чая и графин легкого белого вина.

Немного поразмыслив, Айделфонс произнес:

— Все это весьма и весьма необычно, особенно если учитывать то, что недавно произошло со мной самим.

Риалто быстро взглянул на мага и воскликнул:

— С тобой сыграли похожую шутку?

Выдержав паузу, Айделфонс произнес:

— Ответ может быть и да, и нет.

— Любопытно.

Айделфонс тщательно выбирал слова.

— Пока я не развил свою мысль, позволь спросить, ты когда-нибудь раньше уже слышал это, скажем так, эхо музыки?

— Нет, никогда.

— А звуки, которые ты услышал, были похожи на?..

— Боюсь, они не поддаются описанию. Ни грустные, ни веселые; приятные, хотя противоречивые и резкие.

— Тебе удалось уловить мелодию, или тему, или даже последовательность, которые могли бы послужить нам ключом?

— Лишь намек. Если ты позволишь мне выразиться утонченно, то музыка наполняла меня стремлением к утраченному и недостижимому.

— Вот как! А женщина? Что-нибудь указывало

на то, что перед тобой Насылающая Наваждения? — поинтересовался Айделфонс.

Риалто ненадолго задумался.

— Ее бледность и серебристые волосы выдавали дриаду в обличье античной нимфы. Хотя она была красива, у меня не возникало желания обнять ее. Осмелюсь предположить, что при ближайшем знакомстве все могло бы измениться.

— Хм-м. Твои элегантные манеры вряд ли впечатлили бы Насылающую Наваждения… Когда ты заподозрил, что перед тобой именно она?

— Вернувшись домой в сапогах, полных воды, я был в этом абсолютно уверен. Настроение ни к черту — возможно, заклятье начинало действовать. В любом случае, образ женщины и музыкальный мотив слились воедино, и тогда я понял, с кем довелось повстречаться. Дома я сразу открыл книгу Калантуса в поисках совета. Судя по всему, заклятье набирало силу. Только сегодня я оказался в состоянии вызвать тебя.

— Лучше бы ты сделал это раньше, хотя у меня были те же проблемы… Что это за надоедливый шум?

Риалто взглянул на дорогу.

— Кто-то приближается к нам… Похоже, это Занзель Меланктон.

— Что это за странное скачущее существо перед ним?

Риалто вытянул шею, чтобы получше разглядеть.

— Никак не пойму… Подождем, пока они подъедут поближе.

По дороге на четырех огромных колесах мчался роскошный двуспальный диван с пятнадцатью золотистыми подушками. Человекоподобное существо, прикованное цепью к дивану, бежало перед ним, поднимая клубы пыли.

Встав на ноги, Айделфонс приветственно поднял руку.

— Хэлло, Занзель! Это я, Айделфонс! Куда это ты так спешишь, и что за странная тварь бежит рядом с тобой?

Занзель остановился и радостно воскликнул:

— Айделфонс! Риалто! Друзья мои, как я рад вас видеть! Совсем забыл, что дорога проходит мимо Фалу! Впрочем, это приятный сюрприз.

Занзель посмотрел на стоявшую возле дивана тварь и заявил:

— Я недавно отловил этого подлеца и намерен казнить его там, откуда его призрак не сможет накликать на меня беду. Как насчет вон того луга? Кажется, он достаточно далеко от моих

владений.

— Зато совсем рядом с моими. Найди лучше место, подходящее нам обоим, — проворчал Риалто.

Тут пленник подал голос:

— А как же я? Мне нельзя выразить свою точку зрения?

— А ты можешь предложить что-то, подходящее нам троим?

— Секундочку! Пока вы не казнили его, расскажи-ка мне поподробнее об этом существе! — Айделфонс в ожидании смотрел на Занзеля.

Да тут особенно нечего говорить. Я совершенно случайно изобличил его — он расколол яйцо с тупого конца. Как видите, у него по шесть пальцев на ногах, обнаженный череп и пучки перьев на плечах. Думаю, он пришел из Восемнадцатого или даже конца Семнадцатого Зона. Сам он называет себя Лекустер.

— Интересно! Похоже, он живое ископаемое! Лекустер, ты осознаешь собственную уникальность? — Айделфонс обратился к запыхавшейся твари.

Занзель не позволил ему ответить.

— Доброго дня вам обоим! Риалто, ты как-то болезненно выглядишь! Тебе следовало бы выпить

горячего молока и отдохнуть — вот мой совет.

— Спасибо. Заезжай еще, когда будет свободное время, только впредь не забывай, что мой домен простирается до того горного хребта. Можешь казнить Лекустера за ним, — ответил Риалто.

— Минуточку! Подождите! Неужели в Двадцать Первом Зоне нет ни одного разумного существа? Разве вам не интересно, зачем я пришел в вашу мерзкую эпоху? Я готов выкупить свою жизнь за ценную информацию! — в отчаянии воскликнул Лекустер.

— Нежели! Что же за информацию ты можешь нам предложить? — поинтересовался Айделфонс.

— Я сделаю предложение только конклаву высших магов, где все будет официально записано, и мне гарантируют жизнь, — ответил Лекустер.

Вспыльчивый Занзель заерзал на диване.

— Что такое? Ты хочешь ко всему прочему очернить мою репутацию?

Айделфонс поднял руку и спокойно возразил:

— Будь терпеливым, Занзель! Кто знает, что это ископаемое с шестью пальцами может нам поведать? Лекустер, скажи, о чем ты готов рассказать?

— Среди вас на свободе разгуливает Насылаю-

щая Наваждения, накладывая заклятья направо и налево. Больше я не скажу ни слова, пока мне не гарантируют безопасность.

— Ба-а! Так ты решил запудрить нам мозги своими сказками? Джентльмены, удачного вам дня. Мне надо спешить по своим делам, — заявил возмущенный Занзель.

Айделфонс медленно возразил:

— Случай очень опасный! Занзель, ты не имеешь права казнить его, поскольку не знаешь многих фактов. Как Наставник я должен приказать тебе привезти Лекустера живым и невредимым на срочный конклав в Бумергарфе, где мы подробно разберем это дело. Риалто, думаю, ты уже в состоянии присоединиться к нам?

— Разумеется! Все слишком серьезно, чтобы я мог позволить себе и дальше валяться в постели.

— Очень хорошо! Тогда поспешим в Бумергарф!

Лекустер, почувствовав надежду на спасение, поинтересовался:

— А нельзя ли мне не бежать всю дорогу? На конклаве я буду еле жив от усталости…

Айделфонс обратился к Занзелю:

— Принимая во внимание сложность ситуации, я беру на себя опеку над Лекустером. Занзель,

будь так добр, расстегни цепь.

Занзель недоуменно прорычал:

— Безрассудство и глупость! Подлеца надо немедленно казнить, пока он не затуманил мозги всем нам!

Риалто, удивленный горячностью Занзеля, решительно возразил:

— Айделфонс прав! Надо вникнуть в суть дела, прежде чем сделать то, что мы всегда успеем.

Глава вторая

Конклав, собравшийся в Бумергарфе выслушать предложения Лекустера, насчитывал только пятнадцать членов ассоциации магов, в которой к тому времени состояло приблизительно двадцать пять человек. На конклаве присутствовали Айделфонс, Риалто, Занзель, чернокнижник Шру, Бизант Некромант, Тейч, как Старейший во Вселенной, имеющий право надзора за собственной бесконечностью; Мун Философ, хладнокровный и умный Пэргастин, Тчамаст, претендовавший на знание источника всех камней Иона; Барбаникос, Туман Зачарованной Воды, Эо Хозяин Опалов, Пандерлу, чья коллекция артефактов вызывала всеобщую за-

висть, и Гилгэд.

Не церемонясь, Айделфонс призвал конклав к порядку:

— Я весьма огорчен, что не все соизволили явиться на собрание, потому что нам предстоит решить дело чрезвычайной важности. Позвольте мне для начала описать случай с нашим коллегой Риалто. Совсем недавно его завлекли в Зачарованный Лес неким подобием музыки. Блуждая по лесу, он встретил женщину, которая толкнула его в озеро с очень холодной водой… Джентльмены, прошу внимания! Я не вижу тут повода для смеха! Дело чрезвычайно серьезное, и не стоит легкомысленно относиться к злоключениям Риалто! Скажу вам больше — дальнейшие поиски и размышления вывели нас на Насылающую Наваждения. — Айделфонс молча переводил взгляд с одного побледневшего лица на другое. — Да, вы не ослышались.

Когда возгласы и бормотание, вызванные удивительной новостью, стихли, Айделфонс продолжил рассказ:

— Совершенно случайно, вне всякой связи с лесным приключением Риалто, Занзель недавно повстречал присутствующего здесь Лекустера, обитателя Восемнадцатого Зона. Лекустер утвер-

ждает, что у него имеется ценная информация и относится она также к Насылающей Наваждения. Он был так добр, что согласился поделиться знаниями с нами, и сейчас я прошу Лекустера выйти вперед и сообщить все, что ему известно. Лекустер, мы слушаем тебя!

Лекустер не пошевелился.

— Я не скажу ни слова до тех пор, пока не получу надежных гарантий безопасности. Я не заслужил наказания, поскольку не совершил никакого преступления.

Занзель возмущенно воскликнул:

— Ты забыл, что я лично был свидетелем твоего возмутительного поведения!

— Я лишь слегка нарушил приличия, не более того. Айделфонс, ты можешь гарантировать мне безопасность?

— Можешь довериться мне. А теперь, говори!

Занзель вскочил на ноги.

— Это абсурд! Что же нам теперь принимать в свой круг всяких подлецов, одаривать их всевозможными благами, и таким образом пренебрегать собственными обычаями?

Вспыльчивый толстяк Хуртианкц не выдержал:

— Я согласен с Занзелем! Лекустер может ока-

заться одним из первых в потоке всякого сброда, отступников и еретиков, решивших проникнуть в наши мирные края!

Айделфонс примирительно заговорил:

— Если новости Лекустера окажутся действительно полезными, мы будем вынуждены сохранить ему жизнь. Говори, Лекустер! Мы готовы простить тебе как нарушение этикета, так и эти оскорбительные вульгарные перья на плечах. Лично я сгораю от нетерпения услышать твои новости.

Лекустер выступил вперед.

— Я, пожалуй, начну с исторической перспективы. Мое время — это поздняя Первая Эпоха Восемнадцатого Зона, перед самым Большим Мотолэмом, когда Высшие Маги и Великие Ведьмы вступили в противоборство. Случай схожий с Одиннадцатой Эпохой Семнадцатого Эона, когда маги и колдуньи пытались подчинить друг друга и ускорили Войну Волшебников и Ведьм. Ведьмы одержали победу в той великой войне; многие маги навсегда исчезли, а колдуньи под главенством Белой Ведьмы Ллорио управляли Вселенной. На протяжении одной эпохи они процветали. Ллорио стала Насылающей Наваждения и перенесла свою резиденцию в храм. Там, словно

живой идол, содержащий в себе одновременно тело женщины и абстрактную женскую силу, она стала предметом поклонения всех женщин человеческой расы.

Лишь три мага пережили Великую Войну: Теус Тревиолуе, Шлиман Шабат и Фунурус Орфо. Они объединились и вместе, с помощью смелости, хитрости и коварства, по воле случая, захватили Насылающую Наваждения, уменьшили ее до размеров точки и похитили из храма. Женщины практически обезумели — их сила убывала день ото дня, тогда как маги возрождали свое могущество. Долгие эпохи они жили в мире и покое, и то были славные времена!

Но однажды Насылающая Наваждения освободилась и вновь собрала своих ведьм. Тогда Калантус Спокойный, которому я служил, ответил на ее вызов. Он одержал победу над ведьмами и прогнал их на север, к самому краю Великого Эрма, где до сих пор некоторые из выживших трясутся от страха в пещерах при каждом шорохе, опасаясь, что это шаги Калантуса.

Что же до Насылающей Наваждения, то Калантус поступил с ней благородно, позволив продолжить существование на отдаленной звезде в полном уединении. Мне же было приказано

присматривать за ней. Но приказ его дошел до меня слишком поздно. Она не отправилась ни на Наос, ни на Садал Сууд. Я не оставил поиски и недавно обнаружил след временного света, ведущий в Двадцать Первый Эон. Так что здесь у вас и находится цель моих поисков.

Я уверен, что Насылающая Наваждения жива, и представляет собой огромную опасность. Откровенно говоря, она уже среди вас. Что же касается меня, Лекустера Бенефера, то я нахожусь здесь по одной-единственной причине: призвать магов к союзу, ибо только таким образом можно контролировать возрождающуюся женскую силу и сохранить спокойствие. Действовать надо незамедлительно!

Лекустер отошел в сторону и скрестил руки на груди, отчего яркие красные перья, торчавшие у него на плечах, улеглись подобно эполетам.

Айделфонс прочистил горло и заговорил:

— Лекустер сообщил нам очень подробные сведения. Занзель, ты согласен, что он честно заслужил жизнь и свободу?

— Ба-а! Да он всего-навсего придумал рассказ о якобы произошедшей войне. Меня так просто не проведешь! — пробормотал Занзель.

Айделфонс нахмурился, потеребил свою пожел-

тевшую бороду и повернулся к Лекустеру.

— Ты слышал, что сказал Занзель. Можешь ли ты подтвердить свои слова?

— Заклятье Насылающей Наваждения докажет мою правоту, но тогда будет слишком поздно.

Вермулиан Путешествующий По Сновидениям решил обратиться к собравшимся. Он поднялся на ноги и заговорил:

— По своим нуждам мне приходилось бывать в различных снах и наваждениях. Не так давно — всего две ночи назад — я очутился в очень неподатливом наваждении, таком, где путешествующий слабо контролирует ситуацию, и даже подвергается серьезной опасности. Странно, но Насылающая Наваждения тоже была там… Я подумал, что вам следует знать об этом в свете текущих событий.

Хуртианкц, раздраженно взмахнув рукой, вскочил на ноги.

— Мы собрались тут, побросав все свои дела, чтобы осудить и казнить подлеца Лекустера, и нет никакой нужды морочить нам голову своими сновидениями.

Вермулиан раздраженно воскликнул:

— Замолчи, Хуртианкц! Сейчас моя очередь выступать на собрании, и я ознакомлю присут-

ствующих со своим мнением, осветив столько подробностей, сколько сочту нужным.

— Я требую передать управление Наставнику! — выкрикнул Хуртианкц.

Айделфонс вынужден был вмешаться:

— Вермулиан, если твой сон действительно имеет отношение к сегодняшним событиям, то ты можешь продолжить. Только, пожалуйста, говори по возможности о деле.

Вермулиан ответил с чувством собственного достоинства:

— Само собой! Чтобы быть кратким, я расскажу вам следующее: пытаясь путешествовать по сну, идентифицированному как AXR-11 GG7, Том Седьмой Большого Указателя, я очутился в еще не классифицированном сне из серии не поддающихся контролю. Вокруг меня простирался довольно приятный глазу ландшафт, путешествуя по которому, я повстречал группу мужчин — воспитанных, прекрасно одетых, с утонченными манерами. Некоторые из них носили небольшие ухоженные бородки каштанового цвета, другие же имели коротко остриженные и со вкусом завитые волосы. Все они очень сердечно отнеслись ко мне.

Я остановлюсь только на самом существенном.

Вся собственность находится в общественном владении, и людям незнакома жадность. Само время является эпохой обогащения личности; тяжелый труд сведен к минимуму, и им занимаются все в равной степени. «Мир» — основной их лозунг. Никто не ударит другого человека, не поднимет голоса в гневе, не станет жестко критиковать подобного себе. Оружие? Само это слово вызывает у них дрожь и священный ужас.

Один из мужчин особенно симпатизировал мне и рассказал очень многое. «Мы обедаем питательными орехами, зерном и спелыми сочными фруктами; мы пьем только чистейшую и натуральную воду из источников. По вечерам мы собираемся возле костров и поем старинные баллады. По особым случаям мы готовим пунш — по-нашему он называется „опо“ — из свежих фруктов, натурального меда и сладкого кунжута. Каждому достается по хорошему глотку. Но и у нас случаются минуты грусти. Смотри! Вон там сидит молодой Пальмер, лучший прыгун и танцор. Вчера он попытался перепрыгнуть ручей, но упал прямо в воду. Мы все бросились утешать его, и вскоре он снова стал счастливым».

Тогда я спросил:

— А где же ваши женщины?

«А! Женщины! Мы боготворим их за доброту, силу, мудрость и терпение, так же как и за утонченность мыслей. Иногда они даже присоединяются к нам у костров, и тогда мы устраиваем веселые игры. Женщины всегда наблюдают за тем, чтобы никто не выходил за рамки приличий и все вели себя пристойно».

«Какая высокая мораль царит в вашем обществе! А как же вы производите потомство?»

«О! Мы обнаружили, что если во всем соглашаться с женщинами, то они иногда будут позволять нам кое-что большее… Ах!

А теперь приготовься! Сюда идет сама Великая Леди!»

Через луг к нам приближалась Ллорио Насылающая Наваждения — женщина безупречной красоты, и к тому же очень сильная. Все мужчины вскочили на ноги, принявшись махать ей руками и выкрикивать приветствия. Ллорио обратилась ко мне: «Вермулиан, ты пришел помочь нам? Великолепно! Способности, подобные твоим, очень пригодятся здесь! Я приветствую тебя!»

Восхищенный ее непревзойденной красотой, я сделал шаг вперед, чтобы обнять ее в знак дружбы, но стоило мне протянуть к ней руки, как она выпустила пузырь прямо мне в лицо. Прежде чем

я успел спросить, в чем провинился, я очнулся в своей кровати, сбитый с толку и не знающий, что подумать.

— Твое смущение легко объяснимо — Ллорио наложила на тебя свое заклятье, — заявил Лекустер.

— Во время сна? Я не могу поверить в возможность подобного нонсенса, — ответил Вермулиан.

Айделфонс обеспокоенно заметил:

— Лекустер, будь так добр, расскажи нам, каким образом можно распознать, наложено ли заклятье?

— С удовольствием! На последних стадиях это становится очевидно — жертва превращается в женщину. На ранней стадии наложение заклятья можно заметить по привычке молниеносно высовывать кончик языка. Вы еще не заметили ничего такого за своими друзьями?

— Занзель делает так… Но он из самых уважаемых членов ассоциации, не может быть, чтобы…

— Когда имеешь дело с Насылающей Наваждения, все невероятное становится обыкновенным, и репутация Занзеля значит не больше, чем прошлогодний снег.

Кулак Занзеля тяжело опустился на стол.

— Я возмущен до крайности! Мне уже нельзя смочить пересохшие губы, не вызывая абсурдных подозрений?

Айделфонс строгим голосом обратился к Лекустеру:

— Слова Занзеля значат для нас многое. Ты должен либо привести неопровержимые доказательства своих обвинений, либо попридержать свой язык.

Лекустер почтительно склонил голову.

— Я сделаю лишь краткое заявление. По существу Насылающая Наваждения потеряет свои силы, если не наступит конечный триумф женской расы. Мы должны сформировать сильный и могущественный союз! Ллорио не из тех, кто непобедим! Всего три зона тому назад Калантус одержал над ней верх, и прошлое по-прежнему довлеет над ведьмой.

Айделфонс медленно произнес:

— Если то, что ты рассказал нам, правда, то следует немедленно предпринять чрезвычайные меры, чтобы обезопасить будущее нашей планеты.

— Настоящее сейчас гораздо важнее! Ведьма уже принялась за дело!

— Вздор! Вопиющий и дикий вздор! Лекустер,

у тебя не осталось даже совести! — воскликнул побагровевший Занзель.

— Мне не нравится вся эта загадочность. Почему Насылающая Наваждения должна выбрать именно наше время для своих козней? — спросил Айделфонс.

— Здесь и сейчас ее заклятья не встретят противодействия. Я внимательно осмотрел вашу комнату и увидел лишь пятнадцать увальней, собравшихся с намерением как можно быстрее покончить с непонятным происшествием. Кто здесь собрался? Педанты, вроде Тчамаста; мистики, вроде Эо; фигляры-, вроде Хуртинкца и Занзеля. Вермулиан исследует незарегистрированные сновидения с блокнотом, кронциркулем и склянками для проб. Тейч занят исключительно подробностями собственной бесконечности. Риалто из кожи вон лезет, чтобы очаровывать достигших половой зрелости девственниц. И все же, наложив заклятье на вашу веселую компанию, Насылающая Наваждения получит шайку весьма могущественных ведьм. Именно поэтому ее следует остановить.

Айделфонс спросил:

— Лекустер, это и есть твой ответ на мой вопрос? Сначала слухи, потом безосновательные

предположения, и, наконец, гадости и скандал?

— Ради предельной ясности я, возможно, немного сгустил краски. К тому же — если быть честным — я забыл твой вопрос, — ответил Лекустер.

— Я просил тебя привести неопровержимые доказательства того, что на одного из нас наложено заклятье.

Лекустер всмотрелся в лица присутствующих. Все вокруг еле заметным движением высовывали на мгновение кончик языка.

— Увы. Боюсь, что мне следует подождать более подходящего случая для дальнейшего рассказа.

Комната наполнилась множеством вспыхивающих огоньков и всхлипов. Когда воцарилась тишина, Лекустер исчез, словно его и не было.

Темная ночь опустилась на Высокие и Нижние Луга. В рабочем кабинете в Фалу сидели Айделфонс и Риалто. Хозяин угостил гостя четвертью пинты отличного джина и усадил его в мягкое кресло. Некоторое время оба мага внимательно изучали друг друга, потом Айделфонс тяжело вздохнул.

— Прискорбно, когда старые друзья должны предъявлять доказательства собственной подлинности, прежде чем расслабиться за ста-

канчиком хорошего джина!

— Сначала разберемся с взаимным недоверием. Я создам сеть вокруг комнаты, так что никто не будет знать, что здесь происходит… Готово. Теперь вот что! Мне удалось избежать наваждения; остается убедиться лишь в том, что с тобой тоже все в порядке, — сказал Риалто.

— Не так быстро! Мы оба должны пройти проверку, иначе доверие не будет полным, — возразил Айделфонс.

Риалто вяло кивнул.

— Как хочешь, хотя тест довольно унизителен.

— Неважно, Его надо пройти.

Наконец с тестами было покончено, и между собеседниками восстановилось былое доверие. Айделфонс с легкой усмешкой заметил:

— Честно говоря, я почувствовал легкое беспокойство, когда увидел у тебя на столе «Догму и Дикту» Калантуса.

Риалто ответил ему несколько официально:

— Когда я встретил Ллорио в лесу, она изо всех сил старалась одурманить меня своей красотой. Галантность не позволяет мне вдаваться в подробности. Но ее уловки ни к чему не привели — я сразу узнал ведьму, и даже прославленное тщеславие Риалто не допускало возможности

любовной интрижки с Насылающей Наваждения. Только столкнув меня в воду и, тем самым, застигнув врасплох, она смогла наложить на меня свое заклятье. Вернувшись в Фалу, я соблюдал терапию, предписанную Калантусом, и заклятье потеряло силу.

Подняв бокал, Айделфонс одним глотком осушил его.

— Она являлась и мне тоже, только на другом уровне. Я видел Ллорио во сне, на широкой равнине с каким-то абстрактным пейзажем — я не помню деталей. Она стояла на расстоянии пятидесяти ярдов от меня, великолепная в своем бледно-серебристом обличье, вызывая мое восхищение. Ведьма была огромного роста и возвышалась надо мной, словно я был ребенком. Этот психологический трюк тогда очень насмешил меня.

Я громким голосом произнес: «Ллорио Насылающая Наваждения, я отлично вижу тебя, так что нет нужды прибавлять в росте». Она ответила достаточно вежливо: «Айделфонс, мой рост не должен тебя беспокоить; все, что будет сказано мной, одинаково важно, независимо от того, с какой высоты прозвучат слова».

Я возразил: «Охотно верю, но зачем же подвер-

гаться риску головокружения? Твои естественные пропорции гораздо приятнее для глаза. Я могу разглядеть каждую пору на твоей коже. Впрочем, ладно. Зачем ты вторгаешься в мои размышления?»

«Айделфонс, среди живущих людей ты — самый мудрый. Сейчас уже поздно, но еще не слишком поздно! Женская раса все еще может отвоевать Вселенную! Во-первых, я намерена возглавить поход на Садал Сууд; через Семнадцать Лун мы изменим судьбу человечества. Твоя положительная сила, добродетель и нравственное величие послужат вкладом в наше дело. Тебе суждено сыграть очень важную роль».

Слова ведьмы мне не понравились, и я ответил: «Ллорио, ты необыкновенно красивая женщина, хотя и утратила ту провоцирующую теплоту, которая тянет мужчину к женщине и придает особое очарование вашей расе».

Насылающая Наваждения кратко заметила: «Качество, о котором ты говоришь, является причиной похотливого раболепия мужчины перед женщиной, и сейчас оно, к счастью, отмирает. Что же до „необыкновенной красоты“, то она генерируется внутренней музыкой женской души, которую ты, по своей глупости, воспринимаешь

как набор приятных для глаза форм».

На что я ответил: «Глуп я или нет, но я вполне доволен тем, что вижу. А что касается походов в разные отдаленные места, то я предлагаю тебе вместо них триумфальное шествие в мою спальню в Бумергарфе — она как раз недалеко. Вот там и убедимся во взаимной смелости. Идем! Только уменьши, пожалуйста, свои размеры, чтобы я мог взять тебя за руку; боюсь, кровать не выдержит твоего теперешнего веса, а самое главное — наше совокупление вряд ли будет замечено как мной, так и тобой».

Ллорио ответила мне с большим презрением: «Айделфонс, ты отвратительный престарелый сатир, и я вижу, что ошибалась, приписывая тебе слишком много хороших качеств. Тем не менее ты будешь служить нам с полной отдачей».

Затем ведьма величественно удалилась, затерявшись в абстрактных деталях пейзажа, и с каждым шагом уменьшалась в размерах. Она шла задумчиво, медленно, и я даже подумал, а не приглашают ли меня за собой. Поддавшись импульсу, я пошел вслед за ней, сначала размеренными шагами, потом все быстрее и быстрее, и, наконец, побежал, пока не упал на землю от усталости. Тогда Ллорио повернулась и произнес-

ла: «Видишь, к чему привела твоя вульгарность? Ты просто смешон».

Она подняла руку и высекла заклятье, ударившее меня, словно камень, прямо в лоб. «А теперь можешь возвращаться в свою усадьбу». С этими словами она исчезла. Я очнулся на софе в своем рабочем кабинете, сразу же разыскал том Калантуса и предпринял все рекомендованные там меры.

— Странно! Каким образом Калантус общался с ней и победил? — задумчиво произнес Риалто.

— Так же, как и мы, — создав сильный и безжалостный союз магов.

— Наверное. Но где и как? Занзель уже попал под влияние заклятья, и я уверен, что он не один.

— Но кто-то тоже должен был воспротивиться ее чарам. Давай узнаем худшее — неси свой экран.

Риалто принес из огромного сундука старую, почерневшую от частого вощения и покрытую причудливым орнаментом табуретку.

— Кого ты хочешь видеть первым?

— Давай-ка проверим на прочность нашего мистика Гилгэда. Он достаточно проницателен и не должен был попасться на удочку Ллорио.

— Боюсь, мы можем разочароваться. Когда я в последний раз смотрел на него, он нервно облизнул губы…

Риалто прикоснулся к одной из резных завитушек, украшавших края табурета, и произнес заклинание. На поверхности табурета появилось миниатюрное изображение: Гилгэд стоял на кухне в своем поместье Трум и был явно увлечен приготовлением чего-то необыкновенного. Вместо своего обычного сливовокрасного костюма маг был одет в розово-красные штаны, подвязанные на талии и лодыжках кокетливыми черными ленточками. На черной блузе Гилгэда были совершенно безвкусно вышиты не менее двенадцати красных и зеленых птиц. Прическа мага также изменилась: пышные завитки волос были уложены вокруг каждого уха и удерживались парой рубиновых заколок, а венчало все это великолепие огромное белое перо.

Риалто заметил:

— А Гилгэд довольно быстро уловил новые веяния в моде…

— Слушай! — Айделфонс нервно поднял руку.

До них донесся писклявый голос Гилгэда:

— Грязи и песка вдоволь! Может быть, я мирился с таким положением в своем прежнем

состоянии, но с некоторых пор все изменилось, и отныне я вижу мир — а в том числе и неубранную кухню — в ином свете. Я требую абсолютной чистоты! Все вокруг должно сверкать! Чистота и порядок — вот два ключевых слова! И поторопитесь! Может, некоторым из вас покажется странным мое поведение, и они начнут отпускать шутки в мой адрес… Так пусть не забывают — у меня чуткий слух, и я тоже могу отпустить пару шуток! Стоит вспомнить одного только Канни, который по своим делам бегает на мышиных лапах и с хвостом позади, пища при приближении кошки!

Риалто снова коснулся деревянной завитушки, и изображение Гилгэда исчезло.

— Печально. Гилгэд всегда был щеголем, а характер его не отличался постоянством… Заклятье явно не облагородило свою жертву. Тем не менее оно действует. Кто следующий?

— Давай-ка взглянем на Эшмаила. Уж он-то наверняка нашел в себе силы воспротивиться чарам Ллорио.

Риалто коснулся завитушки, и на поверхности табурета появился Эшмаил в гардеробной комнате своей усадьбы Сил Соум. Прежнее обличье Эшмаила отличалось четким контрастом: правая

половина тела была белой, левая — черной. Одежда отвечала тому же принципу, хотя ее покрой зачастую казался странным и даже фривольным.

Попав под влияние заклятья, Эшмаил не изменил своим вкусам, но теперь он, кажется, колебался в выборе:, по всей комнате стояли манекены, раскрашенные в бело-красный, желто-оранжевый, розово-коричневый цвета. Сам Эшмаил ходил взад-вперед от одного манекена к другому и, похоже, ни один не казался ему достаточно хорошим — на лице мага застыло выражение досады.

Айделфонс глубоко вздохнул.

— Эшмаил тоже пропал. Давай-ка возьмем себя в руки и посмотрим, как обстоят дела у Хуртианкца и Неженки Лоло.

Так, один за другим маги появлялись на поверхности табурета, и к концу сеанса стало ясно, что ни один из них не избежал заклятья.

Риалто мрачно констатировал:

— Ни один из них не повержен горем! Они ведут себя так, словно их облагодетельствовали! Думаешь, мы с тобой выглядели бы так же?

Айделфонс вздрогнул и принялся теребить свою седую бороду.

— У меня кровь в жилах стынет… — медленно

проговорил он.

— Итак, мы остались одни. Теперь нам принимать решение…

— Не так-то просто что-либо решить сейчас. Нам нанесли жестокий удар — ответим ли мы достойным образом? Если да, то как? Или даже зачем? Мир гибнет у нас на глазах, — ответил Наставник после некоторого раздумья.

— Но я не гибну! Меня зовут Риалто, и подобное обращение просто оскорбительно!

Айделфонс задумчиво кивнул.

— Это очень важно. В конце концов я все-таки Айделфонс!

— Более того, ты — Наставник! Пришла пора воспользоваться своими законными правами!

Айделфонс смерил Риалто долгим взглядом из-под полуприкрытых век.

— Согласен! И ты станешь исполнителем моих эдиктов!

Риалто сделал вид, что не заметил иронии.

— Я думаю о том, что станет теперь с камнями Иона?

Айделфонс поднялся из кресла и спросил:

— Что конкретно ты предлагаешь?

— Ты должен издать декрет о конфискации всех камней Иона у пораженных заклятьем ведьм.

Это мое мнение. Затем мы ненадолго остановим время и разошлем Слуг собрать камни.

— Отличная идея. Однако наши друзья часто слишком рьяно прячут свои сокровища.

— Я должен сознаться в пристрастии к одной странной забаве — нечто вроде интеллектуальной игры, скажем так. Уже несколько лет я собираю сведения о том, где хранят свои камни Иона все члены ассоциации. Ты, например, в данный момент держишь их в резервуаре с водой, который находится в уборной позади рабочего кабинета.

— Это довольно гнусное увлечение, Риалто! Как бы то ни было, сейчас не время рассуждать о морали. Я намерен конфисковать все находящиеся во владении околдованных членов ассоциации камни Иона. Будь так любезен, наложи заклинание на континуум, а я вызову своих Слуг — Ошерла, Ссиска и Вольфинга.

— Мои твари Топо и Беллум тоже могут нам пригодиться.

Конфискация прошла на удивление легко. Айделфонс заявил:

— Мы нанесли ощутимый удар ведьмам. Теперь все точки над «i» расставлены — мы бросили им вызов.

Риалто, нахмурив брови, рассматривал камни.

— Мы нанесли удар, мы бросили вызов — что дальше?

Айделфонс надул щеки.

— Самое разумное — спрятаться и подождать, пока Насылающая Наваждения уйдет прочь.

Риалто кисло усмехнулся.

— Стоит ей найти нас и выгнать из нор, и мы лишимся остатков собственного достоинства. Нет, не таким путем шел Калантус.

— Хорошо, давай поразмыслим о том, что бы он сделал на нашем месте. Принеси-ка «Абсолюты» Поггиара — он посвятил целую главу Ллорио. Захвати заодно «Декреталии» Калантуса, и если у тебя есть — «Калантус: Средства и Методы».

Уже рассветало. Небо над Зачарованной Водой пестрело мазками сливового, аквамаринового и темно-розового цветов. Риалто со стуком захлопнул обитые металлическими пластинками корки старинного фолианта «Декреталий».

— Я не нашел ничего, что могло бы нам помочь. Калантус со смаком описывает всевозможные достоинства, которыми наделена женская раса, но не дает никаких сведений о том, как защититься от ведьм.

Айделфонс, внимательно просматривая «Док-

трины Калантуса», произнес:

— Я напал на интересный отрывок. Калантус сравнивает женщину с Сиэйским Океаном, который успешно преодолевает мощные потоки Противоположного Течения, когда оно омывает собой Мыс Спрэнг, — но лишь в спокойную погоду. Стоит ветру лишь немного усилиться, как спокойный с виду океан вздымается десятками гигантских волн, до двадцати футов высотой каждая, вокруг мыса, поглощая все на своем пути. Когда же спокойствие восстановлено и давление преодолено, океан вновь замирает, мирно принимая воды течения. Риалто, ты согласен с подобным толкованием сущности женской расы?

— Не совсем. По-моему, Калантус преувеличивает. Может, в его времена это казалось естественным. К тому же он не дает никаких советов как побороть мощь этого океана, — мрачно заметил Риалто.

— Мне кажется, он предлагает не наносить поспешных ударов ради немедленной победы, но выждать и бороться с врагом его же методами.

Риалто вздрогнул.

— Может, и так. Впрочем, мне всегда не хватало терпения. К тому же сравнение Калантуса кажется мне бесполезным.

Айделфонс задумался.

— По-моему, вместо того, чтобы применять силу против силы, нам следует плыть на волне ее бешеной энергии, пока она не истощится, и тогда мы в безопасности доберемся до дома.

— Замечательная картинка, но ограниченная. Насылающая Наваждения пока что проявляет неистощимую энергию.

Айделфонс принялся теребить бороду, задумчиво глядя в пространство перед собой.

— Да, невольно начинаешь задумываться, а достаточно ли у нас могущества, мудрости и стойкости, чтобы справиться с ней, затронуть сферу…

— Твоя мысль мне ясна. По-моему, ты углубился в философские размышления.

Айделфонс кивнул головой в знак согласия.

— Ты прав. Следует заняться нашим планом и предпринять что-то реальное, а не раздумывать над сравнениями Калантуса.

Золотистое насекомое появилось из темного угла комнаты, покружилось у горевшей лампы и снова исчезло в темноте. Риалто резко выпрямился в кресле и с тревогой произнес:

— Кто-то пробрался в Фалу и сейчас прячется в гостиной.

Маг подошел к двери и властным голосом по-

звал:

— Кто здесь? Отвечай или будешь танцевать тарантеллу на горящих углях!

— Попридержи свое заклинание! Это я, Лекустер! — раздался поспешный возглас.

— Тогда выходи на свет.

В рабочий кабинет вошел Лекустер. Вид его оставлял желать лучшего — он хромал, с ног до головы его покрывали грязь и слой дорожной пыли. В руках он держал тяжелую сумку, которую с облегчением бросил на кожаную кушетку возле окна.

Айделфонс мрачно наблюдал за действиями Слуги.

— Лекустер, неужели ты наконец соизволил вернуться? Как раз когда мы нуждались в помощи, тебя нигде нельзя было найти! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Риалто протянул Слуге бокал с волшебной жидкостью и произнес:

— Это снимет твою усталость. Пей, а затем рассказывай все по порядку.

Лекустер одним глотком осушил содержимое бокала.

— О! Превосходный напиток!.. Так вот, мне практически нечем порадовать вас, хотя я и

провел безумную ночь, выполняя бесчисленные задания. Под влияние заклятья попали все, кроме вас двоих. Насылающая Наваждения тем не менее уверена, что держит под контролем всю ассоциацию.

— Что? Она вот так просто захватила нас врасплох? — вскрикнул Риалто.

Лекустер поставил на стол пустой бокал и ответил:

— Это не так уж важно. Слушайте! Птица плохо летает на одном крыле… К тому же Ллорио захватила все камни Иона…

— О нет! Мы предусмотрительно собрали их у себя, — усмехнулся Айделфонс.

— Вы собрали кучку бесполезных стекляшек, а настоящие камни — включая те, что принадлежат тебе и Риалто, — хранятся у ведьмы. Она просто заменила их фальшивками.

Риалто рванулся к корзине, в которой лежали конфискованные у других магов камни Иона, и громко застонал:

— Эта хитрая лисица хладнокровно обокрала нас!

Лекустер махнул рукой в сторону сумки, брошенной им на кушетку.

— Ну на этот раз мы обхитрили ее. Я принес с

собой камни — выкрал их, пока она принимала ванну. Думаю, не помешает послать одного из ваших Слуг заменить их фальшивками. Время еще есть, так что поторопитесь. Ллорио уже заканчивает свой туалет. Надо спрятать камни в надежном месте, так, чтобы она не выкрала их снова.

Риалто вызвал Слугу Беллума и дал ему указания насчет камней.

Айделфонс повернулся к Лекустеру и спросил:

— Каким образом Калантусу удалось победить такую могущественную и коварную ведьму?

— Никто не знает, в чем секрет его успеха. Возможно, Калантус использовал свое природное могущество и загнал ведьму в угол.

— Хм-м. Нам следовало бы разузнать побольше о Калантусе. Хроники не упоминают о его смерти — может, он все еще жив и находится где-нибудь в Стране Кутц!

— Насылающую Наваждения тоже мучает этот вопрос. Быть может, нам удастся обмануть ее и заставить отступить…

— Каким образом?

— Нельзя терять время на поиски Калантуса. Ты и Риалто должны создать его двойника — здесь и сейчас. Я помогу вам. Создание может не быть

долговечным, но должно казаться как можно натуральнее, так, чтобы Ллорио поверила в возвращение Калантуса и оставила свои коварные замыслы.

Айделфонс задумчиво теребил бороду.

— Это очень серьезное дело.

— Мы попросту теряем время! Не забывай, что, похитив камни Иона, мы бросили ведьме вызов, который она не сможет проигнорировать!

Риалто вскочил на ноги.

— Тогда за дело! Пусть будет так, как сказал Лекустер! У нас почти не осталось времени.

— Хм-м. Я не боюсь этой подлой интриганки. Разве нет более простого пути? — проворчал Айделфонс.

— Есть! Убраться отсюда на какую-нибудь отдаленную звезду!

— Ты хорошо меня знаешь! За работу! — согласился Наставник. — Мы заставим ведьму уносить ноги, подобрав юбки!

— Отличное решение! За работу! — поддакнул Лекустер.

Маги занялись созданием существа, в точности походившего на Калантуса.

Для начала из серебра и тантала создали подвижный позвоночник и каркас будущего тела,

затем способность к восприятию и анализу происходящего, затем череп, вмещавший все, что должен помнить настоящий Калантус. К его знаниям добавили сотню других научных трактатов, различных каталогов, энциклопедий и всего прочего, пока Лекустер не прервал увлекшихся магов:

— Он и так уже знает в двадцать раз больше оригинала! Интересно, как он справится с таким количеством информации?

Маги и Слуга создали и натянули на каркас прочные мускулы, покрыли их кожей. На черепе нарастили коротко остриженные черные волосы. Лекустер долго и тщательно работал над чертами лица, оттачивая выступ нижней челюсти, контуры прямого короткого носа, ширину лба и точную форму бровей и линии волос.

Наконец были созданы уши и налажены слуховые каналы. Лекустер громко произнес:

— Ты — Калантус, первый герой Восемнадцатого Эона.

Глаза творения открылись и задумчиво уставились на Слугу.

— Я твой друг. Калантус, встань! Иди и садись вон в то кресло! — продолжил Лекустер.

Двойник Калантуса поднялся со стола, опустил

сильные ноги на пол и пошел к креслу.

Лекустер повернулся к Айделфонсу и Риалто.

— Будет лучше, если вы ненадолго выйдете в гостиную — на пару минут. Я должен восстановить в его сознании память и ассоциации, чтобы придать двойнику наибольшую схожесть с оригиналом.

— Все жизненные воспоминания за столь короткий срок? Но это же невозможно! — заметил Айделфонс.

— Это будет нечто вроде «сжатия времени». Мне надо еще научить его музыке и поэзии — он должен во всем походить на настоящего Калантуса. Моим инструментом будет сухая цветочная пыльца — ее аромат обладает магическим действием.

Наставник и Риалто неохотно покинули кабинет и отправились в гостиную. Только открыв шторы, маги заметили, что над Нижними Лугами уже наступало утро.

Наконец Лекустер позвал их обратно в кабинет.

— Перед вами сидит Калантус. Его мозг вмещает множество знаний — даже больше, чем у оригинала. Калантус, это Риалто и Айделфонс. Они тоже твои друзья.

Калантус внимательно посмотрел сначала на одного, потом на другого мага немигающими голубыми глазами.

— Рад слышать! Из того, что я здесь увидел, стало ясно, что этот мир явно нуждается в дружбе.

Лекустер прошептал в сторону магов:

— Он, конечно, Калантус, но с небольшой разницей. Пришлось дать ему немного моей крови… может, ее было недостаточно… Впрочем, посмотрим…

Айделфонс спросил:

— А как насчет могущества? Он способен подкрепить свои знания делом?

Лекустер повернулся к новому созданию.

— Я обогатил его сознание камнями Иона. Он никогда не знал, что такое вред, он добр и мягок, несмотря на природные силы.

— Что ему известно о Насылающей Наваждения?

— Все, что необходимо. Но он не подаст вида, что он — ненастоящий Калантус.

Риалто и Айделфонс скептически осмотрели свое творение.

— Значит, Калантус так и останется абстракцией и не будет проявлять инициативы? Может, стоит придать ему большую схожесть с характе-

ром настоящего Калантуса? А заодно и одеть во что-нибудь подходящее? — произнес Риалто.

Лекустер явно колебался.

— Да… У Калантуса на запястье всегда был скарабей. Оденьте его в соответствии с эпохой, а потом я достану скарабея.

Десятью минутами позже маги вышли в гостиную вместе с Калантусом, одетым в черный шлем, такого же цвета накидку, брюки и сапоги с серебряными пряжками, на груди его сверкала полированная металлическая пластина.

Лекустер удовлетворенно кивнул.

— Вот таким он и должен быть. Калантус, дай мне свою руку — я надену тебе браслет со скарабеем, который носил твой предшественник. Вот так! Теперь браслет твой. Носи его всегда на правом запястье.

Калантус ответил:

— Я чувствую, как во мне прибывают силы! О! Как я силен! Я Калантус!

Риалто поинтересовался:

— Достаточно ли ты силен, чтобы воспринять магические знания? Обычный человек должен обучаться сорок лет только для того, чтобы стать подмастерьем мага.

— У меня достаточно сил, чтобы усвоить ма-

гию.

— Ну, тогда идем! Тебе предстоит освоить за раз Энциклопедию, потом Три Книги Фандаала, и если после этого ты не умрешь и не сойдешь с ума, я назову тебя самым сильным человеком, которого я когда-либо видел. Идем в мой кабинет!

Айделфонс остался ждать в гостиной… Шли минуты. До слуха Наставника донеслись громкие вскрики, быстро затихшие.

Калантус уверенным шагом вошел в гостиную. Следом на подгибающихся ногах и с позеленевшим лицом появился Риалто.

Калантус мрачно обратился к Айделфонсу:

— Я усвоил магию. Мой мозг переполнен заклинаниями. Они с трудом поддаются контролю, но я держу их в своей власти. Скарабей дает мне силы.

Лекустер прервал его:

— Уже пора. Ведьмы собираются на лугу: Занзель, Эо Хозяин Опалов, Барбаникос и остальные. Они раздражены и взволнованы… Вот подходит Занзель…

Риалто обернулся к Наставнику.

— Мы воспользуемся случаем?

— Глупо было бы упустить такую возможность!

— Я тоже так думаю. Не переместишься ли ты вон к тому дереву?..

Риалто вышел на главную террасу, где повстречался с Занзелем, заявившим громкий протест по поводу конфискации своих камней Иона.

— Абсолютно согласен с тобой! Этот подлый акт бы совершен по приказанию Айделфонса. Пройди, пожалуйста, вон к тому дереву, и мы восстановим справедливость. — заявил Риалто.

Занзель отправилась к дереву, где Айделфонс нейтрализовал ее заклинанием Внутреннего Одиночества. Ладанк, камергер Риалто, поднял ведьму на носилки и отнес под навес в саду. Риалто, ободренный своим успехом, снова вышел на террасу и подал сигнал Барбаникосу, также проследовавшему к дереву, под которым его ожидал Айделфонс, повторивший заклинание.

Та же история повторилась с Эо Хозяином Опалов, Неженкой Лоло, Хуртианкцом и остальными. Единственными исключениями стали околдованные Вермулиан и Тчамаст Поучающий, проигнорировавшие сигнал Риалто.

Ллорио Насылающая Наваждения спустилась на луг в клубах белого дыма… Ведьма была одета в белое с серебряным поясом платье, доходившее ей до щиколоток, и серебристые сандалии. В

волосах — черная лента. Она что-то спросила у Вермулиана, и он в ответ указал ей на Риалто, все еще стоявшего на главной террасе Фалу.

Ллорио медленно приблизилась. Айделфонс, выходя из-за дерева, храбро направил против нее двойной удар заклинания Внутреннего Одиночества. Удар отразился от ведьмы и поразил самого Наставника, заставив его упасть навзничь.

Ллорио остановилась.

— Риалто! Ты обвинил меня в дурных помыслах! Ты украл мои волшебные камни и теперь отправишься в Садал Сууд не ведьмой, а слугой низшего сорта — это будет твоим наказанием. Айделфонс разделит твою участь.

Но вот из-за дверей Фалу вышел Калантус и остановился возле Риалто. Глаза Ллорио вышли из орбит от удивления, рот непроизвольно открылся.

Прерывающимся голосом ведьма заговорила:

— Как ты здесь оказался? Как тебе удалось ускользнуть из треугольника? Как… — слова застревали в ее горле. — Почему ты так на меня смотришь? Я не обманула твоего доверия и вскоре отправляюсь в Садал Сууд! Здесь я просто завершаю то, что должно быть сделано! А вот ты оказался вероломным!

— Я тоже делал то, что должен был, и, видимо, мне придется повторить это, коль скоро ты вновь принялась обращать мужчин в ведьм. Ты нарушила Великий Закон, который гласит, что мужчина должен оставаться мужчиной, а женщина женщиной.

— Когда Необходимость сталкивается с Законом, Закон уступает — это написал ты сам в своих «Декреталиях»!

— Не имеет значения. Иди, куда собиралась, — в Садал Сууд! Иди прямо сейчас, одна и забудь о своих заклятьях.

Ллорио заметила:

— От этой кучки ведьм все равно нет никакого толка. Впрочем, волшебники из них тоже посредственные. Я хотела взять их с собой для декора своего дворца.

— Уходи, Насылающая Наваждения!

Но ведьма продолжала внимательно изучать Калантуса. На лице ее было странное выражение — замешательство смешивалось с недовольством. Она явно не собиралась уходить, и это выглядело одновременно насмешкой и вызовом.

— Зоны сурово обошлись с тобой — ты стал похож на увальня из теста. Помнишь, как ты угрожал разделаться со мной, если нам суждено

будет встретиться снова? Ты боишься меня? Похоже так! Где же теперь твои грязные шуточки и похвальбы в неистощимой сексуальной энергии? — Ллорио приблизилась к магу с холодной усмешкой на губах.

— Я мирный человек и предпочитаю хранить согласие и покой в душе. Я оставил все былые амбиции и теперь не угрожаю никому и ничем.

Ллорио подошла на шаг ближе и пристально вглядывалась в лицо Калантуса, а затем мягко произнесла:

— А! Да ты просто марионетка! Ты не настоящий Калантус! Готов ли ты вкусить сладость смерти?

— Я Калантус.

Ллорио произнесла заклинание Юлы, но Калантус отразил его, и обратил на нее заклинание давления с семи сторон. Застигнутая врасплох ведьма упала на колени. Жалея ее, Калантус склонился, чтобы помочь ей встать, но ведьма вспыхнула голубоватым пламенем, и он обжег руки, когда подхватывал Ллорио за талию.

Ведьма оттолкнула Калантуса и с искаженным от гнева лицом выкрикнула:

— Ты не Калантус, а просто размазня!

Пока она говорила, скарабей на браслете оца-

рапал ее щеку, и из горла ведьмы непроизвольно вырвалось сильнейшее заклятье — взрыв энергии был слишком силен для тканей ее тела, и у Ллорио пошла кровь изо рта и носа. Ведьма откинулась назад, чтобы прислониться к дереву, а Калантус медленно повалился на спину, раздавленный и поверженный навсегда.

Тяжело дыша от напряжения, Ллорио молча смотрела на распростертого у ее ног гиганта. Из ноздрей Калантуса исходили тонкие струйки черного дыма, лениво клубившегося вокруг головы и тела. Двигаясь подобно находящемуся в трансе человеку, Лекустер медленно вошел в облако дыма. Внезапно раздался странный звон, в воздухе засверкали многочисленные яркие вспышки, а на месте Лекустера оказался мужчина массивного телосложения. Кожа его светилась внутренним светом. На мужчине были надеты короткие черные брюки и сандалии, ноги и грудь его были обнажены. Густые черные волосы были коротко острижены. Прямой короткий нос и выдающаяся нижняя челюсть украшали почти квадратное лицо. Мужчина склонился к лежащему на земле телу, снял браслет со скарабеем и надел его на свое правое запястье.

Новый Калантус обратился к Ллорио:

— Вот все мои проблемы и решились! На этот раз я пришел в образе Лекустера, надеясь оставить в прошлом былые обиды и оскорбления. Теперь я вижу, что это невозможно, и между нами все по-прежнему. Я есть я, и мы вновь встретились врагами! Ллорио стояла молча, грудь ее высоко вздымалась от волнения. Калантус продолжал:

— Как насчет других твоих заклятий, с помощью которых ты разрушала волю многих мужчин, превращая их в ведьм? Почему ты не хочешь опробовать их на мне? Я уже не бедный добряк Калантус, надеявшийся примириться с тобой, но встретивший такой жестокий прием.

— Надежда… Когда мир живет сам по себе, а я прозябаю в изгнании! Что у меня осталось? Ничего. Ни надежды, ни чести, ни злости, ни боли. Все ушло! Лишь пепел кружится над пустыней. Все утеряно или забыто. Самое близкое и дорогое не существует более. Кто эти жалкие существа с испуганными гримасами на лицах? Айделфонс? Риалто? Лишь призрачные тени! Надежда! Ничего не осталось. Все ушло, все исчезло. Даже смерть уже в прошлом! — кричала Ллорио в отчаянии. Кровь все еще капала из ее ноздрей. Калантус спокойно ждал, пока она выговорится.

— Я отправлюсь в Садал Сууд. Я проиграла и

вернусь в изгнание, оставив мир врагам моей расы.

Калантус, подойдя к ведьме, коснулся ее лица.

— Можешь называть меня своим врагом, если тебе так нравится! И все же, я по-прежнему люблю твои прекрасные черты. Я ценю твои добродетели и недостатки и не хотел бы, чтобы ты менялась. Впрочем, не стану возражать, если ты станешь немного добрее.

Ллорио отступила на шаг назад.

— Я не уступлю тебе. Ничего не изменится.

— Что ж, я просто немного увлекся в своих размышлениях. Откуда у тебя кровь?

— Мой мозг кровоточит. Я использовала всю свою силу, чтобы уничтожить твое подобие. Я тоже умираю — я уже ощущаю вкус смерти. Калантус, теперь ты действительно победил!

— Ты, как всегда, преувеличиваешь. Я не одержал победу, а тебе нет нужды возвращаться в Садал Сууд, это зловонное болото, кишащее совами, москитами и грызунами. Не совсем подходящее место для утонченной особы вроде тебя. Кто будет стирать твою одежду, дорогая?

— Ты не позволишь мне ни умереть, ни отправиться в другой мир! Разве это не поражение?

— Лишь пустые слова. Иди сюда. Возьми мою

руку, и мы заключим перемирие.

— Никогда! Это будет означать абсолютную покорность, а я никогда не покорюсь тебе! — выкрикнула Ллорио.

— Я был бы очень рад, если бы ты согласилась. Тогда я предоставлю тебе возможность убедиться, что мои рассказы о сексуальной энергии — не пустое бахвальство.

— Никогда! Я не пожертвую собой, чтобы доставить удовольствие мужчине.

— Может, ты согласишься хотя бы посидеть со мной на террасе в воздушном замке, выпить вина и поговорить? Оттуда открывается замечательная панорама…

— Ни за что!

— Минутку! — вмешался Айделфонс. — Пока ты еще здесь, будь так любезна — сними заклятье с этой кучки ведьм — избавь нас от излишних усилий.

— О! Это же элементарно — зачитай Второй Ретротропик, а затем закрепи результат. Минутное дело.

— Конечно. Я и сам подумывал об этом, — пробормотал Айделфонс.

Риалто повернулся к Ладанку.

— Приведи ведьм и построй их на лугу.

— А как насчет тела?

Риалто произнес заклинание растворения, и безжизненное тело двойника Калантуса исчезло.

Ллорио явно колебалась. Она посмотрела на север, потом на юг, словно не в силах принять решение, затем задумчиво побрела по траве. Калантус последовал за ней. Через несколько шагов они оба остановились и посмотрели друг на друга, одновременно повернулись на восток и исчезли.

Часть вторая
Священная реликвия
Глава первая

Днем солнце тускло освещало зеленые равнины, ночью повсюду царили тишина и покой, лишь немногочисленные звезды по-прежнему озаряли небо над головой. Время текло лениво и безмятежно, а люди от скуки строили долговременные планы.

Большой Мотолэм завершился три зона тому назад, и великие мастера магии давно вымерли по самым разнообразным причинам. Кто-то из-за предательства лучшего друга, кто-то от любовного дурмана или коварного заговора, или просто из-за непредвиденных катастроф.

Маги теперешнего Двадцать Первого Зона большей частью селились в мирных речных долинах Альмери и Асколэса, хотя немногочисленные затворники остались в Стране Кутц на севере, или в Стране Падающей Стены, и даже в Степях Швонга на дальнем востоке. По непонятным, на первый взгляд, причинам все они сильно отличались друг от друга. Когда маги собирались вместе,

они походили на стаю прекрасных экзотических птиц, каждая из которых заботилась прежде всего о собственном оперении. Хотя, в целом, утратив блистательное великолепие магов Большого Мотолэма, они не стали менее капризными и самовольными. Лишь после того, как произошло несколько несчастных случаев, маги согласились упорядочить свое поведение особым кодексом. Этот кодекс, известный как «Монстрамент», или менее формально — «Голубые принципы», был выгравирован на голубой призме, спрятанной в секретном месте. Ассоциация включала наиболее могущественных магов данной области. После анонимного голосования Айделфонс был объявлен Наставником и получил широчайшие полномочия.

Айделфонс поселился в Бумергарфе, древнем замке с четырьмя величественными башнями на берегу реки Скаум. Он был избран Наставником не только за глубочайшую преданность Голубым Принципам, но и за уравновешенный темперамент, иногда наводивший на мысли о слабости своего обладателя. Терпимость Айделфонса стала почти легендарной. С одной стороны, он мог от души хохотать над скабрезными шуточками Неженки Лоло, а спустя некоторое время

сосредоточенно внимать рассуждениям аскета Тчамаста, отличавшегося особым недоверием к женской расе.

Айделфонс обычно представал перед посетителями в облике добродушного мыслителя с мигающими голубыми глазами, лысеющей макушкой и растрепанной седой бородой. Такая внешность обычно вызывала у окружающих доверие, которым маг частенько пользовался в личных интересах, так что определение «оригинальный» применительно к Айделфонсу было не совсем верным.

В настоящее время двадцать два мага добровольно подчинялись статьям Голубых Принципов. Несмотря на явные преимущества упорядоченного законодательства, некоторые беспокойные умы не могли удержаться от нарушения статей, под которыми в свое время подписались. Наиболее любопытно самое дерзкое покушение на Голубые Принципы.

В происшествие на этот раз оказался вовлечен Риалто, известный под прозвищем Великолепный. Он проживал в Фалу, неподалеку от Зачарованной Воды, в районе нижних холмов и дремучих лесов восточной окраины Асколэса. Среди своих знакомых Риалто считался излишне

высокомерным и не пользовался большой популярностью. Обычно он походил на гордого вельможу с огромным чувством собственного достоинства. Риалто обладал короткими черными волосами, строгими чертами лица и манерами беззаботного лентяя. Он не был лишен тщеславия, которое в сочетании с высокомерием частенько раздражало соратников по ассоциации. Некоторые маги многозначительно отворачивались, когда Риалто появлялся на общих собраниях. Впрочем, он отвечал им подчеркнутым безразличием.

Эйч-Монкур был одним из тех, кто боготворил Риалто. Он сделал из себя подобие Ктарионского бога природы с бронзовыми кудрями, утонченными чертами лица, которые немного портили (по мнению некоторых магов) слишком полные губы и глаза, излишне круглые и прозрачные. Побуждаемый, вероятнее всего, завистью, иногда он попросту подражал Риалто и копировал его манеры.

Сам по себе Эйч-Монкур от природы обладал многочисленными вредными привычками. Например, когда он о чем-то напряженно размышлял, то имел обыкновение косить глазами и теребить уши; будучи в замешательстве, он

принимался яростно почесывать под мышками. Подобные привычки, от которых маг никак не мог избавиться, наносили значительной ущерб той репутации, что он пытался создать о себе. Эйч-Монкур подозревал, что Риалто посмеивается над его ляпсусами, и зависть все сильнее точила мага, пока не привела к настоящим преступлениям.

После завершения банкета, состоявшегося в резиденции Муна Философа, маги готовились разъезжаться по домам. Выходя в фойе, они разбирали свои накидки и шляпы. Риалто, как всегда щепетильный в вопросах вежливости, протянул Хуртианкцу сначала его плащ, затем шляпу. Хуртианкц, маг с грубоватыми чертами лица и почти лишенный шеи, так что голова практически покоилась на его плечах, принял помощь Риалто с недовольным ворчанием. Эйч-Монкур, стоявший неподалеку, воспользовался представившейся возможностью и прошептал заклинание, увеличившее шляпу Хуртианкца в несколько раз. Когда ворчливый маг надвинул ее себе на макушку, шляпа упала ему почти до плеч, так что остался виден лишь луковицеобразный кончик носа.

Хуртианкц рывком снял шляпу и принялся

изучать ее со всех сторон, но Эйч-Монкур уже снял заклинание, и со шляпой все было в полном порядке. Хуртианкц снова попробовал надеть ее, и на этот раз казус не повторился.

Инцидент не привлек бы ничьего внимания, если бы Эйч-Монкур не сделал многочисленные иллюстрации сцены, которые впоследствии распространил среди магов и других знатных особ, чьим мнением о себе дорожил Хуртианкц. На картинке был изображен сам Хуртианкц с надвинутой шляпой и торчавшим из-под нее красным кончиком носа, а в стороне Риалто с издевательской ухмылкой на губах.

Один лишь Риалто не получил копии рисунка, и никто не подумал упомянуть ему об этом, а меньше всех сам Хуртианкц, оскорбленный до глубины души. После всего случившегося он не мог спокойно говорить даже при упоминании одного только имени Риалто.

Эйч-Монкур пришел в восторг от успеха своей выходки. Любое пятно на безупречной репутации Риалто обеляло его в собственных глазах. Кроме того, он обнаружил, что получает массу удовольствия, придумывая различные козни против хозяина Фалу. С тех пор Эйч-Монкур инициировал целую серию интриг, ставших для него

самой настоящей страстью. Цель была простой — как можно сильнее унизить гордеца Риалто.

Разузнав, что Риалто решил обновить гостевые комнаты в Фалу, Эйч-Монкур выкрал лучший драгоценный камень у Эо Хозяина Опалов и подвесил его к цепочке спуска над унитазом в Фалу. Естественно, Эо узнал, какую роль отвели его великолепному двухдюймовому опалу, и едва смог прийти в себя от гнева. Однако сдерживаемый Статьей Четвертой Голубых Принципов, он был вынужден оставить свое возмущение при себе.

В другой раз, кода Риалто экспериментировал со светящимися плазменными шарами, Эйч-Монкур отправил подобный шар в сторону уникального дерева, которое Зилифант привез из Канопуса и выращивал денно и нощно с отеческой заботой. Попав в дерево, плазма взорвалась, превратив хрупкую стеклянную листву в кучку осколков и наполнив воздух отвратительным и на редкость устойчивым смрадом. Зилифант немедленно обрушился на Риалто, еле сдерживая клокочущий гнев. Риалто обратился к логическим доводам и привел шесть неопровержимых доказательств, почему ни один из его плазменных шаров не мог попасть в дерево, и, выразив свое сожаление, отказался каким бы то ни бы-

ло образом возместить убытки. Но Эйч-Монкур приложил все силы к тому, чтобы Зилифант продолжал подозревать Риалто. Он заявил, что сам слышал, как Риалто хвастался своей точностью и намеревался избрать целью именно дерево Зилифанта. «Больше того, я сам свидетель — он заявил, что Зилифант так своеобразно пахнет, что зловоние плазмы в сравнении с его естественным запахом покажется просто райским ароматом», — добавил Эйч-Монкур.

Так все и продолжалось. У Гилгэда была любимая зверушка — симиод, к которой он испытывал особенную привязанность. В сумерках Эйч-Монкур, надев черное домино, похитил животное и перенес его в Фалу. Там маг хорошенько избил бедняжку и привязал на короткой веревке между двумя безлиственными деревьями в зарослях крапивы, отчего симиод совсем пал духом. Гилгэд, расспрашивая крестьян о своем питомце, добрался до границ Фалу. Там он обнаружил симиода, освободил его и выслушал сбивчивые жалобы зверька, после чего обратился к Риалто с требованием объяснить произошедшее.

Риалто категорически отрицал свою причастность к происшествию, но Гилгэд, подверженный приступам ярости, не удовлетворился простым

отказом. Он гневно выкрикивал: «Буудис узнал тебя! Он рассказал обо всем, что ты натворил. Разве ты не грозился избить бедную зверушку „по-настоящему“? Это ли не жестокость!»

На что Риалто ответил: «Тебе следует решить, кому верить — мне или своему отвратительному симиоду». Он отвесил Гилгэду пренебрежительный поклон и, хлопнув дверью, отправился на прогулку. Гилгэд выкрикнул ему вслед очередное обвинение, а затем отвез Буудиса домой на повозке с шелковыми подушками. После этого инцидента Риалто мог смело вписать Гилгэда в список своих недоброжелателей.

В следующий раз Риалто попал в неприятную историю без помощи Эйч-Монкура. Впрочем, последний не упустил шанса добавить трудностей соратнику по ассоциации.

Все начиналось довольно безобидно.

Одним из наиболее уважаемых вельмож Асколэса являлся герцог Тамбаско, человек с огромным чувством собственного достоинства и безупречной родословной, уходящей в глубь веков. Каждый год герцог устраивал у себя грандиозный бал, посвященный отчаянным попыткам солнца выжить. Среди гостей были только избранные лица, и потому список приглашенных во дворец

герцога Кванорк включал Айделфонса, Риалто и Бизанта Некроманта.

Айделфонс и Бизант встретились в Бумергарфе и за бутылочкой превосходного вина из запасов Наставника поздравили друг друга с блестящим выбором внешности. Кроме того, маги заключили любовное пари, ибо каждый был уверен, что произведет Фурор среди красавиц на балу.

По случаю праздника Айделфонс остановил свой выбор на внешности энергичного молодого человека с золотистыми локонами, великолепными пшеничного цвета усами и манерами одновременно дружелюбными и немного напыщенными. В довершение избранного имиджа он надел костюм из зеленого бархата, темно-зеленый пояс, расшитый золотом, и франтоватую широкополую шляпу с белым пером.

Бизант, стараясь не уступить Айделфонсу, выбрал для себя внешность грациозного молодого эстета, чувствительного к каждой ноте, звучавшей в голосе собеседника, и преклоняющегося перед любым проявлением прекрасного. К утонченным манерам он добавил изумрудно-зеленые глаза, медно-рыжие волосы и мраморный цвет лица — все вместе должно было вызвать восхищение красивейшей женщины на балу. Бизант в

предвкушении фурора говорил Айделфонсу:

— Я разыщу самую восхитительную красотку! Я очарую ее своей внешностью и покорю глубиной чувств. Она непременно упадет в любовный обморок, которым я беззастенчиво воспользуюсь.

Айделфонс усмехнулся и возразил:

— По-моему, ты кое-что упустил из виду. Когда тебе наконец удастся обнаружить свою восхитительную красавицу, она уже будет рядом со мной, безразличная ко всему остальному.

— Айделфонс, вечно ты хвастаешься своими любовными подвигами! Представляется случай выяснить, кто из нас настоящий адепт! Разрешим наш спор сегодня в Кванорке!

— Да будет так!

Опрокинув по последнему бокалу вина, оба красавца отправились в Фалу, где к своему изумлению обнаружили, что Риалто совсем забыл о приглашении на бал. Так как Айделфонс и Бизант сгорали от нетерпения и не позволили бы Риалто долгих сборов, он просто надел шляпу с кисточками и заявил, что готов ехать.

Бизант застыл на месте от удивления.

— Но ты же не предпринял никаких приготовлений! Где праздничные одежды? Ты даже не омыл ноги и не надушил волосы!

— Какая разница. Я сяду где-нибудь в тени в полном одиночестве и буду завидовать вашему успеху. По крайней мере, можно будет наслаждаться музыкой и зрелищем, — ответил Риалто.

Бизант самодовольно усмехнулся.

— Ну что ж, Риалто, просто сегодня ветер будет дуть не в твои паруса. Этим вечером мы с Айделфонсом станем гвоздем программы. Ты же сможешь наблюдать за нашим фурором.

— Бизант немного не договаривает. Ты уже получил свою долю триумфа; на балу тебе доведется стоять в стороне и наблюдать, как пара экспертов заставит красивейшую женщину праздника пасть к своим ногам! — заявил Айделфонс.

— Что ж, видно такая у меня судьба. Я немного беспокоюсь о сердечных ранах ваших жертв. Неужели у вас нет жалости? — спросил Риалто.

— Нисколько! Мы поведем любовную кампанию изо всех сил — никакой пощады и досрочного освобождения! — ответил Айделфонс.

Риалто мрачно кивнул головой.

— И почему никто вовремя не напомнил мне о бале? — простонал он.

— Идем же, Риалто! Нет худа без добра, а твое хныканье, не принесет никакой пользы, — усмех-

нулся Бизант.

Не имея больше сил стоять на месте, Айделфонс вскричал:

— Время поджимает! Может, мы наконец поедем на бал?

Прибыв в Кванорк, все трое выразили свое почтение герцогу Тамбаско и поздравили его с великолепным устройством праздника. Герцог ответил на их комплименты вежливым кивком, и маги отправились к гостям.

Некоторое время они изумленно оглядывались по сторонам — на этот раз герцог превзошел сам себя. Гранды и их очаровательные спутницы заполняли холлы и галереи, а четыре буфета ломились от изобилия блюд и отличных ликеров. Немного осмотревшись по сторонам, маги отправились в фойе огромного бального зала, где, встав в сторонке, принялись разыскивать красивейшую женщину среди гостей. Они с жаром обсуждали всех проходивших мимо девушек, оценивая их достоинства и недостатки. В конце концов все они сошлись во мнении, что, несмотря на присутствие огромного количества восхитительных девственниц, ни одна из них не может соперничать с божественной красотой Леди Шаники с Лэйк Айленд.

Айделфонс расправил свои шикарные усы и ринулся в бой. Бизант также покинул Риалто, и тот обосновался в затененном алькове, откуда можно было наблюдать за всем происходящим в зале. Айделфонс воспользовался случаем произвести впечатление на признанную королеву бала. Подойдя к Леди Шанике, он велеречиво поприветствовал ее, и предложил составить пару в следующей паване.

— В исполнении этого танца мне нет равных. Я со своими дерзкими кудрями, и вы с вашей красотой и грацией составим восхитительную пару. Мы привлечем всеобщее внимание! А затем і после танца, я провожу вас в буфет, где мы выпьем по бокалу вина. Вы обнаружите, что я чрезвычайно интересная личность! Более того, я прямо сейчас готов выразить вам свое глубочайшее почтение и преданность! — ворковал Айделфонс.

— Очень мило с вашей стороны. Я глубоко тронута. Тем не менее мне сейчас совсем не хочется танцевать, и тем более я не выпью ни капли вина, иначе не смогу удержать себя в руках, что, несомненно, разочарует вас.

Айделфонс поклонился в знак согласия и приготовился удвоить влияние своего шарма на

несговорчивую красавицу, но, подняв глаза, он обнаружил, что Леди Шаника исчезла.

Маг проворчал что-то в знак разочарования, поправил усы и отправился на поиски более сговорчивой девственницы.

Совершенно случайно Леди Шаника почти сразу же повстречалась с Бизантом. Чтобы привлечь ее внимание и вызвать восхищение, Бизант обратился к девушке с четверостишием на архаичном языке, известном как Старый Наотический. Однако Леди Шаника испугалась и застыла от изумления. Бизант с улыбкой перевел ей стихи и объяснил некоторые особенности наотической филологии.

— В конце концов подобные мелочи не должны становиться препятствием в наших взаимоотношениях. Я чувствую, что вы ощущаете красоту стихов так же сильно, как я, — заявил Бизант.

Леди Шаника холодно ответила:

— Возможно, не так уж сильно. Я совершенно нечувствительна к подобным тонкостям и вовсе не уверена, что между нами существуют какие бы то ни было взаимоотношения.

— О, они, несомненно, будут! У меня редкий дар — видеть человеческие души в мерцании их цветов. Ваши и мои очень близки! Идемте

же на террасу! Я открою вам один секрет, — маг приблизился, чтобы взять девушку под руку.

Леди Шаника, удивленная экспансивностью Бизанта, отступила на шаг назад.

— Вообще-то я не выслушиваю секретов от посторонних.

— Ну это не совсем секрет — скорее, предложение. Кроме того, что означает длительность? Я знаю вас не более получаса, а уже сочинил два стихотворения и одну оду, посвященные вашей красоте! Идемте же! Скорее на террасу! Подальше отсюда! Под свет звезд, под шелест листвы! Мы сбросим свои одежды и побежим в безгрешной наготе, словно лесные боги!

Леди Шаника сделала еще один шаг назад.

— Благодарю вас, но я пока в своем уме. Что, если мы побежим так быстро, что не сможем найти дорогу назад, и утром крестьяне обнаружат нас, голышом бегущих по дороге? Как мы объясним свое поведение? Нет, ваше предложение определенно не прельщает меня.

Бизант, воздев, руки над головой и закатив глаза, вцепился в свои рыжие локоны, надеясь, что Леди Шаника почувствует всю глубину его отчаяния и проникнется жалостью, но девушка поспешила затеряться в толпе гостей. Кипя от

гнева, Бизант отправился в буфет, где выпил подряд несколько бокалов крепкого вина.

Несколькими минутами позже Леди Шаника, проходя через фойе, встретила одну из своих знакомых, Леди Дуальтиметту. Во время беседы она случайно бросила взгляд на ближайший альков, где на кушетке, обитой бордовой парчой, в одиночестве восседал Риалто. Девушка шепотом обратилась к подруге:

— Посмотри-ка вон в тот альков: кто это сидит там в полном одиночестве?

Леди Дуальтиметта обернулась, чтобы посмотреть, и ответила:

— Я слышала его имя. Это Риалто, или «Риалто Великолепный». Он кажется тебе элегантным? Лично я нахожу его слишком строгим и даже устрашающим!

— Правда? Ну, уж только не устрашающим. Разве он не мужчина?

— Конечно же! Но почему он сидит один, словно презирает всех собравшихся?

— Всех? — проворковала Леди Шаника, обращаясь к самой себе.

Леди Дуальтиметта немного отстранилась от подруги.

— Прости, дорогая, но я тороплюсь. У меня

важная роль в сегодняшнем представлении, — с этими словами она удалилась.

Леди Шаника немного поколебалась, а затем с очаровательной улыбкой направилась к алькову.

— Сэр, могу ли я присоединиться к вам и нарушить ваше уединение?

Риалто поднялся на ноги.

— Леди Шаника, можете быть уверены, что я всегда рад вашему обществу.

— Благодарю вас, — девушка села на кушетку, и Риалто вновь занял свое место. Все еще храня на губах таинственную полуулыбку, Леди Шаника спросила:

— Вам не интересно, почему я решила составить вам компанию?

— Такая мысль не пришла мне в голову, — Риалто помолчал с минуту, затем продолжил:

— Могу лишь предположить, что вы назначили встречу с другом в фойе и ожидали найти его в этом алькове.

— Ответ настоящего джентльмена. Если быть честной, то мне стало любопытно, почему мужчина вроде вас сидит здесь совсем один. Быть может, вы узнали какие-нибудь печальные новости? Или вы презираете собравшихся и их

жалкие попытки покрасоваться в новом имидже? — спросила девушка.

Риалто улыбнулся.

— Я не узнал никаких трагических новостей. Что же до нового имиджа Леди Шаники, то он очаровывает и восхищает меня.

— Тогда вы, вероятно, сами назначили здесь встречу?

— Никоим образом.

— Но почему же вы сидите тут один и не вступаете ни с кем в беседу?

— Мои мотивы слишком сложны. А ваши? Ведь вы тоже сидите в тени алькова, вместо того чтобы танцевать и наслаждаться вниманием мужчин.

Леди Шаника рассмеялась.

— Я лечу подобно перу туда, куда подует ветер моих желаний. Возможно, меня задела ваша сдержанность или отстраненность, или безразличие — неважно, как это называется. Любой другой мужчина на балу набросился бы на меня, подобно стервятнику на падаль. Ваше же поведение кажется мне просто провокационным, — девушка смерила Риалто долгим взглядом.

Маг помолчал с минуту, затем ответил:

— Мы могли бы обмениваться не только словами, если, конечно, продолжить знакомство.

Леди Шаника сделала легкомысленный жест и воскликнула:

— У меня нет серьезных возражений.

Риалто осмотрелся по сторонам.

— Тогда, мне кажется, нам следует разыскать более подходящее место для общения, такое, где можно было бы поговорить наедине. Здесь мы уподобляемся двум курицам, сидящим на насесте.

Леди Шаника весело заметила:

— Я как раз знаю одно подходящее местечко. Герцог выделил мне личные апартаменты во дворце на случай, если я захочу задержаться на несколько дней. Я закажу туда легкий ужин, пару бутылок Мэнесса, и мы продолжим беседу в полном уединении.

— Ваше предложение невозможно отвергнуть, — проворковал Риалто, поднимаясь и подав руку Леди Шанике, чтобы помочь ей встать. — Я по-прежнему похож на человека, сраженного трагической новостью?

— Нет. Позвольте мне задать один вопрос: почему вас называют Риалто Великолепный?

— О, это старая шутка! Я и сам толком не знаю, кто дал мне это прозвище.

Когда Риалто под руку с Леди Шаникой пе-

ресекали главную галерею, они прошли мимо Айделфонса и Бизанта, которые подпирали стенку возле одной из мраморных статуй. Риалто отвесил им почтительный поклон и сделал потайной знак, с помощью которого предупредил друзей, что они могут возвращаться домой без него.

Леди Шаника теснее прижалась к магу и тихонько захихикала.

— Что за странная парочка! Один похож на завзятого гуляку с усами длиною в целый фут, а второй — на поэта с глазами больной ящерицы. Вы знакомы с ними?

— Был представлен. В любом случае, сейчас меня интересуете только вы, и я безумно рад, что мне довелось вызвать ваше любопытство.

Леди Шаника еще теснее прижалась к магу.

— Теперь я начинаю понимать, за что вы получили свое прозвище.

Айделфонс и Бизант, кусая губы от ярости, вернулись в фойе, где Айделфонсу удалось наконец познакомиться с полной матроной в отделанном тесьмой чепце, от которой несносно пахло мускусом. Она повела мага в бальный зал, где заставила протанцевать с собой три галопа, тройную польку и нечто вроде кекуока, в котором

Айделфонс, по правилам танца, вынужден был высоко поднимать одну ногу, судорожно дергать локтями, откинув голову, а затем повторять все то же самое, подняв другую ногу.

Что же до Бизанта, то герцог Тамбаско представил ему высокую поэтессу с вульгарными желтыми волосами, одетую в подобие свободного балахона. Надеясь обнаружить родственную душу, она увлекла мага в сад, где возле цветущих гортензий продекламировала ему оду из двадцати девяти строф.

С большим трудом оба мага освободились от своих спутниц, но ночь уже была на исходе и бал подходил к концу. С кислыми минами они разошлись по домам, и каждый, по каким-то непостижимым причинам, винил Риалто в своем провале.

Глава вторая

Риалто, одолеваемый по непонятным причинам странным беспокойством, заперся в Фалу и долгое время ни с кем не общался.

Наконец одиночество начало приедаться. Маг вызвал своего мажордома.

— Фроло, я буду отсутствовать некоторое вре-

мя, а ты останешься за главного. Вот подробный список инструкций — смотри, выполняй все в точности, как написано. Я хочу по возвращении найти все в полнейшем порядке. Главное — я запрещаю тебе устраивать в доме или на террасе вечеринки. Не смей приближаться к рабочему кабинету и копаться в моих вещах — это очень опасно. Я ясно выражаюсь?

— Яснее не бывает. Как долго вы намерены отсутствовать, и присутствие скольких человек можно назвать вечеринкой? — спросил Фроло.

— Отвечаю на первый вопрос: я намерен отсутствовать неопределенное время. Отвечаю на второй: не желаю, чтобы хоть один чужой человек появлялся в Фалу, пока меня нет. Это все. Ты можешь быть свободен.

Дав наставления мажордому, Риалто отправился на Соленое Побережье, что в отдаленном уголке Южного Альмери, где воздух свеж и мягок, спелые овощи окрашены в приглушенные тона, а деревья вырастают необычайной высоты. Местный народ, низкорослые люди с бледной кожей, темными волосами и спокойными миндалевидными глазами, использовали слово «Скси-зискзиикс» — «Цивилизованные люди» — для самоназвания и очень серьезно относились к значению слова.

Их культура состояла из огромного комплекса самых разнообразных наставлений, знание которых говорило о социальном статусе. Наиболее амбициозные граждане проводили часы за изучением жестов пальцев, правил украшения ушей, точных узелков, которыми надлежало завязывать тюрбан, пояс, шнурки; изучалась манера завязывать узелки деду своего товарища; точное расположение соленых огурцов на блюдах с моллюсками, улитками, жареными каштанами и тушеным мясом; изучались строго подходящие для определенных случаев ругательства — если вдруг наступил на колючку, увидел привидение, упал с низкой лестницы, с дерева и так далее, и так далее.

Риалто поселился в спокойной гостинице и устроился в отдельных комнатах, возведенных на деревянных сваях прямо над водой. Стулья, кровать, стол и сундук были сделаны из лакированного черного дерева, а бледно-зеленые циновки на полу предохраняли от проникновения брызг. Риалто заказывал обеды и ужины из десяти блюд в небольшой забегаловке на побережье, освещенной ароматизированными горящими палочками.

Время тянулось медленно, завершаясь прекрас-

ными закатами, бередящими душу. Ночью свет редких звезд отражался от поверхности моря, а с берега доносились звуки скрипок. Болезненное напряжение, мучившее Риалто, постепенно спало, и разочарования в долине Скаум почти стерлись из памяти. Одевшись в местный наряд, состоявший из белой тоги, сандалий и широкого тюрбана со свисающими кисточками, маг бродил по пляжам, разыскивал на деревенских базарах морских устриц, сидел в тени деревьев, попивая фруктовый пунш и наблюдая за проходящими девушками.

Однажды Риалто выстроил на берегу песочный замок. Чтобы повеселить местных ребятишек, маг сделал замок невосприимчивым к действию ветра и воды, затем населил его людьми, одетыми подобно захариотам из Четырнадцатого Зона. Каждый день группа рыцарей и солдат строем выходила из замка для тренировок, иногда устраивались шуточные бои, сопровождавшиеся громкими воинственными возгласами. Фуражиры собирали крабов, морских ежей и моллюсков в скалах. Все это приводило в восторг местных детишек.

Однажды банда юных хулиганов пришла на пляж с несколькими терьерами, которых на-

травили на гарнизон замка. Риалто, наблюдая за происходящим со стороны, создал из населения замка эскадрон солдат, восседающих на необыкновенных птицах. Они раз за разом атаковали напавших собак огненными дротиками, повергнув их в бегство. Покончив с собаками, они принялись за мальчишек, бежавших с поля боя с горящими ягодицами.

Когда мальчишки вернулись с делегацией местной администрации, то обнаружили на берегу лишь овеваемый ветром песочный холм и Риалто, беззаботно дремавшего в тени ближайшего дерева. Эпизод с нападением вызвал массу домыслов, и Риалто на некоторое время стал объектом пристального внимания. Однако на Соленом Побережье страсти быстро улеглись, и все пошло по-прежнему.

В это же время в Долине Скаум Эйч-Монкур решил извлечь максимум выгоды из отсутствия Риалто. По его предложению Айделфонс созвал «Совет Почтения», чтобы воздать почести достижениям Великого Фандаала, непревзойденного гения Большого Мотолэма, который систематизировал правила контроля над Слугами. Когда все маги собрались, Эйч-Монкур перевел дискуссию на обсуждение якобы совершенных Риалто

проступков.

Маг с видимым возмущением заговорил:

— Лично я считаю Риалто своим близким другом и вовсе не собирался упоминать здесь его имя, разве что по возможности защитить его от нападок некоторых из присутствующих.

— Очень благородно с твоей стороны. Должен ли я считать, что Риалто и его поведение стало формальной темой нашей дискуссии? — поинтересовался Айделфонс.

— А почему бы и нет? Его деяния нельзя назвать иначе как преступными! — проворчал Гилгэд.

— Ну-ка, ну-ка! Нечего бормотать себе под нос и хныкать! Или громко скажи, в чем ты обвиняешь Риалто, или я, в качестве его защитника, выдвину предложение проголосовать за одобрение действий моего друга Риалто Великолепного! — вскричал Эйч-Монкур.

Гилгэд вскочил на ноги.

— Что?! Ты хочешь обвинить меня в хныканье? Меня, Гилгэда, разработавшего десять заклинаний против Кейно, Морского демона?

Эйч-Монкур спокойно возразил:

— Это лишь форма обращения. Защищая Риалто, я обязан использовать своеобразные термины. Если я нанес тебе непростительное оскорбление

или уличил в чем-то недостойном, ты должен рассматривать мои слова, как слова самого Риалто, а не твоего друга Эйч-Монкура, который лишь стремится восстановить справедливость. Итак, раз Гилгэду не хватает храбрости выразить жалобу по всем правилам, может, кто-то еще имеет претензии к Риалто?

Гилгэд возмущенно взревел:

— Ба-а! Даже в роли защитника Риалто ты оскорбляешь меня с явным удовольствием! Чтобы снять твои обвинения, я открыто обвиняю Риалто в нарушении этикета и избиении симиода и требую возмещения ущерба.

Айделфонс внес предложение:

— Ради краткости и ясности стоило бы включить избиение в понятие нарушения этикета. Ты согласен?

Гилгэд неохотно пошел на компромисс.

Айделфонс обратился с воззванием к остальным членам ассоциации:

— Есть ли еще добавления по делу Риалто?

Эйч-Монкур обвел взглядом присутствующих.

— Что за сборище жалких нытиков! Если необходимо, то я, в качестве заместителя Риалто, сам добавлю кое-что по его делу!

— Молчание! У меня есть что сказать! — про-

гремел Зилифант.

— Очень хорошо. Тема открыта для дискуссии, — заявил Айделфонс.

— Я предлагаю отмести все обвинения разом как недоказуемые. Несмотря даже на то, что Риалто все-таки хвастался своим успехом на Большом Балу и с иронией рассказывал об ужимках Айделфонса в компании толстой матроны и комических попытках Бизанта соблазнить тощую поэтессу в желтом парике, — заявил Эйч-Монкур.

— Твое предложение отклоняется. Мы намерены разобрать все жалобы в деталях, — промычал Айделфонс сквозь зубы.

— Я вижу, что мое заступничество не приносит пользы. Тогда позвольте и мне огласить обвинения в адрес Риалто, чтобы по завершении обсуждения получить часть добычи из конфискованного имущества, — заявил Эйч-Монкур.

В течение нескольких минут собравшиеся занялись обсуждением имущества Риалто, выражая свою заинтересованность в той или иной вещи.

Эо Хозяин Опалов тяжеловесно произнес:

— К сожалению, Риалто нанес нам слишком много оскорблений! Они включают поступки и поведение, которые трудно назвать определен-

ными словами, но они ранят мое сердце словно нож. Я обвиняю Риалто в жадности, надменности и намеренной вульгарности.

— Твои обвинения не подкреплены фактами, тем не менее мы учтем и их, — промолвил Айделфонс.

Зилифант нарочито высоко поднял палец.

— С жестоким коварством Риалто уничтожил мое редкое дерево, привезенное из Канопуса, — последнее, обнаруженное мной в этом умирающем мире! Когда я выразил Риалто свое возмущение, он лживо отрицал мои обвинения, а под конец заявил: «Посмотри лучше в сторону Зачарованного Леса на темнеющую листву дубов! Когда солнце скроется, их не отличишь от твоего стеклянного дерева». Разве это не насмешка над приличиями?

Эйч-Монкур печально кивнул головой.

— У меня нет слов. Прошу прощения от имени Риалто за содеянное, хотя он сам, вероятно, лишь посмеялся бы над моими попытками спасти его репутацию. Тем не менее разве не можем мы проявить милосердие к сбившемуся с пути истинного?

— Конечно. Точно такое же, с которым он отнесся к моему деревцу! Я официально обвиняю

Риалто в уголовном преступлении! — ответил Зилифант.

И снова Эйч-Монкур покачал головой.

— С трудом могу в это поверить.

Зилифант побагровел от возмущения.

— Поостерегись! Несмотря на то, что ты здесь защищаешь подлеца Риалто, я не потерплю недоверия к моим словам! — прогремел он.

— Ты неправильно меня понял! Я сказал это сам себе, ибо никак не могу поверить, что Риалто был способен совершить такое злодеяние! — поспешил объяснить Эйч-Монкур.

— Что ж! Тогда беру назад свои слова.

Поочередно все члены ассоциации высказали свои жалобы, которые были записаны Айделфонсом на отдельном листе. Когда церемония закончилась, Наставник пробежал глазами весь список и в недоумении нахмурил, брови.

— Забавно, как человек, подобный Риалто, мог так долго жить среди нас и не проявлять своих дурных наклонностей! Эйч-Монкур, тебе есть что добавить?

— Только апелляцию о помиловании ради проформы.

— Апелляция была услышана. А теперь мы проведем голосование. Итак, поднимите руки те, кто

считает поведение Риалто удовлетворительным и не видит за ним никакой вины, — обратился Наставник к собравшимся.

Ни одна рука не поднялась.

— Кто считает Риалто виновным?

Все руки разом оказались поднятыми.

Айделфонс прокашлялся и продолжил:

— После голосования я обязан определить сумму налагаемого штрафа. Должен заметить, что отсутствие Риалто некоторым образом облегчает наши печальные обязанности. Есть ли какие-то предложения со стороны собравшихся?

Заговорил Бизант:

— Мне кажется, следует пронумеровать всех сидящих за столом, начиная с меня. Затем мы отправимся в Фалу и там, в порядке очередности, выберем из имущества Риалто компенсацию.

Эо Хозяин Опалов поддержал идею Бизанта, но внес некоторое дополнение:

— В целом, идея неплохая. Однако я предлагаю, чтобы нумерация производилась по жребию, а комнату защитили от любых заклинаний замораживания времени.

Все согласились с предложением Эо, и жребий был брошен. Когда каждый получил номер, маги отправились в Фалу. Мажордом Фроло вышел

им навстречу и официальным тоном поинтересовался, что явилось причиной прибытия столь большой компании в поместье его хозяина.

— Вы знаете, что Риалто сейчас отсутствует! Приходите позднее, когда он сможет оказать вам должные почести.

Айделфонс начал было разъяснять мажордому юридические тонкости происходящего, но Гилгэд, нетерпеливый по натуре, наложил на Фроло заклинание оцепенения, и маги, войдя в Фалу, принялись выбирать себе компенсацию из имущества Риалто.

Вспыльчивый Хуртианкц страстно желал найти принадлежащие Риалто камни Иона, искал их повсюду, но так и не нашел. Зато на стене он обнаружил документ, написанный голубыми чернилами на голубой бумаге, вставленной в рамку из голубого золота. Решив, что обнаружил тайник Риалто, Хуртианкц нетерпеливо сорвал документ со стены и бросил в сторону. Однако под ним не оказалось никакого тайника, а камни Иона нашел Айделфонс — они были подвешены на люстре среди обыкновенных кристаллов.

Наконец штраф был взят в полном объеме, хотя те из магов, кто получил последние номера, все равно остались недовольны. Айделфонс поза-

ботился о том, чтобы споры как можно скорее прекратились, и настоял, чтобы камни Иона, ранее принадлежавшие Риалто, остались у него самого.

Постепенно маги разошлись по домам, удовлетворенные тем, что правосудие свершилось.

Глава третья

Через некоторое время Риалто вернулся в Фалу. Первое, что попалось ему на глаза, был Фроло, неподвижно стоявший в увещевательной позе на пороге имения. Войдя внутрь, Риалто пришел в ярость, обнаружив, что в его отсутствие дом ограбили.

Вернувшись на порог, он снял заклинание, удерживавшее Фроло без движения день и ночь, под дождем и палящим солнцем.

Фроло выпил чашку чая, съел ломтик смородинового кекса, после чего обрел способность доложить Риалто об обстоятельствах, при которых его обокрали.

Маг навел относительный порядок в доме, затем подсчитал убытки и потери. Недостаток многочисленных артефактов значительно снизил уровень могущества Риалто.

Некоторое время маг молча ходил взад-вперед возле Зачарованной Воды. Наконец, не видя другого решения, он надел старые сапоги-скороходы, очевидно не замеченные грабителями, и отправился в Бумергарф.

Прифвид, камергер Айделфонса, встретил его в дверях.

— Что вам угодно, сэр?

— Доложи Айделфонсу, что прибыл Риалто и желает посоветоваться с ним.

— Сэр, лорд Айделфонс занят чрезвычайно важными делами и не сможет вас принять ни сегодня, ни в ближайшем будущем.

Риалто вытянул вперед руку с маленьким красным диском и принялся издавать ритмические напевы. Обеспокоенный Прифвид спросил:

— Что вы делаете, сэр?

— Прифвид, твое зрение затуманивается, ты не признаешь меня за Риалто. Я намерен поместить твои глазные яблоки на стебельки длиной в фут, и скоро ты сможешь видеть сразу во всех направлениях.

Голос Прифвида внезапно изменился:

— А! Достопочтенный лорд Риалто! Теперь я отлично вижу вас со всех сторон! Сюда, пожалуйста! Лорд Айделфонс медитирует в саду.

Риалто обнаружил Айделфонса дремлющим под косыми лучами послеполуденного солнца. Громко хлопнув в ладоши, маг воскликнул:

— Айделфонс, сколько можно спать! Подлое дело было совершено в Фалу, и вот я здесь, чтобы услышать твои объяснения! Вставай же!

Айделфонс бросил на Приффвида укоризненный взгляд, но слуга лишь весело кивнул и спросил:

— Будут ли какие-нибудь указания, сэр?

Наставник глубоко вздохнул и ответил:

— Принеси что-нибудь освежающее, легкое на закуску — дело Риалто не займет много времени, и он вскоре покинет нас.

— Напротив! Я намерен оставаться здесь неопределенное время. Приффвид, неси все самое лучшее, что найдешь в кладовой! — воскликнул Риалто.

Айделфонс приподнялся в кресле.

— Риалто, ты слишком вольно распоряжаешься моим слугой! Ладно, Приффвид, все равно захвати что-нибудь освежающее!

Слуга ушел, и Риалто обратился к Наставнику:

— Я хочу знать, по какому праву меня подло обокрали. Фроло сказал, что ты прибыл во главе шайки грабителей!

Айделфонс с силой стукнул кулаком по столу.

— Наглая ложь! Фроло неправильно толкует факты!

— Хорошо, я готов выслушать твою версию событий, которые, несомненно, будут рассмотрены по моей просьбе Вершителем.

Айделфонс моргнул и обиженно надул щеки.

— Конечно, ты волен поступать по-своему. И все же знай — юридические тонкости были соблюдены. Тебя обвинили в многочисленных оскорблениях членов ассоциации, дело рассматривалось на общем собрании, и тебя признали виновным лишь после того, как все детали произошедшего были учтены. Благодаря нашим с Эйч-Монкуром усилиям, ты отделался лишь символическим имущественным штрафом.

— Символическим? Да вы обчистили меня гораздо хуже профессиональных грабителей! — вскричал Риалто.

Айделфонс поджал губы.

— Признаю, что ущерб действительно велик, и лично я предлагал ограничиться определенным количеством имущества.

Риалто, откинувшись в кресле, смерил Наставника долгим недоуменным взглядом, а затем мягким голосом поинтересовался:

— Кем были предъявлены обвинения против меня?

Айделфонс задумчиво нахмурился.

— Многими. Гилгэд заявил, что ты избил его симиода.

— Ага. Продолжай.

— Зилифант возмущался, что во время экспериментов с плазменными шарами ты уничтожил его драгоценное дерево.

— Дальше.

— Жалоб слишком много, чтобы перечислять их все. Почти каждый из присутствовавших на собрании — кроме меня и Эйч-Монкура — выдвинул против тебя обвинения. Затем конклав почти единодушно признал тебя виновным во всех злодеяниях.

— А кто украл мои камни Иона?

— Вообще-то, я сам взял их под свой надзор.

— И все произошедшее находится в рамках закона?

Айделфонс осушил бокал вина, принесенного Прифф видом.

— Ах да, твой вопрос… По-моему, все было вполне легально и соответствовало тяжести твоих преступлений.

— И грабеж проводился согласно статьям Мон-

страмента?

— Да, конечно. А разве нет? А теперь…

— Почему меня не известили о случившемся и не предоставили возможности оправдаться?

— Думаю, это можно обсудить. Насколько я помню, никто не захотел мешать тебе наслаждаться отдыхом, тем более что твоя виновность не вызывала сомнений.

Риалто встал на ноги.

— Тогда я предлагаю прямо сейчас посетить Священную Реликвию.

Айделфонс дружелюбно поднял руку, словно желая удержать мага.

— Сядь, Риалто, успокойся. Вон идет Приффвид с освежающими напитками и закусками. Давай выпьем вина и спокойно обсудим твое дело. Разве нет другого решения?

— После того, как меня подло оклеветали и ограбили те, кто ранее распространял на меня сияние лучей своей бессмертной дружбы? Я никогда…

Айделфонс прервал излияния Риалто:

— Да-да! Возможно, мы и допустили кое-какие недочеты в процедуре осуждения, но не забывай, что все могло завершиться гораздо хуже, если бы не мы с Эйч-Монкуром.

— В самом деле? Ты знаком с Голубыми Прин-

ципами? — холодно поинтересовался Риалто.

— Я, в общем, осведомлен об их содержании, — резким тоном заявил Наставник. — Что же до подробностей, то всего не может помнить никто. В любом случае они тут совершенно ни при чем.

Риалто вынул из-за пазухи потрепанный голубой документ.

— Я зачитаю тебе параграф Ц из Предварительного Манифеста:

«Монстрамент, как вечная доктрина, зиждется на фундаменте равнозначных блоков мудрости. Тот, кто завышает значение одних параграфов и принижает значение других ради собственной выгоды, повинен в нарушении статей кодекса и должен понести наказание согласно Статье В, Секция 3».

Айделфонс быстро моргнул.

— Мои замечания в действительности не более чем шутка.

— В таком случае почему ты не дал показания, что в тот момент, когда избили симиода Гилгэда, мы с тобой гуляли на берегу Скаума?

— Хороший вопрос. Собственно говоря, я действовал согласно процедуре обвинения.

— Как же это?

— Да очень просто! Никто не спрашивал, гулял

ли я с тобой, на берегу Скаума, когда избили симиода Гилгэда. По правилам юриспруденции, я не мог сам сказать об этом. Кроме того, тебя обвиняли еще по стольким статьям, что мои слова не поправили бы дела.

— Значит, можно замалчивать правду? Разве тебя самого не интересует, кто избил симиода Гилгэда и почему он представился как Риалто?

Айделфонс прокашлялся.

— В сложившихся обстоятельствах подобные вопросы не задаются.

Риалто вновь обратился к помятой копии Голубых Принципов.

— Параграф К, Секция 2 определяет твое поведение как «сильное упущение». За это назначено наказание, возможно, и слишком суровое. Однако Вершитель не станет смягчать справедливое наказание…

Айделфонс поднял руки вверх.

— Ты хочешь обратиться из-за такого мелочного дела к Священной Реликвии? Ведь последствия никому не известны…

— Я приведу в качестве обвинения еще одно нанесенное мне оскорбление. Во время ограбления Фалу моя копия Голубых Принципов была сорвана со стены, измята и брошена на пол. А это

подробно описано в Параграфе А: «Вероломные действия», согласно которому все участники злодеяния делят вину поровну и обязаны уплатить мне компенсацию. А это уже далеко не мелочное дело! Я думал, ты разделишь мое негодование и инициируешь возвращение похищенного имущества и наказание виновных, но…

— Твои надежды вполне обоснованны! Я намерен созвать новый конклав, чтобы исправить все допущенные ошибки, которые явно были совершены в пылу страсти. Будь же терпелив! Вершителя не стоит выводить из состояния спокойствия! — вскричал Айделфонс.

— Тогда немедленно созывай конклав! Сообщи, что я невиновен по всем пунктам обвинения, что мне нанесен непоправимый урон, и я требую не только возвращения украденного, но компенсации морального ущерба…

Айделфонс удивленно воскликнул:

— Но это не рационально!

Риалто безапелляционным тоном ответил:

— Как Наставник, ты сам принимаешь решение. Иначе Вершитель лично назначит сумму штрафа.

Айделфонс глубоко вздохнул.

— Я соберу конклав.

— Объяви, что будут рассмотрены только два пункта: возмещение убытков и наложение штрафов в размере от трех до пятикратного увеличения украденного. Я не потерплю возражений и клеветы. Кроме того, я намерен найти того, кто совершил вмененные мне в вину преступления.

Айделфонс простонал что-то себе под нос, но Риалто не обратил на это внимания.

— Собирай конклав! Не принимай никаких возражений! Должны присутствовать все, ибо я очень рассержен!

Айделфонс еще раз вздохнул и произнес:

— Надеюсь, все будет хорошо. Сначала я свяжусь с твоим единственным настоящим другом, кроме меня самого.

— Кого ты имеешь в виду?

— Эйч-Монкура, конечно же! Сначала мы посоветуемся с ним.

Айделфонс подошел к столу, где поместил подобие лица Эйч-Монкура с двумя отверстиями вместо уха и рта.

— Эйч-Монкур! Айделфонс обращается к тебе! У меня есть важные новости! Ответь, слышишь ли ты меня?

— Айделфонс, я слышу тебя! Что за новости ты хочешь мне сообщить?

— Риалто Великолепный прибыл в Бумергарф! Он взбешен и полон решимости отстаивать свою невиновность. Он доказал, что конклав допустил несколько юридических неточностей, и требует тройного возмещения ущерба. В противном случае Риалто грозится обратиться к Вершителю.

— Это большая ошибка. Бездумный акт отчаяния, — сказал рот.

— Я говорил ему о том же, но он слишком упрям и не хочет ничего слушать.

Рот снова заговорил:

— Ты никак не можешь повлиять на него, Айделфонс?

— Он не уступит ни на йоту, а твердит только о статьях Монстрамента и возмещении убытков. Кроме того, Риалто абсолютно уверен, что некий злоумышленник намеренно…

Риалто прервал его:

— Говори короче, пожалуйста. Мне дорого время! Надо лишь собрать конклав, и тебе вовсе нет нужды описывать мое состояние в деталях.

Айделфонс раздраженно бросил на стол девятнадцать подобий лиц. Он наложил заклятье на рты, в знак того, что не принимает отговорок и вопросов, а затем, обращаясь сразу ко всем девятнадцати, приказал им немедленно явиться на

конклав в Бумергарф.

Глава четвертая

Маги один за другим занимали места в Большом Зале. Последним прибыл Эйч-Монкур. Прежде чем сесть, он перекинулся парой слов с Херардом Вестником, с которым его связывали почти дружеские отношения.

Риалто, прислонившись к обитой деревянными панелями стене, мрачно наблюдал за прибытием бывших соратников по ассоциации. Никто, кроме Эйч-Монкура, отвесившего ему поклон, даже не посмотрел в сторону Риалто.

Айделфонс призвал собравшихся к порядку, затем многозначительно посмотрел на хранившего молчание Риалто. Наставник прокашлялся и заговорил:

— Я перейду прямо к делу. Риалто жалуется на несправедливое изъятие его собственности и требует ее возврата и наказания виновных. Если ему будет отказано в удовлетворении, он направит свое дело на рассмотрение Вершителя. Такова в общих чертах причина сегодняшнего собрания.

Гилгэд с побагровевшим от гнева лицом вскочил на ноги.

— Требования Риалто возмутительны! Как он смеет отрицать содеянное? Ведь он избил несчастного Буудиса, да еще привязал его в зарослях крапивы! Какое бессердечие! Я по-прежнему обвиняю его в этом преступлении и не намерен отзывать обвинения!

— Я не бил твое чудовище, — спокойно ответил Риалто.

— Ха! Легко сказать! А как ты докажешь свои слова?

— Очень просто. Во время инцидента мы с Айделфонсом гуляли по берегу Скаума.

Гилгэд недоуменно уставился на Наставника.

— Это правда?

Айделфонс сморщил кислую гримасу и ответил:

— Абсолютная правда.

— Тогда почему ты не сказал об этом раньше?

— Мне не хотелось запутывать и без того сложное дело.

— Странно… — с застывшим лицом Гилгэд занял свое место, но в тот же миг вскочил Зилифант.

— Но ты не сможешь отрицать, что уничтожил плазменными шарами мое драгоценное дерево и напустил на мои владения жуткое зловоние.

Больше того, ходят слухи, что ты еще похвалялся своей точностью и приписывал источник зловония мне, Зилифанту!

— Я не делал ничего подобного, — возразил Риалто.

— Ба-а! Тут все ясно как божий день! У тебя нет доказательств обратного.

— В самом деле? Мун Философ и Пэргастин присутствовали в Фалу во время эксперимента. Они видели, как я создал четыре плазменных шара. Один попал в лесные заросли и не причинил никакого вреда. Мун стоял совсем рядом и не чувствовал никакого зловония. Мы наблюдали за всеми четырьмя шарами и видели, как они разлетелись на осколки и исчезли. Ни один не покинул пределов Фалу.

Зилифант неуверенно переводил взгляд с Муна на Пэргастина.

— Правдивы ли его доводы?

— Если быть кратким — да, — ответил Мун.

— Тогда почему же вы не информировали меня раньше?

— Поскольку Риалто признали виновным в других преступлениях, наше свидетельство казалось бессмысленным.

— Только не для меня, — вставил Риалто.

— Возможно.

— А кто рассказал тебе о моем хвастовстве и грязных намеках на твой запах?

Зилифант неуверенно посмотрел в сторону Эйч-Монкура.

— Боюсь, я не помню этого…

Риалто повернулся к Айделфонсу:

— В каких еще преступлениях меня обвиняют?

Хуртианкц отозвался на его вызов:

— Ты наложил заклинание на мою шляпу! Ты разослал всем оскорбительные для меня картинки!

— Я не делал ничего подобного.

— Тогда докажи!

— Ты и сам мог бы догадаться. Ведь ясно, что это было сделано тем же человеком, который избил симиода Гилгэда и уничтожил дерево Зилифанта. Я ни в чем не виноват.

Хуртианкц сделал кислую мину.

— Похоже, в твоих словах есть рациональное зерно. Что ж, я отзываю обвинение.

Риалто вышел вперед.

— А теперь: какие еще преступления я якобы совершил?

Никто не произнес ни слова.

— В таком случае, выдвигаю обратные обвине-

ния. Я обвиняю членов ассоциации, каждого в отдельности и всех вместе, кроме себя самого, в нескольких тяжких преступлениях.

Маг подал Айделфонсу список своих претензий.

С недовольной гримасой Наставник принял его.

— Риалто, ты уверен, что хочешь зайти так далеко? Да, некоторые ошибки имели место, мы признаем это! Так давай же проявим добродетель милосердия и смирения и без всяких обид войдем в будущее! Все твои друзья всегда помогут тебе словом и делом, и вскоре взаимное доверие восстановится! Разве это не наилучший выход?

Риалто задумчиво сцепил пальцы рук.

— Айделфонс, твоя мудрость, как всегда, велика! В самом деле, зачем нам перебирать все подробности этого подлого дела? Каждому члену ассоциации надо лишь принести свои извинения, вернуть мою собственность и возместить ущерб в трехкратном размере — и все будет, как прежде. Эйч-Монкур, почему бы тебе не подать пример?

— Охотно. Но тогда я скомпрометирую остальных. Каково бы ни было мое лично решение, я предпочел бы дождаться голосования, — отве-

тил маг.

Риалто продолжил:

— А как насчет тебя, Хуртианкц? Ты согласен выйти и извиниться?

Хуртианкц пробормотал что-то невнятное.

Риалто повернулся к Айделфонсу:

— А ты сам, Наставник?

Айделфонс прочистил горло и заговорил:

— Сейчас я зачитаю принесенный Риалто список обвинений, направленных против членов ассоциации. Полный перечень занимает восемнадцать страниц. Для начала я зачитаю названия статей:

Статья один: Вторжение.

Статья два: Грабеж в крупных размерах.

Статья три: Мелкое воровство.

Статья четыре: Вандализм.

Статья пять: Использование магии в злостных целях против слуги Фроло.

Статья шесть: Клевета

Статья семь: Оскорбление Монстрамента, включая намеренную порчу сертифицированной копии документа.

Статья восемь: Заговор с целью совершения описанных выше преступлений.

Статья девять: Намеренное удерживание укра-

денной собственности.

Статья десять: Непочтение Голубых Принципов, и, как следствие, нарушение статей Монстрамента.

Айделфонс положил список на стол перед собой.

— Я дочитаю список целиком, но позволь спросить, Риалто, не преувеличиваешь ли ты?

Риалто передернул плечами.

— Здесь описано большинство совершенных против меня преступлений, но не все.

— Разве? По-моему, список достаточно полный.

— Разве ты забыл саму суть преступления? Кто разослал оскорбляющие Хуртианкца картинки? Кто привязал опал Эо к цепочке слива в моей уборной? Кто избил симиода Гилгэда? Кто уничтожил дерево Зилифанта? Разве все эти вопросы не требуют разрешения?

— Все и в самом деле очень загадочно. Возможно, виной всему простое совпадение, а? Тебя не устраивает моя теория? Что ж, может, я и не прав. И все же вопрос о виновнике не включен тобой в список, а, значит, отпадает сам собой, — заявил Айделфонс.

— Как тебе будет угодно. Однако все, что

приключилось с Хуртианкцом, Эо, Гилгэдом и Зилифантом, требует расследования, — произнес Риалто.

— Всему свое время. А теперь я зачитаю «Список Обвинений» полностью.

— В этом нет нужды. Члены ассоциации уже знакомы с основными статьями. Лично я предлагаю три варианта развития событий. Первый: с единодушного одобрения я получаю требуемое возмещение убытков. Второй: Наставник, используя свои чрезвычайные полномочия, налагает размер штрафов. Третий: мы отошлем список Вершителю, и он, согласно букве закона, вынесет окончательное решение. Айделфонс, не будешь ли ты так добр выбрать наилучший вариант?

Наставник издал странный утробный звук.

— Чему быть, того не миновать. Я предлагаю признать требования Риалто, хотя они и влекут за собой некоторый ущерб. Так что, выбираем второе?

Барбаникос вскочил на ноги:

— Подождите! Я хочу заметить, что наложенное на Риалто взыскание частично было вызвано неприязнью к его одиозной личности! Так что он не имеет права требовать полного возмещения убытков!

— Точно! Точно! — зашумели Туман Зачарованной Воды и другие.

Получив одобрение товарищей, Барбаникос продолжил:

— Любой чуткий человек принял бы осуждение, как должное, смиренно вернулся бы в нашу группу, думая только о том, как оправдаться в наших глазах. Что же мы видим вместо этого? Злобное лицо, вызывающие манеры, оскорбления и угрозы! Разве так надлежит вести себя человеку, недавно наказанному товарищами?

Барбаникос сделал передышку и выпил немного освежающего тоника, после чего продолжил:

— Риалто не вынес никаких уроков для себя! Он выказывает прежнюю наглость и дерзость! Поэтому я настоятельно рекомендую проигнорировать нападки Риалто. Если же он будет настаивать, предлагаю приказать лакею вышвырнуть его за дверь. Риалто, больше мне нечего тебе сказать. Поостерегись! Будь осторожнее! Ты и сам почувствуешь облегчение. Это — во-первых. А теперь…

Айделфонс прервал его:

— Все это очень любопытно! Барбаникос, мы благодарим тебя за выступление.

Барбаникос неохотно сел на место. Айделфонс спросил:

— Есть ли какие-либо дополнения?

— Да, есть. Давайте посмотрим, кто сейчас проголосует за и против Голубых Принципов, — заявил Риалто.

Эйч-Монкур вышел вперед.

— Следует обсудить еще кое-что. В нашей дискуссии мы часто обращались к Монстраменту. Могу ли я спросить, кто может снабдить нас подлинной и неповрежденной копией текста? Айделфонс, у тебя, конечно же, есть документ?

Айделфонс тяжело вздохнул и поднял глаза к потолку.

— Не припомню, где я его оставил. Однако Риалто принес сюда Монстрамент в качестве доказательства…

— К сожалению, копия Риалто, каково бы ни было ее содержание, сильно повреждена и не имеет теперь ценности. Мы же нуждаемся в абсолютной полноте и точности, а значит, должны обратиться непосредственно к Персиплексу. Оставим в покое документ Риалто и обратимся к Монстраменту, начертанному непосредственно на Священной Реликвии. Только после этого мы сможем голосовать справедливо.

Айделфонс поинтересовался:

— Ты выносишь свою идею как официальное

предложение?

— Да.

Херард Вестник воскликнул:

— Я согласен!

Голосование по вопросу завершилось почти единодушно — промолчали лишь Айделфонс и Риалто.

Херард встал на ноги.

— Уже поздно, и у нас мало времени. Каждый из нас должен посетить Священную Реликвию и проконсультироваться с точнейшим текстом Персиплекса. Затем Айделфонс, убедившись, что все выполнили предписанное, снова соберет конклав, и мы завершим рассмотрение дела в более мирной атмосфере.

Риалто криво усмехнулся и поднялся на возвышение рядом с Айделфонсом.

— Те, кто хочет, могут отправляться к Священной Реликвии и проверить теорию Эйч-Монкура, если им больше нечем заняться. Лично я намерен обратиться к Вершителю. И не вздумайте использовать против меня свою магию! Я не оставил свои заклинания в Фалу и надежно защищен.

Бизант Некромант возразил:

— Риалто, ты слишком уж придирчив! Разве стоит тревожить Вершителя из-за каждой укра-

денной ложки? Смотри на это проще!

— Хороший совет! Я попрошу для тебя милосердия у Вершителя. Айделфонс, верни мне «Список Обвинений», пожалуйста. Вершителю пригодится перечень имен, — попросил Риалто.

Эйч-Монкур вежливо заметил:

— Поскольку Риалто отказывается внять голосу разума, я вынужден предупредить об опасности, которая подстерегает его у Священной Реликвии…

— О чем это ты? Откуда Риалто угрожает опасность? — удивленно произнес Айделфонс.

— Разве не ясно? Монстрамент утверждает, что всякий, кто владеет поврежденной копией Голубых Принципов и использует ее с целью доказать что-либо в судебной процедуре, виновен в преступлении, обозначенном в Статье Н, и подлежит вычеркиванию из списков членов ассоциации. Мне больно это говорить, но Риалто как раз сегодня совершил подобное преступление, перечеркивающее все его прежнее дело. Так что, идя к Вершителю, он рискует жизнью.

Риалто нахмурился и уставился в копию Монстрамента.

— Я не вижу здесь такой статьи. Не мог бы ты указать параграф, который цитируешь?

Эйч-Монкур сделал стремительный шаг назад.

— Если бы я указал его, то также оказался бы повинен в преступлении. Вполне возможно, что параграф пострадал от повреждений.

— Очень странно… — протянул Риалто.

Заговорил Херард:

— Риалто, твои обвинения сводятся к нулю новым преступлением, а значит, можно поставить на этом точку, не так ли, Айделфонс?

— Не так быстро. Мы теперь имеем дело с куда более серьезным проступком. Ввиду замечания Эйч-Монкура я предлагаю отправить специальную комиссию к Священной Реликвии. Она будет состоять, ну, скажем, из меня, Эшмаила, Барбаникоса и Эйч-Монкура. Комиссия тщательно ознакомится с содержанием Монстрамента безотносительно нашего разбирательства, — заметил Айделфонс.

— Я также последую туда. Даже если замечание Эйч-Монкура правомерно, в чем я сомневаюсь, я все-таки не цитировал из поврежденной копии, а значит, невиновен, — заявил Риалто.

— Как же так? Ты вот только недавно изучал свой поддельный документ и пытался оспорить мое заявление! Преступление имело место, и тебя вычеркнут из списков до того, как ты успе-

ешь предъявить свои требования о возмещении ущерба. Возвращайся прямо сейчас в Фалу! Мы припишем твое поведение временному затемнению рассудка, — предложил Эйч-Монкур.

Айделфонс медленно произнес:

— Твой совет не пригодится Риалто. Я как Наставник приказываю всем присутствующим немедленно отправиться к Священной Реликвии, чтобы проконсультироваться с Монстраментом. Мы пойдем туда лишь с целью получения информации и не станем беспокоить Вершителя. Вперед! Все к Священной Реликвии! Поедем на моей вертушке.

Глава пятая[11]

Волшебная вертушка Айделфонса полетела на юг в сторону низких зеленых холмов на южных окраинах Асколэса. Некоторые маги разместились на верхнем этаже, намереваясь воспользоваться прогулкой и подумать о своем. Другие выбрали нижний этаж, откуда можно было наслаждаться пейзажем. Большинство же предпочло всему комфорт и мягкие подушки

---

[11] Примечания: 11

В книге упущена. — прим. верстальщика.

салона.

Близился вечер. Садящееся солнце окрашивало ландшафт в черно-красные тона. Впереди неясно вырисовывалась Священная Реликвия — холмик немногим выше соседних.

Вертушка опустилась на вершину холма, пустынную и каменистую из-за постоянно дующего здесь западного ветра. Выбираясь на землю, маги проходили через овальную террасу к шестиугольному строению, покрытому черепицей из голубого золота.

Риалто уже бывал здесь однажды из чистого любопытства. Западный ветер трепал полы его накидки. Приблизившись к храму, маг постоял некоторое время на пороге, а затем вошел внутрь. В вестибюле царил полумрак, и около минуты глаза привыкали к темноте. Затем Риалто решительно двинулся к центральной комнате.

Специальный пьедестал поддерживал Яйцо: сфероид трех футов в поперечнике. Оконце на одном его конце позволяло видеть Персиплекс, голубую призму высотой в четыре дюйма, изнутри покрытую выгравированным текстом Монстрамента. Через окошко Персиплекс отражал разборчивую картинку текста на вертикально установленную доломитовую пластину. Ма-

гическая защита предохраняла Персиплекс от падения даже во время землетрясения или любого другого несчастного случая. Едва сдвинувшись с изначальной позиции, Персиплекс немедленно принимал прежнюю позицию, дабы не вывести на пластину неверную картинку и не ввести в заблуждение того, кто пришел посоветоваться с Монстраментом.

Таков он был раньше, таков он был теперь.

Айделфонс возглавлял процессию. С одной стороны шел Эйч-Монкур, сдержанный и молчаливый, с другой — Хуртианкц, эмоционально жестикулировавший. Вслед за ними кучно шли остальные, оставив Риалто плестись в хвосте.

Маги вошли в вестибюль, затем направились в центральную комнату. До Риалто, идущего последним, вдруг донесся изумленный и испуганный вскрик Эйч-Монкура, а затем и недоуменные возгласы остальных магов. Пробравшись ближе, Риалто увидел, что в комнате ничего не изменилось со времен его последнего визита: пьедестал поддерживал Яйцо, Персиплекс отливал яркой голубизной, а текст Монстрамента отражался на доломитовой пластине. Тем не менее кое-что было не так: текст документа на пластине был изображен в зеркальном отражении.

Риалто ощутил легкий укол где-то под ложечкой, и почти в тот же миг услышал голос Айделфонса:

— Что за наглое нарушение приличий! Кто посмел наложить на нас заклятье Остановки времени?!

— Это возмутительно! Кто бы это ни был, пусть он выйдет и объяснит свое поведение! — вскричал Эйч-Монкур.

Никто не отозвался на его вызов, но Мун Философ воскликнул:

— Монстрамент! Разве он не был показан нам в зеркальном отражении? А теперь он в полном порядке!

— Странно! Очень странно! — пробормотал Айделфонс.

Эйч-Монкур мрачным взором обвел всех собравшихся.

— Подобные подлые трюки просто оскорбительны! Они унижают достоинство каждого из нас! Я лично намерен разобраться во всем происходящем, но позднее, поскольку сейчас мы собрались здесь по делу Риалто. Давайте обратимся к Монстраменту.

Риалто ледяным тоном произнес:

— А почему ты игнорируешь столь вопиющее

нарушение приличий? Ведь Монстрамент только что отражался задом наперед.

Эйч-Монкур недоуменно обратил свой взор к доломитовой пластине.

— По-моему, он стоит прочнее прочного! Похоже, у тебя был обман зрения. Такое бывает, когда глаза еще не привыкли к темноте. Что ж, с огромным сожалением я вынужден теперь обратиться к отрывку в Секции 3, Параграфа Д, который гласит…

— Минуточку. Я тоже видел обратное отражение Монстрамента. Что же это было в действительности? — спросил Айделфонс.

Эйч-Монкур криво усмехнулся.

— Ну, всякое бывает. Возможно, ты просто объелся маринованных слив за обедом или выпил слишком много своего замечательного эля! Ха! Расстройством желудка страдают многие! Так мы продолжим разбирательство?

— Ни в коем случае! Мы отправимся в Бумергарф для дальнейшего расследования всех деталей, ибо дело все больше усложняется, — отрывистым голосом заявил Айделфонс.

Продолжая обсуждать странное положение Монстрамента, маги покинули храм. Риалто, задержавшийся осмотреть Яйцо, отвел Наставника

в сторону и произнес:

— Может, тебя заинтересует тот факт, что там не подлинный Персиплекс? В храме лежит подделка.

— Что! Этого не может быть! — вскричал Айделфонс.

— Взгляни сам. Призма слишком мала для гнезда. Грубо сработано. А самое главное то, что настоящий Персиплекс не мог бы показывать текст в зеркальном отражении. Смотри! Я раскачаю Яйцо и сдвину призму с места. Подлинный Персиплекс немедленно примет прежнее положение.

Риалто так качнул Яйцо, что Персиплекс упал на бок и остался лежать.

Айделфонс недоуменно изучал Яйцо.

— Вершитель! Говори! Айделфонс Наставник приказывает тебе!

Не послышалось никакого ответа.

Снова Айделфонс воззвал:

— Вершитель! Сарсем! Приказываю тебе — говори!

Снова тишина.

Наставник отвернулся.

— Возвращаемся в Бумергарф. Тут все слишком запутанно. Дело перестает быть тривиальным.

— Оно и не было таковым, — вставил Риалто.

— Не имеет значения. Оно приобрело совершенно иное значение. Скорее в Бумергарф!

Глава шестая

Собравшись в Большом Зале, маги открыли коллоквиум. Поначалу Айделфонс, никого не перебивая, выслушивал мнения собравшихся. Взгляд его бледно-голубых глаз скользил по лицам коллег по ассоциации, а пальцы Наставника нервно теребили седую бороду.

Страсти накалялись. Больше всех бушевал Туман Зачарованной Воды: маленький сгусток плоти, покрытый зеленой кожей, с пожелтевшей ивовой листвой вместо волос. Он уже перестал контролировать свои движения, перебегал из одного угла комнаты в другой, выкрикивая бессвязные фразы.

— Так или иначе, какая разница! Голубые Принципы есть Голубые Принципы! Как нам уже сообщил Эйч-Монкур, в тексте говорится о том, что Риалто совершил преступление — а чего еще надо знать? Я с удовольствием встану с ног на голову, чтобы услышать что-то новенькое, или посмотрю сквозь зеркало!

Туман все говорил и говорил, глаза его загорелись безумным огнем, и маги уже начали опасаться, что с ним может случиться припадок, или, не дай бог, он выкрикнет бессознательно какое-нибудь страшное заклинание. Потеряв терпение, Айделфонс наложил на разошедшегося члена ассоциации заклятье Ласкающей Тишины. Забавно было наблюдать, как Туман продолжал метаться по комнате, а его голос уже не был слышен ни собравшимся, ни ему самому. В конце концов он успокоился и сел на свое место.

Пухлый Неженка Лоло вспомнил о странном положении призмы в святилище:

— Я подозреваю, что Сарсем Вершитель недосмотрел, и Персиплекс отражал текст Монстрамента наоборот. Увидев же наше замешательство, он воспользовался заклинанием остановки времени и исправил положение призмы.

Айделфонс степенно поднялся на кафедру.

— Я должен сделать важное заявление. Призма, которую мы все сегодня видели, — подделка, и не более. Поэтому вопрос о зеркальном отражении текста теряет свою актуальность.

Дарвик Миаантер, обычно молчаливый, издал возмущенный вопль:

— Тогда почему же ты заставил нас попусту

ездить к Священной Реликвии, зная, что Персиплекс не настоящий?!

Шру добавил:

— Вопрос Миаантера заслуживает внимания! Айделфонс, твое поведение оскорбительно!

Айделфонс высоко поднял руки.

— Вы не услышали то, что я хотел донести до вас! Повторяю еще раз: Монстрамент, фундамент нашей ассоциации, исчез из Яйца! Нас оставили без законодательства, и теперь мы беззащитны перед лицом таинственного злоумышленника, устроившего козни против Риалто. Мы не можем заниматься ничем иным, пока не выработаем стратегию поведения и защиты.

Эйч-Монкур с мягкой улыбкой произнес:

— Айделфонс, дорогой друг! Стоит ли впадать в такое отчаяние? Наша ассоциация базируется на мудрости своих членов!

Вермулиан Путешествующий По Сновидениям медленно протянул:

— У меня есть предположение, возможно, объясняющее сегодняшнее происшествие. Наверняка это Сарсем решил почистить призму и на время поставил в Яйцо копию. В любом случае, копия содержит ту же информацию, что и оригинал, а значит, может служить доказательством.

Хуртианкц сразу же одобрил слова Вермулиана:

— Я тоже так думаю! Не забывайте, что мы обнаружили в Персиплексе — копии или оригинале — сведения, которые позволяют осудить возмутительное поведение Риалто! Теперь его требования о возмещении убытков безосновательны!

Айделфонс постучал по кафедре молоточком, пытаясь восстановить тишину.

— Хуртианкц, твои замечания не относятся к делу. Если ты помнишь, Риалто с абсолютной достоверностью доказал нам свою невиновность, а там, где не нашлось прямых доказательств, просто отрицает свою причастность.

Хуртианкц пробормотал:

— Я лишь хочу прийти к консенсусу.

— Твои рассуждения несвоевременны. Риалто, ты не сказал ни слова — каково твое мнение?

— Я пока не готов выступить.

— А что скажешь ты, Шру?

— Только одно: потеряв Монстрамент, мы должны сохранить хотя бы статус-кво и не натворить никаких глупостей.

— Нафареддин, у тебя есть что сказать нам?

Нафареддин, известный в Старом Ромаре как

Полосатый Страдалец, уже обдумывал планы на будущее:

— Если Персиплекс действительно исчез, то, взяв копию за основу, мы должны создать новый Монстрамент, назвав его Оранжевыми Принципами.

— Или Бледно-зелеными, или даже Розово-фиолетовыми, чтобы сочетать блеск и торжественность! — с энтузиазмом предложил Неженка Лоло.

Айделфонс мрачно возразил:

— Твое предложение бессмысленно. Зачем создавать новый документ неизвестного цвета, когда Голубые Принципы так долго служили нам верой и правдой? Документ Риалто, хотя и немного потрепанный, может послужить нам точкой опоры.

Хуртианкц снова возмутился:

— Если мы примем образец Риалто, то он восторжествует над нами! С новым же Персиплексом, созданным на основе копии, все предыдущие обвинения, включая требования Риалто о трехкратном возмещении ущерба, будут отвергнуты. Думаю, тогда Риалто придется отвечать за свои злодеяния.

— Это очень важно! Хуртианкц указал нам,

оказавшимся в тупике, верный путь — он, скажем так, вонзил свои великолепные зубы в самое сердце проблемы! — вскричал Тчамаст, указывая на отличные белые протезы, замещающие во рту Хуртианкца природные зубы. Хуртианкц вежливо кивнул, принимая комплимент.

Вермулиан Путешествующий По Сновидениям, высокий и худой, словно шест, мужчина, с торчавшими в разные стороны густыми черными волосами, никогда не отличался болтливостью. Его выпуклые глаза, ни на чем не сосредотачиваясь, смотрели, казалось, на кончик его носа и часто бывали полуприкрыты веками — необходимое условие для путешествия по снам. В карательной фазе обвинений, выдвинутых против Риалто, он пользовался столь непонятной для других лексикой, что магам приходилось подолгу задумываться о смысле его фраз. Теперь же, словно очнувшись ото сна, Вермулиан выпрямился и резко заговорил, избегая цветистых метафор:

— Я облекаю идею Хуртианкца в форму официального заявления.

— Все не так просто, как вам кажется, друзья мои. Наша задача заключается, во-первых, в том, чтобы разузнать все возможное о судьбе Персиплекса! Нельзя отклоняться от главного! —

возразил Айделфонс.

Эйч-Монкур выступил вперед.

— Я полностью согласен с Айделфонсом! Я лично предприму все возможное, чтобы подробно расследовать все произошедшее с Персиплексом. Остальным же предлагаю заняться повседневными вопросами, а значит, можно обсудить предложение Вермулиана.

Риалто пристально посмотрел на Наставника. Он поднес руку к губам, словно намереваясь прикрыть зевок, но вместо этого подал секретный знак. Айделфонс сморщил недовольную гримасу, но тем не менее сотворил заклинание Остановки Времени.

Глава седьмая

Риалто и Наставник молча осмотрели комнату, в которой в неподвижных позах сидели их коллеги по ассоциации.

— Это нонсенс! Каждый в группе держит при себе монитор, чтобы не быть обманутым соседом. Надо бы теперь собрать все мониторы и проверить, кто среди нас жульничает! — прогремел Айделфонс.

— Неважно. Я изобрел новую технику, которая

с легкостью вводит монитор в заблуждение. Для этого надо лишь пару квампов и одного красноглазого Слугу.

Айделфонс сделал особый жест рукой, и в воздухе появилось отверстие, похожее на дверь. Из двери высунулась мордочка с ярко-красными глазами.

— Это Ошерл. Он не так ловок, как Слуги, но достаточно умен и быстр, правда, иногда подвержен депрессии. Его достоинства сводятся к пяти очкам, — произнес Айделфонс.

— Счет слишком уж велик. Тут явно закралась ошибка… — пробормотал Ошерл.

— А по-моему, это правильно. Впрочем, я проверю записи.

Риалто спросил Ошерла:

— Ты способен понижать свои очки?

— Конечно.

— Достаточно было бы простого да или нет.

— Как вам угодно. Мне-то все едино.

Риалто продолжил:

— Сегодня Айделфонс и я в хорошем настроении. Если ты исполнишь несколько несложных поручений, то можешь заработать целое очко…

— Что? Риалто, ты так запросто обещаешь очки моим Слугам? — прорычал Наставник.

— Я действую из здравых побуждений. Помни, мне позволено получить трехкратный размер потерянной собственности и провести как минимум одну конфискацию… Пока я согласен с тем, что ты не украл, а лишь взял на сохранение мои камни Иона, и не намерен выдвигать требований вернуть их втрое больше… — мягко произнес Риалто.

Айделфонс заговорил значительно спокойнее:

— Тогда пользуйся на здоровье. Можешь поступать с Ошерлом по своему усмотрению.

Ошерл задумчиво протянул:

— Одно очко — не больно уж лакомый кусок…

Риалто повернулся к Айделфонсу:

— По-моему, твой Ошерл переутомился, да и выглядит как-то апатично. Давай воспользуемся услугами более расторопного Слуги.

Ошерл встрепенулся и поспешно возразил:

— Может, я просто немного поторопился. Какие будут указания?

— Для начала подойди к каждому магу в комнате и сделай так, чтобы их мониторы не отразили заклинания Остановки Времени.

— Ну, это не так уж сложно.

Серая тень скользнула вдоль сидящих членов ассоциации.

— Все готово. Где честно заработанное мной очко?

— Не торопись. Очко станет твоим, когда ты выполнишь все мои указания, — ответил Риалто.

Ошерл скорчил кислую гримасу и недовольно протянул:

— Так я и знал…

— Тем не менее начал ты хорошо. Разве не ясно, что чем усерднее ты будешь, тем больше выгоды для себя извлечешь? — заметил Айделфонс.

— Ну чем щедрее ты будешь, тем большее усердие я готов проявить. Так что еще я должен сделать? — спросил Ошерл.

Риалто продолжил давать указания:

— Теперь ты подойдешь к каждому магу по очереди. Очень тщательно собери образцы пыли, грязи и мельчайших частичек с их обуви, исключая мою и Айделфонса. Помести образцы в отдельные банки и обозначь на них имена владельцев.

— Но я не знаю ваших имен — для меня вы все выглядите одинаково, — заметил Ошерл.

— Хорошо. Ты можешь просто пометить банки, а я назову тебе имена магов. Сначала Херард Вестник… Эо Хозяин Опалов… Пэргастин… Неженка Лоло… Шру… — Риалто поочередно назвал всех

сидящих в комнате, и Ошерл выставил перед ним шеренгу стеклянных баночек, содержащих образцы пыли и грязи с обуви членов ассоциации.

— Проще простого. Что еще от меня требуется? — поинтересовался Ошерл.

— Следующее задание может потребовать от тебя покинуть Бумергарф. В любом случае, не слоняйся без дела и не отвлекайся на пустяки — наше время ограничено, — произнес Риалто.

— Для навозного жука помет бронтотабуса — дело первостепенной важности, — заметил Ошерл.

Риалто нахмурил брови.

— Мы с Айделфонсом несколько удивлены твоим намеком. Не потрудишься ли ты пояснить свои слова?

— Сравнение абстрактно. Так в чем состоит задание? — Ошерл поспешил сменить тему.

— Вершитель, состоящий на страже Священной Реликвии, которого мы называем Сарсемом, отсутствует на своем посту. Приведи его сюда для консультации.

— И это всего за одно очко? По-моему, оплата несколько занижена.

— Это почему же? Я лишь попросил тебя привести сюда Слугу.

— Да, но задание довольно утомительное. Сначала мне предстоит отправиться в Ла, чтобы разузнать, где ошиваются десять тысяч Слуг, потом запомнить характеристики Сарсема.

— Неважно. Ради целого очка можно и потрудиться. Выполнив задание, ты честно его заработаешь, — возразил Айделфонс.

Риалто добавил:

— Я скажу вот что: если ты все сделаешь хорошо, то не пожалеешь о затраченных усилиях. Учти, я больше ничего не обещал!

— Прекрасно. Но вы должны снять заклятье Остановки Времени. Я полечу на волне времени, как корабль, чьи паруса наполняет ветер.

— Последнее слово! Время пойдет своим чередом, но вот для тебя секунда мало отличается от столетия. Мы же гораздо чувствительнее к бегу минут, так что поторопись!

Риалто, увидев, что Айделфонс готовится снять действие заклинания, вскричал:

— Подожди! Надо сначала спрятать банки с образцами. У Хуртианкца глаза совы, и он может заинтересоваться банкой со своим именем. Поставь их под полку с ретортами!.. Хорошо. Айделфонс, не забудь, мы должны не допустить вынесения мне обвинительного приговора!

— Я помню. Ты готов?

— Не совсем. Осталось еще кое-что, — Риалто забрал себе словарь, который Вермулиан прихватил в Фалу. Затем вместе с Айделфонсом, торопясь и хихикая, словно школьники, Риалто создал копию словаря, содержащую массу абсурдных выражений, забавных оговорок и неточностей. Эту копию они и вложили в руки застывшему Вермулиану.

— Вот теперь я готов! — радостно воскликнул Риалто. Айделфонс снял действие заклинания, и собрание продолжилось, словно никогда и не было прервано.

Слова Эйч-Монкура повисли в воздухе:

— …и поэтому предложение Вермулиана может быть принято к обсуждению.

Риалто подскочил на своем месте.

— Я настаиваю, чтобы собрание было продолжено после того, как Эйч-Монкур проведет свое расследование. Только тогда мы будем обладать всей полнотой информации.

Вермулиан проворчал что-то в знак протеста; Айделфонс быстро перебил его и заявил:

— Вермулиан поддерживает предложение. Все согласны? Похоже, никто не против. Предложение принято, и собрание откладывается

до момента завершения расследования. Солнце уже садится, и я порядком устал. Всем спокойной ночи.

Участники коллоквиума мрачно покосились в сторону Риалто, а затем маги неохотно разъехались по домам.

Глава восьмая

Риалто и Айделфонс немного расслабились. Наставник выставил двойную стражу снаружи особняка, и некоторое время маги потягивали глинтвейн, вытянув ноги к камину.

— Грязное дельце! Оно оставляет на душе неприятный осадок! — заговорил Айделфонс. — Будем надеяться, что удастся найти ориентир в банках с пылью или извлечь пользу из разговора с Сарсемом. Если же нет — мы окажемся в тупике.

Риалто ухватился за подлокотники кресла, словно приготовившись встать.

— Может, займемся образцами? Или ты хочешь немного отдохнуть?

Наставник поднялся на ноги и бодро ответил:

— Я не знаю усталости! Идем в кабинет. Мы изучим каждую крупинку и пылинку, рассмот-

рим образцы со всех сторон и под всеми углами зрения, пока не выясним истину. А после этого займемся Сарсемом.

Маги отправились в рабочий кабинет.

— Так-так! Вот и наши банки!

Изучив содержимое нескольких сосудов, Наставник разочарованно протянул:

— Тут нет ничего ценного…

— Не делай поспешных выводов. Нам понадобятся лучшие линзы и последнее издание «Характеристики веществ: Пыль и Частицы Последних Эонов», — заметил Риалто.

— Я так и думал. Все у нас под рукой. Я также приказал принести автоматический классификатор, чтобы сократить рутинную работу.

— Превосходно.

Дальнейшие исследования пошли гораздо быстрее. Одна за другой банки подверглись опустошению, а их содержимое — тщательнейшему анализу. Уже светало, когда маги закончили изучение образцов, и, изнуренные бессонной ночью, вышли на террасу подышать свежим воздухом.

По мнению Айделфонса, поиски мало к чему привели, и Наставник пребывал в мрачном расположении духа. После недолгого молчания он произнес:

— В основном, мы практически ничего не выяснили. Ничего не доказали и не опровергли. Непонятного слишком много: особенно любопытна пыль с ботинок Вермулиана, Хуртианкца, Эйч-Монкура, Неженки Лоло и Бизанта. Кроме того, непонятное на самом-то деле может оказаться вполне объяснимым.

Риалто кивнул.

— Частично ты прав. И все же я не разделяю твоего пессимизма. Каждая неясность кое-что говорит о себе, кроме одного-единственного примера.

— Ага! Ты имеешь в виду Вермулиана — частички с его обуви имеют уникальную форму, цвет и состав. Они отличаются от всех других образцов.

Риалто, улыбаясь, отрицательно покачал головой.

— Я имел в виду совсем не Вермулиана. В его случае частички принесены из путешествий по сновидениям, а там, как известно, свой, неповторимый ландшафт. Просто наши каталоги отличаются неполнотой. Что же до Хуртианкца, то он использует медицинскую пудру для уничтожения грибка на ногах, так что его пыль можно отнести к разряду обычных. На ботинках Бизанта содержатся остатки фосфорической из-

вести, ведущие свое происхождение из вполне естественных для него областей. Каталоги просто обходят эту тему молчанием. У Неженки Лоло обнаружились многочисленные разноцветные частицы. Помнится, когда он участвовал в Шараде Безумств, ему выпал фант нарисовать на лице разноцветные физиономии.

— Как тогда можно объяснить наличие частиц на ногах? — удивленно спросил Айделфонс.

— Его роль в спектакле состояла в том, чтобы, высоко задирая ноги, петь на два голоса — фальцетом и басом. Частицы красок могли попасть на его обувь. Так что его образец тоже можно причислить к разряду обычного.

— А Эйч-Монкур?

— Его пыль, хотя и необыкновенная, вряд ли может дать нам какую-либо информацию. Мы страдаем от недостатка сведений: любит ли Эйч-Монкур посещать пещеры и катакомбы?

Айделфонс принялся теребить бороду.

— Насколько я знаю — нет. Но это еще ни о чем не говорит. Только на прошлой неделе я узнал, что Закулик-Кнутц — старейший в Хубе и сам контролирует продолжительность своего существования.

— Странно, но любопытно! Так вот, возвраща-

ясь к Эйч-Монкуру — его обувь хранит частицы грязи, которая существует лишь в нескольких подземных укрытиях мира.

— Хм. И что бы это значило?

— Точно не знаю, но я склонен подозревать именно Эйч-Монкура.

Айделфонс вяло усмехнулся.

— Чтобы доказать его вину, нам надо сначала переговорить с Сарсемом.

— Само собой. Надеюсь, Ошерл проинформирует нас, как только узнает новости.

— Я тоже надеюсь на его сознательность, — Айделфонс задумчиво перевел взгляд в сторону рабочего кабинета. — Я отлучусь на минуту.

Наставник покинул террасу и почти тотчас же возглас удовлетворения послышался из кабинета. Маг снова вышел на улицу в сопровождении Ошерла и второго Слуги, в облике голубой птицеподобной твари около шести футов ростом. Айделфонс с возмущением заявил:

— Ты только посмотри на эту парочку! Они могут обойти десять Эонов с той же легкостью, с какой мы обходим обеденный стол, и тем не менее ни один из них и не подумал сообщить о своем прибытии. Я нашел Ошерла спящим в скорлупе, а Сарсем уселся на балку под потолком!

— Не стоит унижать нас! В общении с существами, подобными вам, следует соблюдать точность. Я не привык действовать без подробных инструкций. Стоит проявить инициативу, и ты набросишься на меня с массой обвинений. Меня отправили на задание из кабинета; выполнив поручение, я вернулся в кабинет. Если ты хотел, чтобы я потревожил вас за столь вульгарным занятием, как прием пищи, следовало сказать об этом заранее, — проворчал Ошерл.

Айделфонс возмущенно надул щеки.

— По-моему, наглость в твоих словах бьет через край!

— Неважно! Главное, что он привел Сарсема и выполнил задание. Ошерл, ты неплохо потрудился! — заметил Риалто.

— Как насчет моего заработанного очка?

— Это зависит от разговора с Сарсемом. Сарсем, ты не хочешь присесть?

— В моем настоящем обличье удобнее разговаривать стоя.

— А почему бы тебе тогда не принять человеческие формы, и не присоединиться к нам за столом?

— Хорошая идея, — почти мгновенно Слуга превратился в обнаженное бесполое существо с

лиловой кожей и розовыми полосками на позвоночнике, отдаленно напоминающее человека. Он уселся за стол, но отказался от угощений.

— В конце концов человеческое обличье — лишь форма. Если я начну отправлять внутрь всякую дрянь, то наверняка заболею.

— Как хочешь. А теперь перейдем к делу. Где Голубой Персиплекс, который тебе поручено охранять?

Сарсем осторожно спросил:

— Ты говоришь о голубой призме, стоящей на пьедестале? Этот объект можно найти на том же месте — он не лишился ни капли заключенной внутри мудрости.

— А почему ты покинул свой пост?

— Святая простота! Один из магов прислал новый официальный Персиплекс для замены старой версии, утратившей значимость.

Риалто усмехнулся.

— Откуда ты узнал, что он говорит правду?

— Благодаря показаниям вашего представителя, — Сарсем откинулся в кресле. — Мне думается, если солнце погаснет, новый Персиплекс будет излишней роскошью…

— Рассказывай дальше.

— Я обратил внимание мага на тот факт, что

отныне мне предстоит охранять целых два священных предмета. Он ответил, что новый Персиплекс займет место старого, который отправится на хранение в надежное место. Туда его должен был доставить ваш представитель. В любом случае мои услуги более не требовались.

Риалто подался вперед.

— Обсуждался ли вопрос о твоих очках?

— Припоминаю, что такой разговор действительно состоялся.

— Какое же количество было у тебя изъято в связи с понижением в должности?

— Собственно говоря, все.

— Как такое возможно, если твой чаг[12] всегда находится в моем рабочем кабинете?

Сарсем нахмурился и вяло протянул:

— Не знаю, не знаю…

Пораженный внезапной догадкой, Айделфонс встал на ноги и вышел на террасу. Через минуту он вернулся и упал в кресло. С обреченным видом Наставник обратился к Риалто:

— Чаг Сарсема исчез. Ты когда-нибудь слышал о подобном?

---

[12] Примечания: 12

Чаг — обладающий меньшими способностями подвид Слуги, задача которого — контролировать деятельность одного из Слуг. Само слово «чаг» ненавистно любому Слуге.

Риалто задумчиво спросил:

— Когда это могло случиться?

— Наверняка в момент действия заклинания Остановки Времени.

Айделфонс повернулся к Сарсему.

— Мы оба стали жертвами обстоятельств! Конфискация твоих очков не санкционирована! Сарсем, над тобой жестоко подшутили. Конфискация недействительна! А мы потеряли Персиплекс… Я не одобряю твоего поведения, Сарсем!

— Ха! — вскричал Сарсем, отрицательно помахав бледным лиловым пальцем с серебряным ногтем у себя перед носом. — Я не так глуп, как вы думаете!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я принадлежу к тем редким индивидуумам, которые могут одновременно проанализировать все стороны происходящего! Неважно, что мною тогда двигало, но я решил оставить старый Персиплекс у себя.

— Ха-ха! Браво, Сарсем!..

— Тем не менее ваш представитель…

— Выражайся точнее, Сарсем — он не являлся нашим представителем.

— Хотя он выглядел разочарованным, я припрятал старую призму в надежном месте. Думаю,

он мог проследить за мной…

— С чего ты взял?

— Потому что, как и я сам, он заинтересован в сохранности старого Персиплекса и не успокоится, пока не обнаружит, куда я его спрятал.

Риалто усмехнулся.

— Ты спрятал его в пещере?

— Да. Но как ты узнал?

— Ну, мы тоже не лыком шиты. В общем, ты передал Персиплекс преступнику.

— Вовсе нет. Я положил призму в известное мне одному место, куда может проникнуть только очень маленькое существо. Чтобы удвоить надежность укрытия, я отправил призму в Шестнадцатый Эон.

— А как ты узнал, что преступник не отправился за тобой и туда и не забрал Персиплекс?

— Разве он может проникнуть в расщелину, куда вам не просунуть даже руку? Кроме того, я присматриваю за пещерой с той же легкостью, с которой вы сейчас можете наблюдать за поверхностью своего стола. Ничто не появлялось и не исчезало оттуда. Из этого я делаю вывод, что Персиплекс лежит на месте в целости и сохранности.

Риалто поднялся на ноги.

— Идем. Надо еще раз посетить Священную Реликвию! Ты отправишься в Шестнадцатый Эон и вернешь настоящий Персиплекс на место. Айделфонс, ты готов? Мы поедем на твоей воздушной карете.

Глава девятая

Риалто, Айделфонс и Сарсем с кислыми минами стояли на вершине холма Священной Реликвии. Сарсем разочарованно говорил:

— Очень сложная дилемма! Я обыскал пещеру — но безуспешно. Готов поклясться, что Персиплекс не могли вынести тем же путем, которым я спрятал его там. Странно!

Риалто выдвинул предположение:

— Возможно, есть еще один вход в пещеру. Как ты думаешь, Сарсем?

— Вероятно… Я сделаю обход по Зонам, — ответил Слуга.

Почти мгновенно он вернулся с отчетом.

— Пещера была открыта для входа на протяжении короткого времени в Шестнадцатом Зоне. Сейчас вход не виден. Это хорошая новость — если я немного сбит с толку, то преступник должен сходить с ума от безысходности.

— Вовсе не обязательно, — заметил Риалто.

Сарсем снова принялся за поиски.

— В Шестнадцатом Зоне, как мне запомнилось, три черных утеса рухнули вниз, и река потекла в долину… В то время этот холм едва высовывался из-под воды… Теперь я абсолютно уверен — нам надо спуститься в долину.

Сарсем первым направился вниз по каменистому холму в сторону узкого ущелья, заваленного камнями.

— Многое изменилось. Скала в форме бычьего рога обрушилась вниз. Другая — вон туда, еще одна — туда, где сейчас виднеются округлые холмики. Быть может, между теми камнями?.. Вот это место, хотя вход завален детритом. Стойте в стороне, пока я обыщу заваленное ущелье.

Сарсем создал мощный поток воздуха, переворачивавший каменные завалы и расчищавший вход внутрь пещеры. Затем все трое подошли. Айделфонс направил сгусток света в проход и направился к пещере, но Риалто удержал его.

— Минуту! — он указал на двойную цепочку следов, оставшуюся на песочном полу пещеры.

— Сарсем, это твои следы?

— Конечно, нет! Когда я покидал пещеру, на песке не было никаких следов.

— Тогда можно предположить, что кто-то приходил сюда после тебя. Этим кем-то вполне мог быть Эйч-Монкур, если принимать во внимание образец пыли с его ботинок.

Сарсем вошел внутрь пещеры, не оставляя за собой следов, и почти сразу же вернулся.

— Персиплекса нет на месте.

Риалто и Айделфонс застыли от неожиданности.

— Плохие новости. Ты не справился со своим заданием, Сарсем, — медленно произнес Айделфонс.

— Ближе к делу. Где сейчас Персиплекс? — спросил Риалто. — В прошлом или в настоящем? А может, он был уничтожен?

— Кто мог отважиться на дерзость уничтожить призму? Даже Демону не придет в голову такое преступление. Я уверен — Персиплекс цел, — заявил Айделфонс.

— Я склонен согласиться с тобой. Сарсем, судя по направлению следов, их оставили тогда, когда вход в пещеру еще не был завален, — предположил Риалто.

— Точно. Я могу добавить: если следы оставил некто, рассчитывающий найти Персиплекс, то ему это не удалось. Следы начинаются у входа,

минуют нишу, в которой я спрятал призму, удаляются в глубь пещеры, а потом возвращаются назад. Оставивший их явно был разочарован своей неудачей. Персиплекс вынесли отсюда раньше.

Риалто повернулся к Айделфонсу.

— Если ты помнишь, Эйч-Монкур прибыл в Бумергарф с остатками подземной пыли на ботинках. Похоже, ему не удалось разыскать призму.

— Ты прав. Тогда кто же забрал Персиплекс? — задумчиво произнес Айделфонс.

Риалто жестко заявил:

— Сарсем, твое поведение привело к ужасным последствиям. Должен ли я напоминать тебе об этом?

— Не стоит! Я осознаю свою вину и готов понести наказание. Можете лишить меня звания Слуги.

— Мы не настолько жестоки. Лучше приложи все силы к тому, чтобы помочь нам отыскать Персиплекс, — заявил Айделфонс.

Лиловое лицо Сарсема уныло вытянулось.

— Должен еще раз огорчить вас. Я не могу вернуться в Шестнадцатый Эон, потому что, по сути, я уже там.

— Что? Не понимаю тебя! — воскликнул изумленный Айделфонс.

— Неважно. Но я действительно не могу вернуться туда, — ответил Сарсем.

— Хм-м… Похоже, у нас появилась еще одна проблема, — вяло протянул Айделфонс.

Риалто спокойно произнес:

— Я вижу лишь одно решение. Наставник должен отправиться в Шестнадцатый Эон и разыскать Персиплекс. Приготовься, Айделфонс. А теперь…

— Подожди! С каких пор ты распрощался со своим пресловутым благоразумием? Я не могу бросить ассоциацию в столь сложном положении! Ты с твоим острым зрением и редким умом — самая подходящая кандидатура для поисков призмы. Сарсем, ты разделяешь мое мнение? — поинтересовался Айделфонс.

— В настоящий момент мои выводы не имеют большого значения. Тем не менее мне ясно одно: тот, кто хочет вернуть Персиплекс на место, должен отправиться за ним в прошлое.

Риалто глубоко вздохнул.

— Сарсем, хотя временами ты ведешь себя как слабоумный, сейчас, похоже, ты действительно прав. Что ж, если я должен ехать, я поеду.

Все трое вернулись в Бумергарф. Риалто тщательно подготовился, упаковал в дорожный рюкзак словарь наречий, самоприумножающиеся монеты, каталог простейших заклинаний, а заодно Ошерла в его скорлупе.

Айделфонс дал коллеге последние инструкции:

— В конце концов, ты даже получишь удовольствие от своего путешествия. Ты посетишь страну Шир-Шан — в то время она считалась центром Вселенной. Большой Географический справочник называет лишь шесть могущественных магов, живущих там. Один — далеко на севере, где сейчас находится страна Кутц. Летающее существо, известное как диволт, управляет облаками. Оно похоже на пельграна с длинным рогом на носу и говорит человеческим голосом. Ты должен помнить три правила хорошего тона: кушак завязывается на левом боку; только акробаты, актеры и продавцы сосисок носят желтые кушаки; виноград едят с помощью ножа и вилки.

Риалто раздраженно отмахнулся.

— Я не планирую более одного обеда в Шир-Шан. Наверняка было бы лучше, если бы ты сам отправился туда.

— Но это невозможно! Ты просто создан для

такой работы! Надо лишь сходить в прошлое, взять Персиплекс и вернуться в настоящее. Итак, Риалто! Ты готов?

— Не совсем! Каким образом я смогу вернуться обратно?

— Хороший вопрос! Какова процедура возвращения? — обратился Наставник к Сарсему.

— Это не в моей компетенции. Я могу отправить Риалто в любой из Эонов прошлого, но возвращаться он должен самостоятельно, — ответил Слуга.

— Риалто, имей терпение! Сарсем, скажи нам наконец, как Риалто сможет вернуться?

— Думаю, ему придется положиться на Ошерла.

— Прекрасно! Ошерлу можно доверять — или я ничего не понимаю, — заявил Айделфонс.

Приготовления шли своим чередом. Риалто сменил желтый кушак, завязанный на правом боку, на отличный черный, завязав его слева. Ошерл расположился в своей скорлупе, и оба они отправились в прошлое.

Глава десятая

Риалто очутился в теплом облаке тумана, казавшимся то персиково-оранжевым, то красноватым, то розовым. Маг стоял в центре зеленой долины, окруженной скалистыми уступами высотой в милю. Вершина, которой суждено было стать прибежищем Священной Реликвии, поднималась выше всех и терялась в пелене облаков.

Вид на долину поражал своим величием и умиротворенностью. Казалось, она была необитаема, хотя Риалто заметил плантации дынь и голубые виноградники: их кусты отягощали крупные фиолетовые ягоды.

К своему глубокому удовлетворению, Риалто обнаружил оставленный Сарсемом знак, сообщавший о близости места хранения Персиплекса — кучка обнаженной каменистой породы поблескивала на солнце возле трех молодых кипарисов. Правда, молодые кипарисы на деле оказались гигантскими деревьями с шишковатыми и поросшими мхом стволами. Все же маг знал, куда предстоит идти.

По точнейшим расчетам Сарсема, Риалто должен был попасть точно в тот промежуток

времени, когда сам Слуга посещал пещеру. Айделфонс тщетно старался определить границы временного интервала:

— Секунда? Минута? Час?

Риалто тогда отвлек Ошерл, требовавший заработанное очко, и он расслышал лишь обрывок из объяснений Сарсема:

— …высочайшая точность! — и… случайный поворот, и мгновенное выпадение в межэоновые слои…

Айделфонс спросил еще что-то, и снова Ошерл отвлек Риалто, и маг услышал нечто, напоминавшее математическую теорию:

— …часто ближе, чем тысячная частичка процента, плюс-минус, которая нуждается в вычислении.

Риалто повернулся, чтобы принять участие в беседе, но алчный Ошерл снова задал какой-то вопрос, и маг расслышал только слова Айделфонса:

— … пять эонов: огромный период времени!

Ответом Сарсема послужило лишь своеобразное хмыканье, свойственное Слугам.

Вход в пещеру располагался не очень близко. Сарсем оказался не совсем точен в своих инструкциях; пришлось довольно долго идти, пока показалось квадратное отверстие пяти футов

шириной и чуть превосходившее по высоте рост Риалто. Над головой была нарисована розовая раковина, а пол внутри расщелины покрывала белая глина.

Риалто недовольно поморщился: что-то явно было не так. Войдя внутрь пещеры, маг обнаружил слева, на уровне своего плеча, небольшое отверстие в стене — туда Сарсем в свое время положил Персиплекс.

Сейчас в углублении было пусто, что, в общем, не очень удивило Риалто. Странный запах, вероятно, органического происхождения, стоял в пещере. Казалось, здесь не было ни одного живого существа.

Риалто вышел наружу и уселся на плоский валун, чтобы поразмыслить. Вдалеке он увидел идущего к горам старика: худощавый, небольшого роста, с пышной копной седых волос и узким сизым лицом, на котором особенно выделялся нос. Старик был одет в черный балахон с белыми полосами, подвязанный черным кушаком, и кожаные сандалии, закрепленные ремешками едва ли не на икрах. Манера двигаться показалась Риалто странной и даже нелепой, но старик явно был из богатого люда.

Спрыгнув с камня, Риалто пошел ему навстречу,

и коснулся пальцем словаря — этого было достаточно, чтобы заговорить на любом наречии.

Старик заметил приближение незнакомца, но не свернул со своего пути и продолжал спокойно шагать своей подпрыгивающей походкой. Риалто позвал его:

— Сэр, подождите минутку! Вы так быстро идете! В вашем возрасте человек должен заботиться о себе!

Старик остановился.

— Ничего страшного! Если бы все были одинаково добрыми, я бы жил, как король!

— Вы совершенно правы. И все же надо быть снисходительнее к себе. Что вынудило вас идти пешком так далеко?

— Да уж лучше быть здесь, чем вне пределов долины, где царит хаос. А вы сами? Я полагаю, вы прибыли издалека, судя по тому, как неуклюже завязан ваш пояс.

— Моды меняются. Вообще-то я ученый, и прислан сюда на поиски важного артефакта, — вывернулся Риалто.

Старик с подозрением осмотрел мага с ног до головы.

— Серьезно? Я не знаю ни о чем, что подходило бы под ваше описание на протяжении сотни

миль, кроме, может быть, скелета моего двухголового козла.

— Я имел в виду голубую призму, которую оставили на хранение вон в той пещере и которой теперь там нет.

Старик сделал отрицательный жест рукой.

— О призмах — исторических и не очень — я знаю немного. А о пещерах — до прихода твастиков здесь не было ничего, кроме хаотических каменных джунглей.

— Как давно это было?

Старик задумчиво потер кончик носа.

— Дайте-ка, сосчитаю… Неддл тогда все еще покупал мой ячмень… Гарлер еще не женился в третий раз, но уже построил новый амбар… Пожалуй, лет тридцать тому назад.

Риалто заскрежетал зубами от злости на Сарсема.

— А эти ваши твастики — что о них известно?

— Большинство вернулись в Канопус — там для них климат более подходящий. Хотя парочка осталась, и они вполне довольны своим жилищем и вовремя платят по счетам, чего я не могу сказать о собственном зяте, хотя я не выбрал бы твастика в женихи дочери… О, да я их слышу! Они возвращаются домой из клуба.

Ушей Риалто коснулись странные переливчатые звуки, напоминавшие звон десятков маленьких колокольчиков. По дороге двигалась пара двадцатиногих существ восьми футов в длину и четырех в высоту с огромными круглыми головами, усеянными шишками, хохолками и усиками. Нечто, напоминающее хвосты, было приподнято и закручивалось в виде элегантной спирали вверх и вперед, словно у скорпионов, а с кончиков спиралей свисало по небольшому гонгу. Маленькие колокольчики и просто вибрирующие кусочки металла украшали коленные сгибы каждой из двадцати ног твастика. Один из них был одет в темно-зеленое бархатное платье, второй — в вишнево-розовое из плюша.

— Вон идут твастики. Что же до содержимого пещер, то они знают это лучше меня, — заметил старик.

Риалто с сомнением приглядывался к увешанным колокольчиками существам.

— Отлично, но как к ним следует обращаться?

— О, они не заносчивы — простого «сэр» или «ваша честь» вполне достаточно.

Пересекая долину, Риалто подошел к пещере до того, как твастики вошли внутрь, и позвал:

— Сэры! Не могу ли я задать вам один вопрос? Я

здесь по очень важному делу!

Твастик, одетый в темно-зеленое платье, ответил шипящим голосом, видимо, используя звуки, производимые нижней челюстью:

— Сейчас не очень подходяще время для работы. Если вы хотите нанять наших рабочих для разгрузки чего-либо, то минимальная стоимость услуг — один гросс.

— Нет, меня интересует другой вопрос. Я понял, что вы обитаете в этой пещере вот уже тридцать лет.

— Вы сплетничали со стариком Тиффетом! Слишком уж — он болтлив! Но вы правы, мы живем здесь уже тридцать лет.

— А когда вы только прибыли, не находили ли в пещере голубой кристалл, спрятанный в нише у входа? Я бы очень оценил, если бы вы были откровенны со мной.

— Нет причин, по которым я не должен быть с вами откровенным. Я лично обнаружил голубой кристалл и немедленно выбросил его. В Канопусе голубой цвет считается несчастливым.

Риалто схватился за голову.

— А что случилось с ним потом?

— Спросите лучше Тиффета. Он нашел кристалл среди мусора и подобрал его, — на этом твастики

скрылись в глубине пещеры.

Риалто поспешил назад, догонять быстро удаляющегося старика.

— Подождите, сэр! Еще пара вопросов! — крикнул он.

Тиффет остановился.

— Что теперь?

— Как вы знаете, я прибыл издалека в поисках голубой призмы. Твастики выбросили ее из пещеры, и, похоже, именно вы вытащили ее из мусорной кучи. Где она теперь? Верните мне ее, и я сделаю вас богатым человеком!

Тиффет моргнул и потер свой длинный нос.

— Голубая призма? Да! Я совсем забыл про нее. Точно! Я вытащил ее из кучи хлама и выставил на стойку в лавке. Через неделю пришли сборщики налогов от Короля всех Королей и забрали кристалл в уплату моих долгов, отменив даже обычное битье палками, чему я был очень рад.

— А призма?

— Ее увезли в королевскую сокровищницу в Баск Тахор, думаю. А теперь, сэр, я должен идти. Сегодня у нас на ужин тыквенный суп с сыром, и мне надо поторопиться, чтобы получить свою порцию.

Риалто снова уселся на камень и наблюдал,

как Тиффет шустро удаляется в сторону своего жилища. Порывшись в сумке, маг извлек оттуда скорлупу и выпустил из нее Ошерла. По одному ему известной причине Ошерл на этот раз явился в облике лисицы.

— Итак, Риалто! Ты готов вернуться домой с Персиплексом?

Риалто заподозрил иронические нотки в голосе Слуги и холодно поинтересовался:

— Могу я узнать причину твоего веселья?

— Мне не нужна причина для веселья. Я от природы беспечен.

— Как бы я ни старался — мне не найти ничего забавного в сложившейся ситуации. Я хочу поговорить с Сарсемом.

— Как тебе будет угодно.

На дороге появился Сарсем, все в том же обличье бесполого человекоподобного существа с лиловой кожей.

— Риалто, ты хотел меня видеть?

— Я очень недоволен твоей работой. Ты ошибся в подсчетах на целых тридцать лет.

— Всего каких-то тридцать лет в промежутке в пять эонов? Это более чем точно.

— Не в данном случае. Персиплекса нет в пещере. Какие-то торговцы из Канопуса увезли его.

Тебе поручили охранять Персиплекс, а теперь он исчез!

Сарсем помолчал с минуту, затем ответил:

— Я не выполнил свой долг. Ничего более говорить не стоит.

— Кроме одного: раз уж ты совершил ошибку, то должен помочь мне найти Персиплекс.

Сарсем имел собственный взгляд на вещи:

— Риалто, ты утратил логику! Да, я не выполнил свой долг. А какая связь между моим провалом и поисками реликвии? Надеюсь, ты понимаешь, что ее нет? Так что у тебя не может быть больше претензий ко мне.

— Связь — не прямая, так косвенная — все же существует. Совершив оплошность, ты подвергся суровому наказанию. Помогая мне найти призму, ты можешь вернуть себе несколько очков.

Сарсем подумал немного, потом ответил:

— Я не уверен. Тут что-то не так. Например, кто даст мне очки? Ты в пяти зонах от реального времени, и, по сути, даже не существуешь.

— Айделфонс, мой верный союзник.[1] Он защитит мои интересы.

Сарсем издал странный звук, который среди подобных ему существ означал усмешку.

— Риалто, твоя наивность просто смешна. Ты

до сих пор не понял, что Айделфонс возглавляет заговор против тебя?

— Это не так! Ты опираешься на тот факт, что он забрал себе мои камни Иона.

Сарсем взглянул на Ошерла.

— Где же правда?

Ошерл подумал и сказал:

— Сейчас Айделфонс видит для себя единственного врага — Эйч-Монкура.

Сарсем почесал фиолетовый нос своим серебряным ногтем.

— Ага, значит, у Риалто есть шансы вернуться обратно… Риалто, возьми эту подзорную трубу: она показывает голубую точку в небе прямо над тем местом, где находится Персиплекс. Запомни, если ты хочешь что-то спросить — у Эйч-Монкура, например, — обращайся к Ошерлу, а не ко мне. Ты понял?

— Конечно. Эйч-Монкур забил твою голову чепухой. Если ты так стремишься разделить его участь в погоне за очками, тебе придется столкнуться с Виихом.

Сарсем издал тонкий визг, означавший сильную степень испуга, а затем вызывающе выкрикнул:

— Ты совсем заговариваешься! Не тревожь

меня больше, я устал от Персиплекса — новая версия Монстрамента будет действительной до скончания веков. Что же до тебя, то Айделфонс даже не заметит, если ты не вернешься. Эйч-Монкур почти сравнялся с ним в могуществе.

— А что будет с Эйч-Монкуром, когда я вернуть в Двадцать первый эон с Персиплексом?

Сарсем усмехнулся.

— Риалто, разве я неясно выразился? Найди Персиплекс, если хочешь, радуйся своей находке… и наслаждайся прелестями Шестнадцатого Эона — вряд ли тебе придется встретиться со своими врагами.

— А как насчет Ошерла? Он не сможет вернуть меня назад в Бумергарф? — вяло поинтересовался Риалто.

— Спроси его сам.

— Ну, Ошерл? Ты тоже окажешься вероломным предателем?

— Риалто, я искренне верю, что тебе понравится в этом безмятежном эоне. Ты сможешь начать новую жизнь свободного человека и наслаждаться ее маленькими радостями. Ты не способен ограничивать мои очки.

Риалто улыбнулся той отрешенной, почти что угрожающей улыбкой, которая так часто раз-

дражала его коллег. Из сумки мага выскользнул черно-красный предмет, напоминающий змею.

— Чаг! — вскричал Сарсем, затрепетав от ужаса.

Чаг обвился вокруг Ошерла, ловко проник ему в голову через одно ухо, и, выскользнув из второго, завязался узлом вокруг головы Слуги. Затем Ошерла словно подбросило к ближайшему дереву, и он оказался подвешенным на ветку.

Риалто повернулся к Сарсему:

— Я поступил с Ошерл ом так, как он того заслуживает. Думаю, он изо всех сил будет помогать мне. Ошерл, я прав? Или мы предпримем дальнейшие шаги в борьбе друг с другом?

Ошерл нервно облизал языком свою лисью мордочку.

— Риалто, ты слишком жестоко отреагировал на мою невинную шутку. Очень непросто вот так висеть в воздухе…

— Я никому не угрожаю… Честно говоря, я ошарашен откровенностью Сарсема. Он, видимо, недооценил гнев Айделфонса, да и мое недовольство тоже. Что ж, он заплатит за вероломство ужасную цену. Это не угроза, а лишь констатация факта.

Сарсем, фальшиво улыбаясь, сделал глубокий

вздох. Ошерл судорожно забил ногами в воздухе, выкрикнув:

— Твои заявления напугали беднягу Сарсема! Я был бы ужасно рад, если бы…

— Тихо! Меня интересует только Персиплекс! — заявил Риалто, поднеся к глазам подзорную трубу. К его неудовольствию, большая часть неба была затянута тучами.

Маг достал из сумки сапоги с заклинанием Легкости, позволявшие ходить по воздуху. Ошерл наблюдал за ним с все возрастающим беспокойством. Наконец, не выдержав, он вскричал:

— А как насчет меня? Долго еще мне наслаждаться падающим птичьим пометом?

Риалто сделал удивленное лицо:

— Да я уже забыл о тебе… Да. Очень неприятно, когда тебя предают помощники.

— Конечно же, нет! Как ты мог поверить моей глупой шутке? — с энтузиазмом вопрошал Ошерл.

— Что ж, Ошерл, я принимаю твои объяснения. Возможно, ты мне еще пригодишься, в конце концов, ведь надо будет возвращаться в Бумергарф.

— Само собой! Естественно, я помогу тебе!

— Тогда забудем пока о твоей шутке.

Чаг выскользнул из ушей Ошерла и исчез в

сумке мага. Слуга скорчил недовольную гримасу, но послушно отправился в свою скорлупу.

Риалто поднялся в воздух на высоту двадцати футов и отправился прочь от холма Священной Реликвии.

Глава одиннадцатая

Перед Риалто открывались широкие просторы долин, лесов и полей. Поблизости можно было различить несколько маленьких ферм, каждая из которых имела свою силосную башню, выкрашенный белой краской амбар и сад с остриженными в шарообразную форму деревьями. В миле или двух маг различил деревню. Домики в ней радовали глаз нежно-розовыми красками, кругом росли зонтичные пальмы. Дальше за деревней клубы пыли мешали различить детали ландшафта.

Риалто присел на край утеса и, достав подзорную трубу, осмотрел небо над головой. К его удовлетворению, темно-голубое пятнышко обнаружилось на горизонте.

Маг положил трубу обратно в сумку, и вдруг в сотне ярдов от себя, на поляне, заметил трех юных девушек, собиравших ягоды.

Каждая из них была одета в черную куртку поверх полосатой блузки, черные панталоны, подвязанные у колен черными бантиками, черные чулки и черные туфли, украшенные белыми помпонами. Все как одна были круглолицыми; прямые черные волосы коротко острижены надо лбом. Риалто счел их некрасивыми, похожими на странных маленьких кукол.

Маг подошел к ним поближе и остановился в десяти ярдах. Всегда расположенный производить хорошее впечатление на юных особ женского пола, он оперся одной рукой о ствол дерева, а второй поправил свою шляпу так, чтобы выглядеть внушительнее.

Девушки, увлеченные болтовней, не обратили внимания на его присутствие. Маг заговорил мелодичным голосом:

— Юные создания, позвольте мне привлечь ваше внимание хотя бы на минуту. Я удивлен, обнаружив столь прекрасных девушек за таким нудным занятием, как сбор ежевики.

У девушек от удивления вытянулись лица, затем все трое вскрикнули от ужаса и замерли на местах, слишком испуганные, чтобы бежать.

Риалто нахмурился.

— Почему вы дрожите? Я что, похож на монстра

или чудовище?

Одна из девушек произнесла дрожащим голосом:

— Сэр Вурдалак, ваша жуткая внешность очень впечатляюща! Пожалуйста, подарите нам жизнь, чтобы мы могли рассказать о вас людям!

Риалто холодно произнес:

— Я не вурдалак и не демон, так что ваш испуг неуместен.

Та же девушка, осмелев, спросила:

— В таком случае, что вы за странное существо?

Вторая с благоговейным трепетом предположила:

— Он Пуунер, или, может быть, Бохул, и мы все равно что покойники теперь!

Риалто еле сдерживал свое раздражение.

— Что за ерунду вы говорите? Я всего лишь путешественник из далекой страны, а вовсе не Пуунер и не Бохул. Я не причиню вам никакого вреда. Разве вы никогда раньше не видели чужеземцев?

— Конечно, видели, но ни один из них не был столь же суров на вид и не носил такой смешной шляпы.

Риалто сдержанно кивнул.

— Я не намерен менять свое лицо, но с удовольствием выслушаю ваши замечания насчет шляпы — что у вас в моде?

Первая девушка сказала:

— В этом году все носят фетровые шляпы в форме «котелка» — так они называются — и обязательно красного цвета. Можно добавить один голубой наушник в качестве скромного украшения или фаянсовый значок, говорящий о принадлежности к определенной касте, если вы франт.

Риалто вытащил из сумки скорлупу и позвал:

— Ошерл, принеси мне шляпу, отвечающую данному описанию. Еще накрой здесь стол с подходящей по времени едой.

Почти мгновенно появилась шляпа. Риалто повесил свою на ветку, затем надел и поправил на себе новую. Девушки тотчас захлопали в ладоши в знак одобрения.

В это время Ошерл накрыл замечательный стол на ближайшей поляне.

Риалто жестом пригласил девушек проследовать туда.

— Даже юные леди самого строгого воспитания способны оттаять при виде столь аппетитных блюд. Посмотрите, сколько сластей — со слив-

ками, фруктовым желе — на любой вкус. Мои дорогие юные леди, я приглашаю вас принять участие в моей скромной трапезе.

Самая острожная из девушек спросила:

— А что вы попросите у нас потом?

Вторая зашикала на нее:

— Тс-с! Тихо! Джентльмен всего лишь пригласил нас разделить его трапезу. Мы должны ответить столь же учтиво.

Третья захихикала:

— Сначала пообедай — беспокоиться будешь потом! В конце концов ему не обязательно сначала кормить нас — ведь он может заставить нас сделать что угодно. Твоя осторожность тут излишня.

— Может, ты и права. Вообще-то, в новой шляпе он выглядит уже не так ужасно, как раньше, а я очень люблю паштет из морских лисиц, — ответила первая.

Риалто с достоинством произнес:

— Вы можете наслаждаться едой без всяких задних мыслей.

Девушки подошли к столу, и, не обращая внимания на Риалто, принялись жадно поглощать стоявшие на нем блюда.

Маг поинтересовался:

— Откуда взялись вон те странные тучи, закрывающие небо на горизонте?

Девушки одновременно повернулись в указанную Риалто сторону, словно раньше не видели там ничего необычного.

— Это направление к Баск Тахору. Пыль поднимается из-за военных действий.

Риалто нахмурил брови и спросил:

— Разве у вас идет война?

Девушки посмеялись над его неосведомленностью и ответили:

— Войну начали герцоги Бохулика из Восточной Эттаки. Они привезли с собой множество боевых снарядов и запускают их без перебоя на Баск Тахор. Но они никогда не смогут победить Короля всех Королей и его Тысячу Рыцарей.

— Похоже, что так. А теперь, простите меня, дамы, я вынужден вас покинуть, — заявил маг.

Девушки медленно вернулись к зарослям ежевики, но желание собирать ягоды у них явно пропало. Продолжая лениво обрывать фиолетово-черные ягоды, все трое попеременно оборачивались и через плечо наблюдали за удаляющимся силуэтом Риалто. Маг отправился на север.

Прошагав около мили, он поднялся над поверх-

ностью земли и побежал по ветрам в сторону Васк Тахора.

К тому времени, как он добрался до места сражения, исход битвы был ясен. Боевые машины герцогов Бохулика, включая огромные катапульты и повозки-платформы, совершили невозможное; в Финнейской Долине к востоку от Васк Тахора Двадцать Армий Последнего Королевства были уничтожены; Васк Тахор не мог более отказать в гостеприимстве герцогам Бохулика.

Персиково-розовый полуденный свет сливался с тучами пыли, летающего мусора, освещал поверженные машины и мертвые тела. Легионы, состоящие из солдат с древнейшими родословными, потерпели поражение. Тысяча Рыцарей, представлявших собой полуживые, полуметаллические летучие существа из Канопуса, бросились на военные платформы Бохулика, но большая часть погибла от огненных лучей, так и не достигнув цели.

Военные платформы заполнили собой Долину: черные, устрашающего вида сооружения шестидесяти футов в высоту, оснащенные одновременно длинными шиповатыми палицами и Красными Бойницами. В первых рядах на

них ехали отряды солдат из Восточной Эттаки. Они не внушали доверия; люди не отличались ни красотой, ни выправкой. Несомненно, они представляли собой ветеранов разных войн, и объединяли их только грязь, пот, и жуткий язык. На первый взгляд они казались разношерстным сбродом, не знающим дисциплины и морали. Некоторые были уже в возрасте, заросшие нечесаными бородами; попадались среди них и плешивые толстяки, кривоногие и дистрофики. Все они выглядели ужасно неряшливыми, лица выражали, скорее, дерзость, чем злость. Никакой общей униформы не было и в помине; одни носили кожаные шлемы, другие металлические, но украшенные перьями, некоторые привязывали к поясам отрезанные головы врагов из числа Тысячи Рыцарей. Таковыми были отряды, победившие Двадцать Легионов: прячущиеся, передвигавшиеся резкими бросками, притворявшиеся убитыми и снова бегущие в битву, сеющие смерть, кричащие от боли и никогда — от страха. Железные Герцоги давно приучили их к страху — очерствевшие души этого сброда давно уже не знали его.

В стороне от платформ рядами маршировали мемрилы: грациозные существа, руки и ноги ко-

торых были вооружены коричневыми читинами. Мемрилы обладали маленькими, треугольной формы головами, возвышавшимися на двадцать футов над землей. Говорили, что волшебник Пикаркас, сам наполовину насекомое, создал мемрилов, соединив пчел с какими-то неизвестными тварями.

Тэм Тол, Король Последнего Королевства, целый день стоял на парапетах Васк Тахора, наблюдая за Финнейской Долиной. Он видел, как элита его войска, Рыцари, стали жертвами огненных лучей. Он видел, как погибало его воинство. Его Двадцать Легионов, его Неукротимые полегли под собственными штандартами. Тех, кому удалось выжить, сопровождали эскадроны черных воздушных львов, каждый в двадцать футов длиной, вооруженный огнем, струями ядовитого газа и устрашающим ревом.

Тэм Тол неподвижно наблюдал, как бохуликские боевые машины, яростно скрипя, уничтожали его храбрых солдат, он стоял и тогда, когда всякая надежда на победу исчезла. Король не обращал внимания на крики и предостережения спасавшейся свиты. Его придворные один за другим покидали своего суверена, и Тэм Тол остался один: полное ли оцепенение мешало ему бежать

или то была королевская гордость…

Преодолев парапеты, толпы вражеских солдат ворвались в город, собирая на пути все маломальски ценное, что можно унести с собой. Они уходили через Врата Заката, сооруженные для священного города Луид Шаг, в пятидесяти милях к западу через Джохемскую Долину.

Риалто, передвигаясь по небу, время от времени останавливался, доставал подзорную трубу и искал голубую точку, отмечавшую путь Персиплекса. На этот раз точка появилась над западным районом города, и Риалто последовал туда. Не так-то просто определить точное местонахождение реликвии в такой суматохе. Маг беспокоился за Тэм Тола, в одиночестве стоявшего на парапете: в его сторону двигалась огромная платформа. Вот ее острая ось, словно серп, срезала голову последнего короля, и тело его медленно и беззвучно упало с парапета на землю.

Шум, доносившийся из Финнейской долины, постепенно стихал, превращаясь в подобие отдаленного рокота волн. Все летающие существа покинули небо, и Риалто смог немного приблизиться к погибающему городу. Останавливаясь, он все так же разыскивал маленькое голубое пятнышко, но вдруг, к своему удивлению, об-

наружил, что оно исчезло и вновь появилось. Вероятно, Персиплекс стал военным трофеем одного из вражеских солдат, потому что теперь точка появилась над Джохемской Долиной.

Риалто подобрался к ней как можно ближе и испытал новое разочарование: кто бы ни обладал сейчас Священной Реликвией, его невозможно было разыскать среди сотен грязных оборванцев, устало бредущих прочь от города.

Солнце начало подниматься над долиной, и голубую точку уже невозможно стало различить в свете наступающего дня. Риалто недовольно спрятал подзорную трубу обратно в сумку. Маг пересек Джохемскую Долину, затем перешел через какую-то извилистую реку. Он спустился на землю только на окраине небольшого городка Виля, известного своими десятью колокольнями. Поиски жилья привели Риалто в небольшую гостиницу, спрятавшуюся в глубине старого сада.

В общем зале беседа велась о войне, сокрушительной мощи бохуликских военных машин. Как всегда, из уст в уста передавалась масса слухов и преувеличений, одно удивительнее другого. Люди мрачно покачивали головами, размышляя о трагическом конце Последнего Королевства.

Риалто сидел в уголке, слушая, но не принимая

участия в разговоре, а затем тихо удалился в свою комнату.

Глава двенадцатая

Утром маг позавтракал дыней, жареными моллюсками и клецками в розовом сиропе. Оплатив счет в гостинице, он покинул город и снова повернул на север.

Люди все продолжали идти через Джохемскую Долину. Множество бродяг уже достигло ворот священного города, и, не будучи допущенными внутрь, словно водный поток огибали стены святилища. Надо всем этим сверкала голубая точка, отмечавшая путь Персиплекса.

Луид Шаг стал священным местом на заре Шестнадцатого Зона благодаря легендарному Гулкуду Другу Богов. Когда он проходил по кратеру маленького умершего вулкана, на Гулкуда двадцать раз снизошло озарение, и он узнал, каким образом следует разместить двадцать храмов вокруг центрального жерла вулкана. Бани, фонтаны и гостиницы для пилигримов располагались на днище кратера; узкая улочка окружала постройки. Снаружи по периферии города стояли двадцать гигантских статуй богов в двадцати

нишах, выдолбленных в стенах кратера. Каждая статуя посвящалась одному из городских храмов.

Риалто опустился на землю. У одного из беженцев где-то среди ревущих у городских стен людей находился Персиплекс. Голубая точка постоянно перемещалась, хотя Риалто и старался держать ее постоянно на виду. Все его усилия обнаружить владельца реликвии пропали даром.

В центре города, на самой вершине вулканического жерла, находился финиал из серебра и розового кварца. Архиепископ взошел на высокую платформу и, высоко подняв руки, обратился к беженцам. Голос его звучал громогласно благодаря шести огромным спиралевидным раковинам.

— Ко всем жертвам и обделенным судьбой обращаю я глас свой! На них простирается благословение богов! Если вы вознамерились проникнуть в священный город — оставьте свои надежды. У нас нет еды, чтобы накормить алчущих, нет воды, чтобы напоить жаждущих. Более того, я даже не могу порадовать вас хорошими знамениями! Великолепие мира исчезло; оно не вернется до тех пор, пока не пройдет двадцать мрачных веков! А затем надежда и великолепие возродятся на нашей земле. Тогда эра добра продолжится

до тех пор, пока земля не столкнется наконец с Гвеннартом Мягким Покрывалом. Чтобы приготовиться к отдаленным временам, мы должны сейчас отобрать избраннейших и достойнейших числом пять тысяч, шесть сотен и сорок два, ибо это есть Священное и Мистическое Число.

Половина из них станут «Лучшими из Лучших»; героями с древней генеалогией. Половина будет избрана из добродетельных и красивых девственниц, не менее отважных и благородных, чем лучшие из мужчин. Вместе они станут «Избранниками»: цветом нашей расы и последней надеждой королевства. Заклинанием Ста Веков мы усыпим их, и они переживут Темную Эпоху, ожидающую нас впереди. Затем заклинание рассеется, и с началом Великой Эпохи избранные станут жителями Королевства Света!

Остальным я скажу вот что: продолжайте свой путь. Идите на юг в страну Кабанолы и Эйо, или — если вы не найдете там облегчения — в страну Фарвана или через Лютический Океан на Скадакские Острова. Время не ждет! Нам следует отделить «Избранных». Позвольте свите короля и их семьям выйти вперед, а также выжившим рыцарям и девственницам из Института Глеена и Цветочных Песен, и также Пены Нефримы, и

всем остальным, кто благодаря своей гордости и достоинству может быть назван «Избранным»!

Чтобы ускорить дело, я хочу сказать всем, кто принадлежит к низшим кастам: рассказчикам, шутам, актерам; глупцам и дурно воспитанным; преступникам и контрабандистам; тем, у кого короткие уши и длинные ногти на ногах: можете уходить прочь. То же самое относится к более достойным кастам, представители которых, несмотря на свою добродетель, не будут включены в ряды «Избранных». А теперь все, кто стремится попасть в Золотой Век: выйдите вперед! Мы приступим!

Риалто старался держаться как можно ближе к голубой точке, не теряя надежды обнаружить владельца Персиплекса, но безуспешно.

То ли из-за тщеславия, то ли лелея слабую надежду на спасение, мало кто внял совету Архиепископа. Среди вышедших вперед и вознамерившихся стать избранным были отнюдь не только знатные и красивые люди, но и множество беззубых, толстяков, жертв постоянной икоты, известных преступников и певцов популярных песен, а также несколько человек на смертном одре.

Столпотворение мешало процессу отбора, и

время проходило зря. К полудню некоторые наиболее реалистичные индивидуумы утратили надежду найти убежище в Луид Шаге и начали постепенно покидать долину. Риалто внимательно наблюдал за голубой точкой, но она по-прежнему висела над городом, пока ночь не опустилась на долину и не скрыла точку от глаз мага. В мрачном настроении Риалто вернулся в гостиницу в Виле Десяти Колоколен и провел еще одну беспокойную ночь.

Утром он вновь отправился на север в Луид Шаг и обнаружил, что священники работали всю ночь напролет, отбирая Лучших из Лучших, и теперь «Избранные» уже вошли в город. Ворота вновь были закрыты.

Две бохуликские армии, медленно двигаясь через долину, соединились под Луид Шагом и все еще не оставили своих лагерей. Город же замер на долгие сто веков.

Темное голубое пятнышко висело прямо над ним. Риалто, опустившись на землю, подошел к задней двери возле западных ворот. Ему отказали в просьбе открыть ворота. Голос из-за двери произнес:

— Иди своей дорогой, незнакомец; сто веков пройдут, прежде чем Луид Шаг вновь откроется

для посторонних. Заклинание Остановившегося Времени нависло над нами. Иди прочь и не оглядывайся, ибо ты увидишь лишь спящих богов.

Бохуликские армии были совсем близко. Риалто поднялся в воздух и взобрался на огромное кучевое облако.

Зловещая тишина нависла над долиной. Город замер. С медлительностью, более пугающей, чем быстрота, военные платформы приближались к восточным воротам Луид Шага. Бохуликские солдаты, ворча и ругаясь, шли вслед за ними.

Из спиралевидных раковин, многократно усиливающих звук, раздался повелительный голос:

— Воины, идите прочь! Не пытайтесь нарушить наше спокойствие! Луид Шаг уже не подчиняется земным законам.

Не обращая внимания на предупреждение, командиры приготовились снести городские ворота. Пять гигантских статуй богов вышли из своих ниш и подняли руки. Воздух вибрировал вокруг них, и в мгновение ока платформы превратились в кучи обуглившихся бревен. Ревущие толпы солдат превратились в груды выжженных изнутри трупов. Над Джохемской Долиной вновь воцарилась тишина.

Риалто развернулся и задумчиво зашагал с ту-

чи на тучу на юг. Когда вдали показались холмы, а до Священного Холма оставалось двадцать или тридцать миль, Риалто опустился на поросший зеленой травой пригорок и прислонился к стволу одинокого дерева, листва которого отбрасывала вокруг густую тень.

Время близилось к полудню. Теплый ветерок доносил до обоняния мага аромат трав. Вдалеке, на северо-востоке, над руинами Васк Тахора поднимался столб дыма.

Жуя соломинку, Риалто раздумывал над тем, что ему делать дальше. Обстоятельства были отнюдь не благоприятными, хотя местонахождение Персиплекса стало более-менее ясным. Ошерл мало чем мог помочь, да ему и нельзя было полностью доверять. Айделфонс? Конечно, его интересы совпадали скорее с интересами Риалто, чем вероломного Эйч-Монкура. И все же Айделфонс славился своей гибкостью и стремлением из всего извлечь пользу. Как Наставник, Айделфонс, даже не имея чага, способен призвать Сарсема к послушанию; если рассуждать здраво, то от Слуги можно ожидать только предательства, а значит, он еще менее полезен, чем Ошерл.

Риалто поднес к глазам подзорную трубу и отыскал темное голубое пятнышко над Луид Ша-

гом. Отложив трубу, он достал из сумки скорлупу с Ошерл ом.

На этот раз Слуга предстал перед ним в образе бесформенного существа четырех футов высотой с голубой кожей и зелеными волосами. Он заговорил чрезмерно вежливо:

— Риалто! Мои наилучшие пожелания! Я смотрю, у нас тут отличный денек Шестнадцатого Зона! Ветерок ласкает кожу, ты жуешь соломинку, словно праздный пастушок с фермы. Я счастлив, что ты наслаждаешься временем и местом.

Маг не обратил внимания на любезность Ошерла.

— Я все еще не получил Персиплекс, а за его исчезновение отвечаете вы с Сарсемом.

Слуга, беззвучно смеясь, лениво пропускал зеленые пряди волос сквозь пальцы.

— Мой друг! Тебе не идет подобная манера выражаться!

— Неважно. Иди в Священный город и принеси мне Персиплекс.

Ошерл истерически хихикнул.

— Дорогой Риалто, твои остроты великолепны! Как ты представляешь себе беднягу Ошерла — пойманного, избитого, разорванного на куски,

загнанного в угол, растерзанного двадцатью ужасными богами — забавная картинка!

— Я вовсе не шутил. Там лежит Персиплекс — тот Персиплекс, который должен быть у меня, — ответил Риалто.

Ошерл сорвал длинную травину и принялся размахивать ею, чтобы усилить эффект от произносимых слов.

— Возможно, тебе следует пересмотреть свои цели. По многим параметрам Шестнадцатый Эон намного лучше Двадцать Первого. Ты жуешь травинку так, словно создан для этого. Это твое время, Риалто! Так было предопределено голосами тех, кто сильнее тебя и меня.

— Мой голос достаточно силен! А также я хозяин чага и расточаю очки щедрой рукой, — заметил Риалто.

— Это злой юмор, — проворчал Ошерл.

— Ты отказываешься идти в Луид Шаг за Священной Реликвией?

— Пока боги стоят на страже города, туда невозможно проникнуть.

— Тогда ты должен перенести нас на сотню веков вперед, когда город пробудится ото сна и наступит Золотая Эпоха. Тут-то мы и возьмем свою собственность.

Ошерл хотел было обсудить, что он получит за работу, но Риалто не собирался слушать.

— Всему свое время. Когда мы снова будем в Бумергарфе с Персиплексом в руках, тогда и поговорим о твоих очках.

— Персиплекс? Неужели это все, чего ты хочешь? Почему же не сказал об этом в самом начале? — с притворной сердечностью спросил Слуга. — Ты готов?

— Давно. Будь аккуратен.

Глава тринадцатая

Пригорок и одинокое дерево исчезли, и теперь Риалто стоял на каменистом склоне у медленно текущей реки.

Казалось, сейчас утро, хотя тяжелые темные тучи нависали над головой. Воздух был влажен и прохладен — по коже мага побежали мурашки. На востоке виднелась пелена дождя над далеким лесом.

Риалто осмотрелся по сторонам и не нашел никаких признаков жизни: ни хижины, ни фермы, ни дороги, ни тропинки. Он явно остался в полном одиночестве. Где же Ошерл? Раздраженный маг посмотрел по сторонам. Не найдя Слугу, он

позвал:

— Ошерл! Явись немедленно!

Ошерл вышел, словно из воздуха — он еще не изменил внешности.

— Я здесь.

Риалто обвел рукой унылый пейзаж.

— Что-то не похоже, чтобы мы попали в Золотую Эру. Ты перенес нас точно на сто веков вперед? Где же тогда Луид Шаг?

Ошерл указал куда-то на север:

— Луид Шаг там, на краю леса.

Маг достал подзорную трубу и посмотрел в нее, но не нашел в небе синей точки.

— Давай-ка подойдем поближе.

Слуга и маг отправились на север, в сторону Священного города, но обнаружили лишь руины на его месте. Риалто недоуменно произнес:

— Хорошая перспективка! Интересно, куда делись боги, охранявшие город?

— Я схожу в Серую Долину и наведу справки. Подожди меня здесь — я скоро вернусь с новостями, — пробормотал Ошерл.

— Остановись! Не двигайся! Я не настолько заинтересован в исчезновении богов. Сначала найди мне Персиплекс, а потом можешь сколько угодно искать их! — воскликнул Риалто.

Ошерл тяжело вздохнул.

— Ты бездельничал сотню веков, а если я захочу провести всего лишь годик в Серой Долине, то выслушаю от тебя массу угроз и ругательств. Ну разве это справедливо?

— Хватит болтать. Меня волнует только судьба Персиплекса! — прервал его Риалто.

Оба они приблизились к руинам Луид Шага. Ветер и дожди почти не оставили следов от бывших улиц и построек города. Храмы превратились в груды булыжников; двадцать статуй богов, высеченных из мрамора, сильно пострадали от времени, и сила их медленно, но верно покинула защитников города.

Риалто и Ошерл медленно шли по бывшим улицам некогда Священного Луид Шага. Время от времени маг доставал подзорную трубу, но нигде в небе не появилась голубая точка. Севернее деревья возвышались над старыми парапетами, и ветер приносил оттуда аромат леса. На лесной опушке виднелась небольшая деревушка из двадцати убогих хижин.

— Пойдем туда и спросим у местных жителей о судьбе «Избранных». Тебе бы стоило изменить внешность, а то люди черт знает что о нас подумают, — заметил Риалто.

— Да и тебе не помешало бы кое-что изменить. Вряд ли нынче в моде шляпа в форме суповой плошки и красные ботинки.

— Может, ты и прав, — согласился маг.

Оба решили воспользоваться внешностью Отважных Лаурентинов и оказались в сверкающем снаряжении, отделанном металлическими шипами, с великолепными шлемами. Затем маг и Слуга приблизились к деревушке, имевшей довольно плачевный вид.

Риалто вооружился словарем и громко крикнул:

— Жители деревни! Два Лаурентинских гранда посетили вас. Выходите и окажите нам достойный прием.

Один за другим жители выходили из хижин, зевая и потягиваясь: приземистый народец с длинными руками и коричневой кожей. Селяне явно не придавали значения таким мелочам, как гостеприимство. Зато все они выглядели довольно упитанными. Увидев Риалто и Ошерла, некоторые мужчины издали радостные возгласы и, вооружившись длинными сетями, стали окружать их с явным намерением поймать.

Риалто крикнул:

— Назад! Мы маги! Только подойдите ближе,

и на вас обрушится заклинание огромной разрушительной силы. Не стоит рисковать!

Мужчины не обратили внимания на предупреждение и высоко подняли сети. Риалто сделал знак Ошерлу. Сети упали и опутали собой самих ловцов, превратившись постепенно в туго натянутые шарики. Ошерл щелкнул по ним указательным пальцем, и ловцы улетели далеко на север, постепенно скрывшись из виду.

Риалто обвел взглядом жителей деревни и обратился к женщине с плоским лицом:

— Кто является вождем вашей общины?

Женщина указала пальцем на одного из стоявших:

— Дулка — вон он стоит. Он мясник и перевозчик. Нам не нужен вождь — вожди обычно забирают себе слишком большую долю еды.

Толстопузый старик с серыми бакенбардами сделал несколько шагов навстречу магу и заговорил льстивым носовым голосом:

— Разве обязательно быть такими ужасными? Ну да, мы антропофаги. Да, мы несколько своеобразно используем незнакомцев. Но разве это повод для злости? Мир таков, каков он есть, и каждый из нас должен стремиться приносить пользу ближним, хотя бы и став для них обедом

или ужином.

— Наши интересы лежат в другой сфере. Если я увижу еще хоть одну сеть, ты первым отправишься на небо, — ответил Риалто.

— О, само собой! Ведь теперь мы знаем о ваших преимуществах. Что вам угодно? Может быть, вы голодны?

— Мы удивлены состоянием Луид Шага, который сейчас должен пробудиться ото сна для начала Золотой Эры. Вместо города мы обнаружили лишь руины, песок и вашу деревню поблизости. Что произошло со Священным городом?

Дулка довольно быстро пришел в себя и с радостной улыбкой посмотрел на Риалто. Затем, словно повинуясь давней привычке, он сложил ладони вместе, и принялся описывать вращательные движения большими пальцами. Проворство, с которым толстяку удавалось это занятие, показалось Риалто любопытным, даже удивительным. Отвечая на вопрос мага, Дулка заговорил монотонным носовым голосом:

— Тайна, окружающая руины города, скорее выдумка, нежели реальность, — пока мясник говорил, пальцы его продолжали двигаться. — Столетия проходили одно за другим, а боги все стояли на страже, днем и ночью. В конце концов

они стали жертвами дождей и ветра, превратившись в пыль, и могущество их иссякло, — пальцы мясника стали двигаться в обратном направлении. — Земля лежала опустошенной, и руины города никто не посещал. «Избранные» спали долгим сном в алебастровых коконах. Юноши и девушки, лучшие из лучших, спали на шелковых кроватях, не тревожась ни о чем!

Пальцы Дулки начали выписывать странные фигуры. Риалто внезапно почувствовал приятную усталость, но приписал ее своему тяжелому дню.

— Мой дорогой друг! Я вижу, вы устали. Это я совсем заболтал вас всякой ерундой.

Откуда-то вынесли три плетеных из ивовых прутьев кресла, спинки которых украшали изображения искаженных человеческих лиц.

— Присаживайтесь. Отдохните, — вкрадчивым голосом бормотал мясник.

Дулка сам тяжело рухнул в одно из кресел, заскрипевшее под его солидным весом. Риалто присел, чтобы дать отдых уставшим ногам. Почувствовав неладное, он повернулся к Ошерлу и заговорил с ним на языке Двадцать Первого Эона:

— Что этот старый прохиндей делает со мной

— я едва могу пошевелиться?

Ошерл, не раздумывая, ответил:

— Он призвал четырех Слуг низшего порядка — мы называем их мэдлингами. Сейчас они плетут сеть усталости вокруг тебя и неплохо справляются. Дулка уже отдал указания относительно пира.

Риалто с негодованием спросил:

— А почему ты не потрудился помешать им? Где обещанная лояльность?

Ошерл попытался скрыть свою неловкость за приступом кашля.

Маг строго приказал ему:

— Заставь мэдлингов вытянуть нос Дулки на два фута вперед и поместить на кончике большущую язву, а заодно по болезненному карбункулу на каждую ягодицу.

— Как прикажешь.

К великому удовлетворению Риалто, Ошерл отлично выполнил свою работу.

— А теперь — и даже не пытайся возражать — прикажи мэдлингам никогда больше не причинять мне вреда, — сказал маг.

— Ты абсолютно прав — надо застраховаться от штучек этого мясника, — ответил Ошерл.

— А потом ты освободишь мэдлингов и позво-

лишь им идти на все четыре стороны, наказав не служить Дулке.

— Какое благородство! Могу ли я отнести подобные инструкции на свой счет? — с долей иронии спросил Слуга.

— Ошерл, не зли меня. Надо еще кое-что узнать у Дулки.

Риалто повернулся к возбужденному мяснику и заговорил с ним на языке деревни:

— Ты получил урок честности. Поскольку ты еще жив, то можешь убедиться в моем безграничном милосердии. А теперь — продолжим беседу?

Дулка угрюмо ответил:

— И почему ты такой раздражительный? Я вовсе не намеревался причинить вам вред. Ну что я еще могу сказать?

— Вы ведь исследовали развалины города?

— Нас не интересуют кучи камней. Мы лишь использовали алебастровые яйца по-своему…

— Понятно. Сколько именно яиц вы разбили?

— Ну, за долгие годы их набралось пять тысяч, шесть сотен и сорок одно. Осталось мало.

— Мало? Если ты не обсчитался, то всего один «Избранный» остался ожидать Золотой эры. Вы съели всех остальных! — воскликнул Риалто.

Дулка мгновенно забыл о своем носе и ягоди-

цах.

— Остался только один? Это ужасная новость! Наши пиры подходят к концу!

— А как насчет сокровищ? Вы забрали драгоценные камни и кристаллы из городских домов? — спросил маг.

— Ну да, конечно. Нам доставляют удовольствие подобные штуки, особенно красного, розового и желтого цветов. Голубые и зеленые приносят несчастье, и мы используем их для развлечений.

— Каким образом?

— Мы привязываем их к хвостам богадилов, или скачущих медведей, или даже мэнков, и это заставляет их ужасно смешно гоняться по лесу.

— Хм-м. А не попадался ли вам сверкающий голубой кристалл в форме призмы? Подумай, как следует, — это важно.

Дулка внезапно вновь ощутил длину своего носа.

— Я припоминаю нечто подобное в не столь далеком прошлом.

Риалто, сама доброта, спросил:

— Неужели нос причиняет тебе такое неудобство?

— О, да! Несомненно!

— А ягодицы?

— Они жутко болят.

— Тогда принеси мне этот кристалл, и я избавлю тебя от неприятностей.

— Это не так-то просто, — угрюмо проворчал Дулка.

Риалто больше нечего было сказать и вместе с Ошерлом он отправился прочь из деревни, туда, где Слуга приготовил для него удобный шатер из синего шелка. На красно-синем ковре неопределенной формы Ошерл установил массивный деревянный стол, вокруг которого поставил четыре низких стульчика. На каждом стуле лежала темно-красная бархатная подушка. Снаружи стоял второй стол, на случай, если погода будет хорошей и маг захочет позавтракать или пообедать на воздухе. В шатре располагалось удобное канапе, а по углам стояли высокие железные стержни, удерживавшие лампы в форме причудливых многогранников.

Оставив Ошерла в шатре, Риалто поднялся в небо. Тучи рассеялись, и маг отлично видел во всех направлениях. Поднеся подзорную трубу к глазам, он, к своему удовольствию, обнаружил на северо-востоке темное голубое пятнышко.

Разогнавшись изо все сил, Риалто вскоре оказался возле самого пятна, опустился вниз, в

лесную чащу, некоторое время искал, но так и не нашел кристалл.

Вернувшись в шатер, он обнаружил Ошерла сидящим все в той же позе и рассказал ему о своих поисках.

— Мне определенно не хватает точности. Завтра ты поднимешься так высоко, как сможешь, захватив трубу, и встанешь точно под синим пятном. Из этой точки ты будешь опускать веревку с грузом вниз — там, в лесу, должен находиться Персиплекс… Что там за вопли и визг?

Ошерл выглянул наружу.

— Жители деревни очень возбуждены и кричат от радости.

— Странно. Может быть, Дулка решил не дожидаться нашей милости и отрезал свой длинный нос… Ну, тогда я не вижу причин для радости. Меня озадачило вот что: почему голубое пятно находится так высоко в воздухе?

— Ничего необычного: чтобы его можно было увидеть издалека.

— Замечательно, но тогда не лучше ли использовать другой сигнал: например, луч голубого света, поднимающийся издалека и одним концом указывающий на Персиплекс.

— Откровенно говоря, я не совсем понимаю

мотивы Сарсема, если только он не принимает всерьез указания Эйч-Монкура.

— Что? О каких указаниях речь?

— Просто небольшое подшучивание, так я полагаю. Эйч-Монкур приказал, чтобы пятно указывало местонахождение Персиплекса так неточно, что ты никогда не сможешь найти его и вернуться домой. Тогда ты будешь ходить туда-сюда в его поисках бесконечно.

— Понятно. А почему ты не сказал мне об этом раньше? Неважно; придет день, когда ты поймешь, кто контролирует твои очки: я или Эйч-Монкур… Этот жуткий визг становится все сильнее! Дулка точно отрезал себе нос! Ошерл, прикажи им успокоиться.

— По-моему, это просто безобидное веселье — люди готовятся к пиршеству.

Риалто встрепенулся.

— К пиршеству? Какому еще пиршеству?

— Последняя из «Избранных»: девственница, которую только что извлекли из алебастрового яйца. Так что шум продолжится.

Риалто вскочил на ноги.

— Ошерл, немедленно идем туда как можно быстрее.

Прибежав в деревню, Риалто обнаружил Дулку

сидящим возле хижины на двух огромных подушках с припаркой на носу. Приготовления к пиру шли полным ходом: женщины резали ароматные коренья, доставали специи, овощи и зелень.

В клетке стояла последняя из «Избранных»: девственница, которую мясник мог бы описать как «ниже среднего», «на любителя» или «постное мясо без жирка». Одежда девушки истлела от времени, и на ней не было ничего, кроме ожерелья из меди и бирюзы. Окаменев от ужаса, она наблюдала за приготовлениями сквозь прутья клетки. Тем временем два помощника мясника принесли большой стол и принялись точить ножи.

Дулка нахмурился, увидев приближающихся Риалто и Ошерла.

— Что на этот раз? Мы готовимся устроить себе последний — пир. Ваше дело может подождать, если только вы не пришли облегчить мои страдания.

Риалто ответил:

— Никакого пира не будет, если только ты сам не захочешь полезть в котел. Ошерл, приведи мне леди из клетки и снабди ее соответствующими одеждами.

Ошерл разбил клетку на миллион частиц и одел девушку в бледно-голубое платье. Дулка из-

дал нечленораздельный крик, а жители деревни принялись доставать оружие. К счастью, Ошерл разбудил четырех огромных гоблинов, каждый восьми футов высотой. Проворно двигаясь и издавая жуткое рычание, гоблины повергли в ужас население деревни, и люди побежали прятаться в лес.

Риалто, Ошерл и ошарашенная девушка вернулись в шатер, где маг мягким голосом рассказал ей о происходящем. Она внимательно слушала и, возможно, даже понимала часть его слов, потому что из глаз ее покатились блестящие слезинки. Риалто добавил в стимулирующий напиток успокоительное, и горе девушки превратилось в полусонное состояние, в котором все тревоги отступили на задний план. Девушке было приятно сидеть возле Риалто и слушать его голос.

Ошерл цинично заметил:

— Риалто, ты все-таки странное существо, загадочное и непонятное.

— Это почему же?

— Бедный Дулка всеми покинут; его народ заблудился в лесу, боясь вернуться домой из-за гоблинов; а ты преспокойно сидишь, и утешаешь глупую женщину.

Риалто ответил с чувством собственного до-

стоинства:

— Мною руководят правила хорошего тона — это выше твоего понимания.

— Ба-а! Ты тщеславен, как петух, и уже планируешь подходящие позы для занятий любовью с маленькой девственницей, которой сейчас наговоришь с три короба. А в это время Дулка голодает, а мои очки все еще на прежней отметке.

Риалто поразмыслил с минуту.

— Ошерл, ты умен, но недостаточно. Меня не так просто отвлечь от дела, как тебе могло показаться. Так что давай-ка продолжим прерванную беседу. Что еще ты знаешь о планах Сарсема и Эйч-Монкура?

— Я не наблюдал за ними постоянно. Уточни свой вопрос.

— Как так? Я не могу задать уточняющего вопроса, пока не знаю сути дела.

— Честно говоря, я знаю чуть больше тебя. Эйч-Монкур надеется извлечь выгоду с помощью Сарсема. Но это не новость.

— Сарсем играет в опасную игру. В конечном итоге он будет наказан за свою двуличность. Что ж, зато другие научатся на его примере.

— Ну, кто знает, как пойдет игра? — протянул Ошерл.

— Что ты хочешь этим сказать?

Ошерл не произнес ни слова, и Риалто с явным неудовольствием отослал его на улицу, охранять шатер. Слуга упростил свою задачу, усевшись на головы четырех огромных гоблинов, сверкавших жутким голубым светом. Риалто вздрогнул от неожиданности, когда вышел посмотреть, все ли в порядке. Вернувшись внутрь, он постелил кровать для девушки, где она и заснула почти мгновенно от эмоционального перенапряжения. Через некоторое время маг и сам отправился спать.

Утром девушка проснулась спокойной, но апатичной. Риалто устроил ей ароматизированную ванну, а Ошерл в обличье служанки выложил перед ней новую одежду: белые парусиновые брюки, алый плащ с золотыми пуговицами, отделанный черной тесьмой, черные ботинки с аппликациями из красного шелка. Девушка приняла ванну, оделась, расчесала короткие черные волосы и вышла в комнату, где Риалто присоединился к ней за завтраком. Благодаря помощи словаря он заговорил с девушкой на ее родном языке.

— Вы пережили ужасную трагедию, и я очень сочувствую вам. Меня зовут Риалто. Как и вы,

я чужак в этой мрачной эпохе. Могу я узнать ваше имя?

Сначала девушка не была расположена отвечать, но потом решительно сказала:

— Мои тайны больше не имеют ценности. В мыслях я называла себя Фуруд Утренняя Заря, а в школе получила прозвище Шалук, и так меня называли друзья.

— По-моему, отличное имя. Если вы не против, я тоже буду называть вас так.

Девушка мрачно улыбнулась.

— У меня больше нет привилегии указывать кому бы то ни было что делать.

Риалто подыскал подходящие слова по такому случаю:

— Действительно, «врожденное совершенство» и прочие убеждения вашей касты отныне не имеют значения. Однако вы станете известны как Шалук Выжившая. Разве это не звучит гордо?

— Вовсе нет, поскольку лишь ваша помощь спасла мою жизнь.

Ошерл, услышавший ее замечание, вставил комментарий:

— Тем не менее твоя инстинктивная тактика верна. Когда имеешь дело с Риалто Великолепным, я имею в виду своего хозяина и блюстителя

моих очков, надо неустанно питать его тщеславие. Надо восхвалять его совершенную внешность; прославлять его мудрость. Только тогда он станет воском в твоих руках.

Риалто заметил ровным голосом:

— Ошерл часто бывает в плохом настроении. Несмотря на его сарказм, мне будет приятно заслужить ваше одобрение.

Шалук Утренняя Заря не могла сдержать улыбки.

— Вы уже заслужили его, сэр Риалто! И я благодарна Ошерлу за помощь.

— Ба-а! Да он больше беспокоился о том, что Дулка останется голодным! — заметил маг.

— Неправда! Я просто пошутил! — вскричал Слуга.

— И все же, простите мне мое любопытство, но что будет со мной?

— Когда мы закончим все дела здесь, то вернемся в Альмери, там и обсудим подробности. А пока считайте себя моим подчиненным и получите задание: присматривать за Ошерлом. Смотрите, чтобы он всегда был чистым, проворным и дружелюбным.

Шалук снова улыбнулась, окинув его оценивающим взглядом.

— Как же я смогу присматривать за таким умницей?

— Да это проще простого! Если он начнет увиливать, просто скажите «вспомни об очках».

Ошерл нервно рассмеялся.

— Вот уже Риалто Великолепный расставляет свои сети.

Риалто не удостоил его ответом. Он взял девушку за руку и подтолкнул ее вперед.

— А теперь за работу! Вы уже пришли в себя?

— О да! Риалто, я благодарю вас за доброту.

— Шалук Выжившая, или Утренняя Заря, или как там вы еще себя называли — мне приятно видеть вашу улыбку.

Ошерл заговорил на языке Двадцать Первого Зона:

— Физический контакт налажен, и программа вступает в следующую фазу… Маленькая глупышка, разве может она сопротивляться Риалто?

— Твой сексуальный опыт не отличается богатством. Вопрос звучит скорее: «Как может Риалто сопротивляться такой маленькой глупышке?»

Девушка переводила взгляд с одного на другого, пытаясь уловить смысл сказанного. Риалто воскликнул:

— А теперь за дело! Ошерл, возьми подзорную

трубу, — он передал ее Слуге, — и поднимайся вверх. Найди там голубую точку и с того самого места будешь опускать вниз шнур с тяжелым фонарем на конце, пока он не укажет прямо туда, где лежит Персиплекс.

Ошерл сегодня выглядел, как Вальвунский лавочник, одетый в черные мешковатые штаны, орехово-горчичную куртку и широкополую шляпу. Он взял трубу пухлой рукой и поднялся в небо.

— В любом случае, мое утомительное дело близится к завершению, и скоро мы вернемся в спокойный Двадцать Первый Эон… Что такое? Ошерл возвращается так быстро?

Ошерл спрыгнул на землю у самого шатра. Он сделал отрицательный сигнал, и Риалто резко крикнул:

— Почему ты не определил место, где находится Персиплекс?

Ошерл изобразил на круглом лице лавочника скорбную мину.

— Голубая точка скрылась в тумане, и ее невозможно найти. Труба не помогает.

Риалто выхватил у него трубу и сам поднялся в небо. Поднеся трубу к глазам, маг убедился в честности Ошерла — нигде нельзя было разглядеть

голубого пятнышка.

Некоторое время Риалто молча стоял на белом облаке, отбрасывая длинную голубоватую тень, затем, нахмурившись, поискал точку еще раз.

Что-то было не так. Задумчиво разглядывая пушистые облака, маг перебирал возможные варианты. Неужели Персиплекс кто-то унес? Или труба потеряла волшебную способность находить его?..

Ни с чем маг вернулся в шатер.

Ошерл стоял в отдалении, рассматривая руины города, и Риалто позвал его:

— Ошерл! Удели мне минуту своего драгоценного времени!

Ошерл неторопливо приблизился и застыл на месте, засунув руки в карманы. Риалто наблюдал за ним, перекидывая трубу из одной руки в другую.

— Итак, Риалто: что еще ты от меня хочешь? — спросил Ошерл, старясь выглядеть как можно более непринужденно.

— Ошерл, кто предложил тебе скрыть точку такой облачностью?

Ошерл удивленно вскинул вверх правую руку.

— Что только ни придет в голову хитрецу!

— Да. Но ты утратил даже хитрость. Кто пыта-

ется навредить мне?

— О, я знаю многих, способных доставить тебе неприятности. Не могу же я уследить за всеми.

— Позволь мне восстановить последовательность событий. Ошерл, ты внимательно слушаешь?

— А разве у меня есть выбор? — мрачно заметил Слуга.

Маг отметил, что челюсти его напряглись, а взгляд затуманился.

— Тогда слушай. Ты поднимаешься над облаками, и там тебя встречает Сарсем. Ваша беседа течет примерно следующим образом:

Сарсем: Ну что, Ошерл? Каково теперь твое задание?

Ошерл: Бессердечный Риалто хочет, чтобы я отыскал в небе точку, обозначающую близость к Персиплексу.

Сарсем: В самом деле? Дай-ка я взгляну на твою трубу… Что-то я ничего не вижу.

Ошерл: Не видишь? Странно! Что же мне сказать Риалто?

Сарсем: Ну, его несложно одурачить. Скажи, что точка затерялась в тумане. Труба бесполезна — можешь взять ее обратно.

Ошерл: Но это не та труба, которую ты у меня

брал! Это всего лишь бесполезная стекляшка!

Сарсем: Ну и что? От них обеих никакого толка. Возьми ее и отнеси дурачку Риалто — все равно он не заметит разницы.

Ошерл: Хм-м. Риалто, конечно, дурак, но очень дотошный.

Сарсем: Он жутко мешает нашему другу Эйч-Монкуру, который столько всего пообещал нам… Вот тебе мой совет: найди уловку, чтобы Риалто лишил тебя всех очков, и оставь его прозябать в этой жуткой эпохе.

Ошерл: Хороший совет.

Потом вы радостно улыбнулись друг другу, ты оставил Сарсема на небе, а сам спустился сюда с фальшивой трубой, которая не показывает точки.

Челюсти Ошерла затряслись, и он вскричал:

— Разве это не правдоподобно? У тебя нет причин не верить в подлинность трубы и советы Сарсема!

— Прежде всего: почему ты не доложил о своей беседе с Сарсемом?

Ошерл вздрогнул.

— Ты меня не спрашивал.

— Объясни, если можешь, почему голубая точка была отлично вида в прошлую ночь, хотя

облаков было не меньше.

— Меня ввели в заблуждение.

— То есть, Персиплекс не передвигали, а трубу никто не заменял фальшивкой?

— Я предполагаю, что можно было обойтись и без таких ухищрений.

— Именно так, Ошерл. Игра окончена! Я лишаю тебя трех очков за ложь и вероломное поведение.

Ошерл издал дикий крик. Риалто поднял руку, требуя тишины.

— А сейчас я задам тебе очень серьезный вопрос — постарайся сказать правду и дать мне все необходимые уточнения, ради своей же пользы. Сарсем забрал у тебя подзорную трубу. Он также взял, спрятал, перенес, уничтожил, отправил в другое измерение времени или просто в другое измерение, или произвел еще какие-либо манипуляции с Персиплексом? Здесь я имею в виду тот настоящий Персиплекс, который он охранял на холме Священной Реликвии. Я не сторонник многословия, но с тобой это просто необходимо.

— Нет.

— Нет? Что значит — нет? Ты меня озадачил.

— Сарсем, несмотря на увещевания Эйч-Монкура, не посмел прикоснуться к Персиплексу.

— Приведи Сарсема сюда.

Выслушав желчное замечание Ошерла, Риалто все-таки дождался прибытия Сарсема все в том же обличье бесполого лилового существа. Когда Вершитель появился возле шатра, маг потребовал:

— Сарсем, верни мне настоящую трубу.

— Это невозможно! По приказу нового Наставника я ее уничтожил.

— Кто же новый Наставник?

— Эйч-Монкур, разумеется.

— А как ты узнал, что это правда?

— Он лично убедил меня, по крайней мере в том, что это вскоре произойдет.

— Он ввел тебя в заблуждение. Надо было уточнить все у Айделфонса. Я лишаю тебя трех очков!

Как и Ошерл, Сарсем издал вопль отчаяния.

— Ты не имеешь права лишать меня очков!

— Тебя ведь не смущало отсутствие полномочий у Эйч-Монкура, когда ты выполнял его приказ.

— Это разные вещи.

— А теперь я приказываю вам с Ошерлом обыскать лес и принести мне Персиплекс как можно скорее.

— Я не могу — мне даны другие указания. Пусть

Ошерл ищет — его специально дали тебе в помощники.

— Слушай меня внимательно, Сарсем! Ошерл, а ты будешь свидетелем! Я сомневаюсь, стоит ли называть вслух имя Величайшего по таким пустякам, но вы все больше раздражаете меня своими трюками. Если ты снова помешаешь мне в поисках Персиплекса, я буду взывать к…

Но Ошерл и Сарсем в один голос закричали:

— Не называй имя, он может услышать тебя!

— Сарсем, ты понял, чего я от тебя хочу?

— Вполне, — поспешно пробормотал Слуга.

— И как ты намерен отныне вести себя?

— Хм-м… Мне придется воспользоваться тактикой уклонения, служа Эйч-Монкуру, чтобы угодить вам обоим.

— Предупреждаю — отныне любая промашка может очень дорого обойтись тебе. Ты только что отработал свои три очка. Не дразни меня больше.

Сарсем издал неопределенный звук и исчез.

Глава четырнадцатая

Риалто вновь обратился к Ошерлу.

— Вчера мне показалось, что Персиплекс нахо-

дится где-то в районе вон той опушки. Так что у нас есть работа.

— И делать ее должен, как всегда, я, — мрачно пробормотал Ошерл.

— Если бы ты был честен, работа давно уже была бы сделана, мы сейчас сидели бы в Бумергарфе, получая штраф с Эйч-Монкура; ты мог бы заработать два очка, вместо того, чтобы потерять три: все-таки разница в целых пять очков!

— К сожалению, я не властен над тем, чтобы поправить случившуюся трагедию.

Риалто не обратил внимания на скрытый намек.

— Итак, руки в ноги! Ты должен искать как можно лучше.

— Я буду работать один? Задание не простое…

— Да, придется постараться. Сначала собери перед шатром по порядку всех богадилов, прыгающих медведей, мэнков и флантиков, а также других более-менее сознательных существ.

Ошерл причмокнул липкими губами лавочника и спросил:

— Включая и антропофагов?

— Почему нет? Нами движет терпимость! Но для начала подними шатер на пьедестале футов в двадцать, чтобы обезопасить нас, и призови всех

тварей к цивилизованному поведению.

Выполняя приказ, Ошерл собрал указанных существ перед шатром. Выйдя вперед, Риалто обратился к ним, используя словарь, стараясь быть кратким и говорить быстро, чтобы объяснить собравшимся, что от них требуется.

— Существа, люди, полулюди и твари! Я желаю вам всего наилучшего и выражаю свою глубочайшую симпатию тому, как дружно вы сосуществуете. Поскольку вы в большинстве своем не отличаетесь большим интеллектом, я буду краток. Где-то в лесу, вероятно, в районе вон той опушки, лежит голубой кристалл, который мне нужен. Всем вам приказываю искать его. Тот, кто найдет и принесет мне кристалл, получит щедрое вознаграждение. Чтобы стимулировать ваше рвение и ускорить поиски, каждый из вас через определенные промежутки времени будет ощущать неприятное покалывание — до тех пор, пока я не получу кристалл. Ищите повсюду: в листве, на ветвях, подо мхом и лишайником, под камнями… Антропофаги не так давно привязывали одному из вас к хвосту как раз тот самый кристалл. Напрягите память — может, вы вспомните, где именно обронили его. А теперь идите на опушку — начните поиск оттуда. Ищите как сле-

дует, потому что покалывание будет усиливаться, пока я не получу кристалл. Ошерл, инициируй первую вспышку неприятных ощущений.

Существа вскрикнули от боли и разбежались в стороны на поиски Персиплекса.

Уже через несколько секунд прыгающий медведь вернулся с осколком голубого фарфора и потребовал вознаграждения. Риалто наградил его воротником из красных перьев и отправил на дальнейшие поиски.

В течение утра огромное количество голубых предметов предлагалось вниманию Риалто. Он отвергал их все, увеличивая силу и частоту неприятных покалываний.

Где-то около полудня маг заметил, что Ошерл как-то странно ведет себя, и поинтересовался:

— Ошерл, что бы ты хотел мне сказать?

Слуга напрягся и мрачно ответил:

— Вообще-то это не мое дело, но если я решу дать тебе совет, ты все равно не дослушаешь его до конца и начнешь угрожать лишением очков…

Риалто вскричал:

— Что ты хочешь мне сказать?

— Дело касается Персиплекса, и раз ты прикладываешь столько усилий, чтобы найти его…

— Ошерл! Я приказываю тебе быть кратким! Так что с Персиплексом?

— Чтобы сократить рассказ, скажу лишь, что кристалл, похоже, нашел флантик. Сначала он хотел принести его тебе, но потом получил заманчивое предложение от того, чье имя мне неизвестно, Теперь флантик мечется туда-сюда в нерешительности… Вон! Смотри, он идет! Идет сюда с Персиплексом в лапе… Нет! Он колеблется… Флантик передумал. Точно, он решил не отдавать кристалл тебе.

— Тогда скорее! За ним! Ударь его молнией! Верни его назад или отними Персиплекс! Ошерл, поторопись же!

Ошерл не двинулся с места.

— Это ваш с Эйч-Монкуром спор. Мне не позволено вмешиваться в такие дела, и здесь даже Айделфонс поддержал бы меня.

Риалто разразился проклятиями.

— Тогда идем со мной. Я сам поохочусь на эту тварь. Он получит больше страданий, чем способен осознать своим тупым умом. Заложи полный запас скорости в мои сапоги.

Риалто поднялся в воздух и огромными шагами побежал за улепетывающим флантиком, который то и дело поворачивал назад серую голову,

чтобы посмотреть на своего преследователя. Вместо того чтобы остановиться от страха, флантик летел все быстрее.

Охота завела мага на юго-запад: через горные хребты, дремучие леса, топкие болота, шумные водопады и густые заросли тростника. В отдалении показалось Сантунское море, над которым нависали свинцовые облака.

Флантик начал уставать, крылья его поднимались и опускались все медленнее, и Риалто вот-вот должен был догнать его.

Оказавшись в тупике у самого моря, флантик неожиданно развернулся и атаковал Риалто острыми когтями и хлопающими крыльями. Маг не ожидал такого поворота событий и едва успел увернуться. Все же плечо его попало под удар мощного когтя. Риалто начал падать, флантик полетел вслед за ним, но уже над землей маг увернулся от прямого удара.

Ошерл, наблюдавший в сторонке, сделал ему комплимент:

— А ты куда проворнее, чем я думал. Молодец!

Риалто поднялся в воздух, но когти флантика разорвали ему плащ, и маг снова стал падать вниз. Ему удалось прокричать заклинание Успеха в бою и выбросить пригоршню Голубых Лезвий в

сторону парящего существа. Маленькие сверкающие лезвия пронзили тело и крылья флантика. Тварь откинула голову назад и издала жуткий вопль страха и боли.

— Человек, ты убил меня! Ты забрал мою драгоценную жизнь, а другой у меня уже не будет! Я проклинаю тебя и забираю голубой кристалл туда, где ты его никогда не найдешь — в Царство Смерти!

Крылья флантика вздрогнули в последний раз, и он рухнул в море, быстро скрывшись из виду в толще воды.

Риалто возбужденно воскликнул:

— Ошерл! Быстро вниз! Достань Персиплекс!

Ошерл опустился и неуверенно посмотрел на воду.

— Где упал флантик?

— Точно там, где ты сейчас стоишь. Ныряй глубже, Ошерл. Из-за твоего каприза мы оказались в этой дыре.

Ошерл что-то прошипел в ответ и опустил в воду специальный орган. Через некоторое время Риалто услышал отчет Слуги:

— Его невозможно найти. Внизу слишком темно и глубоко. Я натыкаюсь только на тину.

— Я не приму твоих извинений! Ныряй сам и не

возвращайся, пока не найдешь Персиплекс! — в ярости вскричал Риалто.

Ошерл нахмурил брови и неохотно нырнул в воду. Он отсутствовал довольно долго. Наконец Слуга вынырнул на поверхность.

— Ты достал его? Давай сюда немедленно! — потребовал маг.

— Все не так просто. Кристалл затерялся в тине. Он не светится и не подает никаких признаков жизни. Короче говоря, Персиплекс можно считать утерянным.

— Я более оптимистично смотрю на вещи. Оставайся здесь и ни в коем случае не позволяй Эйч-Монкуру или Сарсему совать сюда свой нос. Я скоро вернусь, — сказал Риалто.

— Поторопись! Вода темная и очень холодная. Какие-то неизвестные твари плавают вокруг меня.

— Будь терпелив! Самое главное — не высовывайся на поверхность больше чем на дюйм; теперь ты нечто вроде буя, обозначающего место расположения Персиплекса.

Риалто вернулся в шатер у развалин Луид Шага. Прежде всего он объявил о прекращении поисков и снял стимулирующее болевое покалывание к всеобщей радости.

Устало опустившись в кресло, он обратил внимание на Шалук, «Избранную» из Васк Тахора, которая задумчиво сидела на кушетке. Девушка почти полностью восстановила самообладание и темными печальными глазами смотрела на Риалто. Маг подумал, что она вполне осознала всю тяжесть своего положения и не видит ничего оптимистичного в своем будущем.

Вслух он сказал:

— Наша главная задача сейчас — выбраться из этого мрачного зона. А потом…

— Что потом?

— Мы займемся вашим будущим. Может быть, оно не настолько радужно, как вам обещали, но уж, конечно, не так плохо, как вы себе наверняка вообразили.

Шалук недоуменно покачала головой.

— Почему вы беспокоитесь обо мне и тратите на меня свое время? У меня нет денег; я лишилась сословных преимуществ. Я не обучена никакой профессии и не особенно умна. Все, что я умею — лазить по деревьям, собирать стручки и плоды и отжимать иссоп. Еще я могу рассказать Мечту Непослушных Девочек о Царстве Вседозволенности — и ничего более. Однако… мы незнакомы друг другу, и вы даже не обязаны оказывать мне

соответствующее касте почтение, — девушка вздрогнула и мило улыбнулась.

Риалто, радуясь, что его не видит циничный Ошерл, подошел к Шалук и уселся рядом с ней на кушетку.

— Разве вы бы не спасли беспомощного человека от ужасной участи быть съеденным каннибалами?.

— Конечно.

— Я сделал то же самое. А потом, вполне естественно, что меня заинтересовала ваша дальнейшая судьба, сначала — как бездомной и покинутой девушки, а потом как Шалук Выжившей, очаровательной и печальной. Такое сочетание в моих глазах — глазах тщеславного и гордого человека — делает вас неотразимой. С другой стороны, как честный и порядочный мужчина, я никогда не сделаю попытки воспользоваться вашим положением; если у вас были хоть малейшие опасения по этому поводу — забудьте о них. Я, прежде всего, человек чести.

Уголки губ Шалук поползли вверх.

— А также мастер на экстравагантные изречения, некоторые из них я сам не принимаю всерьез.

Риалто встал на ноги.

— Моя дорогая юная леди, здесь вы должны полагаться на собственные инстинкты. Можете рассчитывать на мою помощь и защиту, и вообще на все, что вам будет угодно.

Шалук рассмеялась.

— Самое главное, Риалто, вы смогли рассмешить меня.

Риалто вздохнул и отвернулся.

— А теперь нам надо возвращаться к Ошерлу, Подозреваю, что он может спеться с моими врагами. Вряд ли я потерплю такое положение вещей. Сейчас мы полетим прямо в шатре через Горы Мэг над Сантунским морем — Ошерл ждет нас там. На месте и обсудим дальнейшие планы.

Риалто произнес заклинание переноса вещей, чтобы отправить шатер в нужном направлении к тому самому месту, где упал флантик. Ошерл для своего удобства принял форму буйка, раскрашенного красным и черным, согласно морским правилам. Человеческая голова из ковкой стали высовывалась из буя, увенчанная навигационным огнем.

— Риалто, ты вернулся! Не слишком-то быстро! У меня вовсе нет желания поселиться тут навеки! — зазвучал металлический голос Ошерла.

— У меня тоже, представь себе. Как только мы

найдем Персиплекс, можно будет возвращаться в Бумергарф.

Ошерл издал резкий металлический звук, похожий на крик морской птицы.

— Разве я плохо объяснил тебе, что Персиплекс затерялся в глубинах? Выброси из, головы безумную мысль достать недостижимое!

— Не я, а ты должен достать недостижимое. Пока я не буду держать призму в руках, ты будешь качаться на морских волнах, — заявил Риалто.

Ошерл зазвенел предупредительным колокольчиком.

— Почему ты не воспользуешься своей магией и не передвинешь море? Тогда поиски заметно упростятся.

— Я больше не властен над подобными заклинаниями; лучшие из них украл Эйч-Монкур и его товарищи. И все же ты подал неплохую идею… Как называется это море?

— Что за бессмысленный вопрос?

— Вовсе не бессмысленный! Я никогда не задаю глупых вопросов, к твоему сведению.

Ошерл ненадолго задумался, потом ответил:

— В настоящую эпоху оно является частью Аккического Океана: Сантунским морем. Во времена Семнадцатого Зона на него наступала суша,

море постепенно пересыхало, а потом и вовсе исчезло. В последнюю эпоху Семнадцатого Зона старое морское ложе было известно как Тчаксматарская Степь. Во вторую эпоху Восемнадцатого Эона Балтанк с Высокими Башнями поднимается в пяти милях от того места, где мы сейчас находимся. Он просуществовал до тех пор, пока не был завоеван демоном Изил Скилтом. Позднее, в том же эоне, море возродилось. Надеюсь, твое любопытство относительно средневековой географии удовлетворено?

— Вполне. Теперь слушай мои указания — ты выполнишь все в точности, как я скажу. Без всяких пререканий ты перенесешь меня и Шалук в подходящую эпоху Семнадцатого Эона, когда морское ложе уже высохло и ничто не препятствует поискам Персиплекса. Ты же останешься точно на этом месте и не будешь вступать в переговоры с любыми посланниками Эйч-Монкура, в особенности с Сарсемом.

Ошерл издал странный звук, но Риалто не обратил на него внимания.

— В данный момент Персиплекс находится прямо у тебя под ногами. Если мы не принесем его с собой из Семнадцатого Эона, то виноват будешь ты. Так что охраняй его как следует, со

всем старанием. Не позволяй ни Сарсему, ни Эйч-Монкуру, ни кому-либо еще отвлечь себя от задания. А теперь мы готовы отправиться в Семнадцатый Эон. Смотри не ошибись! Нахождение настоящего Персиплекса и наше возвращение на твоей совести. Кстати, ты, вероятно, заработаешь много очков… А теперь в Семнадцатый Эон!

Глава пятнадцатая

Внезапно шатер оказался залит розовым светом. На небе не было ни одного облака до самого горизонта; теплый сухой воздух хранил аромат душистых черных лишайников, росших под ногами. На западе еще виднелась кромка Сантунского моря, или того, что от него осталось. На берегу располагалась деревушка, состоящая из побеленных домиков, окруженных низкими деревьями. В остальных направлениях кругом виднелась лишь бескрайняя степь.

Футах в ста от шатра стоял маленький белый домик, возле которого росло массивное шайрское дерево. На пороге сидел Ошерл в обличье бродяги из низших сословий. Слезящиеся глаза, выгоревшие волосы, верхние зубы по-дурацки торчали изо рта — таков был его теперешний облик. Из

одежды Ошерл выбрал грязно-белое тряпье и шляпу с низкими полями.

Заметив Риалто, он вяло помахал ему рукой.

— А, Риалто! После столь продолжительного одиночества приятно видеть даже твое лицо…

Риалто довольно холодно ответил на приветствие Слуги и осмотрел домик.

— Похоже, ты тут с комфортом устроился. Надеюсь, заботясь об удобствах, ты не забывал присматривать за Персиплексом?

Ошерл спокойно ответил;

— Мой «комфорт», как ты это называешь, довольно примитивен. Большую часть времени приходится защищаться от грабителей и проходимцев. У меня нет ни шелковых подушек, ни хорошеньких наложниц.

— А Персиплекс?

Ошерл указал грязным пальцем на железный столб в пятидесяти ярдах от дома.

— Прямо под ним на неизвестной глубине лежит Персиплекс.

Риалто, оглядывая окрестности, заметил возле коттеджа огромную кучу пустых канистр.

— Ошерл, я не имею намерений посмеяться над тобой или оскорбить, но разве ты способен принять внутрь такое количество жидкости?

— А если и так? Что тут такого? Мое уединение слишком затянулось, и чтобы скрасить одиночество, я смешивал тоники разных вкусов и продавал их жителям деревни, — проворчал Ошерл.

— А почему ты не начал копать тоннель в поисках Персиплекса?

— Разве тебе не понятно? Я побоялся, что если не смогу найти его, ты обвинишь меня в очередном преступлении, и не стал проявлять инициативу.

— А как насчет наших конкурентов?

— Мне никто не мешал.

Чуткое ухо Риалто уловило своеобразие ответами маг резко произнес:

— Сарсем или Эйч-Монкур появлялись здесь?

— Если и появлялись, то незаметно. Они понимают всю важность нашего дела и не собираются препятствовать.

— Хорошо. А не могут они вырыть тоннель, скажем, в десяти милях отсюда и сделать подкоп к Персиплексу без твоего ведома?

— Это невозможно. Меня не так просто одурачить. Я соорудил предупреждающие об опасности незаконного вторжения сети. Теперь никто без моего ведома не способен приблизиться к кристаллу даже с помощью заклинаний.

— Замечательно. Можешь начинать копать.

Но Ошерл лишь поудобнее устроился в кресле.

— Не так быстро! Эта земля принадлежит некоему Ум-Фоду, который проживает в деревне Аз-Кхав, которую ты можешь увидеть отсюда. Его следует предупредить до того, как хотя бы один камень будет сдвинут с места. Я предлагаю тебе посетить его и все устроить. Но для начала оденься так же, как я, чтобы не выглядеть глупо.

Одевшись в соответствии с рекомендациями Ошерла, Риалто и Шалук отправились в Аз-Кхав.

Их взглядам предстала аккуратная деревушка, состоящая из белых домиков, тонувших в зарослях гигантских красных подсолнухов. Риалто навел справки и отыскал дом с окнами из голубого стекла, покрытый голубой черепицей. Стоя на улице, маг принялся выкрикивать имя хозяина, пока Ум-Фод не вышел на порог. Он оказался маленьким человечком с седыми волосами, проницательным взглядом и огромными усами, который ворчливо спросил прибывших:

— Кто там зовет Ум-Фода и зачем? Может, он дома, а может, и нет.

— Меня зовут Риалто. Я изучаю древности. А это моя помощница Шалук. Быть может, вы выйдете к нам, или мы подойдем ближе, чтобы не кричать

на всю улицу?

— Можете кричать, сколько захотите. Я и отсюда послушаю.

Риалто заговорил спокойным голосом:

— Я хочу поговорить о деньгах.

Ум-Фод, покачиваясь, подошел ближе.

— Говорите громче, сэр! Вы упомянули деньги?

— Вы не ослышались. Я хочу вырыть яму в вашей земле.

— В таком случае, сколько я получу за это?

— Ближе к делу: сколько вы нам заплатите? Мы собираемся отыскать здесь клад, — заявил Риалто.

Ум-Фод презрительно усмехнулся.

— Чтобы я вышел ночью, упал в яму и сломал шею? Если вы собираетесь копать — платите. А часть денег я хочу получить прямо сейчас за разрешение. Таково мое первое условие.

— А второе?

Ум-Фод улыбнулся и потер кончик носа.

— Вы что, считаете меня дураком? Я отлично знаю, что в моей земле полно сокровищ. Все, что вы найдете — принадлежит мне. Если вы копаете, то получаете право только на дыру.

— Это абсурд! Есть еще и третье условие?

— Конечно! Контракт на раскопки должен быть

заключен с моим братом Ум-Зуиком. Я лично буду наблюдать за процессом. Кроме того, все выплаты должны производиться в золотых зикко или монетах последнего выпуска.

Риалто попытался возражать, но Ум-Фод оказался торговцем со стажем и не собирался упустить выгоды ни в чем.

Когда маг и Шалук вернулись в шатер, девушка сказала:

— Ты очень щедр и благороден, так мне кажется. Ум-Фод ужасно жаден.

Риалто согласился с ней.

— Когда дело касается денег, Ум-Фод становится похож на голодную акулу. Хотя почему бы не доставить человеку малую толику удовольствия? Ведь не сложно пообещать хоть сотню, хоть две золотых зикко.

— Риалто, ты очень добр, — повторила девушка.

Ум-Фод вместе с братом Ум-Зуиком привели к хижине Ошерла группу работников, собранных для раскопок. Предполагалось вырыть яму пятидесяти футов в диаметре вокруг точки, указанной Ошерлом. Выносимая на поверхность грязь и камни тщательно просеивались под наблюдением Ошерла, Риалто и Ум-Фода.

Дюйм за дюймом, фут за футом дыра разрасталась на месте морского ложа, но Риалто раздражала медлительность рабочих. Наконец, не выдержав, он спросил:

— Что с твоей рабочей силой? Они болтаются туда-сюда, смотрят по сторонам. Тот старик еле шевелится — я уже начал опасаться за его жизнь.

Ум-Фод бесхитростно ответил:

— Спокойно, Риалто! Не стоит ворчать по пустякам. Люди получают почасовую оплату и поэтому вовсе не торопятся заканчивать работу. А тот старик — мой дядя Йа-Йимп, и его мучают ужасные боли в спине, а еще он туговат на ухо. Стоит ли винить старика? Пусть заработает немного денег.

Риалто пожал плечами.

— Как тебе будет угодно. Наш контракт предусматривает и такое…

— Ты это о чем?

— Вот об этом пункте: «Риалто по своему усмотрению может оплачивать работы относительно количеству земли, выкопанной из ямы. Сумма будет зависеть от скорости, с которой Риалто, стоя возле кучи с землей, сможет с помощью крепкой лопаты перенести десять кубических футов земли в другую кучу».

Ум-Фод вскрикнул от неожиданности и уставился в контракт.

— Я не припомню такого условия!

— Я добавил его позднее. Вероятно, ты не заметил, — спокойно ответил маг.

Ум-Фод побежал торопить работников. С непостижимой энергией они принялись копать, и даже старый Йя-Йимп время от времени передвигался с места на место.

Чем глубже становилась яма, тем большее количество разнообразных предметов извлекалось оттуда. Каждый из предметов Ум-Фод пропускал через свои руки, а потом пытался продать Риалто.

— Посмотри-ка сюда, Риалто! Да это же настоящее сокровище! Отличный глиняный кувшин! Подумаешь, ручка отвалилась — таких больше не сыщешь днем с огнем.

Риалто согласился.

— Хороший кувшин. Он украсит интерьер твоего дома и принесет тебе немало счастливых минут.

Ум-Фод возбужденно цокал языком.

— Значит, ты ищешь что-то другое?

— Да. Но все же положи кувшин вместе с остальными находками, и быть может, когда-нибудь я

куплю его у тебя.

— Будь так любезен, опиши мне то, что хочешь найти. Если мы будем знать это наверняка, то поиски заметно облегчатся, — медовым голосом попросил Ум-Фод.

— А ты тогда назначишь огромную цену на этот предмет? — с усмешкой спросил маг.

Ум-Фод хищно улыбнулся и заявил:

— Есть и другой выход. Я назначу высокие цены на все, что ты найдешь.

Риалто подумал с минуту и ответил:

— В таком случае, я тоже изменю тактику.

Во время полуденного перерыва маг обратился к работникам.

— Мне очень приятно видеть, что яма углубляется на глазах. Предмет, который мне нужен, должен вот-вот появиться на поверхности, и настало время разъяснить вам, что он из себя представляет. Смотрите внимательно: тот, кто найдет интересующий меня предмет, получит дополнительно десять золотых зикко, помимо платы за работу.

Ум-Фод вставил небольшое замечание:

— Золотые зикко, само собой, заплатит сам Риалто.

— Естественно. Итак, слушайте! Вы готовы?

Маг осмотрел всю группу копателей — казалось, даже глухой Йя-Йимп осознает важность происходящего.

— Мы разыскиваем Священный Фонарь, некогда украшавший прогулочную лодку Короля Туч. Во время ужасного шторма фонарь был сбит дротиком из голубого хрусталя и затонул в море. Итак, тому, кто найдет фонарь, — десять золотых зикко! Тому, кто найдет фрагмент, осколок или хотя бы маленькую призму голубого хрусталя, я заплачу один зикко настоящей монетой, ибо он укажет, что Священный Фонарь где-то рядом. Этот фрагмент, или осколок, или призма отличаются ярким голубым цветом, их надо немедленно принести мне для осмотра. Итак, за работу, и не прозевайте голубой хрусталь — он укажет, что наша цель близка!

Ум-Фод подал работникам сигнал возобновить раскопки.

— Все за лопаты! Шевелитесь! Да не забудьте указания Риалто!

Через несколько минут Ум-Фод отвел Риалто в сторонку и сказал:

— Поскольку мы выяснили, что именно тебя интересует, не мог бы ты уплатить мне очередной взнос в десять золотых зикко, согласно сегодняш-

ним расценкам, и еще пять зикко за работу смотрителя? Всего двадцать зикко, скажем так.

— По-моему, пяти вполне достаточно.

В конце концов, Ум-Фод согласился взять предложенные монеты.

— Я озадачен одной твоей фразой. Ты сказал рабочим, что заплатишь «один зикко настоящей монетой». Что ты имел в виду под словом «настоящей»?

Риалто сделал небрежный жест рукой.

— Это всего лишь манера говорить, своего рода гипербола, если хочешь, чтобы усилить значимость платы.

— Любопытная манера. Тем не менее очень доходчиво… Что такое? Что это там за старик прогуливается по моей земле словно Пулулиас, Друг Дубовой Рощи?

Риалто повернул голову и увидел высокого красивого мужчину с вьющимися волосами орехового цвета, который внимательно наблюдал за раскопками со стороны. Риалто коротко ответил:

— Похоже, я знаю этого джентльмена. Возможно, он зашел выразить нам свое уважение. Эйч-Монкур! Не далеко ли ты зашел от своих владений?

— В некоторой степени, — Эйч-Монкур отвлек-

ся от наблюдений и приблизился к Риалто.

— Дружище Сарсем упомянул, что ты развлекаешься, разыскивая древности в этих краях, а поскольку у меня на сегодня не запланировано никаких серьезных дел, я решил выразить тебе свое почтение. Я смотрю, ты вырыл неплохую яму! Только вот не пойму, украшает ли она здешний ландшафт?

Ум-Фод ворчливо заметил:

— Риалто — знаменитый ученый и занимается древностями. Что же до ландшафта, то все они принадлежат мне.

— Тогда простите мне невольное вторжение. Я по-хорошему завидую вашему богатству! А Риалто и в самом деле известный ученый… Что ж, я, пожалуй, пойду. Приятно было побеседовать с вами обоими.

Эйч-Монкур обогнул домик Ошерла и исчез из вида.

— Что за странный тип! Уж конечно, он не входит в число твоих друзей? — поинтересовался Ум-Фод.

— Просто знакомый.

Из-за деревьев, окружавших дом Ошерла, вдруг поднялся почти невидимый пузырь. Риалто, нахмурившись, наблюдал, как пузырь плавно

приблизился к яме и завис над ней.

— И все же Эйч-Монкур — человек, тонко чувствующий и обладающий многими талантами, — пробормотал Риалто.

— Быстро же он исчез! А я только хотел потребовать плату за проход через свои владения. Что там у нас? — один из рабочих подошел к ним с глиняной чашей.

— Риалто, вот твой фонарь! А я требую свое вознаграждение.

Риалто внимательно осмотрел предмет.

— Это не фонарь, а детская плошка для каши. Должно быть, ее смыло волной во время шторма. Обратите внимание на причудливые картинки, изображенные на плошке. Зажав в когтях маленькую девочку, по небу летит флантик. Да… А хозяйку этой чашки, должно быть, сожрало морское чудовище. А вот лангомир рвет на части другого ребенка прямо на борту корабля. Любопытная находка, но это не фонарь, не голубой хрусталь.

Риалто вручил чашку Ум-Фоду, а затем, подняв взгляд, заметил, что пузырь завис прямо над его головой.

Через час после захода солнца, когда вечерняя заря цвета спелой хурмы еще освещала темнею-

щее небо, Риалто отвел Ошерла в сторону.

— Кто там наблюдает за нами из летающего пузыря? Это Сарсем?

— Всего лишь мэдлинг, который переносит изображение происходящего Эйч-Монкуру, чтобы он мог быть в курсе наших дел.

— Поймай пузырь в сеть и помести в банку — пусть Эйч-Монкур поспит спокойно.

— Как скажешь… Все готово.

— А кто теперь наблюдает за нами и слушает наш разговор?

— Никого. Мы совсем одни.

— Ошерл, почему ты упорствуешь в своем обмане?

Ошерл испуганно спросил:

— Что на этот раз?

— Сегодня в яме нашли глиняную чашку. Ее уронили в Сантунское море эпохой раньше Персиплекса. Я узнал это по строению изображенного на ней корабля, оснастке и анималистическим сюжетам. Это значит, что напластование, в котором должен находиться Персиплекс, уже пройдено, а призмы у нас до сих пор нет! Как ты объяснишь происходящее?

— Странно… Согласен с тобой. Давай-ка заглянем в яму, — предложил Ошерл.

— Принеси фонарь.

Ошерл и Риалто подошли к месту раскопок и уставились вниз, освещая фонарями днище ямы. Ошерл произнес:

— Видишь, вон там? — он указал лучом света на сектор ямы возле самого края, который был выкопан на два фута глубже, чем центральная часть. — В этом секторе нашли чашку. Теперь ты доволен?

— Пока нет. Если этот уровень предшествует Персиплексу, а другие уровни не принесут плодов, то Священная реликвия должна находиться где-то в районе вон той кучки грязи, в самом центре ямы.

— Посмотрим.

— Чего ты ждешь, Ошерл? Спускайся в яму, бери лопату и копай. А я пока подержу фонарь.

Внезапно из темноты возникла фигура человека.

— Ошерл? Риалто? Чего это вы светите своими фонарями в мою яму? Разве это включено в наш контракт? Почему именно в эту ночь вы решили прийти сюда?

— Одна ночь всегда похожа на другую. А тебе что, жалко нескольких глотков свежего воздуха?

— Конечно, нет! А почему это вы вооружились

такими яркими фонарями?

— Как почему? Да на твоей земле все кругом раскопано — тут недолго и шею свернуть. Вот фонари и пригодятся. Будь осторожнее, Ошерл! Свети перед собой! Там поблизости здоровая кочка.

— Осторожность никогда не бывает излишней. Риалто, ты достаточно подышал свежим воздухом?

— Вполне. Спокойной ночи, Ум-Фод.

— Одну минутку! Я хочу получить еще один взнос.

— Ум-Фод, ты всегда так жаден? Вот, возьми. Тут еще пять золотых зикко. Только успокойся.

С утра пораньше Риалто отправился на раскопки и внимательно рассматривал каждую пригоршню поднимаемой из ямы земли. Ум-Фод, заметив, что Риалто стал слишком придирчив, тоже боялся упустить свой гонорар, и когда рабочие доставали очередной предмет, отталкивал Риалто от ямы, чтобы взглянуть первым. Работники, отметив раздражительность Ум-Фода, стали копать все медленнее, и партии грязи доставлялись на поверхность все реже… Ум-Фод, не выдержав, подбежал к краю ямы и хорошенько отругал копателей за нерадивость. Но рабочие

уже отчаялись найти что-либо. Йа-Йимп, жалуясь на озноб и боли в спине, вылез из ямы и отправился в деревню, отказавшись работать на скупого Риалто.

Через некоторое время из деревни прибежал молодой человек и обратился к Риалто:

— Йа-Йимп туговат на ухо и не слышал, что вы обещали золотой зикко за голубой хрусталь. А сегодня он как раз нашел хрустальную призму. Можете отдать вознаграждение мне, его внуку. Йа-Йимп слишком устал, чтобы идти сюда самому, да к тому же занят устройством пира, — внук старика широко улыбнулся и протянул руку.

Риалто строго ответил:

— Я должен осмотреть этот предмет, чтобы удостовериться в его подлинности. Отведи меня к Йа-Йимпу.

— Вряд ли он захочет разговаривать с вами. Дайте мне монету, я отнесу ее деду.

— Ни слова больше! Немедленно в деревню!

Молодой человек неохотно привел Риалто к дому Йа-Йимпа, где подготовка к пиру в честь вознаграждения шла полным ходом. Куски мяса поджаривались над огнем, на столах стояли кувшины с вином. В стороне, на особой платформе, шесть музыкантов играли разнообразные мело-

дии, развлекая гостей.

Когда Риалто приблизился к дому, Йа-Йимп, одетый лишь в узкие брюки, как раз собрался танцевать. Гости зааплодировали, и музыканты начали играть квикстеп. Йа-Йимп вышел вперед и принялся танцевать салтареллу, исполняя головокружительные прыжки вперед и назад. В пылу старик запрыгнул на стол и принялся играть на волынке, весело подпрыгивая. На шее у него, обвязанный кожаным ремешком, висел Персиплекс.

Внезапно Йа-Йимп заметил Риалто и спрыгнул на землю.

Риалто вежливо обратился к старику:

— Я рад, что ваша спина больше не болит.

— Ваша правда! А теперь дайте мне двадцать золотых зикко!

— Обязательно. Позвольте мне сначала осмотреть призму.

Откуда ни возьмись появился Эйч-Монкур.

— Одну минутку! Лучше я возьму этот предмет себе. Вот, сэр, ваши двадцать золотых зикко, — Эйч-Монкур сунул Йа-Йимпу в руки монеты и сорвал у него с шеи Персиплекс, тут же отскочив в сторону.

Риалто собрался погнаться за ним, но маг оста-

новился и воскликнул:

— Стой на месте, Риалто! Я должен удостовериться в подлинности этого объекта! — он поднес призму глазам и заявил:

— Так я и знал: грубая подделка! Риалто, нас опять обманули! — Эйч-Монкур бросил призму на землю и указал на нее своим пальцем; призма разлетелась на сотню голубых осколков…

Риалто в оцепенении уставился на обожженную землю. Эйч-Монкур мягко произнес:

— Ищи хорошенько, Риалто! У тебя неплохо получается! Если найдешь еще одну подделку, обращайся ко мне за советом. Всего хорошего.

На этом Эйч-Монкур исчез так же внезапно, как появился, оставив Йа-Йимпа и его гостей охать от удивления.

Риалто медленно вернулся к раскопкам. Ошерл стоял возле своей хижины, задумчиво глядя на небо. Шалук, скрестив ноги, сидела на коврике возле шатра, поедая виноград. Ум-Фод вприпрыжку бежал к магу.

— Риалто, что там за слухи?

— У меня нет времени на слухи. И все же можешь прекращать работы, — ответил маг.

— Так быстро? А как же Священный Фонарь?

— Я начинаю думать, что это всего лишь миф.

Пора возвращаться к серьезным делам.

— В таком случае, я требую полной оплаты.

— Конечно же. Где твой счет? — ответил Риалто.

— Я не приготовил специального документа. Но всего получается пятьдесят два золотых зикко.

— Что-то слишком много. Ты, часом, не обсчитался?

— Я включил в оплату возможности наслаждаться красотами моей земли днем и ночью; зарплату рабочим за копку и сортировку земли; изменение ландшафта; мой гонорар как наблюдателя и консультанта; а еще…

Риалто поднял руку, прося слова.

— Ты уже сказал достаточно. Со своей стороны я прошу лишь плошку для каши в качестве сувенира.

Мускулы Ум-Фода напряглись.

— Что за шутки? Это же ценный антикварный предмет, и стоит он, по крайней мере, десять золотых зикко!

— Ну, как скажешь.

Ум-Фод разыскал чашку и отдал ее Риалто.

— А теперь давай мои деньги, да не ошибись.

Риалто достал из рюкзака деньги и передал их Ум-Фоду, который с удовлетворением пересчитал

монеты и ссыпал в свой кошель. Поднявшись на ноги, он строго спросил:

— Я понимаю, ты готов освободить помещение и покинуть мою землю?

— Почти немедленно.

— Что ж, прощай, — Ум-Фод подал знак рабочим, и все они отправились в деревню.

Ярко-красное солнце плавно заходило на западе. Когда работы прекратились, земля вокруг казалась опустошенной. Риалто молча созерцал пейзаж. Шалук Выжившая лениво растянулась на кушетке возле шатра. Ошерл стоял на пороге своего жилища, апатично глядя куда-то вдаль.

Риалто глубоко вздохнул и повернулся к Слуге.

— Итак, я жду. Что ты можешь мне сказать?

Глаза Ошерла приобрели осмысленное выражение.

— Ах, да… Я рад, что Йа-Йимп больше не мучается от болей в спине.

— И это все? Я говорю абсолютно серьезно. Тебе что, нечего сказать о Персиплексе?

Ошерл почесал подбородок.

— Разве ты не пришел к соглашению с Йа-Йимпом?

— Какая тебе разница, если он нашел подделку?

— В самом деле? Откуда ты узнал, что призма не настоящая, если даже не держал ее в руках?

Риалто печально покачал головой.

— Мой дорогой друг, ты сам косвенно назвал ее подделкой, когда позволил рабочим найти ее в том же пласте, что и чашку для каши.

— Вовсе нет! Ты же видел, что сектор, в котором нашли чашку, находится на два фута глубже, чем центральная часть ямы, в которой потом отыскали Персиплекс.

— Точно. Это тот же уровень, потому что разные уровни имеют разницу в шесть футов.

— Хм-м. Ты где-то ошибся. Нельзя же, в самом деле, строить теории на одной только чашке.

— Вы с Сарсемом допустили небольшую неточность, хотя я уверен, что вы получили массу удовольствия от своих трюков, посмеиваясь над простачком Риалто и предвкушая его огорчение.

Ошерл, уязвленный, воскликнул:

— Ты снова ошибаешься! Все приготовления совершались, как положено. Чаша могла долго храниться у кого-нибудь, и одновременно с Персиплексом упасть в море. Как ты докажешь мою вину?

— Ошерл, ты говоришь абсурдные вещи. Моя так называемая теория стоит на двух ногах: сна-

чала логические измышления; потом простая наблюдательность. Объект, который ты позволил Йа-Йимпу найти в яме, достаточно похож на Персиплекс, чтобы ввести в заблуждение Эйч-Монкура, но не меня.

Ошерл удивленно моргнул.

— Почему же у тебя такое острое зрение, а Эйч-Монкур так слеп?

— Я не только мудр и беспристрастен; я умен. Эйч-Монкур же может похвалиться лишь животным коварством, едва ли превосходящим твое собственное.

— Я не понимаю тебя.

— Разве у тебя нет глаз? Ведь призма, привязанная ремнем, висела на шее Йа-Йимпа в горизонтальном положении, тогда как настоящий Персиплекс всегда находится в вертикальном положении, чтобы каждый мог свериться с текстом. Эйч-Монкур не обратил на это внимания, и я рад, что он поторопился. Что ты скажешь теперь?

— Я должен подумать.

— Еще два вопроса: первый — у кого настоящий Персиплекс, у тебя или у Сарсема? Второй — каким образом вы с Сарсемом сможете одновременно получить вознаграждение и быть наказанными за вероломство?

— В моем случае первое заметно превосходит второе. Что же до Сарсема, столь преданного Эйч-Монкуру, то я не имею никаких сведений на его счет.

— А Персиплекс?

— А! Такое важное дело я не могу обсуждать с человеком, не имеющим полномочий.

— Что? Ты включаешь меня в эту категорию, когда сам Айделфонс поручил тебе помогать мне? — вскричал Риалто.

— Остаюсь при своем мнении.

— Отлично! Мы изложим факты перед Айделфонсом в Бумергарфе, и я докажу свою правоту… А заодно отмечу твое нежелание помогать мне в поисках Персиплекса, так что зоны пройдут, прежде чем ты получишь еще хоть одно очко.

Ошерл сразу встрепенулся и поспешно заметил:

— Неужели все так серьезно? Тогда я дам тебе намек. Эйч-Монкур и Сарсем разработали план, как подшутить над тобой. Я же, осознав всю серьезность ситуации, позволил Йа-Йимпу найти фальшивый кристалл. Конечно, настоящая призма находится у Сарсема, и потому его вина гораздо больше моей, — Ошерл издал нервный смешок.

Вдруг из шатра выскочила Шалук Утренняя Заря и взволнованно произнесла:

— Я слышу странный шум со стороны деревни… Похоже, люди чем-то сильно разгневаны и двигаются в нашу сторону.

Риалто прислушался и ответил:

— Думаю, золотые зикко Эйч-Монкура превратились в лягушек или желуди, или монеты, которые я заплатил Ум-Фоду, изменились раньше времени… В любом случае нам пора уходить отсюда. Ошерл, мы должны вернуться в Бумергарф минутой позже того момента, когда покинули его.

Глава шестнадцатая

По срочному вызову Айделфонса члены ассоциации магов собрались в Большом Зале Бумергарфа. Отсутствовал лишь Риалто, но никто не упомянул его имени.

Наставник молча восседал в массивном кресле возле кафедры, низко склонив голову, так, что борода падала на лежащие на коленях руки. Остальные маги переговаривались вполголоса, время от времени поглядывая на Айделфонса и размышляя о причине собрания.

Минуты проходили одна за другой, а Наставник все еще не произнес ни слова. Двусторонние беседы в комнате постепенно смолкли, и все уставились на Айделфонса, ожидая объяснений. Наконец он, словно получив чей-то сигнал, заговорил строгим голосом:

— Почтенные маги! Мы собрались здесь по чрезвычайно важному поводу! Вооружившись разумом и мудростью, нам предстоит рассмотреть необычное дело. Причина, по которой я созвал вас на конклав, беспрецедентна. Чтобы предотвратить возможные вторжения в Бумергарф, я создал непроницаемую сеть вокруг Большого Зала. Тут, конечно, есть свои неудобства, но зато никто не сможет помешать нам, никто не сможет также и покинуть собрание — ни отсюда, ни сюда доступа нет.

Хуртианкц со свойственной ему несдержанностью воскликнул:

— К чему такие предосторожности? Я не люблю, чтобы кто-то ограничивал мои передвижения, и требую объяснить, ради чего я должен находиться на положении пленника?

— Я уже сообщил о своих мотивах. Вкратце же — я не желаю, чтобы кто бы то ни было пришел сюда, либо покинул зал до завершения конкла-

ва, — спокойно ответил Айделфонс.

— Хорошо, продолжай. Я постараюсь сдержать нетерпение.

— Предваряя суть дела, я хотел бы обратиться к авторитету Фандаала, Великого Магистра нашего искусства. Его указаниями и предостережениям мы будем пользоваться в рассмотрении сложнейшего вопроса сегодня. Я имею в виду, главным образом, Голубые Принципы.

Эйч-Монкур перебил его:

— Айделфонс, ты, конечно, прав, но не слишком ли затянулась вступительная речь? Пора перейти к сути дела. Я полагаю, ты собрал нас, чтобы заняться перераспределением собственности Риалто. Хотелось бы узнать, что за новые ценности удалось обнаружить, и каково их количество?

— Ты забегаешь далеко вперед, Эйч-Монкур! Но раз уж сделано подобное предположение, вероятно, все присутствующие принесли с собой список имеющихся у них в наличии предметов, ранее принадлежавших Риалто? Все принесли? Нет? Честно говоря, я и не ожидал ничего подобного… Тогда… о чем это я? Ах да, я выразил свое глубочайшее почтение Фандаалу.

— Да! А теперь расскажи нам о новых находках — будь так любезен. Где, кстати говоря, они были

спрятаны? — снова вставил Эйч-Монкур.

Айделфонс поднял руку, требуя тишины.

— Терпение, Эйч-Монкур! Я надеюсь, ты помнишь всю цепочку событий, начиная с того, что Хуртианкц в спешке порвал копию Голубых Принципов Риалто, чем и спровоцировал его апелляцию? — спросил Наставник.

— Я отлично помню. Риалто, как всегда, устроил бурю в стакане воды.

Высокая фигура в черных брюках, узкой черной блузе и низко надвинутой на лоб черной шляпе вышла из тени.

— Мне так не кажется, — произнес человек в черном и снова отошел в тень.

Айделфонс не обратил на него никакого внимания.

— С теоретической точки зрения дело очень интересное. Риалто являлся истцом, а все собравшиеся в этом зале — ответчиками. Риалто выдвинул четкое обвинение: он заявил, что в Голубых Принципах содержится статья, в которой говорится, что любое намеренное уничтожение или повреждение Монстрамента или его заверенной копии является преступлением. За подобное преступление назначено наказание: трехкратное возмещение убытков от конфискации как мини-

мум и полная конфискация имущества виновных как максимум. Таково было требование Риалто, и он принес поврежденную копию как свидетельство преступления и кодекс одновременно.

Ответчики, возглавляемые Эйч-Монкуром, Хуртианкцом, Гилгэдом и другими, отвергли претензии Риалто и обвинили его самого в совершении преступления, которое также могло повлечь за собой тяжкие последствия. Чтобы доказать свою правоту и вину Риалто, Эйч-Монкур и остальные отправились на холм Священной Реликвии, где изучили подлинный Монстрамент.

Эйч-Монкур утверждал — и якобы нашел подобную статью в законе, — что любая попытка представить свидетелям поврежденную копию Монстрамента, либо ссылаться на содержащиеся в ней статьи, является преступлением.

Таким образом, Эйч-Монкур и его сторонники заявили, что, предъявив на собрании поврежденную копию и ссылаясь на нее, Риалто совершил преступление, должен подвергнуться суду, а его претензии на незаконность конфискации отметаются сами собой. Они утверждали, что вина Риалто заслуживает исключения его из списков членов ассоциации магов.

Айделфонс сделал паузу и обвел взглядом всех

присутствующих.

— Я правильно излагаю события?

— Вполне. Сомневаюсь, что кто-то станет возражать. Риалто давно был у нас как кость в горле, — ответил Гилгэд.

Вермулиан добавил:

— Я не требую для Риалто Заброшенной Капсулы[13]. Пусть он доживает свой век в теле саламандры или ящерицы где-нибудь на реке Ганг.

Айделфонс прокашлялся.

— Прежде чем выносить Риалто обвинительный приговор, следует разобраться в некоторых чрезвычайно странных обстоятельствах. Прежде всего позвольте мне спросить: кто из вас сверился с собственной копией Голубых Принципов в связи с делом Риалто? Как? Никто?

Неженка Лоло весело хихикнул.

— А разве это так уж необходимо? В конце концов не с этой ли целью мы зря слетали на холм Священной Реликвии.

— Совершенно верно. Но я не могу оставить без внимания инцидент с порванной копией Риалто,

---

[13] Примечания: 13

Заклинание Заброшенной Капсулы подразумевает заключение виновного в герметичную капсулу и отправку ее на сорок пять миль от поверхности Земли.

и она интересует меня не меньше, чем наша поездка на холм, — ответил Айделфонс.

— Это все же твои личные впечатления. А теперь, Айделфонс, надо бы покончить с…

— Одну минуту! Во-первых, я хочу сказать, что сверился с собственной копией Монстрамента, и она в точности совпадает с копией Риалто, — перебил его Наставник.

В комнате воцарилась тишина. Маги пребывали в недоумении. Внезапно Хуртианкц сделал нетерпеливый жест и воскликнул:

— К чему все эти тонкости? Риалто, несомненно, совершил преступление и должен быть наказан. Персиплекс лишь подтверждает его вину. Что еще можно сказать?

— Только одно! Как заметил наш уважаемый коллега Эйч-Монкур, остались еще мои личные впечатления. Возможно ли, что Прошлой ночью все мы стали жертвами галлюцинации? Как вы, возможно, помните, на холме Священной Реликвии мы обнаружили, что текст Монстрамента проецировался на экран в зеркальном отражении. Все мы хорошо знаем, что настоящий Персиплекс всегда находится в одном положении и не может искажать начертанные на нем статьи документа.

Снова фигура человека в черном вышла из тени.

— Настоящий Персиплекс не может находиться в иной позиции! Не забывайте этого!

Призрак опять ушел в тень, и снова на его реплику никто не обратил внимания.

Эйч-Монкур заметил:

— Возможно ли, чтобы целая группа опытных магов стала жертвой галлюцинации? Я вынужден не согласиться с тобой.

— Я тоже! Никакой галлюцинации не было! — вскричал Хуртианкц.

Наставник возразил:

— Тем не менее, пользуясь своими правами Наставника, я приказываю всем занять места в моей вертушке, также защищенной от проникновения извне, и мы отправимся на холм Священной Реликвии, чтобы раз и навсегда покончить с этим делом.

— Как тебе будет угодно. Но к чему все эти уловки с сетями и экранами? А что, если кому-то из нас срочно понадобится отправиться домой по неотложному делу? — спросил Неженка Лоло.

— Придется потерпеть некоторое время. Сюда, пожалуйста.

Глава семнадцатая

Вертушка легко взмыла в воздух и полетела на юг через Асколэс к изумрудным холмам, держа курс к самому высокому из них. После плавного приземления от нее отделилась шестигранная сеть, предотвращающая возможное проникновение посторонних существ, не позволявшая даже магам покинуть холм по своему усмотрению.

— Не стоит давать демонам возможности ввести нас в заблуждение, — пояснил Айделфонс.

Окруженные сетью маги вошли в святилище. Персиплекс, как всегда, стоял на подушке из черного шелка. Возле него в кресле сидело человекообразное существо с белой кожей и прозрачными глазами. Вместо волос у него на голове росли розовые перья.

— А! Сарсем! Как служба? Никто не беспокоил? — сердечно поинтересовался Айделфонс.

— Все в полном порядке, — мрачно ответил Слуга.

— Никаких сложностей? Никто тебя не беспокоил с тех пор, как мы виделись в последний раз? Ты уверен?

— Я абсолютно уверен, что все идет хорошо.

— Что ж, я рад это слышать! А теперь давайте-ка обратим внимание на проекцию Персиплекса. Возможно, в прошлый раз мы были невнимательны, так что теперь надо постараться не сделать ошибок. Сарсем, покажи нам текст документа!

На экране вспыхнула проекция Голубых Принципов. Айделфонс удовлетворенно хмыкнул.

— Отлично! Как я и говорил, в прошлый раз мы все пали жертвами заблуждения — даже уверенный в себе Хуртианкц, который сейчас читает Монстрамент в третий раз. Хуртианкц! Будь так добр, прочти этот отрывок вслух!

Хуртианкц бесстрастно произнес:

— Всякий, кто по злому умыслу намеренно уничтожит, внесет изменения либо по-своему истолкует статьи Монстрамента, повинен в преступлении, равно как и его возможные сообщники. Все они понесут наказание согласно Статье Д. Статья гласит, что за подобное преступление виновному грозит кара, подробно описанная в Разделе Г.

Айделфонс повернулся к Эйч-Монкуру, стоявшему с выпученными глазами и отвисшей челюстью.

— Итак, ты был прав, Эйч-Монкур! Теперь мы все смогли убедиться в истинности твоих слов.

Эйч-Монкур неуверенно пробормотал:

— Да, похоже, что так.

Нахмурив брови, он смерил Сарсема долгим пронзительным взглядом, но Слуга не поднял глаз.

— Теперь, когда все ясно, мы можем вернуться в Бумергарф и продолжить рассмотрение дела, — заявил Айделфонс.

Эйч-Монкур попытался возразить:

— Я плохо себя чувствую. Убери, пожалуйста, сеть, чтобы я мог вернуться в свое имение.

— Это невозможно. Все должны присутствовать на собрании. Как ты знаешь, мы пытаемся разобраться с делом Риалто, — ответил Наставник.

— Но дело Риалто можно считать завершенным! Продолжение уже бессмысленно. Нам надо отправиться по домам и заняться собственными делами! — воскликнул Бизант.

— Все в Бумергарф! Я не потерплю дальнейшего неповиновения! — прогремел Айделфонс.

Сдерживая возмущение, маги вновь заняли свои места в вертушке, и весь обратный путь никто не проронил ни слова. Трижды Эйч-Монкур поднимал палец, желая обратиться к Наставнику, но каждый раз что-то мешало ему сделать это.

В Бумергарфе маги неохотно вошли в Большой

Зал и расселись по местам. В тени по-прежнему стоял человек в черном.

Айделфонс заговорил:

— А теперь мы рассмотрим сведения, добытые Риалто, и его возражения по делу. У кого-нибудь есть возражения?

Ответом ему была тишина.

Наставник повернулся к человеку в черном.

— Риалто, что ты можешь нам поведать?

— Я вынес встречное обвинение Хуртианкцу и его компании и теперь ожидаю решения.

Наставник произнес:

— Присутствующие разделились на две группы: Риалто, истец, и ответчики — все остальные. В таком случае мы можем лишь обратиться за помощью к Голубым Принципам, содержание которых не подлежит обсуждению. Риалто, как Наставник я заявляю, что ты полностью доказал свою невиновность и теперь имеешь право требовать возвращения имущества и справедливой компенсации морального ущерба.

Риалто вышел вперед и взошел на кафедру.

— Я одержал тяжелую и безрадостную победу, ибо сражался с людьми, которых считал в большей или меньшей степени своими друзьями.

Маг обвел взглядом комнату. Немногие встре-

тились с ним глазами. Ровным голосом он продолжил:

— Победа далась мне нелегко. На пути к ней пришлось тяжело потрудиться, познать горечь разочарований. Тем не менее я не намерен злорадствовать. Есть лишь одно требование — вернуть мне всю собственность, конфискованную в Фалу, и по одному камню Иона от каждого члена ассоциации в качестве компенсации морального ущерба. Все выше сказанное не относится лишь к одному человеку.

Эо Хозяин Опалов произнес:

— Риалто, ты мудр и благороден. Действительно, своей победой ты не приобрел всеобщей любви. Как я заметил, Хуртианкц и Зилифант скрежещут зубами от злости. И все же ты не нажил новых врагов. Я признаю свою ошибку и готов вернуть тебе все имущество и один камень Иона в качестве компенсации. Надеюсь, остальные последуют моему примеру.

Эшмаил воскликнул:

— Отличная речь, Эо! Я полностью разделяю твое мнение. Риалто, а кто тот единственный человек, которого ты имел в виду, говоря, что не примешь его извинений?

— Я говорил об Эйч-Монкуре, ибо его поступки

невозможно простить. Посягнув на Монстрамент, он нанес всем нам серьезное оскорбление. Вы стали его жертвами, равно как и я.

Эйч-Монкура следует лишить изученной им магии, а также способностей к ее постижению. Этот акт осуществит Айделфонс, наш Наставник. Эйч-Монкур, которого вы видите сейчас, уже не тот человек, что стоял здесь час назад, а Айделфонс уже призвал своих Слуг. Они отправят провинившегося мага в местную кожевенную мастерскую, где ему подыщут занятие по способностям. Я же намерен завтра вернуться в Фалу, где постараюсь скорее забыть о пережитом.

Глава восемнадцатая

Шалук Утренняя Заря сидела на берегу реки Тэссы под сенью одной из многочисленных осин, росших тут и там и затенявших дом Риалто. Маг, приведя в порядок хозяйство, вышел на улицу и присоединился к девушке.

Он сел возле нее на траву, потом улегся на спину и молча наблюдал за плывущими над головой облаками. Незаметно повернув голову, он изучал сначала тонкий профиль Шалук, потом нежные изгибы ее фигуры. Сегодня на девушке были

надеты песочного цвета брюки, подвязанные ленточками, на икрах, черные тапочки, белая блузка и черная накидка. Блестящие черные волосы обвивала шелковая красная лента. Риалто подумал, что в свое время она была «Избранной», Лучшей из Лучших. А теперь?

Девушка почувствовала на себе его взгляд и обернулась.

Маг произнес:

— Шалук Выжившая, Утренняя Заря, что же мне с тобой делать?

«Избранная» снова погрузилась в созерцание темной речной воды.

— Я тоже хотела бы знать, что мне с собой делать.

Риалто изумленно поднял брови:

— Наша эра — последняя из известных на земле, может быть, и не самая безоблачная. И все же, ты ничего не хочешь; у тебя нет врагов; ты вольна идти, куда заблагорассудится. Что же тебя тревожит?

Шалук вздрогнула.

— Я не хочу показаться придирчивой, однако… Ты обращался со мной очень благородно, был щедр и внимателен. Но я здесь совсем одна. Наблюдая за вашим коллоквиумом, я представила

себе стаю крокодилов, греющихся на солнышке у берегов Киука.

Риалто поморщился:

— Я тоже походил на крокодила?

Шалук, погрузившаяся в свои мысли, оставила его замечание без внимания.

— При дворе Восходящей на Востоке Луны я была «Избранной», Лучшей из Лучших! Самые благородные мужчины оспаривали честь поцеловать мою руку. Когда я проходила мимо, запах моих духов вызывал у них страстные вздохи и восторженные восклицания. Здесь меня воспринимают как Худшую из Худших. Никому нет дела, пахну ли я духами или коровьим навозом. Я стала мрачной и преисполнилась сомнений. Неужели я так слаба, скучна и некрасива, что сею безразличие повсюду, куда бы ни пошла?

Риалто снова улегся на спину и смотрел на небо.

— Абсурд! Мираж! Сумасшествие!

На лице Шалук появилась грустная полуулыбка.

— Если бы ты относился ко мне недостойно и заставлял исполнять свои капризы, у меня оставалась хотя бы гордость. А твое благородное обхождение не оставляет мне даже этого.

Риалто наконец обрел дар речи.

— Ты самая недогадливая из всех девушек! Сколько раз мои руки тянулись к тебе, сколько раз я дрожал от желания заключить тебя в объятия, но всегда сдерживал себя, чтобы ты могла чувствовать себя в безопасности! А теперь ты обвиняешь меня в бессердечности и называешь крокодилом! Мое любовное томление ты принимала за старческое бессилие. Это я должен обижаться на тебя.

Вскочив на ноги, Риалто подошел ближе к Шалуки, сев возле нее, взял девушку за руки.

— Самые красивые женщины обычно бывают и самыми жестокими! Даже сейчас ты подвергаешь меня изощренной пытке.

— Да? Скажи мне, каким образом, чтобы я могла сделать это снова.

— Ты расстраивалась, что на меня не действуют твои чары. Но, если разобраться, не меньше ли пострадала бы твоя гордость, если на моем месте оказался бы Неженка Лоло, Зилифант или хотя бы Бизант? Но то был я, Риалто, казавшийся преступно безразличным. Я сам теперь страдаю от собственного тщеславия. Ну, разве тебе не жаль меня? Неужели ты не осчастливишь бедного Риалто даже взглядом?

Шалук, наконец, не выдержала и улыбнулась.

— Риалто, вот что я тебе скажу: если бы на твоем месте оказался Неженка Лоло, Зилифант, Бизант или кто-либо другой, я не сидела бы с ним на берегу, прижавшись так тесно.

Риалто с облегчением вздохнул. Он притянул девушку ближе, глядя в глаза.

— Теперь, когда ты знаешь причину моего безразличия, не кажется ли Двадцать Первый Эон менее мрачным?

Шалук медленно повернула голову в сторону садящегося за Тэссой солнца и ответила:

— Если только чуть-чуть. А что, если солнце потухнет прямо сейчас?

Риалто встал на ноги и помог подняться Шалук.

— Кто знает? Оно вполне может просветить еще добрую сотню лет!

Девушка вздохнула и произнесла:

— Посмотри, как оно мигает! По-моему, солнце порядком устало. А может, оно просто радуется предстоящей бессонной ночи.

Риалто прошептал ей на ухо, что их ночь тоже будет бессонной. В ответ Шалук мягко, но настойчиво потянула его за руку, и оба они медленно зашагали обратно в Фалу.

Часть третья
Морреон
Глава первая

Демон Ксексамед, выкапывая корни, содержащие драгоценные камни, в Зачарованном Лесу, скинул плащ, разогревшись от усилий. Однако сверкание голубых чешуек на теле демона не осталось без внимания Херарда Вестника и чернокнижника Шру. Украдкой приблизившись к демону, они изготовились поймать его. Создав пару прочных сетей, они пленили демона.

С большими трудностями, постоянно подвергаясь угрозам, выпадам и попыткам нападения со стороны Ксексамеда, маги доставили его во дворец Айделфонса, где уже собрались остальные члены ассоциации магов.

Айделфонс долгое время исполнял роль Наставника, и теперь именно он начал допрашивать плененного демона. Прежде всего маг решил узнать его имя.

— Меня зовут Ксексамед, как ты отлично знаешь, старина Айделфонс!

— Да. Теперь я узнаю тебя, хотя в последний

раз созерцал твой зад, когда мы отправили тебя на Джанк. Осознаешь ли ты, что, вернувшись на землю, подвергнешься казни?

— Ты не прав, Айделфонс, поскольку я больше не демон. Заявляю, что вернулся к состоянию обыкновенного человека. Даже бывшие друзья теперь презирают меня.

— Очень хорошо. Тем не менее запрет был нарушен. Где же ты теперь проживаешь?

Ксексамед почувствовал, что Наставника не особенно интересует ответ на данный вопрос, и уклончиво сказал:

— То здесь, то там. Я наслаждаюсь сладким воздухом Земли, таким приятным после химических испарений Джанка.

Айделфонсу нелегко было заговорить зубы.

— Что же ты привез с собой? В особенности, как много камней Иона?

— Давай поговорим о чем-нибудь другом. Я собираюсь влиться в круг местной знати и, как будущий товарищ всем присутствующим, нахожу эти сети унизительными, — заметил Ксексамед.

Импульсивный Хуртианкц прорычал:

— Хватит пустой болтовни! Говори о камнях Иона!

— Ну я привез с собой несколько таких побря-

кушек, — с достоинством ответил демон.

— И где же они?

Ксексамед обратился к Айделфонсу:

— Прежде чем я отвечу, могу ли я узнать ваши намерения относительно моего будущего?

Айделфонс принялся теребить бороду, устремив взгляд на огонек свечи.

— Твоя судьба зависит от многих факторов. А пока я предлагаю тебе предъявить нам камни Иона.

— Они спрятаны в подвале моего дома, — неохотно сознался демон.

— Который находится?..

— На дальней окраине Зачарованного Леса.

Риалто Великолепный вскочил на ноги и воскликнул:

— Ждите здесь! Я проверю, не лжет ли он!

Колдун Гилгэд поднял обе руки в знак протеста.

— Не так быстро, Риалто! Я отлично знаю эти места! Лучше пойду я!

Айделфонс нейтральным тоном сказал:

— Я предлагаю послать комиссию, состоящую из Риалто, Гилгэда, Муна Философа, Хуртианкца, Килгаса, Эо Хозяина Опалов и Барбаникоса. Они отправятся к дому демона и принесут сюда

контрабанду. Мы не будем продолжать расследование до их возвращения.

Глава вторая

Все добро, найденное в доме Ксексамеда, включая тридцать два камня Иона, разложили на огромном столе в Большом Зале дворца Айделфонса: сферы, эллипсоиды, веретенца, каждый предмет размером с маленькое перышко издавал внутреннее свечение. Сеть не позволяла им разлететься в стороны подобно пузырям иллюзий.

— Вот теперь у нас есть база для дальнейшего расследования. Ксексамед, каков источник всех найденных у тебя вещей? — спросил Наставник.

Ксексамед в недоумении поднял свои длинные черные перья, словно и сам не знал, откуда что взялось. Туман Зачарованной Воды и Барбаникос держали концы сети, сдерживающей демона, и не позволяли ослабнуть петле аркана. Ксексамед поинтересовался:

— Так что же случилось с неукротимым Морреоном? Он не восстановил свои знания?

Айделфонс удивленно поднял брови.

— Морреон? Я почти забыл это имя… Каковы были обстоятельства дела?

Херард Вестник, знавший легенды двадцати эонов, ответил:

— После того как демоны были повержены, с ними заключили договор. Им сохранили жизни в обмен на разглашение источника камней Иона. Доблестный Морреон получил задание узнать местонахождение камней, и с тех пор никто ничего не слышал о нем.

— Его детально проинструктировали. Хотите убедиться — найдите и спросите у самого Морреона! — обиженно заявил Ксексамед.

— Почему он не вернулся? — спросил Наставник.

— Не могу сказать. Кто-нибудь еще стремится узнать источник камней? Я с удовольствием снабжу его всеми инструкциями.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Затем Айделфонс предложил:

— Гилгэд, что ты скажешь по этому поводу? Ксексамед согласен повторить процедуру.

Гилгэд поджал свои коричневые губы и заявил:

— Для начала я хотел бы услышать описание процедуры.

— Охотно. Только позвольте мне свериться со статьями договора, — демон подошел ближе к

столу, на котором лежали конфискованные у него предметы, притянув за концы сетей Барбаникоса и Туман Зачарованной Воды. Внезапно он отскочил назад и, воспользовавшись ослаблением веревок, схватил Барбаникоса за руку, сотворив гальванический импульс. Из ушей мага посыпались искры, он подпрыгнул и упал в обморок. Ксексамед резким движением вырвал второй конец сети из рук Тумана и, прежде чем кто-либо успел помешать, вылетел из Большого Зала.

— За ним! Он не должен уйти! — взревел Айделфонс.

Маги отправились в погоню за демоном. Они летели через холмы Скаума, вдоль Зачарованного Леса, словно гончие псы за лисицей. Ксексамед скрылся в Зачарованном Лесу и сразу же выскочил обратно, но маги, ожидавшие подобной уловки, не попались на его трюк.

Покинув лес, Ксексамед приблизился к усадьбе Риалто и укрылся где-то возле авиария. Женщина-птица забила тревогу, и слуга Риалто, старый Фанк, отправился разузнать, в чем дело.

Гилгэд выследил Ксексамеда и воспользовался чрезвычайно сильным заклинанием Мгновенного Электрического Разряда. Оно не только настигло демона, но и разрушило заодно авиарий

Риалто, разбило антикварные ворота и заставило беднягу Фанка отплясывать на газоне замысловатый танец, выбивая из-под ног голубые искры.

Глава третья

Риалто обнаружил на двери своей усадьбы приколотый шипом липовый лист. Маг подумал, что это проделки ветра, и отбросил лист в сторону. Новый слуга, Пуирас, случайно поднял его с земли и хриплым голосом прочитал надпись:

«Ничто угрожает Морреону».

— Что там говорил Херард относительно Морреона? — пробормотал Риалто. Он взял листок у слуги и некоторое время молча изучал его.

— Безвозмездное предупреждение.

Выбросив лист, маг отдал Пуирасу последние указания:

— В полдень приготовь еду для Минускулов — бобы и чай. На закате подашь паштет из моллюсков. Отполируй кафель в большом зале — не пользуйся песком, а то опять поцарапаешь плитки. Затем очисти от мусора газон у развалин авиария. Можешь взять эолы, но будь осторожен; дуй только в желтую свирель. Черная вызывает ураган, а у нас и так достаточно разрушений.

Приберись в авиарии; собери отдельно все, что еще может пригодиться; будь осторожен с найденными трупами. Все понятно?

Пуирас, худощавый мужчина с костлявым лицом и длинными черными волосами, мрачно кивнул.

— Все, кроме одного. Когда я покончу с этими делами, что еще предстоит сделать?

Риалто, завязывая золотые латные рукавицы, пристально посмотрел на слугу. Глупость? Усердие? Нахальство? На лице Пуираса не было ключа к разгадке, и Риалто ответил ровным голосом:

— Когда ты закончишь со всеми делами, можешь распоряжаться временем по своему усмотрению. Не притрагивайся к магическим предметам; ради собственной безопасности не листай книги, тетради и не заглядывай в свитки. Если сказать коротко — будь осторожен.

— Хорошо.

Риалто водрузил на голову черную шелковую шляпу, накинул на плечи один из тех роскошных плащей, благодаря которым его прозвали Великолепным.

— Я собираюсь посетить Айделфонса. Как только я выйду за ворота, произнеси пограничное заклинание и не снимай его до моего прихода.

Если я задержусь — снимешь на закате солнца, если все будет в порядке.

Даже не пытаясь выяснить, что означает хмыканье Пуираса, Риалто отправился к северному порталу, стараясь не смотреть в сторону некогда прекрасного авиария. Когда он проходил под северными воротами, Пуирас произнес заклинание, заставив Риалто рвануться вперед, едва не потеряв шляпу. Тупость Пуираса казалась логическим звеном в цепи обрушившихся на мага неприятностей, причиной которых был Ксексамед. Авиарий разрушен, антикварные ворота разбиты, старина Фанк мертв! Что-то же должно компенсировать такое количество неприятностей!

Глава четвертая

Айделфонс проживал во дворце у реки Скаум: дворец представлял собой огромное и сложное архитектурное сооружение с сотней башенок, балкончиков, висячих садов и террас. В последние годы Двадцать Первого Эона, когда Айделфонс занимал пост Наставника, во дворце кипели страсти. Сейчас только одно крыло гигантского здания было жилым, остальные помещения оста-

вили вековой пыли, клопам и привидениям.

Айделфонс встретил Риалто у бронзового портала.

— Мой дорогой коллега, ты, как всегда, великолепно выглядишь! Даже в такой торжественный день, как сегодня! Я же чувствую себя так, будто одет в обноски! — Наставник отступил на шаг назад, чтобы лучше рассмотреть точеные черты лица Риалто, отличный черный плащ и штаны из розового бархата, блестящие сапоги мага. Сам Наставник, как и в большинстве случаев, предстал в облике мудрого доброго старика с лысеющей головой, бледно-голубыми глазами, желтой нечесаной бородой и полной фигурой — облик, который ему не позволяло изменить тщеславие.

— Входи же! Ты, как всегда, пришел последним! — заметил Айделфонс.

Маги проследовали в Большой Зал, где уже собрались четырнадцать волшебников: Зилифант, Пэргастин, Херард Вестник, Туман Зачарованной Воды, Эо Хозяин Опалов, Эшмаил, Килгас, Бизант Некромант, Гилгэд, Вермулиан Путешествующий По Сновидениям, Барбаникос, чернокнижник Шру, Мун Философ, Хуртианкц. Наставник произнес:

— Последний участник нашей ассоциации прибыл: Риалто Великолепный, в чьих владениях пытался укрыться демон!

Риалто снял шляпу, поприветствовав собравшихся. Некоторые ответили на его приветствие; другие — Гилгэд, Бизант Некромант, Мун Философ, Килгас — просто холодно посмотрели на прибывшего мага через плечо.

Айделфонс взял Риалто под руку и отвел в буфет. Риалто принял бокал отличного вина, предварительно проверив его с помощью своего амулета.

Поморщившись, Наставник недовольно произнес:

— С вином все в порядке. Разве тебя хоть раз отравили в моем доме?

— Нет, но обстоятельства редко складывались столь неблагоприятно для меня, как сегодня.

Айделфонс удивленно воскликнул:

— Обстоятельства благоприятствуют нам! Мы победили врага, его камни Иона принадлежат нам!

— Верно, но не забывай, что я понес серьезный ущерб! Теперь я требую возмещения убытков, хотя мои недруги наверняка будут рады лишить меня компенсации.

— Спокойно, Риалто! Давай поговорим без колкостей. Как идет отстройка новых ворот? Как там Минускулы?

— Строительство продвигается. Что до Минускулов, то их вкусы несколько вульгарны. Только за эту неделю их повар потребовал две унции меда, четверть пинты Мизерико, полторы драхмы солодового напитка, и все это вдобавок к бисквиту, маслу и ежедневному рациону, включающему мой лучший паштет из моллюсков.

Айделфонс сочувственно покачал головой.

— Они становятся все более расточительными, а кому оплачивать счет? Нам с тобой. Так устроен мир…

Наставник отвернулся, чтобы наполнить бокал толстяка Хуртианкца.

— Я провел расследование и обнаружил, что Ксексамед годами жил у нас под носом. Похоже, он стал ренегатом, и так же нежеланен на Джанке, как и на Земле, — мрачно произнес Хуртианкц.

— Он и сейчас может быть поблизости. Кто-нибудь нашел его тело? Никто! Туман утверждает, что электричество для демона все равно что вода для рыбы, — заметил Айделфонс.

— Совершенно верно, — поддакнул Туман За-

чарованной Воды, человекоподобный сгусток тумана с горящими глазами-бусинами.

— В таком случае ущерб, нанесенный моей собственности, и вовсе не оправдан! Я требую компенсации до того, как мы продолжим обсуждение! — вскричал Риалто.

Хуртианкц нахмурил брови.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Все очень просто. Я понес серьезные убытки; необходимо восстановить баланс. Я намерен требовать камни Иона.

— Вряд ли кто-то поддержит твои требования, — заметил Хуртианкц.

— Но требуй, если хочешь, — язвительно заметил Туман Зачарованной Воды.

Мун Философ выступил вперед.

— Демон наверняка еще жив, и нам не стоит ссориться по пустякам.

Эшмаил спросил:

— Мы действительно не знаем, мертв ли демон. Вот, взгляните! — он вынул из кармана липовый листок. — Я обнаружил его дома на диване. Тут написано: «Ничто угрожает Морреону».

— Я тоже нашел такой лист! — заявил Туман.

— И я! — добавил Хуртианкц.

— Как же быстро проносятся века! Один за

другим, один за другим! То были славные дни — мы отправили демонов, словно стаю летучих мышей, на Джанк! Бедняга Морреон! Я частенько размышлял, что же с ним сталось, — пробормотал Айделфонс.

Эшмаил уставился на липовый листок.

— «Ничто угрожает Морреону» — написано здесь. Возможно, ему действительно грозит какая-нибудь опасность?

— Это же ясно как день. Морреон отправился на поиски источника камней Иона; он нашел его, а теперь ему ничто не угрожает, — проворчал Гилгэд.

— Может и так. Мы не можем знать наверняка, — заявил Айделфонс.

— Во всяком случае, не думаю, что это повод для беспокойства. Я хочу снова обратить ваше внимание на понесенный мною ущерб и требую возмещения в камнях Иона. Это официальное заявление, — произнес Риалто.

— Твое заявление вполне рационально. Хотя, вообще-то, каждый должен внести свой вклад соответственно нанесенному Риалто ущербу. Я не вношу свое предложение официально лишь потому, что именно мое заклинание попало в демона и разрушило авиарий Риалто, — заметил

Гилгэд.

Эо Хозяин Опалов резко заметил:

— Это всего лишь казуистическое предположение, на которое не стоит обращать внимания. Тем более что некие благоприятствующие силы позволили Ксексамеду спастись!

Дискуссия продолжалась целый час. Наконец формула, предложенная Айделфонсом, была выдвинута на голосование и одобрена пятнадцатью голосами против одного. Имущество, принадлежавшее демону Ксексамеду, подверглось детальному осмотру. Каждый маг писал на листочке названия предметов, которые хотел бы получить. Затем предполагалось, что в порядке лотереи Айделфонс, собрав листы, станет вытаскивать их по одному и распределять имущество демона. Риалто, в качестве компенсации за нанесенный ущерб, разрешалось после пятого листа самому выбрать что угодно. Ту же привилегию получил Гилгэд, но после десятого.

Риалто попытался возражать:

— Какая мне польза от свободного выбора после пяти листов? У демона нет ничего ценного, кроме камней Иона, корней, трав и пары безделушек.

Никто не обратил внимания на его жалобы. Айделфонс раздал листы бумаги; каждый маг

написал, что именно он хотел бы получить; Айделфонс собрал листы и прочитал написанное.

— Похоже, что все присутствующие остановили свой выбор на камнях Иона.

Глаза магов были прикованы к лежащим на столе камням; драгоценности поблескивали и мерцали бледным молочным светом.

— Таким образом, решение будет принято в порядке лотереи.

Наставник поставил перед собой глиняный горшочек и положил рядом шестнадцать дисков из слоновой кости.

— Каждый сделает пометку на одном из дисков, после чего опустит его в горшок. Вот таким образом, — Айделфонс пометил один диск и кинул его в посудину. — Когда все сделают то же самое, я позову слугу, и он вытащит один диск наугад.

— Одну минуту! Я чувствую что-то неладное. Оно среди нас! — воскликнул Бизант.

Айделфонс повернулся к чувствительному Бизанту и вопросительно посмотрел на него, недовольный тем, что его отвлекли.

— Что ты имеешь в виду?

— Я ощущаю некое противоречие, дисгармонию; нечто странное находится среди нас; нечто, чего не должно быть.

— Кто-то невидимый расхаживает здесь! Айделфонс, смотри за камнями! — вскричал Мун Философ.

Айделфонс внимательно вглядывался в затененные углы старого зала, затем сделал секретный знак и указал пальцем в один из углов.

— Призрак, ты здесь?

Мягкий печальный голос ответил:

— Я здесь.

— Отвечай, что за невидимка расхаживает среди нас?

— Забытые тени прошлого. Я вижу их лица: это даже не призраки, это призраки умерших духов… Они мелькают тут и там, смотрят и идут дальше.

— А как насчет живых существ?

— Я не вижу живой плоти, пульсирующей крови или бьющегося сердца.

— Будь на страже и смотри внимательно.

Айделфонс повернулся к Бизанту:

— Что теперь?

Бизант ответил мягким голосом, чтобы выразить всю деликатность своего предложения:

— Среди всех присутствующих я один обладаю повышенной чувствительностью, а значит, больше других заслуживаю чести хранить у себя камни Иона.

— Продолжим жеребьевку! Бизант не может претендовать на камни! — воскликнул Хуртианкц, присоединившись к всеобщему возгласу возмущения.

Айделфонс позвал девушку из прислуги.

— Не волнуйся. Ты должна перемешать диски в горшочке, а потом вытащить один наугад и положить его на стол. Ты поняла?

— Да, Лорд Маг.

— Тогда приступай.

Девушка подошла к столу и протянула руку к горшочку. В этот самый момент Риалто задействовал заклинание Остановки Времени, которое заранее заготовил на такой случай.

Время остановилось для всех, кроме Риалто. Он осмотрел сидящих в комнате магов, застывших в различных позах, девушку, склонившуюся над столом, Айделфонса, смотрящего на ее руку.

Не торопясь, Риалто пересек зал и приблизился к камням Иона. Можно было прямо сейчас завладеть ими, но тогда все маги ополчились бы против него, и возник большой скандал. Имелся менее опасный вариант. Внезапно что-то шелохнулось в дальнем углу комнаты, хотя заклинание исключало такую возможность.

— Кто двигается? — спросил Риалто.

— Я, — прозвучал голос призрака.

— Время остановлено. Ты не должен двигаться, говорить, смотреть и понимать.

— Есть время, нет времени — мне все равно. Я осознаю каждое мгновение.

Риалто пожал плечами и повернулся к урне с дисками. Перевернув горшок, маг с удивлением обнаружил, что на всех дисках стоит метка Айделфонса.

— Ага! Хитрый обманщик выбрал предыдущее мгновение для замены надписей! Что ж, когда все завершится, мы будем лучше знать друг друга! — воскликнул Риалто.

Он поочередно стер значки Айделфонса с дисков и написал на всех свое имя, после чего вернул диски в урну.

Заняв свое место, Риалто снял заклинание.

Звуки мягко заполнили комнату. Девушка опустила руку в горшочек, перемешала диски и вытащила один, положив его на стол. Риалто и Айделфонс склонились над ним. Возникла еле заметная вспышка, надпись на диске задрожала и изменилась на глазах.

Айделфонс поднял диск и удивленно произнес:

— Гилгэд!

Риалто кинул на Гилгэда возмущенный взгляд,

но тот сделал вид, что не понял намека. Гилгэд тоже остановил время, но сделал это в тот момент, когда девушка уже положила диск на стол.

Айделфонс неестественно громко сказал ей:

— Ты можешь идти.

Когда она покинула комнату, Наставник выложил все диски на стол: на каждом стояло по имени одного из присутствующих. Айделфонс принялся нервно теребить бороду, потом нерешительно произнес:

— Похоже, Гилгэд выиграл камни Иона.

Гилгэд вдруг подскочил к столу и издал ужасный крик.

— Камни! Что с ними случилось? — он недоуменно смотрел на лежащие драгоценности. Исчез бледный молочный свет — теперь камни просто вульгарно блестели. Гилгэд взял один из них и с силой бросил на пол. Камень разлетелся на мелкие осколки.

— Это не камни Иона! Возмутительное коварство!

— Похоже, ты прав. Очень странно… — протянул Айделфонс.

— Я требую свои камни! Отдайте их мне немедленно, или я обрушу на всех присутствующих заклинание Неимоверной Боли! — взревел Ги-

лгэд.

— Одну минуту. Подожди со своим заклинанием. Айделфонс, позови призрака и спроси у него, что случилось, — попросил Хуртианкц.

Наставник поправил бороду, потом вытянул указательный палец в сторону одного из углов и произнес:

— Призрак, ты здесь?

— Да.

— Что происходило в комнате, пока мы вынимали диск из урны?

— Было движение. Кто-то двигался, кто-то нет. Когда наконец диск положили на стол, странная тень прошла в комнату. Она взяла камни и исчезла.

— Что еще за странная тень?

— Ее кожу покрывали голубые чешуйки; на голове росли черные перья, но душа ее принадлежит человеку.

— Демон! Думаю, Это Ксексамед! — воскликнул Хуртианкц.

Гилгэд вскричал:

— Что же тогда будет с камнями, с моими прекрасными камешками? Как я верну свою собственность? Неужели меня всегда будут обманывать?

— Перестань хныкать! Надо еще распределить оставшееся имущество. Айделфонс, зачитай содержимое остальных листов, — попросил чернокнижник Шру.

Айделфонс взял бумаги со стола.

— Поскольку Гилгэд уже выиграл свою часть, он не участвует в следующем выборе. Вторым…

— Я протестую! Это несправедливо! Я выиграл лишь кучку дешевых побрякушек! — вскричал уязвленный Гилгэд.

Айделфонс пожал плечами.

— Можешь пожаловаться на это демону, укравшему твои камни, тем более что жеребьевка происходила при довольно странных обстоятельствах, о которых я не стану подробно распространяться.

Гилгэд вскинул руки вверх; его мрачное лицо побагровело от обуревавших мага эмоций. Коллеги с безразличием отнеслись к его состоянию.

— Продолжай, Айделфонс! — произнес Вермулиан Путешествующий По Сновидениям.

Наставник разложил перед собой листы бумаги.

— Похоже, один только Риалто выразил желание получить странный предмет, напоминающий Записки Хуларта Претерита. Риалто,

отныне ты хозяин этой вещи, и я кладу твой лист вместе с листом Гилгэда. Пэргастин, Эо Хозяин Опалов, Барбаникос и я выбрали для себя Шлем Шестидесяти Направлений. Сейчас мы проведем жеребьевку и выясним, кому будет принадлежать шлем. Вот четыре диска…

— На этот раз пусть девушка придет немедленно. Она положит руку на горлышко горшка, а мы бросим туда диски между ее пальцев. Так мы застрахуемся от возможных уловок, — заявил Пэргастин.

Айделфонс потеребил свои бакенбарды, но не смог ничего возразить Пэргастину.

Таким же образом провели лотерею и по остальным предметам. Настала очередь Риалто выбрать одну вещь по своему усмотрению.

— Итак, Риалто, что ты выбираешь? — спросил Наставник.

Негодование клокотало в горле Риалто.

— В качестве возмещения за семнадцать уничтоженных женщин-птиц, разрушенные ворота, которым было около тысячи лет, мне предложено довольствовать мешком Одурманивающей Пыли?

Айделфонс примирительно сказал:

— Отношения между людьми всегда страдали

от дисбаланса. Даже при самых благоприятных обстоятельствах одна сторона — осознает она это или нет — идет на уступки.

— Я согласен с тобой, и все же…

Зилифант внезапно издал удивленный крик.

— Смотрите! — он указал на большой стол в центре комнаты.

Там лежал липовый лист. Дрожащими пальцами Айделфонс взял его и прочитал надпись:

«Морреон живет мечтами Ничто уже близко».

— Еще более странно. Ксексамед пытается убедить нас, что с Морреоном все хорошо? Довольно необычная манера убеждения, — пробормотал Хуртианкц.

— Нельзя забывать, что Ксексамед — ренегат. Для всех он враг, — заметил Туман Зачарованной Воды.

Херард Вестник поднял вверх указательный палец, ноготь которого покрывала черная эмаль, и произнес.

— Я не привык закрывать глаза на странности. Первое послание гласило «Ничто угрожает Морреону», что можно понять и как «Ничто не угрожает Морреону»; а теперь вот «Ничто представляет опасность для Морреона».

— Да это пустые слова! — заявил практичный

Хуртианкц.

— Не надо делать поспешных выводов! Херард прав! «Ничто» можно рассматривать как небытие или смерть. Тогда смысл фразы становится ясен, — предположил Зилифант.

— Был ли Ксексамед известен утонченными манерами? Не припомню! Как и я, когда он хочет сказать «смерть», то и говорит «смерть», — саркастично заметил Хуртианкц.

— Частично ты прав. Но я задаюсь вопросом: что есть «ничто»? Шру, у тебя есть варианты?

Шру передернул узкими плечами.

— Среди демонов его нет.

— Вермулиан, ты путешествуешь дальше всех из нас. Где находится это «Ничто»?

Вермулиан Путешествующий По Сновидениям задумчиво произнес:

— Я никогда не попадал в подобное место.

— Мун Философ, что или где это «Ничто»?

Мун Философ, подумав, ответил:

— Где-то я уже встречался с понятием «Ничто», но никак не могу вспомнить, где именно.

— Айделфонс, открой-ка Великий Словарь, — предложил Херард.

Наставник снял том с книжной полки, откинул тяжелую крышку и отыскал нужное слово.

— «Ничто». Тут есть различные тематические ссылки… метафизическое описание… место? «Ничто: несуществующее место на самой границе космоса».

Хуртианкц предложил:

— На всякий случай открой заодно раздел «Морреон».

Почему-то неохотно Айделфонс повиновался и прочел следующее:

— «Морреон: легендарный герой Двадцать Первого Эона, победивший демонов и отославший их на Джанк. В отместку демоны поместили его так далеко, как только могли, туда, где находятся сверкающие поля, на которых демоны добывали камни Иона. Былые соратники Морреона, давшие обет защищать его, попросту забыли о нем, и больше по этому поводу сказать нечего». Пристрастное замечание, хотя довольно любопытное.

Вермулиан Путешествующий По Сновидениям встал на ноги.

— Я намеревался отбыть домой, но теперь готов отправиться на поиски Морреона.

Гилгэд злобно выкрикнул:

— Ты надеешься отыскать «сверкающие поля», друг мой? Но у меня больше прав, если уж быть

точным.

Вермулиан, высокий полный мужчина с бледным непроницаемым лицом, заявил:

— Я собирался спасти героя Морреона; мысль о камнях Иона даже не пришла мне в голову.

— Отлично сказано! Только вот, думаю, будет гораздо проще помочь Морреону, если с тобой отправится кто-то, облеченный доверием коллег. Например, я, — заявил Айделфонс.

— Ты абсолютно прав! Но необходимо присутствие третьего человека на случай опасности. Я разделю с вами все трудности спасения Морреона, иначе совесть не даст мне покоя, — добавил Риалто.

Хуртианкц пылко воскликнул:

— Я никогда не укрывался от трудной работы. Вы можете рассчитывать на меня!

— Присутствие некроманта просто необходимо, так что я составлю вам компанию, — произнес Бизант.

Вермулиан излагал доводы, согласно которым ему лучше было бы путешествовать одному, но никто не слушал.

Наконец Вермулиан сдался, но заявил следующее:

— Я отправляюсь прямо сейчас. Если через час

не все желающие соберутся в моем летающем дворце, я буду считать, что они передумали.

— Что значит, передумали? Мне надо три с половиной часа только на то, чтобы проинструктировать прислугу! Необходимо отложить полет!

— Но послание ясно гласит: «Ничто уже близко». Нам надо торопиться, — возразил Вермулиан.

— Не забывай, что Морреон находится в теперешнем положении уже несколько эонов. Слово «близко» может означать период времени в пять веков.

Поддавшись уговорам, Вермулиан согласился отложить путешествие до завтрашнего утра.

Глава пятая

Усталое солнце садилось за холмами Скаума; черные тучи медленно плыли в багровых лучах заката. Риалто добрался наконец до внешних ворот своей усадьбы. Маг подал сигнал и стал ждать, пока Пуирас снимет с ворот Пограничное Заклятье.

Со стороны дома не было никакого движения.

Риалто подал второй знак, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Из близлежащих зарослей

акаций послышалось жалобное пение ночной птицы. Риалто в третий раз просигналил: где же Пуирас? Светло-зеленая черепица на крыше Фалу казалась бледной в сумерках. Никакого ответного знака из дома не последовало. Лесная птица вновь жалобно запела, словно прося утешения. Устав ждать, Риалто взял ветку и проверил вход через ворота. Оказалось, что вход не защищен никаким Заклятьем — любой желающий мог войти внутрь.

Отбросив ветку, маг быстрым шагом направился к дому. Казалось, все было в порядке, однако Пуирас отсутствовал. Если он и занимался уборкой зала, то Риалто не заметил его усилий. Неодобрительно покачав головой, маг отправился посмотреть, как идет реставрация античных ворот, которой занимались Минускулы. Суперинтендант сразу же пожаловался, что Пуирас не удосужился подать им ужин. Риалто снабдил интенданта провизией и добавил от себя унцию хорошего эля.

Налив себе драхму «Голубых Развалин», Риалто внимательно рассмотрел изогнутые бронзовые трубки, принесенные из дворца Айделфонса, — так называемые Записи Претерита. Манипуляции с ними ни к чему не привели. Маг осторожно

сжал одну из трубок, заставив ее издать свистящий звук. Дотронувшись до второй, Риалто услышал отдаленное гортанное пение. Звук исходил не из трубы, а со стороны тропинки, и минуту спустя Пуирас неверным шагом вошел в дверь. Он недобрым взглядом покосился на Риалто и направился было в свою комнату.

Риалто резко позвал:

— Пуирас!

Слуга нехотя оглянулся.

— Что еще?

— Ты, кажется, выпил слишком много. Да ты просто пьян!

Пуирас нагло усмехнулся и заявил:

— Вы чрезвычайно проницательны и очень точно выражаетесь. Никак не могу возразить на ваше замечание.

Риалто ответил:

— В моем доме нет места безответственным людям или алкоголикам. С этого момента можешь считать себя уволенным.

— Вы этого не сделаете! — выкрикнул Пуирас хриплым голосом, сопровождая свои слова пьяной отрыжкой. — Мне сказали, что здесь отличное место, и я получу работу, если буду воровать не больше старика Фанка и расточать вам

комплименты. И что же? Сегодня я очень скромно запустил руку в вашу казну, и вы не услышали от меня ни одного бранного слова. Тай где же оно — это отличное место? И какое отличное место может быть, если не имеешь возможности прогуляться в деревню?

— Пуирас, ты невероятно пьян и являешь собой отвратительное зрелище, — заявил Риалто.

— Не стоит комплиментов! Не можем же мы все быть магами и добывать себе модную одежду щелчком пальцев! — проревел Пуирас.

Возмущенный Риалто вскочил на ноги.

— Довольно! Иди в свою комнату, пока я не наслал на тебя ураган!

— Именно это я и собирался сделать, когда вы позвали меня обратно, — угрюмо ответил слуга.

Риалто решил, что дальнейшие препирательства ниже его достоинства. Пуирас удалился, что-то бормоча себе под нос.

Глава шестая

Прекрасный летающий дворец Вермулиана со всеми его лоджиями, садами и вестибюлем представлял собой восьмиугольник протяженностью около трех акров. Все это великолепие

парило над землей. В плане дворец выглядел подобно пятиугольной звезде с кристальными спиралевидными башнями на каждом окончании. В центре располагалась башня повыше, где находились личные апартаменты Вермулиана. Мраморная балюстрада окружала небольшой внутренний павильончик. В центре павильона бил великолепный фонтан, возле которого росли лимоны с серебряными соцветиями и плодами. Справа и слева от павильона располагались квадраты садов; земля позади была засажена травами и салатами для домашней кухни.

Гостям Вермулиана отводились комнаты в крыльях дворца; под центральной башней располагались разнообразные салоны, комнаты для проведения утренних и полуденных часов, библиотека, музыкальная гостиная, столовая и большая комната отдыха.

Спустя час после восхода солнца начали прибывать гости Вермулиана. Первым появился Гилгэд, последним — Айделфонс. Вермулиан, уже успокоившийся после вчерашнего бурного обсуждения, приветствовал каждого мага со скрупулезно отмеренным количеством радушия. Ознакомившись со своими комнатами, гости собрались в большом салоне. Вермулиан обратился ко всем

присутствующим:

— Для меня огромное удовольствие принимать у себя столь достойную компанию! Наша цель: спасти героя Морреона! Все собравшиеся отличаются умом и мудростью, но все ли понимают, что нам предстоит очень долгое путешествие? — Вермулиан переводил бесстрастный взгляд с одного лица на другое. — Все ли готовы к скуке, неудобствам и опасности? Те, кто готов, могут рискнуть. Те же, кто охотится за камнями Иона, имеют последнюю возможность вернуться к себе домой, во дворец, пещеру, гнездо. Есть желающие? Нет? Тогда мы отправляемся.

Вермулиан кивнул задумавшимся над предстоящим путешествием гостям и поднялся в особый бельведер, откуда наложил на дворец Заклятье Плавучести. Дворец начал двигаться в воздухе, словно остроконечное облако. Вермулиан сверился с Небесным Альманахом и отметил несколько символов. Отобранные символы маг начертил на диске штурвала и запустил его. Начертанные символы автоматически направляли дворец в нужную точку Вселенной. Вермулиан зажег тонкую свечку и поставил ее в своеобразную кадильницу. Дворец поплыл в воздухе, оставив позади старушку Землю и гревшее ее солнце.

Риалто стоял возле мраморной балюстрады. Айделфонс вскоре присоединился к нему. Оба мага наблюдали за тем, как родная планета становилась едва различимой точкой. Айделфонс меланхолично произнес:

— Когда предпринимаешь столь длительное путешествие, окончание которого скрыто в неизвестности, в голову начинают приходить странные мысли. Надеюсь, ты оставил дела в порядке?

— Хозяйство еще не восстановлено. Пуирас оказался закоренелым пьяницей; напившись, он совершенно забывает о своих обязанностях и правилах хорошего тона. Этим утром я понизил его в должность Минускула, — мрачно ответил Риалто.

Айделфонс безучастно кивнул.

— Я опасаюсь размолвок среди наших коллег, хотя сейчас они настроены довольно дружелюбно.

— Ты хочешь сказать, что могут возникнуть распри из-за камней Иона? — осторожно предположил Риалто.

— Да. Как правильно выразился Вермулиан, наша задача — спасти Морреона. Камни Иона лишь будут отвлекать нас от главного. Если мы

все же отыщем камни, то наверняка начнутся споры, и Гилгэд заявит, что они по праву должны принадлежать именно ему.

— Да уж, Гилгэд-то своего не упустит. Но как инициатор путешествия Вермулиан должен получить свою долю, — заметил Риалто.

— Само собой.

В этот момент Вермулиан спустился в павильон, где к нему подошел Мун Философ, Хуртианкц и другие. Мун задал интересующий всех вопрос о дальнейшей судьбе членов ассоциации.

— Проблема завершения нашего путешествия становится все более важной. Вермулиан, откуда ты знаешь, что именно это направление приведет нас к Морреону?

— Хороший вопрос. Чтобы ответить вам, я процитирую внутреннее правило Вселенной. Мы можем выбрать любое направление, которое покажется удобным, и оно приведет нас к тому же самому месту — концу Вселенной, — сказал Вермулиан.

— Любопытно! В таком случае мы неизбежно наткнемся на Морреона. Что ж, перспектива обнадеживающая! — заявил Зилифант.

Гилгэд казался неудовлетворенным.

— А что со «сверкающими полями» камней

Иона? Где они находятся? — спросил он.

— Поиск полей — вторичная, а то и третичная задача. Сейчас надо думать лишь о герое Морреоне, — напомнил ему Айделфонс.

— Твоя решительность запоздала на несколько эонов. Морреон уже давно сгорает от нетерпения, — ядовито заметил Гилгэд.

— Обстоятельства помешали нам заняться его спасением раньше. Я уверен, Морреон поймет нас, — нахмурив брови, раздраженно ответил Айделфонс.

Зилифант заметил:

— Поведение Ксексамеда не перестает удивлять меня! Как демон и ренегат, он не имеет никаких видимых причин помогать Морреону, нам или своим бывшим друзьям демонам.

— Думаю, вскоре мы узнаем разгадку, — произнес Херард Вестник.

Глава седьмая

Путешествие продолжалось. Дворец проплывал мимо звезд, туч раскаленного газа, через темные просторы Вселенной. Маги медитировали в беседках, обменивались мнениями в салонах за бокалами отличного ликера, дремали

на мраморных скамьях в павильоне, выходили на балюстраду полюбоваться на все новые и новые галактики. Завтраки подавались каждому в его собственные покои, ланч обычно устраивался в павильоне, а роскошные обеды проводились очень торжественно и продолжались до глубокой ночи.

Чтобы оживить вечеринки, Вермулиан переносил в зал самых очаровательных, умных и красивых женщин из разных эонов, каждую в наряде своей эпохи. Женщины находили чужеземный дворец не менее удивительным, чем факт своего присутствия в нем. Некоторые думали, что видят его во сне, другие считали себя умершими, и лишь немногие наиболее умные дамы догадывались о реальном положении вещей. Чтобы облегчить процесс общения, Вермулиан вызвал заклинание, благодаря которому женщины могли говорить на языке Двадцать Первого Зона, и вечера во дворце проходили весьма оживленно. Риалто почти влюбился в Мереею из страны Миф, давным-давно покоящуюся под толщами воды Шанского океана. Хрупкая брюнетка Мерсея обладала удивительным шармом, ее серьезное бледное лицо хранило выражение величественного спокойствия, и невозможно было догадаться,

о чем она думает. Риалто призвал на помощь всю свою галантность и обаяние, но не добился взаимности. Девушка молча смотрела на него без всякого интереса. В итоге Риалто подумал, что она либо глупа, либо еще более утонченная особа, чем он сам. Тем не менее провал на любовном фронте огорчил мага, и он очень расстроился, когда Вермулиан вернул женщин в свои эпохи.

Дворец плыл сквозь тучи звездной пыли, яркие галактики и извилистые звездные течения; через миры, где звезды издавали фиолетовое свечение, окутанные клубами бледно-зеленого газа; через темные уголки Вселенной, где виднелись одни лишь светящиеся тучи пыли. Наконец маги прибыли в новый район, где сверкающие белые звезды устремлялись в воронки розового, голубого и белого газа, и члены ассоциации высыпали к балюстраде, чтобы насладиться необыкновенным зрелищем.

Затем звезды стали уменьшаться, их стремительные течения остались позади. Пространство вокруг сделалось темнее и плотнее. Наконец настало время, когда все звезды исчезли из вида, и впереди лежала лишь пустота. Вермулиан сделал важное заявление:

— Мы уже близки к краю Вселенной! Теперь

следует двигаться очень осторожно. Впереди лежит «Ничто».

— Где же тогда Морреон? Уж конечно, его не может быть в такой тьме, — заметил Хуртианкц.

— Вокруг нас не просто тьма. Здесь, там, повсюду находятся мертвые звезды. По сути дела, мы пересекаем «помойку» Вселенной, где угасшие звезды ожидают своей окончательной участи; обратите внимание на отдаленную одинокую звезду, последнюю, оставшуюся во Вселенной. Нам следует двигаться осторожно, ибо впереди находится «Ничто», — произнес Вермулиан.

— Но «Ничто» пока неразличимо, — заметил Эо Хозяин Опалов.

— Смотри внимательнее! Видишь вон ту темную стену? Это и есть «Ничто», — отозвался Вермулиан.

— Тогда встает вопрос: где находится Морреон? Во дворце Айделфонса, когда мы строили планы путешествия, конец Вселенной казался определенной точкой. А теперь, когда мы добрались до него, перед нами огромные пространства, — заявил Пэргастин.

Гилгэд пробормотал себе под нос:

— Вся эта экспедиция — сплошной фарс. Я лично не вижу ни «сверкающих», ни каких-либо

других полей.

— Последняя оставшаяся звезда и есть цель нашего путешествия. Мы приближаемся слишком быстро — надо снизить скорость, — сказал Вермулиан.

Маги стояли возле балюстрады, наблюдая за одинокой звездой. Вермулиан некоторое время изучал звезду и обнаружил одинокую планету, она вращалась вокруг солнца.

— Существует огромная вероятность того, что именно здесь мы обнаружим Морреона, — произнес Мун Философ.

Глава восьмая

Дворец приближался к одинокой планете, и вскоре она предстала перед магами в виде диска цвета ночной бабочки. На некотором расстоянии от нее в бледном солнечном свете хорошо виднелась огромная темная стена. Хуртианкц, присмотревшись к ней, произнес:

— Теперь понятно, почему Ксексамед так беспокоился. Если, конечно, Морреон действительно живет на этой заброшенной планете.

Поверхность планеты все приближалась, и теперь можно было разглядеть, что местный

ландшафт довольно однообразен и мрачен. Едва различимые холмы возвышались над долинами; моря тускло поблескивали вдалеке. Единственное, что представляло интерес, — развалины некогда оживленных городов. Немногие здания сохранились вопреки времени, и по ним можно было судить, что постройки местных жителей отличались небольшой высотой.

Дворец опустился ниже, чтобы маги могли в деталях рассмотреть руины города. Группка мелких грызунов скрылась в близлежащем кустарнике. Больше никаких признаков жизни не было заметно. Дворец продолжил огибать планету. Вермулиан крикнул магам из бельведера:

— Обратите внимания на кучку камней — это древний тракт.

Похожие нагромождения валунов появлялись через каждые три мили и отмечали линию экватора.

Возле руин очередного города Вермулиан, осматривавший окрестности, заставил дворец снизиться и приземлиться, чтобы можно было выйти и внимательно исследовать развалины.

Маги разошлись в разных направлениях, чтобы охватить сразу большую площадь. Гилгэд направился к заброшенной площади, Пэргастин

и Зилифант к городскому амфитеатру, Хуртианкц — в странное сооружение из плит песчаника. Айделфонс, Риалто, Мун Философ и Херард Вестник просто шли и глазели по сторонам и вдруг услышали заунывное пение.

— Странно! Это, похоже, голос Хуртианкца, достойнейшего из людей! — воскликнул Херард.

Маги вошли в расщелину среди руин, приведшую их в просторную комнату, защищенную от проникновения песка каменными плитами. Свет проникал внутрь сквозь многочленные трещины в стенах. По центру комнаты были выложены шесть длинных плит. В дальнем конце сидел Хуртианкц, безмятежно наблюдая за входящими. На плите перед ним стоял шар из темно-коричневого стекла или полированного камня. На полке позади него располагались другие геометрические тела из тех же материалов.

— Кажется, Хуртианкц наткнулся на развалины древней таверны, — произнес Айделфонс.

— Хуртианкц! Мы услышали твое пение и пришли узнать, что случилось. Ты нашел что-нибудь? — спросил Риалто.

Хуртианкц закашлялся и упал на пол.

— Хуртианкц! Ты меня слышишь? Или ты выпил слишком много древнего эликсира, чтобы

произнести хоть слово? — крикнул Риалто.

Хуртианкц ответил громко и четко:

— С одной стороны, я выпил слишком много, с другой — недостаточно.

Мун Философ поднял один из коричневых шаров, оказавшихся бутылками, вынул пробку и понюхал.

— Что-то вяжущее, терпкое, растительное, — маг попробовал жидкость. — Довольно освежающий напиток.

Айделфонс и Херард Вестник взяли по бутылке с полки и вынули пробки. Риалто присоединился к дегустаторам.

Айделфонс, когда выпил достаточно, стал чересчур болтлив и испытывал непреодолимое желание порассуждать о судьбе погибшего города.

— Как опытный палеонтолог по виду одной-единственной косточки способен восстановить весь скелет, так и хороший ученый может по одному артефакту судить об особенностях вымершей расы. Пробуя этот ликер, рассматривая бутыль, я спрашиваю себя, каковы же были люди, изготовившие и пившие подобный напиток?

Хуртианкц, хорошенько выпив, стал резким и угрюмым. Выслушав Айделфонса, он заявил

бескомпромиссным тоном:

— Не вижу особой важности в определении особенностей местных жителей.

Но Айделфонса не так-то просто было сбить с толку.

— Тут я расхожусь с прагматиком Хуртианкцом. Я склонен пойти дальше, и обязательно сделаю это благодаря стимулирующему действию старинного ликера. Я предположу, что настоящий ученый, определив структуру одного-единственного атома, способен будет восстановить строение и историю целой Вселенной! — произнес Наставник.

— Ба-а! Пользуясь твоей же логикой, скажу, что понимающему человеку достаточно услышать одно твое слово, чтобы понять, что и остальные ничего не значат, — ответил Хуртианкц.

Айделфонс, поглощенный своей теорией, не обратил внимания на грубость. Херард осторожно заметил, что, по его мнению, необходимо исследовать объект не одного, а, по крайней мере, двух, а лучше трех, классов, чтобы дать точное определение чему бы то ни было.

— Здесь я обращаюсь к математике, где прямую определяют двумя точками.

— Охотно готов предоставить ученому три

атома, хотя считаю, что и двух уже чересчур много, — произнес Айделфонс.

Риалто, поднимаясь с плиты, решил заглянуть в затянутое паутиной отверстие в стене и обнаружил там коридор с широкими ступенями, ведущими вниз. Обзаведясь светильником, маг начал спускаться по ступеням. Пришлось сделать один поворот, затем второй, и наконец взору Риалто открылась большая комната, пол которой состоял из выбитых в форме прямоугольников камней. Стены комнаты содержали множество ниш, каждая шести футов в длину, двух в высоту и трех в глубину. Заглянув в одну из ниш, Риалто обнаружил скелет непонятного существа, настолько хрупкий, что от одного взгляда мага он рассыпался в пыль.

Риалто задумчиво потер подбородок. Заглянув во вторую нишу, он увидел похожий скелет. Отойдя назад, маг некоторое время размышлял, потом вернулся к ступеням, куда доносился голос Айделфонса:

— …в той же форме вопроса: почему Вселенная кончается именно здесь, а не милей позже? Из всех вопросов «почему?» — самый настойчивый. Он возникает чаще всего, и редко ответ полностью удовлетворяет спрашивающего, — Айдел-

фонс остановился, чтобы немного передохнуть, и Риалто получил возможность сообщить магам о своей находке.

— Похоже, мы попали в древний храм. В стенах выдолблены ниши, и каждая из них содержит по скелету, — заявил маг.

— Точно! Наверняка ты прав! — пробормотал Хуртианкц и сделал еще один хороший глоток ликера.

— Мы ошиблись, приняв это место за таверну. Жидкость в бутылках — не просто спиртное. Думаю, там бальзамирующий настой.

Айделфонса оказалось не так-то просто отвлечь от его теории.

— А сейчас я предлагаю обсудить еще одну истину. Что такое сущность? Тут вы можете обратиться к основной аксиоме магии. Какой маг спросит «почему?»? Он скорее спросит «как?» «Почему?» выставляет его в смешном положении. Каждый ответ на такой вопрос влечет за собой следующий, и еще. Выглядит это примерно таким образом:

Вопрос: Почему Риалто носит черную шляпу с золотыми кисточками и малиновым пером?

Ответ: Потому что так он кажется себе привлекательнее.

Вопрос: А зачем ему казаться привлекательным?

Ответ: Потому что он хочет вызывать восхищение и зависть коллег.

Вопрос: А зачем ему вызывать их восхищение?

Ответ: Потому что, будучи человеком, он является социальным существом.

Вопрос: А почему человек — существо социальное?

Вот так каждый новый ответ порождает все новые и новые вопросы, доходя до бесконечности. В то время как…

Хуртианкц в нетерпении вскочил на ноги. Подняв высоко над головой бутыль с ликером, маг бросил ее на землю, разбив на множество осколков.

— Твоя пустая болтовня просто невыносима! Она выходит за всякие рамки приличий! — вскричал маг.

— Хорошая точка зрения. Что ты ответишь на это, Айделфонс? — поинтересовался Херард.

— Я склоняюсь к тому, чтобы обвинить Хуртианкца в тупости. Однако сейчас он симулирует глупость, дабы избежать моего гнева, — ответил Айделфонс.

— Полная чепуха! Я ничего не симулирую! —

взревел Хуртианкц.

Айделфонс пожал плечами.

— Несмотря на многочисленные недостатки как полемиста и мага, Хуртианкц, по крайней мере, откровенен.

Хуртианкц сдержал ярость и сказал:

— Кто может соперничать с твоей болтливостью? Как маг, я намного превосхожу твои способности вытворять нелепые фокусы. Так же, как Риалто Великолепный затмевает твой образ дряхлого старца.

Настала очередь Айделфонса разъяриться.

— Пари! — маг вскинул вверх руку, и массивные каменные блоки, из которых состояли стены помещения, разлетелись в стороны. Теперь маги стояли на залитой солнечным светом площадке. — Ну и как?

— Тривиально, — ответил Хуртианкц. — Посмотри-ка сюда! — он вытянул перед собой руки, и из растопыренных пальцев пошли разноцветные струйки дыма.

— Ты уподобляешься площадному шарлатану! — заявил Наставник. — Смотри и учись! Я произношу слово «крыша», — слово, сорвавшись с губ мага, некоторое время в виде символа колебалось в воздухе. Затем символ медленно поплыл

к крыше одного из сохранившихся строений, завис над ней и исчез. Крыша вдруг засветилась ярким оранжевым светом, и от нее отделилась тысяча символов, которые начали подниматься вверх. Наконец их уже невозможно стало различать, как вдруг из-за облаков раздался голос Айделфонса, подобный грому:

— КРЫША!

Хуртианкц заявил:

— Не велика сложность. А сейчас…

— Тихо! Прекратите свою пьяную ссору. Посмотрите-ка туда! — сказал Мун Философ.

Из строения, над которым зависал символ слова «крыша», вышел человек.

Глава девятая

Мужчина остановился в дверях. Он впечатлял высоким ростом. Длинная седая борода свисала ему на грудь; белые волосы росли из ушей; черные глаза странно блестели. На человеке был надет элегантный наряд, совмещавший отделку из бордового, коричневого, черного и голубого бархата. Мужчина подошел ближе к магам, и стало видно, что вокруг его головы в воздухе висит множество сверкающих предметов. Гилгэд,

только что вернувшийся с площади, мгновенно издал громкий крик:

— Камни Иона!

Человек с тележкой приблизился. Лицо его выражало легкое любопытство. Айделфонс пробормотал:

— Это Морреон! Нет никаких сомнений — его манера двигаться, его фигура — их невозможно не узнать!

Риалто согласился:

— Это Морреон. Но почему он так спокоен, словно каждую неделю чужеземцы устраивают эксперименты с его крышей, а «Ничто» угрожает кому-то другому.

— Должно быть, его сознание затуманилось. Обратите внимание: он не реагирует на наше появление, — заметил Херард.

Морреон медленно шел в сторону магов. Камни Иона вокруг него переливались различными цветами. Маги собрались возле мраморных ступеней дворца Вермулиана. Сам Вермулиан вышел вперед и поднял руку в знак приветствия.

— Здравствуй, Морреон! Мы пришли, чтобы освободить тебя из многолетнего заточения на этой мрачной планете! — воскликнул он.

Морреон переводил взгляд темных глаз с одного

лица на другое, потом издал странный горловой звук, откашлялся, словно пытаясь заставить работать органы, о существовании которых давно забыл.

Настала очередь Айделфонса представиться:

— Морреон, друг мой! Это я, Айделфонс; помнишь ли ты добрые старые деньки в Каммербранде? Ответь же нам!

— Я слышу, — прохрипел Морреон. — Я говорю, но не помню.

Вермулиан указал на мраморные ступени дворца и произнес:

— Присоединяйся к нам, будь любезен, и мы немедленно покинем этот угрюмый мир.

Морреон не сдвинулся с места. Он нахмурился и осмотрел дворец в изумлении.

— Вы поместили свою летающую хижину прямо над тем местом, где я сушу пряжу, — произнес он..

Айделфонс указал в сторону черной стены, которая из-за паров атмосферы казалась зловещей тенью.

— «Ничто» приближается. Оно вот-вот накроет этот мир, и ты вместе с ним перестанешь существовать. По сути, ты умрешь.

— Мне не совсем понятно, о чем ты говоришь.

Простите, но я должен идти. У меня еще много дел, — произнес Морреон.

— Небольшой вопрос перед тем, как ты уйдешь. Где спрятаны камни Иона? — не выдержал Гилгэд.

Морреон смотрел на мага, явно не понимая, о чем речь. Наконец он обратил внимание на камни, которые светились и поблескивали, тогда как подделки Ксексамеда лишь тускло мерцали. Камни Морреона переливались всеми цветами радуги. Те, что лежали в центре, были бледно-лилового и бледно-зеленого цветов, и явно представляли наибольшую ценность. Некоторые обладали сразу двумя оттенками — розовым и зеленым; дальше располагались красные и карминовые; потом красные и голубые, а у самых краев тележки лежали камни ярко-голубого цвета.

Маги заметили странную особенность: когда Морреон задумался, те из лиловых камней, что лежали прямо в центре, утратили блеск и стали такими же тусклыми, как подделки Ксексамеда.

Морреон медленно задумчиво кивнул.

— Странно! Я, похоже, очень многое забыл… Я не всегда жил на этой планете. Когда-то все вокруг было совсем другим. Память неохотно

отвечает на мои вопросы.

Вермулиан заявил:

— Раньше ты жил на Земле! Мы прибыли сюда, чтобы вернуть тебя домой.

Морреон, улыбаясь, отрицательно покачал головой.

— Я намерен отправиться в очень важное путешествие.

— Действительно ли оно необходимо? У нас не так много времени, и если говорить начистоту, совсем не хотелось бы оказаться во власти «Ничего», — заявил Мун Философ.

— Я обязательно должен осмотреть свои пирамиды из камней, — ответил Морреон мягким, но безапелляционным тоном.

На мгновение воцарилась тишина, затем Айделфонс спросил:

— Для чего служат эти пирамиды?

Морреон, словно неразумному ребенку, объяснил:

— Они указывают самый короткий путь вокруг моего мира. Без пирамид здесь легко заблудиться.

— Но, друг мой, больше нет нужды в указателях. Ведь ты вернешься с нами на Землю, разве нет? — удивленно спросил Эо из Опала.

Морреон не сдержался, чтобы не усмехнуться над глупой настойчивостью пришельцев.

— А кто будет присматривать за моей собственностью? Как я смогу путешествовать, если пирамиды разрушатся, ткацкие станки сгниют, печи для обжига засорятся, и все имущество лишится систематического ухода? — спросил он.

Вермулиан вежливо предложил:

— Хотя бы прими участие в сегодняшнем ужине с нами.

— С удовольствием, — ответил Морреон. Он поднялся по мраморным ступеням и с удивлением осмотрел павильон.

— Очаровательно. Надо соорудить нечто подобное возле нового дома.

— Вряд ли на это хватит времени, — заметил Риалто.

— Времени? — Морреон нахмурился, словно слово не было ему знакомо. Еще один лиловый камень внезапно поблек.

— Ну, конечно же! Время! Но время необходимо для выполнения определенной работы! Например, этого наряда, — Морреон указал на свое причудливое одеяние. — На его изготовление ушло четыре года. До этого я десять лет собирал шкурки животных, затем два года отбеливал,

сушил и прял. Одновременно я отстраивал пирамиды, путешествуя по миру. Потом страсть к путешествиям иссякла, но время от времени приходится поправлять камни, а заодно и отмечать, изменился ли ландшафт. Вот и теперь пора идти.

Риалто указал на солнце и спросил:

— Ты знаешь, что это такое?

Морреон нахмурился и ответил:

— Я называю его «солнце», хотя не знаю, почему выбрал именно это слово.

— Таких солнц много. Вокруг одного из них вращается тот древний и удивительный мир, где ты родился. Ты помнишь Землю? — снова заговорил маг.

Морреон с сомнением посмотрел на небо.

— Я никогда не видел ни одного другого солнца. Ночью мое небо довольно темное; ниоткуда не доходит ни лучика света, кроме моих костров и светильников. Это мирная планета… Кажется, я начинаю вспоминать прежние времена, — последний из лиловых камней и один зеленый погасли. Взгляд Морреона становился все более осмысленным. Он подошел поближе к фонтану, чтобы рассмотреть статуи нимф.

— А что это за странные маленькие существа? Они довольно милые.

— Они очень хрупкие, и служат лишь украшениями. Идем же, Морреон, мой слуга поможет тебе приготовиться к ужину, — позвал Вермулиан.

— Ты очень гостеприимен, — ответил Морреон.

Глава десятая

Маги ожидали своего гостя в большом салоне.

У каждого сложилось свое мнение относительно происходящего. Риалто предложил:

— Было бы неплохо прямо сейчас поднять дворец и улететь прочь отсюда. Морреон позлится некоторое время, но если примет во внимание реальные факты, то согласится, что мы были правы.

Осторожный Пэргастин возразил:

— В этом человеке чувствуется энергия! Когда-то его магии завидовали многие; что, если в гневе он сотворит какое-нибудь ужасное заклинание?

Гилгэд разделял его мнение.

— Все видели, сколько у Морреона камней? Где он их взял? Быть может, их источник находится в этом мире?

— Конечно, нельзя отрицать такой возможно-

сти. Завтра, когда неизбежность «Ничего» станет явной, Морреон сам согласится отправиться с нами на Землю, — заявил Айделфонс.

На том и порешили. Маги принялись обсуждать странную планету в самом конце Вселенной, куда демоны отправили Морреона.

Херард Вестник, известный своим даром ясновидения, попытался узнать, как выглядели люди, некогда населявшие эту планету.

— Они исчезли очень давно. Я вижу существ с тонкими белыми ногами и большими зелеными глазами… Я слышу звуки их музыки, звон колокольчиков, протяжный стон свирели… Они не знали магии. Сомневаюсь, что они понимали ценность камней Иона, если таковые существовали тогда на их планете.

— А где же еще быть их источнику? — спросил Гилгэд.

— «Сверкающие поля» пока еще не попадались никому из нас, — заметил Туман Зачарованной Воды.

Морреон вошел в зал. Его внешность претерпела существенные изменения. Огромная белая борода канула в небытие; волосы острижены и уложены по последней моде. Вместо разноцветного самодельного одеяния на Морреоне шелковые

одежды цвета слоновой кости, голубая накидка и малиновые туфли. Сверкающие черные глаза резко выделялись на лице героя, отличавшемся гладкой кожей, массивной челюстью, строгими линиями губ. Летаргия и усталость многих эонов словно спала с него. Морреон двигался легко, а вокруг него, вращаясь и сверкая, переливались камни Иона.

Морреон поприветствовал всех присутствующих наклоном головы и обратил внимание на интерьер салона.

— Великолепно и восхитительно! Но мне придется использовать кварц вместо мрамора, и вряд ли я найду достаточно серебра; сагарцы разворовали всю поверхностную руду. Когда мне нужен металл, приходится копать глубокие тоннели.

— Тебе приходилось вести трудное существование. А кто такие сагарцы? — поинтересовался Айделфонс.

— Раса, оставившая повсюду руины своих городов. Легкомысленный и безответственный народ, хотя их поэтические сочинения довольно забавны, — ответил Морреон.

— Они все еще существуют?!

— Нет, конечно. Они вымерли много лет назад. Однако осталось множество высеченных на

бронзе надписей, и я увлекался их переводом.

— Кропотливая работа! Как ты справился с таким сложным делом? — спросил Зилифант.

— Методом исключения. Я долго экспериментировал, и однажды мои эксперименты увенчались успехом. Конечно, это заняло много времени, зато теперь я могу наслаждаться хрониками сагарцев. Хотелось бы еще сыграть их музыкальные опусы, но это дело будущего. Еще предстоит закончить новый дом, а его строительство только началось.

Айделфонс произнес серьезным тоном:

— Морреон, нам необходимо кое-что узнать у тебя. Действительно ли ты не занимался изучением неба?

— Совсем немного. Отсюда мало что видно, кроме солнца, и, при хорошей погоде, огромной стены непроницаемого черного цвета, — ответил Морреон.

— Эта черная стена — «Ничто», и твоя планета неизбежно движется прямо к ней. Любая деятельность здесь просто бессмысленна.

Черные глаза Морреона поблескивали от недоверия и подозрений.

— А как вы можете доказать свои слова?

— Достаточно уже того, что мы прибыли сюда с Земли, чтобы спасти тебя.

Морреон нахмурился. Несколько зеленых камней внезапно обесцветились.

— Почему же вы так задержались?

Эо Хозяин Опалов не удержался и издал нервный смешок. Айделфонс бросил на него злобный взгляд.

— Мы лишь недавно узнали доподлинно о твоей судьбе и тотчас заставили Вермулиана перенести нас сюда в своем летучем дворце, — пояснил Риалто.

Бесстрастное лицо Вермулиана скривилось от неудовольствия.

— Заставили — не совсем точное слово. Я уже собирался отправиться в путь, когда остальные настояли на своем участии. А теперь, прошу нас извинить, но мне необходимо переговорить с Морреоном наедине, — сказал Вермулиан.

— Не так быстро! Я не меньше тебя хочу узнать источник камней Иона! — воскликнул Гилгэд.

— Я задам вопрос прилюдно! Морреон, где ты взял свои камни Иона? — вмешался Айделфонс.

Морреон посмотрел на камни.

— Если быть откровенным, то мне и самому не все ясно. Я припоминаю обширную сверкающую поверхность… А почему вы спрашиваете меня о них? От камней немного толку. Во мне просну-

лось столько воспоминаний! Кажется, когда-то у меня были враги и неверные друзья. Необходимо вспомнить все.

Айделфонс поспешил заверить его:

— Здесь ты находишься среди самых преданных друзей, магов Земли. Если я не ошибаюсь, достойный Вермулиан собирается угостить нас самым шикарным обедом в нашей жизни!

Морреон, кисло улыбаясь, заметил:

— Вы, наверное, думаете, что я жил словно дикарь. Не совсем! Я изучил рецепты кухни сагарцев и улучшил кое-что. Из одного только лишайника, покрывающего просторы долин, можно приготовить сто семьдесят различных блюд. В торфе живет масса сочных червей. Несмотря на кажущееся однообразие, мой мир довольно щедр. Если то, что вы рассказали, правда, мне будет жаль покидать эту планету.

— Нельзя не обращать внимания на факты. Камни Иона, я полагаю, найдены в северном полушарии планеты?

— Вряд ли.

— Тогда в южном?

— Я редко посещаю это место. Лишайник там чахлый, а черви худосочные.

Прозвучал удар гонга. Вермулиан проводил

магов в столовую, где огромный стол сверкал от обилия серебра и хрусталя. Маги расселись под пятью большими светильниками. Из уважения к своему гостю, так долго прожившему в полном одиночестве, Вермулиан воздержался от приглашения красавиц прошлого.

Морреон ел не спеша, пробуя понемногу все блюда и сравнивая их с различными кушаньями из лишайника, которыми ему обычно приходилось довольствоваться.

— Я почти забыл о существовании подобной пищи. Смутно припоминаю о пирах, в которых мне доводилось участвовать, — так давно, так бесконечно давно… Куда ушли те годы? Какая часть моей жизни сон? — пока Морреон размышлял, несколько розовых и зеленых камней утратили свой блеск. Морреон вздохнул. — Слишком многое предстоит узнать, слишком многое вспомнить. Некоторые из вас вызывают у меня такое чувство, словно я знал вас раньше.

— Всему свое время. Ты обязательно вспомнишь свою жизнь на Земле. А теперь, коль скоро мы удостоверились, что на этой планете нет камней Иона… — произнес чернокнижник Шру.

— Но мы не уверены! Надо искать, надо прикладывать усилия. Нельзя так быстро сдавать-

ся! — воскликнул Гилгэд.

— Если мы обнаружим камни, первая доля по праву принадлежит мне. Я говорю так во избежание возможных разногласий, — заявил Риалто.

Гилгэд повернул к нему свою хитрую физиономию.

— Что еще за штучки? Твои запросы были удовлетворены из имущества демона Ксексамеда!

Морреон, услышав имя демона, встрепенулся.

— Ксексамед! Я знаю это имя… Откуда? Где? Давным-давно я знал его. Он был моим врагом, кажется… Мысли переполняют мою голову! — после его слов все оставшиеся зеленые камни потускнели. Морреон вздохнул и обхватил голову руками. — Пока вы не появились, мой мир был тих и спокоен. Вы принесли мне сомнения и любопытство.

— Сомнения и любопытство свойственны многим людям, — сказал Айделфонс.

— Маги не являются исключением. Ты готов покинуть планету Сагар?

Морреон молча смотрел в бокал с вином.

— Мне надо собрать книги. Только их я хотел бы взять с собой.

Глава одиннадцатая

Морреон препроводил магов в свои владения. Строения, которые казались случайно уцелевшими остатками древнего города, на самом деле были возведены самим Морреоном по сохранившимся чертежам сагарцев. Победитель демонов показал магам три станка для изготовления одежды. Первый служил для тканья больших полотен; второй для сшивания раскроенных деталей; третий — для изготовления меховой одежды. В одном помещении со станками находилось множество склянок с отбеливателями, красками, закрепителями. В соседнем домике располагалась печь для обжига — здесь Морреон изготавливал глиняные горшки, тарелки, светильники и черепицу. Кузница неподалеку выглядела заброшенной.

— Я кую для себя лишь самые необходимые вещи, без которых невозможно обойтись. Сагарцы практически не оставили на поверхности планеты ни капли руды, — объяснил Морреон.

Затем маги прошли в библиотеку, где сохранилось множество сочинений сагарцев в оригинале; рядом с ними на полках стояли труды самого

Морреона: переводы сагарских классиков, энциклопедия истории, размышления, описательная география планеты с (рисованными картами. Вермулиан приказал своим слугам перенести все книги во дворец.

Морреон бросил прощальный взгляд на унылый ландшафт, который столько эонов верой и правдой служил ему домом, и он успел его полюбить. Не сказав ни слова, он подошел к дворцу и стал подниматься по мраморным ступеням. Вздохнув с облегчением, маги последовали за ним. Вермулиан сразу же отправился в бельведер, где наметил курс на обратный путь к Земле. Дворец плавно поднялся в воздух и полетел.

Через несколько минут Айделфонс удивленно воскликнул:

— «Ничто» совсем рядом! Оно гораздо ближе, чем мы предполагали!

Черная стена почти вплотную приблизилась к планете Сагар.

— Будущее последней звезды предрешено. Похоже, не более чем через час «Ничто» поглотит мир Морреона, — произнес Наставник.

— Давайте подождем и посмотрим! Заодно Морреон убедится в правдивости наших слов, — предложил Херард.

Дворец завис в воздухе. Бледные лучи солнца отражались от хрустальных башен и делали огромными тени магов, стоявших возле балюстрады.

Мир сагарцев встретился со стеной небытия раньше, чем его солнце. Он задел удивительное темное образование, слегка вздрогнул и мягко влился в черную стену, навеки исчезнув в ней. Затем настала очередь солнца. Оно приблизилось к стене, коснулось ее, стало наполовину оранжевым, а затем исчезло, подобно обогреваемой им планете. Тьма окутала дворец магов.

Вермулиан начертил на диске новые символы, вставил его в подобие штурвала, установил двойную скорость, и дворец поплыл назад к звездным галактикам.

Морреон отвернулся от балюстрады и отправился в большой зал, где уселся в кресло и глубоко задумался.

Гилгэд, мягко ступая, приблизился к нему и спросил:

— Быть может, ты вспомнил источник камней Иона?

Морреон встал и пристально посмотрел в глаза Гилгэду, который от неожиданности отступил на шаг назад. Все розовые и зеленые камни утратили

молочный блеск. Лицо Морреона стало жестким и даже суровым.

— Я очень многое вспомнил! Я вспомнил о существовании заговора против меня, заговора врагов, по вине которых я оказался на планете Сагар. Но воспоминания еще не очень отчетливы, я вижу все словно в тумане. Каким-то образом камни тоже замешаны во всем, что произошло. А почему ты проявляешь к ним такой интерес? Не был ли ты одним из моих врагов? Не были ли вы все в их числе? Если так — берегитесь! Я добрый человек, пока никто не встанет на моем пути.

Чернокнижник Шру мягко произнес:

— Мы никогда не были твоими врагами! Если бы мы не спасли тебя с планеты Сагар, ты бы сейчас уже канул в небытие. Разве это недостаточное доказательство?

Морреон мрачно кивнул, однако больше он не казался магам добродушным и приветливым, как при первой встрече.

Чтобы восстановить благодушную атмосферу, Вермулиан поспешил в комнату с волшебными зеркалами, где хранил обширную коллекцию прекраснейших женщин в виде своеобразных матриц. Их можно было оживить с помощью простейшего заклинания. И вот из комнаты одна

за другой стали выходить прекраснейшие женщины прошедших эонов. Каждое их появление во дворце воспринималось красавицами как первое, и неважно, сколько раз до этого Вермулиан уже оживлял их.

Среди тех, кого маг решил пригласить на сегодняшний вечер, оказалась и грациозная Мерсея. Она вошла в большой зал, широко раскрыв глаза от удивления и восхищения, подобно остальным девушкам. Остановившись в замешательстве, она вдруг побежала вперед с криком:

— Морреон! Что ты здесь делаешь? Мне сказали, ты отправился воевать с демонами, и они убили тебя! Слава Священному Лучу, ты жив и здоров!

Морреон в недоумении смотрел на молодую женщину. Розовые и красные камни кружились возле его головы.

— Я уже где-то видел тебя. Когда-то мы были знакомы, — пробормотал он.

— Я Мерсея! Разве ты не помнишь? Ты подарил мне красную розу, растущую в фарфоровой вазе. О, где же я ее оставила? Она всегда была рядом… Но где это я? Впрочем, неважно. Я там же, где и ты.

Айделфонс пробормотал Вермулиану:

— По-моему, ты поступил необдуманно. Следо-

вало осторожнее выбирать девушек.

Вермулиан недовольно поджал губы.

— Она родилась в начале Двадцать Первого Эона, но я не ожидал ничего подобного!

— Прелагаю тебе отвести, ее назад в комнату с матрицами и отправить домой. Морреон сейчас переживает период нестабильности, он нуждается в мире и спокойствии. Лучше не подвергать его столь волнующим экспериментам.

Вермулиан пересек комнату и подошел к Морреону.

— Мерсея, дорогая, не будешь ли ты так любезна пойти со мной?

Мерсея с подозрением посмотрела на мага и дрожащим голосом обратилась к Морреону:

— Неужели ты до сих пор не узнаешь меня? Все так странно. Я ничего не понимаю, словно во сне. Морреон, я сплю?

— Идем, Мерсея. Мне надо поговорить с тобой, — вежливо, но настойчиво повторил Вермулиан.

— Стой! Маг, не приближайся к ней! Когда-то очень давно я любил; это прекрасное существо.

Девушка удивленно вскрикнула:

— Когда-то давно? Это было всего лишь вчера! Я вдыхала аромат розы, смотрела на небо. Демоны

отослали тебя на планету Джанк возле красной звезды Керкажу, глаз созвездия Полярной Обезьяны. А теперь мы оба здесь. Что это означает?

— Ах, как неразумно! — пробормотал Айделфонс. — Морреон, не подойдешь ли ты ко мне? Я вижу необычное сцепление галактик. Не сюда ли переселились сагарцы?

Морреон положил руку на плечо девушки и посмотрел ей в глаза.

— Красная роза цветет, и так будет всегда. Мы находимся среди магов, и необычные дела творятся вокруг, — он взглянул сначала на Вермулиана, потом на Мереею. — Иди вместе с Вермулианом Путешествующим По Сновидениям. Он покажет твою комнату.

— Да, дорогой Морреон, но когда я снова увижу тебя? Ты выглядишь так странно — откуда эти морщины? Ты сильно постарел и говоришь на необычном языке…

— Иди же, Мерсея. Мне необходимо переговорить с Айделфонсом.

Вермулиан отвел Мереею в комнату с матрицами. В дверях девушка заколебалась, обернулась назад, но Морреон уже направился к Айделфонсу. Мерсея последовала за Вермулианом, и дверь комнаты захлопнулась за ними.

Морреон вошел в павильон, прошел мимо темных лимонных деревьев с серебряными плодами и остановился у балюстрады. Небо все еще оставалось темным, хотя впереди можно было различить светящиеся галактики. Морреон приложил ладонь ко лбу; розовые камни и несколько красных постепенно поблекли.

Победитель демонов подошел ближе к Айделфонсу и вышедшим на террасу магам. Он сделал шаг вперед, и камни Иона плавно двинулась за ним. Некоторые все еще оставались ярко-красными, некоторые поблескивали голубым или синим. Все остальные приобрели жемчужный цвет. Один из таких камней завис прямо перед глазами Морреона. Он взял камень в руку, некоторое время мрачно рассматривал его, потом отпустил… Блестя и переливаясь, камень мгновенно обрел прежний цвет и присоединился к остальным.

— Воспоминания приходят и уходят. Я никак не могу прийти в себя. Перед глазами возникают лица, потом вновь исчезают. Кое-что я помню наверняка. Демоны и камни Иона… я знаю кое-что о них, но все так неопределенно, что лучше я попридержу язык…

— Не стоит! Нам интересно каждое твое воспо-

минание! — воскликнул Эо Хозяин Опалов.

— Безусловно! — поддакнул Гилгэд.

Губы Морреона растянулись в улыбке, одновременно сардонической, жестокой и меланхоличной.

— Хорошо, я расскажу то, что смог вспомнить, даже если это всего лишь сон. Похоже, меня послали на Джанк с миссией — кажется, узнать источник камней Иона. Я прибыл на Джанк. До сих пор отлично помню ландшафт планеты демонов… Передо мной стоял огромный дворец из розового жемчуга. Во дворце я встретился с демонами. Они тряслись от страха при виде меня и не посмели возразить, когда я потребовал открыть источник камней Иона. Демоны убедили меня, что мы отправимся собирать камни, и мы действительно сели в странный экипаж и оправились в путь. Демоны молчали и искоса поглядывали в мою сторону. Потом вдруг они стали чересчур вежливыми и веселыми, и я заподозрил неладное. Однако нельзя сказать, что мне стало страшно. Их магия мне отлично известна, да и все противоядия были с собой — в любой момент можно уничтожить их всех. Демоны стали слишком болтливыми, постоянно шутили, и я приказал им остановиться. Они мгновенно

остановили экипаж и молча уставились на меня. Мы прибыли на самый край вселенной, в ужасное и пугающее место. Там скопились залежи космического мусора, чернели мертвые планеты и погасшие солнца. Я помню множество белых карликов, состоящих из столь плотной субстанции, что их песчинка весила больше, чем земные горы. Демоны заявили, что внутри мертвых звезд и добываются камни Иона. Я спросил, каким образом их достают на поверхность, роют ли для этого тоннели. Демоны только посмеялись над моим незнанием. Я разозлился, и они сразу же прекратили всякие шутки. Заговорил Ксексамед. От него я узнал, что ни человек, ни маг не в силах проникнуть в глубины этих звезд. Необходимо подождать.

Вдалеке появилось «Ничто». Заброшенные спутники и планеты иногда попадали в поле черной стены и исчезали в ней. Демоны принялись что-то подсчитывать, спорить и ругаться. Наконец они посадили экипаж на странную плоскую поверхность, и дальше мы двигались очень осторожно, внимательно осматривая дорогу, прежде чем сделать очередной шаг. На поверхности человек не был защищен от действия законов гравитации и без специальных приспособлений

просто не смог бы сдвинуться с места. Он лежал бы, прикованный к земле. Демоны снабдили меня особыми пластинами, невосприимчивыми к гравитации, и с их помощью я смог ходить по поверхности.

Пейзаж был довольно странным. «Ничто» темнело вдалеке. Зеркальная долина, в которой мы находились, простиралась на пятнадцать миль. Лишь в самом центре ее виднелись какие-то возвышения. Здесь-то и находился источник камней Иона, лежавших в гнездах черной грязи.

Добыть камень не так-то просто. Черная грязь, как и пластины для ходьбы, не подпадает под действие гравитации. Приходилось на шаг отходить от пластины и вставать прямо на грязь. Но тут необходимо соблюдать одно правило. Грязь, когда вынимаешь из нее камень, всасывает другой объект поблизости, поэтому необходимо уравновешивать себя чем-то вроде якоря, чтобы устоять на месте. Демоны кидали небольшие крюки в грязь и привязывали себя к ним веревкой. Так поступил и я. С помощью специального инструмента грязь прощупывалась — довольно трудное занятие, скажу я вам. Дело в том, что по своей структуре слои грязи очень плотные и тяжелые. Тем не менее, приложив массу усилий, я достал

свой первый камень Иона. На радостях я поднял его высоко над головой и обнаружил, что демоны исчезли. Пока я работал, они украдкой вернулись в экипаж! Я огляделся в поисках пластин для ходьбы, но они тоже пропали!

Я зашатался и едва не увяз в грязи. В гневе я выкрикнул страшное заклятье на предателей, но демоны вытянули перед собой только что добытые камни Иона, и магия впиталась в них, словно вода в губку.

Демоны не сказали ни слова, даже не подали виду, что рады победе надо мной, исходящую от меня угрозу они считали незначительной. На планете, которая находилась в опасном соседстве со стеной мрака, моя судьба была предрешена. Так думали и демоны.

Пока Морреон говорил, камни продолжали по очереди тускнеть; голос героя дрожал от волнения, ибо он вспоминал не лучшие дни своей жизни.

— Я остался совсем один. Я не мог умереть, ибо на мне лежало заклинание Защиты от Голода. Но нельзя было сделать ни шагу по поверхности черной грязи, иначе я превратился бы в контур человека на поверхности сверкающих полей.

Пришлось стоять неподвижно. Как долго — я

не знаю. Года? Десятилетия? Я не помню. Тот период кажется мне дурным сном. Я пытался найти выход и поседел от отчаяния. От скуки стал добывать камни Иона, и отыскал те, что теперь сопровождают меня повсюду. Они стали моими друзьями и принесли утешение. Камни поддерживали меня в трудную минуту, когда, сходя с ума от отчаяния, я придумал способ спасения. Я брал частицы грязи, смачивал их своей кровью, чтобы получалась тестообразная масса, и лепил из нее нечто вроде плоской тарелки четырех футов в диаметре.

Наконец тарелка была готова. Я встал на нее, привязал к поясу веревку от якоря. И полетел прочь от ужасной полузвезды, которая так долго была мне тюрьмой.

Я свободен! В полном одиночестве я плыл на своей тарелке в космическом пространстве. Вы не представляете, что чувствует человек-, стоящий посреди Вселенной и не знающий, куда ему идти. Вдалеке виднелась одинокая звезда — не оставалось другого выбора, кроме как направиться к ней.

Сколько времени заняло путешествие — не могу сказать. Когда половина пути оказалась позади, я чуть замедлил скорость. Я плохо помню то

путешествие. Я разговаривал с камнями, делился с ними своими мыслями. Беседы принесли мне спокойствие, а первые сто лет на пути к звезде прошли в разработке планов отмщения. Во мне клокотала жгучая ненависть к врагам. О, одной лишь ее капли хватило бы на всех! Какие только пытки я ни придумывал для демонов! Ненависть питала меня и делала сильнее в те далекие годы. Иногда на меря находила жуткая меланхолия — пока все люди наслаждались прелестями жизни, устраивали пиры, радовались дружбе, превозносили любимых, я стоял один среди тьмы и пустоты. Справедливость еще восторжествует, убеждал я себя. Мои враги будут страдать так же, как страдаю я, и еще сильнее! Однако со временем чувства притуплялись, а чем лучше камни узнавали меня, тем более интенсивную окраску приобретали и тем ярче сверкали. У каждого есть имя; каждый неповторим; я узнаю камни по манере движения. Демоны считали камни вместилищами разума огненного народа, жившего внутри звезд. Кто знает, быть может, они недалеки от истины.

Наконец я прибыл в свой мир. Там я похоронил ненависть, стал спокойным и безмятежным, таким, каким вы меня знаете. Моя душа жаждала

иной жизни. Так, зон за эоном, я стал строить дом, кузницу, мастерские, каменные пирамиды.

Затем мое внимание привлекли сагарцы. Я читал их книги, изучал накопленные ими знания… Похоже, я создал сон и жил в нем. Прежняя жизнь осталась безумно далеко, и я почти перестал вспоминать ее. Забавно, что я так легко заговорил на прежнем языке. Вероятно, камни хранили мои знания и вернули их, когда возникла необходимость. Ах, мои драгоценные камешки, чем бы я стал без вас? А теперь я снова среди людей и вспомнил, какой была моя жизнь. Откровенно говоря, я вспомнил почти все.

Морреон задумался на некоторое время, и несколько голубых и алых камней мгновенно угасли.

Морреон вздрогнул, словно его ударило электрическим импульсом, и волосы у него на голове встали дыбом от воспоминаний.

Морреон медленно шагнул вперед, и некоторые маги от неожиданности подскочили на своих местах.

Морреон заговорил иным голосом, не осталось и следа от прежнего, задумчивого. Теперь голос героя стал хриплым и резким.

— Вот теперь я могу быть откровенным с

вами, — он переводил взгляд сверкающих черных глаз с одного мага на другого. — Я сказал, что ярость и ненависть угасли с годами; это правда. Вздохи, терзавшие мое горло, скрежет, разрушавший зубы, злость, затуманивавшая рассудок, — все поблекло; мне нечем стало питать чувства. После горьких размышлений пришла меланхолия, потом умиротворение, которое вы нарушили.

Теперь я чувствую себя совсем иначе! Прошлое встает перед глазами, но я сильно изменился за эти годы. Я стал хладнокровным человеком; возможно, никогда уже не смогу ощутить той силы эмоций, которая овладевала мною раньше. С другой стороны, кое-что из прошлого все еще неопределенно, — еще один алый камень утратил яркий блеск. Морреон весь напрягся, голос его обрел новую силу. — Преступление, совершенное надо мной, взывает к мести! Демоны Джанка заплатят самую высокую цену за то, что сотворили со мной! Вермулиан, начерти новые знаки на своем диске! Мы должны отправиться на Джанк немедленно!

Вермулиан посмотрел на коллег, чтобы узнать их мнение.

Айделфонс откашлялся и произнес:

— Я предлагаю нашему гостеприимному хозяину сначала остановиться на Земле, чтобы те из нас, у кого есть неотложные дела, смогли вернуться домой. Остальные же могут продолжить путешествие и отправиться вместе с Вермулианом и Морреоном на Джанк. По-моему, лучшего выхода не найти.

Морреон абсолютно спокойным тоном произнес:

— Нет более неотложного дела, чем мое. Оно и так слишком долго ожидало решения. Вермулиан, пусть дворец летит быстрее! На Джанк!

Туман Зачарованной Воды неуверенно пробормотал:

— Было бы нехорошо не напомнить тебе, что демоны довольно могущественные маги. Как и ты, они обладают камнями Иона.

Морреон сделал резкое движение, рассекая рукой воздух, в котором появились десятки искр.

— Магия питается личной силой человека! Одной моей ненависти достаточно, чтобы уничтожить всех демонов. Победа будет за мной! Они еще пожалеют о своем злодеянии!

— Сдержанность признана лучшей из добродетелей. Демоны давным-давно забыли даже о твоем существовании, и месть покажется им

несправедливым наказанием, — заметил Айделфонс.

Морреон снова окинул магов взглядом сверкающих глаз.

— Я не согласен с твоей концепцией. Вермулиан, подчиняйся!

— Хорошо, мы отправляемся на Джанк, — произнес Вермулиан.

Глава двенадцатая

Айделфонс восседал на мраморной скамье между двумя лимонными деревьями с серебряными плодами. Риалто стоял возле него, манерно поставив одну ногу на край скамьи. Такая поза придавала некий драматизм его новой розовой накидке с белыми полосами. Маги плыли мимо тысяч звезд чужих галактик; самые близкие звезды освещали дворец то сверху, то снизу, то сбоку; хрустальные башни отражали миллионы лучей.

Риалто уже выразил свои опасения относительно развития событий. Теперь он снова заговорил, еще более обеспокоенный.

— Все говорит о том, что Морреон утратил всякую гибкость. С ним просто невозможно договориться.

Айделфонс раздраженно заметил:

— Его сила порождена истерией, она распыляется без пользы и не имеет четкой цели.

— Вот в том-то и заключается опасность! Что, если в один прекрасный момент он решит направить свой гнев на нас?

— Ба-а! Ну и что? Ты сомневаешься в моем могуществе? Или в своем? — спросил Айделфонс.

— Осторожный человек должен предусматривать случайности. Помни: кое-что из прежней жизни Морреон еще не вспомнил, — с достоинством ответил Риалто.

Айделфонс принялся задумчиво теребить бороду.

— Зоны изменили всех нас; Морреон не является исключением.

— Вот об этом я и думаю последнее время. Всего час назад я решил провести небольшой эксперимент. Морреон прогуливался по третьему балкону, наблюдая за звездами. Он не обращал внимания ни на что вокруг, и я воспользовался удобным случаем, чтобы проверить, как действует на него магия. Сначала я сотворил слабое заклятье раздражительности — Внутреннее Беспокойство по Хуларту — без всякого видимого эффекта. Потом я попробовал низшую версию

Настойчивого Зуда по Лугвайлеру, и снова безуспешно. Зато я заметил, что камни Иона вокруг него засветились, поглощая магию. Тогда я сотворил свою собственную Зеленую Суматоху; камни сверкнули слишком ярко, и тут Морреон заподозрил неладное. К счастью, мимо проходил Бизант Некромант, и Морреон обвинил его в случившемся. Бизант отрицал свое вмешательство, и я оставил их ссорящимися. Каковы же выводы? Во-первых, камни Морреона защищают его от вражеской магии; во-вторых, он бдителен и полон подозрений; в-третьих, он не тот человек, который прощает оскорбления.

Айделфонс серьезно кивнул.

— Необходимо иметь это в виду. Теперь я начинаю понимать план Ксексамеда: он знал, что Морреон чрезвычайно опасен и для нас тоже. Однако взгляни, что это там впереди? Похоже на созвездие Электы. Значит, мы уже недалеко от дома. Где-то поблизости находится Керкажу и Джанк.

Оба мага вышли к балюстраде.

— Ты прав! Это Керкажу; я узнаю ее алое свечение! — воскликнул Риалто.

В поле зрения появилась планета Джанк: планета, обладающая необычным темным сиянием.

Слушая указания Морреона, Вермулиан направил дворец вниз к скалам Танцующих В Темноте на южном побережье Серебряного Океана. Предохраняясь от ядовитых испарений, маги спустились по мраморным ступеням и сошли на землю. На несколько сотен ярдов вокруг простирались грязевые бассейны. Неподалеку маги увидели так называемых «драконов» Джанка — странных существ шести футов в диаметре, пасшихся на поросшей мхом поляне. К востоку, у самого берега моря, располагался город Калеш.

Морреон, стоя по щиколотку в грязи, вдыхал вредные пары с таким наслаждением, словно это были духи любимой женщины.

— Моя память возвращается. Я помню этот пейзаж, как будто лишь вчера покинул Джанк. Кое-что здесь изменилось. Вон тот горный пик разрушился почти наполовину; грязевое поле тоже уменьшилось в размерах. Неужели все происходило так давно? Пока я строил свои мастерские и корпел над книгами, прошли эоны. А сколько лет я добирался до планеты Сагар на диске из собственной крови и звездной пыли? Идемте в Калеш. Раньше там любил бывать демон Персейн.

— А когда ты встретишься со своими врага-

ми, что будет? Ты уже приготовил карательные заклинания? — осторожно поинтересовался Риалто.

— Разве есть нужда в заклинаниях? Смотрите! — он вытянул вперед руку и из пальцев вылился поток энергии, расколовший огромный валун на сотню частей. Маг сжал кулаки; раздался громкий хруст, словно кто-то скомкал кусок пергамента. Быстрым шагом Морреон направился в Калеш.

Жители города видели, как неподалеку опустился странный дворец, и многие собрались на вершине холма. Будучи демонами, все они обладали голубой чешуей вместо кожи. Осмиевые веревки поддерживали черные перья у мужчин; зеленое оперение женщин свободно колыхалось при ходьбе. Все демоны были не меньше восьми футов ростом, худые, словно ящерицы.

Морреон воскликнул:

— Персейн, выходи вперед!

Один из мужчин ответил:

— В нашем городе нет Персейна.

— Что? Нет демона Персейна?

— Нет никого с таким именем. Местного управителя зовут Эворикс, но он в спешке отбыл куда-то, едва завидев ваш необычный дворец.

— Кто хранит хроники города?

Еще один мужчина вышел вперед и ответил:

— Я выполняю эту функцию.

— Был ли ты знаком с демоном Персейном?

— Я слышал о некоем Персейне, которого проглотила гарпия в последнем периоде Двадцать Первого Эона.

Морреон громко застонал.

— Он избежал кары! А как насчет Ксексамеда?

— Он покинул Джанк. Никто не знает о его дальнейшей судьбе.

— Джорин?

— Он живет в розовом жемчужном дворце посреди океана.

— Ага! А Оспро?

— Мертв.

Морреон снова заскрежетал зубами.

— Вексель?

— Мертв.

Так, имя за именем, Морреон вспоминал всех своих врагов. Лишь четверо из них выжили.

Когда герой повернулся к магам, лицо его стало еще мрачнее и серьезнее. Казалось, он не видел наблюдавших за ним магов Земли. Все алые и голубые камни утратили былой блеск.

— Только четверо выжили… Лишь четверым до-

станется вся моя ненависть… Этого недостаточно! Нет, недостаточно! Все остальные освободились! Избежали справедливой кары! Идем же! Идем во дворец Джорина! — Морреон сделал широкий жест рукой.

На летучем дворце Вермулиана они добрались до центра океана. Солнечные лучи отражались от какой-то блестящей поверхности. На плавучем острове посреди океана стоял замок в форме гигантской розовой раковины.

Дворец Вермулиана снизился и завис возле замка. Морреон спустился по ступеням и приблизился к жилищу Джорина. Круглая осмиевая дверь отворилась, и навстречу магам вышел девятифутовый демон с черными перьями трех футов в длину, которые колыхались над головой.

Морреон обратился к нему:

— Позови Джорина. У меня к нему дело.

— Джорин в замке! У нас было предчувствие! Ты земляная обезьяна Морреон из далекого прошлого. Берегись, мы готовы к встрече с тобой.

— Джорин! Выходи! — воскликнул Морреон.

— Джорин не выйдет, как и Арвианид, Инфикс, Геркламон и другие демоны Джанка, прибывшие сюда объединить усилия в борьбе с тобой. Если ты жаждешь мести, то обрати свой гнев на на-

стоящих врагов и не занимай наше время, — с этими словами демон вошел в замок и закрыл за собой дверь.

Морреон окаменел от возмущения. Мун Философ вышел вперед и сказал:

— Я выманю их наружу Голубым Извлечением по Хуларту! — он выкрикнул заклинание в сторону замка, но ничего не произошло. Риалто испытал свое заклятье, и тоже безрезультатно. Затем Гилгэд направил на стены замка Мгновенный Гальванический Луч. Удар не нанес вреда даже гладкой поверхности стен.

— Бесполезно. Их камни Иона поглощают магию, — произнес Айделфонс.

Настала очередь демонов проявить активность. В стене открылось сразу три окна, и три заклятья одновременно исторглись оттуда. Камни Морреона приняли удар на себя и лишь ярче засверкали.

Морреон сделал три шага в сторону замка, вытянул руку вперед и направил указательный палец на осмиевую дверь. Дверь пошатнулась, заскрипела, но осталась стоять на месте.

Морреон направил руку на хрупкий перламутр, покрывавший стены замка, но энергия его заклятья отразилась и рассеялась в воздухе.

Тогда на очереди оказались сваи, поддерживающие замок над водой. Они взорвались, замок накренился, перевернулся и стал падать вниз со скал. Время от времени от него отлетали башенки и балконы, остатки здания рухнули в Серебряный океан. Течение понесло их прочь от острова. Через окна и трещины наружу выбирались демоны, карабкаясь по скалам. Почти все стремились в одному и тому же утесу, который, не выдержав веса собравшихся, рухнул в воду. Многие демоны утонули, другие пытались выбраться на берег, некоторые, уже мертвые, лежали на поверхности воды, раскинув руки. Порывы ветра несли остатки замка по волнам. Группа гарпий Джанка заметила тонущих, и чудища не замедлили прилететь на пиршество.

Морреон повернулся к магам Земли. Лицо его посерело.

— Фиаско. Я ничего не добился, — пробормотал он.

Неуверенным шагом герой направился ко дворцу Вермулиана.

На мраморных ступенях Морреон вдруг остановился и спросил:

— Что они имели в виду под «истинными врагами»?

Ему ответил Айделфонс:

— Образное выражение. Идем в павильон. Не помешает освежиться вином. Твоя месть состоялась, а теперь… — голос его замирал по мере того, как Морреон поднимался по ступеням. Один из голубых камней вдруг утратил свой свет, и Морреон замер, словно окаменев от внезапной боли. Он обернулся и пристально всматривался в лица магов.

— Я помню одно лицо, лицо человека с лысой головой, черными бакенбардами. Он довольно полный… Как же его звали?

— Все это дела давно минувших дней. Лучше выброси их из головы, — произнес чернокнижник Шру.

Еще несколько голубых камней потускнели: глаза Морреона заблестели еще ярче.

— Демоны прибыли на Землю. Мы победили их. Они молили оставить им жизни. Так мне кажется… Главный маг спросил у них об источнике камней Иона. Ах! Как же его звали? У него была привычка теребить бакенбарды… Красивый мужчина, большой щеголь — я почти вижу его лицо — он сделал предложение главному магу. А! Теперь все проясняется! — оставшиеся голубые камни погасли один за другим. Лицо Морреона

пылало. Вот погас последний камень.

Морреон заговорил мягким вкрадчивым голосом, тщательно отбирая слова:

— Главного мага звали Айделфонс. Щеголем был Риалто. Я помню каждую минуту. Риалто предложил, чтобы я отправился на поиски источника камней Иона; Айделфонс поклялся защищать мою жизнь как свою собственную. Я доверял им. Я доверял всем магам в той комнате. Там были Гилгэд, Хуртианкц, Мун Философ, Пэргастин. Все мои дорогие друзья, присоединившиеся к клятве оберегать мою жизнь. Теперь я знаю врагов в лицо. Демоны обращались со мной как с врагом. Друзья отправили меня в путешествие, и ни разу не задумались о том, что со мной сталось. Айделфонс, что ты можешь сказать в свое оправдание, прежде чем я отправлю тебя на двадцать эонов в такое место, которое известно мне одному?

Айделфонс неуверенно произнес:

— Остынь, не стоит принимать все так близко к сердцу. Все хорошо, что хорошо кончается. Мы успешно воссоединились и знаем источник камней Иона!

— За каждое мое страдание ты заплатишь двадцатикратную цену. То же относится к Риалто,

Гилгэду, Муну Философу, Херарду и всем присутствующим. Вермулиан, покинь дворец. Мы вернемся туда, откуда пришли. Удвой скорость.

Риалто посмотрел на Айделфонса, но тот лишь пожал плечами в ответ.

— Неизбежно, — произнес Риалто и сотворил заклинание Остановки Времени. Тишина опустилась на комнату. Маги стояли неподвижно, словно статуи.

Риалто связал тесьмой руки Морреона, затем проделал то же самое с ногами, вставил кляп в рот, чтобы маг не смог выкрикнуть заклинание. Отыскав сеть, Риалто собрал в нее камни Иона, окружавшие голову Морреона. Немного подумав, он повязал на глаза героя повязку.

Все возможное было сделано. Риалто снял заклинание. Айделфонс быстро шел по павильону, Морреон пытался двигаться, не веря в происходящее. Вместе с Риалто Наставник повалил Морреона на мраморный пол.

— Вермулиан, позови своих слуг. Пусть они привезут тележку. Надо отвезти Морреона в темную комнату. Его ожидает заклятье, — произнес Айделфонс.

Глава тринадцатая

Риалто обнаружил свою усадьбу в том же состоянии, в котором покинул ее — только древние ворота, разрушенные разрядом Гилгэда, были восстановлены. Вполне удовлетворенный их видом, маг вошел в одну из дальних комнат. Там он приоткрыл дверцу между измерениями и спрятал сеть с камнями Иона, когда-то принадлежавшими Морреону. Некоторые из них отливали ярко-голубым цветом, другие поражали глубоким алым цветом; некоторые были розовыми, бледно-зелеными, фиолетовыми.

Риалто печально покачал головой и закрыл дверцу. Вернувшись в рабочий кабинет, он застал Пуираса среди Минускулов и вернул ему прежнее обличье.

— Раз и навсегда говорю тебе, Пуирас, что больше не нуждаюсь в твоих услугах. Ты можешь снова присоединиться к Минускулам, или взять деньги и уйти.

Пуирас протестующе взревел:

— Я стер пальцы до костей за работой, но вот что слышу в благодарность!

— Я не намерен спорить с тобой. По сути, я уже

присмотрел тебе замену.

Пуирас увидел высокого человека с рассеянным взглядом, вошедшего в комнату.

— Речь о нем? Удачи ему во всем, а мне отдайте деньги — только настоящее золото, а не монеты, которые превращаются в лягушек или черепки.

Пуирас взял деньги и ушел. Риалто заговорил с новым слугой:

— На первый раз вычисти авиарий. Если обнаружишь мертвые тела, относи их в сторону. Затем отполируй паркет в большом зале...

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник В. Домогацкая

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента Ralph M.Vicinanza Ltd. c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 19.03.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 10000 экз. Заказ № 857.

Вэнс Д.

Умирающая Земля: Сб. фантаст. романов: Пер. с англ. / Д. Вэнс. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 727, [9] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-008006-9

Джек Вэнс (родился в 1916 г.) — один из ярких представителей американской фантастики XX в., лауреат премий «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези за «общий вклад в развитие жанра».

Талант Джека Вэнса удивительно многогранен, ибо перу его в равной степени подвластны фантастика «классическая», фантастика «приключенческая», фэнтези во всех возможных ее проявлениях — и самые невероятные, но всегда удачные гибриды вышеперечисленных жанров.

Перед вами — САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ СЕРИАЛ Джека Вэнса.

Своеобразная «квинтэссенция» его творческих «стиля и почерка». Потрясающая воображение, увлекательная сага «Умирающая Земля».

Сага о декадентском закате цивилизации, увиденной взглядом настолько посторонним, что наука, на взгляд этот, кажется — магией. Сага о планете, которой осталось жить всего-то несколько десятилетий. Сага о тех, кто тоскует о грядущей гибели Земли, и о тех, кто гибели этой — ждет.

Перед вами — сериал, повлиявший на творчество самых блестящих писателей мировой фантастики, в том числе — на «Гиперион» Дэна Симмонса.

Хотите знать — ПОЧЕМУ?

Прочитайте — и узнайте сами!

ISBN 5-17-008006-9